SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Т. VIII. 3-4

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1904 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

VIII тома (1903 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сказаніе о Софіи Цареградской въ Еллинскомъ лѣтописцѣ и въ хронографѣ.

I.

Въ 1900 году мною была напечатана въ Лѣтописи Ист.-Фил. Общества при Новороссійскомъ Университетѣ статья: «Византійско-славянскія сказанія о созданіи храма св. Софіи Цареградской». Съ той поры появились двѣ статьи Т. Прегера [1]), который собралъ и изучилъ всѣ греческіе списки Сказанія о Софіи Цареградской и среди нихъ древнѣйшіе (XII в.), тогда какъ я могъ пользоваться лишь немногими и при томъ не древними; вслѣдствіе этого, послѣ изученія статей Прегера, я считаю себя обязаннымъ внести въ свои выводы тѣ дополненія и поправки, которыя вызываются результатами этихъ статей. Съ другой стороны, въ упомянутой статьѣ моей былъ и другой пробѣлъ: по отсутствію на мѣстѣ (въ Одессѣ) необходимаго рукописнаго матеріала, былъ оставленъ въ сторонѣ вопросъ о судьбѣ Сказанія о Софіи Цареградской въ Еллинскомъ лѣтописцѣ и въ русскихъ хронографахъ; а между тѣмъ именно этотъ вопросъ является весьма важнымъ, такъ какъ Сказаніе, повидимому, не жило от-

1) Th. Preger, Die Erzählung vom Bau der Hagia Sophia (Byz. Zeitschr. X, 1901) и Введеніе къ «Scriptores originum Constantinopolitarum» (Lipsiae, 1901), гдѣ изданъ между прочимъ и греческій текстъ Сказанія съ варіантами какъ древнѣйшихъ снимковъ, такъ и болѣе позднихъ.

дѣльной жизнью, внѣ Ел. лѣтописца и хронографовъ, съ которыми и должна быть связана судьба его въ русской литературѣ. Разсмотрѣнію этого вопроса я и посвящаю настоящую статью; но предварительно сдѣлаю нѣсколько замѣчаній объ исторіи Сказанія въ византійской литературѣ, какъ эта исторія выясняется послѣ трудовъ Прегера.

Составленіе Сказанія о созданіи храма Софіи Цареградской, по выводу Прегера, должно быть относимо ко времени иконоборчества, т. е. не позже половины IX вѣка. Этотъ выводъ основывается на слѣдующемъ соображеніи: въ Сказаніи, которое даетъ такое подробное описаніе внутренняго вида храма, что, напр., даже сообщаетъ подробности рисунка, составленнаго изъ разноцвѣтныхъ кусковъ мрамора на полу храма, — вовсе не говорится объ украшеніи храма иконами, мало того, — даже нѣтъ ни одного упоминанія объ иконахъ. Эта подробность сохраняется и въ древнѣйшихъ и въ другихъ, болѣе позднихъ греческихъ спискахъ. Славянскіе же списки [1]) внесли всего два упоминанія объ установленныхъ впослѣдствіи иконахъ: очевидно, позднѣйшая прибавка, тѣмъ болѣе что даже есть указаніе, что одна изъ этихъ иконъ была поставлена Константиномъ Багрянороднымъ (половина X в.). Прегеръ отмѣчаетъ еще отсутствіе упоминанія о мозаикѣ и относитъ появленіе ея ко времени послѣ иконоборчества, ссылаясь на то, что Павелъ Силентіарій и Прокопій ничего не говорятъ о ней; отсюда онъ дѣлаетъ выводъ (согласно Зальценбергу), что мозаика появилась послѣ собора 843 года, а слѣдовательно и отсутствіе упоминанія о ней—тоже доводъ въ пользу устанавливаемаго имъ времени происхожденія Сказанія. Съ этимъ я согласиться не могу, потому что въ самомъ Сказаніи есть упоминаніе о мозаикѣ: *καί ταχέως ἐμουσείωσεν αὐτόν (τόν τροῦλον)* [2]): скόро подписавь мꙋсꙋкїею [3]). Была ли это мозаика, украшавшая только куполъ или и стѣны, какъ можно вывести изъ славянскаго

---

1) Ихъ Прегеръ не знаетъ и не касается вовсе.
2) Изд. Прегера, стр. 106, стр. 8.
3) Библ. Нов. Унив. № 104, л. 191.

текста, сказать трудно; во всякомъ случаѣ, этимъ указаніемъ должна быть ослаблена доказательная сила этого довода Прегера. Но за то въ полной силѣ долженъ оставаться доводъ объ эпохѣ иконоборства, какъ времени, когда, вѣроятнѣе всего, составилось Сказаніе. Авторъ его неизвѣстенъ; для краткости назову его A_1 (Anonymus).

Трудъ этого A_1 въ 995 году вошелъ въ составъ труда другого Анонима, извѣстнаго подъ именемъ Кодина, хотя, несомнѣнно, Кодинъ былъ писателемъ болѣе поздняго времени — около времени паденія Константинополя — и не былъ авторомъ этого сочиненія (Origines Constantinopolitanae — Πάτρια). Этотъ Анонимъ (назову его AK_2) воспользовался Сказаніемъ, внеся въ него нѣкоторыя измѣненія: такъ, содержаніе первой части (§§ I—XIV по изд. Прегера) было полностью заимствовано имъ съ измѣненіемъ развѣ только нѣкоторыхъ выраженій; во второй же части имъ были сдѣланы сокращенія, перестановки, дополненія изъ другихъ источниковъ и даже пропуски (§§ XVIII и XXIV); тѣмъ не менѣе AK_2 мѣстами даетъ чтенія, очевидно, точно передающія оригиналъ A_1, мѣстами вноситъ добавленія, заслуживающія вниманія.

Вторая передѣлка Сказанія относится ко времени Алексѣя I Комнина (1081—1118) и принадлежитъ тоже анонимному автору (A_3), который безъ особыхъ измѣненій повторилъ въ IV книгѣ своего труда о древностяхъ Константинополя первоначальный текстъ Сказанія — A_1. Текстъ этотъ изданъ Bandurі, Imp. Orientale, t. I, Paris 1711, и перепечатанъ Минемъ въ 122 томѣ Патрологіи (series graeca). Этотъ же текстъ съ варіантами и поправками древнѣйшихъ списковъ напечатанъ и у Прегера въ Scriptores originum Constantinopolitarum.

Дальнѣйшія греческія передѣлки Сказанія относятся ко времени послѣ паденія Константинополя. Прегеръ объясняетъ появленіе ихъ тѣмъ, что Cpoli a Turcis capta et Graeci et Itali studebant, ut de aedificiis illius urbis tam graviter afflictae scitu digna comperirent. Эти передѣлки болѣе или менѣе далеко от-

стоять отъ оригинала Сказанія, за исключеніемъ шести списковъ, сохраняющихъ порою довольно вѣрныя чтенія. Наконецъ, можно отмѣтить также и то обстоятельство, что Сказаніе въ значительно измѣненномъ видѣ вошло и въ болѣе позднія сочиненія — Михаила Глики, Псевдо-Дорофея Монемвасійскаго [1]) и друг.

Древнѣйшіе греческіе списки Сказанія относятся къ XII вѣку и, хотя не представляютъ точнаго первоначальнаго текста Сказанія, однако даютъ возможность возстановить его болѣе или менѣе удачно. Это суть: 1) Vaticanus 697 f., 2) Parisinus gr. 1712 f. 3) Parisinus Coislinianus 296 f. Съ ними почти вполнѣ сходятся списки XV вѣка—Paris. 1783 и 1788, и Vatic. Palat. 328 (XIV—XV в.). Это суть списки наиболѣе важные для исторіи Сказанія въ славяно-русской литературѣ, потому что отъ редакціи ихъ, какъ основной, исходятъ всѣ славяно-русскія редакціи. Лишь одинъ списокъ—Библ. Нов. Унив. № 68 (сербскій) долженъ быть возводимъ къ Кодину и представляетъ очевидный переводъ одного изъ списковъ его. Прочіе греч. списки см. въ указанномъ изданіи Прегера — Scriptores Originum Cpolitarum.

Въ статьѣ: «Die Erzählung vom Bau der Hagia Sophia» Прегеръ, кромѣ указаннаго, занимается еще вопросомъ о степени достовѣрности Сказанія, какъ источника для археологическихъ выводовъ: онъ отдѣляетъ привходящій въ Сказаніе элементъ легенды [2]), и подробно разсматриваетъ показанія Сказанія о внутреннемъ устройствѣ храма и расположеніи въ немъ священныхъ предметовъ, сравнивая ихъ съ показаніями другихъ источниковъ (Павла Силентіарія, Прокопія и друг.); выводъ, къ которому приходитъ авторъ, — необходимость давать больше вѣры показаніямъ Сказанія, чѣмъ это дѣлаетъ Swainson и другіе изслѣдователи [3]). Хотя этотъ вопросъ и не касается близко цѣли

1) Хроника 1570 г.; текстъ Сказанія изъ нея былъ изданъ мною въ упомянутой статьѣ по списку 1602 года И. П. Б. gr. 482.

2) Разсказы о чудесныхъ явленіяхъ ангела, о существованіи 365 дверей въ храмѣ и т. п.

3) «Ich glaube gezeigt zu haben, dass die Angaben der Διήγησις für die Kenntniss der H. Sophia doch viel wichtiger sind, als sie von Swainson und anderen angesehen werden». (Byz. Zeitschr. X, 1901, S. 473).

моей работы, однако попутно отмѣчу, что и архим. Леонидъ въ 1889 г., издавая текстъ Сказанія, высказывалъ ту же мысль о важности значенія данныхъ его, какъ древнѣйшаго описанія св. Софіи; теперь то, что являлось тогда скорѣе догадкой, чѣмъ обоснованнымъ предположеніемъ [1]), подтверждено тщательными изысканіями Прегера.

II.

Историческая компиляція, извѣстная подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго лѣтописца впервые была подробно описана А. Н. Поповымъ въ I части «Обзора хронографовъ». Поповъ опредѣлилъ составъ этой компиляціи и двѣ ея редакціи, изъ коихъ вторую выводилъ изъ первой, причемъ указалъ, что составитель II редакціи пользовался нѣкоторыми новыми источниками, частью неизвѣстными первому редактору, частью не въ достаточной мѣрѣ использованными имъ. Время составленія I редакціи Поповъ относилъ къ XV вѣку, а второй—къ XVI-му. Однако впослѣдствіи, съ открытіемъ списковъ Чудовскаго и Пискаревскаго, самъ Поповъ измѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ происхожденіе II редакціи (уже даже по времени списка) къ половинѣ XV в.; при этомъ онъ все же остался при прежнемъ мнѣніи о возникновеніи II редакціи изъ I-й, ссылаясь между прочимъ на то обстоятельство, что текстъ Малалы во II редакціи кратче, чѣмъ въ I-й. Чудовской же списокъ Поповъ призналъ древнѣйшимъ видомъ II редакціи, какъ бы промежуточнымъ между I и II видами.

В. М. Истринъ въ «Александріи русскихъ хронографовъ» принялъ выводы Попова съ нѣкоторыми поправками (именно, относя I ред. къ XIV—XV в.) и основывался на его взглядѣ на

1) См. Лѣтопись Ист.-Фил. Общ. при Нов. Унив., 1900 г., т. VIII, стр. 274—278 (отд. отт. 43—52).

преемство I и II ред. въ опредѣленіи взаимоотношенія редакцій Александріи; такъ, вторая редакція Александріи, по мнѣнію В. М. Истрина, была передѣлана не самимъ составителемъ II редакціи Елл. лѣтописца, а внесена имъ въ его трудъ уже въ готовомъ видѣ, т. е. передѣланною уже послѣ того, какъ она была извлечена изъ I ред. Елл. л-ца.

Къ совершенно новымъ выводамъ приходитъ А. А. Шахматовъ въ статьѣ: «Древне-болгарская энциклопедія X в.» [1]): въ Болгаріи въ царствованіе Симеона (въ началѣ X вѣка) составилась обширная энциклопедія, обнимавшая собою почти всѣ существовавшіе тогда переводные славянскіе памятники; такъ, сюда входили: большая часть библейскихъ книгъ, хроника Іоанна Малалы, Александрія въ двоякомъ переводѣ, статья Палладія о Рахманахъ, дѣянія апостоловъ Петра и Павла, Сказаніе о Софіи Цареградской и цѣлый рядъ другихъ статей историческаго содержанія, нѣкоторые апокрифы и друг. Возможно, что въ вѣкъ Симеона составилась лишь основная, древнѣйшая часть этой энциклопедіи, къ которой впослѣдствіи прибавились и другія произведенія; такъ, могла прибавиться хроника Амартола, переведенная по списку, который доведенъ продолжителями до 948 года. Эта болгарская энциклопедія сдѣлалась извѣстной на Руси не позже XI вѣка и легла въ основаніе исторической компиляціи, названной Еллинскимъ и Римскимъ лѣтописцемъ. Разновидностей этой компиляціи А. А. Шахматовъ насчитываетъ четыре: I и II соотвѣтствуютъ I и II редакціямъ Елл. л-ца, III — въ спискахъ Унд. № 1 и Троицкомъ № 728 и IV — хронографъ 1262 г., который, впрочемъ, пользовался и другими источниками. Общимъ существеннымъ признакомъ всѣхъ этихъ разновидностей слѣдуетъ признать то, что онѣ суть компиляціи общаго матеріала, находившагося въ основномъ первоисточникѣ ихъ; процессъ образованія этихъ компиляцій сводился къ обработкѣ и расположенію данныхъ этого матеріала, приводившей часто къ однороднымъ ре-

1) Виз. Врем. 1900, т. VII, вып. 1—2, стр. 1—35.

зультатамъ; такъ, напр., I и IV виды дали одну редакцію Александріи (см. другіе примѣры въ упомянутомъ трудѣ А. А. Шахматова, стр. 32). Въ виду того, что методологическое понятіе редакціи не подойдетъ къ этимъ разновидностямъ, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ понятіе о существенной переработкѣ памятника въ виду опредѣленной цѣли (чего въ данномъ случаѣ нѣтъ), то А. А. Шахматовъ вводитъ терминъ «видъ», какъ болѣе подходящій для опредѣленія отношеній этихъ обработокъ Елл. л-ца къ оригиналу и другъ къ другу, и говоритъ о «видахъ» Елл. л-ца, но не о «редакціяхъ» его.

Сказаніе о Софіи Цареградской входитъ лишь во II и III виды Елл. лѣтописца, именно въ слѣдующіе [1]) списки II вида: Синод. 86, Чудов. 51/353, Пискарева 597, Ундольскаго 720 [2]), F. IV, 151 (И. П. Б.), F. IV, 91 (тоже), Общ. Люб. Древн. Письм. 33 fol. и въ оба списка III вида; Унд. № 1 и Троицк. 728.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается текстъ Сказанія о Софіи въ отдѣльномъ видѣ; ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что эти отдѣльные тексты не больше, какъ выписки изъ Елл. л-ца; правда, иногда (хотя довольно рѣдко) эти отдѣльные списки даютъ хорошія чтенія, которыми можно пользоваться при исправленіи текста Сказанія въ Елл. л-цѣ; но эти болѣе исправныя чтенія, во-первыхъ, весьма немногочисленны, потому что текстъ въ спискахъ Елл. л-ца вообще очень хорошо сохранился; во-вторыхъ, они не даютъ, конечно, никакого права заключать ό самостоятельной жизни Сказанія; напротивъ слѣдуетъ признать, что такой самостоятельной, внѣ Еллинскаго лѣтописца, жизни Сказаніе не имѣло и всѣ измѣненія его совершались въ предѣлахъ или Елл. л-ца или хронографа; отдѣльные же списки— лишь явленія случайнаго происхожденія, не имѣвшія вліянія на судьбу памятника. Сказаніе въ такихъ отдѣльныхъ спискахъ

1) Списки: Новг.-Соф. 1520, Кирилло-Бѣлоз. 1, Акад. Наукъ 17.17.9 не заключаютъ въ себѣ той части Елл. л-ца, гдѣ находится сказаніе о Софіи.

2) Только въ концѣ Сказанія (съ § XXIII), такъ какъ въ рукоп. недостаетъ нѣсколькихъ листовъ.

имѣется въ рукописяхъ: Синод. 792 и 818 [1]), Нов.-Соф. 1529, F. IV, 238 и Q. XVII, 33 (И. П. Б.), М. П. М. 1837—II вида Елл. л-ца и гр. Уварова 902 [2])—III вида.

Можно упомянуть еще одну передѣлку конца XVIII в. въ № 689—XXXVI Общ. Люб. Др. Письм., составленную, очевидно, по II виду Елл. л-ца и представляющую сокращеніе и искаженіе его. Передѣлка эта дальше одного списка не пошла, поэтому и можетъ быть безъ вреда опущена въ исторіи судьбы памятника [3]).

Перейду теперь къ краткому сравнительному обзору текстовъ Сказанія по II и III видамъ Елл. л-ца [4]), при чемъ, въ виду того, что придется сравнивать ихъ съ греческимъ оригиналомъ (текстомъ A_8), воспользуюсь дѣленіемъ текста на §§-ы, предложеннымъ Прегеромъ, хотя оно и нѣсколько дробное.

I. Сказаніе начинается упоминаніемъ о храмѣ, бывшемъ раньше на мѣстѣ св. Софіи, и о рѣшеніи Юстиніана построить такую церковь, подобной которой еще никогда не было. Есть нѣкоторыя мелкія различія между II и III видами: въ III видѣ опущено заглавіе (Сказаніе о созданіи....); приведено число лѣтъ (74) существованія церкви до Θеодосія Великаго; подробнѣе сказано объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ рѣшенію Юстиніана создать церковь, а именно: II видъ—и҆ по и҆збїенїи на подржмѣ ,а҃ и х҃ моу*; а въ III видѣ этому соотвѣтствуетъ: въ е҃ (подразум. лѣто) і҆оустиа҆на великаго. по и҆збьени бывшимъ на подроумии л҃-мъ и҆ е҃ тысѧще и҆збьеномъ понеже нареченомъ бы

1) Текстъ Синод. 792 съ вар. 818 изданъ Буслаевымъ въ Пам. р. лит., т. II.

2) Изд. арх. Леонидомъ, Пам. др. письм. LXXVIII. Новг. Соф. 1454 мнѣ не удалось воспользоваться.

3) Подробнѣе о ней см. Лѣтопись Ист.-Фил. Общ. при Имп. Нов. Унив. 1900, т. VIII, стр. 283—285 (отд. отт. 57—59).

4) При сравненіи привожу главнымъ образомъ тексты Синод. 86 и Унд. 1; въ случаѣ надобности, пользуюсь и другими списками обоихъ видовъ.

5) Слѣдуетъ помнить при этомъ, что текстъ A_8, хотя и дошелъ въ очень древнихъ спискахъ (XII в.), однако, не есть все же текстъ A_1, а лишь наиболѣе точное воспроизведеніе его: Прегеръ говоритъ, что A_8—integrum recepit opusculum de S. Sophia—A_1 (Script. orig. Cpolit., pag. XI).

ѿ ѡбою людьскоую страноу ипатию патрикоу собороу началникоу части синаго (греч. μέρους Βενέτων). въ е҃ же лѣ҃ црства иоустиніана цр҃а. Это мѣсто III вида вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому тексту — см. въ изд. Прегера, стр. 75, стрк. 9—14. Вообще весь этотъ § по III виду (какъ и весь вообще текстъ III вида) ближе къ греч. тексту, чѣмъ по II виду; кромѣ указаннаго, можно еще добавить во II видѣ названіе церкви (стыа софѣа), котораго въ этомъ § нѣтъ ни въ греч. текстѣ, ни въ III видѣ.

II. Юстиніанъ повелѣваетъ собрать дань и прислать ее на нужды постройки храма; это приказаніе исполняется; столпы римскіе (даръ Марціи) и ефесскіе; собравъ дань и приготовивъ матеріалъ, Юстиніанъ разрушаетъ старую церковь. Между списками замѣчается нѣкоторое различіе въ расположеніи отдѣльныхъ предложеній; кромѣ того, въ III видѣ есть нѣсколько мелкихъ дополненій (упоминаніе о храмѣ Ильи, о томъ, что Аверкіанъ «предалъ себя персамъ», о письмѣ Марціи и друг.). Привожу первую половину этого §-а:

Синод. 86 [1]):

Црь же оустіанъ написа стратиго[м] свои[м] и началнико[м] и соудіамъ на всѣхъ страна[х] [дани събирати по оурокѡ[м] ѿ всакіа страны восточныа и западныа и полоуденныа и полоунѡщныя. собравше дани послаша кь црви ѿ всѣ[х] ѡстрововъ н҃. бысть даніи бг҃атество веліе, ıако бысть злато х҃ кентаріи а сребра в҃ кентаріи. а едина кентина[р] има[т] р҃к литръ. и повелѣ црь испы-

Уваров. 902.

напи же стратигѡ[м] и соу[д]ıамъ и началнікѡ[м] і дані сбирающимъ на[д] странами всѣмі, ıако испытаті имъ всюдоу, еда како ѡбращоу[т] столпи же и пѡстолпіє, настолпы же и преграды дверныя. прочюю вещь дотоинѹю на възвижение црькви. вси иже повелѣніи ѿ не ѡбрѣтше, ѿ идоскы[х] црквъ, и ѿ вето[х] бань и домовъ, собраша и послаша к црви иоустьніанѹ

1) Поставленное въ скобки — въ III видѣ значительно сокращено и переставлено.

тати всюдоу да́ како ѡ́бращю҄ цр҃квныа стѡ́лпы и҆ пѡ҃стѡ́лпїа, на҃стол пїа же и҆ преграды дверныа́ и҆ а҆спеды и҆ мраморы. и҆ прочаѧ҆ та҄ достои҄ цр҃кви и҆ всѧ повелѣннаѧ ѿ цр҃ѧ ѡ́брѣ҄ше ѿ ве҄хи҄ и҆до́льскы҄ цр҃квїи и҆ ѿ ве҄хи҄ бань и҆ домѡ҃. и҆ запа҃днаѧ, ѿ севера же и҆ оуга҃ и҆ ѿ всѣхъ ѡ́стровъ н҃.

О столпахъ Марціи въ III видѣ подробнѣе: они были въ числѣ ся приданаго, стояли нѣкогда въ Римѣ въ церкви св. Иліи (Ἡλίου — Геліоса?), созданной Аверкіаномъ (Авреліаномъ — греч. текстъ); приведено упоминаніе о письмѣ Марціи. Греческій текстъ почти дословно совпадаетъ съ III видомъ.

III. О пріобрѣтеніи дома Анны—согласно въ обоихъ видахъ; въ III только добавлено, 1) что Анна, увидя царя, пала ницъ предъ нимъ, и 2) при словахъ и҆ о҆бѣщаса поминатї ю҄:—а҆ко свое притаженіе давъши (и то и другое согласно съ греч.) Кромѣ того, осталась безъ перевода фраза: τῷ βασιλεῖ ἔλεγεν· ὅτι «μέχρι πεντήκοντα λιτρῶν ἐὰν μοι παρέχεις, οὐ δίδω σοι αὐτά».

IV. Насильственная продажа дома Антіоха. Во II видѣ въ началѣ этого § пропущено указаніе мѣстонахожденія и оцѣнки дома Антіоха, при чемъ Антіохъ остіарій названъ Астеріемъ: это пропущенное мѣсто, впрочемъ, находится въ концѣ §-а. Порядокъ III вида въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ греческимъ текстомъ.

V. Продажа домовъ Харитона, Ксенофонта и Даміана. Оба вида почти вполнѣ сходятся между собою, а отъ греческаго текста отличаются лишь путаницей въ указаніи мѣстонахожденія домовъ Ксенофонта и Харитона (одинъ указанъ вмѣсто другаго) и упоминаніемъ объ иконѣ, сооруженной Багрянороднымъ. Можно отмѣтить еще отсутствіе въ III видѣ указанія на сумму, уплаченную за домъ Харитона (30 литръ золота).

VI. Во II видѣ сказано сначала объ основаніи малой церкви Іоанна Предтечи, затѣмъ о закладкѣ храма (ѡ̓ ѻ̓бложенїи и ѡ̓ созданіи) и устроеніи перехода отъ дворца къ храму. Съ этимъ совпадаетъ III видъ за слѣдующими исключеніями: 1) объ основаніи церкви Предтечи сказано не въ началѣ §-а, а въ концѣ, послѣ разсказа о закладкѣ храма и 2) нѣсколько подробнѣе о закладкѣ:

Синод. 86:	*Унд. 1:*
Цр҃ь же иоустїанъ размѣривъ мѣсто ѡ̓брѣте въ ѡ̓снове вѣчный камень ѿ ѡ̓лтарѧ даже и̓ (до) долнаѧ страны.	(послѣ ѡ̓лтарѧ:) и̓ долнаѧ комаръ. ѡ̓снова тоу ѡ̓коло ѡ̓снованїе̓ великаго верха, ѿ комаръ же и̓ до внѣшняго притвора. и̓на слабѣйшимъ и̓на гоущьшимъ ѡ̓снова.

VII. О количествѣ мастеровъ и работниковъ. II видъ добавляетъ лишь имена двухъ главныхъ работниковъ: первый—Миханикъ (sic), второй — Игнатій. Греческій текстъ согласенъ съ III видомъ, какъ и въ предыдущемъ §-ѣ.

VIII. Объ ангелѣ, показавшемъ царю во снѣ, какова будетъ церковь, и объ изготовленіи цемента для камней. Во II видѣ сказано и о толщинѣ стѣны, чего нѣтъ въ III видѣ и согласномъ съ нимъ греческомъ текстѣ. Въ началѣ III вида (и греч.) упоминаніе объ Игнатіи.

IX. О расходѣ на постройку (со ссылкою на Стратегія), о выдачѣ платы работникамъ, усердіи ихъ и царя и одеждѣ царя, въ которой онъ выходилъ для наблюденія за постройкой. II видъ отличается отъ греч. и отъ III вида только извѣстіемъ о числѣ дверей въ храмѣ (365); зато въ греч. и въ III видѣ имѣется двукратное упоминаніе о Стратегіи, причемъ во второй разъ названо и имя его, а во II видѣ онъ помянутъ всего одинъ разъ — магистръ царева имѣнія хранитель.

X. Чудо первое—явленіе ангела отроку. Имя отрока (Исаія)

есть во II видѣ и не названо въ III; окончаніе разсказа нѣсколько подробнѣе въ III видѣ (сказано, гдѣ именно находился царь во время обѣда, подробнѣе переданъ разсказъ отрока о наружномъ видѣ ангела, разсказано о дальнѣйшей судьбѣ отрока, чего нѣтъ во II видѣ). III видъ согласенъ съ греческимъ текстомъ.

XI. Чудо второе—о недоставшемъ златѣ. Оба вида (II и III) Елл. л-ца имѣютъ дополненіе, котораго нѣтъ въ греческомъ текстѣ: (на деснѣй странѣ...) идѣже нынѣ честнаѧ икона великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа утвердисѧ. Разсказъ переданъ вполнѣ сходно въ обоихъ видахъ, но въ III, какъ и въ предыдущихъ §§-ахъ,—буквальный переводъ греческаго текста; можно отмѣтить кое-какія мелкія подробности: въ III видѣ указано, что чудо совершилось въ 6 часъ дня; добавлено, что каженикъ, «вынемъ ключъ мѣдѧнъ свѣтелъ»,—открываетъ палату; нѣсколько измѣнена послѣдовательность отдѣльныхъ фразъ: по II виду, каженикъ даетъ золото, а царь, принявъ и взвѣсивъ его, находитъ 190 кентинарей; по III виду, каженикъ даетъ 190 кентинарей, царь принимаетъ (о взвѣшиваніи не сказано).

XII. Чудо третье—о трехъ оконцахъ—разсказано въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ во II и III видѣ; въ греческомъ текстѣ въ началѣ этого § разсказъ нѣсколько распространеннѣе—подробнѣе сказано о колебаніяхъ царя при устройствѣ освѣщенія.

XIII и XIV—о сооруженіи столповъ и стѣнъ храма о родосскихъ кирпичахъ. II и III виды согласны, за исключеніемъ слѣдующаго: въ XIV названъ, по III виду, въ числѣ посланныхъ и Троилъ коувъклисни,—во II видѣ нѣтъ; во II видѣ лишняя подробность о кирпичахъ—указаны ихъ размѣры, въ III—нѣтъ, но за то указаны качества кирпичей (легкость, пористость, бѣлый цвѣтъ); въ этомъ мѣстѣ чтеніе III вида совпадаетъ лишь съ однимъ изъ древнѣйшихъ греческихъ списковъ (R) и нѣкоторыми позднѣйшими [1]); остальная часть обоихъ §§-овъ представляетъ одинъ и тотъ же текстъ и въ III видѣ и въ греч.

1) Scriptores orig. Cpolitarum, fasc. I, p. 92.

XV—XXIX [1]). Начиная съ XV §, — до конца Сказанія разсказъ совпадаетъ во II и III видѣ: описаніе внутренняго устройства и достопримѣчательностей св. Софіи, освященіе храма, паденіе и реставрація купола. Можно отмѣтить только слѣдующія разности, какъ наиболѣе выдающіяся: въ § XX въ III видѣ упомянуто число лѣтъ собиранія матеріала, во II нѣтъ; день окончанія постройки во II видѣ — 26 сентября, въ III (и греч.) — 22 декабря (§ XXVII); обращеніе къ Соломону (въ томъ же §) въ III видѣ и греч. текстѣ короче, чѣмъ во II-мъ; въ разсказѣ о паденіи купола Юстиніанъ названъ отцомъ Юстина—во II видѣ и стрыемъ (дядей) въ III видѣ (и греч.). Разсказъ о паденіи купола во II видѣ передается въ главѣ о царствованіи Юстина Малаго; въ III же видѣ онъ примыкаетъ непосредственно къ заключительнымъ строкамъ предыдущей части и здѣсь такимъ образомъ Сказаніе помѣщено полностью въ повѣствованіи о Юстиніанѣ Великомъ.

При сравненіи съ греческимъ текстомъ этихъ §§-овъ обнаруживается наибольшая близость къ нему III вида, какъ въ выборѣ выраженій, такъ и въ разстановкѣ словъ и предложеній. Между текстами Елл. л-ца (II и III вида) и греческимъ можно

1) Содержаніе остальныхъ §§-овъ: XV — о столпахъ и украшеніи храма мраморомъ и позолотою. XVI — объ алтарѣ и надпрестольной сѣни и ихъ украшеніи. XVII — о престолѣ (св. трапеза), его изготовленіи и великолѣпіи. XVIII — о дверяхъ. XIX — о неосуществившемся (вслѣдствіе совѣта астрологовъ) намѣреніи царя покрыть полъ въ храмѣ позолотою. XX — о сребреникахъ, продолжительности сооруженія и числѣ рабочихъ. XXI — о амвонѣ и его украшеніи. XXII — объ устьѣ святаго кладезя изъ Самаріи, трубахъ и крестѣ. XXIII—о сосудахъ, покрывалахъ, кадильницахъ, свѣтильникахъ и прочей церковной утвари; о расходахъ по содержанію храма; о церковномъ причтѣ и его размѣщеніи. XXIV—о крестѣ и двухъ большихъ свѣтильникахъ. XXV—о расходахъ на сооруженіе амвона и церкви. XXVI — великолѣпіе церкви, рисунокъ изъ разноцвѣтнаго мрамора на полу ея; умывальники въ видѣ мраморныхъ животныхъ. XXVII — окончаніе постройки освященіе церкви, молитва царя, раздача народу денегъ и торжество по случаю освященія. XXVIII — о паденіи купола при Юстинѣ, объясненіе причинъ этого паденія, реставрація купола и разрушеннаго амвона. XXIX — о предосторожности, принятой при реставраціи для избѣжанія трещинъ и новаго паденія купола; о ложномъ мнѣніи, будто Юстинъ Малый былъ создателемъ церкви; заключеніе (се же есть поистиннѣ сказаніе бж҃іа цр҃кви ст҃ыа софіа....).

все же отмѣтить слѣдующія несогласія: разсказъ греческаго текста нѣсколько распространеннѣе, чѣмъ русскаго въ §§ XVI (украшеніе храма позолотою), XVII (о совѣщаніи царя со свѣдущими людьми объ устройствѣ трапезы и объ изготовленіи ея), XVIII (нѣсколько подробностей о дверяхъ храма), XXVIII (добавлено въ совѣщаніи царя съ мастерами исходящее отъ послѣднихъ предложеніе послать въ Родосъ за кирпичами).

Наконецъ заключительныя слова русскаго текста обоихъ видовъ (се же есть по истиннѣ сказаніе бж҃іа цр҃кви ст҃ыа софѣа яже есть въ цр҃ѣградѣ) не имѣютъ соотвѣтствія въ греческомъ текстѣ. Впрочемъ, приведенныя выше отличія греческаго текста являются или простыми распространеніями или внесеніемъ такихъ мелкихъ подробностей, что объ отдѣльной редакціи и вопроса быть не можетъ.

Къ какому же выводу приведетъ насъ сравненіе Сказанія по II и III виду Елл. л-ца? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе, что переводъ въ томъ и другомъ видѣ одинъ и тотъ же. Беру на удачу нѣсколько мѣстъ, согласныхъ между собою въ расположеніи матеріала (безъ особыхъ перестановокъ и сокращеній):

II видъ (*Синод. 86*):

V. начаⷲ ӥскѫповаⷮ до́мы блиⷥ тоу сѹщаа. первоѐ оу̓бѡ̓ вдовица нѣ́каѧ ӥменеⷨ а̓́нна. доⷨ е̓а́ исцѣненъ бѣ́ на е҃ и на п҃ литръ злата. ӥ посылаше к не́и цр҃ь велможа своиⷯ молѧ о̓ домоу е̓а́. ӥ ничтоⷤ оу̓спѣвахоу. но ӥ самъ цр҃ь шедъ мо́лї ю̓ ѡ̓ ценѣ домѹ е̓а́. о̓наⷤ гл҃а ко цр҃ю: не хощѹ цѣны прїаⷮ на́ доⷨⷹ своеⷨ, нѡ̑ иⷤ хощеши здати цр҃коⷡ бж҃їю да погребена бѹдѹ блиⷥ

III видъ (*Увар. 902*):

начаша домы скоуповати тоў соущая близь. ӥ первеѐ оўбо вдовїци нѣкыӑ именеⷨ анны, домъ ӥсцѣненъ быⷭ на п҃е҃ злата. (ѡ̆нойⷤ не хотѧщи се продати), посы̆лаше к не̓й цр҃ь многы ѿ вельмоⷤ своихъ на молбоу, ӥ нїчто же оўспѣша. пришеⷣ же саⷨ цр҃ь молѧше є̑ѩ ѡ̓ домоу є̆ю; ѡна же видѣвъ цр҃ѧ (паⷣ прѣⷣ нимъ молѧщисѧ и) гл҃юще: цѣны не хощоу приӑти на домоу мо-

дóмꙋ моего да има^м^ и азъ мьздоу въ дн҃ь соудный....	емъ, въ црк҃ви же юже хощеши създати, молю ти са да имамъ мьздоу в дн҃ь соудный, изъпогребена (да) боуду близъ домоу своего.
XII. егдà же хота совершити ст҃ый ѡлътарь и помышлаще црь ѿ просвещенїи ѿконець, овоѡгда оубо во единоу комáроу просвещенїю быти велаше, ꙗко же и въ прочи^х^ часте^х^ црк҃ви. и да нево^з^можна творитъ. ѿвогда же двемá повелевáше быти...	и егда хотащоу свершити ст҃ї ѡлтарь, црь же помышлаше ѿ просвѣщеющих' ѡконци^х^, и овогда оубо въ едїноу камароу просвѣщение велаше быти тоу, ꙗко же и въ прочи^х^ часте^х^ црк҃ве; и да невъзможна сътворити, ѿвогда двѣма вела быти.
XVII. Ст҃оую же трапезоу пречтноую сътвори и чтнѣйшю ѿ всего злата и сребра и кáменїа многоцѣн'наго. помысли же тáко помышленїе сотворити. совокоупи всакоу вещ' земноую ѿ злата же и сребра и ѿ каменїа всáкаго и бисера мѣди же и проуда и ѡлова и желѣза и ѿ всѣ^х^ вещеи земны^х^ и вложи в горнило ражжено и смате а....	Ст҃оую же трапезоу пречистоую сътворити хота, чтнѣйшоу всего злата и сребра и камїниꙗ многоцѣнна, помишление таковѡ помысли сътворити: сѡвокоупи бо всакоую вещь земноую ѿ злата же и сребра. и ѿ каменїꙗ всакого и бисера, ѿ мѣди же и проуда ѿ олова и желѣза и прочие ѿ нѣхъ въ горнило вложи въ ѡгнь и смате ꙗ.

Число примѣровъ можно было бы еще увеличить, но, думаю, и такъ уже ясно, что переводъ Сказанія во II и III видахъ Елл. л-ца одинъ и тотъ же, а этотъ выводъ явится для насъ вспомогательнымъ при заключеніи о числѣ редакцій. Можно пойти и дальше и заключить, что и редакція Сказанія въ обоихъ видахъ одна и та же, точнѣе, — что оба вида восходятъ къ одной и той

же редакціи. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дополненій и отличій во II видѣ, къ которымъ я сейчасъ вернусь, мы встрѣчаемъ въ обоихъ видахъ совершенно одно и то же содержаніе съ нѣкоторыми лишь мелкими перестановками, иногда пропусками, иногда дополненіями. Но, какъ я уже имѣлъ случай указать, а также какъ это видно изъ приведенныхъ выдержекъ, мы не имѣемъ права утверждать отдѣльную редакцію для каждаго вида, потому что для насъ совершенно ясенъ механическій трудъ составителя Сказанія какъ по II, такъ и по III виду: если допустить общій первооригиналъ (а это необходимо въ виду того, что переводъ одинъ), то изъ него черпали и тотъ и другой виды, причемъ очевидно, въ виду приближенія или почти совпаденія съ греческимъ текстомъ текста III вида, что составитель этого вида слѣдовалъ болѣе точно тексту первооригинала, входившаго въ составъ энциклопедіи, если только древнѣйшіе греческіе тексты могутъ дать точное представленіе объ этомъ первооригиналѣ; составитель же II вида мѣстами отклонялся, но и эти отклоненія были, какъ видно изъ сравненія обоихъ текстовъ, довольно незначительны. Число ихъ можно даже уменьшить, если: 1) имена Миханика и Игнатія, какъ двухъ архитекторовъ, возведемъ къ одному механику Игнатію (ошибка, очевидно, происшедшая на славянской почвѣ и вызванная попыткой раціонализировать «Механикъ» какъ собственное имя); 2) замѣчаніе о числѣ дверей въ § IX сочтемъ повтореніемъ того, что сказано объ этомъ въ § XVIII по обоимъ видамъ; 3) лишнія слова въ обращеніи къ Соломону будемъ разсматривать, какъ глоссу, внесенную для поясненія въ текстъ; именно, послѣ словъ: «ѿдолѣх ти, соломане», вполнѣ естественна и внесенная въ рѣчь царя глосса: ꙗ҄ко не оу҆гото́валъ еси таковыа҄ красоты въ домоу гн҃и въ ст҃а ст҃ы҄х ꙗ҄коже а҆зъ оу҆строихъ. Изъ другихъ отличій наиболѣе крупными являются: извѣстіе о размѣрахъ стѣнъ (VIII), имя Исаіи отрока (X), несогласіе о кирпичахъ (XIV), несогласіе въ датѣ окончанія постройки (XXVII): для нихъ нужно искать объясненія въ томъ оригиналѣ, который вошелъ въ составъ болгарской энци-

клопедіи X вѣка, и который несмотря на всю близость (если судить по греч. тексту), а зачастую даже буквальное совпаденіе съ III видомъ, очевидно, все же не представлялъ только дословный переводъ извѣстнаго намъ теперь древнѣйшаго греческаго текста, а имѣлъ и нѣкоторыя отличія отъ него. Вѣдь, въ обоихъ видахъ Сказанія по Елл. л-цу мы встрѣтимъ: 1) путаницу въ указаніи мѣстонахожденія домовъ Харитона и Ксенофонта (IV), 2) упоминаніе объ иконѣ Спаса, поставленной Константиномъ Багрянороднымъ (IV), 3) еще разъ объ иконѣ Спаса же (XI), 4) заключеніе Сказанія (сѐ же ѐсть сказ̀аніе.....). Эти дополненія должны быть, очевидно, возведены къ общему для обоихъ видовъ оригиналу, но ихъ нѣтъ въ греческомъ древнѣйшемъ текстѣ, нѣтъ и въ другихъ, позднѣйшихъ спискахъ, какъ можно заключить изъ варіантовъ, приведенныхъ у Прегера. Откуда же они? Очевидно, или изъ недошедшаго греческаго текста, переводъ котораго непосредственно вошелъ въ болгарскую энциклопедію, или же, что гораздо вѣроятнѣе, они были внесены уже на славянской почвѣ или прямо въ текстъ или сначала въ качествѣ маргинальныхъ замѣтокъ, потомъ лишь вошедшихъ въ текстъ. А если вѣрно первое или особенно второе предположеніе, тогда я не вижу причины, почему бы нельзя объяснить подобнымъ же образомъ и отнести на счетъ хотя бы такихъ маргинальныхъ замѣтокъ и дополненія II вида и о размѣрахъ стѣнъ, и имя Исаіи, и о кирпичахъ и дату окончанія постройки [1]).

Въ конечномъ результатѣ, полагаю, не будетъ ошибочнымъ такой выводъ: Сказаніе о Софіи Цареградской, находящееся въ спискахъ Елл. л-ца II и III вида, представляется, соотвѣтственно видамъ полнаго состава памятника (Елл. л-ца), въ двухъ видахъ, восходящихъ къ одной и тоже редакціи. Эта редакція есть переводъ греческаго текста, наиболѣе близкимъ выраженіемъ котораго служитъ текстъ извѣстныхъ теперь трехъ древнѣйшихъ (XII в.)

1) Относительно послѣдней я предложилъ бы такую догадку: не совпали ли случайно двѣ даты и не есть ли 26 сентября день окончанія постройки, а 22 декабря (22 ноября въ 3 греч. сп. XV в.) — день освященія храма?

рукописей $А_8$, повторившаго безъ значительныхъ измѣненій текстъ $А_1$; при чемъ этотъ переводъ отличается отъ древнѣйшихъ греческихъ текстовъ добавленіями, можетъ быть перешедшими въ текстъ изъ глоссъ на славянской почвѣ. Такъ какъ $А_1$ относится ко времени не позже половины IX вѣка, то возможно, что и славянскій переводъ былъ сдѣланъ вѣкомъ позже и вошелъ въ составъ образовавшейся въ вѣкъ царя Симеона болгарской энциклопедіи, которая, перейдя къ XI вѣку въ Россію, отразилась здѣсь въ трехъ (четырехъ) видахъ Еллинскаго лѣтописца. Текстъ Сказанія существовалъ въ вышеупомянутыхъ II и III видахъ и отдѣльной жизни, внѣ Елл. л-ца не имѣлъ, почему и отдѣльные списки Сказанія должны быть возводимы къ тому или иному виду.

Сдѣлаю еще замѣчаніе о сербскихъ спискахъ Сказанія. Ихъ извѣстно два и оба—библ. Нов. Унив., №№ 104 и 68 [1]). Текстъ № 104, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ отступленій въ § I, есть тотъ же, что и по II виду Елл. л-ца. Только Сказаніе продолжено въ немъ и дальше—разсказомъ о разграбленіи храма въ 1204 г. во время взятія Константинополя латинами; этотъ разсказъ есть сокращеніе того обширнаго повѣствованія ѡ взаͮи бг҃охранимаго кѻстантина града ѿ өрѧ҃, которое мы находимъ во II видѣ Елл. л-ца (Синод. 86, л. 635—639 об., Чуд. 51/353, л. 458—461, Пискар. 597, л. 405—407). Можно заключить, что этотъ текстъ Сказанія обязанъ своимъ происхожденіемъ II виду Елл. л-ца, изъ котораго былъ извлеченъ какимъ-либо юго-славянскимъ писцомъ. Къ такому же выводу придемъ, если сличимъ языкъ (перевода) этого списка съ любымъ изъ списковъ II вида: за многочисленными юго-славянскими оборотами (списокъ скорѣе сербо-болгарскій, чѣмъ сербскій) не трудно все же усмотрѣть слѣды того же лексическаго состава, что и во II видѣ. Такимъ образомъ, вопреки высказанному мною раньше мнѣнію [2]),

1) См. Лѣтоп. Ист.-Фил. Общ. при Нов. Унив., т. VIII (1900), стр. 305—319 320—335 (отд. отт. 79—93, 94—105).

2) Тамъ же, стр. 273 (47), 285 (59) и др.

теперь должно признать зависимость не русскихъ текстовъ отъ юго-славянскаго № 104, а наоборотъ, юго-слав. 104 отъ русскихъ текстовъ II ред. Елл. л-ца, о которыхъ говорилось раньше [1]).

Что касается другого юго-славянскаго (сербскаго) списка № 68, то онъ передаетъ текстъ AK_2 [2]), однако не тотъ, который извѣстенъ намъ въ печатныхъ изданіяхъ Кодина, а нѣсколько болѣе распространенный. Извѣстно, что AK_2 сокращаетъ въ значительной мѣрѣ описаніе внутренняго убранства храма; въ 68 такой сильной тенденціи къ сокращенію незамѣтно. Прегеръ во Введеніи къ Scriptores orig. C̄politarum говоритъ [3]) о двухъ группахъ списковъ Кодина; тамъ же [4]) онъ отмѣчаетъ и такіе списки, которые соединили Кодина и A_3, дополнивъ изъ перваго текстъ A_3. Рѣшить, къ какой именно группѣ Кодина принадлежитъ O_2 (№ 68), или же относится къ разряду списковъ, соединяющихъ AK_2 и A_3, за отсутствіемъ греческихъ текстовъ (обѣщанный Прегеромъ II-й выпускъ Scriptores orig. C̄politarum, содержащій текстъ AK_2, еще не вышелъ), нельзя. Во всякомъ случаѣ, можно уже и теперь заключить, что O_2 не стоитъ вовсе въ связи съ текстами II и III вида Еллинскаго лѣтописца и O_1, а представляетъ собою особый самостоятельный переводъ [5]) и

1) Пользуюсь случаемъ тутъ же исправить еще одну ошибку помянутой статьи: сличая славянскіе и русскіе списки Сказанія и принявъ за основу O_1 (№ 104), я пришелъ тогда къ выводу, что списки Увар. 902 и Новг. Соф. 1424 представляютъ особый переводъ, отличный отъ O_1 и двухъ Синод. списковъ (изд. Буслаевымъ); здѣсь, помимо неправильности отправного пункта (O_1), было еще и смѣшеніе двухъ видовъ Елл. л-ца; теперь, конечно, этотъ выводъ придется измѣнить въ пользу единства перевода, оговоривъ же особенности языка списка O_1, вызванныя его юго-славянскимъ происхожденіемъ.

2) При настоящей работѣ мнѣ не удалось воспользоваться Боннскимъ изданіемъ (1843 г.) Кодина; пришлось ограничиться лишь изданіемъ G. Dousa: Georgii Codini selecta de origin. Cpolitanis, nunc primum in lucem edita (1596 г., въ М. П. М.); однако, текстъ этотъ, повидимому, не представляетъ отличій отъ Боннскаго изданія.

3) Стр. XII.

4) Стр. XIII.

5) Лѣтопись Ист.-Фил. Общ. при Нов. Унив., т. VIII, стр. 265—266 (отд. отт. 37—38).

притомъ переводъ текста другой группы редакцій—не основной или ея видоизмѣненій, а одной изъ редакцій AK_2.

III.

Вопросъ о происхожденіи и исторіи хронографа въ настоящее время рѣшается слѣдующимъ образомъ [1]. Въ 1442 году извѣстнымъ Пахоміемъ Сербомъ былъ составленъ въ Россіи хронографъ на основаніи русскихъ источниковъ и иноземныхъ (греческихъ и сербскихъ), бывшихъ тогда извѣстными уже въ русскомъ переводѣ; между прочимъ, среди источниковъ русскаго хронографа видное мѣсто занимаетъ Еллинскій лѣтописецъ II вида. Пахоміева редакція хронографа (1442 г.) претерпѣла рядъ послѣдовательныхъ пересмотровъ (редакціи 1491, 1496—1508, 1520), списковъ которыхъ не дошло, но о существованіи которыхъ можно заключить на основаніи данныхъ, представляемыхъ анализомъ извѣстій нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописей (Новгородской 4-й, Софійской 1-ой и друг.). Изъ этихъ редакцій одна, именно, редакція 1508 года послужила общимъ источникомъ для двухъ редакцій уже дошедшихъ до насъ въ цѣломъ рядѣ списковъ: редакціи 1512 года, раздѣленной на 208 главъ, и редакціи, нераздѣленной на главы; первая, повидимому, пошла непосредственно отъ редакціи 1508 года, вторая—чрезъ посредство редакціи 1520 года, представлявшей собою первую нераздѣленную редакцію; дошедшіе до насъ пять списковъ редакціи, нераздѣленной на главы, представляютъ вторую нераздѣленную редакцію, возникшую въ концѣ XVI вѣка.

Въ частности, относительно той и другой редакціи, замѣтимъ слѣдующія общія положенія, которыя необходимо не упускать

---

1) См. А. А. Шахматовъ: «Къ вопросу о происхожденіи хронографа». Спб., 1899.

изъ виду, разсматривая Сказаніе о Софіи Цареградской по спискамъ хронографа.

Редакція нераздѣленная на главы, происхожденія южнорусскаго. «Цѣлью составителя ея было—дать обзоръ историческихъ событій европейскихъ народовъ. Вотъ почему онъ исключилъ изъ своего труда всю первую половину хронографа, повѣствовавшую о ветхозавѣтныхъ событіяхъ, и началъ его обработку съ Александріи; вотъ почему, съ другой стороны, онъ старался выпустить все то, что имѣло спеціально русскій интересъ, касалось только русской исторіи... Кажется довольно вѣроятнымъ, что въ распоряженіи южно-русскаго редактора хронографа не было иныхъ русскихъ и греческихъ источниковъ, кромѣ самого хронографа 1520 г.; поэтому весь текстъ хронографа этой редакціи, вплоть до выписокъ изъ М. Бѣльскаго, долженъ быть возведенъ къ болѣе древней редакціи хронографа (1520 г.)»[1]). Эти замѣчанія, какъ увидимъ дальше, должны имѣть рѣшающее значеніе и въ вопросѣ о Сказаніи о Софіи Цареградской по этой редакціи.

Что же касается до редакціи 1512 года, то ее характеризуетъ цѣлый рядъ измѣненій и сокращеній, произведенныхъ редакторомъ не только въ греческихъ и сербскихъ статьяхъ, но даже отчасти и русскихъ [2]). Къ числу такихъ сокращеній принадлежитъ между прочимъ и сокращеніе текста Александріи, создавшее даже особую (4-ую) редакцію ея. При этомъ надо замѣтить, что, какъ при обработкѣ Александріи, такъ и при составленіи всей вообще этой редакціи у составителя новыхъ источниковъ подъ руками не было: онъ только перерабатывалъ болѣе древнюю редакцію хронографа—именно редакцію 1508 года. Эти положенія также найдутъ себѣ подтвержденіе при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи и Сказанія о Софіи Цареградской по ред. 1512 года.

Редакція, нераздѣленная на главы, извѣстна въ пяти спискахъ: Толстовскомъ, I. 172 (F. IV, 143), Попова 2397 (М. П. М.),

1) Тамъ же, стр. 118.
2) Тамъ же, стр. 130.

Буслаева Q. IV, 378, Тихонравова малор. XVII в. и Виленскомъ (П. М.). Изъ нихъ я пользовался лишь первыми тремя; эти списки обнаруживаютъ слѣды своего южно-русскаго происхожденія (особенно списокъ Попова, напр., въ глоссахъ); по содержанію всѣ они подходятъ другъ къ другу очень близко; текстъ Сказанія о Софіи въ нихъ одинъ и тотъ же съ самыми незначительными варіантами. Перехожу къ обзору редакціи Сказанія въ этихъ спискахъ, причемъ буду вести его, параллельно сравнивая съ Елл. лѣтописцемъ II вида; для передачи содержанія пользуюсь спискомъ Попова.

Заглавіе: ѡ҆ созда́нїи цр҃кве ст҃ыѧ софѣа́ в҆ црьгра́дѣ — сокращаетъ заглавіе Елл. л-ца [1]): Сказанїе ѡ҆ созда́нїи великїа бѡжїа цр҃кви ст҃ыа софеѧ, ıа҆ е҆стъ в костан҆тинѣ гра́де ю҆же созда бл҃говѣрный цр҃ь оу҆стїанъ.

Далѣе слѣдуетъ фраза, которой нѣтъ въ Елл. л-цѣ: се́й (раньше была хронологическая замѣтка о Юстиніанѣ) бл҃гочестивый по бж҃їю бл҃говоле́нїю созда цр҃квь, хра́мъ бг҃а моѐго, ѝбо нѝное ѐмоу҆ же мню и҆ серафими дивѧщесѧ чоудѧтъсѧ, а҆ще бо и҆з҆волитъ бг҃ъ жити в ру҆котворенных, нигдѣ и҆н҆дѣ, но в семъ всѧчески пребываѐтъ.

Въ послѣдующемъ изложенія пропущенъ весь § I Елл. л-ца, а вмѣсто того слѣдуетъ извѣстіе, что, когда царь замыслилъ создать церковь, ангелъ показалъ ему во снѣ, какова будетъ она — изъ VIII § Елл. л-ца. Далѣе — свѣдѣнія о количествѣ дани, собранной царемъ для постройки храма, — изъ II § Елл. л-ца; изъ того же §-а — и о разрушеніи церкви, созданной Константиномъ Великимъ на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи была воздвигнута св. Софія. Разсказъ о пріобрѣтеніи земельныхъ участковъ для храма (§§ III, IV и V) опущенъ.

Изъ VI § взята слѣдующая затѣмъ фраза объ измѣреніи мѣста и нахожденіи вѣчнаго (греч. στεφανέαν = вѣнечный) камня, причемъ эта фраза подверглась въ хронографѣ незначительному

1) Выдержки изъ Елл. л-ца по Синод. 86.

измѣненію: царь повелѣ размѣрити мѣсто... и ѡбрѣтоша...; въ Елл. л-цѣ — црь... размѣривъ мѣсто... ѡбрѣте камень...

Слѣдующая затѣмъ замѣтка о толщинѣ и размѣрахъ стѣны — взята изъ § VIII, а о притворахъ и числѣ придѣловъ — изъ § IX; о Михаилѣ и Игнатіи (Μηχανικὸς Ἰγνάτιος) и о числѣ работниковъ — изъ VII §; о кирпичахъ и созданіи 12 рядовъ — изъ XIV § дословная выдержка.

Такимъ образомъ, въ эту часть Сказанія выдѣлено все то, что относилось къ самой постройкѣ: сборъ дани, закладка церкви, число притворовъ и придѣловъ, мастера и работники, кирпичи. Это — какъ бы своего рода раціонализированіе; такой же пріемъ можно замѣтить и дальше — въ расположеніи чудесъ: сначала чудо о недоставшемъ златѣ (изъ § XI), близко примыкающее къ вопросу о постройкѣ и средствахъ для нея, далѣе чудо о трехъ оконцахъ (изъ § XII), которое, очевидно, казалось болѣе умѣстнымъ здѣсь, знаменуя переходъ разсказа къ окончанію постройки (оконца были въ куполѣ), наконецъ, чудо о нареченіи имени церкви ангеломъ (изъ § X), вопросъ о чемъ долженъ былъ явиться къ концу постройки. Всѣ эти разсказы о чудесахъ взяты съ большими сокращеніями изъ Еллинскаго лѣтописца; попутно замѣчу, что имя отрока (Исаія) сохранилось въ хронографѣ.

Расположивъ разсказъ по ходу постройки и представивъ церковь какъ бы созданною, авторъ начинаетъ описаніе уже внутренняго убранства ея: говоритъ о трапезѣ (сокращеніе § XVII), объ амвонѣ (тоже XXI), надпрестольной сѣни (теремцѣ) и ея украшеніи (тоже сокращеніе § XVI), о св. Крестѣ (тоже XXII), о сосудахъ, драгоцѣнныхъ Евангеліяхъ и свѣтильникахъ (изъ XXIII), дѣлаетъ затѣмъ общее заключеніе о великолѣпіи храма (изъ § XXVI).

Потомъ слѣдуетъ замѣтка изъ § XX о томъ, что церковь создана 10000 человѣкъ и что постройка продолжалась 16 лѣтъ и 4 мѣсяца, — и авторъ снова возвращается къ описанію внутренняго вида храма: говоритъ о намѣреніи царя украсить весь полъ золотомъ — (дословно повторяетъ § XIX).

Послѣ этого отступленія разсказъ переходитъ къ окончанію постройки и освященію зданія, причемъ молитва царя съ распространеннымъ обращеніемъ къ Соломону та же, что и во II видѣ Елл. л-ца. Конецъ (не совсѣмъ буквально) взятъ изъ Елл. л-ца:

въ Елл. л-цѣ:

заоу́тра же створи ѿверзеніе болша первы^{х}, заклавъ жр҆твы и҆ до сты҃^{х} бг҃ıявленіи до е҃ı дн҃іи пиръ всѣмъ твораше и҆ дроужаше и^{х}, бл҃годарѧ бг҃а.

въ Хронографѣ:

и҆ изше^{д} и҆з цр҃кве сотвори оу҆чреждéнїе вели́коѐ всѣмъ гражáномъ и҆ прише^{д}цемъ до е҃і дн҃їи и҆же превъсходи́тъ всѧкого числа̀.

Наконецъ, разсказъ о паденіи купола—сокращеніе (въ очень большой мѣрѣ) §§ XXVIII и XXIX второго вида Елл. л-ца и, какъ и тамъ, помѣщенъ въ царствованіи Юстина Малаго.

Такимъ образомъ, главнымъ и единственнымъ источникомъ для этой редакціи послужилъ II видъ Елл. л-ца; исключеніе лишь составляетъ начальная фраза текста, источника которой мнѣ не удалось найти: можетъ быть, она принадлежитъ редактору хронографа, но, во всякомъ случаѣ, должна возводиться къ ред. 1508 г., какъ общей и для ред. 1512 г., въ которой она тоже встрѣчается. Тоже можно сказать и о конечной фразѣ, приведенной выше (о пирѣ послѣ освященія), хотя источникъ ея очевиденъ—тотъ же II видъ Елл. л-ца.

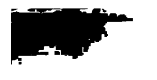
Самый процессъ, которымъ создалась редакція Сказанія въ хронографѣ нераздѣленномъ, очевиденъ: это выборка наиболѣе существеннаго изъ II вида Елл. л-ца, безъ всякой передѣлки конструкціи, — простая механическая вырѣзка съ опредѣленной однако цѣлью. Приведу примѣръ:

Елл. лѣтописецъ:

XXI. ѿ а҆мбонѣхъ (sic). 'Амбонъ же створи ѿ ка́мени е҆моу же и҆мѧ сардонихї́и҆. в на^{д}стол'-

Хронографъ.

ѿ а҃бонѣ (на полѣ). А҃бон'же сътвори ѿ камени е҆моу же и҆мѧ сар'доникый, и҆ прочаа каменїа,



пїи мѣсто. столъпцы́ же створи всѣ зла́ты со а̃спидны̏ˣ ка́менїеˣ и̓ со хрѫ̀ста́лы. и̓ сам'фи́ромъ. та́коже и̓ ве́р'хъ а̑мбон'ный со-твори ве̑ златъ, с би́сером и̑ со свѣтлыми и̓змарагды̏. верхоу же е̓го сотвори кр̑тъ златъ. и̓моу́ще р̄ литръ и̓ преи̓моу̑щ... бисеры вели́ки. в наˣстолпїа̑ же мѣсто поста́ви зла́то.

га́спидъ и̓ хроустаˣ и̓ самфиръ: врѣх же а̓м'боп'ный̓ ве̑ златъ з бисеромъ и̓ свѣтлыми иˣмарагды. връхоуˣ е̓го сътвори кр̑тъ зла́тъ р̄ литръ. в нем же вели́кыѧ̀ би-сери.

Въ предыдущей главѣ я устранилъ изъ разсмотрѣнія одинъ текстъ, представлявшій сокращеніе (доходящее до искаженія) Елл. л-ца. Нельзя того же сказать и объ этомъ сокращеніи: наоборотъ, сокращеніе, которое мы имѣемъ здѣсь, въ редакціи, нераздѣленной на главы, не является искаженіемъ Елл. л-ца: оно имѣетъ свою опредѣленную цѣль, сообразно которой редакторъ и расположилъ свой матеріалъ: сначала онъ говоритъ о приготовленіяхъ къ постройкѣ, потомъ о самой постройкѣ (при чемъ чудеса для нея необходимое вспомогательное обстоятельство), потомъ объ украшеніи храма и, наконецъ, объ освященіи его. Тутъ видимъ стремленіе внести извѣстную хронологическую послѣдовательность въ разсказъ Елл. л-ца, очевидно, казавшійся редактору недостаточно послѣдовательнымъ. Правда, едва ли и самому редактору хронографа нераздѣленнаго удалось быть вполнѣ послѣдовательнымъ въ описаніи храма: онъ, повидимому, имѣлъ въ виду начать съ главнѣйшаго и идти къ менѣе важному и вначалѣ поставилъ разсказъ о трапезѣ, далѣе объ амвонѣ; но далѣе эта послѣдовательность нарушается, такъ какъ сначала говорится о надпрестольной сѣни, предметѣ менѣе важномъ, а потомъ о крестѣ;—и еще дальше: выразивъ удивленіе благолѣпію храма и тѣмъ какъ бы покончивъ съ описаніемъ внутренняго убранства, редакторъ поминаетъ затѣмъ и о несостоявшемся украшеніи церковнаго пола золотомъ. Впрочемъ, эта непослѣдо-

вательность въ одной изъ частей разсказа не важна, для насъ важнѣе расположеніе главныхъ частей, обнаруживающее стремленіе автора распредѣлить матеріалъ сообразно естественному ходу событій; съ этой цѣлью, какъ мы видѣли, онъ даже легенды (чудеса) располагаетъ такъ, какъ ему представлялся болѣе раціональнымъ порядокъ ихъ. Другая черта этой редакціи — сокращеніе Елл. л-ца, причемъ сокращеніе, какъ я уже указалъ, не случайное, а осмысленное, имѣющее цѣлью дать выборку лишь самаго главнаго.

На основаніи всего этого можно сдѣлать выводъ, что въ хронографѣ редакціи, нераздѣленной на главы, мы имѣемъ особую редакцію Сказанія, составленную по Еллинскому лѣтописцу II вида путемъ сокращенія его и болѣе систематичнаго расположенія матеріала. Дальнѣйшіе выводы объ этой редакціи сдѣлаю послѣ разсмотрѣнія редакціи 1512 года. Къ этому разсмотрѣнію я теперь и перейду, при чемъ буду параллельно сравнивать Сказаніе по ред. 1512 г. съ только что разсмотрѣнной редакціей по хронографу, нераздѣленному на главы; дѣлаю это съ той цѣлью, чтобы легче было установить, что̀ именно заключалось въ Сказаніи по той редакціи (1508 г.), которая легла въ основу и ред. 1512 г. и нераздѣленной на главы.

Особаго заглавія въ спискахъ хронографа 1512 г. Сказаніе не имѣетъ (кромѣ Рум. 454 — поздн. копія); впрочемъ, его нѣтъ и въ-Толст. спискѣ, въ спискѣ Попова есть.

Текстъ Сказанія передается сокращенно, что видно уже съ первыхъ словъ: сеи създа цр҇квь (въ спискахъ ред. нераздѣл.: се́и бл҇гочестивый по бж҇їю бл҇говоле́нїю създа цр҇квь), или дальше — при упоминаніи о дани пропущено — «на таковое дѣло»; впрочемъ, сокращеніе коснулось не только отдѣльныхъ выраженій, а и цѣлыхъ отдѣловъ текста (сравнительно съ ред. нераздѣл.), главнымъ образомъ, во второй половинѣ его.

Разсказъ начинается той же фразой о созданіи Юстиніаномъ церкви, которую мы встрѣтили и въ ред. нераздѣл. Далѣе сказано о видѣніи царемъ во снѣ зданія церковнаго, о закладкѣ фунда-

мента и о размѣрахъ церковныхъ стѣнъ и количествѣ придѣловъ; потомъ о количествѣ дани, собранной для церкви (въ Елл. л-цѣ и ред. неразд. о дани раньше—вслѣдъ за начальными строками). Затѣмъ слѣдуетъ отрывочная фраза, очевидно, изъ IX § Елл. л-ца (неразд. нѣтъ) — и толико ѹбо цр҃ь тщаніе имѣ на таковое божественое дѣло — внѣ связи съ текстомъ, потому что передъ этимъ сказано о дани, а вслѣдъ за этимъ мѣстомъ — о молитвѣ патріарха и священниковъ при созданіи стѣнъ. Если сличить съ ред. неразд., то увидимъ, что въ этой части пропущено: объ измѣреніи мѣста для храма, объ архитекторахъ и рабочихъ, о родосскихъ кирпичахъ.

Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ легенды. Всѣ чудеса пересказаны почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ томъ же порядкѣ, что и въ ред. неразд. Отличія только въ слѣдующемъ: 1) внесены заглавія особо для каждаго чуда, какъ въ Елл. л-цѣ, при чемъ одно (ȍ тре҃ ȍконца҃) даже совпадаетъ съ Елл. л-цемъ; первое чудо озаглавлено: ȍ златѣ ѐже дáсть ѐмѹ (царю) а҆гглъ (Елл. л-цъ: ѡ҆ недоставше҃ златѣ), третье: — ȍ именовáніи црк҃ви ѿ а҆ггла (Елл. л-цъ: ѡ҆ ꙗвленіи а҆ггла). 2) Въ разсказѣ о первомъ чудѣ добавлена фраза: все оу҆же цр҃ское и҆мѣніе истощиса; сказано, что явился а҆гглъ бж҃іи во ȍбразѣ каженика (въ неразд. — каженикъ въ бѣлѣ҃ риза҃); число возовъ — 12 (неразд. 20). Въ разсказѣ о третьемъ чудѣ нѣтъ упоминанія объ Игнатіи и нѣтъ имени Исаіи; разговоръ мальчика съ ангеломъ сокращеннѣе, чѣмъ въ ред. неразд.; добавлено, что царь прише҃ никого° обрѣте.

Далѣе изъ Елл. л-ца (§ VI) взято въ перифразѣ объ усердіи царя и о томъ, что онъ самъ началъ зданіе, а за нимъ уже всѣ прочіе. Слѣдующее описаніе внутренняго убранства идетъ въ такомъ порядкѣ: трапеза (дословно сходно съ неразд.), амвонъ (съ сокращеніями), двери (одно упоминаніе изъ XVIII § Елл. л-ца; нѣтъ въ неразд.), «покровъ церковный» и предполагавшаяся позолота пола; всѣхъ же прочихъ подробностей, приведенныхъ въ спискахъ неразд., здѣсь нѣтъ.

Окончаніе Сказанія тоже передано значительно короче, — вся молитва царя, напр., выражена такъ: «оупремудрова̃ тѧ соломоне и̇ прочаѧ». Конечная фраза (о пирѣ по случаю окончанія постройки) — та же, что и въ ред. нераздѣл. О паденіи купола разсказано въ царствованіе Юстина Малаго буквально тѣми же словами, что и въ ред. нераздѣленной.

Изъ предыдущаго видно, что, по сравненію съ ред. нераздѣл., текстъ Сказанія въ редакціи 1512 года представляется сильно сокращеннымъ; припомнимъ, что, по выводамъ В. М. Истрина и А. А. Шахматова, редакторъ 1512 года никакими новыми источниками не пользовался, а весь трудъ его состоялъ лишь въ обработкѣ и сокращеніи той редакціи хронографа (1508 г.), которая была его источникомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ отсюда вывести, что то, что̀ заключается въ ред. 1512 г., было и въ ред. 1508 года; но это не будетъ полнымъ представленіемъ о послѣдней, такъ какъ мы знаемъ отличительную черту редакціи 1512 года — стремленіе къ сокращенію. Для того, чтобы возстановить Сказаніе въ редакціи 1508 года, надо пользоваться и редакціей нераздѣленной, хотя она сама прошла чрезъ редакцію 1520 г. Сравненіе показало намъ, что въ ред. 1512 г. есть слѣдующія подробности, невошедшія въ ред. неразд.: 1) объ усердіи царя (IX Елл. л-ца) — отрывочная фраза; вѣроятно, въ ред. 1508 г. она была въ бо̀льшей связи съ текстомъ; 2) заголовки для легендъ, изъ которыхъ одинъ даже совпадаетъ съ имѣющимся въ Елл. л-цѣ, а другіе, должно быть, составлены по образцу таковыхъ же въ Елл. л-цѣ; 3) снова фраза объ усердіи царя и объ участіи его въ закладкѣ зданія (VI Елл. л-ца); 4) упоминаніе о дверяхъ—тоже отрывочное (изъ § XVIII). Всѣ эти подробности, разъ пересмотръ (редакція) 1512 г. свелся лишь къ сокращенію ред. 1508 г., должны быть очевидно возводимы къ послѣдней, какъ уцѣлѣвшіе остатки ея. Это первое, что̀ должно быть отнесено на счетъ редакціи 1508 г.; къ ней же мы отнесемъ и начальную и конечную фразы, встрѣтившіяся намъ неизмѣнно и въ ред. 1512 г. и не-

разд. Далѣе, туда же, по моему, должно быть отнесено и все содержаніе Сказанія по редакціи, нераздѣленной на главы, потому что: 1) у насъ нѣтъ данныхъ судить, что въ основу ред. нераздѣл. или 1520 г. легъ новый пересмотръ на основаніи Елл. л-ца; наоборотъ, можно думать, что эта часть болѣе древней редакціи (1508—1520 гг.) сохранилась, потому что ред. нераздѣл. имѣла цѣлью дать обозрѣніе главнымъ образомъ всеобщей исторіи, почему сократила библейскую и русскую. Ясное дѣло, что не могло быть основанія сокращать Сказаніе, какъ относящееся именно къ намѣченной редакторомъ области. 2) Сличеніе съ ред. 1512 г. показываетъ большую сохранность текста Сказанія именно въ ред. нераздѣленной и приводитъ къ мысли, что большая полнота послѣдней есть явленіе болѣе первичное, чѣмъ краткость и отрывочность редакціи 1512 г., тѣмъ болѣе, что эта полнота изложенія обусловлена не новымъ источникомъ, а основана на той же общей редакціи 1508 г. Поэтому, думаю, не будетъ ошибкой сказать, что Сказаніе въ ред. нераздѣл. болѣе близко къ ред. 1508 г., чѣмъ редакція 1512 г.; не скажу однако, что редакція 1508 года и нераздѣленная одно и то же, потому что приведенные слѣды редакціи 1508 г. въ редакціи 1512 г., очевидно, тоже должны быть возведены къ ред. 1508 г. Были, можетъ быть, еще какія-либо подробности въ послѣдней, сокращенныя одинаково двумя дошедшими редакціями, — сказать трудно. Несомнѣнно только одно, что порядокъ ред. нераздѣл. былъ уже должно быть въ оригиналѣ (1508 г.) обѣихъ редакцій (и 1512 г. и нераздѣл.), потому что онъ сохраняется и въ той и въ другой, хотя въ ред. 1512 г. и менѣе обращаетъ на себя вниманіе, потому что многое сокращено.

Редакція 1512 г., повторенная во множествѣ списковъ, безъ значительныхъ варіантовъ, отразилась и на большинствѣ позднѣйшихъ редакцій: 1617 г. (см. напр., Пискар., 599 и 600, Погод. 1445 и 1467; F. IV, 85, 139, 300 и др.), III-ьей (по Попову) редакціи (Погод. 1447 и 1458, F. 164, 171, 212 и др.). Текстъ сокращенной ред. 1617 г. (Погод. 1461 и 1463): ѿ соз-

дание' с҃тая с҃ты (sic) j' о несоздавшемъ (sic) злате — есть не больше, какъ выхваченный изъ ред. 1512 г. (и 1617 г.) отрывокъ о количествѣ дани и недоставшемъ златѣ — и только: поэтому никакого значенія и интереса въ общей судьбѣ Сказанія имѣть не можетъ.

Наконецъ, въ спискахъ хронографа встрѣчаемъ еще одну редакцію Сказанія, — именно въ тѣхъ спискахъ, редакція которыхъ относится къ 1601 году, и въ пошедшихъ отъ нихъ. Подъ первыми я разумѣю списки хронографа: Погод. 1441 и Большак. 21, относимые, по выкладкѣ въ статьѣ объ отложеніи мяса инокамъ, къ редакціи 1601 года. Списки хронографа этой редакціи отличаются другъ отъ друга только въ слѣдующемъ: 1) Большак. 21 утратилъ начало и начинается окончаніемъ разсказа о явленіи Аврааму св. Тройцы и о погибели Содомстѣй. 2) Въ немъ нѣтъ статьи о Бѣломъ клобукѣ. 3) Въ немъ нѣтъ и дѣленія на главы. Послѣднее имѣется въ 1441 Погод., при чемъ впереди текста помѣщено оглавленіе съ раздѣленіемъ на 135 главъ. Въ самомъ же текстѣ главы размѣчены на поляхъ, но начиная съ главы 117 (по оглавленію) идетъ новый счетъ главъ, имѣющійся и въ Большак.: гл. 179 и слѣд. до 208-ой включительно, съ полнымъ соотвѣтствіемъ и дѣленія по главамъ и текста — редакціи 1512 г. Такимъ образомъ, всѣ особенности этой редакціи—лишь на протяженіи ея до 116—117 ея главы (Царство і̓ва́на цымисхи́ѧ да васи́лиѧ і̓ конста́нти́на... ѿ нача́ле кнѧженіѧ великаго кнѧзѧ Владимера). Во всемъ прочемъ оба списка сходятся, различаясь отъ ред. 1512 года. Редакція 1601 г. не была отмѣчена Поповымъ и оба списка ея были причислены имъ къ ред. 1512 г.[1]). Между тѣмъ, она отличается отъ послѣдней главнымъ образомъ дополненіями и распространеніями; есть, правда, и сокращенія, но число ихъ сравнительно не велико, да и сами они незначительны по размѣрамъ (между прочимъ опущена статья Өеодорита, како подобаетъ креститися, часть статьи:

1) Обзоръ Хронографовъ, ч. I, стр. 96, и ч. II, стр. 2.

«оуказъ чесо ради поклоняемся на востокъ»; глава 90 ред. 1512 г. сокращена до 9 строкъ; въ другихъ статьяхъ кое-гдѣ также можно отмѣтить цѣлый рядъ выпущенныхъ фразъ). Болѣе крупныя дополненія редакціи 1601 г. суть слѣдующія: 1) Шестодневецъ в'кратце о сотвореніи небеси и земли и всеа твари, инъ переводъ (Погод. гл. 5), 2) паки о раю и о седмомъ дни (Погод., гл. 6), 3) сказаніе о животныхъ отъ шестодневца и о проявленіи всемірнаго потопа (гл. 7), 4) Сказаніе о Мелхиседекѣ и о томъ же Мелхиседекѣ сказаніе Аѳанасія Александрійскаго (гл. 10 и 11), 5) подробная исторія Іова (гл. 16), взамѣнъ сокращенной въ ред. 1512 г., 6) нѣкоторыя дополненія въ разсказѣ о судахъ Соломона и о царицѣ Савской, 7) ѝс книги мудреца Маркуса о десяти сивиллахъ сирѣчь пророчицахъ (послѣ 24 царства въ Іерусалимѣ), 8) избраніе отъ книги, глѣмыя Юдифь, и далѣе — инъ переводъ в'кратце, первомꙋ не согласенъ, занеже не въ то время сказꙋетъ, 9) большія дополненія въ IV видѣніи Даніила, 10) родословіе Богородицы и разсказъ о ея трудахъ и образѣ жизни при храмѣ до Благовѣствованія (въ царств. Августа), 11) перечни мучениковъ, погибшихъ въ царствованія Діоклитіана, Максиміана, Галерія и Максентія, съ повѣствованіемъ о нѣкоторыхъ случаяхъ мученія, 12) нѣсколько дополненій въ царствѣ Консты Зеленаго, 13) статья о бѣломъ клобукѣ (только Погод. 1441)—въ главѣ о крещеніи Константина, 14) о отверженіи звѣздочетія и о переименованіи дней всея недѣли и повелѣніе Константина о церкви, 15) слово о черноризцѣ (изъ Пролога) въ царствѣ Фоки мучителя, 16) о Таксіотѣ — въ царствѣ Константина, сына Ираклія.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ дополненій, есть еще цѣлый рядъ другихъ, болѣе мелкихъ, вызванныхъ тѣмъ, что редакція 1601 г. была пересмотромъ по новымъ источникамъ или, по крайней мѣрѣ, новымъ пересмотромъ по источникамъ, использованнымъ раньше; въ числѣ этихъ источниковъ были: Библейскія книги, Елл. л-цъ II вида, Прологъ, Толковая Палея, Епифаніево житіе Богородицы и нѣкоторые другіе. Подробное изслѣдованіе этой

редакціи хронографа не входитъ въ мою задачу, тѣмъ болѣе, что она, несомнѣнно, получитъ полное объясненіе въ трудѣ другого лица, спеціально занимающагося въ настоящее время вопросомъ о русскихъ хронографахъ. Для моей цѣли важно было только указать, что въ спискахъ Погод. 1441 и Большак. 21 находится особая редакція хронографа, въ основу которой положена редакція 1512 года и внесенъ цѣлый рядъ дополненій и распространеній по другимъ источникамъ. Это замѣчаніе необходимо сдѣлать, потому что Сказаніе о Софіи Цареградской также не осталось чуждымъ общей судьбѣ другихъ статей хронографа и подверглось распространенію по Елл. л-цу II вида.

Въ этой редакціи текстъ Сказанія имѣетъ заглавіе: ѡ҆ со'данїи црквы великїѧ софїи — очевидно, сокращенное заглавіе Елл. л-па. Вслѣдъ за заглавіемъ начинается текстъ редакціи 1512 года, который прерывается послѣ упоминанія объ ангелѣ (показавшемъ царю зданіе церкви) вставкою о пріобрѣтеніи земельныхъ участковъ для храма; въ этой вставкѣ изъ Елл. л-па дословно взятъ лишь разсказъ о пріобрѣтеніи дома Анны, яже мꙋ́дрѣе всѣхъ сотвори, а о прочихъ лицахъ, продававшихъ свои участки, сказано обще — что одни брали надлежащую цѣну, а другіе неразумно требовали при этомъ воздания имъ небывалыхъ почестей. Вставка продолжается подъ особымъ заглавіемъ, взятымъ изъ того же Елл. л-па—ѡ҆ ѡ҆бложе́нїи црквы стыѧ Софїи,—выдержкою изъ § VI Елл. л-па (о «вѣчномъ» камнѣ и измѣреніи мѣста постройки). Далѣе возобновляется текстъ редакціи 1512 года—о размѣрахъ стѣны, молитвахъ духовенства при закладкѣ. Новая вставка изъ того же § VI Елл. л-ца сообщаетъ подробно молитву царя при закладкѣ и его личное участіе въ ней. Далѣе изъ VIII § добавлено о приготовленіи извести для храма. Подъ заглавіями 1512 г. приводятся всѣ три легенды о чудесахъ при постройкѣ, при чемъ вторая легенда передана дословно (съ ред. 1512 г.), а первая и вторая половина третьей распространены по тексту Елл. л-ца (XI и X): въ первую внесены, напримѣръ, имена лицъ, посланныхъ съ ангеломъ за золотомъ, въ третью—

предложеніе царя отроку провѣрить, не принадлежалъ ли явившійся ему каженикъ къ числу придворныхъ кажениковъ и описаніе паружности ангела (въ разсказѣ отрока).

Слѣдующее затѣмъ описаніе убранства храма, какъ извѣстно, очень сокращенное редакціей 1512 года, распространено въ ред. 1601 года дополненіями по Елл. л-цу въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ § XIV взято свѣдѣніе о родосскихъ кирпичахъ, но только описаніе ихъ — первая половина параграфа, а вторая (объ употребленіи ихъ при постройкѣ) опущена; изъ § XV — первая фраза его—о толщинѣ позолоты; § XVI (алтарь и теремецъ надъ престоломъ) — внесенъ цѣликомъ съ незначительными сокращеніями. Дальнѣйшій разсказъ о трапезѣ, амвонѣ, дверяхъ, покровѣ церковномъ, намѣреніи позолотить полъ — цѣликомъ изъ ред. 1512 г.

Объ освященіи церкви и паденіи и реставраціи купола — распространено по §§ XXVII—XXIX Елл. л-ца. Такъ, разсказъ объ освященіи дополненъ упоминаніемъ объ Евтихіи, приведеніемъ молитвы царя въ полномъ видѣ. (Конечная фраза о пиршествѣ послѣ освященія сохранена по ред. 1512 г.). Разсказъ о куполѣ (въ отдѣльной главѣ въ царствованіе Юстина Малаго) распространенъ внесеніемъ имени архитектора и нѣкоторыхъ подробностей паденія купола («сокруши амвонъ») и объясненія причинъ этого паденія архитекторомъ (упоминаніе объ усердіи и поспѣшности Юстиніана, о мозаикѣ и пр.).

Ясное дѣло теперь, что редакція Сказанія 1601 года должна быть признана особой редакціей, распространившей редакцію 1512 года новымъ пересмотромъ Сказанія по тексту Елл. л-ца, при чемъ, очевидно, редакторомъ имѣлось въ виду дать болѣе подробный разсказъ, не удаляясь все же отъ плана ред. 1512 г.: этимъ и можно объяснить сохраненіе того же расположенія чудесъ, заголовковъ для нихъ, приблизительно того же хода разсказа. Но, съ другой стороны, распространеніе не было только механическимъ: говоря о пріобрѣтеніи земли для храма, редакторъ «своими словами» передаетъ текстъ Елл. л-ца, точнѣе ска-

зать, резюмируетъ выводы объ отношеніи владѣльцевъ къ продажѣ. Самостоятельность редактора проявляется и въ выборѣ тѣхъ или иныхъ подробностей описанія храма, при чемъ онъ выбираетъ то, что кажется ему болѣе главнымъ, оставляя все второстепенное.

Я уже указалъ, что списковъ ред. хронографа 1601 г. мы знаемъ пока лишь два, но текстъ Сказанія этой редакціи встрѣчается и въ другихъ, позднѣйшихъ редакціяхъ хронографа; таковы: ред. II распростр. (по терминологіи Попова), см. напр. сп. Погод. 1446, F. IV, 154 и друг.; второй видъ III ред. (терминъ Попова), напр. въ сп. F. IV, 90, 109, 129, 250 и друг.; въ Погод. 1459 (III видъ III ред., по Попову). При этомъ легко замѣтить, что не одно Сказаніе о Софіи вошло въ эти редакціи изъ ред. 1601 г., а и вообще эта редакція оказала свое вліяніе на всемъ протяженіи хронографа на эти позднѣйшія редакціи; будущему изслѣдователю хронографа, такимъ образомъ, предстоитъ выяснить зависимость позднѣйшихъ передѣлокъ (XVII в.) отъ редакціи 1601 г., а также и тѣ обстоятельства, при которыхъ создалась послѣдняя.

Изъ сказаннаго видно, что Сказаніе о построеніи храма Софіи Цареградской, возникнувъ въ Византійской литературѣ не позже половины IX вѣка, повидимому, въ X вѣкѣ перешло въ славянскую письменность: такое заключеніе можно сдѣлать на основаніи нахожденія Сказанія въ двухъ видахъ Елл. л-ца, возникшаго на основѣ древнеболгарской энциклопедіи царя Симеона. При этомъ переводъ Сказанія въ обоихъ видахъ одинъ и тотъ же, самый же текстъ различается нѣкоторыми особенностями въ томъ и другомъ видѣ, соотвѣтственно различію видовъ и самого памятника — Елл. л-ца. Наибольшую близость къ греческому тексту представляетъ текстъ Сказанія въ III видѣ. Однако не этотъ текстъ, а именно текстъ Сказанія II-го вида пользовался наибольшею распространенностью въ древнерусской письмен-

пости, какъ можно заключить не только по количеству списковъ и Сказанія и всего II вида Елл. л-ца, но и потому, что именно Сказаніе по II виду оказало вліяніе и на хронографы, выразившись въ рядѣ редакцій: 1) одной (1508 г.), возстановляемой на основаніи двухъ дошедшихъ (1512 г. и нераздѣленной) и послужившей источникомъ для послѣднихъ; 2) въ двухъ другихъ редакціяхъ XVI вѣка (1512 г. и нераздѣленной), различнымъ образомъ отнесшихся къ своему источнику (ред. 1508 г.), т. е. сократившихъ или сохранившихъ его въ большей или меньшей мѣрѣ; 3) въ редакціи 1601 года, представившей новый пересмотръ своего ближайшаго источника (ред. 1512 г.) на основаніи первоисточника (Елл. л-ца). Позднѣйшія редакціи XVII в. различнымъ образомъ группируются между ред. 1512 и 1601 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ *).

I.

Моск. Публ. Музея, № 2397 (изъ собр. А. Н. Попова), л. 154 об. — 157 и л. 160 об.

(л. 154 об.). По оустінѣ* цр҇твова йоустиа҇ великый братанй его лѣ҇ л҇ѳ. Сѐй бл҇гочестивый по бж҇їю бл҇говолѐнїю созда[1]) ц҇рквь, хра́мъ ба҇ моѐго, н҇бо ни*ноѐ, ѐмоу же мню и҆ серафими дивѧщесѧ чоудатъсѧ, а҆ще бо из́волитъ б҇ъ жити в рꙋкотворенны҇, нигдѣ и҆н́дѣ но в семъ всѧческы пребываѐть. ѐгда же помысли царъ зда́ти ц҇рквь, а҆г҇гломъ б҇гъ показа ѐмоу въ снѣ зда́нїе ѣ҇ѧ. собьра* данъ въ всемъ цр҇твїи на ц҇рквьноѐ строѐнїе и҆ бысть злата х҇ кен́-

*) Текстъ Сказанія по II виду Елл. л-ца изданъ Буслаевымъ въ Лѣтоп. Р. Лит., т. II; — по III виду — архим. Леонидомъ въ Пам. Др. Письм. LXXVIII; по хронографу ред. 1512 г.—Буслаевымъ (тамъ же). Тексты издаются: ред. нераздѣленной по списку Попова 2397 (М. П. М.), а ред. 1601 г. — по Погод. 1441 (И. П. Б.). Варіанты приводятся лишь для уясненія испорченныхъ мѣстъ.

1) На полѣ: ѡ҇ созда́нїи ц҇ркве с҇тыѧ софѣѧ в' ц҇рыгра́дѣ.

тарей а҆ сребра ,в҃ кен'тарей, е҆дин' же кен'тарь и҆ма́тъ р҃к литръ, а҆ литра по'торы гривен'ки, а҆ золотныкωвь въ литрѣ б҃е. и҆ тако бл҃гочестивый ц҃ръ и҆оу҆стиниа́нъ въ в҃і лѣто цр҃тва своего преж҃е создан'ную ц҃рквь ѿ великаго кон'стан'тина до ѡ҆снова́нїа раздр8ши. и҆ повелѣ мѣсто ра'мѣрити и҆деже ц҃рквь здати и҆ ѡ҆брѣтоша въ ѡ҆снова́нїи вѣчный камень ѿ ѡ҆л'тара, да' и҆ до пре҃нлѧ стѣны. и҆ положен'но бысть (л. 155) ѡ҆снова́нїе стѣны то'стотѣ к҃ ла́котъ а҆ в' до'готоу сто саженъ кромѣ притворовь, а҆ со четыр'ми притворы р҃о сажень. предѣловь же рек'ше ц҃рквей т҃ѯе, е҆лико д҃нїи в' год8, кал'до и҆моущи дверы ѡ҆собны. баше' пръвы҃ здатель михаи҆лъ, вторый и҆гна҃тый. маистровь же хитры҃ р҃, и҆мѣще[1]) по р҃ наймитовь. сотвориша' мнωжество керемидъ велики҃, равны҃ в широтоу и҆ в дω'готу, вси' назнамена́ны: ста бг҃ъ посредѣ сѧ҃ и҆ не по҃вижи҃сѧ, поможеть є҆и бг҃ъ оу҆тро за оу҆тра. кїиждо и҆ в до'готоу и҆ в широтоу трие҃ лакотъ. е҆гда' создава́хоу в҃і рѧдовь, тогда патрїархъ съ е҆п҃пы и҆ с҃щен'никы молитвы творѧхоу и҆ мощей ст҃ы полага́хоу. сице' творѧхоу и҆ до совръше́нїа ц҃ркве. и҆ во'двиго́ша стѣны е҃і сажень.

недоста́вшоу зла́тоу и҆ ц҃рю скор'бѧщоу за ѡ҆скоудѣнїе зла́та ꙗ҆висѧ е҆моу моу' каженикъ въ бѣлы҃ риза҃ и҆ г҃ла е҆моу, посли со мною, а' дам' ти зла́та е҆лико требоуе҆ши. ц҃ръ' посла к҃ возовь. и҆ прїидо́ша с каженикѡ҃ на мѣсто г҃лемое҆ триоу҆гленно и҆ видѣша пола́ти новозда́нны. каженикъ же ѿвръзе е҆диноу пола́тоу, и' бѣ҃ по'на зла́та. и҆ насыпа́вше возы прїидо́ша ко ц҃рю. ц҃ръ же повелѣ (л. 155 об.) превѣсити и҆ бысть р҃п кен'тарїи. на оу҆трѣи' посла ц҃ръ видѣти пола́тъ и҆ не ѡ҆брѣтоша҃ и҆ ра'умѣвь ꙗ҆ко а҆г҃глъ посла́нъ бѣ ѿ б҃а. помышлѧше' ц҃ръ сътворити во ω'гари ѡ҆кон'це на просвѣщенїе, ѿвогда' два. и҆ ꙗ҆висѧ нача́лохитръцоу а҆г҃глъ въ ѡ҆бразѣ ц҃рѧ, повелѣ сътворити три ѡ҆кон'ца въ и҆мѧ ѡ҆ц҃а и҆ с҃на и҆ с҃тго д҃ха. паки же въ мнѡѕѣ размышленїи бѣ҃ ц҃ръ въ кое҃ имѧ нарещи ц҃рквь. ѿшеши҃мъ оу҆бо хи҆тръцемъ и҆ всѣмъ дѣлателемъ ко ц҃рю на ѡ҆бѣдъ прежерече҃нный хитрець и҆гнатїи ѡ҆стави на

---

1) Толст. I, 172 — имѣюще.

стѣнѣ с҃на своегѡ̀ и҆саі́ѧ є҃і лѣ҃ с́ꙋща стрещи зиждите^л^ныѧ̀ сосоуды. и҆ ꙗ҆виса є҆моу а҆́г҃глъ въ ѡ҆бразѣ каженика и҆ ꙗ҆ко ѿ ц҃рѧ г҃ла: иди и҆ рцы дѣлателемъ да не коснатъ та́мо. ѡ҆тpокъ же рече́: не и҆мамъ ѡ҆ставити сосоу̑ да не погыбнетъ что ѿ н҃и. каженикъ же рече: а҆́зъ клѧноутисѧ и҆менемъ с҃тыѧ софі́ѧ є҆́же є҆́стъ слово б҃жі́е, во є҆́го же и҆мѧ и҆ ц҃рковь сі́а зиждетсѧ, а҆́зъ стра^ж^ поставленъ ц҃ркви сеѧ̀. ш҃е же ѡ҆тpокъ повѣда ц҃рю. ц҃ръ же враз́ꙋмѣ[1]) ꙗ҆ а҆п҃лъ г҃днь ꙗ҆виса ѡ҆трокоу понеже ѡ҆нъ никомоу^ж^ не повелѣ^л^ ѡ҆ семъ рещи. и҆ возрадова́сѧ ц҃ръ и҆ прослави б҃а ꙗ҆ко оу҆вѣде ц҃рковноѐ нарече́ні́е.

с҃тꙋю^ж^ трапезоу[2]) є҆́же є҆́стъ пр҃толъ хитрѣ и҆ неи҆зрече́нно (л. 156) сотво́ри. събра оу҆́бо вое҆́дино зла́то и҆ сребро и҆ бис҃е и҆ каменіе мнѡгоцѣнноѐ и҆ мѣ҃ и҆ проудь и҆ ѡ҆лово и҆ желѣзо и҆ ѿ всѣ҃ вещей драг҃и соущ҃и на земли и҆ вложи в грънило. и҆ егда смѣсишася вса, слиѧ̀ трапезоу в мѣ́роу еѧ҃ и҆ бы́сть чоу҆на и҆ неи҆зг҃лаппа и҆ непостыжима оу҆́моу ч҃лчоу, запеже ѡ҆вогда ꙗ҆влашесѧ зла́та, ѡ҆вогда^ж^ сребре́нна, и҆ногда̀ ꙗ҆ко камень драгый, и҆ногда^ж^ и҆́нь зракъ ꙗ҆влаше ѿ коегождо състава ꙗ҆̀же смѣшен҃ы. а҃бон'[3]) же сътвори ѿ камени є҆моуже и҆мѧ сар'доникый и҆ прочаа̀ камені́а, ꙗ҆спидъ и҆ хроуста^л^ и҆ самфиръ, и^з^марагды. врьхоу^ж^ є҆го сътвори кр҃тъ зла́тъ р҃ литръ, в нем же вели́кыѧ̀ бисери. тако^ж^ и҆ н҃а пр҃тл҃о сътворѝ теремецъ ѿ сребра ч҃та позлащенъ въ мно́гоу то^л^щиню, върхоу^ж^ є҆го ꙗ҆блоуко все зла́то и҆моуще мѣ́роу н҃і кен'тарей и кринъ зла́тъ и҆моу́щ' ѕ҃ кентарей и҆ вр҃ъ є҆го кр҃тъ зла́тъ о҃ литръ, и҆ оу҆краси є҆го каменіемъ драгимъ. с҃тый же кр҃тъ и^ж^ в сосоудохрани́лници мѣ́ра възраста г҃а нашего і҆с҃ х҃а, и҆звѣщенна ѿ вѣ́рн҃ы ч҃лкъ въ і҆ер҃лимѣ, є҆го же ѡ҆бложи сребромъ и҆ зла́т҃о и҆ каменіемъ мнѡгоцѣн'н҃ы. ѿ него же бы́ша мнѡ́га и҆сцѣле́ні́а различными ѡ҆дръжим҃ы. (л. 156 об.) тако^ж^ сътвори и҆ съсоу́ды с҃щенныѧ̀ зла́ты в҃і-мъ празникомъ различными ѡ҆бразы и҆ прочаа̀ съсоуды зла́ты комкалныѧ̀ и҆ р́ꙋкомі́ѧ и҆ блюда вса зла́та с каме-

---

1) Толст. сп. оу҆разоумѣ.

2) На полѣ: ѿ пр҃толѣ ц҃ерковнимъ (Толст. и Бусл. Q. IV, 378 — нѣтъ).

3) На полѣ: ѿ і҆конѣ (Толст. и Бусл. нѣтъ).

піемъ драгимъ[1]) т҃ и̓ вѣнецъ р҃ да боудоутъ в кождо празникъ ра̑личны и̓ платы ком̓ка̑ныѧ ҂а҃ всѧ злáты з женьчоугомъ и̓ каменіемъ мнѡгоцѣннымъ. ѐѵ̑лїи т҃ пѡ два кен̓тарѧ злáты и кадильникъ ѯ҃ѕ всѧ злáты с каменіемъ по ѐдиной кен̓тарїи и̓ свѣти̑никъ т҃ по л҃ литръ и̓ паникади̑ а̓мъбон̓ны и̓ ѡ̑тар̓ны҃ з двѣма женьскыми и̓ с притвóр̓ными ҂ѕ҃. и̓ ины мнѡгы вещи оу̓строй всѧко число превъсходѧще цѣною̀. красотоу̑ и̓ превеличество тоѧ̀ ц҃ркви кто и̓споведстъ. чꙋдо оу̓бо ѡ̓дръжáше видѧщи҃ таковоую̀ ц҃рковь, кáко блещашесѧ свѣто҃ ѿ злата и̓ сребра и̓ жен̓чоуга и̓ каменїа мнѡгоцѣннаго и̓ всѧкаго̀ оу̓строе̑нїа. Създанна̑ бы́стъ ц҃рквь десѧтїю тисѧщъ моужей во ѕ҃і лѣто и̓ д҃ м҃цы.[2]) въсхотѣ̑ ц҃ръ и̓ мостъ ц҃рковный сътворити весъ сребрень, но оу̓толенъ быстъ ѿ а̓ѳинъ и̓ звѣздочтець и̓ ѿ ꙗ̓рофеѧ всесовѣтнаго (sic), и̑вѣстовáша бо ѐмоу, ꙗ̓ко во послѣ҃нѧѧ̀ д҃ни боудетъ ц҃рство темноѐ и̓ возмоутъ гра҃ сей.

ѐгда же совръшисѧ зданїе ц҃рквное, прише҃ ц҃ръ съ (л. 157) патрїархѡ҃ ѐвтихїемъ ко крáсны҃ двере҃ и̓ течѐ до а̓мбона и̓ воздѣвь рꙋцѣ гóрѣ молашесѧ г҃лѧ: слáва спо̑добльшемоу мѧ таково дѣло съвръшити. прео̓долѣ҃ же ты (sic) соломоне, ты бо҃ не оу̓готова таковыѧ̀ красоты в домоу̓ с҃таѧ̀ с҃ты҃ ꙗ̓ко же а̓ѕъ оу̓строи҃. и̓ и̓зше҃ и̓з ц҃ркве сотвори оу̓чреждéнїе велико̀е всѣмъ гражáномъ и̓ прише̑цомъ до е҃і д҃нїи и̓же превъсходитъ всѧкаго числа̀.

(л. 160 об.) По и̓оу̓стиниꙗ̓нѣ велицемъ ц҃ртвова и̓оу̓стинъ малый нетїи ѐго, сирѣ̑ братаничь ѐго лѣ҃ к҃.... при семъ паде връ̑[3]) вели́кїѧ ц҃ркви с҃тыѧ̀ софїѧ, ю̓же созда и̓оу̓стиныꙗ̓нъ вели́кы̆. и̓ вопроси ц҃ръ хитръцовь ѡ̓ семъ. ѡ̓ни̑ рѣша, ꙗ̓ко ѐгда̀ метахоу мосты дѣлатели с высоты на мостъ ц҃рко̑ный, ѿ сего повредиша помость[4]) ц҃рковный. и̓ сего̀ ради стѣны ра̑стоупишасѧ и̓ впаде връ̑. и̓ повелѣ паки хитръцовь здáти връ̑ и̓ оу̓бави ѿ высоты ц҃рквныѧ̀ е҃і сáжней. и̓ по совръшенїи̑ налиꙗ̓ша воды

1) Тутъ пропускъ, восполняемый изъ Толст.: и жемчоугѡ҃ числѡ҃ ҂а и и̓диатїѧ с каменїемъ драгимъ.

2) На полѣ: десѧть тысѧщъ людей кꙋдовало церковь е҃і лѣтъ.

3) На полѣ: паде врь̑ свѧтыѧ софїѧ.

4) На полѣ: подешвꙋ.

цр҇квь по исподнаѧ прагы и в водꙋ помости метахоу ѡ҇ да не повредать подошвы. аболна҇ цр҇ъ такова не возмѡ҇ сотворити.

II.

Погод. 1441 (И. П. Б.), лл. 419 об.—422 и лл. 426—426 об.

(л. 419 об.). По ꙋстинѣ же цр҇твова іустиніанъ великіи сн҇ъ брата его лѣтъ л҇ѳ.... ѡ со҇даніи цр҇кви великіа софіи. Сей со҇да цр҇ковь х҇а бг҇а моего нб҇о нижнѣе, ему же мню и серафими диваще чюдатса. аще убо и҇волитъ бг҇ъ жити в рꙋкотворныхъ, се всачески пребудетъ и гдѣ оубо индѣ. и егда убо помысли цр҇ь такова творити, анг҇ломъ показа ему бг҇ъ во снѣ здание цр҇ковное. идѣже хоташе здати сию великую цр҇ковь и бѣ мѣсто тѣсно. цр҇ь же купи домы многи многою ценою. и ѡви убо продавахꙋ домы своа емлющи на нихъ подобны имъ цены, ѡви же давахꙋ даромъ на саны, иніи же на безумныа саны ѿдавахꙋ, да почитаемы будꙋтъ на конскомъ уристаніи. Вдова же нѣкаа богата велмиименемъ анна иже мудріе всѣхъ сотвори, бѣ бо домъ еа исценѣнъ по҇ цер҇ковь на с҇п литръ злата, понеже цр҇ь не хоташе ни у кого домꙋ взати насилствомъ, и многажды посылаше к ней велможи своа да продасть домъ свой и во҇метъ ценꙋ его но ничтоже успевахꙋ, но и самъ цр҇ь шедъ и моли ю да во҇метъ ценꙋ на дому своемъ. ѡна же гл҇а ко цр҇ю не хощꙋ взати цѣны на дому своемъ, но иже хощеши здати цр҇ковь бж҇їю, да по смерти моей погребена будꙋ бли҇ домꙋ моего, то бе҇ цены (л. 420) во҇ми его, да имамъ и а҇ мздꙋ в҇ день судныи. и ѡбещаса ей цр҇ь погрести еа ту и по совершеніи цр҇кви поминати еа, она же с радостию даде домъ свой. есть же мѣсто домꙋ еа сосудохранителница всѧ.

Ѡ обложеніи цр҇кви ст҇ыа софіи. Цр҇ь же иустиніанъ ра҇мѣри мѣсто и ѡбрѣте во ѡснове вѣчныи камень ѿ олтара даже

и до долнїа страны. быст же ѡснованїе пер҆ковное толстота стены и҃ лакотъ, а вдоль сто саженъ, ѡприче притворъ, а с четырми притворы р҃о саженъ, а предѣловъ рекше це҆ркве́й у неѐ т҃ѯе, колико днéй в году и на всакой день црковь в коегождо има с҃тго. собрá же на таковое дѣло дань во всемъ црт҃віи на н҃ ѡстровехъ х҃ кентарей злата, а сребрá ҂в҃ кентарей. єдинъ кентарь имать р҃к литръ, а литра полторы гривенки. и толико убо црь тщанїе имѣ на таковое бж҃твенное дѣло [1]) и егда со҆давáху в҃і радовъ, при҆вá же патриарха евтихїа со еп҃пы и пре҆витеры, и всѝ быша в҆ ризахъ и сотвори патриархъ м҃лтву на ѡснованїе црк҃ви и мощи с҃тыхъ мч҃нкъ полагаху по стенамъ, сице сотвориша и до верха. по кончанїи же м҃лтвы црь иустиніанъ приатъ дѣло своими рукáми и во҆рѣвъ нá н҃бо помолѝ бг҃а гл҃а: гд҃и при҆ри на храмъ сéй и сотвори в немъ жилище себѣ и услыши в немъ м҃лтвы рабъ своихъ (л. 420 об.) молащихса тебѣ. и вложѝ во ѡснование преже всѣхъ, а народи и боларе стоаху окрестъ, и по цр҃и начаша дѣлати дѣлатели всѝ. и вараxоу в котлѣхъ ачмень с водою и ѿ дрѣва вербоваго усѣкающе ј҆ вметаху в котлы и вараху и тою водою месаще и҆весть и ѿ того и҆весть бысть клѐевита.

Ѡ злате еже дадѐ ему аг҃глъ. недоставшу же злату но всѐ уже црк҃ое имѣние истощись на таковое бж҃твенное дѣло, и ско҆рбаше црь. и ависа ему англъ во ѡбразѣ каженника и гл҃а ему: чесо ради скорбиши в҃лко; и гл҃а црь: зданїа ради ако не имамъ сребрà чемъ совершити. и речѐ каженикъ заутра повели ко мнѣ прїити велможамъ своимъ, и дамъ ти злата елико хощеши. црь же заоутра послà с ни҃ стратига магистра и василида строитела и ѳеѡдосиа патрика и с ними прочихъ слугъ н҃ со двадесатию мскѝ. и сихъ поимъ каженикъ ѿиде ѿ ѕлатыхъ вратъ и прїидѣ с ними на мѣсто гл҃емо триугленое. и авиша полаты новозданны, и ѿверже каженикъ едину полату и бысть полнà злата едвà ѿверзошаса двери. и насыпаша к҃ возовъ полны. каженик же

1) Большак 21 и поздн. дополняютъ пропускъ: не точїю на ѡснованиі, но....

ѡста̑ в' полатахъ, ѡни́ же привезо́ша ѕла́то ко ц҃рю. ц҃рь же повелѐ привѣситъ, и҆ бысть р҃п кендинареи. пото́м же послà ц҃р выдѣти пола́тъ тѣхъ (смотри́ти) па то́ же мѣсто и не (л. 421) ѡбрѣто́ша ничто́же, и҆ разѹмѣша ꙗ҆ко а҆́нг҃лъ бѣ б҃жїи каженикъ то́й да́выи ѕлато, і' всѝ просла́виша б҃га.

ѡ трѐхъ ѡко́нцехъ. и҆ помышлѧше ц҃рь сотвори́ти во ѡлтарѝ в҃ ѻко́пца, а҆ ѡвогда г҃. и҆ ѧ҆ви́сѧ а҆́нг҃лъ г҃днь нача́лохитрецѹ во ѡбразе ц҃рѧ и҆ повелѣ г҃ ѻко́нца сотвори́ти, во ѡбра' речѐ ѡ҆ца и҆ с҃на и҆ с҃та́го д҃ха сотвори́те. ѧ҆ви́ же̑ в суббо́тѹ в е҃ ча̑ днѝ.

ѻ и҆менове́нїи це'кви ѿ а҆́нг҃ла г҃днѧ. И҆ па́ки во мно́зе ра'мышленїи бѧ́ше ц҃рь, в' ко́е бъ и҆мѧ нарещѝ ц҃рковь. и҆ е҆гдà ѿидо́ша здатели на ѡбѣдъ ко ц҃рю и҆ поста́виша ѻтрочà стрещѝ ѻ҆ру́дїѧ, и҆ ѧ҆ви́сѧ е҆мѹ́ а҆́нг҃лъ г҃днь во ѡбразе ка́жениика и҆ послà ѻтроча́ и҆ речѐ: идѝ и҆ рцы̀ дѣлателемъ да не коснѧтъ та́мо. ѡтрок же не хотѧ́ше ѡ҆ста́вити ѻ҆ру́дїѧ и҆ пойти́. ка́женикъ же речѐ: а' кленѹ́ти̑ во́ имѧ софе́и прему́дрости б҃жїѧ сло́ва, въ е҆го́ же и҆мѧ ц҃рковь созида́етъ, ꙗ҆ко а' приста́вленъ е҆́смь стра́жь ц҃ркви сеѧ̀. ѻтроча же ше́дъ сказà ѡ҆ц҃ѹ своемѹ̀ и҆ всѣмъ про́чимъ, и҆ воста́в' ѻ҆ц҃ъ. ѡтроча́ти ведѐ е҆го̀ ко ц҃рю и҆устинїѧ́нѹ. и҆ слы́шавъ сиѧ̀ ц҃рь ѿ ѻтрока и҆ при'вà всѧ̀ ка́женики и҆ ѿроки своѧ̀ и҆ показà е҆мѹ̀ всѣхъ по е҆ди́номѹ, г҃лѧ, е҆дà е҆́сть се́й. и҆ речѐ ѻтрокъ: ни е҆ди́нъ же ѿ сихъ ка́жениковъ подо́бенъ е҆́сть ѻ҆́ному ка́женикѹ, ꙗ҆ко то́й бы́сть в' бѣлыхъ ри́захъ и҆ ѿ ѻбли́чїѧ е҆гѡ̀ ꙗ҆ко ѡгню̀ и҆сходи́ти. и҆ разѹмѣ (л. 421 об.) ц҃рь ꙗ҆ко а҆́нг҃лъ б҃жїи бѣ и҆ просла́ви б҃га и҆ ра́довашесѧ радостию неи'рече́нною, ꙗ҆ко бл҃гои'во́ли б҃гъ на дѣло е҆го́ призрѣ(ти) и҆ ѧ҆вѝ е҆мѹ̀ ка́ко хо́щетъ нарещи́сѧ ц҃рковь.

Посла́ же ц҃рь во ѡстровъ цветныи васили́да стройтелѧ и҆ ѳеѡдора е҆па́рха и҆ содѣла[1]) тѹ̀ кереми́ды равны̀ в долготѹ̀ и҆ в широтѹ̀ по і҃ са́женъ, на ни́х же на'на́мена си́цѣ: б҃гъ посредѣ̀ е҆ѧ̀ и҆ неподви́житсѧ, помо́жетъ б҃гъ ѹ҆́тро заоу҆тра. по'лати́ же составы мра́моромъ и҆ главы̀ столпо́мъ и҆ прекла́ды кома́рныѧ двокро́вныѧ и҆ трикро́вныѧ, толстота́ же по'лаще́нїѧ бѣ ꙗ҆ко е҆ди́наго

1) Большак. — содѣлаша.

полупе́рста, и̇ всѧ̀ покро́вы по͛злати̇́. с҃тыи же ѡ҆лта́рь ве͂ и̇ столпы̇ всѧ̀ и̇ прегра́ды и̇ две́ри ѿ сребра̀ чиста. тереме́ц же и̇̑же на͂ престо́ломъ ра͛ли́чпымъ зда́ні̇емъ у҆краси. вер҆хоу же е̇го́ поста́ви ѧ̑блоко все злато́е и̇му́щи мѣ́рꙋ м҃і кентинарі̇́и [и̇ кри́нъ зла͂ и̇мꙋ́ще мѣрꙋ ѕ҃ кента́риѡ], и̇ і̇̑ными различными красота́ми. с҃тꙋю же трапе́зꙋ пречестнꙋ́ сотвори́ си́це: собра̀ воеди́но ѕла́то и̇ сребро́ и̇ би́сері̇е и̇ ка́мені̇е многоце́нно и̇ мѣ́дь и̇ ѡ҆́лово и̇ желѣ́зо и̇ ѿ всѣ́хъ веще́й, и̇ вложи̇ в горни́лъ, и̇ егда̀ смеси́ша͂ слі̇ѧ̀ трапе́зꙋ в мѣ́сто е̇ѧ̀. и̇ бы́сть красота̀ трапе́зи си́рѣчь п҃тола неи͛рече́нна и̇ недомы́слима у҆́мꙋ̀ ч҃лчю, поне́же ѡ҆вогда̀ у҆́бо ѧ҆влѧ́шесѧ злата́ѧ ѡ҆вогда́ же сре́брѧна, ѿвогда же ѧ̑ко ка́мень драгі̇́и, и̇ і̇̑ногда и̇̑наковъ. а҆мбо́н же злато́мъ и̇ сребро́мъ и̇ ка́мениемъ драги́мъ у҆краси̇ (л. 422). та́коже и̇ две́ри у҆краси̇ е̇го́ же не мо́жетъ у҆́мъ челове́чь пости́гнꙋти. и̇ покро́въ ц҃рко́вныи та́коже бе͛чи́сленно у҆краси̇. восхотѣ̀ же и̇ мо́сть ц҃рковпыи весь сре́брѧнъ сотвори́ти, и̇ во͛бране́нъ бы́сть ѿ зве͛дочте́цъ, ѧ̑ко в҆ послѣ́дпаѧ дни̇ бу́дꙋтъ г҃лахꙋ ц҃ртво те́мное и̇ во͛мутъ гра͂.

е̇гда́ же соверши̇ с҃тꙋю софи́ю со всѣ́ми ѡ҆с҃ще́нными сосꙋ́ды е̇ѧ̀, м҃ца сентѧбрѧ̀ въ к҃ѕ де́нь, и̇ прі̇идѣ̀ в неѧ̀ с патриа́рхомъ е̇втихи́емъ, и̇ ѿто́ргнꙋвсѧ ѿ патриа́рховꙋ рꙋ́кꙋ и̇ течѐ на а҆мбо́нъ и̇ во͛дви́же рꙋ́цѣ свои горѣ̀ и речѐ: сла́ва тебѣ̀ б҃же сподо́блшему мѧ̀ таково́ дѣ́ло соверши́ти. и̇ речѐ: о҆долѣ́х ти соло́моне и̇ у҆премꙋ́дровах тѧ, ѧ̑ко не у҆стро́илъ е̇си́ таковы́ѧ красоты̇ в дому̀ г҃дни во с҃тѧ́ с҃ты́хъ, ѧ̑коже а͛ у҆стро́ихъ. сотвори́ же пиръ вели́къ всѣ́мъ гра́жаномъ и̇ пришѐлцѐ на мно́ги дни̇ иже превосхо́дитъ всѧ́каго числа̀.

(л. 426). Пѡ у҆стині̇ѧ́не вели́цемъ ц҃ртвова и̇усти́нъ ма́лыи с҃нъ бра́та е̇го̀ к҃ лѣ҃.... при се́мъ ц҃ри и̇̑устині̇ѧ́не въ в҃ лѣ́то ц҃ртва е̇го̀ в четверто́къ в ѕ҃ ча͂ дни̇ в҆падѐ пресла́вныи ве́рхъ церко́вныи с҃тыѧ софи́ѧ премꙋ́дрости б҃жі̇ѧ, и̇ сокрꙋши̇ ч҃ю́ныи а҆мво́нъ и̇ погꙋби́ всѧ̀ у҆краше́ні̇ѧ е̇же со͛да̀ вели́кі̇и ц҃рь и̇̑устині̇ѧнъ.[1]) при͛ва́ пре́же зда́вшаго ма́стера миха́ника и̇ вопроша́[2]) (sic) вины̇

1) Большак. дополняетъ пропущенное: ц҃рь же Иоустинъ...

2) Погод. 1446 — вопрошаетъ.

впаде́нїа верха̀. ѻ҆н же речѐ е҆му̀: цр҃ь и҆ѹ҆стинїа́нъ мно́го тща́нїе и҆мѣаше ѡ҆ таково̀ цр҃кви. того̀ ра́ди бо́рзо сотворѝ е҆̀, и҆ ѿда́тъ ско́ро помо́стиа и҆ ско́ро попи́са е҆а́ мусие́ю, и҆ а҆́ко высокѹ̀ сотворѝ ю҆̀ да ѿвсю́доу ви́датъ ю҆. и҆ а҆́ко ѿсека́хѹ и҆ мета́хѹ мо́сты дѣлатели с высоты̀ на помостъ цр҃ко́вныи, и҆ ѿ сего̀ (л. 426 об.) повреди́ша пошвѹ цр҃ко́внѹю. и҆ сего̀ ра́ди стѣны растѹпи́шаса и҆ впадѣ ве́рхъ. цр҃ь и҆ѹ҆сти́нъ повелѣ па́ки хитреце́мъ зда́ти ве́рхъ, и҆ ѹ҆ба́ви ѿ высоты̀ цр҃ковныа є҃і са́женъ. и҆ по соверше́нїи налїа́ша воды̀ цр҃ковь по и҆спо́днија пра́ги, и҆ в' во́дѹ мо́сты мета́хѹ а҆́ко да не вредатъ пошвы, а҆мбо́на же такова̀ цр҃ь не во'мо́же сотвори́ти.

Москва, 23 марта 1903.

С. Вилинскій.

Житіе св. Михаила Клопскаго въ редакціи 1537-го года и печатное его изданіе.

Житіе св. Михаила Клопскаго въ редакціи, составленной сыномъ боярскимъ Василіемъ Михаиловичемъ Тучковымъ, открываетъ собой по указанію В. О. Ключевскаго рядъ житій, написанныхъ по порученію митрополита Макарія. Обработанное по всѣмъ правиламъ тогдашней реторики произведеніе это обращало на себя вниманіе современниковъ, простодушно изумлявшихся, какъ «отъ многоцѣнныя царскія палаты.. храбрый воинъ Василей ..всегда во царскіихъ домѣхъ живый и мягкая нося и подружіе законно имѣя, и селика разумія отъ Господа сподобися»[1]). Отличаясь по понятіямъ XVI—XVII вв. литературными достоинствами, редакція Тучкова попала въ Четьи-Минеи, неоднократно переписывалась и дошла до нашего времени въ довольно большомъ количествѣ списковъ. По одному изъ списковъ XVI вѣка разсматриваемое произведеніе было издано въ «Памятникахъ старинной русской литературы»[2]). Основанная на древнѣйшемъ житіи св. Михаила, редакція Тучкова не внесла почти ничего фактически новаго въ изложеніе своего источника. По справедливому

1) Ключевскій. «Древне русскія Житія Святыхъ...», стр. 232—5. Полное собр. Р. л., т. VI, стр. 301.

2) См. 4-ый томъ этого изданія, редактированный Н. И. Костомаровымъ; на стр. 36—51 помѣщена «Повѣсть о житіи и т. д.» по списку Волоколамскаго монаст. № 632, л. 99 слл. (рукопись нынѣ находится въ Моск. Дух. Ак.).

мнѣнію В. О. Ключевскаго относительно труда Тучкова «историкъ едва-ли можетъ воспользоваться въ немъ чѣмъ-нибудь фактическимъ кромѣ 4 посмертныхъ чудесъ, которыя прибавлены здѣсь къ одному, извѣстному по первой редакціи». Однако, если судить по печатному изданію редакціи Тучкова, въ ней находится извѣстіе первостепенной важности для рѣшенія вопроса о существованіи до-макарьевской «Степенной книги». Какъ извѣстно, относительно послѣдняго обстоятельства между русскими учеными существуетъ разногласіе. Большая часть принимаетъ мнѣніе Татищева о митрополитѣ Кипріанѣ, какъ авторѣ первоначальной «Степенной», И. Н. Ждановъ склоненъ былъ приписать починъ въ этомъ дѣлѣ извѣстному Пахомію и лишь весьма немногіе отрицаютъ самое существованіе до-макарьевской Степенной [1]). Ссылка Тучкова на житіе св. Алексія въ Степенной [2]), казалось бы, должна была опровергнуть послѣднее мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ произведеніе Тучкова написано несомнѣнно въ 1537 году. На это указываетъ самъ авторъ въ своемъ трудѣ [3]), а современный ему лѣтописецъ опредѣленно говоритъ о концѣ лѣта (вѣроятнѣе всего о послѣднихъ числахъ іюля—первыхъ числахъ августа) 1537 г., какъ о времени появленія разбираемой редакціи [4]). Съ другой стороны «Степенная» макарьевскаго времени появилась никакъ не ранѣе 1550-ыхъ годовъ и, слѣдовательно, въ трудѣ Тучкова идетъ рѣчь о болѣе древнемъ произведеніи этого названія [5]). Вполнѣ понятна поэтому роль, какую выше-

1) Послѣдній взглядъ высказанъ Калайдовичемъ и Карамзинымъ и нашелъ себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ проф. Е. Е. Голубинскаго. Въ ближайшемъ будущемъ мы надѣемся подробнѣе разобрать указанныя мнѣнія.

2) Пам. Ст. Р. Л. IV, 47 стр. «въ житіи .... Алексія въ Степеннѣ сказаетъ».

3) Тамъ-же, стр. 50 и во всѣхъ намъ извѣстныхъ спискахъ.

4) П. С. Р. Л. VI, 301 стр. «.... соверши... лѣта 7045; а мѣсяца и дни не вѣмъ написати, толико въ то время садове плодоносніи велми цвѣтоша и всякій овощь на торжищи продаяху, а толико едино граждіе [издатели лѣтописи подъ этимъ словомъ разумѣютъ яблоки, которые освящаются, какъ общеизвѣстно, 6-го августа] еще отъ святителя благословенія не воспріятъ».

5) Ключевскій, стр. 242. Мы съ своей стороны склонны относить появленіе «Степенной царскаго родословія» къ 1560-ымъ годамъ.

указанное извѣстіе играло при выработкѣ теоріи И. Н. Жданова о пахоміевской Степенной [1]).

Исключительная важность свидѣтельства о существованіи Степенной въ 1537 г. требуетъ къ нему особеннаго вниманія тѣмъ болѣе, что на печатное изданіе редакціи Тучкова къ сожалѣнію нельзя полагаться, такъ какъ при внимательномъ его чтеніи видны или многочисленные дефекты списка, служившаго при изданіи, или недосмотры и промахи редактора. Потому мы должны обратиться къ пересмотру рукописей изучаемаго произведенія и наибольшее вниманіе удѣлить древнѣйшимъ изъ нихъ.

Намъ удалось ознакомиться съ слѣдующими 18-ю списками Житія св. Михаила Клопскаго въ редакціи 1537 года: 1) М. Син. Библіотеки № 178 (январскій томъ Синодальнаго списка Четьи-Миней), л. 573 — 587; 2) Син. Библ. № 990 (январьскій томъ Успенскаго списка Четьи-Миней), л. 474—485; 3) Имп. Общ. Л. Др. Письм. № 389 (VII, Четь-Минея за январь), л. 218—237; 4) СПб. Дух. Ак. Софійское собраніе № 1491, сборникъ, л. 212—252; 5) того же собранія № 1356 (Соборникъ) л. 160—192; 6) Библ. Св. Троице-Сергіевой Лавры № 629 (службы и житія святыхъ), л. 550—599; 7) М. Дух. Ак. изъ собранія Волоколамскаго монастыря № 659, Соборникъ, л. 311—336; 8) того же собранія № 632, сборникъ житій, л. 99—135 [2]); 9) Имп. П. Б. Q. I. № 497 (Сборникъ), л. 344—361; 10) Имп. Ак. Н. № 32. 15. 12, служба и Житіе св. Михаила, л. 31—77; 11) Библ. Св. Тр. Серг. Лавры № 626 (Трефолой), л. 613—668; 12) Имп. П. Б. Q. I, № 364 (Сборникъ Житій), л. 454—513; 13) Имп. П. Б. Погодинское собраніе № 738 (Житіе), л. 1—61; 14) Флорищевой пустыни № 98/671 (Житія св. Михаила Клопскаго и Саввы Сторожевскаго), л. 1—53; 15) Моск. П. Муз. № 313, сборникъ Житій, л. 361—442; 16) того же Музея изъ собранія Ундольскаго № 339, Служба и Житіе св. Михаила Клопскаго, л. 18—44; 17) М. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 308/687

1) Ждановъ, «Русскій былевой эпосъ», стр. 92 и 111.

2) Эта рукопись и была оригиналомъ печатнаго текста.

(Служба и Житіе), л. 60—136 и 18) того же Архива № 440/908, сборникъ, л. 267—282 [1]).

Послѣднія девять рукописей, всѣ почти 17-го вѣка [2]), отличаются отъ печатнаго текста тѣмъ, что въ нихъ находится цѣлая статья, отсутствующая въ немъ. Статья эта, озаглавленная «О пришествіи святаго въ великій Новгородъ и пришедъ въ первый день пророчества ко Ионѣ быти Архіепископомъ Великому Новуграду» [3]), помѣщена послѣ предисловія къ Житію передъ главой «О пришествіи святого въ монастырь, глаголемый Клопско» [4]). Взята она дословно изъ Житія св. Іоны, написаннаго въ 15-омъ вѣкѣ, отъ словъ: Сей блаженный Іона, еще дѣтску ему сущу» до «и въ епископію возведоша его». Не трудно замѣтить, что указанная статья [5]) является позднѣйшей вставкой въ Житіе 1537 года. Одно ея отсутствіе въ древнихъ спискахъ заставляетъ насъ быть подозрительными. Далѣе Тучковъ, указывая на одинъ источникъ своей работы, не имѣлъ никакого основанія умолчать и о другомъ, еслибъ онъ имъ пользовался [6]). Сличая же болѣе древнюю редакцію Житія съ редакціею 1537 года, мы всюду видимъ, какъ Тучковъ передѣлываетъ свой источникъ со стилистической стороны. Почему же бы онъ удовольствовался буквальнымъ воспроизведеніемъ мѣста изъ Житія св. Іоны и не постарался приладить его къ своему произведенію? [7]). Наконецъ, самый разсказъ о появленіи св. Михаила въ Клопскомъ мона-

1) Отмѣтимъ, что 9-ая, 14-ая и 18-ая изъ перечисленныхъ рукописей не содержатъ конца Житія и, слѣдовательно, интересующаго насъ извѣстія.

2) Нѣкоторое исключеніе, можетъ быть, представляетъ рукопись Троицкой Лавры за № 626. Если вѣрить сдѣланной на ней записи, водяные знаки рукописи тождественны съ извлеченными изъ рукописей 1575 и 1600 годовъ.

3) Въ спискѣ Академіи Наукъ, л. 36—9. Заглавіе писано киноварью.

4) См. печ. изд., стр. 38.

5) Пам. Ст. Русской Лит. IV, стр. 28—9. О житіи св. Іоны см. любопытныя замѣчанія г. Ключевскаго, стр. 184—88. Замѣчанія эти вполнѣ убѣдительно доказываютъ написаніе Житія въ 1472 г.

6) Печ. изд. стр. 51: «.. еще же и написавіе чудесѣмъ и жительству пріяхъ святого чудотворца Михаила отъ древнихъ списатель вкратцѣ».

7) Послѣднее необходимо было сдѣлать, такъ какъ и самое начало статьи (сей блаженный Іона), и вообще весь ея тонъ не вполнѣ гармонирують съ изложеніемъ Тучкова.

стырѣ ведется въ такомъ тонѣ, что не позволяетъ счесть Тучкова лицомъ, сдѣлавшимъ выписку изъ Житія св. Іоны [1]). Появленіе указанной выписки вполнѣ объясняется желаніемъ какого-нибудь изъ читателей Житія въ редакціи 1537 г. пополнить біографію св. Михаила подробностями, находящимися въ другомъ источникѣ. Дополненіе это сдѣлано механически и потому вставка сразу бросается въ глаза [2]).

Въ виду того, что указанныя 9-ть рукописей содержатъ текстъ произведенія Тучкова, уже осложненный позднѣйшей вставкой, мы можемъ не останавливаться на ихъ сличеніи съ печатнымъ изданіемъ Житія въ изучаемой редакціи [3]). Изъ остальныхъ намъ извѣстныхъ списковъ даннаго произведенія заслуживаютъ особаго вниманія по своей древности и исправности 4 первыя изъ перечисленныхъ рукописей. Двѣ изъ нихъ, какъ общеизвѣстно, написаны въ 1552—4 годахъ и особенно цѣнны уже потому, что писаны по заказу митрополита Макарія: мы говоримъ о Синодальномъ и Успенскомъ спискахъ Четій-Миней. 3-я рукопись съ записью, указывающею на 1567 годъ, какъ на время ея написанія принадлежитъ Имп. Общ. Люб. Др. П. и прекрасно описана Х. М. Лопаревымъ [4]). 4-ая рукопись, принадлежавшая

---

1) Печ. изд., стр. 38: ..... «Царствующу Великою Росіею благочестивѣйшему царю Василію..... Великаго Новаграда престолъ украшающу преосвященному архіепископу Іоанну, явися дивный сей Михаилъ. Сицевъ же образъ пришествія его.... (слѣдуетъ разсказъ о прибытіи св. Михаила въ Клопскій монастырь).

2) Укажемъ кстати, что въ спискѣ М. А. Мин. Ин. Дѣлъ № 440/908, писанномъ полууставомъ XVII в., мы имѣемъ дѣло съ попыткой сокращенія редакціи 1537 г. Изъ произведенія Тучкова выброшены предисловіе и конецъ (всѣ посмертныя чудеса) и весь вообще разсказъ сокращенъ. — Сокращеніе коснулось главнымъ образомъ реторической части Житія, что достаточно характерно для XVII вѣка. Вставка о прибытіи св. въ Новградъ въ разбираемомъ спискѣ есть, что указываетъ на позднѣйшее появленіе сокращенія.—Изъ вышеизложеннаго можно сдѣлать выводъ, что къ редакціи 1537 года относились далеко не пассивно: съ одной стороны ее дополнили, съ другой подвергли сокращенію.

3) Впрочемъ, ниже мы будемъ имѣть возможность указать при случаѣ на результаты нашего сличенія съ печ. текстомъ и этихъ рукописей.

4) Лопаревъ, «Описаніе рукописей Имп. Общ. Люб. Др. П.», I, стр. 9—59.

нѣкогда Софійскому собору, насколько намъ извѣстно, не въ достаточной мѣрѣ изслѣдована и описана, а между тѣмъ она не безинтересна и по своему составу, и по времени ея написанія. Рукопись эта, принадлежащая нынѣ СПБ. Дух. Акад., писана разными полууставными почерками на 444 листахъ in quarto. Характеръ письма указываетъ на XVI вѣкъ, пожалуй даже на первую его половину. Наблюденіе это подтверждается и водяными знаками названной рукописи. По крайней мѣрѣ знакъ листовъ со 187 по 413 и съ 416—444 тожественъ со знакомъ № 4072 изъ собранныхъ въ извѣстномъ трудѣ Н. П. Лихачева, извлеченнымъ изъ рукописи, относящейся къ 1549 году [1]). По содержанію разсматриваемая рукопись любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней находятся исключительно житія святыхъ, канонизованныхъ въ 1547 году: Діонисія Глушицкаго, Павла Обнорскаго, Макарія Колязинскаго, Іоанна, архіеп. Новгородскаго, митроп. Іоны, Михаила Клопскаго, Александра Невскаго, Александра Свирскаго, Пафнотія Боровскаго, Никона, игумена (ученика преподобнаго Сергія) и Евѳимія, архіеп. Новгородскаго [2]). Послѣднее обстоятельство въ связи съ характеромъ письма и водяныхъ знаковъ рукописи приводитъ къ заключенію, что она появилась въ концѣ первой, или началѣ второй половины XVI вѣка. Поэтому списокъ Житія св. Михаила Клопскаго въ редакціи 1537 года, въ ней помѣщенный, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ названнаго произведенія.

Если сличить вышеуказанныя 4 рукописи съ печ. текстомъ интересующаго насъ произведенія [3]), получится весьма любопыт-

1) «Палеографическое значеніе» и т. д. III, № 4072; на листахъ 414—415 изучаемой рукописи находимъ знакъ весьма близкій или даже тожественный съ помѣщеннымъ подъ № 1609 въ названномъ трудѣ и извлеченнымъ изъ рукописи 1535 года. Впрочемъ, почти тожественъ съ послѣднимъ знакомъ и № 2938, извлеченный изъ рукописи 1536 г. (Лихачевъ, т. I, стр. 477 и сл., 152, 338).

2) Списокъ святыхъ, канонизованныхъ въ 1547 г., см. у Ключевскаго, стр. 462—3.

3) Мы оставляемъ пока въ сторонѣ оригиналъ печатнаго изданія и вопросъ объ ихъ взаимномъ отношеніи, считая умѣстнымъ раньше познакомиться съ чтеніями древнѣйшихъ рукописей.

ная картина: съ одной стороны рукописи даютъ почти тождественное чтеніе [1]), съ другой—печатный текстъ рѣзко и не выгодно отличается отъ нихъ. Чтобъ не быть голословными, укажемъ многочисленныя отличія рукописей отъ печатнаго текста [2]).

	Син. Библ. № 178.		печ. изданіе.
л. 573	.. слово Божіе соприсносущное Отцу и соестественное..		.. слово Божіе соприсносущное Отцу и сопреественное..
	.. не нагъ Богъ и не простъ человѣкъ..		.. не нагъ бѣ и не простъ человѣкъ..
	.. тѣмъ же убо безсмертенъ, яко Богъ и, яко человѣкъ..		.. тѣмъ же убо безсмертенъ, яко (Богъ) бѣ и яко человѣкъ..
	.. милосерднымъ и вольнымъ снитіемъ даруетъ намъ..		.. милосерднымъ и полнымъ снитіемъ даруетъ намъ..
573 (об.) л.	.. и адово мучительство преторже ..... расторже.		.. и адово мучительство претрѣ.. расторже..
	.. ово сто, инъ же [3]) шестьдесятъ и инъ паки тридесять.		.. овѣ сто, инѣ же шестьдесятъ и инѣ паки тридесять.
	.. Андрей, иже первѣе свѣту свѣтильника ученикъ...	37 стр.	.. Андрей, ижс первѣе свѣту свѣтильникъ ученикъ

1) Впрочемъ, оглавленіе списка въ Спб. Дух. Академіи отличается отъ оглавленій другихъ 3-хъ списковъ, близкихъ въ этомъ случаѣ къ печ. тексту; оглавленіе это таково: Мѣсяца генваря в аі дн҃ь повѣсть о житіи и отчасти чюдесъ исповѣданіе преподобнаго и блаженнаго Михаила. Иже х҃а ради уродиваго Клопскаго въ области великаго Новъграда. бл҃гви ѿ҃. (Софійское собр. № 1491, л. 212).

2) Мы старались воспроизвести по возможности всѣ болѣе или менѣе существенныя отличія текстовъ; впрочемъ возможны случайные пропуски. Въ основу сличенія положенъ Синодальный списокъ Четій-Миней (Син. Библ. № 178). Изъ другихъ 3-хъ списковъ въ случаѣ надобности приводятся варіанты.

3) Въ Син. Библ. № 990 — ...овъ сто, овъ же шестьдесятъ....

.. вси же вѣрніи, благоговѣйніи мужіе....	.. вси же вѣрніи, благовѣйніи мужіе..
574 л. .. яко многажды храму святого отъ огня сгорѣвшу...	.. яко многажды храму святого отъ огня загорѣвшу...
.. иже во-истинну достоинъ царско именемъ нарещися..	.. иже воистинну достоинъ царского имене нарещися..
.. и въ Россіи всей святительствомъ второпрестольствуетъ [1]..	.. и въ Россіи всей святительствомъ престольствуетъ..
574 (об.) л. .. ниже риторикіи навыкшу, ни философіи учену..	.. ниже риторски навыкшу, ни философіи учену..
.. яко броня вѣры и щитъ спасеный [2]) и мечъ духовный...	38 стр. .. яко броня вѣры и щитъ спасенья и мечъ духовный..
.. духовно торжествуйте въ памяти преблаженнаго..	.. духовно торжествуйте и память преблаженнаго..
575 л. .. иже на варвары побѣду показавшаго за Дономъ..	.. иже на варвары побѣду оказавшаго за Дономъ..
575 (об.) л. .. чтомаго святымъ, исходящія благодати изъ устъ его	39 стр. .. чтомаго святымъ, исходящія благостыни изъ устъ его
.. И о увидѣніи [3]) имени святого.	.. и о видѣніи святого имени.
576 л. .. и поклонися ему глаголя: се есть Михаилъ сынъ Максимовъ......	.. и поклонися ему, глаголя: Почто чадо имени своего не повѣси? Се есть

1) Тамъ-же: первопрестольствуетъ.
2) Тамъ-же: спасеніе.
3) Въ Академ. спискѣ (Соф. собр. № 1491): и о увѣдѣніи.

	Начать же игуменъ увѣщавати, глаголя: почто чадо имени своего не повѣси»?		Михаилъ, сынъ Максимовъ..... (далѣе, какъ въ рукописяхъ) [1])
	.. и обрѣте на песцѣ на брезѣ написано сице..		.. и обрѣте на песцѣ написано сице..
577 (об.) л.	..старѣйшинъ имуще..	41 стр.	старѣйшихъ имуще..
	.. и бысть вѣтръ покосенъ..		.. и бысть вѣтръ покоенъ.
	.. народи великаго Новъграда возведоша...		.. народъ Великаго Новъграда возведша.
578 л.	Ино чюдо святого (кинов.) Нѣкогда же внезапу	42 стр.	.. Нѣкогда же внезапу
	.. христіанскій родъ уловляя разными виды.. [2])		.. христіанскій родъ уловляя различными бѣды..
579 (об.) л.	.. яко да навыкнетъ не противитися..	43 стр.	.. яко да не навыкнетъ противитися...
580 л.	.. повелѣ ему паки идти..		.. паки повелѣ ему идти..
	.. мужа благоговѣйна отъ причта святыя Софіи...		.. мужа благоговѣйна отъ пречистыя Софіи...
	.. и возставъ на одрѣ сѣде...	44 стр.	.. и возставъ на одръ сѣде..
580 (об.)	.. христіанское же множество лишени пастыря не терпяще....		.. христіанское же множество лишени пастыря терпяще....
	.. милость отъ наказавшаго его Бога пріемлетъ..		.. милость отъ наказавшаго его преемлютъ отъ Бога...

1) Въ источникѣ труда Тучкова (Некрасовъ, «Зарожденіе національной литературы»; Прилож. стр. 19) читаемъ: «і абіе князь... млъвилъ ему а се михаило максимов сн҃ъ...... игуменъ гл҃а старцю сн҃окъ ѡ чемъ намъ имени своего некажешь».... Отсюда ясно, что въ печ. изданіи мы имѣемъ дѣло съ искаженнымъ текстомъ. Вполнѣ понятно происхожденіе этого искаженія: слово «глаголя», встрѣчающееся здѣсь дважды, могло вызвать ошибку переписчика.

2) Словъ «Ино чудо святого» нѣтъ въ Синод. спискѣ, мы взяли ихъ изъ другихъ 3-хъ списковъ.

581 л. .. князь же бѣгунъ *паки* третицею бываетъ..	45 стр. .. князь же бѣгунъ третицею бываетъ..
581 (об.) л. .. станетъ въ Бурегахъ [1]) и многу побѣду покажетъ..	.. станетъ въ берегахъ и многу побѣду покажетъ..
582 л. .. пріяти отъ тебе тоя святыни, и аще Господь повелитъ, въ утренній..	46 стр. .. пріяти отъ тебе тыя святыни, и аще повелиши, въ утренній..
582 (об.) л. .. и юноши хранителя и буести воздержника, вдовици заступника, сиріи питателя, младенци наказателя, иноци же спутешественника и странніи [2])..	.. и юноши хранителя и буіе воздержника, вдовицамъ заступника, сирымъ питателя, младенцемъ наказателя, иноцы же спутешественника и странніи..
.. и не возможно бѣ земли бо отъ зѣльныя студени толико ожесточавши..	.. и не возможно бѣ отъ зѣльныя студени толико ожесточавши..
.. и съ подобною святому честію..	.. и съ подобною святителю честію..
583 л. ... яко дождемъ нѣкогда бысть такоже три лѣта удержаніе..	47 стр. .. яко дождемъ нѣкогда бысть такоже удержаніе..
... гладныхъ удоволяше и всегда молитву о насъ творяше не яко ту о себѣ требоваше..	.. гладныхъ удоволяше не яко ту о себѣ требоваше..
.. яко малъ и смердящъ	.. яко малѣй смердящъ

1) Въ Академ. Спискѣ (Соф. собр. № 1491) «въ Бурекахъ». Если принять во вниманіе, что въ источникѣ Тучкова (Некрасовъ, тамъ-же, стр. 38) читаемъ: «.. станетъ кнѧзь великій к҆ боуречахъ», и что Буреги — село Новгородской Области (Неволинъ, «Пятины и погосты», стр. 141—2), сдѣлается яснымъ, какое изъ чтеній, рукописное или печатное, правильнѣе.

2) Въ Академ. Спискѣ (Соф. собр. № 1491) «и странника».

	потокъ къ морстей ширинѣ		потокъ къ морстѣй ширинѣ..
583 (об.) л.	.. и укрѣпи мя пастися хотяща..		.. и укрѣпи мя спастися хотяща..
584 л.	.. вѣтіямъ же и риторская словеса разумѣвающимъ..	48 стр.	.. витія же и риторская словеса разумѣвающимъ..
	.. не въ терніи бо, ниже на камени..		.. и свѣтренніи бо, ниже на камени..
	.. но на блазѣ и тучнѣй земли..		.. но на блазнѣй и тучнѣй земли..
	.. въ житіи чудотворца святителя Алексія явственѣ [1]) сказаетъ		.. въ житіи чудотворца святителя Алексія въ Степеннѣ сказаетъ
584 л.	.. и іерея въ вѣру утвердила..	49 стр.	.. и іерея въ вѣрѣ утвердила..
	.. итако ему всю четверовременную годину страждущу..		.. и тако ему всю четверодневную годину страждущу..
	.. всѣ окрестніи сусѣди его..		.. всѣ окрестнѣ и сусѣди его..
585 (об.) л.	.. возмогли быхомъ изчислити и звѣздное множество исчести святыми же..		.. возмогли быхомъ изчислити, святыми же...
	.. ревновати желающе по малу же и подобитися хотяще. Слышахъ бо..		.. ревновати желающе. Слышахъ бо...
586 л.	.. отъ толикихъ бѣдъ многихъ спасшу...	50 стр.	.. отъ толикихъ бѣдъ бѣдъ спасшу...

---

1) Такъ читается и во всѣхъ остальныхъ намъ извѣстныхъ рукописяхъ. О чтеніи оригинала печ. изд. см. ниже.

	.. благочестивому въ царехъ великому князю Ивану Васильевичу ..	.. благочестивому въ царехъ Ивану Васильевичу ..
587 л.	.. во истину блаженства тезоименитому архіепискому Макарію [1]).	.. во истину тезоименитому архіепископу Макарію ..

Предположивъ послѣ сличенія лучшихъ рукописей и печатнаго текста, что послѣдній *точно* воспроизвелъ списокъ, служившій оригиналомъ для изданія, мы должны будемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ. Оригиналъ печатнаго текста крайне неисправенъ. Писецъ этой рукописи не отличалъ ъ отъ ѣ [2]), пропускалъ слова и выраженія [3]), позволялъ себѣ неправильныя чтенія [4]), и все это встрѣчается въ небольшой сравнительно рукописи въ изрядномъ количествѣ. Слѣдовательно всякое чтеніе, встрѣчающееся лишь въ этой рукописи и не поддержанное авторитетомъ лучшихъ рукописей, всегда можетъ возбуждать справедливое сомнѣніе, а къ такимъ именно чтеніямъ принадлежитъ и свидѣтельство о житіи святителя Алексія въ Степенной.

И такъ на основаніи печатнаго текста Житія св. Михаила Клопскаго въ редакціи 1537 года мы принуждены составить самое невыгодное понятіе о рукописи, съ которой сдѣлано изданіе. Однако изученіе этой рукописи до нѣкоторой степени измѣняетъ наше мнѣніе о ней. Она, правда, менѣе исправна, чѣмъ лучшіе

1) Окончивъ сличеніе, считаемъ нужнымъ указать, что всѣ почти извѣстные намъ списки даютъ приблизительно точно такое же чтеніе. Нѣкоторое исключеніе представляютъ двѣ рукописи (оригиналъ печ. изд. и Троицкой Лавры № 629), о чемъ ниже.

2) Отсюда появились чтенія: «бѣ (вмѣсто «бгъ» или «бъ»), овѣ (вмѣсто «овъ»), малѣй (вм. «малъ и») и т. п.

3) Пропущено: «и звѣздное множество исчести», «по малу и подобитися хотяще», «земли бо», «блаженства» и т. д., при чемъ нѣкоторые пропуски явно искажаютъ текстъ.

4) Особенно замѣтны «отъ пречистыя Софіи (вм. «отъ причта святыя Софіи), въ берегахъ (вм. «въ бурегахъ»); аще повелиши (вм. «аще Господь повелитъ»).... Какъ примѣръ небрежности интересно, что слова «Почто чадо имени своего не повѣси?... приписаны и князю и игумену (печ. изд. 39 стр.).

списки, но гораздо исправнѣе печатнаго текста. Слѣдующія мѣста этой рукописи читаются въ ней также, какъ и въ печатномъ изданіи.

108 л. князь... поклонился, глаголя: почто чадо имени своего не повѣси = печ. 39 стр.

120 л. .. послѣди жъ милость отъ наказавшаго его отъ Бога пріемлютъ = печ. 44 стр.

124 (об.) л. .. вдовицамъ заступника, сирымъ питателя, младенцемъ наказателя = печ. 46 стр.
невозможно бѣ отъ зѣльныя студени толико ожестотавши = печ. 46 стр.

126 л. дождемъ бысть такожде удержаніе = печ. 47 стр.

132 л. .. ревновати желающе. Слышахъ же = печ. 49 стр.

135 л. воистину тезоименитому Макарію = печ. 51 стр. [1]).

Указанными мѣстами исчерпываются по нашему наблюденію главныя отступленія оригинала печатнаго изданія отъ лучшихъ рукописей. Всѣ же остальныя отступленія и неточности лежатъ на отвѣтственности издателя рукописи покойнаго Н. И. Костомарова, введеннаго по всей вѣроятности въ заблужденіе малограмотнымъ переписчикомъ этой рукописи и не справлявшагося при изданіи съ подлинникомъ. При изученіи рукописи становится яснымъ происхожденіе нѣкоторыхъ ошибокъ изданія. Напримѣръ, очевидно писецъ принималъ ъ за ѣ, такъ какъ эти буквы въ 16-мъ вѣкѣ писались весьма сходно. Такимъ образомъ появились: бѣ вмѣсто бъ҃ (т. е. Богъ), претрѣ вм. претръ҃ (т. е. преторже), малѣй вм. малъ и, и свѣтренніи вм. нвътрьніи (т. е. не въ терніи). Слова отъ пречистыя Софіи явились, какъ результатъ искаженія словъ «причта с҃тыѧ Соѳіа», а «аще повелиши»—аще повелитъ Господь (въ рукописи «повелѣ г҃ь») и т. д. Результатомъ такого же искаженія мы считаемъ и слова «въ житіи чудотворца святителя Алексія въ Степеннѣ сказаетъ» (въ рукописи .... Алеѯіа

1) Всѣ вышеуказанныя отличія сближаютъ изучаемую рукопись со спискомъ Троицкой Лавры № 629.

ѩпьстпенѣ») [1]. Появленіе же словъ «щитъ спасенья» вм. «щитъ спасеный», «въ берегахъ» вм. «въ бурегахъ» и нѣкоторыхъ другихъ мы относимъ къ неудачнымъ попыткамъ переписчика рукописи, или ея издателя осмыслить искаженный, по его мнѣнію текстъ [2].

Пересмотръ рукописей Житія св. Михаила Клопскаго въ редакціи 1537 года позволяетъ намъ остановиться на слѣдующихъ заключеніяхъ:

1) Произведеніе Тучкова впослѣдствіи было пополнено вставкой изъ Житія св. Іоны Новгородскаго.

2) Эта осложненная редакція подверглась въ XVII в. сильному сокращенію.

3) Лучшими списками редакціи 1537 г. слѣдуетъ признать Синод. Библ. № 178 и 990, Спб. Дух. Ак. Соф. собр. № 1491 и Имп. Общ. Люб. Др. Письм. № 389 [VII].

4) Печатное изданіе сдѣлано по невполнѣ исправному списку.

5) При этомъ были допущены большія искаженія текста.

6) Къ числу подобныхъ искаженій принадлежитъ чтеніе «въ Степеннѣ» вмѣсто «явственѣ».

7) Во всѣхъ намъ извѣстныхъ рукописяхъ произведенія Тучкова (въ томъ числѣ и въ оригиналѣ печатнаго изданія) читается «явственѣ», а не «въ Степеннѣ».

---

1) Такое чтеніе рукописи могутъ подтвердить проф. М. Дух. Ак. А. П. Голубцовъ и библіотекарь этой Академіи К. М. Поповъ. Имъ обоимъ приносимъ искреннюю благодарность за содѣйствіе въ нашей работѣ.—Что касается возможности такого искаженія, она вполнѣ понятна. Мы лично представляемъ себѣ, что дѣло происходило приблизительно такъ: перепищикъ пропустилъ букву ѩ въ словѣ явственѣ (по причинѣ того, что предыдущее слово оканчивалось на буквы «іа»), а второе П прочелъ за п (у него была нѣкоторая склонность къ подобнымъ чтеніямъ; вспомнимъ «полнымъ снитіемъ» вм. «волнымъ снитіемъ»): получилось «въ Стпенѣ», что Костомаровъ и замѣнилъ словомъ «въ Степеннѣ».

2) Примѣръ такого исправленія мы находимъ въ словахъ «уловляя различными бѣды» (печ. изд. стр. 42); въ оригиналѣ стояло «уловляя различными вѣды»; мы знаемъ уже, что чтеніе лучшихъ рукописей вмѣсто «бѣды» или «вѣды» даетъ «виды»

8) Поэтому является возможность утверждать, что въ разсматриваемой редакціи Житія св. Михаила Клопскаго, написанной въ 1537 году, нѣтъ никакого указанія на существованіе до-Макарьевской Степенной.

Пл. Васенко.

1902 Сентябрь.

Печатное изданіе „Книги Степенной царского родословія“ и типы ея списковъ.

Печатное изданіе «Книги Степенной царского родословія», выполненное «подъ смотрѣніемъ... Императорской Академіи... Члена Герарда Фридерика Миллера» въ 1775 году[1]), оказало значительное вліяніе на взгляды русскихъ ученыхъ по вопросу объ этомъ произведеніи. Такъ гипотеза о Кипріановскй Степенной главнымъ образомъ опирается на утвержденіе Миллера въ свою очередь заимствовавшаго свое показаніе изъ исторіи Татищева. Въ настоящей работѣ мы не будемъ касаться этого мнѣнія перваго нашего исторіографа, не остановимся также и на другихъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ имъ въ предисловіи къ изданію. Мы предполагаемъ теперь заняться исключительно вопросами, связанными съ самимъ изданіемъ, давно ставшимъ библіографической рѣдкостью и въ свое время оказавшимъ большія услуги всѣмъ занимавшимся Степенной.—Такъ какъ «Степенная царского родословія» оказала огромное вліяніе на развитіе нашей древней исторической письменности, вызвала многочисленныя дополненія, подражанія, переработки[2]), то, несомнѣнно, рано

1) Изданіе появилось въ Москвѣ; Степенная напечатана въ 2-хъ частяхъ.

2) Показаніями «Степенной» широко пользовался, напримѣръ, Лицевой сводъ Лѣтописи; Хронографы пополняли иногда свои тексты заимствованіями изъ «Степенной царскаго родословія». Подъ прямымъ и весьма сильнымъ вліяніемъ этого же произведенія написаны между прочимъ «Исторія» Грибоѣдова и «Латухинская (Тихоновская) Степенная Книга». — Вопросъ о зависимости отъ «Степенной царскаго родословія» цѣлаго ряда произведеній XVI—XVIII вѣковъ можетъ послужить темой особой монографіи.

или поздно долженъ возникнуть вопросъ о переизданіи этого произведенія. При этомъ естественно подумать о степени исправности уже имѣющагося изданія, о цѣнности рукописи, послужившей ему оригиналомъ, о томъ, нѣтъ ли лучшихъ списковъ «Степенной» и т. д. Для того, чтобъ на первыхъ порахъ хоть нѣсколько оріентироваться въ этихъ вопросахъ, необходимо ознакомиться со взглядами издателя «Степенной», высказанными имъ въ концѣ уже упомянутаго предисловія.

Въ виду важности взглядовъ Миллера для нашихъ цѣлей мы принуждены привести указанное нами мѣсто изъ его предисловія почти полностью [1]).

«Когда я упрошенъ былъ», пишетъ Миллеръ, «принять на себя трудъ сего изданія, то я поступалъ слѣдующимъ образомъ: *Надлежало мнѣ стараться о сысканіи древняго и вѣрнаго списка,* по коему бы учинить печатаніе, безъ утраты онаго при наборѣ, дабы впредь по оному, въ могущихъ являться сумнительствахъ, справиться можно было. Такой *списокъ, во время Государя Царя Ивана Васильевича, чистымъ полууставомъ писанный, усчастливилось мнѣ получить* отъ блаженнаго и вѣчнаго сожалѣнія достойнаго страдальца, Амвросія, Архіепископа Московскаго, изъ собственной библіотеки, не за долго до сего великаго мужа кончины. *Съ симъ спискомъ сличилъ я отъ слова до слова и смотря на каждую букву, другой издавна у меня находящійся списокъ, дабы сей могъ служить при наборѣ.* Поставилъ я себѣ за правило, ничего не пропускать, ни выкидывать, ни перемѣнять, ни прибавлять, но точно послѣдовать древнему Архіерейскому списку, дабы печатная наша книга могла пріобрѣсти совершенную довѣренность. Соблюдалъ я и старинный слогъ, старинное правописаніе, старинныя нынѣ уже неупотребительныя рѣчи; исправлялъ при печатаніи и корректурные листы; словомъ: *старался по возможности, чтобъ печатная книга ни въ чемъ отъ подлинника не разнилась.* Получилъ ли я желанное,

1) Степ. печ. изд., I, стр. VII—VIII; курсивы наши.

о томъ оставляю судить читателямъ.—Кончится сія Степенная не полною рѣчію, потому что такъ кончится и подлинникъ. Да и другой списокъ Степенныя, находящійся въ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ сею же не полною рѣчію кончится .... Возвратилъ я подлинникъ Степенныя книги сотруднику моему при Архивѣ, господину коллежскому ассессору Николаю Николаевичу Бантышу Каменскому, яко племяннику и ближайшему наслѣднику покойнаго Архіепископа. Онъ же за благо разсудилъ, уступить свое на сіе книгу право Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи Архиву. *Здѣсь удобно будетъ справиться по сей книгѣ въ какихъ нибудь могущихъ быть сумнительствахъ*: здѣсь нужныя по оной сообщать требующимъ изъясненія, за долгъ и удовольствіе себѣ считать будутъ».

Изъ приведенной нами выписки можно вынести убѣжденіе, что при изданіи «Степенной» были соблюдены всѣ необходимыя условія: былъ найденъ древній, временъ Грознаго, списокъ[1]) и изданъ тщательнѣйшимъ образомъ.—Казалось бы никакимъ «могущимъ быть сумнительствамъ» не должно быть мѣста, и тѣмъ не менѣе они неминуемы при занятіяхъ «Степенной». Самъ Миллеръ подаетъ первый поводъ къ этимъ «сумнительствамъ». Въ запискѣ о своихъ службахъ, написанной въ 1775 году, первый русскій исторіографъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Еще съ 1771 года началъ я печатать такъ называемую Степенную Книгу, уговоривъ нѣкотораго пріятеля, чтобъ на то иждивеніе свое употребилъ, потому что ни Университетъ и никакой книгопродавецъ на своемъ коштѣ изданія предпріять не хотѣли. Окончана книга печатаніемъ при концѣ 1774 года. Въ предисловіи упомянуто, какъ при изданіи я поступалъ, *и нѣкоторыя статьи Степенныя Книги, изъясненія требующія мною поправлены*[2]). Послѣднія слова какъ то не вяжутся съ

1) На основаніи описанія Миллера одинъ изъ историковъ русской церкви думалъ даже, что оригиналъ печатной Степенной появился еще при жизни Макарія, т. е. до 1564 года («Исторія русской церкви» митр. Макарія, т. VII, стр. 453).

2) Записка Миллера носитъ заглавіе «Описаніе моихъ службъ». Она издана

увѣреніемъ Миллера, что при изданіи Степенной онъ «старался по возможности, чтобъ печатная книга *ни въ чемъ* отъ подлинника не разнилась».

Прежде чѣмъ разрѣшать наше недоумѣніе, слѣдуетъ обратиться къ пересмотру печатнаго текста «Степенной». Быть можетъ, этотъ пересмотръ снабдитъ насъ нѣкоторымъ матеріаломъ для сужденія о пріемахъ Миллера и исправности его изданія.

II.

Внимательно вчитываясь въ печатный текстъ Степенной не трудно замѣтить цѣлый рядъ явныхъ искаженій многихъ словъ и выраженій изучаемаго произведенія. Иногда даже возникаютъ подозрѣнія, свободенъ ли былъ отъ довольно крупныхъ пропусковъ «подлинникъ» изданія. Нельзя конечно исправить въ настоящей статьѣ всѣ погрѣшности печатнаго текста Степенной [1]). Однако намъ представляется далеко не лишнимъ сдѣлать указанія на многіе недочеты изданія съ посильными поправками ихъ [2]).

въ видѣ приложенія къ брошюрѣ покойнаго князя Голицына «Портфели Г. Ф. Миллера». Цитированное мѣсто см. на 147 стр. этой брошюры. Въ напечатанномъ тамъ текстѣ читаемъ: «уговорилъ». Мы исправили это чтеніе по собственноручной черновой Миллера, находящейся въ портфелѣ его за № 249 (№ 1, § 56).

1) Это тѣмъ болѣе безполезно, что при сличеніи печатнаго текста съ лучшими рукописями «Степенной» обнаруживаются и другіе дефекты перваго, какъ напримѣръ, пропуски словъ и цѣлыхъ фразъ.

2) Кое-что мы исправляемъ безъ ссылокъ на рукописи. Это дѣлается лишь тогда, когда несомнѣнно какой именно текстъ подвергся искаженію. Въ другихъ случаяхъ пользуемся одной изъ слѣдующихъ рукописей: 1) Имп. Общ. Люб. Др. Письм. № XII (76) [означаемъ ея буквами О. П.], 2) Ак. Наукъ № 16, 18, 24 [означаемъ эту рукоп. такъ: Ак. Н. № 16], 3) Ак. Наукъ № 32, 8, 2 [Ак. Н. № 32], 4) Московскаго Публичнаго Музея № 612 [обозначаемъ ее буквами М. М.]. Объ этомъ превосходномъ спискѣ Степенной мы сообщимъ кое-какія подробности въ одномъ изъ дальнѣйшихъ отдѣловъ настоящей статьи.

Ст. I, 3 стр. ...лѣствицу непоколеблемо воздрузиша, *понеиже* невозбраненъ..	(Надо читать:) лѣствицу непоколеблемо воздрузиша *по ней же* невозбраненъ..
Ст. I, 8 стр. ..яко удивитися Игорю, *мужу умному*, смыслу ея..	М. М., 23 л. ..яко удивитися Игорю *мужеумному* смыслу ея..
Ст. I, 13 стр. ..и дань дающе *ни вы* дѣлаютъ...	Ак. Н. № 16, 8 л. ..и дань дающе *нивы* дѣлаютъ.
..вѣмъ бо яко меду *искоро* нынѣ не имате..	...вѣмъ бо яко меду *и скоры* нынѣ не имате..
Ст. I, 14 стр...и нача уставляти по *Мѣстѣ* погосты, и отъ луговъ..	8 (об.) л. ..и нача уставляти по *Мстѣ* погосты, и отъ луговъ..
Ст. I, 31 стр. ..и надѣяшеся отъ Него *съ торицею* восприяти..	(Надо читать:) ..и надѣяшеся отъ Него *сторицею* воспріяти..
Ст. I, 44 стр. ..аще въ дѣвствѣ, аще во брацѣ, аще *въ довствѣ*..	(Надо читать:) ..аще въ дѣвствѣ, аще во брацѣ, аще *во вдовствѣ*..
Ст. I, 45 стр. ..свобожденіе, и яко Христову *со входъ* невѣстнику..	Ак. Н. № 16, 33 (об.) л. ..свобожденіе, и яко Христову совходъ невѣстнику..
Ст. I, 62 стр. ...13. Чудо Пречистыя Богородицы у града Полона *отъ Половцѣхъ*.	М. М. 103 (об.) л. ...13. Чудо Пречистыя Богородицы у града Полона. *О Половцѣхъ*.
Ст. I, 68 стр. ...17. Начало брани отъ *Витовства*.	(Надо читать:)... Начало брани отъ *Витовта*.
Ст. I, 71 стр. ..28. О *Смоленскѣ*.	..28. О *Смоленскѣ*.
..32. О завѣтѣ *сыновъ*, и о преставленіи......	(Надо читать:) ..32. О завѣтѣ *сыновомъ*, и о преставленіи..
Ст. I, 76 стр. ..и тогда *за грѣхомъ* своему недостоинству совѣстію обличаемъ....	О. П, 75 л. ..и тогда *загрѣхъ* своему недостоинству совѣстію обличаемъ....

Ст. I, 83 стр. ..*Древляне* же словень *именовахуся*....	М. М. 127 (об.) л. *Древле* же словень *именовахомся*[1])....
Ст. I, 91 стр. ...и узрѣ того *люта* гоняща по звѣри въ лѣсъ ..	(Надо читать:) ...и узрѣ того *Люта* гоняща по звѣри въ лѣсъ..
Ст. I, 98 стр. ..ихъ же прежде *ю родство* вмѣняше быти, послѣди же *оспянъ* бысть свѣтомъ...	Ак. Н. № 32, ..ихъ же преже юродство вмѣняше быти, послѣди же *осіянъ* бысть свѣтомъ....
Ст. I, 102 стр. ..и украси Богъ небо, и *видѣ въ* первый отъ Ангелъ *старѣйшину*.	О. П., 98 л. ..и украси Богъ небо, и *видѣвъ* первый отъ Ангелъ *старѣйшина*.
Ст. I, 108 стр. ..и рече ему Богъ: удари *жезложъ* въ море..	(Надо читать:) ..и рече ему Богъ: удари *жезломъ* въ море..
Ст. I, 113 стр. ..и бѣжаша во Египетъ, и *пребывша* во Египтѣ..	(Надо читать:) ..и бѣжаша во Египетъ, и *пребыша* во Египтѣ...
Ст. I, 114 стр. ..и емше ведоша его *къ Гемону* Пилату...	О. П., 108 (об.) л.: и емше ведоша его *ко игемону* Пилату.
Ст. I, 137 стр. ..такожде и Елисей *милостію* Иліиною раздѣли Іорданъ..	(Надо читать:) ..такожде и Елисей *милотію* Иліиною раздѣли Іорданъ...
Ст. I, 138 стр. ..Перуна и Харса, да Жаба и Мокоша, и Власіи..	О. П., 131 л. ..Перуна и Харса, *Дажба* и Мокоша, и Власіи..
Ст. I, 442 стр. ..нынѣ же о таковыхъ *не вѣ гласъ* побѣжденъ..	(Надо читать:) ..нынѣ же отъ таковыхъ *невѣгласъ* побѣжденъ..
Ст. I, 143 стр. ..такожде и	О. П., 136 л. ..такожде и

1) Изъ контекста сразу видно, что это чтеніе правильнѣе; сверхъ того съ этимъ надо сопоставить фразу: «Отъ Варягъ бо Русію прозвахомся, а прежде Словени быхомъ (Ст. I, стр. 6).

благонравію, *и въ правдѣ* и любви..	благонравію, *и правдѣ*, и любви..
Ст. I, 148 стр. ..мы убо не брань воздвизающе. Сію божественную благодать предлагаемъ....	(Надо читать:) ..мы убо не брань воздвизающе, сію божественную благодать предлагаемъ...
ibid. ..не токмо единѣхъ васъ *во ивудѣніе истинны*..	О. П., 140 л. ..не токмо единѣхъ васъ *во увѣдѣніе истины*..
Ст. I, 149 стр...пріяша вѣру православную *и просвѣтиша* святымъ крещеніемъ..	О. П., 141 (об.) л. ..пріяша вѣру православную *и просвѣтишася* святымъ крещеніемъ..
Ст. I, 152 стр. ..мастеры же бяху *прежченніи* хитрецы..	О. П., 144 л. ..мастеры же бяху *прежереченніи* хитрецы..
Ст. I, 165/6 стр. ..лихоимцы *все тѣхъ* дѣлъ своихъ увязахуся..	(Надо читать:) ...лихоимцы *въ сѣтѣхъ* дѣлъ своихъ увязахуся..
Ст. I, 187 стр. ..И се *явися* ему злодѣивый врагъ въ нощи спящу убійство..	О. П., 175 (об.) л. ..и се *яви* ему злодѣивый врагъ въ нощи спящу убійство.
Ст. I, 187 стр. ..и что пріобрѣтоша отца моего, *братія*, или отецъ мой святый?..	..и что пріобрѣтоша отца моего *братія*, или отецъ мой святый?..
Ст. I, 190 стр. ..и что ми *по воліи* Божіи велиши..	О. П., 178 л. ..и что ми *по воли* Божіи велиши..
ibid... и аще ли *брать мои* кровь мою пролієтъ..	.. и аще ли *братъ мой* кровь мою пролієтъ..
Ст. I, 196 стр. ..возрастомъ *не злобою* младенствую..	О. П., 183 (об.) л. ..возрастомъ *незлобія* младенствую..
Ст. I, 202 ..и приходяще покланяхуся на мѣстѣ *то*..	О. П., 189 (об.) л. ..и приходяще покланяхуся на мѣстѣ *томъ*..

..а вѣруяй въ него не *посдится*..	..а вѣруяй въ него не *постыдится*..
Ст. I, 207 стр. ..и купно съ пророкомъ *возопійте*, глаголюще..	О. П., 193 л. ..и купно съ пророкомъ *возопиша*, глаголюще...
Ст. I, 207 стр. ..исповѣдаше сонъ Лазореви сице: Въ сію нощь *сѣдящимъ* у церкви..	О. П., 193 (об.) л. исповѣдаше сонъ Лазореви сице: Въ сію нощь *сѣдящу ми* у церкви..
Ст. I, 210 стр. ..сице рекій: *нама* убо спящима...	М. М. 266 (об.) л. ..сице рекій *нама* убо спящема..
...*внидоша* Святая, и рекоста: по что здѣсь пребываета?..	М. М. 267 л. ...*внидоста* святая и рекоста: по что здѣсь пребываета?..
..*Сватая* рекоста къ нама: Сице *повелѣваеми* вама..	..*Святая же* рекоста къ нама: Сице *повелѣваевѣ* вама..
..А сего подруга *ею оставляете утрь* еще и слѣпа его сотвориховѣ....	..А сего подруга *твоего оставляевѣ въ нутрь* еще и слѣпа его сотвориховѣ...
..И тогда шедша *глаголе тако* князю...	..и тогда шедша *глаголета ко* князю...
..аки поносъ, *и мы у* Святыма, и аки долга прося...	М. М. 267 (об.) л... аки поносъ *имый ко* Святыма, и аки долга прося...
..даруйта ми обѣтъ, должна ми *есть*...	даруйта ми обѣтъ, должна ми *еста*...
Ст. I, 211 стр. ..хотяше и церковь начати здати на мѣстѣ *ветхое древяное*..	О. П., 197 л. ..хотяше и церковь начати здати на мѣстѣ *ветхія древянния*..
Ст. I, 215 стр. ..моляся Богу и Пречистѣй Богородицѣ и *отбѣтъ* полагая..	О. П., 200 (об.) л. ..моляся Богу и Пречистѣй Богородицѣ и *обѣтъ* полагая..
Ст. I, 218 стр. ..Григорія, яко	О. П., 202 (об.) л. ..Григорія,

досажденъ ми умрый отъ нѣкоего..	яко *досажденьми* умрый отъ нѣкоего..
ibid. ..во снѣ же *притавъ* винствоваше..	М. М. 298 л. ..во снѣ же *приставъ* винствоваше..
Ст. I, 228 стр. ..великаго Чудотворца Николы отъ Міръ *въ Царьградѣ*..	М. М. 309 л. ..великаго Чудотворца Николы отъ Миръ *въ Баръ градѣ*..
Ст. I, 229 стр. ..градъ Переяславль русскій *камень* заложи.	(Надо:)..градъ Переяславь Русскій *каменъ* заложи...
Ст. I, 231 стр. ..но за *братію* обиду кровь свою пролія...	(Надо читать:)..но за *братнію* обиду кровь свою пролія..
Ст. I, 234 стр. ..вся взято быша въ *Вавилонѣ*..	..вся взято быша въ Вавилонъ..
Ст. I, 235 стр. ..не *имѣли* жены, не чада ли породи.	..не *имѣ ли* жены, не чада ли породи..
Ст. I, 236 стр. ..*Братіи яже* его Изяславъ и Владиміръ..	О. П., 217 (об.) л. ..*братія же* его, Изяславъ и Владиміръ..
Ст. I, 237 стр. ..будущей славѣ, *хотяще явится* въ насъ..	О. П., 218 (об.) л. ..будущей славѣ *хотящей явитись* въ насъ.
Ст. I, 238 стр. ..якоже древле Илія Елисѣови *милость*...	О. П., 220 л. ..якоже древле Илія Елисѣови *милоть*..
Ст. I, 239 стр. ..Препитати всю тварь, *многій заступити и спасти*..	О. П., 220 л. ..Препитати всю тварь, *могій заступати и спасати*..
Ст. I, 242 стр. ..и все *отечество* достояніе, иже въ Кіевѣ..	О. П., 222 (об.) л. ..и все *отеческое* достояніе, иже въ Кіевѣ..
Ст. I, 244 стр. ..По трехъ же днехъ *собраша* ихъ многое..	О. П., 225 л. ..По трехъ же днехъ *собрашася* ихъ многое..
Ст. I, 246 стр. ..сихъ ради доб-	О. П., 226 (об.) л. ..сихъ ради

рыхъ подвигъ его *преудобре на..*	добрыхъ подвигъ его *преудобрено..*
Ст. I, 257 стр. ..*Жестонравніи* же Посадницы и Боляре..	О. П., 236 л. ..*Жестокунравніи* же посадницы и боляре..
Ст. I, 258 стр. ..никакожъ не *мутися*, ни оскорбися..	О. П., 236 (об.) л. ..никакожъ не *смутися*, ни оскорбися..
Ст. I, 269 стр. ..еже *на предпоидущее скажемъ, и о сихъ же сице скажемъ:* Снидетеся...	О. П., 246 л. ..еже *и на предидущее скажемъ и о сихъ сице*: Снидитеся..
Ст. I, 283 стр. ..вся враги его *покоряще ему* подъ нозѣ его..	О. П., 260 л. ..вся враги его *покоряше ему Богъ* подъ нозѣ его.
Ст. I, 284 стр. ..единодержатель быти желаше всему *отечеству* достоянію..	О. П., 261 л. ..единодержатель быти желаше всему *отеческому* достоянію..
Ст. I, 285 стр. ..и въ коробы пошивая въ *езеро* истопити повелѣ..	О. П., 262 л. ..и въ коробы пошивая, въ *езере* истопити повелѣ.
Ст. I, 293 стр. ..не пойде *на обое* державство, единъ надѣяся пріобрѣсти...	О. П., 268 (об.) л. ..не пойде, *но обое* державство единъ надѣяся пріобрѣсти...
Ст. I, 293 стр. ..поручи не токмо державу *Владимирскому..*	О. П., 268 (об.) ..поручи не токмо державу Владимирскую..
Ст. I, 305 стр. ..нощію безъ *отца* повеленія Пречистыя Богородицы...	О. П., 278 (об.) л. ..нощію безъ *отча* повеленія Пречистыя Богородицы...
Ст. I, 306 стр. ..почто уподобистеся *горя сѣру* убійцы сродника *своего* Святаго *Хлѣба?..*	М. М., 408 л. ..почто уподобистеся *Горясѣру* убійцы сродника *моего* Святаго *Глѣба..*
Ст. I, 322/3 стр. И *тако* вси	О. П., 295 л. ..и *како* вси

страны трепетаху *именемъ* ихъ..	страны трепетаху *именъ* ихъ..
Ст. I, 323 стр... и многу *и святому* воспріятъ за всю братію.	(Надо:).. и многу *истому* воспріятъ за всю братію...
Ст. I, 334 стр... И кто можетъ *словамъ* сказати...	О. П., 305 (об.) л... И кто можетъ *словомъ* сказати..
.. странно видѣти мужіе, *яко снопне*,...	О. П., 306 л.. странно видѣти мужіе, *яко снопіе*...
.. *и стояше* печальми, яко *сѣтю* поляченьі...	.. *истаявши* печальми, яко *сѣтію* поляченьі..
Ст. I, 336 стр... инамо *усіонишася* поганіи татарове..	О. П., 308 л... инамо *уклонишася* поганіи татарове..
Ст. I, 313 стр... не терпя на мнозѣ *злослутію* тому...	О. П., 314 л... не терпя на мнозѣ *злолютію* тому...
Ст. I, 367 стр. .. *Плѣніе* Неврюево.	(Надо:) .. *Плѣненіе* Неврюево.
Ст. I, 368 стр. .. Изложеніе *совѣта* къ папѣ..	О. П., 347 л. .. Изложеніе *отвѣта* къ папѣ..
Ст. I, 375 стр. ..и *не плѣнным* вѣнцомъ увязеся..	(Надо:) и *нетлѣнным* вѣнцомъ увязеся..
Ст. I, 379 стр. ..и самъ *ся сподоби* постриженъ *быстъ*..	О. П., 357 л... и самъ *сподобися* постриженъ *быти*..
Ст. I, 380 стр. ..*давъ вкупѣ* оба монастыря подъ единымъ..	О. П., 357 (об.) л. ..*да вкупѣ* оба монастыря подъ единымъ..
Ст. I, 386 стр. ..Се братіе предлежитъ намъ *животъ на* смерть..	(Надо:)..се, братіе, предлежитъ намъ *животна* смерть..
Ст. I, 411 стр. ..и со отъятіемъ убо *властнымъ* и всяко мудрованіе соотрѣзуетъ..	(Надо:) ..и со отъятіемъ убо *власнымъ* и всякое мудрованіе соотрѣзуетъ..
Ст. I, 414 стр. ..тихъ нѣкій и *хладекъ*, яко Зефиръ,..	(Надо читать:) ..тихъ нѣкій и *хладенъ*, яко Зефиръ,..

Ст. I, 419 стр. ..и весь радости *исполненися*...	(Надо:) ..и весь радости, исполнися...
Ст. I, 422. ..азъ малую нѣкую повѣсть душеполезну *прихожду*..	О. П., 395 (об.) л. ..азъ малую нѣкую повѣсть душеполезну *преложу*..

На 424 стр. I-го тома печатнаго изданія Степенной въ концѣ 4-ой главы 10-й грани текстъ подвергся очевидному искаженію. Начало похвалы св. Петру Митрополиту («Такова убо... Святителя... исправленія!.. ихъ ради и Богъ того воспрослави».) внезапно прерывается совершенно новымъ текстомъ («Увѣдѣвше же весь градскій народъ и пріидоша..... благодаренія приношаху Богу»). Не трудно замѣтить, что этотъ второй текстъ является окончаніемъ слѣдующей, т. е. 5-ой, главы той же степени[1]). Но чѣмъ же объяснить, что вся эта 5-ая глава не выпала: это почти неминуемо, разъ перепищикъ машинально пропустилъ нѣсколько строкъ своего оригинала[2]).

Ст. I, 427 стр. ..мы за тебя хощемъ животомъ своимъ *постягнути*.	О. П., 400 л. мы за тебя хощемъ животомъ своимъ *потягнути*.
Ст. I, 428 стр. ..бѣ видѣти доспѣхъ свой весь *язвнѣ*..	О. П., 400 (об.) л. ..бѣ видѣти доспѣхъ свой весь язвенъ..
Ст. I, 429 стр. ..Зоветъ тя Царь, поиди *въ Борзѣ*..	(Надо читать:) ..Зоветъ тя Царь, поиди *вборзѣ*..
Ст. I, 431 стр. ..единъ въ рукахъ ихъ, глаголаше *въ севъ*..	О. П., 404 (об.) л. ..единъ въ рукахъ ихъ, глаголаше *въ себѣ*...
Ст. I, 433 стр. ..и по семъ рече: «*Вѣды* буди, Михаиле!...	О. П., 406 л. ..и по семъ рече: «*Вѣдый* буди, Михаиле!...

1) Ст. печ. I, 425.

2) И мы, дѣйствительно, не знаемъ ни одной рукописи «Степенной», гдѣ бы послѣ указанной путаницы была помѣщена 5-ая глава 10-й степени. Къ этому вопросу намъ предстоитъ еще возвращаться въ нашей статьѣ.

Ст. I, 434 стр. ..вельми бо *прискорбія* душа моя	О. П., 407 (об.) л. ..вельми бо *прискорбна* душа моя..
Ст. I, 444 стр. ..наипаче бо таковыми угожаемъ *есмь* Богъ...	О. П., 416 (об.) л. ..наипаче бо таковыми угожаемъ *есть* Богъ..
Ст. I, 445 стр. ..Сія же *причтохомъ* и разумѣхомъ	(Надо:) Сія же *прочтохомъ* и разумѣхомъ...
ibid. ..святаго и приснопамятнаго Боговѣщательныхъ *милостивъ*..	О. П., 417 л. ..Святаго и приснопамятнаго Боговѣщательныхъ *молитвъ*..

Въ статьяхъ «О обрѣтеніи.. мощей.. Алексія..» и «О принесеніи святыхъ ..мощей.. Алексія..» (печ. изд. I, 470—8 стр.) текстъ подвергся искаженію, отмѣченному въ нашей литературѣ Преосв. Филаретомъ[1]). Искаженіе заключается въ слѣдующемъ: послѣ словъ «благодатію всемогущаго Бога и молитвами угодника (Ст. I, 470)» вставленъ кусокъ «Геннадій писаніемъ изъяви благочестивому.............. сказаніи яже преже не явленна», (ibid. 470—473 стр.), а затѣмъ отъ словъ «его Великаго Чудотворца» до конца статей идетъ правильный текстъ и вставка повторяется на своемъ мѣстѣ (ibid. 476/8 стр.). Надо ли объяснять такое искаженіе текста ошибкой переписчика «подлинника» печатной Степенной, или это промахъ издателя, рѣшить трудно[2]).

Непосредственно за статьей «О принесеніи святыхъ мощей ..Алексія...» въ печатномъ текстѣ «Степенной» слѣдуетъ глава «Василія Архіепископа... отвѣтъ лукавнующимъ.. нѣмцемъ (Ст. I, 479 стр.). Однако въ концѣ предыдущей статьи (ibid. 474 стр.) находимъ слова: *«О многихъ чудотвореніихъ Святаго*

1) «Обзоръ русской духовной литературы», стр. 149.

2) Любопытно, что при свѣркѣ печатнаго изданія Степенной съ тремя рукописями ея отсутствіе этого промаха въ спискахъ отмѣчалось, какъ пропускъ. Рукопись, содержащая результаты помянутаго сличенія, сдѣланнаго по порученію незабвеннаго въ русской исторіографіи графа Н. П. Румянцева въ 1814 году, мы видѣли въ М. А. Мин. Ин. Д., гдѣ она помѣщена въ Гос. Древлехр. (Отд. V, рубр. 2, № 17); старый ея № 416/868.

Алексія въ малѣ отчасти послѣди речется. Здѣ же о принесеніи честныхъ его мощей слово да предложится». Замѣтку эту, къ слову сказать, выдѣляемую обыкновенно въ рукописяхъ въ красную строку, слѣдуетъ сопоставить съ дальнѣйшимъ замѣчаніемъ въ статьѣ «О принесеніи мощей. . .»: «пораспространена бысть повѣсть сія истинно обрѣтаемыми сказаніи, *яже прежде неявлена быша здѣ за неполученіе настоящаго тогда времени*. Написано же бысть послѣди по благословенію. . .»

Такимъ образомъ мы въ правѣ были бы ожидать вслѣдъ за статьей «О принесеніи... мощей. .» какого нибудь «Сказанія о чудесахъ. .»[1]) Это вдобавокъ вполнѣ гармонировало бы съ окончаніями Житій другихъ двухъ наиболѣе прославленныхъ митрополитовъ Московскихъ: святыхъ Петра и Іоны, которыя помѣщены въ Степенной[2]). Если при этомъ припомнить, что «Степенная царскаго родословія» была составлена инокомъ Чудова монастыря[3]), гдѣ покоились мощи основателя обители св. митрополита Алексія, тѣмъ страннѣе пропускъ такого «Сказанія» въ этомъ сочиненіи.

Наконецъ у насъ есть прямое доказательство того, что въ планъ составителя «Книги Степенной» входило помѣщеніе въ

---

1) Мы предвидимъ возможность возраженія, что слова «послѣди речется» могутъ относиться и не къ Степенной. На это укажемъ кромѣ соображеній, приведенныхъ нами въ текстѣ и для насъ безспорныхъ, что составитель Степенной не разъ ссылался въ такихъ выраженіяхъ, когда разумѣлъ именно это свое произведеніе. См., напримѣръ, Ст. I, 324 стр., конецъ 1-ой главы 7-ой грани и всю эту грань; затѣмъ Ст. II, 6 стр. «О житіи же Ѳотія митрополита и о бывшихъ по немъ мятежѣхъ послѣди речется; здѣ же настоящее да глаголется», а далѣе, дѣйствительно, есть и разсказъ о междуусобіяхъ, и житіе св. Фотія.

2) Чудесамъ св. Іоны посвящены особые разсказы, слѣдующіе за Житіемъ; житіе св. Петра заканчивается такими же разсказами, но болѣе связанными съ основнымъ текстомъ біографіи этого святителя (Ст. I, 420—4 стр., ср. II, 89—95 стр.).

3) Составителемъ «Степенной царского родословія» былъ, какъ мы убѣждены, Аѳанасій, преемникъ Макарія по митрополіи. Доказательству нашего мнѣнія посвящена статья «Кто былъ авторомъ «Книги Степенной царского родословія»?» (Ж. М. Н. Пр., 1902, декабрь).

томъ или иномъ видѣ «Сказанія о чудесахъ св. Алексѣя». Въ 16-й Степени мы находимъ 14-ую главу «О новыхъ чудесѣхъ Чудотворца Алексѣя» [1]). Глава эта гласитъ слѣдующее: «Тогда [т. е. при Васильи III] отъ честныхъ мощей Великаго Святителя и Чудотворца Алексѣя Митрополита всеа Росіи быша многа и различна преславная чудеса исцѣленія, сице Богу сугубо прославляюще своего Угодника. *Бяху же и сія чудеса писана въ книгѣ сей въ первой на десять степени въ житіи Святого сего Чудотворца Алексѣя»*. Здѣсь указывается не только на существованіе въ Степенной особаго сказанія о чудесахъ св. Алексія, но и сообщается въ общихъ чертахъ содержаніе одной его части. И все-таки этого сказанія мы не находимъ въ печатной «Степенной» ни въ «Житіи св. Алексія..», ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ ея. Очень трудно, вѣрнѣе почти невозможно, объяснить такое обстоятельство небрежностью или разсѣянностью составителя «Степенной». Въ другихъ случаяхъ такихъ свойствъ за нимъ не замѣчается, а въ данномъ случаѣ онъ по указаннымъ выше причинамъ долженъ былъ быть особенно внимательнымъ. Поэтому мы въ правѣ заподозрить здѣсь дефектъ рукописи, послужившей «подлинникомъ» печатнаго текста, а окончательное выясненіе этого вопроса можемъ оставить до ознакомленія съ разными списками «Книги Степенной царского родословія» [2]).

Продолжаемъ наши наблюденія надъ печатнымъ изданіемъ «Степенной».

Ст. I, 483 стр. .. Дѣйсусъ написанъ *Лазаремъ* чуднымъ..	О. П., 466 стр. .. Дѣисусъ написанъ *лазоремъ* чуднымъ..
Ст. I, 499 стр. .. и тако всю	О. П. 481 (об.) л. .. и тако всю

1) Ст. II, 192 стр. — Эта же глава указана и въ общемъ оглавленіи «Степенной» (Ст. I, 72).

2) Ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на существованіе «Сказанія .. о чудесахъ» во многихъ спискахъ «Степенной». Подробно объ этомъ см. въ V-мъ отдѣлѣ настоящей статьи.

надежду на Бога *возложися*..	надежду на Бога *возложиша*..
Ст. I, 504 стр. .. мертвъ лежиши, никимъ же не *владњевиши*..	О. П. 486 л. .. мертвъ лежиши, никимъ же не *владњеши*..
Ст. I, 505 стр. .. *не смњлятъ ли ся* мои горкія слезы..	О. П. 486 (об.) л. .. *не смилятъ ли ти ся* мои горькія слезы..
Ст. I. 506 стр. .. *смыслъ* измѣняется, зракъ опуснѣваетъ..	О. П. 487 л. .. *мысль* измѣняется, зракъ опуснѣваетъ..
ibid. .. отъ не научена разума насложенію и *рњкй* устремленію. Помощника бо *предстасляемъ* Святого Богу..	О. П. 487 (об.) л. .. отъ не научена разума сложенію и *рњчи* устремленію. Помощника бо *представляемъ* святого Богу...
Ст. I, 517, 519, 525 стр... *Кірпіяна*, Кирпіяну, Кирпіяномъ...	(Надо:) *Кипріяна* и т. д.
Ст. I, 526 стр. .. являяся княземъ Смоленскимъ, ихъ же *лестеію* призва..	(Надо:) .. являяся княземъ Смоленскимъ, ихъ же *лестію* призва..
.. Василій князь на Москву, *аки присланъ* митрополитъ въ Кіевъ.	О. П. 506 л. .. Василій князь на Москву, а *Кипріянъ* митрополитъ въ Кіевъ.
.. отъ него, и *возрастися* во свояси..	.. отъ него, и *возвратися* во свояси..
Ст. I, 527 стр. .. О началѣ нижеградскія пустыни *изъ Суждальскаго* монастыря..	(Надо:) О началѣ нижеградскія пустыни *и Суждальскаго* монастыря.
Ст. I, 544 стр. .. на христоименитое стадо *достояніе, хотя* озлобити..	О. П. 523 л. .. на христоименитое стадо, *хотя* озлобити..
Ст. I, 550 л. .. патріархъ Гер-	(Надо:) .. патріархъ Германъ *съ*

манъ *самово ображеннаго* образа преписати повелѣ..	*самовоображеннаго*[1]) образа преписати повелѣ..
Ст. I, 553 стр. .. въ кости его и вси *удобе* его разслабѣша..	(Надо:) ..въ кости его и вси *удове* его разслабѣша..
Ст. I, 553 стр. .. *О побѣдѣ*...	О. П., 529 л. .. *О побѣгѣ*..
Ст. I, 554 стр... Первосвятитель и *всими народы*, со...	О. П., 530 л. .. первосвятитель, и *вси народи*, со...
Ст. I, 575 стр. .. и о гладѣ, и *о морю* сугубомъ..	О. П., 549 (об.) .. и о гладѣ и *о мору* сугубомъ..
ibid. .. желаетъ *спаненія* человѣческаго..	(Надо читать:) .. желаетъ *спасенія* человѣческаго..
Ст. II, 4 стр. .. и срѣтоша его *посланній* по него..	О. П., 556 л. .. и срѣтоша его *посланніи* по него..
Ст. II, 5 стр. .. моляше его и *прошенія* просяше..	О. П., 557 л. .. моляше его и *прощенія* просяше..
Ст. II, 8 стр. .. бѣгая отъ иного Царя *бѣже* въ Бѣлеву...	О. П., 559 (об.) л. .. бѣгая отъ иного царя *вбѣже* въ Бѣлеву..
Ст. II, 10 стр. .. и *не волею* веляху имъ своими...	(Надо:) .. и *неволею* веляху имъ своими...
Ст. II, 15 стр. .. за ними же *гонимъ* на монастырь и самъ Князь..	О. П., 566 л. .. за ними же *вгонилъ* на монастырь и самъ князь..
Ст. II, 16 стр. .. гроба Сергіева цѣловали *весьма* животворящій..	О. П., 566 (об.) л. .. гроба Сергіева цѣловали *есмя* животворящій...
Ст. II, 20 стр. .. Пришествіе отъ *Шемяку*..	(Надо:) .. Пришествіе отъ *Шемяки*..
Ст. II, 29 стр. .. Бога Саваоѳа *вседежителя*..	(Надо:) .. Бога Саваоѳа *вседержителя*..
Ст. II, 55 стр. .. Селунь возврати Грекомъ *въ Руки*..	(Надо:) .. Селунь возврати Грекомъ *въ руки*..

1) О. П., 526 (об.) л. съ *самаю ображеннаю* (sic!).

Ст. II, 57 стр. Аѳанасій *совсѣмъ* священнымъ Соборомъ..	..Аѳанасій *со всѣмъ* священнымъ соборомъ..
Ст. II, 65 стр. .. бысть сѣча *крѣпкайши* всѣхъ..	.. бысть сѣча *крѣпчайше* всѣхъ..
Ст. II, 68 стр. .. великій Дукасъ и великій *Доместитъ*..	.. великій дукасъ и великій *доместикъ*..
Ст. II, 74 стр. .. *овіи* же мнѣе прещеніемъ и озлобленіемъ *понуждали*..	О. П., 617 (об.) л. .. *овіи* же мнѣе прещеніемъ и озлобленіемъ *понуждаеми*..
Ст. II, 75 стр. .. Апостольскаго сѣдалища *Легатося безумныи*..	О. П., 618 (об.) л. .. Апостольскаго сѣдалища *легатоса* безумный..
.. непорочнаго благочестія *держителю* благородному..	.. непорочнаго благочестія *держателю* благородному..
.. тьмою *безмѣрія* своего оболкся и не дожда..	О. П., 619 л. .. тьмою *безвѣрія* своего оболкся и не дожда..
.. И *бѣжаша* къ Тѳери, и оттоли во свое..	.. И *бѣжаше* къ Твери, и оттолѣ во свое..
Ст. II, 76 стр. .. *вселукаявый* діаволъ не *терпѣ* видѣти такова *цвѣтяща*..	О. П., 619 (об.) л. .. *вселукавый* діаволъ не *терпя* видѣти такова *цвѣтящаго*..
.. цѣльбоносныя раки *взять* Великаго Князя..	О. П., 620 л. .. цѣльбоносныя раки *взятъ* великаго князя..
Ст. II, 81 стр. .. и клятву ею же *кляться* ни во что же..	О. П., 624 (об.) л. .. и клятву ею же *клятся* ни во что же..
Ст. II, 82 стр. .. отъ Святого же *Іона* благословитися..	О. П., 625 л. .. отъ святаго же *Іоны* благословитися..
Ст. II, 84 стр. .. устремишася Русь *звѣрѣ похвалящеся*..	О. П., 626 (об.) л. .. устремишася на Русь *свирѣпо хвалящеся*..
Ст. II, 90 стр. .. изъ Венеціи *Ахитектонъ* зѣло мудръ..	О. П., 632 (об.) л. .. изъ Венеціи *Архитектонъ* зѣло мудръ..

Ст. II, 99 стр. .. ближними южиками, и по лишеніи *отчію*..	О. П., 641 (об.) л. .. блаженими южиками и по лишеніи *очію*..
Ст. II, 102 стр. .. дѣти Исаака *Борнецкаго* и съ матерью..	О. П., 644 л. .. дѣти Исаака *Борецкаго* и съ матерью..
Ст. II, 105 стр. .. жаловати васъ, свою *отъ чину*,..	(Надо:) .. жаловати васъ, свою *отчину*,..
ibid. .. то дѣло *богоотменно*.. ... свѣтъ оставити *яко* тьмѣ латынскія..	О. П., 646 (об.) л. .. то дѣло *богоотмѣтно*... свѣтъ оставити *и ко* тьмѣ латынскія..
Ст. II, 107 стр. .. по древнему *и правити* хотяху къ великому..	(Надо:) .. и по древнему *исправити* хотяху къ великому..
Ст. II, 111 стр. .. возвѣщая, иже *Нову Граду* сами готови вси..	(Надо:) .. возвѣщая, иже къ *Новуграду* сами готови вси..
Ст. II, 115 стр. .. и тогда же къ Великому Князю выгнатичи..	(Надо:) .. И тогда же къ великому князю въ Игнатичи..
Ст. II, 123 стр. .. и мы *вамъ* отчину свою пожалуемъ..	О. П., 662 л. .. и мы *васъ* отчину свою пожалуємъ..
Ст. II, 124 стр. .. и у Троицы на *Керяжѣ* и на Клопскѣ..	О. П., 663 л. .. и у Троицы на *Веряжѣ* и на Клопскѣ..
Ст. II, 131 стр. .. Великихъ Князей они же *и усвоиша*..	О. П., 668 (об.) л. .. Великихъ князей, они же *ихъ освоиша*..
Ст. II, 135 стр. .. и градъ Москва *каменъ* поставленъ..	О. П., 671 (об.) л. .. и градъ Москва *каменъ* поставленъ....
.... дворъ весь прехитро *каменъ* же....	.. дворъ весь прехитро *каменъ* же....
Ст. II, 143 стр. .. глаголетъ Димократъ *Философомъ*:	О. П., 678 л. .. глаголетъ Димократъ *философъ: первыи*

первый Князь подобаетъ имѣти умъ..	*князю* подобаетъ имѣти умъ..
Ст. II, 155 стр. .. *овіихъ* по градскому закону смерти преданы...	О. П., 688 л. .. *овіи жъ* по градскому закону смерти преданы..
Ст.II,156стр. ..со множествомъ *имѣніемъ*. И абіе Божіимъ..	О. П., 689 (об.) л. .. со множествомъ *имѣнія*. И абіе Божіимъ..
Ст. II, 167 стр. .. Тако же тогда идѣ же *уведоша* живущихъ..	О. П., 698 л. .. Тако же тогда, идѣ же *увѣдаша* живущихъ..
.. Алексія Митрополита всея Росіи въ *первой* Степени..	.. Алексія Митрополита всеа Росіи въ *первой на десять* степени..
.. молитвы и *благословенія*.	О. П., 698 (об.) л. .. молитвы и *благодаренія*.
Ст. II, 174 стр. .. благая и полезная *Царствія* начинанія..	О. П., 703 (об.) л. .. благая и полезная *царствію* начинанія..
.. тщашеся *подвизати* за отеческое..	.. тщашеся *подвизатися* за отеческое..
Ст. II, 182 стр. .. Самодержавный *иже* Государь..	О. П., 710 (об.) л. .. Самодержавный *же* Государь..
Ст. II, 189 стр. .. они же *мало ни мало* очутишася..	О. П., 717 л. .. они же *ни мало не* очутишася..
Ст. II, 190 стр. .. Максиміану *своего и Посланника отпусти*..	О. П., 718 л. .. Максиміану *и своего посланника посла*..
Ст. II, 191 стр. .. питая ихъ и *удовлевая* всякими..	О. П., 718 (об.) л. .. питая ихъ и *удоволяя* всякими..
Ст. II, 215 стр. .. хощетъ, *дабыхъ* азъ инокъ былъ..	О. П., 739 л. .. хощетъ *да бы и* азъ инокъ былъ..
Ст. II, 220 стр. .. *умершіи же*	О. П., 744 л. .. *умершихъ же*

различными бѣдами, и поверьженыхъ..	различными бѣдами, и поверженныхъ..
Ст. II, 227 стр. .. изъ хлѣвины соръ *испражняющася*..	О. П., 750 (об.) л. .. изъ хлѣвины соръ *испражнающа*..
Ст. II, 230 стр. .. та же *истрыхъ*, и канонъ ему составленъ въ *гревныхъ* книгахъ..	О. П., 753 л. ..такожe *и стихѣры*, и канонъ ему составленъ въ *древнихъ* книгахъ..
Ст. II, 234 стр. .. Послѣди же *лишенъ будъ* таковаго образа..	М. М., 1046 л... Послѣди жъ *не лишенъ будетъ* таковаго образа..
Ст. II, 241 стр. .. пріидоша ко граду *Коломнѣ*..	М. М., 1054 л. .. пріидоша ко граду къ Гомѣ[1])..
Ст. II, 250 стр. .. *И о знамений*..	О. П., 771 (об.) л. .. И о знаменіихъ..
Ст. II, 251 стр. .. Древняя же *злоба* Казанстіе людіе гордостію..	О. П., 772 л. . . Древняя же *злобы* Казанстіе людіе гордостію..
Ст. II, 252 стр. .. *И тогда* во градѣ Казани, *яко* видѣся Татаромъ, яко..	О. П., 773 (об.) л. . . *Иногда же* во градѣ Казани *явно* видѣся татаромъ, яко..
Ст. II, 254 стр. .. глаголаху: .. *Разумѣйте* есть по всему..	О. П., 774 (об.) .. глаголаху: ..*разумѣти* есть по всему..
Ст. II, 260—1 стр. .. надежду имѣя не погрѣшити *прошенія*..	М. М., 1076 л. . . надежду имѣя не погрѣшити *прощенія*..
Ст. II, 262 стр. .. и тако святыя *дары* и святыя воды причастився..	О. П., 781 (об.) л. .. и тако святыя *доры* и святыя воды причастився..
Ст. II, 264 стр. .. запустѣнная	О. П., 783 (об.) л. .. запустѣн-

1) Въ другихъ рукописяхъ читаемъ «къ Гомью» или «къ Гомье»; судя по контексту это чтеніе безусловно вѣрно; ср. Ст. II, 242: «литовскіе же людіе посадиша въ Гомьѣ своихъ людей...»

же *мерзость* нечестія земля...	ная же *мерзостію* нечестія земля...
Ст. II, 283 стр. .. въ немъ же и самого маистра *плѣнивша*,	(Надо читать:) .. въ немъ же и самого маистра *плѣниша*..
Ст. II, 284 стр. .. Въ лѣто 7069 Крымскій Царь Девлетъ..	М. М., 1105 л. .. Въ лѣто зѯд (т. е. 7064!) [1]) Крымскій царь Девлетъ..
Ст. II, 289 стр. .. и тако *потщася* на нечестивыя *сборы* и разсыпли..	О. П., 805 (об.) л. . . и тако *потщися всегда* на нечестивыя и разсыпли..
Ст. II, 290 стр. . . но любовнѣ воспріими *не* разумѣхомъ. Богъ не требуетъ..	О. П., 806 (об.) л. . . но любовнѣ воспріими . . *зане* разумѣхомъ: Богъ не требуетъ..
Ст. II, 291 стр... Царицу Елену, *о* иже о твоемъ имени..	О. П., 807 л. .. Царицу Елену, *а* иже о твоемъ имени..

Оканчивается печатный текстъ «Степенной», какъ это отмѣтилъ и издатель, «не полною рѣчью», т. е. на полуфразѣ «турскаго же державцы Агіи и Санчакіи съ клевреты своими..» [2]).

Въ тоже время нельзя допустить предположенія, что таковъ именно былъ конецъ «Книги Степенной царского родословія». Авторъ ея Андрей-Аѳанасій составилъ свое произведеніе еще при жизни митрополита Макарія, предшественника своего по каѳедрѣ, и, разумѣется, имѣлъ полную возможность придать «Книгѣ» болѣе или менѣе законченный видъ [3]). Объ извѣстной законченности

1) Даже по печатному тексту Степенной можно догадаться о томъ, что предлагаемая дата правильнѣе, чѣмъ «7069» годъ: въ той же главѣ ниже (Ст. II, 285 стр.) идетъ рѣчь о событіяхъ «7065» года; при этомъ вся глава посвящена послѣдовательному разсказу о крымскихъ и нагайскихъ дѣлахъ. Возникновеніе ошибки понятно: изъ «҂зѯд» легко могло получиться «҂зѯѳ».

2) Самъ Миллеръ какъ будто предполагалъ, что «Степенная», дѣйствительно, обрывается на полуфразѣ. См. предисловіе къ Ст. VIII стр., съ ссылкой на рукописи, оканчивающіяся также.

3) Объ авторствѣ Аѳанасія см. примѣчаніе выше.

ности Степенной свидѣтельствуетъ и составленное ко всѣмъ 17-ти гранямъ ея общее оглавленіе [1]). Такимъ образомъ приходится считаться съ однимъ изъ двухъ вѣроятныхъ обстоятельствъ: или: «подлинникъ» печатнаго текста Степенной принадлежитъ къ спискамъ дефектнымъ, не имѣющимъ окончанія ея или, напротивъ, мы имѣемъ въ немъ дѣло съ рукописью, содержащей нѣкоторыя дополненія. Второму предположенію противорѣчитъ содержаніе послѣднихъ страницъ Степенной: начиная со статьи «Явленіе святого Николы въ Дѣдиловѣ градѣ» рѣчь идетъ о тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ крымскихъ дѣлахъ 1558—59 годовъ, а потому ясно, что весь разсказъ написанъ за одинъ пріемъ [2]). Поэтому мы склоняемся къ мысли, что печатный текстъ Степенной воспроизвелъ недописанную рукопись этого произведенія.

Просмотръ печатнаго текста «Степенной» и нѣкоторая свѣрка его съ рукописнымъ матеріаломъ даютъ намъ возможность подтвердить наше заявленіе о многочисленныхъ дефектахъ изданія. Наиболѣе крупнымъ недочетомъ его является отсутствіе окончанія. Крайне странное отсутствіе какого-то «сказанія о чудесахъ св. митрополита Алексія» при указаніяхъ на него въ Степенной тоже, быть можетъ, свидѣтельствуетъ о дефектности «подлинника» печатнаго текста. Путаница въ окончаніи 4-й главы 10-й грани, и въ статьяхъ «О обрѣтеніи..» и «О пренесеніи..

1) Ст. I, 55—74 стр. — Въ нѣкоторыхъ спискахъ не показано числа митрополитовъ въ царствованіе Грознаго и нѣтъ обозначенія количества главъ въ послѣдней грани (ср. печ. Ст. I, 73 и II, 236 стр.). Можно думать, что предполагалось дѣлать впослѣдствіи дополненія къ «Степенной». Съ другой стороны, во всѣхъ полныхъ спискахъ ея находятся именно эти же 26 главъ 17-ой грани, какъ и въ печатномъ текстѣ, а потому послѣднюю главу нельзя считать позднѣйшей приставкой.

2) На послѣднихъ страницахъ печатной Степенной кромѣ заглавія «глава 26. явленіе святого Николы въ Дѣдиловѣ градѣ» находится еще нѣсколько заголовковъ: «Брань на Айдарѣ», «Побѣда на крымцевъ у Пронска», «Ратованіе на крымскіе улусы моремъ». Дѣлать частные подзаголовки — въ обычаѣ у составителя «Степенной» (см. Ст. II, 284—286 стр., глава 20-ая 17-й грани; тамъ-же, стр. 180—4, глава 7-ая 16-ой степени и т. п.); поэтому мы съ еще большей увѣренностью считаемъ всѣ послѣднія статьи печатнаго изданія принадлежащими къ основному тексту названнаго произведенія.

мощей.. святого ..Алексія»—также представляютъ довольно крупный недостатокъ изданія. Наконецъ цѣлый рядъ мелкихъ ошибокъ указываетъ на плохой «подлинникъ» печатной Степенной. Впрочемъ часть неправильностей, отмѣченныхъ нами, явилась, пожалуй, какъ результатъ погрѣшностей Миллера. Сюда можно отнести невѣрное раздѣленіе или соединеніе [1]) словъ, неправильную иногда пунктуацію, а также и нѣкоторыя изъ искаженій отдѣльныхъ словъ.

III.

Пересмотръ печатнаго текста «Степенной» не разсѣялъ; какъ мы видѣли, нашихъ «сумнительствъ». Наоборотъ, нѣкоторыя изъ замѣченныхъ при этомъ пересмотрѣ неисправностей навели насъ на соображенія, что изданіе изучаемаго памятника не свободно и отъ промаховъ его редактора. Чтобы окончательно выяснить возникшія у насъ сомнѣнія, остается обратиться къ разсмотрѣнію списка, легшаго по свидѣтельству Миллера въ основу печатной «Степенной». Рукопись эта, какъ намъ давно извѣстно изъ цитированнаго выше мѣста Миллеровскаго «предисловія» [2]), хранится въ М. А. Мин. Ин. Дѣлъ. Изъ многочисленныхъ списковъ «Степенной царскаго родословія», находящихся въ упомянутомъ богатомъ собраніи памятниковъ русской древней письменности, наше вниманіе привлекаетъ рукопись Государствен. Древнехранилища, Отд. V, рубр. 2, № 8 (по старой номераціи

1) Не говоря уже о рядѣ отмѣченныхъ нами случаевъ, можемъ указать на постоянное употребленіе словъ «вонъ», «вонь» и т. д. вмѣсто «въ онъ», «въ онь» и т. д.; съ другой стороны, въ печатномъ текстѣ мы постоянно видимъ и такое правописаніе «отъ туда», «отъ куда», «въ преки», хотя здѣсь Миллеръ, вѣроятно, воспроизводилъ чтенія своей рукописи и т. п. — Не мало въ печатномъ текстѣ и простыхъ опечатокъ, на чемъ останавливаться, впрочемъ, не стоитъ.

2) См. 1-ый отдѣлъ этой статьи.

№ 27/35). И въ подробныхъ каталогахъ Архива, и въ старыхъ инвентаряхъ его на эту рукопись указывается, какъ на оригиналъ печатнаго изданія «Степенной». Съ этимъ указаніемъ согласна запись, сдѣланная почеркомъ начала XIX-го столѣтія на 2-мъ оберточномъ листѣ интересующаго насъ списка: «Степенная Книга Россійской Исторіи съ начала оныя, до временъ царя Іоанна Васильевича, содержащая 17 степеней. Писана въ листъ полууставомъ въ XVII столѣтіи безъ конца (подаренная въ Архивъ Дѣйст. Стат. Совѣт. Н. Бантышъ-Каменскимъ). NB. по сему оригиналу Исторіографъ Миллеръ издалъ оную въ печать въ 2-хъ томахъ въ Москвѣ 1775 года». На первомъ листѣ самой рукописи внизу находится слѣдующая запись: «из числа Книгъ Коллежскаго ассесора Николая Бантыша Камѣнского отданная в']ностранной Коллегіи а[р]хивъ 2. генв. 1775 года». Написанная собственноручно Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ [1]), запись заставляетъ съ особой тщательностью остановиться на разсматриваемой рукописи. Заключенная въ ветхій кожаный переплетъ съ завязками, рукопись содержитъ 1060 (по счету Архива) листовъ in folio [2]). Полууставные почерки списка, перебивающіеся между собой, указываютъ по нашему мнѣнію на первую треть XVII столѣтія [3]), какъ на наиболѣе вѣроятное время ея появленія. Писана рукопись тщательно и въ 4-хъ мѣстахъ (ли-

---

1) Мы основываемся въ данномъ случаѣ на авторитетномъ утвержденіи старшаго дѣлопроизводителя Архива, извѣстнаго знатока русской исторіи С. А. Бѣлокурова, которому приносимъ глубокую благодарность за многочисленныя и полезныя разъясненія. Въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдались слова Миллера о томъ, что «здѣсь (т. е. въ Архивѣ).... сообщать требующимъ изъясненія за долгъ и удовольствіе себѣ считать будутъ» (Ст. I, предисловіе, стр. VIII).

2) Сохранился интересующій насъ списокъ въ общемъ хорошо, хотя нѣкоторые листы его начали уже слегка выкрашиваться.

3) Наше наблюденіе, согласное съ показаніями архивскихъ каталоговъ и первой изъ вышеприведенныхъ записей противорѣчитъ заявленію Миллера о написаніи списка въ царствованіе Іоанна Васильевича. Впрочемъ почерки рукописи можно съ перваго взгляда отнести къ XVI вѣку, да и вообще всегда возможны нѣкоторыя разногласія при опредѣленіи времени появленія той или другой изъ рукописей, если основываться только на данныхъ почерка.

сты 1, 3, 57 и 81-ый) украшена недурными заставками. И начало, и конецъ рукописи идентичны съ началомъ и концомъ печатной «Степенной». Однако дальнѣйшее сличеніе 2-хъ текстовъ обнаруживаетъ значительное несходство ихъ. — Прежде всего обратимся къ тѣмъ мѣстамъ рукописи, которыя безповоротно убѣждаютъ насъ, что появленіе ея нельзя относить ко времени царствованія Ивана IV, какъ утверждалъ Миллеръ про оригиналъ своего изданія. Такъ въ печатномъ текстѣ «Степенной» на 43-й стр. I-го тома въ статьѣ «О пренесеніи честныхъ мощей... равноапостольныя... Ольги и похвала ея» находимъ слѣдующее молитвенное воззваніе: «.. молитеся безъ вреда сохранити и спасти державу отечество сродствія вашего благочестиваго самодержца Царя и Великаго Князя.... и съ благопребытнымъ супружествомъ....» Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ изучаемаго списка (л. 43 об.) послѣ словъ «Великаго Князя» слѣдуютъ слова «Михаила Феодоровича всеа Русиі». Слова эти, написанныя тѣмъ же почеркомъ, какъ и окружающій ихъ текстъ, неоспоримо указываютъ, что *рукопись появилась не ранѣе 1613-го года.* Далѣе, на 75-мъ (1 стр.) листѣ заканчивается общее оглавленіе «Степенной» той же 26-ой главой 17-й степени, какая помѣщена въ концѣ «гранесованія» печатнаго текста (Ст. I, 74 стр.). Начиная съ оборота *этого же 75-го листа* по 80-й (1 стр.) вкл. идетъ оглавленіе другого произведенія, *написанное тѣмъ же почеркомъ, какимъ писанъ предшествующій текстъ.* Въ началѣ оглавленія находится киноварный заголовокъ, гласящій «О началѣ царства блаженнаго царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русіи и о убіеніи царевича Димитрія Ивановича». Затѣмъ помѣщенъ перечень 76-и главъ знаменитой «Исторіи» Авраамія Палицына, кончающійся главой «О поставленіи храма... въ .. Дѣвулинѣ, иде же мирное составленіе бысть». Какъ выяснено въ русской исторической литературѣ, произведеніе келаря Авраамія появилось около 20-хъ годовъ XVII вѣка.—Слѣдовательно, и разбираемая рукопись возникла не ранѣе этого времени.

Послѣ 8-й степени (листъ 414 об.) *тѣмъ же почеркомъ, какимъ былъ написанъ предшествующій текстъ*, сдѣлана, въ «Степенную царскаго родословія» огромная вставка въ 70 слишкомъ листовъ (съ 415—486). Вставка содержитъ житіе свят. Александра Невскаго въ редакціи 1591-го года, принадлежащей вологодскому архіепископу Іонѣ [1]). Отсутствіе послѣсловія и загадки-анаграммы въ концѣ житія могло помѣшать Миллеру отнести составленіе его къ опредѣленному времени, но самый фактъ появленія этого произведенія въ занимающей насъ рукописи еще разъ свидѣтельствуетъ о ея написаніи послѣ смерти Грознаго [2]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно мѣсто рукописи, противорѣчащее показанію Миллера объ оригиналѣ (или, какъ онъ пишетъ, «подлинникѣ») печатной «Степенной». Мы разумѣемъ начало 17-й степени, гдѣ въ заголовкѣ (л. 991 об.) упоминаются «седмь митрополитовъ. Данилъ. Іоасаѳъ. Макаріе. Афонасіе. Филиппъ. Кирилъ». Припомнимъ слова Миллера, что «въ седьмой надесять степени при владѣніи Царя Ивана Васильевича, упомянуто также о двухъ Митрополитахъ, Іоасафѣ и Макаріи, а о бывшихъ въ послѣдніе 20 лѣтъ жизни сего Государя Митрополитахъ, *слѣдуя подлиннику умолчано*. Напротивъ же того *въ новѣйшихъ спискахъ, и слѣдовавшіе послѣ Макарія Митрополиты*, Аѳанасій, Филиппъ, Кириллъ, Антоній, упоминаются» [3]). Отсутствіе имени Антонія въ рукописи, въ которой рѣчь идетъ о 7-ми митрополитахъ, а насчитывается ихъ лишь 6-ть, можетъ, пожалуй, быть признакомъ болѣе поздняго происхожденія списка. Впрочемъ здѣсь всегда возможна небрежность переписчика, который легко могъ пропустить одно имя. При этомъ

1) Объ этой редакціи см. Ключевскій, «Житія святыхъ...» стр. 312—3.

2) Произведеніе архіепископа Іоны не разъ встрѣчается въ соединеніи съ Степенной; иногда оно присоединено къ 17-й грани, иногда слѣдуетъ за 8-й, иногда наконецъ—вставлено между 8-ой гранью и ея послѣсловіемъ. Нѣкоторые признаки (разночтенія и т. д.) указываютъ при этомъ, что переписчики слѣдовали въ данномъ случаѣ не одному протографу, какъ «Степенной», такъ и «Житія».

3) Ст. I, Предисловіе, стр. VIII.

фактъ появленія рукописи не ранѣе 20-ыхъ годовъ XVII вѣка достаточно установленъ вышеприведенными мѣстами изучаемаго списка.

Указанныя нами обстоятельства подтверждаютъ такимъ образомъ предположеніе, что изслѣдуемый списокъ появился въ XVII столѣтіи, и убѣждаютъ въ томъ, что онъ разнится отъ печатнаго текста «Степенной». Однако нельзя еще утверждать, что не этотъ списокъ легъ въ основу изданія Миллера. Слова исторіографа о «статьяхъ требующихъ изъясненій..» и потому «поправленныхъ» могли относиться какъ разъ къ вышеприведеннымъ мѣстамъ рукописи. Поэтому придется произвести дальнѣйшее сличеніе печатнаго и рукописнаго текста «Степенной».

При сопоставленіи оглавленій, какъ общаго, такъ и заглавій степеней и отдѣльныхъ статей опять приходится убѣдиться въ существованіи значительной разницы между сличаемыми текстами. Не стоитъ, конечно, приводить всѣ разночтенія рукописи и печатной «Степенной»: суммарныхъ наблюденій и нѣсколькихъ примѣровъ будетъ вполнѣ достаточно для подтвержденія нашего впечатлѣнія. Во-первыхъ, въ рукописной «Степенной» мы встрѣчаемъ послѣ заглавій нѣкоторыхъ «Житій» киноварныя отмѣтки «Благослови отче» [1]). Подобныя отмѣтки, стоящія по нашему мнѣнію въ тѣсной связи съ строемъ и цѣлью написанія «Степенной царского родословія», могутъ быть подтверждены авторитетомъ лучшихъ списковъ названнаго произведенія, но почти не встрѣчаются въ печатномъ его изданіи. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ мы можемъ имѣть дѣло съ «исправленіями» Миллера, который, пожалуй, смотрѣлъ на эти отмѣтки, какъ на излишнія [2]).

Далѣе, текстъ сличаемой рукописи помимо раздѣленія на главы содержитъ массу частныхъ подзаголовковъ, какихъ не

---

1) См. разбираемой рукописи листы 3-ій (Житіе св. Ольги), 81-ій (Житіе св. Владиміра), 391-ый (Житіе св. Александра Невскаго) и мн. др. — Ср. печ. Ст. I, стр. 5, 75, 355 и др.

2) Лично мы не очень вѣримъ подобному предположенію, но должны считаться съ его возможностью и правдоподобностью. Впрочемъ и въ печатномъ текстѣ Степенной мы встрѣчаемся разъ съ подобной отмѣткой. Ст. I, 410.

знаетъ печатная «Степенная» [1]). Положимъ, и этотъ фактъ возможно понять, какъ результатъ исправленій Миллера, но въ такомъ случаѣ останется необъяснимымъ противоположное явленіе: въ печатной «Степенной» встрѣчаются такіе подзаголовки, которыхъ мы не находимъ въ изучаемой рукописи. Такъ въ рукописи нѣтъ подзаголовка «Шествіе въ Кіевъ, и о епископѣ Ѳеодорѣ Тѳерскомъ» (рукопись л. 573 об.), помѣщеннаго въ Ст. I на стр. 458. Подобнымъ же образомъ рукопись (л. 901 об.) пропустила подзаголовокъ «О государевѣ дворѣ», какой читаемъ на 158 стр. II тома «Степенной» и т. д. [2]). Послѣднее наблюденіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что оригиналъ печатнаго изданія и сличаемая рукопись «Степенной» не идентичны. Это можно видѣть и изъ сопоставленія заглавій граней или степеней. Нѣкоторыя изъ этихъ заглавій совпадаютъ, въ другихъ мы находимъ рядъ незначительныхъ отличій: переставлены нѣкоторыя слова, имена митрополитовъ поставлены не на одинаковомъ мѣстѣ, съ словомъ «грань» въ одномъ текстѣ согласовано прилагательное женскаго рода, въ другомъ—мужскаго или женскаго въ перемѣшку и т. д. [3]). При этомъ замѣтимъ, что оба текста не придерживаются строгой системы въ оглавленіяхъ своихъ степеней, а потому разница, наблюдаемая нами въ этомъ случаѣ, не можетъ быть отнесена къ «исправленіямъ» Миллера [4]).

Не дѣлая пока дальнѣйшихъ выводовъ изъ замѣченныхъ нами фактовъ, укажемъ нѣкоторыя изъ другихъ отличій рукописнаго и печатнаго текста «Степенной» [5]).

1) Рукопись, л. 164: «Преставленіе митрополита Михаила»; ср. Ст. I, 150, л. 272 «Чюдо животворящаго креста» и «Начало церкви смоленстѣй» (ср. Ст. I; 243 стр.) и мн. др.

2) Наряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторыя оглавленія въ 2-хъ текстахъ читаются не вполнѣ сходно: иногда печатный, иногда рукописный текстъ подробнѣе. Въ тоже время весьма многія заглавія, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно тожественны.

3) Сходны заглавія граней: 5, 11, 14—16, остальныя не сходны.

4) Простой пересмотръ заголовковъ граней въ рукописи и въ печатномъ изданіи «Степенной» доказываетъ справедливость нашего замѣчанія.

5) Конечно, мы не приводимъ здѣсь большей массы разночтеній: этого не требуетъ наша тема.

Рукопись:	Печ. текстъ:
44 л. (об.) .. аще въ дѣвствѣ, аще во брацѣ, аще *во вдовствѣ*..	I, 44 стр. .. аще въ дѣвствѣ аще во брацѣ, еще *въ довствѣ*..
117 л. .. рече ему Богъ: Удари *жезломъ въ* море..	I, 108 стр. .. рече ему Богъ: Удари *жезложъ* въ море..
150 (об.) л. .. Перуна, и Хорса, *Дажба*, и Мокоша, и Власіи..	I, 138 стр. .. Перуна и Харса, *да Жаба*, и Мокоша, и Власіи..
189 л. .. *бяше* бо тихъ, кротокъ, смиренъ, милостивъ..	I, 171 стр. .. *бяша* бо тихъ, кротокъ, смиренъ, милостивъ..
231 л. .. и ослѣпленный, аки поносъ *имый* къ Святыма..	I, 210 стр. .. и ослѣпленный, аки поносъ и *мы* у Святыма..
241 л. .. моляся Богу и Пречистѣй Богородицѣ и *отбѣтъ погая* (sic!)..	I, 215 стр. .. моля Богу и Пречистѣй Богородицѣ и *отбѣтъ* (sic!) *полагая*..
255 (об.) л. .. мощи .. Чудотворца Николы отъ Мѵръ въ *Баръ Градъ*..	I, 228 стр. .. мощи Чудотворца Николы отъ Міръ въ *Царьградъ*..
269 (об.) л. .. и трудолюбію хотящимъ спастися.	I, 240 стр. .. и трудолюбію хотящимъ спастися. *Конецъ третій* (sic!) *степени и грани. Третій степень помянухомъ и грань третій кончавше, и четвертаго степени боговѣнчаннаго царствія достигше глаголемъ, елико разума подастъ Багъ*..
271 л. .. и все *отеческое* достояніе, иже въ Кіевѣ, поручаетъ ему..	I, 242 стр. .. и все *отечество* достояніе, иже въ Кіевѣ, поручаетъ ему....

288 л. .. Святый же, Христовѣ кротости подражая, никакоже не *смутися*, не оскорбися..	I, 258 стр. .. Святый же, Хирстовѣ кротости, подражая никакоже не *мутися*, ни оскорбися...
326 л. .. Константинъ не пойде, *но обое* державство единъ надѣяся пріобрѣсти...	I, 293 стр. .. Константинъ не пойде *на обое* державство, единъ надѣяся пріобрѣсти..
526 (об.) л. Но *Геронтіеви* злополучно нѣкако плаваніе случися..	I, 414 стр. Но *Горентіеви* злополучно нѣкако плаваніе случися..
537 (об.) л. Къ началу похвалы святому Петру митрополиту прибавленъ (какъ и въ печатномъ текстѣ) конецъ 5-й главы отъ словъ «Увѣдѣвше весь..» до «приношаху Богу». Затѣмъ слѣдуетъ глава 6-ая «Страданіе за христіаны» и т. д.	I, 424—5 стр. Послѣ такой же путаницы, какая отмѣчена въ рукописи, идетъ глава 5-ая «Знаменіе отъ иконы....», а потомъ уже 6-ая глава 10-й степени [1]).
544 (об.) л. .. и оста единъ въ рукахъ ихъ глаголаше *въ себѣ*:..	I, 431 стр. .. и оста единъ въ рукахъ ихъ глаголаша *въ севъ*:...
546 (об.) л. .. И по семъ рече: *Вѣдый* буди, Михаиле,....	I, 433 стр. .. И по семъ рече: «*Бѣды* буди, Михаиле,....»
559 (об.) л. Сія же *прочтохомъ* и разумѣхомъ..	I, 445 стр. Сія же *причтохомъ* и разумѣхомъ..
584 (об.) л. ... о царѣ.. Иванѣ и о Христолюбивой его *Царицы* и о благороднѣйшихъ его чадѣхъ...	I, 469 стр. .. о царѣ.. Иванѣ и о Христолюбивой его *царицѣ Маріи* и о благороднѣйшихъ его чадѣхъ...
585—593 л. «О обрѣтеніи чест-	I, 470—8 стр. Въ этихъ двухъ

1) См. выше, отдѣлъ II, стр. 70.

ныхъ мощей..» и «О принесеніи честныхъ мощей...» изложены безъ всякихъ повтореній въ текстѣ.	статьяхъ есть повтореніе текста, уже отмѣченное выше [1]).
595 (об.) л. .... о взысканіи исправленія божественнаго закона тѣмъ, еже *изыскахъ*: и се же пишу....	I, 480 стр. .. о взысканіи исправленія божественнаго закона тѣмъ, еже *изыскать*: и се же пишу....
639 л. .. по благословенію отца своего пресвященнаго *Кипріяна* митрополита..	I, 517, стр. ... по благословенію отца своего пресвященнаго *Кирпіяна* митрополита..
649 (об.) л. . . и разыдошася, Великій же Василій Князь на Москву, а *Кипріянъ* митрополитъ..	I, 526 стр. .. и разыдошася, Великій же Василій Князь на Москву, *аки присланъ* (sic!) митрополитъ...
722 (об.) л. .. лѣвую же руку наскрозь *прострелиша*..	II, 13 стр. .. лѣвую жъ руку наскрозь *простърлиша*..
726 л. ... цѣловали *есмя* животворящій крестъ..	II, 16 стр. .. цѣловали *весьма* животворящій крестъ..
787 (об.) л. .. сказаша салтану, яко великій дукасъ и великій *доместикъ*..	II, 68 стр. .. сказаша Салтану яко великій Дукасъ и великій *Доместитъ*..
807 л. .. устремишася на Русь, *свѣрѣпо хвалящеся*..	II, 84 стр. .. устремишася на Русь *звѣрѣ похвалящеся*..
889 (об.) .. да не *позазриши* моему худоумію..	II, 148 стр. .. да не *по зазриши* моему худоумію..
998 л. .. людіе мнози пріидоша ко граду *ко Гомьѣ*.	II, 240 стр. .. людіе мнози пріидоша ко граду *Коломнѣ* (sic!)

Если часть изъ отмѣченныхъ нами разночтеній можетъ быть

1) См. этой статьи отдѣлъ II, стр. 71.

объяснена опечатками печатнаго текста [1]), если затѣмъ кое-что возможно разсматривать, какъ слѣдствіе «исправленій» Миллера [2]), все-таки останется много такихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о безусловномъ несходствѣ разбираемой рукописи и оригинала печатной «Степенной царского-родословія» [3]).

Такимъ образомъ изученіе рукописи, считавшейся «подлинникомъ» печатнаго текста Степенной, привело насъ къ опредѣленному выводу, что Миллеръ былъ мало знакомъ съ этимъ спискомъ названнаго произведенія и во всякомъ случаѣ не пользовался имъ для своего изданія. Сдѣланный выводъ неминуемо заставляетъ насъ остановиться на одномъ изъ двухъ предположеній: или Миллеръ, говоря о тщательномъ пользованіи «подлинникомъ» печатной «Степенной», былъ не правъ и, зная его лишь очень поверхностно, издавалъ упомянутый памятникъ, придерживаясь почти исключительно только своего списка [4]), или же исторіографъ, описывая «Архіерейскій» списокъ, имѣлъ въ виду какую-нибудь другую рукопись, а не только-что разсмотрѣнную нами.

Обратимся сперва ко второму нашему предположенію и попытаемся или найти эту рукопись въ М. А. Мин. Ин. Д., или констатировать фактъ ея пропажи оттуда. Если же ни одна изъ рукописей Архива не подойдетъ подъ описаніе Миллера [5]) и если въ

1) Кирпіянъ вмѣсто Кипріянъ, проетѣрлиша вмѣсто прострѣлиша и т. п. Къ числу погрѣшностей, вкравшихся въ изданіе случайно, мы, пожалуй, готовы причислить и путаницу въ текстѣ статей «О обрѣтеніи...» и «О принесеніи... мощей.. Алексѣя...». Впрочемъ мы отнюдь не настаиваемъ на нашемъ предположеніи.

2) Къ поправкамъ издателя, можно было бы, напримѣръ, отнести помѣщеніе пропущенной въ рукописи 5-ой главы 10-й степени и послѣднихъ строкъ 3-ей грани.

3) О томъ, что изучаемая рукопись не была оригиналомъ печатнаго текста Степенной, свидѣтельствуютъ, хотя бы, слѣдующія выраженія его «въ Царьградъ (рукоп. «въ Баръ градъ») «все отечество достояніе» (вм. «все отеческое), «царицѣ Маріи» (вм. «царицѣ»), «аки присланъ митрополитъ (рукоп. «а Кипріянъ»), «цѣловали весьма» (вм. «есмя») и мн. другія.

4) Самъ Миллеръ въ своемъ предисловіи (стр. VII) указываетъ, что «при наборѣ» служилъ другой «издавна» у него «находящійся» списокъ Степенной.

5) Конечно, тѣ рукописи, позднѣйшее поступленіе которыхъ въ Архивъ несомнѣнно, не будутъ служить предметомъ нашего вниманія.

особенности окажется, что Бантышъ-Каменскимъ въ 1775 году была пожертвована въ Архивъ одна лишь рукопись «Книги Степенной царского родословія», придется принять первое изъ нашихъ предположеній.

Насколько намъ извѣстно изъ тщательно составленныхъ каталоговъ Архива, въ немъ находится въ настоящее время 11-ть списковъ «Степенной». Одинъ изъ нихъ и былъ какъ разъ объектомъ нашихъ наблюденій. Изъ десяти остальныхъ рукописей 3 подарены архиву въ XIX столѣтіи [1]), а потому мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ. Точно также можно не разсматривать списка, служившаго источникомъ сочиненія оберъ-секретаря коллегіи иностранныхъ дѣлъ Ивана Юрьева, скомпилировавшаго въ 1717 году «Извѣстіе о Россійскихъ великихъ князьяхъ самодержцахъ, начавъ отъ Рюрика до царствованія царя Іоанна Васильевича» [2]). Далѣе, 2 неполныхъ списка «Степенной» мы смѣло можемъ не принимать въ настоящее время во вниманіе [3]). Знаменитый Хру-

1) № 352/801 (Гос. Древлехр., Отд. V, рубр. 2, № 11) «сія книга подарена въ библіотеку Иностранной коллегіи Московскаго Архива Титулярнымъ Совѣтникомъ Владиміромъ Каблуковымъ 30 декабря 1813 года»; кромѣ «Степенной», по нашему мнѣнію полной, содержитъ добавленія.—№ 28/36 (Гос. Древл. Отд. V, рубр. 2, № 12) «Степенная книга, писанная въ листъ на хорошей бумагѣ стариннымъ письмомъ. Подарена Надв. Сов. Евграфомъ Салтыковымъ 1814-го». Исправной скорописью XVII вѣка написанный списокъ кромѣ «Степенной» съ окончаніемъ заключаетъ еще въ себѣ «Новый Лѣтописецъ» первоначальной редакціи.—№ 366/816 (Гос. Древл. Отд. V, рубр. 2, № 14) «подарена въ Московскій Архивъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ Титул. Совѣтн. Александромъ Ладыженскимъ генваря 12, 1822 года». Рукопись содержитъ «Степенную» съ окончаніемъ и добавленіями, доходящими до 1672 года.

2) № 29/36 (Гос. Древл., Отд. V, рубр. 2, № 15). Рукопись является спискомъ XVIII вѣка, дополненнымъ и испещреннымъ поправками и помѣтками Юрьева.

3) № 657/1169. Списокъ заключаетъ 14-ть степеней и обрывается на одной изъ послѣднихъ фразъ 14-ой грани; текстъ въ немъ заключающійся — несомнѣнно «Степенная царского родословія». — № 185/293 (Гос. Древл., Отд. V, рубр. 2, № 7). Списокъ обрывается началомъ 8-ой степени. Судя по записи, сдѣланной въ началѣ XIX ст. на одномъ изъ оберточныхъ листовъ рукописи «Изъ оглавленія видно, что вся книга доведена была до кончины царя Василія Іоанновича...» Свѣдѣніе, сообщаемое записью, невѣрно: изъ оглавленія видно, что «Степенная» кончалась 26-ой главой XVII степени и имѣла то окончаніе, какого не доставало оригиналу печатнаго текста (см. 102, об., рукописи).

щовскій списокъ тоже не можетъ быть искомой нами рукописью [1]). Такимъ образомъ лишь 3 рукописи «Степенной», находящіяся въ Архивѣ, заслуживаютъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія въ данный моментъ. Первая изъ нихъ [2]), написанная за исключеніемъ конца скорописью XVII вѣка, уже по одному почерку не подходитъ подъ описаніе Миллера, говорившаго «о чистомъ полууставѣ» Архіерейскаго списка. Кромѣ того разныя особенности текста ея не позволяютъ видѣть въ разсматриваемой рукописи оригинала печатной «Степенной» [3]). Вторая изъ интересующихъ насъ рукописей, писанная полууставомъ XVII вѣка, появилась, какъ это видно изъ записи, сдѣланной на ней, въ 1645-мъ году [4]) и, слѣдовательно, опять-таки не можетъ счесться «подлинникомъ» печатнаго изданія «Степенной» [5]). Остается одна лишь рукопись, хранящаяся въ Архивѣ за № 802/1368, которая оканчивается также, какъ и печатная. Въ архивскомъ каталогѣ появленіе этой рукописи, писанной на нашъ взглядъ полууставомъ XVII вѣка,

---

1) Хрущовскій списокъ «Степенной» интересенъ помѣщенными въ немъ «рѣчами» Грознаго на Земскомъ Соборѣ 1550 года, извѣстными русскимъ ученымъ и читающимъ людямъ со временъ Карамзина (VIII, прим. 182 и 184). Въ настоящее время С. Ѳ. Платоновымъ въ замѣткѣ «Рѣчи Грознаго и т. д.» доказана подложность этихъ «рѣчей» (Ж. М. Н. Пр. 1900, мартъ). Подробности о Хрущовскомъ спискѣ см. также въ нашей статьѣ «Хрущовскій списокъ и т. д.» (Ж. М. Н. Пр. 1903, апрѣль).

2) № 612/1120 (Гос. Древл., Отд. V, рубр. 2, № 10). Списокъ оканчивается также, какъ и печатное изданіе.

3) Напримѣръ, въ похвалѣ св. Іонѣ (594 (об.) л.) читаемъ «преосвѧщеннѣйшаго и свѧтѣйшаго кѵр патріарха всей Россіи» (ср. печ. изд. II, стр. 97), въ заголовкѣ 17-й степени упоминаются (711 л.) «седмь митрополитъ» вмѣсто 2-хъ печатнаго текста и т. д.

4) № 446/914 (Гос. Древл., Отд. V, рубр. 2, № 9). Конецъ рукописи совпадаетъ съ концомъ печатной «Степенной». Запись, къ сожалѣнію не вполнѣ уцѣлѣвшая, помѣщена внизу листовъ 1—46 и гласитъ слѣдующее: «Книга . . . собиннаѧ писана та книга . . на Двинѣ при игумене Іωне муже добро дѣтелне и разумне а писарю ѿ писма данω за тоѣ книгу чтыре рубли рубли (sic!) да за бумагу к̃ а̂ . . . ѿ переплету дано д̃ гривны лѣта ҂зрнг̃ году августа къ д҃о . . . . . подписалъ казенной дьѧчокъ Гришка Бердниковъ».

5) Есть и разница въ текстахъ. Такъ нѣтъ въ рукописи 5-ой главы 10-ой грани (366 л.), упоминается «седмь митрополитовъ» въ заголовкѣ 17-ой степени и т. д.

отнесено ко времени царя Іоанна Васильевича [1]. Казалось бы, разсматриваемый списокъ имѣетъ шансы счесться за оригиналъ печатнаго текста, но этому обстоятельству препятствуютъ опять-таки немаловажныя отличія его отъ послѣдняго. Какъ мы видѣли только что въ примѣчаніи, въ рукописной «Степенной» читается имя царя Ивана, опущенное и замѣненное точками въ печатномъ изданіи. А между тѣмъ у Миллера не могло быть ровно никакой причины пропустить это имя; поставленныя же имъ точки показываютъ, что пропускъ не случаенъ. Далѣе, въ 16-ой степени рукопись пропускаетъ послѣднюю главу, т. е. «Сказаніе вкратцѣ, о преподобнѣмъ старцѣ Даниилѣ переясловскомъ», при чемъ для сохраненія общаго числа (25-ть) главъ дѣлитъ 1-ую главу этой грани на 2 части [2]. Печатное изданіе помѣщаетъ «Сказаніе» и не расчленяетъ первой главы 16-ой грани. Кромѣ того рукопись пропускаетъ 5-ую главу 10-й грани (л. 445 об.), упоминаетъ о «седми митрополитахъ» (841 л.) времени Грознаго и т. д., и т. д.

Итакъ ни одна изъ только что разобранныхъ нами рукописныхъ архивскихъ «Степенныхъ» не соотвѣтствуетъ печатному тексту и не можетъ почитаться его оригиналомъ. Сверхъ этого слѣдуетъ замѣтить, что, еслибъ рукопись, признававшаяся ранѣе «подлинникомъ» печатной «Степенной» не имѣлась въ виду Миллеромъ, когда онъ говорилъ объ оригиналѣ своего изданія, приш-

---

1) На 48 л. рукописи въ статьѣ «О пренесеніи мощей.. Св. Ольги ..» упоминается о царѣ Иванѣ.—Это и послужило, какъ намъ кажется, основой приведеннаго мнѣнія. По крайней мѣрѣ на вложенномъ въ рукопись листочкѣ читаемъ замѣтку: «Въ концѣ статьи о пренесеніи мощей св. Ольги, *гдѣ въ печат. Степ. Кн. на стр. 43* послѣ словъ царя и великаго князя *поставлены* точки, *здѣсь выставлено имя* Ивана.

2) 1-ая глава «О благовѣрномъ.... во иноцѣхъ Варлаамѣ», 2-ая—«о зачатіи его и рожденіи и начало самодержства» (80 л.) ср. печ Ст. I, 71—2 стр. Это раздѣленіе 1-й главы показываетъ, что пропускъ «Сказанія» не случаенъ. Въ сущности помѣщеніе его въ «Степенной» не вполнѣ гармонируетъ со строемъ этого произведенія и вполнѣ понятно желаніе исключить «Сказаніе» и исправить такимъ образомъ «Степенную». О причинахъ, побудившихъ составителя «Степенной» включить въ нее житіе св. Даніила, см. въ нашей статьѣ: «Кто былъ авторомъ «Книги Степенной царского родословія»?

лось бы думать о 2-хъ пожертвованныхъ въ 1775 году Бантышемъ-Каменскимъ спискахъ названнаго произведенія. Въ такомъ случаѣ несомнѣнно и на «подлинникѣ» печатнаго текста стояла бы запись о пожертвованіи его въ Архивъ, аналогичная съ приведенной нами выше: это было бъ необходимо во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній. Между тѣмъ мы знаемъ лишь одну, пожертвованную въ 1775 г. Бантышемъ-Каменскимъ, рукопись «Степенной». Оставалось бы допустить мысль о пропажѣ изъ Архива «подлинника» печатнаго текста «Степенной», но имѣющіяся у насъ данныя позволяютъ съ полною увѣренностью отвергнуть это предположеніе.

Безъ сомнѣнія, мысль о пропажѣ пожертвованной въ 1775 г. Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ рукописной «Степенной» должна пасть, если обнаружится, что въ это время упомянутымъ лицомъ былъ принесенъ въ даръ Архиву лишь одинъ списокъ названнаго произведенія. До нѣкоторой степени можно догадываться о послѣднемъ обстоятельствѣ, читая предисловіе Миллера къ «Степенной». Упоминая о пожертвованномъ Бантышемъ-Каменскимъ «подлинникѣ» Степенной, исторіографъ, надо думать, не преминулъ бы сообщить и о другой рукописи этого произведенія, отданной въ Архивъ единовременно съ первой тѣмъ же лицомъ и притомъ тожественной съ печатнымъ текстомъ и по началу, и по концу. Разъ Миллеръ этого не сдѣлалъ, вполнѣ естественно предположеніе, что въ 1775 г. Н. Н. Бантышъ-Каменскій отдалъ въ Архивъ *лишь одну* нами уже разсмотрѣнную рукопись «Книги Степенной» [1]).

Наше послѣднее предположеніе пріобрѣтаетъ полную достовѣрность при дальнѣйшихъ справкахъ въ М. Архивѣ М. И. Д. Благодаря счастливой случайности въ Архивѣ былъ въ 1784 г.

---

1) Конечно, отсутствіе упоминанія въ предисловіи къ печ. изд. «Степенной» о второй рукописи ея, пожертвованной Каменскимъ, можно объяснить промахомъ Миллера, но такое объясненіе, по нашему мнѣнію, будетъ явной натяжкой, тѣмъ болѣе, что исторіографъ говорилъ въ своемъ предисловіи о другомъ Архивскомъ спискѣ съ такимъ же концомъ, какъ «Архіерейскій».

составленъ реестръ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ до этого времени Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ[1]). Просматривая этотъ реестръ убѣждаемся, что до 1784 года упомянутымъ лицомъ въ Архивѣ было отдано 24 рукописи, изъ которыхъ *только одна заключала въ себѣ* «Степенную Книгу Россійской исторіи»[2]). Итакъ въ 1775 году Бантышъ-Каменскій отдалъ въ Архивъ лишь одну, изученную уже нами рукопись «Степенной», которую Миллеръ и разумѣлъ, говоря о «подлинникѣ» своего изданія.

Въ результатѣ нашихъ попытокъ отыскать настоящій «подлинникъ» печатнаго изданія, или констатировать фактъ его пропажи изъ Архива, выяснилась такимъ образомъ справедливость нашего перваго предположенія: Миллеръ лишь поверхностно зналъ *«подлинникъ»* печатнаго текста и при изданіи пользовался преимущественно какимъ-то другимъ спискомъ «Степенной»[3]).

Къ сожалѣнію поиски этого списка въ портфеляхъ исторіографа были тщетны[4]) и остается думать, что онъ, дѣйствительно, служилъ при наборѣ и былъ при этомъ испорченъ и уничтоженъ.

---

1) Въ Архивѣ не велось въ XVIII вѣкѣ списковъ, гдѣ бы отмѣчалось время пожертвованія той или другой рукописи. Однако, въ 1784 году, когда рѣчь шла о Миллеровской библіотекѣ, то былъ составленъ списокъ и пожертвованіямъ Бантышъ-Каменскаго. См. объ этомъ у С. А. Бѣлокурова «О библіотекѣ Московскихъ Государей и т. д.», стр. 100—105 (особенно 103—5).

2) Въ реестрѣ въ числѣ рукописей въ листъ отмѣчена «Степенная Книга Россійской исторіи». Замѣтимъ, что тождественная запись, если не ошибаемся сдѣланная тѣмъ же почеркомъ XVIII вѣка, находится на первомъ оберточномъ листѣ разсмотрѣнной нами рукописи Бантышъ-Каменскаго.

3) Трудно сказать съ точностью, что побудило исторіографа ссылаться на Архіерейскій списокъ, какъ на «подлинникъ» печатной Степенной. Думаемъ, онъ хотѣлъ придать болѣе авторитетности своему изданію указаніемъ на древній списокъ «Степенной», легшій якобы въ его основу, а по поверхностному знакомству съ изученной нами рукописью счелъ ее за такой именно списокъ. Весьма вѣроятно также, что Миллеръ, обремененный массой научныхъ и служебныхъ занятій, поручилъ кому-нибудь произвести свѣрку Архіерейскаго и своего списковъ и понадѣялся затѣмъ (и совершенно ошибочно) на тщательность этой свѣрки.

4) Впрочемъ, въ портфеляхъ Миллера находятся любопытныя выписки, доказывающія, что ему были извѣстны многія, съ нашей точки зрѣнія, лучшія, чѣмъ оригиналъ печатнаго текста, рукописи «Степенной». Зналъ, оказывается, Миллеръ и другія произведенія нашей древней письменности, напр., Латухинскую (Тихоновскую) «Степенную Книгу» и повѣсть кн. Катырева-Ростовскаго.

Вслѣдствіе этого у насъ нѣтъ никакой прямой возможности судить объ отношеніи Миллера къ рукописи, легшей въ основу его изданія, и о тѣхъ измѣненіяхъ, какія онъ при этомъ позволялъ себѣ вносить въ текстъ. Однако косвеннымъ путемъ можно придти къ кое-какимъ выводамъ на этотъ счетъ. Такъ сличеніе печатнаго текста съ подобными ему списками «Степенной» обнаруживаетъ, что издатель не вводилъ новыхъ статей въ свое изданіе. Зная изъ другихъ списковъ окончаніе Степенной и коекакія добавленія къ Житію митрополита Алексія [1]), Миллеръ тѣмъ не менѣе не воспроизвелъ ихъ въ печатномъ текстѣ. Это, быть можетъ, говоритъ не въ пользу критическаго чутья издателя, но является порукой его аккуратнаго отношенія къ изданію. Многія изъ ошибочныхъ чтеній печатнаго текста «Степенной» основой своей имѣютъ подвергшійся порчѣ рукописный текстъ [2]). Къ «исправленіямъ, допущенныхъ Миллеромъ, мы склонны отнести только замѣну имени — Видова сына Пройденя — болѣе правильнымъ — Тройденъ [3]), помѣщеніе 5-ой главы 10-й грани [4]) и упоминаніе лишь 2-хъ митрополитовъ въ заголовкѣ 17-й степени [5]). Къ промахамъ издателя относится, пожалуй, путаница

1) Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ выписки, хранящіяся въ портфеляхъ Миллера. Объ окончаніи Степенной и *добавленіяхъ* къ Житію св. Алексія подробности см. ниже.

2) Для примѣра укажемъ на выраженія: «меду и скоро нынѣ не имате (Ст. I, 13 стр.) «Древляне же Словень именовахуся» (ib. 83), «И тогда во градѣ Казани, яко видѣся татаромъ (Ст. II, 252 стр.) и мн. др.

3) Ст. II, 386 стр. въ родословіи литовскихъ князей. На сколько намъ извѣстны многочисленные списки «Степенной царского родословія», при томъ списки разныхъ типовъ (о типахъ рукописей названнаго произведенія рѣчь будетъ идти ниже), во всѣхъ читается «Пройдень». Впрочемъ, быть можетъ, списокъ Миллера представлялъ исключеніе.

4) Во всѣхъ спискахъ «Степенной» аналогичныхъ съ печатной 5-я глава 10-й степени выпала подъ вліяніемъ того, что конецъ ея по ошибкѣ присоединенъ былъ къ окончанію 4-й главы. Изъ общаго оглавленія Степенной Миллеръ зналъ о существованіи этой главы и могъ возстановить ее по рукописи другого типа.

5) Всѣ намъ извѣстныя рукописи, содержащія текстъ одного типа съ печатной Степенной упоминаютъ «седмь митрополитовъ. Даніилъ. Іосаѳъ. Макарій. Аѳонасій. Филипъ. Кириллъ». (sic! т. е. только 6-ть), что на нашъ взглядъ

въ статьяхъ «О обрѣтеніи...» и «О пренесеніи мощей.. святаго.. Алексія» [1]), невѣрныя чтенія и невѣрныя раздѣленія довольно многихъ словъ [2]). Все-таки въ общемъ изданіе Миллера вѣрно передаетъ текстъ избраннаго имъ списка «Степенной» и, если историографъ не сумѣлъ остановить своего вниманія на лучшей рукописи и покривилъ душой, распространяясь о «подлинникѣ» печатнаго текста, тѣмъ не менѣе его трудъ во многомъ облегчаетъ работу позднѣйшихъ изслѣдователей. Возьмемъ на себя смѣлость утверждать, что безъ изданія Миллера изученіе «Степенной» было бы почти невозможнымъ.

IV.

Сличеніе печатнаго текста «Степенной» съ «подлинникомъ» изданія разрѣшило, какъ и можно было ожидать, нѣкоторыя изъ нашихъ недоумѣній. Выяснилось, что, хотя «подлинникъ» во многомъ отличается отъ печатна́го изданія, послѣднее довольно точно воспроизвело какую-то рукопись «Степенной». Рукопись эта принадлежала къ такому типу списковъ названнаго произведенія, которые пропускали 5-ую главу 10-й грани изъ-за путаницы, происшедшей въ концѣ 4-ой главы этой степени, и оканчивались на полуфразѣ «..Турскаго же державцы Агіи и Санчакіи съ Клевреты своими....»

свидѣтельствуетъ о сравнительно позднемъ появленіи протографа этихъ списковъ. Если списокъ Миллера не представлялъ, — а это весьма сомнительно — исключенія, то историографъ могъ внести въ печатный текстъ поправку, пользуясь указаніемъ общаго оглавленія (Ст. I, 78) и также, пожалуй, чтеніемъ одной изъ другихъ извѣстныхъ ему рукописей «Степенной».

1) Объ этой путаницѣ мы не разъ уже упоминали.—Впрочемъ здѣсь, быть можетъ, Миллеръ могъ имѣть дѣло и съ ошибкой въ текстѣ своего списка.

2) Къ числу невѣрныхъ чтеній можно отнести «многу и святому воспріятъ» (Ст. I, 323), «по лишеніи отчію» (Ст. II, 99) и мн. др.— Невѣрно раздѣлены слова: «ни вы дѣлаютъ» (Ст. I, 13); «животъ на смерть» (I, 386), «отъ идоша» (II, 160) и масса другихъ.

Однако, какъ намъ доводилось уже упоминать, существуютъ списки «Степенной царского родословія» и иныхъ типовъ. Любопытно выяснить, въ какомъ отношеніи находятся они къ типу рукописей, воспроизведенному печатнымъ изданіемъ: старше или младше его, исправнѣе или неисправнѣе.

Прежде всего замѣтимъ, что существуетъ рядъ рукописей, отличающихся отъ печатнаго текста Степенной отсутствіемъ путаницы въ концѣ 4-ой главы 10-й грани, наличностью 5-ой главы этой же грани и прибавкой окончанія въ 17-ой степени[1]). Окончаніе это было напечатано безвременно погибшимъ для русской науки К. Ѳ. Калайдовичемъ въ первой части «Русскихъ достопамятностей», М. 1815. Въ виду необходимости дѣлать на это окончаніе кое-какія ссылки и такъ какъ оно было по словамъ самого издателя напечатано съ выписки новаго письма[2]), по нашимъ наблюденіямъ не очень исправной, находимъ не лишнимъ перепечатать здѣсь его по одному изъ списковъ «Степенной царского родословія» XVII вѣка[3]).

....Турскаго же державцы агіи и санчаки съ клевреты своими[4]) къ людемъ государевымъ пріидоша и принесоша имъ множество хлѣбовъ и вина и прочая потребная учрежденія и честь велію воздаша русскому воинству. И поидоша русь вверхъ по Днѣпру; царь же крымскій во многихъ тѣсныхъ мѣстѣхъ[5]) и

1) Кромѣ отсутствія путаницы въ концѣ 4-ой главы 10-й грани рукописи этого типа содержатъ полностью похвалу св. Петру митроп., сокращенную въ «Степенныхъ», аналогичныхъ съ печатной. Похвалу эту приведемъ ниже. Отмѣтимъ здѣсь, что намъ извѣстна одна рукопись «Степенной» съ окончаніемъ и съ упомянутой путаницей. Подробнѣе объ этомъ скажемъ ниже.

2) «Русскія Достопамятности», стр. 166: «въ одной Степенной..... вложена сія выписка (новой руки), взятая изъ «Степенной Николая Михайловича Нащокина....»

3) По много разъ цитированной нами рукописи И. О. Л. Др. П. № XII (76); окончаніе Степенной находится на 813—814 (об.) лл. списка; при печатаніи мы придерживались современнаго правописанія; пунктуація принадлежитъ намъ. Разрядкой напечатаны киноварныя заглавія отдѣльныхъ статей списка.

4) Этими словами кончается, какъ намъ уже извѣстно, печатная «Степенная».

5) Въ рукописи «мѣстѣхъ тѣсныхъ»; исправлено по другимъ спискамъ.

на перевозѣхъ оба полы рѣки прихождаше на нихъ шесть недѣль, хотя брань составити и одолѣти; и ничто же успѣ, но паче мнози татарове побиени быша изъ пищалей. Царя же и великаго князя воинство, Богомъ водими и наставлями и сохраняеми, и пріидоша на островъ, зовомый Монастырскій; къ нимъ же прибѣжа отъ царя Ѳедько Ершовской; царь же скоро возвратися во свояси.

О убіеніи нагайцевъ. И тогда царь въ Крымѣ у себя нагайскихъ мурзъ многихъ побилъ. Тогда же инѣхъ пять мурзъ нагайскихъ идоша въ Крымъ; и на усть Хопра пріиде на нихъ Игнатій Вешняковъ и взя у нихъ многіе улусы съ женами и съ дѣтьми; у нихъ же и людей многихъ поби.

О освященіи церкви Покрова Пречистыя Богородицы. Въ лѣто ҂зѯ҃и году, мѣсяца октября въ а день освящена бысть церковь Макаріемъ митрополитомъ всеа Русіи со множествомъ освященнаго собора, иже поставлена бысть премудро и дивно: разныя церкви на единомъ основаніи надъ рвомъ близь Флоровскихъ вратъ на возвѣщеніе чудесъ Божіихъ о взятіи Казанскаго царствія и *Астраханскаго царствія*[1]), и въ няже дни бысть Божія помощь и побѣда православному царю надъ бусурманы; первая церковь—святыя Троицы, вторая церковь—Входъ Христовъ во Іерусалимъ, третья церковь—Покровъ Пречистыя Богородицы (сей храмъ пребольшій еще тогда не совершенъ величества ради, послѣди же совершенъ и освященъ), четвертая церковь—святого Николы чудотворца, пятая церковь—святыхъ мученикъ Кипріяна и *Устины*[2]), шестая церковь—преподобнаго Варлаама чудотворца Хутынскаго, седьмая церковь—преподобнаго *Александра Свирскаго*[3]), восьмая церковь—святаго Григорія Великія Арменіи, девятая церковь—святыхъ патріархъ Але-

1) Этихъ словъ въ спискѣ О. П. нѣтъ; беремъ ихъ изъ другихъ рукописей, хотя, по всей вѣроятности, ихъ и не было въ первоначальномъ текстѣ.

2) Въ рукописи «У »; исправлено по другимъ спискамъ.

3) Въ рукописи «Александрыскаго (sic!).

ксандра и Іоанна и Павла Новаго. Бысть же на освященіи самъ царь и великій князь, и царица его, и царевичи, Иванъ и Θеодоръ, и множество сигклита, и народа безчисленно.

О брани татарской. Того же лѣта пріидоша татарове изъ Крыма татствомъ, три тысящи человѣкъ, на Тульскія мѣста и воеваша власть Ростовскую. За ними же ходиша государевы воеводы и языки у нихъ взяша. Отъ тѣхъ же татаръ пріидоша два татарина служити государю царю и великому князю.

О войнѣ на Крымскіе улусы. Въ тоже время царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи атаманы приходили на крымскіе улусы и многажды имали крымскіе и нагайскіе улусы. Пріидоша же на кипчажской улусъ и взяша плѣну множество, и женъ, и дѣтей. Къ нимъ же пріидоша сами мурзы на имя царя и великаго князя и увѣришася со атаманы и поидоша вкупѣ на крымскіе улусы; съ ними же и казаки черкасскіе, иже служаху царю и великому князю, и повоевали многіе улусы. Бысть же имъ бой великъ съ крымцы, и много побиено бысть крымскихъ людей и нагайскихъ; и многіе улусы взяша и пріидоша къ государю и великому князю. Нагайскихъ же мурзъ и своихъ атамановъ службы ради ихъ пожаловалъ государь царь и великій князь своимъ царскимъ жалованіемъ по достоинству. Тогда же бысть крымскому царю съ нагаи великая разность и гладъ великъ бысть въ Крымѣ».

Калайдовичъ былъ увѣренъ, что Миллеръ не зналъ этого окончанія «Книги Степенной» [1]). Портфели исторіографа не оправдываютъ этой увѣренности. Тамъ находимъ между прочимъ «Окончаніе Степенной съ седьмой надесять грани до царствованія царя Михаила Θеодоровича на 56 листахъ» [2]). «Окончаніе» это воспроизводитъ конецъ печатнаго текста отъ словъ «съ Васкою

1) «Русскія Достопамятности» I, стр. 166; В. Европы, 1813, ч. 72, № 23 «Объ ученыхъ трудахъ митрополита Кипріана......» стр. 221; примѣчаніе 19-е «Миллеръ не отыскалъ въ спискахъ окончанія послѣдняго періода.....»

2) Портфели Миллера, № 150; портфель 13-ый, № 4-й.

съ Поздяковымъ рухляди», только что приведенное окончаніе Степенной и позднѣйшія дополненія къ ней, взятыя главнымъ образомъ изъ Хронографа 2-ой редакціи. По всѣмъ признакамъ ясно, что «Окончаніе» выписано изъ рукописи Ак. Н. № 32, 8, 1, содержащей любопытную характеристику дѣятельности патріарха Гермогена[1]), а также и ту «Соборную записку 7080 году, о четвертомъ бракѣ царя Ивана Васильевича», о которой упоминаетъ Миллеръ въ предисловіи къ изданію Степенной[2]). Зная такимъ образомъ окончаніе Степенной, Миллеръ тѣмъ не менѣе не внесъ его въ свое изданіе. Можно думать поэтому, что исторіографъ склоненъ былъ относить его къ позднѣйшимъ приставкамъ къ основному тексту.

Нашей ближайшей задачей является разборъ вопроса, на сколько умѣстенъ былъ въ данномъ случаѣ скептицизмъ Миллера. Какъ было уже выяснено, мы считаемъ, что Степенная напечатана Миллеромъ безъ окончанія. Все дѣло, стало быть, въ томъ, можно ли считать сообщенный нами текстъ концомъ названнаго произведенія и не содержитъ ли онъ позднѣйшихъ добавокъ. Впрочемъ начало его «къ людемъ государевымъ пріидоша и т. д.» до такой степени подходитъ и по конструкціи и по контексту къ прерванному разсказу Степенной о дружескихъ отношеніяхъ русскаго государя «съ Турскимъ» и «о державцахъ Турскаго Агіяхъ и Санчакіяхъ»[3]), что безъ сомнѣнія его нельзя отдѣлять отъ основнаго текста «Книги — царского родословія». Остальныя статьи[4]) всѣ почти посвящены тѣмъ же крымскимъ дѣламъ 1658/9 годовъ, что и предыдущія, и составляютъ съ

1) Свѣдѣнія объ этой рукописи, а также и текстъ характеристики мы имѣли уже случай напечатать въ замѣткѣ «Новыя данныя для характеристики патріарха Гермогена» (Ж. М. Н. Пр. 1901, іюль).

2) Ст. I, предисловіе, стр. VIII; здѣсь сообщается «Наконецъ не внесены здѣсь изъ другихъ списковъ добавленія......... Соборная записка 7080 [1572] году, о четвертомъ бракѣ царя Ивана Васильевича, была бы передъ прочими достопамятна.....»

3) Ст. II, 298.

4) «О убіеніи нагайцевъ», «О брани татарской», «О войнѣ на крымскіе улусы».

ними одно неразрывное цѣлое. Лишь статья «О освященіи церкви Пречистыя Богородицы» трактуетъ о другомъ предметѣ, а между тѣмъ она находится во всѣхъ намъ извѣстныхъ спискахъ Степенной съ выше приведеннымъ окончаніемъ и не можетъ считаться позднѣйшей вставкой. Впрочемъ отступленія отъ главнаго предмета изложенія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Степенной. Такъ въ 8-й грани къ главѣ «О убіеніи Батыевѣ» прибавлена замѣтка «Потомъ же пріиде Кириллъ митрополитъ всеа Русіи въ Суждальскую землю, въ Переяславлѣ же конецъ житія соверши»[1]). Еще болѣе близкій случай находимъ въ 6-ой главѣ 17-ой грани, гдѣ въ разсказѣ о литовскихъ дѣлахъ вставлено извѣстіе «Въ тоже лѣто мѣсяца апрѣля въ 7 день... жена нѣкая разслаблена.. исцѣленіе получи отъ... образа Пречистыя Богородицы»[2]). Фактъ появленія статьи «О освященіи церкви..» вполнѣ можетъ быть сопоставленъ съ указанными примѣрами. Объясненіе его въ томъ, что авторъ Степенной не былъ свободенъ отъ лѣтописной манеры изложенія. Такимъ образомъ мы твердо увѣрены, что вышенапечатанный текстъ и представляетъ собой недостающее въ изданіи Миллера окончаніе Степенной. Намъ извѣстенъ рядъ списковъ, которые кончаются послѣдней фразой его «и гладъ великъ бысть въ Крымѣ», при чемъ и съ внѣшней стороны замѣтно, что именно эта фраза считалась концомъ «Книги Степенной царского родословія»[3]).

Если сличить тексты рукописей неимѣющихъ окончанія Степенной съ тѣми списками, въ которыхъ это окончаніе помѣщено, сразу замѣтна гораздо большая исправность вторыхъ сравнительно съ первыми. Не останавливаясь на массѣ мелкихъ разночтеній, подтверждающихъ наше наблюденіе, укажемъ лишь самый крупный примѣръ этого. Мы разумѣемъ отсутствіе уже из-

1) Ст. I, 367.

2) Ст. II, 243.

3) Послѣднія слова напечатаннаго нами текста во многихъ спискахъ написаны такъ, что строчки все болѣе и болѣе суживаются; послѣ словъ «въ Крымѣ» стоитъ рядъ точекъ съ запятой, или разные росчерки и т. д.

вѣстной намъ путаницы въ концѣ 4-ой главы 10-й степени. Сверхъ того въ этой же главѣ названные списки содержатъ слѣдующую похвалу св. митрополиту Петру [1]): «Се тебѣ отъ насъ слово похвально, елико по силѣ по нашей грубо, изрядный во святителехъ, отъ нихъ же потеклъ еси, яко безтруденъ апостолъ, о стадѣ порученномъ ти словесныхъ овцахъ (sic!) Христовыхъ, ихъ же своею кровію искупи конечнымъ милосердіемъ и благостію. И ты убо, рече, вѣру соблюде по великому апостолу и теченіе соверши, яснѣйши насъ наслаждаешись невечерняго Троичнаго свѣта, яко небесныя мудрствовавъ, возлѣтѣ благоуправленъ. Насъ же, молимъ тя, назирай и управляй свыше. Вѣси бо, колику тяжесть имать житіе се, въ томъ бо и ты нѣкогда трудился еси. Но убо понеже тебѣ предстателя русская земля стяжа, славный же градъ Москва честныя твоя мощи, якожъ нѣкое сокровище честно, соблюдаетъ и, яко же тебѣ сущу живу, на всякій день православніи свѣтлѣйшіи наши князи съ теплою вѣрою поклоняются и благословеніе пріемлютъ со всѣми православными, воздающе хвалу Живоначальной Троицѣ, ею же буди всѣмъ намъ получити о самомъ Христѣ Господѣ нашемъ; емужъ подобаетъ слава, честь и держава со безначальнымъ Его Отцемъ и Всесвятымъ благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и въ безконечные вѣки, аминь».

Какъ мы упомянули уже мимоходомъ, есть рукопись «Книги Степенной царского родословія», въ которой въ концѣ 4-ой главы 10-ой грани наблюдается таже путаница, что и въ печатномъ текстѣ, 5-ая глава этой степени выпала [2]), а между тѣмъ окончаніе Степенной сохранено. Рукопись эта нѣкогда принадлежала

1) Печатаемъ эту похвалу по списку Имп. Общ. Др. Письм. № XII (76) (л. 397 и об.), свѣривъ съ рукоп. Имп. П. Б. F. IV. № 207 (л. 368, об., и 369). Похвала присоединена къ словамъ «ихъ же ради и Богъ того воспрослави...» (Ст. I, 424). Даже слѣдуетъ «воздаріе ему даровавъ (рук. Им. П. Б. «даровалъ). Похвала» и т. д.

2) Припомнимъ, что мы не знаемъ ни одной рукописи Степенной, которая послѣ указанной путаницы воспроизводила бы 5-ую главу 10-й грани и потому присутствіе ея въ печатномъ текстѣ склонны относить къ поправкамъ Миллера.

князю Трубецкому и теперь находится въ Имп. П. Библіот.[1]). Если эта рукопись, къ слову замѣтимъ, поздняя (писана разборчивой скорописью XVIII вѣка), не заимствовала своего окончанія изъ болѣе исправнаго списка Степенной, то мы въ ней находимъ списокъ промежуточнаго типа между рукописями, сохранившими конецъ 17-ой грани и потерявшими его И то, и другое предположеніе вполнѣ допустимы, но мы склоняемся скорѣе въ пользу второго, т. е. видимъ въ указанной рукописи списокъ промежуточнаго типа[2]). Если это такъ, то можно сдѣлать дальнѣйшее предположеніе о наиболѣе раннемъ появленіи типа списковъ Степенной съ прерваннымъ концомъ, т. е. аналогичныхъ печатному тексту. Въ только что разсмотрѣнномъ спискѣ мы находимъ отмѣтку (на л. 545 въ 17-ой грани) *«седмь митрополитовъ* Даніилъ. Іоасафъ. Макаріе. Афонасіе. Филиппъ. Кириллъ»[3]). Не забудемъ, что насколько намъ извѣстно, во всѣхъ рѣшительно спискахъ Степенной съ утеряннымъ концомъ 17-ой грани читается дословно эта же отмѣтка. Исключеніемъ является печатная Степенная, но въ ней, какъ нами уже выяснено, мы по всей вѣроятности имѣемъ дѣло съ поправкой Миллера[4]). Изъ нашихъ наблюденій можно заключить, что списки, содержащіе

1) Погодинское древлехранилище, № 1429. — Есть и еще рукопись аналогичная этой. Рукопись принадлежитъ Румянцевскому Музею, находится тамъ подъ № 413 и тщательно описана знаменитымъ Востоковымъ. Въ виду различія почерковъ въ ней и нѣкоторыхъ другихъ особенностей мы нерѣшаемся пока высказать объ этой рукописи рѣшительнаго мнѣнія.

2) Ничего нельзя возразить противъ возможности существованія промежуточнаго типа: безсознательная порча текста, — а только о такой въ данномъ случаѣ и можетъ идти рѣчь, вѣроятно, шла постепенно.

Если же принять во вниманіе также списокъ, указанный въ предыдущемъ примѣчаніи, то наше предположеніе пріобрѣтетъ еще большую доказательность.

3) Существуютъ списки съ похвалой Св. Петру и окончаніемъ 17 грани, содержащіе перечень 7-ми митрополитовъ, въ томъ числѣ и Антонія. Отъ протографа этихъ списковъ, пожалуй, ведетъ свое начало промежуточный типъ.

4) Любопытно, что вообще ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ Степенной мы не встрѣтили въ заголовкѣ 17-ой грани имени митрополита Діонисія. Быть можетъ, это обстоятельство указываетъ на сравнительно позднее появленіе протографа типа списковъ безъ окончанія 17-ой грани.—Впрочемъ отнюдь не настаиваемъ на этомъ предположеніи.

аналогичный съ печатнымъ текстъ, ведутъ свое начало отъ такой рукописи Степенной промежуточнаго типа, въ которомъ было и упоминаніе о 7-ми митрополитахъ и, пожалуй случайный, пропускъ имени Антонія. Послѣдній былъ на митрополіи съ 1572 по 1581 г.; слѣдовательно оригиналъ, съ котораго былъ списанъ протографъ списковъ типа, аналогичнаго съ печатной Степенной, не старше этихъ годовъ, а самъ упомянутый протографъ, пожалуй, моложе своего образца еще на нѣсколько лѣтъ. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного принадлежащаго къ этому типу списка, который безспорно можно было бы относить къ XVI столѣтію. Однако весьма широкое его распространеніе не позволяетъ отодвигать время появленія этого типа въ XVII вѣкъ[1]). Годы 1572—1600 приблизительно опредѣляютъ срокъ, когда возникъ протографъ списковъ, аналогичныхъ съ печатной Степенной.

Относительно протографа списковъ, содержащихъ похвалу св. Петру митрополиту и окончаніе 17-ой грани можно утверждать, что онъ существовалъ уже въ 1565—1568 годахъ. Намъ извѣстны 2 рукописи этого типа, протографъ которыхъ былъ писанъ именно въ указанный періодъ времени[2]). Сверхъ того мы упоминали при другомъ случаѣ о двухъ рукописяхъ этого же типа несомнѣнно относящихся къ XVI вѣку[3]). Одну изъ нихъ, любопытную рукопись Чудова монастыря, отнесли мы тогда къ

1) Мы знаемъ 56 полныхъ, или почти полныхъ списка «Степенной царского родословія; изъ нихъ 21 принадлежатъ къ данному типу.

2) Это рукописи Имп. Ак. Наукъ № 32, 8, 6 и Моск. Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ № 252; обѣ XVII вѣка; отличаются онѣ отъ другихъ списковъ Степенной тѣмъ, что въ началѣ каждой грани сообщаютъ (на верху или внизу листа, или на предыдущемъ листѣ) свѣдѣнія объ ея митрополитахъ и о числѣ лѣтъ ихъ правленія. Передъ XVII гранью читаемъ (на лл. 684 и ХЧ): Сіи митрополиты быша на Москвѣ: Іосафъ г лѣтъ и остави. Макарей кв безъ полутретья мѣсяца. Аѳанасей в лѣтъ и г мѣсяца и остави. Филиппъ». Отсутствіе указанія на число лѣтъ правленія Филиппа даетъ намъ право сдѣлать заключеніе, что протографъ этихъ рукописей писанъ при немъ.

3) Это рукописи: 1) Московской Типографской библіотеки № 346, 395, 1328, существовавшая уже въ 1594 году и 2) М. Синодальной библ. № 56/358, принадлежавшая Чудову мон.—О нихъ см. статью «Кто былъ авторомъ и т. д.» passim. Тамъ же и описаніе второй изъ нихъ.

60-мъ — 70-мъ годамъ этого столѣтія. Можно предположить, судя по одному признаку, что она тоже была написана не позже какъ при Филиппѣ[1]).

Съ другой стороны у насъ есть данныя думать, что не эта рукопись была протографомъ «Книги Степенной царского родословія». Наше мнѣніе основывается на нѣкоторыхъ пропускахъ и ошибкахъ писца, показывающихъ, что онъ имѣлъ передъ собою какой-то другой текстъ, съ котораго списывалъ не всегда удачно.

Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ подобнаго рода[2]).

На 1 (об.) л. рукописи въ статьѣ «царскіе сановники находимъ слово «ерапархъ» вмѣсто «епархъ» другихъ списковъ. Ошибка объясняется на нашъ взглядъ тѣмъ, что въ слѣдующей строкѣ встрѣчается слово «ст^{ра}тилатъ», которое въ нѣкоторыхъ спискахъ приходится подъ словомъ «епархъ».—Думаемъ, что въ оригиналѣ рукописи стояло «е пархъ
ст^{ра}тилатъ».

На 60-мъ (об.) л. въ подробномъ оглавленіи Степенной послѣ 9-й главы 7-ой степени перепищикъ помѣстилъ было сразу 11-ую главу, а затѣмъ, увидѣвъ свой пропускъ вписалъ главу 10-ую, причемъ нѣкоторыя слова не уписались въ строкѣ и написаны на поляхъ.

На об. 62 л. замѣчаемъ сходный случай: послѣ главы 7-ой 11-ой грани слѣдуетъ глава 9-ая, между ними стоитъ знакъ ⊕, а внизу листа тѣмъ же почеркомъ написано названіе 8-ой главы[3]).

---

1) На 67 л. этой рукописи заголовокъ 17-й степени читается такъ: степень седмый на десять митрополита Іоасафъ. Макарій.
и грань седьмая надесять. въ ней же главъ
На 738 л. видимъ «Степень 17 и грань 17 и митрополиты
Іоасафъ Макарій въ немъ же главъ
О благодарномъ и т. д.» Если промежутки, замѣчающіеся здѣсь, не являются точнымъ воспроизведеніемъ идентичныхъ мѣстъ оригинала рукописи, они какъ разъ могутъ быть заполнены словомъ «четыре» и именами: Аѳанасій и Филиппъ.

2) Примѣровъ описокъ писца и его собственныхъ поправокъ въ рукописи очень много; ограничиваемся лишь малой частью ихъ.

3) И въ этомъ, и въ предыдущемъ случаяхъ перепищикъ ставилъ цифры главъ правильно, очевидно руководясь какимъ-то текстомъ; кромѣ указанныхъ

На 166 (об.) л. переписчикъ пропустилъ было цѣлыхъ 2 листа, а именно послѣ словъ «Отцу и Сыну и Святому Духу» (Ст. I, 181 стр.) помѣстилъ киноварью «Мѣсяца іюліа въ кд день страданіе и похвала святыхъ праве»[1]). Замѣтивъ свою ошибку писецъ зачеркнулъ написанное киноварью и на 167/8 л.[2]) продолжилъ «И сіи вси... едино стадо быти...» Далѣе другимъ болѣе мелкимъ почеркомъ на остальной части листа помѣщенъ остатокъ пропущеннаго было текста и зачеркнутое первымъ писцомъ начало заглавія, съ 169 листа со словъ «дныхъ чудотворивыхъ и т. д. (Ст. II, 183 стр.)» первымъ почеркомъ начинается прерванный текстъ.

Нѣкоторыя ошибки писца остались имъ незамѣченными и были исправлены впослѣдствіи гораздо болѣе новыми чернилами и почеркомъ; такъ на 193 л. рукописи читаемъ «зовите кир леисонъ видите славу Божію» (Ст. I, 211 стр.); послѣ поправки указанное мѣсто читается «зовите киріе елеисонъ и увидисте славу Божію..»

Намъ могутъ указать на запись, помѣщенную въ этой рукописи и гласящую «Книга чюдова монастыря собрана смиреннымъ аѳонасіемъ митрополитомъ всеа русіи», какъ на доказательство протографичности списка. Но запись эта сдѣланная по нашему мнѣнію кѣмъ-нибудь изъ современниковъ Аѳанасія[3]) является лишь однимъ изъ свидѣтельствъ авторства этого митрополита въ составленіи «Степенной царского родословія», а нисколько не указываетъ на то, что рукопись Чудова монастыря является протографомъ всѣхъ списковъ этого произведенія, разъ можно заподозрить противное.

Намъ удалось выяснить, что списки Степенной, имѣющіе окончаніе, содержатъ гораздо болѣе исправный и близкій къ про-

---

случаевъ, встрѣчающихся въ общемъ оглавленіи Степенной, цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ (пропусковъ заглавій и восполненіе ихъ внизу листовъ тѣмъ же почеркомъ) находится и въ другихъ мѣстахъ рукописи.

1) Листъ этимъ кончается.

2) Эти листы писаны на той же бумагѣ, какъ вся рукопись.

3) «Кто былъ авторомъ....», стр. 9 и прим.

тографическому текстъ названнаго сочиненія, чѣмъ извѣстный до сихъ поръ по печатному изданію его. Удалось указать на раннее существованіе списковъ только что разсмотрѣннаго типа и на глубокую древность одного изъ нихъ. Въ тоже время подмѣчена зависимость этого списка отъ какой-то еще болѣе ранней рукописи «Степенной царского родословія». Чтобъ покончить съ вопросомъ объ этомъ типѣ рукописей Степенной, упомянемъ о значительной его распространенности[1]) и о весьма вѣроятномъ существованіи промежуточнаго типа списковъ, одинъ или два экземпляра котораго намъ извѣстны.

V.

Остается разрѣшить одно изъ крупныхъ недоумѣній, возбуждаемыхъ изученіемъ печатнаго текста Степенной. Мы разумѣемъ вопросъ о какомъ-то разсказѣ о чудесахъ митрополита Алексія, на который печатный текстъ дѣлаетъ рядъ указаній и котораго тамъ не находимъ. Нѣтъ этого разсказа и въ тѣхъ 39 рукописяхъ Степенной съ окончаніемъ или безъ окончанія 17-ой грани, на число которыхъ мы уже указали. Однако намъ извѣстенъ еще рядъ рукописей «Книги царского родословія», которыя можно выдѣлить въ особый типъ или разрядъ списковъ названнаго произведенія. Въ виду того, что всѣ почти рукописи этого типа имѣютъ передъ основнымъ текстомъ вводныя статьи одинаковаго содержанія[2]) условимся называть его—типомъ Степенной съ вводными статьями. — Сличая списки этого типа съ

---

1) 18-ть списковъ этого типа (считая и рукописи промежуточнаго) намъ удалось просмотрѣть.

2) Мы знаемъ до 17-ти списковъ этого типа; изъ нихъ 15-ть имѣютъ вводныя статьи, одинъ оставляетъ пробѣлъ для нихъ (это рукопись Син. библ. № 277 вообще не законченная), одинъ нѣсколько дефектенъ и видоизмѣненъ (Ак. Н. № 32, 8, 4); оба—конца XVII вѣка.

рукописями только что изученнаго типа Степенной съ окончаніемъ, отмѣчаемъ слѣдующія главныя отличія его. Во-первыхъ, передъ статьею «Сказаніе о святѣмъ благочестіи...» (Ст. I, 3 стр.) помѣщены слѣдующія замѣтки[1]):

1) «исторія сирѣчь повѣстникъ о епископіяхъ елико подлежатъ и послушни суть митрополиту Кіевскому и всеа Русіи»= П. С. Р. Лѣт. IX т., XIII стр. лѣвый столбецъ.

2) «Царскіе сановники»—перечень и переводъ названій византійскихъ чиновъ и должностей.—Статью эту мы встрѣтили и въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ Степенной, т. е. рукописи Чудова монастыря.

3) Статьи «Родословіе великихъ государей», «родъ ростовскихъ князей», «р. тверскихъ кн.», «р. бѣлозерскихъ кн.», «р. смоленскихъ кн.», «р. ярославскихъ кн.», «р. рязанскихъ князей», «того же роду муромстіи князи»—рядъ краткихъ родословныхъ перечней.—У царя Ивана IV показаны при этомъ 4 сына: Дмитрій, Іоаннъ, Θеодоръ, Василій. Слѣдовательно, время появленія статей падаетъ на мартъ 1563 (годъ рожденія цар. Василія) —октябрь 1583 (въ этомъ мѣсяцѣ и году родился св. цар. Димитрій)[2]).

4) Замѣтка, начинающаяся словами «Отъ Рюрика бо начася и т. д.»[3]).

Послѣднія слова этой замѣтки: «Отъ Данила же на Москвѣ Богомъ утверждено бысть царствіе русскихъ государей. О нихъ же въ книзѣ сей отчасти сказаніе имать» являются какъ бы прямымъ вступленіемъ въ «Книгу Степенную царского родословія».

---

1) Во многихъ спискахъ этого типа рукописей есть и другія вводныя статьи, но онѣ несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, что видно между прочимъ изъ неодинаковости ихъ содержанія.

2) Кстати вспомнимъ, что и окончаніе «Степенной царского родословія» послѣдовало именно въ 1563 году: послѣ взятія Полоцка и до смерти митрополита Макарія.

3) См. у И. Н. Жданова, «Русскій былевой эпосъ», стр. 95 прим. а.— Ждановъ взялъ эту замѣтку изъ рукописи Погод. Древлехран. № 1423, содержащей Степенную какъ разъ изучаемаго типа, но 17-ая грань которой идентична печатному тексту. Думаемъ, что списокъ воспроизвелъ начало одного оригинала и конецъ другого.

Во-вторыхъ, передъ «гранесованіемъ» (Ст. I, 55 стр.) нѣкоторыя, наиболѣе исправныя рукописи этого типа помѣщаютъ замѣтку «Новые чудотворцы», перечисляющую статьи агіографическаго содержанія, помѣщенныя въ «Степенной» и указывающую грань и главу, въ которыхъ онѣ находятся[1]). Упомянутая замѣтка по нашему мнѣнію вполнѣ соотвѣтствуетъ предисловію къ «Степенной», гдѣ указывается цѣль написанія этого произведенія — прославленіе святыхъ русскихъ князей и подвижниковъ — и раздѣленіе его на грани и главы для удобства чтенія по частямъ[2]).

Главное же отличіе изучаемаго типа отъ намъ уже извѣстныхъ состоитъ въ томъ, что послѣ статьи «О пренесеніи мощей.. митрополита ..Алексія....» (Ст. I, 475—8 стр.) рукописи его помѣщаютъ «Сказаніе вкратцѣ о чудесахъ святого Алексія чудотворца». Въ «Сказаніи» находятся слѣдующія статьи[3]):

М. М., № 612; 612 л. «О изступившемъ ума».

612 (об.) л. «О отрочати умершемъ».

613 л. «О разслабленнѣмъ».

«О Михайлѣ клирицѣ».

614 л. «О слѣпомъ».

614 (об.) л. «О болящемъ трясавицею».

615 (об.) л. «О отроцѣ Василіи».

617 (и об.) л. «Феодосія митрополита всеа Русіи сказаніе о бывшемъ чудеси у гроба иже во святыхъ отца нашего Алексія

---

1) Такъ, наприм., въ этой замѣткѣ читаемъ «Мѣсяца февраля въ 12 день Житіе и чюдеса Алексія Чудотворца, писано въ 11-ой грани въ 7-ой главѣ Припомнимъ, что о чудесахъ св. Алексія нѣтъ разсказа въ спискахъ извѣстныхъ намъ до сей поры типовъ.

2) Мы лично придерживаемся того мнѣнія, что «Степенная» по замыслу Макарія должна была извѣстнымъ образомъ восполнять Четьи Минеи. Объ этомъ — въ другой разъ.

3) Указываемъ статьи по лучшей рукописи изучаемаго типа М. Публ. Музея № 612; въ четверку.—«Сказаніе» занимаетъ въ ней листы 612—637 полностью. Всѣ приводимыя нами заглавія писаны киноварью, кромѣ словъ заключенныхъ въ скобки.

чудотворца всеа Русіи о исцѣлѣвшемъ иноцѣ Наумѣ Хромцѣ. Благослови отче».

622 л. «Сие жъ начало о чудеси въ лѣто ѕцо генваря кд день»...

628 (и об.) л. «Недостойно есть сіе молчанію предати яже видѣста очи наши б(ысть убо по представленіи святителя Алексія преиде лѣтъ ри м и едино. П)реблагій Богъ нашъ Ісусъ Христосъ прославляя святыхъ своихъ, такожъ прослави своего вѣрнаго и благого раба Святителя Алексія митрополита всеа Русіи, посла росу благодати Святого своего Духа и на удрученныя мощи, истаявшая постомъ и трудомъ многимъ, имени ради его святого и чудотвореніемъ ихъ паки обновивъ лѣта зкз. В(о дни благочестиваго и христолюбиваго Василія Божіей милостію Государя и Самодержца всеа Русіи)».

629 л. «Ино чудо о женѣ».

630 (об.) л. «О дѣвицѣ».

«О слѣпой».

«О женѣ слѣпой».

632 (об.) л. «Слово похвально иже во святыхъ отцу нашему Алексію чудотворцу митрополиту Кіевскому и всея Русіи».

При сравненіи списковъ разсматриваемаго типа съ рукописями, содержащими аналогичный печатному текстъ, замѣчаемъ бóльшую исправность перваго. Въ немъ есть и окончаніе 17-ой грани, и похвала св. Петру митрополиту, а при этомъ, конечно, нѣтъ путаницы въ концѣ 4-й главы 10-й грани.

Если поставить вопросъ о взаимоотношеніи 3-хъ опредѣлившихся теперь, типовъ рукописей «Степенной царского родословія», которыя для краткости будемъ называть списками со «Сказаніемъ», безъ «Сказанія» и безъ окончанія [1]), то возможенъ двоякій отвѣтъ на него. Во-первыхъ, могла происходить постепенная порча текста, причемъ протографомъ Степенной былъ

1) Разумѣемъ «Сказаніе.. о чудесѣхъ» и окончаніе 17-ой грани. Списки безъ окончанія — это содержащіе аналогичный печатному текстъ.

списокъ со «Сказаніемъ», затѣмъ появились рукописи безъ «Сказанія» и въ концѣ концовъ, утерявшія окончаніе. Во-вторыхъ, отъ протографическаго списка безъ Сказанія могли пойти съ одной стороны рукописи со Сказаніемъ и рукописи безъ окончанія. Для рѣшенія этого вопроса надо снова заняться отношеніемъ типа списковъ со Сказаніемъ къ рукописямъ безъ Сказанія.

Уже а priori можно заключить о томъ, что списки со Сказаніемъ воспроизводятъ протографическій текстъ Степенной. Мы указывали въ своемъ мѣстѣ [1]) всю неправдоподобность предположенія въ данномъ случаѣ небрежности со стороны автора Степенной, который долженъ былъ особенно внимательно относиться къ Житію покровителя своего монастыря. Съ другой стороны пропускъ Сказанія довольно легко объяснить промахомъ переписчика: текстъ его въ нѣкоторыхъ спискахъ занимаетъ ровно 2, или около 2-хъ рукописныхъ тетрадей [2]) и окончивается *тѣми же словами* «нынѣ и присно и во вѣковъ аминь», *какъ предыдущая статья* «О пренесеніи мощей....» Кромѣ того предположеніе, что «Сказаніе» было вставлено въ протографическій текстъ кѣмъ-нибудь изъ очень внимательныхъ читателей Степенной, замѣтившихъ и восполнившихъ крупную и трудно объяснимую оплошность ея составителя [3]), поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ многими, пожалуй, неодолимыми затрудненіями, которыхъ не будетъ, если типъ списковъ съ «Сказаніемъ» признать протографическимъ.

---

1) Этой статьи II отд., стр. 72.

2) Такъ въ портфелѣ Миллера № 150, порт. № 13, бумаги № 1 и 3 находимъ выписку изъ списка Степенной, изучаемаго типа; подъ № 3 помѣщены тетради 59 и 60 изъ рукописной Степенной тетради эти содержатъ какъ-разъ «Сказаніе о чудесахъ» и первую фразу статьи «Василья архіепископа.. отвѣтъ..» (Ст. I, 479 стр.). Изъ только что сказаннаго ясно, что Миллеръ зналъ рукописи Степенной, принадлежащія и къ другимъ болѣе исправнымъ типамъ, чѣмъ изданныя имъ.

3) Будемъ имѣть въ виду, что до сихъ поръ никто за исключеніемъ преосв. Филарета изъ занимавшихся Степенной не обратилъ вниманія на пропускъ Сказанія и на указанія ея автора. Въ интересахъ справедливости мы должны сознаться, что и сами не замѣчали пробѣла въ Степенной до ознакомленія съ списками интересующаго насъ типа. Только тогда указанія автора Степенной получили для насъ большое значеніе.

Начнемъ съ того, что обратимъ вниманіе на бóльшую исправность текста списковъ съ Сказаніемъ по сравненію съ списками безъ Сказанія. При этомъ разночтенія по большей части такъ незначительны, что трудно предполагать преднамѣренное исправленіе текста въ первыхъ спискахъ, а скорѣе можно догадываться о безсознательномъ искаженіи, допущенномъ во вторыхъ. Приведемъ 2, 3 примѣра этихъ довольно многочисленныхъ разночтеній [1]).

Въ 9-й главѣ 8-ой грани (Ст. I, 371) послѣ словъ «родися... Даніилъ Московскій» въ спискахъ съ Сказаніемъ читаемъ «*Тогда же* благоволеніемъ Божіимъ и молитвами Пречистыя его Матери и всѣхъ Святыхъ безбожніи татарове и *бесермены*, ихъ же царь Батый и сынъ его Сартакъ и иніе царіе посажаху властелей по всѣмъ градомъ русскимъ, вси тіи богомерстіи злодѣи *изгнани быша* [2]).

Въ 17-й главѣ 16-ой грани (Ст. II, 202) за словами, «посла воеводъ своихъ по суху» упомянутыя рукописи сообщаютъ «и по водѣ» [3]). Начало 7-й титлы 10-главы въ 17-й грани читается нѣсколько различно въ рукописяхъ всѣхъ 3-хъ типовъ: рукописи безъ окончанія сообщаютъ «*И тогда* во градѣ Казани, *яко* видѣся татаромъ, *яко* отъ коровы» (Ст. II, 252 стр.), въ рукописяхъ безъ Сказанія находимъ «*Иногда же* во градѣ Казани, *яко* видѣся татаромъ, яко отъ коровы», рукописи со Сказаніемъ даютъ чтеніе «*Иногда же* во градѣ Казани *явно* видѣся татаромъ, яко отъ коровы».

Наши затрудненія увеличиваются еще отъ того, что существуютъ рукописи, являющіяся представителями промежуточ-

---

1) Замѣтимъ, что кромѣ отмѣченныхъ уже ни одной лишней статьи по сравненію съ печатнымъ текстомъ рукописи Степенной съ Сказаніемъ не содержатъ.

2) Напечатанное курсивомъ находится и въ печатномъ текстѣ. Ссылки на печатное изданіе сдѣланы лишь для удобства читателей: нами имѣлись въ виду и рукописи безъ Сказанія. Приведенная фраза стоитъ въ связи съ слѣдующими мѣстами П. С. Лѣтоп. VII, стр. 163 и X, стр. 143.

3) Послѣднее чтеніе болѣе правильно, что видно изъ словъ слѣдующей главы « .. такожъ по суху и по водѣ» (Ст. II, 203 стр.).

ныхъ типовъ между Степенной со Сказаніемъ и безъ Сказанія. Къ этимъ рукописямъ принадлежитъ и древнѣйшая изъ рукописей Степенной, извѣстная намъ, Книга Чудова монастыря, сохранившая до настоящаго времени одну изъ вводныхъ статей, а именно замѣтку «Царскіе сановники» [1]). Далѣе, намъ извѣстны рукописи, содержащія всѣ вводныя статьи [2]), и, наконецъ, дошелъ до нашего времени списокъ, имѣющій также замѣтку «Новые чудотворцы» [3]). Послѣдняя рукопись и по своимъ чтеніямъ стоитъ съ одной стороны ближе къ спискамъ со Сказаніемъ, съ другой—къ спискамъ безъ Сказанія [4]). Существованіе такого ряда промежуточныхъ типовъ, конечно, не позволяетъ намъ видѣть въ спискахъ безъ Сказаній наиболѣе чистаго вида (т. е. не имѣющихъ вводныхъ статей) [5])—протографа Степенной: было бы очень и очень странно, еслибъ неоднократно принимались за исправленіе этого произведенія и каждый разъ исправляли и дополняли его такимъ мелочнымъ способомъ [6]). И въ тоже

1) Мы не знаемъ съ точностью, одна ли эта вводная статья находилась раньше въ Чудовской Степенной, или и другія («Кто былъ авторомъ...» стр. 8 и прим. 5); однако уже въ XVI вѣкѣ была рукопись Степенной, имѣющая именно одну эту вводную статью (Типогр. Библ. № 346, 395, 1328 — уже упомянутая выше).

2) Это: 1) списокъ Флорищевой пустыни № 106/680 и 2) списокъ Рум. Муз. изъ рукописей Ундольскаго № 803.

3) Рукопись Имп. П. Б., F. IV, № 226 «Славяноросcійскій лѣтописецъ» списокъ самого конца XVII-го вѣка, содержитъ 1040 лл. Листы 13—959 заняты Степенной безъ Сказанія; изъ вводныхъ статей исчезли «исторія сирѣчь повѣстникъ» и «царскіе сановники», вѣроятно, какъ не имѣющія прямого отношенія къ исторіи; на 76, обор.—78 л.—помѣщена замѣтка «Новые чудотворцы». Самый текстъ Степенной перемѣнамъ не подвергался: въ немъ говорится и о царѣ Іоаннѣ, и о Макаріи, какъ о живыхъ людяхъ (лл. 486 (об.), 586, 788 (об.)); протографъ списка написанъ былъ при царѣ Алексѣѣ, о которомъ есть молитвенное воззваніе въ Житіи св. Ольги (62 л. об.).

4) Такъ 8-ая глава 8-й степени читается также, какъ и въ Спискахъ безъ Сказанія; за то мы находимъ въ 17-ой главѣ 16-ой грани слова «послаху и по водѣ», очевидно искаженныя изъ «по суху и по водѣ»; въ 7-ой титлѣ 10-й главы 17-ой грани стоитъ «Иногда же во градѣ Казани явно...» Послѣднія чтенія сближаютъ указанную рукопись и списки со Сказаніемъ.

5) За вычетомъ 9-ми рукописей промежуточныхъ типовъ намъ извѣстны всего лишь 9-ть списковъ этого типа.

6) Забѣгая немного впередъ, отмѣтимъ, что появленіе всѣхъ промежуточныхъ и 2-хъ основныхъ типовъ произошло въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ лѣтъ.

время внимательные и часто мелочные «исправители» текста врядъ ли бы оставили молитву за Макарія, какъ за *«правящаго»* митрополита [1]). При машинальномъ же переписываніи и удаленіи статей, которыя могли казаться лишними вполнѣ понятно появленіе нѣсколькихъ разнородныхъ списковъ даже въ весьма короткій промежутокъ времени.

Если даже принять за протографъ «Степенной царской родословія» списокъ типа безъ Сказанія, но съ одной, или всѣми вводными статьями, то затрудненія наши не будутъ устранены. Предположеніе о первенствѣ типа списковъ съ одной вводной статьей все-таки заставитъ насъ думать о 3-хъ частичныхъ и постепенныхъ исправленіяхъ текста «Степенной» [2]), что на нашъ взглядъ столь же почти невѣроятно, какъ и фактъ 4-хъ такихъ исправленій.

Допустимъ теперь, что искомымъ протографическимъ типомъ будетъ типъ списковъ безъ Сказанія, но съ вводными статьями. Тогда останется лишь одинъ промежуточный типъ и рѣчь будетъ идти лишь о 2-хъ постепенныхъ исправленіяхъ текста «Степенной»; послѣднее обстоятельство хотя и мало на нашъ взглядъ вѣроятно, но однако могло имѣть мѣсто. Но тутъ мы сталкиваемся съ новымъ затрудненіемъ. Промежуточнымъ типомъ списковъ надо будетъ считать рукописи безъ Сказанія и съ замѣткой «Новые чудотворцы». Эта замѣтка основана или на оглавленіи «Степенной», или на знакомствѣ съ ея содержаніемъ. Въ ней мы читаемъ между прочимъ «Житіе и *чудеса* Алексія чудотворца, писано въ 11-й грани, въ 7-й главѣ». Въ тоже время ни въ общемъ оглавленіи, ни въ заголовкѣ 7-ой главы 11-ой грани извѣстныхъ намъ списковъ всѣхъ типовъ ни слова не говорится о

1) См. Ст. II, 97. Указанное мѣсто лишь въ весьма немногихъ и сравнительно позднихъ рукописяхъ подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ; этотъ фактъ свидѣтельствуетъ еще разъ объ извѣстномъ консерватизмѣ переписчиковъ, что не мѣшало, разумѣется, массѣ невольныхъ искаженій.

2) То есть согласно этому предположенію исторія возникновенія списковъ была бы такова: сперва появился списокъ съ одной вводной статьей, далѣе со всѣми, потомъ съ замѣткой «Новые чудотворцы» и наконецъ со Сказаніемъ.

чудесахъ св. Алексія [1]). Почему же составитель замѣтки упоминаетъ «о чудесахъ», писанныхъ въ 7-ой главѣ 11-ой грани? Разъ онъ такъ внимательно читалъ «Степенную» и замѣтилъ намѣреніе автора ея помѣстить Сказаніе о чудесахъ, отчего онъ не восполнилъ этого пробѣла и всетаки указалъ, что «чудеса» писаны именно тамъ, гдѣ они должны были находиться по плану составителя названнаго произведенія?

Указанный фактъ мѣшаетъ намъ признать первенство списковъ безъ Сказанія, но съ вводными статьями; мѣшаетъ также и признанію этого промежуточнаго типа списковъ за протографическій, тѣмъ болѣе въ виду весьма малой распространенности его [2]).

Однако, быть можетъ, признанію наиболѣе естественнаго предположенія о пріоритетѣ типа списковъ со Сказаніемъ препятствуетъ отсутствіе раннихъ списковъ его? Мы знаемъ вѣдь, что не позже какъ при митрополитѣ Филиппѣ существовалъ уже типъ списковъ безъ Сказанія. Припомнимъ, что и древнѣйшій изъ намъ извѣстныхъ списковъ, сохранившій кое-какія черты первоначальнаго текста [3]), не имѣетъ Сказанія и содержитъ въ настоящее время лишь одну изъ вводныхъ статей. Существуетъ ли хоть одинъ болѣе или менѣе древній списокъ со Сказаніемъ или сохранили ли по крайней мѣрѣ имѣющіяся въ настоящее время рукописи этого типа какіе нибудь признаки такого протографа, который своей древностью могъ бы поспорить съ Чудовской Степенной? [4]).

Для разрѣшенія нашего недоумѣнія обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ списковъ со Сказаніемъ.

1) См. Ст. печ. I, стр. 65 и 444.

2) Кромѣ указаннаго «Лѣтописца Славенороссійскаго» мы не знаемъ ни одного подобнаго списка. Впрочемъ можно установить факты написанія однородной рукописи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и, конечно, при Иванѣ IV.

3) Мы разумѣемъ отсутствіе въ 17-й грани числа главъ и митрополитовъ и упоминаніе лишь Іоасафа и Макарія.

4) Конечно, даже отсутствіе такихъ рукописей не могло бы рѣшить вопроса о пріоритетѣ типа списковъ со Сказаніемъ въ отрицательномъ смыслѣ, но всетаки было бы сильнымъ доказательствомъ въ пользу обратнаго предположенія.

Еще покойный археографъ А. Е. Викторовъ обратилъ вниманіе на превосходный списокъ «Степенной царского родословія», пріобрѣтенный Московскимъ Публичнымъ Музеемъ послѣ Д. В. Большакова и хранящійся тамъ подъ № 612 [1]). По компетентному мнѣнію Викторова, къ которому мы вполнѣ присоединяемся рукопись «*писана четкою красивою скорописью конца XVI вѣка*». Рукопись, писанная въ 4-ку, на 1127 листахъ, состоитъ, какъ это замѣтилъ и покойный археографъ, изъ 2-хъ, сшитыхъ другъ съ другомъ частей и исполнена 3-мя почерками [2]).

Составъ рукописи таковъ:

1—10 л., пришитые позже и писанные грубоватой скорописью конца XVII вѣка, содержатъ извѣстную повѣсть «О началѣ славено-россійскаго народа и первоначальныхъ князехъ = Изборникъ р. хрон. стр. 442/7.

11—1125 (1 стр.) лл. заняты «Степенной царского родословія» съ окончаніемъ и вводными статьями. Къ почерку этой основной части рукописи и относится характеристика, сдѣланная выше.

1125 (об.) л. содержитъ слѣдующую лѣтописную замѣтку: «Въ лѣто ҂з҃ѕ҃ѕ году пришелъ аглинской корабль провѣдывать Двинского устья и зашелъ въ Унскую губу и зимовалъ. И судьи о томъ писали къ Государю, а нѣмецъ поили и кормили на Колмогорахъ, а отпуску имъ не было. И въ ѕ҃ѵ-мъ году пришли на Двинское устье аглинскіе корабли, а вологодскіе судьи съ нѣмецкими товары ходили къ кораблемъ на Коральское устье и по ч҃е годъ. А въ ч҃ѕ году присланы съ Москвы на Двину воеводы Петръ Аѳанасьевъ Нащекинъ да Залѣшанинъ Никифоровичъ Волоховъ. И Архангельскій городъ поставили однимъ годомъ и съѣхали къ Москвѣ и послѣ того присланы на Двину приказныя

1) См. «Каталогъ славянорусскихъ рукописей Д. В. Пискарева». Москва, 1871, стр. 47, № 177. Мы неоднократно уже ссылались на этотъ списокъ.

2) О томъ, что первые 10-ть листовъ пришиты къ рукописи значительно позже свидѣтельствуетъ почеркъ, счетъ тетрадей, начинающійся съ 11-го листа и захватанность этого листа.

дѣти боярскія. въ чг-мъ году пришли къ Архангельскому городу галанскіе корабли, а на нихъ торговцы иноземцы Андреяновъ братъ Тимоха съ товарищи. А въ чє-мъ году пришли къ городу аглинскіе корабли»[1]).

Почеркъ этой замѣтки, отличный отъ почерка основной части рукописи, по мнѣнію А. Е. Викторова современенъ ему. Намъ кажется, что его можно относить и къ нѣсколько позднѣйшему времени: вѣроятнѣе всего къ самому концу XVI или, пожалуй, даже началу XVII вѣка.

1126—7 л. заняты выпиской изъ Хронографа о мощахъ св. Константина Великаго и писаны тѣмъ же почеркомъ, какъ и лѣтописная замѣтка.

Отмѣтивъ въ разсматриваемомъ спискѣ присутствіе вводныхъ статей, А. Е. Викторовъ полагалъ, что «за исключеніемъ мелочныхъ варіантовъ» и окончанія 17-ой грани рукопись «по составу и тексту сходна съ печатнымъ изданіемъ Миллера». Свое описаніе интересующей насъ рукописи Викторовъ закончилъ мнѣніемъ, что списокъ «по своей древности и правильности, при новомъ ожидаемомъ изданіи Степенной книги, между другими извѣстными списками, безъ сомнѣнія займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ». Мы вполнѣ присоединяемся къ послѣднему мнѣнію компетентнаго археографа. Думаемъ даже, что изъ извѣстныхъ намъ списковъ это наиболѣе пригодный для того, чтобы сдѣлаться основнымъ при новомъ изданіи «Степенной царского родословія». Однако первое изъ указаній А. Е. Викторова надо видоизмѣнить. Дѣйствительно, въ общемъ лишь мелочные варіанты[2]) отличаютъ описываемую рукопись отъ печатнаго текста, но кромѣ того въ ней находится еще замѣтка «Новые чудотворцы» (л. 95—96) и «Сказаніе о чудесахъ св. Алексія»[3]).

1) Замѣтка сходна съ такъ называемой Двинской лѣтописью (См. Рукопись Ак. Н. № 1, 4, 12, а также изданіе А. А. Титова или Древнюю Россійскую Вивліоѳику, т. XVIII), — но съ одной стороны гораздо короче ея, съ другой — содержитъ кое-какія извѣстія въ той не встрѣчающіяся.

2) Добавимъ, что эти варіанты даютъ болѣе правильныя чтенія.

3) Припомнимъ, что мы указали на содержаніе «Сказанія», руководясь именно этой рукописью.

Такимъ образомъ въ изучаемомъ спискѣ мы имѣемъ дѣло съ наболѣе исправнымъ экземпляромъ типа списковъ со Сказаніемъ. При этомъ можно утверждать однако, что данная рукопись появилась не ранѣе, чѣмъ въ 1572 году: въ ней упоминается въ 17-ой грани уже о митрополитѣ Антоніи. Въ виду того, что громадное большинство списковъ этого типа въ 17-ой грани переименовываетъ «6 митрополитовъ. Іоасафъ. Макарій. Аѳанасій. Филиппъ. Кириллъ. Антоній», казалось бы, можно придти къ заключенію о томъ, что и протографъ ихъ появился именно при Антоніи.

Однако у насъ есть данныя, не позволяющія остановиться на высказанномъ предположеніи [1]). Такъ въ одномъ изъ очень позднихъ, но довольно исправныхъ списковъ изучаемаго типа [2]) находимъ въ заголовкѣ 17-ой грани имена лишь 2-хъ первыхъ митрополитовъ времени Грознаго: «Іоасафа и Макарія (л. 373). Далѣе въ спискѣ со Сказаніемъ, половины XVII столѣтія находящемся въ Рум. Муз. подъ № 414 и отличающемся отъ другихъ намъ извѣстныхъ рукописей Степенной тѣмъ, что общее оглавленіе разбито и помѣщено по частямъ передъ каждой гранью, читаемъ въ заголовкѣ 17-й грани: ..Степень седьмый на десять и четыре митрополита. Макарій. Іоасафъ. Аѳанасій *и* Ѳилиппъ. Кириллъ. Антоній» (л. ѱлα (об.))[3]). Изъ отмѣченнаго факта слѣдуетъ заключить, что протографъ, къ которому восходитъ этотъ списокъ, былъ писанъ еще при митрополитѣ Филиппѣ, а затѣмъ пополненъ — сначала, пожалуй, на поляхъ, — именами Кирилла и Антонія.

---

1) Любопытно, что списокъ М. М. № 612 сохранилъ черты протографической рукописи «Степенной». Въ немъ нѣтъ указанія на число митрополитовъ при Грозномъ и не указано число главъ въ заголовкѣ 17-ой грани (л. 116 «митрополиты Іоасафъ. Макарій. главъ 26»; л. 1048 « ... митрополиты Іоасафъ — Антоній. О благородномъ .....» ср. Ст. печ. I, 73, II, 236 стр.).

2) М. Рум. и П. Муз. Ундольскаго собр. № 373.

3) На ѱλα же листѣ (1 стр.) списка въ общемъ оглавленіи 17-ой Степени, находимъ: « .. два митрополита. Іоасафъ. Макарій». — Укажемъ кстати на рукопись Имп. П. Б., F. IV, № 117, конца XVII вѣка, содержащую Степенную со Сказаніемъ. Въ общемъ оглавленіи 17-й грани читаемъ въ ней «и 4 митрополиты Іоасафъ и Макарій. Аѳонасіи и Филиппъ (99 л. об.)».

Заключеніе наше подтверждается однимъ изъ списковъ этого же типа. Въ спискѣ этомъ въ заголовкѣ 17-й грани стоитъ «.. пять митрополитъ Іосифъ (sic!) Макарій. Аѳонасій *и* Ѳилиппъ. Кириллъ. Антоній». Слово «и» позволяетъ намъ догадаться, что въ протографѣ списка сначала рѣчь шла о четырехъ митрополитахъ и упоминаніе о «пяти» — поправка внимательнаго переписщика или дополнителя этого протографа, произведенная при митрополитѣ Кириллѣ. Лицо, добавившее имя Антонія не перемѣнило числа митрополитовъ, а позднѣйшіе переписщики добросовѣстно воспроизводили текстъ [1]).

Такимъ образомъ пересмотръ списковъ даннаго типа показалъ намъ, что къ нему принадлежитъ одна изъ весьма древнихъ рукописей «Книги Степенной» Царского родословія, сохранившая нѣкоторые слѣды болѣе ранняго оригинала [2]), что другая рукопись его въ заголовкѣ 17-ой грани упоминаетъ лишь 2-хъ первыхъ митрополитовъ, и что уже при митрополитѣ Филиппѣ (1565—68 г.) существовалъ протографъ нѣкоторыхъ рукописей Степенной со Сказаніемъ.

Послѣднее изъ указанныхъ обстоятельствъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ истинности предположенія о пріоритетѣ типа списковъ со Сказаніемъ. Несравненно легче представить себѣ безсознательную или полусознательную порчу текста перепищиками, чѣмъ рядъ частичныхъ исправленій текста, причемъ весьма внимательные въ одномъ отношеніи исправители обнаруживали внезапно грубую невнимательность по поводу того же факта въ другомъ отношеніи [3]).

Появленіе въ короткое время нѣсколькихъ типовъ списковъ

---

1) Имп. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ, Отд. I, № 254, скоропись XVIII вѣка, весьма убористая. Указанное мѣсто находится на 214 (об.) л. Въ общемъ оглавленіи показаны лишь «Іоасафъ, Макарій» (23 л.).

2) Думаемъ, что это второй по древности изъ извѣстныхъ намъ списковъ Степенной, уступающій первенство въ этомъ отношеніи лишь рукописи Чуд. монастыря.

3) Мы разумѣемъ указанную выше замѣтку «Новые чудотворцы» и отношеніе ея къ Сказанію о чудесахъ.

Степенной указываетъ на усиленное ея переписываніе сразу послѣ окончанія этого произведенія. Зная дѣятельность митрополита Макарія и средства, какими онъ располагалъ, изслѣдователи русской старины поймутъ безъ сомнѣнія всю неминуемость этого факта тѣмъ болѣе, что новинка была, конечно, по сердцу Грознаго царя, а авторъ ея былъ преемникомъ великаго іерарха [1]). Не ослабѣлъ интересъ къ Степенной и въ XVII и XVIII вѣкахъ, что доказывается многочисленными списками ея, дошедшими до нашего времени [2]).

Слѣдя за постепеннымъ ухудшеніемъ текста «Степенной царского родословія», можно догадываться о причинахъ его. Такъ Сказаніе выпало случайно: иначе были бы измѣнены соотвѣтствующія мѣста Степенной, гдѣ о немъ упоминается.— Замѣтка «Новые чудотворцы», вѣроятно показалась излишней какому-нибудь изъ перепищиковъ. Поэтому же, думаемъ, постепенно отпали и вводныя статьи, которыя и не были очень тѣсно связаны съ основнымъ текстомъ Степенной [3]). Путаница въ главѣ 4-ой и выпаденіе 5-й главы 10-й грани — конечно, случайны. Также случайно былъ недописанъ одинъ изъ списковъ Степенной, получившій широкое распространеніе, быть можетъ, именно вслѣдствіе своей дефектности, а потому и доступности [4]).

Въ результатѣ отмѣченныхъ искаженій и явилось нѣсколько типовъ списковъ Степенной, изъ которыхъ три получили наибольшее распространеніе и могутъ быть названы главными, а остальные составляютъ промежуточные типы.

---

1) Лишь 3 извѣстныхъ намъ списка Степенной можно пріурочить къ XVI вѣку. Однако, изслѣдователямъ русской исторіи не надо, конечно, напоминать объ обстоятельствахъ, погубившихъ тысячи нашихъ манускриптовъ.

2) Какимъ уваженіемъ пользовалась Степенная въ кругу простыхъ читателей еще въ 19-мъ вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, такая запись «Сія съвятая богудухновенная (sic!) книга глаголемая Степѣная (sic!)...... потъписана 1815 года....» (И. П. Б. F. IV, № 117).

3) См. статью «Кто былъ авторъ...» стр. 8, passim прим. 5 и 6.

4) О происхожденіи массы мелкихъ недочетовъ въ текстахъ списковъ разныхъ типовъ не стоитъ и распространяться.

VI.

Изученіе вопросовъ, связанныхъ съ печатнымъ изданіемъ «Степенной царского родословія» заставило насъ обратиться къ пересмотру списковъ названнаго произведенія. Этотъ пересмотръ позволяетъ намъ въ общихъ чертахъ прослѣдить исторію текста одного изъ важнѣйшихъ въ историографическомъ отношеніи памятниковъ нашей древней письменности.

Думаемъ, что протографическій списокъ Степенной появившійся въ 1563 году былъ полнѣе извѣстнаго намъ по печатному изданію текста и, конечно, гораздо исправнѣе его. Кромѣ множества мелкихъ варіантовъ протографъ Степенной отличался отъ рукописи, легшей въ основу изданія Миллера слѣдующимъ: въ немъ было окончаніе 17-й грани, похвала св. Петру, 5-ая глава 10-й грани, вводныя статьи, замѣтка «Новые чудотворцы» и «Сказаніе вкратцѣ о чудесѣхъ св. Алексія митрополита». Протографъ Степенной не дошелъ до насъ [1]), но списковъ, содержащихъ идентичный съ нимъ текстъ, сохранилось очень много [2]). Списки эти составляютъ первый изъ главныхъ типовъ рукописей Степенной Книги, который можно назвать типомъ списковъ со Сказаніемъ. Наиболѣе древнимъ и исправнымъ изъ этихъ списковъ нужно считать рукопись М. Публ. Муз. № 612, написанную въ XVI вѣкѣ, впрочемъ не ранѣе, какъ въ 1572 году [3]). Добавимъ кстати, что многократно нами цитированный списокъ И. О. Л. Др. П., № 76 (XII) представляется намъ довольно хорошей рукописью Степенной со Сказаніемъ.

Съ момента своего появленія «Степенная царского родосло-

---

1) По крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного списка, который можно было бы счесть протографомъ Степенной.

2) Намъ извѣстны 17-ть списковъ такого типа.

3) Судя по упоминанію въ 17-й грани митрополита Антонія. Думаемъ, однако, что списокъ появился довольно скоро послѣ 1572 г.

вія» вызвала, какъ объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, усердную работу перепищиковъ и неминуемое при перепискѣ ухудшеніе текста. Результатомъ этого явился рядъ списковъ болѣе или менѣе дефектныхъ, хотя еще по внѣшнему виду и законченныхъ. Общимъ признакомъ рукописей этого рода является отсутствіе Сказанія о чудесахъ св. Алексія, почему онѣ и образуютъ второй главный типъ — типъ списковъ безъ Сказанія. Присматриваясь къ весьма многочисленнымъ спискамъ этого типа [1]), подмѣчаемъ, что онъ въ наиболѣе распространенной въ настоящее время формѣ появился весьма скоро послѣ окончанія Степенной, не позже 1568 года. Въ то же время сохранившіеся экземпляры Степенной безъ Сказанія даютъ намъ возможность указать на существованіе списковъ промежуточныхъ типовъ между 2-мя главными.

Такъ намъ извѣстенъ списокъ Степенной [2]), восходящій къ протографу, утерявшему, надо полагать, совершенно случайно Сказаніе о чудесахъ св. Алексія и сохранившему всѣ вводныя статьи и замѣтку «Новые чудотворцы».

Далѣе встрѣчаются списки, отбросившіе вышеназванную замѣтку, но удержавшіе всѣ или одну изъ вводныхъ статей [3]). Наконецъ, извѣстны намъ 9-ть списковъ второго типа такъ сказать чистаго вида, т. е. безъ Сказанія, вводныхъ статей и замѣтки «Новые чудотворцы». Рукописи эти восходятъ къ протографу написанному при митрополитѣ Филиппѣ (1565—1568 гг.) и, слѣдовательно, появившемуся черезъ 3—6 лѣтъ по окончаніи Степенной.

Можно указать при этомъ еще на одну, двѣ рукописи отли-

---

1) Такихъ списковъ мы знаемъ 18-ть.

2) Списокъ Импер. П. Библ., F. IV, № 226.

3) Къ числу такихъ списковъ принадлежитъ и древнѣйшая рукопись Степенной (Син. библ., изъ Чудова монастыря, № 56—358), сохранившая статью «Царскіе сановники» и написанная, вѣроятно, не позже, какъ при Филиппѣ. Не знаемъ, были ли въ этой рукописи и другія вводныя статьи кромѣ указанной, но должны припомнить, что уже въ 1590-хъ годахъ существовалъ списокъ именно съ одной этой статьей.

чающіяся отъ другихъ списковъ второго типа отсутствіемъ похвалы св. Петру и пропускомъ 5-ой главы 10-ой грани. Есть данныя для утвержденія, что протографъ такихъ рукописей не старше 1572 года.

Только что отмѣченный типъ списковъ является переходомъ къ 3-му главному типу рукописей — типу Степенной безъ окончанія 17-й грани.

Нельзя опредѣлить съ точностью время появленія этого 3-го главнаго типа списковъ Степенной [1]). Думаемъ всетаки, что онъ появился скорѣе всего на рубежѣ XVI—XVII вѣковъ.

Говоря о главныхъ отличіяхъ разныхъ списковъ Степенной, мы сознательно не принимали во вниманіе многочисленныхъ добавленій, въ томъ или иномъ видѣ встрѣчающихся [2]) въ рукописяхъ всѣхъ типовъ, на какіе распадаются извѣстные намъ манускрипты названнаго произведенія. Добавленія эти, свидѣтельствующія о большомъ вліяніи Степенной и интересѣ къ ней людей XVII—XVIII вѣковъ, должны служить предметомъ особаго изученія [3]).

Что касается печатнаго текста Степенной, то пересмотръ его и сличеніе съ извѣстными намъ рукописями ея дали намъ возможность остановиться на нѣкоторыхъ, быть можетъ, и непредвидѣнныхъ выводахъ относительно цѣнности изданія и пріемовъ Миллера.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность утверждать, что рукопись, легшая по словамъ исторіографа въ основу изданія Степенной и хранящаяся до сихъ поръ въ Госуд. Древлехран. при М. А. Мин. Ин. Д., на самомъ дѣлѣ была мало извѣстна Миллеру. Настоящій «подлинникъ» печатнаго текста не разысканъ, такъ какъ, надо полагать, служилъ при наборѣ и былъ тогда испорченъ или совсѣмъ утерянъ.

1) Мы насчитываемъ 21 извѣстныхъ намъ списковъ этого типа.

2) Иногда добавленія присоединены къ началу, иногда къ концу основнаго текста Степенной, рѣже встрѣчаются вставки въ самый текстъ ея.

3) Надѣемся со временемъ изучить вопросъ объ этихъ добавленіяхъ. Для рѣшенія его у насъ есть уже довольно значительный матеріалъ.

Нѣтъ ни одной рукописи Степенной, содержащей вполнѣ идентичный съ печатнымъ текстъ. Впрочемъ за немногими уклоненіями печатное изданіе *весьма близко къ спискамъ третьяго типа рукописей, т. е. къ спискамъ Степенной безъ окончанія.* Уклоненія эти скорѣе всего можно объяснить поправками Миллера, а одно изъ нихъ, или результатъ его промаха, или особой дефектности «подлинника» изданія [1]).

Въ свое время изданіе «Степенной царского родословія» принесло огромную пользу при занятіяхъ русскимъ источниковѣдѣніемъ и давно уже стало библіографической рѣдкостью. Однако дефекты его таковы, что при неизбѣжномъ рано или поздно переизданіи столь повліявшаго на древнюю русскую историческую литературу произведенія нельзя будетъ удовольствоваться простой репродукціей печатнаго текста.

Наиболѣе правильной постановкой дѣла является по нашему убѣжденію вопросъ о критическомъ изданіи «Степенной царского родословія», по лучшимъ спискамъ хотя бы только перваго изъ главныхъ типовъ рукописей ея. Въ основу такого изданія слѣдуетъ положить рукопись М. Рум. и П. Муз. № 612, какъ исправнѣйшій и древнѣйшій списокъ этого, наиболѣе близкаго къ протографу «Степенной царского родословія», типа.

Платонъ Васенко.

27-го марта 1903.

---

1) Къ поправкамъ Миллера можно отнести имя «Тройденъ» (Ст. I, 386 стр., всѣ намъ извѣстные списки даютъ чтеніе «Пройденъ»), появленіе 5-й главы 10-й грани при путаницѣ въ концѣ 4-ой главы (Ст. I, 424—5 стр.) и упоминаніе въ 17-й грани лишь 2-хъ митрополитовъ (Ст. II, 236 стр.); всѣ списки 3-го типа знаютъ о существованіи 7-ми митрополитовъ при Грозномъ. Недосмотръ Миллера или дефектъ рукописи выразился въ путаницѣ на стр. 470—3 стр. I-го тома изданія.

Отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ о поѣздкѣ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи.

(Іюнь 1902).

Въ Устюгѣ въ частныхъ рукахъ я видѣлъ довольно интересный лѣтописецъ города Устюга; онъ имѣетъ такое заглавіе: «Краткое ѡписанїе бг҃оспасаемаго града Оустюга Великагѡ из' древни҆ лѣтописцо҆ оустюжски҆ і ра҆нолѣны҆ календарны҆ примѣчанїй і записо҆ просты҆ слогомъ і сѹгѹбы҆ лѣточи҆слѣнїе҆ написанное. Ѿ со҆данїѧ мира .7.2.7.8. а ѿ ржтва Хртова .1.7.7.0. въ Оустюгѣ Великомъ». Рукопись въ четвертку, на 42-хъ писанныхъ и 3-хъ бѣлыхъ листахъ; почеркъ—скорописный конца XVIII в.; заглавныя буквы и все заглавіе на 1-й страницѣ писаны киноварью. На об. листа 45, относящагося къ переплету, нѣсколько приписокъ, не имѣющихъ особаго значенія. По листамъ (начиная со 2-го) запись владѣльца: «сия книга моя свидетель есть Богъ кто ея ищетъ того имя бѹдетъ Аверкіи рожденъ Пономаревъ названъ». Изложеніе событій доведено до 1767 года; двѣ дальнѣйшія замѣтки, относящіяся къ 1772 году, писаны инымъ почеркомъ. На лл. 40 — 41 находится «Вѣденїе съ 6346 годѹ (вѣроятно, 6946 г.), кто былъ на Устюгѣ и послѣ когѡ воеводою»; списокъ доведенъ до И. В. Кикина (7205 г.). На л. 42-мъ помѣщено заключеніе.

Въ виду того, что большая часть нашего лѣтописца очень близка по содержанію къ лѣтописцу свящ. Вологдина и только въ концѣ представляетъ значительныя отличія, представлю описаніе его въ сличеніи съ этимъ лѣтописцемъ. Предисловіе нашего лѣтописца заключаетъ въ себѣ только начало предисловія Вологдина и подписи автора не имѣетъ (см. изданіе Титова «Лѣтопись Великоустюжская», М. 1889). Оно читается такъ: Во имѧ Бж̃їе. Начиная сей лѣтописецъ ѡ бг̃оспасаемомъ градѣ Ѹстюзѣ Велико̃ писати, сїе сѹдихъ в'мѣсто вѣденїя чтѹщи̃ предложити, что в' древни^х лѣтописца^х россїйскихъ не ѡбрѣтеся, в' которое лѣто ї при которы^х самодержцѣхъ россїйскихъ и чьимъ повелѣнїемъ градъ сей созданъ бысть и чегѡ ради не извѣстно есть; ѡбаче лѣтописатели россїйскихъ исторїй свидѣте^лствую̃, что когда правленїе великїя россїйскїя імперїи в' разныхъ княженїяхъ состояло і кїи^ждо ѹдѣ^лный князь в' своемъ княженїи нача^лствоваше, тогда великое несогласїе и междоѹсобїе в' ни^х бысть, ибѡ и самое нача^лст[в]енное тогда Киевское княженїе чре^з междоусобныя брани изнеможе и в' ра^зоренїе прїиде ко^ими паче ме^ншїя княженїя и грады ра^зоряемы бяхѹ не точїю междоусобїемъ, но и ѿ ѡкрестны^х народо^в коликая бѣд'ствїя претерпѣша; ѡ семъ исторїи пространно свидѣте^лствѹютъ ѹбѡ. И сей градъ тако^жде ѿ нападенїя окрестны^х народовъ в'нѹтрь Россїи созданъ бысть». За симъ въ спискѣ, напечатанномъ Титовымъ, слѣдуетъ «Показаніе великоустюжской древности съ примѣчаніемъ лѣтъ и временъ, въ которое что чинилось». Вмѣсто этого обширнаго введенія въ нашемъ спискѣ находимъ иное, значительно короче и проще изложенное: «А понеже намеренїе положихъ в'кратцѣ історїю града Ѹстюга Великагѡ из' разныхъ лѣтописцо^в Ѹстю^жскихъ собрати убо, о имени егѡ начинаю сицѣ. Имя града сегѡ прежде нарицаемо бысть такѡ Ѹстьюгъ, якѡ не на се̃ мѣстѣ стоящъ бяше, но на ѹстїи Юга рѣки стоящїй, и мѣсто оное именѹется Глѣдѣнъ, понеже по градомъ ѡнымъ со ѡбоихъ стра^н в двѣ великїя рѣки Югъ и Сѹхона во едино мѣсто снидошася и ѿ устья Юга градъ той Ѹстюгъ нарицашеся, а из' оны^х течетъ великая рѣка

Двина в самое Бѣлое морѣ ѡкиян; с тогѡ ꙋбѡ мѣста Гледѣна из града Ꙋстюга жителемъ смотрети на вся страны веселоѡбразно бяше; того ради и мѣсто оное Гледѣнъ именовася; тако бысть первый градъ Ꙋстюгъ на Гледѣнѣ, гдѣ нынѣ манастырь живоначалныя Трцы стоитъ. Егда же ѿ ѡкрестны народовъ нападенія и ѡзлобленія на гра тои умножишася, тогда граждане по малꙋ преселишася на другꙋю странꙋ рѣки Сꙋхоны на мѣсто нарицаемое Черной Прилꙋкъ и премениша имя граду, нарекше в мѣсто Ꙋстьюга Ꙋстюгъ Великій. А понеже воспомянушася здѣ ѡкрестніи народи ꙋбѡ, не имѣя далѣе свидѣтелства о нихъ начало лѣточисленія с исторіей положимъ». Вслѣдъ за этимъ введеніемъ идетъ самый лѣтописецъ, начинающійся такъ же, какъ и извѣстный въ печати изложеніемъ событій 1192 г.: «В лѣто ѿ созданія мира 6700, а ѿ ржтва Хртова 1192, во дни княженія в Россіи благовѣрнаго князя Георгія Всеволодича . . .». Ниже укажу нѣкоторыя сравненія текстовъ и отличія содержанія нашего списка, здѣсь же позволю себѣ представить послѣсловіе лѣтописца, отсутствующее въ лѣтописцахъ, извѣстныхъ А. Титову: «Прочее же да цвѣтетъ любезное отечество наше бгоспасаемый градъ Ꙋстюгъ Великій в славѣ своей по самодержавнѣйшимъ правителствомъ преславнѣйшагѡ россійскагѡ скипетра, сохраняе благодатію, щедротами и человѣколюбіемъ единосꙋщнагѡ тріѵпостаснаго бжества, запечатлѣніемъ же ходатайцы спасенія нашегѡ пречтыя Бцы приснодвы Мріи и стыхъ праведныхъ Прокопія Іоанна Ꙋстюжски чюдотворцовъ млтвами да пребꙋдемъ благополꙋчно до скончанія вѣка. Аминь». Подъ этимъ заключеніемъ киноварью приписано: «Finis coronat opus». Какъ самое послѣсловіе, такъ и послѣднія приписанныя къ нему слова, по видимому, могутъ свидѣтельствовать о томъ, что трудъ составителя лѣтописи казался ему вполнѣ законченнымъ. Лѣтописецъ Вологдина составленъ въ 1780 году, какъ видно изъ его подписи послѣ предисловія. Послѣднее событіе, занесенное въ нашъ списокъ, относится къ 1767 году, время же составленія лѣтописи, какъ видно по заглавію, 1770 годъ; что лѣтопись была и

закончена въ этомъ году можно заключить изъ того, что занесенныя въ рукопись замѣтки о событіяхъ 1772 года писаны на оставшемся свободнымъ листѣ другимъ почеркомъ. Такимъ образомъ лѣтописецъ (до 1767 г.) вмѣстѣ со спискомъ воеводъ представляетъ собою нѣчто полное и законченное, какъ и Вологдинскій лѣтописецъ 1780 года; едва ли, впрочемъ, слѣдуетъ думать, что это два самостоятельныхъ свода; сомнительность такого предположенія уже была видна изъ сходства предисловій; какъ укажетъ сравненіе текста, они находятся въ близкой связи и списокъ, извѣстный въ печати, есть, вѣроятно, передѣлка оригинала нашего списка.

Въ отношеніи содержанія лѣтописцы очень близки до половины XVI вѣка; печатный списокъ этой части значительно полнѣе рукописнаго только по количеству сообщаемыхъ событій; по подробностямъ изложенія онъ отличается очень мало, большею же частью почти дословно сходенъ съ текстомъ рукописи. Со второй половины XVI вѣка и изложеніе въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ иное. Общее отличіе обѣихъ частей лѣтописцевъ заключается въ языкѣ, въ рукописи болѣе старомъ или подлаживающемся подъ старину.

Добавленій въ первой части рукописи противъ печатнаго изданія очень немного: Подъ 1276 г. послѣ словъ—«....преставися Архангелскогѡ монастыря нача^л^никъ Кипріанъ монахъ в сꙋ^б^ботꙋ в^о^ 6^м^ часꙋ дне» прибавлено: «а егда Троицкои Гледенской монастырь созида^л^ся, тогда арханге^л^скіе нача^л^ники имъ помогали, хлѣбъ давали и людей посылали работати и лѣсъ на цр҃ковь рꙋбити і возити» (л. 6—7 = с. 12). Подъ 1285 г. помѣщено (л. 7): «Въ лѣто 6811, а ѿ ржтва Хр҃тва 1285 преставися ст҃ыи праведныи Прокопій Хр҃та рати юродивый Ꙋстю^ж^скій чюдотворецъ». Подъ 1299 г. (л. 10) послѣ словъ: «у гостей гд҃ревыхъ взяша ѡ҃кꙋпа» вставлено: «с головъ триста рублевъ, а с^о^ Двинянъ взяша двѣ тысячи рꙋблевъ....» (послѣднія слова имѣются и въ печатномъ). Подъ 1436 г. послѣ сл. «пріиде... по^д^ градъ Гледѣнъ» стоитъ: «стоялъ же по^д^ градомъ девять нидиль и до-

ждалъ Вя̆чанъ (л. 15=с. 28). Подъ 1445 г. послѣ сл. «исполняется» вставлено: «хо^деніемъ ѿ всѣхъ цр҃квей сщ҃еннослꙋжители неиз'мѣнно» (л. 16=с. 32). Подъ 1468 г. вставлено: «Въ лѣто 6976, а ѿ рж҃тва Хр҃ва 1468 прїидоша Татара Каза^стїи войною на Ꙋстю^ской ꙋѣздъ на верхъ Юга рѣки и городокъ Кичменской с' людми ѡгнемъ сожгоша» (л. 19). Подъ 1469 г. (л. 21 об.=с. 38) послѣ сл. «и Татаръ без'численно побили» прибавлено «а ихъ Россїанъ такъ же побито четыреста трицать чл҃вкъ; и великїй кня^ многихъ из' Казани выкꙋпилъ, а Устюжанамъ дважды...» и пр. Подъ 1489 г. послѣ словъ «на Москвѣ оныхъ великомꙋ князю пре҃ставити повелѣша, что ѡни исполняли»: «Того жъ года с'горѣ на Ꙋстюгѣ Великоⷨ ѿ скоморошьи избы посадъ и соборная цр҃ковь и другїя многїя погорѣша» (л. 26=с. 43). Подъ 1499 г. при перечетѣ состава войска царя Ивана Васильевича прибавлены жители Пинеги: «....с' Вычегды, с' Выми, с' Сысолы и с' Пинеги...» (л. 22).

Изъ отличій изложенія первой половины лѣтописи надо отмѣтить только одно: вмѣсто всей повѣсти о Кипріанѣ и основаніи имъ Введенскаго монастыря въ Устюгѣ (с. 7—8) въ рукописи только стоитъ (л. 4 об.): «Въ лѣто 6724, а ѿ рж҃тва Хр҃това 1212 создана на Ꙋ(с)тюгѣ обитель в'веденїя прест҃ыя Бц҃ы и ст҃го архангела Михаила за ѡстрожною осыпью монахоⷨ нача^никомъ Кюпрїаномъ». Иначе изложено и описаніе основанія города Лальска (въ Вологдинскомъ лѣтописцѣ это событіе находится во второй его части и отнесено къ царствованію Ивана Васильевича Грознаго, въ нашемъ же спискѣ—въ первой части и отнесено ко времени Ивана Васильевича Третьяго); въ рукописи читаемъ слѣд.: «Егда цр҃ь Іоаннъ Васи҃евичь с' воинствомъ своимъ бысть в' Новѣградѣ на измѣннико^, тогда нѣцыи ѿ гражданъ, совеща^шеся тайно, из'бѣжаша из' града и вселишася в' пꙋстѣ мѣстѣ на рѣцѣ Лалѣ, идѣже нынѣ жите^ствуютъ, и нарекоша оное мѣсто Ла^скїй посадъ»; такимъ образомъ не говорится опредѣленно (какъ въ Вологдинскомъ лѣтописцѣ), что основателями Лальска были Новгородцы.

Изъ поправокъ рукописи можно отмѣтить слѣд.: Подъ 1299 г. (л. 10 = с. 16) въ рукописи стоитъ: «воеводъ великаго князя Московскагѡ во Ѡрлецѣ бывши҃ прозванїемъ Заволоꙿкихъ Івана и Конана (въ печ.: Іоанна иконома)...» На л. 14 подъ тѣмъ же годомъ вм. печ. (с. 19) «растворныя слезы» въ рук. стоитъ «радостотворныя слезы», что, конечно, правильнѣе. Подъ 1446 г. (л. 16 об. = 33 с.) вм. сл. «зажгли городъ» и слѣд. стоитъ: «и зажгоша стѣнꙋ града, ѿ чегѡ два оградныя ꙋ нижни҃ вратъ бревна с'горѣша, но граꙿдане, огнь погасиꙿше, Татаꙿ ѿ града ѿгнаша»; такимъ образомъ исправлено непонятное выраженіе печатнаго текста «двѣ городовыя стѣны».

Представляю сравненія нѣкоторыхъ отрывковъ первой части лѣтописца:

I. По семъ в' лѣто ѿ созданїя мира 6748, а ѿ Рж҃тва Хр҃тва 1234 наста злочестивый Золотыя орды царь Батый, иже всю землю россійскꙋю ѡпꙋстошиꙿ, ѡгнє҃ и мечемъ раꙿзоряющи, та же и воеводъ и баскаковъ ради собиранїя дани по всемъ градомъ россійски҃ посадилъ. Тїи убѡ в' Россїи начаꙿствующе великое христїанѡ҃ насилїе и ѡзлобленїе творяхꙋ; по҃ ихꙿ властїю чреꙿ поꙿтораста лѣтъ князи россїистїи быша.

Тогда из' оны҃ князей татаꙿскихъ нѣкто именемъ Багꙋй бысть на Ꙋстюгѣ Велико҃ ꙋправителемъ и собирателемъ дани. Той у нѣкоего граꙿданина взя за ясакъ или дань дщерь дѣ-

Въ лѣто отъ Рожества Христова 1240. Наста Золотыя орды злочестивый царь Батый, который всю Россійскую землю опустошилъ, огнемъ и мечемъ раззоряющи, и посадилъ по всѣмъ градамъ россійскимъ своихъ воеводъ и баскаковъ ради собранія дани. Они же, въ Россіи начальствующе, великое христіаномъ творили насиліе и озлобленіе, подъ которыхъ властію чрезъ 226-ть лѣтъ несносную дань россіяне ему платили [.... вставка]. Въ то время изъ оныхъ князей татарскихъ былъ на Устюгѣ Великомъ управителемъ и собирателемъ дани, именемъ Багуй. Той Багуй у нѣкотораго граж-

вицȣ, імененемъ Марїю, в' наложницȣ себѣ.

Тогда прїиде повелѣнїе ѿ великаго князя россїйскаго Алеѯандра Ярославича Невскагѡ по всѣмъ градомъ россїйски͠, чтобы побити всѣх мȣрзъ татаᵖскихъ поборшико, баскако и ясашнико.

И егда сїе повелѣнїе повсюдȣ совершашеся, ȣслыша ѡная дѣвица Марїа, что и Багуя ищȣтъ на ȣбиенїе, сказа емȣ; онъ же иде к' градоначаᴸникомъ и моляше ихъ, да крестятъ егѡ в' христїанскȣю вѣрȣ, а да не убиваютъ егѡ.

Еже по желанїю своемȣ и получи, крещенъ бо бысть и наречено имя емȣ во с͠томъ крещенїи Иоаннъ; та же и вѣнчася со ѡною Марїею по законȣ христїанскому в' лѣто 6775, а ѿ Р͠жтва Х͠ртова 1253.

По семъ той новопросвещенный Іоаннъ в' нѣкое время

данина взялъ за ясакъ (дань) дщерь дѣвицу, именемъ Марію, въ наложницу себѣ, съ которою и жилъ немалое время, яко съ женою. По семъ пріиде повелѣніе отъ великаго князя россійскаго Александра Ярославича Невскаго (который былъ по степени II, а на княженіи въ Россіи 26), чтобъ по всѣмъ градомъ россійскимъ побити всѣхъ татарскихъ мурзъ, поборщиковъ, баскаковъ и ясашниковъ; но сіе было уже по убіеніи Батыевѣ отъ угорскаго короля Владислава, при сынѣ его Сартакѣ. И какъ сіе повелѣніе повсюду начало исполнятися, то услышавши дѣвица Марія, яко и Багуя ищутъ на убіеніе, сказа ему. Онъ же иде ко градоначальникомъ и моляше ихъ, да пріимутъ его въ христіанскую вѣру и крещенія святаго да сподобятъ, а не убиваютъ. И получи по желанію: крещенъ бо бысть и наречено имя ему во святомъ крещеніи Іоаннъ; та же и вѣнчася со оною Маріею по закону христіанскому въ лѣто отъ Рождества Христова 1253.

По семъ той новокрещенный Іоаннъ нѣкогда, всѣдши на коня,

в'сѣде на конь свой і изыде в'нѣ града прохлажденія ради и ловитвы птицъ с' соколо̑ᵐ своимъ. Зною же сꙋщꙋ великꙋ, восхотѣ ѿдохнути, с'шедъ убѡ с' коня своегѡ ради упокоенія, привяза же и сокола к' лꙋкѣ седѣ'ной; и возляже на травѣ преждепомянутыя горы Сокольи и успе крѣпко. Явися же емꙋ во снѣ ст҃ый Іоаннъ Пр҃етеча и рече: ѡ новопросвещенный Іоанне, постави здѣ цр҃ковь во имя Іоанна Пр҃етечи. Онъ же, воста' ѻ сна своегѡ, вниде во градъ и повѣда видѣнїе градонача'нико̑ᵐ; и по совѣтꙋ ихъ созда на ѡномъ мѣстѣ цр҃ко' во имя ст҃агѡ Іоанна Пр҃етечи.

Мѣсто оное и донынѣ нарицается Соколья гора, на нейже послѣди и манастырь ꙋстроенъ бысть (лл. 4—6).

II. Въ лѣто 6946, а ѿ Ржтва Хр҃тва на Троицынъ день прїидоша Вятчане войною на Ꙋстюгъ Великій и градъ Гледѣнъ сожгоша и пꙋстъ ꙋчиниша, людїе же вси въ лѣсы разбѣгошася (л. 15).

поѣхалъ за градъ прохлажденія ради и ловитвы птицъ съ соколомъ своимъ. Зною же тогда бывшу велику, восхотѣ приуспокоитися; сшедъ убо съ коня своего ради упокоенія, привяза же и сокола къ сѣдлу и возляже на травѣ, заснувъ весьма крѣпко.

Спящу же ему, явися во снѣ святый Іоаннъ Предтеча и рече: о новопросвѣщенный Іоанне, постави на семъ мѣстѣ церковь во имя Іоанна Предтечи. Онъ же, возставши отъ сна своего, вниде во градъ и повѣда видѣніе градоначальникомъ; и по совѣту ихъ, по благословенію же ростовскаго митрополита создана бысть на томъ мѣстѣ церковь во имя святаго Іоанна Предтечи. Мѣсто же оное отъ того времени и донынѣ нарицается Соколья гора; послѣди же на томъ мѣстѣ и монастырь устроенъ бысть (с. 9—11).

Въ лѣто отъ Рожества Христова 1438, на Троицынъ день пришедше Вятчана на градъ Устюгъ Великій войною, но токмо древній градъ, зовомый Гледенъ, сожгли и опустошили, а граждане, разбѣжавшись по лѣсамъ и удобнымъ мѣстамъ,

скрылись, черезъ что отъ смерти свободились (стр. 28).

III. Въ лѣто 7025, а ѿ Ржтва Хртва 1517, ноября 24 дне на Ȣстюгѣ Великомъ бысть вода в' рѣкѣ Сȣхонѣ, какъ в' веснѣ велика, і стояла двѣ недѣли неподвижно.....

Въ лѣто отъ Рожества Христова 1517 ноября съ 24-го числа на Устюгѣ Великомъ въ рѣкѣ Сухонѣ вода была очень велика, подобна весенней, и стояла двѣ недѣли въ одной мѣрѣ.....

Того же лѣта маія в' 20 день на Ȣстюгѣ Великомъ в' Архангеˀскоⷨ мнтрѣ послѣ стыя литоргіи идяше мѵро ō образа Воскресенія Хртова и ō Снятія Хртва со крта и ō Положенія во гробъ и ō Вознесенія Хртва и ō Бгговѣщенія престыя Бцы, ō Ржтва Хртва и ō В'веденія престыя Бцы и ō Веденія Хртва на страсть, ō всѣхъ сихъ течаше мѵро; архімандритъ же и граˣдане, со всѣмъ соборомъ молебная совершающе, чюдяхȣся млти великагѡ Бга (л. 27—28).

Того же года маія въ 20-й день въ Устюгѣ Великомъ въ Архангельскомъ монастырѣ послѣ святыя литургіи текло мѵро отъ образа Воскресенія Христова, отъ Снятія со креста, отъ Положенія во гробъ, отъ Вознесенія Христова, отъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, отъ Рождества Христова, отъ Веденія Христова на страсть, отъ всѣхъ текло мѵро. Тое видѣвше, архимандритъ и граждане молебственно со всѣмъ соборомъ совершили благодареніе, чюдящеся милости великаго Бога (стр. 45—46.)

Изъ приведенныхъ трехъ отрывковъ достаточно наглядно выясняются различія и сходство двухъ лѣтописцевъ въ ихъ первыхъ частяхъ. И выше указанныя особенности, и эти выписки говорятъ за то, что рукописная лѣтопись является какъ бы черновой работой составителя того лѣтописца, который извѣстенъ въ печати.

Относительно второй части такого опредѣленнаго отвѣта, ка-

жется, дать нельзя, такъ какъ извѣстія лѣтописцевъ представляются въ довольно различныхъ редакціяхъ, за немногими исключеніями. Послѣднее сходно изложенное въ обоихъ лѣтописцахъ извѣстіе относится къ 1529 году. Первое извѣстіе, являющееся въ совсѣмъ несходной редакціи въ лѣтописцахъ, въ печатномъ относится къ 1570 г.; оно касается основанія города Лальска и приведено уже выше по рукописи; въ послѣдней оно отнесено къ княженію Ивана III-го; въ печатномъ текстѣ разсказъ гораздо подробнѣе, но почти всѣ фразы рукописи въ нѣкоторой передѣлкѣ вошли и въ него. Послѣ 1529 года въ рукописи повѣствованіе переходитъ къ изложенію тѣхъ событій, которыя въ Вологдинскомъ лѣтописцѣ помѣщены подъ 1598 годомъ. Въ рукописи читаемъ:

По семъ многимъ лѣтамъ прешéшимъ, в няже ꙋкрощенны быша окрестнїи народи силною самодержцевъ россїйски^х^ рꙋкою и властїю, егда в' лѣто 7099, а ѿ рж҃тва Хр҃ва 1583, в' неже ꙋбиенъ бысть благовѣрный гд҃рь царевичь Димитрїй Іоанновичь на Ꙋгличѣ наꙋченїемъ Бориса Годꙋнова, тогда назвавшїйся именемъ егѡ чернецъ Гришка Отрепьевъ ростриrа, женившися в' Полше, приведе с' собою в' Россїю множество Поляковъ и Литвы, иже ра^с^селишася по всей Россїи и многая злодѣйства творяхꙋ (л. 28 об. — 29 = с. 50). Далѣе довольно сходно до л. 29 об. (= с. 51); отсюда изложеніе рукописи отступаетъ отъ печатнаго текста; въ рукописи читаемъ: Догна^в^ше ꙋбѡ Поляки бл^и^ града до рѣки Стриги, якѡ два поприща, внезапꙋ сташа кони ихъ недвижимы, аще и лютѣ биени быша, но не поидоша ко граду возбраняеми Бж҃їею силою; Поляки ꙋбѡ і Литва видяхꙋ себе ко граду недопущаемыхъ, преидоша рѣку Двинꙋ и с' дрꙋгія стороны паки на гра҃ ꙋстремишася, но и тамо ничто же успѣша зашищенїемъ прс҃тыя Бц҃ы и молитвами ст҃ыхъ чюдотворцо^в^ Прокопїя і Иоанна и споспѣшника ихъ преподобнаго Варлаама Хꙋтынскаго чюдотворца, иже якѡ наставникъ і ꙋчитель ко спасенїю ст҃агѡ Прокопїя и спомошникъ на злочестивы^х^ сꙋпостатовъ бысть. Ꙋстюжане же ѿпꙋстиша на ни^х^ множество людей своихъ ко^н^ныхъ и пѣшихъ

с' воеводою Гавріиломъ Григорьевичё Пꙋшкиным, а кня' Михайло Алеѯандровичь Нагово во градѣ ѡстася. Граждане же поимаша пана По'скагѡ, иже хотяше зажещи монастырь живонача'ныя Трцы, егоже князь испытавъ, ѿсече емꙋ главꙋ; еже видяще, Поляки бѣжаша ѿ града на рѣкꙋ Югъ, ихъ же гнаша гра'дане до Кичме'скагѡ городка непроходимыми лѣсами; тако'де собравшеся и поселяне побиша ихъ болѣе двою стꙋ, а иныхъ поимаша, плѣ'-ныхъ же, ими в' различныхъ мѣстѣхъ людей ꙋѣздны' до тре' сотъ ѿяша, а ѡста'шихся Поляковъ и Литвꙋ ѿтꙋдꙋ даже до Галически' предѣловъ далѣе трехъ сотъ прогнаша. По семъ в'скорѣ бысть явленіе стыхъ чюдотворцовъ Прокопія і Иоанна крестьянинꙋ Григорію Климентовꙋ, идꙋщемꙋ из' Ꙋстюга к' Всесвятскомꙋ погостꙋ, иже на пꙋти ра'слабѣ и уснꙋ, и услыша гла' к' немꙋ глаголющъ: иди в' Устюгъ, и повѣждь болярinꙋ і гражданѡ, яко даде Бгъ побѣдꙋ на Поляковъ и Литвꙋ и во'благодарили бы Бга и Бцꙋ, а не собою бы хвалилися; мы же глаголющіи тебѣ есмы Прокопій і Иоаннъ, иже юродствовахомъ Хрта ради во градѣ Ꙋстюзѣ, и преподобный Варлаамъ пріиде из' Новаграда с Хꙋтыни посо'ствовати намъ. И воспрянꙋ той ѿ сна, возвѣсти во градѣ. Людіе же слыша'ше благодариша Бга и пречтꙋю Бцꙋ, и стыхъ чюдотворцо' Прокопія і Иоанна и преподобнагѡ оца Варлаама; воспомянꙋша же и ѡбѣщаніе свое ѡ строеніи црkви преподобномꙋ, и в'скорѣ содѣлаша црковь древяннꙋю в' градцкой ѡсыпѣ и двѣ слꙋжбы, еднꙋ Бгоматери Казанской а другꙋю преподобномꙋ Варлаамꙋ, написаша ѡбразъ егѡ на пятнишной дскѣ, и ѡсвтиша црковь апрѣля 17 дня в' лѣто 7121, а ѿ рѫтва Хртова 1605, в' первое лѣто здравствованія гдря цря и великагѡ князя Михайла Ѳеѡдоровича при преосщенномъ митрополитѣ Росто'скомъ Кирилле.

Въ лѣто 7127, а ѿ рѫтва Хртова 1619 при гдрѣ црѣ Михайле Ѳеѡдоровиче и при патріархѣ Ѳиларетѣ Московскомъ....

Далѣе изложеніе рукописи довольно сходно съ напечатаннымъ. Событія 1531, 1634, 1636, 1639, 1653, 1654 и

1677 годовъ изложены также довольно близко къ печатному. Начиная съ 1679 г. и до конца рукописи, извѣстія ея уже значительно отличаются отъ печатнаго текста (л. 34). Представляю здѣсь весь несходный съ печатнымъ отрывокъ.

Въ лѣто 7187, а ѿ Ржтва Хртова 1679, сентября в' 30 день в' 2-ой часъ нощи на Ѹстюгѣ в' улицѣ Афанаевской ѿ загорѣнія бани бли' таможни погорѣша цркви мѹченицы Ва'вары древян'ыя теплая и на ней холодная, у Николая чюдотворца на брегу, двѣ'' цркви, ѹ Ржтва Бцы, тако'де двѣ церкви ѹ Спаса в' Преображенско дѣвичь манастырѣ с' ке'ями, а дворовъ всѣхъ с'горѣло 676, канцелярія, гостинъ дворъ, таможня, ряды всѣ, многія улицы, а на соборной цркви главы о'горѣли, и деревни Гурцово и Деревенка.

Въ лѣто 7190, а ѿ Ржтва Хртова 1682, при гдрѣ црѣ Ѳеωдорѣ Алеѯѣевичѣ начася епархія в' Устюгѣ Великомъ, и первый поставленъ Геласій архіепископъ из' а'химандритовъ Новаграда Дѹхова монастыря, родомъ из' Сѹздаля, а'хіепископъствовалъ 2 лѣта и 6 мцъ и 25 дней, преставися 7193 году октября 4 дня.

Въ лѣто 7193, а ѿ Ржтва Хртва 1683, построена црковь камен'ая у Николая чюдотворца на брегѹ.

Въ лѣто 7195, а ѿ Ржтва Хртва 1687, посщенъ на Устюгъ второй архіепкпъ Алеѯандръ, родомъ из' Ѹглѣча, архіепископствовалъ 14 лѣтъ и 5 мцъ, преставися в' 7207' годѹ юля 19 дня.

Въ лѣто 7196, а ѿ Ржтва Хртова 1688, апрѣля 26 дня с'дѣлана црко' деревян'ая теплая на Соко'е горѣ, а взята она у Иоанна чюдотворца, и преименована ѿтолѣ Красная гора, и ωсщена того же года юня 15 дне.

Въ лѣто 7207, а ѿ Ржтва Хртова 1699, сентября 13 дне бысть пожаръ на Устюгѣ Воздвиженскій, и погорѣша тогда цркви Рожественская, Нико'ская, Ва'варинская, Вознесе'ская, Бгословская, в' городище Спаская, и Ва'лаамовская, и дворовъ множество.

Вᵃ лѣто 7213, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1705, бысть пожаᵖ Георгїевской; сгорѣша улицы Гꙋлыня, Поперешная, Вознесенская площадь и Надозерье.

Вᵃ лѣто 7208, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1700ᵐ годꙋ, посщ҃енъ вʼ Москвѣ аᵖхїепк҃пъ Іосифъ изʼ Владимира родомъ; преставися 1720 генваря 4 дня, погребенъ вʼ Архангеˡско҃ манастыре у холодной цр҃кви вʼ паперти на правой странѣ у преднягѡ окна.

Вᵃ лѣто 7223, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1715, іюня 24 дня бысть пожаᵖ вʼ Устюгѣ, и погорѣло ѿ домꙋ архїерейскогѡ до Пятницы всѣ цр҃кви и дворы, а народꙋ во градѣ сʼгорѣло болѣе 300 чл҃вкъ, и оный пожаръ называется Івановскїй.

Вᵃ лѣто 7227, а ѿ Рож҃тва Хр҃това 1719, генваря 25 посщ҃енъ на Ꙋстюгъ еп҃кпъ Боголѣпъ вʼ Саⁿктъ-питеᵖбурхѣ родомъ нижегородецъ, а преставися 1726 годꙋ генваря 13 дня, аᵖхїерействовалъ 6 лѣтъ 11 мц҃ей и 13 дней.

Вᵃ лѣто 7231, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1723, маїя вʼ 1 день бысть на Ꙋстюгѣ вода зѣло велика, многїе улицы потопила и вʼ камеⁿной багодѣлнѣ по ѡкнамъ вода 36 часоᵛ стояла, и сꙋды кꙋпеческїя улицами носило, и граⁿданомъ многѡ убыткꙋ ѿ той произошло.

Вᵃ лѣто 7235, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1726ᵐ годꙋ, переведенъ изʼ Астрахани еп҃пъ Лаврентїй Горка на Ꙋстюгъ, а ѿтꙋдꙋ вʼ 730ᵐ годꙋ переведенъ на Рязань.

Вᵃ лѣто 7239, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1731, декабря вʼ 9 день посщ҃енъ еп҃кпъ Сергїй изʼ Высокопетровскагѡ манастыря аᵖхимандр҃и, архїерействовалъ 4 лѣта и 5 мц҃ъ. Сей построилъ на брегу каменныя полаты, преставися 735 годꙋ, октября на 6 число.

Вᵃ лѣто 7245, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1737, сентября 18 дне посщ҃енъ на Устюгъ еп҃кпъ Лꙋка Конашевичь изʼ Москоˡскагѡ Симонова мн҃тря и тогоᵐ года переведенъ вʼ Казанскую епархїю.

Вᵃ лѣто 7246, а ѿ Рж҃тва Хр҃това 1738, переденъ изʼ Казани на Устюгъ архїеп҃кпъ Гаврїилъ, ѿкꙋдꙋ сошелъ на ѡбѣщанїе вʼ городъ Донковъ Рязанскїя епархїи вʼ 1748ᵐ годꙋ маᵖта

20 дне. Сей а^р хіепископъ построилъ каменнꙋю теплꙋю цр҇ковь при соборѣ, и каме^н ныя переходы, и колоколъ в' 300 пꙋдъ в' соборъ, і инныя по погоста҇ созида^х цр҇кви каменныя.

Въ лѣто 7249, а ѿ Рж҇тва Хр҇това 1747, ноября в' послѣдни^х числа^х в' стояніе льдꙋ на рѣкѣ стала ѻ҇тепель и си^н ной дождь, ѻ҇ чегѡ вода велика прибыла, что лѣсъ и дрова по҇ берегомъ едва не все разнесло.

Въ лѣто 7250, а ѻ҇ Рж҇тва Хр҇това 1749, весною была вода толь велика, что в' цр҇ковь Іоанна чюдотворца заливалася и до Прокопьевскаго рꙋндꙋка доходила и стояла с' по^л часа.

Въ лѣто 7253, а ѿ Рж҇тва Хр҇това 1745, сентября 11 дне. загорѣлося на Ꙋстюгѣ в' мелочно҇ рядꙋ, ѿ чегѡ всѣ ряды и анбары и по Вознесенской площади и в' другихъ улица^х домы и кꙋзницы, и кровли цр҇ковныя с' главами погорѣли, ꙋ Вознесенской церкви, тако^ж де и у новопостроен^н ой Бг҇ословской цр҇кви верхи погорѣли, и в' придѣлѣ сво^д провали^л ся, и в' багадѣленной цр҇кви тако^ж де и в' богадѣлни все выгорѣло.

Въ лѣто 7256, а ѿ Рж҇ства Хр҇това 1748, переведенъ с' Вятки Ва^р лаамъ еп҇кпъ Ска҇нйцкіи. При немъ вылитъ колоколъ в' тысячю пудо^в и пр҇очіе в' 754^м годꙋ, а в' 1755 годꙋ, состроена и ѡс҇щена цр҇ковь в' Бг҇ородскомъ; егѡ^же раденіемъ росписана красками в' нꙋтрѣ и во^н ная сторона и крыта желѣзомъ цр҇ко^в и колоко^л ня.

Въ лѣто 7265, а ѿ Рж҇тва Хр҇това 1757, маія 29 дне в' Троицы^н день бысть пожа^р в' улицѣ Пꙋшкарихѣ, ѿ котрарагѡ Петропавловская церковь и Сѵмеоновская о^б горѣли, и гра^ж дански^х домовъ многѡ с'горѣло до Пятницкаго поля.

Въ лѣто 7269, а ѿ Ржтва Хр҇това 1760 года, мц҇а ма^р та 20 дне в' нощи преставися Ва^р лаамъ еп҇кпъ, и погребенъ в' Успенско҇ соборѣ на лѣвой странѣ у сѣверны^х вратъ, а^р хіерействовалъ 13 лѣтъ и 8 мѣсяцей и 5 дней.

Того жъ года мца апреля 18 дне ледъ пошелъ на рѣкѣ и сталъ запоромъ, ѿ чегѡ в' городѣ здѣлалось великое потопленіе, и ровъ у кузницъ глꙋбоко вырыло, и кꙋзницы и дворы в'

ровѣ стерло и снесло, мосты сломало, а на Бꙋтыркахъ многѡ дворовъ топило, а иные снеслѡ[1]); такъже и на Дымковѣ многѡ дворовъ повредило, и бани всѣ снесло, могилы вымыло и гробы с' мертвецами по полямъ разнесло, ѡбрꙋбы по ѡбоимъ сторонамъ рѣки испортило и изломалѡ; и вода доходила к' цркви Прокопія чюдотворца на рꙋндꙋкъ до самой вер[х]ней степени, и стояла запоромъ шесть дней и нощей, сꙋдовъ много поломало и разнеслѡ[2]) мимо Краснꙋю горꙋ.

Вълѣто 7271, а ѿ Ржтва Хртова 1762, посщенъ на Ꙋстюгъ Великій епкпъ Ѳеѡдосій из' архімандритов Псковской епархіи, жилъ на епархіи 4 лѣта и 5 мцей и переведенъ в' Танбовскую епархію декабря 31 дня 1766 года.

Въ 1767м годꙋ, генваря 1 дня переведенъ из' Танбовской епархіи преѡсщенный Пахомій епкпъ в' Устюгъ Великій, которой и прибылъ во грā марта 17 дня; и с'ѣхалъ на ѡбѣщаніе в' Новоспаской Московской манастырь; жилъ в' епархіи марта с' 17 числа до 9 августа.

Того же года мца ѡктября 23 дня пріѣхалъ в' Устюгъ Великій Іоаннъ епкпъ из' викаріевъ Великоновогородской епархіи из' Ѡлонца.

Далѣе инымъ почеркомъ:

Въ лѣто 1772м годѣ, мца апрѣля 9 числа на страстной нли в' понедѣлникъ в втором часу по полудни бысть пожар ѿ варенія пива в' Стрѣлѣтских улицах; и выгорѣли всѣ тѣ улицы и ѡколо Георгіевской црквѝ всѣ улицы с'горѣли и у Егорія великомꙋченика обгорѣли обѣ црквѝ, болшая слобода с'горѣла, и кузницы' у мосту и Бꙋтырки всѣ такъ же с'горѣли.

Тогож года мца маиа 14 числа в' 11 часꙋ по полудни бысть пожар велій во Устюгѣ ѿ загорѣнія во Афанасевской улицѣ; і погорѣша многія црквѝ Успенскіи соборъ, обоих чюдотворцевъ Прокопія і Иоанна црквѝ обгорѣли, домъ архіерейской вес обго-

1) Въ подл. снеснѡ.

2) Въ подл. разнеснѡ.

рѣлъ, и присенная Рожественская цр҃ко^в вся о^бгорѣла, и на берегу Р҃жественская и Нико^лская ^{вся}, Ва^рварскія обѣ, Бг҃ословская ^{вся}, и Вознесенская, всѣ оныя цр҃кви о^бгорѣли и с колоко^лнями; сꙋдебныя мѣста всѣ сгорѣли, ка^нцелярія, консисторія, магистратъ, и тамо^жня о^бгорѣла, и ряды всѣ с'горѣли с' а^мбарами; улицы всѣ с'горѣли ѿ рынкꙋ до соборꙋ, и дворо^в премножество с'горѣло; во всё подобѣнъ пре^жде бывшему пожарꙋ, которой былъ 1679^м годꙋ.

Вслѣдъ за этимъ въ рукописи, какъ сказано выше, помѣщены свѣдѣнія о устюжскихъ воеводахъ, въ печатномъ текстѣ Вологдинскаго лѣтописца отсутствующія:

Вѣденіе съ 6346 [т. е. 6946] годꙋ, кто былъ на Устюгѣ и послѣ когѡ воеводою.

Егда бысть ѡбложенъ градъ ѡкрестъ манастыря Покровскогѡ, тогда воевѡствовалъ князь Димитріевичь [въ сп. Фриза[1]) Дмитрій Петровичь] Л'вовъ.

По немъ бысть намѣстн҃и Ма҃ѯи Өеодѡровичь Стрешне^в.

По немъ бысть воевода Стефанъ Лꙋкїановичь Хрущ҃ѡ.

По немъ бысть кня^з Матөей Васи^левичь Прозоровской.

По немъ бысть Михайло Івановичь Спешневъ.

По немъ бысть Михайло Андреевичь Желаборской [у Фриза— Желиборскій, а передъ нимъ упомянутъ еще М. Р. Щенятевъ].

По немъ бысть Стефанъ Гавриловичь Пꙋшкинъ.

По немъ бысть Михайло Өедоровичь Яровкинъ [у Фриза— Еропкинъ].

По немъ Андрей Васи^левичь Волынской.

По немъ бысть Михайло Васи^левичь Милосла^вской.

По немъ бысть кня^з Еvфїмїй Өедоровичь Мышецкой.

По немъ бысть Өеѡдо^р Івановичь Ловчаковъ [у Фриза — Ловчиновъ] 6163 году.

По немъ бысть кня^з Никита Димитріевичь Горчано^в.

По немъ бысть Никита Васи^левичь Кафтыревъ.

---

1) А. Титовъ «Лѣтопись Великоустюжская», с. 139 — 140.

По немъ бысть Петръ Стефановичь Потоцкой.

По немъ бысть кня[з] Гавріилъ Матѳеевичь Мышецкой.

По немъ бысть Ѩковъ Андреевичь Змеевъ.

По немъ бысть Петръ Тимофеевичь Измайловъ.

По немъ бысть дȣмной бояринъ Іоаннъ Іоанновичъ Ржевской.

По немъ бысть Матѳїй Филиповичь Нарышкинъ 6183 году.

По немъ бысть писецъ Алеѯїй (у Фр. Амвросій) Івановичь Лодыже[н]ской. На Устюгѣ и Ȣмре 6184.

По немъ бысть воевода Алеѯїй Па[в]ловичь Яровкинъ (у Фриза Еропкинъ). 6184.

По немъ бысть Стефанъ Івановичь Са[л]тыковъ. 6187.

По немъ бысть присланъ писецъ на Лодыженскогѡ мѣсто сто[л]никъ Никифоръ Георгїевичь Ефимьевъ (у Фриза нѣтъ). 6188.

По немъ бысть воевода Іевъ Іоанновичь Поярко[в]. 6189.

По немъ бысть генера[л] пору[т]шикъ Аѳанасїй Ѳеѡдоровичь Троурниктъ (у Фр. Мих. Ѳед. Траунихтъ). 6190 году.

По немъ бысть Іѡаннъ Романовичь Селивано[в]. Преставися на Устюгѣ 6191 году.

По немъ бысть Тимоѳей Ивановичь Ржевской. 6195.

По немъ бысть Григореи Іоанновичь (у Фр. Юрій Романовичъ) Селивановъ. 6197.

По немъ бысть Андрей Петровичь Измайловъ. 6199.

По немъ бысть Петръ Андреевичь То[л]стой. 6201.

По немъ бысть Димитрїй Іоанновичь Лихаревъ. 6201.

По немъ бысть Іоаннъ Васи[л]евичь Кикинъ (у Фр. Кининъ). 6205.

Во всѣхъ годовыхъ датахъ въ цифрахъ тысячъ вмѣсто 6 слѣдуетъ читать 7; такимъ образомъ списокъ доведенъ до 1697 года.

Въ тѣхъ же рукахъ, какъ и только что описанный лѣтописецъ, видѣлъ я и извѣстный лѣтописецъ Вологдина; рукопись въ четвертку, на 65 листахъ; бумага съ водянымъ знакомъ 1783 года. На 1-мъ л. заглавіе «Лѣтописецъ о великомъ граде

Устюгѣ, собраⁿный і написанⁱныи в вечное воспоминание впредь будѹщимъ родо̃ із разныхъ рукописныхъ харатеиныхъ книгъ и достоверныˣ повествователеи в тыя лѣта и времена житие свое продолжающихъ и о̃ прѣемникоᵛ ихъ послѣди бывшихъ и нынѣ настоящихъ самовидцовъ». Весь текстъ до 1761 г. почти дословно сходенъ съ текстомъ лѣтописца свящ. Вологдина, напечатаннымъ въ «Лѣтописи Великоустюжской». Отмѣчаю существованныя отличія. Противъ Вологдинскаго текста есть большая вставка подъ 1438 г. (л. 18—20), нач.: «а воеводою в то время былъ на Устюгѣ Великомъ князь Димитрій Петровичь Львовъ» и далѣе: «Описание строению гороᵈᵃ Устюга, каково отыскано в великоустюжскомъ провинцыалнõ магистрате» (въ изданіи А. Титова «Лѣтопись Великоустюжская» эта вставка напечатана по сп. принадлежащему издателю). Подъ 1468 г. (л. 23) помѣщено извѣстіе о приходѣ на Устюжскій уѣздъ казанскихъ татаръ (въ изданіи Титова заимствовано изъ Суворовскаго лѣтописца, с. 36). Подъ 1613 г. помѣщено извѣстіе объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича и о нѣкоторыхъ событіяхъ его царствованія (л. 36 — 37), не вошедшее въ печатный текстъ. При дальнѣйшемъ изложеніи есть вставки заглавій, напримѣръ «О начатіи великоустюжскія епархіи». Годы въ началѣ описаній событій ставятся двухъ лѣтосчисленій: «въ лѣто — а о̃ Рождества Хр̃това —». Событія, начиная съ конца 1761 года, изложены по большей части не сходно съ Вологдинскимъ лѣтописцемъ; послѣднее извѣстіе относится къ 1779 г. (л. 57, с. 107—108). Съ листа 58-го идутъ выдержки изъ общей русской исторіи XVIII в. Съ л. 63 об. снова частныя устюжскія извѣстія 1779 и 1780 гг.; нѣкоторыя изъ нихъ не вошли въ Вологдинскій лѣтописецъ; такъ не вошло сообщеніе о поѣздкѣ намѣстника Ярославскаго Мельгунова «коретою в верхоюжския волости» и о «произведеніи» имъ Лальскаго посада, Никольской слободы и Красноборскаго погоста въ города. Съ 1784 г. идутъ приписки, касающіяся мѣстной исторіи, почеркомъ несходнымъ съ почеркомъ остальной рукописи; приписки носятъ случайный ха-

рактеръ. Сравнительно съ печатнымъ текстомъ Вологдинскаго лѣтописца есть и пропуски, но незначительные.

Третья рукопись, принадлежащая тому же лицу, представляетъ собою тетрадку XVIII в. въ 8-ю долю листа на 18 лл. Крайніе листы по три съ начала и съ конца заключаютъ въ себѣ небрежно написанные отрывки изъ молитвъ. Вся внутренняя часть книжки занята слѣдующимъ отрывкомъ, нѣсколько разъ почти буквально повтореннымъ: «Здравствꙋи, нашъ король славныи и весма преизбранныи, милостивыи нашъ король, скоро убираися и с воинствомъ своимъ воорꙋжайся: некіи король приехалъ, уже бо и в г(р)адъ нашъ въѣхалъ. Аˣ, ахъ, что мнѣ грешнемꙋ творити, отъ страха не можетъ мои языкъ говорити; воины мои, министеры скоро идите, что тако не ожидаютъ и для чего такъ до смртнаго поединка не выезжаютъ? Видиш ты мя, ковалера честна, преизбрана и пред всеми сенаторами явна? Вижꙋ, вижꙋ, дрꙋгъ мои, всю твою силꙋ и премногꙋю храбрость, возложꙋ на васъ драгꙋю коронꙋ. Присперъ время о себѣ оᵇявить, нет ли с кѣмъ здесь на шпагахъ выходить? Ахъ, бестия, каналья, с кемъ, с тобою на шпагахъ выходить, в подобие тебя свинью обрить, да и то недосꙋжно опоразнивать свое гꙋзно, не твоимъ ноздрямъ тутъ, поди прочь, коли сїе дѣло не в мочь, не ты ли, дꙋракъ, хошъ Дородиею владѣть, лꙋчше, братъ, право, подꙋчися за пескою сидѣть. Ковалеръ Сꙋетаново имя. Елда еще прошꙋ подписать на моемъ гробѣ, что я сидѣлъ три года в острогѣ и тамъ храбро постꙋпалъ, с мерт(в)ыми петꙋхамъ воевалъ; какъ ударю мертваго петꙋха, и такъ выскочитъ из него и дребꙋха; а хотя какое стадо комаровъ, такъ я иˣ разгоняю, какъ сꙋщихъ воровъ. Аминь». На л. 3 об. на оставшемся бѣлымъ мѣстѣ приписано: «Стоитъ градъ на пяти столбахъ, в томъ градѣ море полощется, а царь кꙋплется (слѣд. читать: купается), а царица зритъ да плачетъ: море, ты море, погибель наша. Аминь».

Въ Борисоглѣбской церкви г. Сольвычегодска хранится ру-

кописный сборникъ, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ рукописей [1]). Первая рукопись не имѣетъ особаго значенія; вторая же — непосредственно касается названной церкви — бывшаго Борисо-Глѣбскаго монастыря и, кажется, въ другомъ спискѣ такого же состава неизвѣстна [2]). Сборникъ переплетенъ въ самое недавнее время въ дешевый папковый переплетъ чрезвычайно небрежно: многія нижнія строки, изрѣдка же и верхнія второй части рукописи срѣзаны, срѣзанъ также и счетъ листовъ всей рукописи и вкладная первой части. Сборникъ относится къ XVII в., въ четвертку, на 249 листахъ.

Часть 1-я.

л. 1. Мц҃а июлѧ въ и҃ днѧ житие и чюдеса ст҃го і прп҃днаго и бл҃женнаго прокопїа иже хр҃та ради оурѡдиваго оустюж҆скаго новаго чюдотворца (чудесъ отмѣчено 19).

л. 94 об. Похвала на памѧть ст҃аго праведнаго і бл҃женнаго прокопїа иже хр҃та ради юродиваго оустюж҆скаго новаго чюдотворца.

л. 100. Похвала ѡбщаѧ прп҃бномꙋ варлаамꙋ хꙋтынаскомꙋ новгородацкомꙋ и бл҃женномꙋ прокопїю оустюж҆скомꙋ о сотворшихсѧ предивныхъ и преславныхъ чюдесѣхъ оу соли вычегоцкїа ѿ чюдотворныѧ ихъ иконы в мт҃рѣ престыѧ бц҃а чт҃наго и славнаго еѧ ѡдигитрїа и ст҃ы҆ ст҃ртотерпе҆ бориса и глѣба и стыѧ великомч҃ницы екатерины і тамо поставиша црк҃ова во имѧ его.

л. 118 об. Слово похвално на памѧть ст҃аго прп҃бнаго і бл҃женнаго прокопїа иже хр҃та ради оуродиваго оустюскаго чюдотворца і ѡ составѣ житїа и чюдесъ его.

л. 121. Мц҃а маїа въ к҃ѳ҃ днѧ сказанїе ѡ житїи ст҃аго прп҃бнаго иѡанна иже хр҃та ради юродиваго оустюжаскаго чюдотворца.

л. 151. Мц҃а маїа въ к҃ѳ҃ дн҃ь слово похвално на памѧть

1) Въ прошломъ году за отсутствіемъ настоятеля церкви мнѣ не случилось видѣть этого сборника.

2) Ср. въ моемъ отчетѣ о поѣздкѣ 1901 г., стр. 66—72.

стаго блаженнаго и праведнаго иоанна иже хрта ради юродиваго оустюжскаго новаго чюдотворца.

Часть 2-я.

л. 162 (вклеенъ ошибкою не на своемъ мѣстѣ). Начало предисловию ликомъ и различных чюдесъ и преславных знаменіихъ бжіею благодатію сотворшихся во стыи митрѣ стыи мчнкъ бориса и глѣба, еже есть ограда блаженнаго чюдотворца прокопія. Нач.: В лѣто ,зн҃ѕ індикта з, а кругъ слнцу тогда бысть кз а луна з. Во црьство хртолюбиваго и бгомъ вѣнчаннаго цря и великаго князя іванна василіевича всея русии..... Отселе убо начало положи повѣсти, еже о стѣмъ блженнѣ монастырѣ.... Далѣе съ л. 163 об. слѣдуетъ: Изложеніе чудесъ безъ общаго заглавія отъ иконъ Божіей Матери Одигитріи, св. и пр. Прокопія, свв. Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго. О себѣ составитель говоритъ слѣдующее (л. 171): Сія написах азъ грѣшныи вашеи любви отчество, і нѣсмь сходникъ стымъ мѣстомъ ни іерлима видѣх, ни синаискиа горы, дабы нѣчто приложилъ к повѣсти сей, яко же обычаи имутъ словесницы красити, мнѣ же многогрѣшному не буди хвалитися о семъ стѣмъ и блженѣм монастырѣ в немъ бывших стыхъ отцъ, ихже бо азъ грѣшныи стыхъ тѣхъ отцъ млтвами отсюду начало положити повѣсти, слышахъ бо от тѣхъ жителеи самовидецъ блжены тѣхъ черноризецъ, еже сказаша ми грѣшному о стѣмъ семъ монастырѣ.... Представляю перечень статей второй части:

л. 163 об. Повѣсть бо чюда свидѣтелствоваше пре очима всѣхъ члкъ.

л. 166. Чюдо велико о той же стѣи иконѣ бгородичнѣи, еще бы, отцы и братія, слово приложу на похвалу стыя сея іконы пречтыя одигитріе.

л. 168 об. Повѣсть о написаніи чюдотворныя иконы стаго праведнаго прокопія.

л. 169. Еще простру бесѣду вашей любви о пожарѣ.

л. 172. Новѣишее чюдо преславно от иконы стаго і праведн-

наго х҃а ради оуродивā прокопїа оустюжьскаго чюдотворца ѡ ра͛слабленне͡м ч҃лцѣ, како проще͡н бысть.

л. 176 об. Похвала чюдотворнои иконѣ ст҃ы͡х чюдотворецъ прокопїа і варлаама.

л. 178. Ѡ ц͛ркви ст҃аго чюдотворца прокопїа.

л. 179 об. Чюдо похвално ѿ иконы ст҃аго чюдотворца прокопїа.

л. 181. То же заглавіе (Чюдо преславно....).

л. 183 об. Ино чюдо преславно ѿ иконы ст҃аго.... (такъ же) о женѣ болящеи ѡчима.

л. 184 об. Чюдо ѿ іконы ст҃а͡г чюдотворца прокопиа.

л. 185. Чюдо ѿ іконы ст҃аго чюдотворца прокопїа о женѣ и͛стȣпившеи оума.

л. 186. Чюдо ѿ іконы ст҃аго чюдотворца прокопїа о слѣпце.

л. 186 об. Чюдо ѿ іконы ст҃аго...(и пр.) о ра͛слабленнѣмъ ч҃лцѣ.

л. 187. Чюдо ѿ иконы... (и пр.) о бѣснȣющемся ч҃лцѣ.

л. 187 об. Чюдо ѿ іконы ст҃аго бл҃женнаго прокопїа о дїаконѣ боляще͡м очима.

л. 188 об. Чюдо ѡ иконы ст҃аго прокопїа о сл͡ѣпцѣ.

л. 189 об. Чюдо ѿ иконы... (и пр.) о женѣ ра͛слабленнѣи.

л. 190 об. Чюдо похвално ѿ иконы бл҃женнаго прокопїа ѡ женѣ болящей очима.

л. 191 об. Чюдо ѿ иконы блаженнаго прокопїа о ра͛слабленнѣмъ оуноши.

л. 193 об. Чюдо ѿ иконы ст҃а͡г бл҃женнаго прокопїа.

л. 194. Чюдо ѿ иконы бл҃женнаго х҃а ради оуродиваго чюдотворца прокопїа о ра͛слабленемъ оуноши.

л. 196 об. Чюдо ѿ иконы ст҃аго чюдотворца прокопїа о женѣ болящеи очима.

л. 197. Чюдо ѿ иконы ст҃аго праве͡днаго чюдотворца прокопїа о бѣснȣющимся ч҃лцѣ, како избави его ѿ дȣхъ нечистыхъ своимъ ѩвленїемъ.

л. 199. Мц҃а іюля въ и҃ дня на память празничнѹю ст҃аго праведнаго прокопіа оу соли вычегодскія сотворися чюдо преславно і знаменія многа ѿ чюдотворныя иконы всемл҃тиваго сп҃са и ст҃ы чюдотворецъ прокопіа и варлаама; мнози недѹжныя здравіе полѹчиша, различны недѹги пріходящія.

л. 204. Чюдо ѿ иконы бл҃женнаго и чюдотворца прокопіа ѡ женѣ бесноваяннѣи.

л. 205. Чюдеса і дѣянія и преславная явленія новосотворенная ст҃ыхъ велики новоявленны чюдотворцовъ блаженнаго прокопія і прп҃бнаго варлаама. списашася сия трѹдолюбе....... (строка обрѣзана). Начинающаяся этимъ заглавіемъ часть представляетъ собою самостоятельный сборникъ сказаній о чудесахъ отъ иконъ тѣхъ же святыхъ. Вслѣдъ за заглавіемъ идетъ интересное предисловіе составителя описанія, которое и приводимъ въ значительномъ сокращеніи: В лѣто ҂зри прі игѹмене дионисіе того монастыря преже началствѹющія ѡбители ст҃ыхъ ст҃рстотерпецъ рѹскихъ кн҃зеи бориса и глѣба.... древле оубо бывшая знаменія и преславная явлениа и различная чюдеса.... Описашася сия чюдеса люботрудно, о семъ потрѹдишася, бг҃олюбивіи, да не в забвеніе бѹдѹтъ многаго ради времяни и лѣта преславная чюдодѣиствія бж҃іа, иже сотвори бгъ ѿ иконы бг҃оѹгодны ѿцъ наши прокопіа и варлаама оугодники своими. Славная и дивная нн҃ѣ оубо видимъ толика содѣваемая великая чюдеса во времена и лѣта, но да небреженіемъ нашимъ и нерадѣніем во презрѣніе и в забытіи пріидѹтъ......, нн҃ѣ оубо время приятно, ап҃лъ рече, нн҃ѣ дн҃ь сп҃сенія, время же ключаемо есть, намъ есть настоящее и мѣсто безмолвное подающе, оупражненіе всякое еже ѿ внѣшни млтвами пре҃чтыя бц҃а...., да дастъ нам гь бгъ разѹмъ исповѣдати по чинѹ и написати право і извѣстно чюдеса и знаменія различная и преславная новоявленія и дѣянія, иже во времяна и лѣта сія сотвори бгъ ѿ иконы ст҃ыхъ чюдотворецъ прокопіа і варлаама..... Азъ же сія видѣхъ, еже содѣяся при нашеи хѹдости и недостоинствѣ, видѣніе бо вѣрнѣе слышанія, а иное слышахъ (строчка срѣзана)

издавна живꙋщіи тꙋ..... Азъ вѣда свое ѕлосовѣтїе, невѣданїе, ѿверзо скверная оуста, простроxъ многогрѣшнꙋю свою десницꙋ на сие великое дѣло, дерзнꙋхъ написати воспоминанїе преславныхъ чюдесъ во преидꙋщая роды. Но о семъ молю вы, любимая моя ѿцы и братїя, прощенїя прося, нѣ како и нѣ гдѣ положилася рѣчь зазорна или неоустроена или неоухищрена, нѣ в кое слово зазори пологая, нѣ кто на мя вознегодꙋетъ или вознепщꙋетъ. I о семъ молюся вамъ, бголюбцы, дадите ми простыню и млтвꙋйте ѡ мнѣ, азъ оубо есмь оумомъ глꙋпъ и словомъ невѣжа, хꙋдъ имѣю разꙋмъ и вредооуменъ смыслъ, не бывшꙋ ми во афинѣхъ, ѿ юности моея не навыкохъ горяздорѣчья.....

....Азъ же павелъ многогрѣшныи рабъ бжїи простолюдинъ млтїю вседержителя бга и пречтыя его бжия мтри і млтвами стыхъ великихъ чюдотворцовъ правенаго прокопїя и пр҇пбнаго варлаама написахъ сїя преславная чюдеса во славꙋ и честь га нашего іса ха. Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ въ текстѣ выдѣлены слѣдующія заглавія:

л. 208. Чюдо похвално бывшаго знаменїа чтною ѡною чюдотворною иконою всемлтиваго спса і стыхъ велики чюдотворцевъ прав. ха ради оуродиваго прокопїя и прпбнаго варлаама ѡ женѣ, главꙋ имѣя развращенꙋ на шꙋюю странꙋ рама, опровержен в тылъ і рꙋкꙋ лѣвꙋю сꙋхꙋ имѣя въ хребетъ ея водрꙋженна.

л. 212. Іно чюдо преславно слышати ѿ іконы блженнаго прокопїя о болящемъ члцѣ і внемлѣте реченны, аще ѡбрѣлъ бꙋдꙋ блгть пре бгомъ, но о семъ извѣстно да бꙋдѣ вамъ.

л. 215. Чюдо ѿ иконы блженнаго прокопїя о женѣ корчатою одержимѣи и бѣснованнѣи сꙋще.

л. 218 об. Ино чюдо и знаманїе ѿ иконы блженнаго прокопїя о расслабленнѣмъ человѣце, еже сотворися в далнѣи странѣ оу моря окїяна.

л. 220. Чюдо ѿ иконы всемлтиваго спса и стыхъ велики чюдотворцовъ прокопїя и варлаама сотворися в то же монастырѣ о иноцѣ васиянѣ очима не видѣвше, глаголахꙋ, сꙋщꙋ.

л. 222. Ино чюдо и знаменіе ѿ иконы блаженнаго прокопія о бѣснующемся члцѣ.

л. 223. Чюдо ѿ иконы блаженнаго прокопія ѡ отроковицѣ ногу имѣя скорчену.

л. 225. Мца октоврія в і днь на памать стыи мчнкъ евлампія і евлампии бысть знаменіе ѿ иконы всемлтиваго спса и стыи велики чюдотворцовъ прокопія и варлаама.

л. 227. Слово похвальное чудесамъ отъ лица составителя (безъ загл.). Нач.: Нинѣ оубо, ѿцы и братія, явленно предлежитъ . . . .

л. 230 об. Краткія сообщенія о чудесахъ. Киноварью выдѣлены заглавія: (л. 239) Чюдо ѿ иконы всемлтиваго спса и стыхъ великихъ чюдотворцовъ блаж. прокопія и прпбнаго варлаама о болярынѣ маріе; (л. 242 об.) Чюдо ѿ иконы стаго прокопія ничим же оумаленно ѿ прёписанных чюдесъ, еже на преди сего содѣлашася въ книзѣ сей, о женѣ разслабленнѣ и бѣснованнѣ; (л. 243) Чюдо дивно стаго праведнаго прокопія о афонасіи, егоже избави ѿ бѣсовъ и явлася стыи болащему (ср. въ Отчетѣ моемъ о поѣздкѣ 1901 г., с. 69).

л. 244 об. Слово похвално стымъ чюдотворцом блаженному и праведному прокопію и преподобному варлааму.

Въ Николаевскомъ Коряжемскомъ монастырѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ Сольвычегодска, въ прошломъ году мнѣ не случилось побывать. Нынѣ, благодаря радушію игумена Павла, мнѣ удалось осмотрѣть этотъ, когда то богатый книжной стариной монастырь. Новѣйшій описатель монастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ біографъ монаха Нектарія, назначеннаго игуменомъ монастыря при его возстановленіи въ 1896 г.[1]) въ послѣсловіи къ книгѣ своей («Николаевскій Коряжемскій монастырь Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи». Вологда, 1901) жалуется на недостаточность матеріаловъ для описанія монастыря

1) Монастырь былъ упраздненъ въ 1864 г.

и печалится о томъ, что много документовъ Коряжемскаго монастыря увезено въ Петербургскій археологическій институтъ. Нельзя не раздѣлять печали составителя, если документы эти лежатъ безъ пользы; но хорошо, что они хоть не погибли, какъ обыкновенно погибаютъ рукописи въ захудалыхъ обителяхъ въ рукахъ безграмотныхъ иноковъ и въ особенности инокинь. Мѣстные изслѣдователи скорбятъ о той старинѣ, которая перешла въ столицы, но мало печалятся о гибнущей на мѣстѣ и не думаютъ, не смотря на обычныя сѣтованія, описывать то, чтò еще хранится цѣннаго въ разныхъ монастыряхъ. Такъ до сихъ поръ не описано богатое собраніе рукописей Прилуцкаго монастыря, собраніе рукописей Глушицкаго монастыря, архивъ котораго никого не безпокоитъ, потому что уничтоженъ на мѣстѣ; не описаны очень цѣнныя рукописи семинарской библіотеки въ Вологдѣ, акты Гледенскаго монастыря въ Устюгѣ, интереснѣйшая библіотека Успенскаго собора тоже въ Устюгѣ, не смотря на проживаніе въ этомъ городѣ ученыхъ археологовъ; столбцы этого собора, далеко не всѣ извѣстные, также никого не занимаютъ, потому что сами собою тлѣютъ въ ризницѣ собора, какъ тлѣютъ и грамоты ц. Іоанна Юродиваго въ Устюгѣ, «не стоящія вниманія» по выраженію настоятеля церкви. Передача изъ Прилуцкаго монастыря по распоряженію Синода въ Петербургскую духовную академію пергаменнаго пролога возбудила цѣлую бурю среди мѣстныхъ любителей старины, а между тѣмъ никого не безпокоитъ то, что акты этого монастыря до нынѣшняго времени обращаются на петербургскомъ книжномъ рынкѣ. Особенно попечительные священники переплетаютъ рукописи, но такъ что нижнія и верхнія строчки срѣзываются; желающіе уберечь рукописи хранители старины не стѣсняются ставить клейма библіотекъ прямо на письмо стараго времени.

Въ Коряжемскомъ монастырѣ хранятся теперь слѣдующіе свитки XVII вѣка:

1) Царская жалованная грамота Ѳедору Звягину по чело-

битью его на Ѳедора и Данила Строгановыхъ о захватѣ ими земель его іюня 187 (1679) г., съ черной восковой печатью.

2) Отступная память Коряжемскаго монастыря о земляхъ отъ Ѳедора Гаврилова Звягина 155 (1647) г.

3) Купчая на земли отъ Архангельскаго Устюжскаго монастыря Коряжемскому монастырю 7130 (1622) г.

4) Списокъ съ данной Коряжемскому монастырю, безъ года, XVII вѣка.

5) Списокъ съ царской грамоты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей стольнику и воеводѣ кн. С. Ѳ. Хилкову по спорному дѣлу о земельныхъ владѣніяхъ между Коряжемскимъ монастыремъ и крестьянами. Безъ года, XVII вѣка.

Остальные документы относятся къ XVIII вѣку.

Кромѣ того въ монастырѣ сохранились рукописныя книги:

1) Книга Корꙗжемскаго мнтрꙗ посевнаѧ житника старца (проп.), что сиꙗно рж҄і во рпа҄ го҄ в мнтрьско҄ вѡчине і в арня҄.

2) Діалектика въ спискѣ XVII в. По листамъ вкладная Александра еп. вятскаго и великопермскаго лѣта ҂зрнв году, генкара въ ді҄, съ черными узорными заставками, съ цвѣтками и киноварью.

3) Сборникъ нач. XVIII в., полууставомъ. I) Мца ноемврꙗ въ девꙗтыи на десатъ днь стаго прорка авдїа и ...прпбныхъ ѿцъ нашихъ варлаама пѵстынника, іѡасафа црвича ін'дійскихъ. Въ тои же день ѡбрѣтенїе мощей препбнѡмчнка игоумена андреана пошехон'скаго чюдотворца (служба пр. Андреяну). II) Мца марта въ пꙗтыи днь житїе и подвизи прпбныхъ ѡцъ нашихъ игоумена андреана и старца лешнида начальникѡвъ чтныѧ ѡбители оуспенїѧ пречтыѧ бцы в' пошехонїи, зовомаѧ андреанова. Далѣе киноварью выдѣлено заглавіе: Отраданїе прпбнагѡ ѿца нашего игумена андреана ѿ ѕвѣроѡбразныхъ разбойниковъ. III) Мца ноемврїа въ ӡі днь слово на ѡбрѣтенїе чтныхъ мощей прпбномчнка игоумена андреана. IV) Чудеса (безъ общаго заглавія); всѣхъ чудесъ 20. Въ концѣ, на оборотѣ

послѣдняго листа приписка скорописью: «Писалъ ведомства к<о>-легіи экономїи бывои адрианова манастыря вотчины села Пертомы крестьянинъ Алеѯандръ Ильинъ с҃нъ Магилевъ своеи рꙋкои». Эта запись не относится ко всей книгѣ.

Кромѣ рукописей библіотека монастыря обладаетъ значительнымъ числомъ старопечатныхъ книгъ.

Изъ вещественной старины Коряжемскаго монастыря обращаетъ на себя вниманіе икона, принадлежавшая преподобнымъ Логгину и Симону, въ оборотную сторону которой вдѣланъ крестъ съ надписью: Кр҇тъ х҇твъ павловы пꙋстыни: въ низу передней стороны вырѣзана дата: в лѣ ҂з҃ мг.

Во время розысковъ рукописей, для академической библіотеки, въ Екатеринбургѣ, я случайно встрѣтилъ два частныхъ собранія книгъ и рукописей, отчудить которыя владѣльцы не соглашались, но съ рѣдкой предупредительностью предоставили моему осмотру. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ рукописей имѣютъ значительный интересъ и что едва ли въ другой разъ найдутъ случай быть описанными, представляю здѣсь свои замѣтки о важнѣйшихъ изъ нихъ.

1. *Сборникъ* грамматическихъ статей въ спискѣ исхода XVII вѣка, въ четвертку, на 221 листѣ, на бумагѣ (филиграни—голова шута двухъ типовъ съ пятью бубенцами и гербъ города Амстердама). Рукопись писана четкой скорописью одного почерка; въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ киноварь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начальныя буквы остались не вписанными; есть приписки и отмѣтки позднѣйшаго времени. Правописаніе рукописи русское. Въ началѣ не достаетъ двухъ тетрадей, въ концѣ—нѣсколькихъ листовъ. Отъ переплета сохранилась только задняя доска, крытая тисненой кожей.

лл. 1—147. Первая часть рукописи: Алфавитъ.

л. 1. Отрывокъ статьи; нач.:... среднее истинное нарицание мужа... Ср. у И. В. Ягича въ «Разсужденіяхъ старины о церк.-слав. языкѣ», стр. 755 (изъ статьи «Объ осьми частяхъ слова»).

л. 1. Ѿ книги стаго іωанна дамаскина ω осми чатѣхъ слова в крацѣ понужная и избрана здѣ. Нач.: Ѡ сихъ осми ωва скланяема, ωва же ни... См. у Ягича, указ. соч., с. 758. Конч.: В среднее сѹществω, бжтво, цртво, нбо, члчтво.

л. 2. Предисловіе алфавитѹ. Нач.: Иже ѿ юности во блгочти воспитанному и в наказании бжтвенны догма возрастъшему и всякаго чина возраста жъ і сана православному читателю свты книгъ.... Въ русскомъ сокращенномъ изложеніи предисловіе напечатано А. Карповымъ въ книгѣ «Азбуковники или алфавиты иностр. рѣчей» (Казань, 1878), стр. 28—30, и арх. Леонидомъ въ книгѣ «Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ... въ библіотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 г.», вып. 2, 357—358.

л. 6. <Книга глаголемая алфавитъ> [для заглавія оставлено свободное мѣсто] содержащия в себѣ толкование неудоб разѹмѣваемы рѣчей, иже обрѣтаются во сты книгахъ словенска языка іностранными глании положены, начало имуще сице: Алфавитъ (т) азъ вѣди, алфа бо гречески азъ, Бита по гречески вѣди, Еллински бо алфави, а Словенски азбуковникъ. Бѹки бо в греческо азъ букѣ нѣсть. Нач.: Алевъ (т) еврѣе азбучное первое словце наричють алевъ, еже есть азъ, толкуе же ся алевъ по еврѣиски учение іли наука. Алфа (т) грецы первое азбучное словце наричють алфа, еже есть азъ, толкуеть же са по гречески алфа.... На поляхъ рукописи Алфавита отмѣчены источники соотвѣтствующихъ статей; это суть книги св. писанія, Григорій Богословъ, Григорій Акраганскій, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Діонисій Ареопагитъ, авва Дороѳей, Павелъ Ѳивейскій, Максимъ Грекъ, св. Нилъ, Уставъ святыя горы, Патерикъ скитскій, Патерикъ азбучный, Козма Индикопловъ, Златая цѣпь, Хронографъ, Палея, Грамматика, Святогорскія повѣсти, Александрово хоженіе, Хроники, Житіе Епифанія Кипрскаго.

Въ буквѣ а киноварью выдѣлены слѣд. статьи: 1) Ѡ зміи аспидѣ (л. 10 об. — 12; сравнительно съ текстами, напечатанными у Карпова, «Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣ-

чей», стр. 273 — 275, представляетъ существенные варіанты); 2) Ѡ п'тице алконосте (л. 13 об.—л. 14 об.); 3) Ѡ посте арцыурцыеве (л. 16 об.—л. 17 об.; нач.: Бѣ во арменехъ нѣки волхвъ имене сергиі, его же армени нарицаху свои ꙗзыкомъ арцыемъ, рекше учителе...); 4) Имена камыкомъ (л. 21 об.); 5) Ѡ повести еже ѡ сте горѣ (л. 22; см. у ахр. Леонида, указ. соч., с. 358); 6) Предисловие толкованїю имѧ члвческихъ, ꙗже здѣ по буквамъ писаны (л. 22 об.—л. 24; нач.: Прежде убо словяне, еще суще погани, не имяху книгъ...; почти тождественно съ текстомъ, напечатаннымъ у Карпова, «Азбуковники или алфавиты», стр. 31; въ сокращеніи текстъ напечатанъ у арх. Леонида, тамъ же, стр. 359); 7) Толъкованїе иманъ члчески (л. 24—25; нач.: Адамъ (т) земля воплощен'на или родитель, евъреи во ѕемлю наричютъ адамомъ...).—Изъ не отмѣченныхъ киноварью болѣе другихъ статьи: Ав'густалие (л. 9 об.—л. 10; нач.: (т) великиі воевода, древле во во ел'нине чстно бѣ имя августъ...), Агнецъ, нач.: (т) боранъ младыі, наричет же писанїе и хрста (л. 12 об.—л. 13), Арїи (л. 16 об.), Афродите (л. 18—л. 19 об.), Аѳродитская (л. 19 об.—л. 20), Анаѳема (л. 20 об.—л. 21).

л. 25. Начало буквѣ, глемой по словенски буки; нач.: Бжтвен'ное нареченїе <е>врѣиски ѝ, гречески ѡ ѳеѡ, арапскиі ама, арменски арстъа, пер'мски ень, татар'ски пенгри, а по руски бгъ. ... Изъ ряда статей буквы б обширнѣе другихъ начинающаяся словами: Блжени (т) во цртво седекиево и еросалиму ѿ раны сотоиму... (л. 26).

л. 28. Начало писму, нарицаемому вита; нач.: вита (т) грецы второе азбучное слов'це наричютъ вита, еже в словен'ско азбуцѣ наричется вѣди, тоскує же вита живота. ваѳъ (т) ва наричютъ евреи нѣкое азбучное словце токуе же са по еврейски ва имна. вѣдѣ словенскиі (т) разумѣю... Наиболѣе обширныя статьи: Виѳлиѡ (л. 28 об.; напеч. у арх. Леонида, 2, с. 360), Бретания (л. 29—л. 29 об.), Виѳезда (л. 30), Висадия (л. 30—30 об.), Влахѣрна (л. 30 об.; напеч. у арх. Леонида, с. 360), о

Волотахъ (л. 32; изъ Хронографа, нач.: Внидоша сынове божїи ко дщерем человѣческиї; см. Карповъ, с. 212).

л. 33. Начало букъвѣ, глемеи по гречески гама, руки же глаголь. Нач.: Гама (т) глаголь, гдь Саваюѳъ (т) гдь силамъ ... Въ буквѣ г киноварными заглавіями выдѣлены статьи: 1) О дикихъ людехъ (л. 35; нач.: Гауры (т) веверніи, <Г>ан'ты (т) есть ганты нарицаеми люди ок ѡно глазѣ...; на полѣ отмѣчено и' крониї; сюда входитъ замѣтка о Гогѣ и Магогѣ: <Г>огъ и магогъ дикиї цреи [вм. людеи] цари, иже не имоу смысла члвча...) и 2) Імена члвческая (л. 37—л. 37 об.). Изъ не отмѣченныхъ киноварью обширнѣе другихъ статьи: Галилея (л. 33 об.—л. 34), Гефимания (л. 34; напеч. у арх. Леонида, с. 361), Гликиѕмо (л. 35 об.; напеч. у арх. Леонида, с. 363), Гроздїе (л. 36).

л. 37 об. Начало боуквѣ, нарицаемеи добро. Делта. грецы четвертое азъбучное слово [на полѣ: пимя] наричютъ делта, е по словески наричется добро; нач.: Дѣису (т) бгъ в' члвцѣхъ, деитасъ (т) бжтво... Обширнѣе другихъ въ буквѣ д статьи: Диюпра (т) ѕерцало (л. 37 об.; нач.: сию книгоу диюпатроу написалъ ѳилипь ѳилосо° во граде смолѣске в лѣто ѕхг; см. у арх. Леонида, с. 361—362), Дивии волъ (л. 38—л. 38 об.; на полѣ отмѣчено: ко'ма їдиї); у арх. Леонида въ извлеченіи), Дамаскъ (л. 38 об.; у а. Леонида с. 362), Домъ давыдовъ (л. 38 об.—л. 39, нач.:... внутрь града иерлима; см. у а. Леонида, с. 362), Дмира (л. 40; нач.: (т) дмиро наричеть землю и далѣе о богинѣ Димитрѣ: Димитра бѣ едина ѿ древниї богинь....; на полѣ отмѣчено че зла гри бго), Диюнѵсоу (на полѣ: григор бго на бгоявленїе, л. 40—л. 41), Ѕвѣрь единогоръ (л. 41 — л. 41 об.; нач.:... подобе коню, промежъ оушию имать рогъ...), О даяніи благѣ (В. Что есть даяние бго и даръ совершенъ. Ѡ. Даяние бго со дшевныя добродѣтели...; на полѣ отмѣчено: ма гре ѕі; л. 42), Делѳинъ (т) ѕвѣрь морскиі.... (л. 42 об.; на полѣ ма гре ѯа), Диѳьфон'ги (л. 43—л. 43 об.).

л. 43 об. Начало боуквѣ, нарицаемеи есть, греческиі ене, а роускиі есть: нач.: Гречески ераклевъ (т) с нами Бгъ .... Обширнѣе

другихъ статьи: Єѳиωпиѧ (л. 45), Єродие (т) князь заповѣди, есть же и птица нѣкаѧ... (л. 46—л. 46 об., на полѣ отмѣчено ѱлō р҃г, гр҃и єго є҃ на па҃ху), Єхинъ (л. 47—л. 47 об.), Єѳу҃ на полѣ: полїя и цр҃ь гр҃е, исхо҃ є҃, к҃и, а҃ цр҃ь евре҃; л. 47 об.—л. 48), Єзгуля (на полѣ: полїѧ; л. 48—л. 48 об.; см. у арх. Леонида, с. 363—364), Єтимологиѧ (л. 50—л. 50 об.).

л. 50 об. Начало бѹкѣ глемеи живѣте; нач.: Же҃лъ (т) посохъ, <ж>юпелъ (т) сѣра горючаѧ... Обширнѣе другихъ статья о жидовинѣ (л. 51, Жидовинъ (т) ханаа҃ски нарич҃ся жидовинъ ѕлодѣй; см. у арх. Леонида, стр. 364).

л. 51 об. Начало бѹкве, рекомеи гречески ѕита, а словенски ѕѣлω; нач.: ѕѣло (т) велми, зѣленъ (т) велми великъ, ѕита (т) зитою нарич҃ грецы се҃мое пи҃мо по а҃вуцѣ, еже есть ѕемля. Киноварью выдѣлено заглавіе: О имяна҃ чл҃ческихъ (л. 54 об.). Изъ не выдѣленныхъ киноварью обширнѣе другихъ статьи: змирно (л. 51 об. нач.: (т) зми҃рно есть масть велми бл҃гоюха҃на...), Земля ханааня (л. 52—л. 52 об.; нач.: (т) земля нери҃мьская; ωбогда бо звашесь добра҃ та земля...), Зодиі (л. 53—л. 54), <З>ѹграѳъ (л. 54; о монастырѣ Зографскомъ; см. у арх. Леонидъ, с. 364).

л. 54 об. Начало писмѹ, по гречекиі нарицаемому ита, а по слове҃ски іже. Нач.: Иωта (т) грецы иωтою наричють бѹквѹ десятно҃ число де҃ржащую, еже есть і҃. Іс҃ъ імя евреиское то҃куе҃ же҃ спа҃ ис҃ѹ на҃винъ сынъ ми҃ныи. Обширнѣе другихъ статьи: Июдѣя (л. 55), Илек҃тръ (л. 55 об.; нач.: (т) каме҃ ѕѣло чт҃ена...), Израиль (л. 56).

л. 58. Начало писму по гречески нарицаемомѹ капа, а по руски какω. к҃. Нач.: Кириωсъ (т) г҃дь, Кирилиелейсонь г҃ди помилѹи... Киноварью выдѣлены слѣд. заглавія: 1) Имяна ст҃огорскимъ м҃нтырємъ (л. 60 об.—л. 61; нач.: Котломусъ (т) м҃нтырь есть во ст҃ѣи горѣ по волоски ѕобомь котломусъ; см. у арх. Леонида, с. 365); 2) Маѯима мниха грека глава на͞ то҃кование прѣнаписѹемому нѣкоемѹ канонома краегранесию (л. 61 об.—л. 63 об; нач.: Бѣжда убо, ıако нѣцы тво҃рцы каноном

блюдꙋщеся тѣхъ, иже по страсти тщая славы чюжия трꙋды присвояютъ себѣ...; содержаніе статьи изложено у Карпова въ «Азбуковникахъ», стр. 37); 3) О ѕвѣрехъ (л. 63 об.—л. 64; нач.: Кор'кодилъ ѕвѣрь водныи...); 4) Ѡтаго епифанїя арх҃иепкпа кипрьскаго ѡ двꙋнадесяти каменехъ, иже бяхꙋ на ефꙋдѣ по числꙋ двꙋнадесяти колѣнъ ізраилевъ (л. 69 об.—л. 72; нач.: первыи Ѳардиѡнъ каменъ вавилон'скии красенъ аки кровь...; см. у Карпова въ «Азбуковникахъ», с. 262); 5) ѡ мц҃ѣхъ (л. 73; нач.: Канѳинъ мартъ, Кандисисъ (т) апрѣль...); 6) О имянахъ чл҃вчески (л. 73 об.—л. 74; нач.: Климентъ милосердъ или тихомиренъ...). Изъ не отмѣченныхъ киноварью обширнѣе другихъ слѣдующія статьи: Кесарь (л. 59 об.—л. 60; нач.: (т) выпоротикъ, иулию бо еще сꙋщꙋ во утробѣ...); Кен'тинарь (л. 64; нач.: (т) Кен'тинарь есть вѣсъ...; см. у арх. Леонида, стр. 366; въ срединѣ статьи выдѣлено киноварное заглавіе: А се инъ переводъ); Кидарь (л. 65 об.); О еже что ради пишется на иконахъ и в' книгахъ пр҃роческиї колесница ѡгнен'ныи кони ѡгнен'ны (л. 66—л. 66 об.; см. Карповъ, с. 38); Крагране (л. 67; изъ соч. Максима Грека; ср. выше, л. 61); Китра (л. 68 об.; см. у арх. Леонида, с. 366); Кꙋпина (л. 69); Кронъ (л. 72 об.; нач.: (т) кронъ гиганьтъ бѣ, рекше волб чл҃вкъ...).

л. 74. Начало писмꙋ, по гречески наричемꙋ лавда, а по рꙋки люди. Нач.: Ламедь (т) еврее ламедь наричютъ нѣкое азвучное словце токꙋ же ламе срце; ливанъ (т) жертва, не точию пимо жертвы ливаномъ наричетъ, но и мѣста та и тѣ же творяся жертвы и мѣсто ливаское наричт. Киноварью выдѣлены слѣд. заглавія: 1) О дикихъ люде аще истинно есть или ложно не вѣдѣ, но уво к' книга<хъ> сия ѡбрѣть понудися и та здѣ написати, тако жь и ѡ ѕвѣрехъ и ѡ птицахъ и древесѣхъ и трава и рывахъ и каменехъ, иже ѕдѣ писаны по букваамъ (л. 76 об.; нач.: Люди зовомыя исатыри живꙋтъ в лѣсахъ и по горамъ...; см. изложеніе этой статьи у Карпова, стр. 252); 2) О мц҃ѣхъ (л. 79; нач.: Луна (т) мѣсяцъ лоскости септеврїе). Изъ не выдѣленныхъ киноварью обширнѣе другихъ статьи: Ливанъ (л. 74 об.; нач.: (т) жертва

не точию* пи҃мо жертвы ливаномъ наричетъ...; на полѣ отмѣчено: паре кре҃); Лашдикия (л. 75 об., нач.: (т) Лашдикия есть гра҃...; упоминается о волотахъ); Лев'вите (л. 75 об., нач.: (т) леввиї бѣ третиі сынъияковль...); Литра (л. 77, см. у арх. Леонида, с. 367); Левиаѳамъ (л. 77 об.; нач.: (т) в григория бг҃ослова книзѣ в пеʳвомъ словѣ на ст҃ое бг҃оявления....); (б) Что ради прр҃оку иезекилю ишанъ во бл҃говѣсти во шбразѣ львово проявлено (л. 78—л. 79; нач.: (ѡ) Понежъ левъ три таинства хр҃това прошбразуетъ...; на полѣ отмѣчено: грама҃ ѿмѡ҃ .г҃. апл҃ъ рм҃..).

л. 79 об. Начало буквѣ, нарицаемеи ми, а по руки мыслѣте. Мемь (т) евреє наричють нѣкое а'бучное слов'це, то҃куе же ся мемъ по еврейски сниҳъ. Подписа пр҃тыя бц҃ы шбразу (т) гречески митерна ѳеу, а по руки мт҃ре бг҃у, а не маʳѳа, ꙗко* нѣцы неразумни мнатъ; нач.: Митиʳ тисъ урану василишсъ (т) мт҃и нб҃наго цр҃я, месия (т) масломъ помазан'ныи. Киноварью выдѣлены слѣд. заглавія: 1) В предисловии .є҃. го слова книги ст҃аго григория бг҃ослова еже ѡ св҃тыї макковѣшхъ (л. 81 об.; нач.: В' маковѣискихъ книгахъ пишется нѣки мужъ июда именемъ...; на полѣ ссылка на 1 и 2 книгу Маккавеевъ); 2) О еже что есть мусикѣя (л. 81 об.—л. 82 об.; нач.: Мусикия (т) гудение рекше игра гусе҃ная; разнится отъ отрывка изъ азбуковника, приведеннаго Карповымъ, «Азбуковники», стр. 197); 3) Зелия врачевъ (л. 82 об.; нач.: Малахия (т) слезы малыя; на полѣ отмѣчено: ма° є҃); 4) нач.: Маѳиматикия (т) маѳиматикиі суть иже небе҃ная телеса мудрьствующе...); 5) Имяна чл҃вкѡ҃ (л. 89 — л. 89 об.; нач.: Михаилъ (т) лице бж҃іе или шбразъ бж҃ии или воевода бж҃ии...). Изъ не отмѣченныхъ киноварью обширнѣе другихъ статьи: Многоножица (л. 82 об.—л. 83; нач.: (т) многоножица есть рыба, естество и нравъ имать сицевъ...; на полѣ ссылка на Палею), Мантикоры (л. 83., нач.:... есть люди а живутъ во ин'дѣиской земли...; на полѣ ссылка на Хроники), Миръ (л. 84; нач.: (т) миръ знаменуе҃ двое что сирѣчь тваʳ всю видимую жъ и невидимую...; на полѣ ссылка на Максима Грека), Маранаѳа (л. 85—85 об.; нач.: (т) сиʳски маранаѳа, а по руки г҃дь приіде; на полѣ

отмѣчено: аплъ рѯз.), Мурона (л. 85 об.—л. 86; нач.: (т) мурона есть рыба тако нарицаема, яже есть велми скверна...; на полѣ ссылка на Палею), Мертвое море (л. 86; нач.: (т) мертвое наричется, понеж ничтож в немъ...; см. у арх. Леонида, с. 368), Разсужденія о метрахъ въ вопросахъ и отвѣтахъ (л. 86 об.—л. 87; нач.: (в) Ироическое метро что есть (ѿ) Іроческое метро есть шестомѣритеное или шесточиститеалное...; на полѣ стоитъ: грамā), Молохъ (л. 87; нач.: (т) молохъ бѣ идолъ в' моавитѣ...; на полѣ ссылка на Дѣянія апост.), Мафиматикиискиа книги (л. 87 об.—л. 88; нач.: мафиматикиискиа книги ѿреченныя книги, иже суть четыре...; въ серединѣ статьи на л. 88 киноварью вставлено заглавіе: Ѡ том' же).

л. 89 об. Начало писму, нарицаемому гречески ни, а по руски нашъ. Нунъ (т) нунъ нѣкое абучное писмо наричютъ нунъ, тоӧкует же ся по еврейскиi нунъ вѣчность; нач.: Ника (т) побѣдитель непобѣдимыи, Назареѳъ... Киноварью выдѣлено заглавіе: Имяна члвкомъ (л. 93 об.; нач.: Никиѳоръ побѣдоносецъ, Николае побѣда лю́ская...). Изъ не выдѣленныхъ киноварью болѣе обширныя статьи: Неясыть (л. 91 об.—л. 92 нач.: неясыть есть птица подобна жураваю...; изъ Максима Грека, см. Сочиненія, т. 3, с. 272—273) и Накатияне (л. 92 об.—л. 93; нач.: (т) накать пресвитеръ бѣ римскиа цркви...).

л. 94. Начало писму, по гречески нарицаемому ѡмитронъ, а по руки онъ. Нач.: Одегитрие (т) крѣпкаа помощница или заступница. Киноварью выдѣлено заглавіе: О еже что ради пророку явиша серафими во ѡбразѣ животны (л. 99 об.—л. 100; нач.: Орла ѡбраѕъ изъявляти...). Изъ другихъ статей болѣе обширны: О вѣнцахъ на иконахъ Господа Саваоѳа, Іисуса Христа и о звѣздахъ на иконахъ Богородицы (л. 94 об.—л. 96 об.; нач.: Оугда бга и у стаго дха писати на ѡбразѣ венеца ѡсмоугленъ...; второе толкованіе трехъ звѣздъ на иконахъ Богородицы выдѣлено киноварной отмѣткой: инако); Обрѣзаніе (л. 96 об.—л. 97 об.; нач.: (т) июдѣи во ѡсмыи день по рождении младецу ѡбрѣзаху...; на полѣ ссылка на Дѣянія ап.); Обновится яко ѡрлу

юность твоя (л. 98 об.—л. 99; на полѣ ссылка на пр. Исаію); Оріωна (л. 101—л. 101 об.; нач.: вѣ ωріωна ловецъ ѕвѣрей, егоже а^р^темида яко похотѣвша ей...; на полѣ ссылка на Григ. Богослова); О лани (л. 101 об.—л. 102; нач.: о лани, іже и двцы изоωбраженіе сицево есть, егда ѿ еллады ѿплыти еллиномъ на троаду...); Орфеевы тревы (л. 102; нач.: (т) ар'феевесъ вѣ игрецъ в' гусли родомъ фракишанишъ...; на полѣ ссылка на Григ. Богослова).

л. 102 об. Начало буквѣ по гречески пе, а по руски покой; нач.: Панагия, пресвятая. Обширнѣе другихъ статьи: Позоръ (л. 102 об. — 103; нач.: еже что бываетъ со удивленіемъ зримъ, то есть позоръ....; ср. часть статьи у арх. Леонида, стр. 370); Планитъ (л. 103 об. — л. 106; нач.: планитъ есть седмь ѕвѣздъ иже на аерныхъ седми поясѣхъ...; на полѣ ссылка на Козму Индикоплова, Дѣянія ап.); Пожер'ты выша при камени... (л. 106; на полѣ ссылка на пс. 140); Псинъ (л. 106 об.; нач.: (т) ѱинъ есть животинище нѣкое крылато...; на полѣ ссылка на Максима Грека); Псалътырь (л. 107; нач.: (т) во евреωхъ вѣ сотворенъ сосудъ древянъ....; на полѣ отмѣчено: ѱало лв; см. у арх. Леонида, с. 369); Пяпа (л. 108; нач.: (т) пята не къ единои вещи приклано...; на полѣ ссылка на псаломъ 40 и Григ. Богослова); Пор'фира (л. 108—л. 108 об.; нач.: (т) порфира есть нѣкая животно в мори....); Просωдия (л. 109 — л. 110; нач.: (т) просωдиями нарицють ве^р^хнюю силу кни^ж^наго писма...); По алфавиту (л. 110—л. 110 об.; нач.: (т) по азъвѣде, ибо творецъ ωктая всѣхъ гласωвъ воскресныя стиховенныя стихѣры по а^з^букѣ состави...); Протатия (л. 112 —л. 112 об.; нач.: (т) во стѣй горѣ есть мнтрь тако нарицаемъ...; на полѣ отмѣчено: ω стѣй горѣ савы се^р^бъска^г^ в житиї; см. у арх. Леонида, стр. 370); Пинонъ (л. 113 об. — л. 114; нач.: Пинонъ прекале^же^ (т) ракъ, прекалажеи же его наричетъ, поне^ж^ ωвогда напрѣ лѣзетъ...).

л. 114. Начало писму по гречески ро, а по словенски рцы, решъ (т) еврее а^з^бучное нѣкое словце нарицють решъ, токуѣ же ся

по рꙋки решъ глава. Нач.: Ровсий покой Бжїи. Равви (т) учтлю. Киноварью выдѣлено заглавіе мцы (л. 117; нач.: Рюй септеврие). Изъ не отмѣченныхъ киноварью обширнѣе другихъ статьи: Родъ (л. 114 об.—л. 115 об.; нач.: (т) ѿ неже родися члвкъ...; на полѣ ссылка на Бытіе); Рожаницамъ и родꙋ (л. 116—л. 116 об., нач.: (т) рожаницамъ еллин'сти наричють ѕвѣздословцы...; на полѣ ссылка на Еван. учительное; см. у арх. Леонида съ мелкими измѣненіями, стр. 371).

л. 117 об. Начало писмꙋ по гречески наричемомꙋ сигма, а по рꙋки слово. Самє (т) еврее саме наричють а"вучное слово, токуе же по рꙋки саме помоцѣ; нач.: саваѡѳъ (т) сила, сад'ка (т) непостижимаго. Киноварью выдѣлены слѣд. заглавія: 1) Толкование образꙋ стыя соѳиї премꙋрости бжїи (л. 120 об.—л. 122; нач.: Црквы бжїя соѳїя пртал два бца, сирѣчь двьствены дша...); 2) Стаго василия, еже что есть иерей и почемꙋ глется свщенникъ и что ѡстриженїе главы его (л. 127 об.—л. 128; нач.: Чтенъ есть стопъ мчнически); 3) Правило иерешмъ (л. 128—л. 128 об.; нач.: Иже не ѡблачится во ѡсвщенныа ризы или неразꙋмиемъ іли гордостию или лѣности...); 4) Мазима инока грека сказанїе ѡ стрꙋѳокамилѣ і ѡ хранении ума (л. 128 об.—л. 129; нач.: Стрꙋѳокамиль животно есть ѡбрѣтаемо во странахъ ливиїскихъ; см. въ Сочиненіяхъ Максима Грека, ч. 3, стр. 271—272). Изъ не отмѣченныхъ киноварью пространнѣе другихъ слѣд. статьи: Сиѡнъ (л. 118 об.—119; нач.: (т) сиѡ есть гора внутрь стараго града иерлима...; см. у арх. Леонида, с. 371; въ рукописи только первая часть статьи); Силꙋамлю кꙋпѣль (л. 119—л. 119 об.; см. у арх. Леонида, стр. 372); Стая стыя (л. 119 об.; нач.:... (т) еврее киѡ и скрижаль и херꙋвимъ...); Сиеливида (л. 119 об.—л. 120; нач.:... (т) есть остро нарицаемъ сиеливида иже стой во ѡкиане....); саламадръ (л. 120—л. 120 об., съ ссылкой въ текстѣ на Златую цѣпь; и здѣсь же не саламандръ); Что есть слово премрсти и что слова разꙋма (л. 122); Срацынѣ (л. 122 об.—л. 123); Скило (л. 124); Степенаа лѣствица и Пѣснь степенаа (л. 125; нач.: (т) степенами называютъ любо-

м҄цы шемыѧ на десѧ̄ каѳизмы ѱа҃мы...); Струѹшъ (л. 129 об.—л. 130; нач.:... (т) во аѳрии есть пти҃ца нарицаема стру҃...).

л. 131. Начало писмѹ, нарицаемомѹ твердш, теть, таѳъ; сима двема речми еврее наричють словца, тѡкуе҃ же҃ те҃ добро, таѳъ (т) а҆вучное слов҆це грецы наричють та, а по рѹки тве҆рдо. Нач.: То агиѿ ма҃дилиѿ (т) с҃тый шбразъ... Обширнѣе другихъ статьи: То агиѿ ма҃дилиѿ (л. 131, нач.: (т) с҃тыи шбразъ, нѣцы же сию пѡпи҃ е҆ то агиѿ тѡкуѿ быти нерукотворенныи шбра҆...); Тельчеслонъ (л. 132, нач.: (т) тельчеслонъ есть ѕвѣрь великъ...; на полѣ ссылка на Козму Инд. и Кроники); Тесоименї (л. 132 об., нач.: (т) единоименї, нѣцы же не вѣдѹще...); Тѣлорѡси (л. 133, нач.: (т) дикия ѕвѣри...); Тавры (л. 133, нач.: (т) тавры сѹть на запади ѧѕыкъ...); Троѳонїева по всей земли играниѧ и вѡхвованиꙗ (л. 133—133 об., нач.: (т) Троѳонии вѡхвъ бѣ...; на полѣ ссылка на Григ. Богослова); Трипода тельѳическаго премѹ҆рения (л. 133 об.; нач.: (т) в леноѳи градѣ...); Точила (л. 134—л. 134 об., нач.: (т) точило у еврей бяху подо҆бно рѹслѹ устроены...; ссылка на пс. 50 и 83); Талантъ (л. 134 об., нач.:... есть вѣсъ...; на полѣ ссылка на Царей еллинскихъ; см. у арх. Леонида, с. 371); О еже что ради ꙗвишася серафими иесѣкѣилю во шбраѕѣ живо҃ны (л. 135, нач.: ꙗко же сие вола ш҆разь...).

л. 135. Начало писмѹ, нарицаемомѹ гречески уѱилонь, а по рѹскии у. Толкуе҃ же҃ по гречески уѱилѡ высокъ. Нач.: Упостась (т) составъ, Ураносъ (т) не҃бо. Обширнѣе другихъ статьи: Оудоль плачевнаѧ (л. 135 об.—л. 136, см. у арх. Леонида съ мелкими измѣненіями, с. 373—374); Уена (л. 136—л. 136 об.; нач.: уена есть ѕвѣрь великъ...; на полѣ ссылка на Кроники).

л. 136 об. Начало писмѹ, по гречески нарицаемомѹ ѳи, а по словенски ѳертъ. Ѳе (т) еврее нѣкое а҆вучное словце наричють ѳе, тѡкуеть же сꙗ ѳе уста. Нач.: Ѳеѳ (т) бж҃е, ѳешток҃а (т) вца҃. Киноварью выдѣлены слѣд. заглавія: 1) О рыбѣ ѳоце (л. 137 об.; нач.: Ѳока есть рыба мо҆скаѧ; на полѣ ссылка на Палею; у арх. Леонида, стр. 374 помѣщенъ текстъ до сравненія съ злыми людьми); 2) Ѡ имяна҃ чл҃чески҃ (л. 139 — л. 140;

нач.: Ѳотѣи (т) свѣтелъ, Ѳерапонато̂ (т) рабъ угоденъ). Изъ не отмѣченныхъ киноварью значительнѣе другихъ статья о птицѣ Фиником (л. 137; нач.: Финиѯъ (т) есть убо птица в велицей индиі, нарицаема ѳиниѯъ ...; ср. извлеченіе у Карпова въ Азбуковникахъ, с. 280).

л. 139 об. Начало писмꙋ по грече̂ки хи, а по рꙋски хѣръ; нач.: Херувимъ (т) мꙋ̂рость... Обширнѣе другихъ статьи: Хевꙋве и Хавꙋва (л. 139 об.; Хебуве (т) сию рѣчь о̂ многихъ кни̂никъ слышавъ, яко хевуве то̂куется хр̂те б̂же... и далѣе: Хавува (т) х̂а во еврейскиі хр̂тосъ...); Христиане (л. 140—л. 140 об.); Хевро̂ (л. 141; см. у арх. Леонида, с. 374); Харадрь (л. 141 — л. 141 об.; нач.: Харадрь (т) есть птица имянуема харадрь яко жь и во второмъ законѣ пишется; см. у Карпова въ Азбуковникахъ, стр. 280—281,—изложеніе).

л. 143. Начало слову, по гречески именуемомꙋ ѡтеме или ѡмега, а по слове̂ски ѿтъ; нач.: Ѿхилихся (т) удалихся, ѿ влашскаго ѿ мирскаго...

л. 143. Начало пи̂мꙋ, по еврейски нарицаемому цади, то̂куетъ же ся цади правда; нач.: Цесарь (т) велики князь, Центꙋри сотникъ. Болѣе другихъ статья Цета (л. 143 об.; нач.: Цета (т) есть в' мори рыба именемъ цета, другая рыба именемъ валена...).

л. 143 об. Начало буквѣ, нарицаемой червь; нач.: Чиглино̂, чегликъ. Чреды, страды. Обширнѣе другихъ статьи: Что есть пять чюв'ствъ дш̂евныхъ и п̂я чюв'ствъ теле̂ныхъ (л. 144 — л. 144 об.; нач.: Вѣдомо̂ да есть и се, яко сꙋгубъ...; на полѣ ссылка на св. Нила); Что ради пишꙋтъ у кр̂та хр̂това по̂ножие десную страну по̂емъшꙋ горѣ, а шꙋю по̂ни̂шꙋся долꙋ (л. 144 об. нач.: за еже на кр̂тѣ стоя...); Что есть иже пишꙋтъ на иконахъ сошествие ст̂аго д̂ха сѣд̂и ч̂векъ старостию ѡде̂жимъ в' мѣсте темнѣ, а на немъ риѕа чер'влена и венецъ ц̂рки на главѣ его, в рука̂ же свои̂ имѣя убрꙋсъ бѣлъ, а в немъ в̂і свико̂ (л. 144 об.— л. 145 нач.: Ѿ ч̂векъ убо г̂лется в̂е миръ...).

л. 145. Началѡ писмꙋ, нарицаемомꙋ по еврейски ши̂, а по р̂уки ша; нач.: Шафарь (т) двор̂цко̂, шинъ (т) зꙋбы... Обшир-

нѣе другихъ статья Шивада (л. 145 об.—л. 146; нач.: ... (т) єсть в мори нѣкоє животно, нарицаєма шивада...).

л. 146. Начало писмꙋ, нарицаємомꙋ ща; нач.: Щꙋдъ (т) гигантъ, єжє єсть волѡ, Щꙋды (т) волоты...

л. 146. Начало писмꙋ, нарицаємомꙋ ю; нач.: Южичество (т) срѡство, <ю>жика (т) срѡница...

л. 146. Начало пи҃му, нарицаємому ꙗ; нач.: Ꙗко (т) ꙗко глѣся нє ѡ єдинои мѣрє но в трєма или бѡши, єжє єсть сицє, ꙗко люблю тя, помилꙋи мя гд҃и, ꙗко ѡправданїихъ твои взыска, ꙗко ты хощєши и ꙗко жє волиши...

л. 146 об. А се первы чл҃вкомъ имєна дєсяти родѡ царєй, сє жє і инымъ ꙗзыкомъ, ижє в нашихъ книгахъ нє ѡбрѣтаєтся, но токмо въ странны нашєго ꙗзыка. Только начало, такъ какъ вырвано нѣсколько листовъ. На л. 147 позднѣйшія карандашныя приписки.

лл. 148 — 221. Вторая часть рукописи. До л. 199-го порядокъ статей тожественъ съ рукописью Румянцевскаго музея № 953 (см. Ягичъ, Разсужденія, с. 975—976).

л. 148. Начало грамотѣ грєч҃кои і рꙋ'скои; нач.: Исперва почелъ творити понамѝ шєсть словъ а б в г д є... Сходно съ текстомъ, напечатаннымъ у Ягича, «Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ» (Изслѣдованія по русскому языку, т. I, стр. 635); послѣднихъ строкъ изданія, поставленныхъ въ скобки (приписки другою рукою) въ рукописи нѣтъ.

л. 148 об. Прѣсловїє о бꙋков'ницє, рєкшє о аз'бꙋцє; нач.: Пот'щися, ѡ во'люблєнє, о учєнїи сємъ... Тожественно съ текстомъ, напечатанномъ въ «Разсужденіяхъ старины» (Изслѣдованія по русскому языку», т. I, стр. 636).

л. 149 об. Написанїє ꙗзыкѡ словєскѝ о бꙋквѣ і о єа писменєхъ рєкшє о азъбꙋцѣ і о єа словѣ, ра'сꙋждєнїє и свидѣтєство, вопросы оученичи і ѿвѣты оучтлѧ; нач.: Вопрѡ. Бꙋква что єсть... За исключеніемъ нѣсколькихъ мелочей тожественно съ текстомъ напечатаннымъ въ «Разсужденіяхъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ» (Изслѣд., т. I, стр. 637 — 644).

л. 154. Имена знаменїю книжнаго писанїа и ѿ еа силѣ сведено в'кра҃цѣ особь. Нач.: Ісо" скв*а*ды" а индѣ гл҃ется ижица... Сравнительно съ напечатаннымъ въ «Разсужденіяхъ», стр. 645, представляетъ существенные варіанты.

л. 154 об. Еще же вѣждъ, ꙗко древнии оучители верх*у* писменъ на складѣхъ полагах*у*... и далѣе киноварью выдѣлено: Вѣждъ же и се (нач.: ꙗко складъ овъ убо есть долгъ...), Сила вер'хнеа писму писцомъ (нач.: оксиа ╱, варїа ╲ ....), Еще же вѣдомо ти есть (нач.: Складовъ ѡвы суть гл҃ются дл҃ги...), Еще вѣждъ (нач.: Ꙗко камора...). См. у Ягича, стр. 690—692.

л. 156 об. Написанїе ꙗзыкомъ словен'скимъ о грамотѣ и ѡ еа строенїи, в не'же о бꙋквѣ и ѡ еа строени и писмене҃. вопрошаниꙗ оу҃чтльскаа ꙗко в' лицо ученическо и ѿвѣщанїа ученика ꙗко в' лицо ꙋчитеско; нач.: Вопр҃. Что есть грамота і что еа строенїе... За исключеніемъ нѣсколькихъ мелочей вполнѣ тожественно съ текстомъ, напечатаннымъ у Ягича въ «Разсужденіяхъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ», стр. 648—673.

л. 183 об. Просто писаныя бꙋквы младеческаго наказанїя, сиі' рѣчь грамотики начало алфа. Нач.: Азъ а, бꙋки б, вѣди в. Напечатано въ «Разсужденіяхъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ», стр. 606—607.

л. 184 об. <В>ѣдомо да есть, ꙗко двадесять четыре писмяна ꙗже и стихїя гл҃ются, ра*д*ѣляются в' гласовна и в' согласовна. Статья, приписываемая Максиму Греку. Сравнительно съ напечатаннымъ у Ягича (стр. 601—605) представляетъ нѣкоторую разницу въ мелочахъ; знаки просодіи иные; есть мелкія добавленія и вставка близь начала статьи: словесница аристотеска, бгословїя платонова і пиитикия, многихъ любомꙋдрецъ словеса, сїими слаганїи всяки мꙋдрецъ можетъ свою книгу составити, оримю не авалг (т. е. глава еи Омюри). Такая же вставка, но передъ началомъ статьи отмѣчена у Ягича въ рукописи Рум. музея (см. с. 601). Другая вставка на л. 187 (нач.: имя, рѣчь, причастїе, ра*з*личїе...).

л. 190. Отрывокъ статьи объ удареніи. Нач.: окси ⁄ варіа ∖ периспомена ͂ . . .; конч.: третіе же мѣсто периспомени нѣсть; соотвѣтствуетъ напечатанному у Ягича на стр. 608; есть мелкія разночтенія.

л. 190 об. Таблица съ заглавіемъ аще кто доволѣ грамотѣ, той по сему обрящетъ ѻрѳографїю всю правленїе ꙗзыка перевитаго (см. въ «Разсужденіяхъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ», стр. 976; есть нѣкоторыя отличія).

л. 190 об. Написанїе о паденїяхъ с тонкословиемъ извитїе слове ѿ осмочастнаго разѹмѣнїа. Надъ заглавіемъ киноварью приписано: Дамаскинъ прака клоненїя. Ѡ безсмертномъ. Нач.: Что же есть паденїе слыши. . . Сходно съ текстомъ, напечатаннымъ у Ягича на стр. 771 — 778, за исключеніемъ приписанныхъ къ заглавію словъ, отмѣтки передъ объясненіемъ предлоговъ пять чювствъ душевны ѹмъ мысль мнѣнїе мечтанїе чювство и пропуска нѣсколькихъ словъ на л. 197; кромѣ того на л. 198 (соотвѣтствуетъ с. 777 — 778) есть нѣсколько мелкихъ прибавокъ и объясненіе осморицъ заканчивается иначе: Ѡсморицы же прообразѹютъ ѡсмь частей словеснаго любомѹдрия и осмь гласовъ, имиже бжтвенныи иоанъ дамаскин пѣниемъ дховнымъ црковь хртовѹ украси (ср. Ягича, стр. 778). На л. 197 выдѣлено киноварное заглавіе: Ѡбьявленїе чаѣновнаго проѡбразованїа словеснаго сложенїя; нач.: Вопросъ, которое прообразованїе имѣетъ грамота в девяточлѣнномъ составѣ словеснаго сложенїя. . .

л. 199. Таблица тайнописной азбуки, повидимому двухъ алфавитовъ. Ср. у Ягича подобную таблицу (с. 1005).

л. 200. Написанїе убогаго черньца калиграфѹ нѣкоемѹ и прочимъ книгописцамъ ѡ еже како подобаетъ писати бжественнаꙗ писанїя; нач.: Отсюда писати по бѹмагѣ или по покрытиемъ, по срѣне писати просто. . . Сходно (за незначительными варіантами) со статьею рукописи Тихонравова, начало которой напечатано у Ягича, на стр. 1003, продолженіе же отмѣчено, какъ варіантъ къ тексту, наход. на стр. 720—724; на л. 204 въ нашей руко-

писи противъ напечатаннаго текста есть пропускъ, какъ и въ Тихонравовской рукописи (въ печатномъ текстѣ: блюди писателю прилѣжно до сл. проклатъ; Ягичъ, стр. 722).

л. 206. Безъ заглавія. Нач.: стыхъ аггл и стыхъ аплъ и свщенныхъ архиепкпъ покрыто пиши, сиі рѣчь по бѕ'метомъ... Напечатано у Ягича, стр. 707 — 719 подъ заглавіемъ: Сила соуществꙋ книжнаго писма. Въ рукописи Тихонравова эта статья также не имѣетъ заглавія и находится въ томъ же мѣстѣ, какъ и въ нашей рукописи. Сравнительно съ печатнымъ текстомъ статья эта гораздо пространнѣе, только въ общихъ чертахъ напоминаетъ напечатанную, обнаруживая иногда сходство съ находящимися въ примѣчаніяхъ выписками изъ рукописи И. публичной библ. О. XVI. 1; такъ же, какъ въ рук. О. XVI. 1, отсутствуютъ замѣчанія на букву ѵ и непосредственно за статьей о ѳитѣ идутъ слова: ѳилософъ хытрорѣчыа и пѣвецъ доброгласна ѿ юности не навыкохъ, но грѣховъ прилѣжахъ. Заключеніе статьи Да не ѕазри же любовь твоя грꙋбости моеи, не нами бо сие, но вѣра наша съ бгомъ поможе намъ въ текстѣ, напечатанномъ на 719 стр., отсутствуетъ.

л. 219. Инъ превꙋ вопрꙋ; нач.: Чего ради многи бꙋквы во аѕбꙋцѣ словенстей не како во иныхъ писменехъ... Статья обрывается на полусловѣ.

2. *Лѣствица* Іоанна Синайскаго въ спискѣ начала XVII вѣка, въ 8-ую долю листа, на 204 листахъ, на бумагѣ (филигрань: щитъ съ изображеніемъ внизу крѣпостныхъ воротъ). Письмо — полууставъ слегка наклоненный. Правописаніе русское съ рѣдкимъ и случайнымъ употребленіемъ ж. Начала и конца недостаетъ; начинается срединой слова 4-го (о послушаніи): ...но исцѣлѣѿ. о раз'бойницѣ. Страшно нѣкамо шѐ во ѡщее житїе.. (по старопеч. изд. 1647 г., об. л. 47 и л. 48); кончается срединой слова о разсужденіи: ....а не паче радости яко забавлениа сѣти (въ изд. 1647 г. л. 228 об.). Такимъ образомъ рукопись заключаетъ въ себѣ:

л. 1 — 40. Слово о послушаніи.

л. 40 — 57. Ѡ покаяніи попеченнѣ і истиннѣ, въ нем' же и ѡ тем'ници бгооугоднѣи стыхъ ѡсоужденникъ. сло .є.

л. 57 — л. 62. О памяти смртнѣи. сло .ѕ.

л. 62 — л. 76. О радостотворнѣ плачи. сло .з.

л. 76 — л. 83 об. Ѡ без'гнѣвіи кротости. с .и.

л. 83 об. — л. 86 об. О ѕлопоминаніи. сло .ѳ.

л. 86 об. — л. 89 об. Ѡ оклеветаніи. сло .і.

л. 89 об. — л. 91 об. О многословіи і ѡ мол'чаніи. сло .аі.

л. 91 об. — л. 93 об. О л'жи. сло .ві.

л. 93 об. — л. 96. Ѡ оуныніи. сло .гі.

л. 96 — л. 103. О всюдѹ словащии і обладающ... лѹкавѣи оутробѣ. сло .ді.

л. 103 — л. 123 об. О бестлѣннѣ въ тлѣнныи ѿ трѹдо и потѡвъ, о чистотѣ и цѣломѹдріи. сло .єі.

л. 123 об. — л. 124 об. Ѡ сребролюбіи. сло .ѕі.

л. 124 об. — л. 126 об. Ѡ нестяжаніи. сло .зі.

л. 126 об. — л. 130. Ѡ нечюв'ствіи, рекше оумертвеніи дша, и смрти оумныя прѣже смерти дѹшевныя. сло .иі.

л. 130 — л. 131 об. О снѣ і о мтвѣ и о іже въ сборѣ пѣніи. слово .ѳі.

л. 131 об. — 134 об. О бдѣнии тѣлеснѣмъ и како подобаетъ то проходити. сло .к.

л. 134 об. — л. 136. О немѹжъственѣ страхованіи. сло .ка.

л. 136 об. — л. 143 об. О многоѡбразнѣ тъщеславіи. сло .кв.

л. 143 об. — л. 152. О презорствѣ сло .кг.

л. 152 — л. 156 об. О кротости, и простотѣ, и неѕлобии, и лѹкавствѣ. сло .кд.

л. 156 об. — л. 170. О страстнѣ погѹблени, вышнѣ смиреномѹдріи, невидимо чюв'ство. сло .кє.

л. 170 — л. 204 об. Ѡ разсѹждении помысленѣ и страстнѣ и добродѣтелнѣ. сло .кѕ.

Текстъ Лѣствицы довольно близокъ къ изданію 1647 г.; су-

щественная разница съ изданіемъ заключается въ томъ, что въ рукописи за однимъ исключеніемъ (на л. 190 об.—191—всего девять строкъ) нѣтъ толкованій[1]. Толкованія самого Лѣствичника введены.

3. *Оказаніе о россійскихъ святыхъ*. Рукопись начала XVIII в., въ восьмую долю, на 56 листахъ (изъ которыхъ первые пять бѣлые), неполная: недостаетъ конца (кончается перечетомъ святыхъ «Нижнева Нова града») и двухъ листовъ между 18 и 19 съ частью списка московскихъ святыхъ. Листы 27—32 по ошибкѣ вплетены не на мѣстѣ: они должны слѣдовать за л. 10. Письмо рукописи полууставное мелкое съ киноварью въ заглавіяхъ и заглавныхъ буквахъ. Бумага съ филигранью Pro patria голландской обработки (довольно сходно съ изображенной въ книгѣ Н. П. Лихачева, «Бумага и бумажныя мельницы» № 503). Переплетъ изъ кусковъ стараго кожанаго переплета, крытый тисненой кожей. Общее заглавіе на л. 6-мъ подъ заставкой: Сказаніе ѡ росїискихъ стыхъ, иже во блгочестїи просїявшихъ и въ кіихъ градѣхъ прославлени быша чюдесы. Частныя заглавія слѣдующія: л. 6. Градъ Кіевъ, к немъ же и въ пещерахъ (л. 6 — 10 и 27 — 30). л. 30 об. Во градѣ Черниговѣ. л. 30 об. Во градѣ Брянскѣ. л. 31. Во градѣ Смоленскѣ. л. 31. В Великомъ Новѣ градѣ (л. 31 — 32, 11 — 16). л. 16. Града Пскова. л. 18. Цртвꙋющаго града Москвы. л. 21. Радонежьскаго мнтыря. л. 22 об. Звениграда. л. 22 об. Дмитрева града. л. 22 об. Можайска града. л. 23. Дорогобꙋжа града. л. 23. Града Переславля Залѣскаго. л. 23 об. Града Ростова. л. 25 об. Града Ярославля. л. 26. Града Вологды (л. 26, 33—35). л. 36. Града Бѣла езера. л. 36 об. Града Тот'мы. л. 37. Града Ваги Шенкꙋрскаго. л. 37 об. Града Оустюга. л. 38 об. Града Соли Вычегоцкїя. л. 39. Града Колмъ горы. л. 39 об. Града Архангелскаго. л. 40 об. Града Перми. л. 41. Соловецкаго мнтря.

1) Отмѣтка тѡ на полѣ л. 165 неправильна.

л. 42. Града Верхотѹрьѧ. л. 42. Града Мангазеѧ и Енисеѧ. л. 42 об. Града Каргаполѧ. л. 43. Града Олонца. л. 43 об. Града Оустюжны желѣзныѧ. л. 44. Града Новоторжска. л. 44 об. Града Твери. л. 46. Града Кашина. л. 46. Града Оуглѣча. л. 46 об. Града Костромы. л. 47 об. Града Галича. л. 48 об. Града Лѹховъ. л. 48 об. Града Юрьевца Поволскаг. л. 49. Града Василева. л. 49. Града Балахны. л. 49. Града Оѹздалѧ. л. 50. Града Юрьева Полскаго. л. 50 об. Града Шѹи. л. 50 об. Села Везниковъ (на полѣ прип. града). л. 51. Града Владимїра. л. 53 об. Града Боровска. л. 53 об. Града Карачева. л. 54. Града Белева. л. 54. Града Калѹги. л. 54. Града Волоколамскаго. л. 54 об. Града Серпѹхова. л. 55. Града Коломны. л. 55. Града Переславлѧ Рѧзаскаго. л. 56. Града Мѹрома. л. 56 об. Нижнева Нова града.

«Книга глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ» напечатана гр. М. В. Толстымъ по рукописи Московской духовной академіи № 209 XVII в. съ добавленіемъ біографическихъ данныхъ, заимствованныхъ издателемъ изъ разныхъ источниковъ, и приложеніемъ дополненій изъ нѣкоторыхъ другихъ рукописей и изданій (Чтенія И. моск. Общ. исторіи и др., 1887, кн. 4). Списокъ святыхъ изъ «Описанія россійскихъ святыхъ» напечатанъ въ приложеніи къ книгѣ Н. П. Барсукова «Источники русской агіографіи» (1882) по рукописи, принадлежавшей П. И. Савваитову.

Сравнительно со спискомъ Московской духовной академіи списокъ, видѣнный мною, представляетъ нѣкоторыя отличія въ порядкѣ расположенія святыхъ; кромѣ того въ немъ находимъ больше подробностей при замѣткахъ о святыхъ; не рѣдко указывается время обрѣтенія или перенесенія мощей, изрѣдка иконописныя данныя и свѣдѣнія о житіи. Такъ св. Михаилъ Тверской описанъ въ слѣд. словахъ: Стыи блговѣрныи кнзь михаилъ ꙗрославичь тверьскїи чюдотворецъ: сѣдина мала, плѣшивъ, брада аки михаила черниговскаго чю; на главѣ шапка, в̓ правой рѹкѣ животворѧщїи кртъ, а в̓ лѣвой мечь в̓ ножнахъ. оубїенъ ѿ

ординскаго царѧ азбака въ лѣто ҂ѕѿкз҃, ноѧбрѧ въ к҃в днѧ. Обрѣтены мощи его въ лѣто ҂з҃рма, ноѧбрѧ въ к҃д днѧ, а принесены мощи его в' лѣто ҂з҃рѯг сентѧбрѧ въ л҃ днѧ (л. 44 об.—45). Преп. Мартирій Зеленецкій описанъ такъ: Прп҃бныи мартірїи игѹменъ Зеленскаго острова обители Тр҃цкїѧ преставися въ лѣто ҂ѕ҃цв октѧбрѧ в' к҃в днѧ: писанъ в' Новогородскихъ' преводѣхъ' иже на тіхфинѣ рѣцѣ тверскаго и тихфінскаго чюдотворца, подобїе брада аки савы звенигородскаго чю҃, над'сѣда, в' схімѣ, ризы прп҃бнѧ; въ Иконописномъ подлинникѣ, изд. Ю. Д. Филимоновымъ, не упоминается. Преп. Авраамій Ростовскій описанъ такъ: Прп҃бныи авраамїи архимандритъ бг҃оѧвленскаго монастырѧ, преставися въ лѣто ҂ѕфи҃і, октѧбрѧ в' к҃ѳ днѧ, власы над'желты, сѣды, брада аки сергїева, а риза прп҃бническаѧ. чюдо сотвори велїе ст҃ыи ис камене бѣса велеса, егоже ѧко бг҃а преже нечестивїи людїе почитахѹ (л. 24 об.). Привожу еще нѣкоторыя выписки: Прп҃бнїи оц҃ы игнатїи, леѡнідъ, дїѡнисїи, ѳеѡдосъ, ѳерапѡнтъ, кѡрнилїи, аѳанасїи, ѹчн҃цы алеѯандра свирскаго. в' заднеи пѹстыни на ѡѧтѣ рѣцѣ, в' мн҃трѣ в'веденїѧ пр҃тыѧ бц҃ы ѿ свири рѣки пѧть поприщь по ѡѧти в'верхъ села арханг҃лскаго сермаѯа, идѣже оц҃ь и мт҃и алеѯандровы погребены (л. 15 об.—16; нѣтъ у М. В. Толстого и у Н. П. Барсукова; въ рукоп. Савваитова упомянуты). Прп҃бнїи оц҃ы елїазаръ и назарїи игѹмени мн҃трѧ мѹромскаго рж҃тва іоанна пр҃тчи, олонцкаго оуѣздѹ, новыѧ чюдотворцы, родо҃ римлѧне, а индѣ ихъ имена аѳанасїи и лазарь, бѣша в'лѣто ҂з҃, іюнѧ к' д҃ де҃ (л. 43 об.; ср. у Барсукова, стр. 193). Ст҃ыи праведныи трѹдникъ и пѹстынникъ михаилъ верижникъ въ мн҃трѣ оуспенїѧ бц҃ы и ст҃аго никѡлы иже на клѧзмѣ рѣцѣ во мстерской волости гдр҃евой, новыи чюдотворецъ, подобїемъ староѡбра҃ без' брады, воз'растомъ великъ, в' свитке власаной, чиномъ бѣлецъ, бы҃ въ лѣто ҂ѕ҃ца, поживе волѣ пятидесять лѣтъ, ѿ града вязниковъ десять верстъ, ѿ владимира ниже сто верстъ, ѿ оки рѣки тридесять верстъ, ѿ гороховца четыредесять; на гробѣ его положенъ камень и кр҃тъ вырезанъ, на д'скѣ и лѣтопи҃, обра҃ старой на гробѣ штилистовой; область патрїарша; в мн҃трѣ

было десят иноковъ; былъ древле строитель алеѯандръ (л. 50 об.— 51). Такихъ подробныхъ описаній святыхъ въ рукописи немного. Что касается до дополненій въ именахъ святыхъ сравнительно съ спискомъ Савваитова и Московской духовной академіи № 209, то они слѣдующія:

Въ числѣ святыхъ города Кіева прибавлены Георгій и Святославъ — братья Бориса и Глѣба: г. Стыя благовѣрныя великія кнзи борисъ и глѣбъ, дѣти его (Владимира), геωргіи, свѣтославъ; оубіени быша ѿ брата сватополка въ лѣто ѕфкд, сентабря въ е дня и іюля въ кд дня; ωбрѣтены моцıи в лѣто ѕфп (л. 6 об.; у Барсукова Георгій упомянутъ). Далѣе прибавлены: Прпбніи оцы еі іконопісцы, Прпбніи оцы з зодчіи каменосѣчцы, Прпбніи оцы двое во гробѣ, имена ихъ бгъ вѣсть, Прпбныхъ оцъ главы кв мvроточивыя (л. 29 об).

Въ числѣ святыхъ Новгородскихъ прибавлены 1) Прпбныи макаріи началникъ оуспенскаго мнтра пртыя бцы, иже за ладожскимъ езеро на рѣцѣ оредеже, новыи чюдотворецъ, оучнкъ прпбнаго алеѯандра свирьскаго, бѣ к лѣто зм (л. 13 об. — 14; у Барсукова упомянутъ со ссылкой на иконописный подлинникъ). 2) Еще два брата соколенски оу црькви стаго климента папы рімскаго, лежатъ на иверовой оулицѣ на посадѣ (л. 15).

Въ числѣ святыхъ «града Колмъ горы» упомянутъ: Прпбныи оцъ макаріи игумне черногорскаго мнтра грузинскія бцы, на двинѣ рѣцѣ, новыи чюдотворецъ (л. 39 об.). См. у Барсукова (стр. 345), пр. Сергія (III, с. 65) и Филимонова (стр. 68).

Въ числѣ святыхъ града Верхотурья помѣщенъ Стыи праведныи іωаннъ верхотурскіи (л. 42). По указанію Барсукова (с. 243) онъ упомянутъ въ спискѣ Описанія рос. святыхъ Кіево-софійской библ.

Въ числѣ святыхъ града Мангазея и Енисея упомянуты: Прпбніи оцы лωгинъ и германъ и боголѣпъ, началники кожера озера, Прпбныи кωрниліи началник спскаго мнтря, кожеозерскія чюдотворцы (л. 42; у Барсукова, 331, 319). Корнилій, по указанію Барсукова, помѣщенъ въ Описаніи рос. св. Кіево-соф. библ.

Въ числѣ святыхъ града Каргополя находится Прп҃бныи васіанъ началникъ прѣставися в' лѣто з҃р҃м (л. 42; см. Барсуковъ, 98).

Въ числѣ святыхъ града Устюжны Желѣзныя находится Прп҃бныи оц҃ъ гѹріи игѹм҃е ржт҃венскаго мнт҃ра шалатцкаго, иже на мологѣ рѣцѣ, оустюжны желѣзопольскія новаго чюдотворца (л. 44). По указанію Барсукова упоминается въ Сказаніи о рос. св. Кіево-соф. библ. (Барс. 143).

Въ числѣ святыхъ г. Галича упомянуты: Прп҃бніи оц҃ы четыре брата оу соли галическія в' воскр҃сенскомъ мнт҃рѣ, обрѣтены мощи ихъ во р҃з҃ю҃ г годѹ цѣлы и нетлѣнны, а обрѣтены мощи ихъ какъ в' т҃о воскр҃скомъ мнт҃рѣ дѣлали цр҃ковь каменнѹю, рвы копали (л. 48).

Въ числѣ святыхъ града Юрьевца Поволскаго упомянутъ Прп҃бныи иларіонъ началн҃и мнт҃ра оуспенія прт҃ыя бц҃ы на моче рѣцѣ (л. 48). По указанію Барсукова (с. 219) находится въ сп. Описанія о рос. святыхъ Московской духовной академіи № 209, но въ изданіи этой рукописи М. В. Толстого имени его нѣтъ.

4. *Сборникъ* начала XIX в., въ четвертку, на 239-ти листахъ, на синей бумагѣ. Письмо полууставное поморскаго типа нѣсколькихъ почерковъ; въ заглавіяхъ нерѣдко киноварь; правописаніе русское. Рукопись составлена изъ трехъ рукописей: 1) 1—9, 2) 10—166, 3) 167—239; вторая и третья рукописи имѣютъ въ началѣ свой счетъ листовъ. Переплетъ досчатый, крытый кожей, съ застежками. На оборотахъ лл. 1 и 3 хорошія изображенія райскихъ птицъ въ краскахъ. Алконостъ съ черными волосами, женскимъ лицемъ и грудью, въ коронѣ съ зеленымъ верхомъ, въ малиновой съ желтымъ одеждѣ, изъ подъ которой видны зеленые рукава сорочки; перья, начинающіяся отъ пояса, малиновыя, желтыя и зеленыя, крылья желтыя съ малиновымъ, лапы коричневыя; хвостъ павлиній; руки человѣческія, въ одной—цвѣтокъ, въ другой—свитокъ съ надписью: Праведникъ іако финѝ процвѣтетъ і іако кедръ иже в ливанѣ оумножится, славою и

честїю вѣнчалъ еси. На лицевой сторонѣ л. 2-го объясненіе картинки:

Книга гранографъ. глаᷣ д҃. и ч҃и.
Птица алконостъ; бли҃ рая пребываѥ҃,
Нѣкогда и на еѳратѣ рѣкѣ бываетъ.
Єгда же в' пѣнїи гласъ испущаетъ,
Тогда и сама себя не ощущаетъ.
А кто во близости ея будетъ,
Той все к' мире семъ позабудетъ.
Тогда оумъ егѡ ѿ него ѿходитъ
И дш҃а его ис тѣла исходитъ.
Таковыми пѣснами ст҃ыхъ оутѣшаетъ
И будущую имъ радость возвѣщаетъ,
И мнѡгая бл҃гая тѣмъ скажетъ,
Что в' свит'кѣ якѣ покажетъ.

(Ср. Ровинскій, «Рус. нар. картинки», т. I, № 257).

Райской сиринъ. Въ окраскѣ прибавлена киноварь и голубой цвѣтъ (красныя лапы и нѣкоторыя перья, нѣсколько перьевъ голубого цвѣта). Рукъ у сирина нѣтъ, перья идутъ отъ самой шеи, хвостъ павлиній, какъ у алконоста, крылья въ три цвѣта — желтый, зеленый и красный, на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ; изо рта извилиной идетъ изрѣченіе праведницы во вѣке живутъ, и ѿ гд҃а мзда ихъ, и помышленїе ихъ пред вышнимъ. На л. 4 объяснительный текстъ:

Птица райская зовомая сиринъ,
Гласъ ея в пѣнїи ѕѣло силѣнъ.
На востоцѣ во едемскѡ҃ раю пребываетъ,
Непрестанно пѣнїе красно воспѣваетъ,
Праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ,
Которую гд҃ь ст҃ымъ своимъ обѣщаетъ.
Временемъ вылѣтаетъ и на землю к намъ,
Подобно сладкопѣснево поетъ яко же и тамъ.

Всякъ бо чл҃къ во плоти жива,
Не можетъ слышати гласа ея.
Аще кому слышати случится,
Таковыи ѿ житія свѣта сего ѿлучится,
Но не яко да тамъ онъ пребываетъ,
Но во следъ ея теча и падъ оумираетъ.

(Ср. Ровинскій, «Рус. нар. картинки», т. I, № 256). Лица обѣихъ птицъ тщательно оттѣнены.

л. 5. Выписано ис книги цвѣтника сщенноинока Дороѳея. Глава ѕі. листъ рмз на оборотѣ. Пооученіе о смертной памяти, еже есть побѣда на оуныніе оумное и лѣность и премоганіе. Нач.: Велми нужно и на ползу есть намъ многу и великъ оуспѣхъ души бываетъ, еже поминати на на всякъ часъ смертную кончину....

л. 8. Книга стоглаⷡ глаⷡ ч. Ѳоборной ѿвѣтъ комуждо свой чинъ хранити. — Отрывокъ.

л. 9. Выписки изъ Книги о вѣрѣ (гл. 28, л. 257, по изд. 1648 г.) и изъ Стоглава (гл. 40) о стриженіи бородъ—отрывокъ.

л. 10. Житіе прпбнаго оца нашего василія новаго списано григоріемъ оучнкомъ его. выписано из минеи четіи печа, листъ рпе. Ссылка на кіевское изданіе 1700 г., сходно до л. 204 об. (= 74 об.); въ концѣ недостаетъ одного листа.

л. 81. Григоріево видѣніе о страшномъ судѣ; нач.: В ту же нощь почивающу ми на одрѣ моемъ....

л. 156 об. Мца октября повѣсть о видѣніи коз'мы ігумена страшно и ѕѣло полезно. См. Прологъ 5-го октября (въ изд. 1641 г., л. 140—145). Текстъ рукописи совершенно сходенъ съ проложнымъ сказаніемъ.

л. 167. Четь минея, мца октября во вторый днь, списано часть ѿ житія стаго андрѣя ха ради юродиваго. Нач.: Толико же стыи андреи благооугоденъ и возлюбленъ бгу показася.... Отрывокъ изъ Житія Андрея Юродиваго о видѣніи рая (см. Минею четію, Кіевъ, 1689, ч. 1-я, л. 218—220).

л. 178. Книга кирила іеросалимскаго, глава кѕ о латынскихъ ересехъ, листъ слд, на шборѕ. Нач.: Вопросъ филосоѳа греческаго константина панагіоωта к папскомꙋ кардиналꙋ иванꙋ азимитꙋ; рече: чесо ради папы ваши и вси црковницы стригꙋтъ брады, рцы ми... Отрывокъ изъ «Пренія Панагіота и Азимита». См. въ Кирилловой книгѣ (изд. 1900, л. 234 об. — 236). Ср. у Попова, «Обзоръ полем. сочин. противъ латинянъ», стр. 273—274 (вторая ред.).

л. 181. Выписано ис книги глаголемыя пандокъ, твореніе стаго оца нашего неронима ω мерзостнѣи травѣ табакѣ, ωткꙋдꙋ взялася и развѣлася по вселеннѣи на пагꙋбꙋ хꙋдоꙋмнымъ и мерзостнымъ человѣкωмъ. Нач.: Ѡ семъ писано есть, еже видѣ стыи апл̃ъ еѵ̃листъ іωаннъ бгословъ... Сравнительно съ текстомъ, изданнымъ Костомаровымъ въ вып. 2-мъ «Памятниковъ старинной рус. лит.», ст. 427 — 434, текстъ рукописи представляетъ частью дополненія, частью сокращенія.

л. 205. Выписки изъ Соборнаго уложенія (гл. 25, ст. 11 и 16) и изъ Книги о вѣрѣ (по изд. 1648 г., л. 128) о пьянствѣ и куреніи табака.

л. 207. Выписки изъ Кормчей: 1) Ѡ постриженіи брады. 2) Почто, рече гдь, не растите власъ главы своея..., 3) Ѡ растящихъ власы и красящихся ими. Выписка изъ посланія Никиты мниха о опрѣснокахъ; см. Кормчую 1653 г., л. 388 об.— 389 об.

л. 210. Выписки изъ Апокалипсиса (гл. 20, 21 и 22); послѣ 20-ой главы вставлена выписка изъ гл. 30-ой Книги о вѣрѣ.

л. 219 об. Изъ Книги о вѣрѣ (гл. 28 съ ссылкой на л. 257 по изд. 1648 г.) о оголеніи усовъ и брадъ съ выписками изъ Никона Черногорца (сл. 63), евангелія, псалтыри и Маргарита о еретикахъ и нарушителяхъ заповѣди Божьей.

л. 222. Изъ Большого потребника 1639 г. (л. 103, гл. 40) о стриженіи бородъ.

л. 224 об. Выписки изъ книги Кирилла Іерусалимскаго.

л. 225 об. Книга венецъ вѣры, глⷡ ѳ. Слово о проклатѣ табаке; нач.: Не хотя гⷭь бгъ нашъ рода человѣча погубити...

л. 226 об. Книга стоглавъ глава ч. Ѿ достовѣрныⷯ повѣствователѣй; нач.: Во времена она бысть преславное чюдо... Разсказъ объ ожившей курицѣ при воскресеніи Іисуса Христа и о происхожденіи обычая христосоваться яйцами. Ср. у А. Ѳ. Бычкова въ Описаніи сборниковъ Публ. б., стр. 163; сходная по мотиву легенда объ ожившей курицѣ напечатана въ 1 вып. Пам. стар. рус. лит., с. 217. Ссылка на Стоглавъ невѣрна.

л. 227. Свидѣтелство преподобнаго иоан'на дамаскина о ꙗицѣ: ꙗицу подобно нбо и землꙗ; нач.: Вопрѡ. Чесо дѣлꙗ червлено ꙗицѣ на великъ днь...

л. 228. Мца Іюлꙗ въ а дня повѣсть стагѡ Нила; нач.: Вѣждь, чадо, ꙗкѡ маловременнъ есть родъ человѣческїй... См. Прологъ подъ 1-мъ іюля (въ изд. 1702 г., л. 565).

л. 229. Замѣтки: о запрещеніи пить табакъ (съ ссылкою на «книгу Феодора Балсамона»), пить чай (съ ссылкой на «книгу Іоанна Занара»: Аще кто дерзнѣтъ пити чай, той ѿчаетсꙗ симъ самого гда бга), пить кофе (съ ссылкой на ту же книгу: Аще кто дерзнетъ пити кова, и в томъ члвке будетъ коѳа и лукавство....).

л. 229 об. Замѣчанія о пьянствѣ и табакѣ (изъ Книги о вѣрѣ), о сходствѣ значенія священниковъ и епископовъ (изъ Кормчей и другихъ источниковъ), о Донатистахъ (изъ Кормчей и Баронія), о вторичномъ крещеніи (изъ Правила апостольскаго 47 съ толкованіемъ), о священнослуженіи внѣ храма и о замѣнѣ мура елеемъ (изъ «Книги Матвѣевой»—Отвѣтовъ Іоанна Китрскаго, обыкновенно присоединявшихся къ Синтагмѣ М. Властаря, по изд. В. Н. Бенешевича, гл. 13 и 15), о последниⷯ днеⷯ (заглавіе надъ страницами; изъ Большого катихизиса), ѿпаденїе римско (заглавіе надъ страницами; изъ Книги о вѣрѣ), о числѣ звѣриномъ и времени пришествія антихриста (изъ 13-й главы апокалипсиса, съ ссылкой на слово 4-е Андрея Кесарійскаго и съ толкованіемъ), о безкровнеи жертве (съ поля; о священнослуженіи внѣ

храма съ краткими ссылками на источники). Въ концѣ (л. 239) мелкія выписки изъ св. писанія и замѣтки.

Остальныя рукописи екатеринбургскаго собранія представляю въ краткомъ перечнѣ, надѣясь впослѣдствіи дать болѣе или менѣе полную ихъ опись:

5. Трефолой безъ начала и конца, съ апрѣля по августъ, начала XVI в.; въ четвертку, полууставомъ.

6. Златоструй XVII в. съ добавленіями XVIII в.; въ листъ, полууставомъ.

7. Пѣвчая книга: ирмолой, отрывки изъ октоиха и праздничника конца XVII в.; въ четвертку, полууставомъ.

8. Цвѣтникъ начала XVIII в.; въ четвертку, полууставомъ.

9. Октоихъ, праздничникъ и ирмолой (пѣвчая книга) начала XVIII в.; въ четвертку, полууставомъ.

10. Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго въ сп. XVIII в.; въ четвертку, полууставомъ и скорописью.

11. Книга поморскихъ отвѣтовъ въ спискѣ начала XVIII в.; въ четвертку полууставомъ.

12. Вопросы и отвѣты между безпоповцами и бѣглопоповцами въ сп. XVIII в. (1757 г.); въ четвертку, полууставомъ.

13. Хронографъ начала XVIII в.; въ листъ, полууставомъ. 170 главъ до царствованія Алексія Михаиловича, затѣмъ печатныя приложенія.

Во второй екатеринбургской библіотекѣ хранится цѣнная пергаменная рукопись четвероевангелія съ вкладною 1556 года. Рукопись въ листъ, на 203 листахъ. Письмо крупное полууставное начала XVI вѣка; заставки уродливыя, какъ будто новѣйшаго письма; заглавныя буквы подкрашены вновь; вязь заглавій писана золотомъ по зеленому, малиновому, красному и синему полю; въ замѣткахъ на поляхъ, мелкихъ заглавіяхъ и значкахъ киноварь; линовка очень слабая, иногда почти незамѣтная; переплетъ досчатый, крытый краснымъ бархатомъ, съ застежками.

Правописаніе рукописи съ вліяніемъ средне-болгарскаго. Въ текстахъ поправки.

Вкладная находится въ началѣ рукописи, писана характернымъ западно-русскимъ почеркомъ: В лѣта божѣего наро[ж] ҂афн҃ѕ ѹ велики[и] постѣ на ѳедорово[и] недели в новегородкѹ преставися преѡсвещенны[и] архиепско митрополи[т] киевски[и] и галицки[и] и всеѧ рѹси макаре[и]; и по смерти его м[н] привезены до мене ивана горностаѧ воеводы новгородского маршалка дворного писаркего земѣско книги его, которыи при его мѧти были, то[е] евангелие напрестолное, на пар̾кгамине писано[е], чорнымѣ аксамито[м] покрытое и серебро[м] по[з]лотисто ѡправеное в деста, а чотыри (по стертому болѣе новымъ черниломъ) прелоги по три мцы въ каждомѣ (далѣе по стертому тоже западно-русскимъ почеркомъ), которыиѧ книги тое евагелие ѿсылам̾ и даю на соборную црко тамже в новегородце сты[х] мученикѣ бориса и глеба, а тые чотыри прелоги к манастырю стое живоначалное тро[и]ци ѹ вини на памета дши его мѧти ѡтца митрополита и свое те[ж] ради спсениѧ дшевно (снова старый почеркъ — подлинная подпись) I..... (прочесть нельзя) Іва[н] Горноста[и] вое но маршалк дворни писарь земски[и] ве кз ки[г] (не ясно вслѣдствіе росчерка; можетъ быть, слѣд. читать: вел. князя кіевскаго). Съ правой стороны около этой записи приписано: Пото, кгды з допущенѧ гнѣва бо[ж]его гре[х] ради нашы[х] сталаса пожога в мѣсте в менаско в року ҂афн҃з мо на свето[и] недели в середу, где в оно чсе и церква ви[н] ѩко светое троицы та и соборное пр̃чтое бгоро[ди]цы и ины[и] падее и раздрѹшее немалое са стало, и вси ре[чи] церковные ѩко книги и сосу[ды] всякия погорели. а та ѧ ива горноста[и] з волею и благословенемѣ е м[н] ѡтца мітропо[ли]та селиве[ст]ра сее евагелие, которо е[с] бы[л] в новегородце ѿда[л] на свѧты бориса и глѣба, чина рано здешне[и] виленско[и] церкви бо[ж]е[и], ѿто[е] вслышы и пренесшы, по тои же ѡбычае мою (молитвою?) и вѣчно даю его на церковѣ бо[ж]ю, то еста светое тро[и]цы ѹ вини вѣчне и не<пору>[ш]но.... далѣе обрѣзано.

Кромѣ этой рукописи въ библіотекѣ имѣется значительное число старопечатныхъ книгъ.

Перечень пріобрѣтенныхъ рукописей.

1. *Отрывокъ изъ апостола* первой половины XIV вѣка. Лоскутъ пергамена. Рукопись была въ листъ, писана въ 2 столбца, уставомъ. На сохранившихся остаткахъ заключаются ст. 20 и 21 гл. 2-й второго посланія ап. Петра, ст. 2, 3, 7, 8, 12 и 13 гл. 3-й того же посланія. Правописаніе русское. Нач.: вѧзак-шесѧ повиньни бъıваютъ. бъıша жѐ. имь послѣднаꙗ горьшѧ <пь>рвъıхъ. оуне бо бъı имь не разоумѣти поути праваго или. . . .

Рукопись извлечена изъ переплета одной изъ рукописей XVIII в., купленныхъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ. По новой описи: 45. 8. 128.

2. *Четвероевангеліе* послѣдняго десятилѣтія XV в. Рукопись въ четвертку на 323-хъ листахъ, въ одинъ столбецъ по 20-ти и по 22 строки, на бумагѣ; филиграни: 1) бычачья голова съ стержнемъ между рогами изъ одной черты, заканчивающимся цвѣткомъ о пяти лепесткахъ (близокъ къ № 1174 атласа Н. П. Лихачева), 2) бычачья голова съ крестомъ, перевитымъ змѣею (у Н. П. Лихачева № 1177) и 3) три горы съ большимъ крестомъ — знакъ малыхъ размѣровъ (близокъ къ № 1175 Н. П. Лихачева). Листы 1—15, 21—28, 119, 317—323 вклеены въ XVIII в. въ замѣнъ утерянныхъ старыхъ (филигрань—гербъ г. Амстердама).

Письмо рукописи полууставное. Въ старшей части можно

выдѣлить три почерка: 1) до л. 224 и съ л. 301 об. до л. 316, 2) лл. 225—226, 3) л. 227—301. Передъ евангеліями Марка, Луки и Іоанна заставки изъ перевитыхъ круговъ, разцвѣченныя въ четыре цвѣта (синій, зеленый, красный и желтый); начальный листъ ев. отъ Матѳея — XVIII в. съ грубо исполненной заставкой; заглавія, начальныя буквы, обозначенія зачалъ и порядокъ чтеній — писаны киноварью. Изъ особенностей письма слѣдуетъ отмѣтить употребленіе є вм. к, оу преимущественно передъ ѹ, ї передъ гласными (изрѣдка передъ согласными); во второмъ и третьемъ почеркахъ написаніе (не постоянно) є въ видѣ греч. ε, а иногда въ видѣ греч. α, надстрочное ѣ въ видѣ +, ж въ видѣ перечеркнутаго лежачаго греч. γ; изрѣдка встрѣчается ѻ, ꙑ съ высокимъ, закругленнымъ ъ (ы), очное ꙩ. Изъ вязей (кромѣ заглавій) отмѣтимъ тр, тв, ау, въ, ув, тѡ.

Правописаніе рукописи русское, но съ нѣкоторыми непослѣдовательными средне-болгаризмами; ж не встрѣчается, а только за согласными, ъ въ плавныхъ сочетаніяхъ по преимуществу вслѣдъ за плавнымъ, а вм. ꙗ послѣ гласныхъ (ѿвер̾зетса и ѿвръзаетса — л. 187, на тръжищи̏ и на сон̾мищи̏ — л. 218, твоꙗ и рыдаахѹ — л. 171).

Переплетъ рукописи досчатый, крытый кожей, съ мѣдными застежками.

л. 1. Гдь бесѣдоуетъ Григорию. Нач.: Ѡе, григоріе, молитвами и моленіемъ оугодника моего василїа оумоленъ быхъ сила вса показати тебѣ... (изъ житія Василія Новаго).

л. 3. Сказаніе о четверичномъ числѣ евангелій. Нач.: Вѣдомо боуди ꙗко четыре сѹ еѵліа...

л. 4. Сказаніе пріемлющи̏ всего лѣта число еѵлїа, ѿкоудѹ начинаютса и догдѣ стаю. Нач.: Вѣдомо да есть, ꙗкѡ чтѣса...

л. 6. Молитва приступающимъ къ чтенію евангелія. Нач.: Гди їсе хрте. сне единородныи...

л. 8. Ѳеофилакта архїепкпа болгарскаго предисловїе еже ѿ матѳеа стагѡ еѵаліа (листы перебиты: послѣ л. 9 должны слѣдовать лл. 12, 10, 13).

л. 11. еже ѿ ма҃ѳа ст҃аго еѵⷢ҇лїа главы (продолженіе оглавленія на л. 7-мъ).

л. 15. ѿ маѳ҃ѳеа ст҃ое бл҃говѣствованїе.

л. 93. еже ѿ марка ст҃го еѵⷢ҇лїа главы.

л. 94. прⷣ҇есловїе е ѿ марка ст҃го еѵⷢ҇лїа.

л. 96 (подъ заставкой). ѿ марка ст҃ое бл҃говѣствованїе.

л. 144. еже ѿ лоукы ст҃го еѵⷢ҇лїа глⷡ҇.

л. 146. прⷣ҇ѣсловїе еже ѿ лоуⷦ҇ ст҃го еѵⷢ҇алїа.

л. 147 (подъ заставкой). ѿ лѹкы ст҃го бл҃говѣствование.

л. 233. еже ѿ ішанна ст҃го еѵⷢ҇лїа глⷡ҇.

л. 233 об. прѣдисловїе еже ѿ іоанна ст҃го еѵⷢ҇лїа.

л. 234. оуказъ на ст҃оую пасхоу на литоургїи сице (въ монастыряхъ).

л. 235 (подъ заставкой). ѿ ішанна ст҃ое бл҃говѣствование.

л. 301 об. Подобаеⷮ вѣдати како чтѹть еѵⷢ҇алїа въскрⷭ҇наа.

л. 303. соборника бі-ма мц҃ема сказѹа главы коемѹжⷣо еѵⷢ҇лїоу избранныⷯ стыⷯ и празⷣникоⷡ.

л. 310 об. Указатель евангельскихъ чтеній на весь годъ.

л. 323 об. Указатель евангелій воскресныхъ и на всяку потребу (безъ конца).

Рукопись пріобрѣтена изъ собранія екатеринбургскаго жителя Т. М. Кривкова. По новой описи: 32. 9. 11.

3. *Книга евангельскихъ чтеній* начала XVI вѣка. Въ восьмую долю, на 75 листахъ, въ одинъ столбецъ по 22 строки, на бумагѣ; филиграни: 1) бычачья голова особаго типа — изображенная немного наискось съ очень длинными рогами и звѣздочкой изъ пересѣченія трехъ линій надъ ними на стержнѣ, на другой половинѣ листа нѣчто въ родѣ змѣи; 2) готическая буква 𝔑 (?) перечеркнутая двумя паралельными чертами, изъ которыхъ одна, продолжаясь внѣ буквы, заканчивается съ обѣихъ сторонъ крестами (въ изданіи Н. П. Лихачева соотвѣтствующаго знака нѣтъ).

Письмо рукописи небрежный полууставъ съ киноварью въ

начальныхъ буквахъ. Изъ особенностей письма можно отмѣтить написаніе буквы є въ видѣ греч. ε, ч съ очень короткимъ стержнемъ — въ родѣ ѵ, замѣну ѥ посредствомъ є, частью же и посредствомъ ε; употребленіе оу преимущественно передъ у (на нѣкоторыхъ страницахъ наравнѣ съ нимъ). Правописаніе рукописи русское, довольно правильное.

Начала и конца книги евангельскихъ чтеній въ рукописи недостаетъ; начинается концомъ евангелія въ среду 7-й недѣли по Пятидесятницѣ (Мѳ. XV. 10): ‹призвавъ на›роды рѣ имъ; кончается евангеліемъ въ воскресенье 6-й недѣли по Воздвиженіи (Лук. VIII. 39): възврати в домъ свои и повѣдаи елика ти створи бъ и иде по всему граду... Порядокъ чтеній нѣсколько перепутанъ: послѣ евангелія въ воскресенье 10-й недѣли по Пятидесятницѣ помѣщено евангеліе въ понедѣльникъ 12-й недѣли по Пятидесятницѣ, евангеліе же понедѣльника 11-й недѣли находится на мѣстѣ понедѣльника 12-й послѣ воскресенья 11-й недѣли; послѣ евангелія воскресенья 16-й недѣли по Пятидесятницѣ помѣщено евангеліе понедѣльника и слѣдующихъ дней 17-й недѣли по Воздвиженіи до пятка 17-й недѣли по Воздвиженіи, за которымъ идетъ евангеліе субботы 17-й недѣли по Пятидесятницѣ и слѣдующія по порядку. Не всегда точно изложенъ и самый текстъ евангелій.

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 9. 5.

4. *Вторая часть Тріоди цвѣтной* начала XVI в. Рукопись въ четвертку, на 188-ми листахъ, на бумагѣ; филигрань: латная рукавица средней величины, надъ среднимъ пальцемъ на стержнѣ шестилучевая звѣзда.

Письмо — полууставъ, часто переходящій въ скоропись. Заглавія и начальныя буквы киноварныя. Въ отношеніи графическаго изображенія отдѣльныхъ буквъ слѣдуетъ отмѣтить исключительное употребленіе ε вм. є, ε и ѥ вм. ѥ, оѵ наравнѣ съ ѹ и рѣдко оу, ѕ квадратнаго преимущественно передъ ѳ. Изъ вязей

отмѣчу тр, тво, ау. Правописаніе русское; ѧ не различается отъ ꙗ и употребляется преимущественно передъ ꙗ и въ началѣ слоговъ, ꙗ изрѣдка и послѣ согласныхъ (ꙗко и ѧко, молонѧ и гонителꙗ, рѧѧ жителѧ сподоблꙗѧ); очень рѣдко послѣ гласной ставится а вм. ꙗ (сдѣанаа — 99, помышлаа — 77); въ плавныхъ сочетаніяхъ глухіе отсутствуютъ; вмѣсто ѣ нерѣдко ставится є.

Въ рукописи недостаетъ конца. Начинается службою недѣли о разслабленномъ (л. 1. нѣлꙗ ѡ разслабленем' к сѹботѹ веч҃ра на малои вечерни); см. Тріодь цвѣтную, изд. 1636 г., л. 364 и слѣд. Конч. словами: ...ритор҃ бла҃ безбожнымъ ѡгнедхѹвенымъ попа<лиша>... — вечерняя служба четверга 8-й недѣли по Пасхѣ (см. тамъ же, л. 609). Вложена въ досчатый, крытый кожей переплетъ, къ рукóписи не относящійся.

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 9. 12.

5. *Первая половина Октоиха* начала XVI стол. Въ листъ, на 125-ти листахъ, въ два столбца по 26-ти строкъ, на бумагѣ; филиграни: большая перчатка съ розеткой надъ пальцами и бычачья голова съ трехконечнымъ крестомъ, обвитымъ змѣею, надъ крестомъ цвѣтокъ изъ пяти лепестковъ, въ очертаніи головы крестъ четвероконечный съ шариками на оконечностяхъ (совершенно сходенъ съ № 1350 изданія Н. П. Лихачева — изъ рукописи 1508 года).

Письмо рукописи полууставная скоропись (л. 1 — 109) и полууставъ (л. 109 — 125 и — другой рукою — нѣкоторые страницы и столбцы на предыдущихъ листахъ). Заглавія и начальныя буквы киноварныя; є пишется какъ греч. ε, а при іотаціи также є; оу наравнѣ съ ѹ (во всѣхъ почеркахъ). Правописаніе русское; ѧ не различается отъ ꙗ и наравнѣ съ ꙗ ставится и послѣ гласныхъ (а вслѣдъ за гласными нѣтъ); въ плавныхъ сочетаніяхъ за очень рѣдкими исключеніями нѣтъ глухихъ; ѣ иногда вм. є и ь (пѣрвѹю, бѣздна, тѣрпащє); древній ѧ въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда онъ обыкновенно исчезаетъ, иногда превращается въ є (прєвышєши, прєставлєшагаса, рождєшию); встрѣчается ю послѣ шипящихъ (плачющи, стражющє). На л. 76 об. и 77 слѣдующая вкладная: лѣ ҂зми мца генва в кед при великѡ кнзє иванѣ василевич всеа рꙋ при прєсщнѡ архиеппѣ асафѣ дах ѳєдѡр василевич кагскѡн намєстни мартынꙋ иванѡв снꙋ да зинѡвю григѡрєвꙋ снꙋ ѡзабл ѡ книгꙋ ѡтаик перва гласа што покра гришка пєтрѡв снъ цркві стгѡ николꙋ в слѡбѡд в великѡи и ѳєдѡр василевич велє положити в дш стмꙋ в'скрнию и стмꙋ никѡлѣ а тꙋ были целованики василєй михаилѡ снъ баракѡ да лабар данилѡ снъ а люди добрыє ѳєдѡр ѳєдосѡв снъ да ива иванѡ снъ лєпнє, да иван василевъ снъ зык, да лꙋка акимѡв снъ. а пѡдписах зємскѡи дик илєика ѳєдѡтевъ снъ лѣ ҂зми гѡ. вєлико кнза целовалник василєи барков рꙋк приложи.

Экземпляръ октоиха неполный: окончаніе перваго гласа, второй, третій и начало четвертаго.

л. 1. Службы 1-го гласа. Нач. слов. . . . .крѣпко побѣдили єстє . . . .

л. 15 об. В сꙋб вєчръ на малои вєчрѣ стры вскрны в (службы 2-го гласа).

л. 65. В соу на малои вєчрнии на ги възва стиры въскрны гла г (службы 3-го гласа).

л. 108 об. В соу вєчръ на малои вєчрни стиры въскрны гла д (службы 4-го гласа — безъ конца).

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 1. 12.

6. *Вторая половина Октоиха* съ прибавленіями середины XVI в. Рукопись въ четвертку, на 324-хъ листахъ въ одинъ столбецъ по 20 и 22 строки, на бумагѣ; филиграни: 1) маленькій гербовый щитъ съ вертикальной полосой въ срединѣ и 2) буква Р съ раздвоеннымъ стержнемъ безъ розетки небольшой величины.

Рукопись писана полууставомъ двухъ почерковъ (съ л. 1 по

270 и съ л. 271 по 320). Заглавія и начальныя буквы киноварныя. Въ отношеніи графическаго изображенія отдѣльныхъ буквъ можно отмѣтить въ первой части употребленіе є преимущественно передъ ε при отсутствіи є, ꙋ преимущественно передъ оу (послѣднее только въ началѣ словъ); во второй части есть є для изображенія ѥ, нѣтъ ε, встрѣчается ү наряду съ ꙋ и оү. Правописаніе русское съ средне-болгаризмами въ отношеніи употребленія не іотированнаго ѧ послѣ гласныхъ и положенія глухихъ въ плавныхъ сочетаніяхъ (почти исключительно съ р); во второй части средне-болгаризмы встрѣчаются, какъ исключеніе. Въ первой части есть ж, но какъ рѣдкое исключеніе; ѧ и ꙗ въ обѣихъ частяхъ не различаются; встрѣчаются ѧ и ю послѣ шипящихъ.

Рукопись очень истрепана, была плохо подклеена; недостаетъ многихъ листовъ въ началѣ, между лл. 269 и 270 и въ концѣ. Отъ переплета сохранилась только задняя доска.

л. 1. Нач. словами: ...Ѥгда иже пло^{до}нос.... дрєво євреи крⷭ҇тн... тогⷣа вино искапалъ еси весел... пїанство слове злыⷯ ѿемлюще. Бъ законѣⷯ не падаⷮ похвала мч҃н<цы вашего> тръпѣнїа... Канонъ Кресту—среда—гласъ 5-й. См. въ Октоихѣ изд. 1631 г. вт. полов., л. 64.

л. 260 об. свѣтиⷶна в'скⷭ҇рены" и стиⷯры творение л'ва деспота.

л. 266 об. Свѣтиⷶны днєвныа чрєⷥ всю нєⷣлю.

л. 269. Пѣнїа троиⷱна ꙗⷨ поеⷮ въ великыⷯ постъ въ вса прочаа посты.

л. 271. Послѣдованіе часомъ, пѣваемымъ въ навечеріе Рожества Христова. Безъ начала; нач. словами: ... в родѣ иномъ ꙗко то ⷷ бг҃ъ наⷨ въ вѣки вѣка..... См. въ Минеѣ праздничной (по изд. 1645 г., л. 393 об.).

л. 289 об. послѣⷣование часоⷨ пѣваемыⷨъ в навечерие просвѣщенїа. См. тамъ же, л. 515.

л. 305 об. зачало часовоⷨ стго и великаⷢ патка. См. Тріодь цвѣтную (по изд. 1636 года, л. 136); статья не окончена, посл. слова: «...всемꙋ братии подобитиса да ми<лостивъ>..., л. 154.

л. 321. Отрывокъ л. изъ той же богослужебной книги.

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 9. 14.

7. *Минея служебная* за январь—февраль и мартъ—апрѣль середины XVI в., въ двухъ томахъ. Въ листъ, на 285 и 220-ти листахъ въ одинъ столбецъ—въ первомъ томѣ по 30 строкъ, во второмъ—по 30 и 26-ти; на бумагѣ; филигрань въ 1-мъ томѣ—рука маленькая въ рукавчикѣ съ фестонами и короной надъ пальцемъ; во 2-мъ томѣ — кувшинчикъ большой съ одной ручкой, съ буквами С. М. и короной съ розеткой надъ крышкой (см. у Лихачева, «Палеогр. значеніе», № 1735, взятый изъ рукописи 1547 года).

Рукопись писана полууставомъ двухъ почерковъ: 1) томъ первый и мартовская минея второго — л. 1 — 103 и 2) апрѣльская минея л. 104 — 220. Заглавія и начальныя буквы киноварныя; начальныя заглавія мѣсяцевъ писаны вязью. Изъ особенностей письма можно отмѣтить употребленіе є наравнѣ съ є, ꙋ наравнѣ съ ѹ, очень рѣдко ѻ. Правописаніе русское, съ частымъ, неправильнымъ употребленіемъ ж; ѧ изрѣдко ставится и послѣ гласныхъ, встрѣчается ю послѣ шипящихъ, и съ другой стороны послѣ шипящихъ ы вм. и (всελашыса, поющыхъ); попадаются средне-болгаризмы; таково употребленіе не іотированнаго ѧ послѣ гласныхъ, положеніе глухого въ плавныхъ сочетаніяхъ.

Переплеты досчатые, крытые тисненой кожей; съ передней доски второго тома кожа снята.

Въ рукописи три службы русскимъ святымъ:

л. 34. Евѳимію, архіеп. Новгородскому (11 марта).

л. 93 об. Іонѣ, митр. Московскому (31 марта).

л. 196. Стефану Пермскому (26 апрѣля).

Рукописи куплены въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 1. 10.

В. Срезневскій.

(Продолженіе будетъ).

Начало русской школы у Сербовъ въ XVIII в.

Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на югославянскія литературы.

(Окончаніе).

IV.

Второе письмо митрополита Моисея къ Петру Великому и къ канцлеру Головкину. Отношеніе Петра Великаго къ просьбамъ сербскаго митрополита. Посылка церковной утвари и книгъ для церквей и школы. Поиски учителей для сербовъ. Максимъ Терентьевичъ Суворовъ. Свѣдѣнія о немъ и его прежней дѣятельности. Приготовленія его къ отъѣзду въ Сербскія страны и отъѣздъ въ концѣ 1725 г.

Какъ уже было сказано, Бѣлградскій митрополитъ Моисей Петровичъ почти тотчасъ послѣ заключенія Пожаревецкаго мира, по которому его епархія подчинялась Австріи, обратился къ Петру Великому съ просьбою прислать учителей и книгъ для школы. Это было 1 сентября 1718 г., и свое письмо онъ писалъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ ту пору онъ еще былъ persona grata вслѣдствіе его услугъ во время недавней войны съ Турками. Но сербскій іерархъ уже въ этомъ письмѣ выставляетъ главнымъ мотивомъ своего обращенія къ Русскому царю борьбу съ пропагандою католицизма. Это его письмо должно было храниться въ тайнѣ и было послано чрезъ русскаго резидента въ Вѣнѣ Авраама Веселовскаго. Моисей просилъ дать отвѣтъ черезъ его же посредство. — Отвѣта онъ однако не получилъ. Можно думать, что письмо Моисея не дошло до Петра Великаго, тогда очень заня-

таго важнѣйшими государственными дѣлами, ибо онъ чрезвычайно заботливо относился къ подобнымъ просьбамъ югославянъ и вообще православныхъ.

Лишь только митрополитъ Моисей получилъ отъ печскаго патріарха Моисея Райовича (15 авг. 1721 г.) не только признаніе самостоятельности своей митрополіи, но и ея первостепеннаго значенія, какъ общей для всѣхъ сербовъ подъ властью «римскаго» императора, онъ обращается со вторымъ письмомъ къ царю Петру. Оно датировано 20 октября 1721 г. изъ Бѣлграда. Къ нему онъ приложилъ копію своего перваго письма 1718 г., на которое онъ не получилъ отвѣта.

Предлогомъ для новаго письма къ Петру Великому митрополиту Моисею послужили извѣстія о побѣдахъ надъ Шведами. Представляетъ интересъ и самое обращеніе сербскаго митрополита къ Русскому императору: «Богомъ данному, Богомъ вѣнчанному и Богомъ хранимому, Государю нашему Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлія Россіи Самодержцу, и прочая, и прочая, и прочая, благоговѣйное и рабское поклоненіе вси сотворяемъ». И это письмо сербскаго іерарха представляетъ въ сущности замаскированную жалобу на положеніе сербскаго православнаго народа въ Австріи.

Письмо начинается поздравленіемъ Петра съ окончаніемъ войны со Шведами. «Хотя противники истины всячески стараются попрать каждое наше чувство, чтобы мы не могли имѣть никакихъ утѣшительныхъ вѣстей», говоритъ митрополитъ Моисей, все же до насъ дошли, благодаря Бога, радостныя вѣсти о мирѣ со Шведами. Какъ бы оправдываясь въ замедленіи своего поздравленія или боясь его неумѣстности, Моисей замѣчаетъ, что сербы не могли скоро узнать или повѣрить подобному извѣстію, потому что враги всячески стараются уловить ихъ въ свои мрежи. Но они просятъ Бога,—если бы это извѣстіе объ окончательномъ пораженіи Шведовъ не оказалось еще вѣрнымъ,— о томъ, чтобы оно скоро оправдалось, и чтобы «къ общей ра-

дости православнаго народа» покорились «подъ стопы Вашего Царскаго Величества» всякіе враги и супостаты. «Ей, Господи Царю, буди, буди»! восклицаетъ митрополитъ Моисей.

Взывая о вниманіи къ нуждамъ сербскаго народа,—«понеже есми тоя православныя купели чада», онъ напоминаетъ о своемъ прошеніи 1 сентября 1718 г., которое и прилагаетъ въ копіи, и оправдываетъ свою вторичную просьбу тѣмъ, что сербамъ приходится жить въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для спасенія. Поэтому онъ прибѣгаетъ къ царю съ просьбою о милосердіи, какъ единственному послѣ Бога помощнику и утѣшителю, и рекомендуетъ своего логоѳета Владислава Малаеску, съ которымъ послалъ это прошеніе. Филиппъ Македонскій обрадовался рожденію сына Александра, говоритъ онъ, особенно потому, что живъ былъ Аристотель, которому онъ могъ ввѣрить «ученіе своего сына, а оно превосходитъ всякое богатство». «Буди, державнѣйшій Царю, къ намъ, яко другій Птоломей въ Еллинѣхъ», восклицаетъ Моисей и затѣмъ формулируетъ сущность своей просьбы слѣдующимъ образомъ. «Богъ посылаетъ насъ въ милость Вашего Царскаго Величества, какъ намѣстника своего на землѣ, чтобы освободить эти души отъ неученія; не просимъ тѣлесной, но душевной помощи, чтобы создать школы, просимъ двухъ учителей латинскаго и славянскаго языковъ, а славянскій языкъ есть нашъ языкъ, просимъ книгъ для церквей, такъ какъ типографій не имѣемъ». Эти свои просьбы онъ мотивируетъ тѣмъ, что «супротивніи» обманомъ и «лживыми» проповѣдями (казаніями) развращаютъ народъ, обѣщаютъ устроить для сербовъ свою типографію, чтобы печатать для нихъ книги, и учредить школы, при чемъ говорятъ, что «мы должны брать у нихъ, такъ какъ не имѣемъ своихъ собственныхъ».—«Да сохранитъ насъ Богъ отъ таковаго питія», восклицаетъ Моисей. «Аще бы просили отъ нихъ, со радостію хотѣли бы насъ положити въ ложніе ихъ пургаторій; оружія не имѣемъ, да отвѣщаемъ имъ», говоритъ онъ далѣе и объясняетъ, что уже некого въ сербской землѣ ставить во священники, а потому встрѣчаются села, которыя, за неимѣ-

ніемъ православныхъ священниковъ, принуждены прибѣгать къ услугамъ «фратровъ» въ своихъ церковныхъ нуждахъ. «Они объясняютъ такъ, что если мы не можемъ дать имъ священника, то они не оставятъ людей безъ духовной помощи и уже начали крестить и вѣнчать нашихъ, — и все это происходитъ отъ оскудѣнія нашего ученія».—«Будь вторымъ Апостоломъ Христовымъ для насъ, просвѣти и насъ, какъ и своихъ людей, чтобы враги наши не сказали: гдѣ ихъ Богъ»? восклицалъ іерархъ сербской земли». «Не ищемъ богатства, но только помощи для просвѣщенія, ученія и вооруженія душъ нашихъ для сопротивленія врагамъ нашимъ».—Взывая къ милосердію Петра Великаго, митрополитъ пишетъ: «Будь вторымъ Моисеемъ и избави насъ отъ Египта неученія».

Не смотря на всѣ пріемы краснорѣчія, свойственнаго этой эпохѣ, эта просьба владыки и главы сербской земли дышала такимъ страхомъ за будущее его паствы, въ словахъ слышалось столь много искренняго чувства, что Петръ Великій, зорко умѣвшій видѣть правду и истинную нужду и чрезвычайно бережливый въ средствахъ и затратахъ, не могъ не принять близко къ сердцу этого прошенія архіепископа и митрополита «Бѣлоградскаго и Сервійскаго, со всѣми нашими архіереи и православнымъ сербскимъ народомъ», какъ оно было подписано. Онъ захотѣлъ для сербовъ стать «вторымъ Моисеемъ», и вывести ихъ изъ «Египта неученія»....[1])

Логоѳету Владулу (Владиславу) Малаеску было дано вмѣстѣ съ тѣмъ особое письмо къ канцлеру графу Гавріилу Головкину. Объясняя ему свою просьбу, митрополитъ писалъ: «кое прошеніе есть яко да умилосердится православный царь, да поможетъ и помилуетъ насъ, яко да воскреснемъ и мы отъ оскудѣнія ученія, отъ коего зѣло бѣдствуемъ, знайдующеся нынѣ между лютыми звѣрми и противными православнаго закона, пославше намъ, свыше реченнымъ, двохъ учителей, умилосердившеся, Бо-

1) Описаніе документовъ и дѣлъ Святѣйшаго Синода. Т. II, ч. 1, приложенія, стр. 435—438.

говѣнчанный царь, и годовое устроеніе колико онымъ, такожде и убогимъ ученикомъ и собранія ради школьнаго (т. е. зданія для школы) и еще типографіи ради, понеже оскудны есми (Господь вѣсть), книгъ многіе церкве неимѣюще не могутъ совершати правила потребнаго». При этомъ онъ сообщаетъ, что уже дано разрѣшеніе сербамъ «держать сіе», но они сами не могутъ «совершить сіе душеполезное дѣло», почему и прибѣгаютъ къ царю съ просьбами о помощи, — «да не оставитъ насъ въ толикой скудости ученія, отъ коея достигохомъ въ толикую немощь во всемъ и будемо въ посмѣхъ противникомъ нашимъ». Слухъ о заботахъ Петра о просвѣщеніи Россіи достигъ до сербовъ, и потому митрополитъ Моисей пишетъ: «Многа и во многія страны царская великая милость достизаетъ грамотами, да будетъ, молимъ обще, и ко убогому христіанскому нашему народу, яко да *просвѣтимся*, да будемъ, молимъ, доколѣ не внидутъ гордіи и хищніи волци, да расхитятъ овца, оружія бо супротивъ стояти не имѣемъ». Кромѣ благочестиваго дѣла помощью этого рода православному народу, Русскій царь совершитъ и практически полезное для Россіи, по тонкому намеку митрополита Моисея: «да будетъ добродѣтель (т. е. благодѣтелемъ) царь Державнѣйшій нынѣ, когда есть время, яко да имать многую мзду отъ Бога, но еще да будемъ и мы *достойные рабы во подобное время*».

Эта просьба митрополита Моисея къ Петру Великому хранилась, вѣроятно, въ тайнѣ и была болѣе или менѣе личнымъ дѣломъ этого владыки, такъ какъ впослѣдствіи, послѣ его смерти, на вопросъ присланнаго изъ Россіи учителя Суворова на Карловецкомъ соборѣ въ февралѣ 1731 г. депутаты и представители сербскаго народа отвѣтили, что имъ ничего не было извѣстно объ этихъ прошеніяхъ покойнаго митрополита къ Русскому Императору [1]). Подобнымъ же образомъ отвѣтилъ и новый митрополитъ Викентій Іоанновичъ въ 1732 г. въ Вѣнѣ австрійскому

1) Описаніе док. и дѣлъ и пр. II, ч. 1, прилож., стр. 368—9.

министерству, которое запретило ему вступать въ сношенія, хотя бы письменныя, даже съ представителями иностранныхъ державъ въ Вѣнѣ, конечно имѣя въ виду Россію[1]).

Петръ Великій принялъ близко къ сердцу просьбу митрополита Моисея Петровича и въ Сенатѣ 11 мая 1722 повелѣлъ послать къ сербамъ двухъ учителей, а также и церковные предметы и книги, о которыхъ митрополитъ просилъ еще въ 1718 г. Велѣно было найти учителей латинскаго и славянскаго языковъ и поискать ихъ въ Кіевскихъ школахъ. При этомъ Малаеску представилъ реестръ нуждамъ сербской митрополіи и для себя просилъ на путевыя издержки 500 руб. и безплатный провозъ вещей, особенно чрезъ Польшу, при обратномъ проѣздѣ въ Сербію[2]).

Несмотря на стремленіе къ западному просвѣщенію и сближеніе Россіи съ Западомъ, Петръ Великій, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, Московскихъ царей, оказывалъ поддержку всѣмъ православнымъ церквамъ и странамъ. Особенно заботливо онъ относился къ судьбѣ православныхъ славянъ, гдѣ они имѣли соприкосновеніе съ Западомъ или были подъ властью католическаго правительства. За мѣсяцъ до своего рѣшенія о посылкѣ учителей сербамъ, 12 апрѣля 1722 г., Петръ, будучи въ Сенатѣ, въ присутствіи Синода, по синодскому докладу о притѣсненіяхъ православныхъ въ Венеціи, державѣ Цесарской и Польшѣ, повелѣлъ не только дать Коллегіи иностранныхъ дѣлъ указъ немедленно вступить въ сношенія о томъ, чтобы православные не были утѣсняемы въ Венеціи и могли свободно отправлять богослуженіе, но и послать особаго резидента въ Венецію, который долженъ ходатайствовать о возвращеніи имъ православной церкви, а если этого нельзя будетъ достигнуть, то повелѣно было купить мѣсто для церкви на имя

---

1) Лѣтопись Матицы Сербской. Вып. 199 (за 1899 г.), стр. 48, или въ отдѣльномъ изданіи статей Милутина Якшича: о Вићентију Іовановићу (Новый Садъ, 1900), стр. 50. Мы будемъ дѣлать ссылки на это отдѣльное изданіе.

2) Описаніе II, ч. 1, стр. 780.

резидента и построить церковь[1]). Петръ Великій уже и раньше обращалъ вниманіе на положеніе православныхъ въ Венеціи. Когда тамъ епископъ Мелентій Типальди, (ум. 1713 г.), грекъ родомъ изъ Кефалоніи, принялъ унію, Петръ, по жалобѣ венеціанскаго духовенства оставшагося вѣрнымъ православію, послалъ 7 декабря 1710 г. въ Венеціанскій Сенатъ укорительное письмо о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались православные, и дожъ оправдывался, утверждая, что Венеціанское правительство всегда относилось внимательно «къ царскимъ единовѣрцамъ»[2]).

Въ томъ же соединенномъ засѣданіи Сената и Синода Петръ Великій приказалъ тому же резиденту, котораго онъ предполагалъ послать въ Венецію, домогаться, чтобы въ Далматію былъ возвращенъ на свою епископскую каѳедру посвященный сербскимъ патріархомъ епископъ Стефанъ Любибратичъ, о насильственномъ удаленіи котораго донесъ въ Синодъ бывшій въ ту пору въ Россіи требинскій архимандритъ Леонтій[3]).—Тогда же

---

1) Это дѣло было возбуждено по жалобѣ игумена грека изъ Кефалоніи Герасима Фокоса, который въ своемъ представленіи Синоду жаловался на гоненія, претерпѣнныя имъ въ Венеціи за вѣрность православію, почему онъ и бѣжалъ въ Россію. (Описаніе докум. и дѣлъ, II, ч. 1, стр. 550 и дал.).

2) Епископъ Никодимъ Милашъ. Православна Далмациjа. Историjски Преглед. Новый Садъ 1901, стр. 333.

3) Леонтій, игуменъ Требинскаго Успенскаго монастыря, былъ посланъ въ Россію черногорскимъ митрополитомъ Даніиломъ по дѣлу о возвращеніи этому монастырю 1700 «червонныхъ златыхъ веницейскихъ», занятыхъ въ 1712 г:, во время войны съ Турками, посланными къ Черногорцамъ изъ Россіи полковникомъ Михаиломъ Милорадовичемъ и флота капитаномъ Павломъ Акулеемъ, а также съ просьбою дать въ монастырь церковныя книги и утварь (Описаніе, II, ч. 1, стр. 614).

Стефанъ Любибратичъ пріѣзжалъ въ Россію около 1710 г. Когда онъ вернулся въ Далматію, то былъ заключенъ въ тюрьму, по распоряженію венеціанскаго правительства, изъ которой былъ выпущенъ, такъ какъ обвиненіе въ измѣнѣ не было доказано: онъ утверждалъ, что ѣздилъ въ Россію, чтобы сговориться о подготовленіи содѣйствія со стороны Далматинцевъ во время войны Россіи съ Турками, т. е. во время Прутскаго похода (Милашъ. Прав. Далмациjа, стр. 346). Послѣ смерти епископа Саватія (1716) архимандритъ Стефанъ Любибратичъ принялъ въ управленіе Далматинскую церковь и сталъ ея епископомъ. По интригамъ католическаго духовенства, особенно задорскаго като-

было рѣшено исполнить все то, о чемъ просили православные той части Мутнянскаго княжества, за Ольтой, которая попала, по пожаревецкому миру, подъ власть Австріи. Эти румыны жаловались, чрезъ посредство князя Дмитрія Кантемира, на католическую пропаганду и отнятіе монастырей у православныхъ.— Что касается положенія православныхъ въ Польшѣ, утѣсняемыхъ уніатами, то тогда же Петръ Великій повелѣлъ написать ко двору королевскаго величества, при чемъ «крѣпкіе термины употребить, а для лучшаго охраненія послать въ Польшу коммиссара, который бы о такихъ случаяхъ желательные ко облегченію употребилъ промыслы, а ради твердаго благочестивыхъ въ православіи содержанія отправить къ нимъ коммиссаромъ изъ Россіи извѣстную въ такихъ поступкахъ духовную персону».

Понятно послѣ этого, почему столь участливо отнесся этотъ великій государь Россіи, считавшій себя защитникомъ православія и предвидѣвшій великую роль Россіи, какъ православной и славянской державы, къ просьбѣ сербскаго митрополита о просвѣщеніи православнаго народа, который становился лицомъ къ лицу съ западнымъ католическимъ міромъ. Россія, которая тогда искала себя для просвѣщенія на Западѣ и выписывала оттуда

лическаго архіепископа Змаевича, онъ былъ удаленъ изъ Далматіи. Стефанъ Любибратичъ былъ однимъ изъ помощниковъ Моисея Петровича и въ 1728 г. былъ назначенъ костайничскимъ или зринопольскимъ епископомъ, по предложенію митрополита Моисея. Когда Стефанъ Любибратичъ находился въ Бѣлградѣ въ 1727 г., во время отсутствія митрополита Моисея, туда пришелъ изъ Россіи монахъ Паисій, грекъ родомъ изъ Корфу. Онъ принесъ изъ Россіи Владимірскую икону Богородицы и при содѣйствіи епископа Стефана возобновилъ старинный монастырь Винчу неподалеку отъ Бѣлграда, который былъ основанъ деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ (1403—1427 г.). Паисій разсказывалъ, что онъ пришелъ «изъ Москвы» изъ Печерскаго монастыря, гдѣ принялъ постригъ. Въ описаніи этого монастыря при митрополитѣ Викентіи Іовановичѣ въ 1733 г. значится, что Паисій «постился въ тверскомъ монастырѣ въ Кіевѣ». Подъ словомъ «Москва» часто разумѣлась просто «Россія» въ XVII и XVIII вѣкахъ. Когда Турки въ 1739 г. вновь заняли Бѣлградъ, то игуменъ Θеодосій перенесъ эту икону въ монастырь Бездинъ во Фрушкой горѣ, а монастырь Винча былъ вновь разрушенъ и остается въ развалинахъ (см. Старинар, журналъ Бѣлградскаго археологич. общества, за 1887, стр. 33 — 40, статья архим. Илларіона Руварца).

учителей, явилась сама просвѣтительницей своихъ единоплеменниковъ и готовилась послать къ сербамъ учителей для народа, нуждавшагося въ защитѣ и охранѣ отъ существеннаго признака западно-европейской культуры—католицизма!

Скоро Синодъ приступилъ къ исполненію повелѣнія императора Петра I. Относительно выбора предметовъ церковныхъ для сербскихъ церквей большого затрудненія не было. Гораздо труднѣе былъ вопросъ объ учителяхъ. 19 іюня 1722 г. Синодъ предписалъ отобрать изъ оставшихся патріаршихъ ризъ и вещей облаченія для архіерейскаго служенія, а священническія и діаконскія одежды сдѣлать на синодальный счетъ новыя для трехъ церквей полныя, а для остальныхъ—по одной ризѣ съ епитрахилями и поручнями для каждой. Нѣкоторыя изъ вещей были выбраны изъ вещей Толгскаго монастыря, взятыхъ въ Синодальную ризницу, а другія, какъ напр. напрестольное евангеліе и серебряная кадильница,— изъ запаса Московскихъ соборовъ. Предположено было тогда послать въ Сербію даже больше предметовъ, чѣмъ просилъ митрополитъ Моисей. Между прочимъ, были отобраны для посылки сербамъ весьма дорогіе по тому времени предметы изъ вещей, оставшихся послѣ архіепископа Смоленскаго Варлаама, а именно саккосъ цѣною въ 197 р., омофоръ въ 25 р., архіерейскій чиновникъ въ 40 р., серебряные церковные сосуды въ 18 р. 15 алтынъ,—всего на сумму 280 р. 15 алтынъ. Между остальными предметами были также весьма цѣнные, напр. омофоръ патріарха Іоакима, шитый золотомъ и серебромъ, украшенный нитями жемчуга и серебряными и золотыми пуговицами, палица, украшенная яхонтами, изумрудами, бирюзою и съ кистями, унизанными среднимъ жемчугомъ, драгоцѣнная панагія, серебряные вызолоченые дикирій и трикирій вѣсомъ въ 1 ф. 77 зол. и т. п. Эти подарки различныхъ церковныхъ вещей сербскому митрополиту должно оцѣнивать въ нѣсколько тысячъ рублей. Сверхъ того были посланы полные круги церковныхъ книгъ для всѣхъ 12 церквей и митрополичьяго собора частью изъ синодскаго запаса, частью изъ Московской типографіи, но

мѣсячныхъ миней не хватило, и потому онѣ были даны только для митрополичьей церкви, а для остальныхъ—минеи общія.

Такая щедрость подарка и поспѣшность удовлетворенія просьбы митрополита Моисея доказывали, какъ близко къ сердцу принялъ Петръ Великій воззваніе къ нему сербскаго іерарха, жаловавшагося на положеніе своей православной паствы.—При тогдашней медленности сношеній собираніе всѣхъ этихъ предметовъ и книгъ протянулось почти до конца 1723 г.

Между тѣмъ шла переписка Синода съ кіевскимъ митрополитомъ о пріисканіи учителей для посылки ихъ въ Сербію. Въ тоже время Синодъ остановился надъ вопросомъ о «трактаментѣ» такимъ учителямъ и расходахъ на содержаніе ихъ школы. Онъ обратился съ этимъ вопросомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая отвѣтила, что она не можетъ дать средствъ. 11 октября 1722 г. Синодъ послалъ указъ Варлааму, архіепископу Кіевскому и Галицкому, отыскать нужныхъ учителей для сербовъ среди студентовъ Кіево-братскихъ школъ, притомъ такихъ, которые «всѣхъ наукъ отъ грамматики до философіи и до богословія искусны и къ наученію довольны бы были», и прислать ихъ въ Москву. 19 декабря того же года архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ отвѣтилъ Синоду, что, по донесенію ректора и префекта Кіевскаго коллегіума, студенты кіевскихъ школъ въ большинствѣ «наибарзѣй з короны польской люди вольные», которые не захотятъ добровольно отправиться въ такой далекій путь, особенно зимою, и потому онъ не указывалъ учителей для сербовъ, ссылаясь на то, что если пошлютъ ихъ противъ ихъ воли, то «коллегіумъ умалятися будетъ, и студенты въ наученіе приходити не станутъ». Оставалось искать учителей для сербовъ въ Москвѣ, среди ея воспитанниковъ.

Въ сентябрѣ 1722 г. вернулись въ Россію изъ Парижа Тарасъ Постниковъ и Иванъ Каргопольскій. Они были посланы за границу въ 1717 г. «для окончанія наукъ». 20 января 1723 г. Петръ I повелѣлъ Синоду «освидѣтельствовать» этихъ парижскихъ студентовъ вмѣстѣ съ третьимъ ихъ товарищемъ Иваномъ

Горлецкимъ «въ ихъ наукахъ», и Синодъ опредѣлилъ имъ быть на время «у книжнаго перевода» и заняться переводомъ книгъ блаженнаго Θеодорита «о промыслѣ». Постникова и Каргопольскаго Синодъ намѣтилъ, какъ будущихъ учителей для сербовъ [1]).

Такимъ образомъ, въ 1723 г. учителя были найдены, но ихъ отправка почему-то замедлилась. Причиною проволочки могло быть какъ нежеланіе Постникова и Каргопольскаго отправляться въ дальнія Турецкія страны,—они вѣдь учились въ Парижѣ, центрѣ западной культуры того времени, такъ и неизвѣстность какой и откуда выдавать учителямъ, ѣдущимъ къ сербамъ, «трактаментъ». Лишь 5 февраля 1724 года было повелѣно давать учителямъ, которые будутъ посланы въ Сербію, жалованья по 300 руб. въ годъ изъ штатсъ-конторы. Но намѣченныя лица все же не были немедленно посланы въ Сербію. Можно предполагать, что они, какъ доканчивавшіе свое образованіе въ центрахъ умственной жизни западной Европы, были особенно нужны и въ Россіи.

Такъ дѣло стояло до мая 1724 г., когда логоθетъ сербскаго митрополита Малаеску, дожидавшійся рѣшенія дѣла, вошелъ въ Синодъ съ прошеніемъ о посылкѣ въ Сербію учителемъ славянскаго и латинскаго языковъ синодальнаго переводчика Максима Суворова, который соглашался отправиться въ Сербію и показался Малаеску «угоденъ по обычаю сербскаго народа». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Синодъ ассигновать по 300 руб. въ годъ на содержаніе учителя греческаго языка, который можетъ быть найденъ въ Сербіи, и послать для сербскихъ школъ славянскихъ букварей и грамматикъ. При этомъ онъ объяснялъ, что сербскій народъ «велію нужду имѣетъ въ обученіи еллино-греческаго языка», и что нѣкоторые изъ сербовъ уже начали обучать своихъ дѣтей этому языку. Можно думать, что отказъ отъ другаго учителя, о которомъ было просилъ митрополитъ Моисей, и повтореніе просьбы о средствахъ для найма учителя греческаго языка

1) Описаніе докумен. и дѣлъ II, ч. 1, стр. 733. Ср. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ (Спб. 1862), Т. I, стр. 238—240.

произошли не безъ вѣдома Моисея Петровича, который могъ снестись со своимъ логоѳетомъ, ожидавшимъ рѣшенія дѣла въ Россіи болѣе двухъ лѣтъ. Самъ Моисей зналъ по-гречески, въ Бѣлградѣ было немало грековъ въ ту пору, онъ, быть можетъ, хотѣлъ противопоставить изученіе греческаго языка изученію латинскаго, знаніе котораго было столь необходимо въ Австріи, гдѣ онъ былъ языкомъ оффиціальнымъ, — греческія школы — латинскимъ, учреждаемымъ въ различныхъ мѣстахъ среди сербовъ ревностными пропагандистами уніи и католичества. Синодъ согласился на эти предложенія Малаеску, и было постановлено удовлетворить эти его просьбы.

Теперь, когда учитель для сербовъ былъ найденъ, дѣло сначала пошло сравнительно скоро. 2 іюня 1724 г. Синодъ опредѣлилъ быть Суворову учителемъ у сербовъ и согласился на ежегодное ассигнованіе по 300 руб. для найма учителя греческаго языка въ распоряженіе митрополита Моисея. Малаеску было выдано 70 экземпляровъ славянской грамматики Мелетія Смотрицкаго въ изданіи Поликарпова 1721 г., 10 экземпл. лексикона треязычнаго того же Поликарпова (изд. 1704 г.) и 400 экз. букварей (всего на 150 р.). Тогда успокоенный Малаеску, забравъ вещи, уѣхалъ черезъ Кіевъ въ Сербію, выдавъ довѣренность 27 іюля архимандриту Симоновскаго монастыря Петру Смѣличу Смиляничу, сербу по происхожденію, на полученіе денегъ для учителя греческаго языка. Суворовъ остался, чтобы уладить свои дѣла и получить жалованіе и проѣздныя деньги.

Такимъ образомъ, просьба митрополита Моисея Петровича была удовлетворена, и къ сербамъ долженъ былъ отправиться русскій учитель и основать православную, «славенскую» школу, чтобы поднять умственный уровень сербскаго духовенства и этимъ самымъ противодѣйствовать все усиливающейся пропагандѣ католицизма.

Максимъ Суворовъ, съ именемъ котораго связывается начало устройства правильной народной школы у сербовъ, а также употребленіе въ сербской письменности языка, сближеннаго съ

русско-славянскимъ, былъ сынъ мелкаго помѣщика дворянина Козловскаго уѣзда. Въ Козловѣ его родители имѣли свой домъ и дворовыхъ людей [1]). Онъ учился въ славяно-латинскихъ школахъ въ Москвѣ и дошелъ до класса піитики, когда въ его жизни произошло событіе, сдѣлавшее изъ него своего рода дѣятеля среди славянъ.

Извѣстно, съ какою заботливостью и съ какимъ вниманіемъ относился Петръ Великій къ обогащенію русской литературы переводами полезныхъ книгъ. Въ 1715 онъ приказалъ своему повѣренному въ Вѣнѣ Аврааму Веселовскому разъискать въ Прагѣ искусныхъ переводчиковъ такихъ книгъ. Впослѣдствіи много книгъ переводилось не только по его указанію, но и, какъ извѣстно, подъ его наблюденіемъ [1]). 25 Марта 1716 г. Веселовскій писалъ Петру изъ Праги, что онъ условился съ іезуитами, въ числѣ которыхъ былъ Янъ Либертинъ, относительно перевода двухъ «лексиконовъ» и «юриспруденціи» за 500 червонцевъ. Но для исправности языка и переписыванія русскими буквами нужно послать въ Прагу къ іезуиту Яну Либертину двухъ монаховъ, знающихъ латинскій языкъ. Тогда Петръ Великій приказалъ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину найти «изъ чернцовъ или свѣтскихъ двухъ добрыхъ латинниковъ» и

1) Описаніе документовъ и дѣлъ II, ч. 1. Приложенія, стр. 424.

1) Какъ примѣръ заботливости и характернаго мнѣнія Петра Великаго о значеніи переводовъ, упомянемъ слѣдующій случай. Когда въ 1723 г. Петръ Великій поручилъ архимандриту Θеофилу Кролику, игумену Чудова монастыря, и его помощникамъ въ дѣлѣ переводовъ Константину Розенблюму и Василію Козловскому переводъ сочиненія Вольфганга Гельмгарда Гохберга: Georgica curiosa oder das adeliche Land und Feld Leben, онъ потребовалъ часть ихъ труда. Просмотрѣвъ трактатъ о хлѣбопашествѣ, Петръ выправилъ его, «вычерня негодное» и выправленное далъ «для примѣру» переводчикамъ, при чемъ высказалъ свой взглядъ вообще на нѣмецкія книги: «Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ»—и потому Государь выправилъ трактатъ и для примѣра его посылалъ, «дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ» (Описаніе докум. и дѣлъ III, 485; ср. Пекарскій. Наука и Литер. при Петрѣ В., т. I, стр. 214).

«придать имъ двухъ добрыхъ писцовъ подъячихъ или трехъ», которымъ и приказывалось жить въ Прагѣ и не ѣздить назадъ безъ указу, такъ какъ царь предполагалъ «непрестанно писать о переводѣ книгъ». Тогда посланы были въ Прагу тогдашній префектъ Московской славяно-латинской Академіи Ѳеофилъ Кроликъ и студентъ философіи Иванъ Воейковъ, къ которымъ были присоединены для переписки переводовъ деныщикъ графа Мусина-Пушкина Василій Малышевъ и Максимъ Суворовъ, ученикъ класса піитики славяно-латинскихъ школъ. Въ концѣ сентября 1716 г. всѣ они отправились въ Прагу, куда и прибыли однако лишь въ началѣ 1717 г. Суворовъ состоялъ переписчикомъ при Иванѣ Воейковѣ до его кончины въ Прагѣ 6 августа 1720 г. Воейковъ переводилъ Гюбнера: «Лексиконъ вещественнаго состоянія вѣдомостей и обходительства», а послѣ его смерти этотъ переводъ съ нѣмецкаго продолжалъ Суворовъ, который при этомъ «слушалъ и писалъ курсъ трилѣтней философіи съ коллятеральными лекціями». Во время пребыванія Суворова въ Прагѣ умеръ его отецъ въ Козловѣ, а впослѣдствіи, когда онъ былъ у сербовъ, умерла его мать и сгорѣлъ родной домъ,—его единственное достояніе.

Въ ноябрѣ 1720 г. Суворовъ былъ призванъ въ Вѣну къ русскому чрезвычайному посланнику при цесарскомъ дворѣ генералъ-маіору Павлу Ягужинскому для сведенія счетовъ по его расходамъ и отправился обратно въ Россію «при багажѣ» посланника. Въ апрѣлѣ 1721 г. онъ пріѣхалъ въ Ригу, откуда, получивъ паспортъ и подорожную отъ лифляндскаго генералъ-губернатора князя Аникиты Репнина, въ іюнѣ прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ явился въ Штатсъ-Конторъ-Коллегію къ Мусину-Пушкину и представилъ привезенные имъ переводы книгъ. Отсюда его послали въ Синодъ вмѣстѣ съ книгами: переводомъ покойнаго Воейкова въ 192 тетрадяхъ вышеназваннаго лексикона Гюбнера съ нѣмецкимъ оригиналомъ и книгою на нѣмецкомъ языкѣ, еще непереведенною, подъ названіемъ: «Любопытныя натуры художества, рудокопанія и купечества». Синодъ

распорядился отдать эти книги цейхъ-директору Аврааму для храненія. Самому же Суворову было приказано, чтобы онъ часто являлся въ Синодъ «ради полученія службы и опредѣленія».

Таковы скудныя свѣдѣнія о происхожденіи, ученіи и первыхъ годахъ дѣятельности Суворова, отчасти заимствованныя изъ его собственныхъ показаній [1]).

Суворовъ исполнялъ этотъ приказъ и неустанно являлся въ Синодъ, но до половины августа 1721 г. назначенія не получалъ. Тогда онъ обратился въ Синодъ съ доношеніемъ, въ которомъ онъ просилъ дать ему какую-нибудь должность, или «абшидъ», чтобы онъ могъ найти себѣ подходящее мѣсто въ другихъ коллегіяхъ. Это его доношеніе имѣло успѣхъ, и Синодъ назначилъ его 23 августа 1721 г. старшимъ справщикомъ и переводчикомъ въ типографской конторѣ при Святѣйшемъ Синодѣ съ жалованіемъ по 300 руб. въ годъ [2]). Что ему поручалось переводить, неизвѣстно, но онъ считался, вѣроятно, однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ и былъ потому цѣнимъ Синодомъ. Когда въ 1722 г. Суворовъ заболѣлъ головными болями и одышкою и не имѣлъ «чѣмъ вдаться врачеванію», онъ просилъ Св. Синодъ велѣть пользовать его «въ Анатоміи казенными медикаментами и въ томъ особливо прилежать доктору Бидло». И Синодъ дѣйствительно разрѣшилъ ему «за *прилежные* его труды» лѣчиться въ госпиталѣ на казенный счетъ и даже предписалъ особымъ указомъ доктору Бидло «во уврачеваніи его прилежать ему, яко *потребному* Святѣйшаго Синода служителю, со усердіемъ» [3]).

1) Описаніе докум. и дѣлъ I, стр. 353—354; т. II, ч. 1. Приложенія, стр. 418—425.

2) Описаніе док. и дѣлъ I, стр. 544, № 467.

3) Описаніе II, ч. 2, стр. 105, № 868 отъ 10 августа 1722 г. — Николай Бидло (или Бидлоо)—царскій медикъ, основатель и директоръ первой хирургической школы въ Москвѣ при первомъ военномъ госпиталѣ, основанномъ въ 1707 г. Его отецъ Говардъ Бидлоо былъ авторомъ курса анатоміи, написаннаго на голландскомъ языкѣ и изданнаго въ Амстердамѣ въ 1690 г. Сохранился рукописный переводъ этой книги на русскій языкъ. Его сынъ, Николай, докторъ, былъ также сочинителемъ эмблемъ и надписей на торжественные случаи (1709 г.). Въ 1723 г. его ученики по хирургической школѣ играли ко-

Что Суворовъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, можно заключить изъ опредѣленія св. Синода въ началѣ декабря 1723 г., по просьбѣ канцеляріи тайныхъ дѣлъ о присылкѣ переводчика «для осмотру» нѣкоторыхъ писемъ на нѣмецкомъ языкѣ, — послать для этой цѣли переводчика Максима Суворова, о чемъ ему и «сказанъ указъ съ запискою и обязательствомъ по осмотрѣніи тѣхъ писемъ быть въ Синодѣ къ надлежащему званія его дѣлу немедленно». Вмѣстѣ съ тѣмъ Синодъ послалъ указъ и Тайной канцеляріи, чтобы она подателя указа, Суворова, приняла и, по минованіи надобности, не удерживала, а немедленно отпустила обратно въ Синодъ [1]). Очевидно, Суворовъ былъ на хорошемъ счету и потому его временное отсутствіе должно было чувствоваться въ дѣлахъ переводческой канцеляріи. 16 сентября 1723 г. состоящіе при Св. Синодѣ переводчики были переданы въ ближайшее вѣдѣніе синодальнаго совѣтника Чудова монастыря архимандрита Ѳеофила Кролика. Ихъ было всего шесть человѣкъ: двое изъ нихъ, — Константинъ Розенблютъ, учившійся въ Парижѣ, и Максимъ Суворовъ, жившій въ Прагѣ, получали по 300 руб. въ годъ «трактаменту», между тѣмъ, какъ Филиппу Анохину и Василію Козловскому, которыхъ графъ Мусинъ-Пушкинъ высылалъ въ 1717 г. вмѣстѣ съ другими, по приказу Петра Великаго, въ Амстердамъ, но которые учились затѣмъ въ Прагѣ и вернулись въ Россію лишь въ 1720 г., а также Дмитрію Грозину и Ивану Полонскому выдавался «трактаментъ», какъ подканцеляристамъ (отъ 50 р. и 15 юфтей хлѣба до 157 р 7 алтынъ и 2 денегъ въ годъ). При осторожности тратъ и сдержанности въ расходахъ Петра Великаго такіе большіе оклады Розенблюта и Суворова, сравнительно съ другими переводчиками, могутъ служить свидѣтельствомъ, что оба эти лица выдавались

медію: «Исторія Александра Македонскаго и Дарія» (Пекарскій, Наука и письм. при П. В. I, 182, 186, 367—433). Видно былъ выходецъ изъ Голландіи. Не былъ ли онъ по происхожденію чехъ — и именно изъ тѣхъ чеховъ, которые спасались въ Голландіи вмѣстѣ съ Коменскимъ отъ преслѣдованій католической реакціи, наступившей послѣ 30-лѣтней войны въ Чехіи?

1) Описаніе III, стр. 639.

своими знаніями и трудомъ. Когда уже послѣдовало назначеніе Суворова въ Сербію (2 іюля 1724 г.), но онъ былъ задержанъ еще вопросомъ о полученіи прогонныхъ и жалованія, Ѳеофилъ Кроликъ, занятый переводомъ «экономическихъ книгъ Гобгера» (сочиненія Гохберга), былъ вызванъ въ Петербургъ для представленія этого перевода Государю. Ѳеофилъ прежде, чѣмъ отправиться изъ Москвы въ Петербургъ, писалъ 29 сентября оберъ-секретарю Синода Палехину: «къ переводу или и къ исправкѣ онаго, хорошо бы для поспѣшенія употребить и господина Суворова, ежели не видится надежды скорой его отправки въ Сербію», но Палехинъ отвѣчалъ отказомъ въ виду скораго отправленія Суворова къ сербамъ [1]).

Вообще изъ дошедшихъ свѣдѣній о Суворовѣ можно заключить, что Суворовъ считался однимъ изъ лучшихъ въ своемъ дѣлѣ людей и весьма полезнымъ въ синодскихъ дѣлахъ по части переводовъ, которые поручались Синоду Петромъ Великимъ. Къ сожалѣнію изъ документовъ, нынѣ извѣстныхъ, пока нельзя вывести, переводы какихъ книгъ поручались Суворову, и что изъ нихъ было напечатано.

Такимъ образомъ, для посылки въ Сербію въ учителя было избрано надежное лицо и притомъ знакомое уже съ условіями жизни и быта славянъ въ Австріи. Суворовъ даже женился въ Прагѣ, — и его жена, можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, была чешка по происхожденію. Не даромъ Малаеску

1) Описаніе, III. Приложенія, стр. 253. Ср. тамъ же, стр. 508. Пекарскій, I, 238. Письмо Ѳеофила Кролика секретарю Тимоѳею Палехину отъ 29 сентября 1724 г. — Сохранилось еще одно доказательство, косвенно подтверждающее мнѣніе о дѣльности Суворова. Когда въ концѣ 1721 г. Синодъ долженъ былъ переѣхать на нѣкоторое время въ Москву, то съ членами Синода отправились три секретаря и переводчикъ Суворовъ, которому дана была особая подвода для доставленія въ Москву дѣлъ, врученныхъ ему изъ Типографской конторы. Въ спискахъ жалованія на вторую половину 1723 г. Суворову значится 300 руб. между тѣмъ какъ остававшимся въ Петербургѣ переводчикамъ, не ѣздившимъ въ Москву: Грозину, Козловскому и Анохину давалось всего по 80 руб. и 20 юфтей хлѣба (Описаніе, III, стр. 508 и Приложенія: CCII—CCIII; т. I, 709 и 747).

просилъ Синодъ назначить учителемъ въ сербскія земли Максима Суворова, который «показался ему угоденъ по обычаю сербскаго народа».

Лишь только стало извѣстно о рѣшеніи Синода, Суворовъ сталъ готовиться въ далекій и трудный въ то время путь, при томъ въ страны мало извѣстныя и даже опасныя вслѣдствіе то и дѣло возобновлявшихся войнъ Австріи съ Турціей. Суворовъ высоко цѣнилъ поручаемое ему дѣло и смотрѣлъ на свою поѣздку къ сербамъ, какъ на особенную миссію, — онъ понималъ, что ему, будущему учителю и устроителю школъ у сербовъ, нельзя ѣхать безъ книгъ и пособій. Нужно было захватить учебники и азбуки. Онъ разсудилъ, что было бы еще легче и лучше, если бы ему дали «литеры», т. е. отлитую азбуку, чтобы онъ могъ печатать буквари или алфавитъ по пріѣздѣ на мѣстѣ въ нужномъ количествѣ. Поэтому въ сентябрѣ 1724 г. онъ входитъ въ Св. Синодъ съ прошеніемъ взять отъ него въ Синодальную библіотеку привезенныя имъ для себя изъ-за границы книги на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ въ количествѣ 150 экземпляровъ, за которыя онъ уплатилъ въ Прагѣ 50 руб., и вмѣсто нихъ на такую же сумму выдать ему изъ типографіи «Славянороссійскія книги», а также отлитыя литеры учебной азбуки, чтобы онъ могъ, пріѣхавъ на мѣсто, печатать первые буквари, по мѣрѣ надобности. При этомъ, онъ объяснялъ, что «сербскія дѣти учатся Славенскому языку, за неимѣніемъ печатныхъ, по рукописнымъ азбукамъ, а ежели много будетъ учащихся, то рукописаніемъ вполнѣ удовольствовать ихъ не можно». Но Синодъ отнесся несочувственно къ этой просьбѣ Суворова. 30 сентября онъ постановилъ: «книгъ отъ Суворова не принимать и для печатныхъ азбукъ россійскихъ литеръ въ сербскую землю не отправлять, для того, что содержащіяся въ той землѣ типографіи должны имѣть отъ тамошнихъ владѣтелей привилегію, безъ чего Суворову тѣхъ литеръ и ими тайно печатаніе производить невозможно»[1]). Дѣйствительно, какъ увидимъ, ав-

1) Описаніе, IV, стр. 457—458.

стрійское правительство долго еще не разрѣшало сербамъ завести свою типографію и сначала молчало на частыя просьбы объ этомъ со стороны церковно-народныхъ соборовъ, а затѣмъ предлагало сербамъ пользоваться типографіями, напримѣръ въ Тернавѣ, въ которой печатались уніатскія книги. Еще во второй половинѣ XVIII в. сербы печатали свои изданія то въ Венеціи, то въ Римникѣ.... Моисей Петровичъ, какъ видно изъ его письма къ канцлеру графу Головкину, надѣялся на полученіе этого разрѣшенія, какъ было сказано выше, но эти надежды его были обманчивы. Но именно эти «литеры», о которыхъ хлопоталъ Суворовъ, были то «оружіе», которое Сербскій митрополитъ просилъ прислать поскорѣе, «доколѣ не внидутъ гордіи и хищніи волци, да расхитятъ овца: оружія бо супротивъ стояти не имѣемъ». Гораздо тяжелѣе былъ для Суворова отказъ принять отъ него иностранныя книги и выдать ему ихъ стоимость: ему оставалось распродать иностранныя книги. На вырученныя за нихъ деньги и часть полученнаго жалованія онъ купилъ нужныя ему русскія книги, за которыя при проѣздѣ до Вѣны платилъ «многократно немалое мыто»[1]).

Предъ отъѣздомъ въ православныя славянскія страны Суворову нужно было устроить и свои семейныя дѣла. Будучи въ Прагѣ, Суворовъ женился на католичкѣ и потому онъ просилъ Синодъ присоединить его жену къ православію черезъ миропомазаніе и выдать ему свидѣтельство за синодскою печатью объ его бракѣ съ нею. Оказалось, что миропомазаніе было излишне, такъ какъ она была конфирмована римско-католическимъ епископомъ въ Прагѣ въ 1718 г., а свидѣтельство о бракѣ велѣно было выдать вѣнчавшему Суворова Петропавловскому протопопу Петру. Тогда же Синодъ опредѣлилъ, по просьбѣ Суворова, относительно выдачи ему прогонныхъ денегъ и паспорта, въ которомъ должно быть сказано, что онъ ѣдетъ съ женою, дочерью и «хлопцемъ»: «выдачу же прогонныхъ денегъ и паспорта учинить

1) Описаніе и т. д. II т., 1 ч. Приложенія: стр. 330, пунктъ 3; 331, п. 3; 336, п. 2.

Коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Суворовъ долженъ былъ позаботиться еще о своемъ младшемъ братѣ Петрѣ, который учился въ славено-латинскихъ московскихъ школахъ «съ кормовымъ Его Императорскаго Величества жалованіемъ». Отецъ Суворова умеръ, когда онъ былъ еще въ Прагѣ, — на него поэтому «по старшеской должности» ложилась забота о воспитаніи младшаго брата. Суворовъ рѣшилъ просить разрѣшенія взять его съ собою, такъ какъ въ Москвѣ не на кого было оставить о немъ заботу. Впослѣдствіи Петръ Суворовъ помогалъ брату въ преподаваніи въ Карловцахъ, училъ въ 1728 г. «десятословщиковъ и азбучниковъ въ особливой храминѣ» и даже нѣкоторое время былъ учителемъ школы въ Арадѣ[1]).

Сначала дѣло объ отправленіи Суворова въ Сербію пошло довольно скоро. Въ декабрѣ 1724 г. ему было выдано жалованіе за два года — 1724 и 1725. Онъ уплатилъ долги, накупилъ книгъ, безъ которыхъ «въ его званіи» онъ былъ бы «безъ успѣха», по его выраженію, и просилъ проѣздныхъ денегъ, чтобы скорѣе отправиться по зимнему пути къ сербамъ. Онъ насчитывалъ необходимыхъ прогонныхъ денегъ 200 руб. 28 января 1725 г. умеръ геніальный преобразователь Россіи, столь чутко отнесшійся къ просьбамъ сербовъ о русскомъ православномъ просвѣщеніи. Для Суворова началась волокита сначала съ полученіемъ прогонныхъ, а затѣмъ вслѣдствіе безконечныхъ задержекъ онъ сталъ просить выдать жалованье и за 1726 г. Кромѣ того, онъ хотѣлъ привезти въ Сербію и деньги, обѣщанныя на другаго учителя «еллинскаго» языка. Въ просьбѣ Синоду отъ 5 января 1725 г. онъ доказывалъ, что замедленіе въ выдачѣ 200 руб. проѣздныхъ денегъ поведетъ лишь къ лишнимъ издержкамъ, такъ какъ его приготовленія къ зимнему пути окажутся излишними, что весною и осенью столь дальнія путешествія почти невозможны и т. д. Онъ откровенно признавался, что наученъ опытомъ въ Прагѣ, какъ долго приходится ожидать векселя на

1) Описаніе, II, ч. 1. Приложенія: стр. 332, 350, 373.

жалованіе, а Бѣлградъ еще дальше отъ Петербурга, чѣмъ Прага, слѣдовательно еще труднѣе и медленнѣе сношенія, а потому онъ не можетъ отправиться, не получивъ напередъ прогонныхъ денегъ. Онъ прямо упрекаетъ дѣлопроизводство Синода въ крайней медлительности и приводитъ примѣръ въ новой просьбѣ Синоду отъ 5 апрѣля 1725 г., что посланному имъ изъ Москвы доношенію отъ 5 января 1725 г. движеніе было дано только въ апрѣлѣ, послѣ его пріѣзда изъ Москвы въ Петербургъ и «самоличною докукою къ произведенію къ докладу отыскано».

Такъ дотянулось дѣло до лѣта 1725 г. И вотъ, 3 іюля 1725 г. Суворовъ вновь обращается въ Синодъ, прося о выдачѣ впередъ жалованія за 1726 годъ и денегъ на проѣздъ и паспорта, и прибавляетъ: «а ежели не ѣхать, чтобы учинено было о остатіи здѣсь по прежнему какое опредѣленіе». Онъ такъ описываетъ свое положеніе: «ходячи другой годъ токмо за совершеннымъ опредѣленіемъ, прошлогоднее жалованіе прожилъ и по управленіи къ тамошнему житію потребнаго и съ проѣздомъ отъ Москвы до Санктпетербурга напутнаго, приготовився зимнимъ путемъ до Риги, нынѣ уже проживаю нынѣшнегодское жалованіе и истощеваю до конца, и ожидая конечнаго опредѣленія провожду безмѣстное житіе, и для назначенной мнѣ поѣздки, кромѣ лишенія бывшихъ у меня иностранныхъ книгъ, съ немалымъ убыткомъ обнаживая всѣхъ не токмо мною, но еще отцемъ моимъ собиранныхъ домашнихъ потребъ терплю немалую нужду, и за неизвѣстіемъ здѣ пребыванія или въ назначенный мнѣ путь поѣзда въ недоумѣніи углѣбая, гину безвремянно и напрасно»[1]).

Наконецъ, Суворову были выданы 200 руб. на проѣздъ и жалованіе на 1726 г., и онъ могъ двинуться въ путь. Паспортъ былъ подписанъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ 29 іюля 1725 г. Въ немъ говорилось, что «Святѣйшаго Правительствующаго Синода переводчикъ Максимъ Суворовъ посланъ изъ Россійскаго нашего Имперіа для нашихъ дѣлъ въ Сербскую землю»,

1) Описаніе, II, ч. 1. Приложеніе, стр. 385.

и что онъ отправляется съ женою Анною Георгіевною, малолѣтнею дочерью Еленою и служителемъ Петромъ Терентьевымъ. Подъ этимъ послѣднимъ, какъ должно думать, понимается его братъ Петръ, названный только по отчеству[1]). Сверхъ того, Суворовъ былъ снабженъ отъ имени государыни особымъ письмомъ за подписью канцлера Головкина къ русскому посланнику при австрійскомъ дворѣ Людовику Ланчинскому слѣдующаго содержанія: «По нашему указу, изъ нашего Правительствующаго Синода отправленъ въ Сербскую землю въ Бѣлградъ для обученія тамошняго народа дѣтей Славено-латинскаго діалекта, переводчикъ Максимъ Суворовъ, которому имѣешь ты въ приключающихся случаяхъ пристойное вспоможеніе чинить. Данъ въ Санктпетербургѣ, августа въ 2 день. 1725 г.»[2]). Какъ увидимъ, этотъ документъ съигралъ важную роль въ судьбѣ этого смѣлаго русскаго человѣка, рѣшившагося среди тогдашнихъ обстоятельствъ ѣхать къ сербамъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда Россія, двинутая мощнымъ геніемъ Петра Великаго, сама искала западнаго просвѣщенія, не боясь потерять своего характера восточной культурной православной страны, когда она посылала своихъ сыновей учиться западной «мудрости и художествамъ» въ тогдашніе центры западно-европейскаго просвѣщенія, когда ея царь усиленно заботился о переводѣ и составленіи книгъ на тогдашнемъ русскомъ книжномъ языкѣ,—она несла свой свѣтъ просвѣщенія къ своимъ братьямъ по крови и вѣрѣ, нуждавшимся въ немъ для защиты своей народной самобытности и преданій и вѣры, завѣщанныхъ имъ ихъ предками.

Мы видѣли, какъ высоко смотрѣлъ Суворовъ на свою миссію, и какъ онъ приготовлялся къ ея исполненію. Не практическихъ

1) Въ дальнѣйшей исторіи пребыванія Суворова и возвращенія въ Россію ни разу не упоминается о «служителѣ Петрѣ». Да едвали могъ брать Суворовъ съ собою служителя, отправляясь въ столь дальній путь съ такими малыми средствами.— Должно думать, что братъ Максима Суворова — Петръ названъ въ паспортѣ, «служителемъ» по чисто формальнымъ причинамъ.

2) Описаніе, II, стр. 423.

выгодъ и даже не славы искалъ для себя Суворовъ, принимая на себя обязанность поѣхать къ сербамъ въ учителя: окладъ его въ 300 руб. оставался тѣмъ же, что и въ Россіи на должности переводчика[1]), а скромная дѣятельность начальнаго учителя среди неизвѣстныхъ людей, въ неустроенномъ быту народа, только что вырвавшагося изъ подъ Турецкаго ига и угнетаемаго иновѣрнымъ правительствомъ, не могла дать Суворову и славы. Исторія забыла Суворова, какъ и многихъ другихъ незамѣтныхъ, но въ сущности крупныхъ русскихъ людей, создававшихъ русскую силу, распространявшихъ вліяніе русскаго ума и таланта и содѣйствовавшихъ росту вліянія и величія Россіи.

Въ извѣстномъ отношеніи дѣятельность Суворова за предѣлами Россіи можетъ быть названа эпохальною, ибо Суворовскія «школы» впервые на Славянскомъ югѣ вводили изученіе русскаго или русско-славянскаго языка. Недаромъ сербскіе историки литературы, иногда даже съ болью изъ-за излишняго патріотическаго возбужденія, отмѣчаютъ, что съ той поры должно начинать такъ называемый «славено-сербскій» періодъ литературы, слѣды которой мы можемъ найти даже въ произведеніяхъ конца прошлаго вѣка.

Максимъ Терентьевичъ Суворовъ явился подвижникомъ и впослѣдствіи, вернувшись въ Россію въ 1737 г., имѣлъ полное право въ своихъ обращеніяхъ къ Синоду жаловаться на свою судьбу, что онъ «до конца разорился и обубожалъ» словно въ награду за свою службу русскому просвѣщенію за предѣлами Россіи, начиная съ 1718 г. Посылки Суворова въ Прагу, въ Чехію, а затѣмъ къ сербамъ, давшія ему возможность ознакомиться съ западнымъ и южнымъ славянствомъ, его дѣятельность

---

1) Впослѣдствіи вернувшись въ Россію, Суворовъ въ одномъ изъ своихъ прошеній въ Синодъ самъ отмѣчаетъ этотъ фактъ и при этомъ говоритъ: «не по примѣру посылаемыхъ изъ Государственной иностранныхъ дѣлъ Коллегіи, изъ которой посылаемымъ въ чужія страны дается обычно, до куда они тамъ бываютъ, двойное жалованіе». (Описаніе, II, ч. 1. Приложенія, стр. 423).

среди сербовъ и ея послѣдствія дѣлаютъ и личную судьбу Суворова весьма интересною.

V.

Пріѣздъ Суворова къ сербамъ и начало славенской школы въ Карловцахъ и Бѣлградѣ. Положеніе сербовъ. Защита ихъ правъ и борьба съ планами католической пропаганды. Вопросъ о сербской типографіи. Учителя у сербовъ и пріемы обученія до пріѣзда Суворова. Характеристика положенія Суворова.

Выѣхавъ въ концѣ 1725 г. изъ Москвы, Суворовъ только весною 1726 г. добрался до Вѣны. Отсюда 14 мая онъ послалъ въ Синодъ прошеніе, въ которомъ объясняетъ, что проѣздъ и провозъ книгъ, за которыя онъ многократно платилъ пошлины, поглотили все его жалованіе, и всѣ прогоны. Поэтому, предвидя обычныя задержки и волокиту, онъ проситъ заблаговременно выслать ему жалованіе на 1727 г. Такимъ образомъ, съ самаго начала своей миссіи Суворовъ принужденъ былъ жаловаться на свое тяжелое матеріальное положеніе, которое дѣйствительно лишило ее многихъ существенныхъ результатовъ. Въ сентябрѣ того же года Суворовъ опять сообщаетъ Синоду изъ Карловцевъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Онъ «посѣщенъ былъ жестокою болѣзнью даже къ смерти съ женою и съ дѣтьми всѣ во едино время», по причинѣ лѣтняго зноя и распространившейся заразы, что̀, конечно, вызвало расходы на лѣченіе. При томъ въ это время умерла младшая его дочь. Правда, митрополитъ Моисей обѣщалъ Суворову ежегодную поддержку въ 200 гульденовъ, но все же это было недостаточно, въ виду дороговизны: «всякое жито и дрова, и что болѣе и самую бѣлую капусту привозятъ по Дунаю отъ инуду», писалъ онъ изъ Карловцевъ въ 1726 г., а въ началѣ 1727 г. въ письмѣ въ Синодъ

онъ такъ выражается: «нынѣ же ради отдачи всего къ пропитанію продаемаго жидамъ подъ аренду и за непропускомъ изъ-за турецкой страны каравановъ превеликая сотворися снѣднымъ драгость».

Эти его жалобы и просьбы, какъ увидимъ, не приводили къ цѣли: онъ по цѣлымъ годамъ не получалъ ни отвѣтовъ, ни жалованья,—и почти каждое его «доношеніе» въ Синодъ изъ-за границы,—а такихъ «доношеній» сохранилось болѣе 40,—полно жалобъ на положеніе и просьбъ о присылкѣ хотя бы обѣщаннаго жалованья. Такъ, въ 1727 г., не получая жалованья и впавъ въ долги, онъ ѣздилъ въ Вѣну къ русскому посланнику Людовику Ланчинскому и оттуда 10 іюля 1727 г. подалъ прошеніе на Высочайшее имя Петра II о высылкѣ жалованья, но лишь въ мартѣ 1728 г. онъ получилъ назначенное ему жалованье за 1727 г.

Суворовъ не могъ сначала доѣхать до Бѣлграда, за неимѣніемъ средствъ и остановился въ Карловцахъ. Оправившись отъ болѣзни, Суворовъ 1 октября 1726 г. открылъ въ своей квартирѣ въ Карловцахъ «словенскія школы». Учениковъ всего было семь, всѣ они обучались «десятословію». Затѣмъ, по желанію митрополита Моисея Суворовъ переѣхалъ въ Бѣлградъ и 2 февраля 1727 г. открываетъ тамъ «школы», въ которыя онъ собралъ болѣе 50 учениковъ. Онъ ихъ привлекалъ даровой раздачей десятословій и азбукъ, которыя онъ купилъ еще въ Москвѣ «на свои деньги». Эти школы продолжались до 8 сентября, когда наступило время сбора винограда, и ученики отправились по домамъ на вакаціи.

Пріѣздъ Суворова къ сербамъ произошелъ въ очень трудное для нихъ время. Митрополитъ Викентій Поповичъ умеръ, и мы видѣли, съ какимъ трудомъ сербы сумѣли выбрать и отстаивать *единаго* митрополита Моисея Петровича. Правительство не соглашалось на признаніе Моисея митрополитомъ Карловецкимъ и Бѣлградскимъ съ титуломъ «Бѣлградскаго и Сербскаго»,—оно не хотѣло соединенія обѣихъ митрополій. Моисею Петровичу пришлось тотчасъ вступить въ борьбу и хлопотать въ Вѣнѣ о

точномъ соблюденіи правъ, признанныхъ за сербами, и о признаніи соединенія митрополій. Но ко всему этому присоединилась дѣлавшаяся все болѣе трудною борьба съ пропагандою католичества среди сербовъ. Эта пропаганда становилась все активнѣе послѣ Пожаревецкаго мира.

Чтобы понять положеніе суворовскихъ «школъ» и ихъ задачъ, мы нѣсколько остановимся на исторіи этой борьбы сербовъ съ пропагандою уніи и католицизма съ одной стороны, а съ другой за политическія права сербской народности.

Еще не были окончательно подписаны условія мира въ Пожаревцѣ, а уже императоръ Карлъ VI, по предложенію Hofkammerrath'а, постановилъ, чтобы въ Сербію посланы были миссіонеры «во славу Божію и для утѣшенія и спасенія душъ» (20 мая 1718 г.) и приказалъ военному управленію, тогда установленному въ Сербіи, оказывать имъ помощь[1]). Чрезъ нѣсколько дней онъ назначилъ, по просьбѣ далматинскаго провинціала ордена іезуитовъ Стефана Динарича, для трехъ миссіонеровъ іезуитовъ въ Сербіи выдавать по 1000 гульденовъ въ годъ. Когда въ 1718 г. праздновали годовщину взятія Бѣлграда, церковная служба происходила уже въ іезуитской католической церкви. Послѣ того, какъ Сербія была окончательно присоединена къ Австріи и въ ней введено было гражданское управленіе, дана была властямъ инструкція, въ которой говорилось, что нужно стремиться къ уніи православной и католической церкви. Распоряженіями правительства дозволялось переселяться въ Сербію только католикамъ, чтобы такимъ образомъ усилить католическій элементъ въ странѣ. Это было утверждено императоромъ въ самомъ началѣ 1726 г. Въ Сербіи появились минориты, францисканцы, капуцины, бенедиктинцы, тринитаріи. Въ 1726 г. была учреждена католическая епископія для Сербіи съ резиденціей въ Смедеревѣ, но католическій епископъ жилъ постоянно въ Бѣлградѣ. По бо-

1) Глас Сербской Корол. Акад., вып. 39 (други разред) за 1901 г. «Административна и црквена политика Аустриjска у Србиjи (од 1718 по 1739), по грађи из бечких архива», статья М. Павловича, стр. 166.

лѣе значительнымъ городамъ, какъ Шабцѣ, Ягодинѣ, Парачинѣ, Рудникѣ, были размѣщены каноники. Въ Бѣлградѣ появилось нѣсколько католическихъ церквей очень скоро, и впослѣдствіи католикамъ была отдана одна изъ большихъ мечетей для перестройки ея въ соборъ. Пропаганда стала заботиться объ учрежденіи школъ, учителями въ которыя назначались лица, испытанныя въ вѣрности католическимъ догматамъ и выдержавшія особыя испытанія у іезуитовъ. Въ Бѣлградѣ было основано особое училище, нѣчто въ родѣ гимназіи. Въ 1726 году учреждена была школа четырехъ-классная съ преподаваніемъ латинскаго языка. Въ ней было два учителя іезуита, а въ 1729 г., по императорскому декрету, былъ приданъ еще третій для 5 и 6 классовъ (поэзіи и реторики). Стали сербы посылать въ эти школы своихъ дѣтей, и администрація выражала уже надежду, что со временемъ они со своими родителями могутъ обратиться въ католицизмъ [1]).

Въ началѣ 1724 г. митрополитъ Моисей обратился къ властямъ съ просьбами разъяснить положеніе православной церкви въ Австріи и признать сербскія привилегіи въ ихъ цѣльности, причемъ вполнѣ основательно жаловался на ихъ нарушеніе. Вмѣсто того, администрація выработала особыя положенія, въ которыхъ суживались привилегіи сербовъ, признанныя императоромъ Леопольдомъ I и подтвержденныя его преемниками. Правда, эти положенія должны были относиться къ Сербіи и Банату, т. е. къ странамъ, которыя были присоединены къ Австріи послѣ Пожаревецкаго мира, но они мало-по-малу должны были быть примѣнены и ко всѣмъ сербамъ, жившимъ въ предѣлахъ Австріи и Венгріи. Если въ началѣ (1718 г.) австрійское управленіе поддерживало митрополита Моисея Петровича противъ угорской камеры, когда онъ просилъ о признаніи его митрополитомъ Бѣлградскимъ, то теперь когда стало ясно, что онъ стремится объединить сербовъ подъ властью бѣлградской митрополіи и укрѣпить силу привилегій надъ *всѣми* сербами подъ властью австрійскаго

1) Глас, 39, стр. 173.

императора, каждый его шагъ разсматривался, какъ подозрительный и вредный. Эти новыя положенія состояли изъ 9 пунктовъ. Во 1) Юліанскій календарь допускается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ католиковъ, а тамъ, гдѣ есть и католики, православные должны праздновать festa decretalia и festa majora и потому не имѣютъ права въ эти дни производить полевыя работы[1]). 2) Хотя оставлялось за сербами право свободно избирать митрополита, но они должны были избирать трехъ кандидатовъ, изъ коихъ одного утверждалъ императоръ. То же самое должно происходить и при выборѣ епископовъ. 3) Постройка новыхъ церквей или коренная ихъ реставрація возможны были только съ разрѣшенія администраціи, а въ пограничныхъ мѣстахъ рѣшительно не дозволялась;—возможно было производить только небольшія починки въ церквахъ, съ разрѣшенія митрополита. 4) Священники и духовныя лица должны подлежать свѣтскому суду, а духовной власти передаются лишь для снятія сана, предъ исполненіемъ приговора. По привилегіямъ священники не подлежали юрисдикціи админи-

1) Такихъ праздничныхъ католическихъ дней было очень много. У Швиккера (Die Vereinigung etc., стр. 436—438) напечатанъ интересный документъ въ этомъ отношеніи. Католическій чанадскій епископъ графъ Владиславъ Надажди издалъ въ Темешварѣ 3 апрѣля 1726 г. посланіе по своей епархіи, въ которомъ приводитъ декретъ императора Карла VI для Темешвара и вообще Баната отъ 7 августа 1723 г. Послѣ заявленія, что православнымъ жителямъ этой области должно предоставить возможность свободно жить по своимъ обрядамъ, сказано: Obligabantur tamen iidem Graeci Ritus incolae ad evitandum scandalum decretalia, aliaque majora festa per Catholicos celebranda, nec non dies Dominicales secundum Gregorianum Calendarium, saltem in illis locis, ubi promiscue inter Catholicos degunt, in tantum feriari ut a publico et extra aedes peragi solito servili labore abstineant. Libero eorundem Graeci Ritus Asseclis arbitrio concesso, si quis spiritualibus Catholicorum functionibus debita cum reverentia adesse, aut ipsam Catholicam religionem sponte amplecti vellet.

Епископъ Надажди отъ себя разъяснилъ, что онъ разрѣшаетъ полевыя работы (campestres labores... concedemus) pro bono publico во время жатвы, сбора винограда (tempore messis, falcaturae, vindemiarum). При этомъ приложенъ списокъ подъ заглавіемъ: Festa decretalia, и ихъ поименовано 47 дней, кромѣ воскресеній. Если присоединить къ этому число праздничныхъ дней у православныхъ по юліанскому календарю, то праздничныхъ дней насчитывалось до 130—135, т. е. около трети года. Католическихъ праздничныхъ дней на іюнь приходилось 6, на апрѣль, августъ, сентябрь, ноябрь и декабрь по 5 кромѣ воскресеній, общихъ по обоимъ календарямъ.

страціи. 5) Впредь должно быть запрещено сербамъ занимать мечети и обращать ихъ въ церкви безъ особыхъ крайнихъ нуждъ, потому что можетъ увеличиться въ Сербіи число католиковъ, для которыхъ будутъ нужны храмы, а католическая церковь должна имѣть преимущественныя права. 6) Объѣздъ церквей и монастырей епископомъ впредь долженъ быть допускаемъ только съ разрѣшенія «генерала», правителя области, да и то въ сопровожденіи приставленнаго къ нему кого-либо для наблюденія подъ какимъ-нибудь предлогомъ (sub alio praetextu). 7) Должно отнять у митрополита право наслѣдовать имущества выморочныя или послѣ лицъ, умершихъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ и безъ завѣщанія. Впредь часть такихъ наслѣдствъ должна переходить въ казну. Если бы такое наслѣдство было послѣ епископа или священника, то треть поступала въ казну, другая треть въ пользу мѣстной церкви и третья—въ пользу митрополита. До той поры, по привилегіямъ, митрополія являлась единственнымъ наслѣдникомъ такихъ имуществъ. 8) Сербы должны зависѣть отъ митрополита только въ церковныхъ дѣлахъ, и ему должно запретить всякое вмѣшательство въ мірскія дѣла. 9) Православное духовенство должно платить подать за землю; ни митрополитъ, ни духовенство не должны имѣть права свободно пользоваться лѣсомъ и безплатно привозить вино. У митрополита отнималась десятина и замѣнялась особымъ небольшимъ взносомъ [1]). Всѣ эти пункты вошли въ декретъ или такъ называемый «деклараторіумъ» 1 (12) апрѣля 1727 г.

Это предложеніе администраціи, одобренное императоромъ, хранилось сначала въ тайнѣ, хотя нѣкоторые его пункты обнаружились уже при избраніи митрополита послѣ смерти Викентія Поповича въ 1726 г. Въ апрѣлѣ 1727 г., былъ, наконецъ, изданъ дипломъ, которымъ Моисей Петровичъ утверждался въ санѣ новоизбраннаго архіепископа и митрополита «славонской» или «карло-

1) Глас Сербской Корол. Акад., вып. 39, стр. 182—186; Лѣтопись Серб. Мат., вып. 123 (за 1880 г.), стр. 102—105; Schwicker, Die Vereinigung и пр., стр. 333—337, и возраженія сербовъ и митрополита на эти пункты, стр. 354—358.

вецкой» митрополіи и признавался лишь администраторомъ «неоаквистической», т. е. бѣлградской, митрополіи и Баната. Почти одновременно былъ опубликованъ декретъ, умалявшій привилегіи сербовъ въ вышеприведенныхъ девяти пунктахъ. Понятно, какъ эти акты должны были обезпокоить сербовъ. Матеріальныя средства митрополіи значительно умалялись, и лишь 3 апрѣля 1728 г. императорскимъ указомъ было дано митрополиту Моисею 6000 гульденовъ, какъ эквивалентъ за отнятую десятину въ Сербіи.

Эти девять пунктовъ произвели громадное впечатлѣніе и смущеніе среди сербовъ. Около нихъ и изъ-за нихъ шла неустанная борьба все время митрополитства Моисея Петровича и его преемника Викентія Іоанновича (ум. 1737 г.), слѣдовательно почти до Бѣлградскаго мира 1739 г., возвратившаго Сербію Турціи.

Лишь появился декретъ отъ 1 (12) апрѣля 1727 г., раздались протесты и обвиненія митрополита Моисея, что онъ принялъ эти акты, безъ соглашенія съ представителями народа и соборомъ. Епископы бачскій и вальевскій, архимандритъ Крушедольскаго монастыря, отъ имени всѣхъ монастырей, протопопъ карловецкій отъ всѣхъ протопоповъ и священниковъ, нѣсколько оберъ-капитановъ отъ имени всей сербской милиціи, судьи и оберъ-кнезы отъ имени всего народа, собравшись на конференцію въ Карловцахъ, представили митрополиту рѣзкій и энергическій протестъ отъ 7 іюня 1727 г.

Перечисливъ заслуги сербовъ и указавъ на вѣрность ихъ Австрійскому императору, доказанную во время возстанія Куруцовъ (Ракочи), когда на сторону возставшихъ сталъ только одинъ сербъ-гусаръ (катана) Обрадъ Ляличъ, но былъ за то разбитъ сербами, ими схваченъ и ими же самими казненъ, протестующіе выражали мнѣніе, что ничѣмъ не вызвали немилости или гнѣва на сербовъ со стороны императора, и потому обвиняли митрополита въ небрежности и самоволіи. «Мы избрали васъ въ архіепископы и митрополиты, писали они, не для того, чтобы вы принимали подобные декреты и публиковали ихъ среди нашего народа, а для того, чтобы выхлопатывали новыя, болѣе твердыя

подкрѣпленія нашихъ привилегій». Они грозили свергнуть его съ митрополичьяго престола, если онъ рѣшится когда нибудь принять какой-либо декретъ, умаляющій привилегіи сербской народности и православной церкви. Протестъ былъ подписанъ всѣми собравшимися, а копіи декретовъ препровождены обратно митрополиту [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ выработанъ обширный меморандумъ съ возраженіемъ на всѣ девять пунктовъ декрета для представленія императору. Этотъ меморандумъ былъ выработанъ собраніемъ, вскорѣ состоявшимся послѣ протеста митрополиту, при участіи болѣе ста представителей народа, и подписанъ восемью епископами, архимандритами, игуменами, протопопами, капитанами, кнезами и оберъ-кнезами, судьями и другими лицами, причемъ при нѣкоторыхъ подписяхъ нерѣдко значится: «со всѣми горожанами» или «съ остальными кнезами и селами». Всѣхъ подписей — 99, изъ нихъ одна по гречески.

Можно предположить, что этотъ меморандумъ выработанъ былъ не безъ сочувствія, а быть можетъ, даже по указанію самого митрополита Моисея Петровича, который все это время хлопоталъ въ Вѣнѣ и ничего не могъ добиться. Въ числѣ участниковъ этой конференціи и между подписями на меморандумѣ находимъ имена: епископа вальевскаго Досиѳея Николича, бѣлградскаго протопопа Павла, смедеревскаго оберъ-кнеза Марка, пожаревецкаго оберъ-кнеза Малина, капитана Николы изъ Чачка и другихъ представителей изъ внутреннихъ мѣстностей Сербіи. Въ меморандумѣ излагаются вкратцѣ главныя положенія привилегій, данныхъ сербамъ, отъ коихъ они рѣшительно не хотятъ отказаться, и дается имъ толкованіе, вспоминаются заслуги сербовъ и дѣлаются обоснованныя возраженія на всѣ пункты

1) Лѣтопись, вып. 123, стр. 108 — 111, статья: Два прилога из г. 1727 за повесницу српског народа. Тутъ, а также въ Лѣтописи, вып. 124, стр. 153—156 и вып. 125, стр. 112—130, напечатанъ оригинальный сербскій текстъ протеста митрополиту Моисею и меморандума императору. У Швиккера (Die Vereinigung etc., стр. 432—435) данъ латинскій переводъ протеста, но содержаніе характернаго меморандума изложено лишь вкратцѣ въ самомъ изслѣдованіи (стр. 354—358).

декрета 1 (12) апрѣля 1727 г. Такимъ образомъ, противъ декрета протестовали, какъ значится при подписи меморандума, «весь клиръ и народъ восточной церкви греческаго закона иллирико-расціанскій или сервіанскій».

Такой быстрый и рѣшительный протестъ противъ декрета 1 апрѣля 1727 г. объясняется высокимъ подъемомъ религіозно-національнаго самосознанія у сербовъ въ виду угрожавшей имъ опасности какъ со стороны пропаганды католицизма, такъ и абсолютистическихъ стремленій австрійскаго правительства. Австрійская политика считала сербовъ только подданными Австріи, сербы — считали себя какъ бы временными подданными Римскаго Апостолическаго цесаря и особою народностью, совершенно отличною отъ всѣхъ остальныхъ. Все время подчиненія Сербіи Австріи шла борьба сербскаго православнаго народа съ католическимъ правительствомъ. Эта борьба послѣ продолжалась и весь XVIII и XIX вѣка, мѣняя только видъ и обстановку, и дошла до нашихъ дней въ видѣ борьбы сербовъ австрійскихъ съ правительствомъ Венгріи за старыя привилегіи и ихъ толкованіе. Она расширилась послѣ оккупаціи Австріей Босніи и Герцеговины,—но и въ этомъ новомъ районѣ осталась съ прежнимъ характеромъ — національно-религіозной борьбы, борьбы католицизма съ православіемъ, кириллицы съ латиницею, сербской народности съ мадьярами и нѣмцами и съ представителями католицизма у юго-славянъ — хорватами.

Какъ опасались въ ту пору сербы вліянія католицизма и вообще пропаганды, характернымъ свидѣтельствомъ можетъ служить первый пунктъ заключеній церковно-народнаго собора 1726 г. въ Карловцахъ, на которомъ былъ избранъ бѣлградскій митрополитъ Моисей Петровичъ общимъ для всѣхъ сербовъ въ Австріи.—Въ немъ говорится, что избранный въ митрополиты долженъ «раньше инсталляціи» дать торжественное обѣщаніе, что онъ будетъ вполнѣ держаться «святой матери церкви Іерусалимской закона греческаго и ничего не станетъ умалять отъ православнаго закона», это обѣщаніе долженъ давать и каждый

епископъ, и верховный митрополитъ. — «Если бы что-либо они нарушили въ нашемъ православіи (у православлю нашему) святой матери церкви закона греческаго, онъ тогда больше не главарь нашей святой матери церкви закона греческаго, — это относится также ко всѣмъ архіереямъ и епископамъ» [1]).

Митрополитъ Моисей сильно обезпокоился подобнымъ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ не ожидалъ рѣзкихъ упрековъ себѣ самому, и впослѣдствіи, когда не задолго до его кончины на Бѣлградскомъ соборѣ 21 мая 1730 г. былъ прочитанъ протестъ 1727 г. съ мѣстами, направленными противъ Моисея Петровича, депутаты оправдывались, что они были введены въ заблужденіе и просили о прощеніи [2]). Моисей Петровичъ въ 1727 г. былъ въ Вѣнѣ и хлопоталъ объ отмѣнѣ декрета, и лишь въ іюлѣ 1728 г. могъ пріѣхать въ свою епархію. Въ январѣ 1729 г. вышелъ новый «деклараторіумъ», объясняющій и все же ограничивающій права сербовъ. Митрополитъ Моисей и представители сербовъ отказались исполнить требованіе главнокомандующаго, герцога Александра Виртембергскаго, публиковать этотъ документъ, не получивъ предварительно согласія на это церковно народнаго собора. И вотъ, весною 1729 г. Моисей отправляется въ Вѣну хлопотать о разрѣшеніи созвать этотъ соборъ. Въ письмѣ изъ Вѣны отъ 15 ноября 1729 г. будимской общинѣ онъ пишетъ, что несмотря на продолжительныя хлопоты, онъ еще не могъ до сихъ поръ добиться разрѣшенія созвать «общенародный» соборъ, хотя онъ и объяснялъ властямъ, что «мы сами по себѣ одинъ *сербійскій* народъ (т. е. жители задунайской Сербіи) ничего не можемъ ни сдѣлать, ни отвѣчать, безъ всего остальнаго народа, такъ какъ живемъ подъ одними милостивѣйше данными всему нашему расціанскому народу привилегіями, обрѣ-

1) Гавр. Витковичъ, Споменици etc. Гласник, II отд., 3 т., стр. 287.

2) О дѣятельности и постановленіяхъ этого собора см. Лѣтопись Серб. Мат. вып. 113, статья Райковича, стр. 294—309; Гласник, II отд., 4 т., Споменици и пр., собр. Гавр. Витковичемъ, стр. 44—54.

тающемуся въ различныхъ провинціяхъ». Въ виду того, что правительство столь затрудняетъ созваніе общаго собора митрополитъ предполагалъ, нельзя ли устроить при митрополіи постоянный совѣтъ изъ выборныхъ представителей народа, которые вмѣстѣ съ духовными лицами могли бы давать совѣты митрополиту и направлять дѣла.

Между остальными вопросами, на которые митрополитъ Моисей желалъ получить скорый отвѣтъ отъ вліятельной будимской общины, особенно важны слѣдующіе два. — Прежде всего онъ хотѣлъ узнать, твердо ли держится эта сербская община мысли объ *единой* митрополіи у сербовъ, поэтому проситъ ее дать ясный письменный отвѣтъ на вопросъ и пишетъ: «какъ вы думаете объ этихъ двухъ архіепископіяхъ, именуемыхъ Бѣлградская и Карловецкая, — слѣдуетъ ли именовать архіепископіей и митрополіей лишь одну бѣлградскую, которая была еще и во время нашего Сербскаго королевства, при мадьярской власти и при державѣ Турецкой. Хорошо подумайте объ этомъ, потому что если бы мы называли такъ обѣ епархіи и именовали ихъ архіепископіями, то слѣдуетъ думать, что послѣ нашей смерти митрополія можетъ раздѣлиться и въ ней могутъ быть два архіепископа». Второй важный вопросъ выраженъ митрополитомъ въ пунктѣ 5 этого письма. Онъ пишетъ, что онъ началъ строить въ Бѣлградѣ митрополичій домъ и церковь, «именуемую архіепископію и митрополію сербскаго нашего православнаго закона подъ властію цесарскаго величества». При этой митрополіи онъ задумалъ «построить школы и семинарію для книжнаго ученія и пѣнія церковнаго». Наконецъ, онъ спрашивалъ, одобритъ ли община учреждені консисторіи, т. е., поясняетъ Моисей, «духовное строительство». Тутъ вопросъ шелъ о денежной поддержкѣ. — Будимская община рѣшительно высказалась противъ учрежденія совѣта при митрополіи, потому что оно повело бы къ уничтоженію общенароднаго собора и учрежденію провинціальныхъ собраній, т. е. расчлененію сербовъ. Она настаиваетъ на единствѣ митрополіи у сербовъ и соглашается на расходы по постройкѣ дома и церкви

въ митрополичьей резиденціи въ Бѣлградѣ, если это дѣло будетъ разсмотрѣно *общенароднымъ* соборомъ [1]). Во всѣхъ инструкціяхъ, которыми общины снабжали своихъ депутатовъ настойчиво проводится мысль объ единствѣ сербской митрополіи и единомъ ея митрополитѣ, и о томъ, что эта митрополія должна именоваться Бѣлградской.

На общенародномъ соборѣ, засѣдавшемъ въ Бѣлградѣ съ 21 по 27 мая 1730 г., въ присутствіи императорскаго коммиссара подполковника Геслинга и при участіи управлявшаго Сербіей генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанта Байлифъ-де-Марули, сербы рѣшительно высказывались за единство митрополита и за право собирать общенародные соборы изъ представителей какъ прежнихъ сербо-австрійскихъ областей, такъ и новыхъ сербскихъ странъ задунайскихъ. Въ числѣ отвѣтовъ бѣлградскаго собора на 25 вопросовъ, предложенныхъ Моисеемъ Петровичемъ, имѣется такое постановленіе: «да будетъ одинъ архіепископъ въ цѣлой державѣ цесарскаго и королевскаго его величества греческаго закона восточной церкви, да будетъ одна архіепископія и да именуется она Бѣлградскою, — двое никакоже». Соборъ одобрилъ также затѣмъ учредить школы и типографію [2]).

Моисей Петровичъ теперь былъ особенно озабоченъ мыслью объ учрежденіи типографіи для печатанія богослужебныхъ книгъ и учебниковъ. Онъ считалъ вопросъ о типографіи существенно важнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда австрійское правитель-

1) Гласник, II отд., т. 4; Споменици, стр. 18—26.

2) Тамъ же, стр. 36. На этомъ соборѣ было доложено много жалобъ изъ различныхъ мѣстъ на то, что власти не позволяютъ дѣлать никакихъ починокъ въ церквахъ. Такъ, въ Лепавинскомъ монастырѣ комендантъ Прашинскій, жившій въ Крижевцѣ, не позволилъ поправить разваливавшуюся церковь, хотя все было приготовлено для ея починки. Одна община жаловалась, что католическій епископъ не только препятствуетъ починкѣ церкви, но и заявляетъ, что онъ прогонитъ всѣхъ православныхъ изъ этой общины, хотя бы это ему стоило «4000 дукатовъ». «Весь народъ проситъ, говорится въ протоколѣ этого собора, чтобы чиновникамъ и служащимъ католикамъ было запрещено ругать вѣру, крестъ, постъ и т. д., какъ это у нихъ всюду въ обычаѣ». (Гласник, II отд., 4 т., стр. 54).

ство наложило почти запрещеніе на книги русской печати. Суворовъ въ своемъ донесеніи Синоду отъ 15 мая 1729 г. пишетъ, что сербы «снабдѣвались» книгами, которыя привозили въ продажу ежегодно русскіе торговцы, но въ 1728 г. на границахъ угро-нѣмецкихъ эти книги были конфискованы, какъ схизматическія. Правда, эти книги были возвращены торговцамъ, послѣ представленій посланника Ланчинскаго, но при этомъ запрещено было имъ впредь привозить «книги Россійскія». Эти русскіе офени были владимірцы «стольника Дмитрія Ивановича Бутурлина села Палеха жители»; именно Михайло Алексѣевъ Вакуровъ, Петръ Андреевъ Поповъ и Иванъ Васильевъ Салапинъ съ товарищи [1]). Уже въ своихъ прошеніяхъ къ Петру Великому Моисей Петровичъ говоритъ о необходимости учредить типографію. Подъ конецъ своего митрополитства онъ обратился въ Hofkriegsrath съ просьбою разрѣшить ему основать въ Бѣлградѣ типографію для печатанія церковныхъ и учебныхъ книгъ для его православной паствы. Мотивируя свое прошеніе, Моисей Петровичъ говорилъ, что всѣ нужныя для церкви и обученія юношества книги, православные жители Угріи и новоприсоединенныхъ странъ «греческаго исповѣданія» принуждены были добывать изъ Москвы, а теперь лишены возможности имѣть ихъ оттуда. Поэтому чувствуется крайній недостатокъ какъ въ церковныхъ, такъ и въ школьныхъ книгахъ, такъ какъ не по чемъ учить юношество, и часто нельзя совершать церковныя служенія по достоинству и обязанности. Отсюда увеличивается грубость народа и его невѣжество, что̀ вредно и для самого государства. Въ отвѣтъ на это 17 марта 1730 г. Hofkriegsrath указалъ, что уже существуетъ въ Тернавѣ близъ Пожуна-Пресбурга (въ Сѣв. Венгріи) типографія, въ которой можно печатать подобныя книги и потому учрежденіе типографіи въ Бѣлградѣ излишне. Но эта типографія была въ рукахъ іезуитовъ

---

1) Описаніе документовъ и дѣлъ Архива Св. Синода, т. II, ч. I. Приложенія стр. 355.

и учреждена съ цѣлями распространенія уніи между сербами и русскими [1]).

Постановленія бѣлградскаго собора поручено было представить въ Вѣнѣ митрополиту Моисею, но онъ уже не могъ этого сдѣлать: измученный неустанными заботами, далеко не всегда понимаемый и поддерживаемый своими же, онъ умеръ въ Бѣлградѣ 27 іюля 1730 г. Важность его заботъ о школѣ и просвѣщеніи не понимали не только нисшее духовенство, но какъ увидимъ, и нѣкоторые епископы, которые недружелюбно относились даже къ училищу Суворова.

Митрополитъ Моисей Петровичъ, среди своихъ большихъ и трудныхъ заботъ о правахъ народа и огражденіи его православія отъ напора пропаганды католицизма, всегда помнилъ о школѣ. Въ постановленіяхъ Карловецкаго собора въ февралѣ 1726 г., при самомъ избраніи его общимъ митрополитомъ, было постановлено: «каждый епископъ долженъ основывать школы въ каждой епархіи, гдѣ возможно, особенно же въ архіепископіи должна быть великая школа *латинская* (діячка), нѣмецкая и сербская». Какъ бы въ связи съ этимъ стоялъ пунктъ, въ которомъ предписывалось епископамъ ставить священниковъ «не по своему благоволенію (не по атару) и не за деньги, но только такихъ, которые искусны, умѣютъ читать, достаточно учены, полны всякихъ добрыхъ качествъ, и которыхъ желаетъ народъ [2]).

---

1) Кстати замѣтимъ, что первое разрѣшеніе основать свою типографію было дано сербамъ лишь въ 1751 г. при митрополитѣ Карловецкомъ Павлѣ Ненадовичѣ. Разрѣшено было открыть печатню въ Карловцахъ, но это позволеніе было обставлено такими тяжелыми условіями цензуры и вызвало такое неудовольствіе высшаго католическаго духовенства, что типографію тогда основать не пришлось. Между прочимъ, требовалось, чтобы въ ней печатались также книги для уніатовъ. Само собою разумѣется, православный митрополитъ не могъ согласиться на это условіе. Первая сербская типографія была основана въ Вѣнѣ Курцбекомъ въ 1770 г., но съ правомъ печатанія исключительно церковно-славянскимъ шрифтомъ. На основаніе типографій давались въ Австріи только особыя привилегіи (см. статью Райковича: Грађа за историју штампарија у Срба, Лѣтопись Мат. Серб., вып. 117 (за 1874 г.), стр. 124—126). Сербскія книги, печатанныя русской гражданкой, впервые появились въ Венеціи, въ типографіи Димитрія Ѳеодосіева.

2) Гласник, II отд., т. 3, Споменици, стр. 289, п. 8 и 9.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій у сербовъ, можно сказать, школъ не было, если школами не называть тѣ случайныя, вѣроятно, временныя училища, устраиваемыя кое-гдѣ при церквахъ и монастыряхъ или въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ такъ-называемыми *даскалами* или мештрами (т. е. магистрами). Это были промышленники-учителя, заключавшіе съ общинами иногда договоры, въ силу которыхъ они обязывались учить дѣтей чтенію по церковнымъ книгамъ и началамъ письма. Такіе учителя обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ бывали дьячками и звонарями при церквахъ [1]). Чрезвычайно интересныя данныя для сужденія о томъ, чему и какъ учились въ ту пору священники, несомнѣнно самый образованный классъ народа въ то время, даетъ отчетъ экзарха Максима Радковича, объѣзжавшаго въ 1733 г. Сербію, по приказанію митрополита Викентія Іоанновича, о чемъ мы уже упоминали. Экзархъ не только сообщаетъ краткую исторію ученія каждаго священника, но и отмѣчаетъ имена его учителей и то, чему и гдѣ научился священникъ, котораго онъ подвергалъ при томъ экзамену. Между учителями упоминается даскалъ Василій «Мошковитъ», который училъ въ Карловцѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. и затѣмъ, вѣроятно, позже 1712 г. «отшелъ во страну свою». Судя по прозванію «Московитъ», можно думать, что это былъ русскій [2]). Обученіе тянулось иногда цѣлыхъ десять лѣтъ. Производилось оно самымъ примитивнымъ образомъ: выучивали читать церковную книгу, учили наизусть псалтырь, акаѳисты и т. д. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Священникъ Петръ Петковичъ въ теченіе *пяти* лѣтъ у даскала Васелина изучилъ всю «паустицу» (т. е. названія буквъ и слова подъ титлами), псалтырь, Моисеевы пѣсни, акаѳистъ Богородицѣ, молебенъ Іисусу сладкому и немного научился писать. Затѣмъ въ теченіе

1) Деспотовић. Школе Срба у угарској и хрватској. Крагујевац, 1889, стр. 41—44. Примѣръ подобнаго договора см. Витковичъ, Споменици, Гласник, II отд., 3 т., стр. 81, № 50, договоръ Лацка Криштовлевича съ общиной города Будима на 1707 и 1708 годы. Лацко берется быть учителемъ и служителемъ въ церкви.

2) Ibidem, стр. 37; Гласник, 53, т., стр. 242.

трехъ лѣтъ въ монастырѣ Петковицѣ у игумена Георгія изучалъ октоихъ, соборникъ, апостолъ, евангеліе, — прочиталъ всѣ эти книги десять разъ. Тамъ же онъ научился пѣть. Затѣмъ онъ былъ два года учителемъ въ Крагуевцѣ. Но на испытаніи онъ не сумѣлъ экзарху объяснить значеніе таинствъ, и тотъ отмѣчаетъ: «читаетъ весьма слабо, нужно, чтобы научился». Діаконъ Василій учился въ монастырѣ Раваницѣ у даскала Стефана и самъ былъ послѣ учителемъ въ Пожаревцѣ. Экзархъ отмѣчаетъ, что онъ пишетъ довольно хорошо, но читаетъ «средне», а таинства объясняетъ по какой-то уніатской книгѣ, которую онъ училъ. Иные священники, даже молодые, не знали десяти заповѣдей наизусть и едва умѣли читать, многіе не умѣли отвѣтить на вопросъ экзарха: «во сколькихъ членахъ состоитъ вѣра», т. е. не знали символа вѣры. Экзархъ съ негодованіемъ восклицаетъ при одномъ случаѣ: «изъ этого видѣть можно, каковы учителя людей божіихъ». Говоря объ одномъ подобномъ священникѣ, экзархъ отмѣчаетъ, что онъ книги читать можетъ, но *лживо*, «тайнъ» совершенно не знаетъ, и прибавляетъ: «его чтеніемъ не столько прославляется, сколько хулится Богъ», а упоминая о другомъ, который едва умѣетъ читать, восклицаетъ въ негодованіи: «Богъ во истину накажетъ неразсудно посвятившаго (во священники) такого слѣпца».

Первоначальное обученіе производилось не по книгамъ и букварямъ, которыхъ не было или были рѣдкостью, а особымъ примитивнымъ образомъ. Суворовъ въ своемъ донесеніи Синоду отъ 30 іюля 1728 г. сообщаетъ, что у сербовъ дѣти учатся по навощенымъ доскамъ, на которыхъ учителя «или сами, или чрезъ подмастерьевъ своихъ написуютъ псалмы, акаѳисты и иная нужная, въ церкви повседневно употребляемая, колико можетъ доска вмѣстити. И егда ученикъ изусть написанное изучитъ, — тогда оное изглаждается съ доски, и написуется континуація бывше написаннаго». Результатомъ такого обученія бываетъ, что «аще и чрезъ 15 лѣтъ, едва не вси читати всякую книгу не могутъ, сказуя всякъ себѣ во оправданіе: я сей книги не училъ» [1]).

1) Описаніе и пр. II, ч. I. Приложеніе, стр. 342.

Поэтому школы нуждались въ воскѣ, вслѣдствіе чего, напр., учителя въ Будѣ получали отъ общины ежегодно по 75 фунтовъ воску. На этихъ вощеныхъ доскахъ учителя шиломъ выдалбливали азбуку, и ученики учились писать [1]).

---

1) Іованъ Раичъ разсказываетъ объ обученіи азбукѣ на грушевыхъ доскахъ (Историја катихизма, см. изд. братьевъ Іовановичей, въ Панчевѣ, выпускъ 95 «Народной библіотеки», стр. 20). Подобные пріемы обученія были обычны у сербовъ въ теченіе всего XVIII в. Архимандритъ Герасимъ Зеличъ, оставившій весьма любопытное «Житіе» (въ Будимѣ, 1823) разсказываетъ, какъ онъ учился читать у нѣкоторой бабы Штулы, жившей при Крупскомъ монастырѣ въ Далматіи въ 60-ыхъ годахъ XVIII в. Въ эту пору въ Далматіи не было школъ, учились только въ монастыряхъ, да приходили въ села по временамъ даскалы. «Напишетъ она бывало, разсказываетъ Зеличъ, на липовой дощечкѣ буквицу, и я учу ее. Что она наканунѣ напишетъ, то я по утру долженъ хорошо остругать, чтобы она могла вновь писать на ней». Въ теченіе 6 мѣсяцевъ онъ выучилъ такимъ способомъ весь букварь. Въ Далматіи нельзя было въ ту пору купить гдѣ-либо печатный букварь или сербскую книгу (Житіе, стр. 10—11). Затѣмъ онъ учился въ своемъ родномъ селѣ Жагорѣ у пришедшаго туда даскала Василія, который устроилъ временную школу.

Автобіографія Досиѳея Обрадовича свидѣтельствуетъ, что тогда обычны были подобные странствующіе учителя. Протосингелъ Кириллъ Цвѣтковичъ, оставившій интересныя записки о своей жизни, важныя для исторіи уніи въ Далматіи и дѣятельности ея ревнителя Викентія Кральевича (Аутобиографија Кир. Цвијетковича, Бѣлградъ, 1898), разсказываетъ какъ онъ учился у нѣкоего попа Моисея въ концѣ XVIII в., пришедшаго въ его родное село Баошичи (вблизи Боки-Которской). Архимандритъ Димитрій Перазичъ, путешествовавшій въ 1815 г. по Россіи, учился въ 90-ыхъ годахъ XVIII в. въ монастырѣ Режевичѣ у «неуковъ калугеровъ». Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ прочиталъ букварь и часословъ. Вспомнимъ, наконецъ, разсказъ Вука Караджича Срезневскому, какъ его учитель Совичъ писалъ разведеннымъ порохомъ буквы на патронной бумагѣ и такимъ образомъ училъ его азбукѣ. Караджичъ замѣчаетъ, что ученики въ монастыряхъ должны были исполнять обязанности слугъ, за что монахи учили ихъ читать. Иные не выучивались читать и въ 4—5 лѣтъ. (См. мое изслѣдованіе о Вукѣ Караджичѣ, Москва, 1882 г., стр. 30). Въ Сербіи задунайской и это малое образованіе духовенства сильно пало послѣ уничтоженія сербскаго патріархата въ Печѣ въ 1766 г., когда греки епископы стали ставить священниковъ грековъ. Милованъ Спасичъ, завѣдывавшій школами въ Сербіи въ 40 и 50-ыхъ годахъ XIX в., разсказываетъ, какъ онъ въ 1845 г. нашелъ одного священника въ округѣ Подринскомъ, который едва умѣлъ читать. Оказалось, что онъ когда-то былъ конюхомъ у грека епископа въ Ужицѣ, а тотъ не отдалъ ему жалованье (100 грошей = около 8 руб.) и, уѣзжая въ Царьградъ, приказалъ своему дьякону научить его наизусть «Отче нашъ» и посвятилъ его во священники. (Гласник, 73 т., стр. 188). О школахъ и пріемахъ обученія въ Сербіи, см. Рјечник, Караджича, 3 изд., стр. 870 sub v. школа.

Греки, жившіе въ Австріи во многихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ сербами, поддерживали связь со своими соплеменниками, жившими въ Турціи, Греціи и западной Европѣ. Къ нимъ пріѣзжали учителя и привозили съ собою буквари и книги. У сербовъ не было печатныхъ букварей до пріѣзда Суворова, хотя по временамъ, вѣроятно, попадали туда экземпляры русскаго букваря Вас. Бурцева (1634 и 1637 г.). Сохранился только одинъ букварь сербскій того времени. Составилъ его въ 1717 г. одинъ изъ спутниковъ патріарха Арсенія III — Кипріанъ Рачанинъ, но букварь этотъ остался въ рукописи. Онъ вѣроятно не употреблялся въ школахъ, — по крайней мѣрѣ имѣется только одинъ его экземпляръ и то, какъ кажется, оригиналъ [1]). Моисей Петровичъ, не имѣя возможности устроить типографію у себя, принужденъ былъ перепечатать букварь, привезенный Суворовымъ, въ Рымникѣ, въ Румыніи, гдѣ была основана типографія Анѳимомъ Ивиренулу, который сталъ тамъ епископомъ въ 1705 г. Въ этой-то типографіи былъ перепечатанъ въ 1726 г. букварь русско-славянскій съ румынскимъ переводомъ texte en regard, затѣмъ одинъ русско-славянскій текстъ въ 1727 и 1734 г. [2]). Послѣднія изданія, судя по описанію г. Новаковича, представляютъ точную перепечатку букваря Ѳеофана Прокоповича. «Первое ученіе отрокомъ, въ немъже буквы и слоги» (изд. 1721 и 1723 г.). Эту книгу привезъ съ собою въ значительномъ числѣ Максимъ Суворовъ. Только съ того времени появляются печатные буквари у сербовъ, но они долгое время представляли лишь перепечатку русскихъ [3]).

Такимъ образомъ, обученіе у сербовъ въ началѣ XVIII в. было самое примитивное. Но нужда въ школахъ и вообще въ

---

1) Гласник, 34 т., стр. 57; Гласник, т. 63, стр. 6.

2) Споменик, 31 (други разред) стр. 125; Гласник, 46 т., статья Новаковича, стр. 236—241.

3) Извѣстный сербскій историкъ Іоаннъ Раичъ, будучи учителемъ въ Новомъ Садѣ составилъ букварь, который былъ вырѣзанъ на мѣди около 1780 г. Доски сохранились, но нѣтъ оттисковъ. (Гласник, т. 63, стр. 252, статья Рад. П. Іовановича).

ученіи сознавалась, какъ видно, изъ самого упоминанія о даскалахъ и мештерахъ, съ которыми заключались общинами договоры. Учебниковъ и вообще книгъ не было.

Суворовъ пріѣхалъ къ сербамъ какъ разъ въ ту пору, когда вполнѣ выяснилось противорѣчіе сербскихъ народныхъ стремленій и задачъ австрійской политики. Моисей Петровичъ, хлопотавшій въ 1718 и 1721 гг. у Петра Великаго о присылкѣ къ сербамъ русскихъ учителей и объ устройствѣ правильной школы, принужденъ былъ цѣликомъ отдаться другимъ заботамъ важнаго политическаго значенія, ибо тутъ шло дѣло о самыхъ жизненныхъ вопросахъ будущаго для сербскаго народа. Со времени избранія его общимъ митрополитомъ, онъ провелъ больше времени въ Вѣнѣ въ хлопотахъ по народнымъ дѣламъ, чѣмъ въ своей резиденціи или епархіи. Самое приглашеніе Суворова должно было остаться въ тайнѣ, чтобы не вызвать новыхъ непріятностей для сербовъ. Средства и доходы митрополіи уходили въ значительной части на «дискреціи» въ Вѣнѣ и на траты, сопряженныя съ хлопотами по важнѣйшимъ для сербовъ дѣламъ, опредѣленія ихъ положенія въ Австріи и защиты отъ пропаганды католицизма.

Поэтому положеніе Суворова съ самаго начала стало весьма труднымъ. Прежде всего онъ почувствовалъ недостатокъ средствъ и даже нужду, особенно вслѣдствіе неаккуратной высылки опредѣленнаго ему содержанія изъ Россіи. Жалобы на это и просьбы находимъ почти въ каждомъ его донесеніи и письмѣ въ Россію. Митрополитъ Моисей Петровичъ принялъ къ сердцу тяжелое матеріальное положеніе Суворова, но оказать ему достаточной поддержки и защиты не могъ. Въ письмѣ въ Синодъ отъ 20 февраля 1728 г. онъ сообщаетъ, что отъ себя онъ назначилъ прибавку къ жалованію Суворова въ 200 гульденовъ, и проситъ увеличить окладъ Суворова на сто рублей, — «чѣмъ бы онъ со своею фамиліею безнуждно пробавитися возмоглъ». Съ другой стороны Суворовъ встрѣтилъ неудовольствіе со стороны даскаловъ, увидѣвшихъ въ немъ сильнаго конкурента, и духовенства

столь мало просвѣщеннаго, а также и тѣхъ, кто искалъ священства, для полученія котораго поднимались требованія при существованіи правильной школы. Въ своемъ отчетѣ въ Синодъ отъ 30 іюня 1728 г. Суворовъ такъ передаетъ слова недовольныхъ его пріѣздомъ: «что де вашимъ дѣтямъ учитца у москаля десятословію, что въ церкви не чтется, и наши де владыки сего сами не знаютъ. А мы де ихъ научимъ тому (говорятъ даскалы), что повседневно въ церкви чтется.....» [1]).

VI.

Дѣятельность Суворова въ Карловцахъ и ходъ дѣлъ въ его школѣ. Его заботы о школѣ и отношенія къ митрополиту Моисею. Участіе Моисея Петровича въ дѣлахъ школы. Отчеты Суворова въ Святѣйшій Синодъ. Ходъ ученія. Попытка открыть обученіе латинскому языку. Положеніе Суворова. Отношеніе къ нему части сербскаго духовенства. Выпускъ первыхъ учениковъ. Забвеніе о Суворовѣ въ Россіи. Смерть Моисея Петровича 27 іюля 1730 года.

Свѣдѣнія о дѣятельности Суворова, какъ учителя, и объ основанной имъ школѣ довольно скудны. Главнымъ и, можно сказать, единственнымъ ихъ источникомъ остаются до сихъ поръ лишь письма и «доношенія» Суворова въ Синодъ. Эти письма даютъ, однако, достаточно ясную картину всего хода дѣла. Первое обстоятельное «доношеніе» Суворова было имъ послано въ Петербургъ изъ Карловцевъ 30 іюня 1728 г. Тамъ онъ разсказываетъ, какъ онъ сначала открылъ «славенскія школы» въ Карловцахъ, а затѣмъ 2 февраля 1727 г. въ Бѣлградѣ, гдѣ онѣ продолжались до 8 сентября, какъ было уже упомянуто выше. Здѣсь

1) Описаніе документ. и дѣлъ Архива Св. Синода. Т. II, ч. 1. Приложенія, стр. 452 и 352.

у него учились около 50 дѣтей «десятословію и писанію съ придаткомъ дѣтской ариѳметики». Жалуясь на интриги даскаловъ, Суворовъ замѣчаетъ, что многіе ученики, смущаемые ими, вернулись къ своимъ прежнимъ даскаламъ. Послѣ этого въ Бѣлградѣ школа Суворова уже не открывалась, такъ какъ и подходящаго помѣщенія для нея не нашлось: вслѣдствіе перестройки крѣпости былъ разрушенъ митрополичій домъ, гдѣ отведено было помѣщеніе и для Суворовской школы. Такъ прошло до 11 декабря 1727 г., когда, по желанію митрополита, Суворовъ вернулся въ Карловцы на прежнюю квартиру, къ которой пристроены были двѣ комнаты (каморы) для его училища. По повелѣнію митрополита, стали собираться ученики къ Суворову, — набралось 124 человѣка. Между ними было немало взрослыхъ: такъ, тутъ былъ одинъ архидіаконъ, 4 іеромонаха, 2 священника, 12 іеродіаконовъ и діаконовъ, 5 монаховъ, и всѣ они начали отъ «начальнаго ученія для исправленія», слѣдовательно, были почти безграмотны. Изъ числа бѣлградскихъ учениковъ Суворова съ нимъ пріѣхали въ Карловцы только трое. 6 января 1728 г. началось обученіе славянской грамматикѣ, при чемъ, по желанію митрополита, ради ускоренія, многое пропускалось въ учебникѣ. Это была грамматика Мелетія Смотрицкаго въ изданіи Поликарпова (1722 г.). «Уроками проходятъ другій кратъ осмочастіе», пишетъ Суворовъ, въ одномъ изъ своихъ «доношеній», «а синтаксисъ первократно: толкованіемъ же осмочастіе третищно, синтаксисъ же первократно. А практики по правиламъ мало что было ради недобре умѣющихъ читати и писати, каковыхъ есть вящшее число (нынѣ всѣхъ въ граматицѣ 60, протчіи же 45 въ десятословіи и азбуцѣ)».

Но и въ Карловцахъ Суворовъ встрѣтилъ много недоброжелательства къ себѣ и своему дѣлу. Нѣкоторые изъ его учениковъ, немного поучившись, отдаютъ назадъ книги, которыя имъ были даны даромъ, и оставляютъ школу, а иные при этомъ забираютъ и учебники. Причина этого — невѣжество калугеровъ и иныхъ церковниковъ, которые, сердясь, что изъ Россіи не получаютъ

милости, распространяютъ даже клеветы на Россійскую имперію среди народа, который къ ней «не малую любовь имѣетъ». Между старшими возникли опасенія, что если «младшіе научатся», то займутъ со временемъ ихъ мѣста, и дѣти мірскихъ людей «прервутъ левитское наслѣдство», занявъ священническія мѣста. А такъ какъ и митрополитъ Моисей предпочитаетъ ставить священниками людей болѣе знающихъ, минуя дѣтей болѣе богатыхъ родителей и священническихъ, если они невѣжественны, то и начинаютъ ненавидѣть и его самого, желая его «видѣти мертва». Суворовъ отмѣчаетъ, что митрополитъ Моисей, познакомившись съ регламентомъ Св. Синода, сталъ заводить въ монастыряхъ общежитія и приказалъ учиться молодымъ монахамъ, священникамъ и діаконамъ. Такъ какъ митрополитъ Моисей часто подолгу проживалъ въ Вѣнѣ, то его приказанія плохо исполнялись. Когда Суворовъ ѣздилъ въ августѣ 1727 г. въ Вѣну, онъ разсказалъ ему «о всѣхъ касающихся въ школахъ турбаціяхъ», а послѣ доводилъ до его свѣдѣнія черезъ вѣрныхъ людей. Въ отвѣтъ митрополитъ написалъ, что онъ не знаетъ, что и какъ дѣлать, «понеже отъ различныхъ странъ оскорбляется и обуревается»; но обѣщалъ, что «предусмотрити потщится исправленіе», когда вернется въ свою митрополію. Суворовъ при этомъ отмѣчаетъ, что между высшимъ духовенствомъ немало завистниковъ и враговъ у Моисея Петровича, которые являются виновниками того, что «инсталляція» митрополиту Моисею обошлась болѣе 20 тысячъ гульденовъ, что̀ его разорило. Какъ мы знаемъ, именно въ это время Моисей Петровичъ всячески старался отклонить деклараторіумъ 1 (12) апрѣля 1727 г., вызвавшій у сербовъ столь рѣшительный протестъ.

Какъ высоко понималъ митрополитъ Моисей значеніе своихъ попытокъ устроить правильную школу у сербовъ и поднять вообще образованіе, это видно изъ его завѣщанія. «Мы много приложили стараній, пока пріобрѣли учителя и постепенно стали исправляться въ славянскомъ языкѣ. чтобы чрезъ таковое ученіе мы могли познать силу читаемыхъ нами словесъ Божіихъ и учи-

телей церкви. И немало мы понесли издержекъ, чтобы это дѣло было во славу Божію и вашу похвалу въ роды родовъ намъ всѣмъ неучившимся, чтобы мы не подвергались поношенію отъ другихъ и чтобы черезъ ученіе научились ходить по путямъ Господнимъ. Вы сами видите, какъ безъ ученія мы порабощены многими народами, по сказанному: мудрые обладаютъ неискусными, а ученіе всегда есть свѣтъ для души и даетъ крѣпость. Иные нападали и смѣялись надъ этимъ,—пусть таковые побоятся Бога, чтобы Господь не прогнѣвался,—и тогда вы погибнете и будете попраны и обладаемы всѣми народами». Митрополитъ Моисей затѣмъ умолялъ какъ своего наслѣдника по митрополичьему престолу, такъ и духовенство и мірянъ быть ему подражателями въ дѣлѣ школы и постараться всячески поддержать эти его начинанія.

Но Суворовъ былъ обязанъ завести у сербовъ не только «славенскія», но и «латинскія школы»,—недаромъ въ рескриптѣ 2 авг. 1725 г. Ланчинскому сказано, что Суворовъ посылается въ Сербскую землю для обученія тамошняго народа дѣтей *славено-латинскаго* діалекта. Поэтому онъ въ первомъ своемъ отчетѣ даетъ отвѣтъ на вопросъ и о латинскихъ школахъ. Митрополитъ Моисей хорошо понималъ всю важность знанія латинскаго языка для сербовъ, подчиненныхъ Австріи. Какъ извѣстно, вся оффиціальная переписка, не только всѣ рескрипты и указы,— велась въ Венгріи по латыни. Для веденія дѣлъ и переписки митрополитъ Моисей съ 1717 г. держалъ секретаря Ямбрековича, жившаго въ Вѣнѣ послѣ въ качествѣ ходатая по сербскимъ дѣламъ. Ямбрековичъ былъ католикъ, хорватъ по происхожденію, и не стоилъ довѣрія. Моисей Петровичъ терпѣлъ, однако, Ямбрековича, опасаясь, вѣроятно, доносовъ съ его стороны [1]). Очевидно между сербами въ ту пору не нашлось людей, которые

1) Впослѣдствіи при митрополитѣ Викентіи Іовановичѣ Ямбрековичъ былъ не только уволенъ отъ должности, но даже содержался нѣкоторое время подъ арестомъ за мошенничество (Якшичъ. О Викентију Іовановиħу, стр.170—175). Это было въ ноябрѣ 1734 г.

могли бы занимать подобную должность. Въ своихъ письмахъ къ Петру Великому Моисей тоже говоритъ о латинскихъ школахъ. Иные болѣе состоятельные сербы принуждены были отдавать своихъ дѣтей въ іезуитскія училища, гдѣ учили латинскому языку. Еще патріархъ Арсеній III, а затѣмъ и его преемники хлопотали о разрѣшеніи основать для сербовъ гимназію, т. е. среднюю школу, въ которой преподаваніе могло идти на латинскомъ языкѣ. Правительство, однако, не разрѣшало, разсчитывая, что сербы будутъ принуждены отдавать своихъ дѣтей въ католическія гимназіи, гдѣ возможно на нихъ воздѣйствіе пропаганды.

Суворовъ это понималъ и считалъ весьма важнымъ открытіе преподаванія латинскаго языка, которымъ сербы могли бы пріобщиться къ европейской наукѣ. Но въ первые два года своего пребыванія у сербовъ онъ не могъ начать «латинскихъ школъ». Въ отчетѣ въ 1728 г. Суворовъ объясняетъ причины этого замедленія. «Незнаемому» языку должно учить, пишетъ онъ, на знакомомъ ученикамъ, а между тѣмъ онъ самъ не могъ до сихъ поръ усвоить себѣ въ достаточной степени смѣшанный «венгро-турецко-нѣмецко-сербскій» языкъ, употребляемый австрійскими сербами, намекая такою его характеристикою на существовавшую въ то время смѣсь въ лексическомъ составѣ сербской рѣчи. Что же касается успѣховъ въ «славенскомъ книжномъ, яко обоюдномъ» языкѣ, то они еще не большіе, да и одинъ онъ, Суворовъ, не можетъ всѣхъ научи́ть всему. А здѣсь между тѣмъ предполага́ютъ, что въ короткое время можно всему научиться: «все окружное ученіе (его же и я самъ не знаю), поняти отъ меня можно», пишетъ онъ. Иные полагаютъ, что въ четыре мѣсяца, а ужъ непремѣнно за годъ ученія, можно сдѣлать предикаторовъ, философовъ, юристовъ и богослововъ, которые могли бы опровергать ученія римской церкви. Они думаютъ, что учитель, умѣющій притомъ говорить по латыни, долженъ быть «всезнай» (энциклопедистъ), и что отъ него всякій легко и всему можетъ научиться «воззрѣніемъ точію на него», по насмѣшливому выраженію Суворова. Нѣкоторые священники, подражая ученымъ про-

повѣдникамъ инославныхъ церквей, произносятъ проповѣди. И вотъ, говорятъ люди, враждебно расположенные къ Суворову: «если наши попы, не учившіеся въ школахъ, произносятъ проповѣди, то почему учитель не учитъ этому своихъ учениковъ? Къ чему учить грамматикѣ? Пусть бы лучше онъ писалъ для своихъ учениковъ проповѣди и давалъ имъ выучивать ихъ наизусть. А то что такое: мой, твой, свой,—онъ, она, оно.—Мы это знаемъ и безъ грамматики».

Но были и другія причины, почему пришлось замедлить съ открытіемъ преподаванія латинскаго языка и вообще слѣдовало быть осторожнымъ съ латинскими «школами». Католическое духовенство смотрѣло съ подозрѣніемъ даже на обученіе славянскому языку. Приходили смотрѣть школу Суворова многіе іезуиты и францисканцы и спрашивали, не учитъ ли онъ и латинскому языку, и онъ имъ объяснялъ, что учитъ только чтенію и письму «книжнаго языка, коимъ въ славено-православныхъ церквахъ Богу служба приносится». Приходившіе католическіе патеры объяснили, что они принимать могутъ сербовъ въ свои училища до піитики включительно, но что сербы сами не хотятъ поступать къ нимъ, что существуетъ Академія въ Тернавѣ, гимназіи въ Будѣ и Раабѣ, что повсюду разбросаны тривіальныя школы, что въ Петроварадинѣ, отстоящемъ всего на полтора часа пути отъ Карловцевъ, предполагается основать латинскую школу. При этомъ они замѣтили, что тамъ, гдѣ существуютъ тривіальныя школы, не должно быть гимназіи, а гдѣ есть гимназія, не должно быть Академіи, давая этимъ понять, что въ Карловцахъ не должно надѣяться на учрежденіе гимназіи и вообще школы высшаго порядка, при томъ православно-сербскаго характера. «Мы-де придемъ къ вамъ въ школу учитися славенски, а когда наша будетъ, васъ всѣхъ просимъ къ намъ учитися латински», говорили они Суворову. Поэтому онъ рѣшеніе вопроса, какъ быть съ открытіемъ преподаванія латинскаго языка, отложилъ до пріѣзда митрополита Моисея изъ Вѣны. «Аще всегда сицевая нестроенія будутъ или таковыя неможности, то не будетъ народной здѣ

пользы», замѣчаетъ Суворовъ. «Аще ли же пользы не будетъ, то кое благодареніе и кая слава пославшему мя? И мой трудъ и нужды терпѣніе суетный есть». Такимъ образомъ, у Суворова возникло сомнѣніе, будетъ ли онъ въ состояніи исполнить задачу, которую онъ высоко цѣнилъ, какъ свой долгъ предъ своимъ отечествомъ, пославшимъ его къ сербамъ ради «книжнаго просвѣщенія» дѣтей. Наконецъ, Суворовъ замѣчаетъ, что митрополитъ содержитъ въ школахъ Раабскихъ, — т. е. въ гимназіи, двухъ діаконовъ, которые проходятъ уже піитику, т. е. оканчиваютъ ученіе. Суворовъ предполагаетъ, что митрополитъ, вѣроятно, пожелаетъ поручить имъ обученіе латинскому языку.

Положеніе Суворова было тѣмъ труднѣе, что онъ принужденъ былъ скрывать, что онъ посланъ русскимъ правительствомъ для дѣятельности у сербовъ въ роли учителя. По указанію русскаго посланника Ланчинскаго, вслѣдствіе просьбы митрополита Моисея, Суворовъ никогда не сказывался, по его выраженію, что «есмь въ службѣ Его Императорскаго Величества», и потому объявлялъ себя «наемникомъ въ службѣ митрополитской». Онъ близко видѣлъ трудность положенія сербовъ и ихъ церкви, потому что скоро понялъ цѣли австрійской политики относительно сербовъ, и потому сообщаетъ Синоду, что сербскому народу живется тяжело въ Австріи, что его притѣсняютъ, «да скрытымъ насиліемъ по времени во унію пріидетъ, унужденъ скудостію». Затѣмъ онъ пишетъ: «И нынѣ цесарь, едва не всю Славонію, развѣ Варадинскаго провизората (подъ нимъ же и Карловецъ) продалъ (sic, вѣроятно, предалъ) въ подданство министрамъ. А и Карловцу съ прилежащими ему того жъ не миновать. И вся сербская милиція подунавская хочетъ обращена быть въ крестьянство» [1]). Суворовъ близко видѣлъ, какое впечатлѣніе на сербовъ произвели тѣ ограниченія и умаленія ихъ правъ и привилегій, которыя особенно ярко отразились въ деклараторіи 12 апрѣля 1727 г., правда предназначенномъ для задунайской Сербіи и Баната, но

1) Описаніе докум. и дѣлъ, II, ч. 1. Приложеніе, стр. 348.

грозившемъ въ будущемъ и для всѣхъ остальныхъ территорій, занятыхъ сербами.

Въ своемъ первомъ отчетѣ Суворовъ жалуется на свое бѣдственное положеніе, подробно исчисляетъ свой долгъ въ 300 гульденовъ, объясняетъ его причины, упоминаетъ, что митрополитъ обѣщалъ отъ себя давать по 200 гульденовъ въ годъ, но что этого не хватаетъ, и проситъ объ аккуратной присылкѣ жалованія. Что Суворовъ имѣлъ основаніе жаловаться на задержки и неаккуратность высылки жалованья, видно изъ посланія митрополита Моисея въ Св. Синодъ отъ 8 іюля 1727 г. и прошенія къ императору Петру II отъ того же числа. Въ нихъ онъ напоминаетъ о присылкѣ жалованія не только Суворову, но и на наемъ учителя греческаго языка, на что Синодъ изъявилъ согласіе, съ соизволенія Петра Великаго. Въ прошеніи Петру II онъ излагаетъ исторію посылки: «славенно-латинскаго» учителя, причемъ императрицу Екатерину I называетъ: «великая мати Вашего Императорскаго Величества». Онъ просилъ прислать жалованіе и на «еллино-греческаго» учителя, начиная съ 1724 г., уже опредѣленное и назначенное. Тутъ онъ разъясняетъ другія просьбы, съ которыми онъ обращался когда-то къ Петру Великому. Дѣло въ томъ, что по плану фортификаціи Бѣлграда предположено разрушить существующую церковь,—и Моисей Петровичъ проситъ Петра II помочь воздвигнуть церковь св. апостоловъ Петра и Павла съ двумя придѣлами, подъ ктиторствомъ императора Петра II. И впослѣдствіи еще разъ писалъ митрополитъ Моисей (20 февраля 1728 г.), хлопоча объ аккуратной присылкѣ жалованія Суворову и объ его увеличеніи.

Вопросъ объ учителѣ «еллино-греческомъ», о присылкѣ жалованія которому, ссылаясь на рѣшеніе Петра Великаго 5 февраля 1724 г., напоминалъ митрополитъ Моисей въ прошеніи къ императору Петру II, былъ весьма важный. Моисей Петровичъ, хорошо знакомый съ греческимъ языкомъ и бывавшій у Византійскаго патріарха, понималъ значеніе греческой церкви и ея языка для православнаго востока. Онъ хотѣлъ какъ бы противопоставить

обученіе греческое латинскому, этому признаку тогдашняго западнаго просвѣщенія. Въ его епархіи жили и греки, совершавшіе богослуженіе по гречески. Въ своемъ завѣщаніи онъ писалъ: «въ этой школѣ (греческой, которую онъ все же завелъ въ Бѣлградѣ) если и не достигается философское ученіе, подается церковное, которое намъ всего болѣе нужно, равно какъ нуженъ этотъ языкъ всѣмъ намъ православнымъ для чтенія, пѣнія и разумѣнія всего церковнаго». Въ каждомъ своемъ посланіи въ Синодъ митрополитъ говорилъ объ «учителѣ еллино-греческомъ». Вѣроятно вслѣдствіе его прошенія Петру II, Синодъ озаботился этимъ вопросомъ, но денегъ не отпустилъ, а предварительно запросилъ Суворова о томъ, въ какомъ положеніи дѣло преподаванія греческаго языка у сербовъ. Въ своемъ первомъ отчетѣ (30 іюня 1728 года) Суворовъ сообщаетъ, что онъ засталъ въ Бѣлградѣ греческаго учителя «стараго и дряхлаго», который былъ сначала священникомъ въ Константинополѣ, затѣмъ потурчился «отъ страха», но убѣжавъ въ Сербію, вновь сталъ христіаниномъ. Онъ началъ учить дѣтей читать и писать по гречески съ 23 января 1723 г., получая скудную помощь отъ митрополита и небольшую плату отъ учениковъ, да собирая въ церкви съ блюдцемъ. Его смѣнилъ грекъ изъ Солуня Николай Логіотатъ. Но ученики научаются весьма малому. Учившіеся прежде — языка не знаютъ, и хотя нѣкоторые читаютъ въ церкви апостолъ и евангеліе по гречески, но не понимаютъ читаемаго. Не смотря на всѣ просьбы митрополита Моисея, повелѣніе Петра Великаго о высылкѣ по 300 рубл. въ годъ къ сербскому митрополиту для содержанія учителя еллино-греческаго не было исполнено.

Между тѣмъ митрополитъ Моисей все еще находился въ Вѣнѣ, и Суворовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда, надѣясь при его помощи устранить различныя препятствія и неудобства, мѣшавшія устройству и правильному ходу ученія. А этихъ неустройствъ было много: не было сколько-нибудь сноснаго помѣщенія для школы, не было даже скамей или мѣста, гдѣ бы могли сидѣть ученики, не было учебниковъ. Въ тоже время жалобы и

просьбы Суворова о средствахъ «для препитанія съ фамиліею» всѣмъ надоѣдали, жалованье изъ Россіи не приходило, не получалось отвѣтовъ на его «доношенія» и просьбы,—явились долги у русскаго учителя, считавшаго себя, по справедливости, посланнымъ съ важною миссіей къ православному сербскому народу. Суворовъ видѣлъ опасность, грозящую сербамъ вслѣдствіе недостатка благоустроенной школы, понималъ потребность въ латинской школѣ и въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ донесеній въ Синодъ (8 авг. 1731 г.) онъ сообщаетъ, что «знатнѣйшіе» сербы отдаютъ своихъ дѣтей въ разныя другія училища, а не въ Карловцы, учиться латинскому, нѣмецкому и мадьярскому языкамъ, а эти училища были или уніатскія, или католическія и имѣли цѣль—привлечь въ лоно католичества потомковъ болѣе богатыхъ и вліятельныхъ сербовъ.

Наконецъ, 25 іюля 1728 г. митрополитъ Моисей пріѣхалъ изъ Вѣны въ Карловцы, но на слѣдующій день уѣхалъ въ Бѣлградъ, куда его призывали спѣшныя дѣла. Онъ не видѣлъ «школъ» Суворова, который ожидалъ его пріѣзда съ большимъ нетерпѣніемъ и большими надеждами. Поэтому Суворовъ въ августѣ поѣхалъ въ Бѣлградъ, гдѣ засталъ митрополита опасно больнымъ. Онъ, однако, рѣшилъ разъяснить свое положеніе и представилъ свои предложенія о школѣ митрополиту Моисею, прося на нихъ отвѣта. Больной митрополитъ передалъ эти вопросы шести епископамъ, съѣхавшимся въ Бѣлградѣ къ этому времени: Темешварскому, Бачскому, Сечуйскому, Славонскому и Крушедольскому. Объ этомъ сообщаетъ Суворовъ Синоду въ своемъ отчетѣ отъ 15 мая 1729 г. Мы не имѣемъ вопросовъ Суворова, но онъ приложилъ къ отчету резолюцію епископовъ, вѣроятно одобренную митрополитомъ. Изъ нея видно, что Суворовъ жаловался на враждебное отношеніе «отъ нѣки луди глава» (по переводу Суворова—«дураческихъ главъ») къ его школѣ и къ нему лично и чрезвычайныя неудобства помѣщенія школы. Онъ просилъ, между прочимъ, дать ему повозку, лошадей и слугу, такъ какъ даже за припасами приходится отправляться въ Петроварадинъ.

Епископы порѣшили, чтобы архіепископъ учинилъ «писаніе клятвенно», которое должно быть всюду прочтено, и погрозилъ штрафомъ въ пользу школы во сто гульденовъ съ имущихъ или церковнымъ наказаніемъ тому, кто осмѣлится нападать на новую школу или оскорблять ея учителя. Что касается неудобства помѣщенія школы, то Суворову предлагалось претерпѣть эту зиму и исключать изъ школы плохихъ учениковъ. Лошадей предлагали учителю нанимать, а повозку обѣщали дать, о дешевизнѣ найма обѣщали позаботиться.

Нѣсколько успокоеннымъ вернулся Суворовъ въ Карловцы и сталъ ожидать пріѣзда митрополита Моисея «для наряжденія школъ», но не дождавшись вновь поѣхалъ въ Бѣлградъ, воспользовавшись временемъ роспуска учениковъ на сборъ винограда. Онъ теперь (25 сентября) подалъ митрополиту записку съ 12 вопросами и просилъ отвѣта на нихъ. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ характеризуютъ обученіе и систему Суворова. Во избѣжаніе ропота, въ отсутствіе митрополита Суворовъ допускалъ всѣхъ, приготовленныхъ и не приготовленныхъ, къ «грамматическому ученію». Но для настоящаго прохожденія курса грамматики нужно учиться два года и притомъ напередъ умѣть читать и писать, а между тѣмъ, ему пришлось проходить весь курсъ лишь въ теченіе восьми мѣсяцевъ, да притомъ съ недостаточными практическими упражненіями. И вотъ, Суворовъ спрашивалъ, начинать ли вновь преподаваніе славянской грамматики. Митрополитъ рѣшилъ начать. Затѣмъ, Суворовъ спрашивалъ, начинать ли этотъ курсъ со всѣми бывшими до нынѣ учениками или только съ «могущими понимать», и удалить «немогущихъ равное бремя нести». Митрополитъ предоставилъ это усмотрѣнію Суворова. На вопросъ Суворова, откуда взять грамматикъ, которыхъ скоро можетъ не хватить, а безъ книгъ нельзя учить грамматикѣ, митрополитъ постановилъ брать книги назадъ отъ тѣхъ, кто еще не можетъ учиться грамматикѣ, по мнѣнію учителя. Затѣмъ, митрополитъ рѣшилъ отнимать десятословія и грамматики у тѣхъ, кто не окончилъ ученія и оставилъ школу «безъ

благодаренія», и книги забрали съ собою. Хотя и предположено было отдѣлить грамматистовъ отъ десятословщиковъ и азбучниковъ, но помѣщеніе школы будетъ все же тѣсно и холодно. Суворовъ предлагалъ сдѣлать передѣлку помѣщенія, соединить двѣ комнаты въ одну (камору и горницу), разобравъ стѣну, а на «малой школѣ», гдѣ будутъ учиться азбучники, замѣнить тростниковый «кровъ» досчатымъ,— «да въ долгонощіе мнѣ, немогущу чувати, дѣти не запалятъ тростіе, низокъ бо есть кровъ».— Теперь Суворовъ надѣялся образовать два класса, отдѣливъ «грамматистовъ» отъ остальныхъ. Затѣмъ онъ просилъ устроить школьный дворъ, по которому протекалъ ручей, дать водовозную бочку, назначить дворника для наблюденія за дворомъ, возки воды, рубки дровъ, топки печей и т. п., а то онъ самъ, говорится въ одномъ изъ отчетовъ Суворова, «понужденъ былъ быть дворникъ двора школьнаго и домувладыка школъ, на всякій день самъ затворяя и отворяя оныя» [1]). Спрашивалъ Суворовъ и о способахъ, откуда брать средства для необходимыхъ текущихъ нуждъ школы, чтобы не досаждать ни митрополиту, ни имъ поставленнымъ начальникамъ. Просилъ Суворовъ разсмотрѣть и его «карловицкое состояніе и пустынное содержаніе», но главнымъ образомъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы митрополитъ принялъ мѣры поощренія учениковъ и противъ нападающихъ на школы, особенно относительно невѣжественныхъ духовныхъ лицъ. Прося о мѣрахъ содѣйствія къ тому, чтобы ученики не слушали «каковыхъ либо превратниковъ», клевещущихъ на школу или «отъ невѣдѣнія пользы уничтожающихъ правописное книжное чтеніе и писаніе», Суворовъ проситъ митрополита также распорядиться, чтобы его ученики, «дерзновенно всюду бы тако читали, яко же учатся, иначе бо рѣшето водою наполняти буду всуе». Здѣсь, очевидно, дѣло шло о томъ, что ученики, которыхъ Суворовъ училъ русско-славянскому произношенію, читали, подъ вліяніемъ старшихъ, по

1) Отчетъ Суворова отъ 21 декабря 1729 г. Описаніе, II, ч. 1. Прилож., стр. 362.

своему, произнося на сербскій ладъ выраженія и слова церковнославянскія.

Митрополитъ Моисей очень заботился о церковномъ благочиніи и поднятіи образованія духовенства. Ему приходилось поэтому бороться противъ нѣкоторыхъ укоренившихся среди духовенства обычаевъ, чѣмъ, конечно, возбуждалъ противъ себя невѣжественныхъ сторонниковъ старыхъ привычекъ и обвиненіе въ новшествахъ. Была пущена одно время даже молва, будто онъ склоненъ къ уніи. Желая улучшить пѣніе въ церкви, онъ призвалъ съ Аѳонской горы іеромонаха Анатолія, и въ греческой школѣ въ Бѣлградѣ обучали греческому пѣнію. Для усиленія проповѣдничества онъ выписалъ изъ Россіи «малорусскаго іеромонаха» Синезія Залуцкаго [1]). Все это были новизны, которыя могли вызвать въ части стараго духовенства неудовольствіе новыми порядками, которое переносилось и на личность Моисея Петровича. Понятно, что эти недовольные митрополитомъ переносили свой гнѣвъ и на учрежденную имъ школу, и на самого учителя Суворова, который, какъ кажется, не обладалъ выдержкой и спокойствіемъ характера.

Несомнѣнно Моисей Петровичъ придавалъ особенно важное значеніе основанной имъ въ Карловцахъ школѣ. Онъ заботился объ ученикахъ, собранныхъ въ Карловцахъ, содержалъ и одѣвалъ ихъ на свой счетъ и даже завѣщалъ своимъ преемникамъ продолжать эту его заботу;—«яко дабы и отъ нихъ въ будущея врѣме плодъ пріобрѣли» [2]).

На вопросы Суворова митрополитъ далъ отвѣты успокоительные и утвердительные, но иногда въ выраженіяхъ нерѣшительныхъ. Если съ одной стороны его смущалъ недостатокъ въ средствахъ, нужныхъ для устройства школы, то нельзя не вспомнить, что на школу въ Карловцахъ онъ могъ смотрѣть, какъ на временную, ибо митрополія была въ Бѣлградѣ, а именно при ми-

1) Іованъ Раичъ. Историја Катихизма (изд. бр. Іовановичей въ Панчевѣ), стр. 21—22.

2) Споменици. Тестамент Мојсеја Петровића, 31, стр. 187.

трополіи онъ хотѣлъ завести «высшія школы», которыя могли бы въ извѣстной степени замѣнить духовную семинарію, на основаніе которой онъ не могъ добиться разрѣшенія. Въ своемъ посланіи Св. Синоду и прошеніи императору Петру II онъ говоритъ о своихъ планахъ и надеждахъ построить новую церковь и зданіе для школы именно въ Бѣлградѣ. Онъ поэтому, вѣроятно, считалъ Карловецкую школу временною, случайною. Осторожность мѣропріятій митрополита Моисея относительно школы, учрежденной Максимомъ Суворовымъ, слѣдуетъ объяснять и политическими обстоятельствами того времени. Какъ разъ въ эту пору онъ хлопоталъ о разрѣшеніи созвать общенародный соборъ для разъясненія положенія, созданнаго деклараціей 1 (12) апрѣля 1727 г., столь взволновавшаго сербовъ. Онъ опасался навлечь на себя лишнія подозрѣнія со стороны австрійской политики, предъ которою онъ скрывалъ настоящій характеръ пріѣзда Суворова изъ Россіи. Въ тоже время митрополитъ опасался усиливать раздраженіе противъ себя и въ части духовенства, недовольной учрежденіемъ школы.

Вернувшись въ Карловцы, Суворовъ началъ «школы» 1 октября 1728 г.: себѣ онъ взялъ грамматистовъ, а своему брату Петру предоставилъ учить въ «особливой храминѣ»—десятословщиковъ и азбучниковъ. Митрополитъ Моисей нанялъ его брата въ помощь ему до іюля 1729 г. Между тѣмъ ничего не было сдѣлано согласно резолюціямъ митрополита Моисея на вопросные пункты Суворова, за исключеніемъ нѣкоторыхъ просьбъ второстепеннаго значенія, хотя митрополитъ и приказалъ своему карловецкому протосингелу Василію Дмитріевичу позаботиться о школѣ. Мало того, этотъ Василій, впослѣдствіи епископъ будимскій, явился даже одно время врагомъ Суворовской школы. Опасаясь подвергнуться обвиненію, что онъ разогналъ школу, которую не видѣлъ еще митрополитъ, Суворовъ рѣшилъ самъ расширить помѣщеніе школы и, собравъ съ учениковъ небольшой взносъ, сдѣлалъ «палату едину» изъ двухъ комнатъ и поставилъ скамьи для учениковъ, такъ какъ до сихъ поръ имъ не на чемъ

было сидѣть. Все это онъ устроилъ къ 13 декабря, противъ воли протосингела. Тогда Суворовъ послалъ трехъ духовныхъ и одного мірянина изъ числа своихъ учениковъ къ митрополиту въ Бѣлградъ съ жалобою на противодѣйствіе протосингела и съ сообщеніемъ о затратахъ. Митрополитъ приказалъ возвратить издержки, но протосингелу не сдѣлалъ никакого замѣчанія, вѣроятно, потому, по мнѣнію Суворова, что Василій Дмитріевичъ получилъ уже утвержденіе императора на епископскую каѳедру въ Будѣ, и 30 января 1729 г. хиротонисанъ Моисеемъ Петровичемъ въ Карловцахъ.

Наконецъ, 20 января 1729 г. пріѣхалъ митрополитъ Моисей въ Карловцы и черезъ четыре дня (27 янв.) вмѣстѣ съ четырьмя епископами и далматинскимъ архимандритомъ Леонтіемъ, заѣхавшимъ сюда проѣздомъ изъ Россіи въ Далматію, посѣтилъ училище Суворова въ первый разъ. По мнѣнію Суворова, ему понравилась «школа», онъ былъ веселъ и хвалилъ ученіе, къ чему присоединились и всѣ епископы, хотя между ними былъ одинъ хулитель «школъ», который теперь предавалъ анаѳемѣ того, кто «будетъ отселѣ поне едино слово хульное на ученіе произнести».

Рукоположивъ во епископы протосингела Василія Димитріевича 30 января, митрополитъ Моисей уѣхалъ, поручивъ новопоставленному епископу посвящать во священники и діаконы. Епископъ Василій, неладившій съ Суворовымъ, сталъ рукополагать тѣхъ, кто не учился въ школѣ, и «едва отче нашъ добре прочитати умѣющихъ», а однажды посвятилъ во дьяконы одного «великовозрастнаго десятословщика», подъ предварительнымъ условіемъ, что онъ оставитъ школу. Суворовъ видѣлъ въ этомъ проявленіе вражды епископа къ школѣ и ученію вообще, ибо онъ полагалъ, что его ученики имѣютъ преимущественное право на посвященіе въ духовный санъ и полученіе ими его не должно мѣшать имъ продолжать ученіе въ его школахъ. Фактъ этотъ разгласился, и иные ученики бросили ученіе: десять грамматистовъ изъ 72 и 14 десятословщиковъ изъ 70 оставили школу. Наконецъ, Василій Димитріевичъ, уѣзжая въ свою епархію—въ

Будимъ, взялъ съ собою двухъ изъ лучшихъ учениковъ Суворова, — одинъ изъ нихъ былъ діаконъ и поѣхалъ съ «плачемъ», такъ какъ не хотѣлъ оставлять школы. Суворовъ считалъ его лучшимъ ученикомъ и пріучалъ уже къ обученію другихъ, готовя изъ него учителя. Вслѣдствіе этого начался безпорядокъ въ школѣ: ученики мѣнялись, многіе прекращали ученіе, приходили новые, чтобы уйти, когда захочется: «иная грамматика едва не черезъ десять рукъ прошла, ни единому же совершенную пользу оставивши». Дисциплина пала, на Суворова смотрѣли, какъ на иностранца, не имѣющаго силы наказывать, а авторитетнаго надзора или власти надъ школою не было. Стоило Суворову сказать кому изъ учениковъ «негладкое слово прерѣкательно», какъ ему отвѣчали: «я брошу грамматику и пойду, какъ друзіи».

На этотъ разъ митрополитъ скоро вновь пріѣхалъ въ Карловцы,—въ мартѣ 1729 г. Суворовъ воспользовался случаемъ и заговорилъ о введеніи преподаванія латинскаго языка. Митрополитъ уклонился отъ яснаго отвѣта. Но на вопросъ о греческомъ учителѣ, митрополитъ сказалъ, что онъ писалъ къ «четверо престольнымъ патріархамъ», прося найти подходящаго учителя, и отвѣтъ уже полученъ, что таковой уже имѣется, но такъ какъ до сихъ поръ не высылаютъ изъ Россіи опредѣленнаго на него жалованія, а у сербовъ нѣтъ средствъ его содержать, то его нельзя и выписывать. Когда Суворовъ завелъ рѣчь о томъ, что на получаемый окладъ онъ не можетъ существовать, и ему поэтому остается или просить прибавки, или возвратиться въ отечество, то митрополитъ сказалъ: «мы-де насиловати не можемъ: и не просили мы самаго учителя и на него содержаніе, но и на школы помощь». Въ этихъ словахъ Моисея Петровича слышится его досада на полное молчаніе Св. Синода на его прошеніе къ императору Петру II отъ 8 іюля 1727 г. и на посланія Св. Синоду отъ 8 іюля 1727 г. и 28 февраля 1728 г., въ которыхъ онъ просилъ выслать окладъ для «еллино-греческаго» учителя, давно уже одобренный и разрѣшенный, и увеличить жа-

лованіе Суворову на сто рублей въ годъ. Суворовъ ничего не зналъ о послѣднемъ письмѣ митрополита Моисея, почему впослѣдствіи былъ поставленъ въ недоумѣніе, когда Синодъ писалъ ему о его просьбѣ прибавить сто рублей [1]).

Свой отчетъ Синоду, въ которомъ онъ излагалъ вышесказанное, Суворовъ, во избѣжаніе недоразумѣній, довелъ до свѣдѣнія митрополита. Тогда митрополитъ побывалъ 31 марта (1729 г.) въ школѣ Суворова, разспрашивалъ учениковъ, взялъ отъ нихъ письменныя заявленія объ ихъ желаніи учиться, поощрялъ къ успѣхамъ, хвалилъ успѣвшихъ и разспрашивалъ учениковъ о причинахъ смутъ. Нѣкоторые ученики осмѣлились назвать нѣсколькихъ священниковъ, какъ виновниковъ смущеній, митрополитъ велѣлъ ихъ призвать, сдѣлалъ имъ строгій выговоръ и тутъ же ихъ простилъ. Въ половинѣ апрѣля (14) Моисей уѣхалъ въ Осѣкъ и въ объѣздъ по епархіи.

Въ концѣ отчета Суворовъ возвращается къ больному вопросу о своемъ бѣдственномъ положеніи. Оказывается, что онъ былъ принужденъ продать свои книги и на вырученныя такимъ образомъ деньги жилъ, да немного собиралъ среди учениковъ. Митрополитъ Моисей присылалъ двѣсти гульденовъ ежегодно. Но все же тяготѣлъ надъ Суворовымъ долгъ, сдѣланный въ первый же годъ вслѣдствіе болѣзни и смерти дочери. «Весь самъ, со всею фамиліею (продати уже нечего) почти голъ», пишетъ онъ: «всю бо привезенную одежду износилъ; вящшую нужду терпѣть впредь подвергаюся, всегда со всѣми моими здѣ пребывая, яко въ арестѣ затворенъ и безпрестанно боленъ, во аптекѣ задолжился».... А жалованія изъ Россіи онъ не получалъ уже второй годъ. На свои прежнія письма и просьбы онъ отвѣта не получилъ и потому просилъ прислать жалованіе и прибавку, безъ чего онъ жить въ Карловцахъ не можетъ. Наконецъ, онъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о книгахъ и невозможности ихъ добывать. Грамматики, которыя были доставлены изъ Рос-

1) Письма Суворова изъ Петроварадина отъ 8 авг. 1731 г. Описаніе, II, ч. 1. Приложенія, стр. 370.

сіи, всѣ розданы, добыть же ихъ больше негдѣ. Книгъ вообще, а также и церковныхъ мало: кое-гдѣ въ церквахъ попадаются книги Львовской печати или обветшалыя Венеціанской, да разорванныя рукописи. Русскія же книги офенямъ запрещено продавать... Не смотря на эти тяжелыя обстоятельства, которыя должны были ослаблять энергію Суворова, хотя онъ смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на миссію и службу своему отечеству, онъ не потерялъ духа бодрости, не опустилъ рукъ и завелъ еще «латинскія школы», считая себя обязаннымъ учить сербовъ латинскому языку. 5 іюня 1729 г. онъ сталъ обучать латинскому алфавиту нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ. Не имѣя букварей, Суворовъ прибилъ къ стѣнѣ латинскую абецеду «на единой картинѣ» и задавалъ учить слова со славянскимъ значеніемъ, чтобы скорѣе могли быть «деклинисты и конъюгисты». Но это преподаваніе шло только до вакацій; въ зимнемъ полугодіи оно остановилось, такъ какъ потребовались книги, а ихъ не было.

Однако Суворовъ испыталъ въ это время и радость учителя: къ 15 августа 1729 г. 60 его учениковъ окончили курсъ славянской грамматики съ «подобающимъ практическимъ испытаніемъ», хотя не всѣ ученики равно успѣли. Митрополитъ Моисей, который послѣ объѣзда епархіи, побывавъ 1 іюня въ Карловцахъ, отправился 3 іюня въ Бѣлградъ, 25 августа пріѣхалъ въ Карловцы, неоднократно собиралъ не успѣвшихъ выѣхать на вакаціи учениковъ, окончившихъ курсъ грамматики, разговаривалъ съ ними, спрашивалъ, могутъ ли они учить грамматикѣ другихъ, и объявилъ имъ, что теперь они вольны — учиться далѣе или нѣтъ. Сообщая объ этомъ Синоду въ своемъ отчетѣ отъ 21 декабря 1729 г., Суворовъ пишетъ, что съ разрѣшенія митрополита онъ взялъ себѣ на подмогу трехъ магистровъ, вѣроятно, изъ числа своихъ бывшихъ учениковъ: «маістра принціпіевъ латинскихъ, маістра грамматіки славенскія и маістра десятословщиковъ и азбучниковъ»,— всѣ эти магистры были діаконы. Какъ будто становилось легче Суворову въ исполненіи его обязанности,—у него явились помощники, а то, по его выраженію,

онъ до сихъ поръ принужденъ былъ быть даже «дворникъ двора школьнаго»....

Когда начались занятія осенью, то изъ окончившихъ классъ грамматики явилось продолжать ученіе 46 человѣкъ,—изъ нихъ 31 переведены въ классъ латинскаго языка, а 15 остались въ классѣ славянской грамматики, въ который переведено 16 десятословщиковъ.

Митрополитъ вскорѣ уѣхалъ въ Вѣну, и Суворову вновь не къ кому было обращаться какъ со своими нуждами, такъ и съ просьбами объ «уряжденіи и назираніи» учрежденной имъ школы, въ недостаткѣ которыхъ онъ винилъ митрополита. Прямая нужда все сильнѣе угнетала Суворова. Вотъ уже два года онъ не получаетъ ни жалованія, ни отвѣтовъ изъ Россіи и все время терпитъ съ женою и дѣтьми «презѣльную нужду». Онъ словно забытъ въ своемъ отечествѣ, отрѣзанный отъ него дальнимъ разстояніемъ.

Суворовъ еще разъ рѣшается обратиться съ челобитною,—до него дошли вѣсти о кончинѣ Петра II и вступленіи на престолъ Анны Іоанновны. И вотъ, 16 апрѣля 1730 года, сообщая Синоду, что устроенныя имъ школы идутъ по прежнему, и напоминая, что ни жалованія, ни отвѣта отъ Синода онъ не получаетъ, онъ посылаетъ челобитную на имя новой императрицы. Въ ней онъ вкратцѣ излагаетъ исторію того, какъ онъ былъ командированъ къ сербамъ, описываетъ свое бѣдственное положеніе, заставившее его продать книги и вещи и впасть въ долги и проситъ выслать ему жалованіе съ прибавкою, за три года, (1728—1730), присылки котораго онъ не можетъ добиться отъ Синода. И послѣ этого еще почти полтора года пришлось ему ожидать не уплаченнаго жалованія. Правда, въ Петербургѣ въ это время происходили важныя событія, но въ сущности тамъ была въ эту пору забыта мысль геніальнаго и дальнозоркаго Петра Великаго, понимавшаго роль, которая предназначалась Суворову....

Суворовскія школы ожидалъ сильный ударъ, который на са-

момъ дѣлѣ прекратилъ ихъ существованіе: 27 іюля 1730 года скончался въ Бѣлградѣ, вернувшись изъ Вѣны, ихъ основатель и заступникъ митрополитъ Моисей Петровичъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей у сербовъ въ XVIII столѣтіи. Суворовъ скоро испыталъ, что какъ ни равнодушно съ виду относился къ нему и его дѣлу этотъ глава сербскаго народа, лишь благодаря ему возможно было и пребываніе Суворова въ этихъ странахъ, и самое существованіе школы. Въ сербской церкви, а съ нею была тогда тѣсно связана и вся политическая жизнь сербскаго народа, начались смуты, вслѣдствіе ссоры ея представителей, епископовъ, между собою. Мы не можемъ здѣсь дать исторію этихъ событій, весьма, однако, важныхъ для исторіи сербскаго просвѣщенія и вліянія русской культуры на сербовъ и русскаго языка на сербскую письменность. Но мы принуждены ихъ коснуться, насколько эти событія имѣли свое значеніе въ исторіи Суворовской школы.

VII.

Выборы новаго митрополита на церковно-народномъ соборѣ въ Карловцахъ въ 1731 г. Митрополитъ Викентій Іоанновичъ. Взгляды на его дѣятельность. Общая его характеристика.

Предвидя смуты и опасаясь за будущее, митрополитъ Моисей въ своемъ завѣщаніи назначилъ временнымъ администраторомъ митрополіи, до созыва «общенароднаго» собора для избранія новаго митрополита, Темешварскаго епископа Николая Димитріевича. Завѣщаніе, однако не связывало сербовъ въ выборѣ лица даже для временной администраціи: Моисей Петровичъ, опасаясь распрей, настаивалъ только на томъ, чтобы немедленно былъ избранъ одинъ изъ епископовъ для этой цѣли. Но это его посмертное распоряженіе не спасло сербовъ отъ раздоровъ. Хотя собрав-

шееся духовенство и народные представители въ Бѣлградѣ на похороны митрополита Моисея, прочитавъ завѣщаніе патріота-владыки, постановили признать Николая Димитріевича администраторомъ митрополіи до выбора новаго митрополита, но епископы все же были недовольны, такъ какъ многіе изъ нихъ считали исключительно своимъ правомъ избирать администратора для митрополіи sede vacanti. Тотчасъ избрана была депутація, которая должна была хлопотать въ Вѣнѣ о разрѣшеніи созвать общенародный соборъ для выбора митрополита. Теперь вновь рѣзко сказалась разница между взглядами сербовъ на свое положеніе въ Австріи и правительственными планами. Митрополитъ Моисей въ своемъ завѣщаніи говоритъ о важности соединенія всѣхъ сербовъ подъ властью одного митрополита, о своихъ хлопотахъ и трудахъ и предупреждалъ быть стойкими въ дѣлѣ защиты вѣры, хотя онъ не могъ удержаться отъ упрека за клеветы на него со стороны тѣхъ, кто «уніата насъ творящи и гласещіи, еже найпаче пріумножило есть намъ болѣзнь сію». Депутатамъ пришлось много и долго хлопотать въ Вѣнѣ, они принуждены были прибѣгать и къ «дишкреціямъ», но все же императоръ Карлъ VI 20 ноября 1730 г. разрѣшилъ собрать церковно-народный соборъ въ Карловцахъ, а не въ Бѣлградѣ, какъ хлопоталъ администраторъ, и повелѣлъ избрать двухъ митрополитовъ, представивъ трехъ кандидатовъ,—одного для «неоаквистическихъ» областей, т. е. для Сербіи, а другаго—карловецкаго[1]). Правительственнымъ коммиссаромъ былъ назначенъ графъ Локателли.

Первое засѣданіе собора состоялось 26 февраля 1731 года. Послѣ долгихъ препирательствъ съ представителями сербскаго народа графъ Локателли согласился, чтобы былъ избранъ одинъ

---

1) Мил. Якшичъ. О Виђентиjу Іовановиђу, стр. 9 (прим.) и стр. 47. Интересныя свѣдѣнія о подобныхъ расходахъ во время избранія митрополита Моисея Петровича на соборѣ 1726 г. въ подробныхъ счетахъ издержекъ этого собора см. въ «Споменик», други разред, вып. 31, стр. 197—199 подъ заглавіемъ: Шпеціфикаціа от потрошка о бывшемь саборѣ 1726.

архіепископъ карловецкій, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ администраторомъ митрополіи въ новозавоеванныхъ сербскихъ областяхъ. Депутаты не соглашались и требовали избранія *одного*, общаго для всѣхъ сербовъ подъ властью Австрійскаго императора, архіепископа и митрополита *бѣлградскаго*. Они даже подписали особый актъ, вѣроятно, остававшійся въ тайнѣ отъ правительства, въ силу котораго подвергался отлученію отъ церкви и лишался всякого общенія тотъ, кто бы дерзнулъ согласиться на раздѣленіе двухъ архіепископій. О требованіи сербовъ было доведено до свѣдѣнія императора, и когда 20 марта полученъ былъ отвѣтъ, что онъ снисходитъ къ просьбамъ сербовъ и соглашается на выборъ одного архіепископа, но безъ всякихъ консеквенцій для будущихъ избраній, митрополитомъ былъ избранъ епископъ арадскій Викентій Іоанновичъ. Въ этомъ достоинствѣ онъ былъ признанъ правительствомъ 13 іюля 1731 г. Но ему пришлось вмѣстѣ съ депутаціей отправиться въ Вѣну, хлопотать, просить, разъяснять нужды и просьбы народа, представлять жалобы на все усиливающееся давленіе католической пропаганды. Между аргументами, которыми приходилось поддерживать требованіе собора, чтобы онъ былъ признанъ митрополитомъ бѣлградскимъ, безъ всякихъ оговорокъ, бывали, по нуждѣ, и весьма странные. Когда одно вліятельное лицо прямо сказало, что «нужно объединиться всѣмъ», разумѣя тутъ единство религіи, новый митрополитъ замѣтилъ, что «когда поганый турокъ будетъ окончательно побѣжденъ, и императорское оружіе завоюетъ востокъ и соединитъ его съ западомъ, тогда восточная церковь легко помирится и объединится съ западною».

Въ сербской литературѣ долго господствовало мнѣніе, что Викентій Поповичъ—принялъ унію и вообще сталъ орудіемъ въ рукахъ австрійскаго правительства. Гавріилъ Витковичъ, недостаточно критическій издатель матеріаловъ, относящихся къ этой эпохѣ, въ различныхъ своихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, помѣщенныхъ по преимуществу въ *Гласникѣ* бѣлградскаго ученаго Дружества и въ *Лѣтописи* новосадской сербской Матицы, упорно

держался такого взгляда. Это было столь широко распространенное мнѣніе, что на церковно-народномъ соборѣ въ Карловцахъ 28 іюня 1869 г. одинъ изъ депутатовъ (Лудаичъ) въ своей рѣчи охарактеризовалъ Викентія Іоанновича, какъ измѣнника сербскому народу [1]). Даже въ художественной литературѣ Викентій Іоанновичъ сталъ изображаться въ очень мрачныхъ краскахъ: извѣстный талантливый сербскій писатель Лазарь Костичъ выводитъ эту личность въ своей трагедіи «Пера Сегединац», въ высшей степени непривлекательно. Но въ настоящее время, благодаря трудамъ священника Дмитрія Руварца и особенно Милутина Якшича личность Викентія Іоанновича представляется намъ въ совершенно другомъ видѣ и съ него снимается пятно, наложенное прежними изслѣдователями [2]). Новыя архивныя данныя, извлеченныя г. Якшичемъ, даютъ намъ право сказать, что Викентій Іоанновичъ былъ недостаточно сильный по характеру человѣкъ, и что онъ не могъ осилить интригъ всевозможныхъ завистниковъ и недоброжелателей. Онъ, быть можетъ, былъ лишенъ политическаго такта и въ своемъ озлобленіи противъ интригановъ и личныхъ враговъ прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ, доходилъ даже до заточенія одного изъ интриговавшихъ противъ него епископовъ, именно бачскаго Виссаріона Павловича, но онъ умѣлъ жертвовать собою, когда видѣлъ опасности, грозящія сербскому народу. Онъ, несомнѣнно оскорбленный нѣкоторыми епископами, для возстановленія мира въ сербской церкви, отмѣняетъ всѣ свои распоряженія относительно непокорныхъ и даже издаетъ особое посланіе къ народу и духовенству, въ которомъ

1) Стеван Павловић. Српски народни Сабор у Сремским Карловцима, године 1869. У Новом Саду, 1870, стр. 180—182.

2) а. Милутинъ Якшичъ. О Виђентију Іовановићу. Прилози за историју митрополитства му. 1731—1737. По архивским изворима. У Новом Саду. 1900. Сначала это изслѣдованіе было напечатано въ видѣ статей въ Лѣтописи Сербской матицы.

б. Димитрій Руварацъ. Исторично-критичка црта о Виђентију Іовановићу. У Земуну, 1886.

в. Его же. Беседа, говорена у манастиру Раковцу 23 октября 1893 године, на Парастосу Виђентија Іовановића. Земун, 1893.

объясняетъ, что былъ введенъ въ заблужденіе относительно тѣхъ представителей высшаго духовенства, которые противъ него интриговали, кознями враговъ сербскаго народа, возстановляетъ честное имя Виссаріона Павловича, который своими дѣйствіями во всякомъ случаѣ не заслуживалъ этого снисхожденія, и даже молитъ ихъ о прощеніи.

При Викентіи Іоанновичѣ пропаганда уніатства дѣйствительно развила широко свою дѣятельность, но онъ, насколько только хватало у него энергіи и позволяли обстоятельства, противодѣйствовалъ ей и принималъ мѣры, нерѣдко рискуя самъ собою лично. Онъ подъ конецъ жизни былъ сломленъ интригою и умеръ въ сознаніи своего безсилія. Въ своемъ завѣщаніи онъ позвалъ своего врага епископа бачскаго Виссаріона Павловича на судъ предъ Всевышнимъ, такъ какъ на землѣ онъ долженъ былъ не только примириться съ нимъ, но и просить у него прощенія за свои преслѣдованія его козней.... При Викентіи Іоанновичѣ произошло возстаніе Перы Сегединца, вызванное главнымъ образомъ притѣсненіями религіозными. Пера Сегединецъ былъ казненъ въ Будимѣ 24 марта 1736 г. Если сербское патріотическое чувство дѣлаетъ изъ него великаго народнаго героя, который дѣломъ доказалъ сербамъ невозможность оставаться въ Австріи при подобномъ режимѣ спокойными за судьбу православнаго сербскаго народа, то слѣдуетъ принять въ соображеніе, что митрополитъ Викентій, при всемъ сербскомъ патріотизмѣ, его одушевлявшемъ, не могъ бы ничего сдѣлать въ его защиту, а тѣмъ болѣе именно въ это время, когда вскорѣ онъ принужденъ былъ противъ воли уступить своимъ противникамъ и просить въ особомъ «манифестѣ» прощенія у явныхъ своихъ враговъ[1]). Прав-

1) Этотъ манифестъ Викентія Іоанновича къ сербскому народу изъ Петроварадинскаго шанца датированъ 7 ноября 1736 г. Судя по изслѣдованію Якшича (о Викентіи Іоанновичѣ, стр. 156) пока неизвѣстенъ оригиналъ этого покаяннаго «манифеста» митрополита Викентія. Якшичъ передаетъ его содержаніе по латинскому переводу, сохранившемуся въ Митрополичьемъ архивѣ въ Карловцахъ. Замѣтимъ, что полный его текстъ помѣщенъ въ «Описаніи документовъ и дѣлъ Св. Синода», т. II, ч. 1, Приложенія, стр. 466—472. Его при-

ственно сломленный и измученный, заподозриваемый и своими, и чужими, Викентій Іоанновичъ умеръ въ Бѣлградѣ 6 іюня 1737 г. какъ разъ въ ту пору, когда готовилась новая война Австріи съ Турціей, положившая въ своемъ результатѣ конецъ австрійскому господству за Дунаемъ. По Бѣлградскому миру 1739 г. Сербскія страны отошли опять подъ власть Турціи, и вопросъ о бытіи у сербовъ одному митрополиту отошелъ въ область не сбывшихся надеждъ. Австрія своей недальновидной политикою выпустила изъ рукъ столь сильное орудіе, какъ право назначать *одного* митрополита для всѣхъ сербовъ. Ей помѣшала въ этомъ ея ревностная служба католической пропагандѣ. Но нельзя теперь не признать, что все это случилось къ лучшему для сербовъ и повело впослѣдствіи къ весьма важнымъ результатамъ, обнаружившимся уже въ концѣ XVIII, но выразившимся съ особенною силою въ началѣ XIX в., когда воскресло Сербское государство для самостоятельной жизни подъ воздѣйствіемъ той же силы, которая въ началѣ XVIII в. приняла участіе и въ культурномъ возрожденіи сербскаго народа. До сихъ поръ немало сдѣлано для оцѣнки характера, силы и благотворности этого русскаго вліянія для сербовъ, но далеко еще не все изучено, далеко не все оцѣнено, — не сведены результаты, не опредѣлено значеніе. Это требуетъ своего историка, который укажетъ, какъ сербскій народъ возрождался постепенно подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя враги Россіи окрестили именемъ «панславизма».

слалъ Суворовъ, назвавъ списокъ «копіей» съ подлинника подъ заглавіемъ: «Манифестъ къ сербскому народу сербскаго митрополита Викентія Іоанновича отъ 7 ноября 1736 г. изъ Петроварадинскаго шанца». Правда, Суворовъ представилъ скорѣе переводъ, чѣмъ точное воспроизведеніе этого документа, но этотъ переводъ могъ коснуться лишь немногихъ мѣстъ, въ которыхъ могли быть употреблены сербскія выраженія.

VIII.

Положеніе Суворова и его школы послѣ кончины митрополита Моисея. Вопросы Суворова сербскимъ депутатамъ. Отношеніе къ нему Викентія Іоанновича. Назначеніе учениковъ Суворова учителями. Отъѣздъ Суворова въ Вѣну. Попытки сербовъ вернуть Суворова въ учителя. Сношенія его съ сербскими епископами. Пребываніе его въ Вѣнѣ. Возвращеніе въ Россію въ 1737 г.

Съ кончиною Моисея Петровича, который былъ основателемъ русской школы у сербовъ, дѣло Суворова лишилось главной своей опоры и защиты. Почти девять мѣсяцевъ (до 30 марта 1731 г.) у сербовъ не было признаннаго властью митрополита. Среди епископовъ былъ раздоръ, начиналась та интрига, которая впослѣдствіи привела къ покаянному «манифесту» слабаго Викентія Іоанновича. Это положеніе дѣлъ сразу отразилось на школѣ Суворова. Въ «доношеніи» Синоду отъ 18 марта 1731 г. Суворовъ сообщаетъ, что «школа латинская Карловецкая (яко непостоянная) въ первонебытіе пришла», потому что ученики перестали ходить въ нее. Въ «славенской» школѣ осталось немного азбучниковъ, десятословщиковъ и осьмочастниковъ, которые учатся по рукописямъ, ибо всѣ печатные экземпляры, привезенные изъ Россіи, уже разошлись и новыхъ добыть негдѣ.

Суворовъ задумался надъ вопросомъ, нуженъ ли онъ, забытый и въ Россіи, сербамъ, а сдѣлать что-либо безъ поддержки онъ былъ не въ силахъ. Онъ былъ «безпищенъ и безодежденъ», вслѣдствіе «неблагораствореннаго воздуха всегда со всѣми непрестанно боленъ», у него уже нечего «ни ѣсти, ни пити», и вмѣстѣ съ нимъ «жена и дѣти нужная ищутъ». Жалованіе изъ Россіи не приходитъ уже четвертый годъ, и онъ не получаетъ отвѣтовъ отъ Св. Синода на всѣ свои «доношенія». Онъ чувствовалъ обиду и какъ русскій человѣкъ: «за сіе у здѣшнихъ людей

въ поношеніи и посмѣяніи содержуся, яко единъ точію человѣкъ отъ толикія (яко же говорятъ) славныя имперіи посланный, безъ снабдѣванія оставленъ», и потому онъ задалъ себѣ вопросы: «кто есмь, что есмь, гдѣ есмь и чій есмь». Духовныя сербскія власти игнорируютъ не только его лично, но и заведенныя имъ школы. Въ виду того, что онъ, по указанію русскаго посланника Ланчинскаго и по желанію митрополита Моисея, выдавалъ себя лишь за «наемника» митрополита и оффиціально скрывалъ характеръ своего положенія, казалось, что со смертью нанимателя оканчивались и обязанности нанятаго. «Прежде бывшее о школахъ нестроеніе и презрѣніе отъ многихъ знатныхъ людей извиняется, яко бы никто ничего не зналъ, кто и откуду и како дошелъ учитель», пишетъ Суворовъ. Вслѣдствіе всего этого онъ рѣшилъ оставить начатое имъ дѣло и отправиться со своею «бѣдною фамиліею» въ Вѣну, искать тамъ помощи у посланника Ланчинскаго и ожидать рѣшенія своей участи, но больше не возвращаться въ Карловцы.

Суворовъ считалъ при этомъ нужнымъ оградить свое достоинство и личное, и какъ русскаго подданнаго. Поэтому онъ рѣшился разъяснить свое появленіе у сербовъ депутатамъ сербскаго народа, собравшимся въ февралѣ со всѣхъ областей въ «общенародный соборъ» для избранія новаго митрополита, и спросить ихъ мнѣнія о своемъ трудѣ и заведенной имъ школѣ. Онъ поступилъ съ достаточнымъ тактомъ. Онъ составилъ четыре вопроса и предварительно написалъ посланнику Ланчинскому, прося его разсмотрѣть ихъ и дать свою «аппробацію» на представленіе ихъ въ сербское собраніе. Получивъ отъ него эту «аппробацію», Суворовъ передалъ эти вопросы депутатамъ, но не въ оффиціальномъ ихъ собраніи, а «всѣмъ купно, приватно собраннымъ». Это было 2 марта 1731 г. Вотъ эти вопросы: 1) Съ вѣдома ли «всѣхъ знатнѣйшихъ лицъ и лучшихъ людей» обращался въ 1721 г. митрополитъ Моисей Петровичъ къ Русскому императору отъ имени народа и посылалъ Владула Малаеску съ просьбою о присылкѣ учителей, книгъ, церковныхъ одеждъ и проч., а въ 1727 г. бла-

годарилъ св. Синодъ за исполненіе просьбъ—или нѣтъ? 2) Пріятно ли сербамъ исполненіе этихъ просьбъ покойнаго митрополита, «посланіемъ» Суворова и «другихъ потребъ» и благодарны ли всѣ за это? 3) Угоденъ ли всѣмъ его, Суворова, «малоплодный трудъ о устроеніи школъ и въ нихъ о учившихся»—или нѣтъ? 4) Долженъ ли онъ кому что либо? Спрашивалъ Суворовъ объ этомъ для той цѣли, чтобы «познавъ долгъ свой, моглъ старатися о заплатѣ: да, поелику посланый, не останy подъ долгомъ». Забытый въ отечествѣ, бѣдный переводчикъ и учитель Максимъ Суворовъ заботится о чести и чистотѣ своего русскаго имени за предѣлами Россіи! Эта память Суворова о своемъ русскомъ достоинствѣ проявилась какъ увидимъ вскорѣ еще разъ.

Сербскіе представители отвѣтили Суворову письменно за подписью и печатями десяти епископовъ съ другимъ духовенствомъ, семи оберъ-капитановъ, военныхъ представителей и многихъ депутатовъ, и въ этомъ отвѣтѣ русскій учитель видѣлъ свой лучшій аттестатъ. По первому пункту депутаты заявили, что они ничего не знали объ обращеніи митрополита Моисея къ императору Петру и о посылкѣ логоѳета Владула Малаеску, и покойный митрополитъ имъ объ этомъ никогда ничего не сказывалъ. Отвѣчая на второй пунктъ, они заявили, что о пріѣздѣ изъ Россіи учителя они слышали, но они не знали, «каковымъ образомъ и како и на что онъ дошелъ, равно какъ намъ было неизвѣстно, каковыя другія потребы отъ благочестиваго императора народу нашему послаты». Поэтому «небреженіе отъ нѣкихъ» о школѣ и учителѣ было «по невѣдѣнію нашему». Но теперь, когда дѣло разъяснилось, они считаютъ прошенія покойнаго митрополита общенародными и исполненіе ихъ «народу нашему зѣло пріятное», и потому они «благодарны Императорскому Величеству Всероссійскому». По третьему и четвертому пунктамъ, относящимся лично къ Суворову, депутаты заявляютъ, что его трудъ и забота о школахъ и ученикахъ не малоплодны, признаютъ «небреженіе» и «несмотрѣніе нѣкихъ», объясняя это невѣдѣніемъ, что Суворовъ несъ трудъ «съ добрымъ и честнымъ поведеніемъ», а потому уго-

денъ и полезенъ всѣмъ. Поэтому они считаютъ его «чистымъ» отъ долга и желаютъ его дальнѣйшаго пребыванія у нихъ. Этотъ документъ отмѣченъ 12 марта 1731 года.

Къ нуждѣ и бѣдѣ Суворова присоединились горькія потери: 6 іюня и 25 іюля 1731 г. умерли у него двое дѣтей отъ какой-то продолжительной болѣзни. Это задержало его нѣкоторое время въ Карловцахъ, климатъ которыхъ все время не благопріятствовалъ Суворову, и Петроварадинѣ. Онъ остался, по его выраженію, самъ другъ и спѣшилъ въ Вѣну. Но предъ отъѣздомъ изъ Петроварадина онъ, наконецъ, получилъ изъ Россіи слѣдующее ему за послѣдніе три года жалованье. Съ горькимъ чувствомъ онъ, въ своемъ «доношеніи» 8 августа 1731 г. Синоду, отмѣчаетъ, что онъ потерялъ при продажѣ векселя 68 руб., и что присланный ему указъ объ отпускѣ жалованія былъ «зачисленъ въ Москвѣ 7 іюля прошлаго 1730 г.», слѣдовательно, шелъ къ нему болѣе года.

Сообщая Синоду о полученіи жалованія, онъ даетъ свѣдѣнія о положеніи училищныхъ дѣлъ за послѣднее время. На слѣдующій день послѣ инсталляціи митрополита Викентія Іоанновича, именно 21 марта Суворова позвалъ къ себѣ правительственный коммиссаръ собора графъ Локателли, который узналъ о вопросахъ, представленныхъ Суворовымъ сербскимъ депутатамъ, и о характерѣ пребыванія у нихъ русскаго учителя. Локателли подробно разспрашивалъ его о состояніи школъ и ихъ содержаніи и обѣщалъ ему «благодѣтельствовать», какъ подданному «аллуртской потенціи». На обѣдѣ у митрополита, затѣмъ и уѣзжая на слѣдующій день, графъ Локателли совѣтовалъ сербамъ пользоваться услугами Суворова и даже говорилъ, что новый митрополитъ ничѣмъ не угодитъ такъ императору, какъ поддержкой школъ и «размноженіемъ въ сербахъ ученія». Но для Суворова всего важнѣе было то, что Локателли приказалъ ему написать «о происхожденіи школьнаго поведенія» и прислать. Суворовъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что онъ «чинити сего не дерзалъ, яко не тоя команды сущій». Онъ понималъ, что онъ — русскій

подданный, не находится на службѣ Австріи и не «команды» славонскаго коменданта графа Локателли.

Послѣ отъѣзда коммиссара сербскіе депутаты пригласили въ свой соборъ Суворова и спросили, хочетъ ли онъ быть у нихъ «при школахъ». Суворовъ отвѣтилъ, что они должны просить объ этомъ императрицу и содержать училище его лучше и въ лучшемъ мѣстѣ, чѣмъ Карловцы, такъ какъ тамъ жить больше онъ не можетъ и не станетъ при прежнихъ порядкахъ. Но по этимъ вопросамъ не было ничего рѣшено, и митрополитъ Викентій уѣхалъ 26 марта въ Бѣлградъ, поручивъ Суворову найти и опредѣлить магистровъ для его школы. Суворовъ и опредѣлилъ одного «маістра» для грамматистовъ и другого для азбучниковъ и десятословцевъ. Бывшій уже раньше магистръ латинскій, діаконъ, не имѣлъ учениковъ, а такъ какъ онъ зналъ немного по гречески, то онъ былъ переведенъ въ Бѣлградъ учить дѣтей читать и писать по-гречески. Въ половинѣ мая Викентій Іоанновичъ былъ проѣздомъ въ Карловцахъ, но школы не посѣтилъ, а изъ Петроварадина распорядился возстановить преподаваніе латинскаго языка, которое было поручено одному «студенту». Уѣхавъ затѣмъ въ Вѣну, онъ поручилъ служащимъ въ митрополичьемъ дворѣ смотрѣть за школами и сталъ переписываться съ магистрами, игнорируя Суворова.

Суворовъ все болѣе убѣждался, что его дальнѣйшее пребываніе въ Карловцахъ излишне и безполезно, что его миссія оканчивалась. Одно его могло утѣшать: его ученики становятся учителями (маістрами), одинъ изъ нихъ — назначенъ магистромъ въ Костайницѣ въ Хорватіи, другого поставилъ митрополитъ учителемъ въ школу въ Петроварадинскомъ шанцѣ (Новомъ Садѣ), третій назначенъ магистромъ въ Далѣ, вблизи Осѣка, въ имѣніи митрополіи [1]). Безъ особой боли онъ замѣчаетъ, что его братъ

1) Деспотовичъ (Школе у Срба и пр. Крагујевац, 60), основываясь на замѣчаніи Стаматовича (Србска Пчела за 1840 г., вып. XI, стр. 26), который въ свою очередь основывается на Лѣтописи Сербской матицы, 5 вып., за 1826 г. (стр. 15), повторившей свѣдѣнія Чапловича (Slavonien., II, стр. 67),—что одновре-

Петръ, бывшій учителемъ въ Арадѣ, уволенъ и на его мѣсто поставленъ бывшій ученикъ его карловецкихъ славенскихъ школъ. Эти назначенія даютъ ему поводъ замѣтить, что сербы хотятъ довольствоваться своими учителями и его пребыванія среди нихъ въ сущности не желаютъ. Одно его особенно огорчало, что́ онъ и отмѣчаетъ, — неудача, постигшая его старанія завести латинскія школы въ Карловцахъ. Иные сербы отдаютъ своихъ дѣтей въ католическія училища, гдѣ учатъ по латыни, хотя могли бы найти много магистровъ латинскаго языка, вслѣдствіе распространенности знанія этого языка въ Венгріи, благодаря обилію католическихъ школъ.

Такимъ образомъ, Суворовъ пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее его пребываніе у сербовъ «конечно не нужно и не потребно». Заводить въ другихъ мѣстахъ школы безъ учебныхъ книгъ невозможно, а добыть ихъ не откуда. Притомъ жить на средства ему отпускаемыя онъ никакъ не можетъ, да и «волокитное до смерти съ фамиліею пребываніе» — стало для него уже невыносимымъ. Онъ чувствуетъ себя ослабѣвшимъ отъ болѣзней, постигавшихъ его вслѣдствіе нездороваго климата Карловцевъ. И потому онъ, не имѣя возможности сдѣлать то, что, по его мнѣнію, должно, считалъ бы «весьма безсовѣстно и грѣшно еще получати милость Ея Императорскаго Величества». Поэтому въ заключеніе всего онъ проситъ Синодъ прислать ему указъ о возвращеніи въ отечество, жалованіе на 1731 годъ съ обѣщанными прибавками и прогонныя на проѣздъ въ Россію.

Такое холодное отношеніе къ Суворову со стороны Викентія Іоанновича объясняется какъ его труднымъ положеніемъ, такъ и его личными свойствами. Онъ не былъ подобно своему предшественнику искуснымъ дипломатомъ и очевидно боялся, чтобы

менно были приглашены учителя въ Бѣлградскую школу и открыты латинскія школы въ Далѣ и Осѣкѣ, полагаетъ, что одни изъ учителей, пріѣхавшіе въ 1733 г., вмѣстѣ съ Эммануиломъ Козачинскимъ, отправились въ Бѣлградъ, а другіе въ Даль и Осѣкъ, чтобы основать тамъ школы. Замѣтимъ, что въ Далѣ и Осѣкѣ были учителями «славенскіе» ученики Суворова, а въ Бѣлградѣ латинскихъ школъ у сербовъ не было, сколько извѣстно.

въ Вѣнѣ не поставили ему въ вину пребываніе русскаго «агента» въ званіи учителя, и чтобы это не увеличило препятствій, которыя онъ неминуемо долженъ былъ встрѣтить въ своихъ хлопотахъ о сохраненіи привилегій въ неприкосновенности. Австрійское правительство въ ту пору всячески старалось умалить всѣ доходы митрополита и вообще духовенства, боясь его вліянія на народъ. Оно хотѣло, напримѣръ, отнять у митрополита право собирать въ Сербіи десятину въ натурѣ въ пользу духовенства и вмѣсто нея предполагало дать митрополиту всего 3 — 4 тысячи гульденовъ, а право собирать десятину взять себѣ. Между тѣмъ эта десятина давала болѣе *ста тысячъ* дохода, а перешедши въ руки чиновниковъ была бы еще строже и обременительнѣе для народа. Викентій Іоанновичъ въ своихъ переговорахъ постоянно указывалъ, что на доходъ этотъ онъ обязанъ содержать школы, — и потому просилъ или предоставить ему право собирать десятину, или дать эквивалентъ во сто тысячъ гульденовъ[1]). Новый митрополитъ такъ боялся обвиненій въ сношеніяхъ съ Россіею, что не смѣлъ видѣться съ русскимъ посланникомъ, по сообщенію Суворова изъ Вѣны, прибывшаго туда 30 августа.

Въ своихъ донесеніяхъ изъ Вѣны отъ 15 сентября и 24 ноября 1731 г. Суворовъ проситъ объ отозваніи его и сообщаетъ, что митрополитъ въ Вѣнѣ ему говорилъ, будто бы готовится запретъ пропуска какихъ-бы то ни было книгъ изъ Россіи, а въ такомъ случаѣ сербы не могутъ имѣть своихъ школъ, ибо неоткуда добыть учебниковъ. Все это приводитъ Суворовъ въ своихъ письмахъ въ Синодъ какъ бы въ доказательство того, что онъ имѣетъ всѣ основанія просить объ отозваніи. Но несмотря на всѣ его представленія, ему пришлось пробыть въ Вѣнѣ до 1737 года.

Но плоды дѣятельности Суворова, какъ ни считалъ ихъ онъ самъ «маловажными», сказались скоро. Въ октябрѣ 1731 г. прі-

1) Мил. Якшичъ, тамъ же, стр. 37—41.

ѣхали въ Вѣну два его бывшихъ ученика іеродіаконы, одинъ Хоповскаго монастыря (въ Сремѣ) Арсеній Стойковъ, а другой Лепавинскаго (въ Хорватіи) Стефанъ Станисавлевъ и просили русскаго посланника Ланчинскаго дать имъ паспорты и рекомендаціи въ Россію, гдѣ они хотятъ продолжать ученіе въ Кіевскихъ школахъ. Это были, какъ кажется, первые ученики изъ сербовъ нынѣшней Кіевской Духовной Академіи, которая сыграла такую важную роль въ исторіи просвѣщенія и церкви на славянскомъ югѣ. Посланникъ принялъ къ сердцу ихъ просьбу и оказалъ имъ всякое содѣйствіе.

Вскорѣ положеніе Суворова еще ухудшилось. Митрополитъ Викентій объяснилъ ему, что о сербскихъ дѣлахъ и школѣ онъ будетъ писать въ Россію, и что не довѣряетъ русскому посланнику Ланчинскому, потому что онъ католикъ. Но онъ не выплатилъ брату Суворова, Петру, за его службу учителемъ въ Арадѣ слѣдуемое ему по контракту, наконецъ, прямо объявилъ обоимъ Суворовымъ, что они ему больше не надобны, и даже послалъ своего секретаря къ Ланчинскому съ просьбою запретить Суворову ходить къ нему. Сообщая объ этомъ Синоду 16 декабря 1731 г., Суворовъ вновь проситъ указа объ отозваніи его въ Россію.

Съ тѣхъ поръ Суворовъ, по совѣту Ланчинскаго, пишетъ рядъ «доношеній» въ Синодъ, прося о присылкѣ денегъ и указа о возвращеніи: съ 22 декабря 1731 года по 15 марта 1732 г., онъ написалъ такихъ донесеній восемь, но отвѣта не было. Сталъ онъ послѣ этого писать къ оберъ-секретарю Синода Дудицу и даже ко всѣмъ синодскимъ секретарямъ сообща, прося ихъ дать ходъ его дѣлу. Въ одномъ изъ этихъ писемъ [1]) онъ замѣчаетъ, что для прокормленія семейства ему остается поступить въ Австріи на службу, но прибавляетъ, что это — «видится мнѣ не весьма было бы прилично всеподданнѣйшей моей должности и

1) Письмо къ Дудину отъ 24 іюня 1732 г. Описаніе, II, ч. 1, Приложеніе, стр. 387.

посланію зазоръ». Такъ высоко цѣнилъ Суворовъ свое русское достоинство!....

Теперь-то оказалось, на сколько важенъ былъ рескриптъ отъ имени императрицы Екатерины I, посланный къ Ланчинскому о задачѣ, возложенной на Суворова. Ланчинскій принялъ участіе въ Суворовѣ, помогалъ ему и даже 29 марта 1732 г. послалъ всеподданнѣйшую реляцію, въ которой подтверждалъ сообщенія Суворова о причинѣ, почему онъ оставилъ школу, и просилъ прислать ему жалованіе и прогоны, ибо «отчасти есть зазоръ, что толь давно митрополитъ ему отказалъ, а однакоже здѣ пребываетъ, яко бы о употребленіи своемъ нищетствовалъ, и яко бы ни онъ, ни братъ его не были въ Россіи ни къ чему употребительны». Самъ Суворовъ чувствовалъ этотъ «зазоръ» и 1 іюля 1732 года пишетъ, между прочимъ, въ Синодъ: «въ чужей же странѣ искать прокормленія обязаніемъ въ какую-либо службу, или у господина митрополита, чтобы онъ мене паки имѣлъ учителемъ, добиваться, видится мнѣ, весьма непристойно всеподданнѣйшей моей должности и не безъ зазора посланію». Поэтому онъ, по приказу русскаго посланника, свое «безвѣстное здѣ пребываніе многажды по возможности извинялъ всякимъ приличнымъ образомъ», чтобы прикрыть «зазоръ». Семья Суворова состояла изъ жены и брата Петра, теперь уже возмужавшаго. Содержать брата онъ не могъ и потому, занявъ денегъ, отправилъ его въ Россію, такъ какъ онъ не былъ посланъ къ сербамъ по указу, а самъ остался въ Вѣнѣ, ожидая денегъ и указа о возвращеніи.

Осенью 1732 г., Суворовъ, по порученію Ланчинскаго, нѣкоторое время, въ отсутствіе посланника, сопровождавшаго императора Карла VI въ его поѣздкѣ, принималъ и отправлялъ посольскую почту. Теперь онъ обращается къ секретарю Синода Дудину, прося его оказать протекцію его брату и позаботиться о присылкѣ жалованія съ прибавкою, опредѣленною указомъ въ 1730 году, а также прогоновъ, чтобы онъ могъ расплатиться съ долгами и вернуться въ Россію. Оказалось однако, что хотя

Синодъ и передалъ въ Сенатъ свое распоряженіе о прибавкѣ Суворову и о высылкѣ двухсотъ руб. на дорогу, но Сенатъ прислалъ жалованіе безъ прибавки, а прогоновъ опредѣлилъ всего сто рублей, но не прислалъ. Уплатилъ Суворовъ свои долги, да и то не всѣ. Опять задержка, а между тѣмъ у него родился ребенокъ. И вновь начинается рядъ сношеній съ Синодомъ и писемъ къ секретарямъ съ просьбами о присылкѣ жалованія за 1733 г. и прогоновъ 200 руб. Въ январѣ 1733 г. Суворовъ послалъ челобитную въ Сенатъ, а въ прошеніи Синоду говоритъ, что у него нѣтъ уже силъ «прикрывать зазоръ».

Отношенія митрополита Викентія Іоанновича къ Суворову были въ то время прямо враждебныя. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1732 г. изъ Вѣны, митрополитъ Викентій жалуется на Суворова, рѣчи котораго доходятъ до министровъ, почему онъ долженъ былъ объяснять властямъ, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ Суворовъ попалъ къ сербамъ. Ему-де теперь прямо запретили переписываться «съ оною стороною» и вступать въ сношенія съ «здѣшними», т. е. съ представителемъ Россіи [1]). Но именно въ это время стали портиться отношенія митрополита съ нѣкоторыми епископами, и они вспомнили о Суворовѣ, который, казалось, былъ гонимъ митрополитомъ.

Положеніе Суворова становилось все труднѣе. Помогавшій ему посланникъ Ланчинскій въ своихъ реляціяхъ о Суворовѣ отъ 28 іюля и 15 сентября 1733 г. признаетъ, что Суворовъ исполнялъ свой учительскій долгъ ревностно, что не его вина — прекращеніе его дѣла у сербовъ и просилъ высылки Суворову прогонныхъ и жалованія, потому что Суворову негдѣ занять, а онъ прежде всего долженъ уплатить всѣ долги, сдѣланные имъ для самаго скромнаго прожитія. Къ тому же у Суворова родилось еще дитя.

Въ половинѣ 1733 г. казалось, что Суворовъ опять примется за дѣло ученія у сербовъ. Заболѣлъ митрополитъ Викентій, и

---

1) Якшичъ, тамъ же, стр. 50.

бачскій епископъ Виссаріонъ Павловичъ, враждовавшій съ митрополитомъ, писалъ 19 и 24 іюня 1733 г. къ Суворову, приглашая пріѣхать къ нему въ Сегединъ и снова стать учителемъ у сербовъ. Митрополитъ Викентій, предъ отъѣздомъ изъ Карловцевъ, взялъ у Суворова его еще оставшіяся книги, обѣщавъ за нихъ уплатить, а теперь отказался отъ нихъ и отъ уплаты. Епископъ Виссаріонъ узналъ объ этомъ и приглашалъ Суворова въ Будимъ для разсчета за книги. Вскорѣ епископъ вершецкій Исайя Антоновичъ писалъ Суворову, что онъ, а равно и будимскій епископъ Василій Димитріевичъ согласны съ епископомъ Виссаріономъ и желаютъ, чтобы Суворовъ вернулся къ сербамъ учительствовать. Въ одномъ изъ своихъ сообщеній въ Синодъ (21 августа 1734 г.) Суворовъ даже выражаетъ нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, нѣкоторые сербы «христіански вспомянувше (его) имъ показанную службу и далекое ради ихъ (его) всефамильное бѣдное и бѣдственное чужестранствованіе», помогутъ ему возвратиться въ Россію, расплатившись съ долгами. Но свиданіе Суворова съ епископомъ Виссаріономъ не состоялось: епископъ точно не обозначалъ времени для пріѣзда, да Суворову не на что было ѣхать, а епископъ денегъ не прислалъ. Посланникъ Ланчинскій въ своей реляціи [1]) предполагаетъ, что епископъ Виссаріонъ охладѣлъ къ этому замыслу, боясь раздражать митрополита Викентія, который при томъ оправился отъ болѣзни.

Но самая мысль удержать Суворова у сербовъ свидѣтельствуетъ, что причина неудачи Суворова въ прочномъ устройствѣ школы лежала не въ немъ, а во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Лишь только стало извѣстно въ Сегединѣ, что епископъ Виссаріонъ вступилъ въ переписку съ Суворовымъ, какъ граждане Сегедина обратились къ посланнику Ланчинскому за подписью и печатями болѣе знатныхъ и вліятельныхъ двухсотъ лицъ, по словамъ реляціи Ланчинскаго, съ просьбою дать имъ Суворова.

1) Описаніе докум. и пр. Приложеніе, стр. 459.

Была получена петиція сегединцевъ, на которой подписался сенаторъ города Ракичъ, нѣсколько поручиковъ и т. д., Ланчинскій переслалъ ее въ Петербургъ. Въ ней сербы просили его «пожаловать» имъ Суворова на такихъ основаніяхъ, какъ это было «прежде или и досюду». «Умолени будьте отъ насъ», писали они Ланчинскому «ради господина учителя Максима Суворова, который намъ пожалованъ былъ отъ царя Петра для школьной науки, черезъ которую познали мы и боялись Бога и царя, и да изведетъ насъ отъ тьмы во свѣтъ, и ежели изжили мы въ слѣпотѣ время и вѣкъ нашъ, то да отверзутся очи дѣтемъ нашимъ». Ланчинскій, отсылая эту петицію въ Петербургъ, замѣчаетъ, что около Сегедина много деревень, жители которыхъ «греческаго исповѣданія» и теперь лишены возможности учить своихъ дѣтей въ подходящей школѣ. Онъ ходатайствовалъ, чтобы Суворовъ «вмѣсто празднаго и бѣднаго житія, могъ продолжать насажденныя у сербскаго народа науки, за что благодарность и самъ (т. е. Ланчинскій) изъ устъ ихъ слышалъ», и потому просилъ государыню Анну Іоанновну о «высокой резолюціи въ семъ дѣлѣ». Но ни отвѣта на вопросъ о Суворовѣ, ни «резолюціи» Ланчинскій не получилъ, и потому 2 февраля 1734 г. въ новой реляціи онъ напоминаетъ объ этомъ дѣлѣ, причемъ сообщаетъ, что сегединскій сенаторъ Игнатій Ракичъ и другой «знатный сегединскій житель, канцеляристъ прозвищемъ Павелъ Іоанновичъ», лично хлопотали у него въ Вѣнѣ о командированіи въ Сегединъ Суворова, и вмѣстѣ съ тѣмъ пересылаетъ въ Петербургъ письмо бачскаго епископа Виссаріона, который просилъ «даровати господина учителя Максима Суворова и съ потребными къ его состоянію, къ тому же и книги, училищу потребныя, ими же весьма скудны есьмы».

Вскорѣ и сербская община въ Будѣ стала хлопотать о назначеніи Суворова въ Будимскую школу. Подозрѣвая, что всему дѣлу «Суворовскихъ школъ» мѣшаетъ митрополитъ Викентій, не поладившій съ Суворовымъ, будимскіе сербы обратились съ письмомъ къ самому митрополиту, на которое тотъ отвѣчалъ 21 декабря 1734 г. изъ Вѣны посланіемъ съ характерною припискою:

«протопопъ тое писаніе вредное (т. е. важное) на праздникъ да очитаетъ», т. е. митрополитъ желалъ придать своему письму значеніе подарка будимскимъ сербамъ къ Рождественскимъ праздникамъ и возможно бóльшую огласку среди членовъ общины. Поздравляя сербскую будимскую общину съ праздниками, митрополитъ сообщаетъ, что послѣ праздниковъ онъ будетъ вести настоятельно переговоры съ Суворовымъ, чтобы онъ остался у нихъ «ради обученія дѣтей», и совѣтуетъ имъ позаботиться, чтобы онъ «съ вами» (т. е. съ ними) контентиралъ». «Будемъ его утвердити», пишетъ митрополитъ Викентій, «и онъ на иную страну не поидетъ, но при васъ за учителя остатися будетъ» [1]).

И дѣйствительно, митрополитъ Викентій совершенно перемѣнилъ свои отношенія къ Суворову. Пріѣхавъ во второй половинѣ ноября 1734 г. въ Вѣну, гдѣ оставался въ этотъ разъ до іюня 1735 г., митрополитъ Викентій началъ вести переговоры съ Суворовымъ. Неоднократно онъ приглашалъ къ себѣ русскаго учителя, сожалѣлъ о случившемся разногласіи и объяснялъ его, возлагая вину «на плевосѣятеля діавола» и на бывшаго сербскаго агента въ Вѣнѣ Іосифа Ямбрековича, да на гусарскаго капитана Ивана Божича, пріѣзжавшаго изъ Россіи въ Сербію и Вѣну и на нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, не называя однако ихъ по имени. Удаленіе Суворова отъ должности его въ 1731 г., по признанію митрополита, состоялось по соглашенію съ нѣкоторыми епископами, которые послѣ всю вину взвалили на него одного, митрополита. Онъ просилъ Суворова «показать лѣчбу» испорченнаго дѣла, такъ какъ онъ боится, что увольненіе посланнаго изъ Россіи къ сербамъ учителя можетъ быть сочтено въ Россіи неблагодарностью со стороны сербскаго народа [2]).

Но Суворовъ уже не вѣрилъ митрополиту Викентію и самъ уже сталъ не тотъ, потерявъ вѣру, если не въ свои силы, то въ исполнимость своей миссіи, какъ онъ ее понималъ. На лас-

1) Гласник, II отд., 4 т., стр. 165.

2) Описаніе докум. II, ч. 1, Приложеніе, стр. 410, письмо Суворова въ Синодъ отъ 1 марта 1735 г.

ковыя рѣчи митрополита Викентія онъ посовѣтовалъ ему самому послать извиненіе и объясненіе въ Синодъ, какъ «ближайшей моей (Суворова) командѣ». Личныя дѣла Суворова были въ крайне печальномъ положеніи. На всѣ его просьбы въ Синодъ о деньгахъ отвѣта не получалось, и онъ не могъ «суетное въ чужемъ государствѣ времягубленіе и зазорное всефамильное бѣднованіе поне единощи въ совершенный конецъ произвести». Къ тому же вскорѣ постигли его и семейныя несчастія: въ августѣ 1734 г. умеръ у него младенецъ сынъ, а въ началѣ 1735 г. умерла и жена, оставивъ ему трехъ-лѣтнюю дочь. Но упоминая объ этихъ несчастіяхъ, въ своемъ донесеніи Синоду отъ 1 марта 1735 г., Суворовъ не этими личными бѣдствіями оправдываетъ свое рѣшительное желаніе вернуться въ Россію, а прямымъ недовѣріемъ къ искренности митрополита Викентія и напоминаетъ о своемъ донесеніи отъ 21 декабря 1729 г., въ которомъ говорится, какъ даже митрополитъ Моисей сказалъ ему: «ежели-де бы отказался Императоръ Россійскій давать жалованье, мы-де бы сами тожъ давали: а то-де мы человѣка содержимъ, а ему честь». Онъ полагаетъ, что сербы желаютъ собственно не того, чтобы онъ остался у нихъ русскимъ учителемъ, а лишь оправдаться предъ Синодомъ, чтобы затѣмъ выпрашивать себѣ разныхъ другихъ милостей, митрополитъ же хочетъ успокоить, по выраженію Суворова, «волнящійся о отсутствіи моемъ простолюдинный народъ, который всегда радъ былъ имѣть мене ради славенскаго языка».

Митрополитъ Викентій дѣйствительно отправилъ посланіе въ Синодъ 29 января 1735 г., въ составленіи котораго, по словамъ Суворова, принималъ участіе бачскій епископъ Виссаріонъ. Объяснивъ сначала, что вслѣдствіе гибели сербскаго царства «грѣхъ ради нашихъ» въ землѣ сербской погибли «ученіе и вся прочая художества», митрополитъ признается, что посланный къ сербамъ, по просьбѣ митрополита Моисея Петровича, Петромъ Великимъ учитель «славено-латинскаго языка» уже три года лишенъ мѣста. Затѣмъ онъ излагаетъ причины такого положенія

дѣлъ, — ихъ нѣсколько: во-первыхъ, въ началѣ «ученіе», какъ нѣчто новое и необычное, многимъ казалось «трудно и странно»; во-вторыхъ, нѣкоторыя духовныя лица не сошлись «нравами» съ Суворовымъ и произошелъ раздоръ. Этимъ воспользовались непріятели «благовѣрія нашего» и стали смущать и устрашать неудовольствіемъ властей, которыя могутъ думать, что митрополитъ имѣетъ сношенія съ «другою Имперіею» и призываетъ оттуда людей къ себѣ. Поэтому онъ, будучи только что избраннымъ въ митрополиты, боялся навлечь на себя и на народъ подозрѣніе со стороны «владѣющихъ» и устранилъ Суворова отъ учительства, — не потому, чтобы онъ былъ неблагодаренъ Синоду за присылку учителя, а потому, что опасался бѣдъ.—И вотъ, Суворовъ бѣдствовалъ безъ дѣла, а сербы остались безъ школы. Теперь дѣло разъяснилось: всю эту смуту сдѣлалъ «плевелосѣятель» бывшій сербскій агентъ, «проклятый» Ямбрековичъ, который уже смѣщенъ и даже арестованъ. Теперь митрополитъ уже помирился съ Суворовымъ и какъ онъ, такъ и архіереи и народъ желаютъ имѣть Суворова у себя учителемъ. Поэтому онъ проситъ Синодъ «даровать господина учителя для ученія народу нашему, по образу перваго наряжденія и опредѣленія», разумѣя подъ этимъ очевидно отпускъ жалованія и присылку книгъ[1]).

Суворовъ, какъ мы видѣли, не проникся этими аргументами митрополита Викентія и въ своемъ донесеніи отъ 1 марта 1735 г. значительно ослабляетъ ихъ силу. Онъ блюдетъ свое достоинство русскаго человѣка и не желаетъ прикрывать своею личностью особыхъ практическихъ цѣлей, которыя, по его мнѣнію, прикрывалъ митрополитъ. Такое отношеніе его къ митрополиту Викентію объясняется отчасти тѣмъ, что онъ поддерживалъ связи съ епископомъ бачскимъ Виссаріономъ Павловичемъ, въ это время враждовавшимъ съ митрополитомъ. Осенью 1735 г. Суворовъ отправился для свиданія съ епископомъ Виссаріономъ чрезъ Хорватію и посѣтилъ по пути епископа Симеона, своего бывшаго

---

1) Описаніе документовъ, II, ч. 1. Прилож. стр. 463—466.

ученика[1]). Это была очень смутная пора въ Венгріи. Въ апрѣлѣ 1735 г. вспыхнуло возстаніе, подъ предводительствомъ Перы Сегединца, вызванное главнымъ образомъ притѣсненіями, которымъ подвергались православные сербы и насильственнымъ навязываніемъ уніи. Въ тоже время все болѣе разгоралась вражда между митрополитомъ Викентіемъ Іоанновичемъ и бачскимъ епископомъ Виссаріономъ Павловичемъ, приведшая къ тому, что Виссаріонъ былъ арестованъ и преданъ духовному суду.—Суворовъ не засталъ въ ноябрѣ епископа Виссаріона въ Сегединѣ, такъ какъ онъ былъ какъ разъ въ это время арестованъ, заключенъ подъ стражу и 24 октября перевезенъ въ Карловцы[2]), но онъ былъ свидѣтелемъ всей этой печальной исторіи, которую Суворовъ въ своемъ донесеніи Синоду изъ Вѣны 1 января 1737 г. называетъ «трагедіей». Изъ Сегедина онъ послалъ два донесенія въ Синодъ 1 марта и 17 мая 1736 г., въ которыхъ онъ по своему описывалъ эту «трагедію»[3]), становясь на сторону Виссаріона и довѣряя слухамъ о тайномъ замыслѣ митрополита Викентія принять унію и привести къ ней всѣхъ сербовъ, живущихъ «подъ цесарскою державою». Онъ однако вѣроятно видѣлся съ епископомъ Виссаріономъ, такъ какъ нѣсколько смѣлыхъ его приверженцевъ подъ предводительствомъ Зорича силою освободили Виссаріона изъ подъ ареста въ Карловцахъ, гдѣ онъ былъ заклю-

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, IV т., стр. 1256. Это былъ епископъ лепавинской или хорватской епархіи въ вараждинскомъ генералатѣ, основанной въ 1732 г., Симеонъ Филипповичъ. Онъ былъ прежде костайническимъ экзархомъ и въ 1731 г. былъ даже арестованъ въ Осѣкѣ за то, что противодѣйствовалъ уніатской пропагандѣ (ср. Якшичъ. О Викентіи Іоанновичѣ, стр. 209—210).

2) Якшичъ, тамъ же, стр. 138.

3) Эти донесенія Суворова изъ Сегедина еще неопубликованы въ полномъ ихъ текстѣ. О нихъ упоминается въ письмѣ Суворова въ Синодъ отъ 1 января 1737 г., при чемъ онъ выражаетъ увѣренность, что они дошли въ Синодъ, такъ какъ были посланы при реляціяхъ посланника Ланчинскаго.—С. М. Соловьевъ напечаталъ лишь подлинныя «выписки» изъ нихъ изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, слѣд. эти донесенія дошли въ Россію, хотя, быть можетъ, миновали Святѣйшій Синодъ, такъ какъ при изданіи всѣхъ писемъ Суворова во II т. въ 1 части «Описанія документовъ и дѣлъ Св. Синода» не напечатаны.

ченъ по приказанію митрополита, и перевезли его въ Сегединъ, гдѣ онъ хотя и былъ оставленъ подъ стражей, но уже свѣтскихъ властей[1]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній, чтó собственно дѣлалъ въ Сегединѣ Суворовъ, но можно думать, что онъ туда ѣздилъ по вопросу объ основаніи тамъ школы, о чемъ онъ велъ переписку съ епископомъ Виссаріономъ. Но этотъ замыслъ, какъ видно, не имѣлъ успѣха, такъ какъ 15 сентября 1736 г., Суворовъ доноситъ Синоду изъ Вѣны, что онъ, вернувшись изъ Сегедина, получилъ 9 августа указъ 4 іюля, въ силу котораго «велѣно, по содержанію высокославныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго имянного указа опредѣленное мнѣ жалованье на прошлыя 1733, 1734, 1735 и на нынѣшней 1736 годы нынѣ отдать и впредь повся-

1) Интересно замѣтить, что Виссаріонъ пользовался симпатіями двухъ русскихъ, въ то время игравшихъ нѣкоторую роль у сербовъ: Суворова и монаха Симеона Христіана, пользовавшагося впослѣдствіи весьма большимъ вліяніемъ на дѣла сербовъ при патріархѣ Арсеніи III, и даже большой популярностью среди сербовъ (Якшичъ о Викентіи Іовановичѣ, стр. 140). Личность Симеона Христіана весьма загадочная. Въ 1732 г. случайно остановился въ Бѣлградѣ проѣздомъ въ Іерусалимъ русскій монахъ Симеонъ. Онъ такъ понравился, особенно вслѣдствіе своего краснорѣчія, митрополиту Викентію и нѣкоторымъ епископамъ, что вскорѣ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ духовной консисторіи и главнымъ проповѣдникомъ (General Concinator). Симеонъ утверждалъ, что онъ происходитъ изъ знатнаго рода русскаго дворянства—Баратынскихъ, и что учился въ Стокгольмѣ. Онъ пользовался связями съ нѣкоторыми лицами, занимавшими высокое положеніе при дворѣ, сносился съ русскимъ посланникомъ, но въ тоже время пользовался и благосклонностью императрицы Маріи Терезіи и даже исполнялъ ея порученія, объѣзжая мѣстности, населенныя сербами. Онъ былъ столь популяренъ въ Банатѣ и Военной Границѣ, что когда въ 1744 г. умеръ Темешварскій епископъ Николай Дмитріевичъ, народъ ходатайствовалъ о назначеніи его епископомъ въ Темешварѣ, но Марія Терезія не согласилась. Впослѣдствіи этотъ Симеонъ Христіанъ велъ борьбу съ патріархомъ Арсеніемъ IV, который даже жаловался на него въ русскій Святѣйшій Синодъ. Когда онъ въ 1759 г. умеръ въ Будимѣ въ санѣ архимандрита, онъ былъ похороненъ около будимской церкви, и мѣстные сербы соорудили мраморную доску въ стѣнѣ съ записью, что Симеонъ былъ русскій по происхожденію, изъ рода Баратынскихъ и учился въ Стокгольмѣ (см. Гласник., II отд. т. 4 (Споменици Витковича), стр. 270—278 и 348; новыя данныя и свѣдѣнія о личности и роли Симеона см. Якшичъ: О Арсенију IV Іовановићу Шакабенти. У Карловцима 1899, стр. 152—183).

годно отдавать». — Но само жалованіе все же не приходило, и Суворовъ просилъ прислать жалованіе и увѣдомить, что и гдѣ ему впредь дѣлать. Въ письмѣ отъ 1 января 1737 г. онъ извѣщаетъ о полученіи этого жалованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ недоумѣніе, что ему дѣлать за границею. «Мнѣ здѣсь въ Вѣнѣ дѣлать нечего: въ Сербіи же порученное мнѣ дѣло давно отказано», пишетъ онъ и потому прибавляетъ новую просьбу о присылкѣ прогоновъ. При этомъ онъ сообщаетъ, что онъ вторично женился, благодаря чему могъ найти способъ просуществовать все это время хоть и въ долгъ; и что если до марта не получитъ отвѣта отъ Синода на свой вопросъ, что ему дѣлать, онъ вернется въ Россію, въ силу указа 1732 г. Отвѣта онъ не дождался, не получилъ и проѣздныхъ денегъ и потому двинулся въ мартѣ въ обратный путь и явился въ Синодъ 30 августа 1737 г.

Такъ окончилось 12-лѣтнее странствованіе Суворова, отправленнаго по мысли Петра Великаго учителемъ къ сербамъ.

Упомянемъ вкратцѣ о дальнѣйшей судьбѣ Суворова по возвращеніи въ Петербургъ. Онъ сталъ просить у Синода назначенія его на какую-нибудь должность, выдачи прогонныхъ и жалованія и т. д. Онъ жалуется на долги, утверждаетъ, что онъ «до конца разорился и обубожалъ», что не только пріѣхалъ въ Петербургъ на средства, данныя ему его второю женой, но и живетъ все время на ея же деньги.—Наконецъ, онъ былъ назначенъ директоромъ Синодальной типографіи въ Москвѣ, но жалованіе было ему опредѣлено лишь двѣсти рублей, слѣдовательно значительно уменьшено противъ прежняго его оклада. Ему послѣ этого оставалось лишь просить объ увольненіи изъ вѣдомства Синода, на что и послѣдовало согласіе. Это было въ 1738 г. Въ это время Суворовъ заболѣлъ и послѣ увольненія еще два раза обращался въ Синодъ съ просьбою о выдачѣ ему жалованія за 1738 г. Ему было объявлено, чтобы онъ явился съ просьбою о предоставленіи ему мѣста въ Герольдмейстерскую канцелярію. Синодальному управленію очевидно надоѣлъ Суворовъ своими

безконечными жалобами и просьбами о жалованіи, и потому оно долго давало неполную аттестацію объ его службѣ. Еще въ началѣ 1742 г. наводились справки Сенатомъ въ Синодѣ о Суворовѣ и его службѣ и поѣздкѣ въ Сербію [1]). Вообще Суворовъ оказался ненужнымъ послѣ своего возвращенія изъ Сербіи. Когда въ 1740 г. Сенатъ спрашивалъ Академію Наукъ о Максимѣ Суворовѣ,—«не потребенъ ли онъ быть при той академіи», Академія отвѣтила, что онъ ей «не надобенъ», и Сенатъ вновь сталъ заботиться объ его опредѣленіи, «къ какому онъ дѣлу способенъ быть можетъ» [2]).

Мы не знаемъ, какова была дальнѣйшая судьба этого «славено-латинскаго» русскаго учителя у сербовъ. Онъ во всякомъ случаѣ сдѣлалъ свое дѣло насколько это было для него возможно среди обстоятельствъ, въ какихъ ему пришлось жить и дѣйствовать.

Суворовъ былъ однимъ изъ первыхъ, если даже не первымъ дѣятельнымъ распространителемъ русскаго языка и просвѣщенія среди славянъ внѣ предѣловъ Россіи. Онъ былъ, быть можетъ, первый просвѣщенный русскій человѣкъ, который хорошо познакомился съ значительной частью славянства, такъ какъ жилъ продолжительное время сначала въ центрѣ Чешской земли,—въ Прагѣ, тогда, правда, сильно онѣмеченной, а затѣмъ среди сербовъ, у которыхъ появились первые признаки ихъ народнаго возрожденія. Суворовъ высоко цѣнилъ свое русское достоинство и свое положеніе учителя, посланнаго Русскимъ правительствомъ, и всегда помнилъ о чести и пользѣ своего отечества. — Въ его сообщеніяхъ Синоду всегда видна его забота о томъ, чтобы до Россіи доходили вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣла просвѣщенія у православнаго единоплеменнаго народа, и не смотря на всѣ трудности своего положенія, онъ никогда не забывалъ, что онъ— русскій гражданинъ, который обязанъ даже скрыть свой «зазоръ»,

1) Описаніе II, ч. 1, стр. 762—766.

2) Сенатскій архивъ. II. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената, Спб. 1889, стр. 93.

свою бѣду, если это требуется, по его мнѣнію, для чести отечества.

Живя среди сербовъ, Суворовъ живо принималъ къ сердцу ихъ интересы и дѣла. Этимъ объясняются отчасти и слабыя стороны его дѣятельности. Онъ видѣлъ опасности, грозящія сербамъ со стороны католической пропаганды, и слишкомъ близко видѣлъ старое свойство сербовъ—вести ожесточенную борьбу партій. Быть можетъ, и самое его положеніе учителя школы, зависящей исключительно отъ митрополита, приводило его къ участію въ этой борьбѣ. Такъ, поддерживая связи съ сторонниками епископа Виссаріона Павловича, онъ силою вещей принужденъ былъ враждебно относиться къ дѣйствіямъ митрополита Викентія Іоанновича, человѣка страстнаго, слабаго и крайне непослѣдовательнаго.

IX.

Заботы митрополита Викентія Іоанновича о выпискѣ учителей изъ Россіи. Его объясненіе причины удаленія Суворова. Его сношенія съ кіевскимъ архіепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ о выпискѣ учителей. Пріѣздъ Эммануила Козачинскаго съ товарищами. Свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности.

Мы должны нѣсколько остановиться на вопросѣ, не былъ ли митрополитъ Викентій Іоанновичъ принципіальнымъ противникомъ русской школы и русскихъ учителей у сербовъ и не объясняется ли этимъ удаленіе Суворова изъ сербской страны? Факты заставляютъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Прежніе сербскіе изслѣдователи этой эпохи, какъ мы говорили, держались того мнѣнія, что митрополитъ Викентій, подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, склонялся къ мысли о принятіи уніи. Новѣйшія данныя и болѣе обстоятельное ихъ

изученіе снимаютъ съ него это тяжкое обвиненіе. Время, когда ему пришлось стать главою сербовъ, было чрезвычайно трудно для сербскаго народа, полное смутъ и разныхъ нестроеній. Викентій не обладалъ ни тонкимъ умомъ, ни дарованіями дипломата, ни твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ,—онъ поэтому старался избѣгать всего того, что могло бы навлечь на него и вообще на сербовъ какія бы то ни было подозрѣнія со стороны тогдашняго австрійскаго правительства. Онъ боялся этого правительства и, не довѣряя своимъ силамъ, старался отклонить самые поводы къ подозрѣніямъ и неудовольствію.

Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, митрополитъ Викентій опасался присутствія среди сербовъ учителя изъ Россіи, состоящаго на русскомъ жалованіи, особенно послѣ того, какъ это стало извѣстно австрійскому коммиссару графу Локателли на соборѣ 1731 г., при самомъ избраніи его митрополитомъ. При томъ всѣ сношенія съ Россіей были ему запрещены, на русскія книги, даже богослужебныя, былъ наложенъ тоже запретъ. Сохранился черновикъ одного неоконченнаго письма митрополита Викентія къ Новгородскому архіепископу, составленный, какъ слѣдуетъ думать, въ 1731 г., вскорѣ послѣ того, какъ онъ разошелся съ Суворовымъ[1]). Въ немъ онъ жалуется, что Суворовъ былъ небреженъ, что онъ не принесъ сербамъ той пользы, какую слѣдовало отъ него ожидать, что онъ стращаетъ сербовъ «бѣдою», такъ какъ онъ имѣетъ копіи писемъ покойнаго митрополита въ Россію.—Но при этомъ Викентій проситъ, чтобы Новгородскій архіепископъ попросилъ у императрицы Анны Іоанновны посылку изъ Кіева другого учителя и грамоту о жалованіи для него. «Пусть это хранится въ тайнѣ, пишетъ онъ, потому что Суворовъ останется, пока не будетъ присланъ новый учитель, чтобы не пропали и эти небольшія школы». Проситъ онъ также, чтобы было повелѣно русскому посланнику добиться въ Вѣнѣ разрѣшенія продавать русскія книги сербамъ,—а какъ извѣстно

1) Якшичъ, о Викентіи Іоанновичѣ, стр. 216.

офенямъ было запрещено привозить ихъ для продажи. Послано ли было это письмо въ Россію и полученъ ли былъ отвѣтъ, неизвѣстно, но въ 1733 г. митрополитъ Викентій уже хлопочетъ о выпискѣ новыхъ учителей изъ Россіи.

4 апрѣля 1733 г. Викентій послалъ въ Кіево-могилянскую Академію приглашеніе магистровъ, которые пожелали бы учить дѣтей у сербовъ «латинско-славенскому языку» и проповѣдыванію и вообще держались того порядка ученія, какой существуетъ въ Кіевѣ, а во время вакацій учили бы ариѳметикѣ. За этотъ трудъ онъ предлагалъ богословамъ по 200 гульденовъ или по 100 руб., а философамъ по 180 гульденовъ или по 90 руб. Если бы кто изъ нихъ захотѣлъ постричься въ монахи, митрополитъ Викентій обѣщалъ исполнить это желаніе, а если бы кто хотѣлъ стать мірскимъ священникомъ, онъ обѣщалъ такого женить на свой счетъ, посвятить во діаконы и священники и дать приходъ безплатно, при чемъ ни архіепископъ, ни епископы не станутъ съ нихъ взимать десятины, потому что они «ученые люди». Это воззваніе было адресовано къ кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, къ которому онъ писалъ еще въ февралѣ 1733 г. по этому же дѣлу. Вскорѣ нашлись охотники поѣхать къ Сербамъ. Это были: Эммануилъ Козачинскій, Петръ Казуновскій, Трофимъ Климовскій, Георгій Шумлянъ, Тимоѳей Левандовскій и Иванъ Минацкій[1]). Кромѣ того монахъ Кіево-

1) Имена и фамиліи этихъ русскихъ учителей у Сербовъ мы заимствуемъ изъ сочиненія Якшича о «Викентіи Іоанновичѣ» (стр. 218). Благодаря помощи и указаніямъ многозаслуженнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петрова, мы можемъ установить нѣкоторыя ошибки въ этихъ именованіяхъ, объясняющіяся просто почеркомъ того времени, который могъ быть недостаточно чотокъ для Сербскаго изслѣдователя. Такъ, Шумлякъ упоминается въ спискахъ учениковъ Харьковскаго коллегіума въ 1730 г. (Труды Кіевской духовной Академіи, Октябрь 1892, стр. 309 — 310), но тамъ записанъ: Georgius Szumilak. Въ 7 т. «Описанія документовъ и дѣлъ» изъ архива Св. Синода, въ Приложеніяхъ на стр. 123 значится въ числѣ «Синтактиковъ» въ Кіевскомъ Братскомъ коллегіумѣ за 1727 г. Іоаннъ Мѣнацкій, а на стр. 120 въ числѣ «реторовъ» Петръ Падуновскій, въ которомъ можно подозрѣвать Петра Казуновскаго, фамилія котораго, вѣроятно, неправильно прочтена г. Якшичемъ.

Что касается Козачинскаго, то объ немъ имѣется нѣсколько характерныхъ

Печерскаго монастыря Синезій Залуцкій, который былъ проповѣдникомъ въ Бѣлградѣ еще при митрополитѣ Моисеѣ, былъ поставленъ ректоромъ школы при митрополіи.

свѣдѣній. Онъ былъ «польской націи мѣстечка Ямполя, осадный шляхтичъ Мануилъ Александровъ сынъ Козачинскій» (Подолія, изд. Батюшкова, трудъ проф. Н. И. Петрова, стр. 175), былъ ученикомъ, а впослѣдствіи профессоромъ и префектомъ Кіевской Академіи и, постригшись въ монахи подъ именемъ Михаила, сталъ игуменомъ монастыря въ Слуцкѣ.

Въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ и Печерской лаврѣ находятся въ рукописи труды Козачинскаго: 1) Scientia naturalis seu Phisica, inchoata anno Incarnatæ Sapientiæ 1728, mense Junii 7, съ метафизикою, начатою 10 іюня 1729 г., на 431 листкахъ. Курсъ философіи въ 1728—29 гг. преподавался въ Кіевской Академіи профессоромъ и префектомъ Амвросіемъ Дубневичемъ, а записывалъ его и составлялъ Мануилъ Козачинскій; 2) Cursus philosophicus entis naturalis per questiones philosophicas и т. д. in alma ac orthodoxa Academia Mohylo-Zaporovsciana, читанный и составленный Мануиломъ Козачинскимъ съ 18 сентября 1739 г. по 3 іюля 1740 г. (см. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній въ Кіевѣ. Вып. 2-ой. Москва, стр. 142 и 46). О печатныхъ произведеніяхъ Козачинскаго см. Н. И. Петровъ, «Очерки изъ Исторіи Украинской литературы». Кіевъ. 1880, вып. 1, стр. 98—108, и А. И. Соболевскій, «Неизвѣстная драма» М. Козачинскаго. Кіевъ 1901, стр. 2 — 3. Академикъ профессоръ Соболевскій издалъ эту трагедію: «Урошъ пятый», напечатанную съ прибавленіями и вставками архимандритомъ Іоанномъ Раичемъ въ 1798 г., ученикомъ «школъ Козачинскихъ». Изъ нея видно, что Козачинскій заинтересовался исторіей сербовъ и ихъ сказаніями о гибели Уроша, послѣдняго представителя династіи Немани.

Козачинскій родился въ 1699 или 1700 г. Въ своемъ прошеніи Кіевскому митрополиту отъ 28 іюля 1746 г. объ увольненіи отъ профессорской должности онъ пишетъ, что ему идетъ 47-ой годъ. Отправляясь къ сербамъ, онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ и былъ рукоположенъ во діаконы и священники хорватскимъ епископомъ Симеономъ Филипповичемъ, но остался холостымъ при этомъ, что произвело смущеніе послѣ его возвращенія въ Кіевъ отъ сербовъ. Вернувшись въ августѣ 1738 г. изъ Сербскихъ странъ, онъ поселился въ Выдубецкомъ монастырѣ и изъявилъ желаніе постричься въ монахи. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Св. Синода, то именно это обстоятельство, что онъ былъ поставленъ во священники безженнымъ, произвело нѣкоторое смущеніе. Не смотря на благопріятные отзывы объ его благочестіи, учености и нравственности, онъ былъ подвергнутъ испытанію въ монастырѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, хотя до того времени прожилъ уже въ монастырѣ одиннадцать мѣсяцевъ. Соскучившись ожидать истеченія этого срока, онъ просилъ митрополита Рафаила Заборовскаго разрѣшить постричь его въ монахи 23 декабря 1739 г., но такъ какъ разрѣшеніе Синода было дано 16 іюля 1739 г., то митрополитъ назначилъ это постриженіе лишь 16 января 1740 г. Ему было поставлено въ вину, что онъ дерзнулъ принять священство безженнымъ, а потому Синодъ предписалъ наложить на него запрещеніе священнодѣйствовать

По словамъ Чапловича[1]), тогда была основана въ Карловцахъ также латинская школа. Ректоромъ былъ Эммануилъ Козачинскій, магистромъ Минацкій, учителемъ славянской грамматики священникъ Николай Николаевичъ и діаконъ Георгій Живоиновъ, учителемъ класса азбучниковъ Петръ Райковъ. Между учениками этой школы въ 1733—34 гг. было три діакона, обучавшихся грамматикѣ, въ числѣ 11 монаховъ были тоже діаконы, нѣкоторые изъ нихъ были даже «азбучники». Всѣхъ учениковъ въ латинской школѣ было 20 человѣкъ, между которыми были люди отъ 24 до 40 лѣтъ. Въ тоже время стали учить латинскому

въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ пострига. Очевидно, какъ Синодъ, такъ и Кіевскій митрополитъ опасались вліянія примѣра Козачинскаго, видя въ этомъ фактѣ безженства православнаго священника — соблюденіе католическаго целибата. Въ томъ же указѣ Синода о разрѣшеніи постричь въ монахи Козачинскаго, лишь въ виду благопріятныхъ для него отзывовъ, но все же съ наложеніемъ на него эпитеміи на три мѣсяца, дабы, какъ сказано въ указѣ, «впредь другимъ того чинить было неповадно», было повелѣно публиковать въ Кіевской епархіи, чтобы «церковно-служители, также студенты и прочіе чины, кому по каковымъ либо притчинамъ въ Сербіи или въ другихъ заграницею мѣстахъ быть случится, въ противность же обычая святыя православно-восточной церкви безженніе произведенія себѣ во іереи отнюдь не проискивали подъ опасеніемъ, буде кто таковъ явится, то не токмо постриженію въ монашество желающей того совершенно допущенъ не будетъ, но и священства имѣетъ быти лишенъ».

Козачинскій Эммануилъ былъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Михаила. Въ Кіевской Академіи онъ былъ профессоромъ богословія и философіи и нѣкоторое время префектомъ. Въ 1745 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ, откуда вернулся 25 декабря въ Выдубицкій монастырь, какъ онъ писалъ въ своемъ прошеніи отъ 28 іюля 1746 г. объ увольненіи отъ должности профессора вслѣдствіе болѣзни глазъ: «и перегринаціи мои за благословеніемъ Вашего жъ Ясне въ Богу Преосвященства сербскіе, шлавонымскіе, кроатскіе, чрезъ полторолѣтное въ проповѣди слова Божія время, да и прошлогодскій С.-Петербургскій путь мнѣ немало здоровья уняли». Но эта просьба объ отставкѣ была вызвана и нѣкоторою обидою. Въ концѣ іюня онъ былъ лишенъ почетной должности префекта, «по поданному, какъ онъ пишетъ, на мене въ нѣкоторыхъ своихъ приватахъ отъ нѣкоторыхъ учителей Академіи Кіевской доношенію, прежде суда и мыра съ ними».

(Акты Кіево-братскаго училищнаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ т. I, л. 115 (№ 11 дѣла). Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіевской Духовной Академіи за № 221. Объ увольненіи Козачинскаго отъ должности профессора, л. 221. Указъ Синода о постриженіи Козачинскаго въ монахи—см. Дѣло Батуринской Протопопіи, № 650, тамъ же).

1) Csaplovics. Slavonien und zum Theil Croatien. Pesth. 1819, II, стр. 232.

языку въ школахъ въ Осѣкѣ, Бѣлградѣ и Далѣ. Какъ извѣстно, въ «школахъ Козачинскихъ» началъ учиться славный историкъ архимандритъ Іоаннъ Раичъ, завершившій свое образованіе въ Кіевѣ. Козачинскій ѣздилъ въ 1736 г. въ Хорватскую епархію обучать священниковъ, а свое мѣсто ректора поручилъ учителю реторики Казуновскому. Тимоѳей Левандовскій былъ посланъ въ Вуковаръ, гдѣ было тогда основано училище[1]).

Но вслѣдствіе раздоровъ, господствовавшихъ въ 1735—1737 гг. среди высшаго духовенства, школы эти не пользовались достаточною поддержкою. Послѣ того какъ митрополитъ Викентій былъ обезсиленъ до того, что издалъ свой покаянный манифестъ, и ему былъ назначенъ коадъюторъ въ лицѣ епископа Темешварскаго Николая Димитріевича, выписанные имъ изъ Россіи учителя остались безъ поддержки и жалованія. Раичъ въ своей «Исторіи Катихизиса» съ благодарностью вспоминаетъ о заботѣ митрополита Викентія о школахъ и съ болью говоритъ о паденіи этихъ училищъ послѣ его смерти. Еще въ 1736 г. (26 августа) Козачинскій и Казуновскій вошли съ жалобой въ консисторію, что коадъюторъ епископъ Николай отнялъ у нихъ договоръ, заключенный съ митрополитомъ, и хотя согласились, по просьбѣ больного уже и павшаго духомъ митрополита Викентія, остаться учителями, но положили, что они останутся только на годъ, до Успенія Богородицы, и просили опредѣлить точно ихъ обязанности и улучшить ихъ положеніе. Козачинскому былъ порученъ надзоръ надъ всѣми школами, за что́ было ему положено 250 гульденовъ и черное сукно на пару платья, а кромѣ того данъ былъ столъ вмѣстѣ съ митрополичьими чиновниками и квартира. Послѣ смерти митрополита, 1 августа 1737 г. русскіе учителя обратились къ епископамъ съ просьбою уплатить имъ жалованіе и дать средства на возвращеніе въ Россію. Имъ пришлось однако прибѣгнуть къ посредству русскаго посланника въ Вѣнѣ для удовлетворенія этихъ справедливыхъ требованій. Въ

1) Якшичъ, тамъ же, стр. 220.

августѣ 1738 г. Козачинскій съ нѣкоторыми другими товарищами вернулся въ Кіевъ, а Шумлякъ сдѣлалъ это еще раньше.

Интересно замѣтить, что во время гоненій со стороны епископовъ, митрополитъ Викентій въ 1736 г. обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которомъ жалуется на насилія австрійскихъ властей въ Сербіи, Босніи и Валахіи и проситъ о помощи и защитѣ[1]), а 1 августа 1736 г. пишетъ къ Новгородскому архіепископу посланіе, въ которомъ проситъ о разрѣшеніи посылать молодыхъ Сербовъ учиться въ Россію, особенно въ шляхетскій кадетскій корпусъ и другія училища[2]). Онъ самъ уже раньше посылалъ въ Кіевскую Академію учиться нѣкоторыхъ сербскихъ монаховъ.

Такимъ образомъ, митрополитъ Викентій не можетъ быть названъ противникомъ русскихъ учителей въ Сербіи и русскаго просвѣщенія для молодыхъ будущихъ сербскихъ дѣятелей. Въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія у сербовъ было уже нѣсколько человѣкъ, получившихъ образованіе въ Кіевѣ, — въ числѣ ихъ былъ епископъ Діонисій Новаковичъ, родомъ изъ Далматіи[3]).

X.

Первые русскіе учебники у сербовъ, привезенные Суворовымъ: букварь Θеофана Прокоповича, грамматика Мелетія Смотрицкаго и лексиконъ Поликарпова. Ихъ вліяніе и перепечатки у сербовъ.

Мы уже говорили, что Суворовъ привезъ съ собою къ сербамъ три учебныхъ книги: Грамматику Мелетія Смотрицкаго, въ изданіи Поликарпова 1721 г., Лексиконъ Треязычный, тоже По-

1) Гласник. 73 томъ, стр. 328—331.
2) Гласник. II отд. т. 4, стр. 248.
3) Якшичъ, о Арсенију IV, стр. 224.

ликарпова, изданія 1704 г., и Первое ученіе отрокомъ, Θеофана Прокоповича, въ изданіи, вѣроятно, 1723 г., которое ничѣмъ нэ разнится отъ изданія 1721. Эти книги положили начало образованію языка «Сербо-славенской» литературы. По нимъ и ихъ перепечаткамъ учились поколѣнія Сербовъ, ихъ правила и указанія служили указаніями, какъ должно писать, по ихъ образцамъ составлялись новыя книги.

Книга «Первое оученіе отрокомъ, въ немже боуквы и слоги» была составлена Θеофаномъ Прокоповичемъ, по повелѣнію Петра Великаго, которому «водхнулъ Богъ, какъ говорится въ предисловіи, таковый премудрый совѣтъ повелѣть сочинити книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія и символа вѣры, и молитвы Господней, и девяти блаженствъ: и напечатать оную съ букваремъ, дабы отроцы читать учащіися по буквахъ и слогахъ, во утвержденіе чтенія своего, не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися». Между поводами къ составленію этой книги для обученія было то, что до того времени подобныя книги «славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны». Петръ Великій придавалъ этой книгѣ такую важность, что было издано повелѣніе читать ее въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника[1]).

Книжечка эта состояла изъ нѣсколькихъ частей. Послѣ обстоятельнаго предисловія, въ которомъ объяснялась цѣль книги и говорилось о пользѣ ученія, шелъ букварь: тутъ послѣ алфавита шли слоги, затѣмъ слова подъ титлами, численное значеніе буквъ и наконецъ: «имена просодіамъ». Этотъ букварь носитъ особое заглавіе: «начальное оученіе человѣкомъ хотящымъ учитися книгъ божественнаго писанія». Затѣмъ шло толкованіе десяти заповѣдей: «О законѣ Божіи иже въ десятословіи» и какъ заключительная глава къ этой части: «Вѣдѣнія обще къ закону Божію потребная» (отъ 5 до 31 листа). Слѣдующія главы были посвящены толкованію молитвы Господней, въ концѣ котораго данъ

1) Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ. I, 181.

текстъ молитвы: «Богородице Дѣво радуйся», причемъ замѣчено, что она ясна и безъ толкованія (листы 32—35); толкованіе Символа Вѣры по членамъ (до 41 л.) и «краткое толкованіе блаженствъ евангельскихъ», которымъ и заканчивается весь этотъ учебникъ (до 54 листа). На послѣдней страницѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ, отмѣчая составъ своей книги, говоритъ, что она написана «краткимъ толкованіемъ безъ доводовъ Священнаго Писанія ради наставленія перваго малымъ отрокомъ». «А церковники, говорилось далѣе, отроковъ учащіи, сами должни суть сія толкованія наизусть изучити, да бы могли лучше учити отроковъ, и научивъ ихъ, вопрошати отвѣта». Послѣсловіе это оканчивалось слѣдующимъ замѣчаніемъ: «аще же кто возъимѣетъ сумнительство о сихъ толкованіяхъ, той да вѣсть, что будетъ другая книжица содержащая въ себѣ всѣхъ здѣ положенныхъ толковъ ясныя доводы и свидѣтельства отъ священныхъ писаній, до тоея убо книжицы всякъ сумнящійся отсылается». Это замѣчаніе относится къ плану составить и издать книгу иного характера, которую Петръ Великій предлагалъ назвать катихизисомъ въ своей запискѣ, переданной въ Синодъ, для исполненія, чрезъ Ѳеофана Прокоповича 19 апрѣля 1724 г.

Мы уже говорили о томъ, что «Первое ученіе отрокомъ» было перепечатываемо нѣсколько разъ у сербовъ даже вскорѣ послѣ пріѣзда къ нимъ Суворова[1]). Судя по описанію этихъ букварей въ статьѣ г. Стояна Новаковича, предисловіе въ нихъ было иное, но въ изданіи 1734 г. въ Рымникѣ послѣсловіе воспроизведено въ точности[2]). Эта книга по своему характеру и содержанію дѣйствительно должна была удовлетворять сербовъ. Кромѣ азбуки она давала не только толкованія и разъясненія основъ христіанской нравственности и ученія, но и практическіе,

---

1) Ср. статью Дм. Руварца: О првом штампаном букварү въ «Годишницѣ» Чупича, т. 13, стр. 269 и д. Первое изданіе букваря у Сербовъ авторъ относитъ къ 1726 г. Букварь былъ изданъ на сербскомъ и румынскомъ языкѣ texte en regard въ Рымникѣ.

2) Гласник, 46, стр. 238.

житейскіе совѣты [1]). Вполнѣ естественно, что молодые Сербы, учась по этой книгѣ азбукѣ и проходя «десятословіе», пріучались къ ея русскославянскому языку, въ которомъ ея составитель видѣлъ даже «просторѣчіе». Это была та главная книга, которая положила основаніе «Славено-сербскому» языку, господствовавшему въ сербской литературѣ въ теченіе XVIII столѣтія.

Составъ этого русскаго букваря надолго остался образцовымъ для сербскихъ изданій этого рода и даже въ трудѣ Вука Караджича: «Први Српски буквар» (1827 г.) можно видѣть слѣды его традиціоннаго вліянія. Что же касается его именованія, то оно часто повторяется въ сербскихъ букваряхъ XVIII в. — Захарій Орфелинъ въ своемъ «Славено-сербскомъ магазинѣ» (Венеція, 1768 г. стр. 81—87) сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о букварѣ, вышедшемъ, вѣроятно, въ это время подъ заглавіемъ: «Первое ученіе хотящымъ учитися книгъ писмены Славенскими, называемое Букварь. Съ многими полезными и потребными наставленіями, по которымъ возможно въ краткомъ времени отрока, не токмо церковныя, но и гражданскія Славенскаго языка писанія совершенно читати обучити; къ прямому Богопознанію и Богопочитанію поставити; и къ понятію разныхъ въ гражданскомъ житіи нуждныхъ вещей привести. Нынѣ первѣе ради употребленія Сербскаго юношества

1) Въ толкованіи 5-й заповѣди, между прочимъ, ставится *вопросъ*: сумнительство есть: что дѣлать, когда единъ отъ чина отеческаго повелѣваетъ нѣчто, а другій тоежъ запрещаетъ;—*отвѣтъ:* Аще единъ другому не подрученъ есть, не смотри на лица, но на дѣла тебѣ должныя, напримѣръ: повелѣваетъ нѣчто дѣлать тебѣ господинъ, къ чему ты службою твоею одолжился ему, а не велитъ того дѣлать родитель твой, — слушай господина, а не родителя. Аще же единъ изъ нихъ другому подрученъ есть, слушай болшаго, напримѣръ: велитъ тебѣ нѣчто господинъ или родитель твой, чего не велитъ чинъ правительствующій гражданскій, сего слушай, а не господина, ниже родителя; а когда бы и правитель гражданскій повелѣвалъ то, что Царь запрещаетъ, не слушай правителя, но Царя.

Въ толкованіи 8-й заповѣди (не укради) перечисляются между грѣхами, напр. слѣдующіе: нападеніе на рубежи иноземческіе во время мира, «понужденіе работниковъ къ болшимъ трудамъ, сверхъ договору и награжденія»; «обмана на судѣ: когда судія на houdѣ судитъ» и т. п.

изданъ». Составителемъ его считается Орфелинъ. Языкъ предисловія почти не представляетъ отступленій отъ современнаго русскаго книжнаго языка. Цѣль этого букваря дать возможность учителямъ сербскихъ дѣтей «къ совершенному доброму чтенію за весьма краткое время безъ великаго труда наставити», такъ какъ русскіе букварн, употребляемые у сербовъ, «устроены ради Россіановъ, коимъ изговарываніе писменъ и реченій Славенскихъ природно, да и учители у нихъ съ знаніями къ тому способнѣе».

Такимъ образомъ, Орфелинъ считалъ нужнымъ пріучить сербовъ къ произношенію русскому, какъ и Суворовъ. Интересно замѣтить, что Орфелинъ рекомендуетъ способъ обученія азбукѣ посредствомъ передвижныхъ буквъ, что̀ представляло замѣчательную педагогическую новинку въ XVIII в. [1]).

Шафарикъ, а за нимъ Ст. Новаковичъ (Српска библиjографія, № 111), упоминаетъ еще о Венеціанскомъ изданіи 1792 г. букваря подъ заглавіемъ: «Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ божественнаго писанія», что̀ указываетъ на слѣдъ, оставленный «Первымъ ученіемъ» Прокоповича.

Грамматика Мелетія Смотрицкаго, въ изданіи Поликарпова, 1721 г., почти до конца XVIII вѣка была у сербовъ единственнымъ учебникомъ этого рода. Извѣстно, что въ этомъ изданіи многія церковно-славянскія формы перваго изданія 1619 г. грамматики Смотрицкаго замѣнены русскими, какъ и въ Московскомъ изданіи 1648 г. Глагольныя полонизованныя формы, хотя и оставлены, но тутъ же даны ихъ русскія объясненія. Суворовъ, какъ видно изъ его просьбы митрополиту Моисею рас-

---

1) Дм. Руварацъ полагаетъ, что этотъ букварь напечатанъ былъ Орфелиномъ въ первый разъ ранѣе 1764 г. или въ 1764 г. и перепечатанъ въ 1767 г. (ст. Годишница, т. 13, стр. 276). Ср. Гласник, т. 38, статья: Ст. Д. Поповича, Букварска методика у Срба, стр. 7—11. Замѣтимъ, что Орфелинъ утверждаетъ, что сербы употребляютъ букварн «Московскій меньшій и Кіевскій большій».

Судя по описанію букваря Орфелина, сдѣланному Дм. Руварцемъ, въ его основу легъ букварь Ѳеофана Прокоповича, но въ немъ прибавлены гражданка и нѣкоторыя другія статьи.

порядиться, чтобы ученики его всегда произносили такъ, какъ онъ ихъ училъ, и самъ считалъ эти русскія формы единственно правильными, — славянскими, и поддержалъ господствовавшее тогда мнѣніе, что въ русской книгѣ сохранился общій языкъ письменности православныхъ югославянъ[1]).

Въ 1755 г. по распоряженію карловецкаго митрополита Павла Ненадовича, эта грамматика была издана въ Рымникѣ «въ пользу и употребленіе отроковъ Сербскихъ, желающыхъ основательнаго наученія славенскаго діалекта». Это изданіе представляетъ вполнѣ точную перепечатку русскаго изданія 1721 г. Даже предисловіе воспроизведено буквально,—съ весьма незначительными перемѣнами, а именно тамъ, гдѣ употреблено у Поликарпова слово *россійскій* (напр. россійскихъ отроковъ, россійскимъ дѣтоводцемъ), въ изданіи Рымницкомъ стоитъ эпитетъ *сербскій*. Лишь первая «причина» изъ трехъ, приводимыхъ Поликарповымъ, въ объясненіе этого предпріятія—переизданія грамматики Смотрицкаго,—какъ имѣвшая ближайшее отношеніе къ эпохѣ и дѣятельности Петра Великаго, — изложена иначе, хотя и въ ней выражены тѣже мысли, что и у Поликарпова, и заимствованы у него слова и выраженія. Вотъ какъ излагаетъ ее сербскій издатель грамматики Смотрицкаго: «Понеже въ училищахъ нашихъ Славенно-сербскихъ въ державахъ цесаро-кралевскихъ обрѣтающыхся художное грамматіческое ученіе предъ нѣкоими дослѣ лѣти воведено бывшее ради премѣни временъ, наипаче же смѫтныхъ военныхъ обстоятельствъ не токмо пресѣклося, но и въ конечное забвеніе приводитися начало бѣ тѣмъ паче: что всеядца времене продолженіемъ грамматическія кніги, аще отъ прежныхъ временъ въ доволномъ числѣ на сихъ краяхъ собрашася, въ таковое оскуденіе пріидоша, яко желающымъ сего грамматическаго оученія едва гдѣ возможно бяше обрѣсти гнигѫ (опечатка) сію грамматікѫ». Въ самомъ текстѣ грамматики изданія Рымницкаго нѣтъ никакихъ измѣненій формъ или отступленій,

1) Никифоръ Засадкевичъ, Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса. 1883, стр. 135 и 147.

Въ своемъ «увѣщательномъ извѣщеніи» къ «благоразумному» читателю издатель лексикона, «Московскія типографіи справщикъ» Ѳедоръ Поликарповъ, сообщаетъ, что онъ пользовался совѣтами и помощью митрополита Стефана Яворскаго,—«мужа.... право-славна, въ латінскомъ же и славенскомъ языцѣхъ изящна», ректора Московскаго славенолатинскаго училища Рафаила Краснопольскаго, знатока латинскаго діалекта, и монаховъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ, знатоковъ греческаго языка. Поликарповъ особенно подробно объясняетъ, почему онъ вмѣсто еврейскаго языка, какъ третьяго при греческомъ и латинскомъ, взялъ славянскій языкъ. «Вмѣсто же еврейскаго», говоритъ онъ въ предисловіи, «нашъ предпоставихомъ славенскій, яко по истиннѣ отца многихъ языковъ благоплоднѣйша. Понеже отъ него, аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому и инымъ множайшымъ, всѣмъ есть явно. Немалую же и отсюду нашъ языкъ славенскій имѣетъ почесть, яко начало воспріятъ отъ самыя *славы*». Въ «извѣщеніи» Поликарповъ объясняетъ еще разъ причины введенія славянскихъ словъ въ этотъ словарь: «яко самый славенскій нашъ діалектъ, тако славный и пространный отъ толикихъ вѣковъ, не токмо подъ державою благочестивыхъ нашихъ монарховъ расширяемый, но и по инымъ премногимъ странамъ употребляемый, даже до днесь словоположницы, или источника себѣ не имяше, откуду бы наши природніи славяне и приходящіи иноземцы во обиліе себѣ бесѣды славенскія непримѣсныя почерпнули, чрезъ юже иновѣрніи негли мнози и въ благочестіе приходили быша. И того ради отъ разныхъ странъ приходящіи своестранная реченія въ разговоры и въ книги привнесоша, наприкладъ—сербская, польская, малоросская. И тако рѣснота и чистота славенская засыпася чужестранныхъ языковъ въ пепелъ. Здѣ же елико всемогущая божія десница немощи нашей дарова силу и время: изъ разныхъ книгъ присобравше славенское свойство въ подобающій чинъ положихомъ, его же прежде не бѣ гдѣ видѣти толико пространно, яко

и малоученный дѣтищъ, не токмо совершенный мужъ еже хощетъ реченіе, удобь обрѣсти возможетъ».

При ближайшемъ разсмотрѣніи состава этого словаря легко замѣтить, что въ него вошло много чисто русскихъ словъ, напр. товарыщъ — «зри клевретъ», товарищство — «зри клевретство», «полъзаю» (поставлено послѣ полъ живой и т. п. сложенныхъ съ *полъ*)—«зри пресмыкаюся», ярманка, почесь, няня, полюбовница, прекупщикъ — «зри барышникъ», пужаю — «зри страшу», стегаю—«зри шію» и т. д.

Этотъ «Лексиконъ треязычный», котораго было послано сербамъ всего десять экземпляровъ, могъ оказать свое вліяніе на распространеніе знанія русскихъ словъ у сербовъ. Явилась возможность уразумѣть чисто великорусское слово, вошедшее въ словарь подъ именемъ славянскаго.

Эти три книги главнымъ образомъ и дали толчокъ къ образованію русско-сербо-славянскаго языка, господствовавшаго въ Сербской литературѣ болѣе столѣтія. Вмѣстѣ съ вліяніемъ этого рода усиливалось и другое еще болѣе важное русское вліяніе на сербовъ,—вліяніе культурное, особенно нужное и полезное, даже спасительное для сербовъ въ этотъ періодъ ихъ жизни. Постепенно поднимался умственный уровень сербскаго духовенства, этого высшаго и единственнаго въ ту пору интеллигентнаго и крѣпко держащагося народныхъ основъ класса у сербовъ. Русская книга XVIII в. была не только понятною, но и своею для каждаго серба, который въ школѣ учился по трудамъ Өеофана Прокоповича и Поликарпова. Вотъ почему мы находимъ много перепечатокъ Прокоповича и вообще русско-славянскихъ книгъ у сербовъ въ XVIII вѣкѣ, — вотъ почему всѣ выдающіеся ученые и писатели сербскіе въ своихъ сочиненіяхъ для своихъ соотечественниковъ старались ближе держаться русскаго языка XVIII в. Такъ могло идти, конечно, только до того времени, пока грамотность и образованіе не перестали быть достояніемъ немногихъ, пока живой языкъ сербскаго народа со своимъ богатствомъ и красотою своихъ формъ не явился претендентомъ на мѣсто ста-

раго языка письменности, въ которомъ онъ постоянно пробивалъ себѣ дорогу, производя въ немъ нерѣдко рѣзкіе диссонансы.— Языкъ писателей старой школы становится иногда даже каррикатурнымъ, по странной и даже нелѣпой смѣси формъ и словъ, образцы которой легко найти, напр., въ сочиненіяхъ многоплоднаго, но бездарнаго писателя Милована Видаковича. Талантливому Вуку Караджичу легко было одерживать побѣды надъ подобными писателями, но вполнѣ стереть слѣды стараго русско-славянскаго вліянія на языкъ сербской письменности не могъ и онъ, не могли и послѣдующіе менѣе даровитые эпигоны Караджича.

XI.

Заключеніе. Значеніе школы Суворова и послѣдствія ея въ исторіи развитія просвѣщенія у Сербовъ. Распространеніе знанія русскаго языка въ сербскихъ странахъ. Мысль о двоякомъ языкѣ сербской книги. Побѣда живаго народнаго языка.

Школа, основанная Суворовымъ, сдѣлала свое дѣло: она положила истинное начало тому рѣзко выраженному вліянію русской образованности и литературы на сербовъ, которое мы видимъ болѣе, чѣмъ столѣтіе, послѣ этого, какъ въ содержаніи и характерѣ сербской словесности, такъ особенно въ ея языкѣ. Въ XVIII в. большинство сербскихъ книгъ и изданій представляетъ часто лишь простую перепечатку русскихъ книгъ, при чемъ издатели рѣдко и съ большою осторожностью дѣлали маленькія измѣненія въ ихъ языкѣ, сообразно съ особенностями сербскаго языка. Если Павелъ Стаматовичъ въ своемъ альманахѣ «Сербска Пчела» еще въ 1832 г. помѣстилъ почти буквальный текстъ оды Державина: «на смерть князя Мещерскаго», допустивъ лишь небольшія передѣлки, подъ заглавіемъ: «Плачъ на

смерть Преосвященнѣйшаго г. Іосифа Путника, епископа Темишварскаго», выдавъ ее за оригинальное сербское произведеніе, если Мразовичъ въ своемъ «Руководствѣ къ славенскому краснорѣчію» въ 1821 г. помѣстилъ точный текстъ слова Платона, митрополита Московскаго, Императрицѣ Екатеринѣ II, и почти рядомъ съ нимъ: «Поздравительное слово его величеству Францу I въ свободный и кралевскій градъ Сомборскій 1805 лѣта приспѣвшу», и тутъ же приложилъ свою оду: «Надгробное поема блаженно-почившей Александрѣ Павловнѣй, Ерцхерцогинѣ Аустрійской, Великой княгинѣ Россійской и Кралевства Оунгарскаго Палатінѣ», написанную почти правильнымъ русско-славянскимъ языкомъ въ 1801 г., если Павелъ Кенгелацъ въ 1811 г. написалъ свое «Естествословіе», а въ 1821 г. — «Всемирное сбытіясловіе» (исторію еврейскаго народа) замѣчательнымъ русско-славянскимъ языкомъ, то въ XVIII вѣкѣ авторитетъ русско-славянскаго языка среди образованныхъ сербовъ былъ еще выше. Такъ, первый издатель сербскихъ книгъ, старавшійся популяризовать даже научныя свѣдѣнія между сербами и положить начало свѣтской литературѣ, Орфелинъ, въ первой попыткѣ создать у сербовъ нѣчто въ родѣ періодическаго изданія: «Славено-Сербскій магазинъ» (Венеція. 1768 г.) перепечатываетъ «мнѣніе» Ѳеофана Прокоповича: «каковымъ образомъ и порядкомъ подлежитъ багрянороднаго отрока наставляти въ христіанскомъ законѣ», допустивъ лишь въ предисловіи къ нему нѣсколько сербскихъ формъ и оборотовъ; онъ же въ 1772 г. напечаталъ въ Венеціи въ двухъ томахъ большое сочиненіе: «Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго», напечатанное почти чистымъ русскимъ языкомъ того времени; немного позже ученый архимандритъ Іоаннъ Раичъ, учившійся когда то въ школѣ Козачинскаго, въ 1794—1795 гг. напечаталъ свой многолѣтній трудъ въ 4 томахъ: «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ, изъ тмы забвенія изятая и во свѣтъ исторически произведенная», которую онъ написалъ своеобразнымъ высокимъ стилемъ, почти тождественнымъ

съ тѣмъ, который господствовалъ въ русской письменности того времени.

Возможность такого распространенія у сербовъ русско-славянскаго языка и стиля и продолжительное его господство объясняется характеромъ той первой школы, основателемъ которой былъ у сербовъ — Максимъ Суворовъ.

Вслѣдствіе этого явилось болѣе тѣсное общеніе между русскими и сербами. Образованный сербъ, не находя надлежащаго поприща для своей дѣятельности среди своихъ соплеменниковъ, искалъ и легко находилъ широкое поприще въ Россіи. Таковы: Янковичъ изъ Миріева, извѣстный дѣятель по народному образованію при Екатеринѣ II, Григорій Терлаичъ, бывшій профессоромъ исторіи и статистики, въ Пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія (ум. въ 1811 г. въ Харьковѣ), Аѳанасій Стойковичъ, бывшій профессоромъ физики въ Харьковскомъ Университетѣ и нѣкоторое время ректоромъ, и др. Многіе изъ нихъ считаются писателями и дѣятелями также въ сербской литературѣ.

Въ отношеніи культурномъ и политическомъ такое вліяніе русскаго языка и литературы и русскаго просвѣщенія для сербовъ было поистинѣ благодѣтельно. Сербы были слишкомъ слабы въ культурномъ отношеніи, чтобы сами по себѣ могли дать отпоръ рѣшительному и настойчивому наступленію на нихъ западнаго просвѣщенія, тогда еще отождествляемаго съ католицизмомъ. Сербскіе патріоты это хорошо понимали, и когда въ концѣ XVIII в. была сдѣлана попытка австрійскимъ правительствомъ замѣнить у сербовъ кириллицу латиницей, они были уже достаточно сильны, чтобы дать энергическій отпоръ. Весьма было бы интересно прослѣдить весь составъ сербской литературы XVIII в. и провѣрить ея оригиналы и источники. Но и теперь можно утверждать почти рѣшительно, что воззрѣнія у сербовъ и ихъ умственные интересы складывались подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ русской мысли. Даже мысль о замѣнѣ русско-славянскаго языка—живымъ, народнымъ сербскимъ была

поддержана именно преобразованіями языка русской литературы.

Въ началѣ XVIII в. дѣлаются первыя попытки примѣнить живой сербскій языкъ къ письменности, стараются сблизить языкъ тогда считавшійся литературнымъ съ языкомъ народнымъ. Эти попытки оставались въ рукописи, какъ это доказывается многочисленными трудами Гавріила Стефановича[1]). Въ лицѣ Досиѳея Обрадовича сербская литература получила перваго писателя уже новой фармаціи языка письменнаго, но первое его сочиненіе вышло въ Лейпцигѣ только въ 1783 г.

Между тѣмъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. была столь крѣпка еще вѣра въ единственную возможную для Сербовъ литературу на «славено-сербскомъ» языкѣ, что появлялись даже переводы съ сербскихъ нарѣчій на этотъ языкъ. Такъ, въ 1793 г. въ Вѣнѣ было издано церковнымъ шрифтомъ извѣстное сатирическое стихотвореніе славонца Рельковича: «Сатиръ или дивій човекъ», при чемъ замѣчено, что оно переведено на «простô сербскій языкъ», т. е. въ сущности подправленъ языкъ на славяно-русскій ладъ. Стефанъ Раичъ, совершившій эту передѣлку, очевидно не узналъ въ языкѣ Рельковича своего роднаго языка. Іоакимъ Вуичъ, издавая въ 1810 г. Робинзона, замѣчаетъ, что онъ перевелъ съ нѣмецкаго эту нравоучительную повѣсть «на нашъ матерный славено-сербскій єзыкъ».

Тогда же возникла мысль, что въ сербской словесности должно существовать два литературныхъ языка: простой, живой языкъ для книгъ, предназначенныхъ для простыхъ читателей, и особый языкъ сближенный съ церковно-славянскимъ и съ русскимъ для произведеній иного характера. Соларичъ, Лукіанъ Мушицкій и другіе считали даже языкъ церковно-славянскій — языкомъ «ветхимъ сербскимъ»[2]). Въ борьбѣ съ живымъ народнымъ языкомъ, этотъ славяно-русскій языкъ терялъ все болѣе

1) См. Стојановић. Каталог рукописа и пр. Београд. 1901.

2) См. мою статью о Лукіанѣ Мушицкомъ въ Ж. М. Нар. Просв., 1882, Ч. CCXVI, отд. 2, стр. 243—280.

свой обликъ и становился какою-то странною смѣсью. Поэтому въ XIX в. дѣлались попытки вернуться къ возможно чистому языку русской церковно-славянской книги. Всего характернѣе выразилъ это Павелъ Кенгелацъ въ предисловіи къ своему естествословію (Буда, 1811 г.): «Аще тако книги писати будемъ, яко же нѣцыи нынѣшняго вѣка книжницы ниже Славянски, ниже Сербски, но тако да реку: славено-сербо-нѣмецко-мадьяро-турско-цыгански, и Богъ единъ вѣсть, какова реченія въ своя книги спряташа и написаша, то всегда останемъ, еже есмы, сирѣчь на послѣднемъ степени языкораспространенія и украшенія, и никогда инымъ языкъ свой паче и паче украшающымъ просвѣщеннымъ народомъ уравнимся». — Мушицкій мечталъ, что церковно-славянскій языкъ, какъ онъ его понималъ, можетъ стать единымъ для всѣхъ Славянъ. Въ своей славянской одѣ Добровскому, по поводу выхода его Institutionum linguae Slavicae dialecti veteris, Мушицкій, восхваляя славянскій языкъ, проситъ Бога сдѣлать его единымъ для всѣхъ соплеменниковъ, чтобы они воспѣвали въ немъ Творца и на немъ же соединяли «свой умъ». «Онъ еще можетъ быть для насъ общимъ языкомъ», говоритъ епископъ Лукіанъ.

Но всѣ эти заботы и мечты о сохраненіи въ сербской литературѣ особаго «общаго» языка были безплодны. Воскресить уже мертвый языкъ для жизни — внѣ могущества человѣка. Сдѣлать общеизвѣстнымъ и обычнымъ у сербовъ языкъ русской словесности, имѣющій свою жизнь, притомъ развивавшійся и росшій съ чрезвычайною быстротою, было, конечно, невозможно въ то время. Жизнь дѣлала свое и шла побѣдоносно по полямъ, удобреннымъ костями прошедшаго. Живой народный языкъ, постепенно прокладывавшій себѣ дорогу въ письменность въ XVIII в., все болѣе портилъ русско-славянскую форму литературнаго выраженія, доводя ее до уродства. Онъ взялъ наконецъ верхъ надъ прежней формою, хотя побѣда эта досталась ему не безъ борьбы.

Чѣмъ сильнѣе становились сербы, чѣмъ безопаснѣе они

чувствовали себя въ политическомъ отношеніи, тѣмъ успѣшнѣе для сербскаго народнаго языка шла эта борьба. Теперь задача сводится къ тому, чтобы та культурная связь, которая сблизила русскихъ и сербовъ и дала сербамъ въ трудную пору ихъ жизни достаточную защиту, не порвалась и не была подрываема враждебными теченіями. Это, конечно, должно быть предметомъ самыхъ тщательныхъ заботъ самихъ же сербовъ.

Платонъ Кулаковскій.

Новыя былины изъ записей на Печорѣ.

Предлагаемыя три былины, двѣ небылицы и четыре историческія пѣсни представляютъ незначительную часть записей былинъ, стиховъ, историческихъ пѣсенъ, сказокъ и легендъ, имѣющихъ историческій интересъ, сдѣланныхъ мною въ двѣ поѣздки на Низовую Печору. Записи былинъ первой поѣздки на Печору уже напечатаны въ кн. 3-ей VII-го тома «Извѣстій Отдѣл. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ»; всѣ записи былинъ второй поѣздки будутъ изданы Имп. Русск. Географическимъ Обществомъ въ видѣ отдѣльнаго сборника (въ «Зап. по отдѣл. этнографіи») послѣ того, какъ записи эти будутъ приготовлены мною къ печати; былины-же, предлагаемыя здѣсь не были отысканы мною въ уже существующихъ печатныхъ сборникахъ былинъ и какъ былины новыя онѣ и предлагаются вниманію интересующихся нѣсколько раньше, чѣмъ вся остальная масса записей, составляющихъ все-же варіанты былинъ уже извѣстныхъ.

Изъ трехъ былинъ одна — «Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ Алексѣевичъ» — вѣроятно, мѣстная передѣлка былины про Василія Игнатьева-пьяницу, но участіе въ ней царя Петра дѣлаетъ эту былину настолько своеобразной, что «Бутмана Колыбановича» можетъ быть можно причислить къ былинамъ новымъ. Приводимыя былины были записаны въ нѣсколькихъ варіантахъ и здѣсь приводится по одному изъ нихъ, а изъ остальныхъ добавлено то, чего не достаетъ или что иначе въ основномъ.

Двѣ небылицы представляютъ, конечно, варіанты уже существующихъ, но настолько своеобразные, что и ихъ, мнѣ казалось, можно напечатать вмѣстѣ съ новыми былинами.

Двѣ первыя пѣсни про Александра I-го поются на Печорѣ вмѣстѣ и сходятъ за «старинку», что-то среднее между настоящей «стариной» (былиной) и исторической пѣсней. Первая часть «старинки» извѣстна уже по сборнику Кирѣевскаго, но такъ какъ на Печорѣ (собственно только въ Пустозерской волости) обѣ части составляютъ одно цѣлое, то здѣсь приводится и первая, уже извѣстная въ печати часть; 3 и 4 пѣсни приводятся—чтобы было вмѣстѣ все, что есть на Печорѣ объ Александрѣ I-мъ и II-мъ.

Н. Ончуковъ.

Май, 1903.

1.

Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна.

Ай да жилъ-то Данило сынъ Игнатьевичъ,
Онъ имѣлъ при себѣ да чадо милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Кабы возрастомъ былъ — двенацеть лѣтъ.
А пошолъ-то Данило во божью церковъ,
Во божью-ту церковъ Богу молитисе,
Розбудилъ онъ своего чада милого,
Молодого Луку сына Данилова;
Онъ ушолъ, Данило, во божью церковъ,
Оставался Лука, да онъ заснулъ впередъ.
Миновалосе время, право, дивно-же [1])—
Прохватилса Лука да сынъ Даниловичъ:
Онъ пошолъ за отцомъ да во божью церковъ,
Онъ пришолъ-то ко дверямъ ко церковнымъ,
Онъ послушалъ пѣтьё-четьё церковное —
А послѣнни салмы право читаютъ-же;
Онъ-де думаётъ, Лука, да въ уми-въ ра́зуми,
Кабы мыслитъ онъ во мысляхъ богатырскіихъ:
— «Ожъ [2]) я воръ-ле приду, право, разбойникъ-ле?
Я ночной-ле приду подорожникъ-ле?
Я пойду лучче, Лука, во зелены луга,
Погуляю я то время, до обѣдни-же».
А гуляётъ Лука во зеленыхъ лугахъ,
Подходила тутъ вода да синемо́рская,

1) «Дивно, вдивно время»=много времени.
2) Ужъ; *ж* выговаривается неопредѣленно, скорѣе какъ *ш*.

Понимала тутъ вода всѣ зелены луга,
А стоялъ тутъ Лука да поколенъ воды,
А стоялъ-то Лука да до поясъ воды,
А стоялъ-то Лука да до грудей воды;
Подносило тутъ колоду водоплавную,
А заскакивалъ Лука да на колодину,
Относило колоду да во синё морё,
Переносило колоду да за синё морё,
Подносило ей подъ горы Сорочинскія.
А завидѣла Луку да змѣя лютая,
Надлетѣла надъ Луку сына Данилова,
Забрала его въ свои да она хоботы,
Во свои-ти-ле хоботы змѣинныя,
Подняла его на горы Сарочинскія,
Опускала-то его да на сыру землю,
Овернулась она дѣвицей млады-красноей:
— «Ужъ ты ой еси Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-кось мы съ тобой любовь тѣлесную,
А тѣлесну любовь со мной прилесную,
Кабы вывьёмъ мы съ тобой, право, тепло гнѣздо,
Кабы выведёмъ съ тобой да мы малыхъ дѣтей,
Кабы малыхъ-то дѣтей съ тобой змѣинныихъ».
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
— «Ужъ ты ой еси проклята змѣя лютая!
Не творю я нонь съ тобой любовь тѣлесную,
Я тѣлесну любовь съ тобой прилесную».
Говоритъ-то змѣя да таково слово:
— «Ужъ ты ой еси удалой доброй молодецъ,
Молодыя Лука да сынъ Даниловичъ!
Заберу я нонь тебя во свои хоботы,
Отнесу-ле я тебя да во синё морё,
Потоплю-ле я тебя да во синёмъ морѣ».
А схватилъ-то Лука да ныньче сырой дубъ,
Кабы выдернулъ-ле дубъ онъ со всемъ съ коренёмъ,

Онъ одёрнулъ [1]) змѣю да право лютую,
Кабы тутъ-то змѣи да смерть случилосе.
Онъ пошолъ-то Лука да по темнымъ лѣсамъ,
Онъ-де вышолъ на дорогу да на трахтовую,
Онъ идётъ-то по дорогѣ да трахтовоей,
А завидѣлъ-то Лука да стоитъ большой градъ,
А идётъ-то онъ, Лука, право ко городу,
Кабы стрѣтилось калика перехожая,
А спрашиватъ Лука да сынъ Даниловичъ:
— «Ужъ ты ой еси калика да перехожая!
Это чьё-жо стоитъ царсво привеликое?»
— «Эта царсво всё Салтана да нонь Турецкое,
По прозванью этотъ городъ — Киселиковъ градъ».
— «Здѣся кормятъ-ле, поятъ-ле людей добрыихъ?
Кабы добрыхъ-ле людей да заблудящiихъ?»
— «У насъ кормятъ и поятъ да людей добрыихъ,
Кабы добрыхъ-ле людей да заблудящiихъ,
Кабы кормятъ и поятъ да на дорогу даютъ».
Онъ пошолъ-то Лука да въ Киселиковъ-градъ,
Онъ зашолъ-то въ сады право салтановы,
Онъ гуляётъ, Лука, во зеленыхъ садахъ;
А завидѣла Луку да дочь салтановна,
А послала своего слугу вѣрную,
А позвать-то къ себѣ да добра молоцца;
А привелъ-то слуга Луку Данилова,
А ко той-же Настасьи дочь Салтановны;
Завѣла его Настасья въ свои горницы,
Кабы начала его она да спрашивать:
— «Ты какой? откуль? дѣтина! чей? незнаемой?
Ты незнаемой, дѣтина! чей? невѣданной?
Кабы какъ тебя дѣтина именёмъ зовутъ?
Величаютъ-ле тебя да изъ отечества?»
— «Я изъ за́ моря, дѣтина, да изъ за синяго,

1) Дёрнуть, одёрнуть = внезапно ударить.

Я того-же Данила какъ Игнатьева,
Я попалъ-то сюда право нечаемо,
Иминёмъ зовутъ — Лука да сынъ Даниловичъ,
Кабы отроду-то мнѣ-ка — лѣтъ двѣнаццети.
Говоритъ ему Настасья дочь Салтановна:
— «Ужъ ты ой еси Лука да сынъ Даниловичъ!
Ужъ мы примемъ-ко съ тобой право законной бракъ,
Ты возьми меня, Лука, да во-замужество,
А приди-кось ты къ намъ сыномъ воспріемнымимъ».
Кабы ему эти рѣчи приглянулисе,
А Настасьины-то рѣчи прилюбилисе,
Онъ сталъ ей брать да во замужество;
А пошла она къ своёму да родну батюшку,
Ко тому-же ко Салтану да ко Турецкому:
— «Ужъ ты ой есь мой родимой право батюшко!
Ужъ ты дай-ко-ся мнѣ благословленьица,
Ужъ мнѣ взеть на себѣ да жониха ноньце:
Пріискала я удала да добра молодца,
Малодого Луку сына Данилова,
Иностранного его, да заблудящого,
Онъ изъ за моря пришолъ сюда, изъ за синёго,
А того-же Данилы всё Игнатьева,
Онъ даваицце суда намъ въ принеты́ съ табой» [1]).
Говоритъ-то Салтанъ ей таково слово:
— «Ужъ ты ой еси моя дочи любимая!
Приведи-ко-сь ты его да на показъ ко мнѣ,
Посмотрю его самъ да я въ лицо къ себѣ».
Привела его Луку сына Данилова,
Кабы та-же Настасья дочь Салтановна;
Посмотрѣлъ его Салтанъ право Турецкія,
Онъ понравился ему какъ доброй молодецъ;
Кабы спрашиватъ удала добра молодца:

1) «Съ табой», «табѣ» — рѣдкое произношеніе на Печорѣ. *Н. О.*

— «Тебѣ глянецца-ле Настасья дочь Салтановна?
Ты идёшъ-ле ноньце къ намъ да въ принеты на ей?
Мѣсто сына-та къ намъ, да мѣсто родимого?
Кабы станешь-ле насъ ты почитать и слушати?»
Завелась у нихъ названна скора свадебка,
А поѣхали они да во божью церковъ,
Кабы приняли они, право, законной бракъ,
А завелса у Султана-та почесенъ пиръ,
Пировали-столсвали чѣльной мѣсяцъ-же.
А прошло это времё, чѣльной мѣсецъ-же,
Говоритъ-то тутъ Лука да сынъ Даниловичъ:
— «Ужъ ты ой еси моя да молода жона!
Кабы та-же нонь Настасья дочь Салтанова!
Ты проси-ко у отца, право, черлёнъ карапъ,
Кабы збѣгать-ле намъ да за синё морё,
Ко моёму-то сударю свѣту батюшку,
Ко тому же Данилу да ко Игнатьеву».
А пошла-то Настасья да дочь Салтановна:
— «Ужъ ты ой еси родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле намъ, право, черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-то-ле намъ да за синё морё,
А ко нашому сударю свѣту батюшку,
Ко тому-же нонь Данилу ко Игнатьеву,
Показатсе ноньче намъ, право, проздравитсе,
Со законнымъ-то нашимъ, право, браки-же».
А позволилъ имъ Салтанъ, право, Турецкіи,
Онъ-то далъ-же имъ съ собой, право, черленъ карапъ,
Со прислугою, со всемъ да, право, съ войскимъ-же,
Говорилъ-то онъ своему, право, войскому:
— «Починяйтесь вы Луки сыну Данилову,
Какъ вы слушали миня, также его слушайте;
Ужъ ты ой еси моя дочи любимая!
Затимъ ой еси Лука да сынъ Даниловичъ!
Вы побытьте, право, тамъ, да попируйте-же,

Возратитесе назадь нонче ко мнѣ суда».
А пошли-то они да на черленъ карапъ,
Провожаётъ ихъ Салтанъ да со всей съ музыкой,
Со стрѣльбою, со пальбою, со всѣма-же ихъ;
Проводили какъ ихъ съ чесью право съ радосью.
Кабы далъ имъ Богъ нонь тишины пособной-же,
Кабы поднели-ле парусы полотнены,
Кабы бѣжать нонь они да по синю морю,
А бѣжали-то они какъ трои суточки,
Забѣжали-то во галани во тихія,
Опускали они парусы полотненны,
Помѣтали они якори карабельныя,
А поклали они сходенки дубовыя;
Собралися тутъ народъ, право, православной міръ,
Встрѣчаютъ-то его какъ съ чесью, съ радосью,
Молодого-то Луку сына Данилова,
А стрѣчаютъ какъ его да съ молодой женой,
А со той-же Настасьей дочь Салтановной.
А услышалъ какъ Данило сынъ Игнатьевичъ,
Онъ про ту-же пріѣзку молодецкую,
А своёго-то они какъ чада милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Съ молодой его женой, братцы, съ любой семьёй,
А стрѣчаютъ-то его какъ съ чесью, съ радосью.
А со той-же какъ со радости великоей,
А завёлся у Данила-та почесенъ пиръ,
Пировали столовали чѣлу нидѣлюшку,
Говоритъ-то тутъ Лука да таково слово:
— «Ужъ ты ой еси родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле мнѣ благословленьичо,
Отъ буйной-то главы до сырой земли,
Я ушолъ отъ тя къ Салтану вмѣсто сына-же».

Дальше старина разсказана словами: «отецъ — Данило Иг-

натьевичъ сталъ пѣнять Лукѣ, что тотъ его бросаетъ, а Лука говоритъ: «у тебя есть другія дѣти и родственники, — помогутъ, поддержатъ». Отецъ далъ Лукѣ благословленіе и Лука съ женой уѣхалъ обратно въ Киселиковъ-градъ, къ Салтану». — Старина списана *съ голоса*, отъ *Анисима Ѳедоровича Вокуева*, слѣпца 64 лѣтъ, изъ дер. *Уегъ*, *Устьцылемской волости*; Вокуевъ старину слышалъ отъ Кузьмы Кислякова, крестьянина той-же волости, деревни Средняго Бугаева.

Старину про Луку Данилова совершенно неизвѣстную въ Пустозерской волости и даже въ селеніяхъ на рѣкѣ Пижмѣ я записалъ всего три раза. Вторая запись сдѣлана отъ кр-нки дер. *Средняго Бугаева*, *Марьи Кузьмовны Шишоловой*, 63 лѣтъ. Она спѣла старину въ 121 стихъ, начинающуюся такъ:

Середи-то, братцы, было синя моря,
Какъ синя-де моря было на острови,
Какъ стояло вѣдь царсво привеликое;
Тамъ вѣдь жилъ-то удалой доброй молодецъ,
А Данило вѣдь жилъ да Староильевичъ [1]).

Дальше идетъ такъ-же, какъ и у Вокуева, но есть и разногласія, послѣ убійства дубомъ змѣи —

Онъ (Лука) пошолъ-то подъ сторону подъ сѣверну,—
Подхватили его да горы ледены;
Онъ пашелъ-то подъ сторону подъ западну, —
Подхватили его до моря синіи,
Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ лѣтную, —
Подхватили его тутъ луга зеленыи.

Пошолъ Лука по зеленымъ лугамъ и встрѣтилъ не калику уже, какъ пѣлъ А. Вокуевъ, а удалыхъ добрыхъ молодцевъ, которые стоятъ «на крѣпостяхъ» и караулятъ царство Салтана

1) Прозвище у Данилы Шишилова очевидно перепутала: про Данила Староильевича на Печорѣ есть совсѣмъ другая, всѣмъ извѣстная старина.
Н. О.

Лукоперенина. Молодцы указали дорогу Лукѣ въ Киселиковъ-градъ. Лука пошолъ и дошолъ въ сады зеленые царской дочери Настасьи. Въ это время у Салтана былъ пиръ, Настасья увидала Луку изъ окна, сразу-же имъ плѣнилась и позвала его на пиръ. Во время пира Настасья все «зáрилась» на Луку и нарочно уронила съ руки «злáченъ-перстень». Всѣ бросились искать, нагнулся подъ столъ и Лука, а Настасья обняла его за шею и поцѣловала. Затѣмъ Луку стали спрашивать — кто онъ, откуда и пр., а Лука отвѣтилъ:

— «Я не помню не отца да своей матушки,
Не села я не знаю и не городу,
Заблудящой я удалой доброй молодецъ».

Дальше Шишолова не пѣла, а сказала только, что Лука женился на Настасьѣ и отъ ихъ брака родился *Олёша Полувпренинъ* — Настасья была не христіанка.

Еще знаетъ, и спѣлъ мнѣ старину про Луку, *Димитрій Карповичъ Дуркинъ*, изъ *села Устьцыльмы.* Старина въ 170 стиховъ, но въ ней все то-же, что и у А. Вокуева. Разнорѣчіе въ томъ только, что дорогу въ Киселиновъ-градъ Лукѣ указали пастухи; они велѣли ему, подходя къ городу, «подоткнуть у себя полу лѣвую, а сочтятъ тебя-де заблудящимъ». Слуги Салтановы увидѣли Луку въ саду, завели его въ горницы. Царя дома не случилося, была только его дочь *Марьюшка.* Она угостила молодца, накормила, напоила, а затѣмъ на кроваточку повалила гдѣ они и «засѣяли отрока» *Олёшу Полувпренина,* про котораго можетъ быть на Печорѣ была особая старина.

2.

Данило Борисовичъ.

Выпадали-де снѣги да, право, на горы;

Кабы эти-де снѣги да испотаели,
Протекли, пробѣжали да ручьи грубыи,
Але выпали-де ручейки на тихой Донъ.
На тихомъ-де Дону да на казачькоемъ,
Але жилъ-ле Данило да сынъ Борисовичъ,
А Данило-то, да онъ вѣдь атаманомъ былъ,
Атаманомъ онъ былъ, право, управителёмъ,
А имѣлъ онъ-де шайку петьсотъ молодцовъ.
Говоритъ-де рибятамъ [1]) добрымъ молодцамъ:
— «Ужъ вы ой есь донски да наши казаки!
Кабы хто изъ васъ есь да, право, мастера,
Але хто мастера изъ васъ есь плотники,—
Намъ большой-де вѣдь стругъ да надо сробити,
А такой-де стружокъ, да не великъ не малъ:
А што-бы понёсъ онъ насъ петсотъ человѣкъ,
А петсотъ человѣкъ да донскихъ казаковъ,
А со всей штобы насъ да со орудiёй».
А нашлись вѣдь тутъ да вного плотничковъ,
Але стали ёни да стругъ вѣдь робити;
Кабы этотъ вѣдь стругъ да ёни сробили,
Онъ ужъ здумалъ, Данило, да сынъ Борисовичъ,
На серёдку-де онъ да срубу сробити,
Але сробити-де онъ, право, поставити,
А поставити-де онъ да муровей-чердакъ,
Отенуть-де чердакъ да чернымъ бархатомъ,
А пробить это чердакъ да золотымъ гвозьёмъ;
Въ чердаки онъ кроватку да здумалъ сробити,
А кроваточку-де онъ право тесовую,
Але ноги у кроваточки дубовыи,
Не простого косья—зубья рыбъяго;
На кроватку перину-ле нонь пуховую,
На перину взголовьичо косявчато (такъ!),

1) «Рибятамъ»—исключительно рѣдкiй случай произношенiя, обыкновенно «робятамъ». *Н. О.*

Але мяконьки подушечки чижовыи,
А подушки, одеяло да соболиноё.
А совсемъ этотъ чердакъ, право, построили,
А совсемъ этотъ чердакъ да приготовили,
Приказалъ Данило притти всѣмъ на лёккой стругъ,
А собрались они петсотъ да добрыхъ молодцовъ,
А съ луками, со стрѣлами нонь съ калёныма,
А зашли они-де всѣ да добры молодцы,
Говоритъ тогда Данило сынъ Борисовичъ:
— «Ужъ вы ой еси робята добры молодцы!
Я забылъ-де вѣдь дома да тощу мѣнную,
Тощу мѣнную-де — палицу буёвую».
Говорятъ-де его да добры молодцы:
— «Ужъ мы сколькеро пойдемъ да за твоей казной?»
Говоритъ-то Данило да сынъ Борисовичъ
На отвѣтъ: — «Вы потьте хоть и пéтеры».
А пошли-де какъ пéть да добрыхъ молодцовъ,
А приходятъ они да тощы мѣнноей,
Али той они палицы буёвоей,
За одинъ они конечъ да не могли признѣть,
А назадъ они пошли ноньце безъ паличи.
А приходятъ назадъ они на лёккой стругъ,
Говорятъ они какъ эти да петь молодцовъ:
— «Ужъ не могли мы поднѣть да за одинъ конечъ».
А други кабы выхвастались десетеро:
— «Ужъ мы десетеро принесемъ тощу мѣнную».
А приходятъ они къ той да тощи мѣнноей,
Кабы этой-ле паличи буёвоей,
За одинъ они конечъ одва пошевеливаютъ,
А другого конча да не могли поднѣть,
А назадъ они пришли опеть порозныи,
Не могли принести палицу буёвую.
У Данила-то ево сына Борисовича,
Кабы былъ подъ рукой слуга вѣрная,

Онъ ужъ пилъ съ нимъ и ѣлъ да съ одного стола,
Але платьё носилъ да съ онного плеча,
А не больше онъ былъ да лѣтъ семнадцети,
Говоритъ-то Данило да добру молодцу:
— «А поди-ко ты по палицу да сбѣгай-же».
Кабы скоро побѣжалъ да доброй молодечъ,
Онъ схватилъ эту тощу да за одинъ конечъ,
Потащилъ эту тощу да на правомъ плечи,
Кабы бросилъ-де онъ тощу на лёккой стругъ;
На тощи вѣдь подпись есь подписана,
Але подрѣзь есь подрѣзана,
Але какимъ она кузнечёмъ да, право, роблена,
Але сколько вѣсу — она описана,
А описана она да шесьдисятъ пудовъ.
А совсемъ они собрались да нынь направились,
Ужъ и поплыли они да по тиху Дону,
По тиху-де Дону да по казачкому,
Ай хотѣли проплыть они весь тихой Донъ
А къ тому кабы Шаху да Персичкому.
На усьморіи хватила да ихъ погодушка,
А така-ле-ка шторма да великая,
Але едва, едва они да не погинули,
А не смѣли они де на морё выѣхать,
А персицкимъ берегамъ они поѣхати,
Воротились они назадъ по тиху Дону,
По тиху Дону, ноньце въ городъ Ростовъ,
Але къ Митрею царю да право Бранскому;
А постигла ихъ тутъ да тёмна ноченька.
Кабы Митрея царя да право Бранского,
Его въ городѣ какъ дома не случилосе,
Только была у его право ронна сестра,
А ронна сестра съ малинькимъ насленникомъ.
Розорили-де они да весь Бранской городъ,
А сестра-де съ насленникомъ онна выбралась;

Какъ серебро, они вѣдь золото всё обрали,
Убрались они да сами вѣдь изъ города,
Изъ города убрались они на лёккой стругъ,
Кабы по Дону назадъ они поѣхали.
Кабы послѣ того да послѣ этого,
А прiѣхалъ-де Митрей царь вѣдь Браницкой,
Але всё розорено его имущество,
Кабы всё розорено да розворовано,
Розорено-де всё да надруганось.
Али Митрей-оть-ле Бранской онъ хитёръ-мудёръ,
У его вѣть есь науки козачькiи,
Ужъ казачкiи науки да молодецкiи:
Онъ заставилъ затопить печьку муравленку,
Але взялъ онъ своё да чернокнижьичо,
Але сталъ онъ книжку эту прочитывать,
Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
— «Ужъ впередъ штобы ходу да имъ вѣдь не было».
Приказалъ онъ поймать коня доброго,
А садился-де Митрей на добра коня,
Кабы взялъ онъ съ собой да право тугой лукъ,
А тугой-де какъ лукъ со тетивочкой,
Але взялъ онъ стрѣлочку калёную,
А калёную стрѣлочку перёночку,
А поѣхалъ онъ сугонъ да за разбойникомъ,
Онъ настигъ этотъ стругъ, право, по берегу,
Але стругъ-отъ стоитъ да не у берегу, —
На субой [1]) далеко да онъ поставленной;
Онъ направилъ-ле свой да право тугой лукъ,
Онъ наладилъ-де стрѣлочку калёную
Але самъ онъ стрѣлы да приговаривалъ:
— «Полети-де ты моя да калена стрѣла!
Пролети ты-де палубу струговую,

1) *Субой* = быстрое мѣсто на рѣкѣ, гдѣ вода «бьетъ», производитъ волненiе. *Н. О.*

Росшиби ты, пробей да муровей чердакъ,
Залети ты Данилу да какъ во правой глазъ»,
А спустилъ онъ стрѣлу да изъ туга лука,
Заскрыпѣли-де у лука туги маклеки
Какъ не два сѣры волка завояли,
Полетѣла изъ лука да калена стрѣла,
Пролетѣла она у струга палубу,
Ужъ пробила, проломила муровей чердакъ,
Залетѣла она Данилу нонь во правой глазъ.
Заревѣлъ-де Данилко ярымъ голосомъ:
— «Ужъ вы ой еси рибята добры молодцы!
А топере-де мнѣ, право, конечъ пришолъ,
Ужъ вы вывезите миня да на сыру землю».
Повезли-де Данила да на сыру землю,
Какъ остался Данило да сынъ Борисовичъ,
А поѣхали за тимъ они по тиху Дону.
Они вѣдь ѣхали-де съ утра да день до вечера,
А постигла-де ихъ да ныньце тёмна ноць,
Ужъ сварили они ужину, поужинали,
Ужъ хотятъ они легчи да нынь на тёмну ноць.
Какъ потыхла зоря ноньце вечерняя,
Набѣжалъ у нихъ Данило да сынъ Борисовичъ,
Говоритъ-то Данило да таково слово:
— «Я васъ всѣхъ-де нынь съѣмъ, да право, всѣхъ приѣмъ!»
А на то вѣть его слуга вѣрная,
Онъ ухваччивый-де былъ, право увёрточной,
Побѣжалъ онъ-де скоро да на лёккой стругъ,
Онъ схватилъ эту тощу да право мѣнную,
Какъ бился онъ съ имъ, право, во всю нонь ночь,
А во всю-де онъ ночь до самого утра,
А не могъ онъ убить право разбойника;
Зачелась какъ зоря да право утренна,
А одинъ-де присталъ да ёдва живъ стоитъ,

А другой-де отъ свѣту да палъ на землю.
Кабы здумали ёни да добры молоцџы,
Кабы въ землю-де яму право выкопать,
А въ испо́дъ [1]) его глазами да въ яму бросити;
А зарыли они его жолтымъ пескомъ,
А на верхъ закатили да хрѐшьё-ка́меньё,
А оттуль де назадъ домой поѣхали.

Старина записана *съ голосу* отъ *Димитрія Карповича Дуркина, кр-на с. Устьцыльмы.* Въ имѣющемся у меня неоконченномъ спискѣ той-же старины сельскаго писаря И. Поздѣева Димитрій Бронской разъ названъ *Димитріемъ Ростовскимъ*; кромѣ того, тамъ нѣтъ совсѣмъ о походѣ въ Персію.

Еще разъ списана эта старина въ Пустозерской волости, въ селѣ *Великая Виска*, отъ восьмидесятилѣтняго старика *Николая Петро́в. Шалькова.* Въ спѣтой имъ старинѣ въ 78 стиховъ значительныя разнорѣчія: Данило по отцу уже не Борисовичъ, а *Денисьевичъ*; въ старинѣ совсѣмъ не упоминается о «тощѣ мѣдной»; легкій стругъ съ разбойниками плыветъ на устье Дона, гдѣ разбойники и грабятъ «корабли новы купечески, обираютъ товары всѣ заморскіе и оттуль поворотъ держатъ». Ограбленные купцы взмолились Богу и вотъ поднимается «туча темно-грозная» и громовая стрѣла изъ тучи поражаетъ Данилка въ грудь. Товарищи пристаютъ къ берегу, достаютъ «гробницу бѣлодубову», хоронятъ своего атамана и отправляются дальше домой.

Кабы ѣдутъ-то робята день до вечера,
Да приходитъ-то тогда да ноцька тёмная,
Набѣжалъ-то Данило воръ Денисьевичъ,
Становилъ-то-бы ихъ да середи рѣки,
Да крычитъ-то, громитъ зычнымъ голосомъ:
— «Ужъ вы милыя братцы, добры молодцы!
Не утти-то вамъ будётъ не уѣхати».

---

1) *Въ испо́дъ* = внизъ лицомъ. *Н. О.*

Какъ стоятъ-то они да вплоть до утра тутъ;
Кабы сталъ-то тогда да ныньце бѣлой день,
Кабы палъ-то Данило внизъ на землю тутъ.
Подъѣзжали-то робята къ круту берегу,
Погребли-то Данилка во сыру землю,
Да оттуль-то робята всѣ поѣхали.

Когда настала ночь Данилко опять нагналъ и опять остановилъ ихъ посрединѣ рѣки. Утромъ опять подъѣхали къ берегу и опять погребли Данилку. На третью ночь случилось тоже самое. Тогда постельникъ Данила вспомнилъ его слова:

— «Да не дёржитъ меня да мать сыра земля,
Только дёржитъ меня да нонь осиновъ колъ».

И когда настало утро, разбойники еще разъ вышли на берегъ, перевернули Данилка внизъ лицомъ, а противъ сердца вколотили осиновый колъ. Послѣ этого Данилко уже не преслѣдовалъ своихъ товарищей.

3.

Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ Алексѣевичъ.

Какъ про бѣннаго сказать, да про бѣлого,
Про удалого сказать доронна молодца. —
Онъ и ходитъ-де удалой доброй молодецъ,
На цареви-то ходитъ большомъ кабакѣ,
На кружалѣ онъ ходитъ восударевомъ,
Онъ и пьётъ вного дѣтина зелена вина,
Онъ не цярою пьетъ самъ не стоканами,
Онъ откатывалъ боцьки сороковоцьки,
Во хмѣлю-ту самъ дѣтина выпиваетця,

Изъ рѣчей-то Бутманъ сынъ вышибаетсе:
— «Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣтливе».
Пригожались у царя люди придворныя,
Какъ придворныя люди — губернаторы,
Губернаторы — люди толстобрюхіе;
Они скоро пошли, царю донбсили:
— «Ужъ ты ой еси надѣжа православной царь!
Ты со ярости Пётъ сынъ Алексѣевичъ!
У тя ходитъ на цареви большомъ кабаки,
На кружалѣ-то ходитъ восударевомъ,
Молодой сынъ Бутманъ да Колыбановичъ,
Онъ и пьетъ вного дѣтина зелено вино,
Онъ не цярою пьетъ, да не стоканами,
Онъ откатыватъ боцьки сороковоцьки,
Во хмѣлю-то дѣтина выпиваетца,
Изъ рѣцей-то Бутманъ самъ похваляетсе:
«Ужъ силушкою ноньце царя сильне,
«Ужъ я смѣтоцькою царя поспѣтливе».
Какъ гореця его (царя) кровъ да разгорѣласе,
Могуци́ его плеця да расходилисе,
Не увидѣлъ бы надѣжа свѣту бѣлого,
Онъ послалъ-бы трехъ слугъ да не милостивыхъ,
Не милостивыхъ слугъ да не жалосливыхъ,
Какъ сковать его, связать, да такъ ко мнѣ тащить.
Какъ пошли они палачи всё буятныя (такъ!),
Подошли они, Бутману низко кланялись:
— «Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ты пойдёмъ-ко царю да на почесенъ пиръ,
Пировать-столовать, да ѣствы кушати».
— «Вы постойте-ко, робята, поманитесь-же,
Ужъ я выпью-же цяру зелена вина,
Я не малую цяру полтора ведра».
Ужъ беретъ-то онъ цяру единой рукой,

Выпиваетъ онъ цяру единымъ духомъ.
— «Неокатила эта цяра ретиво серцо,
Не звеселила эта цяра буйну голову,
Мы топереця пойдемъ да на почесенъ пиръ».
Подошли они ко гриднямъ богатырьскіямъ,
Какъ во тѣ-же полаты бѣлы-каменны,
Онъ ставалъ передъ царемъ да на рѣзвы ноги,
Какъ на тѣ-же на коленки боготырьскія:
— «Ужъ ты ой еси надѣжа православной царь!
Ты со яросью Пётръ Алексѣевичъ!
Ты заштo меня зовёшъ, да зашто требуёшъ?
Уже што я тибѣ ноньце надѣлалъ такъ?
Уже што я тибѣ да напрокучилъ такъ»?
Говоритъ-то надѣжа православной царь:
— «Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ужъ ты ходишъ на царевомъ большомъ кабакѣ,
На кружомъ ты ходишь восударевомъ,
Ужъ ты пьёшъ-же Бутманъ да зелено вино,
Во хмѣлю ты, дѣтина, выпиваишсе,
Во рѣчахъ ты, дѣтина, шибоватъ живёшъ:
«Ужъ я силушкою буду царя сильне,
«Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣтливе;
Засажу я тебя въ стѣны каменны,
Я замкну тебя въ замки окованы,
Я ссѣку де, срублю у тебя буйну голову».
Говоритъ-же Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
— «Ты попомни-ко, надѣжа, самъ подумай-ко,
Когда былъ ты, надѣжа, во чужой земли,
Ужъ ты былъ во земли да во поганой-же,
Какъ во той во ёрды, да во проклятой-же,
Тебя хто-же оттуль тогды повыкупилъ?
Тебя хто-же оттуль тогды повыручилъ?
Тебя хто-же оттуль тогды на свѣтъ спустилъ»?
— «Не пустымъ ты, дѣтина, похволяишсе!

Ужъ я много тебѣ дамъ да золотой казны,
Города тебѣ дамъ да съ пригородками,
Я селá тебѣ дамъ да со деревнями».
— «Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо города пригородками,
Мнѣ больши твои сёла со деревнями,
Только дай мнѣ-ка пить вина безденежно,
Какъ безденежно вина, да безкопѣечно.
Царь писалъ ярлаки да скоры-грамотки,
Россылалъ ярлаки на четыре стороны,
Штобы пить ему вино безденежно,
Какъ безденежно Бутману безкопѣечно.
Тутъ зашолъ-де Бутманъ да во новой кабакъ,
Онъ и взялъ-ле онъ бочку подъ праву руку,
Онъ топнулъ-де въ полъ да какъ правой ногой,
Какъ рассыпалась печь, печь кирпичная,
Какъ пошолъ-же Бутманъ вонъ на улицу.
— «Ужъ вы ой еси голи всѣ кабачкія!
У кого у васъ болятъ нынь буйны головы,
Выходите за мной да вонъ на улицу».

Устинья Чупрова, изъ села Замежнаго, пѣвшая мнѣ эту старину, дальше не помнитъ, «но конецъ уже близко», сказала она.

Я списывалъ эту старину четыре раза и никто не могъ ее допѣть до конца. *Анна Максимова Поздѣева*, также изъ села Замежнаго на Пижмѣ, досказала конецъ старины словами такъ: «Бѣлой (А. П. не разу не назвала героя «Бутманомъ») пошолъ въ кабакъ, а тамъ его не спустили; онъ пнулъ ногой дверь, она и разлетѣлась на четыре жеребья. Пошолъ взялъ сороковку (бочку) и вышелъ пить съ товарищами. Допились дó того, что опохмелится *у Васьки* стало не нашто».

Вызвавшійся до конца спѣть старину *Тарасъ* (фамилья не записана), также изъ Замежнаго, уже прямо вплеталъ въ старину Василья Игнатьева. Начиналъ Тарасъ старину такъ:

Во печали намъ жить не небъ[1]) кручину быть,
На дому надо ходить не набъ куражится.
Какъ про бѣнного сказать будто про бѣглаго,
Про юдалого сказать дородня молодца.
Онъ и ходитъ на царевомъ большомъ кабакѣ...

Дальше слѣдуетъ также какъ и у У. Чупровой, герой называется Бутманомъ Колыбановичемъ, но царь просто «надѣжой православнымъ царемъ». За то у Тараса совсѣмъ другой конецъ старины:

...Онъ заходитъ Бутманъ да во царевъ кабакъ,
Тутъ лежитъ Васька на печкѣ на муравленнѣ,
Безъ креста лежитъ Васинька безъ пояса,
Онъ пропилъ-де всю сбрую лошадиную,
Онъ-де пропилъ-де Васинька лошадь добрую,
Онъ-де пропилъ-де палицу буёвую,
Онъ-де пропилъ копейцо бурзомецкое,
Онъ-де пропилъ-де Васинька свой тугой лукъ,
Онъ-де пропилъ колчанъ каленыхъ стрѣлочекъ,
Опохмелится у Васьки видно не на што,
Со похмельица у Васьки голова болитъ,
Говоритъ то Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
— «Ожъ вы ой есь воры чумаки, да чѣловальники!
Ожъ вы дайте мнѣ пить вино безденежно,
Мнѣ безденежно пить, безкопеечно».
Не даваютъ ему пить вино безденежно,
Онъ топнулъ-де Бутманъ ноньце правой ногой,
Кабы пецы кирпищаты розсыпались,
Какъ хрустальняя посуда розломалосе,
Але боцьки съ виномъ да роскатилисе;
Онъ берётъ одну боцьку сороковоцьку,
Онъ берётъ эту боцьку самъ подъ пазуху,

1) *Не набъ* въ смыслѣ *не надо* говорятъ часто, но «не небъ» слышалъ я единственный разъ. Н. О.

Онъ выноситъ эту боцьку вонъ на улицу:
— «Ожъ вы ой еси вы голи всѣ кабацкіи!
Вы подите ко мнѣ да опохмелю васъ».
Какъ ставаётъ-де Васинька съ муравленки,
Онъ подходитъ-де къ Бутману Колыбанову;
Они пили-то ѣли трои сутоцьки,
Они выпили одну да сороковоцьку,
Онъ[1]) и пнулъ эту боцьку нонь правой ногой,
Розлетѣлась эта боцька на три жеребья:
«Изъ порозной-то посуды нонь не пьютъ не ѣдятъ[2])...
...Онъ заходитъ-то Бутманъ да во царёвъ кабакъ:
— «Ужъ вы ой еси воры, чумаки да чѣловальники!
Вы отдайте намъ съ Васинькой коня доброго,
Вы отдайте всю сбрую лошадиную,
Вы отдайте доспѣхи богатырскія».
Ему отдали, Бутману коня доброго,
Ему отдали всю сбруню лошадиную,
Ему отдали доспѣхи богатырскія.
Какъ поѣхали они съ Васинькой во чисто полё,
Они ѣдутъ по полю потѣшаются,
Какъ своими стрѣлами забавляются.

4.

Небылица про щуку изъ Бѣлаго озера.

Да худому-де горё да не привяжетса,
Да тому-то-де горюшко нонь привяжитцэ,
Ищо хто-жо горё можотъ измыкати,
Послѣ матери горё перемыкати.

---

1) Бутманъ.
2) До трехъ разъ выносили бочку изъ кабака.

Да это не чудо да не диковина,
Да я то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу да подиковинне:
Да медвѣдь-отъ летитъ да по поднебесью,
Да короткими лапами помахиватъ,
Да короткимъ хвостикомъ подправливатъ.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу да по диковинне:
Да корабль-отъ бѣжитъ да по сырой земли,
Да тёмныя лѣсы да бицевой идутъ.
Да это не чудо да не диковина,
Да я то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковинне:
Да вославномъ-то было да Бѣлѣ озерѣ,
Заселилася щука да пріогромная,
Да робятъ-де хвататъ, да жеребятъ глотатъ,
Кабы стали-то думу да они думати:
Ищэ какъ-то бы щуку да нынь добыть её?
Да сковали-то уду нынь дёсить пудовъ,
Да надѣли жеребёнка тутъ кобыльяго,
Да бросили-де во славно Бѣло озеро,
Да хваталася щука пріогромная,
Да не мала не велика девяносто пудъ,
Потенули-то щуку нынь на вёшной лёдъ,
Да бы вёшной-отъ лёдъ тутъ изгибаитце,
Кабы добыли-то щуку на крутой берегъ,
Да отсѣкли у щуки большу голову,
Положили-то голову на больши сани,
Повезли эту голову во-трй коня,
Повезли-то-ли голову къ самому царю.
Привозили-то голову къ самому царю,
Собиралосе народу да много множество,
Удивилисе они да большой головы,

А отсѣкли у ей да праву ягодицу[1]),
Отдавали царю ей на почесенъ пиръ,
Пировали столовали тутъ цѣлы суточки,
Кабы вси-то тутъ ягодицей наѣдалисе.

Списана отъ *Николая Петровича Шалькова*, ему около 80 лѣтъ, живетъ въ с. Великая Виска, Пустозерской волости.

5.

Небылица про льдину.

Во стольнёмъ во городѣ во Туесѣ,
За сильной стѣной было за жорновомъ,
Середи было моря ищэ синёго,
Была тутъ-де льдина нонь великая,
На ей былъ городовой-отъ хозяинъ-отъ,
Не ковды-эта льдина-та не таяла;
Середи лѣта было ё Петрова дни,
Тогда эта льдина-та растаяла,
Потонулъ городовой-отъ хозяинъ-отъ,
Да не стало во городѣ хозяина,
Да не стало въ Туесѣ управителя.
Роздралисе невѣстки со золовками,
Тима нонь саблями—лопатами,
Тима-ле щиками[2]) всё ухватами,
Буевыми палицьми—мутовками,
А питья-ти-ли ѣствы они въ полонъ взяли,
Пироги-то-ли шаньги во полонъ взяли,
Пресно молоко-то на юходъ ушло.
Бѣжитъ какъ караблицокъ изъ за моря,

---

1) *Ягодица* = щека.
2) *Щиками* = штыками.

Не черненой караблик не кочерненой,
Хорошо былъ караблик изукрашеной,
Да насъ-отъ, корма да по звѣриному,
Ище хоботы мецётъ по змѣиному,
На посу-ту стоитъ росмотривщикъ,
На кормы-то сидитъ ищэ расправщицокъ,
Середи какъ кораблика распорядчицокъ;
Сѣрой-отъ волкъ стоитъ разсматриватъ,
Да быкъ-отъ сидитъ ищэ приправливатъ,
Медвѣдь-отъ лежитъ распоряжаитце,
Да заюшко тутъ бицевой бѣжитъ,
Лисичка изъ за кустика выглядыватъ
Какъ бы зайца украсть, какъ бичеву сорвать.

Списана отъ *Григорія Иванов. Чупрова*; изъ Устьцыльмы, Печорскаго у.

Смерть Александра I-го.

I и II.

Кабы тутъ-же было да на светой Руси,
На светой-то Руси да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
Во божьéй-то церкви было соборноей,
Ю обенни-то было ю Микольскоей,
Тутъ ударили-же да въ большой колоколъ,
Штобы слышно-то было нынь по всей земли,
Нынь по всей-то земли, по всей арміи,
По любезной по нашей коновардіи,
А по всимъ городамъ, нынь по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставился какъ да благовѣрной чарь,

Благовѣрной-отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставился какъ да на синемъ мори,
На тёплой-де воды, на лѣтной за́води;
А на лѣтной-то тихой, на че́рномъ карабли.

«Старинну» эту спѣла *Ксенія Поздњева* въ Устьцыльмѣ, а въ Пустозерскѣ, волостной старшина *Василій Артамоновичъ Никоновъ*, изъ дер. Нарыги, дополнилъ «старинку» такъ:

Молодой солдатъ да на чесахъ стоитъ,
Стоючись-то солдатъ да расплакалса,
Зи́нулъ ружьёмъ солдатъ въ сыру землю:
— «Ты роздвинся, роздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробова доска,
Розорвись-кё, ро́зорвися рущата камка,
Ты возстань-кё, возстань нашъ благовѣрной царь,
Благовѣрной царь Алексантъ Павловичъ!
У насъ всё-то нынче не по прежному,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
— «Кому братцы изъ насъ да государёмъ быть?
Государёмъ быть, да акитантомъ слыть?
Государёмъ-то быть князю Вильянскому,
Акитантомъ слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правоё,
Разсадили ихъ по тёмнымъ кибиточкамъ,
Розвозили-то ихъ да по тёмнымъ тюрьмамъ.

Кромѣ «старинки» есть на Печерѣ еще двѣ пѣсни объ Александрѣ I-мъ и II-мъ.

III.

Отправлялся Олексантъ нашъ
Во Кандрокъ войско смотрѣть,
Обѣщался Олексантъ нашъ

Къ Рожоству домой прибыть,
Всѣ три праздничка проходятъ,
Олександра дома нѣтъ.
Его матушка родная
Слёзно плакала объ ёмъ,
Молода жона-супруга
Сгоревалася съ по ёмъ:
День горюетъ, ночь не спитъ,
Да всё въ окошечко гледитъ.

Записана отъ Григорія Ивановича Чупрова, въ с. Усть-цыльмѣ, Печорск. у.

IV.

Время тяжкое приходитъ—
Французъ съ туркой воевалъ,
Со Глицяниной кумился,
Не могли Россію взять.
Не въ показанное время
Царя требуютъ въ сенотъ;
Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
Только вѣску брату далъ:
— «Пріѣзжай, братъ, поскорѣе,
Попровѣдай, братъ, меня,
Придаютъ мнѣ скору смѣртку,
Похоронятъ братъ меня».
Братъ по горницѣ идётъ,
Во рукахъ книгу несётъ,
Книга страшна и порушна—
Алексанъ пошолъ назадъ,
Во колёсоньку садился,
Ко сеноту подъѣжжалъ,

Ко сеноту подъѣжжалъ,
Чесовымъ чесь воздавалъ:
— Ужъ вы здраствуйте, робята,
Сенаторскіе стражи!
Не видали-ли, робята,
Не прошелъ-ли ефицеръ»?
Они другъ на друга зглянутъ,
Говорятъ, что не прошелъ;
Одинъ мальчикъ чернобровой
Чернымъ глазиномъ повёлъ,
Ефицеръ въ сенотъ зашолъ.

Записана отъ *Устиньи Филатовой Чупровой* въ дер. Замежзиной, на р. Пижмѣ, Печорскаго у. Лѣтомъ 1903 года, въ Поморьѣ, я записалъ эту пѣсню въ болѣе полномъ видѣ; оканчивается пѣсня записанная въ Поморьѣ такъ:

... Во коляску братъ садился,
Ко сеноту подъѣжжалъ,
Да пуховую шляпу снялъ,
Да чесовымъ чесь воздавалъ:
— Ужъ вы здраствуйте робята,
Сенаторская стража!.
Не видали-ли робята,
Не прошолъ-ли офицеръ?
Они другъ на друга взгляну,
Говорятъ, что не прошолъ.
Одинъ парень чернобровой
Чёрнымъ глазикомъ повёлъ:
«Государь въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да чесовымъ головки снялъ,
Да единого съ собой взялъ;
Трои двери проломилъ,

Да до четвертыхъ доступалъ;
Да онъ четвёрты проломалъ,
Да на коленяхъ царь стоитъ,
Передъ имъ полковникъ ходитъ:
— «Поскоре царь подпишись,
Да не долга твоя жись».
Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертiю грозятъ.

Князь Милошъ о реформѣ сербскаго правописанія Вука Караджича и владыка Петръ II о Досиѳеѣ Обрадовичѣ.

Занимаясь лѣтомъ 1902 года въ Государственномъ Бѣлградскомъ Архивѣ, мы нашли среди документовъ, касающихся сношеній Сербіи и Черногоріи, письмо князя Милоша владыкѣ Черногорскому Петру II Петровичу Нѣгошу и два письма владыки Петра II князю Милошу, которыя представляютъ литературный интересъ и заслуживаютъ поэтому обнародованія въ отдѣльности. Первое письмо помѣчено 1 октября 1836 г. Жившіе въ Сербіи Черногорцы возвращались на родину и князь Милошъ пересылаетъ съ ними письмо владыкѣ. При этомъ князю удалось видѣть паспортъ, напечатанный въ Черногоріи «Црногорско проводно писмо», выданный въ Цетиньѣ 21 мая 1836 г. за № 112. Радуясь литературному успѣху Черногорцевъ, князь Милошъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что въ этомъ документѣ пропущенъ ъ, и указываетъ при этомъ на противорѣчіе въ правописаніи документа и приложенной на немъ печати, въ которой стоитъ «печатъ»; ъ удержано и въ писанныхъ словахъ, напр. «Петаръ Милићевићъ».

Князь Милошъ напоминаетъ владыкѣ, что во всѣхъ церковныхъ книгахъ пишется ъ̀. Такъ пишутъ русскіе, сербы въ Сербіи и Австріи, не иначе и болгаре. Въ этомъ обнаруживается стремленіе къ единству, къ одному славянскому языку и одной православной вѣрѣ. Но есть дурная Вуковская секта, которая оставляетъ ъ и вводитъ и другія перемѣны. Князь Милошъ боится, чтобы ученіе этой секты не заразило и Черную Гору,

остающуюся до сихъ поръ чистой. Князь очень сожалѣетъ объ этомъ по тому, что опущеніе ъ и введеніе j отклоняетъ отъ православія и приводитъ къ католичеству. Эта секта стала распространяться и въ Сербіи, но князь Милошъ въ согласіи съ митрополитомъ Стратимировичемъ принялъ противъ нея мѣры, предавъ многія такія книги огню.

Князь проситъ владыку, чтобы и Черногорская типографія оставалась въ согласіи съ русскими, сербами и болгарами. Очень интересно, что виновникомъ всѣхъ этихъ правописныхъ новшествъ считается католикъ Копитаръ, котораго Вукъ является слѣпымъ орудіемъ.

Въ томъ же письмѣ князь Милошъ сообщаетъ печальную вѣсть о кончинѣ Стратимировића 23 Сентября 1836 г. Митрополитъ незадолго передъ тѣмъ принималъ супругу Милоша и двухъ его сыновей въ Карловцахъ и провожалъ ихъ до Петроварадина. Вернувшись домой, въ ночь онъ почувствовалъ себя дурно и умеръ.

Въ отвѣтъ на это письмо владыка выражаетъ желаніе, чтобы всѣ славяно-сербы приняли однообразное правописаніе, а сербы и черногорцы въ особенности, но обсужденіе какъ этого, такъ и многихъ другихъ вопросовъ владыка оставляетъ до свиданія съ сербскимъ княземъ.

Письмо князя Милоша интересно какъ указаніемъ на паспортъ и его орѳографію, такъ и взглядомъ Милоша на реформу Вука Караджича. Только странно, что въ письмѣ нѣтъ ни слова о черногорскихъ изданіяхъ этого времени.

Въ нихъ, что касается правописанія, замѣчаемъ разницу. Въ Грлицѣ 1835 — 37 гг. ъ отсутствуетъ въ большинствѣ статей и въ пѣсняхъ, хотя въ нѣкоторыхъ статьяхъ удержаны и ъ и ь. Въ сборникѣ Ліек ярости турске 1834, слѣдовательно въ стихотвореніяхъ самого владыки Петра II, нѣтъ ъ; но въ книгѣ Дійка Црногорска Милутиновића 1835 г. есть и ъ и ь, и только изрѣдка замѣтны пропуски этихъ буквъ, объясняемые привычкой наборщиковъ. Наконецъ, пословицы Вука Караджича въ

1836 г. вышли съ его правописаніемъ, проведеннымъ полностью. Но съ 1838 г. замѣчаніе князя Милоша принято во вниманіе и въ Грлицѣ за этотъ годъ и за 1839 г. сохранены ъ и ь. Прибавимъ къ этому, что самъ владыка писалъ старымъ правописаніемъ все время, но, какъ видно, былъ терпимъ въ отношеніи къ другимъ.

Третье письмо касается извѣстнаго сербскаго писателя Досиѳея Обрадовича. Владыка въ Тріестѣ познакомился съ напечатанными въ Бѣлградѣ сочиненіями Обрадовича и выражаетъ удивленіе, что изъ типографіи князя Милоша выходятъ въ народъ книги, исполненныя отравы. Считая сочиненія Обрадовича вредными для народа, ослабляющими его благочестіе, владыка вполнѣ увѣренъ, что въ этомъ виноваты преслѣдующіе свои интересы чиновники князя, и потому обращается къ послѣднему съ просьбой не выпускать изъ своей типографіи подобныхъ книгъ. Интересно, что на владыку дѣйствовалъ примѣръ другихъ правительствъ, запрещающихъ «злыя и развратныя сочиненія». Нѣтъ сомнѣнія, какое правительство здѣсь разумѣется. Письмо писано 3-го августа 1837 г., а въ іюнѣ того же года владыка выѣхалъ изъ Петербурга.

Владыка оговаривается, что онъ стоитъ за просвѣщеніе, полезное народу, но противъ поруганія народной святыни. Обрадовичъ, не понимавшій, въ чемъ народное счастье, и дозволявшій себѣ насмѣшки надъ благочестіемъ, въ глазахъ владыки достоинъ всякаго порицанія.

Разумѣется, этотъ отзывъ, выраженный въ письмѣ съ большой рѣзкостью, слѣдуетъ объяснить особыми обстоятельствами, при которыхъ онъ былъ высказанъ, особымъ положеніемъ лица, которому онъ принадлежитъ, — черногорскаго владыки и охранителя основныхъ началъ сербской народности, при чемъ и самое порицаніе вызвано лишь одной стороной литературной дѣятельности Обрадовича.

П. Лавровъ.

1.

Нѣговому высокопреосвященству, Господину Петру Петровићу Нѣгошу Православному Епископу Цетиньскому, владѣтелю Црногорскому у Цетинѥ.

№ 529.
1 октоврія 1836.
у Крагуевцу.

Како ми ово нѣко време выше православны милы Црногораца по свои дѣлы овамо долазе и враћаюсе, врло самь желянъ быо, запитати за ваше повольно здравлѣ, и свагда самь съ радостію разумѣвао, да сте, хвала Богу, живо и здраво. Овомъ прилико̂мъ, како се нѣки ваши отечественницы, бывши кодъ мене, и изявивши желю свою, у Сербію преселитисе дабы избѣгли свирѣпствія турскогъ, у отечество своє враће, не могу пропустити, да васъ и писменно поздравимъ, желећи и одъ васъ извѣститисе, како се находите.

Ваши соотечественници показивали су ми овдѣ и црногорскій пассошъ: «Црногорско проводно писмо» и драго ми є было видити, овакій Документъ и у Црной Гори печатанъ.

Имаюћи садъ єдно таково писмо предъ собомъ, издано у Цетиню мѣсеца Маія 21 год. 1836. № 112 не могу пропустити, да вамъ не примѣтимъ, да, колико ми є драго о успѣху литерарномъ Црногорца увѣрити се, толико ми є жао, примѣтити, да у печатанію вашемъ писмо ъ изоставлясе.

Ово є за мене ново появленіє, тымъ выше, што на печату, на комъ є надписъ: «Црногорскога правителствующега сената печатъ» а тако и у писанымъ рѣчма н. п. «Петаръ Милићевићъ» писмо ъ има а у прочемъ печатанію не има га.

Ваше высокопреосвященство! све церковне славенске кньиге

нашегъ вѣроисповѣданія, списане су кирилловымъ писменама, съ ъ, православни Русси пишу ъ, Сербљи и у Сербіи и у Аустріи пишу га такођe, не иначе и Бугари, и сви се держе основанія Славенскогъ тежећи къ єдиной цѣли, т. є. єдному Славенскому єзыку, и обдержанію єдине вѣре т. є. восточне православне. Има єдна рђава секта, вуковска названа, коя ъ изоставля, и іошт' гдѣкоя измѣненія захтѣва, и све се боимъ, да не буде отровъ ученія ове секте и до у Црну Гору, до садъ свагда чисту и невредиму пребывшу приспѣо, а ако бы то было, то бы ми заиста врло тежко и жао пало. єрбо є достовѣрно познато, да та секта изоставянѣмъ ъ, и увођеніемъ некаквогъ j, одводи одъ православія и приводи къ Римокаѳоличеству[1]).

Та є секта и овдѣ почела была исто ученіє распространявати, но я самь то у согласію съ Г. Митрополитомъ карловачкимъ, Стратимировићемъ, предупредіо, многе такове књиге у ватру бацывши, а многіе читавымъ сандуцыма побацавши.

Зато не могу пропустити, да васъ не умолимъ, да обратите вниманіє ваше на печатанія ова, да бы и ваша типографія плодотворила на прославленіє чистогъ Славенства и чисте наше вѣре православне, коє сте и вы, као и силни Русси и мы и Бугари, вѣрни сынови.

Овомъ приликомъ не могу прећутати да вамъ не сообщимъ ово дана добывену ми вѣсть, вѣсть истина печалну, но знамениту: православный Архієпископъ карловачкій у Срему, Стефанъ Стратимировићъ, преселіо се у вѣчность 23. Септ. око по ноћи између 22. и 23. и то чудеснымъ и знаменитымъ за мене случаємъ.

Я самь послао супругу и оба премила сына моя пре нѣколико дана у Цесарію на посѣћеніє кћерій моій удаты у Земуну и Темишвару. Изъ особите желѣ посѣтити старогъ, славногъ и

1) Приписка: Познатъ ће вамъ быти кустосъ Ц. К. Библіоѳеке, Копитаръ, Римокаѳоликъ, овай є та ученія развратна дао Вуку, а вукъ вуче туђу будалаштину, незнаюћи ни шта вуче, ни на што. Но ово, молимъ, сами за себе задержите, да не дође до нечестивы ушію.

заслужногъ Г. Митрополита Стратимировића ударили су они на Карловце, гдѣ ій Г. Митрополитъ здравъ здравцытъ 21. септ. на ручакъ дочекао. У Карловцы су тай данъ ноћили, и сутра данъ 22. Септ. рано кренули су се далѣ у Петроварадинъ и Новый Садъ къ Темишвару, Г. Митрополитъ испратіо ій є до Петроварадина, а послѣ вратіо се куħи у Карловце. Описую, да се не може описати радость, кою є чувствовао видевши и дочекавши госте оваковe. Тай данъ на два саата и по предъ поноћи легне спавати, и текъ што заспи, викне своґъ камердинера и пошлѣ га по доктора. Докъ є докторъ дошао онъ є изданyо. Кажу, да га є шлагъ трефио. И таковымъ случаемъ преставіо се славный старацъ у вѣчность. Богъ да му душу прости и лака му земльица, многа є добра починіо.

Желећи вашему высокопреосвященству, да и вы дубоку старость, као и светый Петаръ, блажене памяти стрыцъ вашъ, и садъ о Бозѣ преставившійсе І. Стратимировићъ, (:доживіо є пуны 80. година:) дочекате, и славу ньіову наслѣдите, и поздрављяюћи васъ любезно съ почитаніемь єсамь.

2.

Пресвѣтли Кнеже
Мылостивій Господару!

Почитаемо писмо Ваше одъ 1 вога Октомбра прошле године имао самь честь примити, изъ коега видимъ Ваше драгоцѣнно расположеніе къ мени и Народу Црногорскоме, зашто приносимъ вашой свѣтлости мою чувствителнѣйшу благодарность и молимъ всевышнѣга Творца, да сохрани Ваше за свакога Србина драгоцѣно здравлѣ, за похвалу и срећу свега славеносрбскаго народа.

Молимъ васъ, пресветли Кнеже, да ми опростите, што ни-

есамъ има времена прие Ваше одговорити на почитаемо Ваше писмо: будући самъ оно приміо, предъ самимъ моимъ одласкомъ изъ Црне Горе у Бечу, поради нѣкихъ посалахъ съ Австрискимъ Правителствомъ, црногорскіехъ, ће се сада и налазимъ.

Послѣ доласка моега у овоме столичноме граду првомъ дужносћу поставио самъ себе одговорити Вама, Свѣтлѣйшій Кнеже, на прелюбезно мени Ваше писмо и изявити у томе мое неограничено желание вићетисе съ Вами лично и преговорити о многоме што би се тицало до ползе Народа Славеносрбскаго, но обстоятелства нека неће ми дозволити мою давнѣйшу нелицемѣрну желю испунити.

Пресвѣтли Кнеже! вы изволите изяснивати у Вашему писму, да у кньигопечатни Црногорской есте познали нека правила ортографическа, са свиемъ противна правилама ортографие кньигопечатани црковни славенски кньига нашегъ вѣроисповѣданія, поради мене била би неограничена радость да бисмо сви славеносрби учинили мећу собомъ едно правило кньигопечатаня, а особено срби и црногорци, но и то осталямъ до тога времена доклен̂ъ будемъ срећанъ вићети се съ Вама лично и преговорити, како о томе, тако и о многиема другиема стварима, кое би се тицале до срeће подвластнихъ нама народахъ.

У заключеню овога моега писма имамъ честь поздравитъ Васъ Пресвиетли Кнеже! наступаюћимъ новымъ лѣтомъ, коега како и многихъ другиехъ всесрдечно желимъ Вама проводити са своиъ пресвиетломъ Вашомъ фамилиомъ, у доброме здравю, спокоиствию и благоденствию за похвалу и радость Србскога народа.

Съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаниемъ и преданосћу имамъ честь бити Ваше Свѣтлости Милостиваго Господара покорнѣйшій слуга Владыка Црногорски и Брдцки П. Петровић Нѣгошъ.

У Бечу 15 Януара 1837.

3.

Ваша Свѣтлость

Има неколико данахъ да се бавимъ овди у Тріесту чекаюћи прилике отправитисе у Црну Гору и башъ на два три дни пріедъ моега одлазка допадну ми однекудъ у руке сочиненія покойнога Обрадовича, препечатана у типографіи Ваше Свѣтлости. Я самь се томе веома удивіо и зачудіо, како се допустило то у Вашу типографію препечатать, у типографію изъ кое су дужни источницы сладки и питателни у народъ православни истѣцати, а не горки и отровни.

Свѣтлѣйшій князь! то є явно подруганіе съ благочестіемъ, кое є коренъ щастія славенскога садашнѣга и будућега. Я знамъ истинито да Ваша Свѣтлость како се у друге ствари умно владате, тако бы сте и тай развратъ одъ своега народа удальили, да Вамъ ніесу ту стварь наопако представили Ваши служительи, коизи то зло сѣме ніесу намѣравали и посіяли на штету благочестія ни иза шта другога до изъ собственога интереса.

Таквый случай мене принуждає молити Васъ покорнѣйше, да заповѣдите вышеречена сочиненія не пуштати изъ Ваше типографіе и да ихъ забраните у Ваше Княжество свакоме читати и имати, као што и друга сва правительства зла и развратна сочиненія запрећую.

Я просвѣщеніе любимъ, но оно просвѣщеніе, кое е полезно нашему народу, кое є сообразно данашньіема обстоятельствама нашіема и коега е темель благочестіе; а просвѣщеніе развратно, коему су зли основи учинѣни на подруганіе светынѣ славенске, нити я любимъ, нити ће ниеданъ управомыслящій славянинъ.

Я быхъ Доситея почитова да є уміо свой даръ душевный обратити у корысть нашега народа, али га обратити ніє уміо, и зато га презиремь, како човѣка, кои ніе видіо у што се содржи

срећа народа, што ли му може причинити несрећу, и како човѣка, кои є быо некоме подло орудіе подсмѣянія надъ благочестіемь.

Въ прочемь поздравляюћи Васъ любезнѣйше имамъ срећу быти съ высокопочитаніемь

Ваше Свѣтлости
Предданѣйшіи слуга
Владыка церногорскій
П. Петровичь Нѣгошъ.

У Тріесту
3-га Августа 1837.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской Городской Библіотеки.

Рукописи Филиппопольской Городской Библіотеки [1]) относятся по большей части къ позднѣйшему времени — XVII — XVIII и XIX вѣкамъ. Рукописей немного, и большая часть ихъ богослужебныя книги. Однако, есть рукописи, представляющія значительный интересъ или по своему содержанію, или по языку. Я отмѣтилъ нѣсколько апокрифическихъ статей, представляющихъ любопытныя варіаціи къ изданнымъ текстамъ, и написанныхъ живою народною рѣчью, нѣсколько повѣстей. Къ сожалѣнію, далеко не всегда можно было опредѣлить отношеніе филиппопольскихъ текстовъ къ напечатаннымъ. Пловдивская Библіотека не имѣетъ даже такихъ книгъ, какъ «Памятники отреченной литературы» Тихонравова. Нѣкоторыя рукописи, писанныя въ прошломъ или началѣ настоящаго столѣтія, отличаются замѣчательно чистымъ народнымъ языкомъ. И въ богослужебныхъ книгахъ иногда встрѣчаются длинныя записи, интересныя не только, какъ памятники простонародной рѣчи прошлыхъ столѣтій, но и какъ странички культурно-бытовой жизни Болгаріи въ самый темный періодъ ея существованія.

1) Считаю долгомъ выразить свою глубокую признательность г. вице-директору Библіотеки Такела за любезное предоставленіе въ мое распоряженіе интересовавшихъ меня рукописей.

Наиболѣе замѣчательныя рукописи:

№ 24. Тріодь постная сербскаго правописанія, 1636 года. Списана священникомъ села Хаджара Пловдивскаго округа. Въ рукописи двѣ записи: одна, принадлежащая указанному священнику, писанная свойственнымъ духовенству архаизирующимъ слогомъ, но съ чертами живой рѣчи; другая, принадлежащая овчарю Бойо, купившему книгу у перваго, чистымъ народнымъ языкомъ. Привожу обѣ записи цѣликомъ:

Изволѐніемь оца и съпоспешеніе сна и съвръшеніе стго дха ам исписа сію книгꙋ азъ по іѡв'ко ѿ село ха'џа по'криліе пловдив'скои при епискꙋпа кѵ христофора въ лв ѕрмд ну млю ви се братіе чьт'ци и книгочіе мали же и великы чьтꙋ[ще] и прѣписꙋюще аще обрѣщете негде погрѣшено а віе с ꙋмо испра-[вла]ите понеже апль павлъ глеть клънеи кле а блвеи [блвенъ] понеже не писа дхь сты ни аггль нꙋ рꙋка грѣшна и брѣнна ѿ каль сьтворена дхь бо бьдрь а пль немощна. ну блви[те] [да?] оулꙋчите цртво нбное. за молитьвь сты ѿць.

да се знае како кꙋпи сію книгꙋ боіѡ ѡвча ѿ селѡ хаџарь оу срѣдню горꙋ по'криліе пловдивской и прѣдаде ю вь црквꙋ оу хра стго великомника геѡргіа да слоужить за очинꙋ мꙋ дшу нѣлчо и за маичинꙋ мꙋ дшꙋ мрьзо и баба негова големица и деда мꙋ боіѡ и сестра рада и дете тодѡрь и дена и за свою дшꙋ бою и за порꙋжіе рада (сверху приписано: и боіѡвь тесть псѡв и тьща сечо боіѡва петкана) стрика боиѡ герчо и лелга боіѡва рада и чоина и рꙋса и вꙋико негѿ стеѡ и божа и прилοжі ю вь хра стго великомника геѡргіа да слꙋжить докле бꙋдеть селѡ и прѣдаде ю попꙋ бонꙋ на рꙋкꙋ да ю пази да знае коуде ходи и кои га зема и кои чете. аще ли ю оузме по боно и рѣть моа е книга и занесе на дрꙋго сел'ѡ и речеть дете попово бащина ні е книга да ю предаде иномꙋ или некои да ю оукраднет да е проклеть ѿ тні сты ѿць никеискы и да мꙋ е сты геѡргіе соуперникь на страшно соудище. ами ако се распꙋди село а тіа де бꙋдѣ да служи за боіѡвꙋ дшꙋ и за негово родьнинꙋ и кои чететь да поменеть да

рєть бг да прости кои коу [п]и и кои прилѡжи. помени ги ст...ча и коупї ю бѡїѡ ѿ попа іѡвка за ,а таманъ въ лѣ ҂зрмд (1636).

Очевидно, писецъ второй записи не принадлежалъ къ начетчикамъ. Онъ съ трудомъ выражаетъ письменно свои мысли.

Село Хаджаръ находится въ Средней Горѣ, на югъ отъ Калофера, въ невысокой цѣпи горъ [1]), соединяющихъ Стару Планину съ Восточной Средней Горой (см. Jireček, Cesty po Bulharsku, 276).

Характеристичны для временъ турецкаго владычества слова записи: «ако се распѫди село».

На переплетѣ также находимъ запись:

«да се знае како повеза даскаль нейко сию книгѫ ѿ село калоферь бѡ да ти прости настоятеле кои чете да рече бѡ да ги прости».

Рукопись заключаетъ въ себѣ не только постную, но и цвѣтную Тріодь. Писана рукопись на бумагѣ; всего въ ней 174 листа.

№ 20 Псалтирь и Часословъ 1576 года, писаны полууставомъ на бомбицинѣ; правописаніе сербское. И эта рукопись интересна своею записью.

Авторъ этой записи былъ человѣкъ довольно начитанный въ церковныхъ книгахъ. Въ своей записи онъ придерживается языка этихъ книгъ. Но, въ силу ли того обстоятельства, что писецъ былъ знакомъ съ книгами исключительно сербской редакціи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ — только въ языкѣ записи мы находимъ сербизмы. А такъ какъ рукопись писана въ Болгаріи, писецъ по происхожденію, несомнѣнно, былъ болгаринъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ языкѣ записи отразились нѣкоторыя черты болгарскаго языка. Запись находится на 86 л.

Да е вѣдо въсѣ слѫга бжтав'ны и слѫжителѥ бжтавны тайна за сїю бжтавнѫю и дшеспснѫю и мнѡнарѡчитѫю

1) Именно на южномъ склонѣ Кадрафила.

книгѹ глемѹю по грьчско҇ѵ ѥзыкѹ Ѱалтырї ѿ блъгаскы҇ же ѥзыкѿ пѣснив'ць како е҇ 'ѿ добра ѹчителꙗ сыре҇ магыстора съпина и сьставлѥна стль црквѣ бжтавныѥ и вьзелї ю слѹжьбнници бжїи вь еже чьсти и позеватисе и ѡставше ю предвѣрїю бжтавныѥ црквѣ и наваженїѥ вражїѥ пришьшїи поминица сырѣ҇ пъсь и вьзме сїю книгѹ и раздѣрет'ю ꙗко҇ и рѹбь поврьжень съ беззаконны҇ свои҇ зѹбы то҇ ра҇ пришь прѣзвитерь к҇ димитрїе ѿ ѡсмакове и по҇ кѵ҇ цвѣко ѿ козьѥ и настоатєлїе быше за сїю книгѹ тѣмже и азь грѣшныи та҇ їером҇ нифѿ бг вѣ҇ не да҇ сиа ѻчи҇а своима дон'деже въмѣсты҇ побна побны҇ те҇же прѣклѿ колѣне и касаюсе лице҇ до землѥ и почитае҇ лица ваша и млюсе прочитайте аще что погрѣ[ше]но ѡбрѣщете исправлꙗйте а не кль[нете] поне҇ не писа дхь стыи ни агль нь рѹка брѣнна и грѣшна бѹ величїе и слава давшомоу зачело и конць. въ лѣ҇ ,з.пд.

На оборотѣ листа находимъ другую запись: сїа дшеспана кнїга глемй ѱалтирь оу храа҇ стго ѡнофрїа рѣше се порѹтила до конць. и повѣза ю кvр ер'монаа҇ аѳанасїе а мона҇ старць жив'ко. гь да проти и помїлѹе и иже гле писанїе сьчетай вь недре҇ авр'амѹ исакѹ и їаковѹ оуреза е въ лето ,зрма.

Л. 87 другимъ почеркомъ безъ начала различныя молитвы и пѣснопѣнія.

Л. 94. Молитвы, тропари, кондаки.

Кормчая сербскаго прав. XVI в. [1]) на бомбиц. заключаетъ въ себѣ 174 листа. Писана различными почерками.

Содержаніе:

Л. 1. Служба св. Кирику безъ начала.

Л. 9. Житіе Кирика.

Съ 20 листа начинается Кормчая, безъ начала.

Л. 20. О праздникахъ.

Л. 23 о приношенй црковнемь и о кнезехь и о техь иже по властию и и о рабехь повелѣниа и заповеди бжїе.

1) Но съ нѣкоторыми чертами болгарскаго.

Л. 29 об.—30 ѡ̓ родїтелехъ и҆ чедохъ правило̀.

Л. 32 крьвомешенїа с꙽ть.

Л. 35 ї҆ѡ҆нна мниха чеда велікааго васїлїа, иже нареченъ бы чедо послꙋшанїа ѡ̓ исповедани тайнихь грехѿ поꙋченіе.

Л. 42 а̓ о̓ сьнедени и҆ ѡ̓ пити.

Л. 48 о̓ постехь велики и҆ малихь.

Л. 51 заповеди о̓ оубиїствнихь гресехь.

Л. 58 правило о̓ вероꙋющихь вь гади и҆ вь ѕвере и҆ чарови и҆ дни глющи овие зьли овие добри.

Л. 69 о̓ сирне неле.

Л. 71 паки о̓ ереѡхъ.

Л. 73 жена аще лежїть сь двема братома.

Л. 89 ѿ правилъ сьбора антїѡхискаго.

Л. 100 об. сие паки инїе заповеди ѿ законнихь книгъ. ѿ сърости. и҆ о̓ запрещенї браце. и҆ о̓ различны степенъ рода иже побаетъ блютисе ѿ сто крещениа. и҆ ѿ еже по пльти крьве. вькꙋпе же и҆ ѡ̓ брачнихь сьродникохь.

Л. 124 степени сьрѿсваъмъ и ѡ̓ браце законо. и҆ еже беза-коно посагающи и҆ ѡ̓ различии сьрѿства еже ѿ кр'ве и҆ ѿ плти. идеже побаеть бракь творити идеже непобаеть идеже до-ст'оить лице кое либо привеѣтї на бракь и҆ кое не привести. и҆ ко-торое. вьзбранееть зако҆ь. и҆ которихь не вьз'бранее. и҆ котори расꙋж'даеть. и҆ которихь не расꙋжаеть.

Л. 127 (тѣмъ же, но болѣе мелкимъ шрифтомъ) марїе егуп-тѣнины. сьписано софрѡнием патриар'хѡ ієрлмскимь.

Л. 145 об. вопросоотвѣты Аѳанасія безъ начала. Вьпро знает' лї се члкь оумрь...

Л. 149 об. слово ѡ̓ шайкиша цра. Нач. Беше црь вь граде ерихоне именемь шайки҆ь. бие ві сьньнове вь еинꙋ нощъ и҆ пе-чалън'беше ѕело и не бе кто емꙋ разарешитъ сънове тие..—из-вѣстное слово о двѣнадцати снахъ Шахайши (изд. А. Н. Весе-ловскимъ по рукоп. XV вѣка въ «Сборн. Отд. Русск. языка и Сл., т. XX).

Л. 153 житие и҆ жизьнь стоую мцꙋ петкꙋ — той же редак-

ціи, что и напечатанное въ «Извѣстіяхъ Отд. Русск. языка и Слов. Имп. Ак. Наукъ» (т. II, кн. 4, стр. 1053—1057).

Л. 156 прѣмѹдрсть акѵрева. Нач.: Сйнегравь цр҃ь адоровь й наливьски цр҃ь. вь та времена азь акирие кнйжьнйкь бехь й рвнно (sic) мй бы ѿ ба҃ чеда не иматй.

Л. 166 почеркомъ начальныхъ листовъ отрывокъ канона Кирику и Іулиттѣ.

Л. 169 правила стихь ѿц҃ь й заповедь великагò василіа ò йсповѣнйцѣ—почеркомъ Кормчей.

Между 171 и 172 листомъ одного или нѣсколькихъ недостаетъ.

Л. 172 оглавленіе (т. же почер.) Кормчей.

№ 34 Сборникъ пис. полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, на бумагѣ XVI вѣка серб. прав. въ 16 д. л.

Л. 1. Святцы отъ ноября мѣсяца.

Л. 5. Начело вечерни.

Л. 22. Начело павечернице.

Л. 41. Послѣдованіе полунощницы; л. 51 — утрени.

Л. 78. Сказание громовника — писано языкомъ, близкимъ къ народной рѣчи: мес̑ца априла ав҃ дань громь грми ѡвань г҃д юнаць в҃ь близанаць.

Л. 83. Аще ли число ѡвне грми ѿ ваистока тленіе и ѡстрава многа ватление воици и рать езе и погибель аще число юнче грми пшеницимь погибель ѹ царевѹ дворѹ радос̑ть на ваистокь межь нес̑ча дрѹгь дрѹга слѹзни поси (?) цару болезань и недѹгь скотомь и пр.

Л. 94 почетие свиета. Разсказывается исторія отпаденія дьявола, сотворенія міра и человѣка, грѣхопаденіе, сообщаются свѣдѣнія, изъ чего были созданы отдѣльныя части Адамова тѣла. На этомъ статья обрывается. Слѣдуетъ разсказъ (безъ начала и безъ конца) о кончинѣ міра, который даетъ довольно яркую картину послѣдней. Въ приложеніи я помѣщу оба эти произведенія, интересныя, какъ по содержанію (первое изъ нихъ стоитъ на

рубежѣ апокрифа и народной сказки), такъ и по своему чисто народному языку.

Л. 108 канонъ Богородицѣ: прилози многе печали...

Л. 118 хронологія: чл ѿ двида до прваго преселенија ерȣсалима лет vмн...

Л. 124 ва лето ꙁмꙁ [1]) андрија дорија нови и недржа га веће еднȣ зимȣ и доће с санжака по сȣхȣ а харјадань баша по морȣ и примише ги.

Ниже: час добарь починати писати дај богь ȣ добрь час ги помилȣи нась аминь ѿ мене к тебие брате и кȣме а потомь тако те не ȣбило братство.

Сказание за дни кои сȣ ȣ годищȣ зли ѿ коиех се вала чȣвати и ȣ не нища не починати. Мца марта г день заль и дъ...

Л. 126 об. Слово ѡ змие есть змија лȣта веще јада има лȣтость великȣ и сатвори бгъ враждȣ меѣȣ лȣдми ега змија поће водȣ пити изблȣе иедь на краи воде да сь јадомь не лази на водȣ понеже водȣ хоще находить и тко би се ѡне воде напиѡ мртав би биѡ тогаи ради изблȣе јадь на краи тако и ти безȣмни чловече ега имашь јадь на своиȣ срцȣ остави јадь не ходи са јадомь ва цркавь да не ȣ дне прогневашь стго ангела нȣ се свакимь прости и ȣмири срце свое тога валези ва цркавь чловече ега ви [ди?] человека бежи аще человеки стине ю и ѡна се свие и покрие главȣ тиеломь и сахрани главȣ свою и вас исцели ако ли главȣ порази васе тиело поражено бȣде сахрани дȣшȣ свою тако и ти чловече аще ти бȣде тело поражено а дȣша сахранена и права бȣде васе тело хоще дȣша исцелити аще ли дȣшȣ погубить где ти прибежище бȣде чловече.

Запись или молитва: сти матие сти иѡване сти марко сти лȣка помени ги раба твоего васакоего и сачȣваи ги стие си ги ва веки аминь помилȣи нась ги прости и помилȣи ти сила еси и слава ги ва век име твое ги вечно и преподобно славимь молимь тебе ги ȣслиши молитвȣ мою ги избави сего раба напасти зле ги сию книгȣ носећи ва себе ȣ рȣци свои држеще ги помилȣи ги пiȣи

1) Т. е. 1539.

и помилȣи гй тиннана (?) владико ѿрени (sic) всаки недȣгь ѿ раба своего г̄и ненавидость вражию г̄и ѿ раба твоего ȣслиши ва дне и нощи частеħи име твое г̄и помилȣи самь синь дȣхь ст̄и ѡтаць сатвори небо и землȣ ȣтврди и ва̊е ему (?) царствȣеть на престолȣ светаго дȣха своего и зись (?) единь светь г̄ь саваѡть испȣни небо и землȣ ва семь свете почивае ва славȣ г̄ь силань и силань ва векь аминь достоино есть и праведно и непрепорочно твое царство г̄и в векь аминь (дважды повторяется эта фраза) помилуи и прости и благ̊ви слуге свое г̄и прости да и власть и милость семȣ и рабȣ ихь слави име твое г̄и помилȣи поклонисмо се господинȣ богȣ и пречистои владици исȣ христу блажень мȣжь иже не идеть на свету нечастивиехь и на пȣть грешниехь не станеть и на седалищиехь гȣбителниехь не бȣдȣть изволиень ѿ раба грешниехь па саборь праведниехь г̄а нашего Іcȣ хр̄иа ȣ троицȣ г̄ь светь са васеми светими писа и саврши и да лȣдемь видети г̄ зламения (sic). На этомъ словѣ эта безсвязная запись или, быть можетъ, заклинательная молитва обрывается.

Л. 132—149 заняты «Эпистоліей о недѣлѣ». Эпистолія эта представляетъ любопытныя варіаціи по сравненію съ текстами «Эпистоліи», изданными Пыпинымъ и Тихонравовымъ. Заслуживаетъ вниманія нашъ текстъ также и по своему языку. Языкъ въ основѣ сербскій, но встрѣчающіеся болгаризмы показываютъ, что писецъ былъ болгаринъ. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между болгарской и сербской письменностію въ эпоху послѣ турецкаго завоеванія заслуживаетъ внимательнаго изученія. Въ Болгарію тогда проникаютъ богослужебныя книги сербской редакціи и, повидимому, немало и другихъ произведеній, писанныхъ на живомъ сербскомъ языкѣ, и этотъ послѣдній оказывалъ сильное вліяніе на языкъ [1]) болгарскихъ грамотеевъ того времени;

1) Разумѣется, это не относится ко всѣмъ памятникамъ болгарской письменности разсматриваемаго періода и не ко всѣмъ болгарскимъ книжникамъ. Довольно указать на тексты, изданные Ягичемъ (Starine, IX) и Лавровымъ («Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка»), писанные чистымъ болгарскимъ языкомъ.

такъ мы находимъ даже въ нѣкоторыхъ болгарскихъ записяхъ этого времени значительное число сербизмовъ. Кажется, во всѣхъ случаяхъ такого смѣшаннаго правописанія, нужно говорить не о переходныхъ говорахъ, а о школѣ.

№ 40 Требникъ серб. ред. 1592 г. Въ концѣ запись: «ѿ се́мь троу́дисе смѣреніи ї́ер́мона^х да́ниль въ лѣ^т ,ꙁр҃; безъ начала. Рукопись состояла первоначально изъ 63 тетрадей, въ каждой по 8 листовъ, но первыхъ 18 тетрадей недостаетъ; въ послѣдней 7 листовъ. Писана на бумагѣ. Записи на переплетахъ: 1) пи^са лъ зъ грѣшнихъ попъ стокѡ ѿ село кѡстенецъ. мца маиꙗ ѕ҃і днъ въ днъ петакъ ѕ часъ дне ✝ и да се знае кѡга бистъ дьжды и бистъ м҃ дни м҃ нощи въ лѣтѡ ,ꙁрі ѳ»; 2) «сиꙗ книга глѡми млитикъ кѡꙗ кꙋпи христѡ хлебаръ ѿ етиманъ и прилѡжи ꙗ ꙋ село кѡстенецъ. ꙋ храмъ ст҃агѡ араха... ? гла ? махаила (sic) да мꙋ слꙋжи ѡцꙋ ꙗнꙋ а грꙋги и за негѡ вꙋ дшꙋ и за негꙋвꙋ подрꙋжие атанаса — село Костенецъ находится въ теперешнемъ Татаръ-Пазарджикскомъ округѣ; 3) сиꙗ книга глѡми мца млитикъ кѡꙗ слова ѿ привзва (sic) Ісꙋсъ претра (sic) и рече ему г҃и бе҃ мои призри съ нб^съ и виждъ що се чини на земли тꙋга на хрнѣ [шнане?] ѿ преклити агарени ѿ преклити мач (ѵ ?) ари и ѿ приклити немци и латини и ховатье (sic — быть можетъ хорвате?).

Въ самомъ Требникѣ я отмѣтилъ молитву отъ злого дождя; далѣе: пра́вило ст҃ыи^х ап҃ль и̓ ст҃ыи^х прп҃обныи^х и бг҃оно́сны^х и ѿць наши^х седмаго сьбѡ́ра ѿ і̓ереѡ^х, и̓ ѿ люде^х мир́скыихь. за́повѣ̀ды всакыѥ. (л. 36) Нач. ˇАзь пе́трь и̓ па́вль ап҃лы х҃вы. запо-вѣ́доуѥ҃мь рабѡ^м х҃вѣмь ѿ дѣланїи чл҃чьскыи^х. ѥ̓же дѣлати .ѕ҃. дни...; л. 40 об. па́кы̀ се̑ заповѣди̓ и̓ны̑ и̓ за́конїи^х книгь и̓ сьро́д́ствїи и̓ ѿ запрѣщенїи^х бра́це^х; л. 46 об. ̀о̆ мрьцинахь.

№ 26 Минея 1695 г. за май серб. прав. на бум. 102 листа. Л. 102 об. скорописью: рꙋ́кою грѣ́шною и̓ бре́нн́ою конъ́ць прїе́ть сїе́ м҃ца і̓оу́нїа д҃. И̓списасе́ сїа́ бж҃твна книга гл҃е́мі мене́и мца ма́и ꙋ ст҃ы монасти́рь хра́мь ст҃ы вра́чи. кꙋзма̀ и̓ дамїа́нь на́то-

ать бість ѥгȢмень Ѳеωфанъ ѥромона^х^. и кои ке се покȢси да ю изнее из монатырь или да ю придади или да ю замрачи да бȢде проклеть ѿ сты^х^ т и иі ωтць и ѿ сты врачи кȢзма и дамїань вь лѣто ,зсг.

Запись представляетъ образчикъ Рупаланскаго нарѣчія [1]).

№ 31 Тріодь постная 1632 года на бум. серб. правоп. Здѣсь помѣщены великопостныя службы до Лазаревой субботы. Рукопись состоитъ изъ 38 тетрадей, каждая изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ 8 листовъ, въ послѣдней тетради только 6 листовъ.

На послѣднемъ листѣ запись: вь летω з хиладнω да се знаеть си аки га кь (?) кω ωкȢпи сиа книга ѿ караωрмань. никωла. пекωвь. дадеше стω ни^тн^ (sic) за своа дша мца маиа и днь. Ниже: да се знаеть сиꙗ книга. трииитѿь (? — триωдь?) ѿ свети врачи. ко е ке зе да е проклеть ѿ триста ии бгоноси ωтци и о^т^ свети бесребрьници козмана и дьмꙗна — запись представляетъ такимъ образомъ образецъ того же нарѣчія, что и запись Минеи 1695 г.

Далѣе находимъ: в лето: рі оть ро^ж^ хри^с^; 1879: 3: июлиа като постѫпихъ асъ петаръ Рачевъ Трантьовь оть сушица заедно с господа Стоичю и свищенникь петарь оть Кара-ачь и доста сѫ старахме докле сѫщите открадемь ωть грѫците и тиране и ^да пи^тѫи да бѫде знаи за далечно бѫдуще.

На переплетѣ: да знае кога ѿдиде цръ мехедь на немце вь лето зрча [2]) вь то време. беше егȢмень. на сти враі антонїе на сти геωргие. домаскинь. беше велика нȢжа на хрiиане ѿ сȢрьсате. записа азь многогрешни ереи илиа ѿ село карaачь на стого тодωрь. великомȢченика прьво не по^с^. На оборотѣ обложки: вь лето ,з тисоущное. рм. прі игȢмена. никодима. да се знае что

1) Извѣстный знатокъ топографіи Балканскаго полуострова проф. К. Иречекъ былъ настолько любезенъ, что сообщилъ свѣдѣнія о мѣстоположеніи селъ и монастырей, упоминаемыхъ въ записяхъ рукописей № 26 и № 31. Деревня Караагачъ (102 дома) находится въ околіи Конушской (Станимакской). Невдалекѣ монастырь τῶν ἁγίων Ἀναργύρων въ греческой деревнѣ Куклепѣ. Монастырь св. Георгія находится въ деревнѣ, называемой Бѣлащица, въ окрестностяхъ Филиппополя, на югъ отъ города. Деревни Караорманъ въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ.

2) Извѣстный походъ на Вѣну 1683 года.

сѹть црковне ѡдеже. ѿ фелоне. з стихаре и чивтове нарѹкавице. ві петрахиле. а ѡрар'. а кадил'ница. сребрена. в потира. сребрьни. в крта позлащени. Новымъ почеркомъ на переплетѣ написана херувимская пѣснь на греческомъ языкѣ.

№ 19 Евангеліе тетръ болгар. прав., полууст., на бумагѣ, 267 листовъ. Съ листа 251 об. сербск. правоп. до конца. Передъ каждымъ евангеліемъ оглавленіе и предисловіе Ѳеофилакта Болгарскаго, послѣ евангелія замѣтка о времени написанія послѣдняго. Многіе листы испорчены вверху отъ сырости, и многія буквы совершенно стерлись. Оглавленія чтеній и зачалъ писаны киноварью; киноварью и синей краской заглавія евангелій и предисловій къ нимъ, начальныя буквы въ оглавленіяхъ, спорадически синяя краска употребляется на всемъ протяженіи оглавленій.

Л. 254 скороп. внизу: сиꙗ книга ѹ сѹть (?) хса си речи д благовѣщеніе ко приложи попь мѹцо. ѿ село калофь ѹ манастирь сопоки [1]) храмь вьзнесіе (sic) га нашего іса ха при ігѹмана їѡсифа да слѹжи стыи црвие ко се покѹси да та посвой или ѹкрадне или попъ или калогирь или грамакь (sic) или пръть члколъ (?) да е прокеть (sic) ѿ тні ны стны ѡце и ѿ самого га ба въседръжитльа и да има ѡчестїе реkие въме възми распети его вь лѣто з тисѹщѹ рч [2]) при попа дамнасїа и при попа стонка бо да ги (?) то в вѣчнаа.

Образчикъ языка: еже ѿ марка стое еѵлїе. по десетыи лѣтѣхь хва възнесенїа съписано бы въ римѣ. бѣ оубо сьи марко. петрѹ оученик же и послѣдователь. егоже сна своего именоуеть петрь дховнаго. ꙗвѣ, ꙗко нарицааше же іѡань анеѱей же варнавѣ нж и павлѹ сыи сходень. обаче оубо съ петромь прѣбываше множае. и въ римѣ съ ни сыи. молишѧ оубо его иже въ римѣ вѣрныи. не тьчїа без писанїа проповѣдати. нж и писанїемь изложити тѣмь ѧже о хѣ и пр.

1) О мѣстоположеніи монастыря, см. Jireček Cesty, 267.
2) Т. е. 1682.

№ 73 Сборникъ болг. письма XVIII в., заключаетъ въ себѣ чудеса Богородицы, написанъ народнымъ языкомъ. Въ образецъ языка приведу разсказъ объ одномъ чудѣ (всѣхъ 48): єди́нъ разбо́иник ймалъ велико бл҃гоговѣні́е ко бг҃оматери; оулѹчи ѿпѹщені́е и̓ чѹдное погребені́е (л. 201 об.) оу̓ еде́нъ гра̀дъ оу̓ і̓талиі зовомі́й треюто (sic) бы́лъ разбо́йникъ оу̓ гора̀ близѹ гра́да соблачилъ и̓ ѹбивалъ мно́гѹ лю́дій, и̓ бг҃ъ оу̓стро́илъ, минáлъ тамо едѝнъ ѿц҃ъ по́стникъ, видѣлъ го тои разбойникъ мыслилъ да и̓ма сто́ка пратилъ дрѹжи́на, неговы, фатиле го́ и̓ го̀ доне́ле при него̀, да го соблѐчатъ дошелъ дх҃овникъ ка́ко мѹдръ, оу̓ловилъ разбо́йника показáлъ вѣчна мѹка; и̓ оу̓милилъ го да се и̓сповѣ́да свой грѣ́ховы: и слѹшалъ не́говы сыте грѣховы мѹдрый вра́чъ; позналъ за що́ тре́бѹе мно̀гѹ трѹдъ, да ѿпрати таковаго грѣшника ѿ ѕлій рабо̀ты; не мѹ далъ кано́нъ; ни да ѿстави сосе́мъ харамьство зналъ за що́ не щѐ да го послѹша; а̓ми мѹ рѐклъ: да дѐржишъ трѝ дни в҃ла среда и̓ пѐтокъ ради стра̀стей хр҃то́вихъ, тако̀ и̓ на пра́здници да не чѝни ѕло̀ и̓ се оу̓здамъ, да се спасешъ; разбо́йникъ бл҃годаті́ю бж҃ію се оу̓милилъ, и̓ рѐколъ на дх҃овника ѡ҃че ты бл҃годаримъ; за що сѝ мѐ настàвилъ: на покаѧне, и̓ кѣ (sic) да де́ржимъ ті́е дни що сѝ ми рѐколъ, не ѩдамъ нищо кѣ да по́стамъ; оу̓ едѐнъ праздникъ бц҃цы ходилъ по гора̀ бѐзъ ѡрѹжі́е. и̓ фанале го сеиме́ни: ѡнъ мо́желъ ѿ ни́хъ сабѧ и сите да́ гѝ посечѐ: защо бы́лъ юнакъ стоялъ ка́ко ѩгне и̓ ѿвѐли го на сѫдиѧ, да го оубіѧтъ, я пакъ размислылъ тако́въ юна́къ кра́сенъ чл҃вѣкъ щѐта е̓сть: и говорилъ мѹ. ти проща́вамъ животъ, а̓мѝ да не чи́нешъ ѕло̀ оу̓ нашата земля̀: а̓мѝ да́ нѝ пома́гашъ намъ: а̓ ѡнъ ѿговорилъ: ѩ ти бл҃годари за любо́въ а̓ми мене́ не мѝ тре́бѹе да са́мь живъ, похарно е҃ да мѐ оу̓биешъ за що ѧ самъ оу̓билъ дрѹги мно́гѹ, а̀ не да се мѹчимъ безъконечно, да мѝ дадешъ нѐколкѹ дній. да сѝ пла́чемъ грѣховете мои и̓ мѹ далъ о̓смъ дній, и̓ сѝ и̓сповѣдалъ прѐдъ сите човѐцы и казáлъ грѣховете со̀съ оу̓миле́ні́е и̓ со̀съ пла́чъ со слъзи. и̓ сите прославили бг҃а видели такова покаяні́е, а҃ко мѹ и̓ далъ сѹдіѧта врѐмѧ да се кае, а̓мѝ е̓ тоя̀ даръ ѿ ст҃а̀ б҃ца, защо̀ е̓ почиталъ нѣшни пра̀здницы, и̓ занези

на любо̀въ да̀лъ се, да го̀ ѳа̀натъ, и̓ не са̀мо това царова м8 пре̑та̀ѧ б҃ца, а̓мѝ и̓ др8ги ч8да, да се́кїй грѣшникъ знае, ко̀лк8 пома̀га покаа̀нїе, тыѧ о̓смъ днїй постѝлъ и̓ пла̀калъ непреста̀нно, и̓ ѿишелъ, да го̀ оу̓бїятъ, и̓ се простилъ сосъ сите човѣци, и̓ молѐйки се приклонелъ глава̀та со̀съ ра̀дость по̀дъ мечъ, и̓ го посѐкли, и̓ го закопа́ли на мѐсто, дѣка зако̀п8ятъ харами́й, и̓ оу̓ пол8нощи ви̇́дѣли, дошлѝ свѐки запа̀лени на̀дъ гро̀ботъ, и̓ пѧ̀ть дѣви̇́цы кра̀сни ка̀ко мо̀лнїя, и̓зва̀дили го̀ ѿ гро̀ботъ, и̓ дигна̀ле го̀ на едѐнъ о̓дръ покри́енъ со̀съ зла̀тна покри̇́ѳка, четирите носи̇́ли, а̓ пѐтата заповѣдала, ка̀ко црица, да и̓датъ по нихъ сосъ свѐщи свѐтили дошли на гра́дска врата̀ ви̇́дели капи̇́джийте, и̓ се оу̓пла́шили, и̓ рекли̇́ да не е̓ нещо дїа̀волска работа; тога̀ва ѡ̓ста̀виле тѣлото дѣви̇́ците, а̓ гпжа̀ рекла̀ на врата̀рите, да и̓дите на влката, и̓ да м8 речѐте, да мти і̓иса хрта запове́д8е, да закопате о̓вой човѐкъ на мѣсто чѐстно, оу̓ ю̓тро каза̀ли стра̀жи на влка и потражи́ли, и̓ влка ѿишелъ при гра̀дска врата̀ со̀съ попо̀ви и̓ со̀съ човецы мно́г8, и̓ ви̇́дели тѣло покриенно со̀съ порѳу̀ра що̀ ни̇́кой не ви̇́делъ, ка́ко неѧ се ч8диле защо̀ ви̇́дели глава̀ на тѣло прилепленна, и̓ тога̀... вѣровали що и̓мъ рекле врата̀рите, и̓ го зако̀пали не како харамїа, а̓мѝ ка̀ко м8чиникъ со̀съ голе́ма чѐсть, въ сла́в8 бг8 и бгома̀тери, а̓ми́нъ.

Замѣна *ѫ—а*, *ѭ—я*: *ѳанатъ*, *самъ*, *оубиятъ*; переходъ *тј* въ *к—свеки*, *кь* (= ште вост. болг. гов.)—указываютъ на македонское нарѣчіе; исключительное употребленіе въ 1 л. ед. ч. н. в. окончанія *мъ;* примѣры, какъ *молнія* — находятъ аналогію въ современныхъ западныхъ македонскихъ говорахъ (примѣры, какъ м8дрый, свеща и пр., объясняются книжнымъ вліяніемъ).

К. Радченко.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Почетие свиета.

За що г҃ь б҃ь сатвори сам свиеть. ꙋ тои време биеше а҃ ангель ꙋ бога наизабрани, кои би названь сатанаиль. ѡнь поче мислити, како би биѡ ѡнь веħи ѿ г҃а б҃а и тои мислеħи сиде на пристоль г҃нь, и доħе къ нему михаиль арханħель анħел г҃нь верни и ре҇мꙋ: ꙋстани погание ти тꙋи ѡсидети; и ꙋдри га ногомь, и ѡнь паде подь землꙋ, и сви ангели, кои веровахꙋ нега падоше с неба едни под землꙋ, а дрꙋзи на землꙋ, а трети ѡста҇е, ѡни под небомь к аерꙋ; како се где кои поменоваше г҃а нашего, тако и ѡнде ѡставаше, и сви се сатворише діавли, кои мишлахꙋ ѡнꙋи злꙋ мисаль и кои слꙋжахꙋ Лꙋчипетра. И зато есть ꙋ ѡхолости први гриехь. И ꙋзмисли г҃ь б҃ь, како би мислиѡ а҃ градь како воискꙋ изгꙋбиѡ, тако и г҃ь мислаше, како би ѡпета напꙋниѡ ѡни корь ангела да бꙋде напуно и самисли сатвори (sic) човека на спасение негово, да се ѿцелова и ꙋди плоде ѿ чловека и ре҇ ѡ чем ħе на прво б҃ь сатвори чловекꙋ ѡ чем ħе живети, паки сатвори на приликꙋ чꙋдеса велика сатвори г҃ь б҃ь: ва понеделникь сатвори светлость светꙋ, нарече свет҇о слꙋнце, ваторникь сатвори васе плоде ѿ земле що есть воħание плоде, ва средꙋ сатвори васе звери и скоте и ѡстале живине кое сꙋ на светꙋ, ва четврътакь сатвори све птиче ꙋ ıадрꙋ (sic) и рибе ꙋ морꙋ, ва петакь сатвори чловека, ꙋ сꙋботꙋ ꙋ нь дꙋхь ꙋдье, сатвори га на приликꙋ свою адама, кои би први чловекь, и када тои сатвори ꙋ ѕ҃ дни и з҃ дань ꙋ неделꙋ сатвори покои себие тере починꙋ, и таи дан҇ г҃ь постави неделꙋ и рече, да се ꙋ нꙋ ниедно дело не дела: за тои намь е҇ть потребно веле зло жити, ере не почитовасмо свету неделꙋ и таи дань, кои сатвори б҃ь адама. адамь не можеше дань без дрꙋга живети и поче говорити: подаи ми дрꙋга. г҃ь ре҇: адаме! лези на землю. ѡнь леже и ꙋснꙋ, и зе мꙋ г҃ь ѿ ребарь евгꙋ жену адамовꙋ-е

с левȣ странȣ адамовȣ едно ребро из ребарь адамовиехь и реч адамȣ: ѡ тато ти другь, адаме. тȣи г҃ь б҃ь ȣказа нимь стань ȣ раю и тȣ ихь настани и да нимь све творение ȣ рȣке адамȣ на слȣжбȣ негово (sic) и реч нимь: пазите да вась дꙗволь не превари. и преданю а҃ воће посвећено, кое се зваше разȣмно древо и рече имь: да не похитите ȣ тои воће, ере како бȣдете ести тои воће, бȣдете сагрешите: за тои се чȣвайте, ере каде г҃ь раи насади с ангели своиеми свими свое древо и воће саћаше, ѿ свакога г҃ь? [1]) ва ȣста ȣзимаше и такȣи сатвори разȣмно древо. и сатанаиль има злобȣ на адама и на евгу и васади лозȣ и похоть древнȣ, да преласти адама. и таки сташе адамь и евгаи ва раю и доће дꙗволь и сатвори се змиемь, а тадаи биеше змиꙗ ȣ раю и хоћаше на рипȣ, како и чловекь на ногȣ и красна девица, и зваше красна девица, тере се сатвори девичнаомь змиѡмь и главомь девичномь. и доће напа [с] товати евгȣ, говорећи, за що ви не ꙗесте ети? ѡногаи воћа ѿ гори. евгаи реч: ние нам га рекаѡ б҃ь ести. и реч ѡнь: када бисте ви ели ѡвои воће, све бисте знали, що б҃ь зна. и такои се евга ȣвери дꙗвлȣ и поће и ȣстрже в҃ ꙗбȣ чице и заложи е° ѡна едномь, а дрȣгомь адама заложи. она прождри е, адамь се заложивь споменȣ г҃ль и стиснȣ ꙗбȣчицȣ ȣ грлу, ȣтаи се и сь ȣгледаше? грешници накази. и доће к нимь г҃ь б҃ь, изагаа (sic) ихь из раꙗ и тȣи змиꙗ прокле, изагна ю из раꙗ, да веће не ходи на репȣ, а да е пȣна ꙗда и сатвори г҃ь исиꙗ? човека: плȣть его ѿ земле, кости ѿ мрамора, ȣмь ѿ брзине ангелске .....

Разсказъ о кончинѣ міра (безъ начала и конца)... доћи и битиће предъ сȣдни дань страха велика езикомь и народомь, како се пише ȣ светомь писмȣ, како имаю прити и свршити ѡваи знамениꙗ и веле мȣке. то и обличи даниль пророкь, ере виде на небесиехь страхȣ великȣ и ȣказа грешникомь и народомь да верȣ имаю, еда би се тко покаꙗѡ за живота и за времена ѡвоме векȣ чȣдеса, ꙗко хоте прити на землȣ ка сȣднемȣ дневи г҃лк? с҃ти синь

---

1) дыволь?

божи ȣ светомь еванћелью а҃ дань хоће ȣстати све море ȣ висинȣ пȣчиномь воденомь сȣпротивȣ свиемь горамь и хȣмовомь и хоће стати више свиехь гора и хȣмова г҃ ҃з сежани и статиће крепко ȣ сили ꙗко мирь зидань подобно ѡблака не прелиеве се ни тамо ли ѡвамо. мнози езици и народи ȣмираюћи падатиће на землȣ мртви ѿ страха велика, ере ће бити тадаи велика ȣздиженіꙗ мора и ва свехь вода ȣздиженіе. в҃ хоће ȣпасти све море ȣ дȣбинȣ безданȣ; тешко ће тадаи бити ѡчима гледати. г҃ данъ рибе морске и васе жи(ви)не морске, кое живȣ ȣ морȣ сатворити ће зȣкȣ величиемь гласомь за гладь и за туг(ȣ), ере сȣ ѡстале на сȣхȣ, како пише с҃то писмо; паки изамрȣ васе рибе и васе живине морске. д҃ дань васи скоти землани и васа зверь глась сатворе свако своиемь гласомь за гладь и за тȣгȣ великȣ. е҃ дань васе птице небесне сабрати се ће и сатворити ће зȣкȣ свака своемь гласомь и жȣберомь к г҃ȣ, како каже с҃то писмо: скоту (sic) и звери и птице небесне самрть свою видетиће. ѕ҃ дань хоће дигнȣти тамне магле веле густи облаци помрачни с великомь бȣкомь и ветромь ѿ ꙗма помрачниехь ѿ скромешниехь, и хоће бити тма и мракь по свои земли; ѿ те тме ѡблака хоће промицати искре ѡгне и падати ће горȣще главне на землȣ, прожижати ће и древо и зами (sic). ꙁ҃ дань хоће пасти крвава роса по васои земли на васаки листи и на травȣ, како каже свето писмо: то ће на грешнике крвь и ѡгань жȣпеле за нихь криво чиненье. и҃ дань сви хоће лȣди ѡниемьети по свои земли езици своемь и ходитиће ниеми не могȣћи говорити дрȣгь са дрȣгомь за страхь и за тугу, коꙗ ће ѡчима видети и трпети своꙗ дела. ѳ҃ дань хоће се трести васа земла под небомь и градови се ће собомь веле си ѡно? колико ће ȣдарити гора з горомь, а древо са древомь и хоће се разорити свако рȣкотворение чловечье, како каже синь божи ȣ светомь еванћелью за чловеꙗ (sic) хȣда дела, коꙗ чине на земли. і҃ дань хоће слȣнце и месець потамнети и тамне траке пустити и звиезде све панȣти на земȣ (sic), како сведочи с҃ти петарь врховни апостоль? (неразборчиво), и крити се ће лȣди ȣ пещери и ȣ пропастипе, а говорити ће лȣди: дигните се горне хȣмови, тере на

ни паните на лꙋди, да не видимо ѡгань и гниевь ѡчима своеми. тада ће лꙋди жельети самрти, како сада желе живота свога аі дань васи лꙋди кои бꙋдꙋ живи панꙋ мртви на землꙋ ѿ страха велика и ѿ тꙋге криюће ѡчима видети. ві ни хоће ꙋжећи васе лице земли и горети ће древо и ками и вода и васа тварь и ꙋжећи се ће небо видимо и пасти ће врхь земле и ѡгань и васе изгори на страшномь сꙋдищꙋ. гі дань ꙋстати ће велици ветри на свиеть са све четири стране земле и хоће вазвиѩти пепеѡ по свои земли и ѡместиће васе лице земли и ѡбновити се ће земля, и вазвеселитисе ће гь ѡ делиехь своиехь. ді дань хоће стати нова земла ꙋкрашена и ꙋказатиће и ѿкрити ће лице свое и хоће стати нова и биела, ѩко и хартиѩ, како говори ис хть ꙋ светому евангелю: тада ће бити нова жегома земла. еі дань васи лꙋди, кои сꙋ помрли ѿ по(то)па до сꙋдища ѡганагѡ ѿ почетка до светога васкрснꙋти ће на сꙋдь на зелу (sic) и како каже сто писмо, хоће тадаи вода и гора и море и ѩма дати чловека, кога кое бꙋде ꙋморило, како сведочи сто писмо. тадаи ће васкрснꙋти грешници и праведници на сꙋдь, све ће доћи предь бга разма чловекоꙋбица; таи чловекь неће доћи никада предь га. ѕі дань бити ће сꙋдь и та (sic) дань свети ангели предатиће глась трꙋбни и трести се ће в°а земла и небеса; тада ће страшно трепетати сꙋдиѩ предь гмь, ере ће видети са деснꙋ странꙋ силе чловека на ѡблациехь са гласомь трꙋбниемь; тꙋ ће гь послати ангели свое на твореще безаконие грешникомь и врћи хће ва мꙋкꙋ пакленꙋ и ѡгнанꙋ......

Матеріалы и замѣтки по исторіи русской литературы.

I.

«Святки» (Noël) кн. Д. П. Горчакова.

Кн. Д. П. Горчаковъ принадлежитъ къ числу забытыхъ и совсѣмъ не изученныхъ, но любопытнѣйшихъ писателей переходнаго времени отъ Ломоносова, Державина и Н. Львова — къ Пушкину и «Пушкинской плеядѣ». Онъ, такъ сказать, связующее звено между «вѣкомъ нынѣшнимъ» и «вѣкомъ минувшимъ». Носитель и представитель лучшихъ литературныхъ и общественныхъ традицій XVIII вѣка, тонкій и острый наблюдатель, жестокій врагъ жеманства и приторной фальши нашего сантиментализма и (ранняго) романтизма, онъ пробовалъ обосновать свои неясныя стремленія къ реализму, поэтической простотѣ и жизненной правдѣ изображеній, свои робкія попытки сблизить поэзію съ дѣйствительностью, обществомъ и народностью — на своеобразно понятыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ литературнаго кодекса французскаго классицизма. Во имя «правилъ» нападалъ онъ на слезливую и аффектированную дребедень слѣпыхъ и рабскихъ подражателей Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова; отрицательно относился онъ и къ поэзіи самихъ учителей, слишкомъ отрѣшенной отъ жизни и подчасъ искусственной. За отстаиваніемъ «правилъ» чувствовалось знаменательное требованіе «русскаго покроя»... Несмотря на открыто выражаемую ненависть

къ литературнымъ новшествамъ и принадлежность къ «Бесѣдѣ», кн. Горчаковъ находитъ себѣ справедливую, довольно высокую оцѣнку у своихъ литературныхъ враговъ — «Арзамасцевъ» и близкихъ къ нимъ лицъ. Батюшковъ съ большимъ интересомъ прислушивается къ его сатирическимъ выходкамъ; кн. Вяземскій выражается о немъ такъ: «извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ (А. С.), котораго превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою»; очень сочувственно отзывались о немъ — Жихаревъ, С. Т. Аксаковъ, Пушкинъ.

Выше всего цѣнили его сатиры, «презрѣвшія печать». Въ нихъ обыкновенно много соли и перцу, прекрасная разговорная рѣчь, яркіе слѣды рѣзкаго насмѣшливаго ума.

Одна изъ лучшихъ сатиръ — «Noël», «Святки» — направлена противъ министровъ Александра I и, что очень интересно, противъ нѣкоторыхъ членовъ «Бесѣды». Если принять во вниманіе всѣ упоминаемыя лица, она могла быть написана около 1816—1817 гг.

Въ свое время она пользовалась большою популярностью и бойко расходилась въ рукописи, нѣсколько варіируемая, по всей вѣроятности, авторомъ. Одинъ изъ ея списковъ былъ напечатанъ въ «Искрѣ» 1870 (стр. 1539—1542; цитируется дальше *И*), другой, безъ фамиліи автора, въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 г. (VII, 403—407; цит. *А*). Кромѣ того, мы могли воспользоваться двумя рукописями изъ частныхъ собраній (*Р*).

Дальше мы даемъ сводный списокъ, полнѣе всѣхъ напечатанныхъ раньше, съ указаніемъ болѣе любопытныхъ варіантовъ. Въ своемъ осмѣяніи Александровскихъ министровъ кн. Горчаковъ не былъ одинокъ: такими «издѣвками» была полна литература того времени.

Напр., по словамъ кн. Вяземскаго (Соч., VIII, 502—503), въ началѣ царствованія Александра I ходила программа мини-

стерскаго концерта: каждый сановникъ пѣлъ какую-нибудь извѣстную пѣсню. Одинъ:

Винятъ меня въ народѣ...

Другой, угрожаемый отставкою:

Я въ пустыню удаляюсь
Изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Третій, который неоднократно мѣнялъ мѣсто служенія:

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду.

Военный министръ:

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
Лавры, васъ я не ищу!

Морской:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю.
Унеси ты, мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Министръ финансовъ:

Доволенъ я судьбою
И милою богатъ:
О, Лиза, кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Министръ просвѣщенія:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

Въ сатирѣ кн. Горчакова больше силы и яду, при очень ори-

гинальномъ размѣрѣ и прекрасномъ, за рѣдкими исключеніями, для своего времени языкѣ [1]).

Различные списки отличаются размѣрами. Въ нѣкоторыхъ вставки, которыя, по всей вѣроятности, не принадлежатъ кн. Горчакову (рѣзкія выходки противъ членовъ «Бесѣды»): строфа о Кикинѣ, напр., несомнѣнно принадлежитъ кн. Вяземскому; ему же можетъ принадлежать и строфа о Чичаговѣ.

Сатира кн. Горчакова такъ вообще нравилась, что вызывала разнообразныя подражанія, строфы которыхъ могли попадать въ ея отдѣльныя редакціи.

Амурчика рожденьемъ [1])
Встревожился [2]) народъ.
Къ Венерѣ [3]) съ поздравленьемъ [4])
Пустился всякій сбродъ:
Монахъ, рифмачъ, прелестники [5]), вельможи;
Иной [6]) пѣшкомъ, иной въ саняхъ.
Дитя [7]) глядитъ на нихъ [8]) въ слезахъ
И вбпитъ: «что за рожи!»

Совѣтъ нашъ именитый [9]),
И въ лентахъ, и въ звѣздахъ,
Приходитъ съ [10]) шумной свитой —
Малютку пронялъ [11]) страхъ.
— «Не бойся», говорятъ [12]), «сиди себѣ [13]) въ покоѣ:

---

1) Первыя двѣ строчки, въ искаженномъ видѣ, цитируетъ по рукописи Галаховъ въ своей «Истор. христ.» (II, 1880, 270):

Спасителя рожденье
Встревожилъ (sic) весь народъ.

Варіанты: 1) *И*: Вновь года нарожденье. *Р*: Спасителя рожденье. 2) *И*, *Р*.: встревожило. 3) *И*: къ нему. *Р*: къ Христу. 4) *И*, *Р*: на поздравленье. 5) *И*: Монахи, риемачи, красавицы. 6) *И*: одинъ. 7) *Р*.: Христосъ. 8) *И*: вздрогнувъ, кричитъ. 9) *И*: именитой. Дѣло идетъ о Государственномъ совѣтѣ. 10) *И*: нѣтъ. 11) *И*: обнялъ. 12) *И*: не страшись. 13) *И*: останься ты.

Не обижаемъ [14]) никого;
Мы, право, право, ничего,
Хоть насъ число большое»...

Нашъ Неккеръ, запыхаясь [15]),
Амурчику [16]) сквозь слезы,
У ногъ его валяясь,
Молитву произнесъ:
«Мой боже [17]), сотвори ты въ нашу пользу [18]) чудо!
Оно тебѣ, какъ плюнуть разъ;
А безъ него, боюсь, у насъ
Финансамъ будетъ худо!»

«Склонись на просьбу [19]) нашу [20]),
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока [21]).
О мастерствѣ моемъ уже здѣсь всякой [22]) свѣдалъ,
Я кашу лучше всѣхъ варю,
И съ той поры, какъ взятъ къ царю,
Я [23]) только то и дѣлалъ».

Сподвижникъ [24]) знаменитый [25])
Его достойныхъ [26]) дѣлъ,
Румянами покрытый,
Къ Венерѣ [27]) вдругъ подсѣлъ.
Онъ говоритъ: «себѣ [28]) подобнаго не знаю:

14) *И*: мы не обидимъ. 15) Въ *И* и *Р* пятая строфа. Неккеръ — гр. Гурьевъ, министръ финансовъ (1810—1823). 16) Къ ребеночку (Спасителю). *Р.* 17) *Р*: о годъ! (о Боже!). 18) Содѣлай ты на пользу нашу.

19) *И*: пользу. 20) Въ *И* шестая строфа. 21) «Гурьевская каша».

22) *И*: Здѣсь каждый уже. 23) Лишь *И. Р.*

24) Директоръ департамента, сенаторъ и генералъ-маіоръ М. А. Обрѣзковъ. Указаніе «Искры» на гр. Н. П. Румянцева не соотвѣтствуетъ содержанію строфы. 25) Въ *И. Р.* седьмая строфа. 26) Преславныхъ.

27) Маріи. 28) «Себѣ», онъ говоритъ.

Военнымъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Теперь, когда торговли нѣтъ,
Торговлей управляю».

[Малютка удивленный
Замѣтилъ, что взади
Стоялъ мужъ отличенный,
Ему бъ быть впереди!
Спросилъ: «но отчего жъ труслива такъ личина,
А онъ въ сіяньи почестей?»
— «Я изъ солдатскихъ вѣдь дѣтей —
Вотъ вся тому причина...] [29]).

Пронырливый отъ вѣка [30])
Сибирскій лилипутъ,
Обращикъ человѣка,
Явился Пестель [31]) тутъ:
«Что правитъ Зевсъ [32]) съ небесъ землей, ни въ грошъ не ставлю—
Диви, пожалуй, онъ [33]) глупцовъ!
Сибирь и [34]) съ Невы береговъ
И правлю я, и граблю!»

Амуру [35]) въ новоселье
Несетъ [36]) министръ овецъ:
Россійское издѣлье [37]),
Суконный образецъ [38]).
«Я знаю», говоритъ: «сукно мое дрянное,
Но ты носи [39]), любя меня

29) Третья строфа въ *И*, *Р*. Въ версіи «Русскаго Архива» ея совсѣмъ нѣтъ. Ее толкуютъ, какъ намекъ на Аракчеева, но онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. 30) Въ *И*, *Р* десятая строфа. 31) Сибирскій генералъ-губернаторъ, заглазно управлявшій краемъ. 32) Богъ *И*, *Р*. 33) Пускай онъ тѣмъ дивитъ. 34) *И*, *Р*: Сибирью. 35) Христу на. 36) Принесъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ (1810—1819). Въ *И* 4-я строфа. 37) *И*, *Р*: россійскаго издѣлья. 38) Вѣроятно, намекъ на суконныя фабрики Козодавлева. 39) *И*, *Р*: надѣнь.

И въ *Сѣверной* о другѣ я [40])
Скажу словцо — другое!»

Вдругъ слышенъ шумъ у входа [41]):
Березинскій герой [42])
Кричитъ толпѣ народа:
«Раздвиньтесь, я герой!» [43])
— «Пропустите его», вдругъ [44]) каждый повторяетъ:
«Держать его грѣшно бы намъ:
Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
Охотно пропускаетъ!»

Украшенный вѣнками [45])
Приходитъ Витгенштейнъ.
Герою риѳмачами
Давно приписанъ Рейнъ!
Онъ говоритъ: «Богъ вѣсть, какъ съ вами очутился;
Летѣлъ я къ славѣ налегкѣ —
Летѣлъ, летѣлъ съ мечомъ въ рукѣ,
Но съ Люцена [46]) я сбился!»

Съ поэмою холодной [47])

---

40) *И*, *Р*: А въ «Почтѣ Сѣверной» и я... Козодавлевъ основалъ «Сѣверную почту» и принималъ въ ея изданіи большое участіе.

41) Въ *И*, *Р* 8-я строфа. По свидѣтельству кн. Вяземскаго (Соч., VIII, 82 и XIX в., II, 296) ходила по рукамъ, какъ отдѣльное осьмистишіе. Можетъ быть, оно принадлежало ему, такъ какъ подобными фразами («вотъ осьмистишіе, ходившее по рукамъ») онъ часто прикрывалъ свое творчество, въ которомъ почему-либо не хотѣлъ признаваться. Срв. еще «Русск. Стар.» 1873, май, 718.

42) Адмиралъ Чичаговъ, пропустившій Наполеона при Березинѣ.

43) *И*, *Р*: «Раздайся предо мной». У кн. Вяземскаго: «Раздвиньтесь предо мной».

44) *И*, *Р*: Здѣсь. У кн. Вяземскаго «Тутъ».

45) Въ *И*, *Р* этой строфы совсѣмъ нѣтъ.

46) Витгенштейнъ, любимецъ Александра, послѣ несчастнаго для русскихъ Люценскаго сраженія былъ смѣненъ Барклаемъ-де-Толли.

47) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ.

Студеный Шаховской [48])
Приходитъ въ часъ свободный
Читать акаѳистъ свой.
При первыхъ двухъ стихахъ дитя прилегъ головкой.
«Спасибо!» няня говоритъ:
«Читай, читай! Смотри, какъ спитъ:
Баюкаешь ты ловко!»

Къ Амуру риторъ новый [49])
Подходитъ Филаретъ [50]),
Къ услугамъ всѣхъ готовый:
«Азъ — невскій Боссюэтъ!
Мнѣ, право, никогда быть умникомъ не снилось,
Но тотъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что я въ умники попалъ,
Нечаянно случилось!» [51])

Въ Венерѣ благодатной [52])
Растрепанный бѣжитъ
Кликуша князь Шахматной [53]),
Бьетъ óбъ грудь и визжитъ:

---

48) Извѣстный комическій писатель кн. А. А. Шаховской. Его «холодная поэма» — вѣроятно, «Расхищенныя шубы, ироикомическая поэма» (1811—1815), печатавшаяся въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ Люб. Русск. слова».

49) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ.

50) Митрополитъ Московскій.

51) Кн. Вяземскій (Соч., VII, 410) говоритъ (1875 г.): «это напоминаетъ мнѣ мой же сатирическій куплетъ, давнымъ давно на кого-то написанный:

Одинъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что онъ въ умники попалъ,
Нечаянно случилось».

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло или съ lapsus memoriae у престарѣлаго кн. Вяземскаго, или со вставкой въ сатиру кн. Горчакова подходившаго по размѣру куплета кн. Вяземскаго.

52) Въ *И*, *Р* нѣтъ.

53) Кн. Ширинскій-Шихматовъ, членъ Шишковской «Бесѣды», позднѣе поступившій въ монахи.

«Венера, будь мнѣ щитъ, я вовсе погибаю;
Лукавый смыслъ мой помрачилъ,
Шишковымъ я испорченъ былъ:
Очисти, умоляю!»

Хвостовы [54]) предъ малюткой [55])
Другъ съ другомъ входятъ въ бой;
Одинъ съ старинной шуткой,
Съ мѣшкомъ стиховъ другой.
Одинъ кричитъ: «словцо!» Другой мяучитъ: «ода!»
Малютка, ихъ прослуша вздоръ,
Сказалъ, возвыся къ небу взоръ:
«Несчастная порода!»

За ними пара Львовыхъ [56])
Выходитъ изъ толпы,
«Бесѣды» стѣнъ Петровыхъ
Надежные столпы [57]).
Прослушавши Амуръ привѣтствіе ихъ длинно
И, смѣря съ ногъ до головы,
«Ужъ не Хвостовы ли и вы?»
Спросилъ онъ ихъ наивно.

Трактатъ о воспитаньи [58])
Приноситъ новый Локкъ [59]):

54) Въ *И*, *Р* нѣтъ.

55) А. С., извѣстный острякъ, и гр. Д. И., извѣстный метроманъ. Второй постоянно былъ мишенью остротъ для перваго.

56) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ.

57) П. Ю. и Ѳ. П. Львовы, послѣдователи Шишкова и видные члены «Бесѣды».

58) Въ *И*, *Р* 11-ая строфа.

59) И. М. Муравьевъ-Апостолъ, бывшій посломъ въ Испаніи и не пользовавшійся тамъ уваженіемъ. Пользовался значительнымъ авторитетомъ въ кружкѣ москвичей, бѣжавшихъ отъ французовъ въ 1812 году въ Нижній Новгородъ, гдѣ и написалъ надѣлавшія шуму «Письма о классическомъ образованіи». Былъ членомъ «Бесѣды» и въ ея изданіи («Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русск. слова») печаталъ свои переводы изъ Горація.

Слѣдующія строфы относятся къ нему же.

«Въ малюткѣ, при стараньи,
Повѣрьте, будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ его. Могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ.
Въ Гишпаньи, не таюсь грѣхомъ,
Совсѣмъ другое дѣло»...

«Горація на шею [60])
Себѣ я навязалъ,
Я [61]) мало разумѣю,
Но много прочиталъ.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ,
Но математикѣ никакъ:
Боюсь, докажетъ [62]), я дуракъ,
Какъ дважды два четыре».

Къ Венерѣ съ извиненьемъ
Подкрался Горчаковъ [63]),
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвѣтъ: «Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня [64])—
Ругай и впредь, позволю я,
Но только убирайся!» [65])

Словесникъ безсловесный,
Писатель безъ письма,

60) Въ *И*, *Р* 12-ая строфа. 61) *И*, *Р*: хоть. 62) *И*, *Р*: докажутъ.

63) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ. Въ ней, несомнѣнно, авторъ изображаетъ себя.

64) Намекъ на «Гавриліаду»? См. мои статьи въ «Русской Мысли» 1903, XI, и «Литер. Вѣст.» 1902, II.

65) Этой строфой кончается рукопись А. И. Тургенева, напечатанная «Русскимъ Архивомъ» «съ небольшими, по необходимости, измѣненіями и опущеніями» (съ ихъ характеромъ мы могли познакомиться выше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ—сопоставленіяхъ съ рукописями). Дальше три строфы изъ *И* и *Р* (9-ая, 13-ая и 14-ая).

Герой, врагамъ безвѣстный,
И умникъ безъ ума,
Явился Кикинъ [66]) тутъ: онъ первый внукъ побѣдѣ,
Онъ мужъ всѣхъ царствъ и всѣхъ временъ,
Онъ въ арміи «Бесѣды» членъ,
А генералъ въ «Бесѣдѣ».

Вдругъ сыромъ завонялъ,
И кнастеромъ протухъ,
Отъ звѣздъ хоть заблистало,
Но всякій ропщетъ вслухъ.
«Министръ я водяной [67]), на мнѣ лежитъ довольство;
Когда одинъ, на всѣхъ ворчу,
Въ совѣтѣ жъ трушу и молчу,—
Мое такое свойство!»

Еще каррикатура [68])
За нимъ вблизи стоитъ —
Преподлая фигура —
И всѣмъ тутъ говоритъ:
«Не понимаю самъ, что сдѣлалось со мною!
Сперва съ бандурою въ рукахъ
Сидѣлъ въ трактирахъ, кабакахъ,—
Теперь и я съ звѣздою!»

---

66) П. А. Кикинъ, членъ «Бесѣды» и приверженецъ Шишкова, въ 1812 году былъ дежурнымъ генераломъ, въ 1814 оставилъ военную службу. Былъ статсъ-секретаремъ. Вѣроятно, къ этой строфѣ относятся слова Пушкина (1817):

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ...

Въ арзамасской рѣчи Блудова («Отчетъ Публ. Библ. 1888, прилож., 5) первыя четыре строчки строфы о Кикинѣ приписаны кн. Вяземскому.

67) Вѣроятно, морской министръ И. И. де-Траверсе (1809—1827).

68) Можетъ быть, Д. П. Трощинскій, министръ юстиціи (1814—1817), родомъ малороссъ.

На этомъ обрывается сатира кн. Горчакова въ извѣстныхъ намъ рукописныхъ и печатныхъ версіяхъ.

Очень свободная эластическая форма и чисто внѣшнее пріуроченіе содержанія сатиры къ «святкамъ» позволяли значительно измѣнять составъ стихотворенія, убавлять и прибавлять все новыя и новыя строфы. Въ эти дополненія могли, конечно, проникнуть и чужія вставки — подъ перомъ любителей рукописной литературы и сатирическихъ пикантностей.

Изъ-за слабо связанныхъ строфъ однако очень ярко проглядываетъ цѣльное и своеобразное настроеніе автора. Членъ «Бесѣды», онъ (подобно Крылову) относился съ нескрываемой иroніей къ ея столпамъ (если эти выходки можно отнести къ нему); служака, достигшій довольно крупнаго общественнаго положенія, онъ зло, а иногда очень мѣтко и ядовито высмѣиваетъ дѣльцовъ и «случайныхъ» людей Александровскаго царствованія: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ»!

Большинство набросанныхъ имъ характеристикъ шло въ разрѣзъ съ установившимися общественными оцѣнками и доказываетъ въ авторѣ присутствіе очень самостоятельнаго ума.

Такое откровенное «подсвистываніе» баловнямъ счастья, людямъ по большей части очень вліятельныхъ, для тѣхъ временъ, когда еще свѣжи были преданія «прямого вѣка покорности и страха», было, конечно, крупнымъ подвигомъ гражданскаго мужества, облеченнымъ къ тому же въ блестящую для своего времени литературную форму [1]).

---

1) Въ біографическомъ очеркѣ при «Соч. кн. Д. П. Горчакова» (М., 1890) указывается другой, повидимому, «Noël» этого писателя: «особенно былъ извѣстенъ въ свое время одинъ его «Noël», гдѣ былъ выведенъ Фонвизинъ; онъ нигдѣ не былъ напечатанъ, но въ Москвѣ и Петербургѣ читался многими въ рукописи». Сравн. соч. Вяземскаго, V, 166—7: «Кажется, въ числѣ литературныхъ непріятелей его (Фонвизина) былъ и князь Горчаковъ, извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ, котораго превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя

II.

«*Соловей*».

По устойчивому литературному преданію, которое все-таки нуждалось бы въ документальномъ подтвержденіи, поэма «Соловей» принадлежитъ перу кн. Д. П. Горчакова.

Въ полномъ видѣ она невозможна для печати, но и отрывки изъ нея, думается намъ, имѣютъ большое историко-литературное значеніе. Въ произведеніяхъ конца XVIII и начала XIX вв., «презрѣвшихъ печать», при всей ихъ «вольности», очень часто бьется нервъ здороваго реализма, звучитъ задорный смѣхъ, проглядываетъ тонкая наблюдательность — не даромъ ихъ такъ высоко ставилъ Пушкинъ. Свободныя отъ стѣснительныхъ «піитическихъ» правилъ, предназначенныя обыкновенно для узкаго круга друзей, эти произведенія были предтечами нашей реальной поэзіи XIX в. Отдѣльныя строфы и стихи «Соловья», напр., довольно близко напоминаютъ шутливыя строфы, «болтовню» Пушкина въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и «Домикѣ въ Коломнѣ», даже внѣшнія особенности его стиха.

Поэма «Соловей» до сихъ поръ не была въ печати. Она при-

болѣе рукописною, нежели печатною славою. По крайней мѣрѣ, въ «Ноэлѣ» его есть куплетъ и на автора нашего:

Но только лишь ввалился
Фонвизинъ, вздернувъ носъ и пр.

Въ извѣстныхъ намъ спискахъ «Поэля» этой строфы нѣтъ, да и по времени (до 1792 г.) она не подходитъ къ издаваемому тексту, содержаніе котораго пріурочивается къ 1814—1816 гг. Объ этомъ же «Noël'ѣ» упоминаетъ и Лонгиновъ («Русск. Старина», 1871, XII, 681—2): изъ стихотвореній его (кн. Горчакова), «неудобныхъ для печати», «особенно былъ извѣстенъ въ свое время *одинъ* его «Noël», гдѣ выведенъ, между прочимъ, былъ Фонвизинъ». П. И. Бартеневъ говорилъ намъ, что ему, еще при жизни кн. П. А. Вяземскаго, приходилось слышать о принадлежности «Святокъ» ему. Мы все-таки думаемъ, что кн. Вяземскому принадлежатъ только отдѣльныя строфы: авторство кн. Горчакова устанавливаютъ слишкомъ многочисленныя данныя.

водится нами въ редакціи рукописнаго сборника самаго начала XIX в., принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ (Q. XVII, № 183, 3) [1]).

Въ концѣ приписано: «изъ Москвы (такъ часто обозначалъ свои печатныя произведенія кн. Горчаковъ). Изъ Ланфонтеновыхъ (sic) сказокъ п: к: Соловей: переводъ съ французскаго» [2]).

Строфы и строки, неудобныя для печати, обозначены точками.

Соловей.

I.

Была дѣвица Катерина,
Катюша, по-просту сказать,
Собой она была картина,
Которой краше не сыскать
Отъ стѣнъ московскихъ до Пекина.
Родитель былъ ея Тарасъ,
А мать—не помню, какъ звалась,
Но что за нужда до названья?
Положимъ, мать звалась Маланья,
И станемъ продолжать разсказъ.

II.

Вошедши въ юны красны лѣта,
Какъ роза въ полномъ блескѣ цвѣта,
Была собой она мила.
Вокругъ ея прекрасной шеи
Любовь разсыпала лилеи,

1) У П. А. Ефремова есть рукопись этой поэмы 1770-ыхъ годовъ, но мы къ сожалѣнію, не могли ею воспользоваться.

2) Передѣлка сюжета Боккаччо. По указанію В. В. Сиповскаго, обработка той же темы въ книгѣ «Веселая Бесѣда», I. М. 1785: «Соловей, молодою птицеловкою пойманный».

А волосъ въ кудри ей свила!
Надъ черными ея глазами
Она тончайшими чертами
Дугою брови провела —
Ну, словомъ, щедрыми руками
Ей въ даръ всѣ прелести дала.

III.

Пролазъ, фурьеръ команды штатной,
Дѣтина ловкой, бойкой, статной,
Не помню гдѣ то, въ первый разъ
Увидѣлъ Катю и влюбился...
Шепнулъ ей, слова два добился —
Влюбились оба въ тотъ же часъ.
Сердца ихъ страстью запылали,
Они томились и желали —
Чего жъ?... Нельзя проговорить.
Я могъ бы въ слова два — четыре
Вамъ ихъ желаніе открыть,
Но госпожа, котору въ мірѣ
Благопристойностью зовутъ,
Мнѣ ставитъ запятую тутъ.

IV.

Какъ вихри вѣютъ въ непогоды,
Москвы рѣки волнуютъ воды,
Такъ точно пылкая любовь
Въ ихъ жилахъ волновала кровь,
Но пользы было въ томъ немного:
За Катей мать смотрѣла строго.
Старуха злая день и ночь
Отъ ней не отходила прочь.
Спала съ ней вмѣстѣ на лежанкѣ

Да, сверхъ того, своей служанкѣ
Стеречь приказывала дочь.

V.

Пролазъ, въ тоскѣ развѣся губы,
Не могъ разлуки съ милой снесть.
Онъ скалилъ на старуху зубы,
Хотѣлъ ее живую съѣсть;
Пеняя на свою судьбину,
Не вѣдалъ, чѣмъ разбить кручину
И какъ любезную увесть.
Онъ поцѣлуй, бывало, сладкой
Въ дорогѣ бралъ у ней украдкой,
Но поцѣлуй лишь губы третъ.
А кто о дѣвушкѣ хлопочетъ,
Тотъ больше поцѣлуя хочетъ.

VI.

Итакъ, горя безплодной страстью,
Хотѣлъ онъ Катю позабыть.
Однажды съ ней ему, по счастью,
Наединѣ случилось быть.
«Пришло», сказалъ онъ ей, вздыхая:
«Пришло на-вѣкъ мнѣ, дорогая,
Тебя изъ мыслей истребить.
Сказать тебѣ всю правду-матку,
Хочу съ тоски бѣжать въ Камчатку:
Нѣтъ пользы мнѣ тебя любить!
Нельзя ли сдѣлать, мой дружочекъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь я уголочекъ
Имѣлъ съ тобой наединѣ?»

VII.

«Нельзя ли сдѣлать, чтобъ Маланья,

Не знавши нашего свиданья,
Отъ насъ ушла на сторонѣ?
Не можешь ты себѣ представить,
Какихъ любовь мнѣ стоитъ бѣдъ,
И если хочешь ты, мой свѣтъ,
Отъ смерти злой меня избавить,
То прикажи свою кровать,
Когда пойдутъ всѣ ночевать,
На галлерею переставить:
Тамъ можно будетъ вечеркомъ
Съ тобой увидѣться тайкомъ —
Я жъ дѣльцо до тебя имѣю,
Которо здѣсь сказать не смѣю».

VIII.

Лукавая красотка знала,
Какую онъ ей скажетъ вѣсть,
И, усмѣхнувшись, обѣщала
Постель къ ночи перенесть.
Трудненько у старухи въ лапѣ
Затѣять къ ночи переносъ,
Но гдѣ амуръ просунулъ носъ,
Тамъ точно будетъ дѣло въ шляпѣ.

IX.

Итакъ, пришла къ старухѣ дочь,
«Простите, матушка, что смѣю
Трудить васъ просьбою моею:
Позвольте нынѣшнюю ночь
Мнѣ лечь на эту галлерею.
Здѣсь въ домѣ, матушка, у насъ
Мнѣ тараканы надоѣли;
Здѣсь блохи всю меня изъѣли;
Здѣсь средства нѣтъ заснуть на часъ.

Ахъ, если любите вы дочку,
Пустите спать меня въ садочку,
Тамъ лягу въ чистой воздухъ я,
Притомъ услышу къ вечерочку
Пріятны пѣсни соловья»...

X.

Старуха, слыша то, склонилась
На просьбу дочери своей,
Но прежде мужу изъяснилась
О новой переборкѣ сей.
Пришедши къ своему сѣдому,
Сплела она такую рѣчь:
«Катюша просится изъ дому
На чистый воздухъ перелечь.
Ей хочется на галлереѣ
Послушать пѣсни соловья»...
«Какъ хочешь, воля въ томъ твоя!
Послушай, женушка моя»,
Сказалъ старикъ въ отвѣтъ Маланьѣ:
«Ни мало не противлюсь я
Исполнить дочери желанье.
Ты знаешь то давно сама,
Что дочь люблю я безъ ума,
И ей ни въ чемъ не прекословлю.
Хоть лягъ себѣ она на кровлѣ —
Я радъ для дочери своей
Все сдѣлать то, что любо ей».

XI.

Красотка наша въ восхищеньѣ,
Такое слыша позволенье,
Постелю вмигъ перенесла,
Потомъ Пролазу знать дала,

Чтобъ онъ одинъ во мракѣ ночи
Предстать изволилъ ей предъ очи.
Любовникъ не былъ Ѳалалей.
Лишь ночь желанна наступила
И черной епанчей своей
Московски стѣны всѣ покрыла,
Онъ, какъ стрѣла, пустился къ ней,
Гдѣ должно, лѣстницу подставилъ
И къ милой путь по ней направилъ,
Полѣзъ проворнѣе, какъ могъ,
И прямо къ ней въ постелю легъ.

XII.

О, сколько нѣжныхъ цѣлованій
И радостнѣйшихъ воздыханій
Ночная тайна скрыла тутъ!
Но мнѣ излишній будетъ трудъ
Вамъ все разсказывать подробно,
И врядъ ли чье перо способно
Любви утѣхи изъяснить!
Нѣтъ! Никакой піитъ, ни геній
Любовныхъ страстныхъ восхищеній
Не можетъ кистью описать...
Однакожъ, полно разсуждать,
А то конца не будетъ сказкѣ,
Приступимъ поскорѣй къ развязкѣ.

XIII.

. . . .
. . . .

XIV.

Межъ тѣмъ Аврора выходила
И тихо, тихо выводила

Изъ моря солнце за собой.
«Пора тебѣ, мой другъ, домой»,
Пролазу Катя говорила:
«Пора разстаться мнѣ съ тобой»....
. . . .

XV.

. . . .

XVI.

Отецъ глазами дочку мѣрилъ
И самъ глазамъ своимъ не вѣрилъ,
Но, наконецъ, преодолѣвъ
Жестокій свой отцовскій гнѣвъ,
Въ свою онъ спальну возвратился
И тутъ къ Маланьѣ обратился:
«Вставай, жена! Ну, ну, вставай!
Скорѣй», сказалъ, «за мной ступай!
Я не дивлюсь, что дочь моя
Хотѣла спать на галлереѣ
И слушать пѣсни соловья:
Она его подстерегла
И, къ счастью, наконецъ, поймала»...
. . . .

XVII.

. . . .

XVIII.

Мать съ радостью благословенье
Любезной дочкѣ понесла,
И вотъ ужъ къ ней она пришла.
Какое для нея явленье!

На лбу явилися у ней
Досады, злоба, удивленье
И сморщили всю рожу ей.
. . . .

XIX.

. . . .

XX.

«Здѣсь не обидитъ васъ никто»,
Отецъ въ отвѣтъ ему на то:
«Напрасно, господинъ Пролазъ,
Я сталъ бы гнѣваться на васъ
И мстить вамъ бранными словами:
Все то, по мнѣнью моему,
Служить не будетъ ни къ чему.
Вы въ томъ должны признаться сами,
Что крайне я обиженъ вами,
И такъ, чтобъ чортъ не ссорилъ насъ,
Чтобы на вѣки помириться,
Извольте вы при мнѣ сейчасъ
На дочери моей жениться,
Не то вы, господинъ Нарцисъ,
Отсюда головою внизъ
На дворъ въ минуту полетите...
Ну, выбирайте, что хотите.
Когда вамъ жизнь еще мила
И не постыла совершенно,
То должно грѣшныя дѣла
Вамъ бракомъ кончить непремѣнно.
Неужель захотите вы
Сегодня быть безъ головы?
Нѣтъ, это непріятно слишкомъ»....
Пролазъ дѣтина былъ съ умишкомъ,

Не захотѣлъ онъ промѣнять
На смерть любезную дѣвицу,
Не согласился онъ принять
На мѣсто сахару горчицу —
А вотъ что онъ сказалъ отцу:
«Я радъ идти сейчасъ къ вѣнцу.
Дочь ваша молода, прекрасна,
Ей вся душа моя подвластна.
Итакъ, чего же медлить намъ?
Инъ хлопнемъ, батька, по рукамъ»,
Глядишь — и свадебку сыграли.
Всякъ сталъ доволенъ, наконецъ.
«Пришло все въ ладъ», сказалъ отецъ:
«Теперь не унывайте, дѣти:
Ужъ соловей попался въ сѣти!»

Вл. Каллашъ.

Къ біографіи В. И. Григоровича.

1864-мъ годомъ, какъ извѣстно, заканчивается пора дѣятельности въ Казани знаменитаго слависта, профессора университета, Виктора Ивановича Григоровича. Лѣтомъ этого года, напутствуемый душевными благожеланіями товарищей, учениковъ и всѣхъ своихъ казанскихъ знакомыхъ, онъ переселился для продолженія своей высокой, научной и учено-педагогической службы въ Одессу, въ университетъ Новороссійскій, куда былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ излюбленной имъ славянской науки.

Намъ недавно посчастливилось получить въ руки тотъ сердечный адресъ, въ которомъ бывшіе въ Казани слушатели В. И. Григоровича, 16 января 1864 года, выражали свои душевныя чувства при разставаніи съ своимъ любимымъ и высокоцѣнимымъ профессоромъ-учителемъ и руководителемъ въ ихъ научныхъ занятіяхъ. Этотъ адресъ представляетъ собой довольно ветхую, но все же вполнѣ четкую и достаточно сохранившуюся, относительно полноты текста, рукопись.

Рукопись эта въ обыкновенный почтовый листъ большого формата, на всѣхъ четырехъ страницахъ котораго изложенъ текстъ прощальнаго привѣта. Писанъ онъ рукой перваго изъ 25 подписавшихся подъ нимъ. Въ подписяхъ, расположенныхъ въ два столбца (первый — 14 лицъ, а второй — 11), мы встрѣ-

чаемъ, конечно, имена слушателей историко-филологическаго факультета, но есть здѣсь студентъ юридическаго факультета, а также и кандидатъ педагогическаго института, бывшаго въ то время при Казанскомъ университетѣ.

Приводимъ текстъ адреса цѣликомъ, и въ заключеніе представимъ нѣкоторыя біографическія данныя о лицахъ, бывшихъ слушателяхъ незабвеннаго В. И. Григоровича, подписавшихъ этотъ прощальный адресъ.

Многоуважаемый Викторъ Ивановичъ!

Намъ суждено разстаться съ Вами и съ Вашей профессорской дѣятельностью. Потеря эта слишкомъ важна, чтобы не вызвать наружу тѣ задушевныя чувства, которыя глубоко укоренились въ сердцахъ вашихъ слушателей нераздѣльно съ Вашимъ именемъ. Ваше долголѣтнее, въ высшей степени честное, профессорское служеніе, Ваша благотворная педагогическая дѣятельность даютъ намъ право заявить Вамъ искреннее чувство благодарности не только отъ одного нашего имени, но отъ лица всѣхъ предшествовавшихъ намъ Вашихъ слушателей, такъ какъ сохранившіяся въ стѣнахъ университета преданія свято передавали смѣняющимся поколѣніямъ лишь чувство глубочайшей признательности къ Вашей личности, столь глубоко нами уважаемой.

Къ Вашимъ ученымъ трудамъ, извѣстнымъ всему образованному Славянскому міру, мы можемъ отнестись только съ глубокимъ уваженіемъ; но, о Вашей профессорской, педагогической дѣятельности мы имѣемъ право сказать больше, потому что она была исключительно посвящена намъ, Вашимъ слушателямъ, — энергическая, безукоризненная, самоотверженная. Мы всѣ одинаково цѣнимъ ее, хотя и не всѣ въ одинаковой степени могли пользоваться ею. Ваша аудиторія особенно влекла насъ къ себѣ: она была чистѣйшимъ святилищемъ науки,— только въ ней одной учились смотрѣть прямо въ глаза науч-

нымъ вопросамъ и находили честные отвѣты на нихъ въ Вашемъ вдохновенномъ словѣ. При этомъ нельзя не вспомнить той высокой готовности, той самоотверженной преданности своему дѣлу, во имя котораго Вы спѣшили дѣлиться съ нами обширнымъ запасомъ Вашей громадной эрудиціи и старались помочь всевозможными средствами обращавшимся къ Вамъ за совѣтами въ дѣлѣ науки, которой Вы служите такимъ блестящимъ представителемъ.

Эта откровенная, полная участія, общительность со студентами составляла рельефную, самую выдающуюся черту Вашего характера, отдающаго горячую симпатію всякому, кто пожелалъ бы вступить на поприще серьезныхъ научныхъ занятій. Заявить Вамъ искреннюю, горячую благодарность за это доброе, безкорыстное поощреніе и участіе въ научномъ развитіи Вашихъ слушателей, засвидѣтельствовать глубокое уваженіе къ Вашей личности — составляетъ цѣль этихъ строкъ, слабыхъ и недостаточныхъ для полнаго выраженія нашей симпатіи къ Вамъ, многоуважаемый Викторъ Ивановичъ.

Намъ остается только пожелать, разставаясь съ Вами, чтобы успѣхъ и слава напутствовали Вамъ въ Вашихъ дальнѣйшихъ начинаніяхъ, чтобы до насъ долетѣла молва о Вашей будущей ученой дѣятельности и объ ученыхъ трудахъ Вашихъ, которыхъ въ правѣ ожидать отъ Васъ всѣ, сколько-нибудь интересующіеся судьбой славянской науки. Повѣрьте, что никому не будутъ такъ пріятны эти ученые подвиги и тріумфы, какъ намъ, имѣющимъ счастье быть Вашими слушателями.

Съ своей стороны и мы поставимъ въ нашу священную обязанность передать будущимъ членамъ филологическихъ аудиторій память о Вашей ученой и профессорской дѣятельности, богатой такимъ широкимъ и всеобъемлющимъ содержаніемъ.

Пріймите еще разъ, Викторъ Ивановичъ, увѣреніе въ задушевной искренности нашихъ желаній и въ глубочайшемъ почтеніи, съ которымъ имѣемъ честь быть Ваши слушатели —

Николай Шефферъ,
Николай Воробьевъ,
Александръ Анисимовъ,
Иванъ Рейхъ,
Александръ Глѣбовъ,
Степанъ Фелицинъ,
Кандидатъ-педаг. Николай Лопатинъ,
Александръ Овсянниковъ,
Владиміръ Новосильцовъ,
Вл. Владиміровъ,
Василій Ларіоновъ,
В. Шостаковичъ,
Д. Корсаковъ.
Павелъ Тихановъ, студ. юридическаго факультета.
Николай Осокинъ,
Александръ Иноземцевъ,
Николай Опалевъ,
Дмитрій Третьяковъ,
Михаилъ Ходотовъ,
Ник. Новиковъ,
К. Дембровскій,
В. Масловъ,
Ив. Ягодинскій,
В. Левашовъ,
В. Юшковъ,

16 января, 1864 г.
Казань.

Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Императорскаго Казанскаго университета, можно почерпнуть слѣдующія свѣдѣнія относительно этихъ лицъ.

Николай Ивановичъ Шефферъ родился въ 1839 г., поступилъ въ число студентовъ Казанскаго университета въ 1861 году; кончивъ курсъ въ 1865 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента, въ 1866 году получилъ степень кандидата и былъ назначенъ преподавателемъ Самарской гимназіи. Въ настоящее время состоитъ управляющимъ имѣніями Августѣйшихъ дѣтей Великаго Князя Михаила Николаевича.

Николай Александровичъ Воробьевъ род. въ 1841 г., поступилъ въ университетъ въ 1859 году, кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1864 г., и въ 1865 году получилъ степень кандидата, былъ назначенъ въ предсѣдатели Пермской гимназіи въ 1867 г., а въ 1871 г. переведенъ въ Са-

ратовскую гимназію, затѣмъ, въ 1882 г. назначенъ инспекторомъ Камышинскаго реальнаго училища.

Александръ Игнатьевичъ Анисимовъ род. въ 1843 г., поступилъ въ университетъ въ 1859 г., кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1865 г., а въ 1866 году получилъ степень кандидата.

Иванъ Димитріевичъ Рейхъ род. въ 1843 г., поступилъ въ университетъ въ 1862 г., а въ 1865 г. перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Александръ Ивановичъ Глѣбовъ род. въ 1845 г., поступилъ въ университетъ въ 1863 г., кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1867 г. и назначенъ въ учителя Пензенской гимназіи.

Степанъ Николаевичъ Фелицинъ род. въ 1843 г., поступилъ въ университетъ въ 1863 г. и кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1867 году, получивъ назначеніе на должность учителя Брестской гимназіи.

Николай Алексѣевичъ Лопатинъ род. въ 1840 г., поступилъ въ студенты университета въ 1859 г., кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1863 г. и зачисленъ въ Педагогическіе курсы; въ 1865 году назначенъ учителемъ въ Астраханскую гимназію.

Александръ Николаевичъ Овсянниковъ род. въ 1842 г., поступилъ въ университетъ въ 1862 г., кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1866 году и въ этомъ же году получилъ степень кандидата, а также и мѣсто учителя въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ. Скончался, будучи въ отставкѣ, въ городѣ Казани.

Владиміръ Владиміровичъ Новосильцовъ род. въ 1841 г., поступилъ въ университетъ въ 1860 г. и въ 1864 г. кончилъ курсъ со степенью кандидата.

Владиміръ Владиміровичъ Владиміровъ — вольный слушатель университета въ 1860—64 г.; въ томъ же году получилъ свидѣтельство о прослушаніи курса историко-филологиче-

скихъ наукъ, сдалъ экзаменъ на званіе учителя и былъ назначенъ въ Императорскую I Казанскую гимназію. Скончался въ Казани, находясь въ отставкѣ.

Василій Григорьевичъ Ларіоновъ род. въ 1843 г., поступилъ въ университетъ въ 1860 году, кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1865 году, и въ томъ же году получилъ степень кандидата.

Владиславъ Петровичъ Шостаковичъ род. въ 1842 г., въ 1860 году поступилъ въ университетъ, а въ 1865 году кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и былъ назначенъ учителемъ Томской гимназіи въ 1870 году.

Дмитрій Александровичъ Корсаковъ род. въ 1843 г., поступилъ въ университетъ въ 1860 г., въ 1864 году кончилъ курсъ со степенью кандидата. Въ настоящее время заслуженный ординарный профессоръ русской исторіи Императорскаго Казанскаго университета.

Павелъ Никитичъ Тихоновъ; свѣдѣній о рожденіи нѣтъ,—поступилъ изъ Московскаго университета въ студенты юридическаго факультета Казанскаго университета въ 1860 г. и въ 1865 г. былъ уволенъ изъ числа студентовъ.

Николай Алексѣевичъ Осокинъ род. въ 1843 г., поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ въ 1860 г., перешелъ въ Казанскій въ 1862 году и въ 1865 году кончилъ курсъ со степенью кандидата, а затѣмъ проф. стипендіатъ, профессоръ и заслуженный ординарный профессоръ всеобщей исторіи Императ. Казанскаго университета. Скончался на службѣ, 29 декабря 1895 года.

Александръ Дмитріевичъ Иноземцевъ род. въ 1841 г., поступилъ въ университетъ въ 1861 г., въ 1865 году кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, въ 1866 г. получилъ степень кандидата и назначеніе на должность учителя 2-й Казанской гимназіи. Въ настоящее время директоръ Казанской 3-й гимназіи.

Николай Александровичъ Опалевъ род. въ 1845 г., посту-

пилъ въ университетъ въ 1862 г., а въ 1866 г. кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и поступилъ въ канцелярію Пермскаго губернатора.

Дмитрій Тимоѳеевичъ Третьяковъ род. въ 1843 году, въ 1860 году поступилъ въ университетъ, въ 1866 году кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и назначенъ въ учителя гимназіи. Въ послѣднее время состоялъ директоромъ Царицынской гимназіи; теперь въ отставкѣ.

Михаилъ Ивановичъ Ходотовъ род. въ 1833 г., поступилъ въ университетъ въ 1862 г. и въ 1866 г., кончивъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, былъ учителемъ Виленской гимназіи.

Николай Ѳомичъ Новиковъ род. въ 1843 г., въ 1862 г. поступилъ въ университетъ, и въ 1866 г., кончивъ курсъ со степенью кандидата, получилъ должность учителя Уфимской гимназіи.

Константинъ Григорьевичъ Дембровскій род. въ 1840 г., въ 1860 г. поступилъ въ университетъ, а въ 1864 г. кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и получилъ мѣсто учителя Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ, гдѣ, состоя на службѣ, скончался.

Василій Павловичъ Масловъ род. въ 1840 году, поступилъ въ университетъ въ 1860 г., кончилъ курсъ со званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1864 году, въ томъ же году получилъ степень кандидата и назначенъ учителемъ Нижегородскаго дворянскаго института.

Иванъ Михайловичъ Ягодинскій род. въ 1842 г., поступилъ въ университетъ въ 1859 г., а въ 1865 г. уволенъ; затѣмъ сдалъ экзаменъ на званіе учителя и получилъ мѣсто въ Уральской военной гимназіи. Скончался, въ отставкѣ, въ г. Казани.

Василій Александровичъ Левашевъ род. въ 1845 г., поступилъ въ университетъ въ 1862 г., въ 1866 г. кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента; учитель Самарской гим-

назіи въ 1867 г. и въ 1869 г. переведенъ въ Саратовскую гимназію.

Владиміръ Ѳирсовичъ Юшковъ род. въ 1844 г., поступилъ въ университетъ въ 1861 году, въ 1865 году кончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а въ 1866 г. получилъ степень кандидата и учитель Саратовской гимназіи, послѣ въ Тифлисской гимназіи и Московскомъ округѣ; нынѣ въ отставкѣ.

А. Александровъ.

Библіографія.

Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики А. П. Пятковскаго (Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и письма къ автору кн. Одоевскаго, бар. А. Г. Жомини и княгини М. А. Вяземской). Изд. 3-ье редакціи «Наблюдателя». Спб. 1901. Цѣна 1 р. 50 к. Перес. за 1 ф.

Подъ такимъ длиннымъ и много обѣщающимъ заглавіемъ выступаетъ маленькая въ 167 стр. книжечка крупнаго шрифта, на сѣрой и грязной бумагѣ съ еще болѣе сѣрой и грязной обложкой. Если бы не было помѣты, что книга издана въ Петербургѣ, гдѣ издательское дѣло поставлено довольно широко и, по крайней мѣрѣ, по внѣшности довольно чисто и въ послѣдніе годы съ большимъ пониженіемъ въ цѣнѣ, то можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ какой-нибудь отдаленной захолустной типографіей, съ изданіемъ какихъ-нибудь глухихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Громкое заявленіе о письмахъ къ автору кн. Одоевскаго, Жомини и кн. Вяземской сводится на мимоходомъ вставленное въ текстъ письмо кн. Одоевскаго да на двѣ крошечныхъ и совершенно ничтожныхъ записочки бар. Жомини и кн. Вяземской въ приложеніи на 101—102 стр.—матеріалъ ничего не выясняющій и незначительный (кромѣ письма кн. Одоевскаго).

Кн. Одоевскому отведены 1—102 стр., Веневитинову 105—167 страницы, очевидно, мало по самому количеству страницъ, которыя вдобавокъ еще разбавлены самой жидкой фразеологіей.

Противорѣчія начинаются съ первыхъ строкъ. Такъ, въ краткомъ предисловіи авторъ говоритъ, и это первыя его слова, что «замѣчательныя личности кн. В. Ѳ. Одоевскаго и Д. В. Веневитинова—этихъ двухъ современниковъ и ближайшихъ друзей—до сихъ поръ продолжаютъ интересовать образованную русскую публику»...,

а на стр. 5—8 находятся жалобы автора на равнодушіе русскаго образованнаго общества къ памяти своихъ великихъ людей вообще, памяти Одоевскаго и Веневитинова въ частности.

Изъ предисловія автора видно, что статья его о кн. Одоевскомъ впервые была напечатана въ 1880 г. въ Историческомъ Вѣстникѣ и вскорѣ затѣмъ вышла отдѣльной брошюрой, въ 1888 г. была включена во 2-ое изд. монографіи «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія» и, наконецъ, переиздается въ 1901 г. Можно подумать, что авторъ, самъ исчисляющій изданія, вносилъ въ нихъ какія-нибудь измѣненія, дополненія, улучшенія, поправки. Ничего подобнаго, однако, не оказывается. Все то, что являлось въ литературѣ объ Одоевскомъ и Веневитиновѣ, прошло незамѣченнымъ, а, между тѣмъ, въ печати появилось немало весьма цѣнныхъ сообщеній, преимущественно о кн. Одоевскомъ, какъ это и будетъ отмѣчено нами далѣе.

«Я въ долгу передъ памятью кн. Одоевскаго», такъ начинаетъ г. Пятковскій свой «литературно-біографическій очеркъ», и далѣе поясняетъ: «Его искреннее, сердечное расположеніе ко мнѣ, обнаруженное имъ съ первыхъ шаговъ моей литературной дѣятельности и затѣмъ не прерывавшееся въ теченіе многихъ лѣтъ, его откровенность въ бесѣдахъ со мною о разныхъ литературныхъ и общественныхъ вопросахъ, откровенность, дополнявшая, такъ сказать, для меня нѣкоторые пробѣлы (?) и умолчанія (?) его публичной дѣятельности, наконецъ, имѣющіеся въ моихъ рукахъ ненапечатанные матеріалы для его біографіи, все это давно уже обязывало меня присоединить и мой слабый голосъ къ хору добрыхъ воспоминаній»....

Уваженіе къ памяти почившаго литературнаго и общественнаго дѣятеля выражается не въ звонкихъ фразахъ, а въ любовномъ, тщательномъ и осторожномъ изученіи его жизни, его помысловъ, дѣлъ, стремленій,—и вмѣсто исполненія «долга», вмѣсто уваженія обнаруживается нѣчто совсѣмъ противоположное, когда, какъ это вышло у г. Пятковскаго, оставлены безъ вниманія цѣлые періоды въ жизни и дѣятельности писателя, когда полнымъ молчаніемъ обойдено то, что̀ составляло для писателя предметъ самыхъ горячихъ заботъ, радостей или огорченій, напр. относительно кн. Одоевскаго, его заботы о дѣтскомъ чтеніи, о народномъ чтеніи, объ изученіи народной и церковной музыки.

Вмѣсто спокойнаго научнаго отношенія къ изучаемымъ лицамъ и событіямъ, въ книгѣ г. Пятковскаго господствуетъ та̀ публици-

стическая манера, при которой объектъ изслѣдованіе исчезаетъ въ пучинѣ полемическаго боевого пустословія. Вся книга изложена въ такомъ приподнятомъ тонѣ, что вездѣ кажется, что авторъ съ кѣмъ-то воюетъ, что-то изобличаетъ, кого-то громитъ, хотя бы шла рѣчь о такихъ явленіяхъ, гдѣ по существу не должно быть ни грома, ни изобличеній. Ограничимся однимъ лишь примѣромъ, чтобы не возвращаться уже болѣе къ характеристикѣ авторскихъ литературныхъ пріемовъ: «Русскій пантеонъ, говоритъ г. Пятковскій, богатъ ложными святынями; громадное большинство нашего общества до сихъ поръ, сознательно или безсознательно, по преданію или въ силу ложнаго направленія своей собственной мысли, преклоняется предъ такими личностями, подвиги которыхъ не имѣютъ почти ничего или мало общаго съ дѣйствительными интересами народной жизни, съ несомнѣнными пріобрѣтеніями нашего умственнаго развитія; мы даже большіе охотники украсить этотъ отечественный пантеонъ все новыми и новыми прибавленіями, числомъ поболѣе, цѣною подешевле, и наша щедрая неразборчивость въ этомъ отношеніи можетъ сравняться только съ нашей убійственной апатіей съ истиннымъ, кровнымъ жертвамъ на поприщѣ общественной жизни и научнаго труда»... Обобщенія у автора мчатся вихремъ, и читатель увлекается въ разныя «мы», «наши», очевидно, на основаніи полнаго авторскаго произвола. Что это за «ложныя святыни»? какіе «подвиги» неправятся автору? въ чемъ состоятъ «дѣйствительные интересы народной жизни»? какія «новыя прибавленія» имѣются въ виду? все это покрыто мракомъ неизвѣстности, и читатель только начинаетъ чувствовать за собою какую-то непоправимую вину.

По словамъ графа Соллогуба, «кн. В. О. Одоевскій оставилъ по себѣ прекрасную память, какъ человѣкъ, какъ общественный дѣятель, какъ писатель, какъ ученый, какъ музыкантъ».

У г. Пятковскаго кн. Одоевскій получилъ оцѣнку почти исключительно съ точки зрѣнія его высокаго личнаго характера и общественной и государственной дѣятельности.

Главныя заслуги кн. Одоевскаго—литературныя. Самъ г. Пятковскій на стр. 28 говоритъ, что кн. Одоевскій — чрезвычайно высоко ставилъ литературу, «считая ее необходимымъ дополненіемъ и даже какъ бы коррективомъ и указателемъ для государственной практики, для законодательныхъ постановленій»... и затѣмъ на стр. 43 г. Пятковскій отказывается отъ изученія литературной дѣятельности кн. Одоевскаго. «Мы намѣреваемся, говоритъ здѣсь

г. Пятковскій, опредѣлить точнѣе впослѣдствіи характеръ и значеніе литературной дѣятельности кн. Одоевскаго (цвѣтущаго ея періода съ 1830—1840).... важный этотъ предметъ требуетъ для себя подробной и обстоятельной монографіи». И тутъ г. Пятковскій утверждаетъ съ подчеркиваніемъ, что общій смыслъ литературной дѣятельности Одоевскаго тѣсно связывался съ характеромъ его дѣятельности общественной». Положеніе это вѣрное; и устранивъ изученіе литературной дѣятельности кн. Одоевскаго, г. Пятковскій тѣмъ самымъ сильно обезцвѣтилъ и обезцѣнилъ свою характеристику кн. Одоевскаго, какъ общественнаго дѣятеля.

О кн. Одоевскомъ, какъ ученомъ, какъ музыкантѣ, г. Пятковскій упоминаетъ лишь случайно и мимоходомъ, нигдѣ не давая ни малѣйшихъ указаній, въ чемъ выражались научные интересы кн. Одоевскаго (вкратцѣ упомянуто лишь о его философскихъ интересахъ). Многое даже и не упомянуто; напр., совсѣмъ оставлена въ сторонѣ дѣятельность кн. Одоевскаго, какъ писателя для дѣтей, дѣятельность въ высокой степени почтенная и плодотворная, такъ какъ дѣдушка Ириней (псевд. кн. Одоевскаго) занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи русской педагогики.

Изъ книги г. Пятковскаго не видно, чтобы авторъ ознакомился съ тѣмъ, что до него было писано о кн. Одоевскомъ. Источники и пособія указаны случайно, мимоходомъ, мѣстами въ текстѣ, мѣстами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, причемъ, очевидно, самъ авторъ не придаетъ значенія своимъ ссылкамъ, и потому, упоминая, напр., о журналахъ стараго времени, не только не указываетъ страницъ, но нѣтъ указаній на №№ книгъ, нѣтъ даже годовъ, напр.: «подобную (?) же мысль Одоевскій высказывалъ и въ своихъ кабинетныхъ замѣткахъ, частью напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» и только. Когда? въ какомъ году? въ какой книгѣ? читателю предоставляется самому отгадывать.

Вторая глава начинается такъ: «Князь В. Ѳ. Одоевскій, послѣдній потомокъ древнѣйшаго на Руси княжескаго рода Рюриковичей, угасшаго съ его смертью, род. 30 іюля 1803 г. и получилъ образованіе въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ окончилъ курсъ съ золотой медалью въ 1821 г.»; далѣе идетъ рѣчь уже объ этомъ пансіонѣ. Такимъ образомъ 19 первыхъ лѣтъ жизни кн. В. Ѳ. Одоевскаго улеглись въ четыре печатныхъ строчки. Нѣтъ никакихъ данныхъ о родителяхъ кн. Одоевскаго, о дѣтствѣ, первоначальномъ обученіи, а между тѣмъ г. Пятковскій писалъ свою статью въ Петербургѣ вскорѣ послѣ смерти кн. Одоевскаго, былъ лично съ нимъ

знакомъ, встрѣчался съ его родственниками и друзьями и могъ бы собрать какія-либо свѣдѣнія о первоначальныхъ стадіяхъ его духовнаго развитія.

Г. Пятковскій совсѣмъ не касается интереснаго вопроса, какое значеніе въ жизни и литературной дѣятельности кн. Одоевскаго имѣла его родовитость. А между тѣмъ вопросъ этотъ интересный, тѣмъ болѣе, что при родовитости у кн. Одоевскаго были широко развиты чисто демократическія стремленія. Иногда получалось такое рѣзкое противорѣчіе между кн. Одоевскимъ—аристократомъ и кн. Одоевскимъ демократомъ и публицистомъ, что самъ Одоевскій попадалъ въ весьма трудныя положенія, и въ однихъ случаяхъ выходилъ изъ нихъ блистательно, напр., въ вопросѣ о дворянскихъ привиллегіяхъ, въ другихъ дѣлалъ ошибки, напр., при попыткѣ оградить заранѣе путемъ цензуры свое имя при выходѣ собранія сочиненій 1844 г., изъ опасенія какихъ-либо выходокъ со стороны своихъ литературныхъ противниковъ.

Если бы г. Пятковскій справился въ тѣхъ бумагахъ кн. Одоевскаго, которыя поступили въ Императорскую Публичную Библіотеку, воспользовавшись готовой уже описью ихъ въ отчетѣ И. Публ. Библ. за 1884 г. (вышл. въ 1887 г.), то изовлекъ бы изъ этихъ бумагъ цѣлый рядъ полезныхъ указаній. Тутъ г. Пятковскій нашелъ бы родословные списки кн. Одоевскихъ, составленныя самимъ кн. В. Θ. Одоевскимъ, нашелъ бы рядъ автобіографическихъ замѣтокъ и матеріаловъ кн. Одоевскаго, касающихся ранняго періода его жизни. Такъ, въ папкѣ подъ № 87 оказывается отрывокъ автобіографіи, въ папкѣ подъ № 101 ст. «Мои записки»—начало автобіографіи. Въ той же папкѣ хранится аттестатъ, выданный кн. В. Θ. Одоевскому изъ Московскаго Благороднаго Пансіона. Уже эти матеріалы, по всей вѣроятности, дали бы не мало новыхъ свѣдѣній о юношескихъ годахъ кн. Одоевскаго. Свѣдѣнія эти можно было бы значительно расширить на основаніи многочисленныхъ замѣтокъ кн. Одоевскаго, оставшихся въ его рукописяхъ, по вопросамъ первоначальнаго воспитанія и обученія, въ виду того, что тутъ многое основано на личныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ кн. Одоевскимъ въ годы его дѣтства и юности.

Въ книгѣ г. Пятковскаго выдвинуто лишь два вліянія московскаго благороднаго пансіона на кн. Одоевскаго—философское и литературное; но этого мало. Благородный пансіонъ оказалъ на Одоевскаго благотворное вліяніе еще въ томъ отношеніи, что развилъ въ немъ любовь къ музыкѣ. Кн. Одоевскій съ благодарностью вспо-

миналъ о пансіонномъ учителѣ музыки Шпревичѣ, который познакомилъ его съ музыкой Баха, тогда едва извѣстной въ Москвѣ. Высокое уваженіе кн. Одоевскаго къ музыкѣ Баха нашло себѣ выраженіе въ одномъ изъ лучшихъ его разсказовъ въ «Русскихъ Ночахъ».

Удѣляя нѣкоторое вниманіе лишь первоначальной литературной дѣятельности кн. Одоевскаго, г. Пятковскій посвящаетъ нѣсколько страницъ «Мнемозинѣ», называя вездѣ это изданіе журналомъ, хотя гораздо правильнѣе было бы называть его альманахомъ. 20-ые годы были временемъ альманаховъ. Что «Мнемозина» вышла въ 4 книгахъ, это ничуть не мѣшаетъ ее права названіе альманаха. Бывали и другіе альманахи въ нѣсколькихъ №№, напр., «Полярная Звѣзда» (1823—1825 г.) въ 3 книгахъ.

Въ IV гл. г. Пятковскій останавливается на литературныхъ вечерахъ кн. Одоевскаго. Матеріалъ небольшой и устарѣлый. Если бы г. Пятковскій поинтересовался литературой предмета съ 1880 г., то нашелъ бы для себя много полезнаго, и страницы, посвященныя литературнымъ вечерамъ кн. Одоевскаго въ третьемъ изданіи 1901 г. получили бы совсѣмъ другой видъ, напр., изъ Русск. Архива 1884, III, 179 г. Пятковскій узналъ бы кое-что любопытное объ участіи Крылова; еще болѣе интересныя сообщенія по этому поводу находятся въ Рус. Арх. 1892, I, 86, въ Рус. Стар. 1890 г., т. 67, стр. 632 и др. Случайный свидѣтель, чужестранецъ Скайлеръ въ нѣсколькихъ строкахъ своихъ воспоминаній даетъ болѣе отчетливую обрисовку литературныхъ вечеровъ кн. Одоевскаго, чѣмъ далъ г. Пятковскій—русскій человѣкъ, лично посѣщавшій кн. Одоевскаго. «Въ его знаменитомъ кабинетѣ, говоритъ Скайлеръ, въ которомъ всѣ русскіе писатели отъ Пушкина до Толстого такъ часто бесѣдовали, гдѣ сидѣли Глинка и Берліозъ, всѣ были равны и совершенно дома. Съ самымъ мелкимъ чиновникомъ обходились одинаково, какъ съ министромъ или посломъ. Пріемъ былъ одинаково добродушный для всѣхъ, съ одинаковымъ желаніемъ обязать и услужить. Княгиня Ольга была также очаровательна, какъ ея мужъ, хотя въ различномъ направленіи».... Нужно отдать справедливость иностранцу, который не забылъ упомянуть о супругѣ кн. Одоевскаго, почти совсѣмъ незамѣченной въ исторической литературѣ.

Г. Пятковскій совершенно пренебрегъ всѣми литературными связями и отношеніями кн. Одоевскаго, а между тѣмъ кн. Одоевскій стоялъ близко и къ западникамъ, и къ славянофиламъ, и къ писателямъ аристократической среды, и къ писателямъ плебейскаго

происхожденія, къ людямъ разныхъ знаній и разныхъ спеціальностей. Біографъ Погодина Барсуковъ написалъ бы по этому поводу нѣсколько томовъ. Кн. Одоевскій давно уже заслуживаетъ надлежащей біографіи, которая разсматривала бы его свѣтлую и благородную жизнь на широкомъ историческомъ фонѣ всей современной ему бытовой и литературной обстановки.

Сообщенія г. Пятковскаго объ участіи кн. Одоевскаго въ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ послѣ того, что было напечатано по этому поводу на сторонѣ послѣ 1880 г., потеряли всякое значеніе [1]).

Съ наибольшей подробностью г. Пятковскій, какъ это и подобало публицисту, останавливается на отрицательныхъ сужденіяхъ кн. Одоевскаго о цензурѣ; но въ тоже время публицистическія привычки г. Пятковскаго завлекаютъ его иногда такъ далеко, что онъ къ взглядамъ кн. Одоевскаго пріурочиваетъ свои собственные и съ необыкновенной легкостью приспособляетъ изучаемаго писателямъ къ своимъ личнымъ вкусамъ и цѣлямъ. Такъ, на стр. 60 г. Пятковскій приплелъ кн. Одоевскаго къ своему извѣстному юдофобтву совершенно напрасно. Кн. Одоевскій говоритъ, что злоупотребленіе понятіемъ народности приводитъ къ безсмыслицѣ и въ такомъ случаѣ увлеченіе народностью можетъ обратиться въ наслѣдственную болѣзнь, причемъ имѣется въ виду, очевидно, возможность такого злоупотребленія со стороны самихъ русскихъ людей; но г. Пятковскій ставитъ сначала слова напр., «еврейство» и далѣе выводитъ уже по этой канвѣ вполнѣ самостоятельные узоры, изобличаетъ «дикую претензію еврейской національной гордыни», съ ссылкой, правда, на Хомякова; но Хомяковъ тутъ къ дѣлу не идетъ, а Одоевскій и того менѣе какъ человѣкъ вполнѣ чуждый какой-либо національной нетерпимости или національнаго осужденія по адресу другой какой-либо народности, хотя бы и еврейской. Врожденное и хорошо воспитанное чувство благородства предохранило его вполнѣ отъ какихъ-либо «дикихъ претензій» и дикихъ осужденій [2]).

Г. Пятковскій говоритъ, что «крестьянская реформа поглощала

1) См. напр., цѣнную статью г. Боцяновскаго о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ и Обществѣ посѣщ. бѣдныхъ 1899 г. (отт. изъ журн. «Трудовая Помощь» 1899 I—IV).

2) Въ бумагахъ кн. Одоевскаго, поступившихъ въ Имп. Публ. Библ., находится статья «Походъ татарщины противъ евреевъ». Здѣсь кн. Одоевскій высказывается въ пользу допущенія евреевъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, на государственную службы (Отч. И. П. Библ. 1884, 18).

все вниманіе кн. Одоевскаго» (65). Въ 1861 г. г. Пятковскій уже былъ лично знакомъ съ кн. Одоевскимъ, бывалъ у него въ домѣ, получалъ отъ него письма съ литературными наставленіями, и то, что отмѣчено на 65—66 стр., не лишено значенія для характеристики гражданскаго настроенія кн. Одоевскаго, но и въ этомъ отношеніи изслѣдованіе г. Пятковскаго не мало выиграло бы, если бы авторъ, не ограничиваясь своими личными воспоминаніями, заглянулъ въ литературу, хотя бы въ Рус. Арх. 1871 г., гдѣ онъ нашелъ бы стихотвореніе кн. Одоевскаго, чуть ли не единственный его поэтическій опытъ, быть можетъ, заимствованіе такого содержанія:

Тобой свершилось желанное вѣками;
Возрадовалась Русь довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда.

Если сравнить это стихотвореніе съ тѣмъ, что говоритъ Никитенко въ своемъ Дневникѣ по поводу освобожденія крестьянъ, съ тѣмъ, что писалъ А. М. Тургеневъ своей дочери по тому же поводу, то отношеніе кн. Одоевскаго къ освободительной реформѣ и къ Царю-Освободителю могло бы обрисоваться весьма рельефно на общемъ фонѣ широкихъ общественныхъ интересовъ лучшихъ русскихъ людей того времени.

Изъ тѣхъ многочисленныхъ областей въ дѣятельности кн. Одоевскаго, которыя въ статьѣ г. Пятковскаго совсѣмъ пройдены молчаніемъ, особенно напоминаетъ о себѣ его музыкальная дѣятельность, чрезвычайно разнообразная и поучительная. Важны заботы кн. Одоевскаго о музыкѣ церковной, о музыкѣ народной; но особенно заслуживаетъ вниманіе его серьезное и вдумчивое отношеніе къ выдающимся современнымъ музыкальнымъ явленіямъ. Достаточно остановиться хотя бы на одномъ эпизодѣ, на отношеніи кн. Одоевскаго къ М. И. Глинкѣ, и получится цѣлая монографія, важная и для оцѣнки нравственной личности кн. Одоевскаго, и для исторіи музыки въ Россіи, а остановиться на отношеніяхъ кн. Одоевскаго къ Глинкѣ тѣмъ легче, что и въ печатныхъ матеріалахъ (см. Рус. Стар. 1886, т. 49, стр. 656, 660—665, Рус. Стар. 1892 г., т. 76, стр. 583 и др.), и въ его рукописяхъ (см. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1884 г.) находится много цѣнныхъ указаній.

Г. Пятковскій посвящаетъ нѣсколько страницъ филантропической дѣятельности кн. Одоевскаго въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, нѣсколько строкъ его заботамъ о Кольцовѣ,—но всего этого

слишкомъ мало для оцѣнки филантропической дѣятельности князя Одоевскаго. Не говоря уже о его рукописяхъ, гдѣ разбросано много замѣтокъ и набросковъ статей филантропическаго характера, и въ печати извѣстно много любопытныхъ въ этомъ отношеніи подробностей, совсѣмъ незамѣченныхъ авторомъ при двукратномъ перепечатываніи статьи объ Одоевскомъ. Такъ, небезынтересно узнать, о какомъ Болшевскомъ пріютѣ, устроенномъ «благодѣтельнымъ кн. Одоевскимъ», упоминаетъ Кюхельбекеръ въ своихъ Запискахъ. (Рус. Стар. 1884, Май, 318). Интересно далѣе, что кн. Одоевскій въ 1847 г. отнесся съ одобреніемъ къ лекціи Веселовскаго объ улучшеніи жилищъ рабочихъ.

Г. Пятковскій просвѣтительной дѣятельности кн. Одоевскаго по части составленія статей для народнаго чтенія и изданія популярнаго журнала «Сельское Чтеніе» посвятилъ всего три строчки, да и то сдѣлалъ въ нихъ крупную описку (если не ошибку), называя сотрудника и товарища кн. Одоевскаго по изданію «Сельскаго Чтенія» Заблоцкаго-Десятовскаго Заблоцкимъ-Девятовскимъ. А между тѣмъ самое «Сельское Чтеніе», какъ одно изъ первыхъ по времени и лучшихъ по содержанію, изданій для народа, заслуживаетъ спеціальнаго разбора, что, впрочемъ, отчасти и сдѣлано, помимо г. Пятковскаго, въ нѣсколькихъ статьяхъ, между прочимъ, и мной въ брошюрѣ о кн. Одоевскомъ 1884 г.

Нѣкоторый интересъ представляютъ 64, 65, 85, 87—90 стр., гдѣ авторъ говоритъ о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Одоевскому и сообщаетъ о его воззрѣніяхъ на задачи цензуры и знакомствѣ его съ Н. А. Милютинымъ.

Заканчивая свое изслѣдованіе описаніемъ кончины кн. Одоевскаго, г. Пятковскій, кромѣ нѣсколькихъ теплыхъ словъ, какія бываютъ въ некрологахъ, не даетъ ничего, не даетъ никакихъ указаній какъ отнеслись современники къ кончинѣ Одоевскаго. А между тѣмъ у автора подъ руками былъ уже готовый, подобранный матеріалъ. Какъ значится въ описаніи бумагъ, оставшихся послѣ смерти Одоевскаго, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и описанныхъ г. Бычковымъ, въ переплетѣ подъ № 101 находятся, между прочимъ, «печатныя извѣстія о кончинѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго и два слова, сказанныя при его погребеніи». Сообщеніе объ этомъ находится въ «Отчетѣ» И. П. Библ., вышедшемъ въ 1887 г. т. е. за 14 лѣтъ до выхода 3-го изд. статьи г. Пятковскаго, и авторъ, слѣдовательно, имѣлъ достаточно времени, чтобы справиться въ Публ. Библ. и внести дополненія.

Но, очевидно, какія-либо справки и дополненія не входили въ цѣли автора, и онъ совсѣмъ не воспользовался даже такимъ сподручнымъ и важнымъ пособіемъ, какъ описаніе бумагъ Одоевскаго, сдѣланное г. Бычковымъ, на 65 страницахъ «Отчета» И. П. Библіотеки, трудъ большой и необходимый для всякаго, кто пожелаетъ поближе ознакомиться съ разнообразіемъ общественныхъ и литературныхъ интересовъ кн. Одоевскаго.

Статья о Д. В. Веневитиновѣ написана г. Пятковскимъ давно, въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ 1860 г. г. Пятковскій познакомился съ кн. Одоевскимъ и воспользовался его указаніями для передѣлки статьи, при помѣщеніи ея при изданіи соч. Веневитинова. Одоевскій, между прочимъ, указалъ автору на значеніе «Московскаго Вѣстника». «Отдѣльный оттискъ моей статьи, говоритъ г. Пятковскій (стр. 65), былъ удержанъ кн. Одоевскимъ и потомъ возвращенъ мнѣ, испещренный разными дополнительными замѣтками». Такимъ образомъ въ учетѣ лучшихъ качествъ статьи — значительной содержательности и стройнаго изложенія — нужно имѣть въ виду благотворное вліяніе опытнаго писателя кн. Одоевскаго.

Статья г. Пятковскаго о Веневитиновѣ не потеряла значенія, и нынѣ она представляется однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій объ этомъ рано погибшемъ талантѣ. Написана она живо, съ увлеченіемъ, мѣстами съ лишней фразеологіей, съ неумѣстными предположеніями (напр. на 111 стр. о мотивахъ запрещенія посѣщать театръ и др.), съ юношескимъ задоромъ, неоправдываемымъ исторической давностью. Много выраженій небрежныхъ и неточныхъ, напр., на 116 стр. и 123 стр. (ребяческое толкованіе мистицизма). Много преувеличеній, напр., на 122 стр. (будто Катенинъ игралъ важную роль въ жизни А. Пушкина). Авторъ рубитъ съ плеча, не всегда обдумывая свои положенія и выводы, напр.: философія (И. В.) Кирѣевскаго сильно страдала недостаткомъ осязательныхъ выводовъ, отсутствіемъ опредѣленныхъ очертаній» (123), положенія, по меньшей мѣрѣ, спорныя. Авторъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки выдѣлить литературные пріемы или подражаніе изъ круга дѣйствительныхъ фактовъ, и потому вполнѣ довѣрчиво относится къ словамъ юноши Веневитинова въ ст. «Жизнь» (стр. 131), что жизнь ему опостылѣла, не предполагая даже, что въ такой преждевременной опостылости сквозитъ искусственная и напускная рамантическая нотка, излюбленная многими писателями того времени, обнаруживающаяся и въ лицейскихъ стихотвореніяхъ А. Пушкина.

Къ числу поверхностныхъ и ошибочныхъ сужденій автора нужно

отнести его замѣчаніе на стр. 142, что Карамзинъ «не обнаруживалъ критическаго взгляда, придираясь къ словамъ и останавливаясь преимущественно на мелочахъ».

И въ статьѣ о Веневитиновѣ не мало болтливости и публицистическаго размашистаго пустословія (напр. на 164 стр.).

Въ общемъ статья г. Пятковскаго о Веневитиновѣ представляется живой и бойкой работой студенческаго характера, съ тѣмъ различіемъ, что отъ студенческой работы обыкновенно требуется указаніе источниковъ и пособій, правильность ссылокъ и цитатъ и пр. т. п., а г. Пятковскій остался свободнымъ отъ такого рода требованій. Хотя литература о Веневитиновѣ не велика и по выходѣ въ свѣтъ статьи г. Пятковскаго о Веневитиновѣ не появлялось крупныхъ изслѣдованій; но все таки въ печати были кое-какіе цѣнные матеріалы, которыми авторъ нимало не воспользовался при повторительныхъ изданіяхъ своей статьи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣтно упущеніе такой дѣльной и содержательной статьи, какъ ст. М. Веневитинова «Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова» въ Рус. Арх. 1885, I, 113—131.

Н. Сумцовъ.

2 марта 1903 г.

Къ вопросу о славянскомъ элементѣ въ румынскомъ языкѣ.

Histoire de la langue roumaine par *Ovide Densasianu*. Tome premier. Fasc. I—II. Paris. 1901. XXXI+304.

Работа молодого профессора румынскаго языка Букурештскаго университета Овида Денсушяну по исторіи румынскаго языка интересна и для славистовъ, такъ-какъ въ книгѣ есть цѣлая глава, посвященная славянскому вліянію на румынскій языкъ (pp. 237—287). Несмотря на всю эрудицію и массу фактовъ, работа г. Денсушяну страдаетъ многими недостатками, объясняемыми тѣмъ, что авторъ мало, повидимому, знакомъ съ сравнительнымъ языкознаніемъ. Онъ смѣшиваетъ фонетическія явленія съ морфологическими, плохо различаетъ вторичныя образованія, очень рѣдко объясняетъ факты языка аналогіями, и видитъ иногда древность тамъ, гдѣ измѣненія произошли, скорѣе всего, въ недавнее время. Но ввиду того, что

подобныхъ работъ до сихъ поръ мы не имѣли и что въ будущемъ книга г. Денсушяну, несомнѣнно, будетъ положена въ основу изученій румынскаго языка въ его прошломъ многими учеными, мы скажемъ немного о славянскомъ отдѣлѣ.

Въ первые два выпуска «Исторіи румынскаго языка» вошли слѣдующія главы, имѣющія почти самостоятельное значеніе:

Введеніе (pp. XIII—XXXI). Краткая исторія румынской филологіи съ конца XVIII и въ XIX вѣкѣ. Намъ казалось-бы, что напрасно авторъ не сказалъ болѣе подробно о филологическихъ экскурсахъ первыхъ румынскихъ хронистовъ, которые пользовались данными языка для рѣшенія историческихъ вопросовъ. Затѣмъ, г. Денсушяну слишкомъ строго отнесся къ работамъ *А. Филиппиди* «Introducere in istoria limbeĭ şi literatureĭ romîne» и «Principiĭ de istoria limbeĭ», и по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ не упоминаетъ о лингвистическихъ трудахъ своего товарища по каѳедрѣ *Лазаря Шаиняну*.

Глава I (pp. 3—7). «Романизація Балканскаго полуострова». Эту небольшую главу слѣдовало-бы перевести на русскій языкъ.

Глава II (pp. 8—39). «L' élément autochton». Слѣды дакійскаго и ѳракійскихъ языковъ въ румынскомъ, албанскомъ, болгарскомъ и другихъ. Обиліе гипотезъ и отсутствіе положительныхъ данныхъ дѣлаютъ эту главу малоцѣнной.

Глава III (pp. 40—203). Самый обширный отдѣлъ этого тома посвященъ латинскому вліянію и представляетъ, повидимому, лучшую и болѣе цѣнную часть работы г. Денсушяну. Здѣсь у него были предшественники въ лицѣ многихъ романистовъ, главнымъ образомъ, сотрудниковъ романской энциклопедіи *M. W. Meyer'a-Lübke* «Grundriss der romanischen Philologie» («Grammatik der romanischen Sprachen»).

Глава IV (pp. 204—236). «Développement du roman balkanique jusqu'à l' invasion des slaves». Для слависта этотъ отдѣлъ интересенъ въ томъ отношеніи, что изслѣдователь приводитъ нѣкоторыя формы румынскаго языка въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ фиксированы до начала славянскаго вліянія. Это даетъ намъ нѣкоторый критерій для сужденія о приблизительной хронологіи важнѣйшихъ славянскихъ заимствованій.

Глава V (pp. 237—287). «Славянское вліяніе».

Глава VI (pp. 288—304 и слѣд.) «Румынскій языкъ на сѣверѣ и на югѣ отъ Дуная. Происхожденіе трехъ его діалектовъ».

Прежде чѣмъ передать содержаніе пятой главы книги г. Ден-

сушяну, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ историческихъ событіяхъ, при которыхъ произошло первое знакомство румынъ со славянами. Славянское вліяніе на языкъ румынъ началось, вѣроятно, вскорѣ послѣ перваго знакомства новыхъ поселенцевъ въ земляхъ старыхъ римскихъ провинцій со славянами. Въ настоящее время объ этомъ никто не споритъ, но нерѣшеннымъ остается вопросъ, въ какихъ приблизительно мѣстностяхъ могло произойти столкновеніе этихъ двухъ народностей. Цѣлый рядъ изслѣдователей — Тунманъ, Сульцеръ, Энгель, Рёсслеръ, Томашекъ, Пичъ, Бидерманъ, Дриновъ, Гротъ, Успенскій, Васильевскій, Швикеръ, Гунфалви, Гурмузаки и др. — указывали, какъ на родину румынской націи, мѣстности на югъ отъ Дуная, въ Балканахъ, куда въ III в. по Р. Х., предъ нашествіемъ варваровъ, удалился со своими легіонами Авреліанъ. Разница между выводами ученыхъ заключалась только въ датировкѣ эпохи вторичнаго возвращенія сформировавшагося уже въ этническомъ и лингвистическомъ отношеніи румынскаго народа на старыя мѣста Траяновой Дакіи (отъ начала IX вѣка по XIII вѣкъ).

На защиту старой теоріи о карпатской родинѣ румынъ выступилъ *А. Д. Ксенополъ*. Въ обширномъ изслѣдованіи «Teoria luĭ Roessler» онъ доказывалъ, что колыбелью румынскаго народа могли быть только горы Трансильваніи, куда населеніе придунайской долины и южныхъ отроговъ Карпатскихъ бѣжало предъ нашествіемъ готовъ и гдѣ вело пастушескій образъ жизни; только здѣсь оно могло сохранить въ такой сильной степени свой романскій обликъ. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ доказательствъ служили для Ксенопола тѣ славянскія слова, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что румыны познакомились со славянами именно на сѣверѣ отъ Дуная, при одинаковыхъ условіяхъ съ мадьярами [1]). Противъ теоріи Ксенопола и направлены разсужденія г. Денсушяну.

По его мнѣнію, едвали слѣдуетъ искать родину румынскаго языка исключительно на сѣверѣ отъ Дуная, куда рано пересажена была латинская культура. Если даже въ романизаціи Дакіи видятъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ изъ исторіи распространенія латинскаго языка на востокѣ Европы, то не слѣдуетъ думать, что когда-нибудь можно будетъ объяснить темное прошлое румынскаго языка, не перейдя за предѣлы этой провинціи. Покореніе Дакіи римлянами тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ фактовъ, ко-

1) См. протоколы засѣданія Слав. Комм. Моск. Археологич. Общ-ва о сообщеніи А. И. Яцимирскаго «Культурный очеркъ древнихъ румынскихъ господарствъ», *Древности*, т. III, 2, стр. 51—52.

торыми не слѣдуетъ пренебрегать ни филологамъ, ни историкамъ, желающимъ объяснить многочисленныя проблемы въ вопросѣ о происхожденіи румынъ. Дѣло въ томъ, что всѣ изслѣдователи смотрѣли на дѣло слишкомъ прямолинейно: одни искали родину румынскаго элемента въ Балканахъ, другіе — въ Карпатахъ. А это происходило отъ того, что никто до сихъ поръ не могъ отрѣшиться отъ тѣхъ представленій о значительности латинскаго вліянія на сѣверѣ отъ Дуная, которыя такъ усердно защищались школой трансильванскихъ ученыхъ. Если мы забудемъ на время эту историческую традицію и станемъ изучать румынскій языкъ сравнительно съ латинскимъ, то наряду съ нѣкоторыми латино-дакійскими чертами предъ нами рельефно будетъ вырисовываться какая-то средняя область, скорѣе всего, *земли между Адріатикой и Дунаемъ*. Романизація глубоко проникла въ большую часть мѣстностей Балканскаго полуострова, а живыя сношенія, существовавшія почти во всѣ эпохи между римскимъ элементомъ Дакіи, Ѳракіи, Иллиріи и др. областей, не позволяютъ намъ искать родину румынскаго языка исключительно въ предѣлахъ Карпатъ. Отрицать распространеніе латинской культуры на югъ отъ Дуная, это значило бы выбрасывать изъ исторіи румынскаго языка наиболѣе цѣнную главу. Кромѣ того, было бы положительно невозможнымъ уяснить себѣ всѣ послѣдствія покоренія Дакіи, безъ знакомства съ фактами, предшествовавшими этому событію и облегчившими распространеніе латинскаго языка на Балканскомъ полуостровѣ (стр. 3—4).

Слѣдующій отдѣлъ въ книгѣ г. Денсушяну посвященъ вопросу о размѣрахъ романизаціи всего полуострова во II вѣкѣ по Р. Хр. Мы опускаемъ пересказъ этихъ разсужденій, такъ-какъ они основаны на трудахъ нѣмецкихъ и чешскихъ историковъ [1]). Приведемъ только выводъ г. Денсушяну. «Если бы, послѣ покоренія Иллиріи, римляне, — говоритъ онъ, — обратились къ Дакіи раньше, чѣмъ была романизована вся Мизія, Ѳракія и Македонія, то румынскаго языка въ настоящее время не существовало-бы. Латинскій языкъ,

1) G. Zippel, Die römische Herrschaft in Illyrien bis auf Augustus. Leipzig, 77; H. Cons, La province romaine de Dalmatie. P. 81; C. Patsch, Archäol.-epigr. Untersuch. zur Geschichte der röm. Provinz Dalmatien. Vienne, 99 изъ *Wissenschaftl. Mittheil. aus Bosnien und der Hercegovina*, VI; D. Kalopothakes, De Thracia provincia romana. Berlin, 93; A. Budinszky, Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und die Provinzen des römischen Reichs, Berlin, 81; I. Iung, Die romanischen Landschaften des römischen Reiches, Innsbruck, 81. Его же, Römer und Romanen in den Donauländern, Innsbruck, 87.

который развился бы при указанныхъ условіяхъ на сѣверѣ отъ Дуная, долженъ бы былъ направиться въ своемъ распространеніи на западъ, гдѣ въ теченіе вѣковъ онъ исчезъ бы и поглотился языкомъ итальянскимъ или ретороманскимъ. Съ другой стороны, если бы римляне остановились на Дунаѣ и не основались бы въ Дакіи и Панноніи, то западный романскій языкъ, естественно, былъ бы представленъ не больше, какъ въ какой-нибудь небольшой группѣ, вродѣ нынѣшней македоно-румынской. Если же румынскій языкъ существуетъ въ настоящее время въ главныхъ своихъ діалектахъ, дако- истро- и македоно-румынскомъ, то все это мы должны приписать тому обстоятельству, что латинскій языкъ былъ живымъ языкомъ населенія на всемъ пространствѣ между Карпатами и границами Греціи. Существовало взаимодѣйствіе между латинскимъ языкомъ на сѣверѣ отъ Дуная и на югѣ, и лишь благодаря этой взаимной помощи румынскій языкъ могъ окрѣпнуть и сохраниться на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ» (стр. 6). Намъ кажется, что съ этой частью выводовъ румынскаго ученаго можно согласиться. «Вторженіе славянъ совершенно видоизмѣнило физіономію Балканскаго полуострова,—говоритъ онъ.—Оно произвело безпорядокъ во всей этой части восточной Европы, внеся совершенно новое начало въ среду романскаго народа, едва только сформировавшагося. Это не было кратковременное нашествіе, какъ напримѣръ готовъ, дѣйствовавшихъ единственно ради грабежа и благодаря этому попавшихъ въ исторію. Это были настойчивые завоеватели, твердо рѣшившіе найти себѣ новое отечество. Болѣе пылкіе, чѣмъ ихъ когда либо представляли, славяне не отступали ни передъ какими препятствіями, поставивъ своей задачей укрѣпиться между жителями придунайскихъ провинцій. Ихъ насилія въ преслѣдованіи цѣли, грабежи и разгромы, которые они производили упорно пробираясь къ югу, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ наполняютъ страницы исторіи Византіи. Въ настоящее время всѣ одинаково смотрятъ на вторженіе славянъ, какъ на событіе, подготовлявшееся издавна. Спустившись съ сѣвера въ область Карпатъ, немного позже того, какъ Дакія была оставлена римскими легіонами, они мало по малу подвигались къ берегамъ Дуная. Если ничто насъ не заставитъ вѣрить тому, что славяне переправились черезъ эту рѣку еще въ III вѣкѣ [1]), то мы

1) Ср. свидѣтельства древнихъ латинскихъ историковъ и толкованіе ихъ у современныхъ русскихъ историковъ, собранныя у А. Л. Погодина, «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій» СПБ., 1901, въ главѣ «Славяне на Дунаѣ ранѣе 6-го вѣка», стр. 25—29.

можемъ свободно допустить, что они приходили съ небольшими группами въ концѣ IV и началѣ V вѣка и располагались въ Мизiи и Өракiи; втеченiе послѣдняго вѣка ихъ наплывъ на югъ дѣлался все значительнѣе и значительнѣе, хотя они представляли изъ себя не что иное, какъ разъединенныя поселенiя и незначительные участки среди романскаго населенiя. Влiянiе же ихъ сказалось только въ послѣднiе годы V вѣка, когда остготы покинули придунайскiе края, направляясь въ Италiю, и оставивъ имъ эту область свободной».

«Тогда только славяне осадили византiйскую имперiю и дошли до Пелопонеса. Воспользовавшись безпорядкомъ, царившимъ въ имперiи, несмотря на нѣсколько попытокъ императорскаго войска оказать имъ сопротивленiе, славяне всетаки успѣли завладѣть большей частью южно-дунайской области. Въ то же время, сдѣлавшись господами Мизiи, Өракiи и Македонiи, они двинулись и на западъ, гдѣ въ концѣ VI вѣка показались уже въ огромномъ количествѣ, опустошая Иллирiю и Далмацiю. Въ первой половинѣ VII вѣка почти весь Балканскiй полуостровъ былъ въ ихъ рукахъ. Это событiе было для исторiи восточной Европы такимъ же значительнымъ, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ — римскiя завоеванiя [1]).

«Занятiе славянами Балканскаго полуострова имѣло много послѣдствiй, изъ которыхъ самымъ значительнымъ было влiянiе ихъ на развитiе восточно-римскаго элемента. Занявъ часть ихъ территорiи, они сразу образовали такъ-сказать пропасть между нимъ и остаткомъ прежняго латинскаго мiра. Гонимое славянскимъ потокомъ, большинство римскаго народонаселенiя, вполнѣ естественно, бѣжало и должно было искать себѣ убѣжище въ мѣстностяхъ, менѣе подвергавшихся нападенiю варваровъ. Множество цвѣтущихъ городовъ было оставлено прежними жителями и сдѣлалось добычей неустрашимыхъ побѣдителей. Особенно пострадала отъ этого погрома Далмацiя, какъ видно изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго, столь драгоцѣннаго для изученiя этихъ событiй. Авторъ трактата «De administrando imperio», въ 29-й и слѣ-

1) Денсушяну не согласенъ съ Иречкомъ и Дриновымъ, будто славяне проникли въ южно-дунайскiя провинцiи еще въ III вѣкѣ, и ссылается на E. Krek'a, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, Graz, 1887, стр. 275 и слѣд. Намъ казалось бы, что румынскому филологу не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ изслѣдованiй о славянскихъ передвиженiяхъ, которыя появились въ послѣдующiе годы. Литература вопроса указана у Нидерле, Погодина и другихъ.

дующихъ главахъ даетъ намъ подробное описаніе бѣдственныхъ послѣдствій, происшедшихъ отъ вторженія славянъ. Солунь, самый значительный городъ Далмаціи, частью разрушенный, находился въ ихъ рукахъ; латинское народонаселеніе бѣжало въ прибрежныя области и на сосѣдніе острова: «Sclavi..... urbem Salonam occuparunt, ibique sedibus positis paulatim ex eo tempore incipientes praedari Romanos in campis et in locis editioribus habitantes deleverunt eorumque loca invaserunt. Ceteri vero Romani in orae maritimae oppidis servati sunt..... et sunt ista Rausium, Aspalathum, Tetrangurium, Diadora, Arbe, Vecla et Opsara» (гл. 29, ed. de Bonn, 127—128). Современемъ, когда отношенія между прежними жителями и новыми переселенцами сдѣлались болѣе миролюбивыми, римскій элементъ, конечно, возвратилъ себѣ часть прежнихъ своихъ владѣній, снова поселяясь въ прибрежныхъ областяхъ и внутри страны. Однако Далмація всегда оставалась въ значительной степени славянской страной.

«Въ остальныхъ областяхъ южнаго Дуная вторженіе славянъ имѣло подобныя же послѣдствія. Оно всюду принесло съ собой безпорядокъ и разгромъ прежней римской жизни. Сирійскій лѣтописецъ Іоаннъ Ефесскій (VI в.) описываетъ нашествіе славянъ на Мизію и Ѳракію слѣдующимъ образомъ: «Черезъ три года послѣ смерти императора Юстина (581).....проклятый народъ славяне разгромили Элладу, ѳракійскія и ѳессалійскія провинціи, завладѣли многими городами и крѣпостями, жгли и грабили все, никого не щадя. До сихъ поръ еще они занимаютъ эти римскія провинціи и не перестаютъ разорять страну и убивать жителей, ничего не боясь» [1]).

Изъ этого описанія ясно видно, каково было положеніе римскаго населенія во время вторженія славянъ. Оно было оттиснуто въ разныя стороны и потеряло свое прежнее единство. Заслуживаетъ также упоминанія свидѣтельство о тѣхъ же перемѣнахъ на Балканскомъ полуостровѣ послѣ вторженія славянъ, сообщаемое намъ византійскимъ хронистомъ Ѳеофилактомъ[2]). Въ 601 году полководецъ Коменціолъ желалъ проѣхать въ Константинополь по дорогѣ, проложенной когда-то Траяномъ въ верхней Мизіи, и обратился къ жителямъ этой провинціи съ просьбой указать ее; но оказалось,

1) J. Schönfelder, Die Kirchengesch. des Johannes von Ephesus, Munnich 1862, cap. IV, 25, p. 255.

2) Hist. VIII, 4, ed. de Bonn, p. 320; comp. Théophane, Chron. I, 436.

что очень трудно было найти кого-нибудь, кто могъ бы дать желаемыя указанія. Одинъ только 112-й лѣтній старикъ могъ ему разсказать, гдѣ приблизительно находилась древняя «via Trajani», которая, по словамъ хрониста, была заброшена уже 90 лѣтъ. Этотъ фактъ также хорошо характеризуетъ положеніе вещей въ эту эпоху. Изъ него мы видимъ, что сношенія между отдѣльными придунайскими провинціями не были теперь уже столь частыми, какъ прежде.

«Вторженіе славянъ не только отдѣлило Балканскія области однѣ отъ другихъ, но вообще изолировало всю восточную Европу отъ западныхъ провинцій. Существовавшая раньше связь между римскимъ элементомъ Балканскаго полуострова и Италіей теперь совсѣмъ была порвана. Многочисленныя славянскія колоніи, расположенныя по среднему теченію Дуная и по бассейнамъ Савы и Дравы, образовали какъ бы границу между Италіей (включая сюда и Далмацію), съ одной стороны — и Ѳракіей съ Мизіей, съ другой. Восточно-римское населеніе было навсегда отдѣлено отъ западнаго; отнынѣ оно развивалось отдѣльно отъ него и раздѣлило участь окружавшихъ его народовъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ нимъ столь уединенный и интересный, по разнообразію языковъ, уголокъ, какъ Балканскій полуостровъ.

«Всѣ эти событія имѣютъ огромное значеніе при изученіи образованія румынскаго языка. Они намъ объясняютъ характерныя особенности, отличающія его отъ другихъ соотечественныхъ романскихъ нарѣчій, и позволяютъ прослѣдить дальнѣйшее его развитіе, которое продолжалось втеченіе среднихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, *румынскій языкъ* въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ и теперь, *началъ образовываться изъ романо-балканскихъ нарѣчій только послѣ прихода сюда славянъ*. До этихъ же поръ это нарѣчіе, образовавшееся изъ латинскаго, принесеннаго на оба берега Дуная, разсматривалось какъ нѣкая діалектическая разновидность такъсказать итальянскаго языка. И только сношенія со славянами преобразовываютъ его въ самостоятельный языкъ, конечно, романскій по своему происхожденію, но рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ нарѣчій, происшедшихъ отъ одного съ нимъ начала.

«Пришлось бы исказить исторію, если не указать на то громадное вліяніе, которое оказали славяне на румынъ. Мы уже видѣли изъ предисловія, что румынскіе филологи старались скрыть это вліяніе или же придать ему по возможности незначительные размѣры. Для того же, кто разбираетъ событія безпристрастно, румынскій языкъ является въ совершенно иномъ видѣ, не въ томъ,

который ему придаютъ уже 50 лѣтъ. Славянское вліяніе очевиднѣе всего въ морфологическихъ, притомъ, самыхъ характерныхъ особенностяхъ. Но больше всего это касается лексическаго состава, переполненнаго славянскимъ элементомъ. Большая часть остатковъ латинскаго нарѣчія замѣнилась впослѣдствіи славянскими выраженіями, служащими для выраженія не только какихъ либо второстепенныхъ понятій, но самыхъ употребительныхъ и необходимыхъ для выраженія той или другой мысли. Статистика славянскихъ и латинскихъ словъ, наиболѣе употребительныхъ не только въ книжномъ языкѣ, болѣе или менѣе латинизированномъ, но и въ разговорномъ, — очень поучительна; она намъ ясно показываетъ, сколь огромно число славянскихъ словъ, вкоренившихся глубоко, а по живости и выразительности нисколько не отличающихся отъ происшедшихъ изъ латинскаго нарѣчія. Но мы говоримъ только о самыхъ старыхъ словахъ, встрѣчающихся во всѣхъ румынскихъ областяхъ, дѣлая исключеніе для образовавшихся недавно или взятыхъ цѣликомъ изъ того или другого славянскаго нарѣчія; изъ послѣднихъ также много замѣчательныхъ.

«Бóльшая часть славянскихъ словъ проникла въ румынскій языкъ втеченіе V, VI и VII вѣковъ. Они образовали болѣе древній и самый значительный слой. Современемъ къ нимъ прибавлялись все новыя и новыя, которыя не столь трудно отличить отъ болѣе древнихъ наслоеній. Проникновеніе въ румынскій языкъ славянскихъ словъ длилось нѣсколько вѣковъ, почему славянскій элементъ и сталъ такимъ полнымъ и разнообразнымъ. Оно продолжалось и тогда, когда появились первые румынскіе тексты, и пріостановилось для дако-румынскаго (XVII в.), чтобы показаться (въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.) въ новой формѣ, образовавшейся отъ новаго русскаго вліянія; его пополненіе продолжается и въ наше время въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ напримѣръ, въ Буковинѣ и Бессарабіи, и по ту сторону Дуная—въ видѣ македоно-румынскаго и истро-румынскаго, который уже прямо грозитъ совсѣмъ поглотиться славянскимъ. Тамъ то и происходятъ эти явленія, самыя характерныя въ исторіи румынскаго языка, и представляютъ неизмѣримое поле для разысканій».

Все, что до сихъ поръ говорилъ г. Денсушяну, касалось вліянія на румынскій языкъ старо- или древне-славянскаго языка. Что же касается собственно болгарскаго или сербскаго вліянія, то эти отдѣлы румынскій филологъ обѣщаетъ разработать во II томѣ своей книги. Тамъ онъ разсмотритъ румынскіе тексты XVI и

XVII вв., а также дастъ характеристику вліянія славянскихъ нарѣчій на румынскій языкъ въ новѣйшее время. «Что же касается нарѣчія,—продолжаетъ онъ,—отъ котораго румынскій языкъ заимствовалъ главный свой элементъ, то оно должно быть подобно тому, которое намъ извѣстно изъ древнихъ церковныхъ памятниковъ («старо-церковно-славянскій языкъ», какъ его называютъ нѣмецкіе филологи). Допустить это заставляетъ насъ двѣ разительныя особенности этихъ памятниковъ: носовые ą, ę и созвучія št и žd[1]), часто встрѣчающіяся въ славянскихъ словахъ, вошедшихъ въ составъ румынскаго языка въ изучаемую нами эпоху. Родина языка первыхъ церковныхъ рукописей славянъ до сихъ поръ еще окончательно не опредѣлена, однако множество солидныхъ доводовъ говоритъ въ пользу южно-дунайской теоріи, признанной славистами нашего времени»[2]).

Переходя къ фактамъ этого вліянія, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ области фонетики славянскій языкъ не произвелъ, повидимому, никакихъ существенныхъ измѣненій. Денсушяну приводитъ только три случая, въ которыхъ гласный элементъ латинскихъ словъ будто-бы подвергся измѣненію подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ по значенію славянскихъ словъ; по его мнѣнію, славянское **никто** повліяло на рум. *nime*, *nimene*, изъ *nemo*, *neminem*; **между**—на mijloc изъ medius (изъ dj получилось бы dz) и **мьскъ** на mişcoi, muşcoi (p. 243). Но эти примѣры намъ представляются мало убѣдительными.

Гораздо больше примѣровъ падаетъ на измѣненіе гласныхъ въ славянскихъ словахъ, вошедшихъ въ составъ румынскаго языка:

---

1) Замѣтимъ кстати, что преосв. Мелхиседекъ, въ изданіи извѣстной Разбоенской надписи 1495 года, обратилъ уже вниманіе на румынскую огласовку žd: «славянское реченіе господжа (dómna) въ нашихъ славянскихъ документахъ пишется двояко: иногда господжа, иногда госпожда, какъ въ Разбоенской надписи. Послѣдняя форма болѣе близка къ благозвучію румынскаго языка», *Analele Academieĭ Române*, ser. II, vol. VII, sect. II, p. 181.

2) Г. Денсушяну извѣстна «Старо-церковно-славянская граматика» Вондрака, изданная въ Берлинѣ въ 1900 году, и изслѣдованіе Ягича, Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Wien, 1900. По поводу столь важныхъ для рѣшенія указаннаго выше вопроса группъ št и žd, г. Денсушяну замѣчаетъ, что онѣ извѣстны не только въ нарѣчіяхъ славянъ, живущихъ на югъ отъ Дуная, но и въ говорахъ славянъ, населяющихъ страну между Тисой и Дунаемъ, а также въ славянскихъ словахъ, вошедшихъ въ составъ венгерскаго языка. Поэтому румыны могли получить эти сочетанія и на сѣверѣ отъ Дуная, что служитъ, конечно, однимъ изъ вѣскихъ опроверженій нѣкогда блестящей Рёсслеровой теоріи, стр. 243.

А ударяемое сохраняетъ чистое произношеніе, если за нимъ слѣдуетъ *n*: hrană—храна, пища; danie—даник, даръ; rană—рана. Въ видѣ исключенія: jupîn—жоупанъ, smîntînă—*съматана, stăpîn—стопанъ, хозяинъ, stînă—станъ, загонъ для овецъ. По предположенію г. Денсушяну, эти формы проникли въ румынскую рѣчь раньше, чѣмъ латинская группа *an* окончательно перешла въ în (стр. 271).

А безударное переходитъ въ ă, т. е. звучитъ глухо, вродѣ русскаго *э*: hrănire—хранити, grădină—градина, grăire—граяти, isprăvire — исправити, căire—каяти и т. д.

Е ударяемое+*n* звучитъ какъ *in*: blajin—блаженъ.

Е безударное переходитъ въ ă: năuc—неоукъ; năvod—неводъ.

І безъ ударенія переходитъ въ *î* послѣ *r*: rînire—ринжти и совершенно исчезло въ единственномъ словѣ pornire—поринжти, макед. urnire—отринжти. Вмѣсто двухъ і въ болгарскомъ—слышится одно і: primire—примати. Но намъ извѣстны, во-первыхъ, старые румынскіе тексты съ двумя *і* въ этомъ словѣ, во-вторыхъ—одно и въ нѣкоторыхъ славянскихъ текстахъ. Поэтому этотъ примѣръ нельзя возводить къ одному румынскому языку.

О подъ удареніемъ переходитъ въ ă: cumătru—къмотръ. Если слѣдующій за *о* слогъ имѣетъ звукъ *а*, то предпослѣдній звукъ превращается въ дифтонгъ: gloată—глота, groază—гроза, icoană—икона, comoară—комора, coasă—коса, coaje—кожа, loază—лоза, podoabă—подоба, poală—пола, răscoală—раскола, smoală—смола (стр. 273).

О неударяемое звучитъ какъ первоначальное *о*: bogat, golîmb, gonire, grozav, lopată, lovire, mîlcom, obraz, otravă, pacoste, poiană, potop, pojar, rodire и т. д. Но послѣ ударяемаго слога и послѣ губныхъ, *о* переходитъ въ *ă*: cumpănă—кжпона, sîmbătă—сжбота. Денсушяну не объясняетъ такихъ образованій, какъ ulei изъ олеи: и въ ново-болгарскомъ безударное *о* часто даетъ *у*.

U въ началѣ слова и безъ ударенія обыкновенно переходитъ въ *о*: ocolire—оуколити, ocrotire—оукротити, omorîre—оуморити, osîrdie—оусръдик, ostenire—оустати.

Y (ы), ударяемое и безударное, всегда даетъ *і*: bivol—быволъ, grije—грыжа, ispită—*испыта, cobilă—кобыла, copită—копыто, movila—могыла, pelin—пелынъ, risipire—расыпати, т. е. какъ и въ ново-болгарскомъ: син, риба. Поэтому было бы удачнѣе сравненіе ихъ не съ книжными славянскими написаніями.

Ě подъ удареніемъ звучитъ какъ *ea*, подобно восточно-болгарскому: hrean—**хрѣнъ**, cireadă—**чрѣда**, leac—**лѣкъ**, leasă—**лѣса**, pleavă — **плѣва**, prea — **прѣ**, pribeag — **прибѣгъ**, smead — **смѣдъ**, teasc — **тѣскъ** и др. Но послѣ губныхъ или ţ, притомъ, если въ слѣдующемъ слогѣ нѣтъ *e* или *i*, — *ĕ* переходитъ (sic) въ *a*: ţapăn—**цѣпѣнъ**, ţavă—**цѣвъ** (sic), izmană—**измѣна**, nevastă—**невѣста**, pomană — **помѣна**, sfat — **съвѣтъ**, vadră — **вѣдро** (но **вѣкъ** дало veac). Если же въ слѣдующемъ за *ĕ* слогѣ есть *e* или *i*, то оно переходитъ въ *e*: hămei — **хъмѣль**, cleşte — **клѣшти**, lene — **лѣнь**, uleĭ—**олѣй**, poveste—**повѣсть**, sfetnic—**съвѣтникъ**, veste—**вѣсть**, veveriţă—**вѣверица**, vreme—**врѣмѧ**. Намъ казалось бы, что г. Денсушяну слѣдовало говорить о широкомъ *ă*, которое могло суживаться передъ мягкими и расширяться передъ твердыми. Во вторыхъ, говоря о болгарскомъ языкѣ, онъ не отличаетъ западнаго отъ восточнаго произношенія, что̀ могло имѣть нѣкоторое вліяніе и на приводимые имъ примѣры.

Ě безъ ударенія звучитъ какъ *e*: greşire — **грѣшити**, pleşuv—**плѣшивъ**, premenire—**прѣмѣнити**, smerire—**съмѣрити**, trebuire—**трѣбовати**. Послѣ губныхъ ĕ переходитъ въ ă: bălan — **бѣлъ**, ţapăn — **цѣпѣнъ**, rumăn — **роумѣнъ** (стр. 273—274).

Ja (ꙗ) сохраняется и въ румынскомъ языкѣ: buiac—**буꙗкъ**, iad—**ꙗдъ** (-адъ), iaz—**ꙗзъ**.

Jo (ю) переходитъ въ *i*: blid—**блюдо**.

Ĭ, которое въ болгарскомъ, характеризуетъ это **ь** Денсушяну, имѣетъ значеніе закрытаго *e* (*ẹ*), въ румынскомъ языкѣ имѣло различную судьбу: прежде всего—1) *e* (послѣ губныхъ и *t*—*ă*): coteţ—**котьць**, oţăt—**оцьтъ**, ovăs—**овьсъ**, sdravăn—**съдравьнъ**, истр. sọdets—**сѫдьць** [неудачны примѣры: temniţa—**тьмьница**, ср. темница; pestriţ—**пьстръ**, ср. пестръ, пестрити]; 2) *î*: pîclă — **пьклъ**, rîvnă—**рьвьнь** (переходомъ служили păclă, răvnă); 3) *o*: prilostire — **прѣльстити**, şoptire—**шьпътати** [ср. шопотъ]; 4) выпадаетъ: bîrnă—**бръвьно**, coşniţă—**кошьница**, lănţuc—**ланьцоухъ**, obşte—**обьштие**, ocină—**отьчина**. Иными словами, наряду съ проясненіемъ **ь** въ *e*, встрѣчается вторичное развитіе гласнаго при скопленіи согласныхъ. Можно также указать примѣры на бѣглость замѣнителей глухихъ и показать одинаковую въ нѣкоторыхъ случаяхъ судьбу **ь** и **ъ**, чего г. Денсушяну не дѣлаетъ (стр. 274—275).

Ŭ, которое въ болгарскомъ, какъ думаетъ г. Денсушяну, произносится какъ *ŏ*, даетъ въ румынскомъ языкѣ î, ă: bîtă — **бътъ**,

клинъ, колъ, rît—ръть, săvîrşire—съвръшити, văzduh—въздоухъ. Năsip (песокъ)—насъпъ, очевидно, подъ вліяніемъ насыпати. Иногда й звучитъ какъ *u*: cumătru—къмотръ, sută—съто; на первой формѣ замѣтно вліяніе словъ кумъ, кума; а на слово dihor—дъхоръ повліяло дыхати. Очень часто ĭ исчезаетъ совсѣмъ: besnă—бездъна, curva—коуръва, sdravăn—съдравьнъ, sgîrcire—съгръчити, sleire—сълияти, spăsenie—съпасеник, spovedire—съповѣдати, sfadă—съвада, sfat—съвѣтъ, şoptire—шьпътати. Гораздо правильнѣе было бы указать на то, что неясный по природѣ ъ даетъ и въ румынскомъ языкѣ разные замѣнители, какъ и въ славянскихъ. Если обратимся къ старымъ румынскимъ текстамъ, то даже въ такихъ словахъ латинскаго происхожденія, какъ pămînt изъ pavimentum, найдемъ неустойчивую графику, напримѣръ: пьмънтȣ, пъмънтȣ, пжмънтȣ, пжмжнтȣ, пьмъньтȣ. B. Hâjdeŭ, Cărţile, p. 432; пъмѧнтȣ, пжмѧинтȣ и т. д. Поэтому часто нелегко установить природу румынскаго глухого ă (=э) и î (=ы), чего не могли сдѣлать и справщики первыхъ румынскихъ изданій XVI вѣка, воспитанные на средне-болгарскихъ текстахъ.

Затѣмъ Денсушяну даетъ такія формулы ассимиляціи: 1) *a—o=o—o*: logodire- лагодити, norod- народъ, noroc- нарокъ; 2) *i—a=a—a*: sărac- сиракъ; 3) *o—a=a—a*: prăpădire- пропасти; 4) *o—u=o—o*: potolire- потоулити; 5) *ě—i=i—i*: plivire- плѣти, плѣвж, bilire- бѣлити; 6) *ja—e* (*ě*)=*je—e*: iesle- ıасли, aievea- ıавѣ, prieten- прїıатьнь; 7) *ja—i=i—i*: ivire- ıавити; 8) ĭ—*i=i—i*: lipire- льпити; 9) *ŭ—i=i—i*: odihnire- одъхнжти, poticnire- потъкнжти; 10) *ŭ—o=o—o*: soroc—сърокъ, и диссимиляціи: 1) *ě* (*e*)—*e=i—e*: primejdie- прѣмѣждик, хотя здѣсь могла идти рѣчь о предлогѣ при; 2) *o—o=e—o*: destoinic—достойникъ, опять могъ повліять префиксъ *des* (стр. 275). Намъ казалось-бы, что эту часть книги румынскаго филолога слѣдовало-бы переработать заново, такъ-какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ фонетическихъ законовъ, слишкомъ обычныхъ и въ новомъ болгарскомъ языкѣ—суженіемъ и расширеніемъ, перемѣной мѣста ударенія, безударностью, проясненіемъ и т. д.; кромѣ того, славянскія формы не всегда приводятся вполнѣ подходящія для фонетическихъ иллюстрацій.

Въ области согласныхъ произошли слѣдующія измѣненія:

B иногда(?) выпадаетъ: denie—бъдѣнїк.

V послѣ *s* переходитъ въ *f*: sfadă—съвада, sfat—съвѣтъ, sfînt—свѧтъ, sfeşnic—свѣштьникъ. Передъ *ch*, *v* звучитъ какъ *f*: fală—

хвала. Послѣ *k*, *g*, *в* въ концѣ словъ *v* отпадаетъ: pungă—**пѫгва**, ploscă—**плосква**, treaz—**трѣзвъ**; то же самое передъ *n* и между *k*—*r* *s*—*r*: bîrnă—**бръвьно**, scîrnav- **скврънавъ**, sirep- ***сврѣпъ** (sic), Тѣ же измѣненія находимъ и въ ново-болгарскомъ: сліяніе *в* и *х* въ *ф*, отпаденіе *в* въ началѣ передъ другимъ гласнымъ, позади его, и такъ дальше.

N переходитъ въ *m*: basm—**баснь**.

L съ предшествующимъ *e*, *ĕ* и сопровождаемое ĭ, выпадаетъ: hămei—**хмѣль** (sic), grindei—***грѧдель**, cristei—**крастель**. То же самое явленіе замѣчается и передъ *ja*, *ju*: iubire—**любити**, ibovnic—**любовьникъ**, nevoie—**неволѧ**, sabie—**саблѧ**; voie—**волѧ**.

G переходитъ въ *v*: movilă—**могыла** (при посредствѣ mog'ilă, mojilă, какъ изъ vin—jin).

Конечное *ch* переходитъ въ *f*: praf—**прахъ**, vraf—**врахъ**, vîrf—**връхъ**. Въ словѣ vifor—**вихръ** f есть результатъ ассимиляціи *h* и *v* Припомнимъ, что Миклошичъ утверждалъ, будто въ болг. *фалити*. изъ **хвалити**, *ф* получилось изъ одного *х*, а *в* выпало. Денсушяну говоритъ гораздо правильнѣе о сліяніи (стр. 277).

Lŭ, *rŭ*, т. е. слоговые *l* и *r* въ румынскомъ языкѣ даютъ *îl*, *îr* (*al*, *ăr*): bîrlog—**бръхлогъ**, bîrnă—**бръвьно**, dîrz—**дрьзъ**, gîlceavă—**глъкъ**, gît (*gîlt)—**глътъ**, gîrb—**гръбъ**, gîrlă—**гръло**, cîlţi—**клъкъ**, cîrcă—**кръкъ**, cîrmă—**кръма**, cîrn—**крънъ**, cîrpă—**кръпа**, cîrtiţă-**кръть**, mîrşav—**мръшавъ**, pîlc—**плъкъ**, pîrgă—**пръга**, scîrbă—**скръбь**, scîrnav—**скврънавъ**, smîrc—**смръкъ**, stîlp—**стлъпъ**, (coco)—stîrc—**стръкъ**, stîrv—**стръво**, sgîrcire—**съгръчити**, săvîrşire—**съвръшити**, tălmăcire—**тлъмачити**, tîrg—**тръгъ**, osîrdie—**оусръдие**, vîrsta—**връста**, învîrtire—**вратѣти**, zîrnă—**зрьно**. Иными словами, по обычной терминологіи, *р* и *л* съ предшествующимъ или послѣдующимъ минимальнымъ глухимъ, въ болгарскомъ языкѣ является въ сочетаніи *ър*- съ *ъ* совсѣмъ глухимъ, не похожимъ на *а*. И изъ румынскихъ примѣровъ можно сдѣлать выводъ, что различіе между слоговыми твердыми и мягкими утрачено.

Группа *tl* даетъ *cl*: clacă—**тлака**, Vicleim—**Видлеемъ**.

Группы *dla*, *bla* всегда даютъ *dal*, *bal*: daltă—**длато**, baltă—**блато**. Аналогичное явленіе представляетъ судьба группъ *gra*, *bra*—*gar*, *bar*: gard—**градъ**; прибавимъ: bardă—**брады**. По мнѣнію Денсушяну, замѣчательна форма cîrja изъ **кражь**; приходится предполагать болѣе древнюю переходную форму crîjă (стр. 277).

Группа *vn* часто произносится какъ mn: pimniţă — **пивьница**, râmnire—**рьвнь** (на ряду съ pivniţă, rîvnire, rîvnă)[1]).

Переходя къ обзору измѣненій въ области гласныхъ и согласныхъ въ словахъ латинскаго и славянскаго происхожденія, г. Денсушяну задаетъ слѣдующій вопросъ: если при сравненіи однихъ и тѣхъ же звуковъ окажется, что судьба ихъ была *одинакова* въ румынскомъ языкѣ, то можно-ли будетъ отсюда дѣлать заключеніе, что эти измѣненія произошли раньше проникновенія славянскаго элемента въ румынскій? Въ противномъ же случаѣ прійдется сдѣлать выводъ, что славянскія слова подчинены были тѣмъ же самымъ законамъ, что̀ и латинскія (стр. 282).

Во первыхъ, мы имѣемъ переходъ *an* въ *în*: veteranus дало bătrîn, manus—mînă и т. д. То же самое даютъ болѣе раннія заимствованія и изъ славянскаго: jupîn изъ **жоупанъ**, smîntînă изъ ***съматана**(?), stăpîn изъ **стопанъ**, stînă изъ **станъ**. Но въ болѣе новыхъ заимствованіяхъ *a* остается чистымъ звукомъ: hrană—**храна**, rană—**рана**, суффиксы *an* и *anie*. Такимъ образомъ, **станъ** проникло въ румынскій языкъ много раньше, чѣмъ **храна**, а именно, въ ту эпоху, когда *an* могло еще переходить въ *în* (см. выше стр. 403).

O съ послѣдующимъ *n* давало *u*: bun изъ bonus, а zvon осталось безъ измѣненій изъ болг. **звонъ**.

Подобныя наблюденія можно сдѣлать и изъ сравненія судьбы согласныхъ въ латинскихъ и славянскихъ корняхъ.

B и *v* между гласными выпадали: iarnă — hiberna, но babă, iubire, lebadă, păgubire соотвѣтствуютъ **баба, любити, лебедь, пагоубити**; cheie—clavem, но bivol, dumbravă, isprăvire, izbăvire, livadă, nicovală, otravă, stavilă, ţavă, veveriţă, vinovat соотвѣтствуютъ болгарскимъ **быволъ, дѫбрава, исправити, избавити, ливада, наковало, отрава, ставило, цѣвь, вѣверица, виноватъ**. То же самое можно сказать о суффиксахъ *av*, *iv*.

T передъ і переходитъ въ *ţ*: aţîţ—*attitiare, но въ словахъ ocrotire, răspîntie, răzvrătire и др., сравнительно съ **оукротити, распѫтие, развратити**, не произошло подобнаго измѣненія. Поэтому sfinţire слѣдуетъ возводить не къ **свѧтити**, а къ глаголу *sînţi, производному отъ sînt = sanctus (стр. 283).

1) Многіе изъ примѣровъ, приводимыхъ Денсушяну, указаны были раньше въ работахъ Miklosich'a, Beiträge zur Lautlehre der rumänischen Dialektologie; Tiknin'a, Zeitschrifnen für. rom. Philologie, XII; A. Byhan, Fünfter Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache (G. Weigand), Leipzig.

Подобнымъ же образомъ *d*+*i* давало *zi*: zic—dico; съ другой стороны, словамъ ciudire, grădină, logodire, pândire, rodire, sădire, vădire соотвѣтствуютъ **чоудити, градина, лагодити, пѫдити, родити, садити, вадити.**

То же самое замѣчаемъ и въ сочетаніяхъ *s*+*i*, которое давало *şi*: şi—sic; но cositor, iscusire, sită получилось изъ **коситѣръ, искоусити, сито.**

N передъ *i* обыкновенно утрачивается: cui—cuneus, но bazaconie, danie получилось изъ **безаконик, даник.**

L между гласными переходило въ *r*: soare—solem; но belire, boală, călire, cobilă, fală, gol, jale, milă, nicovală представляютъ безъ всякихъ почти измѣненій слова **бѣлити, боль, калити, кобыла, хвала, голъ, жаль, милъ, наковало.** Въ то же время согласный въ сочетаніяхъ *l*+*i* всегда выпадалъ: foaie—folia, boier, iubire, iute, nevoie, poiană, voie—**болꙗринъ, любити, лютъ, неволꙗ, полꙗна, волꙗ.**

C передъ *e*, *i* переходило въ č: cină—cena, но chip, răchită—**кипъ, ракыта.**

Подобнымъ же образомъ *g*+*e*, *i* дало *ǧ*. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ни одного стараго славянскаго заимствованія на этотъ случай, такъ какъ liturghia получилось изъ **литоургиꙗ** не раньше IX вѣка. Но такой переходъ можно предполагать на основаніи судьбы предыдущихъ сочетаній. То же самое можно сказать о группахъ cl, gl: chiem, ghiem—clamo, *glemus, но clădire, clătire, clevetire, clin, clocotire—**класти, клатити, клеветати, клинъ, клокотати** (стр. 285).

Итакъ, случаи очевиднаго славянскаго вліянія на латино-румынскую рѣчь падаютъ исключительно на долю морфологическихъ измѣненій. На первомъ мѣстѣ можно поставить слѣдующую форму изъ склоненія: зват. ед. женск. рода *со́ро*! (soror) по образцу **жено**! Можно было бы видѣть подобное вліяніе и въ соотвѣтствующей мужеской формѣ, потому что какое-нибудь *коа́рбе*! очень напоминаетъ **боже**! но, какъ думаетъ г. Денсушяну, славянская форма сама унаслѣдована отъ латинской, а румынскую можно считать результатомъ соглашенія между латинской и славянской (стр. 244). Впрочемъ, несомнѣнно славянское вліяніе на другой формѣ звательнаго падежа, а именно, *о́муле!*, извѣстной дако-румынскимъ нарѣчіямъ и неизвѣстной македонскимъ изъ Меглена. Кромѣ того, звательный на *е*

сохранился только въ народномъ говорѣ и имѣлъ широкое распространеніе въ старыхъ текстахъ. Выводить *ómуле!* непосредственно изъ homo+ille возможно только для именительнаго падежа, давшаго *óмул*. Поэтому звательная форма скорѣе всего образовалась изъ застывшей именительной съ прибавкой славянскаго окончанія, что̀ дало *omул-e!* Припомнимъ, что въ болгарскомъ языкѣ существуетъ подобный же суффиксъ, напр. либе-*либеле!*; ему соотвѣтствуетъ въ сербскомъ *ило* [1]).

Славянскаго же происхожденія, пожалуй, и числительное *сýтъ* изъ **сѫто**, хотя для образованія *у* изъ ѫ представляются нѣкоторыя затрудненія. Впрочемъ, нѣкоторые филологи склонны были видѣть здѣсь даже дакійскій элементъ.

На возвратныя формы *а се мира̀* — удивляться, *а се руга̀* — молиться и др. повліяли болг. **чоудити сѧ, молити сѧ**; въ особенности это можно сказать относительно макед. se o̥rde, существующей въ другихъ нарѣчіяхъ безъ мѣстоименія и восходящей къ **смѣѣти сѧ** или же, скорѣе, къ новой формѣ смияти се (стр. 245). Очевидно, г. Денсушяну разумѣетъ здѣсь соотвѣтствующіе латинскіе глаголы, которые обходятся безъ мѣстоименій и имѣютъ такое же значеніе, что и славянскіе.

Много заимствованій приходится на долю префиксовъ. Немалое количество сложныхъ съ предлогами и приставками словъ было получено рум. языкомъ изъ славянскаго уже готовыми, какъ напр. избúре — избити, нъпъдúре — нападати, пъгубúре — пагоубити, покъúре—покаѣти, примúре—приимати и др., но цѣлый рядъ примѣровъ, когда славянскіе префиксы составляютъ неотъемлемую принадлежность румынскихъ словъ, образованныхъ изъ латин. корней, показываетъ, что славянскіе префиксы функціонировали вполнѣ самостоятельно и сознательно. Приведемъ слѣдующіе примѣры, распредѣливъ ихъ по группамъ:

Отрицательная частица **нє** ясно показываетъ славянское, а не латинское (in) происхожденіе во многихъ выраженіяхъ: неадевъ́р—неправда, неасты́мпър — невоздержаніе; недрептáте — несправедливость; немурúре — безсмертіе; неóм — безчеловѣчный; непутúнца — невозможность, несáц — ненасытный; несимцúре — безчувствіе;

---

1) Аналогія между звательными слав. и рум. формами указана и разработана у Meyer-Lübke, Zeitschriften für rom. Philologie, XIX, 479; Tiktin Grundr. der rom. Phil. I, 451; Miklosich, Beiträge zur Lautlehre d. rum. Dialect. Vocal. II, 58, 70; Densuşianu, pp. 244—245.

нештiйнца — незнанiе; небу́н — безумный; неко́пт — незрѣлый; неынсура́т — неженатый; неынвъца́т — неученый; ненорокóс — несчастный и др. (стр. 246). Интересно также, что вводя въ рум. языкъ сложныя слова изъ французскаго языка или латинскаго корня, румыны измѣняютъ отрицанiе подъ влiянiемъ омертвѣвшаго славянскаго образованiя и получаютъ неáбил вм. inhabile, неакчеси́бил вм. inacessible, неекзáкт вм. inexact и др.

Префиксъ *разъ* придаетъ выраженiямъ значенiе разъединенiя, удаленiя (ср. лат. dis), и въ румынскомъ языкѣ существуетъ въ видоизмѣненной огласовкѣ *ръс*. Многiя дако-румынскiя формы сохранили латинскiй префиксъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ истрiйскомъ нарѣчiи фигурируетъ славянскiй, напр. reskl'ide — дески́де — раскрыть; rezlegọ—деслега—развязать; resmetiọ—десвъцà—отучить и т. д. Такiя слова, какъ ръзби́ре, ръсипи́ре, ръзвръти́ре, не вызываютъ на объясненiя, такъ какъ взяты готовыми изъ разбити, разсыпати, развратити; но въ рум. языкѣ существуетъ очень много примѣровъ, въ которыхъ слав. префиксъ приставленъ къ лат. корнямъ. Денсушяну не считаетъ возможнымъ возводить къ предполагаемымъ латинскимъ формамъ такiя слова, какъ ръсфи́р — *re-ex-filo; ръсфоéск—*re-ex-folio; ръсфры́нг—*re-ex-frango; ръстóрн—*re-ex-torno (стр. 247), какъ думаетъ Korting, Lat.-rom. Wörterbuch, 6741—6759.

Румынское *пря* гораздо ближе къ слав. прѣ, чѣмъ къ per, prae, и охотно приставляется къ существительнымъ, прилагательнымъ, глаголамъ и нарѣчiямъ, придавая имъ смыслъ превосходства: ешть пря фрумóс — «ты прекрасенъ»; ну пря мéрже — «не особенно хорошо идетъ»; ну пря штiй — «ты не очень хорошо знаешь» и др. (стр. 248).

На примѣры въ области суффиксальныхъ заимствованiй падаетъ очень много словъ. Денсушяну приводитъ слѣдующiй списокъ:

Ak соотвѣтствуетъ болгарскому -акъ: bujakŭ, sirakŭ, прав. buiac, sărac. Г. Денсушяну кажется, что не всегда легко отличить славянскiй суффиксъ отъ латинскаго -acus (-accus), обычный у словъ со значенiемъ nomina agentis или прилагательныхъ: bîjbac отъ bîjbâire, prostĭnac въ значенiи только имени существительнаго (ср. сербск. и русск. простак), zodiac. Слово gînsac могло быть и румынскаго образованiя gąsĭ + akŭ, но оно существуетъ въ той же формѣ и у болгаръ (ср. словен. госак, русск. гусакъ); сюда же относятся găzdac, buhac, ciorac и мн. др.—въ большинствѣ случаевъ формы уменьшительныя, если ихъ можно возводить къ лат. -acus, и уничижитель-

ныя, если къ нимъ ближе по смыслу болгарское акъ. Слово babac(ă)=батюшка соотвѣтствуетъ сербскому бабайко (бапко)=баба+ъко (sic) (стр. 249).

Că восходитъ къ болг. -ъка (-ъкъ, -ькъ), напр. блъгаръка — bulgarcă. Какъ и въ слав. языкѣ, этотъ суффиксъ образуетъ женскія имена: fică—дочь (fiu—сынъ), puică—курочка (puĭ—пѣтушокъ); часто обозначаютъ національность: Armeancă, Romîncă, Ţigancă; или же мѣсто жительства, званіе: orăşancă—горожанка, săteancă—поселянка, ţărancă — крестьянка, наряду съ женскими формами на oaie+că: Englezoaică, Rusoaică, Ungurоaică; наконецъ, тотъ же суффиксъ образуетъ имена: boieroaică—боярыня, strigoaică—стригойка, т. е. жена лѣшаго, и нѣкоторыя имена самокъ: cebroaică — лань, leoaică—львица, lupoaică—волчиха (стр. 249—250).

Aci, -eci, -ici и *-oci* не представляютъ никакихъ особенностей сравнительно съ болгарскими -ачь, -ечъ, -ичъ и -очъ (послѣднее встрѣчается рѣдко). Примѣры: hrănaci — кормилецъ, robaci — рабъ, работникъ [fugaci—бѣглецъ скорѣе происходитъ отъ лат. fugacem и ассимилировалось съ славянскими словами на *ачъ*], и уменьшительныя: cornеci, podeci, scodolici, murgoci. (стр. 250).

Og -ug и *-ugă* имѣютъ полное соотвѣтствіе въ болг. -огъ, -угъ и -уга, напр. milog—больной; pintenog—съ бѣлыми пятнами, slăbănog — слабоногій, параличный, вообще больной, слабый старикъ; pilug — колотушка; buturugă — тупой конецъ, палка; păpălugă — чучело.

Eală восходитъ къ болг. ѣль. Слова съ такимъ суффиксомъ означаютъ результатъ извѣстнаго дѣйствія или состоянія: ameţeală — головокруженіе; cheltuială—расходъ, greşală—ошибка, împărţeala—дѣлежъ, îndoială — сомнѣніе, îndrăzneală — смѣлость, рѣшимость, osteneală—усталость и др. Въ соединеніи съ прилагательными, этотъ суффиксъ образуетъ имена отвлеченныя: acreală — кислота, amăreală—горечь, fierbinţeală—кипѣніе, gălbineală—желтизна, iuţeală—острота, быстрота, umezeală—сырость (стр. 250).

An, болг. анъ, присуще формамъ мужск. рода: ciocîrlan — ящеръ, gîscan (ср. сербск. гусан)—гусакъ, въ большинствѣ случаевъ—формы увеличительныя или уничижительныя: băietan — мальченокъ, golan—нищій, голый; juncan—волище, şoiman—соколъ. Этотъ же суффиксъ извѣстенъ и нѣкоторымъ прилагательнымъ: bălan — бѣлый, năzdrăvăn — волшебный, чудесный, plăvan—голубой, свѣтлый (стр. 250—251).

Anie проникло въ рум. языкъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ слав. словъ: pogrĕbanije, vidĕnije, которыя, по мнѣнію Денсушяну, представляютъ причастія прошедшія отъ погрѣбати-, видѣти-+-нїє, а у румынъ означаютъ nomina actionis: curăţenie—чистка, grijanie—заботливость, jelanie (стр. 251).

Ean, или послѣ r, ş и ţ—an, передаетъ болгарское -ѣнинъ, -ıанинъ = ѣнъ, -ıанъ + инъ, напр.: izrailtean, mirean, rîmlean, или указываетъ на происхожденіе изъ извѣстной страны, города: Bucureştean, Jeşan, Moldovean, Muntean, вообще, cetăţean — горожанинъ, sătean — поселянинъ, ţăran — крестьянинъ, а отсюда уже ведутъ начало и фамиліи: Codrean (собств. житель лѣсовъ), Vĕlean (обладатель долинъ).

Nic соотвѣтствуетъ ьникъ (ьнъ + икъ), напримѣръ: destoinic—достойный, duhovnic, praznic, vornic, ispravnic, ibovnic — любовникъ, sfetnic, postelnic, stolnic, ucenic, voinic — витязь, или же чисто-румынскія имена и прилагательныя, означающія занятіе (стр. 251—252).

Niţa произошло изъ ьница (ьнъ + ица) въ словахъ: coşniţă — корзина, pivniţă—погребъ, clopotniţă—колокольня, piperniţă—перечница, varniţă—мѣстность, гдѣ добывается известь. Въ роли второго суффикса, *niţa* находимъ въ словахъ: chibritelniţă — спичечница, urechelniţă—сороконожка, насѣкомое, crîstelniţă—купель для крещенія, cădelniţă—кадило.

Işte изъ ишть означаетъ мѣстность: capişte — капище, pajişte—мѣсто для выпаса, пашище; silişte — селище; довольно часто — отъ названія растеній: cînipişte — поле, засѣянное коноплей; inişte — льномъ; tutunişte — табакомъ; прибавимъ: pepenişte, plopişte, păişte и др. (ср. серб. кукурузиште, бобиште); и очень рѣдко — понятія отвлеченныя: linişte — спокойствіе, rarişte — рѣдкость. Такія слова, какъ toporişte — топорище, ognişte — огнище, имѣли тотъ же суффиксъ и въ славянскомъ (стр. 252).

Eţ восходитъ къ ьць, и имена съ этимъ суффиксомъ означаютъ nomina agentis или же уменьшительныя: călăreţ—всадникъ, drumeţ—путникъ; приэтомъ иногда онъ прибавляется послѣ постпозитивнаго члена: codruleţ, cuibuleţ, tîrguleţ, ursuleţ, viermuleţ, steguleţ.

Iţă = болг. ица, напримѣръ: undiţă — удочка, cojiţă — кожечка, mlădiţa — ступень, răzmiriţă — война, suliţa — копье, veveriţă — бѣлка; наконецъ, имена женскаго пола, отчасти уменьшительныя, напр.: bucătăriţă—кухарка, coconiţă—барынька, florăriţă—цвѣточ-

ница, măgăriţă—ослица, morăriţă—мельничиха, păstoriţă—пастушка, fîntinîţă — маленькій колодезь, foiţă — листокъ, grădiniţă — садокъ, guriţă — ротикъ, linguriţă — ложечка. Какъ и въ мужскихъ, суффиксъ прибавляется и вслѣдъ за членомъ: cruciuliţă — крестикъ, frunzuliţă — листочекъ, furculiţă—вилочка, puiculiţă — цыпленочекъ, птичка, ziuliţă — денёчекъ, наконецъ, къ именамъ собственнымъ: Gheorghiţă, Ienăchită [1]) (стр. 253—254).

Av=болг. **авъ**: mîrşav—грязный, scîrnav—скверный; впрочемъ, встрѣчается рѣдко; рѣдки и прилагательныя: trîndav (ср. тряждъ)— не трудолюбивый, лѣнивый. Соотвѣтствующій суффиксъ женскаго рода **ава** не извѣстенъ румынскому языку (стр. 254).

Iv=болг. **ивъ**, напр.: milostiv; pleşiv, точнѣе, pleşuv—плѣшивый; zglobiv — злобивый; beţiv — пьяница (ср. болг. піанивъ); такого же происхожденія суффиксъ *liv*: guraliv—говорливъ.

Но славянскіе языки не даютъ довольно распространеннаго въ рум. языкѣ суффикса *uire:* faptuire — причиненіе зла, mînuire — обхожденіе, păcătuire—покаяніе, pescuire—рыболовство, vieţuire— жизненный процессъ. По мнѣнію Денсушяну, этотъ суффиксъ сначала былъ взятъ вмѣстѣ съ славянскими глаголами на **овати** съ настоящимъ на **оуѭ**; отъ болг. даровати, гласовати, лѣковати произошли рум. dăruire, glăsuire, lecuire, а затѣмъ уже онъ сталъ прибавляться къ словамъ латинскаго корня (стр. 254).

Такимъ образомъ, славянское формальное вліяніе на румынскій языкъ было очень велико и коснулось очень многихъ фактовъ румынскаго языка. Работа Денсушяну получила бы бóльшую цѣну, если бы въ отдѣлѣ о славянскихъ суффиксахъ онъ приводилъ примѣры исключительно съ корнями латинскаго происхожденія.

Вопросъ о славянскихъ словахъ съ носовыми совсѣмъ не разработанъ. Число примѣровъ можно было увеличить, по крайней мѣрѣ, вдвое. То же самое можно сказать и о семасіологическихъ наблюденіяхъ. Денсушяну не использовалъ даже всѣхъ данныхъ, собранныхъ въ статьѣ L. Şaineanu «Incercare asupra semosiologieĭ române». Далеко не полонъ и мало ясенъ по выводамъ отдѣлъ о словарныхъ заимствованіяхъ. Распредѣленіе ихъ по группамъ представило бы извѣстную картину изъ исторіи сношеній румынъ со славянами. На основаніи нашей самостоятельной работы надъ славяно-румынскимъ словаремъ мы имѣли возможность сдѣлать тотъ выводъ, что сношенія эти отличались мирнымъ характеромъ, что

1) S. **Puşcariu**, Die rumänische Diminutifsuffixe, Leipzig, 1899.

знакомство румынъ со славянами произошло въ мѣстности гористой, съ большими рѣками и озерами, лѣсами и горными площадями, что всѣ почти термины, относящіеся къ земледѣлію, домоводству, военному дѣлу и т. д.,—славянскаго происхожденія.

Наша замѣтка имѣетъ цѣлью познакомить русскихъ читателей только съ основными явленіями въ области румынскихъ заимствованій изъ славянскаго языка. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ примѣровъ, румынскій филологъ отнесся къ своей задачѣ довольно небрежно. Иногда онъ ограничивался простой выпиской изъ Словаря Миклошича первой встрѣчной формы, нисколько не вникая въ природу славянскихъ звуковъ и не останавливаясь на тѣхъ переходныхъ славянскихъ формахъ, которыя скорѣе всего послужили оригиналомъ для румынскихъ образованій. Такъ, напримѣръ, г. Денсушяну почти не пользуется данными изъ ново-болгарскаго языка: для него нѣтъ никакого различія между несомнѣнно древними заимствованіями и самыми поздними; онъ ни разу, кажется, не задумался надъ рѣзкимъ отличіемъ книжныхъ заимствованій отъ словъ, явившихся результатомъ живыхъ сношеній славянъ съ румынами; наконецъ, онъ не придаетъ никакого значенія удареніямъ. Принимая во вниманіе отсутствіе въ принятой имъ графикѣ всякихъ надстрочныхъ знаковъ и далеко не удовлетворительную транскрипцію, мы должны будемъ признать за его книгой очень много недостатковъ, лишающихъ ее строго научнаго значенія.

Но ввиду отсутствія другихъ подобныхъ работъ, г. Денсушяну можно во всякомъ случаѣ поблагодарить за его интересную книгу, второе изданіе которой, по всей вѣроятности, будетъ переработано имъ на основаніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, а славянскій отдѣлъ, навѣрное, составитъ предметъ главнѣйшей заботы молодого лингвиста.

А. И. Яцимирскій.

A. Meillet. Introduction à l' étude comparative des langues indoeuropéennes. Paris. 1903 (Hachette et Cie) XXIV + 434. 8°. 10 fr.

«Эта книга имѣетъ весьма скромную цѣль изложить вкратцѣ тѣ соотвѣтствія, которыя наблюдаются между различными индо-

европейскими языками, и тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи этихъ соотвѣтствій. Она не предназначается для лицъ, знающихъ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ: они не найдутъ тамъ ни новыхъ идей, ни новыхъ фактовъ. Книга эта имѣетъ въ виду дать общее представленіе о структурѣ индоевропейскаго языка въ томъ видѣ, какъ её даетъ сравнительная грамматика». Такими словами авторъ начинаетъ предисловіе къ своей книгѣ. Когда такой крупный языковѣдъ, какъ Мейе́, заявляетъ, что въ его книгѣ нѣтъ «ни новыхъ идей, ни новыхъ фактовъ», то мы смѣло можемъ сомнѣваться въ справедливости его словъ. Еще возможно себѣ представить, что въ книгѣ, которая должна служить введеніемъ въ сравнительную грамматику, нѣтъ совершенно новыхъ фактовъ, а выводы иллюстрируются наиболѣе твердо установленными, общеизвѣстными сопоставленіями; но невозможно допустить, чтобы авторъ, желая дать «общее представленіе о структурѣ индо-европейскаго языка», могъ не дать ничего своего: это было-бы возможно, если бы авторъ былъ новичекъ и компиляторъ. Но отъ Мейе́ мы въ правѣ ожидать оригинальнаго даже и въ руководствахъ, и мы увидимъ, что эти ожиданія онъ оправдываетъ вполнѣ.

Мало того. Сравнительная грамматика очень бѣдна руководствами: пятитомный (или скорѣе шеститомный) трудъ Бругмана и Дельбрюка уже своимъ объемомъ подавляетъ новичка, который обыкновенно не умѣетъ выбрать оттуда то, что нужно. Это обстоятельство привело къ мысли дать краткую сравнительную грамматику на основаніи пятитомнаго Grundriss'а. Эту мысль взялся осуществить Бругманъ, и первая часть его учебника подъ заглавіемъ «Kurze vergleichende Grammatik der indo-germanischen Sprachen» появилась уже въ 1902 году. Этотъ солидный учебникъ (предполагаемый объемъ его около 40 листовъ) сослужитъ несомнѣнно хорошую службу; но пока его еще нѣтъ, новичкамъ буквально нечего рекомендовать. Уже въ этомъ отношеніи появленіе книги Мейе́ удовлетворяетъ давно назрѣвшей потребности.

Но кромѣ того руководство Мейе́ полезно еще и въ другомъ отношеніи. Grundriss Бругмана, какъ единственное въ настоящее время полное руководство по сравнительной грамматикѣ, создалъ своего рода шаблонъ, какъ въ расположеніи матеріала, такъ и въ нѣкоторыхъ общихъ взглядахъ и положеніяхъ. Это вліяніе испытываютъ на себѣ, мнѣ думается, всѣ, даже тѣ, кто полемизируетъ противъ извѣстныхъ положеній Бругмана. Между тѣмъ, являясь

естественнымъ результатомъ крупныхъ достоинствъ, указанное вліяніе этой энциклопедіи сравнительной грамматики, имѣетъ и свою вредную сторону: оно отражаетъ во всякомъ случаѣ картину современнаго состоянія науки въ томъ видѣ, какъ она представляется Бругману. Какъ бы ни былъ разностороненъ ученый, онъ всегда склоненъ въ общемъ очеркѣ науки усиливать краски въ тѣхъ отдѣлахъ, которые ему ближе знакомы, и ослаблять въ болѣе отдаленныхъ. Этотъ недостатокъ, необходимый во всякомъ общемъ очеркѣ, можетъ быть сглаженъ только параллельными общими очерками, вышедшими изъ-подъ пера другихъ ученыхъ. Въ этомъ отношеніи господство одного руководства общаго характера сказывается весьма вредно на развитіи науки. Поэтому всегда важно знать, какъ представляютъ себѣ всю данную область наиболѣе выдающіеся ея представители. При монографической разработкѣ научныхъ вопросовъ рисовать такія общія картины современному ученому приходится очень рѣдко. Ему можно развернуться въ этомъ отношеніи только въ сферѣ преподаванія, т. е. либо на лекціяхъ, либо въ составленныхъ имъ руководствахъ. Тому, кто не можетъ присутствовать на лекціяхъ даннаго ученаго (а къ категоріи такихъ лицъ принадлежитъ большинство его товарищей по наукѣ), тому приходится составлять представленіе объ общихъ взглядахъ его только по написаннымъ имъ руководствамъ, или довольствоваться отрывочными данными, извеченными изъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ. Само собою понятно, насколько недостаточенъ послѣдній способъ. Такимъ образомъ появленіе руководства, составленнаго какимъ-нибудь извѣстнымъ ученымъ, имѣетъ не только практическое значеніе для преподаванія данной науки; оно имѣетъ также и теоретическое, научное значеніе: въ руководствѣ отражаются научные выводы всей жизни ученаго, итоги всей его научной дѣятельности.

Мы остановились на этихъ общихъ соображеніяхъ, чтобы показать, что та «скромная цѣль», которую преслѣдуетъ авторъ, представляется намъ весьма серьезной. Авторъ, какъ будто старается сказать «лицамъ, знающимъ сравнительную грамматику», чтобы они его книги не читали: «они не найдутъ тамъ ни новыхъ идей, ни новыхъ фактовъ»; и сейчасъ же прибавляетъ, что онъ дастъ только «общее представленіе о структурѣ индо-европейскаго языка». Но сколько серьезныхъ общихъ вопросовъ связано съ этими немногими словами «общее представленіе о структурѣ индо-европейскаго языка»! Если авторъ дѣйствительно даетъ намъ это, то это—очень

много, и намъ интересно отмѣтить именно то, что въ его книгѣ является оригинальнымъ; а этого оригинальнаго тамъ не мало. Оговоримся только, что оригинальнымъ мы будемъ считать не только совершенно новыя идеи, но и новыя комбинаціи ихъ въ общую картину, которую авторъ рисуетъ.

Прежде всего «Введеніе въ сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ» по своему содержанію можетъ быть названо краткимъ руководствомъ сравнительной грамматики. Во всякомъ случаѣ это не такое «введеніе», которое занимается только сообщеніемъ предварительныхъ свѣдѣній по общему языкознанію. Въ первой главѣ своей книги авторъ занимается методологическими вопросами и выясняетъ значеніе термина «индо-европейскій языкъ» (l' indo-européen). Во II главѣ дается общій обзоръ индо-европейской семьи языковъ. Третья глава излагаетъ сравнительную фонетику индо-европейскихъ языковъ, при чемъ эта глава распадается на слѣдующіе три отдѣла: «1) звуки (les phonèmes); 2) слогъ; 3) слово и фраза. Удареніе». Четвертая, самая обширная глава (болѣе 200 страницъ) заключаетъ морфологію, гдѣ послѣ общихъ замѣчаній излагается въ двухъ большихъ отдѣлахъ строеніе глагольныхъ формъ и формъ склоненія. Вопросы синтаксиса отчасти вошли въ четвертую главу, гдѣ, напримѣръ, трактуется объ употребленіи падежей; но спеціально синтаксису посвящена пятая глава, гдѣ говорится о предложеніи. Шестая глава трактуетъ «о словарѣ» (sur le vocabulaire) индо-европейскихъ языковъ, о возстановленіи словъ индо-европейскаго языка и о выводахъ, построяемыхъ на основаніи ихъ. Наконецъ, оканчивается книга двумя весьма важными прибавленіями: 1) «Обзоромъ развитія сравнительной грамматики» и 2) «Библіографическими указаніями», которыя даютъ читателю не только списокъ важнѣйшихъ пособій, но нерѣдко также краткую и мѣткую ихъ характеристику.

Таково въ общемъ содержаніе книги. Какъ видно уже изъ этого краткаго обзора, «Введеніе» въ сравнительную грамматику авторъ понимаетъ довольно широко: онъ хочетъ дать начинающему возможность оріентироваться во всѣхъ областяхъ грамматики и необходимыхъ для ея усвоенія вспомогательныхъ дисциплинахъ. Въ этомъ преимущество нашей книги передъ другими «введеніями», которыя обыкновенно лишь *подводятъ* читателя къ данной наукѣ и останавливаются именно тамъ, гдѣ она начинается. Во всѣхъ областяхъ авторъ останавливается только на самомъ главномъ, на томъ, что должно войти какъ часть въ общую картину. Поэтому всюду автору

приходится имѣть дѣло съ самыми общими, принципіальными вопросами. Не безынтересно поэтому поподробнѣе остановиться на разборѣ нѣкоторыхъ общихъ воззрѣній автора.

Уже въ началѣ предисловія Мейé говоритъ: «Предметомъ нашего изложенія служатъ единственно спеціальныя характерныя черты опредѣленной семьи языковъ. Слѣдить за развитіемъ того или другого индо-европейскаго языка мы не имѣли въ виду; изложеніе этой исторіи есть дѣло сравнительныхъ грамматикъ индоиранской, греческой, латинской, германской и т. д.; эта книга касается только соотвѣтствій между различными языками индо-европейской семьи» (стр. VIII). Если мы припомнимъ, что Бругмановскій Grundriss der vergl. Grammatik der idg. Sprachen носитъ еще и другое заглавіе «Краткое изложеніе исторіи древне-индійскаго, древне-иранскаго, древне-армянскаго, древне-греческаго... языковъ», то приведенныя слова Мейé сейчасъ же получаютъ нѣсколько иное освѣщеніе: авторъ, очевидно, сознательно протувупоставляетъ свое изложеніе изложенію Бругмана. Эта скрытая полемика противъ Бругмана, или противуположеніе ему своихъ взглядовъ встрѣчается во многихъ случаяхъ, и, такъ какъ авторъ самъ въ предисловіи очень хорошо отмѣтилъ эти пункты, то намъ придется дать оттуда еще нѣсколько выдержекъ.

Мейé говоритъ далѣе, что его книга не даетъ также и грамматики индо-европейскаго языка: онъ неизвѣстенъ, и «единственная реальность, которую можетъ изучать сравнительная грамматика, это—соотвѣтствія (отдѣльныхъ языковъ)» (les concordances sont la seule réalité qu' ait à étudier le comparatiste). «Сравнительная грамматика не имѣетъ цѣлью возстановить индо-европейскій праязыкъ; опредѣляя указываемые соотвѣтствіями общіе элементы, она лишь выясняетъ, чтó въ каждомъ изъ исторически засвидѣтельствованныхъ языковъ представляетъ собою продолженіе древней формы языка, и чтó является результатомъ собственнаго оригинальнаго развитія». Сравнительная грамматика не можетъ также, по мнѣнію автора, имѣть въ виду объяснить индо-европейскій праязыкъ, такъ какъ «ни одинъ изъ извѣстныхъ методовъ не даетъ для его объясненія ничего кромѣ построенія недоказуемыхъ предположеній».

Первая глава книги, посвященная разбору общихъ методологическихъ вопросовъ, содержитъ болѣе подробное обоснованіе этихъ мыслей, которымъ авторъ, очевидно, придаетъ очень большое значеніе, и которыя не разъ повторяетъ въ своемъ изложеніи въ той

или иной формѣ. Поэтому мы постараемся изложить послѣдовательно содержаніе этой первой главы. Она распадается на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ «общіе принципы» языкознанія, а во второй даетъ «приложеніе общихъ принциповъ къ опредѣленію понятія индо-европейскаго языка».

Между словомъ и его лексическимъ значеніемъ нѣтъ никакой внутренне-необходимой связи. Даже такъ называемыя звукоподражательныя слова въ различныхъ языкахъ имѣютъ совершенно различныя формы, какъ напримѣръ французское siffler, нѣмецкое pfeifen и русское свистѣть. Поэтому, если мы наблюдаемъ между двумя языками извѣстное сходство въ грамматическихъ формахъ, въ синтаксисѣ и въ словарѣ, то это сходство можетъ быть объяснено только тѣмъ, что оба языка представляютъ изъ себя двѣ разновидности одного и того же языка. Мы говоримъ, что эти два языка — родственны между собою. Такимъ образомъ: «два языка называются родственными, когда они являются результатомъ двухъ различныхъ эволюцій одного и того же языка, бывшаго прежде въ употребленіи». Каждый изъ языковъ такой семьи родственныхъ языковъ можетъ въ свою очередь диффенцироваться, частью сохраняя по наслѣдству прежнее достояніе, частью внося новыя измѣненія.

Съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка «языкъ есть очень сложная система безсознательныхъ ассоціацій движеній и чувствъ, дающая ему возможность говорить и понимать слова другихъ». Для возможности взаимнаго пониманія необходимо, чтобы эта система безсознательныхъ ассоціацій была одинакова у всѣхъ, говорящихъ однимъ языкомъ. Но она не можетъ быть передана непосредственно однимъ человѣкомъ другому: каждый долженъ построить въ себѣ эту систему самъ, и этотъ процессъ построенія системы языковыхъ ассоціацій совершается въ дѣтствѣ, когда ребенокъ обучается языку взрослыхъ. Какъ бы ни былъ способенъ ребенокъ, онъ никогда однако не достигаетъ полной точности передачи языка старшихъ, тѣмъ менѣе точности наблюдается въ языкѣ всего молодого поколѣнія сравнительно съ языкомъ взрослыхъ. Этому моменту усвоенія языка Мейé придаетъ настолько важное значеніе, что «все развитіе языковъ—по его мнѣнію—сводится къ суммѣ измѣненій, происходящихъ всякій разъ, когда дѣти одной и той же мѣстности научаются говорить» (стр. 11). Кромѣ этой главной массы измѣненій есть еще только два вида «случайныхъ явленій», это— явленія заимствованія словъ изъ чужихъ языковъ и измѣненія

языка, происходящія при усвоеніи его какою-либо чуждою народностью.

Въ полномъ согласіи съ такимъ взглядомъ на развитіе языковыхъ явленій стоитъ и объясненіе ихъ закономѣрности. Какими бы сторонними вліяніями ни парализовалось дѣйствіе фонетическаго закона въ его результатѣ, онъ остается неизмѣннымъ и не теряетъ своей реальности, «такъ какъ эта реальность заключается въ томъ, какимъ образомъ дѣти, родившіяся въ опредѣленный періодъ времени, установили свою артикуляцію; но (фонетическій) законъ можетъ ускользнуть отъ вниманія лингвиста; такимъ образомъ существуютъ неизвѣстные фонетическіе законы, которые и останутся неизвѣстными даже въ хорошо изученныхъ языкахъ, если не окажется совершенно непрерывнаго ряда памятниковъ данныхъ языковъ» (14).

Примѣняя эти общіе принципы къ индо-европейской семьѣ языковъ, Мейé опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ условія, необходимыя для признанія даннаго языка индо-европейскимъ: «Индо-европейскимъ языкомъ мы назовемъ всякій языкъ, который въ данный моментъ, въ данномъ мѣстѣ представляетъ до извѣстной степени измѣненную форму индо-европейскаго праязыка» (стр. 19). Опредѣленіе это носитъ исключительно историческій характеръ: оно не даетъ никакихъ особыхъ чертъ, по которымъ можно было бы отличить индо-европейскіе языки отъ другихъ; такихъ чертъ, по мнѣнію автора, и не существуетъ. Такимъ образомъ для доказательства принадлежности даннаго языка къ индо-европейской семьѣ необходимо и достаточно, чтобы было извѣстное количество соотвѣтствій формамъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, и при томъ соотвѣтствій такихъ, которыя не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ кромѣ языковаго родства. Соотвѣтствія въ словарѣ по этому обладаютъ гораздо меньшею степенью доказательности (возможно заимствованіе), нежели соотвѣтствія грамматическаго строя.

Установивши фактъ родства языковъ, сравнительная грамматика старается прослѣдить «развитіе каждаго изъ нихъ, начиная съ того момента, когда всѣ языки были тождественны, до какой либо опредѣленной даты» (21). Если болѣе древняя форма засвидѣтельствована памятниками, то задача сравнительной грамматики сводится къ констатированію этой формы; но въ тѣхъ случаяхъ, когда этой формы нѣтъ въ памятникахъ, намъ приходится ограничиться соотвѣтствіями формъ въ родственныхъ языкахъ; возстановить такую форму невозможно. На примѣрѣ, взятомъ изъ романскихъ

языковъ, Мейе́ показываетъ, насколько ненадежны возстановленія первоначальныхъ формъ путемъ сравненія родственныхъ языковъ, и потому устанавливаетъ свое положеніе, что «единственная реальность, съ которою имѣетъ дѣло сравнительная грамматика, это—соотвѣтствія между исторически засвидѣтельствованными языками». «Соотвѣтствія предполагаютъ общую дѣйствительность но эта дѣйствительность остается неизвѣстною, и составить о ней представленіе можно только при помощи гипотезъ, и при томъ гипотезъ недоказуемыхъ; поэтому одни только соотвѣтствія являются объектомъ науки. Путемъ сравненія невозможно возстановить исчезнувшій языкъ: сравненіе романскихъ языковъ не дало-бы ни точнаго, ни полнаго представленія о народной латыни. Нѣтъ причины думать, что сравненіе индо-европейскихъ языковъ можетъ быть болѣе поучительнымъ. Индо-европейскаго праязыка возстановить невозможно» (стр. 23).

Съ этой точки зрѣнія предполагаемые индо-европейскіе звуки, слова и обороты рѣчи являются сокращенными значками извѣстныхъ рядовъ соотвѣтствій. Такимъ образомъ и подъ индо-европейскимъ праязыкомъ слѣдуетъ разумѣть, по мнѣнію автора, «совокупность этихъ соотвѣтствій» (стр. 29). Отсюда же вытекаетъ и отрицательное отношеніе автора къ попыткамъ объясненія индо-европейскихъ формъ: условные знаки рядовъ соотвѣтствій нельзя принимать за дѣйствительныя слова и потому нельзя прилагать къ нимъ тѣхъ же научныхъ методовъ, которые прилагаются къ изученію словъ.

Строгимъ, безпощаднымъ скепсисомъ вѣетъ отъ каждаго слова аргументаціи автора. Иной разъ кажется, что онъ уже слишкомъ сгущаетъ краски, слишкомъ много сомнѣвается; но, если припомнить, какъ на эти вопросы смотритъ напримѣръ Бругманъ, то приходится признать, что совѣтъ Мейе́ побольше сомнѣваться окажется вовсе не лишнимъ. Невольно припоминается Бругмановская схема изложенія всѣхъ вопросовъ: сначала идутъ общія замѣчанія, затѣмъ «Urindogermanisch» и далѣе «Arisch, Armenisch, Gviechisch»... и т. д. Въ этомъ то отдѣлѣ «праиндо-германскаго» языка, можно смѣло сказать, Бругманъ является слишкомъ легковѣрнымъ сравнительно съ Мейе́. Куда ни взгляни, всюду мы видимъ индо-европейскіе корни и слова, снабженные нерѣдко даже не однимъ, а нѣсколькими значеніями, какъ-будто эти значенія установлены по праиндо-европейскимъ текстамъ. Корень *u̯eid значитъ «sehen, wissen», *u̯idheu̯ā «Wittwe», *bhāĝhus «Bug» и т. д. и т. д. Во всемъ

этомъ мы не только можемъ, но даже и должны сомнѣваться. Вѣдь, если, изучая очень близко родственные языки, мы нерѣдко встрѣчаемъ совершенно неожиданные переходы значеній словъ, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что пра-индо-европейскій словарь, если бы только онъ былъ открытъ, поразилъ бы насъ еще большими неожиданностями. Уже и вѣра въ то, что въ индо-европейскомъ языкѣ существовало хотя-бы слово *u̯idheu̯ā, требуетъ нѣкотораго мужества (Мейé, по крайней мѣрѣ, въ этомъ сомнѣвается); тѣмъ труднѣе вѣрить тому, чтобы это сомнительное слово имѣло значеніе «вдова». Изъ этихъ примѣровъ видно, что Бругманъ склоненъ смотрѣть на возстановляемыя имъ праиндо-европейскія слова не какъ на формулы только, а какъ на дѣйствительныя слова, и готовъ облечь ихъ въ плоть и кровь и примѣнять къ нимъ тѣ же методы, какъ и къ словамъ исторически засвидѣтельствованныхъ языковъ. Не вдаваясь въ критику положеній Мейé, я ограничусь только этимъ указаніемъ; его совѣтъ побольше сомнѣваться мнѣ кажется весьма своевременнымъ даже въ приложеніи къ такому корифею современной сравнительной грамматики, каковъ Бругманъ. Поэтому даже нѣкоторыя возможныя преувеличенія Мейé не могутъ умалить значенія этого напоминанія, въ принципѣ совершенно справедливаго.

Оставляя въ сторонѣ вторую главу, которая знакомитъ читателя съ различными индо-европейскими языками, мы перейдемъ къ изложенію фонетики и морфологіи. Въ изложеніи фонетики Мейé держится порядка, который вытекаетъ изъ разсмотрѣнія какъ артикуляцій, такъ и исторіи индо-европейскихъ звуковъ. Онъ начинаетъ съ согласныхъ звуковъ въ собственномъ смыслѣ, къ которымъ относятся взрывные и спиранты; затѣмъ слѣдуютъ собственно гласные и наконецъ «сонанты», т. е. звуки y, w, r, l, m, n съ ихъ сонантическими разновидностями. Каждому изъ этихъ отдѣловъ предпосылаются краткія замѣчанія относительно артикуляціи соотвѣтствующихъ звуковъ. Согласные звуки разсматриваются не въ принятомъ у Бругмана порядкѣ, не по мѣсту артикуляціи, а по виду артикуляціи: глухіе, звонкіе, звонкіе придыхательные, глухіе придыхательные и наконецъ спиранты; порядокъ, имѣющій нѣкоторое преимущество, такъ какъ онъ наглядно даетъ представленіе и о явленіяхъ такъ называемаго передвиженія согласныхъ, не только въ германскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Въ обзорѣ вокализма Мейé сначала разсматриваетъ соотвѣтствія краткимъ *e, *o, *a, а затѣмъ тѣмъ же долгимъ гласнымъ. Съ особенною подробностью

онъ останавливается на звукахъ, которые онъ называетъ «сонантами», различая четыре случая ихъ употребленія: 1) въ качествѣ консонатовъ, 2) въ качествѣ вторыхъ компонентовъ дифтонговъ, 3) передъ гласными и 4) въ качествѣ гласныхъ. И этотъ порядокъ изложенія даетъ весьма наглядное представленіе о соотвѣтствующихъ фонетическихъ явленіяхъ, прекрасно выясняя такъ называемую «теорію сонантовъ». Далѣе идутъ еще два отдѣла, которыхъ въ руководствѣ Бругмана нѣтъ, но которые съ полнымъ правомъ нашли мѣсто въ отдѣлѣ фонетики: первый отдѣлъ озаглавленъ «слогъ», а второй — «слово и фраза». Въ послѣднемъ отдѣлѣ говорится и объ удареніи. Особенно важенъ на нашъ взглядъ отдѣлъ трактующій о слогѣ, гдѣ сгруппировано довольно много явленій, стоящихъ въ связи съ строемъ индо-европейскаго слога.

Въ изложеніи морфологіи прежде всего бросается въ глаза та особенность, что именно въ этомъ отдѣлѣ нашелъ себѣ мѣсто такъ называемый Ablaut, или чередованіе гласныхъ. Установивъ три главныхъ элемента индо-европейскихъ грамматическихъ формъ: корень, суффиксъ и окончаніе, Мейé указываетъ на то, что въ индо-европейскихъ языкахъ, подобно семитскимъ, корни и суффиксы характеризуются только своими согласными элементами, между тѣмъ какъ гласные звуки въ различныхъ формахъ измѣняются. Эти то измѣненія гласныхъ элементовъ и извѣстны подъ именемъ Ablaut'а, и далѣе идетъ обстоятельное изложеніе главныхъ чертъ этого явленія. Рядомъ съ чередованіемъ гласныхъ звуковъ встрѣчаются нѣкоторые случаи и чередованія согласныхъ, но безъ видимаго морфологическаго значенія: и эти явленія отмѣчены авторомъ (напримѣръ такія чередованія, и какъ санскр. spaç- и paç-). Затѣмъ разсматривается въ общихъ чертахъ форма индо-европейскихъ корней, суффиксовъ и окончаній. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе мѣткая характеристика строенія индо-европейскихъ корней; сюда же отнесены и различные виды удвоенія. Указавъ далѣе различные виды словъ (такъ называемыя части рѣчи) и грамматическія категоріи, которыми они обладаютъ (числа, падежи, лица, родъ), Мейé переходитъ къ обзору глагольныхъ и именныхъ формъ, причемъ указываетъ также и ихъ значеніе. Въ слѣдующей, пятой, главѣ описывается строй индо-европейскаго предложенія. Такъ какъ значеніе именныхъ и глагольныхъ формъ уже было указано раньше, то въ этой главѣ, посвященной синтаксису, говорится только о строѣ предложенія, объ интонаціи и порядкѣ словъ и наконецъ о соединеніи предложеній.

Въ послѣдней главѣ, посвященной вопросу «о словарѣ», сначала разсматриваются условія, при которыхъ мы можемъ допустить въ индо-европейскомъ праязыкѣ существованіе какого-либо слова на основаніи сравненія словъ родственныхъ языковъ. Здѣсь прежде всего указывается на возможность заимствованія, на опасность допущенія индо-европейскаго характера слова на основаніи сравненія только двухъ языковъ, на сомнительность нѣкоторыхъ сопоставленій, допускающихъ иную возможность толкованія (напримѣръ греч. ἅζεται и скр. yajati «приноситъ жертву»: греческое густое придыханіе можетъ соотвѣтствовать также санскритскому s; скр. a можетъ соотвѣтствовать другимъ гласнымъ греч. языка, кромѣ α). Далѣе указывается, съ какою осторожностью слѣдуетъ дѣлать заключенія о культурѣ праиндо-европейцевъ на основаніи сравненія словъ. Нѣкоторыя указанія на ступень культуры можно, по мнѣнію автора, извечь только изъ сопоставленія именъ родства, нѣкоторыхъ названій животныхъ и растеній, очень небольшого числа словъ, относящихся къ религіи, нѣсколькихъ названій предметовъ и наконецъ числительныхъ.

Изъ этого подробнаго обзора содержанія книги г. Мейé видно, что онъ во многомъ измѣнилъ обычный порядокъ изложенія, но всѣ эти измѣненія имѣютъ въ виду наглядность и цѣльность получаемаго впечатлѣнія. По нашему мнѣнію эта цѣль достигнута авторомъ съ большимъ мастерствомъ, и нарисованная имъ картина заслуживаетъ большого вниманія. Конечно, не со всѣми положеніями автора можно согласиться, но даже и ошибки автора будутъ для всѣхъ весьма поучительны, такъ какъ эти ошибки должны быть по большей части принципіальнаго характера: вѣдь авторъ въ своемъ введеніи ограничивался лишь самыми общими чертами.

Мы видѣли, что авторъ весьма скептически относится къ возстановленію индо-европейскихъ словъ и формъ и что въ этомъ отношеніи онъ оказывается гораздо осторожнѣе Бругмана. Однако практически онъ не всегда оказывается такъ осторожень, и въ этомъ отношеніи безъ сомнѣнія слѣдуетъ признать неотразимое вліяніе и на него того же Бругмановскаго «канона». Мы указывали уже раньше, что во всякомъ случаѣ осторожнѣе было-бы не приписывать индо-европейскимъ корнямъ и словамъ никакого значенія, такъ какъ это не живыя слова, а созданныя нами формулы. Признавая это, Мейé однако нерѣдко приводитъ индо-европейскіе корни со значеніями, совершенно такъ же какъ и Бругманъ. Можно было-бы пожалуй возразить на это, что и придаваемое корню или

слову значеніе есть тоже только наша формула, что это дѣлается напримѣръ ради того, чтобы различить нѣкоторые корни совершенно одинаковаго звукового состава, которые однако дали въ индо-европейскихъ языкахъ двѣ группы словъ, различныхъ по значенію. Однако такое возраженіе не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что, придавая индо-европейскому корню какое-либо значеніе, тѣмъ самымъ рѣшается одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ языкознанія, вопросъ о развитіи значеній словъ. Лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ при сравненіи мы имѣемъ слова совершенно тождественнаго значенія; по большей же части значенія только близки, родственны. Вопросъ объ индо-европейскомъ значеніи въ такихъ случаяхъ рѣшается просто: либо для индо-европейскаго языка берется одно изъ исторически засвидѣтельствованныхъ значеній, либо предполагается нѣкоторое среднее, общее значеніе, охватывающее всѣ исторически засвидѣтельствованныя значенія. Ни того, ни другого нельзя признать правильнымъ, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ общихъ законовъ развитія значеній, которые были бы приложимы къ предполагаемымъ индо-европейскимъ словамъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло со словами тождественнаго значенія, мы не можемъ, строго говоря, предполагать въ первоначальномъ языкѣ тоже значеніе: весьма возможно, что въ праязыкѣ оно было иное, чѣмъ то, которое засвидѣтельствовано памятниками отдѣльныхъ языковъ. Вѣдь возможно, напримѣръ, что даже связка *esti имѣла въ праязыкѣ какое-либо конкретное значеніе, изъ котораго уже въ отдѣльныхъ языкахъ развилось значеніе связки, какъ это можно наблюдать на многихъ другихъ глаголахъ. Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, нельзя не пожалѣть, что авторъ не выдержалъ послѣдовательно своего скептическаго отношенія къ словамъ и корнямъ индо-европейскаго праязыка.

Не вступая съ авторомъ въ полемику по поводу нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ[1]), не могу не указать на нѣкоторыя ошибки, которыхъ я отмѣтилъ однако немного. Дважды (на стр. 118 и 165) указывается греч. форма λιπῆναι. Форма едва-ли удобная: она встрѣчается впервые у Діона Кассія, слѣдовательно во второй половинѣ II в. по Р. Х. (см. Kühner-Blass II, 476); гомеровское λίπεν

1) Не убѣдительна, напримѣръ, кажется мнѣ аргументація автора противъ Бругмановскаго «закона» перехода индо-европейскаго *o въ ā въ санскритѣ въ открытомъ слогѣ (см. стр. 69 и сл.).

(Иліада XVI, 507) — весьма сомнительно. Такихъ примѣровъ слѣдуетъ избѣгать, тѣмъ болѣе что формъ второго аориста страдательнаго имѣется достаточно въ греч. языкѣ. Формы πρίαμαι (стр. 352) вовсе въ греческомъ языкѣ не существуетъ; есть только аористъ ἐπριάμην «я купилъ». Подобнымъ же образомъ дѣло обстоитъ и со слав. пѣна, которое авторъ сопоставляетъ съ греч. ποινή, лат. poena и т. д. (стр. 344); но здѣсь авторъ имѣетъ по крайней мѣрѣ за себя авторитетъ Миклошича. Въ словарѣ Миклошича дѣйствительно указаны два слова пѣна; одно обозначаетъ «spuma», а другое «poena» съ указаніемъ единственнаго мѣста, гдѣ это слово встрѣчается, а именно у Буслаева въ Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ стр. 484. Уже и приведенная имъ цитата («постъ и поклонъ и милостыню и пѣне») возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе: какъ производилъ Миклошичъ пѣне отъ пѣна? Если онъ принималъ е, какъ отраженіе первоначальнаго ѧ въ вин. пад. мн. ч., тогда невозможно построить именит. пад. пѣна, а по крайней мѣрѣ пѣны. Но всѣ сомнѣнія разрѣшаются совершенно просто по справкѣ съ самымъ текстомъ. Мѣсто это взято изъ «Златой цѣпи», русскаго памятника XIV вѣка, и если прочесть только слѣдующее за этимъ «пѣне» слово, все станетъ ясно: тамъ написано «пѣне не лицемѣрное», и Буслаевъ совершенно правильно поясняетъ на стр. 508, что это пѣне = пѣние (вѣрнѣе пѣнье). Во всемъ отрывкѣ идетъ рѣчь о томъ какъ слѣдуетъ держать себя въ церкви, внимать «поемое и чтомое» и «при томь пѣньи не подобаетъ себѣ пѣти» и т. д. Такимъ образомъ, русское «пѣнье» превратилось въ словарѣ Миклошича въ «пѣну» и тѣмъ ввело въ заблужденіе нашего автора.

Ошибочно также слѣдующее замѣчаніе автора на стр. 313: «Употребленіе творительнаго падежа сказуемаго есть нововведеніе литовскаго языка и нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, явившееся быть можетъ подъ чужимъ вліяніемъ, такъ какъ подобныя явленія встрѣчаются въ финскихъ языкахъ». О чужеземномъ вліяніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, послѣ того какъ Потебня прослѣдилъ главнымъ образомъ на русскомъ языкѣ историческое развитіе этого явленія (см. Изъ зап. по русск. грам. II[1] 477—537). Замѣчательно, что того же мнѣнія, очевидно, не зная работы Потебни, держится также и Дельбрюкъ (См. Vergl. Synt. I, 263 f.).

Эти неточности, конечно, нисколько не умаляютъ значенія книги г. Мейе. Она дѣйствительно можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ изученіе сравнительной грамматики, и она не потеряетъ

своего значенія даже и послѣ появленія «Краткой сравнительной грамматики» Бругмана; напротивъ, какъ мы старались показать она является прекраснымъ противовѣсомъ Бругмановскому «канону». А пока она является единственнымъ полнымъ руководствомъ сравнительной грамматики въ доступномъ начинающему объемѣ.

Д. Кудрявскій.

Юрьевъ (Дерптъ) августъ 1903.

„Въ засѣданіи II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 13 сентября 1903 года, по докладу акад. В. И. Ламанскаго редактора „Сборника статей по славяновѣдѣнію", было постановлено: 1) передать въ типографію Академіи Наукъ для печати нѣкоторыя уже доставленныя русскими и иностранными авторами статьи для означеннаго „Сборника" и 2) продолжить срокъ доставки статей до 2/15 апрѣля 1904 года".

Акад. В. Ламанскій.

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1903 г.

ТОМА VIII-го КНИЖКА 4-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, К. Л. Риккера и И. Эггерса и Комп. въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; М. В. Клюкина въ Москвѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; у Фосъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Содержаніе IV-й книжки.

[*Продолженіе см. на 3-ьей страницѣ обложки*].

Турецкіе элементы въ языкѣ
Слова о полку Игоревѣ.

(Замѣтки къ изслѣдованію П. М. Меліоранскаго: Извѣстія т. VII, кн. 2, стр. 273—302).

Историки русскаго языка могутъ въ лицѣ П. М. Меліоранскаго привѣтствовать новаго сподвижника, пришедшаго къ нимъ на помощь въ разслѣдованіи такихъ вопросовъ, которые, хотя очень тѣсно, иногда неразрывно связаны съ предметомъ ихъ спеціальныхъ занятій, тѣмъ не менѣе для своего разрѣшенія, а часто и постановки и даже открытія требуютъ знаній, выходящихъ за предѣлы славистики. Само собою разумѣется, что и оріэнталистъ, разъясняющій русскія заимствованія изъ восточныхъ языковъ, долженъ обладать нѣкоторыми свѣдѣніями по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка въ разныя эпохи его развитія, не говоря уже объ общей лингвистической подготовкѣ, необходимой всякому этимологу, къ какимъ-бы языкамъ ни относились его труды. Всѣ эти условія хорошо извѣстны г. Меліоранскому, и онъ съ успѣхомъ старается поставить себя на высоту тѣхъ требованій, какія могутъ ему быть предъявлены лингвистами и, въ особенности, славистами, что̀ онъ и доказалъ блестящимъ образомъ въ статьѣ, вызвавшей эти замѣтки. Онъ, несомнѣнно, вполнѣ сознаетъ многоразличныя трудности, съ которыми сопряжено выясненіе старыхъ заимствованій въ русскомъ языкѣ отчасти по недостаточности предварительныхъ работъ, отчасти и вслѣдствіе болѣе или менѣе чувствительныхъ пробѣ-

ловъ въ исторіи отдѣльныхъ словъ, и потому, конечно, не удивится, если окажется возможность нѣкоторыхъ колебаній въ принятіи кое-какихъ его положеній и выводовъ. Мои замѣтки и касаются именно нѣсколькихъ такихъ случаевъ, по поводу которыхъ нашъ уважаемый тюркологъ отчасти полемизируетъ со мною.

I.

Разногласіе между нами оказалось уже съ перваго слова, которое онъ подвергаетъ разбору,—*блъванъ*. Позволю себѣ сообщить здѣсь въ русскомъ переводѣ то, что̀ я писалъ объ этомъ словѣ въ своей рецензіи на Миклошичеву книгу Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen (см. Archiv für slavische Philologie VIII, стр. 651), говоря о турецкомъ *балабан* «толстый, большой, канюкъ (птица), ardea stellaris (выпь)», съ которымъ, какъ сказано у Миклошича, сравниваютъ сербское *балван*, *баван* «бревно»: «Я надѣюсь доказать вѣрность этого сопоставленія. Турецкое *балабан* есть въ сущности не что иное, какъ отмѣченное г. Миклошичемъ въ надлежащемъ мѣстѣ персидское *пеhлiван* (собств. *пähлiвāн*) атлетъ, борецъ, богатырь, что̀ въ турецкихъ устахъ превратилось въ *балабан* или, напр. у Киргизовъ, въ *палван*, *балван*. Въ европейскіе языки перешли обѣ формы, и трехсложная и двусложная. Не упомянутое авторомъ польское bałaban, которое навѣрное заимствовано изъ османскаго языка, поучительно въ томъ отношеніи, что оно своимъ значеніемъ «хвастунъ, храбрецъ на словахъ» поставляетъ взаимную связь словъ *балабан* и *пähлiвāн* внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ оно утверждаетъ за османскимъ словомъ значеніе персидскаго. Названіе канюка или одной соколиной породы звучитъ по-османски и въ два слога—*балбан*. Bałwan значитъ теперь по-польски «идолъ, кумиръ» (откуда въ

модномъ нарѣчіи русскихъ дамъ прошлаго вѣка[1]) *болванчикъ*= предметъ любви), и въ смыслѣ идола слѣдуетъ, вѣроятно, понимать также «тьмутороканьскый блъванъ» Слова о полку Игоревѣ. Такъ и мадярское bálvány значитъ «изваяніе, идолъ». Отсюда получается для персидско-турецкаго *пähлiвaн*, *палван* и т. д. второе значеніе—изображеніе или изваяніе богатыря или божества, и потому Русскіе, вѣроятно, по примѣру Татаръ, называли изображеніе хана, возимое съ собою баскаками, болваномъ (отсюда *Болвановка*, улица въ Москвѣ)[2]). Татарскій богатырь или боецъ бываетъ атлетомъ, т. е. онъ великъ и толстъ; отсюда турецкое *балабан* «толстый». Въ грубыхъ изваяніяхъ богатырей эти свойства должны были являться даже въ усиленной степени; таковы часто встрѣчаемыя въ южной Россіи «бабы», представляющія собою не что иное, какъ отесанныя каменныя глыбы, въ которыхъ замыселъ степного Фидія, направленный на изображеніе человѣческой фигуры, приходится скорѣе угадывать, чѣмъ признавать осуществленнымъ. Потому румынское bolovan означаетъ каменную глыбу, массу (едва-ли непосредственно изъ турецкаго языка), польское bałwan — то-же и крупную волну. Къ этому значенію примыкаютъ сербское *балван*—бревно, русскія *болванъ*, *бакланъ* (съ *к* изъ *h*—чисто по-турецки), *бакмушъ* бревно, колода. Значеніемъ «идолъ» объясняется русское *болванъ* кукла (для изготовленія шапокъ и т. п.), дуракъ. Лишь позже Османы заимствовали это слово съизнова и уже въ его персидской формѣ со значеніемъ «атлетъ, фокусникъ»; отсюда греческое πεχλεβάνης или μπεχλεβάνης, румынское *пълiван* и т. д.». Къ этому я могу прибавить малорусское *бовваніти* «вздыматься, громоздиться, виднѣться» (о чемъ-либо огромномъ и далекомъ, напр. о тучахъ) и изъ первой части Миклошичева Nachtrag (Wien 1888) словѣнское *bolvan* «идолъ» (bolvân и balvân, также= глыба), малорусское *сокiл балабан* (и по-великорусски *балабáнъ*, прежде, вѣроятно, *болобáнъ* род. *болóбана*—ср. фамилію *Балó-*

1) Писано въ 1885 г.

2) Въ Замоскворѣчьѣ, тамъ-же, гдѣ и Татарская и Ордынка.

бановъ, въ отпускной 1665 г.: «по приказу окольничаго Дмитрія Алексѣевича Болобанова», въ отпускной 1666 г.: «изъ вотчины его села Болобанова» въ «Отчетѣ отдѣленію русскаго языка и словесности о поѣздкѣ въ Вологодскую губернію» В. И. Срезневскаго, помѣщенномъ въ Изв. VII кн., гдѣ см. стр. 200, №№ 4 и 5), польское *bałwan*=gatunek wielkiego krogulca, румынское *бълъбънóс* соколиный» (?)[3]).

Г. Меліоранскій затрудняется прежде всего переходомъ значеній: *пähлiвäн* значитъ «богатырь, молодецъ», а *болванъ*—«каменная статуя, идолъ», и при томъ *пähliвäн* никогда не было на Востокѣ браннымъ словомъ, какъ наше *болванъ* (стр. 277). Это справедливо относительно Персовъ и, по крайней мѣрѣ, западныхъ Турокъ (османскихъ и азербайджанскихъ), у которыхъ значеніе этого слова не идетъ ниже «фокусника, акробата, канатнаго плясуна»; но здѣсь надобно имѣть въ виду слѣдующіе два вопроса: 1) насколько близко народному сознанію первоначальное значеніе слова? мы также можемъ, правда, нáзвать кого-нибудь богатыремъ или молодцемъ въ насмѣшку, да вѣдь иное дѣло насмѣшка, а иное—брань; 2) какъ цѣнится даннымъ народомъ то понятіе, которому соотвѣтствуетъ переходное значеніе слова, каково въ разбираемомъ примѣрѣ «фокусникъ» между «богатырь» и «дуракъ»? Въ Закавказьѣ, когда *пähliвaн* всходитъ на канатъ, *домбай*, состоящій при немъ шутъ[4]), спрашиваетъ его: «Пähliвáн kардаш, hÿнäр кім-ÿчÿн»?=«фокусникъ—братъ, искусство ради кого»?, а плясунъ ему отвѣчаетъ: «Аллáh-ÿчÿн»!=«ради Бога!». И такъ *пähliванлых*, т. е. фокусничество, занимаетъ у азербайджанскихъ Турокъ довольно почетное мѣсто въ ряду человѣче-

3) Если такъ, то и *бълъбáн*, потому что *-óс* есть наставка романская, перешедшая въ румынскій языкъ изъ латинскаго = ср. *фрумóс* = лат. formosus и т. п. Тамъ-же «russ. *bolovan*» заимствовано Миклошичемъ у меня, но искажено по недосмотру автора или наборщика: вмѣсто «russ.» читай «rum.».

4) *Домбей* по-абхазски = зубръ. Можетъ-ли быть сомнѣніе въ тождествѣ этого слова съ азербайджанскимъ *домбай* и кумыцкимъ *доммай* «шутъ, смѣхотворная личность»? а какъ объяснить переходъ значеній? Можно, конечно, предположить переодѣванье въ зубра, но вѣдь это предположеніе было-бы посмѣлѣе приводимыхъ въ текстѣ.

скихъ профессій, а при фокусничествѣ—и шутовство (такъ какъ домбай, называя главнаго фокусника братомъ, причисляетъ и себя къ пеглеванамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно, кажется, въ Персіи, даже называется *јаланчі пählіван* «враль-богатырь»). Въ Европѣ дѣло обстоитъ иначе, и уже напр. по-румынски *пъліван* можетъ звучать весьма оскорбительно. Что до связи понятія человѣка, вообще или квалифицированнаго, съ изваяніемъ или инымъ изображеніемъ человѣческаго, а потомъ, пожалуй, и звѣринаго или птичьяго тѣла, то, если не достаточно самаго сходства этихъ предметовъ, стоитъ лишь припомнить соотвѣтствующія слова изъ языка народа, довольно авторитетнаго по части ваянія, Грековъ — ἀνήρ «мужъ, мужчина» и ἀνδριάς «статуя». И воззрѣнія на статую бываютъ различны: для Грека и Римлянина, да и для новѣйшаго культурнаго человѣка необходимою принадлежностью скульптурнаго произведенія является красота: со статуей мы сравниваемъ человѣка, отличающагося изяществомъ и соразмѣрностью частей тѣла, Стеккетти говоритъ:

Le beltà velerai, che bianche ho scorte,
E le scultorie bracia e la man breve

(разумѣя, конечно, piccola, а не обрубокъ) и т. п.; а наше простонародье связываетъ со словомъ *статýй* именно отсутствіе соразмѣрности, неловкость, медленность движеній и какъ-бы непроизвольность ихъ, свойственныя автомату; ср. у Гребенскихъ казаковъ *востатýй* «дылда, чучело, болванъ» (М. А. Караулова, Матеріалы для этнографіи Терской области, стр. 54 въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности т. LXXI). Зависитъ кое-что и отъ человѣка-подлинника: если итальянское pupazzo означаетъ малыша, ребенка и въ то-же время куклу, а отъ стариннаго голландскаго mannekln «человѣчекъ» (Männchen) произошло французское mannequin «модель человѣка съ гнущимися суставами», *балван* «богатырь» могло послужить для обозначенія даже очень большого «болвана», каковы такъ называемыя «бабы».

Мало того: сюда-же можетъ относиться употребляемое Гребенскими казаками *болба́* «молотило, большой деревянный валекъ изъ толстой пластины, въ которую съ нижней стороны вколочены куски желѣза, битый чугунъ и т. п.» (М. А. Карауловъ тамъ-же стр. 50) тѣмъ болѣе, что при такой-же молотьбѣ («гарманомъ», при помощи лошадей или воловъ) въ другихъ мѣстахъ валекъ замѣняется круглымъ денкомъ. Въ заключеніе можно сослаться на совершенно вѣрное замѣчаніе самого г. Меліоранскаго о словѣ *кощей*, что оно «иногда пріобрѣтало нѣсколько пренебрежительный или бранный оттѣнокъ; искони браннымъ оно *не* было» (стр. 292).

Что касается звуковой стороны, то вѣрно, что *pähliвāн* или *pählāвāн* такъ и звучитъ во всѣхъ персидскихъ нарѣчіяхъ (должно прибавить: на сколько мы ихъ знаемъ), безо всякихъ сокращеній; но вѣдь рѣчь идетъ не о персидскихъ нарѣчіяхъ, а о турецкихъ языкахъ. Вѣрно и то, что формы «*палуан*, *палван*» трудно предположить существовавшими у какихъ-нибудь Турокъ въ X—XI вѣкахъ (стр. 278), потому что—чего не договариваетъ г. Меліоранскій — къ турецкимъ языкамъ въ полной мѣрѣ примѣняется общій всѣмъ языкамъ законъ: чѣмъ древнѣе языкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ менѣе онъ разработанъ на письмѣ, тѣмъ менѣе въ немъ при заимствованіяхъ замѣчается уступокъ въ пользу иноязычной фонетики; а ни *п*, ни *ў* или *в* въ обще-турецкомъ языкѣ, по видимому, не было кромѣ такихъ случаевъ, какъ *тап* «найди», гдѣ коренное *б* (ср. казанское *тауп* «нашедъ», ужь конечно, изъ *табуп*, а не *тапуп*) пришлось въ концѣ слова. Недаромъ, конечно, эти три звука чужды и древнему монгольскому языку, въ которомъ буквы, ихъ выражающія, относятся къ дополнительной азбукѣ (*галік*), предназначенной для транскрипціи санскритскихъ и тибетскихъ словъ. Помимо положенія въ концѣ и передъ глухою звукъ *п* у Турокъ и до сихъ поръ, когда ихъ языки успѣли уже въ болѣе или менѣе значительной степени подвергнуться чужимъ вліяніямъ, встрѣчается почти только въ тѣхъ языкахъ, которые не терпятъ звонкихъ въ началѣ словъ (чу-

вашскій и нарѣчія алтайскія и отчасти абаканскія), и спорадически, хотя нерѣдко, въ западныхъ (въ османскомъ и азербайджанскомъ), гдѣ оно отчасти произошло завѣдомо изъ *б*, напр. въ осман. *пазар* изъ перс. *bāзāр*, *пусула* «компасъ» изъ ит. bussola, или тамъ, гдѣ по нарѣчіямъ оно чередуется съ *м*, которое если иногда и превращается въ *п*, то лишь черезъ *б*, какъ въ кирг. *кéт-пе* «не уходи» изъ *кет-мä* (ср. *бáр-ба* «не ходи» изъ *бáр-ма*); и такъ осм. *hеп* «весь, всѣ», *hеп-і-сі* «весь онъ, всѣ они» изъ *hем*, *hем-і-сі* и далѣе изъ *hаму* (ср. азерб. *hаммы*, сарт. *hаммä-сі*, можетъ быть, не безъ вліянія со стороны перс. *häм* и *häмä*) — *камуҕ* (такъ въ чагатайскомъ, монг. *хамук*) черезъ *hеб*, котораго *б* потеряло звучность по правилу о конечныхъ звонкихъ, а въ сокращенномъ *hеп-сі* — подъ вліяніемъ слѣдующей глухой, откуда уже аналогически *hеп-і-сі* вмѣсто *hеб-і-сі*. Позднее *п* въ осм. *тоnуk*, азерб. *тоnух* «лодыжка», звучащее у большинства Турокъ *тобуk*, а у Алтайцевъ—*томуk*, въ *kопуз* «балалайка»—кирг. *kобуз* (откуда малор. *кобза*), караг. *кобыс*, койб. *комыс*, кум. *хомуз* и т. п. Во многихъ словахъ колебаніе: при *пазар* говорится и *базар*, при *пашмаk*—*башмаk*, азербайджанскому *пох* stercus въ османскомъ соотвѣтствуетъ обще-турецкое *боk*. Такъ даже въ заимствованіяхъ съ *п*: изъ греческаго πάστωμα «соленье» Османы сдѣлали *пастурма* «соленое и высушенное на солнцѣ мясо» (чтò и Греки по ихъ примѣру называютъ παστουρμᾶς или παστραμᾶς), но говорятъ и *бастурма*, желая, можетъ быть, потурчить чужое слово и въ корнѣ (*бас-* «давить») послѣ того, какъ уже потурчили его въ окончаніи (ср. *дондурма* мороженое, *буруштурма* «нахмуриванье», *кӱптӱрме* выпуклый, каз. *kаптурма* застежка, *kалдырма*[5]) перекладина, иртышское *kабдырма* связь, кирг. *кӧптӱрме* орелъ-бѣлохвостъ и т. п.); наряду съ *подрум* «погребъ» (изъ греч. ὑπόδρομος «пристань» — см. G. Meyer, Türkische Studien стр. 44, — хотя,

---

5) Такъ, а не только, какъ теперь, *kалдырым*, называлась нѣкогда у османскихъ Турокъ мостовая, судя по серб. *кȁлдрма*, прежде, вѣроятно, **калдр̀ма*, дат. *кȁлдрми* и т. д., болг. *калдръма* (но и *калдъръ̀м*).

можетъ быть, черезъ серб. *по̀друм*) слышится у нихъ чуть-ли не чаще *бодрум*. Нѣкоторые примѣры звука *п* кажутся исконными обще-турецкими, но въ такихъ случаяхъ какъ будто замѣшано звукоподражаніе или вліяніе слѣдующей согласной—глухой или плавной и, вѣроятно, носовой, даже черезъ гласную (ср. вліяніе внутренняго согласнаго звука на начальный черезъ гласную въ кирг. *дадандык* «невѣжество» изъ *надандык* отъ перс. *нā-дāн* «невѣжда»; абак. *нā* «новый» при *т'ā* изъ **нанга*, **т'анга* вмѣсто *јанга*; *наҕас* «одинокій» при *т'ангас* изъ **јангас*, *јангыз*; *нангмыр* «дождь» изъ *јаҕмур*; *нама* «священникъ» изъ монг. *лама* и т. п., какъ вѣроятно, и кирг. *дöнölöк*, кум. *дöгурек* «круглый» при каз. *тäгÿрäк*[6]), кирг. *дабыл* «барабанъ» изъ перс.-ар. *тäбl*, *дене* «тѣло» при *тене* изъ перс. *тäн* и т. п.). Такое дѣйствіе глухихъ понятно, но и *р* и *л*, особенно послѣдній, по видимому, обладаютъ этой способностью: *јапрак* «листъ» изъ *јабулдрак* (такъ въ команскомъ), *кöп-рäк* «больше» и *кöп-lä-н-мäк* «умножаться» при однозначащемъ *кöб-ä-мäк* отъ *кöп* «много», и во всякомъ случаѣ *п* находится передъ *р* въ *топрак* «земля, прахъ», *чÿпрäк* «тряпка», *кöпрÿ(г)* «мостъ» и др. не у однихъ западныхъ Турокъ. То-же и въ обратномъ порядкѣ, по крайней мѣрѣ, при *л*: *чолпан* «денница» при *чолбан*[7]) и алт. (и монг.) *чолмон*, каз. *шулпа* «похлебка» изъ *шорба*, кирг. *даулпаз* «барабанъ» (при соколиной охотѣ) изъ перс, *тäбl-бāз* «барабанщикъ», чагат. *чултар* «чехолъ на вьючномъ сѣдлѣ» изъ перс. (*пāлāн-ı*) *çуl-дāр*, осм. *солтат* «солдатъ», *kарпуз* «арбузъ»—у другихъ Турокъ *kарбуз*, гдѣ древность *б*, по видимому, засвидѣтельствована нашимъ словомъ (изъ **hарбуз*—**харбуз*, крым. *харпуз*)[8]), не говоря уже

6) Ср. монг. *деҕÿрен* «полный».

7) Такъ и по турецкому словарю, изданному г. Меліоранскимъ въ изслѣдованіи «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ», гдѣ впрочемъ на стр. 089 онъ ставитъ въ первомъ слогѣ *у* съ вопросительнымъ знакомъ. Юченъ-ли его переводъ арабскаго толкованія *каўкабу-ç-çубḥ* «утренняя звѣзда» 79,₂ словами «Венера (планета)», что̀ по-арабски *аз-зуhра*,—пусть рѣшаютъ астрономы.

8) Но ка̇къ понять *т* въ иртышскомъ *тарпус*? Ср. каз. *тilä* и *кilä* «проси», алт. *тозоk* «буракъ (изъ бересты)—каз. *kызаў* и наше *ку̇зовъ*, алт. *тōрҕо* «выхухоль» — наше *кабарга́* (общее между этими двумя звѣрями—мускусъ), тур. *тil* «языкъ»—монг. *kele*. Наше *кизя́къ* и тур. *тäзäк* можетъ относиться не сюда.

о перс. *хäрбузä* (ср. сарт. *атун* «ученая женщина, жена ученаго» изъ *хатун—kатун*), и въ древнихъ соединеніяхъ *т*, какъ и по-монгольски, не измѣняется въ *д*: *былтыр* «прошлаго года» (буквально «одинъ годъ есть», что̀ теперь звучала-бы *бір јыл дыр*, а первоначально — *бір јыл турур*), *шылтаk* «брань, клевета, предлогъ» (монг. *шілтаҕак*), *олтур* «сиди» (откуда алт. *оттур* и далѣе осм. и азерб. *отур* — изъ *ол* «сиди, будь»[9]) и *тур* «стой, пребывай», хотя корень *ол-* былъ здѣсь нѣкогда, вѣроятно, въ формѣ какого-нибудь дѣепричастія), *гälтÿр* «приведи, принеси» (у западныхъ Турокъ *гäтÿр* — отъ *гäl* «приходи»), *öлтÿр* «убей» (въ западныхъ языкахъ и въ команскомъ подновлено: *öldÿр* — отъ *öl* «умри»), вѣроятно, и ирт. *балтаk* кольце, рукоять, костыль (каз. *балдаk*, но ср. осм. *балчак* «рукоять»). Принадлежность нѣкоторыхъ случаевъ къ той или другой категоріи, напр. абак. *малтырҕан* «гладышъ, коперъ» при *балдырҕан* другихъ нарѣчій еще требуетъ изслѣдованія, но фактъ — *т* при *д* послѣ *л* — на лице. Это сомнѣніе между прочимъ касается отглагольныхъ существительныхъ на *-ты*, *-ті* или *-ды*, *-ді* съ плавной или носовой впереди, изъ которыхъ однимъ эта наставка, по крайней мѣрѣ, теперь присвоивается въ обоихъ видахъ, какъ осм. *аkынты* и *аkынды*[10]) «теченіе», *харылты* и *харылды* «грохотъ, гулъ», *гöрÿlті* и *гöрÿldі* «грохотъ, громъ», другимъ — только въ первомъ видѣ, напр. *салынты* «волненіе (на морѣ)», аз. *шыkkылты*[11]) «шорохъ». За-

---

9) Первое значеніе сохранилось въ мадярскомъ языкѣ, второе—не только въ западно-турецкихъ, но и въ финскихъ, почему едва-ли возможно выводить *ол* изъ сѣвернаго и восточнаго *бол*, какъ то сдѣлалъ г. Меліоранскій въ упомянутомъ выше изслѣдованіи (стр. XL — XLI) на основаніи отмѣченныхъ въ словарѣ *не ўолды* «что случилось»? и *не ўолҕай* «что будетъ»? (или «что бы это могло быть»? τί ἂν εἴη;).

10) Эту смѣну или ея отсутствіе особенно удобно прослѣдить по словарю академика В. В. Радлова, гдѣ османскія слова являются иногда въ четырехъ туземныхъ передачахъ; такъ при *аkынты* даны написанія арабское = *аkынды*, армянское=*акінті*, еврейское=*акінді* и греческое ἀχηντή, которое можно прочесть двояко.

11) Такъ-же въ этомъ нарѣчіи *саkkал* «борода», *саkkыз* «смола», *доkkуз* «девять» (откуда, вѣроятно, и *секкіз* «восемь»; ср. впрочемъ чув. *саххыр* и *туххыр*). Такое удвоеніе *k* и *к* попадается и у Алтайцевъ.

мѣчательно, что въ монгольскомъ языкѣ частица дательнаго падежа *тур*, *тӱр* (*ту*, *тӱ*, или *та*, *те*), измѣняющая послѣ звонкихъ свое *т* въ *д*, звучитъ послѣ *р* такъ-же, какъ послѣ глухихъ, напр. *ҕар-тур* «рукѣ, въ руку», *гер-тӱр* «въ домъ, домой» (но *хаҕан-дур* «царю», *гем-дӱр* «злу», *џіл-дур* «году»). Вспоминается здѣсь и наставка *-та*, *-те* въ *ам-та(н)* «вкусъ», *ергі-l-те* «вращеніе, водоворотъ» и т. п. Чтобы возвратиться къ *п*, такъ, можетъ быть, надлежитъ объяснять и *калпак* (наше *калпáкъ* или *колпáкъ*, откуда лит. kalpókas) при сравненіи съ обще-славянскимъ *клобýкъ* (у Чеховъ, Хорватовъ[12]) и Словѣнцевъ=шляпа), которое восходитъ къ первоначальному **колбукъ* (съ краткимъ *л* — см. А. А. Шахматова «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» въ той-же книжкѣ «Извѣстій» стр. 323 слѣд. и 328 примѣч. 1)—тур. **калбук* и отличается отъ *колпакъ*—*калпак* инымъ видомъ наставки, какъ *борсук* отъ койб. *барсак* «барсукъ», какъ караг. *корһук* отъ *коркак* «боязливый», какъ уйг. *сӱнгӱк*, азерб. *сӱмӱк* отъ чаг. *сӱнгäк* или *сӱмäк*, каз. и сарт. *сӱјäк*, какъ *калмук* отъ монг. *хаlімак* «Калмыкъ»[13]). При *калпак* есть и

12) *Клдбӱк*, род. *клобýка*, а *клŏбӱк* «пузырь», вѣроятно, изъ тур. *кӧбӱк* «пѣна» подъ вліяніемъ слова *клдпац* «пузырь». Любопытно, что теперь османскіе Турки говорятъ *кӧпӱк*, а форма съ *б* извѣстна лишь изъ другихъ нарѣчій. Передъ нами, по видимому, еще одинъ примѣръ поздняго *п* вмѣсто *б*.

13) Такъ называемые Алтайскіе Калмыки, говорящіе по-турецки, сами придаютъ себѣ названіе *кара калмак*, т. е. черные калмыки (Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen, S. XXIX). То-же чередованіе гласныхъ наблюдается и въ случаяхъ осложненія этой наставки (при чемъ должно замѣтить, что въ современныхъ нарѣчіяхъ смѣна *у*, *ӱ* и *ы*, *і* часто зависитъ отъ корневой гласной): *пучмак* «уголъ» и *кызамук* «корь», *капчак* «крюкъ» и *урчук* «веретено» (такъ, быть можетъ, и *Салџак*, названіе одного изъ урянхайскихъ племенъ (id. ib. S. XXXI), при *Салџук*=Сельджукъ), *батkак* «топь» и *еlік* «крючекъ» и др., между прочимъ рядомъ съ уже встрѣтившейся выше въ *јабулдрак* наставкой *-драк*, *-дрäк* или *-трак*, *-трäк* есть и *-друк*, *-дрӱк* или *-трук*, *-трӱк*, иначе *-дрык*, *-дрік* или *-трык*, *-трік*, часто съ гласной передъ плавной— *-дурук* и т. д., напр. *бојундрук* «нашейникъ, ярмо» (абак. *мойдырык* и *мойдырак* «воротникъ»), *тäбäldрік* «подножка», *табалдрык* «порогъ», *оҕулдурук* «икра (рыбья)», *ӱlдӱрӱк* «вѣшалка (въ видѣ шеста)», *кӱмӱlдрӱк* «нагрудникъ, паперси» (монг. *кӱмӱlтӱрген*), *бастырык* «дверной запоръ» (сарт. *бастурук* «жемъ»), *сакалтырык* «подбородникъ, трензель», чаг. *ӧӱндрӱк* «толстая желѣзная пластинка съ дырьями, употребляемая кузнецами» (Будаговъ изъ Djagataische

kалабаk. Можно предположить, что и южное *топал* «хромой» такъ-же относится къ кирг. *томп-аk-да-маk* «ходить нетвердо», какъ *тобалаk* или *топалаk* «круглый» къ кирг. *томп-ай-маk* «вздуваться».

Все это, конечно, только догадки, высказываемыя скорѣе въ смыслѣ вопросовъ спеціалистамъ, чѣмъ въ качествѣ научныхъ попытокъ къ обогащенію турецкой фонетики новыми фактами, однако такихъ примѣровъ, изъ которыхъ можно вывести въ какихъ-то случаяхъ какъ-бы сродство турецкихъ плавныхъ и носовыхъ съ глухими, легко набрать много, а причина этого явленія заключается, вѣроятно, въ нѣкоторой склонности первыхъ звуковъ къ потерѣ длительности, почему, напр., въ азербайджанскомъ языкѣ *л* можетъ уподобляться предшествующему *т*, *м* — предшествующему *п*, а по говорамъ *л* послѣ звонкихъ зубныхъ переходитъ въ *д*: *атты* вмѣсто *атлы* «всадникъ», *таппаџä* вмѣ-

---

Sprachstudien Вамбери), *kайҔалдуруk* (*kалҔайдуруk?*) «вещь, обитая жестью» и т. п. При *р* въ корнѣ или основѣ эта наставка теряетъ *р*, вслѣдствіе чего она можетъ смѣшиваться въ языкахъ киргизскомъ, алтайскихъ и абаканскихъ съ *-дуk*, *-дÿк*, *-дыk*, *-дiк*, *-туk* и т. д. изъ *-лыk*, *-lік*, *-луk*, *-lÿк*, напр. *бурундуk* «верблюжьи удила (въ видѣ палочки, продѣтой сквозь сошникъ, носовую перегородку)» изъ *бурун* «носъ», *kарындыk* «брюшина» изъ *kарын* «брюхо», *орундуk* «сидѣнье, стулъ» (откуда наше *рундукъ*) изъ *орун* «мѣсто, ложе» (монг. *орон* «мѣсто», откуда и *орунџуkламаk* «очищать или отводить помѣщеніе» у «Араба-Филолога» 39, 8, ср. кирг. *орындамаk* «селиться») + *-друk*, *-дрыk*, а не путемъ неслыханнаго у большинства Турокъ перехода *л* въ *д*, который здѣсь допускаютъ нѣкоторые ученые (см. напр. Houtsma, Ein Türkisch-arabisches Glossar стр. 22 h и 112 слѣд.). Наряду съ *-драk*, *-дрäк* есть несомнѣнно *-даk*, *-дäк* (можетъ быть, и *-даҔ*, *-дäı*) въ связи съ глагольной наставкой *-да*, *-дä*, напр. *iздä* «слѣди» отъ *iз* «слѣдъ» (ср. тамъ-же) или *kурҔада* «оградись, укрѣпись» ср. *kурҔан* «укрѣпленіе», какъ есть и *-дуk*, *дÿк*, *-дыk*, *-дiк* въ производныхъ отъ глагола, напр. въ *тajандуk* «опора» отъ *тajан* «опирайся», ирт. *kопулдуk* (т. е. фонетически, вѣроятно, *kупөлдөk*) «грыжа» отъ *kопул* или *kобул* «вздувайся»; но самостоятельное существованіе наставки *-дуk* для образованія однихъ именъ отъ другихъ кажется спорнымъ, почему напр. въ первой части такихъ словъ, какъ *чыбылдыk* «пологъ», *сандуk* (слывущее за арабское) «сундукъ», чуть-ли не слѣдуетъ предположить выпаденіе *р*, хотя объ ихъ происхожденіи можно высказывать только догадки (*чылбыр* «привязь»? **сарун* отъ *сар* «свертывай»? ср. *сатун* отъ *сат* «продай», находящееся, по видимому, уже въ Codex Comanicus 23: satum alurmen, что В. В. Радловъ, правда, переписываетъ *сатып алырмäн*, но можно, кажется, принять за *сатун алурмын*).

сто *тапмаџа* «загадка», *kара гöздÿ* вмѣсто *kара гöзlÿ* «черноглазый». Такія уподобленія, какъ извѣстно, еще болѣе свойственны нарѣчіямъ абаканскимъ, алтайскимъ и киргизскому языку, хотя не въ одинаковой мѣрѣ, распространяясь при томъ и на *н*. Способствовать этому явленію могло и еще одно условіе, о которомъ пока можно лишь робко гадать: возможность существованія двухъ родовъ плавныхъ и носовыхъ въ турецко-монгольскомъ языкѣ— звонкихъ въ началѣ корней и глухихъ въ концѣ ихъ и въ нѣкоторыхъ наставкахъ. По крайней мѣрѣ, относительно *л* въ этомъ трудно сомнѣваться, судя по его чередованію съ *ш* и отчасти съ *с* (см. G. I. Ramstedt, Ueber die Konjugation das Khalkha-Mongolischen. Helsingfors 1902, стр. 97—99, 102 и 119)[14]).

Правда, рискованнымъ казалось-бы утвержденіе, что *п* никогда не было даже въ обще-турецкомъ языкѣ: за существованіе этого звука въ немъ какъ будто говоритъ аналогія, такъ какъ изъ согласныхъ, помимо *j*, *м* и *н*, этотъ языкъ допускалъ въ началѣ словъ, повидимому, только *k*, *к*, *ч*, *т*, *с* и, кое-гдѣ, *ш*, рядомъ съ которыми начальное *б* звучитъ диссонансомъ [15]). Однако вѣдь въ индо-европейскомъ языкѣ, наоборотъ, при *г* и *д* не было *б* (кромѣ звукоподражаній въ родѣ нашего *булькать*); а главное препятствіе къ допущенію *п* въ качествѣ исконнаго турецкаго звука заключается въ томъ, что *п*, какъ было сказано

14) Хорошимъ примѣромъ потерявшаго звучность *л* въ концѣ корня моглобы служить алт. и абак. *ak-käl* «принеси, приведи», если бы оно въ самомъ дѣлѣ произошло изъ *ал+käl* (см. словарь акад. Радлова); но другіе Турки говорятъ *a-käl*, *an-käl* и—*алып-käl* (собств. «взявъ, приди»). Такъ-же и чуть-ли не общее *аппар* или *апар* «отнеси, отведи» изъ *алып бар* «взявъ, пойди». Ср. кирг. *боп* изъ *болуп* «будучи, ставъ».

15) И въ самомъ дѣлѣ — нѣкоторые турецкіе языки устранили этотъ диссонансъ, превративъ всякое начальное *б* въ *п*, а такъ какъ съ другой стороны *k*, *к* и *т* послѣ гласной по большей части переходили въ Ђ, *г* и *д*, они обобщили это правило и распространили его на *с* и *ш*, измѣняя ихъ въ *з* и *ж*, а мѣстами— и *ч* въ Џ. Таковъ основной фонетическій законъ чувашскаго и алтайскихъ языковъ (по В. В. Радлову— и уйгурскаго, хотя въ немъ нѣтъ особыхъ знаковъ для Ђ, *г*, Џ, *з* и *ж*). Проведеніе этого закона въ упомянутыхъ языкахъ (кромѣ уйгурскаго, гдѣ его трудно провѣрить) одинаково до подробностей, а это наводитъ на мысль, что всѣ они восходятъ къ одному, теперь уже вымершему, нарѣчію.

выше, нѣтъ и въ монгольскомъ языкѣ. Этому соображенію нисколько не противорѣчитъ довольно широкое распространеніе звука *п* въ нѣкоторыхъ турецкихъ языкахъ. Вѣдь звука *ф* не было не только въ обще-славянскомъ языкѣ, но и въ древнерусскомъ (можетъ быть, кромѣ звукоподражаній, какъ *тьфу*, *фыркать*), а теперь мы имъ нисколько не затрудняемся. Появленіе его у насъ находится въ связи съ исчезновеніемъ звуковъ *ъ* и *ь*, какъ гласныхъ; отсюда произношеніе *в* за *ф* передъ глухими согласными и въ концѣ словъ, т. е. при тѣхъ-же обстоятельствахъ, при какихъ у Турокъ *б* звучитъ какъ *п*. Какъ *рукавъ* = *рукáфъ*, такъ и перс. *зäр-бāф* «золотая ткань, парча» у насъ уже *изарбафъ*, да и діалектическое перс. *гуl-āв* вмѣсто *гуl-āб* «розовая вода»—*гуляфъ* (какъ и осм. *хошаф*—при *хошаб*— «ягодная водица», вѣроятно, изъ формы *хош-āв*). Отъ нихъ прилагательныя — *изарбафный*, *гуляфный*, хотя **гулявный* было-бы и этимологически правильнѣе. Съ другой стороны чужія по происхожденію *Тьфѣрь* (впослѣдствіи *Тверь*) изъ **Тьхвѣрь* (финнское *Tihviari? ср. *Тихвинъ*, какъ мнѣ указалъ А. А. Шахматовъ), *Фурстѣнъ* изъ др.-сканд. Þórsteinn и т. п. Позже *тюфякъ* изъ тур. *тӧшäк* «постилка, постель», вѣроятно, съ лабіализованнымъ *ш*, которое по слуховому впечатлѣнію въ самомъ дѣлѣ иногда сильно напоминаетъ *ф*, но, можетъ быть, и не безъ воздѣйствія со стороны другого, болѣе древняго и потомъ забытаго *тюфякъ* «крѣпостной лукъ» (arcuballista) изъ перс. *туфäнг* черезъ тур. *тÿфäк*. Лабіализмъ какъ-то замѣшанъ и въ словѣ *тафья* изъ тур. *takja* или, точнѣе, **тахја* (ср. чув. *тохја* «дѣвичья шапочка»), но, можетъ быть, также отчасти подъ вліяніемъ другого слова, на этотъ разъ сходнаго и по смыслу—*скуфья* изъ греч. σκοῦφια. Фонетически можетъ объясняться *ф* въ фамиліи *Шафоростовъ*, вѣроятно, изъ перс. *шāh-пäрäст* «преданный шаху, служитель шаха». Уже вполнѣ самостоятельное введеніе звука *ф* представляетъ имя *Аграфена* изъ *Агриппина* или, какъ написано въ отпускной 1672 г. у В. И. Срезневскаго Изв. VII стр. 201, *Агрепьна*. И тѣмъ не менѣе въ лѣтописи наряду съ

Фурстпнъ есть и *Прастпнъ*, въ той-же самой отпускной читается *Мустаѳы* вмѣсто *Мустафы*, а французскій *фатъ* явился у насъ *хватомъ*, отъ Курянъ и Орловцевъ можно услыхать и *форостъ* вмѣсто *хворостъ* и *Хвёдоръ* вмѣсто *Ѳедоръ* (у Щедрина: «Зачѣмъ вы говорите *хвендрикъ*, когда такъ чисто произносите *фостъ*?» [16]). Такъ дѣло обстоитъ у Великороссовъ, а Малороссамъ *ф* неизвѣстно доселѣ, и его мѣсто заступаютъ у нихъ *п* (*Пилип*), *хв* (*Хвéдір*) и *х* (*Хомá*). Нельзя, конечно, приписать эту разницу между двумя частями русскаго племени тому, что южная подвергалась чужимъ вліяніямъ меньше, чѣмъ сѣверная: это былобы исторической неправдой; но среди Малороссовъ прямого греческаго вліянія не было, изъ восточныхъ народовъ воздѣйствовали на нихъ сначала Половцы, потомъ преимущественно Ногайцы, тѣ и другіе безъ *ф*, а съ запада Нѣмцы вліяли на нихъ черезъ Галичину и Польшу; такимъ образомъ отъ внесенія *ф* со стороны Малороссы были почти совершенно обезпечены (хотя, напр., у галицкихъ Малороссовъ есть *филижáнка* «чашка» [17]) — польское filiżanka — осм. *фіlџан* — ар. *фінџāн* — перс. *пінгāн*, но такихъ словъ очень мало, заимствованы они въ очень позднее время и распространены не повсемѣстно и не во всѣхъ слояхъ народа), а въ своемъ собственномъ языкѣ они не находили этого звука, такъ какъ вслѣдствіе сравнительно долгаго сохраненія ъ говорятъ и понынѣ *рукáв*, *голóвка* и т. п. съ *в*, а не съ *ф*. Такъже и потому-же этотъ звукъ чуждъ и Бѣлоруссамъ. Приблизительно такова-же исторія *ф* и *п* у Турокъ. Что *ф* не исконный турецкій звукъ, о томъ и спору не можетъ быть, хотя онъ и

16) Не въ одномъ фонетическомъ отношеніи поучительно извѣстное мнѣ изъ Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи звуковое переложеніе и вмѣстѣ толкованіе слова *катастрофа* въ видѣ *костоветрѣха*. Разумѣется катастрофа желѣзнодорожная, — явленіе, на которое простой народъ привыкъ смотрѣть почти какъ на одну изъ частностей желѣзнодорожной техники; ср. *Костоломка* — Московско-Брестская желѣзная дорога.

17) Въ извѣстной пѣснѣ «Горлиця»:

Як-би мені з ранку
Кави филижанку.

развился въ нѣкоторыхъ абаканскихъ говорахъ, напр. караг. *кӧфӱк* «пѣна» при *кӧпӱк* и койб. *кӧ̄бӧк* (ср. выше примѣч. 12). Что касается *п*, то въ сѣверныхъ языкахъ, наиболѣе свободныхъ отъ культурныхъ вліяній, даже въ тѣхъ, которые вобрали въ себя порядочное количество чужихъ словъ, но въ относительно позднее время, напр. въ казанскомъ и киргизскомъ, мы находимъ *байтаба* «онуча» изъ перс. *пāй-тāбā*, *байдак* «половой тесъ» изъ перс. *пāй-тāхт*, *булат* «сталь» (и у Монголовъ *болат*, *болот*) изъ перс. *пӯlāд*, *барша* «парча» изъ перс. *пāрчā*, *берӱзе* «бирюза» изъ перс. *пірӯзā* или *фейрӯзā*[18]) и др., часто изъ иноязычнаго *ф*, перешедшаго, безъ сомнѣнія предварительно въ *п* (которое у Кумыковъ и является почти только въ такихъ примѣрахъ): кирг. *байда* (но и *пайда*, какъ у Кумыковъ и Сартовъ) «барышъ» изъ ар. *фā'ідā*, *бакыр* (но и *пакыр*, какъ у нихъ-же, и даже *факыр*) «бѣднякъ» изъ ар. *фāкыр*, *бал* (кум. и сарт. *пал*) «гаданье» изъ ар. *фāl* и т. п., откуда нѣкогда и у насъ ар. *фāррāш* «постельничій, шатерникъ, обойщикъ» существовало въ видѣ *барашъ*[19]). Даже въ османскомъ есть *бібер* «перецъ» изъ греч. πιπέρι, *гӱбре* «навозъ» изъ греч. κοπριά, *боӡаџа* «пшеничная лепешка» изъ серб. *погача*, словѣн. pogáča—ит. focaccia и т. п., и рядомъ съ ними *пазар*, *пусула*, уже упомянутыя, *патылџан* «демьянка» (бадражанъ, баклажанъ) изъ ар. *бāдінџāн* — перс. *бāдінгāн*, *прілiанты* «брилліантъ» и др., какъ у насъ *Аграфена*, но и *парусъ* или *просвира* изъ греч. φάρος и προσφορά. Говоря объ османскомъ *п*, можно припомнить и вліяніе Армянъ, играющихъ важную роль въ Константинополѣ, средоточіи турецкаго

---

18) Такъ, можетъ быть, и *барс*, общее съ монгольскимъ, какъ и названіе сходнаго съ барсомъ звѣря *ірбіс* — ср. греч. πάρδος, скр. pṛdāku-s (означающее впрочемъ также какую-то змѣю, скорпіона, тигра, слона и какое-то дерево), перс. *пālāнг* изъ **парданка*.

19) Тотъ-же звуковой переходъ даже въ языкахъ, имѣющихъ *п*: макед. Βίλιππος, Βερονίκη изъ Φίλιππος, Φερενίκη, лат. Bruges (у Эннія), balaena изъ Φρύγες, φάλαινα, словѣнское и пол. barwa изъ древне-нѣм. основы faru — (Farbe). Киргизы вслѣдствіе частаго у нихъ чередованія *б* съ *м* говорятъ даже *мурсат* «срокъ, отсрочка» вмѣсто *бурсат* или *пурсат* изъ ар. *фурçāт* «случай (occasio)».

управленія, торговли и образованности, и говорящихъ въ Турціи на нарѣчіи съ перебоемъ согласныхъ, т. е. произносящихъ между прочимъ и *п* вмѣсто *б*. Такое-же вліяніе допустимо, и, можетъ быть, въ еще большей мѣрѣ, со стороны Грековъ, въ языкѣ которыхъ *б* слышится почти только послѣ *м*, какъ ἠμπορῶ = *імборó* «могу», а теперь кое-гдѣ уже просто μπορῶ = *борó*. Но въ такомъ случаѣ настоящая распространенность звука *п* въ османскомъ языкѣ должна быть явленіемъ еще болѣе новымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, хотя начало развитія этого звука восходитъ, несомнѣнно, къ обще-западно-турецкой эпохѣ, т. е. ко времени единства языковъ османскаго, азербайджанскаго и тюркменскаго. На сколько древне указанное г. Меліоранскимъ кирг. *балапан* «птенецъ», рѣшить мудрено, но вѣрно то, что оно относится къ тому-же періоду исторіи киргизскаго языка, какъ *ҫапан* «степь, пустыня» и *шопан* «овчаръ», которымъ въ остальныхъ турецкихъ языкахъ соотвѣтствуютъ формы съ *б* — *јабан*, *чобан* и т. п., да и въ значеніи *балапан* Codex Comanicus даетъ *балабан* [20]). Это значеніе у Киргизовъ вмѣстѣ съ присутствіемъ *б* и *п* въ одномъ словѣ приводятъ на память кирг. *бапе* «хлѣбъ» (по-дѣтски, какъ у насъ *пáпа* въ томъ-же смыслѣ, ср. серб. дубровн. *па̏пати* «ѣсть») и *бöпе* «ребенокъ» = кум. и ног. *бöбей*, каз. *бäбі*, осм. *бебек*, азерб. *бöбäк* въ *гöз бебеjі*, *гöз бöбäjі* «зрачекъ», что по-сартски *бöбäчік* (перс. *мäрдумäк* собств. «человѣчекъ») ср. алт. *пӱбäй* «люлька», — очевидно, все такія-же дѣтскія слова, какъ франц. bébé и англ. baby, гдѣ разсуждать о пріоритетѣ *б* или *п* ужь совсѣмъ не приходится. За то въ *балапан* — можно. Впрочемъ г. Меліоранскій относится какъ-бы съ недовѣріемъ къ *б* и въ словѣ *балуан*; а между тѣмъ хотя-бы въ «Русско-киргизскомъ и киргизско-русскомъ словарѣ» Ишъ-Му-

---

20) Объясненіе мнѣ извѣстно не въ подлинникѣ, котораго у меня подъ рукой нѣтъ, а въ переводѣ акад. Радлова—«junger Vogel». Если правъ Гоутсма (стр. 5), что кипчацкій языкъ его глоссарія и команскій — одно и то-же, странно, что *балабан* истолковано въ этомъ глоссаріи словомъ *ҫакр* «соколъ» (по Гоутсма Sperber, т. е. ястребъ-перепелятникъ, astur nisus, тогда какъ *балабанъ* у насъ и, повидимому, у самихъ Турокъ значитъ falco sacer или laniarius).

хаммеда Букина (Ташкентъ, 1883) дѣло обстоитъ такъ: «Борецъ | پالوان | палуанъ» (стр. 18), «Балуанъ | پالوان | борецъ (стр. 209), «Палуанъ | پالوان | борецъ, силачъ» (стр. 306).

И такъ первый звукъ словъ *болванъ* и *балабанъ* нисколько не препятствуетъ ихъ сближенію съ *пähliвāн*. Изъ согласныхъ остается еще разсмотрѣть *h*, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ этихъ двухъ словъ, и *в*, вмѣсто котораго во второмъ является *б*. Звукъ *h* встрѣчается теперь въ нѣкоторыхъ турецкихъ языкахъ даже помимо заимствованія: онъ возникъ изъ *k* и *к* послѣдовательно въ карагасскомъ, изъ *k* спорадически въ западныхъ нарѣчіяхъ (см. выше *hаму* и *hеп*, также осм. *маhрама* «платокъ» изъ ар. *мäкрäмä*, *hангы* «какой», азерб. *háрда* «гдѣ» и др. отъ мѣстоименнаго корня *kа-*), изъ *ф* въ осм. *мöhlӱз* «несостоятельный должникъ» — ар. *муфліс*, а въ азербайджанскомъ развивается и паразитно: *häррä* (не повсемѣстно) «пила» изъ перс. *äррä*, *hälбäт* «конечно» изъ перс. (собств. ар.) *älбäттä*, *hасанд* «легкій» изъ перс. *āсāн*, *hӱндӱр* «высокій» ср. монг. *ӱндӱр* или *öндöр*, *höрӱмчäк* «паукъ» отъ *öрмäк* «прясть», такъ-же чаг. *hӱlгäр* вмѣсто *ӱlгäр* «Стожары» и т. п., между прочимъ *hӱрмäк* «дуть» вмѣсто *ӱрмäк*, довольно распространенное среди Турокъ вслѣдствіе звукоподражательнаго свойства звука *h*, какъ почти и однознач. *ӱфӱрмäк* (такъ-же у Кумыковъ и Сартовъ) по причинѣ того-же характера звука *ф* (*ӱф урмак?*). Но вообще *h* есть для Турокъ звукъ чуждый, который и является у нихъ почти только въ заимствованіяхъ, да и то сравнительно новыхъ, а въ старину напр. изъ средне-перс. **чуhрак*, позже — *чуhрā* «пажъ, оруженосецъ» даже въ проникнутомъ персидскими элементами османскомъ языкѣ вышло *чыраk* «подмастерье», изъ его новѣйшей формы въ чагатайскомъ образовалось *чӱрä*, перешедшее и къ намъ въ видѣ *чýра*, изъ перс. *чihрä* «лице» въ сѣверныхъ — *чырай* (и у Монголовъ, вѣроятно, отъ Турокъ) и т. п., изъ ар. ḥӯт «Рыба въ зодіакѣ» въ киргизскомъ (гдѣ ḥ смѣшивается съ *h*, какъ въ другихъ турецкихъ языкахъ и въ персидскомъ, черезъ который арабскія слова обыкновенно переходили къ Туркамъ) — *ут* или *kут*, и въ этомъ языкѣ такъ

постоянно: изъ перс.-ар. *бäд-hāl* «находящійся въ плохомъ положеніи» — *бадал*, изъ ар. *бäḥϑ* «споръ» — *бес*, а изъ перс. *ɤоўhäр* «драгоцѣнный камень» — *кöўкöрь* (кара-кирг.), изъ ар. *ḥурмäт* «уваженіе» — *кӱрьпöть*. У алтайскихъ Турокъ, никогда не бывшихъ мусульманами, а потому и не испытавшихъ на себѣ арабскаго или персидскаго вліянія, звука *h* нѣтъ совсѣмъ; то-же и у Койбаловъ.

Зубно-губное *в* есть у западныхъ Турокъ не только въ иноязычныхъ словахъ, но и въ своихъ, именно въ началѣ корней *вар* «иди», *вар*[21]) «есть (въ наличности)», *вер* «дай» и въ концѣ: *ав* «охота», *давшан* «заяцъ» (судя по транскрипціямъ, а слыхалъ я

21) Это *вар* или, у другихъ Турокъ, *бар* отличалось отъ перваго чуть-ли не долготой, судя по тому, что чагатайскіе стихотворцы, хотя принимали турецкія гласныя обыкновенно за краткія (кромѣ конечныхъ подъ удареніемъ), это слово употребляли за долготу даже передъ гласной, напр. у Неваи:

гуl сары сал-ма-н назар зӗбā џäмāl-і-н бар-ы-да

«на розу я не брошу взгляда при наличности твоей изящной красоты». Такъ и въ производномъ *барлык* или *барлы*Ҕ «имѣніе, богатство», напр. у него-же:

бў довлäт јет-мä-ді kāрӯн мäϑāl-lіг барлыҔ-лар-Ҕа

«это счастіе не доставалось богатствамъ, какія были у Каруна». Едва-ли вѣренъ второй стихъ въ четверостишіи Лутфи (Абушка подъ тӱзіӱк):

kаш-ы-н-да äгäрчі äгрilік бар, вäli
ол сāрв кібі kад-ы-н-Ҕа бар-дур тӱзіӱк

«хотя въ твоей брови есть кривизна, однако въ этомъ твоемъ кипарисоподобномъ станѣ есть прямота» (*kад-ы-н-да бар оk?*). Долго *а* и въ *бары* «весь», напр. у Неваи въ «Меджнунѣ и Лейлѣ»:

бары сäфäр ähl - і- Ҕа пäнāh ол,
hарыб јет - käн - Ҕа тäkjä - гāh ол

«всему дорожному народу прибѣжище онъ, истомленному пристанище онъ». Однако въ *барча* «весь» корневое *а*, по видимому, кратко. Кстати изъ того-же

только *даўшан* или *таўшан*, ср. серб. *Таушановић*), *дав-ра-н* «соберись съ силами», *сав-ур* «вѣй», *ka*в «трутъ» (въ связи съ чѣмъ, можетъ быть, *kaв-ур* «жарь»), *kaв-ра* «хватай», *кав-ара* peditum, *kaв-а* «родъ тростника», *kыв-ык* «пламя», *јав* «потеря», *јав-уз* «дурной», *ев* «домъ», *чіві* «деревянный гвоздь», *чевік* «ловкій», *деве* «верблюдъ», *дев-ір* «опрокинь», *сев* «люби», *геврек* «ломкій» и др. Не всѣ эти корни встрѣчаются даже въ ближайшемъ къ османскому нарѣчію азербайджанскомъ, не говоря уже о прочихъ турецкихъ языкахъ. Въ нихъ тѣ изъ этихъ корней, которые свойственны и имъ, по большей части или опускаютъ *в* именно передъ *у*, напр. *kоур* или *kуур* вмѣсто *kавур* (и такъ вездѣ, кромѣ абаканскаго, но уже въ команскомъ, съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ уподобленіемъ предшествующаго *а* или *е*, даже въ азербайджанскомъ, гдѣ изъ нихъ *о* и *ö*, только не въ словѣ *ав*) или на мѣстѣ *-ав* и *ев* представляютъ *-уў* (*ӯ*) и *-ӱй*, какъ *тӯшкан* (откуда наше *тушканчикъ*, иначе—земляной зайчикъ), *ӱй*, *чӱй*, *тӱјä*, *сӱй*, *kӱйрä* «ломайся», алтайское телеутское *kӯ*, или, отчасти въ тѣхъ-же словахъ, гдѣ находимъ только-что указанныя перемѣны, даютъ *б* (*п*), напр. *kабар* «вздувайся», древнее чагатайское (въ названіи одного изъ годовъ «звѣринаго» цикла) *табышkан*[22]) «заяцъ», алтайское кондомское *kаба* «трутъ», кирг. *kопа* «заросшее камышемъ озеро», казанское *kыпkын* «искра» и киргизское *kыпта*

Абушка еще примѣръ долготы въ словѣ, о которомъ нѣкогда писалъ г. Меліоранскій:

kычkыр-ы-б-ан дāм ара ол мубтāлā:
«нече, де-ді, Тāт мені тут-ты-ла!».

22) Такъ въ одной изъ семирѣческихъ надписей, гдѣ впрочемъ *б* можетъ, кажется, выражать и β (губное *в*, какъ *b* въ испанскомъ языкѣ). Въ глоссаріи Гоутсма *таўшан* приписано Тюркменамъ, а у «Араба-филолога» значится въ числѣ словъ того языка, который онъ преимущественно имѣетъ въ виду (племени, жившаго чуть-ли не гдѣ-то по сосѣдству съ Хорасаномъ), но «годъ зайца» у него *таўышҕан јыл-ы*. По-монгольски заяцъ *таулай* (теперь *тӯлай*, *тӯлӓ*), но въ старой записи thaplqa (см. у Рамстедта, стр. 97), вмѣсто чего можно было-бы ожидать **табулҕа*.

«раздувай (огонь)», и то-же, вѣроятно, въ другихъ, этимологію которыхъ можно выставить хоть предположительно: *ав* ср. монг. *аб-ху* «брать» (отъименный глаголъ *ав-ла-мак* «охотиться»—монг. *аб-ла-ху*), откуда и тур. *авуџ*, *ууч*, *ӯч* «горсть»; *давран*, сарт. *даўран* ср. перс. *тāб* «сила» (Будаг.); *kавра* ср. *kаб* «хватай»; *jав* ср. сѣв. *jабуk* «тощій, бѣдный», *jавуз* ср. орхонское *jаблаk* «плохой», *деве* ср. монг. *теме-ген* [23]) (о чередованіи *м* съ *б* у Турокъ

---

23) Чередованіе тур. *в* съ монг. *м* можно заподозрѣть еще въ словѣ *ев*, азерб. (и ком.?) *öв*, абак. *еп*, сѣв. *ӱй* «домъ» — монг. *еме* «женщина», что̀ по-уйгурски, по-командски и по-абакански—*епчі*, т. е., вѣроятно, завѣдующая домомъ, у Киргизовъ *ӱ̈й кесі-сі* собственно «домашній человѣкъ» = жена. Сравн. монг. *гергей* «жена»—*гер* «домъ», *гер ӱгей* (бездомный) «неженатый», *гер-le-кӱ̈* «жениться»—тур. *ев-lā-н-мäк*, кирг. *ӱ̈jі сынык-кесі* (человѣкъ, котораго домъ разломанъ) «вдовецъ». Относительно конечнаго *е* въ *еме* ср. монг. *kele* «языкъ»—тур. *тіl*, монг. *öнге* «цвѣтъ»—тур. *öн*, монг. *kökе* «синій»—тур. *kök*. Смѣна *в* или *ў* и *м* есть и въ нашемъ *юмшанъ* «кольчуга съ бляхами» изъ перс. *џäўшäн* черезъ какое-то турецкое нарѣчіе. Можетъ быть, и *jумшаk* «мягкій» роднится съ монгол. *jöгelеген*, калм. *зöl̄ен* при посредствѣ формы въ родѣ **joўшаk*. Ту-же смѣну представляютъ и упомянутыя въ текстѣ осм. *jавуз* и орх. *jаблаk*, если они одного происхожденія съ алт. *jабал* и общимъ *jаман* «плохой, дурной». Впрочемъ въ *jумшаk* и **jумшан*, если таково ихъ происхожденіе, звукъ *м* развился изъ *в* или *ў* только подъ вліяніемъ особыхъ условій, потому что иначе *м* при подобномъ чередованіи должно, вѣроятно, восходить къ *б* или, говоря осторожнѣе, къ одному изъ турецкихъ *б*: *б* въ *бäн* или *мäн* «я» едва-ли то-же, что въ *бармаk* или *пармаk* «палецъ» и въ *бармаk* или *вармаk* «идти». Потому всѣ приведенные ниже въ текстѣ примѣры чередованія *в* и *б* въ отдѣльныхъ турецкихъ языкахъ имѣютъ значеніе далеко не безусловное и, можетъ быть, не одинаковое: трудно поручиться напр. за то, чтобы *б* въ абак. *тʼабас* «смирный» было древнѣе звука *в* или *ў* въ осм. *jаваш*, каз. *џу(ў)аш*, когда другая абаканская форма *тʼāс*, очевидно, стянутая, и алт. *jобош* съ своимъ *о* въ корнѣ (если здѣсь нѣтъ смѣшенія съ *jобо-*, монг. *ʒобо-* «страдать, болѣть») указываютъ на звукъ болѣе слабый, чѣмъ *б* (ср. ниже). Не слѣдуетъ лишь смущаться появленіемъ Ҕ или ɩ на смѣну *б* или *в*, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, напр. сойот. *kаҔ*, караг. *hаҔ* «трутъ» при койб. *kаб̄о*, конд. *kаба*, осм. *kав* или караг. *öɩ* «домъ» при койб. *еп*, осм. *ев*: хотя *в* въ этихъ случаяхъ нельзя считать исключительно фонетическимъ или эвфоническимъ элементомъ, тѣмъ не менѣе его чередованіе здѣсь съ Ҕ и ɩ для этимологіи почти такъ-же безразлично, какъ въ осм. *лавута* (*лаута*) или *лаҔута* «лютня» изъ ит. leuta или церковно-слав. *того*, серб. *то̑га*, слов. tȩ̂ga, пол. tego, чеш. toho и великор. *тово́*, каш. tĕvo изъ **тоо* — **тойо*. Вообще вопросъ о турецкомъ *б* еще нуждается въ разъясненіи при помощи родственныхъ языковъ, въ привлеченіи которыхъ должны принять участіе монголисты и финнологи. Считаю нужнымъ добавить, что случаи въ родѣ каз. *кӱк* изъ *кібік*, кум. *гімік* или *jімік* «какъ» (относ. =

см. выше, у Монголовъ, именно Бурятъ, какъ *ніолмоһон* и *ніолбоһон* изъ древняго монг. *нілбосун* «слеза», см. Castrén, Versuch einer burjatischen Sprachlehre § 25, 6; ср. Котвичъ, Лекціи по грамматикѣ монгольскаго языка. С.-Пб. 1902, стр. 34); *чевік* ср. *чабук*, *чапук* «проворный». Переходъ *б* въ *в* есть и въ монгольскомъ (о западномъ, т. е. калмыцкомъ, см. Попова, Калмыцкая грамматика, ч. I, § 21, о восточномъ см. Котвичъ, тамъ-же стр. 25 и Ramstedt, Das Schriftmongolische und die Urga-mundart. Helsingfors 1902 = Journal de la Société finno-ougrienne XI, 2, стр. 18). Монголамъ зубно-губное *в* извѣстно только въ заимствованныхъ словахъ, да и въ нихъ они его избѣгаютъ (ср. Поповъ I, § 34), а тамъ, гдѣ *б* пріобрѣтаетъ придувной характеръ, слышится чисто-губное β, почему напр. *аблаху* звучитъ въ Ургѣ приблизительно *áβláxâ* (см. Ramstedt l. c.), и такой выговоръ объясняетъ возможность алт. *кӯл* «превратись» рядомъ съ *кубул* изъ монг. *хубіл*. То-же и до сихъ поръ у Кумыковъ, у которыхъ это измѣненіе является такъ спорадически и случайно, что можно услышать напр. и *кабак* и *kaβak* (тыква). Вѣроятно, и предполагаемое **себ* пришло къ *сӯй* черезъ **сӯβ'* и т. п. Другой источникъ *в* въ османскомъ языкѣ — зіяніе по выпаденіи ҕ или *г* (j) послѣ губныхъ гласныхъ, какъ *ковуш* изъ *куҕуш* «нижній этажъ», *гӱверџін* изъ *гӱгӓрџін* — *кӧгӓрчін* (монг. *кӧгelџірıене*) «голубь», *сінова* изъ συναγωγή. Но, какъ-бы широко ни распространился звукъ *в* въ турецкихъ языкахъ, до сихъ поръ еще есть между ними много такихъ, которые въ иностранныхъ словахъ превращаютъ его въ *б* или въ *ў*, напр. каз. *alба*, кирг. *алўа* «родъ пирожнаго» изъ перс. *hälвā* (= ар. *ḥälўā*), каз. *бідрӓ* изъ русск. *ведро*, *чалбар* «шаровары» изъ перс. *шälвāр*, кирг. и каз. *бірӓн* «водянка» изъ перс. *вāрӓм* (ар. *ўāрӓм*) «опухоль», кирг. *болыс*

франц. comme, англ. like) могутъ при такомъ изслѣдованіи не входить въ расчетъ, потому что энклитики и проклитики отличаются отъ полновѣсныхъ словъ между прочимъ особой фонетикой, которой свойственна наклонность къ усиленному разрушенію звуковъ и ко всяческому сокращенію объема такихъ словечекъ.

«волостной старшина» изъ русскаго *волость*, *ўада* «обѣщаніе» изъ перс. *вä'дä* (= ар. *ўäдä*), *ўакыт* «время» изъ перс. *вäḳт* (= ар. *ўäкт*)[24]). До какой степени *в* несвойственно турецкому органу рѣчи, можно заключить изъ того, что Османы, въ концѣ концевъ совершенно овладѣвшіе этимъ звукомъ, до сихъ поръ на ряду съ *бевасыр* «геморрой» (ар. *бäўāсiр*), *вефат* «кончина» (ар. *уäфāт*), *варош* городъ (мад. város, вѣроятно, черезъ сербское *вáрош*) говорятъ и *бабасыл* (или *мајасыл*; и по сартски *бабасыр*), *бафат* (въ Азіи), *барош*, а греческое βάτος (= *вáтос*) «смородина» обыкновенно превращаютъ въ *батос*. И несомнѣнно, что *б* вмѣсто *в* передъ гласной древнѣе, чѣмъ *ў*. Но между гласными *в* издревле по большей части переходило въ *ў* или, можетъ быть, прямо пропадало, произведши надъ предшествующей гласной то-же измѣненіе, какое мы видѣли въ чисто-турецкихъ корняхъ съ *ав* и *ев*: сѣверное *џуап* «отвѣтъ» изъ перс. *џäвāб* (= ар. *џäўāб*), *суап* «спасеніе души» изъ перс. *сäвāб* (ар. *çäўāб*), кирг. *дуал* (осм. и азерб. *дувар* ср. осм. и азерб. *јаваш* «смирный» — волжское *џуаш*, откуда *Чувашъ*) «стѣна, заборъ» изъ перс. *дiвāр*, сарт. *џуан* «молодка, замужняя» изъ перс. *џäвāн* «молодой», *дуана* (и *дуўана*) «юродивый» изъ перс. *дiвāнä* (у Сартовъ даже *бува* изъ *баба* «дѣдъ», по словарю Наливкиныхъ, т. е., вѣроятно, *буўа*). Рѣже наоборотъ, какъ кирг. *самаур* изъ русскаго *самоваръ* и такъ-же изъ *-ба-* черезъ *-ва-* сарт. *заур* «дренажъ» изъ перс. *зiһ-бäр*.

И такъ въ какомъ-же видѣ должно было явиться у древнѣйшихъ Турокъ или, по крайней мѣрѣ, у большинства ихъ перс. *пäһлiвāн* или *пäһлäвāн*? Очевидно, не въ подлинномъ, а какъ *балабан* или какъ *балуўан*, *балуан*, и обѣ формы могли существовать не только въ разныхъ нарѣчіяхъ, но и рядомъ, хотя, въ

24) Что *k* не свидѣтельствуетъ о заимствованіи прямо съ арабскаго, помимо персидскаго посредства (что̀ и безъ того невѣроятно), ясно изъ слѣдующаго соображенія: ḳ передъ *т* должно было-бы у Киргизовъ утратить звучность, т. е. превратиться въ *x*, а *x* — въ *k*; ср. *бакыт* «счастье» изъ перс. *бäхт*. Слово *тахыткаһ* «столица» изъ перс. *тäхт-гāһ* такъ-же неестественно въ киргизскихъ устахъ, какъ самое понятіе — въ киргизскомъ мозгу.

послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, съ нѣкоторой разницей по смыслу. Можно даже предположить со значительной долей вѣроятности, въ чемъ состояла эта разница: *балабан*, какъ болѣе удалившееся отъ подлинника и потому не подлежавшее семасіологическому подновленію путемъ продолжавшагося персидскаго вліянія, должно было и по значенію дальше уйти отъ персидскаго первообраза, а именно, между прочимъ, по направленію къ понятію *бала* «дитя» (какъ человѣка, такъ и животныхъ, къ которымъ оно напр. у Кумыковъ примѣняется исключительно, кромѣ собственныхъ именъ, какъ женское *Ай-бала* «дитя мѣсяца», такъ какъ ребенка они называютъ *јаш*, и авторъ чагатайско-османскаго словаря «Абушkа» — собственно al-lyҕāту - н - наўājiјјату ўа-l -ictiшhā-дāту-l-џаҕатājiјјату — объясняетъ *бала* въ смыслѣ дѣтеныша, *бала-ла-мак* — «обзаводиться дѣтенышами»), а хищныхъ птицъ, къ которымъ принадлежитъ *балабанъ*, и зоологи относятъ къ разряду «птенцовыхъ». Потому напрасно смущаетъ г. Меліоранскаго «нахожденіе къ нѣкоторыхъ турецкихъ нарѣчіяхъ одновременно обоихъ этихъ словъ съ ясно различающимися значеніями (стр. 278). Не менѣе ясно различаются значенія въ лат. Poeni «Кареагеняне» и Phoenices «Финикіяне», turbo «вихрь» и turben «кубарь», во франц. *entier* «цѣлый» и intègre «неподкупный» (лат. integer, въ косвенныхъ падежахъ съ романскимъ удареніемъ intégr-), sanglier «кабанъ» и singulier «единственный, странный» (лат. singularis), въ ит. fièvole «слабый» и flébile «плачевный» (лат. flebilis), pensáre (фр. penser) «думать» и pesáre (фр. peser) «вѣсить, взвѣшивать» (лат. pensare), въ англ. servant «слуга» и sergeant «унтеръ-офицеръ» (лат. serviens), chief «глава, главный» и cape «мысъ» (лат. caput), въ нѣм. Probst «протоіерей» и Profoss «военный полицейскій и судебный чинъ» (ср. лат. proрositus вмѣсто praepositus), heilend «исцѣляющій» и Heiland «Спаситель» (новая и древняя формы причастія), перс. *päвā* «дозволенный» и *päвā*џ «сбытъ» (новая форма и старая—*равāг*, при томъ арабизованная), *гāh* «время» и џ*āh* «степень» (своя форма и арабизованная) — и т. д., во множествѣ; и чуть не во всѣхъ языкахъ, ко-

торыхъ исторія намъ болѣе или менѣе доступна, можно отыскать такія пары, объединенныя происхожденіемъ отъ тѣхъ-же словъ, но попавшихъ въ данные языки въ разное время и различнымъ способомъ, а именно одинъ членъ пары былъ исконнымъ достояніемъ этого языка, другой возвратился въ него изъ чужого языка, которымъ былъ заимствованъ (какъ παστουρμᾶς — см. выше — или ар. *ḍābiṭ* «содержащій что-либо въ своей власти» и оно-же потурченное — *ẓābiṭ* «офицеръ, полицейскій»), одинъ—свой, другой взятъ изъ родственнаго языка (какъ у насъ *норовъ* и *нравъ*, *вередъ* и *вредъ*, *разворотить* и *развратить*, *середа* и *среда*, *чужой* и *чуждый*, *полова* и *плева* и т. д., у Османовъ свое *ода* «комната» и чаг. *отак* «палатка»), одинъ — древній, другой — новообразованіе (у насъ *горячій* и *горючій*), одинъ заимствованъ еще праязыкомъ, другой—уже даннымъ языкомъ (у насъ, какъ и у Сербовъ, *клобукъ* и *калпакъ*), одинъ пришелъ изъ одного источника, другой—изъ другого (у насъ *мастеръ* изъ нѣм. Meister и *магистръ* изъ лат. magister, отъ котораго произошло и нѣмецкое слово, *церковь* изъ церковно-слав. *цръкы*, передѣланнаго изъ германскаго первообраза *kürika = греч. κυριακά, и *кирка* изъ нововерхне-нѣм. *Kirche*, если не изъ нижне-нѣм. и датскаго Kirke, *корона* съ лат. corona, можетъ быть, черезъ Поляковъ, и *крона* цвѣточная изъ нѣмецкой формы того-же слова — Krone и т. п.); одинъ—ученый, искусственный, другой—народный (какъ излюбленное нашими тюркологами *Тюрки* для обозначенія всѣхъ связанныхъ между собою ближайшимъ родствомъ урало-алтайскихъ племенъ отъ Китая до Босніи, общеупотребительное *Турки* въ смыслѣ Турокъ османскихъ и старинное *Торки* въ примѣненіи къ какому-то другому народу того-же происхожденія [25]) — всѣ три изъ *тӱрк* или *тӧрк*). Согласно съ подлинниками перевода Священнаго Писанія еврейскимъ и греческимъ на западѣ называютъ

---

25) И, можетъ быть, даже близкаго къ Османамъ: ср. частое превращеніе *у* — *ӱ* въ *о* — *ӧ* въ кастамунійскомъ говорѣ (у европейскихъ Турокъ, кажется, только въ заимствованныхъ словахъ: *мӧhlӱз* изъ ар. *муфліс* — см. выше —, *мӧhӱр* изъ перс. *муhр* «печать» и др.).

Іисуса Навина Iosua, а Іисуса Христа — Iesus, чего у насъ нѣтъ, потому что мы и для Ветхаго Завѣта держались греческаго перевода. Разумѣя святого или духовное лице, мы употребляемъ имя въ томъ видѣ, какой ему присвоенъ святцами, а въ прочихъ случаяхъ предпочитаемъ большею частію народныя формы *Иванъ*, *Алексѣй*, *Өедоръ*, *Марья*, *Прасковья*, *Настасья* и др. Персіяне и Турки называютъ своего пророка Мухаммедомъ, а для простыхъ смертныхъ, носящихъ то-же имя, часто сокращаютъ его въ *Мähмäд*, какъ и знаменитый паша египетскій назывался всегда *Мähмäд-Ali* — имя, которое Персіяне стягиваютъ даже въ *Мäмдäli*. Такъ обстоитъ дѣло со словами, различныя формы которыхъ связаны съ различными значеніями или сферами примѣненія. О словахъ, тождественныхъ по смыслу, и говорить нечего: напр. Османы, смотря по степени образованности или просто по привычкѣ, называютъ четвергъ *пенџшембе* и *першембе* (перс. *пäнџ-шäмбä*), плотника *дӳрıер* и *дӳlıер* (перс. *дурӯдıäр*), сапожника — *кеффаф* и *kаваф* (ар. *хäффаф*), кожевника — *деббаḡ* и *табаk* (ар. *дäббāḡ*), ткача — *џуллаh* и *чулhа* (перс. *џӯlāh*), мастера вообще — *ӯстад* и *уста* (перс. *устāд*), свидѣтеля — *шаhід* и *шаhад* (ар. *шāhід*), циркуль — *перıʻар* и *перıеl* (перс. *пäрıāр*), ножницы — *мыkрас* и *маkас* (и у Арабовъ въ Египтѣ *маkаṣ* вмѣсто обычнаго *мікрāḍ*, впрочемъ одно отъ *kараḍ* «рѣзалъ», другое — отъ *kаṣṣ* то-же), церковь — *kelісе* и *kilсе* (перс. *kilīсā* — греч. ἐκκλησία), торговые ряды — *безазістан* и *безестен* (перс. *бäззāзістāн* и *бäзістāн*), казну — *хазіне* и *хазна* (ар. *хäзīнä*), бумагу — *кʻаḡыд* (особенно напр. *ібрат кʻаḡыд-ы* «росписка», *піанко кʻаḡыд-ы* «выигрышный билетъ», *кʻаḡыд-аhџе* «бумажныя деньги» и т. п.) и *кʻаhат* и даже *кеат* (ар. *кāḡіδ*), десть — *десте* и *тесте* (перс. *дäстä*), магазинъ — *маḫзен* и *маḡаза* (ар. *мäхзäн*), клеенку — *мушемма* и *мушамба* (ар. *мушäммäʿ*), четверть — *руб* и *уруб* (ар. *рубʿ*), тѣсто — *хамыр* и *хамур* (ар. *хäмīр*), зелень — *себзеват*, *зебзеват*, *завзават* и *зерзеват* (перс. *сäбзäвāт*), одежду — *есбаб* и *есвап* (ар. *äсбāб*), сомнѣніе — *шӯпhе* и *шіфе* (ар. *шубhä*) и т. п. — все иноязычныя слова, на половину порядочно искаженныя. При

разнообразной судьбѣ однихъ и тѣхъ-же словъ, иногда сильно измѣняющей ихъ звуковой составъ, значенія подвергаются также сильнымъ перемѣнамъ, что признаетъ и г. Меліоранскій. Чтобы не отдаляться отъ направленія, означеннаго понятіями *nähliвāн* и *болванъ*, т. е. ухудшительнаго (пейоративнаго), можно напомнить сейчасъ-же, безо всякихъ поисковъ, наши *прохвостъ* изъ *профоссъ* (см. выше), *художникъ* = мастеръ на все худое (такъ какъ прилагательно *хꙋдогъ* давно забыто), французское rosse «кляча» (Россинанта) изъ нѣм. Ross «конь» или исторію итальянскаго *ciarlatano*, которое, будучи образовано отъ ciarlare «болтать», приняло уже на родной почвѣ значеніе уличнаго продавца будто-бы цѣлительныхъ снадобій, у Французовъ, въ формѣ charlatan, стало обозначать всякаго велерѣчиваго обманщика, а у насъ въ Новороссіи служитъ названіемъ тѣхъ спеціалистовъ, которые въ Петербургѣ слывутъ мазуриками, въ Москвѣ—жуликами, а въ Харьковѣ—раклами (отъ ед. *ракло́*). Полную параллель къ превращенію *пеглевана*—богатыря въ *болвана* представляетъ сербское ју̀на̄к «молодецъ, герой», которое у Поляковъ получило значеніе хвастуна (сопоставленіе «bałaban—junak, fanfaron» въ словарѣ Карловича г. Меліоранскій найдетъ у себя на стр. 279). Такой переходъ значеній вполнѣ понятенъ; но не менѣе понятенъ онъ и въ ряду «богатырь — скульптурное изображеніе богатыря — идолъ — безсмысленная кукла — дуракъ». Вѣдь и самое «идолъ» считается въ нашемъ простонародіи бранью; да не лестно и былинное «идолище поганое». Переходъ значеній «богатырь—соколъ—птенецъ», наблюдаемый въ формѣ *балабан*, прослѣдить труднѣе уже потому, что исторія сѣверныхъ турецкихъ языковъ, которымъ принадлежитъ эта форма, намъ почти неизвѣстна; но должно съ одной стороны имѣть въ виду, что falco sacer есть лучшая порода охотничьихъ птицъ въ Средней Азіи (гдѣ нѣтъ кречета, falco islandus), почему и могъ быть приравненъ къ богатырю, а съ другой — уже было указано выше на возможность вліянія слова *бала* (ср. ком. *балачук* «цыпленокъ» — въ Codex C. balazuc, по транскрипціи В. В. Радлова «балацык»).

То-же случилось со словомъ *балабанъ* и у насъ вслѣдствіе наличности словъ *болтать*, *балагуръ*, *балаболка*, *балакать*, *балалайка*, (переносно «безструнная бал.») и т. п. и *баловать* съ производными, откуда и разница въ значеніи разсматриваемаго слова у Турокъ и у насъ. Какъ свободно распоряжается языкъ съ такими словами, которыхъ смыслъ не легко поддается точному опредѣленію, а между тѣмъ соблазняетъ къ пользованію ими въ цѣляхъ насмѣшки или брани, видно напр. изъ слова *баловѣсъ*, представляющаго собою контаминацію синонимическихъ *баловень* и *повѣса*, можетъ быть, при посредствѣ слова *балбѣсъ*, которое впрочемъ не могло быть передѣлано изъ тур. *bilbäc* «не знающій» иначе, какъ подъ воздѣйствіемъ отчасти созвучнаго глагола *баловать* (*ся*). Значеніе такихъ словъ зависитъ отъ ассоціаціи: *баловень* отъ *баловать* значитъ «избалованный» (verwöhnt, enfant gâté), отъ *баловаться* — «шалунъ», *балаболка* при *болтать* значитъ «пустословъ», при *болтаться*—«висячее украшеніе», напр. серьги. Можно-ли на основаніи такихъ соприкосновеній слова *балабанъ* съ подобозвучными русскими считать его исконнымъ русскимъ, къ чему, по видимому (стр. 279), склоненъ г. Меліоранскій? Очевидно, нельзя. Нельзя и по формальной причинѣ: нѣтъ у насъ наставокъ *-банъ* и *-ванъ* (въ *болванъ*). Впрочемъ, при переходѣ къ той этимологіи слова *балванъ*, которую предлагаетъ г. Меліоранскій, естественно подумать, что въ *-банъ* онъ и видѣлъ не наставку, а диссимилированное *-балъ*, т. е. объяснялъ себѣ это слово удвоеніемъ корня, подобнымъ содержащемуся въ словѣ *балабола*. Но, если такъ, 1) гдѣ примѣры такого (а не любого) разобщенія одинаковыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ? 2) откуда вывести значеніе falco sacer или laniarius, къ тому-же общее съ турецкими языками? Не забудемъ и того, что польское bałaban означаетъ бахвала, выдающаго себя именно за то, что̀ Персіяне называютъ *pählivän*, а Киргизы — *палуан* или *балуан*, тогда какъ въ приведенныхъ выше русскихъ словахъ съ *бал-* и *бол-* въ началѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на понятіе miles gloriosus и даже просто на хвастовство.

Свою этимологію г. Меліоранскій выставляетъ лишь въ видѣ предположенія (стр. 280 слѣд.); да и можно-ли говорить иначе о происхожденіи словъ, исторія которыхъ неизвѣстна? предположительный характеръ объясненія въ такихъ случаяхъ разумѣется и безъ оговорки, а цѣнность предположенія зависитъ отъ степени его правдоподобія, которая въ свою очередь обусловливается качествомъ примѣненныхъ къ данному вопросу научныхъ пріемовъ. Г. Меліоранскій полагаетъ, что *болванъ* происходитъ отъ орхонскаго *балбал* «изваяніе или столбъ съ надписью», а оно есть отраженіе китайскаго *бей-мень* «надпись на столбѣ», въ разговорномъ языкѣ — и «столбъ съ надписью». Не знающимъ по-китайски приходится пожалѣть, что почтенный авторъ не пояснилъ, зависитъ-ли эта разница въ смыслѣ отъ причины грамматической, т. е. отъ различнаго пониманія связи между словами *бей* и *мень* — какъ словообразовательной или какъ синтактической, или-же второе значеніе сводится къ неточности, довольно обычной въ разговорной рѣчи. Если вѣрно послѣднее, такой варіантъ значенія неваженъ, если первое, то въ первомъ случаѣ *бей-мень* будетъ значить, такъ сказать, «столбо-надпись» (Säuleninschrift), иначе «столбовая надпись», во второмъ—«столбъ надписи», т. е. «столбъ, предназначенный для надписи», слѣдовательно такой, котораго весь смыслъ заключается въ надписи. Въ обоихъ случаяхъ главнымъ понятіемъ является надпись, особенно если принять въ расчетъ, что уже одно *бей*, по объясненію Васильева, приведенному тутъ-же, значитъ «памятникъ съ надписью». Такъ-ли въ балбалѣ? когда балбалъ состоитъ изъ простого столба съ надписью, показывающей, кого этотъ столбъ собою представляетъ, надпись, очевидно, существенна; существенна она, конечно, и на изображеніи человѣка, если ставившій это изображеніе не могъ разсчитывать на то, что всѣ узнаютъ подлинникъ и кромѣ того — вопросъ не маловажный при искусствѣ орхонскихъ художниковъ—узнаютъ-ли его въ балбалѣ. Но это совсѣмъ иная существенность, чѣмъ въ китайскомъ бейменѣ (судя по даннымъ, находимымъ у г. Меліоранскаго): бываютъ

такія изображенія, гдѣ отнюдь не мѣшаетъ приписать: «сіе есть левъ, а не собака», но изъ необходимости этой надписи еще не слѣдуетъ, чтобы все это произведеніе искусства можно было назвать надписью при изображеніи или изображеніемъ для надписи. Дѣйствительно существеннымъ кажется въ балбалѣ то, что онъ такъ или иначе представляетъ собою такое-то лицо. Такова сторона дѣла семасіологическая, едва-ли позволяющая раздѣлять догадку нашего уважаемаго тюрколога, что *балбал* было нѣкогда синонимомъ турецкаго *бітіг таш* «исписанный камень», а съ фонетической стороны можно возразить прежде всего, что *беймень* такъ-же мало противорѣчитъ звуковымъ законамъ турецкихъ языковъ, какъ напр. *сеймен*, въ которое Османы сами обратили неудобное имъ по выговору перс. *сäгбāн* «псарь». Многіе изъ Турокъ удержали-бы даже смягченіе *н*. Впрочемъ г. Меліоранскій замѣчаетъ, что два китайскихъ гіероглифа, читаемые теперь въ сѣверномъ Китаѣ *бей* и *мень*, произносились прежде иначе, между прочимъ *бей* какъ *bal*, а *мень* — тоже какъ *bal*, откуда турецкое *балбал*. И такъ предполагается эпоха, въ которую оба эти знака звучали одинаково. Правдоподобно-ли это, пусть рѣшаютъ господа синологи, а съ точки зрѣнія человѣка, изучавшаго соотвѣтствіе между звуками языка и письменными знаками по другимъ азбукамъ, хотя-бы очень мало удовлетворительнымъ въ фонетическомъ отношеніи и полнымъ всякихъ условностей, кажется такъ, что, какъ скоро два знака стали произноситься одинаково, должно попадаться ихъ смѣшеніе, сначала, можетъ быть, изрѣдка, а потомъ все чаще и чаще. Конечно, гіероглифъ — не буква, но все-же, если онъ не чисто формальный показатель разряда понятій, ему соотвѣтствуютъ въ языкѣ извѣстное слово или извѣстный слогъ, слѣдовательно извѣстные звуки; въ теченіе времени два слова или слога могутъ фонетически совпасть другъ съ другомъ, и въ такомъ случаѣ можно было-бы ожидать, что или одинъ изъ соотвѣтствующихъ имъ знаковъ будетъ изъятъ изъ живого употребленія или, если звуковое отождествленіе произошло въ членахъ сложнаго слова,

одинъ изъ членовъ, ставшій вслѣдствіе этого отождествленія празднымъ, уступитъ свое мѣсто другому слову, звучащему иначе. Эти или подобныя затрудненія, вѣроятно, приходили на умъ и г. Меліоранскому, такъ какъ онъ, пользуясь возможностью для знака *мень* чтенія *мань*, допускаетъ, что *бей-мень* могло первоначально существовать у какого-нибудь турецкаго племени «въ формѣ *балман, изъ которой уже весьма легко могъ получиться *балван». Легко — можетъ быть; но какъ? только черезъ **балбан*, которое живо напоминаетъ и сказанное выше о *в* у Турокъ и слово *балабан*, которое вѣдь можетъ относиться къ **балбан* такъ-же, какъ *kалабаk* къ **kалбаk* или *kалпаk*. Форму **балбан* принимаетъ и г. Меліоранскій, но не въ этой связи, а выше (стр. 281), до обращенія къ китайскимъ гіероглифамъ, и выводитъ изъ нея форму *балван* путемъ диссимиляціи, подтверждая въ примѣчаніи это соображеніе двумя примѣрами—*кāрвāн* при *кāрбāн* «караванъ» и *караваш* изъ *карабаш* «рабыня». Но 1) первое изъ нихъ есть слово персидское и превратившее свое *б* въ *в* на персидской почвѣ, а второе получило свое *в* у западныхъ Турокъ, вѣроятно, путемъ измѣненія звуковъ β или ў тѣхъ нарѣчій, въ которыхъ *б* между гласными переходитъ въ эти звуки; 2) гдѣ-же тутъ диссимиляція? Впрочемъ *балбан* «соколъ», кажется, есть на самомъ дѣлѣ. Въ концѣ концовъ можно поблагодарить г. Меліоранскаго за привлеченіе орхонскаго *балбал* къ дѣлу о *болванѣ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ указать на кавк. и алт. *kаптал* изъ *kафтан* (по правдоподобному мнѣнію Вамбери, изъ *kаб* или *kап* «мѣшекъ» и *тон* «платье», какъ *ыштан* «штаны» изъ *іч* «внутренность» и того-же *тон*[26]), *сексāн* 80 изъ *секіз* 8 и *он* 10, *тоkсан* 90 изъ *тоkуз* 9 и *он* 10, и такъ-же помимо сложенія кум. *хораз*, кирг. *kураз* «пѣтухъ» изъ перс. *хорōс*), каз. *шāмдал* «подсвѣчникъ» (русск. и болг. *шандалъ*) изъ перс. *шāм'дāн*, каз. *сандал* «наковальня» изъ перс. *сіндāн*, кирг. и кум. *маймул* «обезьяна» изъ перс. *мāймӯн*. Найдутся, можетъ быть, примѣры и

26) Въ словарѣ Гоутсма такъ и написана *ічтон*.

обратнаго измѣненія, какъ осм. *папаӄан* «попугай», если оно состоитъ въ непосредственной связи съ ит. pappagallo—греч. *παπαγάλλος*, или прибавляемая къ повелительному наклоненію частица *-кын*, *-кін* или *-ӄын*, *-гін*, иначе *-кыл*, *-кіl* или *-ӄыл*, *-гіl*, если она тождественна съ *кыл* «дѣлай»[27]); есть и совсѣмъ неясные случаи, какъ наставка существительныхъ *-чын*, *-чін* или *-чыл*, *-чіl*, напр. *балык-чын* и *балык-чыл* «цапля» (ср. *балык-чы* «рыбакъ»), также наставка прилагательныхъ у нѣкоторыхъ сибирскихъ Турокъ *-сыман* или *-сымал* (часто *-сыма*), напр. *кара-сыман* и *кара-сымал* «черноватый» (монг. **хара-шіја-мал* въ смыслѣ «признаваемый за черный»?). Но, по крайней мѣрѣ, если не первый примѣръ, то второй, третій и четвертый представляютъ несомнѣнный переходъ *н* въ *л*. Здѣсь не упомянуто то-же явленіе въ концѣ не слова, а слога, какъ въ осм. *патылџан* (обыкновенно, кажется *патлыџан*) «бадраджанъ» изъ перс. *бāдінџāн*, *філџан* «чашка» изъ перс. *фінџāн* (см. выше), каз. *џінт* «переплетъ» изъ ар. *џілд* (ср. монг. *анда* «ошибайся»—тур. *алда-т* «обманывай», также дор. φίντατος, ἦνθον изъ φίλτατος, ἦλθον и т. п.)[28]).

Остается еще рѣшить вопросъ, могло-ли персидское слово зайти къ Туркамъ приблизительно въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія. Такую отдаленную эпоху для заимствованія Турками изъ этого источника слѣдуетъ предполагать, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если орхонское *балбал* восходитъ черезъ *балўан* къ *пählівāн* или древнѣйшему *паhlавāн*. Если читатель убѣдился въ этомъ на основаніи приведенныхъ выше соображеній, то онъ долженъ далѣе принять въ расчетъ какъ время древнѣйшихъ орхонскихъ надписей, т. е. приблизительно VII вѣкъ по Р. Х.,

---

27) Рамстедтъ Konjugation стр. 69 слѣд. предполагаетъ возможнымъ родство этой частицы съ сѣв-монг. окончаніемъ уступительнаго наклоненія *-ѵі* или *-к*, тунг. *-гін* или *-кін*, мандж. *-кі* или *-кіні*. Сюда-же онъ склоненъ отнести тур. *-ӄыр*, *-гір* или *-ӄур*, *-гӳр*, что̀ сомнительно какъ потому, что первоначальныя гласныя частицъ *-ӄыл* и *-ӄур* чуть-ли не различны, такъ въ особенности потому, что монголо-турецкіе *л* и *р* въ своей исторіи, по видимому, не сходятся.

28) Сюда-же могутъ относиться и варіанты имени перваго извѣстнаго намъ турецкаго кагана *Синджибу*, у Византійцевъ Σιλζίβουλος, Διλζίβουλος, впрочемъ также Σιζίβουλος и даже Διζάβουλος.

такъ и тотъ періодъ, можетъ быть, вѣка въ два, за который могли произойти всѣ уклоненія отъ первообраза, обнаруживаемыя орхонской формой. Впрочемъ этотъ періодъ могъ быть и гораздо короче, такъ какъ чуждое слово нерѣдко принимаетъ удобный для говорящихъ видъ почти сразу. И такъ могло-ли персидское слово проникнуть къ языческимъ Туркамъ хотя-бы въ V или VI в. по Р. Х.? Конечно, могло, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, которые жили ближе къ Персамъ, а потомъ пойти дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ подобно тому, какъ въ послѣдующее время къ сибирскимъ Туркамъ-язычникамъ были занесены черезъ Персію Турками-мусульманами даже арабскія слова, напр. *kабар* «извѣстіе», *пакпыр* «похмелье», *абыс* «жрецъ, священникъ» (ар. *χӓбӓр*, *мӓχмӯр*, *ḥāфiẓ*).

II.

Относительно слова *бояринъ*, при нашихъ свѣдѣніяхъ о лексическомъ составѣ турецкихъ языковъ, трудно не согласиться, что турецкая его этимологія не можетъ считаться доказанной, но съ другой стороны несомнѣнно, что иная, по видимому, невозможна. То обстоятельство, что «туркмены, называя русскаго господина, барина «баjар», называютъ даму, барыню—«мӓтӯшкӓ», (матушка)» (стр. 283 примѣч. 3), такъ-же мало можетъ служить возраженіемъ противъ турецкаго происхожденія слова *бояринъ*, какъ то, что самъ-же г. Меліоранскій противополагаетъ «господину» не «госпожу», а «даму», способно поколебать убѣжденіе въ исконной принадлежности слова *господинъ* русскому языку. Такъ и у Нѣмцевъ своему Herr соотвѣтствуетъ чужое Dame. И вездѣ иноязычными названіями отмѣчается не просто женщина, а женщина, квалифицированная по-иноземному. Русская женщина по своему положенію между мужчинами должна въ глазахъ восточнаго человѣка рѣзко отличаться отъ женщины

туземной. Но любопытно при этомъ слѣдующее: *мӓтӯшкӓ* пришло къ Туркменамъ не изъ тѣхъ слоевъ общества, откуда явилось у нихъ *бајар* (если послѣднее ими заимствовано у Русскихъ). У Кумыковъ, какъ поется въ одномъ такмакѣ (четверостишіи), «сен матушк'ой, мен салдат»=«ты—матушка (т. е. русская баба или дѣвка), я — солдатъ» — противоположность понятная; за то она, вѣроятно, есть и у Туркменъ. Барина или господина Кумыки, сколько мнѣ извѣстно, не обозначаютъ никакимъ особеннымъ словомъ, потому что они знаютъ его почти только въ видѣ офицера (не даромъ и всякую одежду, хоть женскую, они, особенно когда говорятъ по-русски, часто называютъ *пóрма*, т. е. форма). Таковы-же приблизительно должны быть понятія о баринѣ и у Туркменъ; откуда-же у нихъ *бајар*? слышать отъ деньщиковъ они могли только *баринъ*. Другое дѣло, если это *баринъ* напомнило имъ бывшее когда-то въ употребленіи у нихъ самихъ и еще не совсѣмъ забытое выраженіе, къ которому слово *баринъ*, по видимому, въ самомъ дѣлѣ восходитъ. Что *болярииъ* явилось лишь «на русской почвѣ», не совсѣмъ точно: оно встрѣчается уже въ церковно-славянскихъ памятникахъ.

III.

Г. Меліоранскій безусловно правъ, отвергая мое сближеніе словъ *бусый* (*босый*) и *боз* «сѣрый»: здѣсь, какъ относительно *амбар* и *дір*, я, противъ своего обыкновенія, до нѣкоторой степени подчинился авторитету Маценауэра, Казембека и своего покойнаго учителя П. Я. Петрова, упустивъ изъ-виду, что первый—не оріэнталистъ (каковымъ впрочемъ я не считаю и себя), а двое послѣднихъ — не лингвисты. Но напрасно г. Меліоранскій настаиваетъ на разницѣ въ гласныхъ: *о*, если закрыто, легко измѣняется у Славянъ въ *у*, на что можно найти много примѣровъ въ перешедшихъ къ намъ скандинавскихъ словахъ и соб-

ственныхъ именахъ, начиная съ Рюрика = Hrôrîkr (потому что *рю* = *р'у*, при чемъ мягкость соотвѣтствуетъ беззвучности, такъ какъ hr и теперь по-исландски произносится за глухой *r*). Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что, какъ справедливо указываетъ нашъ уважаемый тюркологъ, ни одно турецкое нарѣчіе не представляетъ въ словѣ *боз*, *буз* или *пос* звуковъ *б* и *с* вмѣстѣ. Сверхъ того скорѣе *с* переходитъ у Турокъ въ *з*, чѣмъ обратно, напр. монг. *џес*, абак. *т'ес* «мѣдь» — каз. *џiз*[29]), ар. *т̣а̄'ӯс* «павлинъ» — каз. *таузы̆ кош*, ср. также монг. *дабусун* «соль» — тур. *туз* (чув. *тувар*), монг. *тоџосун* «пыль» — тур. *тоз*, *тозанг*, монг. *хайсун* «котелъ»—тур. *казан* и т. п. Исключенія есть, какъ отрицательное *-мас* при *-маз*, но обыкновенно лишь въ концѣ слова. Воспользоваться каз. *бусанмак* «сердиться» для нашего *бусый*, конечно, опасно, хотя трудно допустить, чтобы этотъ глаголъ былъ передѣланъ Татарами изъ русскаго *побусѣть* (стр. 285): такъ какъ *ѣ* сохраняется въ послѣднемъ по всѣмъ формамъ, а *с* отъ этого мягко, слѣдовало-бы ждать при переходѣ этой основы къ Татарамъ чего-нибудь въ родѣ **бӯсä-* или **бӯсi-*. Скорѣе, кажется, можно припомнить осм. *посат* «снарядъ, оружіе», хотя-бы съ предположеніемъ заимствованія со стороны Казанцевъ: если *посат* — правильно или превратно—было понято въ смыслѣ имени отъ глагольной понудительной основы, какъ *суват* «водопой» и «пой» отъ *су* «вода», легко было образовать основу возвратную **посан* или, по волжской фонетикѣ, **бусан* «вооружаться, изготовляться къ нападенію». Рѣшеніе вопроса о вѣрности этой этимологіи зависитъ между прочимъ отъ того, какой оттѣнокъ гнѣвнаго состоянія выражается глаголомъ *бусанмак*.

---

29) Такъ какъ *џес* означаетъ, если не ошибаюсь, желтую мѣдь, латунь, возможно, что наше *жесть* происходитъ именно отъ этого слова. Малор. *жерсть* могло получить свой *р* по недоразумѣнію напр. изъ *шерсть*.

IV.

По поводу слова *быля* (стр. 285 слѣд.) приходится снова поблагодарить г. Меліоранскаго за привлеченіе соотвѣтствующаго слова изъ орхонскихъ надписей, гдѣ оно является въ видѣ *бојла* или *бујла*: *о* и *у* въ азбукѣ этихъ надписей не различаются, но греческія передачи этого титула — βοιλᾶς, βοηλᾶς, βολιᾶς — рѣшаютъ недоумѣніе въ пользу *о*, а потому не зачѣмъ предполагать въ русскомъ языкѣ, какъ первоначальную форму, не только **болја*, но и **булја*. Впрочемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не нужна и первая. Отличіе русской подлинной формы отъ турецкой авторъ объясняетъ русской перестановкой звуковъ ј (точнѣе *й*) и *л* и переходомъ безударнаго *о* или *у* въ *ы*. Перестановка сочетанія «*ј* + слѣдующій согласный» въ турецкихъ словахъ у Русскихъ мнѣ, признаюсь, неизвѣстна, хотя авторъ утверждаетъ, что она происходитъ «нерѣдко»: мы говоримъ *байбáкъ*, *каймáкъ*, *сайгá* и *сайгáкъ*, *майдáнъ*, *тайгá*, *сайдáкъ*, *гайтанъ*, *коймá* безо всякихъ перестановокъ. Случаевъ съ *й* передъ *л* въ турецкихъ заимствованіяхъ я не знаю, но и здѣсь трудно подыскать причину, по чему-бы порядокъ звуковъ измѣнился, когда у насъ есть свои *пóйло*, *стóйло*, *хайлó*, *назóйливый* и др. Въ чужихъ словахъ мы, кажется, скорѣе опустимъ *й*, т. е. скажемъ напр. *Михáлычъ* вмѣсто *Михайловичъ*, чѣмъ переставимъ. Правда, г. Меліоранскій подтверждаетъ свое «нерѣдко» тремя примѣрами: *арьянъ* вмѣсто *айрáнъ* (тур. *айран*), *готянъ* вмѣсто *гайтáнъ* (ҕ*айтан*), *курдюкъ* изъ *kуйрук* «хвостъ». Но относительно всѣхъ этихъ словъ возможно сомнѣніе, точно-ли Русскіе виноваты въ перестановкѣ, такъ какъ преждевременное воспроизведеніе звука *р* и отчасти смягченіе согласной послѣ *й* (ј) извѣстны самимъ Туркамъ, а звуковому строю русской рѣчи, помимо старыхъ *-ър-*, *-ьр-*, такія сочетанія не свойственны, откуда напр. въ

уже не разъ упомянутомъ отчетѣ В. И. Срезневскаго стр. 201 *Шарасльновка* отъ тур. *Шаh-Арслан.* Не отрицаю того, что первое наблюдается обыкновенно при губныхъ, напр. *кöрпÿ* изъ *кöпру* «мостъ», *торпаk* изъ *топраk* «прахъ», *торба* изъ *тобра* «торба» и т. п., а при *j* встрѣчается, хотя рѣдко, перемѣщеніе обратное, какъ *дайра* при *дарја* «большая рѣка» (перс. *дäрjā* «море»), *Майрам* при *Марјам* «Марія» (ар. *Мäрjäм*), осм. *бойраз* изъ греч. Βοριᾶς = Βορέας, и также съ *л* есть у Османовъ *сайлангюз* «улитка» при *салјангюз* изъ греч. σάλιαγκος отъ σάλιον «слюна» = древн. σίαλον (ср. G. Meyer, Türkische Studien, стр. 27), и главное — не слѣдуетъ забывать, что наше знаніе даже тѣхъ турецкихъ языковъ, которые намъ извѣстны лучше прочихъ, все-таки очень ограничено, и при томъ какъ разъ въ фонетическомъ отношеніи, потому что наши свѣдѣнія о нихъ основаны преимущественно на источникахъ литературныхъ и на говорѣ образованныхъ туземцевъ, а съ рѣчью простонародной, безъискусственной мы знакомимся по большей части случайно и отрывочно, тогда какъ она-то, по французскому выраженію, и дѣлаетъ исторію. Потому пора, давно пора приняться за такую работу, за которую, хотя съ иною цѣлью, взялся подъ конецъ жизни Миклошичъ, но безъ надлежащей подготовки, а именно — собрать по возможности всѣ турецкія слова, заимствованныя другими народами, чтò, конечно, дало-бы особенно много для исторіи и діалектологіи османскаго языка. Нѣкоторыя османскія слова, содержащія въ себѣ *-йр-*, употребляются у народовъ Балканскаго полуострова отчасти съ перестановкой, въ которой нѣсколько языковъ иногда сходятся, напр. *байраk* «знамя» — серб. *бàрјак* (и *бàјрак*), болг. *бърјак* (и *байрак*), алб. *барјак* (и *байрак*), греч. μπαργιάκι = фонет. *барјáкі* (и μπαϊράκι), оттуда *байраkтар* (перс. *бïрäђ-дāр*) «знаменоносецъ»—серб. *барјàктāр*, алб. *барјактар*, греч. μπαργιακτάρης. Допустимъ, что въ одинъ или хоть даже въ два языка эта форма проникла изъ третьяго, но вѣдь и это уже натяжка: гдѣ, кромѣ самихъ Турокъ, тотъ фокусъ, изъ котораго разошлась зараза по всей «райѣ»? Обращаетъ на себя вниманіе

и параллельное существованіе формы съ *-йр-* во всѣхъ четырехъ языкахъ: откуда проникла въ нихъ одна, оттуда-же, вѣроятно, и другая. Изъ примѣровъ г. Меліоранскаго особенно турецкій видъ имѣетъ *курдюкъ*, если это слово, что̀ въ высшей степени правдоподобно, точно произошло изъ **курјук — куйрук*: зубной призвукъ передъ *j*, чуждый славянскимъ языкамъ, свойственъ нѣкоторымъ изъ турецкихъ, напр. волжскимъ (џ- и *з'*-), киргизскому, ногайскому, карачаевскому (џ- и *ж*), чувашскому (*с'*-) и якутскому (*с*-), по крайней мѣрѣ, въ началѣ слова, въ началѣ и въ серединѣ — алтайскимъ и абаканскимъ нарѣчіямъ (*т'*- -*д'*-, *ч*-, -џ-). Что до *ютянъ*, извѣстнаго только на сѣверѣ, то и здѣсь передъ нами можетъ быть явленіе урало-алтайское, а не славянское. Въ нѣкоторыхъ турецкихъ языкахъ оно выражается тѣмъ, что звуки плавные, преимущественно *л*, смягчаются послѣ *й*: *айl'ан* «вертись», *ойl'а* «думай», *байl'а* «связывай» (у Кумыковъ), и такъ-же ҕ кромѣ флексій: *ујат* изъ *уйҕат* «разбуди», *тујак* (кум. *тӱјак*) изъ *туйҕак* «копыто». Сюда-же, вѣроятно, относится и болг. *айрян* (ср. каз. *äйрäн*)[30]). У какихъ-то Турокъ, вторгшихся въ Европу задолго до татарскаго нашествія, то-же произошло и въ словѣ *бойла*, гдѣ мягкость *л* отмѣчена не только нашимъ *-ля* въ *быля*, но и у Грековъ написаніемъ βολιᾶς, что̀ само по себѣ есть уже достаточная причина для осторожности при разъискиваніи почвы, на которой произошло смягченіе. А если такъ, придется еще разъ подумать о томъ, куда дѣвалось турецкое *й* въ *быля*. Возвращаясь къ объясненію г. Меліоранскаго, замѣтимъ вмѣстѣ съ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (см. стр. 286, прим. 2), что безударное *о*

---

30) По-каз. *äйlän*, *бäйlä*, какъ по-кум. *ч'äч'* «волосъ» и «сѣй», *ч'äшіläр* «волосы», *ч'іч'* «испражняйся», *ч'äнч'* «коли», по-осм. *jele* «грива», *jeні* «новый», вмѣсто обще-тур. *сач*, *сачлар*, *сыч*, *санч*, *јал*, *јаҥы* (ср. наше *янычары* изъ стараго осм. **јаҥы чäрі*). Причина съуженія гласныхъ — мягкость согласныхъ. Однако по-кумыцки *ä* вмѣсто нормальнаго въ этомъ языкѣ *е*, а при *л*, смягченномъ послѣ *й*, — даже *а* (по-казански *уйла* «думай», *сайла* «выбирай»). Ср. Radloff, Phonetik, I, 82—84 и 113, 2a.

не могло перейти въ *ы* въ такое древнее время. Этого возраженія г. Меліоранскій не опровергъ своей ссылкой на Колосова: этотъ ученый говоритъ не о древнемъ языкѣ. Г. Меліоранскій допускаетъ возможность того, что *о* перешло предварительно въ *ȧ* (впрочемъ едва-ли чистое), а ужь потомъ въ *ы*, «но это, прибавляетъ онъ, уже подробность». Можетъ быть, но такая, которая мало способна сократить время, раздѣляющее эти *о* и *ы*. Остается выводить это *ы* не изъ *о*, а изъ *ой*. Правда, примѣровъ такой замѣны изъ древности я не знаю, что̀ понятно при сравнительной рѣдкости дифтонга *ой* въ тѣхъ языкахъ, изъ которыхъ языки славянскіе могли обогащаться позаимствованіями, а можно ожидать открытія такихъ примѣровъ скорѣе всего отъ этимологическаго объясненія топографическихъ названій; но позднѣйшій есть—*мыза* изъ эст. mõiza (гдѣ õ изображаетъ звукъ въ родѣ открытаго, нѣсколько закругленнаго *ы*), какъ наоборотъ наше *мыло* звучитъ у Вотяковъ mõila, у Карѣлъ muila и muilu, у Веси muiľ, *сыръ* — у Эстовъ sõir, *вытъ* (часть угодій или другого имущества) у Финновъ-Суоми vuitti, *выгода* — у Карѣлъ vuigodu, два послѣднихъ съ ui, которое по нарѣчіямъ чередуется съ oi, какъ видно изъ mõila — muila (ср. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen=Mémoires de la Société finno-ougrienne VIII, стр. 55, 107 и 181). Также по-литовски muĩlas изъ *мыло*, muĩtas изъ *мыто*, ap-si-múilyti «ошибиться» изъ польскаго omylić się. Да и у Турокъ по Иртышу наше *мыльница* «баня», по-алт. *мылча*, произносится *муiлча* [81]). Если удастся доказать, что *бойла* или *бойľа* зашло къ Грекамъ не прямо отъ Турокъ, а черезъ южныхъ Славянъ — что̀ вѣроятно въ виду греч. βοεάνος изъ тур. *бajан*, очевидно, черезъ слав. *боянъ* (съ i̯ вмѣсто j, откуда серб. *бȁн*), — тогда и греч. βοϊλᾶς, βοηλᾶς, βολιᾶς, оказались-бы приблизительной передачей славянскаго *быля*, и съ тѣмъ вмѣстѣ прибавился-бы еще

81) Ричардъ Джемсъ въ своемъ русско-англійскомъ словарѣ передаетъ слово *мыло* написаніемъ muila.

одинъ, и при томъ древній, примѣръ иноязычной замѣны славянскаго *ы* сочетаніемъ о + і. Разумѣется, для доказательства обратнаго перехода всѣ такіе примѣры, сколько-бы ихъ ни было, не дадутъ логической несомнѣнности, но они наглядно представляютъ естественность чередованія между *ы* и *ой*, а это значитъ особенно много для такихъ отдаленныхъ временъ, когда Славяне, можетъ быть, еще не успѣли сократить звукъ *і* послѣ гласныхъ до ничтожной длительности нынѣшняго *й*. Наличность слова *быля* не только въ русскихъ, но и въ церковно-славянскихъ памятникахъ такъ сильно подрываетъ все, сказанное г. Меліоранскимъ объ исторіи этого слова у Русскихъ, что, если-бы цѣль этой статьи состояла въ полемикѣ, а не въ посильномъ разъясненіи поднятыхъ г. Меліоранскимъ вопросовъ, можно было-бы ограничиться простымъ указаніемъ на это обстоятельство. Что былями назывались ковуйскіе старшины, весьма вѣроятно, какъ и то, что Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги и Ольберы были частями этого племени. Объясненіе имени *Топчакы* изъ тур. *топчак* «особая порода лошади» кажется безспорнымъ; во всякомъ случаѣ оно до такой степени естественно, что пришло въ голову и мнѣ еще лѣтъ 30 тому и значится въ моихъ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ Слову о Полку Игоревѣ, хранящихся (и очень крѣпко) въ библіотекѣ Тихонравова, до сихъ поръ не разобранной. О большей или меньшей испорченности прочихъ названій можно заключить изъ *Ревугы* (= **äрбӱгä* изъ *äр* «мужчина» и *бӱгä* «молодецъ, богатырь»?), такъ какъ *р* въ началѣ турецкихъ словъ не встрѣчается. Сближеніе *Шельбиры* съ монг. (или только калмыцкимъ?) шilбӱр «арапникъ» допустимо, съ celбӱгӱр «весло» — очень сомнительно по двумъ причинамъ — фонетической и семасіологической: Ковуи — народъ сухопутный. А кромѣ того: не слѣдуетъ-ли перебрать разныя возможности изъ турецкаго словаря прежде, чѣмъ обращаться къ монгольскому за истолкованіемъ именъ, которыми назывались турецкія племена? Такъ и при *Шельбиры* можно было-бы подумать напр. о *чылбыр* «чумбуръ», кирг. *шылбыр:* переходъ *ч* въ *ш* принимаетъ

самъ г. Меліоранскій въ своемъ остроумномъ и прекрасно обставленномъ объясненіи слова *шерешири* изъ перс. *тīр-і чāрх*, искаженнаго Турками въ **чірічāр* (стр. 296 — 301). Правда, дальнѣйшія измѣненія этого слова онъ приписываетъ Русскимъ; но зачѣмъ было имъ передѣлывать *ч* въ *ш*, когда они различаютъ эти звуки въ собственномъ языкѣ? Когда по-русски въ заимствованномъ у Турокъ словѣ попадается *ш* вмѣсто *ч* или наоборотъ, можно быть почти увѣрену въ томъ, что это смѣшеніе произошло уже въ первообразѣ; ср. *бакша* — кирг. и ног. *бакша* вмѣсто *бахча* или *баџча* (откуда и у насъ *бахча*) изъ перс. *бāџчā* «садикъ», *чобанъ* или *чабанъ* — тур. *чобан* (откуда теперь и по-персидски *чубāн*) изъ перс. *шубāн* «овчаръ», нѣкогда *шупāн*, первоначально **фшу-пāна-* «хранитель скота». Общность превращенія *ч* въ *ш* языкамъ киргизскому и ногайскому свидѣтельствуетъ о давности этого явленія, для которой XII в. есть едва-ли эпоха слишкомъ ранняя, хотя съ другой стороны обратная замѣна вмѣстѣ съ рѣдкостью *ш* въ началѣ исконныхъ турецкихъ словъ наводитъ на догадку, что *ш* въ этомъ положеніи было чуждо турецкому праязыку за возможнымъ исключеніемъ звукоподражаній. Само собою разумѣется, что сравненіе названія *Шельбиры* съ *чылбыр*, *шылбыр* здѣсь предлагается отнюдь не догматически: прежде надобно объяснить различіе этихъ словъ по качеству гласныхъ (тонкія или узкія *е* — *и* и толстыя или широкія *ы* — *ы*), на что, быть можетъ, годно сартское *чілбірт* или *чілвірт*. Кромѣ того нельзя не принять въ разсчетъ нашего *чумбуръ*, изъ котораго, при сопоставленіи съ *чылбыр*, можно вывести древнѣйшее *чылбур* (которое впрочемъ, чуть-ли и не встрѣчается въ памятникахъ и даже, можетъ быть, живо до сихъ поръ). Справедливо, что нѣкоторыя современныя турецкія племена носятъ монгольскія названія (стр. 287), но съ XII в. въ средней Азіи успѣло произойти много этнографическихъ перетасовокъ, послѣдствіемъ которыхъ было, между прочимъ, появленіе племенъ монгольскаго типа при турецкой рѣчи, а подъ владычествомъ Чингисхана могли и кое-какіе искони турецкіе на-

родцы получить монгольскія названія, къ какимъ принадлежитъ, по видимому, и *Татар*.

V.

Происхожденіе слова *жемчугъ*, *жемчугъ* отъ турецкаго *јенчӳ*, *інџӳ* и далѣе отъ ново-китайскаго *џен‘ џу*[32]) (собств. «драгоцѣнность» или «драгоцѣнный» + «жемчугъ», что̀ по-древнему просто *џу*) едва-ли можетъ подлежать спору; трудно, кажется, предположить, что китайское слово перешло къ намъ прямо отъ Китайцевъ. Относительно нашего окончанія -*гъ* г. Меліоранскій колеблется между двумя объясненіями: или оно возникло изъ турецкаго окончанія дат. пад. -*ҕа*, -*гӓ* (между прочимъ = «за» при оцѣнкѣ), какъ произошли *башка* изъ *баш-ка* (вм. *баш-ҕа*) отъ *баш* «голова» и употребляемое въ Казани *мунчага* «баня» изъ *мунча-ҕа* «въ баню», или оно прибавлено «по аналогіи съ довольно многочисленными русскими словами на -угъ, -югъ» (стр. 289). Вотъ въ томъ-то и бѣда, что такія слова совсѣмъ не многочисленны, особенно въ древнемъ языкѣ, откуда и возраженіе профессора Бодуэна-де-Куртенэ противъ возможности второго объясненія. И все-таки его приходится предпочесть первому, потому что 1) по крайней мѣрѣ два слова, приведенныя г. Меліоранскимъ въ примѣръ образованія отъ дат. пад., сохранили это окончаніе вполнѣ и потому отнесены къ женскому роду; 2) если у насъ мало словъ на -*угъ*, -*югъ*, за то много на -*га*, вслѣдствіе чего звукъ *г* легко представлялся сознанію пригодныхъ въ качествѣ составной части наставки послѣ *у* или *ю*, особенно при существованіи почти созвучной наставки -*ук*-, -*юк*-, которая и смѣши-

32) Такъ, если не ошибаюсь, это слово звучитъ по сѣверному выговору, который и былъ извѣстенъ Туркамъ. Гиртъ (Hirt) пишетъ tschön-tschu, вѣроятно, согласно съ кантонскимъ произношеніемъ.

вается съ ней иногда въ заимствованныхъ у Турокъ словахъ, напр. *бунчукъ* (тур. *бунчуk*) и при немъ прилагательное *бунчужный*. Можетъ быть, сюда-же принадлежитъ названіе рѣки *Битюкъ* и тамошней породы лошадей *битюгъ*, если оно турецкаго происхожденія (ср. чаг. *бітӱк*, чаще *бітік* «письмо, письменный документъ», діалектическое *біттӱг* вмѣсто *бітlӱг* «вшивый», чаг. *бітӱ* «верблюдъ», гдѣ *г* было-бы такой-же приставкой, какъ въ *жемчугъ*). Въ словахъ *утюгъ* и *терпугъ* изъ тур. *ӱтӱ* и *тӧрпӱ* или *тӧрпі* (серб. *ỳтиjа*, *тỳрпиjа*) конечное *г* можетъ принадлежать и турецкимъ древнимъ формамъ **ӱтӱг*, **тӧрпӱг*, мнѣ впрочемъ неизвѣстнымъ. Если въ томъ, что къ діалектическому турецкому *џенчӱ* мы ради возможности склоненія присоединили *-гъ*, какъ впослѣдствіи *-къ* къ франц. surtout (фонетически *сӱртӳ*), дѣйствительно замѣшано окончаніе *-га*, то почему-же у насъ образовалось *женчугъ*, а не **женчýга*, которое было-бы подобно уже древнему *яруга* изъ тур. *jаруƀ* «трещина, разселина» (стр. 301 слѣд.) и во всякомъ случаѣ старому *шелепýга*, связь котораго съ *шлепать* и вообще славянское происхожденіе подозрительны[33])? Причина можетъ быть та, что жемчугъ былъ, вѣроятно, причисленъ къ драгоцѣннымъ камнямъ, какъ и у Французовъ онъ относится къ bijous и на мусульманскомъ Востокѣ къ *џäвāhір*, чтȯ значитъ то-же, а названія драгоцѣнныхъ камней у насъ чуть-ли не всѣ были мужескаго рода (*бирюза* явилась позже, а *яшма* не есть bijou). И *башка*, если оно произошло отъ дат. пад. напр. въ такомъ вопросѣ при покупкѣ скота: *башkа kанча берӱрсäн?* «сколько дашь за голову?», то вошло въ языкъ въ такомъ видѣ,

---

33) Другое дѣло — вліяніе этого глагола, какъ мыслимо; воздѣйствіе и со стороны слова *пуга́* «плеть». *Шéлепъ* могло быть выведено впослѣдствіи по отдѣленіи слоговъ *-уга* въ качествѣ наставки (ср. *бѣлýга*, *кольчýга*, *дирю́га* и др.). Шелепуга, т. е. кистень въ видѣ кнута, есть оружіе восточное; турецкое его названіе мнѣ неизвѣстно, но родъ шелепуги съ колючками еще недавно употреблялся тургайскими Киргизами при охотѣ на крупнаго звѣря, какъ у насъ арапникъ со свинчаткой. Для этимологіи нашего слова можно припомнить чаг. *шаƀалак* «ударъ» и *бӧгі* (если не **бӧг*; ср. прилагательное *бӧг-lі*) «сгибъ, плетиво». Ср. перс. *шāl-āƀ* «плеть, кнутъ».

даже съ тѣмъ-же удареніемъ, вѣроятно, потому, что было приспособлено по роду къ слову *голова* и примкнуло къ словамъ *доска́*, *тоска́*, *пенька́*, *луска́*, *треска́* (тычина, щепка)[34]), между которыми могло быть уже и *камка́* = тур. *kamka* изъ перс. *kämxā*, и, можетъ быть, даже къ *рука́*, *рѣка́*, *лука́*, *строка́*, *толока́* и т. п., гдѣ *к* слѣдуетъ прямо за гласной. *Мунчага*, если можетъ считаться принадлежностью русской рѣчи, а не русско-татарской (какъ въ казанской пѣсенкѣ: «Айда, дѣвка, мунчаѓа: Два съ полтиной нічаѓа» съ чисто-татарскимъ словосочиненіемъ— *айда мунча-ѓа* «иди въ баню» и съ татарской передѣлкой русскаго *ничего*), есть во всякомъ случаѣ заимствованіе очень новое и едва-ли способное къ широкому распространенію.

VI.

По поводу слова *коганъ* г. Меліоранскій замѣчаетъ, «что въ двусложныхъ турецкихъ заимствованныхъ Русскими словахъ гласные «а — а» систематически замѣнялись чередованіемъ «о— а», напр. «товаръ» изъ «тавар», боянъ (= *бојан*) изъ «бајан» и т. п.» (стр. 290). Это замѣчаніе вѣрно, но допускаетъ двоякое расширеніе: оно примѣняется 1) ко всѣмъ древнимъ славянскимъ, — а не только русскимъ — заимствованіямъ изо всякихъ источниковъ и 2) также къ словамъ, содержащимъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, напр. церковно-слав. *сотона*, серб. *сото̀на* изъ σατανᾶς. Примѣровъ того-же явленія во многосложныхъ словахъ, заимствованныхъ у Турокъ, гораздо менѣе, что̀ естественно, и тѣ, которые мнѣ извѣстны, не вполнѣ исключаютъ возможность иного толкованія или относятся къ эпохѣ аканья, когда безударное *о* на письмѣ уже не служитъ доказательствомъ того, что со-

---

34) На югѣ, по крайней мѣрѣ, теперь такихъ словъ больше, напр. *мошка́* (въ собирательномъ смыслѣ), малор. *дочка́* и др.

отвѣтствующій звукъ слышался въ рѣчи. Несомнѣнно древни *богатырь* и *достоканъ* (откуда теперь *стаканъ*, а въ окающихъ говорахъ *стока́нъ*). Первый примѣръ — изъ тур. *баhадур* или собственно **баhатыр* (откуда кирг. *батыр*) — представляетъ во второмъ слогѣ *а*, но не должно забывать, что въ косвенныхъ падежахъ удареніе лежало именно на этомъ слогѣ: въ былинахъ всегда *бога́тыря*, *бога́тыри*, откуда *а* перешло и въ имен. пад. Но *о* перваго слова можетъ быть, пожалуй, объяснено вліяніемъ прилагательнаго *бога́тый*, съ которымъ *богатырь* соприкасается иногда и семасіологически, такъ какъ кое-гдѣ оно значитъ *богачъ* (ср. въ томъ-же значеніи серб. *бога̀тāр*, *бога̀тāш*, *бо̏гāтош*, *бога̀тӯн*, словѣн. bogatâj, bogatáš, bogatîn, bogatúh, bogâtuš). Значеніе второго примѣра — изъ тур. *туставан* или, вѣроятно, *тоставан* (такъ какъ *о* въ арабскомъ письмѣ выражается однимъ знакомъ съ *у*), діалектически **достакан* — нѣсколько ослабляется существованіемъ чагатайской формы *тустуван*. У насъ *достоканъ* встрѣчается также въ смыслѣ какого-то драгоцѣннаго или, по крайней мѣрѣ, цѣннаго камня, о которомъ извѣстно чуть-ли не одно то, что онъ мягче яхонта; но происхожденіе этого слова, кажется, не выяснено. Чуть-ли не надежнѣе *чемоданъ* изъ **чамадан* (перс. *џāмăдāн*), слово у насъ во всякомъ случаѣ не новое, и *о* въ немъ трудно вывести изъ чего-нибудь иного кромѣ *а*, а *е*, если не внесено въ правописаніе изъ произношенія, превращающаго предударное *ча* въ *че*, какъ фонет. *чесы́* вмѣсто *часы́*, должно восходить къ *о*. Слово *доломанъ* у насъ, вѣроятно, не старше гусаровъ и вмѣстѣ съ ними зашло къ намъ отъ Мадяръ, но не прямо, а черезъ Поляковъ. У нихъ находимъ dołoman, что̀ трудно произвести непосредственно изъ мад. dolmány, но возможно изъ османскаго отраженія этого слова — *долама*, перешедшаго къ Сербамъ и Болгарамъ. Нѣсколько затрудняется дѣло словацкимъ doloman, если только мадярское слово не произошло отъ словацкаго, что̀ могутъ рѣшить одни финнологи. Какъ-бы то ни было, уже въ нашихъ азбуковникахъ есть форма *долома*, очевидно, независимая отъ позднѣйшихъ *доломанъ* и *до́лманъ* (также

польскаго). Говоря о трехсложныхъ словахъ, нельзя забыть двусложное *лбшадь*, извѣстное уже изъ лѣтописи: начало его есть *лошя*, уменьшительное отъ тур. *алаша* «низкій, мелкая порода лошадей, (каз.) меринъ».

VII.

Для слова *ногата* г. Меліоранскій принимаетъ предложенное В. Тизенгаузеномъ производство отъ ар. *накд* «наличныя деньги, серебряная или золотая монета», которое, по Codex Comanicus, существовало у Половцевъ въ видѣ nagt (стр. 293). «Затѣмъ, продолжаетъ онъ, уже вѣроятно на русской почвѣ между «г» и «т» развился гласный звукъ и получилась форма *нагат, перешедшая затѣмъ въ *ногат (см. выше п. 8)». Ссылка въ скобкахъ относится къ *коганъ* изъ *каҕан*. Это объясненіе еще можно было-бы допустить, если-бы дѣло шло о сербскомъ языкѣ, такъ какъ «гласный звукъ» въ данномъ случаѣ былъ-бы, вѣроятно, *ъ*, а *ъ* переходитъ въ *а* по-сербски. Но первое *а* въ ту эпоху и по-сербски измѣнилось бы въ *о*. И предположеніе формы *нагат* или, какъ сказано ниже, предшествующей ей *нагад*, откуда потомъ *ногат*, есть чистая фантазія, не находящая себѣ ни малѣйшаго подтвержденія въ исторіи не только славянскихъ, но, пожалуй, и какихъ-бы то ни было языковъ. Въ самомъ дѣлѣ: отчего безударное *а* иноязычныхъ словъ измѣнялось у Славянъ въ *о*? Конечно, по той-же или однородной причинѣ, по которой у Литовцевъ, наоборотъ, славянское *о* измѣняется въ *а*, а славянское *а*— въ *о*, напр. *коганъ*—pagōnas, польское porada «совѣтъ»—pãroda. Въ литовскомъ языкѣ, по большей части сохранившемъ древнее отношеніе долгихъ и краткихъ гласныхъ, *а* кратко, *о* долго. И въ древнѣйшемъ обще-славянскомъ языкѣ эти звуки различались количественно, но *а* было долго, а *о* — кратко. Несомнѣнно, что

эта разница удерживалась отчасти и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, — насколько, опредѣлить трудно, особенно для какого-нибудь даннаго времени, напр. для того, въ которое *кађан* было усвоено Русскими. По крайней мѣрѣ, старо-болгарскому *а* въ мадярскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *á* (т. е. *ā*), а старо-болгарскому *о* — *а* (т. е. *ă*), отчасти *о*, какъ доказалъ Ашботъ (Изв. VII, книга 4, стр. 276—312)[35]. Соотвѣтствіе долгихъ гласныхъ въ языкахъ, соблюдающихъ разницу между долготою и краткостью, гласнымъ ударяемымъ въ языкахъ, ко времени заимствованія утратившихъ или ослабившихъ и замутившихъ эту разницу, объясняется тѣмъ, что въ языкахъ послѣдняго рода выдыхательное удареніе придаетъ гласнымъ, на которыя падаетъ, нѣкоторую долготу, особенно въ открытыхъ слогахъ, почему напр. средне-верхне-нѣм. văter звучитъ теперь съ *ā* (ср. у насъ *вóля* и *вóльный*, *лáпа* и *лáпка*, *свѣ́телъ* и *свѣ́тлый*), а долгота, по крайней мѣрѣ, поставленная въ извѣстное соотношеніе съ краткостями, притягиваетъ на себя ритмическое удареніе (ictus), по существу также выдыхательное. Допустимъ далѣе, что измѣненіе неударяемаго *а* въ *о* держалось у насъ тогда уже только по безсознательному преданію; но въ такомъ случаѣ переходныя формы **каганъ*, **нагатъ*[36]) и т. п. еще менѣе могли появиться въ русскомъ

---

35) Не знаю, точно-ли старо-болгарскія формы были *балъванъ, баранъ, карась* (стр. 278 слѣд.), а не *блъванъ, боранъ, корась*. Правда, мад. bálvány, bárány, kárász какъ будто указываютъ на *а* въ обоихъ слогахъ; но самъ Ашботъ принимаетъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ случаевъ уподобленіе гласныхъ первыхъ двухъ слоговъ (стр. 309 слѣд.). Если первообразомъ мад. bálvány было въ самомъ дѣлѣ *блъванъ*, то различіе въ обращеніи съ этимъ словомъ и съ *блъгаринъ*, превратившимся у Мадяръ въ bolgár, объясняется едва-ли чѣмъ инымъ кромѣ времени заимствованія.

36) Такъ, а не «*нагат», потому что ъ въ то время еще не былъ празднымъ орѳографическимъ привѣскомъ. Самъ г. Меліоранскій въ своемъ остроумномъ объясненіи слова *чатъхулъ* (Изв. VII, кн. 4, стр. 430 слѣд.) придаетъ этой буквѣ значеніе, — правда, такое условное, которое придетъ въ голову скорѣе лингвисту, чѣмъ безхитростному передатчику монгольскаго *cătxўl* въ старинномъ житіи. Да и лингвисту не всякому, особенно русскому, который на родномъ языкѣ не могъ пріучить свой слухъ къ уловленію разницы между чисто — взрывными и придыхательными согласными. Къ тому-же и г. Меліоранскій по

языкѣ. Гласный звукъ между *г* и *т* могъ развиться и у самихъ Турокъ, но въ видѣ *ы*, отъ котораго въ русскомъ добраться до *а* мудрено. Вообще здѣсь фонетическихъ трудностей побольше, чѣмъ при *pählävan* — *болванъ* — *балабанъ*.

VIII.

Что *харалугъ* сводится къ тур. *каралык* «чернота», давно признано всѣми, но г. Меліоранскій, благодаря своему основательному знакомству съ турецкой діалектологіей и ея литературой, сумѣлъ обставить исторію этого слова новыми данными. Однако изъ какого именно языка заимствована форма, извѣстная автору Слова о Полку Игоревѣ? Кромѣ *х* вмѣсто болѣе обыкновеннаго *k* слѣдуетъ принять въ расчетъ и видъ наставки. О ней г. Меліоранскій говоритъ только слѣдующее: «Суффиксъ -луг (точнѣе -луғ, لغ) очень употребителенъ въ турецкомъ языкѣ для образованія именъ отъ прилагательныхъ» (стр. 294 слѣд.). Но вѣдь подлинная, первоначальная форма этого суффикса есть *лык*, *-lік*, которую имѣетъ въ виду и Codex Comanicus со своимъ «karalic, *atramentum*, *nigredo*». Въ монгольскомъ языкѣ всегда и вездѣ *-lік*: *bajalік* «богатство» отъ *баjан* «богатый», *цецеlік* «цвѣтникъ» отъ *цецек* «цвѣтокъ» и т. п. (стало быть, также отъ существительнаго, какъ и по-турецки *чечäк-lік*, *баш-лык* и др.). Въ арабско-турецкомъ словарѣ,

---

поводу смѣшенія монгольскаго ˉ съ *у* предполагаетъ у этого передатчика грубоватый слухъ. Впрочемъ Русскіе часто передаютъ и турецкое ˉ посредствомъ *у*, начиная со слова *Турокъ*, хотя прибѣгаютъ для этой цѣли также къ *ю* или *и*, иногда къ тому или другому рядомъ, напр. въ *утюгъ* изъ *ӯтӯ*, *изюмъ* изъ *jӯзӯм* или *ӯзӯм*. Въ словѣ *чатъхулъ*, вѣроятно, слышался гласный звукъ, какъ и въ *ветъхъ*, потому что *т* и *х* едва-ли могли соприкасаться въ древне-русскомъ языкѣ непосредственно, и такъ-же у южныхъ Славянъ, откуда пришелъ къ намъ памятникъ съ этимъ словомъ.

изданномъ Гоутсма (Houtsma), эта наставка, кажется, вездѣ пишется или со знакомъ звука *i* или совсѣмъ безъ гласнаго знака, но не съ *у* или *ӱ*, которыя проникли въ нее со временемъ въ большинствѣ турецкихъ языковъ послѣ слоговъ съ *у*, *ӱ*, *о* или *ӧ*. Другая, сходная съ ней наставка, служащая для образованія прилагательныхъ отъ существительныхъ, звучала первоначально *-луҕ* и *-lӱг*. Такъ какъ впослѣдствіи эта наставка послѣ слоговъ съ *а* или *е* (*ä*) стала у нѣкоторыхъ Турокъ звучать *-лыҕ*, *-liг*, въ позднѣйшемъ чагатайскомъ она все чаще смѣшивалась съ *-лыk*, *-liк*, чему способствовало то, что конечные ҕ и *k*, *г* и *к* въ этомъ нарѣчіи или нарѣчіяхъ мало по малу утратили свое исконное различіе (уже въ «Абушка» *kараҕ* и *kараk* «глазъ», *тajаk* и *тajаҕ* «палка», *сарыҕ* и *сарыk* «желтый», *соkмаk* и *соkмаҕ* «тропа» и т. п.). Кое-гдѣ смѣшеніе этихъ наставокъ, вѣроятно, совершенно различныхъ по происхожденію (въ монгольскомъ наставкѣ *-луҕ*, *-lӱг* соотвѣтствуютъ *-ту*, *-тӱ* или *-тай*, *-тей*), да и конечныхъ ҕ и *k*, *г* и *к* вообще могло произойти очень рано, но, какъ-бы то ни было, странно, что ихъ не всегда различаютъ тюркологи, хотя судьба этихъ согласныхъ въ концѣ словъ далеко не одинакова: *-k* и *-к* сохраняются во всѣхъ турецкихъ языкахъ, переходя только кое-гдѣ въ *х*, а *-ҕ* и *-г* измѣняются въ сѣверныхъ языкахъ[37]) въ *-ў*, изъ

37) Сѣверными языками, независимо отъ настоящаго мѣста пребыванія говорящихъ на нихъ племенъ, я называю тѣ, которые образуютъ настоящее время посредствомъ дѣепричастія на *-а*, *-ä*, кромѣ сартскаго и якутскаго, которые представляютъ смѣсь, первый — ясную (фонетика на восточной основѣ, отъ Чагатайцевъ, морфологія — въ значительной степени на сѣверной, отъ Узбековъ), послѣдній — запутанную тѣмъ болѣе, что въ этотъ языкъ вошло много монгольскихъ и, можетъ быть, другихъ чужихъ элементовъ. Къ сѣвернымъ языкамъ по моей терминологіи относятся и языки чувашскій и два изъ алтайскихъ, почти тождественные, — тамошнихъ Калмыковъ и телеутскій — въ которыхъ это дѣепричастіе осложнено приставкой *д-* (чув. *сода-д-ын*, алт. *сада-д-ым* «продаю»), происшедшей, по-видимому, изъ *-дур* «есть» (ср. съ одной стороны настоящее время въ одномъ изъ сартскихъ говоровъ *булá-дырмын* «бываю», *булá-дыр-сын* «бываешь», *булá-дыр* «бываетъ», будущее у Тюркменъ *болаџák-тыр-ын* «буду», *болаџаk-тыр-сын* «будешь», *болаџаk-тыр* «будетъ», у Крымцевъ — *олаџаk-тыр-ым* и также настоящее напр. *сäнiң-оҕлуң-*

западныхъ въ османскомъ исчезаютъ кромѣ односложныхъ словъ, гдѣ они удерживаются безъ измѣненія, у Азербайджанцевъ пропадаютъ въ наставкахъ *-луҕ*, *-lÿг* и *-ы*, *-і* или *-у*, *-ÿ*, напр. *сары* «желтый», *kуpу* «сухой» — чаг. *сарыҕ*, *kуpуҕ*. Само собою разумѣется, что нельзя принимать въ расчетъ такіе случаи, къ тому-же очень рѣдкіе, какъ азерб. *отах* (пишется *отаk*) «комната» вмѣсто *отаҕ*, потому что азербайджанская форма должна быть **одаҕ* (ср. осм. *ода*), а *отах* идетъ отъ чаг. *отаҕ*, вѣроятно, черезъ Персіанъ, которые *k* произносятъ за ҕ и потому безъ ущерба вѣрности выговора могутъ писать и въ самомъ дѣлѣ пишутъ *ōтāk*, а съ другой стороны Казань не только называютъ *ҕāзāн*, но, по крайней мѣрѣ, иногда, такъ и пишутъ это имя, что̀ сдѣлалъ напр. Мирза Джафаръ на персидскомъ заглавномъ листѣ перваго изданія своей «Книги персидско-русскихъ разговоровъ» (Казань 1883), и оттуда-же, если не отъ позднѣйшихъ Чагатайцевъ (о чемъ см. ниже) османскіе Турки могли получить свое *отаk* «шатеръ» (*отаk-ы hумаjун* «султанскій ш.»). Въ своихъ исконныхъ словахъ Азербайджанцы по говорамъ смѣшиваютъ *k* и ҕ въ пользу послѣдняго, напр. *будаҕ* «сукъ» — осм. *будаk*, сѣв. *бутаk*, *булаҕ* (но и *булах*) «источникъ» — осм. *булаk*, *топуҕ* (но и *топух*) «лодыжка» — осм. *топуk*, *jаныҕ* «горѣлый» — осм. и сѣв. *jаныk*, такъ какъ и у нихъ есть наклонность къ выговору *k* за ҕ (по мѣстамъ и за *г*) особенно въ началѣ словъ и между гласными[38]). Какъ-бы то ни было, важно то, что Азербайджанцы произносятъ ҕ напр. въ наставкѣ *-аҕ*, какъ *jатаҕ* «ложе, логово, лежка» —

дыр-ым «я твой сынъ» Радловъ, Образцы, VII, стр. 60 и т. п., а съ другой — кирг. *бола́-ды* «бываетъ», дербентское *ола́-д-ам* «бываю», *ола́-ды* «бываетъ», *ола́-ды-k* «бываемъ», гдѣ *-дур* или *-дыр* усѣчено, какъ часто и въ разговорномъ азербайджанскомъ). Впрочемъ и чувашскій языкъ принадлежитъ, по-видимому, къ числу смѣшанныхъ.

38) Но точно-ли можно положиться въ этомъ отношеніи на азербайджанскіе тексты «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа»? по крайней мѣрѣ, мои свѣдѣнія кое въ чемъ расходятся съ данными этихъ записей.

сѣв. *јатаў* (откуда наше *ятовь*), въ наставкѣ *-лаḡ*, напр. *дузлаḡ* или *дуздаḡ* (ср. выше) «солончакъ» (хотя, кажется, въ Персіи говорятъ и *дузлах*, какъ перс. *сäнг-lāх* «каменистое мѣсто» и т. п.), а въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія — всегда *х* (вмѣсто *k*) и *к*: *бахмах* «смотрѣть», *сӧвмäк* (въ Персіи *сӧвмах*) «любить», и точно такъ-же въ наставкѣ *-лых*, *-lік* (или *-лух*, *-lӱк*). Обратное смѣшеніе, т. е. *-х* вм. -ḡ, встрѣчается по нарѣчіямъ у Абаканцевъ.

И такъ **хараluḡ* содержитъ въ себѣ двѣ діалектическія особенности: *х* вмѣсто *k* и *-луḡ* вмѣсто *-лык* или *-лых*. Первую изъ нихъ можно найти какъ въ восточныхъ турецкихъ языкахъ, такъ и въ западныхъ, напр. въ Крыму (Радловъ, Образцы VII, 24—99). Вторая, т. е. *у* вмѣсто *ы*, какъ будто указываетъ на Западъ. По крайней мѣрѣ, въ османскомъ и азербайджанскомъ языкахъ замѣчается рѣшительная наклонность не только къ удержанію *у* послѣ слоговъ съ *а*, какъ *самур* «соболь», *чамур* «грязь», *јаḡмур* «дождь», *оhламур* или *фыламур* «липа», *сатун* «продажа», *памук* «хлопчатая бумага», *ају* «медвѣдь», *kапу* «дверь, ворота», *kалбур* «рѣшето», *kамбур* «горбатый», *kарпуз* «арбузъ», *сандук* «сундукъ» и т. п., но и къ превращенію *ы* при тѣхъ-же условіяхъ въ *у*, напр. *хамур* «тѣсто»—ар. *хäмīр*, *ашук* «любовникъ, поэтъ»—ар. ʿ*āшіk*, *kалуп* «форма, колодка»—ар. *kāліб*, собственныя имена *ḡалуб* и *hафуз* — ар. *ḡāліб*, *ḥāфіз* и т. п. (только не послѣ задненебныхъ, какъ *аkыл* «умный» — ар. ʿ*ākіl*, *фаkыр* «бѣдный» — ар. *фäkīр*, *саhыб* «обладатель» — ар. *çāḥіб*, даже *ахыр* «конюшня» — перс. *äхор*). Какъ распространенность, такъ и старина этого явленія въ османскомъ языкѣ подтверждается сербскими заимствованіями, соотвѣтствующими не только формамъ, до сихъ поръ общеупотребительнымъ, какъ *са̀мур*, *па̀мук*, *са̀ндук*, но и такимъ образованіямъ, которыя теперь или исчезли или исчезаютъ, напр. *даўџија* «истецъ» изъ осм. **дāвуџы* отъ *дāвы* «тяжба» — перс. *дā'вī* — ар. *дāʿва*ʿ, *ка̀дуна* «знатная женщина» — осм. *kадун*, теперь чаще *kадын*, *ха̀зур* «готовъ» — новое осм. *hазыр* — ар. *ḥāḏір*, *ха̀дум* «скопецъ» — ар. *хāдім*

«слуга» и такъ-же *ортаклук* «товарищество», *бо̀газлук* «душка» (бѣлое пятно на шеѣ у лисицы), *газдалук* «хозяйство», *хришћанлук* «христіанство» и т. п., гдѣ наставка звучитъ или звучала-бы теперь по-османски *-лык*, потому что *-лук* слышится въ современномъ языкѣ только послѣ *о* или *у*. Сербы же употребляютъ *-лук* и послѣ *і* (ы), напр. *кадилук* «судебный округъ» — осм. *kадылык* (? обыкновенно *kазылык* отъ ар. *kāḍы* «судья»), *хаџилук* «богомолье, паломничество» — осм. *hаџылык* или *hаџilik* (отъ ар. *ḥāџі* «паломникъ») и вообще другого вида этой наставки въ своемъ языкѣ не знаютъ, какъ съ другой стороны упомянутая выше наставка *-лу*, *-lÿ* (*-лы*, *-li*) является у нихъ только въ видѣ *-лиjа*. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и то и другое совершилось уже на почвѣ сербскаго языка; но вѣдь предпочтеніе, оказанное имъ той, а не другой формѣ наставки, чѣмъ-нибудь да обусловлено. Относительно наставки *-лиjа* можно предполагать вліяніе звука *j*, болѣе близкаго къ *і*, чѣмъ къ *у*, или наставокъ *-иjа*, какъ *хардмиjа* «разбойникъ» (осм. *hарамі*), и *-џиjа*, какъ *хатѝрџиjа* «самодуръ» (осм. *хатарџы*); но въ пользу *-лук* сравнительно съ *-лык* (*-lік*) Сербы не могли имѣть ничего кромѣ — употребительности первой формы преимущественно передъ послѣдней. Что такая вокализація этой наставки послѣ корневого *а* есть, такъ сказать, злоупотребленіе со стороны языка, противъ этого никто спорить не станетъ; однако въ старинныхъ османскихъ текстахъ она иногда встрѣчается несомнѣнно, между прочимъ и въ написанныхъ латинскими буквами, напр. maldarluk «богатство» рядомъ съ dogurlik «истина» въ турецкихъ стихахъ Юрія Крижанича[39]). Другой вопросъ — не было-ли это *у* болѣе

---

39) Знакомствомъ съ нимъ я обязанъ А. Вл. Башкирову, нашедшему ихъ въ I томѣ Кирхерова Oedipus Aegyptiacus (Triumphus Caesaris polyglottus). Въ виду рѣдкости этой книги позволю себѣ привести ихъ здѣсь:

Bu dunjadè dogurlikten ey maldarlùk joktur,
Allàh tala adamlara jalnaez oni verùr.

или менѣе открыто въ соотвѣтствіе болгарскимъ написаніямъ *-лък*, *-лжк*, но можно поручиться за то, что здѣсь имѣлось въ виду не *ы*, для передачи котораго южные Славяне довольствуются своимъ *и* (= *i* безъ смягченія предшествующаго согласнаго звука). И такъ слѣдуетъ допустить, что Османы вслѣдствіе своей склонности къ чередованію гласныхъ *а* (*е*, *ä*) — *у* (*ӳ*) нѣкогда предпочитали въ наставкѣ *-лык*, *-lік* послѣ *а* (*е*, *ä*) огласовку съ *у* (*ӳ*), и если теперь османскій Турокъ говоритъ *боллук* «обиліе» и *кӧрlӳк* «слѣпота», *куллук* «рабство» и *гӳнlӳк* «днина, продолжительность дня», но *сағлык* «здоровье» и *бешlік* «пятакъ (монета въ пять піастровъ)», то этотъ частичный возвратъ къ до-османской вокализаціи объясняется возрастаніемъ требовательности относительно однородности гласныхъ въ отдѣльныхъ словахъ [40]). Для опредѣленія распространенности этихъ

Brè siz jârer Otmantilèr (sic) acinaez gjozlerì:
Ve bakaenaez bu kitábde akildar sozlerì.

Bundà vardur hak Tangriden hep tamam bilmeklik:
Her kim bunì okúrisa, onún dur dogurlik =

«Въ этомъ мірѣ нѣтъ богатства лучше истины; Богъ Всевышній одинъ даетъ ее людямъ. Эй, вы, друзья (?) Османцы! откройте глаза и посмотрите въ этой книгѣ на умныя слова. Здѣсь находится отъ Божества все знаніе сполна. Всякій, кто это прочтетъ, владѣетъ истиной».

40) Положеніе, что исконный законъ урало-алтайскихъ языковъ о такъ называемой гармоніи гласныхъ съ теченіемъ времени не слабѣетъ, а проводится точнѣе, едва-ли удивитъ многихъ въ наше время, особенно если это правило не будетъ распространено на заимствованныя слова. Всѣ тѣ языки этого отдѣла, которыхъ исторія намъ отчасти извѣстна, каковы изъ турецкихъ чагатайскій и османскій, изъ финнскихъ мадярскій, показываютъ, что первоначально гармонія звуковъ не шла далѣе требованія, чтобы за корнемъ съ широкой или съ узкой гласной слѣдовала наставка съ гласной того-же разряда, т. е. съ широкой-же или съ узкой, безъ опредѣленія оттѣнка по положенію языка и губъ, почему и наставки въ нихъ существовали только съ двоякими рядами звуковъ, напр. *-луҕ* и *-lӳк* (прилаг.), *-лык* и *-lік* (сущ.), и лишь мало по малу развилась наклонность къ ближайшему уподобленію наставочныхъ гласныхъ корневымъ, т. е. корн. *а* + наст. *ы*, корн. *о* + наст. *у* (кромѣ наставокъ съ *а*—*ä*, уподобляющихъ свою гласную только въ нѣкоторыхъ языкахъ, и то лишь корневымъ *о* — *ö*). За то явились отступленія отъ гармоніи въ заимствованіяхъ, откуда возникло между прочимъ немыслимое прежде *а* послѣ мягкой или полу-

-а- + *лук* въ области османскаго языка нужно подробно обслѣдовать старую османскую письменность въ подлинномъ видѣ и въ транскрипціяхъ (латинской, греческой, славянской) и нарѣчія европейской и азіатской Турціи. Въ послѣднихъ найдется, можетъ быть, и полное совпаденіе существительной наставки *-лык*, *-lік* съ до-османской прилагательной *-луҕ*, *-lӱг* (ср. въ словарѣ Гоутсма *урлуҕ* «жатва»). Мнѣ такое совпаденіе, но не только въ видѣ *-луҕ*, *-lӱг*, а и какъ *-лыҕ*, *-lіг* и съ *k*, *к* вмѣсто ҕ, *г*, извѣстно изъ нарѣчій средне-азіятскихъ. Такъ напр. въ словарѣ «Абушка» обѣ наставки, и прилагательная и существительная, даны подъ особымъ заголовкомъ, одинаково въ формахъ *лык* — *лыҕ* — *lік* со стихотворными примѣрами, между которыми есть такой:

са̄̆н-дӑ дўр hӓм бірlік о̄ hӓм ја̄рлыҕ,
ḥайлыҕ о̄ kа̄дырлыҕ о̄ ҕаффа̄рлыҕ

«въ тебѣ есть вмѣстѣ единство и товарищество, жизнь и могущество и прощеніе», подъ *атаkлык*, иначе *атаҕлыҕ*, пояснено, что выборъ той или другой формы зависитъ отъ риѳмы, а подъ *чаҕыр* или *чаkыр* встрѣчается слово *јаманлыҕ* «порочность» даже въ прозаической цитатѣ. И такъ изъ сопоставленія трехъ діалектическихъ признаковъ, отличающихъ слово *харалугъ*,— а именно *х* вмѣсто начальнаго *k*, *у* вмѣсто *ы* въ наставкѣ, ҕ вмѣсто конечнаго *k*—можно, кажется, заключить, что племя, въ нарѣчіи котораго употреблялась форма *харалуҕ*, т. е., вѣроятно, Ковуи, зашло въ южно-русскія степи изъ юго-западной части средней Азіи, гдѣ западные Турки соприкасались съ восточными, иными словами—что они были близки по происхожденію къ той группѣ племенъ, которая издавна извѣстна подъ названіемъ Тюркменъ. Характеръ языка этой группы, принадлежащей въ основѣ къ западной вѣтви, долженъ былъ съ тѣхъ поръ подвергнуться

мягкой гласной, напр. осм. *celʿам* «миръ, привѣтствіе»—ар. *сӓlа̄м*, *шаја̊рт* «ученикъ» — перс. *ша̄гірд* (но ср. серб. *шегрт*).

значительнымъ измѣненіямъ: еще Махдумъ-кулы писалъ свои стихи почти по-османски, нѣкоторые османскіе говоры въ Малой Азіи слывутъ до нашихъ дней тюркменскими, османскій языкъ автора словаря «Абушка» содержитъ въ себѣ тюркменскія черты (напр. окончаніе 1 л. ед. ч. *-ын*, а не *-ым*), а съ другой стороны нарѣчіе Саларовъ около Керки все болѣе вбираетъ въ себя сартовщины. Насколько намъ доступны современные тюркменскіе говоры, мы едва узнаемъ тюркменскій языкъ въ тѣхъ скудныхъ матеріалахъ, которые въ словарѣ Гоутсма носятъ названіе тюркменскихъ. Потому, если-бы форма *харалуҕ* оказалась чуждой нынѣшнимъ Тюркменамъ, это обстоятельство само по себѣ еще не доказывало-бы того, что она не была имъ свойственна никогда.

Этимъ я заканчиваю свои замѣтки на прекрасную статью г. Меліоранскаго, разросшіяся до такихъ неожиданно значительныхъ размѣровъ исключительно вслѣдствіе моего искренняго желанія содѣйствовать разработкѣ турецкой лингвистики не только въ примѣненіи къ заимствованнымъ Русскими у Турокъ словамъ, но и вообще, безъ чего рѣшеніе и первой задачи всегда будетъ сомнительно и неполно. При этомъ нахожу не лишнимъ повторить, что самъ я отнюдь не считаю себя оріэнталистомъ и потому высказываю свои мнѣнія и недоумѣнія по части востоковѣдѣнія не иначе, какъ въ смыслѣ предположеній и вопросовъ, трудясь для общаго дѣла, какъ говорятъ Турки, «ķарынџа ķадар-ын-џа» (по мѣрѣ муравьиныхъ силъ). Тѣмъ радостнѣе я привѣтствую такого образованнаго и остроумнаго тюрколога, какъ П. М. Меліоранскій, при его вступленіи на поприще русской филологіи, гдѣ онъ, благодаря своимъ способностямъ и превосходной подготовкѣ, можетъ принести больше пользы, чѣмъ всѣ его предшественники-оріэнталисты, взятые вмѣстѣ.

Къ страницѣ 25.

Не Турки виноваты въ двоякой формѣ османскаго названія хлопчатой бумаги — *пембе* и *памбук*, иначе *памук* и *мамук*. Первая есть перс. *пäмбä* изъ *памбаг*, еще раньше — *памбак*, вторая возникла, можетъ быть, также въ Персіи или въ передней Азіи за долго до прихода туда Турокъ, судя по древне-греч. βόμβυξ «коконъ шелковичнаго червя, шелкъ», которое однако Плиній Старшій XIX, 1(2), 14 примѣняетъ и къ волокнамъ въ плодѣ растенія gossipium или xylon, т. е. хлопчатника. Эти и происшедшія изъ нихъ слова имѣютъ для насъ особенный интересъ, такъ какъ къ нимъ наши этимологи, въ томъ числѣ академикъ А. И. Соболевскій, возводятъ слово *бумага*. Это сближеніе вѣрно, но исторія самаго слова тѣмъ менѣе ясна, что отраженія восточныхъ *памбак* и *памбук* на европейской почвѣ перемѣшались. Первая форма дала еще въ Азіи арм. *бамбак*, осет. *бäмпäг*, въ Европѣ — позднѣйшія греч. πάμβαξ, βάμβαξ, παμβακίς, βαμβάκιον, откуда средневѣковыя лат. bambax и bambagium съ ит. bambagio или bambagia и слав. **бамбакъ* (такъ по-бѣлорусски) и *бжвага*; вторая — уже упомянутое греч. βόμβυξ (основа βόμβῡκ-, гдѣ первое β, можетъ быть, по смѣшенію съ другимъ βόμβυξ — «родъ свирѣли, птичье горло» отъ βόμβος «ревъ, гулъ, жужжанье» съ производными βομβύκια «жужжащія насѣкомыя» и βομβυλιός «шмель», что по-сербски *бу̏мба̄к* или *бу̏мба̄р*; ср. также *бу̏ба̄р* «продавецъ шелковичныхъ червей» отъ *бу̏ба* «докучное насѣкомое, глиста», но первоначально, вѣроятно, = лат. *pupa* «кукла» въ смыслѣ нѣм. Puppe «куколка насѣкомаго», а можетъ быть — и ребенка, если то-же *бу̏ба* въ стихѣ «Nina buba, čado prinejako!» славонской пѣсни Sirotica Ana), откуда позднее лат. bombyx или bombix и bombicium, уже въ смыслѣ хлопчатой бумаги. Производныя отъ βάμβαξ — βαβάκινον (sic) «хлопчато-бумажная ткань», отъ bombyx — bombycina

(papyrus «бумага изъ хлопчатника», ср. древнее bombȳcĭnus шелковый», bombȳcĭnum «шелковая ткань», можетъ быть, мѣстнаго изготовленія въ отличіе отъ sērĭcum, привозной изъ восточной Азіи). Смѣшеніе двухъ формъ: средне-лат. bombax, откуда 1) ит. bombáce и bombágio со словѣнскимъ bombâž, 2) рум. **бомбáкў—бумбáк* (ср. *бун* изъ лат. bonus) съ серб. *бомбак* или *бумбак* (удареніе мнѣ неизвѣстно). Производныя отъ bombax: лат. bombacina = bombycina, ит. bombacíno «хлопчатобумажная ткань» — франц. bombasin или basin (по отдѣленіи bom- вслѣдствіе смѣшенія съ bon «хорошій», какъ въ нашихъ *стаканъ* изъ *достоканъ*, *политанъ* изъ франц. onguent napolitain, *струментъ* изъ лат.-нѣм. Instrument, ар. *Іскăндăр* изъ Ἀλέξανδρος, кум. *мäж'нік* изъ *бумажникъ* за вычетомъ *до* и *по* въ качествѣ предлоговъ, *ин-* — мѣстоименія = «другой» или частицы = *ино*, *äl* — члена и *бу* — указательнаго мѣстоименія) — южно-слав. (?) **бумбазія* — **буммазія* — русск. *бумазéя*; отъ bombágio (прямо или черезъ ит. bombagíno, мнѣ впрочемъ неизвѣстное): хорв. bombážina (ср. Miklosich, Die türkischen Elemente и Nachtrag къ этой книгѣ подъ словомъ pambuk и Du Cange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis подъ словомъ Bombax). Форма *памбук* занесена Турками и въ смѣшеніи съ рум. *бумбак* и, можетъ быть, съ греч. πάμβαξ (фонетически, вѣроятно, = *пáмбакс* ср. ἐμβαίνω = *ембéно* или *мбéно* и т. п.) дало алб. *пумбак* и *пумбук*. Форма *памук*, проникшая въ языки болгарскій, сербскій, албанскій, мадярскій и — отъ Мадяръ — въ чехо-словацкій, могла произойти какъ на турецкой почвѣ — ср. кум. *доммай* (см. примѣч. 2), *тäммäк'ӱ* «табакъ» изъ перс. *тäмбäкӯ*, *јаммаш* «подвздошная кость» изъ **јамбаш* — *јан·баш* и даже (также съ обычнымъ *нн* изъ *нд*) *не заманнáм-мерЇ* «съ какого времени?» вмѣсто *не заман-дáн бері*—, такъ и на персидской, гдѣ есть и *мм* изъ *мб*, напр. по говорамъ *гуммäз* «куполъ, куполообразное зданіе» вмѣсто *гумбäδ*, и упрощеніе этого *мм* не только въ концѣ словъ, какъ *хум* «чаша» изъ **хумм* — зенд. *хумба-*, но чуть-ли и не въ серединѣ, напр. въ названіи горы

и области *Дäмāвäнд* — арм. *Дъмбавъид, Дмбаванд*, ар. *Данбаўанд* или *Дунбаўанд* (см. Hübschmann, Persische Studien стр. 256 и 257). Любопытно, что тѣ-же Персіяне образовали нѣкогда *думб* «хвостъ» съ производнымъ *думбāl* «тылъ» при *дум* — зенд. *дума-* и т. п. (см. тамъ-же), къ чему въ турецкихъ языкахъ можно приравнять кирг. *кымбат* «цѣна» изъ ар. *кīмäт* (какъ *нд* изъ *н* въ азерб. *пäндір* «сыръ» изъ перс. *пäнīр*), а *мб* изъ *мм* находимся въ уже упомянутомъ осм. *мушамба* изъ ар. *мушäммä*, кирг. *Мукамбет* изъ *Муḥäммäд* и др. У Славянъ уподобленіе *б* предшествующему *м* и затѣмъ уже необходимое по славянской фонетикѣ упрощеніе въ *м* можно предположить напр. въ н.-луж. dłymoki «глубокій», возникшемъ, по видимому, путемъ контаминаціи двухъ синонимическихъ прилагательныхъ — *глѫбокъ* и **дыбокъ* (ср. серб. *дȕбок* и *дȉбок*), какъ болг. *длъбóк* и наше діалектическое *глыбóкъ*, хорв.-кайк. glìbok. Возможна и диссимиляція изъ *буб-* — *бѫб-*, не смотря на *бýбенъ* (црк.-слав. *бѫбънъ*, серб. *бȕбањ*) и *бýбликъ*, потому что *б* между *-у-* и *-áга*, т. е. при переходѣ отъ сильнаго сжатія губъ къ полному ихъ открытію съ непрестаннымъ дѣйствіемъ голосовыхъ связокъ, естественно склоняется или къ β, котораго у насъ нѣтъ (ср. однако выше *бѫвага*), или къ *м*. *Бомб-* или *бумб-*, а не *бѫб-*, у Славянъ указываетъ на то, что *бомбакъ* или *бумбакъ* распространилось между ними черезъ такое племя, которое уже утратило носовые гласные звуки. Миклошичъ приводитъ, правда, болг. *бубак*, которое у Русскихъ и у Сербовъ могло-бы произойти изъ **бѫбакъ*, но у Болгаръ слѣдовало бы ожидать отсюда **бъмбак* и **бъбак*. Окончаніе *-áга* явилось уже у Славянъ, и при томъ, можетъ быть, путемъ извлеченія изъ прилагательнаго *бумажный* или существительнаго *бумажникъ*, которое встрѣчается не позже XVI в. несомнѣнно въ производномъ значеніи подматрасника или какой-то подстилки на кровати, а *ж* этихъ словъ можетъ восходить черезъ какое-то посредствующее звено къ gi = џ итальянскаго bombagio. Такое извлеченіе словъ на *-га*, да еще съ предварительнымъ измѣненіемъ *ш* въ *ж*, наблюдается

безспорно въ словѣ *фля́га* изъ *фля́жка* вмѣсто **фляшка* отъ нѣм. Flasche и, вѣроятно,—въ *вата́га* отъ *ватажѣкъ*, образованнаго изъ рум. *вътáш* «наблюдатель, сторожъ».

Ѳ. Коршъ.

Изъ области древней церковно-славянской проповѣди.

Первое изъ издаваемыхъ ниже словъ — Похвала св. Иринею — найдено нами въ августовской книгѣ Макарьевскихъ Четіихъ-Миней.

Судя по манерѣ изложенія и по словарному матеріалу, мы можемъ съ увѣренностью считать его авторомъ Климента Словенскаго. Сравни, напримѣръ, начало Похвалы Иринею съ началомъ Похвалы Кириллу Философу:

Се настоитъ, христолюбци, свѣтозарнаа память Христова воина и страстотрьпца великаго Иринѣя...	Се вьсия намъ, христолюбци, свѣтозарнаа память прѣблаженааго отца нашего Кирила... (по изд. Ундольскаго-Лаврова).

Содержаніе Похвалы св. Иринею сравнительно интересно. Авторъ говоритъ о своемъ идеалѣ архіерея: онъ обходитъ вселенную, прогоняя бѣсовъ (= языческихъ боговъ), разоряя требища, сокрушая идоловъ, отгоняя тьму многобожія, исторгая плевелъ еретическій. Далѣе онъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о похваляемомъ мученикѣ.

Эти свѣдѣнія не даютъ намъ возможности опредѣлить, какого изъ двухъ мучениковъ Иринеевъ авторъ имѣетъ въ виду. Одни подробности: святой былъ сопрестольникомъ апостольскому пре-

столу; онъ возсіялъ на востокѣ и перешелъ въ западныя мѣста; мучитель его носилъ имя Максиміана (= Максимина); память святаго празднуется 22 августа,—указываютъ на Иринея Ліонскаго; но славянская письменность не знаетъ подробнаго сказанія о страданіяхъ этого мученика; въ ней имѣется лишь безсодержательное проложное житіе, съ начальными словами: Той бѣ въ царство Марка и Антонина (въ прологахъ и Макарьевскихъ Минеяхъ подъ 22 августа). Другія данныя: смерть отъ меча, вверженіе тѣла въ рѣку, — говорятъ объ Иринеѣ Сирмійскомъ, пострадавшемъ при Діоклитіанѣ, память котораго празднуется церковью 26 марта; житіе его, въ древнемъ переводѣ съ греческаго, находится подъ этимъ числомъ въ Макарьевскихъ и другихъ древне-русскихъ Четіихъ-Минеяхъ. Третьи данныя (вверженіе въ конобъ) неизвѣстны намъ въ нашихъ источникахъ ни о первомъ, ни о второмъ Иринеѣ. Какъ будто авторъ сообщилъ свѣдѣнія о святомъ по памяти, смѣшивая факты изъ жизни и дѣятельности разныхъ Иринеевъ.

Одна мелочь въ изложеніи представляетъ большой интересъ. Авторъ считаетъ слово *идолъ* непонятнымъ для своихъ читателей; онъ пишетъ: идолы сокрушая, *сирѣчь* капища тѣхъ бѣсовьскъ.

Цитаты изъ священнаго писанія приводятся авторомъ въ текстѣ болѣе или менѣе отличномъ отъ дошедшаго до насъ древняго церковно-славянскаго; видно, что этотъ послѣдній былъ ему извѣстенъ, но также видно, что онъ или рѣдко имъ пользовался, или считалъ его малоудовлетворительнымъ и малоавторитетнымъ.

Второе слово — Похвала кресту — издается нами по пергаменному сборнику XIV вѣка № 20 Чудова монастыря (теперь въ Московской Синодальной Библіотекѣ) [1]). Оно уже извѣстно въ печати, такъ какъ входитъ въ число словъ на Воздвиженіе въ Макарьевскихъ Четіихъ-Минеяхъ; но здѣсь его текстъ восхо-

1) Этотъ сборникъ описанъ въ «Библіографическихъ Матеріалахъ» А. Н. Попова, № XX, М. 1890.

дитъ къ тексту Чудовскаго сборника, повидимому, непосредственно, и въ сравненіи съ послѣднимъ не даетъ ничего, кромѣ подновленій и ошибокъ.

Авторъ его, можетъ быть, — тотъ же Климентъ. Наивная манера прославленія, отчасти и словарный матеріалъ, — тѣ же у него, что у Климента. Но говорить съ рѣшительностью объ авторствѣ въ данномъ случаѣ Климента мы не видимъ возможности.

Онъ проповѣдуетъ не въ предѣлахъ греческой имперіи. «Греческая земля», въ которой имѣло мѣсто обрѣтеніе креста, — не его земля.

Простота содержанія указываетъ на то, что авторъ имѣлъ въ виду читателя малообразованнаго и малосвѣдущаго въ христіанскихъ истинахъ.

«Не думай, братъ, говоритъ проповѣдникъ, что Христосъ только считается Богомъ и что Онъ — плотское творенье, т. е. что Онъ — только человѣкъ; нѣтъ, Онъ — и то и другое вмѣстѣ: «и Богъ совершенный, и человѣкъ».

Слово состоитъ, между прочимъ, изъ разсказа о воздвиженіи креста. Онъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстному сказанію объ обрѣтеніи креста; во всякомъ случаѣ авторъ какъ-будто плохо помнитъ подробности. Напримѣръ, онъ говоритъ, что крестъ найденъ «вѣрою архіереевою»; но сказаніе не знаетъ въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ событія ни одного архіерея.

Любопытна одна мелочь: авторъ сообщаетъ, что «лобное мѣсто» находится «посредѣ земля».

Словарный матеріалъ заключаетъ кое-что интересное: крестъ — *возбой* бѣсомъ (нѣтъ въ словаряхъ), *водецъ* слѣпымъ; *лущъ* (или *луща*?) = копье; *поклонъ* = поклоненіе; *чиститель* = очиститель; *небесьскъ*; *пьютивъ* = прокаженъ; *истяжено* поле = вспаханное; *мънити*; *напитѣти*; въ *придущии* вѣкъ = въ будущій (срв. у Климента *приды* = приходящій; Ундольскій-Лавровъ, подъ *прити*); *пустити* = утратить; *утворити* = украсить; *дѣлма*, *радьма* = для. Христіанская терминологія

(*архиерей*, *крестъ*, мѣсто *адово*, *рай*, мѣсто *лобное*) — кирилло-меѳодіевская.

Цитаты изъ священнаго писанія приводятся и здѣсь въ текстѣ болѣе или менѣе отличномъ отъ древняго церковно-славянскаго. Особенно любопытна выписка изъ общеизвѣстной первой главы Евангелія отъ Іоанна, которою начинается апракосное Евангеліе: она представляетъ собственный переводъ автора, и притомъ не особенно удачный.

Текстъ XIV в., къ сожалѣнію,—не вездѣ удовлетворителенъ.

А. И. Соболевскій.

I.

В҆ тъ҃ дн҃ь похвала, х҃олюбному и превл҃женному архїерею иринѣю 1).

Се настоитъ х҃олюбьци свѣтозарнаа пама҃, хв҃а воина и ст҃отрьпца великого иринѣа. апостольскою свѣтлостїю всѧ ѡзарѧющи. чюдесъми же бл҃говѣрнаго събѡра влекущи къ себѣ, и на теченїе ст҃ое направлѧющи. такою бо почестїю почитае҃ хс҃ъ почетшаѧ его. тацѣми неизречен҆ными вен҆цы краситъ възлюбльшаа его, ꙗко съдѣтелѧ и творца своего. Тако бѡ ихъ оучѧ гл҃аше. не оубоитесѧ ѿ оубивающихъ тѣло, а д҃ши не могуща оубо что сътворити; но паче оубоитесѧ имущаго власть по оубїенїи върещи в геону, того оубоитесѧ 2). и пакы вл҃тїю вѣнчеваѧ ихъ р҃е. Се дахъ вамъ власть наступати на змїа и на скорпїа и на всю силу вражїю. и ничтоже вась не вредить 3). еже 4) послю вы ꙗко ѡвца посредѣ влъкъ. но и боудите м҃ри ꙗкѡ змїа, и крѡтци ꙗко голоубїе 5). змїа бѡ главу крыющи, тѣло свое вдае҃. тако и вы душа хранѧщи, ѡ тѣлесѣхъ не радите. и пакы рече. нива оубѡ готова, а дѣлатель е҃ мало. тѣмъ

1) Макар. Четьи-Минеи, августъ, л. 1142.

2) Срв. въ Маріинскомъ Евангеліи: не оубоитеса отъ оубивающтиихъ тѣло и по томь не могѫштемь лиха чесо сътворити; съказаѭ же вамъ, кого сѧ оубоитесѧ: имѫштаего власть по оубьении въврѣшти въ геонѫ, ей глаголѭ вамъ, того убоитеса (Еванг. отъ Луки, XII, 4—5). Срв. также въ словѣ Климента въ честь 40 мучениковъ: не оубоитесе ѿ оубивающихъ тѣло, а души не могуще ничесоже зла сътворити, нъ оубоитесе имущаго власть по убьени въврѣщи въ геену (*Изв. Отд. русск. языка и слов. Акад. Н.*, т. III, кн. 4).

3) Срв. въ Маріинскомъ Евангеліи: се даѭ вамь власть настѫпати на змиѩ скоръпиѩ і на вьсѫ силѫ врага (Ассем. Ев.: вражиѭ), і ничьтоже васъ не врѣдитъ (Ев. отъ Луки, X, 19).

4) Надо читать: еще?

5) Срв. въ Маріинскомъ Еванг.: се азъ сълѭ вы ѣко овьца посрѣдѣ влъкъ бѫдѣте же мѫдри ѣко змиѩ і цѣли ѣко голѫбие (Еванг. отъ Матѳ., X, 16).

же ѹбѡ молитесѧ господинѹ села, да изведеть дѣлателѧ своѧ на нивѣ [1]). Си же словеса съблюдаѧ прѣблажен'ныи стрстотрь-пець. доброплодиемъ прозѧбе, ꙗко землѧ мастита. сътворѧющи. ѡво .р҃. ѡво .ѯ҃. ѡво .л҃. възрастѧщи плодъ съдѣтелю своемоу. Таковъ бѡ подобаше архїере прпдобенъ и безъсквер'ненъ, беззлобенъ[2]). не ища тлѣнныхъ и времен'ныхъ. и въ вѣчныѧ ѡбители подвизаѧсѧ. не обѧзаѧсѧ никакоже житїисками вещьми, но пребываѧ ꙗкоже злато что въ гор'нилѣ. ѡгнемъ дховнымъ палѧ и свѣтѧ ѡмрачен'ныѧ. ѡбходѧ ꙗко слнце всю вселен'ноую. бѣсы прогонѧа, и требища разарѧа. идолы съкроушаа сирѣчь капища тѣлъ бѣсовьскъ. тмѹ неразѹмїа и многобжїа ѿгонѧ. свѣт разѹмныи всюдоу распространѧ. плѣвелъ еретичьскыи всюдоу истръгаѧ. оучениа потокы ѿ срдца своего истачаѧ. Властїю хвою къ себѣ влекыи всего народа. страстьми величаꙗсѧ. ꙗзвы хвы всегда сластьна себѣ въсприемлѧ. противныѧ ереси палѧ. ѡгнемъ дховнымъ миръ ѡсвѣтѧ. ѡб'тече грады и веси. възвесели поустынѧ насели црькви, и оукраси народы ѡбнови нетлѣн'-ною банею; рѣч'наѧ шествиа ѡсти силою кртною. философы онѣми бгодхов'ными словесы, оучтлемъ оуста зат'че. еугльскыми словесы, ха проповѣда всѣмъ странамъ. сѹгѹба естествомъ ба соуща вкѹпѣ и человѣка. без сѣмене въплощьшасѧ ѿ двы прчтыѧ бца. и прснодвы мрїа. тъ бо почиваше всегда на ꙗзыцѣ емѹ, ꙗко на пртолѣ херѹвимьстѣмъ. бѣ бо зракомъ подобнымъ [3]) и саномъ точенъ. ѡ земных непрестан'но хвалѹ възносѧ емоу вынѹ. Тѣмже кыими похвалами възможемъ почести сего бгоншснаго страстотрьпца иринѣѧ. иже не пощадѣ себе семоу свѣтоу, но възненавидѣ. самъ сѧ привръже въ ѡтишїе хвы вѣры.

---

1) Срв. въ Маріинскомъ Еванг.: жѧтва оубо мънога, а дѣлатель мало; молитесѧ оубо господину жѧтвѣ, да изведетъ дѣлателѧ на жѧтвѫ своѭ (Еванг. отъ Матѳ., IX, 37—38).

1) Надо читать: хѹдо?

2) Срв. въ Христинопольскомъ Апостолѣ: такъ убо намъ подобаше молитвьникъ, прѣподобнъ, бескверньнъ = τοιοῦτος ἡμῖν καὶ ἔπρεπεν ἀρχιερεύς, ὅσιος, ἄκακος, ἀμίαντος (Посл. къ евреямъ, VII, 26).

3) Надо читать: подобенъ (херувимамъ)?

и не оубоꙗсѧ стремлениꙗ звѣрина. ни въвръжениꙗ в коновь, ни темничныхъ оузъ. ни ѡгненаго ж'жениꙗ. ни меч'наго сѣчениꙗ. ни рѣч'наго потоплениꙗ. не възмогоша оубѡ стрти земленыꙗ възмꙋтити, ли преѡбратити емꙋ бгомысленаго срца. тѣмъ чтное его течение и житие почитаѧ, не домышлюсѧ чим похвалити златозарнаго сего слнца. но къ блажен'номꙋ его мрдию привѣгаа, велегласно въпию рекыи. раунсѧ пресвѣтлаѧ заре, великаго слнца ха. чюдесы изрѧдными просвѣтивсѧ иринѣю. раунсѧ съпртольниче, апльскомꙋ пртолꙋ. раунсѧ днньница пресвѣтлаѧ и не заходимаѧ, всего мира зарѧми просвѣтивъ. раунсѧ агглозрач'наѧ лꙋчѧ, мысленаго слнца въсиавъ на въстоцѣ и ѿ самого въстока просвѣщьсѧ. преиде ꙗко млънии. западнаѧ мѣста свѣтозарно ѡсвѣщаѧ. проповѣдавъ еуглие бжие всѣмъ. и ѡбрати бес'численыѧ народы въ вѣроу хвꙋ. завистникъ доброу старыи врагъ диаволъ, въшед въ злодшьныа съсꙋды своѧ. възвари срце бгопротивнаго мчтлѧ мазимиана нань. и мнѡгыми стртьми покоушавсѧ ѿврьгнꙋти его ѿ вѣры хвы, и не възможе. Непобѣдимаѧ сила бжиа, исхожаше из оустъ его. любовию влѣкоущи вса въ вѣроу. егоже не трьпѧ дѣмоночтець мчтль. повелѣ на сꙋводие вед'ши моавьскыѧ рѣкы, мечем оусѣкнꙋвши с моста сринꙋ 1). и тако почи ѡ гѣ хвѣ стртотрьпець. добраго исповѣданиа вѣн'цемъ оувꙗзесѧ. не въсхотѣ земнаго погребениа приати, но струꙋами приодѣтисѧ ꙗко и ризою нетлѣнною. да сꙋдеть прроческое слово ѡ немъ. рѣчнаѧ шествиа веселѧть гра бжии 2). тꙋ бѡ оуготовисѧ емꙋ храмина не рꙋкотворена, идѣже почиваѧ до сего дне. ꙗко слнце свѣтит водного състава 3) вѣрныѧ чюдесы. възвеселѧа стрти, ѿгна 4) чтоущихъ его, болѣз'ни исцѣлѧ. бѣсы прогонѧ. всѣм пользꙋ даѧ, противꙋ любви и чьсти его. Бываеть памѧт е мца авгоуста въ .кв, днь. въ славоу пртыѧ

1) Читай: сринути.

2) Срв. въ Синайской Псалтыри: рѣчьна оустръмлениѣ веселѧтъ града божиѣ (Псал. XLV, 5). Срв. также въ словѣ Климента въ честь 40 мучениковъ: рѣчна шьствиа освѣтнше...

3) Повидимому, пропущено одно или нѣсколько словъ.

4) Надо читать ѿгонѧ ѿ?

и живѡначальныѧ тр°ца ѿц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и пр҃но и въ вѣкы вѣкомъ амiнь.

II.

Похвала кр҃ту [1]).

Дн҃ь бр҃ак веселуѥсѧ о въздвиженьи х҃вѣ. дн҃ь радуѥсѧ о въздвиженьи чтн҃аго древа. дн҃ь бо въздвижемо ѥ славноѥ древо. і нынѣ лежащаꙗ въ грѣсѣ. възвышаѥ ис погибели дн҃ь
27 съкровеноѥ древо в зе||мли на свѣ҃ исходи. небо и по распатьи х҃вѣ [2]). смр҃ти г҃ь и животу. третии дн҃ь изъ мртвъı въскр҃се. завистью же злою жидове держими суще боꙗщесѧ. ѥда что останеть ѿ ссуда того. имьже се х҃ъ мученъ. ти буде҃ на соблюденьѥ и цѣльбу. вѣрующи҃ к нему. имше и вкопаша и в земли глубоцѣ зѣло. рекуще негли се в забытьѥ воидеть. мню [3]) же кр҃тъ великии б҃атьство кр҃тьꙗньскоѥ. и гвоздьꙗ лущь [4]). и титлъ иже бѣ пилатъ вписалъ. и впреки на кр҃тѣ положилъ. тако же и сему погребену бывшю. и въстави б҃ъ въ гречьстѣи землѣ. цр҃ѧ вѣрна кр҃тьꙗна мню же костантина. и ѥго м҃трь ꙗже взискавши обрѣте. ꙗвленьѥ б҃ьи и вѣрою архиѥрѣевою. и ову часть ѥго въ иѥрусалимѣ положи. а другую. съ гвоздьми въ цр҃ьградъ посла къ сн҃у си. се кр҃тъ иже по всему миру въздвизаѥтсѧ. и възвышаѥтьсѧ. сего обрѣтенью мъı дн҃ь радующесѧ празнуи҃. въ дн҃ешнии дн҃ь. акъı сл҃нце изъ землѧ изъше҃ восиꙗ по всеи земли. и всю тварь оукраси. изиде бо да грѣшнъıꙗ. акъı ис тинъı вернъıꙗ вознесе҃. дн҃ь ст҃аꙗ цр҃кви. свою оутварь приѥмлеть. аки гривною и обруче҃. блаженъıми [5])

---

1) Изъ пергаменнаго сборника Чудова монастыря № 20, л. 26 об. (XIV в.).
2) Надо читать: Христосъ?
3) Надо читать (здѣсь и ниже): мѣню?
4) Надо читать: лущю?
5) Далѣе пропущено слово.

оукрашьшеса. да в лѣпоту са ки многъ народъ съвокупилъ днь. да и кртъ види ꙗвившиисѧ. и взнесъшюсѧ хү на нѥ поклонаться. да са възвыси възвысивъ бо са да са покажеть. кто бѣ погребъше въскровено. в мѣстѣ малѣ. иже нынѣ ѿ всѣ поклонъ приимлѥ да о се и мы нынѣ друзи празднующе радуимсѧ. подобаше бо аще скрове || ному чтному древу ис тьмы 27 об.
изъшедшю. и на высости ꙗвити. аки граду на горѣ. или ꙗко свѣщи на свѣтилѣ потченѣ. всѣ показатися. да сего ради первыи црь крстьꙗньскыи. и чтныи архиерѣи. акы на высоцѣ [1]) стражю въздвигши. и показати повелѣша всѣ събравшемъса въ црквь. то же творѧ на възраженѣ [2]) мѣстѣ. посредѣ цркве. но точью не рекуще [3]). видите братье. възвышаемыи сь чтныи кртъ. и треблѧжныи. иже бѣ завистью в земли погребенъ. днь на высоцѣ мѣстѣ въздвизаѥ. се есть знаменье. имже есмь [4]) ѿ инѣ ꙗзыкъ и странъ ѿлучени. се есть крстьꙗньское бгтьство. се ѥ знаменье. имже выхо знаменани. распатому хү на нѥ. се есть острыи рогъ. имже бѣсы супостаты наша побѣжаѥ. се же нынѣ видѣхо предъ очима нашима. животь скровенью. мы же братье сему покланающеса. помышлаѥ како ти есть оустроилъ. нашего спсньꙗ творець. дивна чюдеса. ꙗкоже глть стыи двдъ рекии. бъ же црь нашь преже вѣкъ съдѣла спсньѥ посредѣ земла [5]). ꙗкоже есть посредѣ земла лобное мѣсто оутвержено. того мы приꙗтьѥ. исъперва свои оучтль держи побѣжаше аки на истажснѣ полѣ. хитрѣ окружена [6]). посредѣ всеꙗ земьла. пожрену быти спсеному древу. тако же и другое нбское слнце. тако же и праведное слнце хъ. иже су в земли скровени. и сниде к нѣ [7]) се кртъ видимое ѥ древо. се

1) Срв. ниже: на высоцѣ мѣстѣ.

2) Надо читать: възгражениѣмь?

3) Повидимому, пропущено слово. Или надо читать: точьно?

4) Надо читать: емъ.

5) Срв. въ Синайской Псалтыри: Богъ же цѣсарь нашь прѣжде вѣка съдѣла спасение посрѣдѣ земльѧ (Псал. LXXIII, 12).

6) Мѣсто испорченное.

7) Надо читать: къ нимъ?

впіса [1]), и многаждъı наричеᵀ. ꙗкоже дв҃дъ гл҃ть рекъıи. створи
28 съ мною знаменьѥ въ бл҃годѣꙗньѥ [2]). знаме || наса на на҃ свѣтъ
лица твоѥго г҃и [3]). и пакъı дасть знаменьѥ боꙗщи҃мса. вѣжати
ѿ лица лучьнаго [4]). или ꙗкоже и саᵀ г҃ь. въ ѥуангл҃ьı вопиѥ҃
рекъıи ти. то оузраᵀ сн҃а бж҃ꙗ знаменьѥ. и предъ симъ просить
знаменьꙗ родо сь. но знаменьѥ же не дастьса ѥму но точью
знаменьѥ ионъı пр҃рка [5]). се же знаменьѥ ꙗвлаѥᵀ кр҃тноѥ. о
древо знаменито и словущеѥ. о треблж҃ноѥ древо. на неˣже рас-
патса х҃ъ ц҃рь и г҃ь. имже древо҃ погубле҃ бы҃. прельстивъıи
древо҃ адама. і ѥвгу врагъ. о кр҃тноѥ древо имже грѣси са по-
казиша. а великаꙗ свобода и горнаꙗ вписаса. о кр҃те мног҃ъı
бл҃гти скровище. къ ц҃рьствию бж҃ю приводниче х҃ъ на тебѣ са
пропенъ. древо весмр҃тью показа х҃ъ на тобѣ са повѣсивъ.
бл҃гоꙗвленью та показа давца. на тебе х҃ъ хота възвъıси [6])
миръ все [7]) с тобою възвъıшии. тако кр҃тмь смр҃ть обидена
бы҃. и скрушена бъıша капища идольскаꙗ. и всакоѥ сонноѥ
слъıшаньѥ истребиса. да сицю и великую бл҃гть прии҃ше братьѥ
ѿ вл҃къı. блюдуще же са живе҃. в скороминующе҃ житьи. ꙗдень-
ѥмь и питьѥ҃. и различнъıми стр҃тьми [8]) не прельщающеса. да
въ придущии вѣкъ и судъ. и ѿдати ѥму чаꙗньꙗ [9]). знати
начнѣте точью. сластии не помьнаще какъı ваху. да не дади҃
друзи в са вмѣстити неприꙗзньнѣи сотонѣ. всакъıми нъı
льстьми льстаще ваби҃ к собѣ. на ослабленьѥ и погибель. не во
ѥсть брань съ плотью и кровью. но с начаткъı и властьми. тмъı

1) Мѣсто испорченное (есть пропущенныя слова).

2) Срв. въ Синайской Псалтыри: сътворі съ мъноѭ знаменіѥ въ благо (Псал. LXXXV, 17).

3) Срв. въ Синайской Псалтыри: знаменаса на насъ свѣтъ лица твоѥго господі (Псал. IV, 7).

4) Срв. въ Синайской Псалтыри: далъ ѥсі боꙗщімъса тебе знаменье оубѣжат і отъ лица лѫка (Псал. LIX, 6).

5) Срв. въ Маріинскомъ Евангеліи: родъ золъ и прѣлюбодѣи знаменіꙗ ищетъ і знамениѥ не дастъса имъ тъкмо знамениѥ ионы пророка (Еванг. отъ Матѳ. XVI, 4).

6) Надо читать: са взвыси?

7) Надо читать: вьсь?

8) Надо читать: сластьми?

9) Мѣсто испорченное.

вѣка сего. да поспѣши҃сѧ и подвигн҃ѣсѧ. да || гоньзе҃ мукы 28 об.
вѣчныꙗ. иже ѥсть безъ конца. не бо ѥсть н҃а дѣлма створілъ
мукы. да ны мучи҃. но сотоны дѣлꙗ и ѥго бѣсовъ и силъ.
такъ бо има҃ б҃ъ мл҃твъ и чл҃вколюбець. и свидительству҃ѥ
д҃дъ рекыи. б҃ъ судитель праведенъ крѣпокъ и терпеливъ. и
не гнѣва привода на кыиждо родъ. аще сѧ не възвратите
оружьѥ ваше оцѣстить. лукъ свои ѿвлеч҃е и оуготови. и т҃ѣ
оуготови ссуды съмертьныꙗ [1]). се ѥсть сътворилъ б҃ъ. не да
ны осуди҃ в муку. но да сѧ не разлѣнивше. и ослабѣвше само-
хотью. повиньни будемъ муцѣ. аще бы хотѣлъ ны погубити.
то не бы крови своѥꙗ х҃ъ пролиꙗлъ за ны. но сего радьма ѥсть
оумерлъ за ны да н҃а дасть бесмр҃тьѥ. и алченъ б҃ы. да ны
своѥꙗ плоти напит҃ѣѥ. жаденъ б҃ы. да ны своѥꙗ крови напои҃.
заоушеньѥ прин҃ꙗ да ны свободи҃ и спаденьѥ скорби створить.
кр҃тисѧ да ны освѣт҃и. ѿ жены сѧ роди҃ плотью. да преступ-
леньѥ иже в раи. иже на н҃а створи. съ мл҃тью да буд҃е. и чл҃вкъ
сѧ прозва. да ты прозовешисѧ б҃ъ. б҃ъ нар҃есѧ сн҃ъ чл҃вчь. да
ты сѧ нар҃ешн сн҃ъ б҃жи. възѧтъ наша. да н҃а дасть своꙗ. мо-
лисѧ да тѧ вѣрна сътвори҃. ꙗкоже гл҃ть при лазари. оч҃е слави
своего сн҃а. да сн҃ъ твои слави тѧ. и приде ѥму гл҃а съ н҃бсе гл҃ѧ.
слави҃. и пакы славлю [2]). вѣдѣ ꙗко всегда мене послушаѥши. но
за престоꙗщаго народа рѣхъ. да вси вѣру иму҃т. ꙗко ты мѧ
посла [3]). ѥже ѥсть приꙗлъ [4]) сп҃съ нашь. но [5]) за оц҃а своѥго. но
да сп҃сть чл҃вчкоѥ племѧ. || и сп҃сть же кр҃тмь. аще ли хощеши 29

1) Срв. въ Синайской Псалтыри: Богъ сѫдителъ правьденъ и крѣпокъ і тръпѣлівъ, і не гнѣва наводѧ на вьсѣкъ денъ; ѣще не обратитесѧ, орѫжье сватое оцѣстітъ, лѫкъ своі отъвлѣче и оуготова і, и въ немъ оуготова съсѫды съмрътъныѩ (Псалт. VII, 12—14).

2) Срв. въ Маріинскомъ Евангеліи: отьче, прослави твое, приде же гласъ с небесе: і прославихъ и пакы прославлѭ (Еванг. отъ Іо. XII, 28); отьче, приде година, прослави сына твоего, да и сынъ твои прославитъ тѧ (Еванг. отъ Іо. XVII, 1). Далѣе пропускъ нѣсколькихъ словъ?

3) Срв. въ томъ же Евангеліи: азъ же вѣдѣхъ, ѣко вьсегда мє(не) послушаеши, нъ народа ради стоꙗштааго окрьсть рѣхъ, да вѣрѫ имѫтъ, ѣко ты мѧ посъла (Еванг. отъ Іо. XI, 42).

4) Пропускъ двухъ или нѣсколькихъ словъ?

5) Надо читать: не?

оувѣдити силу кр҃та. и како ти ѥсть лѣпо похвалити. послушаи.
кр҃тъ хр҃тьꙗно добраꙗ надежа. кр҃тъ мертвы въскр҃шениѥ. кр҃тъ
слѣпы водець. заблужи путь. кр҃тъ хромымъ подъпора.
б҃тымъ въсхлащениѥ. презоривы губитель. блудащии кназь.
кр҃тъ оубоги оувѣтъ. кр҃тъ возбои бѣсо. и вѣрны забрала кр҃тъ
побѣжениѥ супостато. и оуны наказаниѥ. кр҃тъ ѿчаꙗвшиисѧ
надежа. пловущи по водѣ правило. въ волна сущє[1]) великоѥ
оутѣшениѥ. ѿ ратникъ стѣна тверда. сирота оц҃ь. вдовица за-
ступьникъ. кр҃тъ печалны оутѣха. младенцє хранитель. мужє
глава. ст҃ротерпцемъ свершениѥ. кр҃тъ свѣтъ во тмѣ сѣдащи.
кр҃тъ цр҃мъ великаꙗ лѣпота. красота кназє. оружьѥ вѣчноѥ.
рабо свобода. несмыслены мудрость. беззаконны законъ. кр҃тъ
пррчкаꙗ проповѣдь. кр҃тъ ап҃лскоѥ исповѣданиѥ. мчнкє похвала.
черноризьцє въздержаниѥ. кр҃тъ идольскы требъ разрушьникъ.
огнь сии[2]) жертвъ потребитель. иретико[3]) сѣть. страна оуродь-
ство. нечтивы потребитель. алчьны хлѣбъ. жадны источни не-
мощны сила. болащи врачь и ицѣлениѥ пѣговиты чиститель.
кр҃тъ нагы одежа. наготу мню не плотьную точью гл҃ю. но и
безвѣрную. ѥгда нѣкто вѣру имать. то не нагъ ѥсть но во
одежи. а и слыши павла гл҃юща. ѥлико въ х҃а кр҃тистеса. во х҃а
29 об. облекостеса[4]). и дх҃мь одѣстеса || х҃ъ иже и ѥгда слышиши брате.
то не мни. б҃ъ словомь точью. и мѣни ѥсть. ни пакы плотьноѥ
но[5]) точью створениѥ. рекше чл҃къ точью. но ѡбоѥ купно. иже
ѥсть б҃ъ свершенъ. сыи б҃ъ и человѣкъ. всю тварь видимую
и невидимую. създалъ ѥсть исперва сице бо гл҃еть великии
б҃ословець іѡанъ. рекіи в начало баше слово. и слово баше ѿ
б҃а. и б҃ъ бѣ слово. тако баше ѿ б҃а в начало. и все си бы. и без
него ни ѥдиного же не бы[6]). видиши ли ꙗко се ѥсть. иже слово

1) Надо читать: сущимъ. 2) Мѣсто испорченное.

3) Надо читать: ѥретикомъ?

4) Срв. въ Христинопольскомъ Апостолѣ: ѥлико бо въ Христа хрьстистеса, въ Христа облекостесѧ. (Посл. къ Галат. III, 27).

5) Надо читать: плотьно?

6) Срв. въ Зографскомъ Евангеліи: Іскони бѣаше слово і слово бѣаше отъ бога и богъ бѣаше слово, се бѣ іскони отъ бога, вьсѣ тѣмь бышѧ и бєж него ничьтоже не бысть єже бысть (Еванг. отъ Іо. I, 1—3).

нб҃о пропѧ. испестренъıꙗ [1]) кругы звѣздами. оутворити нб҃о показа. аки свѣтилникъ сущꙗ се иже ѥсть слн҃це свѣта исполнивъ просвѣти. и повелѣ не почивающи тещи. се ѥсть [2]) землю основа и оукорени ю на водⷶ. и ни на чⷷеже. се ѥсть иже повелѣ земли траву сѣнную растити. источникⷪ възврѣти водами. се ѥсть иже повелѣ рѣкаⷨ быстринами плыти. въ ѥзера свиратисѧ. се ѥⷭ иже пѣскоⷨ предѣлъ положи. и огради море. и водаⷨ повелѣ изнести дш҃и живы. и вѣтроⷨ вѣꙗти. се ѥⷭ иже повелѣ облакоⷨ всходити. и спроста рещи. всю тварь видиму створи. что ли сию мню болшюю оставль. се бо ѥсть анг҃лы сътворилъ и архангл҃ы. и гⷭства и начаткы. и силы. и власти и прⷭли. и херувими. и серафими. и нареклъ лѣта. и годы. времена и мⷭци. и недели и дн҃и. и часы. и нощи. и все то и все сущеѥ. послѣдиⷤⷷ сътвори чл҃ка. по образу своѥму и по подобью. дасть ѥму в раи жити. и ослушавшюⷭ ѥму при саду. дре || воⷨ изгнаньѥ приꙗ. 30
землью дѣлаꙗ жестко. и многъ потъ проливаꙗ. и препроводи свою жизнь. смр҃тью кончавъ и того все племѧ. ѿ тоꙗ сѧ плоти съгрѣшившаꙗ родивъ. ту же бѣду и стрⷭть приꙗ. видѧ же милосердеи влⷣка и бъ҃ слово. дручимо чл҃чьскоѥ племѧ. врагоⷨ и сотоною. матⷭью и самохотью воплотисѧ. и вдастьсѧ распѧти на крⷭтнѣмь древѣ. наⷭ дѣлма оубогыⷨ. сего ради же сътвори. да ꙗкоже проныривыи дьꙗволъ. чл҃ка прельстивыи и оумори. ѥго древоⷨ. тако же и самъ испервa. злодѣи прельщенъ крⷭтныимь древоⷨ. мнѧ бо чл҃ка токмо нага възвышена на древѣ крⷭтнѣⷨ. с радостью прїступивъ. власть свою подаꙗ. да и саⷨ ѿ него погибе. и область свою пусти. всѧ бо хⷭъ гⷭь хотѧ извести ис темнаго мѣста адова [3]). тому влⷣцѣ хⷭу. подобаѥть слава. чⷭть и покланѧньѥ. с безначалныⷨ оц҃мь. и съ прⷭмъ дхⷨмь и нынѧ и присно вѣкы вѣкоⷨ.

---

1) Надо читать: испестрены?
2) Пропущено: иже?
3) Пропускъ?

Ермолинская лѣтопись и Ростовскій владычній сводъ.

I.

Рукопись Московской Духовной Академіи, заключающая въ себѣ «Ермолинскій» списокъ русской лѣтописи, принадлежала раньше Троицкой Сергіевой Лаврѣ и значилась тамъ, въ ея книгохранительной казнѣ, подъ № 17. Археографической коммиссіи она была извѣстна подъ названіемъ Троицкая IV, но описанія ея, хотя бы краткаго, въ изданіяхъ коммиссіи не нашлось, хотя по ней и было издано въ приложеніяхъ къ Софійской второй лѣтописи Хоженіе Аѳанасія Никитина (П. С. Р. Л. VI, 330—345).

Рукопись—сборная. Она объединила въ одномъ переплетѣ нѣсколько различныхъ произведеній, писанныхъ разными лицами въ разное время. Большая часть рукописи восходитъ къ XV вѣку и лишь небольшіе отрывки относятся къ слѣдующему XVI вѣку. На XV вѣкъ указываютъ палеографическія данныя: бумага и почерки. Въ рукописи нетрудно различить по этимъ же даннымъ четыре составныя части.

Первая часть, содержащая Ермолинскую лѣтопись, писана на 297 листахъ тремя почерками второй половины XV вѣка (о распредѣленіи этихъ почерковъ см. ниже)[1]). Эти листы были

1) При переплетѣ 296 и 297-й листъ попали на мѣсто 2-го и 3-го.

объединены общимъ счетомъ по тетрадямъ: послѣднія помѣты ҃ѕі, ҃ѕі, ҃зі на листахъ 275, 283, 290 (по новому счету); значительная часть предшествующихъ помѣтъ срѣзаны при переплетѣ, а на листѣ, попавшемъ, какъ указано въ примѣчаніи, на мѣсто 2-го, мы вопреки ожиданію не находимъ помѣты ҃иі (быть можетъ, и она была срѣзана переплетчикомъ).

Вторая часть рукописи открывается тремя пустыми страницами (лл. 298 и 299 по новому счету). Съ оборота 299 листа и по 302 листъ идутъ лѣтописныя статьи, писанныя двумя почерками XVI в.: первымъ почеркомъ исполнены статьи 7014 и 7015 (1506—1507) гг., а вторымъ сдѣлана на л. 302 замѣтка о рожденіи у великаго князя Василія Ивановича сына Ивана 25 августа 7038 (1530) г. въ 7-мъ часу ночи. Засимъ слѣдуютъ 15 пустыхъ страницъ (лл. 302 об. — 309), послѣ чего новымъ почеркомъ XVI же вѣка, на лл. 310—312, написаны слѣдующія двѣ статьи: 1) Кн҃зи руستіи. 2) Твореніе храма Соломанова, Обѣдъ Соломановъ и въ заключеніе размышленія о величіи Соломона и о его сочиненіяхъ. Слѣдующая страница (об. 312 листа) оставлена незаполненною. Итакъ, вся вторая часть рукописи восходитъ къ XVI в.

Третья часть, судя по почерку, принадлежитъ несомнѣнно XV вѣку. Она заключаетъ въ себѣ 56 листовъ (313—368), которые размѣщены въ семи тетрадяхъ, сохранившихъ древнія помѣты (҃а — ҃з). Какъ видно изъ содержанія этой части рукописи, конецъ ея пропалъ еще до включенія въ переплетъ съ остальными частями нашей рукописи. Третья часть рукописи представляетъ изъ себя сборникъ разнообразнаго содержанія. На лл. 313—333 помѣщено «Епиѳанија архиепспи (sic) слово и житие. ст҃ыя бц҃а живота еа лѣтомъ»; на лл. 333 — 340 «Слов ст҃го іωна златоустаго архиепспа костантина град. о оумилени дш҃и кко бы пришла на покаание»; на лл. 340—342 «Слов ст҃го енадиа патриарха цр҃аград. о страсѣ бж҃и»; на лл. 342—343 об. «Слов ст҃го иоаина (sic). дш҃еполезно»; на лл. 343 об. — 363 «Пчела а си словца избраина (sic). от старьчьства. наказанья»;

на лл. 363—364 об. «Слов с҃го иоан. златаоуста. о матежи сеа жи»; на лл. 365—368 «Минеа общаа прроком и апслм ст҃лемъ прпдбнымъ. и сщнномч҃ником и мч҃нцамъ. и пдбнымъ женамъ»; конецъ этой статьи утраченъ.

Четвертая часть рукописи относится также къ XV в.; она состоитъ изъ двадцати четырехъ листовъ (369—392) и содержитъ Хоженіе Аѳанасія Никитина, напечатанное, какъ указано выше, по этому именно списку въ VI т. П. С. Р. Л.

Нашему изслѣдованію подлежитъ только первая часть рукописи, Ермолинскій лѣтописецъ. Но скажемъ нѣсколько словъ о лѣтописныхъ статьяхъ и о перечнѣ князей второй части, относящейся къ XVI вѣку.

Лѣтописный текстъ 7014 и 7015 (1506 и 1507) годовъ оказывается весьма сходнымъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ Софійской 1-й лѣтописи по списку Царскаго и Софійской 2-й лѣтописи (П. С. Р. Л. VI, 50—52 и 244—246). Такъ, напримѣръ, отъ текста Воскресенской лѣтописи нашъ текстъ отличается отсутствіемъ словъ «намѣстникъ же великаго князя Иванъ Хабаръ» въ описаніи осады Нижняго Магмедъ Аминемъ въ сентябрѣ 7014 года (этихъ словъ нѣтъ ни въ Софійской 2-й, ни въ Львовской, ни въ Никоновской, въ спискѣ же Царскаго они приписаны на поляхъ). Сходно съ спискомъ Царскаго мы читаемъ здѣсь въ описаніи апрѣльскихъ событій 7014 года: «послалъ князь велики Василеи Иванович всеа Рус брата своего кнзя Дмитріа Иваноча. и воеводъ своихъ въ судех ратью къ Казанѣ», тогда какъ и въ Соф. 2-й, и въ Никон. названъ воевода Ѳедоръ Бѣльскій (въ Воскресенской лѣтописи онъ не названъ). Сходно съ Софійской 2-й лѣтописью повѣствуется о присылкѣ царемъ Казанскимъ посла Абдулы, тогда какъ въ Софійской 1-й лѣтописи по списку Царскаго соотвѣтствующее мѣсто изложено кратко (также кратко и въ Воскресенской). Слѣдующаго извѣстія о нападеніи Зянсеитъ мурзы на Бѣлевскія, Одоевскія и Козельскія мѣста въ спискѣ Царскаго нѣтъ, но въ Соф. 2-й оно изложено почти такъ же, какъ въ нашей рукописи (въ Никоновской

какъ въ Соф. 2-й, а въ Воскр. очень кратко). Но одного извѣстія нашего текста нѣтъ ни въ Соф. 1-й, ни въ Соф. 2-й: освященія церкви Козьмы и Демьяна въ Москвѣ 7 ноября, въ четвергъ, 7014 года; въ другихъ лѣтописяхъ также не упоминается объ этомъ событіи. Подъ тѣмъ же годомъ, въ концѣ, ни въ Софійской, ни въ другихъ лѣтописяхъ не указано число, когда архимандритъ Андроникова монастыря Митрофанъ вошелъ въ новую кирпичную трапезу: 8 сентября 7015 года (извѣстіе о постройкѣ этой трапезы есть въ Соф. 1-й Царск., въ Воскр., и въ Русск. Вр.).

О позднѣйшей припискѣ, вслѣдъ за лѣтописной статьей 7015 года, о рожденіи Ивана Васильевича сказано выше.

Статья Кнзи руссти останавливаетъ на себѣ наше вниманіе нѣкоторыми хронологическими указаніями. Послѣднимъ въ рядѣ русскихъ князей названъ Дмитреи сынъ Ивана Ивановича; передъ его именемъ перечислены всѣ сыновья Ивана Васильевича. Замѣчательно, что надъ именами Дмитрія и отца его Ивана стоятъ киноварныя отмѣтки к҃ (20) и ѳі҃ (19); между тѣмъ такой отмѣтки надъ именемъ Василія Ивановича, великаго князя, нѣтъ. Изъ предыдущаго текста видно, что отмѣтки дѣлаются только на именахъ великихъ князей (13-й Иванъ Даниловичъ, 14-й Иванъ Ивановичъ[1]), 15-й Дмитрій Ивановичъ, 16-й Василій Дмитріевичъ, 17-й Иванъ Васильевичъ, очевидно, ошибкой вмѣсто слѣдующаго Василія Васильевича). Слѣдовательно, нашъ списокъ составленъ послѣ вѣнчанія Дмитрія Ивановича на престолъ, послѣ провозглашенія его великимъ княземъ (7006 = 1498 г.) и до опалы его и вѣнчанія Василія Ивановича (7010=1502 г.), т. е. между 1498 и 1502 годомъ. Быть можетъ, къ этому времени восходитъ не предполагаемый оригиналъ списка, а самый списокъ, такъ какъ почеркъ, которымъ онъ писанъ, можетъ восходить и къ концу XV вѣка. За именемъ Дмитрія слѣдуютъ перечни князей ростовскихъ (послѣднимъ названъ Владиміръ Ан-

1) Надъ именемъ Симеона Ивановича нѣтъ отмѣтки.

древичъ), тверскихъ (послѣдній Михаилъ Борисовичъ), бѣлозерскихъ (послѣдній Юрій Васильевичъ), смоленскихъ (послѣдній Өедоръ Юрьевичъ), ярославскихъ (о послѣднемъ Александрѣ Өедоровичѣ сказано: продал ярославль).

II.

Первая часть рукописи, содержащая лѣтопись, писана тремя различными почерками. Первый почеркъ идетъ отъ 1 до 122 л. (но 2 и 3 листъ, какъ попавшіе изъ конца рукописи, не должны идти въ счетъ), а затѣмъ отъ 273 листа до конца лѣтописи, т. е. до 297 листа, къ которому должно присоединить 2-й листъ, попавшій не на свое мѣсто. Вторымъ почеркомъ писаны лл. 122—273. Третій почеркъ на двухъ послѣднихъ листахъ лѣтописи (т. е. 2-мъ и 3-мъ, попавшихъ не на свое мѣсто). Итакъ первые два почерка принадлежатъ одному времени, при чемъ, видно, что два лица почти поровну раздѣлили между собой трудъ переписки: одно изъ нихъ переписало 145 листовъ (120 въ началѣ и 25 въ концѣ), другое 150 листовъ въ серединѣ. Третьему почерку отведено мѣсто только въ концѣ лѣтописи, въ текстѣ, очевидно, приписанномъ къ основному. Первыми двумя почерками написанъ лѣтописный текстъ отъ начала лѣтописи до 1481 года (первый почеркъ отъ начала лѣтописи до 1238 года и отъ 1445 до 1481 года; второй почеркъ отъ 1238 до 1445 года). Третьимъ почеркомъ написаны лѣтописныя статьи 1485 — 1488 годовъ, при чемъ статья 1485 года слѣдуетъ непосредственно за статьей 1481 года.

Итакъ основная часть лѣтописца доходила только до 1481 года; позже къ ней приписаны извѣстія 1485 — 1488 годовъ.

Вопросъ, когда именно составленъ нашъ лѣтописецъ, долженъ быть разрѣшенъ изъ сопоставленія только что указаннаго

обстоятельства—прекращенія основной части его на 1481 годѣ съ нѣкоторыми данными о лицѣ, которому принадлежалъ, повидимому, лѣтописецъ еще въ XV вѣкѣ, или точнѣе, для котораго онъ былъ составленъ. Рядъ статей, относящихся къ 1462—1472 годамъ, указываетъ на ближайшее отношеніе нашего лѣтописца къ личности Василія Дмитріева Ермолина, извѣстнаго въ свое время подрядчика или архитектора. Ермолинъ упоминается и въ другихъ лѣтописяхъ, но только какъ обновитель церкви св. Вознесенія въ 1467 году[1]; между тѣмъ въ нашемъ лѣтописцѣ и, насколько мнѣ извѣстно, только въ немъ дѣятельность Ермолина представляется гораздо болѣе широкой и на протяженіи указанныхъ выше одиннадцати лѣтъ имя его упоминается девять разъ. Приведу всѣ лѣтописныя статьи, гдѣ говорится объ Ермолинѣ.

6970 (1462). Того *ж* лѣта, мсца июл. кз҃. сщ҃на быс цр҃кв' камена ст҃ыи афонасеи, на москвѣ. во фроловьских воротехъ а придѣлъ у неа ст҃ыи[2]) пантелѣимонъ. а ставилъ еѣ васілеи дмитреевъ сн҃ъ ермолина.

Того *ж* лѣта стѣна поновлена городнаı. *от* свибловы стрѣлници до боровицкихъ воротъ, каменем, предстательствомъ васила дмитреева сн҃а ермолина.

6972 (1464). Того *же* лѣта, мц҃а июл, еі҃, поставленъ быс

1) Ср. Никон.: Того же лѣта обновлена церкви на Москвѣ, Вознесеніе каменое, великою княгинею Маріею Василіевою Василіевича.... По многихъ же пожарѣхъ, изгорѣвшу каменію около еа и сводомъ двигшимся, княгини же великаа Марія восхотѣ еа разобрати и нову поставити; а внутре еа все твердо бяше. Домысливъ же ся о семъ, Василій Дмитріевъ Ермолинъ съ мастеры каменщики церкви не разобраша всеа; но изъ надворья горѣлой камень весь обламаша, и своды двигшаася разобраша и одѣлаша еа около всю новымъ каменемъ да кирпичемъ ожыганымъ, и своды сведоша, и всю съвершиша, яко дивитися всѣмъ необычному дѣлу сему (П. С. Р. Л. XII, 118). То же въ Воскр. короче, безъ имени В. Д. Ермолина, и въ Русск. Вр. II, 51. Еще короче въ Соф. 2-й (П. С. Р. Л. VI, 187) и въ сп. Царскаго Соф. 1-й лѣтописи (V, 272). Краткое извѣстіе также въ Львовской подъ 1468 (II, 367). Нѣтъ основанія признавать Ермолина «добрымъ слугой» великой княгини Маріи, какъ это дѣлаетъ Забѣлинъ (Исторія города Москвы, с. 246).

2) Здѣсь зачеркнуто афонасеі.

стыи великии мчнкъ георгии, на воротех на фроловьскихъ, рѣзанъ на камени, а нарядом васильевымъ дмитреева сна ермолина.

6974 (1466). Поставлен быс, стыи великіи мчнкъ дмітреи, на фроловьских воротех изнутри града, а рѣзанъ в камени, а повелѣниемь василья дмитреева сна ермолина.

6975 (1467). Того же лѣта црквь камену стое вознесение обновлено внутрі града, что была заложила кнгні великаꙗ евдокиꙗ, после своеѧ огсдря великаѧ кнзя, дмитреа иоановича, повелѣниемъ великиѣ кнгни мрьи, а предстательством, васила дмитреева сна ермолина.

6977 (1469). Того ж лѣта в серьгѣевѣ монастыри, у трци поставили трапезу камену, а предстатель у неѣ былъ, василеи дмітреевъ снъ ермолина.

Того ж лѣта в володимери, обновили двѣ цркви камены, воздвиженіе в торгу, а другоую на золотыхъ воротех. а предстательствомь васильꙗ дмитреева сна ермоліна.

6979 (1471). Того ж лѣта во градѣ юрьевѣ в полском, бывала црквь камена стыи георгии, а придѣл стаꙗ трца. а рѣзаны на камені вси. и розвалилися вси до землі. повелѣниемь. кнзя великог, василѣи дмитреевь, тѣ цркви собралъ вси изнова. и постави как и прежде.

6980 (1472). Тое же весны мсца апрѣл. въ ї. филипъ митрополитъ, заложи црквь успеніе стыꙗ бца на площади у своего двора, а разроушы црквь камену же, юже петръ митрополит заложилъ, и выняша мощи стго петра митрополита, и феогнаста, и кипріана, и ѳотіа, и иону, митропота (sic), а предстатель были у тоѣ цркви, василеи дмитреевь, да иванъ голова, володимеровъ, и промежь ихъ быс пря, и отступися всего наряда василеи, а иванъ почя наряжати.

Приведенныя данныя представляютъ, съ одной стороны, общій интересъ, такъ какъ большая часть упомянутыхъ здѣсь построекъ и реставрацій осталась неотмѣченной другими лѣто-

писями. Особенно интересно сообщеніе о реставраціи Ермолинымъ въ 1471 году Юрьевскаго собора: это цѣнное извѣстіе не отмѣчено историками русскаго искусства[1]). Любопытно также сообщеніе о томъ, что Ермолинъ отступился отъ постройки Успенскаго собора, послѣ чего за работу взялся Иванъ Голова: о предполагавшемся въ этомъ дѣлѣ участіи Ермолина лѣтописи умалчиваютъ, но подробно разсказываютъ о томъ, какъ начата была постройка новаго собора въ 1472 году, какъ въ 1473-мъ митрополитъ Филиппъ, умирая, поручилъ наблюсти за окончаніемъ постройки Владиміру Григорьевичу и сыну его *Ивану Головѣ*, при чемъ въ слѣдующемъ 1474 году пала вновь воздвигнутая церковь: «отъ великія тоя высоты и отъ тяжкихъ сводовъ иже на дщую ту стѣну», объясняетъ лѣтопись (Воскр., Никон.)[2]). Въ Софійской 2-ой и Львовской названы зодчіе мастера, которыхъ пригласилъ къ постройкѣ собора Филиппъ митрополитъ — это Иванъ Кривцовъ и Мышкинъ; а причина разрушенія, по этимъ лѣтописямъ, была установлена вызванными изъ Пскова мастерами: «они же дѣло ихъ похвалиша, что гладко дѣлали, да похулиша деи извести, занеже жидко растворяху, ино не клевито» (П. С. Р. Л. VI, 198).

Съ другой стороны, эти данныя позволяютъ утверждать объ особой связи нашей лѣтописи съ зодчимъ В. Д. Ермолинымъ, по имени котораго она можетъ быть названа Ермолинскою. Итакъ, надъ нашею лѣтописью (быть можетъ, не надъ нею, а надъ ея протографомъ) работалъ современникъ Ермолина, въ семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія.

---

1) Ср. Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. VI, с. 39.

2) Кратко объ этомъ паденіи въ нашей лѣтописи: того ж лѣта (6982) мая ка а҃ час нощи, раздрушися црк҃вь новая пречистая б҃ца, не довершена, ея же нача здати Филипъ митрополит.

III.

Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи изслѣдуемой лѣтописи должны быть разсмотрѣны двѣ лѣтописныя статьи, поражающія насъ своею оригинальностью. Въ нихъ слышится голосъ современника о событіяхъ, поразившихъ его своею жгучею дѣйствительностью; разсуждая о нихъ, онъ раскрываетъ свою душу, прибѣгая при этомъ то къ энергическому обличенію, то къ жестокой насмѣшкѣ. Рѣдко проскакиваютъ подобныя мѣста въ дошедшія до насъ лѣтописи: ихъ стирала рука переписчиковъ, уже чуждыхъ тѣхъ страстей, которыя волновали современниковъ, ихъ умышленно изгоняли редакторы оффиціальныхъ сводовъ.

Приводимъ эти статьи.

Подъ 6970 (1462) г., согласно съ другими лѣтописями (Никон., Воскр., Льв. и др.) говорится, что весной до великаго князя дошелъ слухъ, будто многіе боярскіе дѣти князя Василія Ярославича, заточеннаго въ Угличъ въ 1456 году, задумали освободить его нѣкоею хитростью и бѣжать съ нимъ; тогда великій князь (Василій Васильевичъ) велѣлъ схватить Володьку Давыдова, Парфена Бреина, Луку Посивьева и многихъ другихъ и предать ихъ сначала жестокимъ мученіямъ, потомъ смерти. Всѣ до сихъ поръ извѣстныя лѣтописи воздерживаются отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ: характерно, что Никоновская и Воскресенская умалчиваютъ о томъ, что казнь[1]) совершена великимъ постомъ на Ѳедоровой недѣлѣ (ср. объ этомъ между прочимъ въ Хроногр. спискѣ Новгородской 4-й лѣтописи и въ спискѣ Царскаго Софійской 1-й); характерно также, что слово незнаемою послѣ казнью въ фразѣ «повелѣ ихъ казнью незнаемою казнити»

1) «И повелѣ всѣхъ имати, и казнити, и бити кнутьемъ, и сѣчи руки и ноги, и носы рѣзати, а инымъ главы отсѣкати».

въ спискѣ Царскаго вымарано (П. С. Р. Л. V, 273, прим. а). Въ болѣе неприкрашенномъ видѣ выступаетъ извѣстіе о жестокой казни въ Софійской 2-й и Львовской: «князь же велики повелѣ казнити ихъ немилостивно, на лубіѣ волочити по леду, привязавъ конемъ къ хвосту, на Ѳедоровой недѣли, иныхъ повелѣ посѣчи, а иныхъ перевѣшать». Но и здѣсь не находимъ слова осужденія излишней жестокости великаго князя. Въ Ермолинской лѣтописи читаемъ:

«множество же народа видяще сіа, *от* бояръ и *от* купецъ великихъ, и *от* сщ҃нико*в* и *от* просты*х* людеи, во мнозѣ быша ужасѣ и удивлении, и жалостно зрѣние, яко всѣхъ убо очеса бяху сле*з* исполнени, яко николи*ж* таковая, ни слышаша, ниже видѣша, въ русски*х* кн҃зехъ бываемо, понеже бо и не достоино бяше, православному великому осподарю, во всеи по*д*сл҃чнои соущю, и такіми казньми казнити и кров' проливати, во ст҃ыи великіи пос».

«Православному великому осподарю во всеи подсолнечнои сущю»—это напоминаетъ обращеніе старца Филоѳея къ московскому великому князю: «единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь». Греческое царство разрушено: единственнымъ на свѣтѣ православнымъ государемъ остался московскій великій князь. Отсюда, по толкованію русскихъ людей, вытекали его политическія права, но отсюда же они заключали о нравственныхъ обязательствахъ, на немъ лежавшихъ. Казни великаго князя Василія Васильевича возмутили русскаго человѣка, оскорбили его нравственное чувство, оскорбили и тотъ идеалъ, которому долженъ былъ отвѣчать московскій государь.

Подъ 6971 (1463) годомъ, вслѣдъ за другими лѣтописями, мы находимъ въ Ермолинской извѣстіе объ обрѣтеніи въ городѣ Ярославлѣ мощей в. кн. Ѳедора Ростиславича Смоленскаго и его сыновей Константина и Давыда (ср. Воскр., Никон., Соф. 2-я, Русск. Вр., Льв. —въ разныхъ редакціяхъ, съ разными подробностями). Непосредственно за сообщеніемъ «и почало *от* ихъ гроба прощати, множество людеи безчислено»—читаемъ:

«сии бо чю*до*творци явишася, не на добро всѣ*м* кн҃земъ ярославскимъ, простiлися со всѣми своими о*т*чинамі на вѣкъ, подавали ихъ великому кн҃зю ивану васильевичю, а кн҃зь велики противъ ихъ о*т*чiны, подавалъ имъ волости и села, а изъ старины печаловался о ни*х* кн҃зю великому старому, алекси полуектови*ч*, дьяк великог кн҃зя, чтобы о*т*чина та не за німи была».

Важно отмѣтить теперь же, что то же приблизительно читается еще въ двухъ напечатанныхъ лѣтописяхъ, а именно въ Хронографическомъ спискѣ Новгородской 4-й лѣтописи и въ стоящей въ тѣснѣйшей зависимости отъ этого списка (точнѣе— его протографа) лѣтописи, которую принято называть Отрывкомъ русской лѣтописи по Новоіерусалимскому — Воскресенскому списку (П. С. Р. Л. IV, 148, Соф. Временникъ изд. Строева II, 341, а также П. С. Р. Л. VI, 277)[1]). Наконецъ, то же извѣстіе, что въ Новгор. 4-й Хроногр., находимъ въ рукописи Погод. собр. № 1409, о которой см. ниже. А. В. Экземплярскій справедливо отмѣтилъ иронію, скрытую въ этихъ словахъ[2]). Но иронія этихъ словъ глубже, чѣмъ можно было заключать на основаніи лѣтописей, до сихъ поръ обнародованныхъ. Ермолинскій списокъ позволяетъ думать объ ироническомъ отношеніи лѣтописца и къ самому чудесному явленію мощей ярославскихъ чудотворцевъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ его, помѣщенныхъ непосредственно за приведеннымъ выше отрывкомъ:

«а послѣ тог в то*м* же градѣ ярославли, явися новыи чюдотворець, иоанъ огафоновичь сущеи, созиратаи ярославьскои земли, у ког село добро, инъ о*т*нялъ, а у кого деревня добра инъ

1) Хроногр. сп. Новг. 4-й, а также Погод. №№ 1409: «А княземъ Ярославскымъ прощеніе же доспѣлося со всѣми вотчинами, отдавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а печялованіемъ изъ старины Олексѣевымъ Полуехтовича діака великаго князя». То же извѣстіе, но уже безъ всякой ироніи и связи съ новоявленными мощами въ Архангелогородской лѣтописи подъ 1463 годомъ.

2) Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси, т. II, с. 95, прим. Иронія отмѣчена и Соловьевымъ, Исторія Россіи, т. I (2-е изд. 1895 г.), стр. 1578.

*от*нялъ, да *от*писалъ на великог кнзя, а кто будеть *сам* добръ, боаринъ или снъ боярьскои, инъ его *самого* записа*л*, а иныхъ его чюдесъ множество, не мощно исписати и исчести, поне*ж* во плоти суще цьяшосъ» (т. е. дьяволъ по тарабарскому письму)[1]).

Лѣтописная статья 1463 года сближаетъ, какъ ясно изъ предыдущаго, Ермолинскую лѣтопись съ Хронографическимъ спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи. Можно ли въ виду этого приписывать ироническій комментарій къ ярославскому событію составителю Ермолинской лѣтописи? Не восходитъ ли онъ къ одному изъ источниковъ этой лѣтописи, отразившемуся также въ Хронографическомъ спискѣ? Мнѣ кажется, что первый изъ двухъ вопросовъ долженъ получить отрицательный, а второй утвердительный отвѣтъ, и при томъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Хронографическій списокъ Новгородской 4-й лѣтописи представляетъ изъ себя переработку, на основаніи той особой редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, которая отразилась напр. въ Лѣтописи Аврамки, а также и другихъ московскихъ источниковъ, обширнаго новгородскаго свода, доведеннаго до 1491 года и представлявшаго въ основной своей части до 1446 года обыкновенный текстъ Новгородской 4-й лѣтописи, въ дополнительной же отъ 1447 до 1491 года заимствованія изъ свода неновгородскаго происхожденія. Тотъ же сводъ новгородскій 1491 года легъ въ основаніе новгородскаго же свода 1539 года, представленнаго спискомъ Дубровскаго Публичной Библіотеки; изъ протографа этого послѣдняго заимствована была часть отъ 1445 до 1538 года для дополненія одного изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи: такъ возникъ протографъ Отрывка русской лѣтописи по

1) Составитель протографа Погод. №№ 1409, откуда взятъ текстъ Хроногр. списка, не понялъ этого мѣста, бывшаго въ его источникѣ, и передалъ его такъ: «И послѣ того у нихъ Иванъ Сухой чюдеса творити почялъ по всей Ярославской вотчинѣ». Итакъ, ссылка Е. Е. Голубинскаго на Хронографич. списокъ и Отрывокъ Новоіерусал.-Воскресенск. въ его Исторіи канонизаціи святыхъ (изд. 2-е, стр. 580) должна быть дополнена указаніемъ, что Иванъ Сухой явился вслѣдствіе недоразумѣнія вмѣсто Ивана Агаѳ. Сущаго, великокняжескаго намѣстника.

Новоіерусалимскому списку; изъ него же заимствована часть отъ 1479 до 1539 года для дополненія Московскаго свода 1480 года; такъ возникла Ростовская лѣтопись Моск. Архива Иностр. Дѣлъ [1]). Сводъ неновгородскаго происхожденія, откуда была заимствована въ Новгородскій сводъ 1491 года часть отъ 1447 до 1491 года, послужилъ для дополненія одного изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи: такъ возникъ списокъ Царскаго [2]). Теперь для меня выяснился непосредственный источникъ, послужившій при составленіи списка Царскаго: это лѣтопись, представленная Погод. № 1409. Текстъ ея, начиная съ того мѣста, гдѣ списокъ Царскаго расходится съ другими списками Соф. 1-й лѣтописи, почти тожественъ съ текстомъ списка Царскаго, но мѣстами первоначальнѣе его; въ этихъ мѣстахъ онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, сближается съ Хроногр. спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи. Можно думать что протографъ Погод. № 1409 послужилъ непосредственнымъ источникомъ, откуда заимствована въ новгородскій сводъ 1491 года часть отъ 1447 до 1491 года. Текстъ этого протографа представляется соединеніемъ Хронографа древней редакціи съ извлеченіями изъ обширнаго неновгородскаго свода. Есть основаніе думать, что тотъ же сводъ послужилъ источникомъ дополненій, внесенныхъ и въ обѣ части Тверского сборника, а частью также и въ Воскресенскую [3]). Онъ же отразился въ Соф. 2-й и Львовской лѣтописяхъ [4]). Слѣдовательно, о вліяніи нашей Ермолинской лѣтописи на Хронографическій списокъ Новгородской 4-й лѣтописи не можетъ быть и рѣчи. Но общія между обоими памятниками мѣста доказываютъ пользованіе однимъ общимъ источникомъ, а таковымъ, согласно предыдущему, могъ

1) Доказательства этихъ положеній см. въ моемъ Изслѣдованіи о такъ называемой Ростовской лѣтописи (Чтенія Общ. ист. и др. при Моск. Универс. за 1903 г.).

2) Подробности и доказательства см. въ сентябрьской кн. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1900 г., стр. 137—138.

3) См. тамъ же, стр. 144—146, а также въ октябрьской кн. того же года, стр. 139—141.

4) Ср. октябрьскую кн. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1900 г., стр. 148 и сл.

быть тотъ обширный лѣтописный сводъ неновгородскаго происхожденія, который повліялъ на значительное число лѣтописныхъ компиляцій.

Тожество, хотя и искаженное позднѣйшими переписчиками и редакторами, статьи 1463 года въ Ермолинской лѣтописи и Хронографическомъ спискѣ несомнѣнно: въ обоихъ вслѣдъ за извѣстіемъ объ открытіи въ Ярославлѣ мощей—ироническое замѣчаніе о продажѣ ярославскими князьями ихъ вотчинъ московскому великому князю и далѣе сообщеніе о дѣятельности въ ярославской области великокняжескаго намѣстника Ивана Сущаго, натворившаго въ томъ же 1463 году много вопіющихъ несправедливостей, иронически названныхъ чудесами. Ясно, что тѣ же статьи и при томъ въ той болѣе первоначальной редакціи, которая сохранилась въ Ермолинской лѣтописи, читались въ общемъ для Хроногр. списка (для его протографа, свода 1491 года) и для Ермолинской лѣтописи источникѣ, а таковымъ, согласно предыдущему, былъ какой-то обширный сводъ, какъ мы говорили неновгородскаго происхожденія, сводъ доведенный въ одной изъ редакцій до семидесятыхъ или начала восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія (ср. пользованіе имъ со стороны Ермолинской лѣтописи), въ другой до 1491 года, въ третьей, какъ увидимъ, еще дальше. Что же это за сводъ? Какъ проникли въ него рѣзкія осужденія великаго князя (подъ 1462 г.), насмѣшки надъ ярославскими чудотворцами (подъ 1463 г.)?

Отрицательное отношеніе къ московскому великому князю и къ московской администраціи весьма характерно. Еще болѣе характерно то, что въ возстановляемомъ, согласно предыдущему, на основаніи Хронографическаго списка, списка Царскаго, Софійской 2-й и Львовской, а также и другихъ лѣтописей, сводѣ находились и другія мѣста, однородныя съ приведенными и относящіяся при томъ къ событіямъ той же второй половины XV в., когда жилъ современникъ, рѣзко выразившій свой независимый взглядъ въ лѣтописныхъ статьяхъ 1462 и 1463 годовъ. Приведу эти мѣста:

Подъ 6976 (1468) мы читаемъ въ Хронографич. спискѣ, въ Погод. № 1409 и короче въ спискѣ Царскаго о походѣ великокняжеской рати на Казань. «И Татарове были вышли на нихъ изъ судовъ, а наши хотѣли ихъ заскочити отъ берега, и нѣкто уноша именемъ Аидаръ, постелникъ великаго князя, наполнився духа ратна и не отпустя ихъ ни мало отъ судна, и кликну на нихъ, они же устрашившеся и вметашася въ суды и побѣгоша на Волгу; въ той день содѣяся спасеніе велико Тотаромъ, здоровьемъ Григорьева сына Карповичя Аидаровымъ». Иронія и саркастическое отношеніе къ неудачѣ московскихъ воеводъ очевидны.

Подъ 6977 (1469) тамъ же сообщается о новомъ походѣ на Казань. «И судовая рать напередъ пришла, мая 21, въ недѣлю 50, на ранней зорѣ, и взяти имъ было Казань, пришли безвѣстно — и пожаловалъ ихъ нашь воевода, именемъ Иванъ Дмитреевичь, нарицаемый Руно, отбилъ ихъ отъ воротъ прочь, а Тотаромъ всѣмъ спящимъ».

Подъ 6980 (1472) читаемъ тамъ же о походѣ Ахмата Кичіахметевича подъ Алексинъ. Въ этомъ городѣ былъ воевода именемъ Семенъ Васильевичъ Беклемишевъ, «человѣкъ на рати велми храбръ, и повелѣ ему князь великый осаду распустити, понеже не успѣша доспѣха ничего же запасти, чимъ битися съ Татары; онъ же хотѣ у нихъ посула, гражане Олексинци даваша ему пять рублевъ, и захотѣ у нихъ шестого рубля еще женѣ своей[1]), и се имъ глаголющимъ, оже (чит. уже) пріидоша Татарове, Семенъ же побѣже за рѣку Оку, съ женою и съ слугами, и Тотарове за нимъ въ рѣку».

Подъ 6989 (1481) въ Хронографич. спискѣ (П. С. Р. Л. IV, 154), Погод. № 1409, въ Соф. 2-й и Львовской читаемъ: «Тое же зимы пріиде великая княини Софья изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала отъ Татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никто же; и по которымъ странамъ ходили (Хроногр. ходила), чѣмъ пущи Та-

1) Слова и захотѣ у нихъ еще шестаго рубля женѣ своей въ сп. Царскаго зачеркнуты (V, 81, пр. а).

таръ отъ боярьскыхъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскыхъ. Воздай же имъ, Господи, по дѣломъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ, по дѣломъ руку ихъ даждь имъ»[1]).

Подъ 1480 въ Соф. 2-й и Льв.: «Князь же велики съ сыномъ и съ братьею и со всѣми воеводами поидоша къ Боровску, глаголюще яко на тѣхъ поляхъ съ ними бой поставимъ, и слушающи злыхъ человѣкъ сребролюбець, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестьяньскыхъ, а норовниковъ бесерменьскыхъ, иже глаголютъ побѣжати и не мози съ ними стати на бой; самъ бо діаволъ ихъ усты глаголаше, той же, иже древле вшедъ въ змію и прелсти Адама и Евву. И ужасъ наиде на нь и восхотѣ бѣжати отъ брегу, а свою великую княиню Римлянку и казну съ нею посла на Бѣлоозеро, а мати же его великая княини не захотѣ бѣжати, но изволи въ осадѣ сидѣти, а съ нею и съ казною послалъ Василья Борисовича, и О. М. Плещѣева, и діака Василья Долматова; а мысля будетъ Божіе разгнѣваніе, царь перелѣзетъ на сю страну Оки и Москву возметъ и имъ бѣжати къ Окіяну морю». То же короче, но частью въ болѣе первоначальной редакціи, какъ видно изъ бо́льшей связи начала извѣстія съ продолженіемъ, читаемъ въ Хроногр. сп. Новгородской 4-й (IV, 154) и въ сп. Царск. Соф. 1-й: «Егда же рѣка ста, тогда же князь великый Иванъ Васильевичь повели сыну своему великому князю Ивану, и брату своему князю Ондрѣю Васильевичю, и всѣмъ княземъ и воеводамъ, со всѣми силами отступити отъ брега и прити къ себѣ на Кременецъ, боящеся Татарского прехоженіа [2]), а слушаючи злыхъ человѣкъ, сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатыхъ, предателей христіанскыхъ, а

---

1) Но въ Отрывкѣ и въ такъ называемой Ростовской лѣтописи это мѣсто опущено. Въ спискѣ Царскаго кратко: «Тоеже зимы пріиде великая княгини Софія съ Бѣлаозера».

2) Въ Соф. 2-й и Льв. эти слова въ измѣненномъ видѣ читаются выше; они отдѣлены отъ фразы «и пріидоша на Кременескъ. Князь же велики съ сыномъ и съ братіею и со всѣми воеводами поидоша къ Боровску» (см. выше) вставкой о сидѣніи въ Москвѣ и о чудесномъ заступленіи св. Богородицы, вслѣдствіе котораго бѣжали татары.

наровниковъ бесерменьскыхъ, иже глаголютъ: побѣжи, не можеши стати съ ними на бой; самъ бо діаволъ усты ихъ глаголаше, той же древле вшедъ въ змію и прелсти».

Ниже подъ тѣмъ же годомъ, послѣ посланія архіепископа Вассіана, отправленнаго имъ къ великому князю на Угру, мы читаемъ въ Соф. 2-й и Льв.: «Князь же велики не послушая того писанія владычня Васіянова, но совѣтниковъ своихъ слушаше Ивана Васильевича Ощеры, боярина своего, да Григорья Ондрѣевича Мамона, иже матерь его князь Иванъ Ондрѣевичь Можайской за волшество сжегъ[1]). Тѣ же бяху бояре богати, князю великому не думаючи противъ Татаръ за хрестьянство стояти и битися, думаючи бѣжати прочь, а хрестьянство выдати, мняя тѣмъ безъ року смерть бьющимся на бою и помышляюще богатество много, и жену и дѣти ... Князь же велики повинуся ихъ мысли и думѣ, оставя всю силу у Оки на березѣ, а городокъ Коширу самъ велѣлъ сжечи, и побѣжа на Москву... И яко бысть на посадѣ у града Москвы, ту же гражане ношахуся въ градъ въ осаду, узрѣша князя великаго и стужиша, начаша князю великому обестужився глаголати и извѣты класти, ркуще: «егда ты, государь, князь велики, надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогды насъ много въ безлѣпицѣ продаешь; а нынѣча разгнѣвивъ царя самъ, выхода ему не платывъ, насъ выдаешь царю и Татаромъ». Далѣе слѣдуютъ обличительныя рѣчи Вассіана къ великому князю—«и много сице глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя». Ниже храбрость сына великаго князя, Ивана Ивановича, противопоставляется позорному поведенію отца: «онъ же мужество показа, брань прія отъ отца, а не ѣха отъ берега, а хрестьянства не выда».

Ясно, что всѣ эти мѣста не могли попасть въ оффиціальную запись о событіяхъ 1480—1481 года, что они попали въ до-

1) Ср. объ этомъ въ Соф. 2-й, Льв. и др. подъ 6951 (1443) безъ указанія, за что именно была сожжена Марія, жена боярина Андрея Дмитріевича. Въ Ермол. сказано без лепъ (безъ основательной причины).

шедшія до насъ лѣтописи изъ такого источника, гдѣ составитель позволялъ себѣ независимое сужденіе о политикѣ великаго князя. Въ свое время эти мѣста Софійской 2-й лѣтописи обратили на себя вниманіе И. А. Тихомирова. Въ «Обозрѣніи состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ» почтенный изслѣдователь подробно разсмотрѣлъ отношеніе текста Воскресенской и Софійской 2-й въ предѣлахъ 1480—1481 годовъ и пришелъ къ выводу, что до насъ дошла оффиціальная редакція разсказа объ этихъ событіяхъ, въ Воскресенской лишь отчасти, а въ Софійской 2-й въ значительной степени измѣненная вставками, сдѣланными подъ вліяніемъ другого враждебнаго разсказа[1]). Сравнительный анализъ Воскресенской, Никоновской и Софійской 2-й лѣтописи доказываетъ, по мнѣнію Тихомирова, «что наряду съ оффиціальною лѣтописью существовала въ Москвѣ и лѣтопись неоффиціальная, нашедшая себѣ мѣсто въ одномъ изъ сводовъ рядомъ съ извѣстіями оффиціальными. Въ эту частную лѣтопись записывались извѣстія съ прибавленіемъ слуховъ, циркулировавшихъ по поводу того или другого случая, съ прибавленіемъ объясненій того или другого обстоятельства, съ выраженіемъ симпатій или антипатій къ тому или другому лицу. Слѣды этой частной лѣтописи сохранились въ такъ-называемомъ Софійскомъ 2-мъ сводѣ»[2]).

Сказанное выше позволяетъ сдѣлать болѣе опредѣленные выводы: какая-то неоффиціальная лѣтопись, послужила источникомъ въ разныхъ своихъ редакціяхъ для Ермолинской лѣтописи (въ редакціи не позже 1481 года), для протографа Хронографическаго списка (въ редакціи 1491 года), для списка Царскаго, для Соф. 2-й и Львовской лѣтописей. Ясно, что она велась изъ году въ годъ. Это дѣлаетъ сомнительнымъ ея частный характеръ: надъ ней работали не случайные любители — книжники, а постоянные лѣтописцы, очевидно, при какомъ-нибудь учрежденіи. Вопросъ — что же это было за учрежденіе?

1) Ср. стр. 32—36.
2) Тамъ же, стр. 82.

Отмѣчу прежде всего, что извѣстія 1463 года о продажѣ Ярославскаго княженія и о чудесахъ Ивана Агаѳоновича Сущаго изобличаютъ не москвича. Лѣтописецъ, какъ это видно и изъ Ермолинской лѣтописи и изъ Хронографическаго списка Новгородской 4-й лѣтописи, съ недоброжелательствомъ отзывается объ уступкѣ Ярославскаго княженія московскому великому князю; онъ иронизируетъ и надъ князьями Ярославскими и надъ самимъ великимъ княземъ (и изъ старины печаловался о них кнзю великому старому, Алекси Полуектович, дьяк великог кнзя, чтобы отчина та не за ними была). Разсказъ о притѣсненіяхъ московскаго «созиратая Ярославской земли», вызвавшихъ возмущеніе въ лѣтописцѣ, рѣшившемся назвать Ивана Сущаго суще дьяволомъ, свидѣтельствуетъ какъ будто о ярославцѣ. Но судьба Ярославскаго княженія интересовала не однихъ ярославцевъ; она близко касалась и Ростова, епископскаго центра, которому былъ подчиненъ Ярославль. Не въ Ростовѣ ли при владычнемъ дворѣ появились записи о событіяхъ 1463 года, не тамъ ли велась самая лѣтопись, которую И. А. Тихомировъ справедливо противопоставилъ московской, оффиціальной?

Противъ такого предположенія говоритъ, казалось бы, текстъ лѣтописной статьи того же 1463 года, какъ она читается въ Ермолинской лѣтописи (и сокращенно въ Хронографич. спискѣ). Здѣсь обнаруживается насмѣшливое отношеніе къ мощамъ новоявленныхъ ярославскихъ угодниковъ. Странно вообще звучатъ въ устахъ русскаго книжника того времени слова какъ: «сии бо чюдотворци явилися не на добро всѣмъ княземъ ярославьскимъ», странно назвать Ивана Агаѳоновича, грабителя и притѣснителя, новымъ чудотворцемъ. Но еще страннѣе было бы какъ будто найти подобное отношеніе къ мощамъ, признаннымъ святыми церковью въ лицѣ самого митрополита, во владычней лѣтописи. Вспомнимъ, однако, что архіепископъ ростовскій Трифонъ усомнился въ святости открытыхъ архимандритомъ Спасскимъ Христофоромъ съ братіею мощей: «Той же невѣріемъ одержимъ, не имяше вѣры, мняше волшество быти», говоритъ Московская лѣ-

топись. «Епископъ Ростовъскый Трифонъ слышавъ чюдеса и исцѣлениа многа въ градѣ Ярославлѣ отъ гроба новоявленныхъ чюдотворцевъ... и не вѣрова чюдесемъ ихъ быти», говоритъ составитель Житія и сказанія о чудесахъ Өедора Смоленскаго и Ярославскаго и его сыновъ, іеромонахъ Антоній[1]). Трифонъ счелъ даже нужнымъ произвести слѣдствіе объ этихъ мощахъ. Для этого онъ послалъ въ Ярославль соборнаго протопопа ростовскаго Константина, тоже невѣровавшаго въ святость новоявленныхъ угодниковъ, и это несмотря на то, что Христофоръ дѣйствовалъ не одинъ, а вмѣстѣ «со всѣмъ священнымъ соборомъ съ благовѣрнымъ великымъ княземъ Александромъ Федоровичемъ Ярославскимъ». Константинъ даже ярился на игумена (такъ называетъ архимандрита Христофора іеромонахъ Антоній), «мня симъ чюдотвореніемъ игуменъ много богатство пріобрѣте». Но невѣрующій протопопъ былъ чудеснымъ образомъ наказанъ, когда вздумалъ потревожить мощи. Услышавъ объ этомъ, Трифонъ покаялся и оставивъ изъ-за этого свое владычество, поселился даже въ монастырѣ св. Спаса, «идѣже святыи чудотворцы лежатъ и ту пребысть плачася и до смерти своея». Не забудемъ однако, что это случилось только въ 1467 году (ср. Воскр., Соф. 2-я и Льв.); слѣдовательно, въ 1463-мъ лѣтопись при Ростовскомъ владычнемъ домѣ могла съ ироніей и недовѣріемъ отозваться о ярославскихъ мощахъ; приведенный выше текстъ даже прямо ведетъ къ такой лѣтописи, такъ какъ врядъ ли въ другомъ мѣстѣ, кромѣ архіепископскаго дома въ Ростовѣ, сомнѣвались въ ярославскихъ чудотворцахъ.

Не находятся ли еще подтвержденія сдѣланному нами предположенію, по которому главнымъ источникомъ Львовской (и Соф. 2-й), дополнительнымъ для новгородскаго свода 1491 г. (Хроногр. списокъ, Отрывокъ русск. лѣт. и такъ называемая

1) Онъ составилъ житіе и сказаніе по благословенію митроп. Филиппа, слѣдовательно, до 1472 года. Текстъ житія и сказанія въ Усп. сп. Мак. Чет.-Миней подъ 19 сентября. Отрывки изъ него внесены въ протографъ Львовской и Соф. 2-й.

Ростовская лѣтопись), для списка Софійской 1-й лѣтописи Царскаго[1]) была Ростовская владычняя лѣтопись? Думаю, что подобнымъ подтвержденіемъ является статья 6904 (1396) года, которая содержитъ списокъ ростовскихъ епископовъ.

Эта статья въ древнѣйшемъ своемъ видѣ читалась въ полихронѣ, т. е. общерусскомъ митрополичьемъ сводѣ, составленномъ при митрополитѣ Фотіи, въ 1423 году. Въ полихронъ она попала изъ Ростовской лѣтописи. Списокъ оканчивался именемъ Григорія, поставленнаго въ архіепископы въ 1396 году: 35. сеи григории. Изъ полихрона въ неизмѣненномъ видѣ статья перенесена въ московскіе лѣтописные своды: ср. ее въ такъ называемой Ростовской лѣтописи, представляющейся въ основной части московскимъ сводомъ, доведеннымъ до 1480 года. Въ такомъ же неизмѣненномъ видѣ она читалась въ древнѣйшей редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, доведенной до 6936 (1428) года, какъ это можно заключить изъ двухъ выборокъ, сдѣланныхъ изъ этой редакціи составителемъ любопытнѣйшей рукописи, принадлежавшей Карамзину, а теперь хранящейся въ Публичной Библіотекѣ (F. IV. 603): ср. вторую выборку подъ 6904 годомъ, при чемъ за именемъ Григорія оставлены незаписанными четыре строки.

Но въ той редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, которая доводитъ лѣтописный разсказъ до 1446—1447 года (основной текстъ изданной въ IV т. П. С. Р. Л. лѣтописи), мы въ этомъ спискѣ видимъ прибавленіе именъ ростовскихъ владыкъ Діонисія и Ефрема (IV, 102). Эта редакція Новгородской 4-й лѣтописи дополняетъ текстъ предшествующей редакціи не только новгородскими, но и обще-русскими событіями. Весьма вѣроятно, что обще-русскія событія черпались въ части отъ 1429 до 1446 года изъ Ростовскаго владычняго свода, такъ какъ текстъ ихъ сходится и со спискомъ Царскаго и съ Львовскою лѣтописью,

---

1) Для Новгор. св. 1491 года и сп. Царскаго, согласно предыдущему, непосредственный источникъ отыскивается въ протографѣ Погод. № 1409.

восходящими, какъ предположено, къ этому своду. Ефремъ владычествовалъ отъ 1427 до 1454 года. Слѣдовательно, можно предполагать существованіе Ростовскаго владычняго свода въ редакціи не позднѣе 1454 года.

Мы указывали выше основанія, по которымъ слѣдуетъ допустить вліяніе Ростовскаго владычняго свода на Ермолинскую лѣтопись: и вотъ подъ 6904 годомъ видимъ новое распространеніе списка; противъ списка Новгородской 4-й лѣтописи прибавлены имена Θеодосія, Трифона и Вассіана Рыла (григореи. еөрѣмъ. феодсеи. труфанъ. васьянъ рыло). Послѣдній умеръ въ 1481 году. Заключаемъ отсюда, что Ермолинская лѣтопись знала Ростовскій владычній сводъ въ редакціи не позднѣе этого 1481 года.

Мы упоминали выше о вліяніи Ростовскаго владычняго свода на Львовскую и Софійскую 2-ю лѣтописи. Списокъ ростовскихъ архіепископовъ продолженъ въ Софійской 2-й до Тихона (42. сей Тихонъ: VI, 128). Тихонъ владычествовалъ съ 1489 по 1503 годъ. Слѣдовательно протографъ указанныхъ лѣтописей пользовался Ростовскимъ владычнимъ сводомъ въ редакціи 1489—1503 годовъ. Протографъ Львовской и Софійской 2-й лѣтописи или основной источникъ этого памятника послужилъ составителю Воскресенской лѣтописи, дополнившему изъ него текстъ Московскаго свода 1480 года [1]): вотъ почему подъ 6904 годомъ Воскресенская лѣтопись, вопреки такъ называемой Ростовской (см. выше), доводитъ списокъ до того же Тихона.

Заботливость о дополненіи таблицы ростовскихъ владыкъ со стороны: 1) составителя Новгородской 4-й въ редакціи, доходившей до 1446—1447 г., 2) составителя Ермолинской лѣтописи, 3) составителя протографа Львовской и Софійской 2-й легко объяснить тѣмъ, что всѣ они пользовались Ростовскимъ владычнимъ сводомъ, гдѣ эта таблица расширялась естествен-

1) Этимъ путемъ проникло въ Воскр. лѣтопись нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ разсказѣ 1480—1481 г., на которыя обратилъ вниманіе И. А. Тихомировъ (см. выше).

нымъ образомъ при послѣдовательной смѣнѣ ростовскихъ владыкъ, преемниковъ архіепископа Григорія.

Но не одна эта таблица можетъ служить основаніемъ для предположенія о существованіи Ростовскаго владычняго свода хотя бы въ редакціи 1489—1503 года. Изученіе второй части Тверского сборника, т. е. той части, которая не составлена Ростовскимъ жителемъ въ 1534 г., а лишь механически присоединена къ труду этого послѣдняго, обрывающемуся на 1255 годѣ,— изученіе этой части указываетъ на пользованіе ея составителемъ Ростовскимъ владычнимъ сводомъ въ редакціи 1489—1503 года. Дѣйствительно, откуда какъ не изъ этого свода могъ войти въ Тверской сборникъ списокъ ростовскихъ владыкъ, отличающійся при томъ отъ разсмотрѣннаго выше и своимъ составомъ [1]) и точнымъ обозначеніемъ продолжительности владычества каждаго изъ нихъ? Списокъ этотъ помѣщенъ подъ 1408 годомъ по поводу сообщенія о ростовскомъ пожарѣ 21 іюня и паденіи верха соборной церкви; лѣтописецъ захотѣлъ перечислить епископовъ и архіепископовъ, служившихъ въ этой церкви. Послѣднимъ и при томъ безъ указанія лѣтъ владычества названъ Тихонъ (XV, 482); Тихонъ, очевидно, еще не сошелъ со владычества во время дополненія этого списка. Слѣдовательно, списокъ дополненъ въ 1489—1503 году, а это свидѣтельствуетъ о появленіи въ это время особой редакціи Ростовскаго владычняго свода.

Мы говорили выше о вліяніи, оказанномъ протографомъ Софійской 2-й и Львовской лѣтописей, или главнымъ источникомъ этого памятника, на Воскресенскую: къ нему [2]) возводится между прочимъ помѣщенное подъ 6498 (990) годомъ извѣстіе о поставле-

1) Списокъ 6916 г. Тверского сб., повидимому, точнѣе списка 6904 г. въ различныхъ его редакціяхъ: послѣдній въ числѣ первыхъ ростовскихъ епископовъ называетъ трехъ Θеодоровъ, двухъ Θеогностовъ и двухъ Иларіоновъ; списокъ 6916 не знаетъ совсѣмъ Θеогноста, а первыми двумя епископами называетъ Θеодора и Иларіона.

2) Начало протографа Соф. 2-й и Льв. дошло до насъ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ только въ Львовской, такъ какъ Соф. 2-я замѣнила его Соф. 1-ю лѣтописью; но въ Льв. извѣстіе о поставленіи Ростовской церкви опущено.

ніи въ Ростовѣ дубовой церкви, причемъ перечислены тѣ первые семь епископовъ, которые служили въ ней до уничтоженія ея пожаромъ (въ такъ называемой Ростовской нѣтъ этого извѣстія; слѣдовательно, его не было и въ Московскомъ сводѣ 1480 года). То же извѣстіе (но безъ перечня епископовъ) читается въ первой части Тверского сборника: составитель ея, какъ увидимъ ниже, пользовался лѣтописью, тожественною съ протографомъ Львовской. Слѣдовательно, извѣстіе о поставленіи Θедоромъ Гречиномъ дубовой церкви Ростовской попало и въ Тверской сборникъ и въ Воскресенскую лѣтопись изъ одного общаго источника, а именно изъ Ростовскаго владычняго свода, которымъ пользовался составитель протографа Львовской лѣтописи или основного источника этого протографа, такъ какъ этотъ именно памятникъ отразился, съ одной стороны, въ Воскресенской лѣтописи, а съ другой, въ первой части Тверского сборника.

Намъ извѣстенъ еще одинъ лѣтописный сводъ, содержащій подъ 6904 годомъ списокъ ростовскихъ владыкъ, доведенный при томъ, какъ въ Софійской 2-й и Воскресенской, до Тихона (сей Тихонъ): это такъ называемая Типографская лѣтопись, изданная въ части отъ 6714 до 7041 года въ 1784 году въ Москвѣ. Отсюда заключаемъ о какой-то связи ея (прямой или косвенной) съ Ростовскимъ владычнимъ сводомъ, а это наше заключеніе надо сопоставить и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ разсказѣ XV в. этой лѣтописи находится не мало спеціально ростовскихъ извѣстій, частью отсутствующихъ въ другихъ напечатанныхъ лѣтописяхъ. Ср. подъ 6916 о пожарѣ ростовскомъ (ср. Соф. 2-я и др.). Подъ 6935 о кончинѣ архіепископа Діонисія и поставленіи Ефрема (ср. Воскр. и др.). Подъ 6938 погорѣ въ Ростовѣ заторжье все маія въ 9 день. Подъ 6949 іюня въ 17 день, бысть въ Ростовѣ буря силна, и градъ великъ, яко и по стѣнамъ знати было, и верхъ у колоколницы сорвало. Подъ 6957 о пріобрѣтеніи Ефремомъ сана архіепископа. Подъ 6962 о смерти Ефрема и поставленіи Θеодосія (Соф. 2-я и др.). Подъ 6970 о поставленіи Трифона. Подъ 6975 о странныхъ звукахъ, изда-

вавшихся Ростовскимъ озеромъ (ср. Воскр. и др.). Подъ 6977 о кончинѣ бывшаго архіепископа Трифона. Подъ 6979 о кончинѣ княгини иноки Марфы Ростовской, а затѣмъ кн. Александра Ѳедоровича Ярославскаго. Подъ 6982 о продажѣ ростовскими князьями великому князю половины Ростова. Подъ 6984 здѣлана бысть колокольница въ Ростовѣ пресвященнымъ архіепископомъ Васіяномъ. Подъ 6988 сгорѣ церковь святаго Николы въ Никольскомъ во архіепископлѣ въ Ростовѣ, и пречудные кресты сгорѣша чудотворные, и множество кузни погорѣ. Подъ 6989 точное указаніе дня и часа кончины архіепископа Вассіана. Подъ 6997 обстоятельное извѣстіе о поставленіи Тихона. Изъ этихъ извѣстій легко заключить, что въ теченіе XV в. въ Ростовѣ велась непрерывно лѣтопись, а предыдущія указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта лѣтопись послужила источникомъ для цѣлаго ряда лѣтописныхъ компиляцій, составленныхъ въ XV и въ началѣ XVI вѣка.

А. Шахматовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новый списокъ Путешествія М. Г. Мунехина.

Въ дополненіе къ статьѣ, посвященной этому путешествію и напечатанной въ IV т. Извѣстій Отд. р. яз. и сл. (1899 г.), сообщаю здѣсь текстъ еще одного списка сказанія «О Египтѣ градѣ велицѣмъ». Списокъ этотъ представляетъ нѣкоторыя разночтенія сравнительно съ краткою редакціей, къ которой онъ принадлежитъ вмѣстѣ съ изданнымъ въ названной статьѣ спискомъ Новгор. Соф. библ. (Спб. Дух. Ак. № 1465) и тожественнымъ съ послѣднимъ спискомъ, имѣющимся въ Историческомъ сборникѣ XVI в. Имп. Академіи Наукъ (шифра: 16. 8. 13). За сказаніемъ о Египтѣ слѣдуетъ перечисленіе городовъ, находящихся подъ Египетскимъ султаномъ. Печатаю и его въ виду того, что, быть можетъ, оно сопровождало разсказъ Мунехина въ основной его редакціи. Ср. заглавіе «Сказание о градѣхъ новые имена градомъ», находящееся въ болѣе полной редакціи Путешествія.

Списокъ здѣсь издаваемый извлеченъ изъ сборника XVI в., принадлежавшаго Кириллову Бѣлозерскому монастырю, а теперь находящагося въ Императорской Археографической коммиссіи. Онъ помѣщается здѣсь за выборками изъ Паломника Даніила (л. 6—13 об.) и краткимъ извлеченіемъ изъ Странника Стефана Новгородца (А въ ц҃рьгра҃ акы в дѫбраву велику внити — развѣ на пра҇ни҃ котора҃ ст҃го бѫдѣ, л. 13 об. — 14). За сказаніемъ о

Египтѣ и за именами городовъ слѣдуетъ краткая повѣсть о Магометѣ (л. 15 — 15 об.)[1].

(л. 14). о егыптѣ градѣ велицѣм. Египе гра великїи на .ѯ. връстах стои .дї. тысѧщ мезгитеи в нё. а оу мезгитё по .р. столпωв каменных. а на столпъ възлазѧ до .р. и до .н. члкъ. и вшёше на столпъ кличю по своемѹ заутреню и прочаа. да в то же граде .дї. тысѧщ кермесарае, рекше подворїевъ. а комар в мермосарїи много до .г. гостеи становисѧ. да в не же .дї. тысѧщ оулиц. а въ оулицѣ по .г. тысѧщ дворовъ. а ба .дї. тысѧщ. А двор салтано, рекше царев, с москвѹ нш҃ж с кремль. А царѧ не видае никто. А алафу даю на царевѣ дворѣ, мѣлки люде на всѧ днь. конюхо поваро хлѣбнико помѣсо истобнико на .д. тысѧщи члкъ.

А егыпе за іерлимо .еї. дё ѣхати. а рѣка по ни нил, а тече из рая. ω гл҃етсѧ гїω. а за егыпто люде живѫщи нѣт. А до маметева гроба ω егыпта .н. дё ити. пѹсты мѣсто брести на велбѫдѣх по пѣскѹ, толко нбо да земля а лѣсѫ нѣт. А оу гроба маметева сторожи живоу.

А се по егыпескы салтано градωв. Первое гра егыпе .в. іерлм .г. алеѯандриа .д. газа .е. дамаскъ .ѕ. антїохїа .з. вири .и. дрипо .ѳ. рамля в палестинѣ .ї. лида. аї. вифлеω .:.

Стр. 1: о егыптѣ градѣ велицѣм и буква Е слѣдующаго слова написаны киноварью. Стр. 1—2: на 60 връстах стоит нѣтъ въ Новгор. Соф. № 1465. Стр. 4: по своему заутреню и прочаа въ сп. № 1465 нѣтъ. Стр. 5: рекше подворїевъ нѣтъ въ сп. № 1465. Стр. 5: вм. мермосарїи чит. кермосараи. Стр. 11: А киноварью. Стр. 14: по пѣску въ сп. № 1465 нѣтъ. Стр. 14—15: А оу гроба махметева сторожи живоут въ сп. № 1465 нѣтъ, нѣтъ и всего послѣдующаго Стр. 16: А се под егыпетскым салтаном градов написано киноварью.

А. Шахматовъ.

---

1) Для полноты библіографическихъ указаній, данныхъ въ статьѣ, помѣщенной въ IV т. Извѣстій, необходимо отмѣтить перепечатку изданія повѣсти объ Египтѣ, относящагося къ 1853 г., въ изслѣдованіи Х. М. Лопарева «Слово о нѣкоемъ старцѣ» (Сборникъ Отд. р. яз. и сл. т. LI, 1900). Перепечатка сдѣлана по поводу разсказа, помѣщеннаго въ заключеніи изданной Лопаревымъ повѣсти XVII в., «О градѣ Египетскомъ», разсказа сходнаго съ описаніемъ Мунехина. Тамъ же Лопаревымъ указаны сходныя мѣста у паломника 1466 года, купца Василія.

Отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ о поѣздкѣ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи.

(Іюнь 1902).

Перечень пріобрѣтенныхъ рукописей.

8. *Апостолъ служебный* второй половины XV в. съ добавленіями исхода XVI в. Въ листъ, на 173-хъ листахъ, въ два столбца по 30 и 26 строкъ, на бумагѣ; филиграни — въ старшей части: единорогъ съ неперевитымъ рогомъ (въ изданіяхъ Н. П. Лихачева нѣтъ сходнаго знака), въ младшей части рожекъ (cornet) съ перевязью, и на тѣхъ же листахъ гербъ съ поперечной полосою, очень неопредѣленнаго рисунка.

Рукопись писана полууставомъ; старшій почеркъ: лл. 13—134, 155, 157—161, 167, 173; младшій—лл. 1—12, 135—154, 156, 162—166, 168—172; въ заглавіяхъ, начальныхъ буквахъ и отмѣткахъ на поляхъ киноварь. Правописаніе русское съ различеніемъ ѧ и ꙗ только въ отношеніи ихъ мѣста (ѧ вслѣдъ за согласными и ꙗ въ началѣ слоговъ), съ гласными въ плавныхъ сочетаніяхъ, съ частымъ употребленіемъ ѧ за шипящими; изъ средне-болгаризмовъ чаще другихъ встрѣчается замѣна ъ посредствомъ ь (напр. кьсєнь), рѣже—особенности въ плавныхъ сочетаніяхъ и замѣна ꙗ посредствомъ ѧ вслѣдъ за гласными. Въ младшей части рукописи встрѣчается ж; остальныя особенности пра-

вописанія младшей части сходны. Вмѣсто ꙗ въ старшей части употребляется є, оу — наравнѣ съ ꙋ.

Рукопись не полная и очень перебитая; листы должны быть расположены въ такомъ порядкѣ: 1—99, 167 об., 167, 100—128, 155, 160, 173, 159, 158, 161, 157, 129—140, 163, 170 об., 170, 166, 165, 141—154, 172, 169, 168, 171, 162, 156 об., 156, 164. Пропуски листовъ—за лл. 160, 173, 159, 161, 162 и 164.

л. 1. пер̾вое слово павла апл҃а. сїа книга п̾редѣ почитаемо дѣанїе.

л. 3. сказанїе извѣстно, еже по вся дни дѣанїа апл҃ъ и вс҃е лѣта. Чтенія апостола на весь годъ, начиная съ воскресенія пасхи. Старшая рукопись начинается серединой чтенія въ понедѣльникъ третьей недѣли по пасхѣ; первыя слова: ‹зе›мла халдѣискыа и въселися въ хараанъ...

л. 151. Безъ заглавія. Чтенія апостольскія на всяку потребу.

л. 157. Соборникъ двѣнадцати мѣсяцамъ: мц҃а септеврї и начало индиктоу... Продолженіе соборника вклеено ранѣе на л. 129 и слѣдующихъ до 140, 163, 170 об., 170, 166, 165, 141—151-го.

л. 162 об. изьранїе стхъ ѿ апл҃ъ дорофеа еп҃ка тѵрска (только нѣсколько строкъ начала и листы 156 и 164).

Рукопись пріобрѣтена въ Кадниковскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 17. 1.

9. *Сборникъ* средины XVI вѣка. Въ четвертку, на 182 листахъ, на бумагѣ; филиграни: 1) якорь въ кругѣ съ шестилучевой звѣздой надъ кругомъ (вполнѣ сходныхъ рисунковъ въ сборникѣ Н. П. Лихачева нѣтъ), 2) скачущій олень съ четырехлистникомъ на стержнѣ надъ спиною (ср. у Н. П. Лихачева «Бум. мельницы», № 365), 3) бычачья голова особаго рисунка съ крестомъ между рогами, перевитымъ змѣею (вполнѣ сходнаго изображенія у Н. П. Лихачева нѣтъ), 4) ручка съ крестовидною

розеткой надъ пальцами (близко къ № 1594 атласа Лихачева), 5) буква Р съ раздвоеннымъ стержнемъ, не перечеркнутая (близко къ № 1559 атласа Лихачева).

Рукопись писана небрежнымъ полууставомъ; въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ киноварь. Почерковъ рукописи можно выдѣлить три, иногда другъ къ другу очень приближающихся: 1) лл. 1—73 об. и 102—112, 2) лл. 73 об.—101 и 147—182, 3) лл. 112 об.—146. Особенности письма ихъ общія — є въ значеніи ѥ (изрѣдка ѥ), е въ значеніи ѥ, отсутствіе ѥ (кромѣ 3-го почерка), оу наравнѣ съ ѹ. Правописаніе русское съ смѣшеніемъ ѧ и ꙗ, употребленіемъ ѧ въ началѣ слоговъ, съ гласными въ плавныхъ сочетаніяхъ, но и съ нѣкоторыми средне-болгаризмами въ тѣхъ же случаяхъ (оутвєржєнїє, дрьзновєнїє, плоть, ѡчєрнѣвшє, покаꙗти, сиѧниє, покаанию и пр.). Часть рукописи, содержащая Литовскую лѣтопись, довольно хорошо сохраняетъ особенности западно-русскаго нарѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе другихъ частей рукописи даетъ средне-болгаризмовъ (интересно отмѣтить, что тотъ же писецъ, пиша другую часть — святцы, сохранилъ въ ней чрезвычайно мало средне-болгаризмовъ и представилъ въ ней правописаніе болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ рукописи, русское).

На бумажномъ листѣ, приклеенномъ къ внутренней сторонѣ задней доски, отмѣтка съ годовой датой лѣ ҂зҁ҃а го поставлє въ храⷨ пр.... ростка на симєна ѡпочиⷯ......; ниже вслѣдъ за неполнымъ указаніемъ статей рукописи еще годовая отмѣтка лѣта ҂з тысаща ч дє.... По листамъ неполная вкладная XVIII вѣка. Отъ переплета сохранились двѣ отдѣльныя доски.

По содержанію рукопись дѣлится на двѣ части — богослужебную и историческую.

Первая часть (начинается 5-й тетрадью).

л. 1. Служба Николаю чудотворцу (только конецъ).

л. 1 об. каноунъ молєбєнъ къ стѣишомꙋ къ прѣчⷭ҇ѣ прⷭ҇чє.

л. 10. в пѧ ⷮ҇ нє по слоу прⷭ҇ѣи вци.

л. 18 об. кā молебе" со ўмиленіемъ ли анггл̃оу хранітелю моемў со ўмилениемъ.

л. 21 об. ка" слў" гоу̃ нашемоу і̃сў хоу.

л. 26 об. кано" бл̃говѣщенію.

л. 32. чинъ како по"бае пѣти ка" мо̃ пр̃тѣи бц̃и ѡдигитріа.

л. 38. кано" молебе" стмо̃ аплў іѡнно̃ бгословў.

л. 42 об. сошествие ст̃го дх̃а. Служба Пятидесятницы.

л. 54. мц̃а ак<т>абра покро̃ ст̃ыа бц̃и. Канонъ Покрову.

л. 58. мц̃а ѡктабра кі̃ дн̃ь ст̃ыа мч̃нци параскевѣи нареченыа патніци. Стихиры и канонъ.

л. 61. Послѣдование црквного пѣние събраниа всеьлѣтнаго ѿ мц̃а сента"бра до мц̃а авгу̃. Надъ страницами надписано памати ст̃ыхъ гл̃голѣмыа ст̃цы (позднѣйшія приписки). При нѣкоторыхъ указаніяхъ дней памятей святыхъ представлены выписки изъ службъ, между прочимъ и русскимъ святымъ. Въ концѣ (послѣ л. 101) и между лл. 64 и 65 недостаетъ по листу.

л. 102. мц̃а маіа в ѳ̃ пренесае моцiема иже въ сватьі" ѡц̃а нашего ніколы. Стихиры и канонъ.

л. 112 об. мц̃а июла к̃ ст̃о прр̃к или. Надъ страницами позже надписано: канонъ ст̃мў пррк̃ў илие.

л. 121 об. мц̃а ав̃ў в̃ ст̃го мў̃ стеѳана. Стихиры и канонъ.

л. 131. мц̃а авгоу ѕ̃ прѡбра"ніе гс̃ н̃шаго і̃с х̃а. Стихиры и канонъ. Конца службы нѣтъ.

Вторая часть.

Лѣтопись западно-русская въ отрывкахъ. Списокъ можетъ быть причисленъ къ тому же типу западно-русскихъ лѣтописей, къ которымъ относятся Супрасльскій списокъ (нынѣ хранящійся въ археографической коммиссіи), напечатанный И. Даниловичемъ въ изданіи его «Latopiesiec Litwy i kronica ruska» (Вильна, 1827), и Никифоровскій (нынѣ библіотеки Имп. Академіи Наукъ), напечатанный С. А. Бѣлокуровымъ въ статьѣ «Русскія лѣтописи... по рукописи купца Никифорова (въ «Чтеніяхъ

Имп. моск. общества ист. и др., 1898, т. 4); къ тому же типу (лѣтописи, не заключающія въ себѣ не русскихъ событій), принадлежатъ еще пять списковъ, не вошедшихъ еще въ ученолитературный оборотъ, но долженствующихъ быть внесенными въ печатающійся нынѣ новый томъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей. Нашъ списокъ (для отличія отъ другихъ называемъ его «Вологодскимъ» по мѣсту покупки рукописи) заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отрывки:

1) л. 147. Нач.: .... михаиловиⷱ и с҃нъ его ѳеѡ҇ⷣᵒра разоі-мани быша по с꙽ставомъ ѡкта҃ ҃к. — Событія 6846 г. (въ изданіи Даниловича, стр. 162, въ изд. Никифоровск. списка стр. 43). Конч.: В лѣ҇ ҂ѕ ѿ п҃а кн҃зь ѡлега разаньскыи прииде изгономь на разань на кн҃зя володимера и согна его а самъ саде. тогое же веса<ны> кн҃зь... (Даниловичъ, стр. 183, въ изд. Никифор. списка, стр. 47).

2) л. 155. Нач. <не> прия его кн҃зь великыи витовтъ тоⷢ҇а было бл҃гвщнїе въ понелокъ на страстнои нел҃и... Событія 6923 года (Никиф. спис. въ изд. стр. 64). Конч.: В лѣ҇ ҂ѕ҃ѯѕ поста-<вленъ быстъ>.

3) л. 157. Нач.: а двина ис того лѣса течеть на поⷧ҇ноща и коиде во море варяⷤ҇ское и волга течеть ис того жь лѣса и потече на востокъ и вотече во море хвалиньское о̃ оустъ и тѣм же може҇ ити волгою в болгары и во хвалисы и на востокъ во жребии симовъ. Непосредственно за этимъ слѣдуетъ: В лѣ҇ ҂ѕ҃ѱл҃ѳ кн҃зь велики витовть кестꙋтевиⷱ съзваша к собѣ короля поⷧ҇ско҇ владислава кн҃зя велико҇ московского васиⷧ҇я василъевича.... (Даниловъ., стр. 54, въ изд. Никиф. списка, стр. 69). Передъ словами Таинѹ цр҃вꙋ таити добро е҃ а дѣла великого ѡспдра повѣдати добро же есть, хощю вамъ повѣдати ѡ великомъ кн҃зи алеѯандрѣ зовемо҇ витовтѣ литовъскомъ (Даниловичъ, стр. 60) вставлено киноварное заглавіе Сказанїе <о> великомъ кн҃зи витовтѣ. Конч. изложеніемъ событій 6954 г. (какъ и въ изд. Даниловича, стр. 71): В лѣ҇ ҂ѕ҃ѱн҃д кн҃зь дмитреи юрьевиⷱ шемяка изымаша брата своего старшего кн҃зя великого московьского

василья васи^х^евича [въ подл. васи^х^евасильевича] и вымаше ему очи а са^м^ саде на великомъ княжени на москвѣ (л. 170). За этимъ слѣдуетъ заглавіе Лѣ^т^писецъ велики^х^ князе(и) литовск^ѣ^ и текстъ, начинающійся словами Велики кнзь гедимина литовъского з сновъ было... (у Даниловича, стр. 27). Конч. (л. 182 об.) словами: кнзь же великїи витовтъ возма кривыи гра^д^ и землю извоевавъ паки возвратися в нѣмци того же лѣта к великому кнзю витовту... (Даниловичъ, стр. 45).

Въ общемъ текстъ очень близокъ къ текстамъ Супрасльскаго и Никифоровскаго; сравнительно съ Никифоровскимъ въ нашемъ, Вологодскомъ, очень много вставокъ (не имѣющіяся съ Никифоровскимъ сообщенія о 6854, 6856, 6857, 6860, 6862, 6864, 6865, 6867, 6868, 6870, 6871, 6873, 6874, 6940, 6941, 6943, 6946, 6951—6954 годахъ, продолженіе лѣтописи «Лѣтописецъ великихъ князей литовскихъ», большая часть сообщеній 6861 г., почти всѣ 6880 г., начало изложенія 6879, конецъ — 6858 и 6939 и рядъ извѣстій 6924 г.). Что касается до Супрасльскаго, то послѣдній списокъ значительно полнѣе и по большей части исправнѣе Вологодскаго. Но, не смотря на это, новый списокъ долженъ быть признанъ чрезвычайно важнымъ, какъ дающій рядъ дополненій къ тексту Литовской лѣтописи, не находящихся ни въ одной изъ извѣстныхъ рукописей. Пользуясь изданіемъ Супрасльскаго списка (И. Н. Даниловича) и Никифоровскаго (С. А. Бѣлокурова) отмѣчаю дополненія и исправленія, находящіяся въ Вологодскомъ спискѣ (обозначаю Супрасльскій — Д., Никифоровскій — Н., «· » — дополненія нашего списка):

На л. 149 об. (Д. 173): послаша послы своя во цръгра^д^ от великог кнзя дементея двидови^ч^ а юрьи коробьева а «от митрополита артемии коро^х^инь» а михаило щербатыи...

На л. 150 об. (Д. 174): поиде из литвы «въ цргра^д^» романь чернець на митрополию...

На л. 154 (Д. 182): «того же лѣта поиде в орду кнзь ве-

ликыи дмїтреи їѡанови^ч» того же лѣта ѡврꙋчиша за кнꙗза володимера оу волгирда дшерь его ѡленꙋ...

На л. 156 (Д. 239, Н. 66): а в нєлю ѕ̈ поста рта еї поставиша са^{мсо}на во дїаконы а в гꙋ [чит. сꙋб] г̃ поста поставлень бы̑ самсонъ попо̑, «а» в нєлю средохртнꙋю амц̑а мар̑а кв̑ дн̑ь на пам̑ ст̑го ѡц̑а василья» поставлень бы̑ архиеппомъ в новꙋгороу и наре̑нь бы̑ ѿ митрополита симеѡнь...

На л. 157 об. (Д. 54—55, Н. 70): и разволѣса кн̑зь великыи витовть и распꙋсти кн̑зеи великыхъ и послы цр̑вь со многими дарьми и съ чтїю «ѿпꙋсти»...

На л. 160 (Д. 58, Н. 72): кн̑зь швитригаило възврат̑ во свою землю «и распꙋсти силꙋ свою кн̑зе» и боарь [въ подл. коарь], а мештерь поиде во свою землю и распꙋсти силꙋ свою....

На л. 163 об. (Д. 62): королю же владиславꙋ всег̑а дающю помощь «а иногда само<моу> емоу ходащю на помощь» еще же ини....

На л. 166 (Д. 66): ...на митрополию «того» лѣта жикгїмонть саде в литвѣ» того же лѣта повоище бы̑ на ѡшменѣ... (подъ 6940 г.).

На л. 169 (Д. 70): и оучинїша «панове» великомꙋ кн̑зю чт̑ь тог̑а и совѣ...

На л. 172 об. (Д. 30): потомь по животѣ великого кн̑за ѡ<л>гирда двѣ лѣтѣ «и болше и» минꙋло...

На л. 173 об. (Д. 32): и кн̑зь великїи ꙗгаило посла рать свою оусю литовьскꙋ и рꙋскоую з братомъ свои̑ кн̑земъ скиргаиломъ к полоцкꙋ «и ѿтоуды мистръ лифланьски прїиде ратью к полꙋцкоу» и ѡстоупать горо̑...

На л. 175 (Д. 35): маршалко прꙋскїи поїде «на помочь» ратью к великомꙋ кн̑зю ꙗгаилꙋ...

На л. 175 (Д. 35): Кн̑зь па̑ ꙗнꙋшь з̑ его забывъ добра «и приꙗзни цт̑а своего и тещи своеи и шюрьи поиде ратью к дорогичинꙋ, дорогичинь во̑ма ѡсадить мелникъ возма ѡсадить саражь извоюеть каменець извоюеть и ѡстꙋпить

оу берести тещю свою берестьа добыва поидеть про̑ ѡсадивь тыи б̃ города дорогичина и мелни̑ а кн̃зь великїи кестютїи събравь свою жемонтьскоую землю и вси рати и поде к рѣце к в<е>льи и кн̃зь витовтъ собра свою рать и свои ѡчины поиде̑ из город̑а противу ѡц̃а своего и съимутса на вельи вышши ковна б̃ мили и тута перевезетса рать и поидуть к троко̑ и приш̑ше ѡстоупиша троки и почюеть кн̃зь великїи кестютїи что кн̃зь ıагаило из вилни идеть ратью а з ни̑ъ [въ подл. нн̃ъ] нѣ<ме>цкаа рать и лифлянскаа ино первое нѣмци ѡбои̑ неприятели были и кн̃зю великому кестютью и» кн̃зю великому ıагаилу... Въ изданіи Даниловича послѣ слова добра стоитъ: «приде князю великому Ягайлу».

На л. 177 (Д. 37): кн̃зь великїи ıагаило переступивь «тыи правды» мо̑вх...

На л. 177 об. (Д. 38): помщаа воидила «што были сестру свою за него дали» дву ве<лѣ>ли на колесѣ разбити...

На л. 178 (Д. 39): и пригадала ему такь какь поидуть жонки покладывати ино бы ему ѡднои жонки оуслакьсти пoрьты да выити вонь з другою жонкою а тои жонцѣ ѡставити бы в неи «в которыхь портѣ̑ выидеть вонъ и пакь его наоучить» и ѡнь нарадивса....

На л. 178 об. (Д. 40): короля казимира «краковьского» в животѣ не стало...

На л. 179 об. (Д. 42): тое же зимы «на весну» оу великїи говенна...

На л. 181 (Д. 43): б̃ъ же поможе «великому кн̃зю скиргаилу и» великомоу кн̃зю витовту...

На л. 181 (Д. 43): с̃на же его кн̃зя юрья кн̃зь великїи скиргаило «ѡбрѣте са оу троц̃е много ранена, толко жива соуща и взя его и нача его лѣчити многими лѣкарьствы и главу ему постриже рань ра̑̑ за не много р̑нень и ѡчаявса бе живота кн̃зь же великїи скиргаило» исцѣливь е̑ ѿ рань и привезе ко гра̑у смоленьску...

На л. 181 об. (Д. 44): а в литовъскои земли Ѿчиноу свою «смѣла»...

Изъ варіантовъ рукописи, исправляющихъ печатный текстъ можно отмѣтить: л. 153 (6873 г.) — Тагаи приходи.... на землю разанскꙋю (Д. рускую) и перелславль пожже (Д. 179); л. 152 (6870 г.) — ходиша кнзи московьскїе (Д. смоленьскыи) ратаю кнза великїй дмитреи Їѡанови҃.... (Д. 178); л. 148 (6857) — кнза же великїи семенъ возвратиса на москвꙋ слышати црво жалсванїе а в новгоро҃ посла врата своего кнза ивана (въ изд. а новгородъ посла боронити князя... Д. 171); л. 157 (6939 г.) — Ѿ ри҃ского цесара послы (въ изд. Д. проп.) приходили и Ѿ индїиского (Д. Н. донского) корола (Д. 54, Н. 69); л. 163—еще же и тꙋрецкїи цр҃ь (Д. донскыи король) чт҃ь великꙋ и дары многи подаваше (Д. 62); л. 164 — не ѡврѣт҃е... ни гра҃ ни мѣста иже бы не прислꙋхали славного того гд҃ра витовта (= иже бы не приходили к..., Д. 63); л. 166 об. (6946 г.)— того҃ лѣта ма҃мета цр҃ь (Д. царь михаилометъ) побилъ москви҃ (Д. 66); л. 171 — и кнза (въ подл. кнзА) великїи ѡлгирдъ в ворзѣ поспѣшитъ ворзѣ ї приедетъ (Д. поспѣшить) ко братꙋ своемꙋ (Д. 28); л. 171 об. — а а с тобою за ѡдно дражꙋ (= живꙋ, Д. 29); л. 174 об. — кнзь великїи ѧганло правдꙋ свою на ворзѣ забылъ (Д. загубилъ) тамо не пошо҃ а наговорилъ мѣстичи (= мѣститъ) виленьски (= великихъ) ганюилевꙋ ча҃ (= и ганулеву чадь, Д. 34); л. 177 — поедь к вилни тамо докончаемъ (= доконаемъ, Д. 37); л. 179 — кнзь андреи полоцки приидн з нѣмъци с вифлѧ҃ты зо всею латыгалою (= латынoю, Д. 41); л. 179 об. — а иныхъ моука на҃ хр҃тиѧны ихже срама ра҃ (Д. иже скаредно) не писахомъ (Д. 41); л. 179 об. — и паки возвратиса (= возовритися) во свояси (Д. 41); л. 180 об. — вынавше (= бивши) пороки града метиславль (Д. 43); л. 182 об. кнза василла (Д. Глѣба) костантиновича (Д. 45).

Рукопись пріобрѣтена въ Вологдѣ. По новой описи: 45. 11. 1.

10. *Тріодь цвѣтная* второй четверти XVI в. Въ чет-

вертку, на 145-ти листахъ, въ одинъ столбецъ по 23 строки, на бумагѣ; филиграни: 1) маленькій кувшинчикъ съ ручкой, короной на крышкѣ и сверху розеткой (ср. у Н. П. Лихачева № 1669), 2) буква Р (малой величины) безъ розетки (Лихачевъ № 1682).

Письмо рукописи—полууставъ; заглавія и начальныя буквы киноварныя. Правописаніе русское: отсутствіе глухихъ въ плавныхъ сочетаніяхъ, смѣшеніе ѧ и ꙗ, употребленіе ж вм. жд и пр.; послѣ шипящихъ встрѣчается ю вм. ꙋ и наравнѣ съ этимъ о вм. є (вѣрꙋющомꙋ); есть нѣкоторые средне-болгаризмы: таковы ѧ послѣ гласной вм. ꙗ (въ этихъ случаяхъ употребляется или ѧ или ѧ и никогда нѣтъ ꙗ: пр҃стаѧ, ꙋверьѧ), изрѣдка ѧ вм. ъ. Для изображенія іотаціи є употребляется е, но не послѣдовательно; изъ другихъ особенностей письма можно отмѣтить преимущественное употребленіе ꙋ: оу только въ началѣ словъ, у только въ вязи; в пишется всегда въ видѣ п, вязи встрѣчаются: ау, тв, тр, пр.

Въ рукописи недостаетъ начала. Начинается пѣснопѣніями вечера великой субботы . . . <днеса адъ стонѧ вопїєтъ> разрꙋши моѧ власть приѧ҃ м<е>ртвеца . . . (Тріодь цвѣтная, изд. 1636, л. 203). Кончается (л. 145) словами: еѵ҃аліе ѿ іѡа҃. Рече г҃ь своимъ ꙋчн҃къ си заповѣдаю: ⁘ —суббота 3-ей недѣли по пасхѣ (Тріодь цвѣтная, 1636, л. 363).

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 9. 18.

11. *Минея общая* исхода XVI в. Въ восьмую долю листа, на 224 листахъ, на бумагѣ; филигрань: рука въ рукавчикѣ съ фестонами, съ короной надъ среднимъ пальцемъ. Писана полууставомъ; въ заглавіяхъ и отмѣткахъ на поляхъ киноварь. Правописаніе русское; ѧ и ꙗ различаются только по мѣсту — ѧ за согласными, ꙗ въ началѣ слоговъ, є иногда вм. ѣ, ж вм. жд, и пр.; встрѣчаются средне-болгаризмы въ плавныхъ сочетаніяхъ и въ употребленіи ѧ вм. ꙗ вслѣдъ за гласной. Изъ

особенностей написанія можно отмѣтить є по преимуществу вм. к, иногда же й вмѣсто є.

Недостаетъ начала, двухъ листовъ въ серединѣ (между лл. 155 и 156) и конца (198, 199, 200, 207 и 208 листы въ обрывкахъ). Начинается службою апостолу единому (канонъ, конецъ пѣсни 4-й). Въ рукопись входятъ слѣд. службы въ такомъ порядкѣ: апостоламъ двумъ или многимъ (л. 5 об.), святителю единому (л. 17) и многимъ (л. 30 об.), священномученику единому (л. 42 об.) и многимъ (л. 55 об.), преподобному единому л. 68 об.) и многимъ (л. 79 об.), преподобномученику единому (л. 91 об.) и многимъ (л. 106), мученику единому (л. 117) и многимъ (л. 129 об.), исповѣднику единому (л. 139), безсребренникамъ Косьмѣ и Даміану (л. 151), мученицѣ единой (л. 168 об.) и многимъ (л. 181 об.), преподобной женѣ единой (л. 193) и многимъ (л. 205). Послѣдніе листы рукописи содержатъ въ себѣ паремійныя чтенія изъ Премудрости Соломона (по изданію 1600 года гл. 30-я). Служба безсребренникамъ Косьмѣ и Даміану является дополненіемъ къ обычному составу минеи общей. Текстъ минеи значительно разнится отъ печатнаго изданія.

Рукопись куплена въ Каргополѣ. По новой описи: 45. 9. 8.

12. *Хронографическій сборникъ* второй половины XVI вѣка. Въ листъ, на 365 листахъ, въ два столбца по 46 строкъ, на бумагѣ; филиграни: 1) свинья небольшой величины съ полосой на спинѣ, но безъ щетины (сходной въ атласѣ Н. П. Лихачева нѣтъ); 2) картушъ съ монограммой: буква N съ однимъ удлиненнымъ концомъ, который пересѣкается буквой S и варіантъ болѣе рѣзкаго рисунка (въ атласѣ Н. П. Лихачева нѣтъ), 3) лилія двойная геральдическая (ср. № 3010 Лихачева — польскій гербъ Гоздава), 4 и 5) польскій гербъ Топоръ безъ гербоваго щита крупный и малый (у Лихачева сходнаго нѣтъ), 6) рыба съ буквами C G въ кругу — польскій гербъ Глаубичъ (ср. у Н. П. Лихачева «Бум. мельницы» № 693), 7) польскій гербъ Остоя (ср. у Лихачева «Бум. мельн.» № 534), 8) свинья со ще-

тиной (встрѣчается всего одинъ разъ; близка къ № 2989 атласа Лихачева).

Рукопись писана не крупнымъ, иногда мелкимъ и убористымъ полууставомъ пяти почерковъ: первый отъ л. 1—146 об., второй отъ л. 146 об.—л. 196 и отъ л. 200—244 об., третій отъ л. 198 — 199; четвертый отъ л. 245 — л. 259 об. и отъ л. 295 об.—366; пятый отъ л. 260—л. 295 об. Въ заглавіяхъ, начальныхъ буквахъ и изрѣдко попадающихся надписаніяхъ надъ текстомъ и припискахъ на поляхъ употребляется киноварь.

Изъ особенностей письма во всѣхъ почеркахъ можно отмѣтить малое различеніе въ употребленіи ε, ꙗ и є; написаніе ε очень обычно въ рукописи (рѣже во 2-мъ почеркѣ), какъ вм. ꙗ, такъ и для обозначенія іотаціи; ꙗ, по преимуществу обозначая простое е, изрѣдка выражаетъ во всѣхъ почеркахъ (кромѣ 3-го) и ꙗ іотированное; є во всѣхъ почеркахъ замѣняетъ ѥ, во 2-мъ и 3-мъ почеркахъ иногда обозначаетъ и простое ꙗ. Ꙋ изображается посредствомъ ꙋ и оу, посредствомъ ov — во 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ, посредствомъ у въ 4-мъ, — ѹ во 2-мъ и рѣдко въ 1-мъ,—ѡ̆ въ 1-мъ. Б обычно квадратное п, въ 3-мъ (часто) и въ 1-мъ (рѣдко) встрѣчается в. Въ 1-мъ почеркѣ очень употребительно ѡ въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ, и ѕ вм. з. Правописаніе рукописи русское съ случайными средне-болгаризмами: во всѣхъ почеркахъ болѣе или менѣе обычно разнообразіе въ написаніи плавныхъ сочетаній, одинаково употребленіе іотированнаго и не іотированнаго ѧ вслѣдъ за гласной; ѧ не отличается отъ ꙗ и, употребляясь по преимуществу за согласной, ставится и въ началѣ слоговъ.

Нашъ сборникъ почти тожественъ съ сборникомъ библіотеки гр. Уварова XV в. № 3 (=18), кратко описаннымъ арх. Леонидомъ подъ названіемъ «Библейскія книги» (Описаніе славяно-русскихъ рукописей собранія гр. Уварова, т. I, стр. 5 — 8); различія заключаются почти исключительно въ иногда несходномъ правописаніи (въ обоихъ непослѣдовательномъ) и въ знакахъ препинанія; даже отмѣтки на поляхъ, не входящія въ

составѣ текста (каковы зри и др.), въ обѣихъ рукописяхъ большею частью помѣщены на соотвѣтствующихъ мѣстахъ; что касается до вставокъ въ текстъ пропусковъ, то онѣ не совпадаютъ только въ отношеніи мѣста, но не различаются съ текстомъ рукописи по содержанію или редакціи; вставки Уваровской рукописи надо считать старше нашей рукописи. Все это еще не можетъ служить доказательствомъ того, что наша рукопись есть списокъ съ Уваровской; но на несомнѣнность такого предположенія положительно указываетъ слѣдующее мелочное обстоятельство: въ нашей рукописи на л. 260, начинающемъ тетрадь 34-ю, мѣняется почеркъ и мѣняется на полусловѣ <му>жи не покинныѧ; на предыдущемъ л. 259 об. послѣдняя строка съужена сколько возможно и всетаки слогъ му пришлось написать на полѣ; отсюда очевидно, что первому писцу было необходимо втиснуть свою долю въ послѣднюю тетрадь потому, что слѣдующая тетрадь была уже написана, т. е. потому, что работа была подѣлена заранѣе; если это такъ, то значитъ и оригиналъ между работниками былъ подѣленъ заранѣе и, конечно, по тетрадямъ: именно это и видимъ въ Уваровской рукописи — тетрадь 61-я (л. 471) начинается какъ разъ обрывкомъ слова <мȣ>жи.

л. 1. палеѡлога книга бытїиска бговидца моусеа истиннаа сказанїа, еже како сътворилъ бгъ небо и землю и ꙗже соутъ в нихъ. бытїа перваа.

л. 26 об. Исходъ (безъ заглавія).

л. 46. леви̇̆ (отмѣтка на полѣ).

л. 59 об. числа.

л. 78 об. Вторыи законъ.

Текстъ пятикнижія раздѣленъ на части, отмѣченныя на поляхъ числами,—книга Бытія на 12 частей, остальныя—каждая на 10, соотвѣтственно дѣленію еврейскаго текста на параши (см. у Горскаго и Невоструева, въ Опис. синод. рук., т. 1, стр. 7—9); случайно пропущены слѣд. отмѣтки: въ книгѣ Бытія

к҃ и є҃, въ Исходѣ к҃, и҃ и і҃, въ книгѣ Левитъ к҃, въ Числахъ к҃, є҃, ѳ҃, въ Второзаконіи г҃ и ѕ҃; невѣрно поставлена отмѣтка д҃ въ книгѣ Левитъ. Въ трехъ мѣстахъ въ текстѣ вставлены киноварныя заглавія: передъ частью д҃ Чиселъ (соотвѣтств. нынѣшнему дѣленію гл. 13, ст. 2) Ѡ исходницехъ ерихѡ҆скихъ, передъ частью з҃ Чиселъ (=гл. 13, ст. 2) Ѡ црѣ балакѣ и ѡ валамѣ, въ срединѣ ѳ҃ части Второзаконія пѣ҃ б҃ моисеева (передъ 32-й гл. по современному дѣленію). Текстъ пятикнижія, сколько можно судить по книгѣ Бытія, очень близокъ къ списку XV в. Ундольскаго, напечатанному А. В. Михайловымъ (Книга Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ, Варшава, 1900—1903). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ писцомъ сдѣланы случайные пропуски въ текстѣ; эти пропуски восполнены на поляхъ рукописи частью въ XVI, частью въ XVII в.

л. 96. книга і҆сва сна навгина слѹги моисиина раба гн҃а.

л. 107 об. ѡ сѹдьꙗ҆ инлѣвыхъ. Въ текстъ вставлены киноварныя заглавія: передъ ст. 4 гл. 4-й (по нынѣшнему раздѣленію) ѡ девөрѣ (нач.: девора҆ жена пррчца, жена фидифова, сии сѹдіи іилѣвы в то время...); при ст. 2-мъ 13-й гл. ѡ самъсонѣ (нач.: И бѣаше мѹжь въ ацарѣ ѿ племени даншва, имѧ же емѹ манѡи...); передъ ст. 1 гл. 17-й ѡ михѣ (нач.: И бы мѹ҆ ѿ горы ефрѣмлѧ, имѧ емѹ миха...); въ срединѣ ст. 1 гл. 19-й что ражаеть небреженье (нач.: И бы мѹ҆ левитинъ живыи в миръ горы ефрѣмовы...).

л. 120. книги гл҃мыѧ рѹфь.

Переводъ книгъ Судій, Іисуса Навина и Руѳи, сколько можно судить по выпискамъ въ Описаніи синодальныхъ рукописей, принадлежитъ къ той же редакціи (т. 1, стр. 21—31).

л. 122. цртво а҃.е. Въ текстѣ выдѣлено киноварное заглавіе на л. 130 передъ ст. 49 гл. 14-й (по нын. счету) ѡ снѣхъ саѹлихъ (нач.: И бѣша сн҃ве саоулѡви...); на обор. того же листа на полѣ у самаго обрѣза приписано ѡ гагѣ црѣ амаликовѣ (въ текстѣ агагъ).

л. 139. цртво второе. На об. л. 144 въ срединѣ ст. 1,

13-й главы, выдѣлено заглавіе ѡ амонѣ (нач.: і възлюбї ю аммонъ с҃нъ дѣвъ...).

л. 154. Ц҃рство третїее. На л. 165 вставлено киноварное заглавіе передъ ст. 24 гл. 12-й (по нын. счету) ѡ двоюи юницахъ иже в' вефили і в ал'ни (въ текстѣ—в дани; нач.: Тако г҃лтъ г҃ь не в'зыдете ни победите ѿ братїею своею...), передъ ст. 1 гл. 13-й на томъ же листѣ семеи (нач.: и ч҃лкъ б҃жїи прїиде ѿ июдинъ моужа по словеси г҃ню в' веѳилъ...), передъ гл. 17, на л. 168 житие илли пророка (нач.: И прииде и҃лїа пр҃ркъ ѿ вефев'зїа галатїискыа къ ахавꙋ и р҃е...).

л. 173. Ц҃рство четвертое. На л. 180 об. при ст. 15 гл. 10-й выдѣлено заглавіе ра҃ма (киноварной буквой начата средина фразы по нын. тексту: И ѡбрѣте ра҃манъ ина два с҃на на поути ринарахавла и ишелъ бяше на срѣтенїе емоу—καὶ εὗρε τὸν Ἰωναδὰβ υἱὸν Ῥηχάβ), на л. 185 об. передъ словами, соотвѣтствующими ст. 1 гл. 18-й, ѡ езекии ц҃ри и҃ разоривы сокаа.

Переводъ книгъ Царствъ тожественъ съ переводомъ, описаннымъ Горскимъ и Невоструевымъ (см. Опис. т. 1, стр. 34—35), сколько можно судить по приведеннымъ ими выпискамъ и указаніямъ его неточностей и ошибокъ.

л. 191 об. к'ниги г҃лемыа естера мꙋдраа и ц҃ра. Первыя 10 главъ (послѣдней главы 3 первые стиха). Нач.: Б҃ы въ д҃ни ахазъверосовы, иже ц҃рствовамъ (вм. ц҃рствоваше) ѡ ин'дѣи дажа до кꙋша...; конч. (л. 196 об.): и та соута написана в' книга грамот'ныхъ и ц҃рва мадискы и ѳар'сински, ꙗко мар'дохаи июдеи дрꙋгъ ц҃ра ахазъвероса и вероса великъ во иꙋдѣи и вѣл'никъ (Увар. волникъ) множествꙋ братиа своа к'зыска доброты людемъ своимъ и пропѡвѣда миръ вс҃ѣмъ чадомъ своимъ. амина; далѣе приписка: ꙋби агглъ г҃нь ѿ пол'ка асꙋриниска р҃ тыс҃ж и п҃ и д҃. Переводъ съ еврейскаго (см. Опис. син. рук., 1, стр. 53).

л. 198[1]). сиꙗ к'ни<га> плѣны ие҃рлимли правое нав'ходъ носорово,

1) Хронографическую часть рукописи вскорѣ послѣ того, какъ рукопись была привезена въ Петербургъ, подробно изучалъ В. М. Истринъ; онъ тщательно разобралъ сложную мозаику начальныхъ статей хронографа, составлен-

д'ругое ан'тиwхово, третиее титово. Нач.: Начинаетъ же оубо прьвѣе пленение навхдносорово, еже быстъ въ цр҇тво иwакимово... Послѣ введенія на об. 198 л. выдѣлено киноварью заглавіе Пленение великое навходносоромъ по ехоніи же црьствова седекиа, повидимому вписанное случайно; затѣмъ, начинаясь словами В' лѣто третие седекіа цр҇я юдина бы҇ гл҇ъ бж҇ии къ еремію и пр., идетъ апокрифическая повѣсть о взятіи Іерусалима (см. Тихонравовъ, Пам. отреч. лит., т. 1, стр. 284 и слѣд.). Повѣсть эта является основой, на которой строится новое произведеніе; частицы, вставленныя въ повѣсть, заимствованы частью дословно, частью въ передѣлкѣ изъ книги Іереміи (отрывки главъ XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIII, XLIV, иногда съ толкованіями), изъ Георгія Амартола (съ выпиской изъ книги 2-й Маккавеевъ), изъ 4-й книги Царствъ, изъ книги прор. Варуха (I. 5—II. 16) и изъ другихъ источниковъ, которые опредѣлить не удалось; многаго, что находится въ спискѣ Повѣсти, изданномъ Тихонравовымъ, въ нашей рукописи нѣтъ. Выписка изъ книги прор. Варуха заканчивается припиской аминь. Приписку эту можно объяснить тѣмъ, что выписка изъ Варуха заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, которую естественно было дополнить обычнымъ въ концѣ словомъ. Но слѣдуетъ, кажется, думать, что въ этомъ мѣстѣ прерывался разсказъ; продолженіе начинается нѣсколько переиначенными словами вступленія къ толкованію Даніила (л. 203 об.): Істаа лѣтъ быв'шаго полона сн҇омъ илвымъ ѿ навходносора в' вавилонъ, в' немъже о҃ лѣтъ работаша и по пророчству иеремиа пррка, яко же рече: о҃ лѣтъ будетъ пусто wсквное...; далѣе черезъ нѣсколько строкъ говорится: и да и фараwнъ в' таф'насѣ жити, ѿ ниже писа яже въ египътѣ быша имъ, се же пишю, яже в' вавилонѣ с'бышася

ную изъ переплетающихся между собою выписокъ и отрывковъ различныхъ книгъ, и въ скоромъ времени, вѣроятно, опубликуетъ результаты своихъ изслѣдованій. Представляемое здѣсь описаніе этихъ статей сдѣлано мною при помощи матеріаловъ В. М. Истрина, за сообщеніе которыхъ приношу ему глубокую благодарность.

имъ и блжнаго даниила видѣниа и прчтва и стыⷯ отрокъ мучение... Текстъ, слѣдующій за этими словами, по преимуществу заимствованъ изъ книги пр. Даніила (гл. I—IV); въ немъ случайно выдѣлено нѣсколько киноварныхъ заглавій: 1) в'сю пѣ з-ю въ п'сал'тыри, 2) всю пѣ и-ю въ псалтыри, 3) Данила прка о видѣнии патомъ сказание о дубѣ и какоⷨ бѣ црь навхоносоръ изъ цртва своего изгнанъ сказание ип'политово (текстъ заимствованъ изъ Даніила, III. 98—IV. 15).

л. 211. Выписки изъ Георгія Амартола съ вставками изъ другихъ источниковъ. Нач.: По преже нареченыⷯ асуринскыⷯ црⷺ цртвова, ꙗко же речено бѣ, навхоносоръ лѣ к и д.... (Муральтъ, стр. 191—206, 207, 208, 209—210); послѣдняя выписка кончается словами (л. 219): м'ногыа уво мужа и женъ и дѣти съ м'ногыми моуками изби и другиа плѣнивъ ѡнде, князь оставивъ, да моучитъ июдѣаны, съ дополненіемъ изомроша ѿ гдада а тысаща.... Слѣдующая за этимъ статья (л. 219) съ киноварнымъ заглавіемъ матѳѣа же ерѣи не сходна съ главой Амартола περὶ τοῦ Ματθίου ἱερέως. Въ текстѣ выписокъ выдѣлены киноварныя заглавія: передъ описаніемъ царствованія Камбиза (изъ Амартола) и о удиѳи (213 об.), при вставкѣ въ главѣ Βασιλεία ἑτέρου Ἀρταξέρξου — Плѣнение в.е иерлимле ан'тиохомъ цремъ (л. 216), передъ выпиской изъ Амартола (л. 216 об.; нач. Сѹгомоу же граду иерлимоу живущу всѣмъ мироу..., въ изд. Мур. περὶ τῆς β' ἁλώσεως τῆς Ἱερουσαλήμ) — мчние елиазарово и сѣми мак'кавеи; вѣроятно, здѣсь должно было быть предыдущее заглавіе; выписка изъ Амартола кончается началомъ главы περὶ Ἐλεάζαρ: ...и воемъ его прѣстоащемъ округъ въ оружии (216 об.); дальнѣйшій текстъ съ Амартоломъ не сходенъ за исключеніемъ самаго конца главы; объ Еліазарѣ и другихъ Маккавеяхъ въ заимствованномъ изъ Амартола отрывкѣ изъ этой главы вставлено киноварное заглавіе Сказание о плѣнении иерлима (л. 219).

л. 220 об. о плѣнении иерлима антиоха цра сна ан'тиохова сна селевкиина. Нач.: И тотъ ан'тиоⷯ и поиде на иерлимъ съво-

к8пивъ кънѝгѝ к тысячь а пѣшець ѓ.... Извлеченія изъ книги Іосифа Флавія о войнѣ Іудейской (см. изданіе Набера, I. § 41 и слѣд.).

л. 221 об. ѡ цр͡твии римъстѣ. Нач.: Бѣа цр͡твова езекиа въ иер͡лимѣ, и бѣ брата два в' запа͡дны͡х страна͡х ро и ри, ром' же старѣе рима; и створиста гра͡ и нарекоста и римъ; тако͡ж брата построиста палат8 подат'номоу, е͡ж речется римьскы капетолинъ, гл͡ва граду; брата͡ж възвигоста враждоу и 8би ромъ рима и цр͡твова ромъ единъ...—кромѣ начальныхъ словъ и нѣкоторыхъ дополненій въ концѣ сходно съ Малалой (стр. 171—174 Бонн. изд.; ср. также съ второй редакціей Еллинскаго лѣтописца — нашей рукописи «17. 17. 9» лл. 563 — 568) до словъ на л. 222: молах8, абы 8долѣлъ носа и зеленн8ю риз8, гл͡ше, ꙗко аще станѐ иже за д'митрею играетъ, еже есть земла, то скудота б8детъ жит8 и вина и масла и ѡвоща. Далѣе короткіе отрывки изъ Малалы: Ром' же ю видѣ стран8... (Мал. 176 — 177; Ел. л. 571 об.—572), Рома же и рима сказ8ютъ поврѫжена в лѣсѣ... (Мал. 178, Ел. л. 560), По ромѣ же цр͡твова инѣ͡х ѕ... (Мал. 180, Ел. л. 574 об.), по из'верженни͡м его строиша ри 8пати... (Мал. 214, 217, 218; ср. Ел. л. 585 об.); конч.: в'сего цр͡тво ѿвер'жеся еюпѐ и клеѡпатра.

л. 222. Начато матежю иер͡лмъском8. Нач.: Како по͡диде пѡ римъ, матежю быв'ш8 в' сил'ны͡х жидѣ͡х... Извлеченія изъ I-й книги Іосифа Флавія Περὶ τοῦ Ἰουδαικοῦ πολέμου (см. въ изд. Набера, 1. § 31 и слѣд.).

л. 222 об. си книги многаго въ словеси и простран'нѣишаго в раз8мѣ пр'мд͡раго иѡсип'па, иже ѿ еврѣи быв'шаго, 8дръжав'шаго прискрьнѣ любом8дрие. сл͡во а. Нач.: Пр͡лежн͡ повѣстование ѡ иродѣ͡х и ѡ цр͡ѣ͡х историа из'вѣстное и ѡ ꙗже с8щаа по си͡х мен'ши͡х чиново͡х коевож'до кн͡за и властела, понеже м'ногаꙗ по срѣдѣ архелаа и ирода ан'типатра и алексан'дра зата архелаева и ѳеоры и соломии и про͡чи͡х простран'нѣ 8дръжав'ш͡е шатание соует'ное... Начало сходно съ Волоколамскимъ спискомъ XVI в., описаннымъ И. И. Срезневскимъ въ

Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ, т. 3, № 85, стр. 140 и слѣд. Послѣ вводныхъ словъ на л. 223 изложеніе переходитъ къ концу I-й книги (изд. Набера, 1. § 506).

л. 232. слово є҃.е иωсип'пово ω пленении ие҃рлима. Нач.: Ар'хелаи же цр҃твова по ωц҃и .з҃. днии... Въ текстѣ киноварью выдѣлены заглавія: ω аѳанѣ ω пр҃орωмосѣ, начало ω чер'нечествѣ, ω триехъ чинѣхъ иже въ иерѣωхъ, ωбличение иωан'ново на ирода, ω ı҃с х҃ѣ, ω образѣ гаи кесарь, о ı҃с х҃ѣ и ω апосталехъ, ω масадѣ градѣ, ω оубиены҃ н҃ тыс҃ въ алексан҃рїи; на л. 239 на полѣ отмѣчено: к'книги мѣны, на л. 243 — зри разꙋмно словеса агрипъпова, на л. 244 — начало бран҃ рӥскы҃ с' жиды, на об. л. 244 — н҃ло погꙋбѣ.

л. 245 об. Слово г҃.е иосиппово ω плененіи іе҃рлима ω еоуспиеїанѣ. Нач.: Оуееписїан же поимъ силу ω҃ антиохїа... Сравнительно съ греческимъ текстомъ недостаетъ начала — § 1 — 28 (изд. Набера). Киноварью выдѣлены заглавія: ω етапатѣ градѣ, пр҃рчтво їосиппово кесарю, о ефатрограде, ω езерѣ генисарӥстѣмѣ (sic) и іωрданѣ.

л. 254. Слово д҃.е іωсиппово ω плѣненїи іе҃рлима. Нач.: По атапїстѣ же плѣненїи и елико галилеин оутекоша ω҃ рима... Выдѣлены киноварью заглавія: ω гамалѣ гр҃а, о гисхалѣ гр҃а, ω поставлени҃ нечтиваго ст҃ла, ω захарїи и варꙋхꙋ, ω самадѣ градѣ, ω езерѣ асфалтӥстѣ҃ иже чтω погрꙗзн҃ в не измѣтае҃ во҃, ω безаконїи іе҃рлимл҃, началω кесарства еоуспиеїанова, ω іосипѣ. На полѣ на л. 255 отмѣтка: ω моужествѣ и не хвалитися пωбѣдикъ врага.

л. 268. Сл҃ω е҃ того҃ іωсипа ω пленеиїи иерл҃ма. Нач.: Титꙋ же съвокꙋплающꙋ воа... Выдѣлены киноварью заглавія: ω катапетазмѣ и [въ подл. ні] ω і҃се (на полѣ отмѣчено: ω коустодїи), іωсипъ бѣсѣдꙋетъ о мирꙋ съ іюдѣи, Коне҃ словесе҃ иωсиплимъ (на полѣ).

л. 281 об. слоко ѕ҃.е ω плѣненїи ер҃лма. Нач.: Не҃рлимска стр҃ть растяше пω вся дни... Выдѣлены киноварью заглавія: ω оулїанѣ сотницѣ хр҃арости, ω женѣ снѣшеи чадо свое, ω

зажженїи цркви, ѡ ісѣ ананоѣ, ѡ сосоудѣ цркѡвны, ѡ полсѣ іерескы. На л. 294 об. на поляхъ въ двухъ мѣстахъ приписано: крова ста ꙗко езеро (въ текстѣ та же фраза о разореніи Іерусалима); на л. 295: сеж, іѡа грѣдаі, симо, витїи (осмысленіе Увар. ѣѵн).

л. 295 об. слово ꙁ иѡсип'пово ѡ пленении иерлма. Нач.: Понеже вѣи не имѣша нико ѹбити, ничто же въсхитати, зане не ѡставиша ни ѡстан'ка... Киноварью выдѣлены заглавія: ѡ премѹдрости съвѣта и почти воемъ римскыѣ прмрѣ титъ коего жѡ почте (при этомъ мѣстѣ на полѣ бесѣда титова вое); прелестное видѣнїе (на полѣ); ѡ рецѣ келицѣи иже внезапоу погибаетъ .ѕ. днїи а в семьи невидимо исходитъ; ѡ градѣ махерѹнде; ѡ источницѣ различны; ѡ моужествѣ рѹѳовѣ; о гра маса. Окончаніе седьмой книги не вошло въ русскій переводъ, какъ и въ Волоколамскомъ спискѣ XVI в. (Свѣд. и замѣтки, № 85, стр. 142). Конецъ русскаго текста соотвѣтствуетъ въ греческомъ (по изданію Набера) § 419 7-й книги; послѣднія слова: паче всѣ подивиша дѣскому възрасту, иво никто же ѿ нихъ не покори нарещи кесаря гнѡмъ тѡма преможе крѣпость дѹшевнаа в телеснѣи немощи. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе: да здѣ приꙗтова конецъ писанїа <с>й книгъ еже ѡ иродѣ и ѡ плѣненїи великаго града іерлима и о прочи и ѡ масадѣ краенастоꙗщемъ грд. амн—то же заключеніе, что и въ Волоколамскомъ спискѣ. Вообще сравнительно съ греческимъ текстомъ русскій представляетъ очень большія сокращенія.

л. 306 об. Законѡхранителя дїакона евгѣника рыданїе ѡ ѕапѹстенїе великаго града. Нач.: Ѡ хе црю ѹбы, ѡ хе црю все, ѡ о им' же преславнаа въгласи иже великогѡ цря бга граде, всечтаа бгомти, како твои иже великоименитыи и многѡвъжелѣныи грд и самѡ же ѕемли око, и родѹ оутвръженїе, и вселеннѣи свѣтлость... Въ рыданіи Евгеника оплакивается разореніе Цареграда Турками. Рыданіе въ греческомъ оригиналѣ напечатано недавно въ еще невышедшемъ въ свѣтъ «Описаніи Аѳонскихъ греческихъ рукописей» еп. Порфирія (Τοῦ νομοφύλαχος Ἰωάννου

διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ Μονῳδία ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Μεγαλοπόλεως) по рукописи Иверскаго монастыря (о другомъ спискѣ рыданія, принадлежащемъ Парижской національной библіотекѣ, XV в. см. H. Omont, Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la bibliothèque nationale, 3, suppl. p. 296 № 678). Упоминаемый Іоаннъ Евгеникъ—братъ извѣстнаго Марка Евгеника, митрополита Ефесскаго, діаконъ храма святой Софіи въ Цареградѣ и номофилаксъ, выдающійся ораторъ и писатель XV в. (см. K. Krumbacher, Geschichte der byzant. Litter.[2], 495 — 496, 117).

л. 309 об. Ѡ второмъ созанїи ієр̃лиму и ц̃ркви. Нач.: Нн̃ѣшнїи же ѡбразъ и вй втораго създанїа ц̃рковнаго... Изъ Амартола (см. у Мур. 201—203, 205). Послѣднія слова: прєс̃ущноє же и безначалноє божество исповѣсть (между строкъ приписано киноварью кто). За этими словами слѣдуетъ перечень городовъ:

гра̃ гадара.	а̃
гра̃ етападъ.	в̃
гра̃ еѳатри̇.	г̃
гра̃ гамала.	д̃
гра̃ гисхала.	є̃
гра̃ масада.	ѕ̃
гра̃ мехенроу̇.	з̃
гра̃ масада.	и̃

Этотъ перечень относится къ книгѣ «О войнѣ Іудейской» Іосифа Флавія, помѣщенной выше на лл. 222 об. — 306. Въ немъ перечисляются палестинскіе города, взятые Римлянами во время войны, описанной Флавіемъ, въ порядкѣ ихъ завоеванія: Γάδαρα, Ἰωτaπάτη, Ἰαφὰ (названіе ошибкой соединено съ именемъ военачальника — Траяна, посланнаго для завоеванія города), Γάμαλα, Γίσχαλοι Μασάδα, Μαχαιροῦς, Μασάδα; всѣ имена кромѣ Гадары (упоминается на л. 247 об.) отмѣчены киноварью на поляхъ рукописи (см. лл. 247 об., 251, 255, 256, 262, 300 об., 302). Числа при названіяхъ указываютъ только порядокъ упоминанія городовъ въ книгѣ.

л. 311. Цр҃тво алексан͛рово — Александрія первой редакціи (см. В. М. Истрина «Александрія русскихъ хронографовъ», Приложенія, стр. 5—128). Нач.: Гл҃ть, яко цр҃кия чтн ѿпа͛ есть силѹ бо͛жвенѹю дѣа... (по изд. середина I. 1).

Какъ особенность въ порядкѣ изложенія слѣдуетъ отмѣтить соединеніе гл. 35-й I-й кн. съ гл. 30-й: послѣ сл. (л. 317 об.) Къ ам͛монїнакию же прїиде и всади болшаа части во своихъ лодїахъ (такъ начинается въ рукописи глава; начала, соотвѣтствующаго печ. тексту, недостаетъ) слѣдуетъ Послы посла къ їюдѣωмъ, прося помочи оу ни͛ (изд. стр. 38) и до л. 319 идетъ то, что входитъ въ сл. ω вшествїи александровѣ къ иер҃лимъ (изд. 38—43); послѣднія слова (л. 319) — и си рекшу ему къ нй посрамиш҃а вси ѕѣлω, затѣмъ слѣдуетъ киноварная приписка александръ же прїимъ дары и͛ (часть послѣдней фразы гл. 29, въ рукописи пропущенной) и продолженіе прерванной гл. 30-й И повелѣ имъ приехати ждати его въ стровѣ нарицаемѣ҃ протинида... (изд. стр. 30 — 38) до средины гл. 35-й; послѣ сл. этой главы и нар҃е а трепо͛ посадивъ а в турѣ посадни҃: ⁘ (л. 321 об.) идетъ гл. 36-я (изд. стр. 43) — И посадивъ а алексан͛ръ поиде ѿ сирїа... Такимъ образомъ перестановка не сходна съ таковою во второй редакціи Александріи.

Вторая особенность текста заключается въ томъ, что передъ и вслѣдъ за 5-й главой кн. III-й вставлена раздѣленная на части повѣсть о Рахманахъ (III. 7 — III. 16): послѣ сл. (л. 334) по͛ кучами и въ вертеп҃ живущи҃ (III. 4) помѣщено киноварное заглавіе ω рахманѣхъ; затѣмъ идетъ текстъ повѣсти до словъ (л. 335 об.=конецъ III. 11) и тѣмъ люблю, да вижѹ и навыкну мрѣ (загл. <о> дандамни рахманомъ оучители сповѣданїе и ω макидонстѣмъ цр҃и не выдѣлено киноварью); послѣ этого слѣдуетъ гл. 5-я кн. III-й: рахмани͛ оуслышавши и пр. до сл. оумрѣше же и ни единому ничто же не будетъ (л. 336 об., конецъ гл. 6-й); затѣмъ снова продолжается повѣсть (съ гл. 12-й до 16-й): Рахмани и сами индїи... и пр. Въ главѣ 13-й (передъ словами Тогда же рече алек͛сан͛ръ цр҃ь слышавъ вс҃е...

л. 337 об.) вставленъ отрывокъ гл. 6-й (нач.: потом же въпроси александръ: имѣете ли старѣишинꙋ.... и прочїи ѡвоцїъ, въ изд. стр. 61), въ 6-й гл. пропущенный. Повѣсть кончается словами благть хва со всѣми вами тому слава и нн҃ѣ на л. 342 об. и непосредственно къ ней примыкаетъ гл. 17-я III-й кн., начинающаяся словами сему бывшу, ѿиде ѿ ни александръ же, обратився во свои путь...

Кромѣ этихъ отличій слѣдуетъ указать обширный пропускъ на л. 312-мъ, обнимающій собою конецъ гл. 4-й, гл. 5-ю, 6-ю и 7-ю кн. I-й (послѣднія слова 4-й гл. въ рукописи она же рє: како можеши).

Изъ другихъ особенностей рукописи нужно еще упомянуть о вставкѣ въ главу 41-ую I-й книги вслѣдъ за словами мтрь же дарїеву и жену и дѣти съ <со>кою привє с честїю, тако же и прочая полонникы словесы оутѣши (л. 323 об.); вставка посвящена прославленію добродѣтелей Александра; нач.: мнѡга ꙋбо тмами побѣди и не ꙋдоби глемаа и паче слова сътвори и по скончанїи его ради и скорость пардоуса его прркъ нарече и ярость и чермнечество...; затѣмъ вспоминается о юношѣ, тезѣ Александру, страшливомъ въ борьбѣ, которому Александръ предложилъ «ли врава ся того остати или имя си приложити» (входитъ въ 32 гл. III-й книги второй ред.—см. Истринъ, ч. 1, с. 237—238 и ч. 2, с. 239—240); къ этому разсказу присоединены слова, служащія связью съ дальнѣйшимъ: плѣни оже (обѣ? или плѣник же?) дщери дарїевы, александръ же ни видѣти въсхотѣ дарїевъ дщереи красных сущих ѕѣлѡ и двицах, въздръжаше бѡ ся вельма скврънено рекыи, вельма ѕѣло безмѣстно мужа плѣнуя нами побѣжену быти (въ Увар. сп.: моужа плѣнꙋя, женами побѣженоу быти). Слова эти чрезвычайно важны вслѣдствіе того, что являются единственнымъ мѣстомъ во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ Александріи, въ которомъ говорится о нѣсколькихъ дочеряхъ Дарія, а не объ одной, какъ обыкновенно. Вслѣдъ за ними продолжается прерванный разсказъ: Оубїеных же пръсъ бѣ множество много ѕѣло... и пр. (см. изд. текстъ, стр. 49).

л. 349 об. Выписки изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ; событія 6494, 6495, 6496, 6499 (по изд. Лаврент. лѣт. 6497) и 6504 годовъ. Текстъ рукописи представляетъ существенныя отличія отъ извѣстныхъ текстовъ — Новгородскаго, Ипатьевскаго съ Хлѣбниковскимъ, Лаврентьевскаго, Радзивиловскаго и Московской духовной академіи; вставокъ въ обычный текстъ немного, чаще иное изложеніе и сокращенія; очень богато сокращеніями слово философа, и въ другихъ отношеніяхъ болѣе другихъ частей разнящееся отъ извѣстнаго текста. Самое существенное отступленіе текста рукописи находится подъ 6496 годомъ въ описаніи крещенія Владимира; отступленіе это любопытно тѣмъ, что вопреки всѣмъ другимъ лѣтописнымъ источникамъ называетъ мѣстомъ крещенія Владимира въ Корсуни не церковь Василія или Василиска или Святой Богородицы или св. Софіи, а церковь святого Климента, въ чемъ сходится только съ Троицкимъ спискомъ Новгородской I-й лѣтописи (копія съ него въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 247). Въ виду значенія настоящаго списка Повѣсти временныхъ лѣтъ, представляемъ въ приложеніяхъ полностью весь отрывокъ по рукописи б-ки гр. Уварова, совершенно сходной, какъ выше было сказано, съ нашей рукописью, но болѣе важной вслѣдствіе своего старшинства.

л. 357. Ѿ потаенны̑ кънигъ ѿ бохищен҃ енохове праве҃наго ѡ г҃и бл҃ви владыкѡ (до сихъ поръ киноварью), Моужа мꙋдраго, книж'ника великаго, егоже пріа г҃ь видите любите вышн҃а житіа и прм҃раго и велик҃а непремѣн'наго и вседръжителева цр҃тва б҃жіа превеликаго многоѡчит҃а (ѡ позднѣйшая прибавка) и неподвижимаго пр҃тла г҃на пресвѣтлаго стоаніа слꙋго г҃нь и степень дръжавенъ ѡгнароденъ бои нбн҃ыми не̑скажема (и приписано позже) сложеніа многа мно̑ства стꙋхи̑ и ра̑лична видѣніа и не̑повѣдаемаа (и приписано позже) пѣніа херꙋвим'ски̑ бои свѣта бе̑мѣрна видѣцъ быти. Нач.: И во време ѡно р҃е енохъ: ег҃а наполни м҃и т҃е въ мц҃ь пръвы̑... Текстъ книги Еноха напечатанъ М. И. Соколовымъ въ 3-мъ выпускѣ его «Матеріаловъ и замѣтокъ по

старинной славянской литературѣ» (Чтенія общ. ист. и др. росс., 1899, кн. 4) по болгарскому списку Бѣлградской библіотеки съ варіантами изъ нѣсколькихъ русскихъ и между прочимъ изъ Уваровскаго, двойника нашей рукописи; списокъ Уваровскій, а слѣдовательно и нашъ, отнесенъ въ изданіи къ первой подробной редакціи книги; но нужно сказать, что и тотъ и другой въ значительной степени отличаются отъ Бѣлградскаго списка и часто даже не поддаются труду подведенія варіантовъ.

Рукопись пріобрѣтена въ Вологдѣ. По новой описи: 45. 13. 4.

13. *Сборникъ* второй половины XVI вѣка. Въ четвертку, на 170 листахъ, въ одинъ столбецъ по 17 и 18 строкъ, на бумагѣ; филиграни — перчатки нѣсколькихъ типовъ съ пятилистникомъ или короной надъ пальцами, съ сердцемъ на ладони, съ рукавчикомъ, украшеннымъ фестонами.

Письмо—полууставъ нѣсколькихъ почерковъ; въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ плохая киноварь. Правописаніе русское: ѧ только послѣ согласныхъ, отсутствіе глухихъ въ плавныхъ сочетаніяхъ и иногда смѣшеніе ѣ и є; встрѣчается ж, но употребленіе его случайно и неправильно. Изъ особенностей письма можно отмѣтить преимущественное употребленіе оу передъ ꙋ и очень рѣдкое у, непослѣдовательное употребленіе є для обозначенія іотированнаго е. Переплетъ досчатый съ кожанымъ корешкомъ. Рукопись не полная.

л. 1. Житіе пророка Иліи, безъ начала; нач. словами: ...с нбси приємлѧ пищꙋ враномъ по вс҄ѧ дни... Ср. Макар. чет.-мин. 20-го іюля.

л. 7. Отрывокъ поученія. Нач.:... и аггл҃ъ нбныи члк҃ъ дагa пищж ѿ нбсе... (только нѣсколько строкъ).

л. 7. Слово на преѡбраженіє гн҃а нш҃его і҃са. Нач.: Слыша влкоу нн҃ѣ гл҃юща: амн҃ глю ва҃ соу҃ нєцин ѿ здѣ стоꙗщи... Слово Іоанна Златоустаго. См. Макар. чет.-мин. 6-го августа.

л. 12 об. г҃. слово на преѡбраженi<е> г҃а. Нач.: Ꙗко

страшно мѣсто се оудивлаемъ и азъ съ патриархꙋ иꙗковꙋ... Слово Анастасія Синайскаго. См. Макарьев. чет.-мин. 6-го августа.

л. 35. д҃. слово на оуспеніе пре҃стыѧ влчцe нш҃иꙗ бц҃и прнодв҃ы. Нач.: Єгда придѣ время изыти ѿ тѣла пре҃стѣи бц҃и... Слово Іоанна, архіеп. Солунскаго. См. Макарьев. чет.-мин. 15-го августа.

л. 64 об. е҃. слово възлюбленика и наперастаніка ивана богослова. Нач.: Сии бѣаше сн҃ъ зеведѣевъ и саламѣи и҃ дщи иосифа... Проложная редакція житія; см. Макар. чет.-мин. 26-го сентября (въ изданіи стл. 2154—2162).

л. 81 об. слово алѣксандрово ѡ болащем. Нач.: Въ единъ оубо ѿ дни изъше изъ црквѣ Алексанрдъ... См. Опис. солов. рукоп., т. 1, стр. 585 и 587; здѣсь слово это названо Словомъ блаженнаго Евсевія, еже Бога хвалити болящему, и о Іевѣ.

л. 93. ѕ҃. чюдо и похвала ст҃го славного велико димитрея Селꙋнаскаго. Нач.: Максиміанъ рекомыи еркꙋлии оумиривша и даникы створи готфы... Текстъ напечатанъ въ Макар. чет.-мин. подъ 26-мъ окт., ст. 1883—1891; есть нѣкоторые варіанты.

л. 105. з҃. чюдо и похвала ст҃го славнаго мчка хв҃а геѡргии. Нач.: Како изрекꙋ страшнꙋю сию и преславноую таинꙋ... Конца недостаетъ, такъ какъ вырваны листы; оканчивается словами: во имѧ ст҃го геѡргиꙗ ѡкрстъ... —чудо о змѣѣ. См. Макар. чет.-мин. 23-го апрѣля.

л. 113. Чудеса св. Николая чюдотворца: чудо о Димитріи, спасенномъ отъ потопленія (л. 113 безъ начала), о избавленіи трехъ мужей отъ напрасной смерти (л. 117), о нѣкоемъ мужѣ Симеонѣ (л. 125, безъ конца), о срацинѣ, избавленномъ отъ темницы (л. 127, безъ начала), о избавленіи нѣкоего мужа Петра отъ темницы (л. 133 об.), слово похвальное св. Николаю (л. 142), чудо о трехъ дѣвицахъ (л. 154). Всего 7 чудесъ.

л. 157. мц҃а сентабрꙗ и҃ дн҃ѧ слово на ро҃ство пр҃ты влчци нш҃ии бц҃и дв҃ы мріѧ. Нач.: В лѣто написаниꙗ ѡбою на г҃ колѣ-

ноу ізлѣѹ... — неполный списокъ первоевангелія ап. Іакова; на об. л. 170 выдѣлено киноварью слово на ро͡ж га ісѧ; рукопись обрывается на половинѣ XVII главы словами: ꙗко͡ж хощѣ и ѿсѣдла ѿ... См. въ Макар. чет.-мин. 8-го сент. (стлб. 352—359) и у Порфирьева въ Апокрифическихъ сказ. о новозав. лицахъ и соб., стр. 136—144.

Рукопись куплена у екатеринбургскаго жителя Т. М. Кривкова. По новой описи: 32. 2. 12.

14. *Служебная минея за декабрь мѣсяцъ* третьей четверти XVI в. Въ четвертку, на 308 листахъ, въ одинъ столбецъ по 23 строки, на бумагѣ; лл. 1—271 безъ филиграни, на лл. 272—308—рука въ рукавчикѣ съ фестонами, съ сердцемъ на ладони и короной надъ пальцами (ср. №№ 2717 и 3148 у Лихачева).

Письмо рукописи полууставное, съ киноварью въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ. Правописаніе русское; попадаются среднеболгаризмы (частые въ отношеніи замѣны ꙗ послѣ гласной посредствомъ ѧ и очень рѣдкіе въ отношеніи положенія глухихъ въ плавныхъ сочетаніяхъ); ѧ преимущественно передъ ꙗ ставится послѣ согласныхъ, но есть случаи его употребленія и въ началѣ слоговъ; встрѣчается неправильное употребленіе ѣ вмѣсто є (изрѣдка и наоборотъ). Изъ особенностей письма можно отмѣтить преимущественное (а въ первой половинѣ рукописи исключительное) употребленіе ɛ передъ є; оу встрѣчается наравнѣ съ ѹ, есть и ҁ. Переплетъ досчатый, крытый кожей.

Службы въ день Іосифа обручника и Іакова брата Господня (26 дек.) и Стефана архіеп. Сурожскаго (15 декабря) отнесены въ конецъ рукописи. Службъ русскимъ святымъ нѣтъ.

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 2. 19.

15. *Псалтырь* конца XVI вѣка. Въ четвертку, на 193-хъ листахъ, въ одинъ столбецъ по 18 строкъ, на бумагѣ; филигрань

ваза съ двумя ручками, буквами на стѣнкѣ (не видны изъ-за сгиба бумаги) и украшеніями изъ кружковъ надъ крышкой.

Письмо полууставное, нѣсколько наклонное, съ киноварью въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ. Правописаніе русское съ средне-болгаризмами; таково почти постоянное сохраненіе глухого въ плавныхъ сочетаніяхъ, замѣна ꙗ послѣ гласныхъ посредствомъ ѧ (не послѣдовательно), замѣна ъ посредствомъ ѫ (изрѣдка); ж встрѣчается, но какъ исключеніе; ѧ не различается съ ꙗ, ставится и въ началѣ слоговъ, встрѣчается (какъ и ю) и послѣ шипящихъ; съ другой стороны послѣ шипящихъ находимъ ы вм. и; є употребляется для обозначенія іотаціи, но не постоянно; ȣ и оу встрѣчаются одинаково.

Рукопись не полная: начинается концомъ 36-го стиха 17-го псалма словами: ... мѧ в конецъ и наказаніє твоє то мѧ наоучитъ; кончается словами 7-й библейской молитвы: но дшою съкроушеною и дхомъ сми... Переплетъ досчатый, крытый кожей; сохранилась только задняя доска.

л. 1. Текстъ псалтыри.

л. 179. Перечень заглавій молитвъ по изглніи нѣколикыхъ каѳ или всег ѱлтра.

л. 179 об. молитва по ѱлмопѣніи. Нач.: Блко многомлтве и прещедрыи ги...

л. 180. Библейскія пѣсни.

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 2. 2.

16. *Прологъ второй половины года (мартъ—августъ)* конца XVI в. и средины XVII в. Въ листъ, на 199-ти листахъ, въ одинъ столбецъ по 29 и 27 строкъ, на бумагѣ; филиграни: 1) кувшинчикъ съ буквами R. A. (?), объ одной ручкѣ, съ короной, увѣнчанной розеткой (ср. № 3104 въ атласѣ Н. П. Лихачева), 2) большая рука съ цвѣткомъ изъ пяти лепестковъ (ср. № 3107 у Лихачева), 3) двѣ башни, соединенныя вмѣстѣ, съ буквами C. B. между ними (у Лихачева этого знака нѣтъ), 4) высокій

кувшинчикъ объ одной ручкѣ съ буквами С М на стѣнкѣ и съ короной, увѣнчанной большою розеткою, 5) гербовый щитъ съ тремя ульями (?).

Письмо рукописи полууставное двухъ почерковъ: 1) лл. 1—28 и 171—199 (старшій почеркъ), 2) лл. 29—170 (младшій). Правописаніе русское; есть нѣкоторые средне-болгаризмы въ 1-мъ почеркѣ, таковы сохраненіе (иногда) глухого въ плавныхъ сочетаніяхъ, непослѣдовательное употребленіе ѧ вм. ꙗ послѣ гласныхъ, замѣна ъ посредствомъ ь (изрѣдка); употребленіе ꙋ во всѣхъ почеркахъ безразличное съ ѫ; іотація є отмѣчается только во 2-мъ почеркѣ, но не послѣдовательно.

Переплетъ досчатый, крытый кожей; сохранилась только задняя доска.

Рукопись неполная: нѣтъ начала, конца и многихъ листовъ въ серединѣ; послѣдніе листы наполовину изорваны. Нач. словами: ...ще и того радї лѣпо ѥ ѿ тѣх ѿлꙋчати недовѡнаго извѣта...—конецъ поученія 8-го марта; кончается сказаніями 28-го августа Сравнительно съ печатнымъ изданіемъ 1702 года на ряду со многими пропусками въ рукописи есть нѣкоторыя вставки. Житій русскихъ святыхъ нѣтъ.

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 1. 7.

17. *Требникъ* начала XVII в. Въ восьмую долю, на 139-ти листахъ, въ одинъ столбецъ, на бумагѣ; филигрань кувшинчикъ съ небольшой короной и розеткой на крышкѣ. Письмо полууставное. Заглавіе и начальныя буквы киноварныя. Правописаніе русское съ нѣкоторыми средне-болгаризмами. Рукопись неполная — не достаетъ начала и конца. Переплетомъ служитъ кусокъ кожи.

л. 1. Чинъ вѣнчанія. Начала нѣтъ. На л. 30 об. Чинъ і оуказъ, аще комоу понѧт вдовцꙋ двца или за оуношоу идеть вдовица.

На л. 31 об. о двоежен'цехъ.

На л. 32 Пооученіе новобрачнаі.

На л. 34 об. поученіе іоан'на златаоустагѡ (нач. Отыи іоаннъ златоустыи пиша глтл: оуслышите, жены, заповѣди бжіа...).

На л. 36 об. Чинъ второмоу бракоу.

л. 43. Осщеніе водѣ к навечеріе сты богоявленіи.

л. 67 об. Безъ заглавія. Послѣдованіе вечерни въ день пятидесятницы.

л. 108. послѣдованіе ѡсщеніа въ .а. мца авгоу, і егда кто хощетъ потребѣ призывающи. Безъ конца.

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 45. 9. 7.

18. *Сборникъ изъ двухъ рукописей* начала XVII в. Въ четвертку, на 129-ти листахъ, въ одинъ столбецъ на бумагѣ; филиграни: 1) небольшой кувшинчикъ съ одной ручкой, короной на крышкѣ и розеткой надъ нею, съ буквами R F на стѣнкѣ, 2) кувшинчикъ узкогорлый о двухъ ручкахъ, съ украшеніемъ изъ большихъ и малыхъ кружковъ вмѣсто крышки и буквами P и M между двухъ кружковъ на стѣнкѣ (знакъ совершенно сходенъ съ № 4245 атласа Н. П. Лихачева), 3) кувшинчикъ узкогорлый о двухъ ручкахъ съ украшеніемъ въ видѣ пирамиды изъ одиннадцати кружковъ вмѣсто крышки (близко сходенъ съ № 4243 атласа Лихачева).

Письмо рукописи полууставное, двухъ почерковъ: 1) л. 1—29 и 77—129, 2) л. 30—76. Заглавія и начальныя буквы киноварныя. Правописаніе русское. Рукопись неполная: недостаетъ въ началѣ и серединѣ нѣсколькихъ листовъ.

л. 1. Повѣсть о нерукотворенномъ образѣ императора Константина Багрянороднаго. Начало статьи утрачено; начинается словами: е ко гу своему бжтвена подающе знаменіа; на л. 24 об. киноварью выдѣлено заглавіе: Млтва цреа к' нерукотворенному ѡбразу. Повѣсть напечатана у И. Я. Порфирьева въ Апокриф.

сказаніяхъ о новозавѣтн. лицахъ и соб., стр. 256—270. Текстъ близокъ къ печатному. Эта статья и двѣ слѣдующихъ входятъ и въ Макар. чет.-мин. подъ 16-мъ августа.

л. 25. В тои[ж] днь слово григориа епспа никѣ ѡ обрѣтеніе нерукотвореннаго ѡбраза га бга и спса нашего іс ха и[ж] в кумулианѣхъ. Нач.: Гь нша іс хс правѣныи, истин'ны[и] бгъ ... Съ небольшими отличіями напечатано Порфирьевымъ въ Апокриф. сказ. о новозавѣтн. лицахъ и соб., стр. 245—247.

л. 29. Ино сказаніе ѡ нерукотворен'номъ ѡбразе га нашего іса ха. Нач.: Рече нѣкто ѿ пер'вы[х] црков'никъ живописецъ сы[и]... Статья кончается словами: и по ра[с]сѣяніи апль преданъ...; вырвано три листа. Съ небольшими отличіями напечатано у Порфирьева въ Апокр. сказ. о новозав. лицахъ, стр. 244.

л. 30. мца августа в' к дня стго первомученика и первослужителя архидіакона стефана. В тои же днь преставленіе стго блажен'наго ха ради юродиваго василіа московъскаго, новаго чюдотворца. Служба Василію Блаженному. Нач.: Преблажен'не василіе, ѿ юности тщася...

л. 77. Мца агуста в дн[ь] слово стго лукиана про[з]витера стыя цер'кви іерлимъскіа о принесені[и] мощеи стго и всехвалнаго апла и пер'вомчнка и ар'хидіакона стефана, и[з] ерлима принесено в' славныи цргрд. Нач.: Бысть по оубиеніи стго в'сехвал'наго апла и первомчнка... На об. л. 94-го киноварью выдѣлено заглавіе: Начало принесеніа мощеи стго стефана въ црьградъ. См. Макар. чет.-мин. 2-го августа.

л. 110. Мца ав'густа въ кѳ днь стго іѡанна златаоуста слово на оусѣкновеніе іѡанна кртителя. Нач.: Яко же сеи мужь етеръ любя пустыню... См. Макар. чет.-мин. подъ 29 августа. Слово напечатано въ изданіяхъ общ. люб. др. письм., вып. 10; текстъ рукописи значительно отличается отъ печатнаго текста.

л. 117. Григоріа архиепспа росіиского слово на оусѣк'новеніе главы чтнаго и славна пррка и пртча и кртля іѡанна. Нач.: Паки иоудея жадаетъ прроческиа крове, паки прркооубиис'твомъ дыше... Слово Григорія Цамвлака. См. Мак. чет.-мин. 29-го

августа. Объ этомъ словѣ см. въ Извѣстіяхъ 2-го отд. И. акад. н., т. 6, стр. 124—125.

Рукопись куплена у екатеринбургскаго жителя Т. М. Кривкова. По новой описи: 32. 2. 6.

19. *Выборки изъ служебной минеи за августъ и сентябрь мѣсяцы* первой половины XVII в. Въ листъ, на 137 листахъ, на бумагѣ (филигрань — гербовый щитъ съ изображеніемъ городскихъ воротъ). Письмо полууставное, въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ киноварь. Рукопись неполная: недостаетъ начала, конца и многихъ листовъ въ серединѣ. Правописаніе русское.

Заключаетъ въ себѣ службы: 6, 14, 15, 16, 18, 26 и 29 августа и 1, 6, 7 сентября и отрывокъ службы 8 сент. Изъ русскихъ праздниковъ помѣщена служба срѣтенію иконы Владимирской Богородицы.

Рукопись куплена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 1. 14.

20. *Тріодь постная* средины XVII в. Въ листъ, на 308-ти листахъ, въ два столбца по 30-ти строкъ, на бумагѣ; филиграни: 1) картушъ съ очень неяснымъ изображеніемъ, 2) одноглавый орелъ и 3) крылатый грифонъ въ кругѣ.

Рукопись писана косымъ полууставомъ; заглавія и начальныя буквы киноварныя. Правописаніе русское съ нѣкоторыми остатками средне-болгаризмовъ. Въ началѣ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Въ концѣ на л. 308 приписка: Словеса оубо писаннаа прїидоша в конець, оуму͞ да не боудеть ког͞а прїати конець блюкителе͞ и д͞шепитате͞лны͞ словесъ, когда оубо бы бываетъ бл͞гыхъ насыщение. Б͞гоу н͞шемоу слава все͞га и н͞нѣ и присно и въ вѣки вѣко͞ аминь.

л. 1. Нач. словами: ...<тѣ>ло и д͞ша и д͞хъ бл͞чце възложи͞ к' тебѣ... Служба субботы вечеръ недѣли мытаря и фарисея (см. Тріодь постн. изд. 1622 г., л. 5—452).

л. 290 об. Сѣдальны ѿ осмогласника аже пое на пер'выи стіхословіи стыхъ четверодесятница (тамъ же, лл. 455 об. — 473).

л. 305. Пѣнія троична, и пое в' великіи постъ и въ прочая посты (тамъ же, 452 об.—455).

л. 306 об. Сіи стихове пѣваемы бываютъ въ всякую недѣлю на утрени по непорочныхъ.

л. 307 об. Сіи тропари певаемъ въ всякую субботу.

Рукопись куплена у екатеринбургскаго жителя Т. М. Кривкова. По новой описи: 32. 1. 15.

21. *Служебникъ* второй половины XVII в. Въ четвертку, на 116-ти листахъ, на бумагѣ (филиграни: шутъ съ семью бубенцами и гербъ города Амстердама). Письмо — полууставъ. Въ концѣ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; листы 7—9 и 112 — 116 болѣе поздняго происхожденія. Рукопись относится къ царствованію Алексѣя Михаиловича (см. л. 104). Переплетъ досчатый, крытый кожею.

л. 1. Уставъ священнослуженія, сирѣчь како служить діаконъ со священникомъ велицѣи вечерни же и утрени и литургіи, сложенныи и изображенныи святѣйшаго и вселенскаго патріарха господина Филоѳеа (см. Служебникъ 1658, л. 1—46).

л. 21. молитвы свѣтилничныя (см. тамъ же, л. 47—93).

л. 43. пᲂслѣдованіе утрени (тамъ же, л. 94—144).

л. 66. Чинъ священныя и божественныя литоргіи бываемыи сицѣ в велицѣи церкви и во святѣи горѣ (тамъ же, л. 191—232).

л. 82 об. божественная лі‹т›ургиа иже во святыхъ отца нашего іоанна златоустаго (тамъ же, л. 233 — 301). Между листами 111 и 112 большой пропускъ, соотвѣтствующій листамъ 301 — 370 печатнаго изданія. Конца недостаетъ: кончается л. 373 печатнаго изданія.

л. 113. Послѣдованіе ко святому причащенію (безъ заглавія). Нач.: Егда получиши добраго причащенія животворящихъ таинственныхъ дарованіи (см. въ Служебникѣ 1658, л. 770—777).

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 2. 3.

22. *Сборникъ* второй половины XVII в. Въ четвертку, на 244 листахъ, на бумагѣ; филиграни: 1) ваза съ цвѣтами о двухъ ручкахъ, съ крестомъ на стѣнкѣ и двумя фигурами по сторонамъ, 2) ваза узкогорлая о двухъ ручкахъ съ крестомъ на стѣнкѣ, съ растеніями, надъ которыми находится буква S.

Рукопись писана скорописью. Въ первой половинѣ заглавія и начальныя буквы киноварныя, во второй для буквъ оставлены пустыя мѣста. Правописаніе русское. Въ началѣ рукописи недостаетъ двухъ или трехъ листовъ. Переплетъ досчатый, крытый тисненой кожей.

л. 1. Житіе Іоанна Богослова, написанное Прохоромъ, ученикомъ его; безъ начала. Нач. словами: ...внидох̑ѡ в селевкию и яко во истоплениє кора̑бленоє впа̑шє.... Житіе напечатано трижды: 1) по рукописи XV — XVI в. въ сличеніи съ греч. текстомъ 1022 г. архим. Амфилохіемъ (изд. обществомъ любителей др. письм., № 31) 2) по лицевому списку XVII в. (изд. общ. любителей др. письм., № 23) и 3) въ Макарьевскихъ чет.-минеяхъ подъ 26-мъ сентября, столбцы 1584 — 1660. Текстъ рукописи ближе всего подходитъ къ списку XV — XVI в. изд. арх. Амфилохіемъ; начало соотвѣтствуетъ 13-й строкѣ 3-й страницы изданія. Къ другимъ двумъ спискамъ рукописный текстъ представляетъ много варіантовъ.

л. 122 об. Иже во стг҃ѡ Ѿца нашего ипполита еп҃па римс̑каго и мч҃ника (о связаніи діавола на 1000 лѣтъ). Нач.: Разрѣшению неизречен̑наго Ѿкровения иоанна бг҃ослов̑ца сказающе...

л. 123 об. Главы явлен̑ыя в̑ патмѣ апокалип̑си иоанну и еу̑лис̑ту. Оглавленіе, заключающее 72 главы. Напечатано въ изданіи Макарьевскихъ чет.-мин. подъ 26-мъ сент., столб. 1696—1700.

л. 129 об. Книгы апокалип̑си имутъ слово кд҃. гла҃ ов҃. сти҃ ѱ҃ы. Ѿ҃го анд̑рея ар̑хиепис̑куп̑па кесария кападокиис̑кıа ска-

sание апокалипси стго апла иоанна бгословца и еулиста сокровены открωвение. Нач.: Гдну моему и брату причетнику... Сходно съ текстомъ, напечатаннымъ тамъ же, ст. 1700—1702.

л. 132 об. еулиста слово а. глава а. прологъ (начало заглавія не вписано) — толковый апокалипсисъ съ толкованіями Андрея Кессарійскаго. Текстъ рукописи не дописанъ до конца; кончается толкованіемъ къ ст. 231-му гл. 55-й сл. 19-го (т. е. гл. 18. стл. 13). Сходно съ текстомъ, напечатаннымъ въ изданіи Макар. мин. четій, с. 1702—1770.

л. 244 об. Замѣтка: Наставае луне лѣтъ. генваре. к нина(?) декабре слнцу ωтторемъ. епакта декабре. основание генваре рука иωан бгослова. мартоу. а луна по нашему марту же а полатински генваре. индиктъ сентября сирѣчь новое лѣто. обновление кругово.

л. 244 об. Молитва Свѣте тихи (позднимъ почеркомъ).

Рукопись куплена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 9. 6.

23. *Крюковой ирмолой* конца XVII вѣка или начала XVIII в. Въ восьмую долю, на 153-хъ листахъ на бумагѣ (филигрань: голова шута съ семью бубенцами). Письмо — полууставъ; начальныя буквы киноварныя. Правописаніе русское. Въ рукописи недостаетъ одного листа въ началѣ и нѣсколькихъ въ концѣ. Вмѣсто переплета кусокъ кожи.

Рукопись начинается слѣдующими словами 1-ой пѣсни 1-го гласа — ... ωцу и человѣкомъ славима.... (см. печатн. Ирмолой 1673 г., л. 2); кончается ирмосами въ предпразднество Рождества Христова; послѣднія слова ...вся носяи дланию во яслѣхъ.... (на павечерницѣ 24 дек. канонъ, пѣснь 8-ая (см. на 150-й стр. того же изданія).

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 9. 2.

24. *Святцы* исхода XVII вѣка. Въ восьмую долю листа, на 93 листахъ, на бумагѣ (филигрань: шутъ съ семью бубенцами).

Рукопись писана полууставомъ. Заглавія черныя, начальныя буквы киноварныя; киноварью съ черными заглавными буквами написаны памяти русскихъ святыхъ, Господскіе и Богородичные праздники, очень немногіе общіе святые и календарныя отмѣтки. При нѣкоторыхъ мѣсяцахъ есть русскія названія: мцъ апрѣлѧ, е҆же есть вторыи, нарицаемыи квѣтенъ, зане в тꙋ цвѣты землѧ испꙋщаетъ; мцъ июнѧ, еже есть четвертыи, нарицаемыи червецъ; мцъ июлѧ, е҆же есть пѧтыи, нарицаемыи липец; мцъ мартъ, нарицаемыи березозолъ, имать ла днѧ, сеи пер'выи в мцѣхъ есть мцъ, зане во нѧ началобытныи свѣтъ сеи видимыи сотворенъ бысть... и проч. Время написанія рукописи опредѣляется ключемъ къ пасхальной таблицѣ: начинается 7201 годомъ, т. е. 1693-мъ, кончается 7248-мъ, т. е. 1740-мъ. Рукопись неполная: недостаетъ четырехъ первыхъ тетрадей и нѣсколькихъ листовъ въ концѣ и въ серединѣ.

л. 1. Мѣсяцесловъ. Безъ начала; начинается съ 28 ноября.

л. 83. Ключь в'кратцѣ съ ꙗ҃-го лѣта.

л. 85. Выписки изъ устава церковнаго.

л. 93. Лꙋнное теченїе.

Рукопись куплена въ Вологдѣ. По новой описи: 45. 9. 5.

25. *Житіе Николая чудотворца* конца XVII в. Въ четвертку, на 85 листахъ, на бумагѣ (филигрань: шутъ съ пятью бубенцами и гербъ города Амстердама); писана скорописью. Въ серединѣ и въ концѣ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Рукопись подмочена, нѣкоторыя страницы совершенно смыты.

Текстъ совершенно сходенъ съ печатнымъ изданіемъ 1662 года за исключеніемъ службы 9-го мая и сказанія вкратцѣ о чудесахъ св. Николая, которыхъ въ рукописи нѣтъ.

Рукопись куплена въ Кадниковскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 2. 20.

26. *Цвѣты сельные* конца XVII в. Въ четвертку, на 22 листахъ, на бумагѣ (филигрань: голова шута съ пятью бубенцами);

письмо полууставное, заглавія и начальныя буквы киноварныя. Конецъ рукописи утерянъ. Заглавіе книги на л. 2: Книга глемая цвѣты сенїи, сирѣчь слаткословие избрано ѿ премудрости цря соломона и ѿ їсуса сирахова и ѿ пчелы. На л. 2—4 внизу почеркомъ XVII в. русскими и латинскими буквами повторено заглавіе sija kniga cwjeti selni sirjezc slawoslowie.

Рукопись представляетъ собою сборникъ нравоучительныхъ изрѣченій; всего 139 изрѣченій. Заглавія источниковъ (часто перепутанныя) выписаны надъ изрѣченіями въ отдѣльныхъ строчкахъ; кромѣ перечисленныхъ въ общемъ заглавіи источниковъ въ рукописи упоминается Давидъ, Ихнилъ, Сирянъ. На л. 1 почеркомъ XIX в. замѣтка: «легче истребить разумъ и науку, нежели вызвать ихъ къ существованію. Tacit».

Рукопись пріобрѣтена въ Устюгѣ. По новой описи 32. 2. 5.

27. *Сборникъ* конца XVII в. Въ четвертку, на 157-ми листахъ, на бумагѣ (филиграни: головы шута съ пятью и семью бубенцами). Писана полууставомъ двухъ почерковъ: 1) лл. 1—11, 114—157 и 2) лл. 12—113; заглавія и начальныя буквы киноварныя. Въ рукописи недостаетъ начала, конца и нѣсколькихъ листовъ въ серединѣ.

л. 1. Служба Іоанну Богослову (26 сент.). Безъ начала; нач. словами: ...трб апле хУ бгУ возлюбленне... (по Служ. мин. за сентябрь мѣс. изд. 1645 г. л. 374).

л. 12. Служба Іоанну Златоустому (13 ноября). Съ пропусками въ серединѣ.

л. 39. Служба Николаю Чудотворцу (6 декабря).

л. 83. Служба на перенесеніе мощей Николая Чудотворца 9 мая.

л. 114. Сїя книга, глаголемая златоустъ. поучение иже во стых оца нашего їоанна златоустаго, нла ѡ мытари и фарисеи. глв а. Нач.: Прнѡ убо, братїе, да послушаемъ хртова гласа вздрѣниши буде....

л. 116. Нла поучение иже во стых оца нашего їоанна злат. слово

ѡ блѹдномъ снѣ. гла҃ в҃. Нач.: Бѡзлюбленіи, послѹшаите самогѡ хр҃та гл҃юща ѡ покаяніи притчю....

л. 118. В сѹбботѹ масопѹстнѹю слово іоанна златоѹ ѡ ѹмерший. глава г҃. Нач.: Вѣсте многажды, слово ѹтѣшително исцѣлити болѣзнь можѣ....

л. 124. В нлю мясопѹстнѹю поѹченіе иже во стыхъ о҃ нашего іѡанна златоѹстаго. Нач.: Времѧ, братіе, приближисѧ спс҃еніѧ нш҃его, сія дни приближаетсѧ покаянію....

л. 126. В сѹботѹ сыропѹстнѹю поѹченіе златоустаго іѡанна ѿ еѵліа. Нач.: Рече гдь: аще ѡставитъ чл҃кѡ согрѣшеніа ихъ оц҃ъ вашъ нбс҃ныи....

л. 127 об. В недѣлю сыропѹстнѹю поученіе іѡанна златоустаго. гла҃ шестая. Нач.: Разѹмно и смысленно послѹшаите, братие и сестры, пррка гл҃юща ѡ ст҃ѣ посте...

л. 129 об. Оказаніе нектаріа патріарха цр҃ѧ града, чтѡ ради праднѹемъ в сѹббѡтѹ а҃-ю поста ст҃агѡ великѡмчнка ѳеѡдора тирона. Нач.: Пріидите, вѣрніи, слышите, како блгіи хр҃тосъ бгъ на ....

л. 132 об. В недѣлю первѹю ст҃аго поста поученіе іѡанна златоустаго. Нач.: Ѡ самѣ вѣще да навыкнетъ, братіе....

л. 135. в нелю в҃-ю пс҃ поученіе іѡанна златоѹстаго. глва ѳ҃. Нач.: Пріідіте, вѣрніи, любимое стадо хво, да ѡбычное оучніе прѣложю ва....

л. 138. В недѣлю г҃-ю поста слово іѡанна зла(то)оустаго. ѡ воздержаніи. Нач.: Братіе, многажды ва гла, нн҃ѣ же плачю и глю....

л. 140 об. в средѹ д҃ нли ст҃аго поста поученіе іѡанна златоустого. Нач.: Братіе, прешедше нн҃ѣ третію нлю сты си дненп постны....

л. 143. В тѹ в сре д҃ нли пс҃ поѹченіе іѡа златооу. Нач.: Оуныніе ѿверже, братіе, преплывше дни ст҃аго пс҃...

л. 146. В нлю е҃ поста поученіе іѡанна златоустаго. гла г҃і. Нач.: Понеже, любимыи, по малѣ постъ сеи скончатися хощеть...

л. 148 об. В сѹботѹ цвѣтнѹю поѹченіе іωанна златоѹстаго о лазарѣ четверодневнѣ. Нач.: Хва воскрніа нн҃ѣ пріде торжество свѣтозарное.... Слово Климента еп. величскаго (см. Описаніе солов. рукоп., ч. 1, стр. 596).

л. 151 об. Ѳлωвω о томже лазари четверодневнѣмъ. Нач.: Воспой, братіе, пѣснь веселѹ днесь... Окончаніе слова утеряно.

л. 152. В н҃лю цвѣтнѹю поѹченіе іωанна златоѹстаго. Нач.: Братіе, преплывше постное время...

л. 154. Во стыи великіи четвертωкъ пωѹченіе.... іωанна златωѹстагω ω причащеніи стыхъ таинъ. Нач.: Царь или князь которыи аще коемѹ градѹ поидѣ...

л. 156 об. Во стыи великіи четвертокъ слωвω... евсевіа архіепкпа самωсат'скагω на стрти гдни ω пришествіи іωанна пртчи вω адъ. Нач.: Возлюбленіи, добро есть нā како рещи.... О составителѣ этого слова см. въ Описаніи солов. рукописей, ч. 1, стр. 596—597.

Листы 114—157 за немногими исключеніями сходны по составу съ соловецкой рукописью № 360, л. 98—151 (см. Описаніе солов. рукописей, ч. 1, стр. 593—597).

Рукопись пріобрѣтена въ Каргополѣ. По новой описи: 32. 2. 22.

28. *Служебная минея за январь мѣсяцъ* XVII в. Въ четвертку, на 473-хъ листахъ въ одинъ столбецъ, на бумагѣ. Первая часть (лл. 1—290) можетъ быть отнесена къ началу XVII в. (филигрань: дельфинъ), вторая (лл. 291—473)—къ исходу того же столѣтія (филиграни: шутъ съ четырмя бубенцами съ державою въ рукѣ и гербовый щитъ съ небольшой геральдической лиліей). Первая часть писана полууставомъ двухъ почерковъ, вторая — полууставомъ, иногда приближающимся къ скорописи. Заглавія и начальныя буквы киноварныя. Правописаніе русское; въ первой части случайные средне-болгаризмы.

Рукопись не полная: недостаетъ 5-ти первыхъ тетрадей и

нѣсколькихъ листовъ въ тетрадяхъ 6-й и 7-ой. Переплетъ досчатый, крытый тисненой кожей.

Службы славянскимъ и русскимъ святымъ слѣд.: л. 248 об.— Саввѣ, арх. Сербскому (14 янв.), л. 425 — Никитѣ Новгородскому (31 янв.), л. 441—Павлу Обнорскому (10 янв.), л. 451— Михаилу Клопскому (11 января).

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 32. 9. 13.

29. *Требникъ* XVII в. Въ восьмую долю листа, на 127-ми листахъ; состоитъ изъ трехъ рукописей: конца XVII в. (л. 1—106), нач. XVII в. (л. 107—112) и конца XVII в. (л. 113—127); на бумагѣ; филиграни: 1) гербъ г. Амстердама, 2) ваза съ двумя ручками, съ украшеніями изъ кружковъ сверху, сердцемъ и крестомъ на стѣнкѣ, 3) шутъ съ семью бубенцами. Писанъ полууставомъ трехъ почерковъ. На л. 1-мъ приписка писца скорописью XVII в.: <с>вѣщенноиерею иванѹ ѳеѡктистовичю убогим рабъ рѹка ѳедотов бл҃гословения прошѹ и челом бью; велел ты мнѣ написати причастие дати болю в воѕѣ, и то тебѣ написал и зачал писати ѡс҃щенню маслу, и столко у меня бумаги не будет; и казал ты у себя две дести бумаги, и ты, г҃дрь мой матюшко (чит. батюшко?), прили всю бѹмагѹ две дести и что ѡстанѣтци я тое тебѣ бумагѹ в ценѹ завезу, пожалуи, прили всее бумагу, и поставлю тебѣ к николин<у> дни, и что ѹ тебя какая нужда есть, и ѿписщи ѡбо всемъ, и я тебѣ сработаю; по сем благословения прошѹ и челомъ б<ью>.

л. 2. Оуставъ, како подобает причастїе болномѹ въ ворзѣ дати страха ради смертнаго.

л. 14 об. Послѣдованїе на ѡсщенїе маслѹ на болящим. творенїе прп҃бнаго ѻц҃а нашего арсенїа.

л. 104. Мц҃а новбра въ г҃ <дн҃ь> чю ст҃го великаго мч҃нка георгїа ѡ двц҃ы ї ѡ ѕмиї..... Нач.: Како изрекѹ страшнѹю силѹ и преславнѹю таинѹ. Конца нѣтъ. См. Макарьевск. чет.-мин. 23-го апрѣля.

л. 113 об. Чинъ о панагіи (см. въ Требникѣ 1698 г., лл. 371—372). Псалмы и молитвы приводятся полностью.

Рукопись куплена въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По новой описи: 1. 2. 11.

В. Срезневскій.

(Продолженіе будетъ).

Культъ Перуна у южныхъ славянъ.

I.

Вопросъ о Перунѣ въ славянской миѳологіи.

Ходъ славянской миѳологіи очень интересенъ: чѣмъ легче обогащалась ея область, тѣмъ скорѣе и съуживались границы этой области, пока наконецъ отъ нея не осталось чуль ли не нѣсколько невыясненныхъ именъ. Въ 18-мъ и въ началѣ 19-го вѣка, съ открытіемъ группы памятниковъ западно-славянской старины, съ публикованіемъ многихъ литературныхъ произведеній древне-русской старины, съ изслѣдованіемъ простонароднаго быта славянъ, при томъ обаяніи разукрашеннаго прошлаго національности, каковымъ его представляла наступившая уже романтическая эпоха, — естественнымъ становится желаніе заглянуть въ затаенные уголки быта славянъ съ цѣлью открыть какихъ-либо свѣдѣній о старинной религіи славянъ. Да при томъ существовала еще другая приманка объ этомъ: греческая и римская миѳологіи, прелестный ореолъ классическаго прошлаго, соблазняли, возбуждали патріотизмъ славянина, заставляли его тоже создать у себя дома свой Олимпъ съ своими богами и богинями.

Первоначальные опыты къ очертанію славянской миѳологіи далеко не имѣли научнаго характера. *Михаилъ Поповъ* высказался о своемъ «Краткомъ описаніи славянскаго баснословія»,

1768, что это сочиненіе «сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ» [1]), а *Григорій Глинка* самъ признавалъ, что только отъ себя дѣлалъ прибавленія въ своемъ сочиненіи «Древняя религія славянъ», Митава, 1804 [2]). Сочиненіе *Кайсарова* «Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischen Ordnung, Göttingen, 1803» какъ ни хорошо было встрѣчено его современниками [3]), однако въ немъ все-таки видны ошибки тогдашней исторической безкритичности и плохое изслѣдованіе памятниковъ; тѣ же самые недостатки замѣтны до сихъ поръ у всѣхъ авторовъ, писавшихъ о славянской миѳологіи подъ вліяніемъ миѳологической школы Гримма [4]).

---

1) А. Н. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, Спб., 1890, стр. 73. Все-таки миѳологія Попова цѣликомъ вошла въ сочиненіе Леклерка «Histoire de la Russie» (Срв. Сборникъ Импер. Акад. Н., LXV, въ статьѣ о Кайсаровѣ, стр. 16), а оттуда — въ «Dictionnaire de la fable par Fr. Noel, 2-e éd. Paris 1803». (Срв. Préface, p. XXIV—XXV).

2) А. Н. Пыпинъ, тамъ же, стр. 73.

3) Сборникъ Импер. Ак. Наукъ, LXV, въ статьѣ о Кайсаровѣ.

4) Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, I, Славяно-русская миѳологія, Москва, 1836; Касторскій, Начертаніе славянской миѳологіи, 1841; Hanusch, Die Wissenschaft des slawischen Mythus, Wien, 1842; Срезневскій, Святилища и обряды языческихъ славянъ, Харьковъ, 1846; Костомаровъ, Славянская миѳологія, 1847; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, Москва, 1866—69; Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, Москва, 1868; Szulc, Mythologija Słowiańska, Poznań 1880; Świerzbińsky, Wiara Słowian, Warszawa, 1884; Фаминцынъ, Божества древнихъ славянъ, Спб., 1884; Nodilo, Religija Srba i Hrvata въ Rad-ѣ, кн. 77, 79, 81, 84, 85, 89, 94, 99 и 101; Соколовъ, Старо-русскіе солнечные боги и богини, Симбирскъ, 1887; Сырцовъ, Міровоззрѣніе нашихъ предковъ русскихъ, вып. I, Миѳологія. Кострома, 1897; Leger въ первомъ своемъ миѳологическомъ очеркѣ въ «Cyrille et Méthode». Paris, 1868, писалъ въ этомъ направленіи, но позже въ другомъ своемъ сочиненіи «Esquisse sommaire de la Mythologie slave». Paris, 1882, и въ «La Mythologie slave». Paris, 1901, сталъ на болѣе критическую точку зрѣнія; Gržetić, O vjeri starih slovjena, Mostar, 1900, и др. У болгаръ общіе басnословные очерки въ духѣ миѳологической школы писали Раковскій и Якимъ Груевъ, первый въ своемъ «Горскій Пѫтникъ», Новый Садъ, 1857, стр. 167, и послѣдній въ переведенной на болгарскій языкъ А. Г. Начевымъ, Миѳологія Жерузеза, 1873, стр. 152 — 159. Недавно Ю. П. Георгіевъ принялъ тотъ же самый взглядъ въ своемъ сочиненіи «Старитѣ и днешнитѣ вѣрвания на българитѣ». Търново, 1900.

Но когда было открыто, что нѣкоторые изъ памятниковъ, давшихъ обильный матеріалъ для миѳологіи, были поддѣланные (напр. портретъ бога Радигаста, Прильвицкіе идолы, Судъ Любуши, Краледворская рукопись, словарь Mater Verborum и т. д.), большая часть боговъ выброшена была изъ славянскаго пантеона. И особенно съ тѣхъ поръ какъ Делоншанъ, Бенфей и др. миграціонисты [1]) указали на возможность устнаго и литературнаго заимствованія того, что мы считали исконнымъ; съ тѣхъ поръ какъ школа Макса Мюллера доказала, что многія изъ миѳологическихъ именъ ничто иное какъ пустыя слова, произшедшія отъ ненормальности языка—«Миѳологія—болѣзнь языка»—съ тѣхъ поръ и поколеблено было въ основѣ зданіе баснословія вообще и славянскаго въ частности. Сначала отдѣльные голоса, а потомъ, во второй половинѣ 19-го вѣка, возникла уже цѣлая школа ученыхъ, смотрѣвшихъ съ колебаніемъ на достовѣрность славянскихъ миѳовъ. Увлеченіе ученыхъ Гриммовской школы дошло наконецъ до nec plus ultra, вслѣдствіе чего и въ каждомъ попавшемся или же выдуманномъ словцѣ стали видѣть пра-славянское или же индійское божество, — такой обратной крайностью отличались нѣкоторые послѣдователи миграціонной школы. Дѣло это дошло ужъ до того, что изъ русскаго, напримѣръ, Олимпа выброшены были всѣ божества. Кирпичниковъ [2]) сберегъ только одного Перуна, а Шеппингъ [3]), выбросивъ даже и послѣдняго, призналъ русскимъ только Волоса, когда, напротивъ, всѣ почти остальные изслѣдователи считаютъ его чужимъ, иноземнымъ. Послѣ того и не удивительно, что г. Б.-де-Куртенэ выразился слѣдующими словами: «Не смотря на множе-

1) Deslongchamps, въ своемъ «Essai sur les fables indiennes et sur leur introduction en Europe». Paris 1838, является предтечею основателя миграціонной школы Бенфея (Срв. Созоновичъ, Задачи и способы изученія народной словесности. Варшава, 1887).

2) Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ Славянъ. Журн. М. Н. Пр., ч. 241, стр. 47—65.

3) Миѳы славянскаго язычества. Москва, 1849, стр. 117. Тотъ-же авторъ въ Фил. Зап. 1888, кн. VI.

ство болѣе или менѣе значительныхъ трудовъ, посвященныхъ славянской миѳологіи, можно безъ преувеличенія сказать, что такой науки до сихъ поръ не существуетъ»[1]), или что г. Ягичъ, по случаю появленія славянской миѳологіи Ма́хала, воскликнулъ: «eine slavische Mythologie!»[2]).

Возникнувшее такимъ образомъ у нѣкоторыхъ миѳологовъ сомнѣніе поколебало отчасти и достовѣрность единственнаго да при томъ самого неоспоримаго славянскаго божества — Перуна, о которомъ существуетъ болѣе всего документовъ. Гриммъ первый указалъ на то, что славянское Перунъ вѣроятно происходитъ отъ готскаго слова *fairguni*, гора[3]). Въ Эддѣ мать Тора очень часто называется *Fiörgyn* — имя, которымъ именуется и сынъ ея, громовникъ Торъ. Шеппингъ во второй разъ уже берется представить Перуна неславянскимъ божествомъ, перешедшимъ до славянъ черезъ литовцевъ и латышей[4]). Въ послѣднее время Рожнецкій въ своей статьѣ о Перунѣ и Торѣ[5]) высказалъ мнѣніе о вліяніи культа норвежскаго Тора на культъ Перуна у русскихъ, не отрицая славянское происхожденіе Перуна. Подобное мнѣніе было высказано гораздо ранѣе Югодинымъ. Французскій славистъ Леже не отрицаетъ Перуна у русскихъ, однако все-таки сомнѣвается о его существованіи у западныхъ и южныхъ славянъ[6]). Ему, а равно и никому изъ современныхъ миѳологовъ, неизвѣстенъ какой-либо историческій южно-славянскій текстъ, въ которомъ бы встрѣчалось имя Перуна. Сомнѣніе Леже подкрѣплено было однимъ письмомъ профессора Шишманова, который заявилъ, что нигдѣ въ болгарскомъ фольклорѣ не встрѣчалось ему имя Перуна[7]).

1) Журн. М. Н. Пр., ч. 230, стр. 145.
2) Archiv für slav. Phil. XIV, стр. 633.
3) J. Grimm, Deutsche Mythologie, I[4], стр. 143.
4) Д. Шеппингъ, Миѳы слав. язычества, М. 1849, стр. 116, 117; Фил. Зап. 1868, кн. VI, стр. 6.
5) St. Rożniecki, Perun und Thor, ein Beitrag zur Quellen-kritik der russischen Mythologie. Archiv f. sl. Ph. XXIII, стр. 462—520.
6) L. Leger, La Mythologie slave. Paris, 1901, стр. 54, 59, 63.
7) Тамъ же, стр. 59.

При этихъ сомнѣніяхъ съ одной стороны, успѣвшихъ уже отразиться и въ популярныхъ сочиненіяхъ по славянской миѳологіи [1]), при упорныхъ утвержденіяхъ [2]), съ другой стороны, о существованіи общеславянскаго культа Перуна, вопросъ о Перунѣ пока остается еще открытымъ. Мы не будемъ заниматься этимъ вопросомъ въ его общеславянской цѣльности, а лишь только разсмотримъ культъ Перуна у южныхъ славянъ, откуда и постараемся вывести неизвѣстныя до сихъ поръ показанія.

II.

Этимологія имени Перунъ.

О происхожденіи и о этимологическомъ образованіи слова Перунъ мнѣнія ученыхъ еще не сходятся. Нѣкоторые находятъ въ немъ индо-европейскій корень *park*, *spark* [3]); другіе предполагаютъ, что это старо-германская форма **Perkûnos*, **Ferxûnaz*, **Ferkûnaz* съ значеніемъ высокій [4]); третьи сближаютъ его съ ведическимъ *Pardjanya*, съ скандинавскимъ *Fiörgyn*, съ латинскимъ *quercus*, съ старонѣмецкимъ *forha*, съ литовскимъ *Perkûnas* [5]). Кажется, что въ данномъ случаѣ очень многое принесетъ намъ кельтское названіе теперешней германской Черной-Горѣ съ восточными ея хребтами. Эти горы у Аристотеля извѣстны подъ именемъ 'Αρχύνια ὄρη [6]), у Аполлонія Родосскаго Σκόπελος 'Ερχύνιος [7]), у Цезаря Sylva Hercynia [8]). Такимъ обра-

1) A. Lefèvre, Germains et slaves, origines ét croyances. Paris, 1903, стр. 220.

2) Какъ напримѣръ Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2-e Aufl. Graz, 1887, стр. 383 и слѣд.

3) A. Fick, Vergl. Wört. der Indogerm. Sprachen. I³ Göttingen, 1874, стр. 143.

4), 5) O. Schrader, Reallexicon der Indogerm. Altertumskunde. Strassburg, 1901, стр. 295.

6) Τῶν δ' ἄλλων ποταμῶν οἱ πλεῖστοι πρὸς ἄρκτον ἐκ τῶν ὀρων τῶν Ἀρκυνίων. ταῦτα δὲ καὶ πλήθει μέγιστα περὶ τὸν τόπον τοῦτόν ἐστιν (Aristotelis, Meteorolog. lib. I, 13, 20).

7) A. Lefèvre, Les Gaulois. Paris, 1900, стр. 15.

8) De bello Gallico, VI, 25.

зомъ выходитъ, что кельты называли ее *Аркуніей*, *Еркуніей*, что и соотвѣтствуетъ слову *Паркунія* или *Перкунія*, такъ какъ одна изъ главнѣйшихъ особенностей кельтскаго языка это выбрасываніе иниціальнаго индо-европейскаго П [1]). Позже, въ IX в. нашей эры, поселившіеся тамъ германцы, по свойствамъ своего языка, замѣняя индо-европейское П—Ф, произносили имя этой горы *Fergunna* [2]). Слѣдовательно, отсюда становится очевиднымъ, что это *Fergunna*, какъ и норвежское Fiörgyn, ведутъ свое начало отъ другого болѣе стараго общаго слова, начинающагося на П, каковымъ въ дѣйствительности это слово встрѣчается у славяно-литовцевъ и въ языкѣ Ригъ-Веды, или такъ сказать славяно-литовское слово на П какъ и кельтское съ отпавшимъ П старѣе, и при томъ индо-европейское, а германское слово на F выходитъ новѣе, позднѣе по своему образованію.

Корень **пєр** въ смыслѣ *ударъ* очень распространенъ, и при томъ съ опредѣленнымъ значеніемъ въ старомъ и во всѣхъ новыхъ славянскихъ языкахъ, а такимъ же точно является дѣятельный суффиксъ -*унъ*, такъ что никакимъ образомъ нельзя и говорить въ данномъ случаѣ о какомъ бы то ни было вліяніи литовскаго языка, напримѣръ, на южно-славянскіе. Старо-болгарское **пєрѫ**—наношу удары, колочу, порю, твердится и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Очень интересно употребленіе глагола *перă*, *перем* въ ново-болгарскихъ нарѣчіяхъ съ значеніемъ *сильно бью*, *наношу удары*. Крестьянинъ, погоняя своихъ воловъ, чтобы шибче двигались, обращается къ нимъ съ словами: «ѝскаш да те *пѐрем*, та не врвѝш!» «Дъждѣт *перѐ* ли *перѐ*», говорятъ повсюду въ Болгаріи во время ливня. «*Напрă'а* го ўбаво», говорятъ о сильно битомъ человѣкѣ. «Ако те *пѐрнем* еднâш», такъ обращаются иногда къ провинившимся. Такимъ же точно является и дѣятельный суффиксъ—*унъ*, входящій въ составъ слова Перунъ. У русскихъ, напримѣръ, очень обыкновенны слѣдующія образованія:

---

1) Сообразно съ этимъ, напр. Pater у кельтовъ выговаривалось Athir, porcus — orc и проч. Срв. Brugmann, Grundriss I. Strassburg, 1886, стр. 271.

2) A. Lefèvre, Les Gaulois, стр. 16.

бѣгунъ, *прыгунъ*, *скакунъ*, *топтунъ* (тяжело ходящій) [1], *кликунъ*, *пискунъ*, *ползунъ*, *плакунъ* [2] и т. п. Забѣлинъ указываетъ и на имя *Ярунъ* [3]). Въ Владимірской губерніи существуетъ повѣріе о *летунѣ* — существо, являющееся вдовамъ въ образѣ ихъ умершихъ мужей [4]). У чеховъ существуетъ *běhoun*, *křikloun* и т. п. Южно-славянскія нарѣчія особенно изобильны образованіями на *-унъ*, при томъ не только въ нарицательныхъ, но и въ собственныхъ именахъ.

Что старымъ югославянамъ не были чужды имена на *-унъ*, это видно изъ того, что еще въ VI в. славянинъ *Сварунъ* (Σουαρούνας, σχλάβος ἀνήρ) былъ воеводой у Юстиніяна и отличился въ персидской войнѣ въ 555 г. [5]). Если допустить, что и въ задунайскомъ старо-болгарскомъ княжествѣ была и славянская примѣсь, тогда имя Куртова наслѣдника—*Гостунъ* [6]), съ начала VII в., точно также обращаетъ на себя вниманіе какъ славянское, тѣмъ болѣе, что и теперь существуетъ чисто-болгарское (славянское) село *Гостунъ* въ окрестностяхъ Неврокопа [7]). Въ VIII в. встрѣчается личное имя *Славунъ* (Σχλαβοῦνος), князь славянскаго племени *сѣвери* [8]),—имя одного изъ семи племенъ, подчиненныхъ Аспарухомъ,—плѣненный тайными агентами Копронима и послѣ, вѣроятно, погибшій отъ смертной казни [9]). Въ XIV в. упоминается о городѣ *Добрунѣ* въ Македоніи, взятомъ Стефаномъ Дечанскимъ послѣ Вельбуждскаго пораженія [10]). Въ южно-

1) Р. Ф. В., 1903, кн. 1 и 2, стр. 44.
2) Ив. Забѣлинъ, Исторія русской жизни. Москва, 1879, II, стр. 276.
3) Тамъ же, стр. 323.
4) Живая Старина, 1901, III—IV, стр. 136.
5) Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одесса, 1878, стр. 100.
6) В. Н. Златарски, Студии по българската история. София, 1903, стр. 20.
7) В. Кънчовъ, Македония, София, 1900, стр. 195.
8) Новое чтеніе текста: Ἀποστείλας δὲ ὁ βασιλεὺς λάθρα εἰς Βουλγαρίαν ἐπίασε τὸν Σεβέρων ἄρχοντα Σχλαβοῦνον, τὸν πολλὰ κακὰ ἐν τῇ Θρᾴκῃ ποιήσαντα. Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, I, стр. 436.
9) В. Н. Златарски, тамъ же, стр. 23.
10) Данило, Животи краљева и арх. српских. Изд. Ђ. Даничић. Загреб, 1866, стр. 197.

славянскихъ памятникахъ XV—XVII в., изданныхъ въ «Гласникѣ» 42, встрѣчаются имена, образованныя суффиксомъ *-унъ*. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующія изъ нихъ: *Перуника*, *Бѣгуна*, *Добрунь*, *Милунь*, *Милуна*, *Радунь*, *Радуня*, *Тихунь* и др. Современныя южно-славянскія нарѣчія точно также обильны подобными примѣрами: *блăгуна ıăбълка* въ Дибрѣ, *Бѣгуновци* — село въ Трнскомъ уѣздѣ, *Бѣгунци*—село на болгарской Моравѣ, *Медунъ* — село вблизи Подгорицы, *кăлвỳн* — (клювъ) въ окрестностяхъ Сыстова, *медỳнъ* — самецъ медвѣдь въ окрестностяхъ Тетевена, въ Габровѣ, *пискỳнъ*, *горỳнъ* (quercus pedunculata) въ Еленѣ, *сладỳнъ* (quercus conferata) въ Еленѣ, *благỳнъ* (quercus conferata) въ окрестностяхъ Лома, и т. д.; имена лицъ у болгаръ: *Петруна*, *Радуна*, *Галуна*, *Перунъ*, *Парунъ*, *Перуна*, *Спасуна* и т. д. Маретичъ вычисляетъ около 40 личныхъ именъ на *-унъ* у сербо-хорватовъ [1]).

Слѣдовательно, обширное употребленіе составныхъ частей имени Перуна какъ и самаго этого имени у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, особенно же у южныхъ славянъ, гдѣ вліяніе литовцевъ и норвежцевъ, послѣ разселенія славянъ, стало невозможнымъ, свидѣтельствуетъ о *существованіи этой самой формы Перунъ въ общеславянской эпохѣ*. О происхожденіи и формѣ этого имени раньше той эпохи можно только предполагать. Связь имени Перуна съ однимъ предполагаемымъ индоевропейскимъ **parg*, съ ведическимъ Pardjanya, съ кельтскимъ (P)erkunia, съ норвежскимъ Fiörgyn, съ литовскимъ Perkunas (Parkones) [2]) очень вѣроятна. Предполагаемое *Parg-un-ia въ нѣкоторыхъ языкахъ было сохранено съ коренным ъ гортаннымъ звукомъ, а въ славянскомъ имя это отодвинулось въ другомъ направленіи съ очень употребляемымъ корнемъ *пер* безъ гортаннаго звука. И польское слово *Piorun* указываетъ на то, что имя

1) Maretić, Narodna imena i prezimena u Hrvata i Srba (Rad, 82, стр. 128—9).
2) Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten (Litauer), II. Heidelberg, 1883, стр. 255, указываетъ на форму Parkenas какъ на болѣе старую, чѣмъ Perkunas. Срв. A. Brückner въ Archiv f. sl. Ph. IX, стр. 21.

это развилось на чисто мѣстной славянской почвѣ, гдѣ *е* перешло въ *іо*, какъ это и въ глаголѣ перѫ—*piorę*, берѫ—*biorę*. Чужія слова, остающіяся безъ значенія для заимствовавшихъ, звучатъ какъ и въ чужомъ языкѣ. Еслибы у славянина поляка не существовало слово Перунъ и еслибъ онъ занималъ непонятное ему литовское слово, онъ бы произносилъ это слово *Перкуномъ*, а не *Піоруномъ*.

Ясная славянская этимологія слова Перунъ уже указываетъ намъ, каковымъ былъ главный миѳическій аттрибутъ этого славянскаго божества, или, лучше сказать, которое изъ природныхъ явленій именуется этимъ словомъ. Переводъ же этого имени другимъ, болѣе яснымъ южно-славянскимъ словомъ, будетъ *биячъ*, *удрячъ*, *гръмовникъ*. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ текстовъ, которыми было бы указано на другой аттрибутъ Перуна, мы не въ состояніи съ достовѣрностью сказать, что древне-славянскій Перунъ былъ, напримѣръ, кромѣ громовника, и дождевникомъ. Дѣйствительно, южно-славянскій фольклоръ отдаетъ эти два аттрибута св. Ильѣ, замѣнившему позже Перуна, однако съ полнымъ правомъ можно утверждать, что они ничто иное, какъ новѣйшее наслоеніе. Впрочемъ соименникъ Перуна, Parđjanya, въ Ригъ-Ведѣ даритъ благодѣтельными дождями, спасительныя воды орошаютъ увядшія растенія. Самъ Parđjanya олицетворяетъ тучи. Теленокъ его—дождь, а ревъ—громъ [1]).

III.

Историческія, географическія, фольклорныя и др. свидѣтельства.

Прежде всего вспомнимъ бѣгло о главнѣйшихъ свидѣтельствахъ о Перунѣ у русскихъ и западныхъ славянъ. Прямымъ доказательствомъ боготворенія Перуна на Руси во время язычества

1) Rig-Veda, V; 7, 1—2.

служитъ лѣтопись Нестора, въ договорахъ между русскими и Византіей въ 907, 945, 971 годахъ; Новгородская лѣтопись, Галицкій текстъ съ 1302 г. [1]). Въ чехо-словацкой старинѣ до сихъ поръ не открытъ еще какой-либо текстъ съ именемъ Перуна. Нѣкоторые миѳологи довольствуются только указаніемъ на двѣ словацкія пѣсни, записанныя восторженнымъ славянофиломъ Коларомъ [2]). Въ этихъ пѣсняхъ упоминается о *Buoh*-ѣ *Parom*-ѣ. Въ словарѣ словацкаго языка встрѣчается между прочимъ и глаголъ *peruntati*, трещать, съ прилагательнымъ *perunský*, а также есть и нѣсколько заклинаній съ именемъ *Parom*, *Peron* (Parom do tebe, Peronova strela t'a zabila) [3]). Польскимъ королемъ Владиміромъ запрещенъ былъ народный обычай поддерживать вѣчный огонь Перуна (Pioruna) [4]), имя котораго и теперь у поляковъ пользуется столь обширнымъ употребленіемъ въ смыслѣ *грома*. Опять попадаются здѣсь мѣстныя имена, посвященныя Перуну [5]). Что и прибалтійскіе славяне именовали бога-громника тѣмъ-же самымъ именемъ, видно изъ названій *perendan*, вполнѣ соотвѣтствующее нѣмецкому *Donnerstag*. Замѣчательно, что у черногорцевъ до сихъ поръ по четвергамъ еще чтутъ громовника отъ градобитія [6]). Крайне неумѣстнымъ было бы въ данномъ случаѣ искать здѣсь сѣвернаго вліянія (*Donnerstag*). О итальянскомъ вліяніи тутъ еще можно допустить (четвергъ = день Юпитера = Iovis dies = giovedi), однако все-таки необъяснимымъ становится, существовало ли у латинянъ подобное повѣріе какъ у черногорцевъ или же этотъ случай ничто иное какъ чисто-славянскій праздникъ, и, слѣдовательно, здѣсь и слова не можетъ быть о заимствованіи. Извѣстныя до сихъ поръ историческія сообщенія о *Proven*-ѣ [7]), въ честь кото-

1) Máchal, Nákres slovanského bájeslovi. Praha, 1891, стр. 28.
2) Тамъ же, стр. 28.
3) Slovanský Sbornik, V, стр. 26. — Máchal, стр. 20.
4) Slovanský sbornik, V, стр. 27.
5) Jireček въ Č. Č. M., 1863, стр. 154.
6) П. А. Ровинскій, Черногорія, II т. Спб., 1901, стр. 458.
7) Helmoldi Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868, I, стр. 83.

раго посвящали дубы, и о *Porenutius*-ѣ [1]) на островѣ Рюгенѣ приводятся нами съ оговоркой. Другія имена у западныхъ славянъ насчитываетъ Крекъ [2]).

Свидѣтельство Прокопія въ VI в. о культѣ громовника у южныхъ славянъ является вполнѣ классическимъ и неоспоримымъ: «Славяне признаютъ одного только властителя этой вселенной, одного бога, творца молніи. Ему они приносятъ въ жертву воловъ и другихъ животныхъ» [3]). Въ тѣсной связи съ этимъ свидѣтельствомъ о жертвоприношеніи воловъ богу громовнику находится, по всей вѣроятности, доселѣ сохранившійся у южныхъ славянъ обычай на день св. Ильи убивать быковъ, телятъ, и мясо ихъ раздавать всѣмъ поселянамъ. Такъ, «въ окрестностяхъ Велеса (Македонія) на день св. Ильи отъ имени цѣлаго села приносится общая жертва. Всѣ поселяне сходятся на опредѣленномъ мѣстѣ, такъ называемомъ *оброчищѣ*. Тутъ именно убивается волъ, и мясо его заваривается въ общемъ котлѣ. Такъ приготовленное мясо распредѣляется по частямъ всѣмъ семьямъ, готовящимъ каждое для себя особый обѣденный столъ. Жертва считается дѣйствительной послѣ исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ и чтенія особыхъ молитвъ сельскимъ священникомъ. Подобныя празднества съ жертвоприношеніями устраиваются очень часто во многихъ мѣстахъ въ Македоніи» [4]). Этотъ обычай существуетъ также въ освобожденной части Македоніи, въ окрестностяхъ Кюстендиля [5]). Ворачекъ описываетъ подробно этотъ обычай у родопскихъ болгаръ въ Пловдивскомъ (Филиппопольскомъ) селѣ Ярловѣ, гдѣ приносятъ въ жертву овецъ на высокомъ холмѣ, поросшемъ *дубами*, называемомъ *Св. Илія* [6]).

---

1) Saxo Grammaticus, Gesta Danorum. Strassburg, 1886, стр. 578.

2) Krek, Einleitung. 2 Aufl., стр. 385, 386.

3) Θεὸν μὲν γὰρ ἕνα τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι· καὶ θύουσιν αὐτῷ βόας τε καὶ ἱερεῖα ἅπαντα. Proc. De bello Gothico, III, 14.

4) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VII, София, 1891, стр. 185.

5) Любеновъ, Баба Ега, Търново, 1887, стр. 19.

6) Perunova slavnost' v Rhodopách (Slov. sbornik, V, стр. 77—79).

Въ житіи св. Димитрія Солунскаго находимъ интересное свѣдѣніе о богѣ *Пиринѣ*. Въ 676 году, при осадѣ Солуна славянами, воевода ихъ Хацонъ спросилъ по своему обычаю у оракула, удастся ли ему войти въ городъ [1]). Пириномъ сказано ему было въ отвѣтъ (какъ это стоитъ въ болгарскомъ изданіи житія), что войдетъ [2]). Однако до появленіи въ печати критическаго изданія рукописей этого житія, мы должны воздержаться отъ всякихъ заключеній, ссылаясь только на прибавку ἐκ τοῦ Πῦρῆνος (sic). Разъ это утверждено, тогда уже все, чего недостаетъ у Прокопія, именно имя громовника, будетъ дополнено.

Въ одномъ изъ старо-болгарскихъ переводовъ *Александріи*, сохраненной въ русской переписи, еллинскій громовержецъ Зевсъ, отецъ Александра Великаго, поименованъ славянскимъ Перуномъ: **сн҃ъ бж҃ии, Пероуна велика, цр҃ь 'Алексан'дръ** [3]): υἱὸς Θεοῦ Διὸς τοῦ μεγάλου, βασιλεὺς Ἀλέξανδρος).

Еще однимъ свидѣтельствомъ о культѣ Перуна у болгаръ служитъ недавно публикованная профессоромъ В. Н. Златарскимъ исторія болгаръ іеросхимонаха Спиридона. Отецъ Спиридонъ несознательно является въ этомъ произведеніи первымъ болгарскимъ фольклористомъ. Онъ упоминаетъ, что въ XVIII в.,

1) Ὁ τῶν αὐτῶν Σκλαβίνων ἔξαρχος τοὔνομα Χάτζων, κατὰ τὸ αὐτῷ εἰθισμένον διὰ μαντείας ᾐτήσατο μαθεῖν, εἰ εἰσελθεῖν ἔχοι ἐν τῇ Θεοφυλάκτῳ ἡμῶν πόλει. Tougard, De l'histoire profane. Paris, 1874, стр. 126.

2) Въ изданіи Тугара напечатано только καὶ εἰρήθη αὐτῷ ὅτι εἰσελθεῖν ἔχει (и сказано имъ было въ отвѣтъ, что войдетъ). Однако въ одномъ извлеченіи П. Р. Славейкова изъ того-же самаго житія (Житие на св. Димитрия Солунски, Цариградъ, 1868) находимъ, что упомянутому воеводѣ отвѣчено было Пириномъ (ἐκ τοῦ Πῦρῆνος), стр. 41. Славейковымъ не упомянуто, откуда сдѣлано имъ его болгарское извлеченіе; съ другой стороны самъ Тугаръ заявляетъ (стр. XIII), что прочесть это житіе въ Парижской рукописи составляетъ громадное затрудненіе, какъ и исправить, или сличить его съ другими рукописями. Если дѣйствительно Славейковымъ намъ дана вѣрная перепись имени, можно бы сказать, что Πῦρῆνος (gen.) соотвѣтствуетъ одному Pyrun, Poren, Perun (Krek, Einleitung, стр. 385).

3) В. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ. Москва, 1893, стр. 114—115. Ягичъ относитъ этотъ переводъ въ старо-болгарскую эпоху. Archiv f. sl. Ph. XVI, стр. 223.

когда онъ жилъ въ Болгаріи, почитали еще Перуна и чествовали его во время бездождія: **И сего Перѹна болгары почитаютъ: во времѧ бездождіꙗ, собираютсѧ юноши и дѣвицы и избираютъ единаго, или от дѣвицъ или юношахъ, и оплачают его въ мрежѹ, аки въ багрѧницѹ, и сплетѹтъ емѹ вѣнецъ от бѹрѧнов въ образ кралꙗ Перѹна, и ходат по домахъ, играюще и спѣвающе часто поминающе бѣса того, и поливающе водами и Перѹна того, и сами себѣ; людіе же безѹмніи даютъ имъ милостыню** [1]). Замѣтка эта отца Спиридона очень важна еще потому, что съ открытіемъ ея теперь легко можно разрѣшить не выясненный до сихъ поръ вопросъ балканскаго фольклора — значеніе и происхожденіе слова πυρπηροῦνα, пеперуда, papalugă и пр. при одноименномъ обычаѣ. Впрочемъ объ этомъ скажемъ подробнѣе въ особенной статьѣ. Что отецъ Спиридонъ подъ именемъ Перуна понимаетъ не только самаго бога дождевника, но и громовержца у Прокопія, видно изъ объясненіемъ слова самымъ о. Спиридономъ: **молній или Перѹнъ** [2]).

Въ рукописи **Ѳокровище дѣтемъ** [3]), писанной въ западной Болгаріи въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX в. и хранящейся въ Софійской Народной Библіотекѣ подъ № 191, сказано: **ца́рь ѐрасмі́й. ко́ито бе́ше мѹчитель лю́демъ свои́мъ поражéнъ** (сокрѹшéнъ) **бысть ѹ̆ ло́жницата си мо́лнїею** (перѹномъ), листъ 14а.

Василій Априловъ, самый добросовѣстный изъ болгарскихъ писателей съ эпохи духовнаго возрожденія болгаръ, утверж-

---

1) Спиридонъ Іеросхимонахъ, Исторіѧ во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ. Сочинисѧ и списасѧ въ лѣто 1792. Изд. В. Н. Златарски. София, 1900, стр. 14.

Замѣчательно подобное фольклористическое примѣчаніе въ самой Россіи о Перунѣ, находящееся въ одной рукописи XIV в. въ Петерб. Духовн. Акад.: но и нынѣ по оукраинамъ молятсѧ юмоу проклятомоу богѹ Пероунѹ (Krek, Einleitung, стр. 385).

2) Спиридонъ, стр. 91.

3) Рукопись эта состоитъ изъ семи разговоровъ учителя съ его ученикомъ. Что рукопись греческаго происхожденія, видно изъ употребленныхъ въ текстѣ греческихъ именъ. Рукопись открыта въ монастырѣ св. Кирика, въ окрестностяхъ селенія Смиловци, Царибродскаго уѣзда.

даетъ свидѣтельство о. Спиридона, заявляя, что «нынѣшніе болгаре въ своихъ народныхъ пѣсняхъ славятъ *Перуна, Коляду, Ладу* и *Леля*» [1]). Априловъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что дѣйствительно зналъ, не придерживаясь того направленія эпохи, безцеремонно насчитавшей цѣлый сонмъ фантастическихъ словъ, какъ именъ славянскихъ божествъ. И въ самомъ дѣлѣ, упомянутыя Априловымъ именъ живутъ и доселѣ въ болгарскомъ фольклорѣ — нѣкоторыя въ самыхъ личныхъ именахъ, другія же въ пѣсняхъ.

До сихъ поръ изданы были двѣ болгарскія пѣсни съ именемъ Перуна. Однако-жъ пѣсня, записанная Раковскимъ [2]), принята была нѣкоторыми учеными какъ мистификація въ виду черезчуръ патріотической окраски всѣхъ литературныхъ трудовъ автора «Горскаго Пѫтника». Вотъ эта пѣсня:

Пипируда злата
Прѣдъ Перуна лѣта,
Лѣта и пролѣта
По поле ся мѣта
И Богу ся моли:
Дай Боже дъждецъ!
Да израстѫтъ нивы
Нивы и ливады!
Бары, бары води!
Блата, блата віна!
Всякы класъ и тъгаръ!
Всяко гребло тягло!
Отъ коряна кошница
По всякѫ лозицѫ!

Мы справились у знакомыхъ намъ лицъ въ окрестностяхъ

1) В. Априловъ, Денница Ново-болгарскаго образованія. Одесса, 1841, стр. 92.

2) Г. С. Раковски, Горскій Пѫтникъ. Новый Садъ, 1857, стр. 168.

города Котла, гдѣ могъ Раковскій записать эту пѣсню, и дѣйствительно мы получили текстъ, записанный въ селѣ Жеравнѣ учителемъ Ранковымъ; однако въ немъ не видно имени Перуна, какъ и послѣднихъ стиховъ Раковскаго. Вотъ эта пѣсня:

Пипируѫдж ліàта,
Ліàта и пруліàта (2)
И се Бòгу моли:
«Даі, Бòже, даі, даі
Сйтен, дрѐбен дъждѐц,
Да пунѝкни жѝту,
Житу чърнуклàсу (2),
И кѝчъсту прусò».

При томъ, ознакомившись съ ново-греческими «пирпирунами», мы замѣтили, что нѣкоторые стихи пѣсни Раковскаго вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ ново-греческимъ. Это убѣждаетъ насъ, что Раковскій по этимъ именно образцамъ смастерилъ нѣкоторые изъ послѣднихъ стиховъ, позабытые авторомъ, вѣчно странствовавшимъ изъ Константинополя въ Аѳины, Парижъ, Бѣлградъ, Букарестъ и т. д. Одна изъ греческихъ пѣсней у Marcellus[1]) несомнѣнно послужила здѣсь основаніемъ Раковскому, болгарскій языкъ котораго въ данномъ случаѣ ничто иное, какъ буквальный переводъ греческаго. Примѣромъ можетъ послужить сличеніе нижеслѣдующихъ стиховъ:

Κύριε, βρέξε μιὰ βροχὴ, . . .	Дай Боже дъждецъ! . . .
Μπάραις, μπάραις τὰ νερὰ,	Бары, бары води!
Λίμναις, λίμναις τὰ κρασιὰ.	Блата, блата віна!
Κάτε κούτσουρο καλάθ',	(Отъ коряна кошница)
Κάτε στάχη καὶ ταγάρ'.	Всякы класъ и тъгаръ!

Другая болгарская народная пѣсня съ именемъ Перуна

1) M. de Marcellus, Chants du peuple en Grèce. T. II. Paris, 1851, стр. 214.

издана была въ «Цариградскомъ вѣстникѣ», 1859, № 439, съ заглавіемъ «Женитба Ива изъ Меглена». Въ этой пѣснѣ дѣйствительно попадаются обороты, присущіе болгарской народной поэзіи, однако изъ всего остальнаго видно, что это произведеніе ничто иное, какъ поддѣланный текстъ. Прежде всего языкъ самой пѣсни искусственъ, и никоимъ образомъ нельзя принять его за какой-либо изъ болгарскихъ говоровъ. Вотъ стихи, содержащіе имя Перуна:

Гласъ невидимъ отъ воздуха выка:
Чуете ли Царе Шишманине!
Те поздравя Милка самодива,
Отъ Перуна Неда Самохотка.
Та пущайте мачкы отъ корабы
Нека стоятъ корабы во море.

Пѣсня эта какъ разъ пришлась по вкусу Раковскаго; онъ перепечаталъ нѣсколько куплетовъ изъ нея и съ жаромъ рекомендуетъ ихъ, дивясь ея старинности, что будто-бы это произведеніе относилось къ эпохѣ до созданія Зевсомъ греческаго Олимпа [1]).

Имя Перуна вполнѣ сохранено въ именахъ лицъ и топографическихъ названіяхъ у всѣхъ южныхъ славянъ. Какъ христіанство ни препятствовало сохраненію личныхъ именъ, находящихся въ связи съ языческою древностью[2]), все-таки имя Перуна успѣло сохраниться доселѣ. Въ Трнскомъ уѣздѣ хорошо сохранено мужское имя *Перу̂нъ*, какъ и женское *Перуна* съ его ласкательными: *Перунка*, *Перуника* [3]). Въ Радомирскомъ селѣ Витановци, въ окрестныхъ селахъ Ихтимана и въ Софійскихъ

1) Г. С. Раковски, Ключъ българскаго языка. Одесса 1880, стр. 93.

2) Въ старину имя Перунъ служило также собственнымъ именемъ. Въ одной рукописи съ XII в., упомянуто, что Перунъ, Хърсъ, Велесъ и Траянъ были именами лицъ (Krek, Einleitung, стр. 384), возведенныхъ въ божества: на бѡ обратиша (Archiv f. sl. Ph. XI, стр. 305). Въ XIII—XIV в. Дубровничанка какая-то именовалась Перхуна (Rad, кн. 89, стр. 132).

3) Сборникъ министерства, XV, стр. 198.

селахъ (Подгумеръ, Славовци, Малешевци) попадается женское имя *Пер̀уна*. Въ Македоніи встрѣчается женское имя *Перуница*[1]). Въ Нейковѣ, селѣ Котленскаго уѣзда, и теперь еще въ ходу мужское имя *Пар̀унъ*, а въ Градецѣ, Жеравнѣ, и въ самомъ городѣ Котлѣ извѣстно и женское имя *Паруна*. Оно извѣстно и въ Самоковскомъ селѣ Ковачевци (сравн. съ словацкимъ Parom, Parun). Въ Чачанскомъ селѣ Слатина (Сербія) еще живетъ семейство *Перуничиħ* — имя извѣстное уже съ 200 лѣтъ тому назадъ [2]). По достовѣрнымъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, имя Перуна теперь уже вышло изъ употребленія у сербо-хорватовъ[3]), хотя не долго тому назадъ еще употреблялось личное имя *Перунко* [4]). По свидѣтельству профессора-словинца Крека мужское имя *Перунъ* и теперь сохранено у словинцевъ [5]).

Женское личное имя *Перуника*, *Перунига*, *Перуница* (*Пера*) встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ сербовъ и болгаръ:

«Oj девојко, бела *Перунико!*»[6])

или

«*Перуни̂че*, девойче!
Не стой, *Пе́ро*, на бре́г-о![7])

или

«*Перуни́го*, гьиздава девойко!
Тихом-пееш, диле́ко се слуше»[8]).

---

1) Миладиновы, Сборникъ, 2-е изд., стр. 533.

2) Это свѣдѣніе мнѣ досталъ любезный слатински уроженецъ Драгутинъ М. Перуничичъ. Очень можетъ быть, что это семейство то самое упомянутое Караджичемъ въ «Живот и обичаjи» Беч, 1867, стр. 93.

3) Этими и другими свѣдѣнія мы обязаны любезности д-ра Алауповича изъ Сараева.

4) Gržetić Gašpičev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192.

5) Krek, Einleitung, стр. 385.

6) Браниславъ Нушиħ, Косово, I, стр. 166.

7) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VI, № 1227. Срв. варіантъ у Миладиновыхъ, Сборникъ, № 271.

8) Шапкаревъ, тамъ же, № 973.

или

Перуника въздън вика:
«Перунико, мала моме,
Ела, моме, обери ме,
Обери ме, забоди ме» и пр.

(Рукопись).

Кажется, безполезно будетъ доказывать, что имя Перуника (Перунъ) никакъ не образовалось отъ имени св. *Вероники*, какъ предполагалось. Въ одномъ апокрифѣ даже указывается, что когда-то имя это выговаривалось у славянъ и Верникіа[1]). Позднѣе католики хорваты выбросили слово Перуника, замѣнивъ его церковнымъ именемъ Veronika[2]).

Имя Перуна, какъ было сказано, сохранилось доселѣ въ многихъ топографическихъ названіяхъ. У словенцевъ существуетъ *Перуня весь* и *Перуньи врхъ*[3]). На восточной части Истрійскаго полуострова возвышается гора *Перунъ*, вышиною 881 м. Одна изъ горныхъ вершинъ между Сутѣской и Варешемъ (въ Боснѣ) именуется *Перуномъ*. Д-ръ Алауповичъ изъ Сараева оказалъ намъ свою любезность провѣркой этого факта. У хорватовъ существуетъ *Перуна-Дубрава*[4]), въ Далмаціи—гора *Перунъ* возлѣ самаго села Дубрава[5]). На разстояніи пяти км. отъ Крагуевца (Сербія) находится село *Перуновацъ*[6]). Въ Княжевацкомъ округѣ существуетъ горная вершина *Перинатица*[7]). Въ Куршумлійскомъ уѣздѣ есть село *Перуника*[8]). Авторъ описанія

1) Порфирьевъ, Апокрифич. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ. Спб., 1890, стр. 280.

2) Gržetić, O vjeri starih slovjena, стр. 193.

3) Krek, стр. 385.

4) Тамъ же, стр. 385. — Gržetić, стр. 193.

5) Rad, кн. 89, стр. 133: «U selu Dubravi, pod pomenutom planinom Perun, priča se da su se na neke mjestu selu ljudi nekad klanjali bogu Perunu...»

6) К. Јовановић, Речник свију вароши, варошица, села и засеока у Србији. Београд, 1872, стр. 57 и 129.—Милићевић, Кнежевина Србија. Београд, 1876, стр. 758.

7) Милићевић, стр. 825.

8) Краљевина Србија. Београд, 1884, стр. 414.

Татаръ-Пазарджикской каазы (Ѳракія), Стефанъ Захаріевъ, мимоходомъ упоминаетъ объ одной *Перуновой* горѣ[1]) южнѣе г. Пещеры. Иречекъ упоминаетъ о той же самой горѣ съ именемъ *Перинъ*[2]), да и провѣркой, сдѣланной нами, утверждается самымъ теперешнимъ именемъ этого же холма — Перинъ. Мѣстность, находящаяся вблизи Германа и Осича, въ Кумановской каазѣ, въ сѣверной Македоніи, извѣстна подъ именемъ *Перинъ*[3]). Опять тѣмъ же самымъ именемъ называются высокія Македонскія горы *Перинъ*, какъ и носящее ихъ имя село, находящееся у подошвы этихъ горъ. Миклошичъ[4]) производитъ это названіе отъ имени Перуна. Выводъ этотъ утверждается существованіемъ подобныхъ же соотношеній у другихъ болѣе удаленныхъ славянъ. Такъ напримѣръ, теперешній скитъ *Перынъ*, находящійся на лѣвомъ берегу р. Волхова, воздвигнутъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышалось идолище *Перуна*[5]). Точно такимъ-же является еще *Перинградъ*[6]) вблизи Столаца (Герцеговина). Въ Албанію, къ ю.-в. отъ Берата, есть село *Периняси*[7]). Шеппингъ упоминаетъ объ одномъ географическомъ имени въ Валахіи—*Перкуниста*[8]). Въ старину Белоцкая община (Румынія) называлась *Перени*[9]). Названіе болгарскаго городка *Перущица*, встрѣчающееся еще въ XIII в.[10]), напоминаетъ о Новгородскомъ Перушицѣ, — когда, по лѣтописи, самый идолъ былъ выброшенъ въ Волховѣ (ты, рече, Перѹшице, досити еси пилъ и ѧлъ, а нынѣ плови ѹже проче).

1) Стефанъ Захаріевъ, Описаніе на Татаръ-Пазарджишка-тѫ каазѫ. Віена, 1870, стр. 64.
2) Иречекъ, Княжество България. II. Пловдивъ, 1899, стр. 445.
3) Срв. Д-ръ J. Х. Васиљевић, Драгаш и Константин Дејановићи. Београд, 1902, стр. 45.
4) Miklosich, Lexicon p. sl. gr. l. подъ именемъ Перѹнъ.
5) Барсовъ, Очерки русской исторической географіи. 2-е изд. Варшава, 1885, стр. 203.
6) Gržetić, стр. 193.
7) H. Weigand, Die Aromunen, I. Leipzig, 1895, стр. 92.
8) Шеппингъ, Миѳы славянскаго язычества, стр. 117.
9) Lahovari, Marele Dicţ. Geografic, v. IV, Bucareşti, 1901, sub voce.
10) Cantacusenus, II, 406: Περιστίτζα.

Наконецъ имя Перунъ встрѣчается и какъ названіе цвѣтковаго растенія Iris Germanica — *Перуника* во всѣхъ южно-славянскихъ странахъ [1]). Что славяне любили посвящать богу громнику нѣкоторыхъ изъ цвѣтковыхъ и другихъ растеній [2]), объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія названія у русскихъ: *громъ* (Onosma tinctoria) въ Екатеринославской губерніи, *громовой* корень (Asporagus officinalis), *громдола* (Valeriana officinalis), *громникъ* (Geranium sanguineum) въ Кіевской губерніи, *громовикъ* (Echion vulgare) въ Екатеринославской губерніи и пр. [3]). Вполнѣ подходящій примѣръ находимъ у латышей, у которыхъ полевая горчица именуется прямо Перуновымъ цвѣткомъ, Pehrkones. Русскіе тоже называютъ съ именемъ Перуна нѣкоторыя изъ цвѣтковыхъ растеній [4]).

Посвященіе ириса въ честь Перуна южными славянами находится въ близкой связи съ Дубровницкимъ названіемъ тогоже самого растенія—*богиша* т. е. божій цвѣтокъ. Замѣчательно повѣрье въ окрестностяхъ Кюстендиля и въ г. Пещеры, что непроцвѣтаніе этого растенія (перуники) считается предвѣстникомъ смерти въ той семьѣ, въ саду которой находится это растеніе. Удивительно совпаденіе между южно-славянскимъ повѣрьемъ о растеніи перуника и назначеніи еллинской богини Ирисъ (еще

1) Въ болгарской литературѣ существуетъ даже книжка съ фольклористичнымъ матеріаломъ, написанная Ил. Р. Блъсковымъ подъ именемъ «Перуника». Варна, 1884.

2) У французовъ *цвѣтокъ Юпитера* (joubarbe, sainte-barbe) съ гадательнымъ значеніемъ. Если онъ процвѣтетъ, любимый вернется, если нѣтъ — онъ погибнетъ. Этимъ народнымъ преданіемъ воспользовался поэтъ въ своихъ стихахъ:

En dépit de l'orage
La joubarbe a fleuri;
Au retour du voyage
Il sera mon mari, etc.

(Revue des trad. populaires, T. XVIII, стр. 286).

3) Срв. Ботан. словарь Анненкова.

4) В. Мочульскій. О мнимомъ дуализмѣ въ миѳологіи славянъ. Варшава, 1889, стр. 51.

Ἶρις=небесная радуга=растеніе перуника) исполнять приговоръ божествъ рѣзать фатальный волосъ женщинамъ, приговоренныхъ ими на смерть[1]). Близость этого соотношенія заставила насъ невольно подумать, что при ранѣе существовавшемъ у нихъ культѣ громовика и дождоносца, южные славяне вѣроятно восприняли изъ греко-римскихъ миѳическихъ представленій ту связь, которая открывается намъ между названіемъ Перунъ — перуника и именемъ радуги Ирисъ, богини Ирисъ и цвѣтка ирисъ.

Имя *папаруна*, которымъ именуется макъ въ Горной-Орѣховицѣ (Трновскій округъ), не должно никакимъ образомъ связывать съ именемъ Перуна: это имя есть славянизированное латинское имя растенія papaver somniferum.

Распространеніе имени Перуна у русскихъ многими учеными утверждается на единственномъ историческомъ текстѣ въ Несторовой лѣтописи, при переписываніи которой имя это перешло въ книги, а потомъ уже и въ преданія. Подобное объясненіе никоимъ образомъ нельзя примѣнить къ южно-славянскимъ землямъ и нарѣчіямъ, гдѣ о какомъ-то вліяніи литовцевъ или же Несторовой лѣтописи едва ли можно и говорить; большинство же личныхъ, географическихъ и др. подобныхъ названій, начиная съ Истріи до Бѣлаго и Чернаго морей нельзя объяснить другимъ путемъ, какъ тѣмъ, что они являются свидѣтельствами, уцѣлѣвшими доселѣ со временъ языческаго культа Перуна у южныхъ славянъ. Число подобныхъ свидѣтельствъ значительно увеличилось бы, если бы христіанство путемъ разныхъ соборовъ, гоненій, проповѣдей и писаній не уничтожало постепенно

---

1) По А. Губернатису (La Mythologie des plantes II. Paris, 1882, стр. 174) одинъ изъ видовъ этого растенія, Iris odoratissima, въ Греціи садили по кладбищамъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе его имени на память богини Ирисъ, посылаемой сопровождать усопшихъ женщинъ въ ихъ вѣчныя жилища. — Этотъ самый обычай существуетъ и теперь у болгаръ; такъ, въ окрестностяхъ Трнова по кладбищамъ на могилахъ вскорѣ послѣ похоронъ умершихъ тоже садится это растеніе. (По сообщенію Ив. Ив. Момчилова, которому мы обязаны и за другія еще свѣдѣнія).

языческія традиціи, или же не перемѣшало и переименовало ихъ. Перемѣшало и переименовало — потому, что едва ли найдется древне-языческое славянское повѣрье, живущее еще, не носящее на себѣ отпечатокъ христіанской традиціи, каковъ напримѣръ случай съ боготвореніемъ, замѣстника Перуна, св. Ильи.

IV.

Св. Илія и Огненная Марія.

Культъ св. Ильи у южныхъ славянъ по большей части заимствованъ изъ христіанскихъ легендъ. Хотя онъ обнимаетъ до сихъ поръ еще такія страны, какъ Малой Азіи, такъ и Западной Европы, куда вліяніе славянскихъ миѳическихъ представленій никогда не доходило, однако на Балканскомъ полуостровѣ все-таки выдаются черты славянскаго преданія въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ изъ христіанской эпохи. Какъ ново-греческій образъ св. Ильи содержитъ въ себѣ древне-миѳическіе отломки, скрѣпленные между собою въ одно цѣлое цементомъ христіанства, точно такимъ-же образомъ послѣднее передало свою новѣйшую форму дряхлому образу славянской традиціи. Южный славянинъ, при ежедневномъ исполненіи своихъ религіозныхъ отправленій въ родномъ очагѣ или въ полѣ, является въ *дѣйствительности* болѣе язычникомъ, чѣмъ христіаниномъ.

Что дѣйствительно славянскій культъ Перуна не забытъ еще и что онъ могъ отразиться на св. Ильѣ въ христіанскую эпоху, къ этому приводитъ насъ психическій религіозный моментъ, наступившій у грековъ, нѣмцевъ и у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ, у которыхъ громовержцемъ является уже не Зевсъ, Торъ или др. какое либо божество, а самъ Илья. На высотахъ Египскихъ горъ въ Елладѣ царилъ культъ Зевса дожденосца. Теперь же это самое мѣсто называется св. Иліемъ (Ἅγιος Ἠλίας)[1]). Греческій ученый Политисъ въ цѣнномъ своемъ трудѣ:

1) Preller, Griechische Mythologie, I⁴. Berlin, 1887, стр. 126.

«Солнце въ народныхъ повѣрьяхъ» (Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, ἐν Ἀθήναις, 1882) приходитъ къ заключенію, что культъ св. Ильи замѣнилъ у новыхъ грековъ культъ Зевса и Геліоса (солнца) [1]). Въ средніе вѣка громовникъ въ старо-нѣмецкихъ повѣрьяхъ замѣняется св. Ильею, который какъ и Торъ борется съ врагомъ своимъ змѣемъ (тутъ антихристъ)[2]). Очень интересенъ фактъ, что на Кавказѣ у Абхазцевъ Шибле—богъ грома, которому молятся отъ бездождія, и что черкесы отождествляютъ того-же самого Шибле съ Яліемъ (Илія)[3]).

Семитскія и христіанскія легенды о Ильѣ, съ аттрибутами дожденосца и защитника урожая, совсѣмъ перемѣшаны съ славянскими представленіями о Перунѣ, тѣмъ болѣе, что церковь, при имѣющихся на рукахъ нѣсколькихъ типическихъ текстахъ изъ св. Писанія Стараго и Новаго Завѣта, вліяла на вѣрующихъ даже и въ училищахъ. Вотъ главнѣйшія мѣста, способствовавшія обширному распространенію культа св. Ильи. «И Илья Ѳесвіецъ, который былъ изъ Галаадскихъ странъ, сказалъ Ахаву: живъ Господь Богъ Израилевъ, передъ которымъ я предстаю, на этихъ годахъ не будетъ росы, дождя безъ моего слова»[4]). Послѣ этого настали засухи съ голодомъ въ землѣ Ахава, согрѣшившаго передъ Богомъ. Спустя три года Илья является передъ Ахавомъ и наказываетъ пророковъ Ваала. Молитвой Ильи «ниспосланъ былъ Богомъ огонь, поглотившій всесожженіемъ деревьевъ, камней, почву, осушилъ воду, находившуюся въ бороздѣ»...[5]). «А между тѣмъ небо помрачилось отъ тучъ и вѣтровъ, и ниспосланъ былъ обильный дождь»...[6]). «И когда Богъ хотѣлъ возвезти Илью на небеса вихремъ, Илья вмѣстѣ съ Елисѣемъ отправился изъ Галгалы»...[7]). «И, шедши,

1) См. А. Н. Веселовскій, Разысканія и пр., VIII, стр. 294—353.

2) Grimm, Deutsche Mythologie, I⁴, стр. 144—145.—Веселовскій, тамъ же, стр. 340—341.

3) Веселовскій, тамъ же, стр. 313.

4) III кн. Цар., 17, 1.

5) III кн. Цар. 18, 38.

6) Тамъ же, 18 45.

7) IV кн. Цар., 2, 1.

они говорили, и вотъ огненная колесница и огненные кони.... и взыде Илія съ вихремъ на небо»[1]). Въ Новомъ Завѣтѣ повторяются воспоминанія о Ильѣ, во времена котораго ꙁаключи́ся нѣбо три лѣта и҆ мцⷭ҇ъ ше́сть, ꙗ҆́кѡ бы́сть гладъ ве́ликъ по все́й земли́[2]). «Илія былъ человѣкъ подобострастный намъ; и усердіемъ помолился онъ, чтобы не было дождя, и не было дождя на землѣ три года и шесть мѣсяцевъ; опять же помолившись, дождь былъ ниспосланъ небомъ, а земля произвела свои плоды»[3]). На праздникѣ св. Ильи (Ильинъ день) при богослуженіи исполняется нижеслѣдующій кондакъ, укрѣплявшій въ массѣ повѣрье, что Илья дожденосецъ: Проро́че и҆ прови́дче вели́кихъ дѣлъ Бо́га на́шегѡ, И҆лі́е великоимени́че, вѣща́ніемъ твои́мъ ѹ҆ставивый водото́чныѧ ѡ҆́блаки, моли́ ѡ҆ насъ є҆ди́наго Человѣколю́бца.

Такимъ же точно является Илья и въ народныхъ пѣсняхъ:

И дойде свѣти Иліа,
Си скоа кола огнена,
Си прегна коньи четири,
Четири коньи крилати,
Та си отиде на небо[4])

или

А що бѣше старъ свѣти Иліа!
Помоли се на нашъ Христосъ,
Та му даде ключове отъ небеса,
Си заключи мѫгли и облаци.
Три годипи дожъ не завѫрна,
Три години сѫнце не угреа,
Три години ветеръ не подухналъ,
Не сѣ роди ни вино ни жито[5]).

1) Тамъ же, 2, 11.
2) Лука, 4, 25.
3) Посланіе Якова, 5, 17—18.
4) Миладиновы, Сборникъ, № 25.
5) Тамъ же, № 34.

Можно подумать, что эти стихи ничто иное, какъ пересказъ выше цитированныхъ текстовъ—до такой степени народныя повѣрья сходятся съ семитскими и христіанскими! Даже и глаголъ *заключать* (замыкать) отъ **заключи́ся н҃бо три лѣта** и пр. встрѣчается чаще въ этихъ молитвахъ вмѣсто обыкновеннаго въ данномъ случаѣ глагола *затварямъ* (запирать, затворять).

Замѣчательно однако обстоятельство, что христіанскій и библейскій св. Илья только *дождено́сецъ*, тогда какъ въ народныхъ повѣрьяхъ св. Илья является и съ другими представленіями, какъ *громовникъ*. Такъ, при дѣлежѣ небесныхъ и земныхъ стихій св. Ильѣ было дано:

Свет' Илија грома небеснога [1])

или:

А Илија муње и громове [2])

или:

Илиј' даше муње и громове [3])

или:

Свет Илија—сињни секавици [4])

или:

Дел се па́дна на свети Или́я,
Дел се па́дна гржмо́ве, трескове [5]).

или:

Що ся падна на свѣти Иліа?
Паднаха му летни-те облаци
И летни-те гржмотявици
. . . .

1) Вук, Песме II, стр. 5.
2) Тамъ же II, стр. 3.
3) Вук, Српске народне пјесме изъ Херцеговине. Беч, 1866, стр. 305.
4) Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ, 2-е изд., стр. 95.
5) Илиевъ, Сборникъ, № 266.

Ка си узе самъ свѣти Илія
Мѫгли, облаци, грѫмотевици,
Ги затвори во Черно-то море[1]).

или:

Паднá му се лéтни гѫрмотéви,
Паднá му се летни трескáвици,
Да си лети по тéвни óблаци[2]).

Въ Царибродскомъ уѣздѣ и въ окрестностяхъ Пирота провинившихся иногда проклинаютъ: «Ега те св. Илúа сѫс грамльáвицу смаже!»[3]). Въ Зайчарѣ празднуютъ и чествуютъ св. Илью «какъ бога громовержца». Еслибъ св. Илья зналъ день своего праздника, опожарилъ бы весь міръ. Сезонъ, наканунѣ его именинъ, изобилуетъ громомъ по небу. Вѣроятно вслѣдствіе этого-то приносятъ ему въ жертву лучшаго изъ пѣтуховъ[4]). Въ Ахы-Челеби (Ѳракія) существуетъ повѣрье, что громъ является отъ усиленной бѣготни коней и колесницы св. Ильи по небу, а молнія вылетаетъ изъ-подъ подковъ коней[5]). Въ окрестностяхъ гор. Трояна (Болгарія) существуетъ повѣрье, что св. Илья въ гнѣвѣ своемъ катаетъ по небу бочки, полныя камнями, вслѣдствіе чего въ воздухѣ гремитъ[6]). Въ Битольскихъ окрестностяхъ вѣрятъ, что громъ происходитъ отъ усиленнаго движенія колесницы св. Ильи въ облакахъ. Молніи же образуются изъ огненной его колесницы, поддерживаемой змѣями[7]), и т. д. Подобное повѣрье у южно-русскихъ болгаръ, Таврической губерніи. «Когда гремитъ громъ, то это означаетъ, что св. Илья разъѣзжаетъ на колесницѣ по небу и преслѣдуетъ діавола, чтобы убить его»[8]). У

1) Миладиновы, Сборникъ, № 53.
2) Сборникъ Министерства, II, стр. 27.
3) Тамъ же, XIII, стр. 332.
4) Дацовъ, Зайчаръ и неговото населеніе. София, 1884, стр. 14.
5) Сборникъ Министерства, XIV, стр. 99.
6) Тамъ же, VI, 93.
7) Тамъ же, XII, 127.
8) Этнографическое Обозрѣніе, XXXIX, стр. 113.

сербовъ тоже распространено это повѣрье, что громъ образуется отъ движенія колесницы св. Ильи[1]). Слѣдовательно, какъ видно изъ этихъ народныхъ повѣрій, главнѣйшіе аттрибуты св. Ильи это—громъ и молнія. Однако, какъ мы замѣтили, подобные аттрибуты не приписываются этому святому въ библейскихъ легендахъ, гдѣ онъ является носителемъ дождя. Этому обстоятельству въ большой мѣрѣ способствовали, съ одной стороны, общеевропейскія и, слѣдовательно, славянскія представленія о громовержцѣ-дождсносцѣ, а съ другой — апокрифная литература. Въ апокрифахъ, въ самомъ дѣлѣ, не св. Илья, а другіе уже святые являются громовержцами. Въ апокрифической рукописи XVI в. громъ является оружіемъ ангела преслѣдующаго сатану, молнія-же—одежды архангела Наѳанаила[2]). Въ другомъ апокрифѣ сказано: архистратигъ Михаилъ **помолиса къ Бгу, и бысть громъ и млъниа**[3]). Въ другомъ, противникомъ антихриста являются Илья, Енохъ а Іоаннъ, названный «сыномъ грома» (τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς Ἰωάννην)[4]). Въ первоначальной эпохѣ христіанства вмѣстѣ съ апокрифомъ «Малымъ бытіемъ» распространилось повѣрье, что Господь создалъ нѣсколько ангеловъ для разныхъ стихій. Эти повѣрья позже были распространены и у южныхъ славянъ посредствомъ сочиненій Епифанія Кипрскаго и Козьмы Индикоплова. Такъ, тамъ сказано, что созданы были **'агг҃ли ѡблакоу,... агг҃ли гласомъ и млнїамъ** (ἄγγελοι νεφελῶν... ἄγγελοι φωνῶν, βροντῶν)[5]). Даже въ одномъ сборникѣ XVI в. подъ названіемъ «Слово св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, І. Златоуста, вопросъ и отвѣтъ», вмѣстѣ съ ангелами грома именуется Перунъ: **Два ангела громнаа еста, и еллиньскыи старець Пероунь есть, а Хоръ есть жидовинъ**[6]). Подобныя по-

1) Вук, Живот и обичаји народа српскога. Беч, 1867, стр. 66.
2) Срв. А. Н. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 325.
3) Тамъ же, стр. 325.
4) Тамъ же, стр. 336.
5) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтн. лицахъ и событіяхъ. Спб., 1877, стр. 3, 22, 23.
6) Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Спб., 1855, стр. 185.

вѣрья, что небесныя стихіи раздѣлены между ангелами, или что ангелами производится дождь, живутъ еще и теперь у южныхъ славянъ:

Благо делятъ четири ангели,
Благо делятъ више на небеси и пр.[1]).

Нѣсколько дней наканунѣ именинъ св. Ильи, а также и нѣсколько дней послѣ этого дня юго-славянами празднуются отъ грома; такими считаются: *горѣшляци*, 3 дня — 15, 16, 17 іюля; *Огнена Марія* — 17 іюля; *Ильинъ день* — 20 іюля; *Св. Пантелей* — 27 іюля.

Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ сестра Ильи, *Огненная Марія*, очень часто представляется съ аттрибутами своего брата. При дѣлежѣ неба взяли:

Свѣт' Илија грома небескога,
А Марија муњу и стријелу[3]).

Когда на землѣ настала смута, и люди были грѣшные, св. Марія выпрашиваетъ у своего брата бумагу съ неба о пріостановленіи дождя, чтобы вымерло все живущее[4]).

Приписать аттрибуты грома св. Ильѣ очень много способствовали его культъ въ библіи какъ дождоносца, отрывочныя роли другихъ святыхъ громовниковъ, какъ Михаила, Іоанна, Георгія[5]), и наконецъ то обширное участіе, которое Илья принимаетъ въ борьбѣ противъ антихриста въ сказаніяхъ о кончинѣ міра, сказаніяхъ, находящихся въ близкой связи съ индо-европейскимъ повѣрьемъ о борьбѣ между змѣемъ и громомъ.

---

1) Миладиновы, Сборникъ, № 80. — Срв. Сборникъ Министерства, II, стр. 164.

2) Срв. П. А. Ровинскій, Черногорія, II т. Спб. 1901, стр. 452. — Любеновъ, Баба Ега. Търново 1887, стр. 19. — Шапкаревъ, Сборникъ, VII, стр. 172, 173, 174.

3) Вук, Песме II, стр. 5.

4) Любеновъ, Сборникъ III, стр. 29—30. — Срв. Дацовъ, Зайчаръ и пр., стр. 14.

5) А. Н. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 328.

Съ языческой эпохи славянства ведетъ свое начало у южныхъ славянъ повѣрье, что громовыя стрѣлы—бѣлыя каменныя угловатыя плиточки, находимыя иногда въ почвѣ, гдѣ ударено было громомъ. Словаки называютъ ихъ Paromova štrela, русскіе — Перунъ-камень и громовая стрѣла[1]). Обычай жертвоприношенія св. Ильѣ опять приводитъ къ свидѣтельствамъ Прокопія о жертвоприношеніяхъ, дѣланныхъ въ честь громовника у южныхъ славянъ.

Посвященіе дуба Зевсу Додонскому, Тору германскому, Перкуну у Литовцевъ[2]), Перуну у русскихъ[3]), находится въ тѣсной связи съ южно-славянскимъ почтеніемъ и обычнымъ воздвиженіемъ культа Ильи по возвышеннымъ дубравамъ на холмахъ. Въ житіи преподобнаго Θеодосія въ XIV в. упомянуто, что вблизи самого Трнова люди поклонялись дѫбѹ нѣкоемѹ[4]). Вѣроятно, подобными дубами-жертвенниками были и тѣ же деревья во Θракіи, о которыхъ упомянуто графомъ Марсильи, дубы, которые доселѣ еще виднѣются по сторонамъ Филиппопольско-Одринской дороги[5]). На Балканскомъ полуостровѣ во многихъ мѣстахъ большинство уединенныхъ холмовъ называется именемъ Ильи (нѣкоторые—Перунъ, Перинъ). У русскихъ идолище Перуна находилось на возвышенномъ холмѣ. Греческій ученый Политисъ связываетъ культъ Геліоса и Зевса громовержца по высотамъ съ культомъ ихъ намѣстника, св. Ильи съ христіанской эпохи[6]). Академикъ Веселовскій находитъ, что связь эта не существуетъ, однако старинный культъ Перуна у

1) Забѣлинъ, Исторія русской жизни, II. Москва, 1879, стр. 511.

2) H. Usener, Götternamen, Bonn, 1896, стр. 97.

3) Máchal, Nákres slovanského bájesloví. Praha, 1891, стр. 22—23. Срв. также свидѣтельство Guagnini, Sarmatiae Europaeae descriptio, 1578, цит. у Leger, Mythol. slave. Paris, 1901, стр. 57—58.

4) Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. рос., Москва, 1860, I, стр. ıa.

5) «Fuì curioso di vedere la loro chiesa, che non è che una piazza di terreno ben pulito, che da una parte ha una grand'arbure dovo sono fitti chiodi di legno per appendere le vittimi che sacrificano, dove attualmente erano pesci de bovi et di castrati» (Marsigli, Stato militare del imperio Ottomano, 1732, стр. 24).

6) Πολίτης, Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, Ἐν Ἀθήναις 1882. Срв. А. Н. Веселовскій, Разысканія VIII, стр. 294 и слѣд.

южныхъ славянъ, какъ и теперешній культъ св. Ильи на южно-славянскихъ холмахъ и въ дубравахъ, по крайней мѣрѣ подтверждается и стоитъ въ извѣстной связи со вторымъ пунктомъ изъ взглядовъ Политиса. Такъ, вблизи Пещеры, какъ мы упомянули, возвышается холмъ Перинъ. Вблизи села Варвары, въ окрестностяхъ Татаръ-Пазарджика, на холмикѣ, поросшемъ дубами, теперь возвышается маленькая церковь, посвященная имени Ильинной сестры — Огненной Маріи[1]). Въ Родопахъ, одинъ изъ холмовъ, тоже поросшій дубами, гдѣ находится маленькая церковь, и теперь еще называется Ильинымъ верхомъ[2]). Поселяне с. Ярлова, въ окрестностяхъ Филиппополя, убиваютъ свою жертву въ честь Ильина дня на одномъ изъ холмовъ, поросшемъ дубами[3]). У Созополя, на Черномъ морѣ, параклисъ св. Ильи возвышается на конусовидномъ холмѣ, а ближе къ нему находится церковь св. Марины, которой поселяне молятся во время праздниковъ «Горѣшляци», чтобы не обгарали ихъ посѣвы[4]). Въ одномъ сербскомъ памятникѣ встрѣчаемъ ....грмочелу бієше мєћа Илинно врьдо[5]).

V.

Громъ и змѣй. — Книга Громникъ.

Независимо отъ имени св. Ильи, въ южно-славянскихъ повѣрьяхъ обширно распространено зооморфическое представленіе о громѣ какъ борьбѣ между *змѣемъ* и *халой*[6]), или же между громомъ и халой.

---

1) Захаріевъ, Описаніе и пр., стр. 56—57.

2) Сборникъ Министерства, VIII, стр. 61.

3) Slovanský Sborník, V, стр. 77 и слѣд.

4) Срв. Шапкаревъ, Сборникъ VII, стр. 172.

5) Miklosich, Monumenta Serbica, стр. 93.

6) Халà, какъ и употребляемое въ восточной Болгаріи въ этомъ значеніи *ламя*, греческаго происхожденія. По ново-гречески χαλάζι—градъ, λαμία (отъ кор. λάμος, пропасть, глубина) — миѳологическое чудовище. По болгарски халà означаетъ буранъ—вѣтеръ съ дождемъ и градомъ. Въ переносномъ же смыслѣ

Въ окрестностяхъ Кюстендиля существуетъ слѣдующее повѣрье. Змѣй — охранитель урожая, а хала — его похититель. Змѣй, гонясь за халой, наноситъ ей удары; она же съ своей стороны укрывается между деревьями или гдѣ нибудь. Змѣй влюбляется въ женщинъ и вступаетъ въ брачныя связи; дѣти же ихъ раждаются змѣенышами: малютка-змѣенышъ съ маленькими крылышками подъ плечами. Женщины, замѣтивъ эту примѣту у новорожденнаго малютки, собираются вмѣстѣ, чтобы непремѣнно въ одну только ночь выткать полотна, скроить и сшить рубашку для этого малютки. Въ противномъ же случаѣ малютка не выростаетъ змѣемъ и, слѣдовательно, село лишается, теряетъ покровителя, защитника посѣвовъ отъ похищенія халы. Человѣкъ-змѣй является обыкновенно человѣкомъ какъ и всѣ люди, но всегда засыпаетъ при наступленіи бури: душа его отправляется сражаться съ халой. Въ такомъ случаѣ не позволяется будить его или же трогать для того, чтобы душа его по возвращеніи своемъ нашла его тѣло въ прежнемъ его положеніи, чтобы опять войти въ него; въ противномъ случаѣ змѣй умираетъ [1]).

Въ окрестностяхъ Битоли существуетъ повѣрье, что змѣи рождаются какими-то чудовищами съ хвостомъ и, когда окрылятся, удаляются отъ земли. Съ небесныхъ высотъ громъ застрѣливаетъ *колдунью* [2]). Въ Черногоріи вѣрятъ, что громъ гонится за колдуньею или сатаной, нанести имъ удары [3]). Кромѣ того, у болгаръ существуетъ повѣрье, что *смокъ* любитъ сосать у коровъ или даже у женщинъ молоко. Точно такимъ-же является и русское преданіе, что змѣи любятъ пить и сосать молоко [4]). Интересно въ данномъ случаѣ повѣрье у русскихъ, что на *Перин-*

халой называютъ безразсуднаго. Сложное слово *аламуня* (хала — молнія) встрѣчается и въ заклинаніяхъ: «Да те удари аламўн'ата!», «Скъцала го е аламўньата и него» (Любеновъ, Сборникъ, III, стр. 16).

1) Срв. еще Сборникъ Министерства, VII, стр. 375.

2) Тамъ же, XII, стр. 127.

3) Ровинскій, Черногорія, II, стр. 452.

4) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, II, стр. 558.

скомъ скитѣ въ Новгородѣ жилъ *змѣй Перюнъ*, который проводилъ ночи у Волховской пастушки[1]) (очевидно зооморфизмъ водныхъ стихій Ильмена съ Волховомъ). Здѣсь опять является соотношеніе атмосфернаго божества (дожденосца или громовника), змѣя и Перуна (Перюна), съ котораго мы начали. Повѣрья эти не библейскія, а являются первобытными славянскими, отчасти же и общечеловѣческими[2]). Громовникъ Индра въ Ригъ-Ведѣ поражаетъ молніею змѣя Ахи; громовержецъ Торъ сражается съ зміей Мидгардъ, нанося удары своимъ *«міолнеромъ»* (молнія)[3]). О повѣріи, что громъ преслѣдуетъ *дракона*, упоминается Іоанномъ Дамаскинымъ въ VIII в.: ὑπὸ βροντῆς διώκεται ὁ δράκων[4]).

Въ близкой связи съ нынѣшнимъ культомъ громовержца у южныхъ славянъ можно поставить и *астрологическія* повѣрья о громѣ. Что знахарство не было чуждо древнимъ южнымъ славянамъ, о томъ свидѣтельствуетъ Прокопій[5]). Однако уцѣлѣвшіе памятники изъ старо-болгарской и сербской астрологической литературы свидѣтельствуютъ несомнѣнно о своемъ византійскомъ происхожденіи. Академикъ В. Ягичъ[6]) и изслѣдователь апокрифовъ В. Н. Перетцъ[7]) заключаютъ, что славянскіе «громники» перешли къ славянамъ отъ византійцевъ. Это положеніе становится очевиднымъ даже только изъ сличенія текстовъ[8]). Интересна въ случаѣ слѣдующая замѣтка: Гро́мов'никъ оу҄гатанїа̀ и҆мꙋще. ѿ ѕвѣ̑ꙁочьтїи и҆звѣдени ѿ ракліа̑ цр҃а[9]), т. е. что книга извлеченіе изъ астрологіи византійскаго царя Ирак-

1) Тамъ же, стр. 559.
2) Срв. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 321.
3) Andersen, Mythologie scandinave. Paris, 1886, стр. 173 и слѣд.
4) Πολίτης, Δημώδεις μετεωρ. μῦθοι, Ἐν Ἀθήναις, 1880, стр. 5.
5) De bello Gothico, III, 14.
6) Starine, X, стр. 119—123.
7) Извѣстія Имп. Ак. Н. по О. Р. Я. и С., т. VI, кн. 4, стр. 127—8.
8) Срв. Starine, X, 123.
9) Тихонравовъ, Памятники отреч. русской литер., II, стр. 361.

лія[1]). Часто употребляемыя слова въ «громникахъ» какъ ’єгіпєтъ, аравитѧнинъ[2]) и т. п. свидѣтельствуютъ о болѣе старинномъ восточномъ происхожденіи даже византійской знахарской литературы. Такъ въ одномъ апокрифическомъ сказаніи указано, что греки научились астрологіи у основателя ея Неврода, который созда Вавѵлонъ градъ, и напрьвѣє показа ловы дѣати. и влъшвєніа. и прьсомъ вѕ̑. старѣи. научивъ ѥ ѕвѣздозаконію. и ѕвѣздословію. и нєбнымъ движанієм̾ ѿражающимса. ѩкѡ и что имъ хощєтъ бытн[3]).

Южно-славянскія гадательныя преданія, будучи языческими, не вошли въ христіанскую славянскую литературу. Они или остались въ забвеніи, или же смѣшались съ преданіями апокрифной литературы такъ, что теперь едва ли можно различить одни отъ другихъ. Извѣстно только то, что апокрифныя преданія взяли верхъ: они теперь составляютъ значительную часть простонародныхъ повѣрій. Такъ, общераспространенныя повѣрья у южныхъ славянъ о небесныхъ знаменіяхъ и связь ихъ съ земной жизнію точно также находимъ въ старинныхъ «громовникахъ»[4]). Въ одномъ «громовникѣ» о Апрѣлѣ мѣсяцѣ написано: Апри̑ чи̑ ю̑н҆чє. Ащє въ число ю̑н҆чє погрьмить. п҆шєница по мєсто̑ гибєль. радо̑ жє въ цр҇твующи ѿ двора.. и блтъ. и̑ на въсто́цє мєтєжъ и̑ сє̑ др҇у[5]). Подобныя же повѣрья и теперь существуютъ у болгаръ: «Если громъ грянетъ въ январѣ, это не хорошо — урожай будетъ ничтожный; если же первый громъ будетъ въ мартѣ—урожай будетъ обильный»[6]). Всеобще южнославянское повѣрье, что если грянетъ на самый день св. Ильи— орѣхи и орѣшки будутъ полыми.

1) Срв. мнѣніе В. Н. Перетца въ Извѣстіяхъ, т. VI, кн. 3, стр. 40—41.

2) Тихонравовъ, стр. 363, 370.

3) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія. Спб., 1877, стр. 249.

4) Вліяніе «громовниковъ» сохраняется и теперь. Е. Карановъ говоритъ, что видѣлъ книжечку съ именемъ «Грьмовниче» въ библіотекѣ священника Нишки (Сборникъ Министерства, IV, 305).

5) Тихонравовъ, II, стр. 363.

6) С. Вацовъ, Народна метеорология. Софвя, 1900, стр. 5.

Однако нужно замѣтить, что астрологическія простонародныя предсказанія у югославянъ относятся почти исключительно къ урожаю, засухѣ, морозу, градобитію или дождю. Здѣсь есть что-то славянское. Въ греческихъ предсказаніяхъ замѣтны элементы, касающіеся человѣка и его жизни.

Заключеніе.

1. Разныя отрицанія и сомнѣнія о культѣ Перуна и его имени у южныхъ славянъ произошли вслѣдствіе неизвѣстности существующихъ доселѣ свидѣтельствъ у южныхъ славянъ о томъ.

2. Этимологія имени Перуна и теперь ясна для южнославянскихъ языковъ, особенно для болгарскаго.

3. Свидѣтельство Прокопія о культѣ громовника у южныхъ славянъ неоспоримо.

4. Первенство, отдаваемое *громовнику* у южныхъ славянъ и *Перуну* у русскихъ, наводитъ на мысль, безъ какихъ-либо постороннихъ доказательствъ, что Перунъ у русскихъ былъ настоящимъ громовникомъ, и у южныхъ славянъ, вѣроятно, громовникъ назывался тоже Перуномъ.

5. Категорично свидѣтельство отца Спиридона; свидѣтельство замѣны имени Зевса именемъ Перуна въ извѣстной Александріи, памятникѣ южно-славянскаго происхожденія; свидѣтельство изъ рукописи «Сокровище дѣтемъ», а также и свидѣтельство Априлова.

6. Обширное употребленіе личныхъ, крестныхъ именъ: Перунъ, Перуна, Перунка, Перуница, Перуника, Парунъ, Паруна, какъ и фамильное Перуничичъ, встрѣчающихся до сихъ поръ у южныхъ славянъ, нельзя объяснить простымъ заимствованіемъ, а только тѣмъ, что они являются остатками отъ языческой эпохи.

7. Точно такими же являются топографическія названія: Перуня весь, Перуни врхъ въ Хорутаніи, Перунъ—вершина въ Истрійскомъ полуостровѣ, Перунъ въ Боснѣ, Перунъ-Дубрава

въ Хорватіи, Перуновацъ, Перуника, Перинатица въ Сербіи, Перинъ върхъ въ Болгаріи, мѣсто Перинъ, Перинъ-планина и село Перинъ въ Македоніи, Перинъ-градъ въ Герцеговинѣ.

8. Латышское названіе цвѣтковаго растенія *Pehrkones*, посвященное Перуну, наводитъ на мысль, что южно-славянское *перуника* есть дѣйствительно цвѣтокъ Перуна, тѣмъ болѣе, что тоже самое растеніе у Дубровничанъ называется Божьимъ цвѣткомъ — *богиша*.

9. Какъ у многихъ народовъ отъ христіанской эпохи языческое имя громовника замѣнено именемъ св. Ильи, точно такимъ же образомъ подъ этимъ именемъ у южныхъ славянъ должно признать нѣкоторые славянскіе элементы: жертвоприношеніе быковъ, культъ по высотамъ въ дубравахъ, культъ громовержца и т. д.

10. Повѣрье о громовныхъ стрѣлахъ и камняхъ («божи кàмъне») съ повѣрьемъ о существованіи борьбы между громомъ (св. Ильи) и змѣемъ, или же между змѣемъ и халой, являются настолько же славянскими, насколько индо-европейскими.

11. Въ апокрифахъ Громникъ, Молніяникъ ничего славянскаго нѣтъ.

Іорданъ Ивановъ.

Гор. Софія,
іюль 1903.

Замѣтки

о пергаменномъ Сборникѣ XIV вѣка Вѣнской Придворной Библіотеки.

Между славянскими рукописями, хранящимися въ Вѣнской Придворной Библіотекѣ, особенное вниманіе мое обратилъ Сборникъ № 137, нѣкогда подаренный Михановичемъ Миклошичу, а по смерти послѣдняго поступившій въ Придворную Библіотеку. Сборникъ этотъ писанъ на пергаменѣ, въ небольшую осьмушку; въ теперешнемъ состояніи заключаетъ въ себѣ 178 листовъ. Въ началѣ незамысловатая заставка (выведенная нѣсколько болѣе свѣтлымъ черниломъ, чѣмъ употребленное писцомъ, за исключеніемъ заглавій и начальныхъ буквъ въ текстѣ), представляющая три полукружія, пространство между которыми заполнено чертами, кружками и точками.

Палеографическія черты. ꙗ употребляется только въ началѣ словъ; въ остальныхъ случаяхъ замѣняется или ѣ, или (рѣже) ѧ— послѣдняя замѣна имѣетъ мѣсто только послѣ шипящихъ (за исключеніемъ ч, гдѣ ѣ и ѧ чередуются) и послѣ гласныхъ (въ этомъ случаѣ чаще встрѣчается замѣна черезъ ѣ). Примѣры: помы̂шлѣеть л. 19; неприѣзнь л. 23; чѣсь и часъ л. 26; покаа̊сѧ л. 29; но покаѣніе л. 30; прѣдаа̊ше л. 28 и даѣше л. 35. Иногда ѣ чередуется съ ꙗ и въ началѣ словъ: ꙗдѫще л. 12 об. и ѣсть л. 20. ѣ, кромѣ того, чередуется и съ ѧ: вь рѫца л. 38; зало л. 23; вь зрьцѣлѣ л. 40 об.; слѣдькы̆ л. 169 об.[1]).

---

1) Изрѣдка ѣ чередуется и съ ѧ: вѣдѣ и вѣдѧ 1 л. с. ; слышѧ л. 115 об.

Послѣ шипящихъ исключительно употребляется ѫ; въ остальныхъ случаяхъ ставится то ѫ, то ѧ, безъ всякой послѣдовательности. Изрѣдка встрѣчается ѭ: ѭти л. 30 об.; стоѭ л. 36 об.; в. п. ж. р. отъ и на одномъ листѣ имѣетъ троякое правописаніе! (ѫ, ѧ, ѭ — л. 112); еще рѣже встрѣчается ѩ: ѩже л. 24 об.

Обыкновенно употребляется є узкое: ѐтерь, знамѐниѐ, приемаши, еже; изрѣдка въ началѣ словъ ѥ: ѥгда; ѥсть, но ниже ѐсть; ѥго л. 37 об., о, ѻ и ѡ; ȣ, ꙋ и оу; и и і—преимущественно первое. Исключительно употребляется ь.

Вторая составная часть ы по серединѣ перечеркнута. ѕ и ꙁ. Смѣшеніе этихъ буквъ показываетъ, что нарѣчіе писца не знало произношенія буквы з, какъ д͡з.

Надъ гласными обыкновенно поставлены точки или небольшія черточки, по большей части горизонтальныя; надъ ꙗ, ю и второй составной частью ы обыкновенно стоятъ двѣ точки или горизонтальныя черточки; надъ оу иногда поставлена ˆ дужка; надъ начальными гласными иногда стоитъ знакъ, напоминающій греческое придыханіе тонкое или густое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождаемый удареніемъ; придыханіе иногда ставится и въ серединѣ словъ надъ вторымъ гласнымъ изъ двухъ, стоящихъ рядомъ: ѳеѡ́ѳила. Изрѣдка надъ гласными (іотированными — ꙗ, ѭ, ѥ) и согласными (вв) стоятъ двѣ вертикальныя черточки съ уклономъ направо или налѣво; дужка, помимо оу, спорадически встрѣчается и въ другихъ случаяхъ.

Нѣкоторыя фонетическія и морфологическія особенности.

На ряду съ весьма интересными архаизмами встрѣчаются и новыя черты, характеристичныя для памятниковъ средне-болгарской редакціи, свидѣтельствующія о значительныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ языкѣ ко времени написанія памятника. Одной изъ наиболѣе любопытныхъ чертъ слѣдуетъ признать утрату чутья къ различенію падежей (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ), а также спорадически встрѣчающееся употребленіе члена.

Изъ фонетическихъ особенностей можно отмѣтить: смѣшеніе юсовъ, и и ы[1]), смѣшеніе ѣ и ѧ, свидѣтельствующее о томъ, что звукъ ѣ въ говорѣ писца звучалъ, какъ ѧ, почти исключительное употребленіе узкаго є — знакъ, что писецъ не зналъ мягкаго выговора є; исчезновеніе глухихъ и замѣна ихъ чистыми — для глухихъ въ корняхъ это является правиломъ (примѣры, какъ тьштъ л. 23; вьзьпи л. 176 являются исключеніями), чаще удерживаются глухіе въ суффиксахъ, еще чаще въ приставкахъ; вслѣдствіе исчезновенія глухихъ была возможность появленія такихъ формъ, какъ гдѣ (напр. л. 35 об.); только въ соединеніи съ плавными удержались глухіе (скрби, л. 176, быть можетъ, описка). Иногда даже на концѣ словъ исчезли глухіе (ин, л. 176). Примѣры, какъ нѣсѫмь л. 42, нѣсмѫ л. 176, повидимому, доказываютъ, что юсы (по крайней мѣрѣ ѫ) звучали глухо. Губные смягчены то при помощи ѧ, то непосредственно. Примѣры: землѧ в. е. ж. р. л. 36, ѡскрьблѣ̄сѧ̄ 1. ед. л. 36; но и: вь земи л. 39 об.; сь земе̄ѧ л. 37 об.; ѡсла́бено л. 39 об.; пріемѧть л. 41.

Въ склоненіи именъ существительныхъ встрѣчаются койгдѣ архаистическія формы: г̄и д. е. л. 176 об.; прѣжде врѣмене л. 174; дѣлеса л. 177 об., тѣлесь л. 176; чѹдесми л. 169 об.; жрьнвы в. п. л. 18 об. Но рядъ формъ свидѣтельствуетъ о утратѣ чутья къ различенію падежей: не ѡбрѣсти не е̄диноѧ же̄ ползѫ л. 35 об.; виж̄ѫ себе... ни единоѫ брани имѧ̄щā л. 37 об.; ѹлови ми рыбици л. 173 об.; ѿ женѫ сѧ еси родиль л. 177 об. и ниже: ѿ женѫ сѧ̄ есмѫ родиль; прими вь мирь л. 176; любовь постѣ и бдѣни и трȣдѣ (л. 16); аще слышиши ѡ етерѣ ненā-видѧщь тебе и ѡклеветā́ѫщь тѧ л. 12 об.; тьгда ꙗко не хотѧ вьведошѫ и л. 171 и пр.

Спорадически встрѣчаются члены тъ и сь — первый, повидимому, употребляется при опредѣленіи предмета, который не находится ни при говорящемъ, ни при томъ, къ кому обраща-

1) Изрѣдка.

ются съ рѣчью, второй — при обозначеніи предмета, который находится при говорящемъ лицѣ. Примѣры: градѫщима (има) кь приимь вратомь срѣтошѫ и старѣишины гра того. и рѣшѫ кь пѐтрови ѿкѫдоу имаши сицего дѣтища красна. аще ѐсть рабь продажь и. аще ли ѐ свободь то вьдаи на ȣчение. и рѐ петрь ꙗко дѣтищось свободь ѐсть. л. 173 об.; повѣда прѣславнѫѧ тѫ славѫ бжиѧ л. 175; ȣслышить горкытѣ гла л. 115; застѫпаѫть ны вь страшныѣть ча л. 113 об.; блвень гь бг ис хь ꙗко спобиль мѧ есть... ѡбрѣсти корабь сь л. 171 и пр.

На ряду съ архаистическими формами сложнаго склоненія: лачѧщȣемоу л. 32 об.; нбснааго л. 176 об. — встрѣчаемъ и такія: нбсномоу л. 176; слоужѫщомȣ л. 40 об.

Одной изъ наиболѣе любопытныхъ особенностей спряженія являются архаистическія формы аориста. Аористъ простой: прибѣгь л. 33 об.; не ѡбрѣть л. 37; изыдь л. 38 об.; вьзьдвигь л. 31, но ниже вьзьдвигохь; даже изьволь (?!) л. 34 об.; изыдете 3 л. дв. л. 38 об.; идета 3 л. дв. л. 39 об.; ѡбрѣтете л. 26; придомь л. 39 об.; ȣжасѫсѧ л. 38 об., не вьзьмогѫ л. 39 об.; не придѫ л. 25 об.; ѡбрѣтѫ л. 26; ȣспѫ л. 176; испадѫ л. 176. Разумѣется, рядомъ съ этими формами встрѣчаются и болѣе позднія: ȣкрадохь; поидохь л. 174; изьнемогохь л. 31 об. и т. п., но рѣже. Аористъ сильный: принѣсь л. 109 об. вьнѧсь л. 34 об. начѧсь л. 172, но и взѧхь л. 174; приѧсомь л. 113 об.; пронесѧ л. 174; сьнѧсѧ л. 176 об. Интересна форма повѣхь л. 31 об. Два раза встрѣтился аористъ на хѫ—оутѫхнѫхѫ л. 105 об. л. 175 об.

Въ imperfectum'ѣ обыкновенно стяженныя формы. Примѣры, какъ придѣахѫ л. 22 являются исключеніями; чаще встрѣчаются формы съ аа: прѣдааше л. 28, не можааше л. 31.

Неопредѣленное наклоненіе нерѣдко (особенно послѣ глаголовъ движенія) оканчивается на ть. Часто встрѣчаются формы условнаго накл. съ бимь и пр. Примѣры: и члвкомь ȣбо исповѣдаль сѧ бимь л. 34 об.; аще би агатонь быль твориль заповѣди л. 37; но встрѣчаемъ и формы съ быхъ: азь быхь радь ѥмоу быль л. 172 об.

Употребленіе архаистическихъ формъ причастій прошедшаго вр. д. зал. является правиломъ. Примѣры: ѡставль л. 37 об.; похожь л. 37; пꙋщьша л. 39 об.; пропнꙋшаго л. 39; поклоньшеса л. 176; повѣшьше ib.; формы, какъ прѣклонивь, встрѣчаются значительно рѣже.

Отмѣчу еще такіе архаизмы, какъ: добрыа дѣтѣли л. 24 об.; ишель л. 24 об.; вѣдѣ 1 л. е. л. 24; чать (см. напр. л. 47 об.).

Памятникъ нашъ принадлежитъ, конечно, XIV вѣку. Но правописаніе его не отличается послѣдовательностью и извѣстной выдержанностью, характеризующей уже памятники временъ Іоанна Александра, какъ извѣстные Сборники 1345 и 1348 г. Поэтому, написаніе его относится еще къ началу XIV вѣка. Ближе стоитъ по правописанію нашъ Сборникъ къ Сборникамъ № 1467 и № 2513 Румянцевскаго Музея. При этомъ въ употребленіи іотированныхъ юсовъ нашъ Сборникъ болѣе сходенъ съ № 2513; послѣдній подобно нашему не знаетъ ѣ; зато подобно № 1467 нашъ Сборникъ употребляетъ преимущественно стяженныя формы imperfectum'а. Въ Сборникѣ № 2513 употребляется є узкое и ѥ, въ нашемъ є узкое и изрѣдка ѥ, въ № 1467 е широкое, є узкое и ѥ — но всѣ они смѣшиваются. ꙗ въ нашемъ Сборникѣ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, замѣняется чаще всего ѣ, въ № 1467 — а, въ № 2513 остается.

л. 1 — 111 заняты Патерикомъ.

л. 112 слово симеѡна месопотамиискааго[1]) ꙗко пobаеть вь оумѣ имѣти день исходьны еже ѿ житиѣ. Нач.: А[2])ще не вѣсте братие моѣ. какь стрaь и бѣдѫ имами пострaати вь чсѣ исхода наншего (sic) еже ѿ сего свѣта...

л. 114 вн. и об. ѳеѡфила aрнеппа алексaндрьска слово. ѿ исожени дши. Нач.: Не нѣразꙋмѣите брaе. какь страхь и трепеть имaмь видѣти. егдa дшa ѿ тѣла разлѫчѣеться.

1) Эти слова наведены киноварью.

2) Узоръ буквы наведенъ киноварью.

л. 115 об. житие и жизнь блаженѫѧ ѳеѡ҃ры. Нач.: Въ дни зинона цр҃ѣ. и григори. епарха сѫща. вь алеѯандрии: жена именем ѳеѡ҃ра. мѫжата. красна видѣниемь...—той же редакціи, что и списокъ Сборника № 2513 Рум. Музея.

л. 126 жи҃е и жизнь. авва симеѡна. нареченааго ха҃ ради ѫродива. сьписано же еппомь. сто҃го гра҃. Нач.: Хотѧщи ѹчительскӹи сань кь себѣ привлѣщи. дльжни сѫть своимь житиемь. инѣмь ѹчение показати...—той же ред., что и списокъ Сб. № 2513. Р. М.

л. 164 сло҃ на благовѣщение стыѧ бцѫ. Нач.: црьскӹихь таинь празденство празнѹимь днь. вьнже всѣ тварь сьбрана веселитьсѧ... Это апокрифическое слово встрѣчается уже въ Супрасльской рукописи.

л. 169 об. житие блаженаго апла петра. иже жить сь гдемь нашимь ис хомь. по распѧти его и по вьскрсени. и по вьшестви їже на нбса. Житіе это представляетъ совершенно особую редакцію апокрифическихъ дѣяній апостола Петра, отличную отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ.

«Житіе» указано въ индексѣ запрещенныхъ книгъ въ первый разъ уже въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV в. Но, кажется, это произведеніе не пользовалось большой распространенностью въ старинной славянской литературѣ. По крайней мѣрѣ; кромѣ нашего списка до сихъ поръ извѣстны еще только два списка. Списокъ, помѣщенный въ сборникѣ № 68 Софійской Народной Библіотеки—XVI в. сербской редакціи, но восходящій къ среднеболгарской, безъ начала и конца, былъ изданъ А. С. Архангельскимъ[1]). Списокъ Загребской Академіи—въ Сборникѣ XVI в. сербскаго правописанія № 111 а. 10 лл. 45—49, представляющій совершенно особую редакцію «Житія», былъ изданъ съ нѣкоторыми комментаріями В. Н. Мочульскимъ[2]).

Содержаніе житія. Между тѣмъ, какъ отъ Господа Іисуса

1) Въ статьѣ: «Къ исторіи южнославянской и древнерусской апокрифической литературы», Извѣстія Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н. IV, стр. 112—118.
2) Въ «Трудахъ Х-го Археологическаго съѣзда въ Ригѣ».

Христа и святыхъ его апостоловъ, въ особенности Петра исходили многочисленныя чудеса, было поднято гоненіе на святую Церковь, святыхъ апостоловъ, особенно же на святого Петра, ключаря неба и земли, и Павла, проповѣдника всего міра.

Павелъ прошелъ всю вселенную, исповѣдуя Христа. Петръ же, достигнувъ глубокой старости, 130 лѣтъ, рѣшилъ отправиться въ пустыню, не будучи въ состояніи переносить преслѣдованія со стороны іудеевъ. Онъ поднялся на Салимскую гору и вступилъ въ Дамаскову страну. Здѣсь онъ нашелъ небольшую пещеру, возлѣ нея источникъ бѣлѣе снѣга, передъ пещерой финиковое дерево, приносящее сладкіе плоды, а лѣтомъ цвѣты. Увидѣвъ это, Петръ весьма обрадовался и сказалъ: «Ради этого ввелъ меня Господь въ эту пустыню». Онъ провелъ въ пустынѣ тридцать лѣтъ, совершая пѣніе съ ангелами. Въ тридцатый годъ, въ день Пятидесятницы пришелъ къ нему архангелъ Михаилъ въ великой славѣ и сказалъ Петру, что онъ вскорѣ узритъ Христа и насытится Его славы. Архангелъ сталъ невидимымъ, а Петръ возблагодарилъ Господа за то, что Онъ не оставилъ его въ пустынѣ, но посѣтилъ его старость. Спустя нѣсколько дней въ девятомъ часу дня пришелъ къ Петру мальчикъ прекрасной наружности съ жезломъ въ рукѣ. Онъ привѣтствовалъ Петра и назвалъ его другомъ Христовымъ. Услышавъ имя Христа, Петръ палъ ницъ, всталъ, поклонился мальчику и поцѣловалъ въ уста. Онъ выразилъ радость, что увидѣлъ лицо мальчика «въ образъ Христа», его учителя, и предложилъ ему финиковъ, извиняясь, что не имѣетъ ничего другого. Мальчикъ спрашиваетъ, кто такой этотъ Христосъ? не тотъ ли, что умеръ въ правленіе Пилата? «Да», отвѣчалъ Петръ: «но кто ты? ты во всемъ подобенъ Христу моему. Юноша отвѣтилъ, что онъ не Христосъ, но другъ Іудовъ и Веніаминовъ и пришелъ въ пустыню поучиться у Петра закону пророческому, слышавъ о апостолѣ. Когда Петръ высказываетъ предположеніе, что онъ Христосъ, мальчикъ отвѣчаетъ, что онъ римлянинъ, встрѣтилъ на пути ангела. Послѣдній спросилъ его, откуда и куда онъ идетъ. Онъ

отвѣтилъ: «изъ Авсаиды (Виѳсаиды?) въ Римъ и опять думаю возвратиться въ Авсаиду». Тогда ангелъ поручилъ ему передать епистолію Петру, описалъ мѣстность, въ которой тотъ находился, и велѣлъ передать апостолу, чтобы на слѣдующій день онъ отправился къ морю. У берега онъ найдетъ небольшой корабль съ двумя корабельщиками и мальчикомъ. «Тебѣ слѣдуетъ ѣхать въ Римъ и окончить свой жизненный путь» заключилъ свой разсказъ мальчикъ. Онъ передалъ Петру жезлъ и эпистолію, сказалъ, что онъ одинъ изъ корабельщиковъ, и простился съ Петромъ. На слѣдующій день Петръ пошелъ къ морю и увидѣлъ корабль съ двумя корабельщиками и мальчикомъ. Узнавъ, что корабельщики ѣдутъ въ Римъ, Петръ попросилъ ихъ взять съ собой. При этомъ онъ громко произнесъ благодарственную молитву къ Христу, сподобившему его найти корабль въ Римъ. Одинъ изъ корабельщиковъ, услышавъ это, сказалъ, что не приметъ Петра, такъ какъ онъ исповѣдуетъ Христа распятаго. «Не произноси хулу на Бога моего» отвѣтилъ Петръ. Какъ бы не хотя приняли Петра въ корабль и тотчасъ же отплыли. По повелѣнію Господню поднялась сильная буря, и корабль сталъ тонуть. Тогда корабельщикъ сказалъ Петру, что буря поднялась изъ-за него. Говорилъ же онъ ему: «Не называй Христа». Петръ сталъ успокаивать корабельщика, обнадеживая помощью Христа. Послѣ этого тотъ сошелъ на дно корабля и уснулъ. Кормчій же сказалъ Петру: «Помолись твоему Богу!» Петръ произнесъ молитву, которая заставила Христа — это былъ мальчикъ — прослезиться, и Онъ велѣлъ морю успокоиться. Тогда Петръ пробудилъ корабельщика и сказалъ ему о случившемся. Корабельщикъ, который былъ «архистратигъ Михаилъ», поцѣловалъ Петра и изъявилъ желаніе креститься. Тогда Петръ взялъ его за руку и спустилъ въ море. При этомъ онъ спросилъ его о имени. Корабельщикъ отвѣтилъ, что его имя Содержитель. Такъ звали и его отца. Когда Петръ нарекъ это имя при крещеніи новообращенному, между небомъ и мѣстомъ крещенія появился свѣтлый сіяющій столпъ, и былъ слышенъ громкій голосъ, взы-

вавшій: «аллилуія!» Пришло до четырехсотъ человѣкъ, слышавшихъ о чудесахъ при крещеніи корабельщика, и также крестились отъ апостола. Петръ же въ радости призывалъ народъ ко крещенію. И этотъ день былъ для народа днемъ праздника. Корабельщикъ, желая отблагодарить Петра, предлагаетъ ему мальчика. Петръ отвѣтилъ, что съ радостью купилъ бы послѣдняго, но не имѣетъ денегъ. Его учитель заповѣдалъ не носить ни золота, ни серебра, ни перемѣны одежды. Корабельщикъ на это сказалъ, что, если Петръ поручится въ двѣнадцати золотыхъ (златигъ), то онъ отдастъ ему мальчика. Радуясь Петръ взялъ мальчика и помолился Богу за корабельщика. Все же это было, такъ какъ Владыка пожелалъ смириться и принять рабскій образъ, по изволенію Бога Отца. Вмѣстѣ съ мальчикомъ отправился Петръ въ Римъ и сталъ проходить всѣ города и села. Встрѣтилась женщина, мучимая нечистымъ духомъ. Духъ выбѣжалъ съ воплемъ и исповѣдалъ божественное происхожденіе таинственнаго мальчика. Но мальчикъ велѣлъ духу исчезнуть, а женщинѣ положилъ руку на уста, чтобы она не открыла его Петру и міру. Женщина послѣ этого не отходила отъ Петра и мальчика. Петръ выражаетъ мальчику свое удивленіе по поводу чуда и боязнь, чтобы граждане, узнавъ объ этомъ, не избили ихъ и не выгнали. Мальчикъ успокоилъ его, сказавъ, что духъ убѣжалъ отъ благодати, пребывающей въ Петрѣ. Пусть Петръ не удивляется. Хотя онъ и мальчикъ, но знаетъ все о Петрѣ и что его ожидаетъ, видѣлъ онъ, какъ молитва Петра укротила море. Теперь же пусть безбоязненно покажетъ чудеса его Христа въ Римѣ. У городскихъ воротъ встрѣтили спутниковъ старѣйшины города и спросили Петра, откуда у него этотъ прекрасный мальчикъ. Если онъ рабъ, то пусть продастъ его; если свободный, пусть отдастъ въ ученіе. Петръ отвѣтилъ, что мальчикъ свободный, а самъ онъ путникъ. Послѣ этого Петръ велѣлъ мальчику пойти къ морю и наловить рыбы. Мальчикъ потребовалъ двѣнадцать удочекъ и поймалъ въ одинъ часъ двѣнадцать тысячъ рыбъ. Увидѣвъ множество рыбъ, Петръ съ

изумленіемъ спросилъ мальчика, откуда у него такое искусство. Юноша отвѣтилъ, что укралъ рыбу у своего прежняго господина и скрылъ въ землѣ, а, когда пошелъ съ Петромъ, то взялъ рыбу съ собою. Но пусть Петръ его не разспрашиваетъ объ этомъ, а раздастъ рыбу нуждающимся и вѣрующимъ въ его Христа. Петръ такъ и сдѣлалъ. А мальчикъ пошелъ къ идоламъ. Едва онъ коснулся ихъ, какъ они разсыпались въ прахъ. Іудеи воскликнули: «откуда этотъ мальчикъ?» А духи вопили: «зачѣмъ пришелъ, мальчикъ, мучить насъ прежде времени?» Но мальчикъ приказалъ духамъ замолчать, а рыбамъ, оставшимся отъ раздачи нищимъ, велѣлъ слѣдовать за Петромъ. Всѣ дивились, потому что не только рыбы, но и звѣри шли за Петромъ. Петръ опять выразилъ удивленіе и страхъ, что ихъ умертвятъ граждане. Мальчикъ сказалъ, чтобы онъ не боялся: все это творится Христовой помощью въ прославленіе вѣры Петра. И тогда же произвелъ огонь безъ огнива. Объ этомъ слухъ прошелъ по всему городу. Тогда пришелъ Аравистъ, первое лицо въ томъ городѣ, и предложилъ Петру продать ему мальчика, которому онъ хочетъ ввѣрить управленіе надъ своими дѣлами. По совѣту мальчика Петръ продалъ его Арависту. Изъ тридцати золотыхъ, которыя получилъ Петръ отъ Арависта, онъ, по приказанію мальчика, двѣнадцать оставилъ для прежняго хозяина послѣдняго, а остальные роздалъ нищимъ. Разставаясь съ Петромъ, мальчикъ утѣшилъ его обѣщаніемъ не оставить во вѣки. Аравистъ же, приведя мальчика въ свой домъ, отдалъ его на обученіе протосколу (протодидаскалу?). Учитель спросилъ юношу о законѣ. Тотъ отвѣтилъ, что повѣдаетъ ему законъ, которымъ тотъ спасется. Онъ—философъ, такъ пусть разскажетъ ему о земныхъ, небесныхъ и преисподнихъ ключахъ, о семи столпахъ основанія земли, что называется препоясаніемъ міра, о пути солнца и мѣсяца, о скрѣпахъ звѣздъ, о смерти и о воскресеніи. Все это въ рукахъ Единаго, котораго язычники отвергли. Удивленный необычайной мудростью мальчика, учитель сказалъ обо всемъ Арависту. Аравистъ обрадовался и поручилъ мальчику управле-

ніе домомъ. Въ полночь Аравистъ услышалъ, какъ ангелы и архангелы пѣли въ честь мальчика пѣснь: «Иже херувимы...» и увидѣлъ свѣтъ отъ ангеловъ. Въ ужасѣ пробудилъ онъ жену, разсказалъ о слышанномъ и видѣнномъ. Оба отправились къ мальчику, пали къ ногамъ его и просили крестить ихъ. Тогда прекратилось пѣніе. Мальчикъ же сказалъ имъ, чтобы они никому не говорили о томъ, что̀ видѣли. Аравистъ крестился съ женой и всѣмъ домомъ—всего около тысячи людей. Петръ же творилъ знаменія въ Римѣ, и многіе увѣровали въ Христа. Узналъ объ этомъ и царь Неронъ. Привели Петра къ царю. Мальчикъ же объявилъ Арависту, что идетъ къ Петру, который уже стоитъ предъ царемъ. Мальчикъ пришелъ къ царю и спросилъ его: за что гнѣвается онъ на Петра; вѣдь Петръ проповѣдуетъ о томъ, что Христосъ Сынъ Божій, хотящій всѣхъ освободить отъ прелести сатаны. Тогда поднялся Кесантій и ударилъ мальчика. Въ ту же минуту одеревенѣло все тѣло его, весь городъ и преисподняя потряслись отъ ангеловъ. А народъ воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанскій!» Многіе умершіе воскресли. Христосъ похвалилъ ихъ за то, что они показали невѣрнымъ силу Его и велѣлъ опять почить. Поклонившись Христу, усопшіе возвратились въ свои могилы. Семь дней говорили объ этихъ чудесахъ въ городѣ, и двѣ части жителей увѣровали въ Христа. Разгнѣванный царь велѣлъ распять Петра среди города. Петръ же, поднявъ руки къ небу, просилъ Господа не оставить его, не зная, что Господь стоитъ подлѣ него. Петръ попросилъ мучителей распять его внизъ головой, такъ какъ онъ не достоинъ распятія, одинаковаго съ Христовымъ. Въ тотъ моментъ, когда Петра распяли, открылъ ему себя Христосъ. Тотчасъ же выпали гвозди, вбитые Петру въ темя, въ грудь, въ руки и ноги. Петръ обращается къ Христу съ мольбой принять въ мирѣ духъ его, простить мучителямъ и избавить отъ всякихъ скорбей молящихся его именемъ. Въ своемъ отвѣтѣ Господь припоминаетъ Петру сказанныя имъ еще во время земной жизни слова о ожидающей Петра мученической

кончинѣ. Со слезами Петръ исповѣдуетъ свои прегрѣшенія: отреченіе отъ Христа, продажу Его, которую онъ совершилъ, не узнавъ Его. Съ мольбой простить его и принять въ мирѣ духъ Петръ умираетъ. Петра сняли съ креста и похоронили въ мѣстѣ, указанномъ Господомъ. И было великое чудо: на мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Петра, выросла маслина и принесла различные плоды на спасеніе вѣрующимъ. И пришли вѣрные мужи къ гробу Петра и сказали: «Пріими, Христовъ апостолъ, таланты и вѣнцы отъ насъ, припадающихъ къ твоему гробу и не затвори дверей небеснаго царства предъ припадающими къ Церкви твоей святой и почитающими святую твою память; моли Христа Бога за всѣхъ въ твое успеніе!».

Днемъ кончины Петра согласно церковной традиціи названо 29 іюня.

Извѣстный изслѣдователь апокрифическихъ дѣяній апостоловъ Липсіусъ указываетъ страсть этихъ дѣяній къ чудесному [1]), и его замѣчаніе вполнѣ примѣнимо къ нашему житію.

Наше житіе, возникшее, несомнѣнно, въ позднее время, по фантастичности своего содержанія напоминаетъ сказку. Въ апокрифическихъ дѣяніяхъ при всемъ обиліи чудеснаго все же есть стремленіе къ соблюденію извѣстнаго историческаго и мѣстнаго колорита. Въ нашемъ житіи не только мотивъ въ цѣломъ и въ подробностяхъ сказоченъ, но сказочны обстоятельства времени и мѣста, къ которымъ пріуроченъ мотивъ. Фантастична мѣст-

1) «Im allgemeinen kennzeichen sich die gnostischen Producte (а къ таковымъ принадлежатъ Дѣянія)... durch eine üppig wuchernde Phantasie, durch farbenreiche Darstellung, und eine den volksthümlichen Wunderglauben noch überbietene Vorliebe für märchenhafte Ausschmückung. Die Dämonenaustreibungen und Todtenerweckungen, die Heilungs- und Strafwunder häufen sich ins Endlose an... Daneben wird ein reicher Wunderapparat von Visionen, Engelerscheinungen, Himmelstimmen... und beschämt ihre Ohnmacht eingestehenden Dämonen entfaltet; überirdischer Lichtglanz leuchtet auf, geheimnissvolle Zeichen schimmern vom Himmel, Erdbeben, Donner und Blitz schreckt die Gottlosen... Mit besonderer Vorliebe gepflegt ist aber das visionäre Element. Christus erscheint den seinen bald als lieblicher Knabe, bald als Schiffer. Träume und Gesichte kündigen den Aposteln ihre bevorstehende Geschicke». (Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Bd. I. Braunschweig 1883, S. 7).

ность, въ которой уединился Петръ, гдѣ-то за Салимской горой, въ Дамасковой странѣ, съ источникомъ бѣлѣе снѣга и финиковымъ деревомъ, приносящимъ сладкіе плоды, а лѣтомъ цвѣты; фантастичны и города Италіи, черезъ которые проходитъ Петръ, съ ихъ библейскими старѣйшинами; сказоченъ Неронъ, Аравистъ, мужи, приходящіе къ гробу апостола. Чисто эпической обстоятельностью отличаются рѣчи дѣйствующихъ лицъ съ истинно эпическими повтореніями. Тѣмъ не менѣе наше житіе находится въ самой тѣсной зависимости отъ апокрифическихъ дѣяній апостоловъ, и этими дѣяніями можно объяснить нѣкоторыя темныя мѣста нашего житія.

Собственно съ апокрифическими дѣяніями Петра наше житіе мало имѣетъ общаго. Оно приближается къ дѣяніямъ въ эпизодѣ о распятіи Петра. Но и здѣсь сходство только въ самихъ общихъ чертахъ и притомъ уже съ православной обработкой дѣяній. Замѣчаніе житія, что Петръ творилъ въ Римѣ много знаменій, слишкомъ обще, чтобы можно было дѣлать какія-либо заключенія[1]). Впрочемъ не лишнимъ будетъ указать, что, тогда какъ въ дѣяніяхъ Петра главнымъ предметомъ содержанія является дѣятельность Петра въ Римѣ, наше житіе подробно занимается путешествіемъ Петра, но притомъ такъ, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ собственно является не Петръ, но принявшій на себя образъ мальчика Христосъ. Эпизодъ крещенія корабельщика находитъ нѣкоторую аналогію въ такомъ же эпизодѣ дѣяній Петра и Павла (т. н. Acta vercellenses—Липсіусъ, тамъ же, II, 1, 177). Да еще въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ на *іудеевъ* (въ одномъ изъ городовъ Италіи!) разрушеніемъ идоловъ мальчикомъ Христомъ, можно усматривать неясный намекъ на роль, какую играютъ евреи въ апокри-

1) Любопытно, что въ одной проповѣди Астерія Амасійскаго, жившаго во второй половинѣ IV в., причиной смерти Петра не гибель Симона, какъ въ дѣяніяхъ, а возвѣщеніе Царства Христова. Въ этомъ отношеніи Астерій какъ будто сходится съ нашимъ житіемъ, въ которомъ нѣтъ никакого упоминанія о Симонѣ Волхвѣ, и причиной смерти Петра является его проповѣдь (см. Lipsius, тамъ-же, II, 1, 249).

фическихъ Дѣяніяхъ Петра и Павла (см. Библіографическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ. М. 1889. XV—XIX, 5—10).

Болѣе интересныя параллели находимъ въ апокрифическихъ Дѣяніяхъ другихъ апостоловъ.

Такъ въ апокрифическихъ Дѣяніяхъ апостоловъ Андрея и Матѳея находимъ параллель къ эпизоду путешествія Петра въ Римъ нашего житія. Въ этихъ Дѣяніяхъ Христосъ является Андрею и повелѣваетъ ему отправиться въ страну антропофаговъ и вывести изъ заключенія Матѳея. Это онъ долженъ сдѣлать въ теченіе трехъ дней. Апостолъ отвѣчаетъ, что не можетъ въ три дня достигнуть страны антропофаговъ и проситъ послать ангела. Къ тому же онъ не знаетъ пути. Но Христосъ настаиваетъ на своемъ приказаніи и велитъ Андрею отправиться на слѣдующій день съ учениками къ берегу. Тамъ онъ найдетъ небольшой корабль, на которомъ и поѣдетъ. Послѣ этого Господь возвратился на небеса. Своей силой Господь уготовалъ корабль, самъ сталъ кормчимъ и посадилъ еще двухъ ангеловъ, преобразивъ ихъ въ людей. На себя же Христосъ принялъ образъ юноши. Андрей не узналъ Христа. Онъ проситъ мнимаго кормчаго взять его съ собой, но говоритъ, что не имѣетъ, чѣмъ заплатить за перевозъ. Христосъ выразилъ удивленіе, какъ они ходятъ безъ денегъ и хлѣба. Андрей отвѣчалъ, что такъ заповѣдано ихъ учителемъ. Тогда Христосъ съ радостью принялъ Андрея съ учениками. Но ученики страшатся морского волненія. Андрей ободряетъ ихъ, припоминаетъ извѣстное чудо Христа; наконецъ, молится Богу о ниспосланіи сна на учениковъ. Ученики засыпаютъ. Въ нашемъ житіи Христосъ также повелѣваетъ Петру идти къ берегу, гдѣ онъ найдетъ *небольшой* корабль съ *двумя* корабельщиками и *мальчикомъ*. Если въ актахъ Андрей затрудняется платой за провозъ, то корабельщикъ не соглашается принять Петра, потому что онъ исповѣдуетъ Христа распятаго. Но первый эпизодъ встрѣчается и въ нашемъ житіи, только въ другомъ пріуроченіи, именно по поводу предложенія, сдѣланнаго ко-

рабельщикомъ Петру, взять мальчика. Однако, искусственность пріуроченія бросается въ глаза. Отвѣтъ Петра и второе предложеніе корабельщика не вяжутся съ его первоначальнымъ предложеніемъ. Опять таки не совсѣмъ естественнымъ представляется, что корабельщикъ, обезпокоенный мыслью о предстоящей гибели, отправляется, однако, спать. Ученики Андрея уже въ началѣ пути обнаруживаютъ страхъ передъ морскимъ волненіемъ и *усыплены*. Если въ большинствѣ случаевъ корабельщикъ нашего житія является обыкновеннымъ смертнымъ, притомъ язычникомъ, который потомъ обращается и даже принимаетъ крещеніе отъ Петра, то есть, однако, мѣста, представляющія корабельщика въ иномъ видѣ. Прежде всего уже то обстоятельство, что онъ находится въ обществѣ Христа, не лишено значенія. Два корабельщика, юноша, небольшой корабль — два ангела, Христосъ въ образѣ юноши, небольшой корабль — все это не случайныя совпаденія. Отказъ корабельщика принять Петра притворный. «И тъгда ꙗко не хотѧ въведошѧ и вь корабь свои» сказано въ нашемъ житіи. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, повидимому, этотъ же корабельщикъ называется архистратигомъ Михаиломъ: «и абиѐ въставь г҃ла (въ Соф. сп. нѣтъ этого слова) арⷯистратигь михаиль. и ѡбьлобза петра по лицꙋ (sic) и по главѣ глѧ. вѣроуѧ ѿче ꙗко великь ѐсть б҃ъ» и пр., а имя его Содержитель (сьдрьжитель). Стоитъ остановиться и на чудѣ, сопровождавшемъ крещеніе корабельщика. Кстати замѣчу, нужно полагать, что крещеніе совершилось уже по прибытіи корабля къ берегамъ Италіи—иначе откуда бы взялся народъ, — но объ этомъ въ житіи не сказано ни слова. Если же Христосъ впослѣдствіи велитъ Петру отдать деньги за него корабельщику, то авторъ, повидимому, опять смотритъ на корабельщика, какъ на простого человѣка. Такая двойственность сюжета объяснима только при предположеніи заимствованія.

Продолжаю сравненіе. Андрей выражаетъ свое удивленіе искусству, съ какимъ Христосъ гребетъ. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ плавалъ онъ по морямъ и никогда не видѣлъ ничего подоб-

наго. Но Христосъ отвѣчаетъ: ἐπειδὴ σὺ μαθητὴς εἶ τοῦ λεγομένου Ἰησοῦ ἐπέγνωσε ἡ θάλασσα ὅτι δίκαιος εἶ καὶ ἡσύχασεν καὶ οὐκ ἐπῆρεν τὰ κύματα αὐτῆς ἐπὶ τὸ πλοῖον. Андрей восклицаетъ: Εὐλογήσωε Κύριε μου Ιησοῦ Χριστέ ὅτι συνήντησα ἀνδρὶ δοξάζοντι ὄνομα σοῦ. Вполнѣ соотвѣтствующаго эпизода въ нашемъ житіи нѣтъ. Но Петръ удивляется рыболовному искусству чудеснаго мальчика. Когда, по исцѣленіи мальчикомъ бѣсноватой женщины, Петръ выражаетъ свое удивленіе, мальчикъ отвѣчаетъ: «не ѹжаисѧ того г҃и мои видя бо на тебѣ благодѣть избѣгаеть дх҃ь зьль... видѣхь бо ꙗко морѐ твоѣ м҃ва ѹкроти... Или въ эпизодѣ о шествіи рыбъ за Петромъ таинственный мальчикъ такъ объяснилъ чудо: нѐ боисѧ ѿче... всѣ бо си сѫть помощиѧ х҃а твоего на похвалѫ вѣрѣ твоеи.

Далѣе въ Дѣяніяхъ слѣдуетъ бесѣда Христа съ Андреемъ. Христосъ спрашиваетъ апостола, почему не увѣровали въ Христа іудеи и называли его человѣкомъ: вѣдь онъ открылъ свое божество ученикамъ? Андрей отвѣчаетъ утвердительно, а затѣмъ, когда Христосъ продолжалъ высказывать свое недоумѣніе, перечислилъ чудеса, сотворенныя Христомъ, и сообщилъ разсказъ о сфинксѣ, засвидѣтельствовавшемъ передъ архіереями божественное происхожденіе Христа. Такой бесѣды нѣтъ въ нашемъ житіи. Но Христосъ, явившись въ образѣ мальчика къ Петру въ пустынѣ, спрашиваетъ его: кто ѐсть ѐго жѐ нарицаѐши х҃а. ѹмершааго ли при понст҃ѣм пилатѣ. Петръ отвѣчаетъ: паче жѐ и вскр҃шаго из гроба и мрьтвыѧ вскр҃сивша.

Просьба Андрея простить его, послѣ того какъ онъ узналъ, кто такой былъ таинственный кормчій: συγχώρησον μοι, Κύριε, ὃ ἐποίησα ὡς γὰρ ἄνθρωπον σε τεθέαμαι ἐν τῷ πλοίῳ καὶ ὡς ἀνθρώπῳ σοι ὡμίλησα—напоминаетъ предсмертную мольбу Петра къ Господу о прощеніи. Андрею является опять Господь въ образѣ прекраснаго мальчика (ὅμοιος μικρῷ παιδίῳ ὡραιοτάτῳ εὐειδεῖ) и привѣтствуетъ Андрея: Χαῖρε Ἀνδρέα ἡμέτερε. Андрей, увидѣвъ Его, палъ на землю и, въ свою очередь привѣтствовавъ Его, сталъ просить о прощеніи. Какъ будто отголоскомъ этого

эпизода является разсказъ нашего житія о привѣтствіи Петромъ таинственнаго мальчика. Мальчикъ говоритъ Петру: «радуися петре дроуже хвъ». «Петрь же падь ниць слышавь има хво и вьставь поклониса» и пр. Замѣчу еще, что если Петръ готовъ принять неизвѣстнаго юношу за Христа, потому что лицо его «вь ωбразь ха», то Андрей въ просьбѣ о прощеніи говоритъ: Ἐπέγνων σου Κύριε τὴν καλὴν λαλιὰν ἀλλ᾿ οὐκ ἐφανέρωσας μοι ἑαυτόν καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ἐγνώρισά σε. (См. Lipsius et Bonnet. Acta apostolorum apocrypha, p. II, v. 1, Lipsiae, 1898, 69—88; слав. тексты актовъ въ изд. Новаковича, Starine VIII, 57—63; Сперанскій, Апокрифическія Дѣянія апостола Андрея въ славяно-русскихъ спискахъ. М. 1894, 33—37. Къ путешествію Петра укажу еще параллель въ коптскихъ актахъ Варѳоломея и Андрея—Lipsius, тамъ-же, II, 2. Braunschw., 1884, 79—80).

Эпизоду явленія Христа Петру въ пустынѣ въ образѣ прекраснаго мальчика находимъ параллель въ Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Ματθαίου τοῦ ἀποστόλου. Въ этомъ «мученіи» разсказывается, что Матѳей пребывалъ въ уединеніи и молитвѣ на горѣ. Христосъ явился къ нему въ образѣ одного изъ Виѳлеемскихъ младенцевъ и сказалъ: «Миръ тебѣ, Матѳей!». Матѳей принялъ его за одного изъ этихъ младенцевъ и спросилъ, почему онъ пришелъ къ нему, оставивъ своихъ содруговъ и райскую пищу. А въ этомъ пустынномъ мѣстѣ онъ не только не имѣетъ ничего предложить ему въ пищу, но даже нѣтъ у него воды для умовенія ногъ гостя. Хлѣба и масла онъ не имѣетъ, а питается плодами, разъ въ сорокъ дней вкушая ихъ, когда движеніемъ вѣтра упадутъ они на землю. Теперь же и вѣтра нѣтъ. Христосъ открываетъ себя апостолу, даетъ ему жезлъ (въ нашемъ житіи чудесный мальчикъ также даетъ Петру жезлъ, но какое употребленіе сдѣлалъ изъ него Петръ, не сказано), велитъ отправиться въ Мирну (εἰς Μύρνην), городъ антропофаговъ, и посадить жезлъ возлѣ церкви, которую основалъ съ Андреемъ. Выростетъ могучее дерево, полное сладкихъ плодовъ, вокругъ него обовьется виноградная лоза, съ вершины будетъ стекать медъ,

изъ корней заструится источникъ, который будетъ поить всю окрестность. (Lipsius et Bonnet, Acta II, 1, 217—220). Сказавъ это, Христосъ удалился на небеса (тамъ же 221).

Эпизоду продажи Христа Петромъ находится параллель въ Дѣяніяхъ Ѳомы. Только въ роли продавца выступаетъ Христосъ. Онъ предлагаетъ купцу, который хочетъ купить рабовъ для индійскаго царя Кандафора, на выборъ одного изъ молодыхъ: Ѳому или Матѳея. Старика Петра Онъ не продастъ, потому что онъ его домочадецъ. Купецъ пожелалъ купить Ѳому, котораго Христосъ и продалъ за три фунта серебра. Онъ тайно отдаетъ серебро Ѳомѣ и велитъ раздать вдовамъ и сиротамъ, при чемъ одну часть во имя Отца, другую во имя Сына, а третью во имя Духа Святого. Повидимому, и эпизодъ съ учителемъ навѣянъ эпизодомъ житія Ѳомы. Купецъ спрашиваетъ Ѳому, что онъ умѣетъ. Ѳома отвѣчаетъ, что умѣетъ строить церкви и прекрасныя палаты и корабли великіе... Кромѣ того онъ умѣетъ исцѣлять всякій недугъ и притомъ лѣчитъ безплатно. Впослѣдствіи обнаруживается, что слова Ѳомы имѣли аллегорическое значеніе [1]).

Явленію Христа предъ Нерономъ и его защитѣ Петра находится параллель въ *Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Ἀνδρέα τοῦ ἀποστολου*. Здѣсь является ночью къ проконсулу Лесбію ангелъ и говоритъ: *Τί παθὼν τοῦ ξένου ἀνδρὸς* (т. е. Андрея) *κακὸν ἐλογίσω ἔνεδρα καὶ παρελογίσω τὸν θεὸν ὃν κηρύττει; και νῦν ἰδοὺ χεὶρ Κυρίου αὐτοῦ ἐπί σε καὶ παραπλήξ ἕως οὗ ἐπιγνῷς δἰ αὐτοῦ τὴν ἀλήθειαν* (Lipsius et Bonnet, Acta II, 1, 47). По просьбѣ Лесбія Андрей исцѣляетъ его (49).

Если Петру въ началѣ является архангелъ Михаилъ и предсказываетъ ему скорую мученическую кончину, между тѣмъ какъ въ апокрифическихъ дѣяніяхъ апостоловъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно является Христосъ, то это можно объяснить ролью, которую играетъ Христосъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Но

1) Starine V, 97 сл.; ср. Lipsius, I, p. 249.

можно искать объясненія и въ другомъ мѣстѣ. Обратимъ вниманіе, что Христосъ даетъ Петру эпистолію, которую будто бы вручилъ ему ангелъ для передачи послѣднему. А. Н. Веселовскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи: «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды» пришелъ къ заключенію, что долженъ былъ существовать довольно древній текстъ «Эпистоліи съ неба», обращенной къ апостолу Петру. Слабые намеки на это сохраняются въ тѣхъ редакціяхъ «Эпистолій», въ которыхъ говорится, что эпистолія упала на олтарѣ храма св. Петра и Павла (Журн. Мин. Просв. 1876, мартъ, 74—75). По нѣкоторымъ редакціямъ эту эпистолію сноситъ архангелъ Михаилъ (тамъ же 103).

Въ апокрифическихъ Дѣяніяхъ апостоловъ находимъ аналогіи и разсказу о маслинѣ, выросшей на мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Петра. Въ дѣяніяхъ Андрея разсказывается, что падавшіе на землю куски тѣла и волосы Андрея обращались въ фруктовыя деревья (Lipsius Die apocryphen Apostelgeschichten I, 552); на мѣстѣ смерти апостола Филиппа выростаетъ виноградная лоза (тамъ-же, II, 2, 10).

Къ языку нашего списка «Житія» вполнѣ примѣнимы мои замѣчанія, относящіяся ко всему «Сборнику». Приведу еще нѣкоторые архаизмы: 1) нестяженныя формы сложнаго склоненія прилагательныхъ: ѹмершаага л. 176 об. нищаага (ib.) надь крьстѧщаага л. 171 об. прочиихь л. 174 нищиимь л. 174 об. истиннаага л. 176 об.; 2) аористы простые: вьзьдвигѫ л. 169 об. придь л. 170 об.; грѧдь снидь (тамъ же) ѡбрѣть л. 171 об. придѫ л. 176 об.; 3) старыя формы аориста сигматическаго: приѧсомь л. 172 об.[1]); 4) старыя формы 3 л. дв. числа (рядомъ и новыя): падосте (рядомъ идоста) л. 175 вѣровасте л. 176 ѡтпадете л. 176 об.; 5) старыя формы причастія прошедшаго вр. 1-го: крьщь л. 172 об.[2]). Можно отмѣтить еще и такіе случаи, какъ ицѣли (л. 173 об.)—выше—исцѣлѣвшеи—ишедь (ib.). Старыя слова: непщоуеши л. 170 (постоянно) велиѣ л. 172 велеи

1) Другіе примѣры выше при обозрѣніи всей рукописи.

2) См. также выше.

л. 172 об. (но велика прѣмѫдрость л. 173) благодѣть л. 172 но — по благодати л. 173 об. жезль — вездѣ; ковь; скрьбь; врьтопь; доль; разумѣется; находимъ и болѣе новыя слова: часъ (или чѣсь), ѡдрь, мрѣжа, дѣтищь и пр. Непереведенныя слова: юдеи л. 169 об., июдеи л. 174, диѣволоу л. 171, епистолиѫ (встрѣч. только въ вин. пад.), финикь.

Переводъ нашего «Житія», судя по указаннымъ архаизмамъ, долженъ быть старымъ и по всѣмъ вѣроятіямъ восходитъ къ X вѣку и, притомъ, началу X вѣка.

Что касается взаимныхъ отношеній нашего и Софійскаго списковъ, то, пока не найдено греческаго оригинала, приходится ограничиться слѣдующими замѣчаніями: оба списка находятся въ несомнѣнной связи, причемъ нашъ списокъ производитъ впечатлѣніе болѣе первоначальнаго. Тѣмъ не менѣе мы находимъ немало разночтеній. Большинство изъ нихъ, правда, касаются только отдѣльныхъ словъ и оборотовъ, но иногда различіе простирается на цѣлыя предложенія, даже ряды предложеній. Многія разночтенія можно бы приписать какому-либо изъ позднѣйшихъ славянскихъ переписчиковъ (или ряду этихъ переписчиковъ). Эти измѣненія первоначальнаго текста могли быть обусловлены стремленіемъ къ наибольшей ясности (замѣна однихъ словъ другими, распространенія, не прибавляющія ничего къ содержанію и т. д.) или тенденціей нѣсколько сократить текстъ, или, наконецъ, просто ошибками и пропусками писца (и нашъ списокъ далеко нельзя назвать исправнымъ въ этомъ отношеніи). Но не всѣ разночтенія поддаются такому объясненію: нѣкоторыя, повидимому, приходится объяснить предположеніемъ существованія особой греческой редакціи «Житія» [1]), по которой, быть можетъ, неизвѣстный намъ книжникъ исправлялъ старый переводъ.

Списокъ Загребской Академіи по сравненію съ нашими списками представляетъ множество варіантовъ. Приведу наиболѣе

1) Впрочемъ существенно не отличающейся отъ той, которая легла въ основу нашего списка.

любопытные. Въ Загребскомъ спискѣ нѣтъ введенія, повѣствующаго о подвигахъ апостоловъ. Петръ, удаляясь въ пустыню, говоритъ: «азь сьгрѣшй гдьмь чесо ради азь вь мирѣ ксамь». Такимъ образомъ мотивировка удаленія Петра въ пустыню иная. Упоминается подробность, что финиковая пальма приносила плоды, хотя дереву было только семь лѣтъ. Петръ дивится этому чуду. Въ пустынѣ Петръ пробылъ только шесть мѣсяцевъ. Христосъ является къ Петру въ образѣ ловца. Разговоръ Петра съ Христомъ только въ самыхъ общихъ чертахъ сходенъ съ разговоромъ нашего списка. На кораблѣ Петръ увидѣлъ двухъ мужей и «ѡтроче младо». «Старѣйшиной» корабля былъ архангелъ Михаилъ, кормчимъ — архангелъ Гавріилъ, «отроча» былъ Христосъ. «Старѣйшина» корабля спрашиваетъ апостола, сколько онъ дастъ за перевозъ. Петръ отвѣчаетъ, что его учитель запретилъ имѣть съ собой даже кусокъ хлѣба, не то, что деньги. Согласившись взять Петра, «старѣйшина» корабля спрашиваетъ, кто такой его учитель. Петръ разсказываетъ о своемъ учителѣ и упоминаетъ и о отверженіи своемъ отъ Христа. На вопросъ корабельщика, почему онъ отрекся отъ Христа, Петръ ничего не отвѣчаетъ. Въ это время поднимается волненіе въ морѣ. Петръ заявляетъ, что это онъ причиной морского волненія: пусть его бросятъ въ море, чтобы имъ самимъ не погибнуть. Но корабельщикъ предлагаетъ Петру помолиться его Богу. Если утихнетъ море, то и они увѣруютъ въ Бога и Петра. Петръ крестилъ архангела и нарекъ ему имя Содержитель и въ свою очередь попросилъ архангела крестить его и назвать Петромъ. Эпизода о бѣсноватой женѣ нѣтъ. Когда принявшій образъ отрока Христосъ поймалъ на удочку одну рыбу, другія сами выскочили на берегъ, и онъ сказалъ Петру: «Видишь ли? ради тебя скачутъ рыбы!» Знатный человѣкъ, именемъ Каравистъ (sic), увидѣвъ отрока, ловящаго рыбу, предлагаетъ Петру продать его. Ночью Аравистъ (sic) съ женой въ страхѣ увидѣли, что отрокъ окруженъ весь пламенемъ, и огонь восходилъ отъ земли до небесъ, и ангелы служили отроку. Аравистъ собралъ весь

свой городъ, и крестилось двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Тогда отроку донесли, что Петра распинаютъ. Христосъ открылъ сердечныя очи Петру. Апостолъ позналъ Его и воскликнулъ: «Господи! не довольно ли было того, что я отрекся отъ Тебя? а теперь я продалъ тебя Аравиту!» Христосъ принимаетъ духъ Петра.

Списокъ Загребской Академіи, очевидно, восходитъ къ особой и притомъ сокращенной редакціи «Житія». Много эпизодовъ выпущено (помимо указаннаго — эпизодъ о жезлѣ чудеснаго мальчика, явленіе свѣтлаго столпа на морѣ, эпизодъ съ идолами, Нерономъ и др.). Нѣкоторые разговоры дѣйствующихъ лицъ или выпущены, или сокращены.

Ниже, въ Приложеніи, я печатаю «Житіе» по Вѣнскому списку съ присовокупленіемъ разночтеній Софійскаго списка.

На л. 177 находимъ сло̑ ѡ прѣпрѣня дїаволꙋ съ гдемь нишимь ї҃ хо̑. Это «Преніе» представляетъ интересныя разночтенія по сравненію съ напечатанными текстами «Пренія». Любопытенъ нашъ списокъ уже потому, что является самымъ древнимъ изъ доселѣ извѣстныхъ списковъ «Пренія» и, кромѣ того, наиболѣе точно воспроизводитъ, повидимому, неизвѣстный греческій оригиналъ. Въ одномъ мѣстѣ даже осталось непереведеннымъ греческое слово — ѡ́моꙋси. Къ сожалѣнію нашему списку недостаетъ конца.

Привожу цѣликомъ текстъ.

Пришедь г҃ь вь горѫ елеѡнскѫ. заповѣда оу̑чѐникомь своимь. а̀лкати .м҃. д҃неи. алкашѫ же ꙋченици г҃ни сь влк҃ѫ своимь. .м҃. д҃неи. да прѣпрѫть диѣвола. слӹшавь же диѣволь. ӕ̈ко и҃ссь алчеть. разгнѣвавсѧ гнѣвомь велі́комь. ї ѿбличисѧ пр҃вь и҃сомь. и ре̑ ю̈мꙋ и҃ссь. заклинаѧ тѧ б҃гмь живӹмь. да̀ ми́ повѣси истинѫ ѿкѫдоӱ еси. и ре̑ юмоу̑ диѣволь. а тӹ ѿкѫдоӱ еси. и ре̑ емоу и҃сь. ѿ прьвовѣчныхь н҃бсны̑ силь. ре̑ диѣволь. то тӹ ли еси с҃нь вӹшнѣаго. ре̑ и҃ссь тӹ ре̑ диѣволе. ре̑ диѣволь. те̇бе̇ воинства̀ а̀нг҃льска зрѣти тебе̇ не могѫть вь н҃бсехь г҃лѧщи. и зем҃ѣ послоу-

шаѧщи ти. тї аг҃лї имаш[и с]илнї. почто не послоуша ихь. нѫ слѣзѐ на̀ зѐмлѧ̀ к намь. пѫ ты иди на нбса. а моѣ есть землѣ. ꙗкоже мѧ ѿринѫ ѡц҃ь твои. и рє҇ исс҃ь. ѡ̀ горе тебѣ диѣволе ꙗко ѿринѫль тѧ есть. изгоубити тѧ (?) ще ѿ лица̀ зѐми. рє҇ диѣволь. ты иди на нбса и сади на прѣстолѣ своемь твоѣ сѫть нбса а моѣ есть землѣ. имамь аг҃лы страшнї и изгоубѧть тѧ побѣдивше тѣло твое ꙗко единого члвка. и рє҇ емоу исс҃ь ѡ̀ горе тебѣ диа л. 177 воле. ꙗко аг҃ль твоихь и свѣтьникь твоихь ради придохь на земѧ̀. рє҇ диѣволь кто сѫть свѣтьници мои. рє҇ исс҃ь творѧщї дѣла твоѣ. рє҇ диѣволь то что сѫть дѣла моѣ. рє҇ ѥмоу исс҃ь твоѣ сѫть дѣлѐса разбои. татба. блѫдь. зависть. рѐвно҇. гра҇. трѫсь. ѡ́гнь. тма. рать. браторазлѫчениѐ. ненависть вь члвчахь (sic). то сѫть дѣла твоѣ. рє҇ диѣво̀ль вь истинѫ вѣси то сѫть дѣла моѣ. и паче аг҃ль твоихь вѧщи ѐсмѫ̀. и паче тебе старѣи. (это мѣсто напоминаетъ ученіе богомиловъ, что Сатанаилъ былъ старшій сынъ Бога) и рє҇ исс҃ь. ѡ̀ горѐ тебѣ диѣволѐ. ꙗко всѣкь члвкь сра̀мити тѧ има̀ть. и рє҇ диѣволь. тї сн҃ь члвчь ѐси ѿ женѫ сѧ̀ еⷭѧ родиль. и рє҇ исс҃ь вь истинѫ вѣси. ꙗко ѿ женѫ сѧ̀ есмѫ родиль. да сѧ писаниѣ скончѣѧть ѡ̀ мнѣ. ꙗко единого члвка сьз҃дахь вь ѡбра̀зь мои. и не ѡ̀ставлѧ его вь вѣкї. да҇ а̀ще сьгрѣшить члвкь твоѣ дѣло творѧ̀ и твоѧ волѧ. а моѧ̀ славѫ ѡставить ти живеть. лѣ҇. .л҇. или четїридесѧ҇ и вь покаа̀ние внидє҇. гладьна накрьмить. и жѫдна на̀поить. нага ѡ̀дежєть. и ѹбога поѡоуеть. и ср҃цемь и оумомь смѣриться̀. помїшлѣѧ̀ ѡ̀ сѫднѣмь дн҃и мрьтва до гроба проводить. .алчноѧ ѡтвоѧ рєть ѿпоусти ми г҃и грѣхї. и придѐть ѐмоу сьмрь л. 177 об. тако да̀ есть прость. и прѣдамь ѐго аг҃лоу михаилоу. вьветь его в раи. и рє҇ исс҃ь послоушаи диѣволѐ. аще сьгрѣшить члвкь твоѣ дѣла̀ творѧ̀. а моѧ̀ славѫ ѡ̀ставить. и живеть. лє҇ .л. и .м҇. и вь покаа̀нѝе не внидеть. жѫдна не на̀поить. и всѣхь немощьнїхь не помѹеть. ни рєть г҃и ѿпоусти ми г҃и грѣхї. сам нѐ имать млти приѧ̀ти ѿ мене. ѥлма̀ нѐ на̀сїтить а̀лчѧщи҇. въ млтвѣ нѐ рєть ѿпоусти ми г҃и грѣхї. и придеть ѐмоу сьмрь. и прѣдамь его аг҃лоу тѐмнѹ. грьдоу ѡ́гньномь лицѐмь. да и вьвєть вь грозень-

ство ѡгньно. идеже чрьвь не ꙋсыпаеть. і ѡгнь не оугасаеть. и тоу с тобоѧ мѫчитисѧ вьчнеть злыи диѣволе. и разгнѣвавьсѧ диѣволь. и вьзыде на горѫ и сьбра тоу слоугы своѫ .д҃. тисѧщь. и ре҃ к нимь чѧда моѣ. крѣпитесѧ и ꙋтврьжаите. хь великь сѫпостать есть и пришель есть на землѧ. да аще ѡделѣемь емоу. наше есть англствие (sic). и слава вь вѣкы. и да мчимь мѫкоѫ великоѫ. и ре҃ имь. поидѣте вы напрѣдь. азь же поидѫ ѿ зади. и ꙋкрѣплѣѧ и ре҃ не боитесѧ силь его великыхь. егда бо ѿць его сьза члвка. не рачихь емоу поклонитисѧ. и сьврьже мѧ ѿць его с нбсь. и не хощѫ части имѣти с нимь. тако же емꙋ глѧщоусь гласомь. и поидошѫ. и тако вьзыде прахь надь ними .л҃. лакьть. ѿ множьства диѣволѣ. и видѣшѫ ꙋченици гни. горы трепещѫщѫ. и хлымы трепещѫще и бѣжѫщѫ. и рѣкы ѿстоѫщѫ. море бездна мѫтѧщесѧ. и рыбы скачѧщѫ. и рѣшѫ ꙋченици гни. видѣхомь ѩрость диѣволѧ. и оубоѣхомьсѧ. такоже глѧщимь имь. вьзыде прахь .гі. прьприщь ѿ силь диѣволь. и вьземь петрь страхь ѿ диѣвола. і ѿбѣже ѿ исса .г. прьприща. и ре҃ иссь петропи (sic) не твори зла. і ѡбратив жесѧ петрь и ста за рамомь иссовомь. и ре҃ емоу да видиши славѫ бжиѧ. и вьпроси иссь ꙋченикы своѧ. кто есть ѿврьжень ѿ нбсь. ѿвѣщавь филипь и ре҃. ѿврьже и ѿ нбсь ѡць твои. едина сла. едина дрьжава ѡмоꙋси ѡць. ѡбращь же сѧ иссь повелѣ ѡблакоу свѧзати диѣвола за пѧтѣ. и вьзьвыси и. і ѡбѣси его стрьмоглавь прѣдь гдемь. видѣвы же диѣволь. ѩко на кончинѣ есть. и ре҃ ги помоуи мѧ. и низьврьзи мѧ на землѧ. да идеже вѣроуеть члвкы сѫщь скврьнь ѿврьжеть — здѣсь обрывается Преніе.

К. Радченко.

ПРИЛОЖЕНІЕ

житие блаженаго апла петра[1]), иже жить сь гдемь нашимь ис хомь по распѧти кго и по вьскрсени и по вьшестви іже на нбса. и бы чюдесми и благодѣтьми исходити ѿ га нашего ис ха і ѿ стыхь кго апостоль, паче же и ѿ стго апла петра, слѣпыѧ творѧща прозирати, хромыѧ ходити и всѣкь недѫгь ѿгонѧщь словомь, вьзьдвигѫ ковь на стыѧ црковь и на святыя aплы, паче же и на стго петра ключѣрѣ нбси и земи и на павла проповѣдника всего мира. павель же проиде вса вселенѫѧ, ха исповѣдаѧ, петрь же вь старости добрѣ имѣ лѣ .р. и .л. помысли внити вь поустынѧ, не могы скрьби приемати ѿ безаконныхъ юдеи, и вьзыде на горѫ салимскѫ и вьниде вь странѫ дамасковѫ и тоу ѡбрѣте врьтопь маль и в немь источникь бѣлѣе снѣга и финикь стоѧ прѣдь врьтпомь, пльды приносѧ слѣдькы и вь лѣ цвьты. и то видѣвь апль петрь вьзьрадоваса л. 169 об. радостиѫ велиѧ ѕѣло и рѣ: «сего ради мѧ гь вьведе вь поустынѧ сиѧ». и кончѣвь поустыни тои лѣ .л., сьврьшаѧ пѣниѣ сь англы. и в нела .л. номоу лѣтоу вь день пендикостиѧ приде к немоу арнгль михаиль вь славѣ велицѣ, ѩко не мощи зрѣти свѣта его и рѣ: «раоусѧ, апле петре: прѣсвѣтлаго свѣта ѩко оузрѣти имаши, егоже желаеши, ха и насытиши сѧ славы его». и то рекь невидимь бы. петрь же радь бы и поклонѣшеса гпѧ: «слава тебѣ, хе мои, ѩко не ѡставиль еси мене вь поустыни сеи, нѫ посѣтиль еси старость моѧ юже прѣшедьшемь днемь. и потомь приде гь к немоу ѡбразомь дѣтища ѕѣло красна вь ѳ ча дне, имѣѧ жезль в рѫцѣ своеи, и рѣ к немоу: «раоуиса,

[1]) Для удобства введены современные знаки препинанія. Надстрочные знаки также опущены. Разночтенія приведены по списку, напечатанному Архангельскимъ.

петре, дроуже х҃вы!» петрь же, падь ниць слышавь имѧ хво҃, и вьставь поклонисѧ и цѣлова вь ѹста его гл҃ѧ: «юже просиѣ старость моѣ, ꙗко видѣхь лице твое вь ѡбразь ха҃ оучителѣ моего! и се ми есть вь поустыни сеи .л҃. лѣ, ꙗко чл҃вка не видѣхь, и чимь ти послоужѫ, чл҃че, ꙗко ни хлѣба имамь чесо дати ти ꙗсти, ни ѡдра покою, нѫ приди, да сѧ насытивѣ ѿ плода финᵗкова, славѧща га҃ нашего ис ха҃: внидох бо зе҃ вь .е҃. лѣто по вьзьнесени его и се кончѣхь зе҃ .л҃. лѣ не ви л. 170 дѧ чл҃вка.» и ре҃ дѣтищь: «кто есть, его же нарицаеши ха? ѹмершааго ли при понстѣм пилатѣ?» и ре҃ петрь: «еи! паче же и вскр҃шаго из гроба и мрьтвыѧ вскр҃сивша». и ре҃[1]) петрь: «а ты, юноше, кто еси? ꙗко лице твое[2]) добро[3]) есть, нѫ блазнасѧ[4]) ѡ пришествии твемь, еда ты еси хь» и[5]). ре҃[6]) юноша: «нѣсмѫ старости[7]), его же ты непщоуеши[8]), нѫ дроугь есмь юдовь и вениѣминовь[9]) и придь вь поустынѧ сиѧ, слышавь ѡ тебѣ, поѹчитисѧ ѿ тебе[10]) законоу пр҃рочскоу: да прими мѧ, ѿче, к себѣ!»[11]) ре҃[12]) петрь к немоу[13]): «ꙗко ты по҃бень еси хоу҃ моем[8][14]): вижѫ бо[15]) тѧ по ѡбразоу его». и[16]) ре҃[17]) юноша: «нѣсмѫ азь ег҃ же ты непщоуеши,[18]), нѫ азь ѥсмь чл҃вкь[19]) римлѣнинь, и се градь по пѫти[20]) срѣте мѧ ан҃гль[21]) и ре҃ ми: ѿкоудоу идеши[22]) и камо градеши[23])? и рѣхь емоу: ѿ авсиды[24]) грѧды[25]) идѫ[26]) вь римь, и пакы хощѫ вьзьвратити сѧ. и ре҃ ми: прими ѥпистолиѧ сиѧ и вьзыди на салимьскѫ горѫ[27]) ѹ финика и[28]) ѡбрѧщеши тоу чл҃вка[29]) именемь петра нарицаѧщагося ап҃ла хв҃а и вдаж҃ь емоу епистолиѧ сиѧ, рекь[30]) ѥмоу: ютро сьшедь[31]) иди[32]) на море, і ѡбрѧщеши тоу[33]) корабиць[34]) маль, в[35]) немь два корабника и дѣтищь[36]): по҃баеть бо ти ити в римь и тоу скончѣти пѫть свои[37]) ѡ г҃и

1) Отсюда начинается сп. Соф. б.: пакы ре҃ ѥмѹ 2) кнѧ҃жоѹ 3) и красно зѣло 4) блажюсе. 5) нѣтъ. 6) ѥмѹ. 7) вм. старости—азь. 8) гл҃еши. 9) веніаминовь и ѹдовь. 10) нѣтъ. 11) нѣтъ 12) и ре҃ ѥмѹ. 13) нѣтъ. 14) ты еси Г҃Ь мои. 15) нѣтъ (бо). 16) нѣтъ. 17) ѥмѹ. 18) гл҃еши. 19) нь чл҃вкь ѥсмь. 20) путем и. 21) гнь. 22) ѥси. 23) идеши. 24) асиды. 25) градѹ. 26) нѣтъ. 27) на горѹ сѹманскую. 28) и нѣтъ. 29) —стара. 30) и рци. 31) —сь горы и. 32) сниди. 33) тоу—нѣтъ. 34) корабь. 35) и— 36) — маль. 37) пѹ҃ твой скончаеши.

своемь, его же ты нарицаеши».[1]) рѐ же[2]) юноша: «вьзми жезль мои въ рѫцѣ свои[3]) и л. 170 об. гради[4]), да та всадать[5]) вь корабь кь себѣ[6]), ѝбо и[7]) азь ѿ тѣхь корабникь есмь.» и приемь[8]) петрь жезль ѿ юнааго чл҃вка и лобзаше вь жезль и вь епистолиѧ[9]) гл҃а плача[10]) сице: «бл҃ва та, вл҃ко[11]) вѣчны ис х҃е, ꙗко нѣси мене прѣзрѣль нищаагоі бѫди волѣ твоѣ, вл҃ко, подаж҃ь[12]) ми твоѧ м҃ть[13]) и не ѡстави ме҃»! [14]) и се г҃ь[15]), давы[16]) ѥмоу епистолиѧ и жезль свои[17]), и[18]) ѡтиде ѿ него. петрь же, ютро сьшедь[19]) сь горы, и сниде[20]) на море и виде корабиць[21]) маль и в немь два корабника и дѣтищь маль. и пришедь петрь и вьпроси ѧ[22]): «где идете вы[23]) вь корабици[24]) семь»? ѡни же рѣшѫ емоу[25]): «идемь в римь: ѡрѫдие ны есть тамо[26]); а ты, старыи чл҃вче[27]), ѿкѫдоу еси и камо идеши»?[28]) и[29]) р҃е[30]) петрь: «ѿ рима[31]) есмь и се[32]) снидь сь горы, хотѧ пакы ити в римь[33]): да аще идете тамо да[34]) поимѣте[35]) и[36]) мене вь корабь к себѣ[37], да идѫ с вами в римь». и томь ч҃е[38]), вьзѣвь рѫцѣ свои на н҃бо и[39]) пом҃лиса гл҃а: «бл҃вень г҃ь б҃г ис х҃ь[40]), ꙗко спо҃биль мѧ есть[41]) сь всѣмь поспѣхомь[42]) ѡбрѣсти корабь сь[43])! прѣведи мѧ, г҃и ис х҃е мои[44]), на мѣсто, идеже[45]) мѧ хощеши причастити[46]) кь себѣ»! и[47]) р҃е смоу корабникь: «понеже ты[48]) х҃а распѧтаго именоуеши[49]), не[50]) примемь тебе вь корабь свои»[51]). и р҃е[52]) петрь: «не гл҃и, брате, хоулѫ на б҃а[53]) моего»! и тьгда, ꙗко не хотѧ, вьведо л. 171 шѫ[54]) и вь корабь свои и в томь ч҃е ѿринѫшѫсѧ

---

1) ѡ г҃и etc. нѣтъ. 2) и рече ему. 3) твоей. 4) иди. 5) вьпустете. 6) нѣтъ. 7) и нѣтъ. 8) прием же. 9) лобзаше жьзль и епистолію. 10) плачесе и гл҃е. 11) Г҃и. 12) и подаждь. 13) силу. 14) этой фразы нѣтъ. 15) то р҃е дѣтище. 16) вьдаве. 17) жьзль и епистолію. 18) —аніе 19) и сьниде петрь. 20) нѣтъ. 21) корабь. 22) гл҃е. 23) нѣтъ. 24) корабы. 25) отвѣщаве корабникь и р҃е. 26) идем на куплю прѣз море. 27) старче. 28) откуду идеши — предыдущихъ словъ нѣтъ. 29) нѣтъ. 30) —ему. 31) римскаго гр҃а. 32) —ин҃е. 33) этой фразы нѣтъ. 34) нѣтъ. 35) приимете. 36) нѣтъ. 37) свои. 38) в томь ч҃е нѣтъ. 39) нѣтъ. 40) —еси Г҃и Б҃е І҃у Х҃е. 41) си. 42) вм. этихъ словъ — скоро. 43) нѣтъ. 44) только: да приведе҃. 45) на нем же. 46) причьтити ме. 47) нѣтъ. 48) нѣтъ. 49) именуеши — 50) да не — 51) мои. 52) р҃е ему. 53) Х҃а. 54) вьве҃.

вь пѫчинѫ морꙋ[1]). и повелѣ г҃ь възьмѫтитиса морю, и бышѫ[2]) вльны[3]) ꙗко погрѫ [зи] ти корабь[4]). и[5]) рє҃ корабникь кь петрови: «ꙗко тебе ради възьмѫтиса море, и се юже погыбаемь; не рѣх ли ти: не именоу (sic) ха҃»! и рє҃ петрь[6]): «потрьпи, брате мои, маль ча҃[7]), а не имѣи хоулѫ на ха҃ моего: надѣа бо са силѣ его, ꙗко помл҃оуеть ны вьскорѣ». и[8]) рє҃ коробникь: «како трьпла юже а сьмрьть виж҃ѫ»[9]). и сниде вь[10]) дно кораблю и ꙋспе. а дѣтищь сѣдѣше вь кораби сь петромь[11]). и рє҃ крьмникь кь петроу: «вьстани[12]), помл҃иса къ бо҃у[13]) твоемоу»[14])! и тьгда петрь, прѣклонивь колѣнѣ[15]), и помл҃иса[16]) сице гл҃а[17]): «г҃и ис хе҃! за[18]) грѣхы[19]) моа възьмѫтиса вода[20]), зане ѿврьгохса тебе вь распати твоемь, плачаса горками сльзами, и рѣхь[21]): ѡстави грѣхы моа, и[22]) нн҃ѣ, вл҃ко[23]), разоумѣхь, ꙗко жезль твои в рѫкоу мое (sic) есть, да нн҃ѣ юже[24]) потаплѣемь есмь вь глѫбинѣ сеи, вьпиа и мл҃а ти са[25]): ꙋслыши ма, г҃и[26]), и помозы ми[27]) и[28]) ѡбрати вльнение[29]) на тихость, да не рє҃ть ратникь[30]): нѣ҃ ба҃ его[31]), помани ма, г҃и, ꙗко же рє҃ ми вь галилеи, ꙗко[32]), ꙗможе[33]) идете вы[34]), идѫ с вами азь[35]), а нн҃ѣ[36]) ма еси ѡставиль потопленоу быти вь глѫбинѣ сеи[37]) на радость диѣволоу и невѣроуаящимь та[38]); помани ма, г҃и, ꙗкоже[39]) егда л. 171 об. хож҃а (sic) поморю[40]) и начась ꙋтапати, и ты приать ма[41]), и нн҃ѣ ма ꙋслыши, г҃и, грѣшнаго раба си[42]) ꙗко бл҃вень еси вь вѣкы вѣкомь амн҃»[43])! и[44]) то ꙋслышавъ г҃ь просльзи[45]) ѡ петровѣ мл҃твѣ и[46]) запрѣти морю[47]), и бы҃ тишина велиѣ. петрь же, радь бывь[48]), сьниде

1) морскую. 2) вьздвигоше. 3) —его. 4) погрузытисе корабль. 5) нѣтъ. 6) рє҃ апсль. 7) брате. потрьпи мало. 8) и нѣтъ. 9) виде юже сьмрьть. 10) на. 11) порядокъ словъ: 3. 1. 2. 12) и— 13) Гви и Бу҃. 14) своему— 15) тогда въставь петрь и паде ниць на колѣну своею. 16) млашесе Гви. 17) 2. 1. 18) да за. 19) —ли. 20) —сїа. 21) и плачѣ горко вьпїаше. 22) нѣтъ. 23) 2. 1. 24) 2. 1. 25) нь млю се твои влгти. 26) нѣтъ. 27) помл҃уй ме. 28) нѣтъ. 29) сїе. 30) —врагъ ꙗко. 31) моего нигдѣже. 32) нѣтъ. 33) —и. 34) 2. 1. 35) и азь иду сь вами. 36) нн҃ѣ же. 37) вь etc. нѣтъ 38) вь те 39) ꙗко. 40) 2. 1. 41) 2. 1. 42) твоего. 43) этихъ двухь словъ нѣтъ. 44) нѣтъ. 45) и просльзысе. 46) сѣ҃ вь кораблu съ петромь. авїе же. 47) —и утишисе море. 48) Възрадова же҃ Петрь и.

долоу [1]) и възьбѹди [2]) корабника и рє҃ [3]): «вьстани, брате, да видиши славѫ бж҃иѧ [4]), а [5]) не ѿметаисѧ ха҃ моего и не бѫди невѣрень, нѫ вѣрень хоу҃ моемоу [6])! вьстани ѹбо [7]) и вижь, како ѹкротисѧ [8]) море»! и абие вьставь гла҃ [9]) арх҃истратигь [10]) михаиль и ѡбьлобза петра по личѹ и по главѣ гл҃ѧ: «вѣроуѧ, ѿч҃е [11]), ꙗко великь есть бъ҃, в него же [12]) вѣроуеши, и нѣ҃ ба҃ развѣ его: да [13]) мл҃сѧ твоеи мѫдр҃сти [14]), да мѧ ѹвѣриши к немоу»! и рє҃ [15]) петрь: «вѣроуи, брате, да [16]) сп҃сешисѧ: всѣкь бо вѣроуѧи вь нь пе погыбнеть, ни постыдитьсѧ [17]), нѫ сп҃сетьсѧ». и рє҃ кь ап҃лоу: «дажь ми, ѡ҃че, крьщение вь имѧ хво, да вѣроуѧ и спѫ҃сѧ»! и [18]) вьставь [19]) ап҃ль [20]) помл҃исѧ [21]) гл҃ѧ: мл҃ твоеи благости, г҃и! [22]) сл҃ тебѣ, г҃и [23]) бє҃, ꙗко ѡбрѣть мѫжа славаща имѧ твое ст҃ое [24]) и крьщение просѧща вь имѧ твое ст҃ое» [25])! и [26]) емь [27]) за рѫкѫ и вьведе и вь м҃ре и рє҃ [28]): «что имѧ твое нарекѫ» [29])? и [30]) рє҃ к немоу: «сьдрьжитель ми есть имѧ [31]) мое [32]) и ѡцоу моемоу». крьщению же гобьзившоу вь то имѧ [33]) и се стль л. 172 пь свѣтель, сиѣѧ [34]) ѿ н҃бсь до морѣ идеже крьщашесѧ корабникь, и гл҃ великь ѕѣло, зовы [35]): «ал҃луа»! и приде [36]) чл҃вкь до [37]) четырнста, слышавши чѹдеса быемаѣ (sic) надь кр҃тѧщимьсѧ, и ти кр҃тишѫсѧ ѿ ап҃ла гн҃ѣ. ап҃ль же радь бывь и прослави [38]) ба҃, видѣ си чюдє҃ сьходѧща надь крьстѧщаaго и вьпиѣше кь народомь [39]): «придѣте и кр҃титесѧ и [40]) примѣте благодѣть ꙗвшѫѧ ми сѧ [41]) и всѣкомоу чл҃вкоу [42]) вѣровавшомоу [43]) вь ха҃ моего»! и [44]) вь тои день [45]) празновашѫ

---

1) — вь дно корабля. 2) укуди. 3) — ему. 4) Га҃ моего.
5) и. 6) этихъ двухъ словъ нѣтъ. 7) нѣтъ. 8) утишисе.
9) тогда вьставь. 10) архагг҃ль гн҃ь. 11) 2. 1. 12) ты.
13) нь. 14) премудрости. 15) рє҃ же ему. 16) и. 17) нѣтъ.
18) словъ: и рє҃ и т. д. нѣтъ. 19) — же. 20) — хв҃ь и. 21) — гн҃и.
22) этой фразы нѣтъ. 23) Хє҃. 24) вм. послѣднихъ трехъ словъ — те.
25) нѣтъ. 26) тогда. 27) — и. 28) — кь нему. 29) — ти име наречемь. 30) он же. 31) 3. 1. 2. 32) нѣтъ. 33) кр҃щену же ему бывшу вь име гн҃е. 34) осiае. 35) и бы гл҃ велик. 36) изыде.
37) чл҃вкь до нѣтъ. 38) на чюдо то кр҃тисе ѿ ап҃ла хв҃а. петрь же славяше.
39) понеж видѣаше сиковая чю҃са сьходеща сь н҃бсь на кр҃щающагосе. Гл҃а же петрь.
40) и кр҃титесѧ и нѣтъ. 41) ивльшаго мнѣ. 42) нѣтъ. 43) вѣрующему. 44) нѣтъ. 45) тогда.

народи [1]). Петрь же радоуаса [2]) сь кртащимься [3]) корабникомь, и рё [4]) корабникь петроу [5]): «ıако ѡбрѣть благодать ѿ тебе и крьщению спбихься за твое ѹчение и за ха [6]), его же ты призва, крьщь [7]) ма, юже вѣрѹа, ıако велеи [8]) есть бг҃ твои: да [9]) хощѫ ти благодѣть вьздати за благодѣть [10]): поими [11]) дѣтищось ѿ мене, да ти послоужить на пѫти, понеже чл҃вкь еси старь юже» [12]). рё же [13]) петрь: «и азь быхь радь юмоу былъ [14]), нѫ [15]) не имамь что [16]) дати на немь: сицѫ [17]) бо заповѣдь приасомь [18]) ѿ оучителѣ нашего вси апли [19]) не носити зла ни сребра ни двою ризѹ измѣны» [20]). и рё [21]) корабникь: «цѣна его есть .в҃і. златигь [22]): да порѫчи ми л. 172 об. са в тои по него [23]), да ти послоужить». апль же [24]) радь бывь [25]) помлиса кь ги бу за корабника [26]) и поать дѣтища ѿ него [27]). се же все бы, ıако [28]) хотащоу влцѣ [29]) смѣритиса и в рабіи ѡбразь снити [30]) по изволению же [31]) ба ѡца. поем же [32]) апль [33]) хвь [34]) дѣтища и поиде в римь [35]), и начать прохожати вса вьси и грады [36]). и се идѫщоу хоу скозѣ стьгны, и [37]) срѣте и жена, мѫчима ѿ нечиста дха [38]), и се [39]) вьзьпи нечистыи дхь [40]) и избѣже [41]) вьпиа [42]): «что сьтвори, петре, приведь [43]) дѣтища сего [44]) само [45]): се [46]) есть хь постравы волеа и [47]) вышеды на нбса»! и [48]) тьга дѣтищь запрѣти дхоу, да изьщезнеть, а женѣ положи рѫкѫ на ѹстѣхь, ıако да ѹмлькнеть, да не ѡбличить его петрови ни мирови [49]) женѣ же, ицѣлѣвшеи ѿ

---

1) —г҃ дни. 2) радоваше. 3) крщенны. 4) рё же. 5) кь Петрови. 6) тобою. и за име Ха твоего. 7) и кртн. 8) великь. 9) нь. 10) дати блгть вьз благть. 11) —си. 12) дѣтища сего. и дам ти и да ти будет слуга на пути занеже старь еси. 13) Гла ему. 14) этой фразы нѣтъ. 15) нѣтъ. 16) ти чесо. 17) сикову. 18) имами апли. 19) этихъ словъ нѣтъ. 20) нѣтъ. 21) рё же. 22) этой фразы нѣтъ. 23) поручи ми се в҃і златиць. и поими си его. 24) хвь. 25) бы. 26) и помлисе Бгу. 27) нѣтъ. 28) нѣтъ. 29) нѣтъ. 30) вь ѡбразь рабы смѣритисе. 31) нѣтъ. 32) нѣтъ. 33) нѣтъ. 34) Петрь. 35) вм. в римь — путем. 36) пущати Іса вь гран и вь вси. 37) Сем идущу Ісу. 38) дхѡм нечтим мучима. 39) акіе же. 40) 2. 1. 41) бѣжа. 42) нѣтъ. 43) привель еси. 44) нѣтъ. 45) нѣтъ. 46) сии г. Архангельскій не разобралъ мѣста. 47) этихъ словъ нѣтъ. 48) нѣтъ. 49) это мѣсто читается такъ: ... положи рѹкѹ свою на оустѣ жене да оумльчи. и запрѣти дхѹ да не обличить его.

нечиста дх҃а [1]) не ѡтиде ѿ дѣтища ни [2]) ѿ ап҃ла [3]). и рⷱ҇е [4]) петрь кь дѣтищоу: «что се бы҃, ꙗже ѡ тебѣ слышѫ [5])? аще се [6]) ȣ҆слышѧть гражⷭ҇ане [7]), биѧще ны ижⷭ҇енѫть». и [8]) рⷱ҇е [9]) дѣтищь кь петрови: «не ȣ҆жасаисѧ [10]) того [11]), г҃и [12]) мои: видѧ [13]) бⷪ҇ на тебѣ [14]) благодѣть [15]) избѣгаеть дх҃ь зьль [16]), нѫ [17]) надѣѧсѧ [18]), ѿче [19]), силѣ ха҃ [20]) твоего, в него же вѣроуеши, ꙗко болшѫ благодать имаши творити [21]): слѣпыѧ просвѣщати [22]), хромыѧ ходити творѧ [23]) и [24]) прокаженыѧ ѡчищати [25]), мрьтвыѧ вьскрѣшати по л. 173 благодати его [26]): да не смѫщаисѧ, г҃и [27]) мои, аще и дѣтища мѧ видиши [28]), нѫ вⷭ҇ѣ всѣ, ꙗже ѡ тебѣ и ꙗже тебе [29]) ѡжидаѧть за любовь, ѧже имаши сн҃мь: видѣхь бо, ꙗко море твоѣ млⷭ҇тва ȣ҆кроти млⷭ҇тиѧ хⷭ҇а твоего и н҃нѣ не оужасаисѧ множьства римлѣнь, нѫ покажи чюдеса ха҃ твоего выходѧщȣ ти вь градь ихь, да раз мѣѧть, ꙗко велеи есть г҃ь, в него же вѣроуеши» [30]). петрь же, почюдивьсѧ [31]) ѡ прѣмѫдрости [32]) дѣтища и рⷱ҇е в себѣ воле [33]) «что сѧ мнѣ ѡбрѣте [34]) сиць дѣтищь прѣмѫдрь и сиче разȣмивь [35]), ꙗко велика прѣмѫдрость [36]) в немь есть [37]), и [38]) како ицѣли женѫ прикосновениемь рѫкоу» [39])? и се има градѫщима [40]) кь п҃римь [41]) вратомь срѣтошѫ и [42]) старѣишины граⷣ того [43]) и рѣшѫ [44]) кь петрови: «ѿкѫдоу имаши сицего [45]) дѣтища красна? аще есть рабь [46]), продаⷤ҇ь и [47]); аще ли е свободь, то [48]) вьдаи на ȣ҆чение [49]). и рⷱ҇е [50]) петрь: ꙗко дѣтищось свободь есть, а азь пѫтникь есмь [51]). и

---

1) 2. 1. 2) ѿ дѣтища ни—нѣтъ. 3) —Хв҃а. 4) рⷱ҇ же. 5) еже слышаⷯ҇ ѿ тебе. како сїа чюдеса творнши. 6) нѣтъ. 7) сїи то. 8) нѣтъ. 9) гл҃а. 10) боисе. 11) нѣтъ. 12) гн҃е. 13) виⷤ҇. 14) нѣтъ. 15)—Хⷭ҇а твоего. 16) злы дх҃ь и бѣжⷮ҇и. 17) нѣтъ. 18) мѣсто не разобрано Арханг—имъ (надѣннѣсе (?)). 19) нѣтъ. 20) Г҃а Б҃а. 21) прїимеши. и болша чюдеса сътворити имаши. 22) и. 23) нѣтъ. 24) нѣтъ. 25) бѣсы изгонити и. 26) по и т. д. нѣтъ. 27) Гиⷭ҇. 28) имаши. 29) еже. 30) нѣтъ. 31) вм. за любовь и т. д. читаемь: прѣнспоⷣ҇ниша и поⷣ҇земльша. ѿко и море твоею млⷭ҇твою оукроти. и н҃нѣ не оужасаисе множьⷭ҇тво рымлѣⷩ҇. нь покажи чюⷣ҇са иже о Хⷭ҇ѣ. да разȣмѣюⷮ҇ ꙗко велиⷦ҇ ѥ Б҃ь нѥгоⷤ҇ ты вѣрȣеши. 32) оудивисе. 33)—юна. 34) нѣтъ. 35) обрѣте оу мене. 36) сиковаа прѣмȣдроⷭ҇. и сиковь разоуⷨ҇ вь дѣтищи сеⷨ҇. 37) ꙗко великь ѥ разоуⷨ҇. 38) нѣтъ. 39) рȣкы. 40) идȣщїима има. 41) цр҃ькиⷨ҇. 42) и. 43) рїмскаго. 44) гл҃аше. 45) сиковаго. 46) этихъ словъ нѣтъ. 47) не продаси ли его. 48) этихъ словъ нѣтъ. 49) или даси его оучению книгаⷨ҇. 50) рⷱ҇ же ѥⷨ҇. 51) пȣтникь есмь азь. а дѣтищь свобоⷣ҇ ѥ.

потомь рє҃[1]) петрь къ дѣтищеви: «иди вь[2]) море и ѹлови ми рыбици»[3])! и рє҃ дѣтищь: «иди и ѹлови ми .ві҃. адиць, да ишедь ѹлова ти»! и[4]) вьставь иде на море дѣтищь[5]) и вь единь чс҃ оулови .ві҃. тисѧщь рыбь и рє҃[6]) кь петрови: «идѣвѣ[7]), гнѣ҃ мои, да принесе л. 173 об. вѣ рыбы»! и ꙗко иде петрь и видѣ множьсте҃ рыбь и[8]) почюдисѧ[9]) и[10]) рє҃ кь дѣтищѹ: «ѿкѫдоу хытрость сиѧ имаши»[11])? и рє҃[12]) дѣтищь: егда мѧ гнь҃ мои тебѣ дасть[13]), тогы[14]) ѹкрадохь[15]) ѹ гнѧ҃ єго и скрыхь вь земи, и ꙗко[16]) поидохь с тобоѧ и[17]) взѧхь: да нн҃ѣ, ѿче, не выпрашаи[18]) мене[19]) ѡ томь, нѫ вьзми рыбы сиѧ[20]) и раздаи трѣбоужѧщимь ихь[21]) и[22]) вѣроуѧщимь вь ха҃ твоего»! петрь же сьтвори, ꙗко же рє҃[23]) емоу дѣтищь. и[24]) по семь[25]) идь дѣтищь кь тѣломь[26]) идольскымь и коснѫсѧ[27]) ихь, и томь чс҃ бышѫ, ꙗко и[28]) прахь. и вьзьпишѫ июдеи и рѣшѫ: «ѿкѫдоу бы҃ дѣтищѣ»[29])? дси҃ же вьзьпишѫ: «почто[30]) приде, дѣтищѹ[31]), прѣжде врѣмене мѫчити насъ»[31])? дѣтищь запрѣти дхомь[32]) нечистымь[33]), и ѹмьлкнѫшѫ[34]). потомь же[35]) гла҃[36]) рыбамь, иже изьбышѫ[37]) давше[38]) нищимь: «поидѣте по гнѣ҃ моемь»[39])! и абие[40]) поидошѫ рыбы послѣдь его по сѹхоу[41]); и вси люде҃ дивишасѧ: не бо[42]) рыбы едины идѣхѫ по немь[43]). нѫ и звѣрие земнии[44]). апль҃ же глаше[45]): «что се твориши, дѣтищоу, чюдеса пристранна[46]): да не побиать[47]) наю граждане сии: сьмрьтиѧ ѹмревѣ»[48]). рє҃[49]) же[50]) дѣтищь: «не боисѧ, ѿче, нѫ вѣрѹи л. 174 вь ха҃, вь него же ѹпьваеши[51]): всѣ бо си сѫть помощиѧ ха҃ твоего на похвалѫ вѣрѣ твоеи». и

---

1) потом же. 2) сьни҃ на. 3) рибы. 4) и рє҃ и т. д.—нѣтъ. 5) вьстав же дѣтищь сьнидѣ. 6) приша҃ гла҃. 7) поидѣвѣ. 8) словъ: и ꙗко и т. д. нѣтъ. 9) ѹдивижє҃. 10) нѣтъ. 11) вь тебѣ. 12) гла҃ емѹ. 13) прода҃ гнь—. 14) тога҃. 15) възѧ҃. 16) ег҃. 17) к тебѣ пакы. 18) и не выпрашаи. 19) ме. 20) нѣтъ. 21) нѣтъ. 22) нѣтъ. 23) повелѣ. 24) нѣтъ. 25) пото҃. 26) дѣлѡ҃. 27) искѹсити. 28) нѣтъ. 29) словъ: и вьзьпишѫ и т. д. нѣтъ. 30) и вьзьпише бѣсове глаще что. 31) Іс҃. 32) тога. 33)—ѹ—омѹ. 34) да оумльчи҃. 35) нѣтъ. 36) пові҃. 37) иже оухоѵише. 38)—и. 39) кь гноу҃—ѹ. 40) абіе же. 41) 2. 1—вь слѣ҃. 42) и не тькмо. 43) вь слѣ҃ его. 44) земльніи. 45) рє҃ же Петрь кь дѣтищѹ. 46) такова чю҃са твориши страшнаа и дивнаа зѣлѡ. 47)—ли. 48) и оумрє҃ на҃ сьмрьтію. 49) гла҃. 50)—емѹ. 51) нѫ вѣрѹи и т. д. нѣтъ.

в томь чв҃[1]) вьзыгнѣти ѡгнь безь ѡгнѣ. и пронеса[2]) слово то по всемоу градоу. и[3]) приде чл҃вкь прьвыи сы града того кь петрови арависть[4]) гл҃а[5]): «продаждь ми дѣтища сего, ѿче[6]), ꙗко любла и красоты ради его[7]), да и постава[8]) надь дѣлы своими»[9]). петрь же не ѿвѣща емоу[10]). и[11]) рѣ[12]) дѣтищь кь петрови[13]): продаждь ма, гнѣ мо҃, да и аравистоу шедь[14]) послоужѫ»! і ѡбрати ср҃це петрово[15]) да и продасть[16]). и[17]) рѣ петрь кь аравистоу. «даждь ми[18]) цѣнѫ его[19]) .л҃.[20]) златиць»[21])! и вьземшꙋ петрови[22]) цѣнѫ на дѣтищи[23]), и рѣ[24]) дѣтищь кь петрови[25]): «ꙋдрьжи[26]) оу себе .в҃і. златиць, да даси еже еси ѡбѣщаль гн҃оу моемоу[27]), а прочиіхь[28]) даи нищимь и трѣбоуѫщимь[29]) и не стѧжаи си ѿче: не имамь бо тебе ѡставити вь вѣкы[30]) и поемь дѣтищь арависть[31]) и вьведе[32]) и вь домь свои, и прѣдасть и протосколоу[33]) ꙋчити грамотѣ книжнѣи[34]). ꙋчитель же начать[35]) и [36]) выпрашати[37]) ѡ законѣ. и[38]) рѣ[39]) дѣтищь: «азь ти повѣда, оучителю, законь, им же сп҃сешиса: слышах бо ѡ тебѣ, ꙗко философь еси и свѣси всѣ, ꙗже ѡ тебѣ[40]). л. 174 об. днѣ повѣждь ми[41]) клꙋчие нбсни ї земниї[42]) и прѣисподньиї[43]) и[44]) .ӡ҃.[45]) стльновь ѡснованиѣ земнаѣ[46]) еже нарицаеться[47]) прѣпоѣсание[48]) мироу[49]), и пѫть[50]) слнцоу и[51]) мцоу и свѧзы[52]) звѣздамь[53]) и сьмрь и вскрение—та всѣ сѫть в рѫкоу единому[54]), его же са вы ѿврьгосте»[55]). Ꙋчитель же почю-

1) вь ть ча. 2) прославсе. 3) тогда. 4) члкь нѣкы имене Арависть. старѣишина гра римьскаго. 5) и ре кь петрови. 6) 3. 1. 2. 7) ꙗко красиь е и люблю е. 8) 2. 1. 9) вьсе имѣніемь моиі. 10) Ѡвѣщати кь немꙋ не хотѣаше. 11) нѣтъ. 12) емꙋ. 13) нѣтъ. 14) нѣтъ. 15) петрови. 16) прода его. 17) тогда. 18) на нѥ. 19) нѣтъ. 20) .и. 21) златнь. 22) Арависть же да емꙋ. и вьзе петрь. 23) 2. 1. 24) емꙋ. 25) нѣтъ. 26) остави. 27) и дажь гнꙋ моемꙋ емꙋ же се еси обѣщаль преже. 28) прочее. 29) за ме и за се 30) нѣтъ. 31) 2. 1—д—а. 32)—ь. 33) оучителю. 34) и книга. 35) и наче 36) нѣтъ. 37) его. 38) нѣтъ. 39) емꙋ. 40) и свѣси и т. д. нѣтъ. 41) нь се веси ли ꙗже о дни и о часѣ. и. 42) земльныи. 43)—ꙗа. 44) нѣтъ. 45) .кз. 46) земльнаго основаніа. 47) вм этихъ словъ только и. 48)—іа. 49) морꙋ. 50) по. 51)—по. 52) мѣсто не разобр. А—имъ. 53)—и оуды всакого члка. 54) 3. 2. 1. 55) вм. этой фразы—рци ми оучителꙋ.

дивьса[1]) рѐ кь аравистоу: «поими[2]) дѣтищось[3]), ѿкждоу еси еѓ[4]) привель: сего бо[5]) никто же не вѣсть[6]) тькм̑ бѓ единь[7]): ни чл̑вкь, ни землѣ, ни море, ни ина вс[ѣ 8]) тварь—нѣсть противж разоумоу[9]) его ни хытрости[10]) ни прѣмждрости»[11]). радь[12]) же[13]) бы̑ арависть и вьведе[14]) и вь домь свои и прѣдасть емоу весь домь свои. и се бы̑ лежж арависть вь полоунощи страхь велики нападе моу[15]): слыша бо анѓлы и арх̑нглы[16]) полащж ω дѣтищи пѣ̑ трьстжа[17]) еже[18]) героувимь. и трепетень бывь вьставь и ѹбоуди[19]) женж своа и п̑вѣда еи прѣславнжа тж[20]) славж бг̑а и[21]) свѣть[22]) свьтащьса ѿ арх̑игль[23]) вь домоу его и рѐ[24]): «вь истинж[25]) се[26]) есть бѓ кр̑тиѣньскы[27]) и ꙗвиса намь вь сицеи твари[28])! ω горе намь, ꙗко не вѣровахомь ѥпискоупомь[29]) кр̑тиѣнскымь[30]), еже ха̑ распатаѓ проповѣдаать[31]), ꙗко великь есть бѓ кр̑тиѣньскы[32]): да вѣрѹивѣ и на в него[33]) и просѣвѣ крьщениа[34]) л. 175 ѿ него»! и[35]) вьставша[36]) идоста кь дѣтищоу и падосте на ногоу его гл̑аща[36]): «дажь̑ нама крьщение, да и на вѣроуевѣ вь распатаго ха̑»[37])! и вь[38]) томь чѐ оутжхнжхж[39]) пѣниѣ[40]), и рѐ[41]) к нима дѣтищь: «мльчита[42]), не повѣдоута никомоу же, ꙗже видѣста[43]), и сп̑сетаса»! и в томь чѐ кр̑тиса арависть и жена его[44]) и весь домь его ꙗко до тисаща люѐи числомь[45]). петрѹ же многа[46]) знамениѣ[47]) творащоу[48]) в римѣ[49]), и мнози вѣровашж в него[50]) вь ха̑[51]). и доде[52]) слово ω петрѣ до нерона цр̑ѣ[53]). и емше петра[54]) приведошж и[55]) прѣдь црѣ[56]) и[57]) рѐ

1) ѣ҆дни жѐ оу̑чите̑ и. 2) —си. 3) дѣтища сего. 4) нѣтъ. 5) же. 6) не свѣ̑ никто же. 7) единь.— 8) нѣтъ. 9) силѣ. 10) нѣтъ. 11)—никто же. 12) тоѓа. 13) нѣтъ. 14) ѿвѣ̑.
15) словамъ: и прѣдасть и т. д. соотвѣтств.: и с̑ра̑ ѥть вь нощи Арависта.
16) нѣтъ. 17) 2. 1. 18) иже. 19) и съ трепето̑ оу̑бѹди. 20) таинѹ и.
21) —бы̑. 22) —велен. 23) нѣтъ. 24) жена кь Аравит̑ѹ моу̑ своемѹ. 25) нѣтъ. 26) сь. 27) х̑ртїанскы. 28) этой фразы нѣтъ.
29) а̑плѿ. 30) его. 31) этой фразы нѣтъ. 32) и̑. 33) идемь и вѣрѹемь емоу. 34) —ı. 35) нѣтъ. 36)—же. 37) гл̑аща и т. д. нѣтъ. 38) нѣтъ. 39) прѣсташе. 40) —та. 41) рѐже.
42)—и. 43)—и слышаста. 44) Тоѓа кр̑ти Арависта и женѹ его. и чеда его.
45) число тысоуща дш̑ь. 46) а Пе̑рь вь градѣ тѿ. 47) и чю̑са.
48) твораше. 49) нѣтъ. 50) нѣтъ. 51) вь Га̑ нашего Іу̑ Ха̑.
52) прїиде. 53) кь—ѹ—ѹ и повѣ̑ ети Петра. 54) емше же и. 55) нѣтъ.
56) кь Црѹ. 57) нѣтъ.

дѣтищь кь аравистоу: «не гли ничесоже, ꙗже видѣ; азь же[1]) идѫ кь петроу: вѣ бо[2]): юже стоить прѣдь цремь[3]). и пришедь[4]) дѣтищь ста[5]) ирѣдь цремь[6]) и гла кь црю[7]): «почто гнѣваешиса на апла хва? а[8]) исповѣдаеть ти сна бжиа ис ха[9]) быти[10]) хотаи вса истрьгнѫти ѿпрѣльсти[11]) сотонины». и вьставь[12]) кесанти[13]) ї оудари дѣтища за оухо. и томь чс соухо бы[14]) все тѣло его. и абиепо трасе са ѿ аггль[15]) весь градь[16]) и прѣисподьнѣа земи. и бы вь народѣ[17]) гла велеи[18]): ꙗко великь есть[19]) бг кртиѣнскы[20]) и томь чс мнози ѿ гробь вьскрнѫшѫ[21]). и[22]) рѣ имь[23]): «бл҃вени есте[24]), ꙗко показасте невѣрнымь силѫ[25]) моѫ[26])! идѣте и[27]) почите[28]) с миромь[29]) вь гробѣхь вашихь, донде л. 175 об. же вы вьзгласить[30]) михаиль на вскрение»! и поклнишеса[31]) дѣтищоу[32]) пакы оуспѫ. и бы мльва[33]) до[34]) .ꙁ҃. днеї ѡ семь[35]). и вѣровасте двѣ части ѿ[36]) гра[37]). и прогнѣваса[38]) неронь црь и повелѣ распати петра посрѣдѣ гра. апль же[39]), вьздѣвь рѫцѣ[40]) на нбо и вьзьпи гла[41]): гн ис хе сне ба живаго! не ѡстави мене, нѫ помани[42]) ма, ꙗко ты распатие приать[43]) мене ради[44]) на[45]) спсение всемоу мироу»[46])! а не вѣдь[47]), ꙗко прѣд нимь стоить гь. апль же кь мѫчителемь помлиса[48]) гла[49]): «мла вы са[50]), ꙗко нѣсмѫ достоень, да равно распнѫса гви моемоу[51]), нѫ стрьмоглавь ма повѣшьше[52]) пригвоздите и ѡбратите тало мое»[53])! и сьтворишѫ тако, ꙗко оумли а[54]). и[55]) ꙗвиса емоу гь[56]) вь тои чс. и[57]) гвозди еже моу[58]) бѣшѫ вьбили вь тѣма[59]) и вь

1) дондѣже азь. 2) вижоу бо и. 3) 2. 3. 1.—послѣ стоитъ—нынѣ. 4) Шь же. 5) нѣтъ. 6) нѣтъ. 7) римеронꙋ црꙋ. 8) нѣтъ. 9) только ХІ. 10) нѣтъ. 11) вьсх наваесты ѿ льсти. 12) тога вьста 13) нѣкы ѿ соущих тоу. имꙋ же име і контонь. 14) 2. 1. 15) нѣтъ. 16)—ѿ основаніа. 17)—тѡ. 18)—глщь. 19) ꙗко и т. д. нѣтъ. 20) хртіанскы. 21) вьсташе мрьтвьци из гроба. 22) нѣтъ. 23) Іс. 24) —вы. 25) славꙋ. 26) 2. 3. 1. 27) нѣтъ. 28) почиваите. 29) нѣтъ. 30) пріидет вьзбꙋдити ва архісратиг. 31) поклониши. 32) Хоу. 33)—о се. 34) нѣтъ. 35) нѣтъ. 36) нѣтъ. 37)—рімскаго. 38) Разгнѣвав же се. 39)—Хвь. 40)—свои. 41) гласѡ плачь глаше. 42) помаꙋи. 43) распетсе волею. 44) нѣтъ. 45) за. 46) 2. 1. 47) вѣдаше. 48) 2. 1. 49) глаше. 50) нѣтъ. 51) распнꙋсе тако ꙗко и ГЪ мои. 52) стрьмоглавие обѣсише. 53) и ѡбратите и т. д. нѣтъ. 54) этихъ трехъ словъ нѣтъ. 55)—се. 56)—и. 57) нѣтъ. 58) нѣтъ. 59)—его.

грѫди[1]) и в рѫцѣ[2]) и в нозѣ[3]), и[4]) в томь чс̑[5]) испадѫ ꙗвлениемь влкы его[6]). и вьзьпи петрь[7]): Ги ис хе, спобивы мѧ срти сеи[8]), прими вь мирь дхь мои[9]) а[10]) мчтелемь си, Ги[11]), не постави имь[12]) грѣха сего[13])! дажь же[14]), Ги бе, всѣмоу млщемоу сѧ[15]) вь памѧ моѫ именемь твоимь стымь[16])! избави ѧ, Ги, ѿ всѣкоѧ скрби и напасти злы[17])! дажь же, Ги бе[18]), млщимьсѧ именемь[19]) раба твоего избавление[20]) дшь ихь и тѣлесь[21]) и[22]) спсби[23]) нбсному цртвию[24]), на земи благодать[25]) и[25]) мить[26]) посли имь! прими же вь мирь дхь л. 176 мои и спсби мѧ ѡбрѣстисѧ сь рабы твоими аплы»!и ре к ноу (sic) Гь[27]): всѣ ли мениѣ[28]) искочѣ[29]), апле мои[30]) петре»[31])? блажень еси вь цртви моемь! помниши ли[32]) слово, еже[33]) ти рѣхь[34]): ѥгда бѣ юнь, поѣсашеся самь и хожаше, ꙗможе хотѣше; егда же сьстарѣешиса, ѿпадете ти рѫцѣ[35]), и ин тѧ поѣшеть и[36]) водить[37]) тѧ, ꙗможе ты не хощеши. и[38]) се ти сѧ юже[39]) сьврьши, еже[40]) ти[41]) бѣхь рекль»[42]). и вьсплакаса[43]) петрь горко[44]) глѧ[45]): «колико, Ги, сьторихь тебѣ[46])! прьвое сѧ тебе ѿврьгохь[47]) и пакы продахь тѧ, влко[48]), не вѣды тебе[49])! нѫ не помани того[50]), прими вь мирь[51]) дшѫ моѧ[52]) влко»[53])! и то рекь прѣдасть дхь свои[54]) Ги бу[55]). и абие сьнасѧ и сь дрѣва и положишѧ и вь мѣстѣ, идеже Гь бь изволи емꙋ покоище, бівающе ха истиннаго ба нашего. и бы чюдо дивно: идеже паде крьвь его, изьрастє ма-

---

1) прьсіи єго. 2) вь рꙋкаˣ. 3) вь колѣнѣˣ єго. 4) нѣтъ. 5) вь єдинь ча. 6) своє влкы. 7) —млѧсє и гла. 8) вь стртѣ сихъ. 9)—влко. 10) и. 11) нѣтъ. 12) нѣтъ. 13) нѣтъ. 14) нѣтъ. 15) блгть всакомꙋ члкꙋ млещомꙋсє. 16) —и—ꙋ—ꙋ. 17) икакии ѧ etc. нѣтъ. 18) нѣтъ. 19) имєни. 20) спсєніє. 21) дшамь и тѣлѡ и. 22) нѣтъ. 23) —ѥ. 24) и. 25) нѣтъ. 26) вратієи мати. Остальныхъ словъ Петра нѣтъ. 27) Тога Хс ста на нии образѡ дѣтищѧ сь славою вѣчною. и ре ємꙋ. 28) нѣтъ. 29) сконча. 30) нѣтъ. 31) нѣтъ. 32) — Петрє. 33) словеса ꙗже. 34) —ꙗко. 35) вьзвѣжєши рꙋцѣ твои. 36) нѣтъ. 37) вєть. 38) нѣтъ. 39) —вса. 40) ꙗже. 41)—прѣже. 42) глахъ. 43) во сплакав же. 44)—и (горко—нѣтъ). 45) вьзьпи гласѡ велієг гла. 46) что сьтвориˣ Ги мои. 47) 2. 1.—вь распєти твоє. 48) нѣтъ. 49) —влко мои. 50) вм. нѫ etc. ищию же. млю ти сє Ги Бє мои. 51) нѣтъ. 52)—вь рꙋцѣ твои. 53) нѣтъ. 54) дшꙋ свою. 55) —своємꙋ. Этимъ словомъ заканчивается Софійскій списокъ.

слина и сътвори плодь различень на сп҃сение вѣроуѧщимь. и придѫ вѣрни мѫжи кь гроубоу (sic) его и рѣшѫ: «прими, ап҃ле х҃вь, таланты нашѫ и пр҃и · же вѣнцѫ нашѫ, припадаѧщи кь гробоу твоемоу и не затвори врать небс҃нааго црⷭ҇твиѣ припаⷣѧщихь кь ц҃ркви твоеи ст҃ѣи и памѧть твоѧ ст҃ѫѧ почитаѧщихь, м҃и х҃а ба за всѧ вь твое Ѹспение!» Ѹспе же ап҃ль х҃вь м҃а iюнѣ вь к҃ѳ д҃нь при ц҃ри неронѣ вь славѫ и вь ч҃е и покланѣни ѿ҃цоу и с҃ноу и ст҃омоу д҃хоу н҃нѣ и пр҃но.

„Рабства врагъ“.

(Памяти А. Н. Радищева).

(Род. 20 августа 1749, † 12 сентября 1802).

> **Вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу**
> **И милосердіе воспѣлъ.**
> ***Пушкинъ (одинъ изъ варіантовъ къ «Памятнику»)***
>
> **Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...**
> ***Пушкинъ, «Посланіе къ цензору».***

I.

Среди немногочисленныхъ вообще стихотвореній А. Н. Радищева, въ которыхъ недостатки формы и промахи поэтической техники почти всегда съ избыткомъ вознаграждаются оригинальностью идей и силою поэтическаго настроенія, есть одно особенно любопытное, посвященное «Осьмнадцатому столѣтію»[1]).

Радищевъ былъ вѣрнымъ сыномъ и наиболѣе типическимъ представителемъ у насъ на Руси этого страннаго вѣка, «полнаго любви и юной самоувѣренности, искренней и гуманной,—вѣка, который много грѣшилъ, потому что онъ много любилъ», по счастливому выраженію Гизо, и который еще больше ошибался, не умѣя зачастую выбраться изъ неисходныхъ противорѣчій.

Въ его честь и воспѣлъ Радищевъ свой прочувствованный гимнъ, полный глубокаго смысла, восхищенія и — осужденія.

---

1) См. соч. А. Н. Радищева. Т. I. М., 1807, стр. 179—184.

Море вѣчности... Какъ капли, льются часы,—собираются въ ручьи, которые растутъ и обращаются въ рѣки. Рѣки несутъ свои пѣнистыя волны къ морю вѣчности, безбрежному и безпредѣльному, въ которомъ безслѣдно исчезаютъ годы и вѣка.

Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ.

«Знаменитое во-вѣки своею кровавой струею» течетъ въ него XVIII столѣтіе «съ звуками грома». Несшій надежды корабль, близкій уже къ пристани, вдругъ потерпѣлъ крушеніе и былъ поглощенъ водоворотомъ. Омутъ поглотилъ счастье, добродѣтель и свободу.

Зри, всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.

Оно никогда не будетъ забыто, столѣтіе безумное и мудрое; вѣкъ его будутъ проклинать, вѣкъ ему будутъ удивляться; кровью была орошена его колыбель, громы сраженій были ему припѣвами въ дѣтствѣ—и во гробъ оно сходитъ, все омоченное въ крови.

О, незабвенно столѣтье! Радостнымъ смертнымъ даруешь
Истину, вольность и свѣтъ, ясно созвѣздье во-вѣкъ.

Оно зиждетъ—и разрушаетъ:

Мудрости смертныхъ стóлпы разрушивъ, ты ихъ паки создало;
Царства погибли тобой, какъ раздробленный корабль —
Царства ты зиждешь...

Оно было творцомъ мысли, а мысли—творенія Бога,

И не погибнутъ онѣ, хотя бы гибла земля,—

смѣло, счастливою рукою «возвѣяло завѣсу творенія» и «глядѣло въ дальнемъ таилищѣ[1]) дѣлъ скрытую природу». Узнаны теперь новые народы, земли, металлы; исчислены свѣтила, изучены кометы, разложенъ солнечный лучъ, открыты новыя солнца и луны. Дивныхъ успѣховъ достигла теперь наука въ это столѣтіе могучаго подъема разума:

---

1) Неологизмъ—отъ «таить».

Ты побудило упряму природу къ рожденью чадъ новыхъ;
Даже летучи пары ты заключило въ яремъ;
Молнью небесну сманило во узы желѣзны на землю
И на воздушныхъ крылахъ смертныхъ на небо взнесло:
Мужественно сокрушило желѣзны ты двери призраковъ,
Идоловъ свергло къ землѣ, что міръ на землѣ почиталъ;
Узы прервало, что духъ нашъ тягчили, да къ истинамъ новымъ
Молньей крылатой паритъ, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столѣтье! Духъ вѣковъ прежнихъ
Палъ предъ твоимъ алтаремъ ницъ и безмолвенъ, дивясь,
Но твоихъ силъ недостало къ изгнанію всѣхъ духовъ ада,
Брыжжущихъ пламенный ядъ чрезъ многотысячный вѣкъ—
Ихъ недостало на бѣшенство, ярость, желѣзной ногою
Что подавляютъ цвѣты счастья и мудрости въ насъ.

Жертвенники все еще обагряются кровью, человѣкъ все похожъ на лютаго тигра; бурно мечется еще по мирнымъ долинамъ и лугамъ пламенникъ браней, съ его мрачными спутниками—лютостью, буйствами, гладомъ и моромъ. Въ душу поэта невольно закрадывается страшный вопросъ:

Иль невозвратенъ па вѣкъ миръ, дающій блаженство народамъ,
Или погрязнетъ еще-ахъ!—человѣчество глубже?

Но изъ нѣдръ самого столѣтія исходитъ «гласъ утѣшенья»:

Срини отчаянье! смертный, надѣйся: Богъ живъ!...
Вѣчна едина премудрость. Побѣда ее увѣнчаетъ...
...Уже гонитъ свѣтъ дня нощи угрюмую тьму...

Боязнь за просвѣщеніе въ мрачную эпоху террора смѣняется такимъ образомъ у Радищева бодрою вѣрою въ близость «благого утра». Какъ все это типично для XVIII в.!

Вѣкъ созиданія и разрушенія, торжества разума, ужасовъ террора и неистовствъ реакціи, высокаго расцвѣта науки и глубокихъ мистическихъ увлеченій, онъ дѣйствительно былъ «безумнымъ и мудрымъ», достойнымъ проклятій и удивленія.

Madame de-Staël вдумчиво указала на его порогѣ причину, благодаря которой мы, далекіе потомки, должны быть скромнѣе и справедливѣе въ его оцѣнкѣ: «XVIII столѣтіе высказывало слишкомъ безусловно свои принципы; XIX, можетъ статься, будетъ черезчуръ подчиняться фактамъ. Первое вѣрило въ абсо-

лютную природу отношеній; второе — будетъ вѣрить только въ обстоятельства. Первое хотѣло повелѣвать будущностью, второе—ограничивается изученіемъ человѣчества».

Теперь, послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго опыта, его легче судить, но многому у него можно и поучиться...

То, что на Западѣ было часто сложнымъ и парадоксальнымъ, еще болѣе осложнялось, запутывалось и дѣлалось противорѣчивымъ на нашей почвѣ, на которой своеобразно скрещивалось и переплеталось свое и чужое, старое и новое. Въ результатѣ получалась пестрая амальгама, не разложенная еще и до сихъ, полная самыхъ разнообразныхъ красокъ.

Что такое нашъ XVIII в. и въ частности Екатерининская эпоха?

«Эта была пора высокихъ каблуковъ, расшитыхъ драгоцѣнными камнями и металлами камзоловъ, церемонныхъ менуэтовъ, пудреныхъ париковъ и аршинныхъ головныхъ уборовъ, жеманныхъ щеголихъ, философствующихъ петиметровъ, стотысячныхъ иллюминацій, колоссальныхъ фортунъ для случайныхъ людей, громогласной эпической «трубы», которой вторили гармоническіе звуки «нѣжныя лиры». Тогда много толковали о свободѣ— и закрѣпощали сотни тысячъ вольныхъ казаковъ и крестьянъ; тогда много спорили о правахъ человѣка—и продавали крѣпостныя семьи враздробь съ «приплодомъ»; тогда просвѣтительныя идеи широкимъ потокомъ пронеслись по русской землѣ, но мракъ тогдашней русской жизни не только не разсѣялся, но даже мѣстами сгустился» [1]).

Великій сатирикъ земли русской, Грибоѣдовъ, съ изумленіемъ останавливался передъ двойственностью людей этого вѣка, никакъ не могъ помирить у нихъ «извнѣ рыцарство въ нравахъ, въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства», понять «смѣсь пороковъ и любезности», объяснить себѣ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ драться какъ левъ съ турками при Суворовѣ, по-

1) См. наши «Очерки по исторіи школы и просвѣщенія». М., 1902, стр. 69.

томъ пресмыкаться въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, а въ отставкѣ жить сплетнями.

«Никогда такъ не веселились на Руси, какъ въ эту эпоху. Блестящія побѣды, ослѣпительныя празднества, роскошь дворца, къ которому душой стремилось все дворянство, и какъ мотыльки около огня, обжигало себѣ крылья, разорялось отъ непосильныхъ тратъ,—захватывающій, жизнерадостный, «улыбательный» тонъ жизни—и приступы безумной, страшной тоски. Подъ блестящей внѣшностью скрывались тяжелые, болѣзненные жизненные процессы, которые такъ или иначе давали себя знать. Пѣвца Фелицы, большого любителя «забавнаго русскаго слова», «правды въ шуткахъ» и «истины съ улыбкой», отъ времени до времени охватываетъ болѣзненный ужасъ смерти, непонятной стихійной силы: при одной мысли о ней «цѣпенѣетъ кровь и духъ мятется». Великолѣпный князь Тавриды, Потемкинъ, тоже своего рода «сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ», постоянно переходитъ отъ удалого разгулья къ взрывамъ глубокой тоски, жестокаго сплина. На минуту даже отуманивается устойчивое «веселонравіе» самой императрицы. Прислушайтесь, сколько затаенной душевной боли въ слѣдующихъ словахъ одного изъ типичныхъ сыновъ этого страннаго вѣка, Добрынина: «Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но въ самомъ дѣлѣ одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточно его просвѣтитъ, что обитаемый нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго». Маленькіе культурные успѣхи въ разныхъ областяхъ— одна капля сравнительно съ цѣлымъ моремъ зла, произвола, насилія и невѣжества, которыми была полна тогдашняя общественная жизнь; свѣтъ истины и добра тогда еще еле-еле мерцалъ, да и позднѣе не такъ уже ярко разгорѣлся. Вотъ хоть бы знаменитый Шешковскій (послѣ всего краснорѣчія «просвѣтительныхъ» идей «Наказа»), который, по современному свидѣтельству, свои разговоры съ попадавшими въ его руки «знат-

ными персонами» начиналъ съ того, что «хватитъ палкою подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакиваютъ» [1]).

Загляните въ душу наиболѣе чуткихъ и вдумчивыхъ людей XVIII в., и вамъ сдѣлается прямо страшно: отъ большинства изъ нихъ такъ и вѣетъ даже не отвращеніемъ къ жизни и человѣчеству, а какимъ-то потрясающимъ ужасомъ передъ ними, который приводитъ къ сумасшествію или самоубійству,—отъ котораго пробуютъ искать убѣжища въ глубинахъ мистицизма или дебряхъ метафизики.

Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ.

Въ 1793 г. рѣшилъ покончить съ собой богатый и образованный ярославскій помѣщикъ Опочининъ, которому пришлось невтерпежъ отъ тогдашней русской дѣйствительности. Вотъ наиболѣе характерные отрывки его завѣщанія, написаннаго въ послѣднія минуты: «Смерть есть не иное что, какъ прехожденіе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе... Послѣ смерти нѣтъ ничего!... Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно. А напослѣдокъ самое *отвращеніе къ нашей русской жизни* есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу»...

Сдѣлавши затѣмъ нѣсколько распоряженій относительно своихъ крестьянъ (однихъ отпустивши на волю, другимъ—подаривши весь хлѣбъ, находившійся въ амбарахъ), онъ переходитъ къ тому, что для него было дороже всего на свѣтѣ: «Книги!... Мои любезныя книги!... Не знаю, кому оставить ихъ. *Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны...* Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню... Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ,

1) Тамъ же, стр. 69—70.

еслибы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ..».

За послѣднее время много разъ пытались реабилитировать и идеализировать Екатерининскую эпоху, но всѣ подобныя попытки блекнутъ и блѣднѣютъ передъ этимъ отчаяннымъ воплемъ, вырвавшимся изъ глубины души бѣгущаго изъ жизни и отъ жизни *лучшаго* человѣка своей эпохи...

Но какъ никакъ, въ ней лежатъ корни лучшихъ стремленій XIX в., слабые, хилые, иногда совсѣмъ раздавленные—и все же не потерявшіе своей жизненной силы, всхожалости.

Во второй половинѣ XVIII в. въ нашей общественной жизни начинаетъ забирать все большую и большую силу новый элементъ — общественная иниціатива и самодѣятельность[1]), общественное мнѣніе. Въ лицѣ своихъ депутатовъ общество было призвано верховною властью къ составленію проекта новаго уложенія; «Наказъ» пропагандировалъ передовыя идеи европейской политической мысли, вліялъ на политическое воспитаніе общества; «прабабушка» сатирическихъ журналовъ 60-хъ гг. XVIII в., «Всякая всячина», руководимая, какъ всѣмъ было извѣстно, самой императрицей, узаконивала общественную сатиру, критику темныхъ сторонъ русской жизни. Интенсивное общеніе съ Западомъ, переживавшимъ тогда одинъ изъ величайшихъ подъемовъ мысли и творчества, вносило въ нашу среду небывалое количество новыхъ идей и настроеній.

Въ крѣпостнической обстановкѣ многое, конечно, звучало дико. Отъ перечитыванія «Духа законовъ» и «Энциклопедіи» часто переходили непосредственно къ собственноручной расправѣ надъ дворовыми и крестьянами; сочувствіе къ изображеннымъ съ такою трогательностью и силою Рейналемъ страдальцамъ обѣихъ Индій не исключало самыхъ грубыхъ злоупотребленій помѣщичьимъ правомъ. Проповѣдуя свободу слова, сама императрица очень опредѣленно намекнула Новикову еще въ 1769 г., что за

1) См. «Введеніе въ русскую исторію» П. Н. Милюкова, вып. III, лекціи 4—7.

свободоязычіе можно поплатиться и Сибирью. Общество было еще слишкомъ невѣжественно, чтобы наиболѣе чуткіе изъ литераторовъ не почувствовали всей безпочвенности и даже тщетности своей дѣятельности: сатира скользила по поверхности, не смѣла забираться слишкомъ вглубь и, конечно, почти ничѣмъ не отражалась на общественномъ воспитаніи. «Живописецъ» Новикова заставляетъ съ горькою ироніей одного отставленнаго отъ службы взяточника такъ издѣваться надъ безсиліемъ современной сатирической журналистики: «Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, и это называется—брехать на вѣтеръ. По-нашему, коли брехнуть, такъ уже и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ то и ты: пишешь все пустое. Кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?»

Екатерина сама вызвала преувеличенныя ожиданія, которымъ не съумѣла и не захотѣла удовлетворить, увлекшись платоническимъ идейнымъ флиртомъ съ французскими философами и сдавшись передъ пассивною, но устойчивою и сильною оппозиціей русскаго дворянства, возведшаго ее на престолъ. Движеніе, вызванное главнымъ образомъ ею, пошло мимо нея и даже противъ нея...

Новиковскій кружокъ, «познавши истинное состояніе своего отечества», понялъ, что его «соотчичамъ» прежде всего и больше всего «недостаетъ просвѣщенія», и взялся за широкую просвѣтительную дѣятельность, желая поднять русское общество до себя, подготовить почву для вліянія литературы и науки.

«Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. русская интеллигенція занималась критикой темныхъ сторонъ русской жизни. Отчаявшись въ возможности этимъ путемъ подѣйствовать на правительство и реформировать нравы, образованные кружки перешли въ

80-хъ годахъ къ попыткамъ прямой общественной дѣятельности, къ непосредственной пропагандѣ своихъ общественныхъ идеаловъ и къ проведенію ихъ въ жизнь»[1]).

Это были первые, иногда робкіе и невѣрные шаги нашего идеализма — «на зарѣ русской общественности». За усвоеніемъ внѣшней культуры, камзоловъ, шпагъ и «паруковъ» слѣдуетъ увлеченіе «нѣжными и благородными» романическими чувствами, смѣняемое въ свою очередь все болѣе и болѣе увеличивающимся вліяніемъ европейской просвѣтительной литературы. На первый планъ выступаютъ жгучіе вопросы религіи, морали, философіи и политики, которые многихъ проводятъ къ внутреннему раздвоенію и даже душевному кризису и въ то же время мало-помалу дѣлаются крупнѣйшимъ факторомъ общественнаго прогресса.

Традиціонныя формы жизни и вѣры начали быстро изнашиваться и терять свой прежній кредитъ. Среди общей тревоги и напряженія начали складываться новыя міровоззрѣнія.

Далекое обыкновенно на Западѣ отъ злобы дня и вообще отъ жизни созерцательно-мистическое масонство дѣлается у насъ движеніемъ активнымъ и преимущественно практическимъ. Новиковъ на дѣлѣ показалъ, что можетъ дать умѣлая общественная организація. Чѣмъ могла быть на дѣлѣ и къ чему могла привести убѣжденная пропаганда новыхъ общественныхъ идеаловъ, пылкая и страстная, показала знаменитая книга Радищева...

Въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» отразилась вся личность автора, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. И писатель, и его книга—наиболѣе яркія и характерныя явленія нашего просвѣщенія XVIII в. Напомнить о нихъ читателямъ тѣмъ болѣе умѣстно теперь, что 12 сентября прошлаго года минуло сто лѣтъ со дня трагической кончины Радищева.

---

1) *П. Н. Милюковъ*, тамъ же стр. 53.

II.

Свѣдѣнія о раннихъ годахъ жизни А. Н. Радищева очень скудны.

Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода (въ отдаленныхъ степеняхъ татарскаго происхожденія), захудалаго и небогатаго.

Отецъ его для своего времени былъ образованный человѣкъ и отличался рѣдкою гуманностью въ отношеніяхъ къ крестьянамъ, за что и пользовался ихъ безграничною любовью. Во время Пугачевскаго бунта крестьяне не только не выдали его мятежникамъ, но и спасли его дѣтей.

Дома въ деревнѣ Александръ Николаевичъ обучался, какъ и всѣ дворянскія дѣти того времени, русской грамотѣ по псалтырю и часослову. Приставленный было къ нему учитель-французъ оказался бѣглымъ солдатомъ и скоро былъ удаленъ. На счастье мальчика удалось помѣстить въ Москвѣ къ вліятельному и просвѣщеному родственнику Аргамакову, съ дѣтьми котораго онъ и воспитывался вмѣстѣ подъ руководствомъ француза-гувернера, на этотъ разъ человѣка образованнаго и вполнѣ порядочнаго, бывшаго совѣтника руанскаго парламента. По всей вѣроятности, еще отъ него Радищевъ могъ усвоить нѣкоторыя идеи французскаго просвѣщенія.

Благодаря связямъ Аргамакова Радищевъ и его соученики имѣли возможность пользоваться и уроками нѣкоторыхъ университетскихъ преподавателей.

Онъ же выхлопоталъ разрѣшеніе помѣстить мальчика въ пажескій корпусъ, гдѣ Радищевъ и пробылъ съ 1762 по 1765 гг.

Планъ ученія въ корпусѣ былъ выработанъ Миллеромъ и отличался очень своеобразными чертами[1]).

---

1) *Сухомлиновъ:* «Изслѣдованія и статьи», т. I, стр. 543—544.

Для «воздержанія пажей отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей» въ нихъ нужно было «съ самаго начала вкоренять истинную любовь къ добродѣтели и омерзѣніе къ порокамъ» «нравоучительными разсужденіями», «чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ». «Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не безполезно читать каждый день изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы чрезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ».

Какъ всѣ наши старинныя учебныя заведенія, пажескій корпусъ того времени отличался удивительною многопредметностью и сумбурною энциклопидичностью программъ. Тутъ и математика, геодезія, фортификація, артиллерія, механика и мораль, *естественное* и народное право (увлеченіе идеями перваго впослѣдствіи Екатерина поставила въ большую вину Радищеву), и генеалогія, геральдика, церемоніалы, *сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ*.

Желая обучать всему, на самомъ дѣлѣ учили очень немногому, и пажи, повидимому, выносили изъ курса очень мало свѣдѣній. Зато они получали свѣтскій лоскъ и очень близко изучали придворный бытъ, прислуживая, по тогдашнему обычаю, за царскимъ столомъ. Можетъ быть, уже здѣсь тонкій и наблюдательный Радищевъ подмѣтилъ много такого, что потомъ дало ему яркіе краски для характеристики придворныхъ отношеній.

До сихъ поръ жизнь Радищева шла по проторенньмъ и даже шаблоннымъ путемъ. Поворотнымъ моментомъ въ ней нужно считать его отправленіе, вмѣстѣ съ 11 товарищами, въ Лейпцигскій университетъ.

Екатеринѣ очень понравились свѣткость и образованность молодого графа Орлова, обучавшагося за границей въ Лейпцигскомъ университетѣ. Она задумала отправить туда нѣсколькихъ молодыхъ людей и подготовить изъ нихъ образованныхъ юристовъ.

Наша молодежь (самому старшему былъ 21 годъ, млад-

шему — 12 лѣтъ) попала въ новыя условія, которыя всячески будили мысль и нравственное чувство.

Наблюденіе надъ ними поручили грубому, нелѣпому и крайне безчестному «гофмейстеру» Бокуму, лучше котораго, повидимому, не нашли въ пажескомъ корпусѣ. Онъ обкрадывалъ своихъ питомцевъ, морилъ ихъ голодомъ, обращался съ ними крайне презрительно и жестоко, а младшихъ даже подвергалъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Столкновенія и пререканія съ нимъ были первою жизненною школою для Радищева и его товарищей.

Они «впервые научились сознавать чувство личнаго достоинства и отстаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые прониклись сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство»[1]). Ихъ жалобы не доходили по назначенію или не вызывали должнаго вниманія; Бокуму изъ Петербурга читали нотаціи, и догадались прогнать его очень поздно, когда онъ успѣлъ обмѣняться пощечинами съ однимъ изъ воспитанниковъ, сдѣлался ихъ общимъ посмѣшищемъ и до крайности запуталъ ввѣренныя ему денежныя дѣла русской молодой колоніи.

Надзора за молодежью, собственно, не было никакого, и большая часть изъ нихъ увлеклась слишкомъ сильно соблазнами большого города, что̀ гибельно отразилось на здоровьи Радищева и въ особенности Ѳ. Ушакова.

Но была и положительная сторона въ ихъ заграничной жизни.

Передъ ними открылся свѣтлый и обаятельный міръ новыхъ идей, и для большинства, въ особенности для Радищева, навсегда уже «сладость возвышенныхъ мыслей» сдѣлалась основною потребностью души, прибѣжищемъ въ дни скорбей и гоненій, лучшимъ украшеніемъ жизни.

Геллертъ увлекаетъ ихъ высокимъ и искреннимъ моральнымъ

---

1) *В. А. Мякотинъ*: «Изъ исторіи русскаго общества». Спб., 1902 стр. 193—194.

духомъ своихъ лекцій по словесности; Платнеръ вводитъ въ кругъ идей назрѣвавшаго нѣмецкаго философскаго идеализма.

Они «учатся мыслить по Гельвецію», съ восторгомъ штудируютъ Мабли, Рейналя, Руссо, Гольбаха, но эти увлеченія не были слѣпыми и безотчетными: ихъ умѣряетъ изученіе Вольтера и Монтескье, въ особенности же Лейбница и другихъ нѣмецкихъ философовъ. Внимательное изученіе цѣлаго ряда очень разнообразныхъ философскихъ системъ наводитъ на самостоятельныя мысли; ничто не принимается на вѣру, растетъ и крѣпнетъ *свое* міровоззрѣніе — залогъ лучшаго будущаго для потомковъ и рокового настоящаго для этой передовой молодежи...

Профессора не могли нахвалиться своими способными и внимательными слушателями; за нѣсколько лѣтъ ихъ умственныя дарованія блистательно развернулись. Но тутъ подготовлялся и тяжелый конфликтъ съ дѣйствительностью: идеалистическія настроенія, вынесенныя изъ «прекраснаго далека», плохо вязались съ тою общественною средою, изъ которой наши студенты ушли неопытными и наивными юнцами и въ которую они вернулись сознательными, возмужавшим и умственно и нравственно людьми.

Шесть лѣтъ лейпцигской университетской школы (1766—1772) наложили свою неизгладимую печать на Радищева: вліяніе нѣмецкой философіи охраняетъ его отъ односторонности французскаго матеріализма, крайностей вольтерьянства, сенсуализма и руссоизма; интересы философскіе мирно уживаются у него съ очень опредѣленными стремленіями соціально политическими, сложившимися на необыкновенно нервной, впечатлительной и отзывчивой почвѣ.

Въ то время какъ другіе повторяли у насъ поверхностно усвоенныя съ чужого голоса дешовыя фразы ходячаго свободомыслія (вспомнимъ оберъ-прокурора Синода, наставлявшаго въ безбожіи юнаго Фонвизина), Радищевъ соединяетъ въ себѣ удивительную глубину, зрѣлость и искренность мысли, широту умственнаго горизонта и чистоту нравственнаго сознанія. Онъ принесетъ ихъ съ собою и на службу.

Уже вернувшись на родину, онъ сближается съ гр. А. Р. Воронцовымъ при слѣдующихъ условіяхъ.

Радищевъ поступилъ къ нему на службу въ коммерцъ-коллегію въ 1777 г.[1]). Вотъ что ихъ сблизило[2]).

«Въ коммерцъ-коллегіи разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніи по должности. Президентъ (гр. Воронцовъ), вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ. Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ младшаго члена коллегіи, новичка въ дѣлахъ. Наконецъ, Беклемишевъ доложилъ. Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какимъ-нибудь корыстолюбивымъ видомъ, но все-таки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго ассессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ, и браковщики были оправданы».

Если и теперь «маленькому человѣку» болѣе чѣмъ мудрено «прати противъ начальственнаго рожна», въ XVIII в. при

---

1) Сначала, по пріѣздѣ, онъ былъ протоколистомъ въ Сенатѣ, потомъ служилъ въ штабѣ Брюса и въ 1775 году вышелъ въ отставку. Послѣ 10-лѣтней службы въ коммерцъ-коллегіи, въ 1787 г. онъ перешелъ въ петербургскую таможню, гдѣ очень быстро дослужился до должности управляющаго. Его служебная дѣятельность была прервана въ 1790 г. судомъ и ссылкой.

2) *В. Е. Якушкинъ*, «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ, *Русская Старина*, 1882, сентябрь, стр. 514—515.

общемъ безправіи, всевластіи вельможъ и безсиліи общества, это было еще мудренѣе. Самый фактъ доказываетъ исключительную для своего времени нравственную стойкость Радищева. На счастье, онъ имѣлъ дѣло съ однимъ изъ лучшихъ людей своего времени, и этотъ случай не только сблизилъ, но и подружилъ ихъ. Дружба Воронцова облегчала потомъ ссылку Радищева и была для него единственной поддержкой въ самый мрачный періодъ его жизни.

Къ этому приблизительно времени относится и начало литературной дѣятельности Радищева.

III.

Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, литературная дѣятельность Радищева началась подъ непосредственнымъ руководствомъ императрицы и съ первыхъ же шаговъ получила вполнѣ опредѣленный и послѣдовательный характеръ, приведшій къ катастрофѣ 1790 г.

Екатерина учредила въ началѣ 70-хъ годовъ на свои личныя средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ произведеній европейской литературы на русскій языкъ.

Въ 1773 году къ участію въ его занятіяхъ былъ привлеченъ и Радищевъ, которому достался на долю переводъ извѣстной книги Мабли: «Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prospérité et des malheurs de Grèce» («Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ», соч. г. аббата де-Мабли. Спб., 1773). Въ одобренномъ государыней переводѣ Радищевъ переводитъ [1]) «despotisme»—«самодержавство» и дѣлаетъ такое любопытное примѣчаніе по поводу этого перевода: «самодержавство есть наипротив-

---

1) См. *Сухомлиновъ*, тамъ же, стр. 565—6; *Мякотинъ*, стр. 198—9.

нѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности[1]). Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу, о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое даетъ ему законъ надъ преступниками[2]). Государь есть первый гражданинъ народнаго общества».

Въ этой тирадѣ—зародышъ ученія Радищева о монархической власти и ея правовомъ положеніи, навѣяннаго книгами энциклопедистовъ и подробнѣе развитаго въ «Путешествіи». Какъ извѣстно, оно болѣе всего задѣло Екатерину, хотя къ нему легко можно было бы подобрать любопытныя параллели изъ «Наказа»...

Но 1773 годъ не 1790: оба эти момента рѣзко раздѣляютъ первые раскаты великой французской революціи и нараставшая волна реакціи...

Дѣло такимъ образомъ сводится не къ существу мнѣній, а къ колебаніямъ личнаго настроенія государыни и даже полному повороту фронта.

Любопытно, что Радищевъ никогда не былъ принципіальнымъ противникомъ монархической власти и возставалъ не противъ нея, а противъ злоупотребленій ею. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ говоритъ о возможности широкой и благотворной просвѣтительной дѣятельности для верховной власти, съ глубочайшимъ уваженіемъ упоминаетъ о Титахъ и Маркахъ

1) Самосохраненія.

2) Срв. оправданіе казни Карла I въ «Путешествіи» и восхищеніе Кромвелемъ.

Авреліяхъ, съ очевидною симпатіей относится къ нѣкоторымъ начинаніямъ Екатерины, даже, повидимому, нѣсколько идеализируетъ ее. Онъ отдѣляетъ ее отъ окружающихъ, приписываетъ промахи ослѣпленію и вѣритъ въ возможность прозрѣнія. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что въ знаменитомъ снѣ объ ослѣпленномъ и потомъ прозрѣвшемъ, благодаря истинѣ, государѣ и несчастной странѣ имѣются въ виду Россія и Екатерина. Сила иделистическихъ увлеченій и благороднаго оптимизма, вѣра въ разумъ и всепобѣждающее вліяніе продуманнаго и прочувствованнаго слова, неумѣніе и нежеланіе приспособляться, страстная сосредоточенность натуры, самоуглубленность и, такъ сказать, центростремительность ума[1] (не исключавшая, однако, самой широкой наблюдательности), все это приводитъ къ тому, что Радищевъ пишетъ одно боевое произведеніе за другимъ, пока не срывается совершенно неожиданно на «Путешествіи». Ведя одинокую и уединенную жизнь въ семейномъ кругу, дѣля время между нѣжно любимой семьей, службой и литературными занятіями, онъ не замѣтилъ сигнала къ отбою въ правительственныхъ сферахъ. Конечно, замѣтивъ его, онъ ему бы не подчинился, но, несомнѣнно, и не напечаталъ бы своего «Путешествія».

Въ 1789 г. онъ издалъ «Житіе Ѳ. В. Ушакова»[2]).

Ушаковъ—товарищъ Радищева по Лейпцигу, личность крупная и талантливая, преждевременно подорвавшая свои силы нерегулярностью жизни и чрезмѣрнымъ умственнымъ напряженіемъ.

Характерна самая идея напечатать воспоминанія о своемъ неизвѣстномъ для публики умершемъ пріятелѣ и себѣ самомъ, проникнутыя элегическимъ настроеніемъ и философскимъ раз-

---

1) Срв. отзывъ близко знавшаго его Гельбига («Библ. Зап.», 1858, 729 и «Рус. Старина» 1887, окт., 25—28): «былъ онъ всегда погруженъ въ себя и имѣлъ видъ человѣка, который не обращаетъ вниманія на все, происходящее внѣ его и занятъ только однимъ предметомъ, который и дѣлаетъ его задумчивымъ».

2) Перепечатано въ сборникѣ Бартенева «XVIII вѣкъ», т. II, стр. 296—361.

думьемъ, которыя всегда идутъ объ руку въ сочиненіяхъ Радищева. Они прерываются лирическими восклицаніями, разсужденіями и изліяніями чувства, и несомнѣнно возникли на почвѣ *сантиментальнаго инивидуализма*, лучшіе образцы котораго изучалъ на Западѣ Радищевъ. Онъ былъ первымъ и наиболѣе типическимъ представителемъ этого направленія у насъ, сложившись и опредѣлившись задолго до Карамзина, подъ вліяніемъ Руссо, Стерна и Верне.

Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ и во всемъ, вышедшемъ изъ-подъ пера Радищева, бьетъ сильная публицистическая струя.

Мѣстами она получаетъ яркую сатирическую окраску.

Радищевъ сѣтуетъ на то, что у насъ «въ дѣлахъ житейскихъ» «все зависитъ отъ разсчета и уловки», а не отъ «разсудка и добродѣтели». «Благоразуміе, а иногда одинъ расторопный поступокъ далѣе возводятъ стяжающаго почестей, нежели всѣ добродѣтели и дарованія совокупно. *Положимъ, что государь истинное достоинство только награждаетъ и пристрастенъ не бываетъ николи;* но еслибы возможно было ему хотя и одному быть безпристрастному въ своемъ государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ, ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго? Сверхъ же того, онъ малаго токмо числа отечеству или ему служащихъ самъ по себѣ знаетъ истинныя заслуги, о всѣхъ другихъ судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ вельможи, казнитъ нерѣдко того, кто имъ не нравится. Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ едва единое сто служатъ ему; всѣ другіе (*источая кровавыя слезы, признаться въ томъ должно*), всѣ другіе служатъ вельможамъ» (стр. 298—9).

На службѣ нерѣдко приходится видѣть вокругъ себя «*согбенные разумы и души и самую мерзость*»: «возненавидѣнъ будешь ими, поженутъ тебя, да оставишь ристаніе имъ свободно, а если начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующіе ему — берегись, гибель твоя неизбѣжна»

(стр. 299). Вездѣ взяточничество и ласкательство. «Большая часть просителей думаютъ, и нерѣдко справедливо, что для достиженія своей цѣли нужна пріязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцемъ до дѣла ихъ касается, и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденія и все, что вздумать можно не только къ самому тому, отъ кого исполненіе просьбы ихъ зависитъ, но и ко всѣмъ его приближеннымъ, какъ то къ секретарю его, къ секретарю его секретаря, если у него оный есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакеямъ, любовницамъ, и если собака тутъ случится, и ту погладить не пропустятъ» (стр. 300)..

Даже одно «напоминовеніе справедливости» слабымъ и безсильнымъ производитъ «со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе». «Сіе въ самодержавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже, въ расположеніяхъ своихъ, другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начать такъ мыслить, что, пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. *Мысль несчастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ заключающая въ темницу и предающая ихъ смерти, тѣснящая духъ и разумъ и на мѣсто величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя!* Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію» (стр. 302 — 303)[1].

Большая часть гражданскихъ нашихъ чиновниковъ начали свою службу въ войскахъ и оттуда вынесли своеобразныя понятія о дисциплинѣ: «привыкнувъ давать подчиненнымъ своимъ приказы, на которые возраженія не терпитъ воинское повино-

---

1) Ср. стр. 311: «Чтобы быть употреблену съ похвалою въ дѣлахъ министерскихъ, надобенъ умъ, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и низиться по обстоятельствамъ могутъ сдѣлать отличнаго министра, но добраго гражданина николи».

веніе, вступаютъ въ гражданскую службу съ пріобрѣтенной въ военной мыслями — имъ кажется вездѣ строй, *кричитъ на судѣ на караулъ и опредѣленіе нерѣдко подписываетъ палкою»* (стр. 303).

Преувеличеніе власти и грубое пренебреженіе къ насущнымъ интересамъ управляемыхъ всегда чрезвычайно опасны. «Худо всегда отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе... высшая власть сокрушалася иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости» (стр. 304).

Правители иногда воображаютъ, что не народы существуютъ для нихъ, а они для народовъ. «Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученій и оскорбленій. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогаютъ—не доводи его токмо до крайности. Но сего то притѣснители частные и общіе, по счастію человѣчества, не разумѣютъ и, простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаяніе бодрственную возноситъ главу, зрятъ иногда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣдѣніи своемъ пребудутъ ослѣпленны навсегда, — не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему (одному), — другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенія, да, и въ оборотъ, то, что въ одномъ сердцѣ ни малѣйшаго не произведетъ содроганія, во стѣ другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. Пребуди, благое невѣдѣніе, всецѣло, пребуди нерушимо до скончанія вѣка! Въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества. Да не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да исчезнетъ помышляй о семъ и умретъ въ сѣмени до рожденія своего» (стр. 308 — 9). Въ обществахъ, «гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія», «возникаетъ отчаяніе», за которымъ слѣдуютъ рѣшительныя дѣйствія (стр. 310).

Къ несчастію, имѣющіе власть въ рукахъ мало заботятся о томъ, что говорятъ о нихъ живыхъ, и не думаютъ совсѣмъ о

томъ, что о нихъ скажутъ послѣ смерти: они ищутъ только «ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы».

«Не тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну; не тревожился Ла (Джонъ Ло), что прослыветъ общественнымъ злодѣемъ, вводя во Францію мнимое богатство, которое, существовавъ одно мгновеніе, повергло часть государства въ нищету; не тревожился Лудвигъ XIV въ величаніи своемъ, оставитъ ли потомство ему титло великаго, которое въ живыхъ ему прилагало ласкательство; не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воиновъ» (стр. 321).

Съ большимъ увлеченіемъ упоминаетъ Радищевъ объ англичанахъ, «сихъ гордыхъ островитянахъ, кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ правителей, царю своему жизнь отъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣднаго своего царя, избравъ на управленіе посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти, и нынѣ нерѣдко за *величайшую честь себѣ вмѣняютъ противуборствовати державной власти, и оную побѣждать законно*».

Мы нарочно такъ подробно выдѣлили и систематизировали эти намеки и разсужденія: «Житіе Ушакова» очень мало знаютъ, а между тѣмъ въ немъ уже замѣчаются всѣ почти основныя идеи «Путешествія»; оно прошло совершенно безнаказаннымъ для автора, хотя и вызвало толки, надѣлало шуму (Кутузовъ писалъ: «начали кричать: какая дерзость, позволительно ли говорить такъ! и пр. и пр. Но какъ свыше молчали, то и внизу все умолкло» — см. «Рус. Старина», 1896, XI, 329 — 331). Только черезъ годъ ему первому пришлось вынести первые удары разбушевавшейся правительственной реакціи за «Путешествіе». Кромѣ того, передъ самымъ «Путешествіемъ» въ 1790 году онъ

издаетъ «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего» по поводу открытія памятника Петру I въ Петербургѣ, заключающее въ себѣ такіе же взгляды на сущность и значеніе верховной власти, какъ и въ «Путешествіи» (1782 г.). Вотъ нѣсколько болѣе характерныхъ выдержекъ изъ него (см. Бурцевъ, Описаніе рѣд. рос. книгъ, Спб., 1897, IV, стр. 27—36 и «Рус. Старина» 1871, сент., 295—299).

«О Петръ! Когда громкія дѣла твои возбуждаютъ удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысячи удивлявшихся великости твоего духа и разума былъ ли хотя единъ, кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ? Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе, объемлемые ужасомъ безпредѣльно самодержавныя власти, раболѣпно предъ блескомъ твоея славы опускали зѣницы своихъ очей. Тогда былъ ты живъ, царь всесиленъ. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыхаиенъ, когда ты меньше силенъ, нежели послѣдній изъ твоихъ воиновъ, 60 лѣтъ по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность не лестна. Но колико кратъ болѣе признаніе наше было живѣе и тебя достойнѣе, когда бы оно не слѣдовало примѣру твоея преемницы, достойному хотя примѣру, по примѣру того, кто смерть и жизнь милліоновъ себѣ подобныхъ въ рукѣ своей имѣетъ. Признаніе наше было бы свободнѣе и чинъ открытія изваяннаго твоего образа превратился бы въ чинъ благодарственнаго молебствія, каковое въ радости своей народъ возсылаетъ предвѣчному Отцу».

«Частной человѣкъ гораздо скорѣе можетъ получить названіе великаго, отличаясь какой-либо добродѣтелью или качествомъ, но правителю народовъ мало для пріобрѣтенія сего лестнаго названія имѣть добродѣтели или качества частныхъ людей. Предметы, надъ коими разумъ и духъ его обращаются, суть многочисленны. Посредственный царь исполненіемъ одной изъ должностей своего сана былъ бы, можетъ быть, великій мужъ въ частномъ положеніи, но онъ будетъ худой государь, если для одной пренебрежетъ многія добродѣтели».

«Да не уничижуся въ мысли твоей, любезный другъ, превозносся хвалами столь властнаго самодержца, который истребилъ призракъ дикой вольности своего отечества. Онъ мертвъ, а мертвому льстити неможно! Скажу, что могъ бы Петръ славнѣе быти, возносяся самъ и вознося отечество свое, утверждая вольность частную, но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, чтó происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана, то нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что-либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ».

Какъ мы видимъ, все это доказываетъ удивительную послѣдовательность мысли, настойчивую пропаганду своего общественнаго міровоззрѣнія, которое въ достаточной мѣрѣ было высказано и до «Путешествія», пока совершенно безнаказанно.

Кромѣ чисто публицистической, въ «Житіи Ушакова» интересны и другія стороны дѣла—философская, автобіографическая и чисто литературная.

Философскій элементъ занимаетъ здѣсь вообще крупное мѣсто—второе послѣ публицистическаго.

«Примѣчанія достойно: человѣкъ, достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать силы разума, устремляемый бодростію душевныхъ силъ, обращаетъ проницательность свою всегда на вещи, внѣ зримой округи лежащія, возносится на крыльяхъ воображенія за предѣлы естественности и нерѣдко теряется въ неосязаемомъ, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, любятъ метафизику (стр. 305). И наши юноши читаютъ въ Лейпцигѣ книгу Гельвеція «О разумѣ», *читаютъ со вниманіемъ и въ оной мыслить научаются;* изученіе Мабли они предпочитаютъ слушанію нѣкоторыхъ профессорскихъ лекцій.

Радищевъ относительно Ушакова указываетъ такое «различіе обыкновенныхъ умовъ отъ изящныхъ» (стр. 323—324): «вращаяся всечасно между разными предметами разумѣнія человѣческаго, невозможно было, чтобы въ ученіи разумъ Ѳ. В. пребылъ

всегда, такъ сказать, страдательнымъ, упражняяся только въ изслѣдованіи мнѣній чуждыхъ... Одни пріемлютъ все, что до нихъ доходитъ, и трудятся надъ чуждымъ изданіемъ, *другіе, укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстные и непроложенные.* Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, *и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится явно:* безпокойствіе, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога». Такимъ «изящнымъ умомъ», который вѣчно былъ одержимъ «сроднымъ человѣку безпокойствомъ», и былъ прежде всего самъ Радищевъ...

И онъ, какъ Ушаковъ, «алкалъ науки» (стр. 300).

Молодые люди пріѣхали за границу съ крайне грубыми понятіями о Богѣ. «Еслибы возможно было опредѣлить, какое каждый изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ Ему почитаніи, то бы описаніе сіе показалося взятымъ изъ какого-либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе, какъ палача, орудіемъ кары вооруженнаго, и боялся думать о Немъ, столь застращенъ былъ силою Его прещенія. Другому казался Онъ окруженнымъ толпою младенцевъ, азбучный учитель, котораго дразнить ни во что вмѣняется, ибо уловкою какою-нибудь можно избѣгнуть его розги и скоро съ нимъ опять поладить. Иной думалъ, что не токмо дразнить его можно, но дѣлать все ему на-смѣхъ и вопреки его велѣніямъ» (стр. 305—306).

У Ушакова и Радищева (о другихъ мы не знаемъ) эти грубыя религіозныя представленія были вытѣснены впослѣдствіи деизмомъ.

Проникнутые сначала дворянскими предразсудками относительно дуэлей, они скоро поняли «всю гнусность поединковъ въ

благоустроенномъ обществѣ» (стр. 312). Позднѣе Радищевъ иронизировалъ: «когда свинья тебя толкаетъ рыломъ, то тяни вонъ шпагу и колись,—такъ честь повелѣваетъ» (Собр. соч., т. I, стр. 15).

Онъ отстаиваетъ *право самоубійства*. Нравственное чувство не должно запрещать дать ядъ измученному неизлѣчимою болѣзнью человѣку. «Не есть убійца, избавляяй страждущаго отъ конечнаго бѣдствія или скорби... Скажетъ нѣкто, врачъ можетъ ошибиться. Согласенъ, но болящій не ошибался въ мученіи своемъ и правъ былъ, желая скончанія онаго, а мы не правы, давъ оному продолжиться». И онъ въ концѣ обращается къ своему другу Кутузову, которому посвящены «Житіе Ушакова» и «Путешествіе»: «Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая, и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о, любезнѣйшій мой, — ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнію гнушающемуся и ее возненавидѣвшему» (стр. 329).

Выше всего онъ ставитъ человѣческій разумъ: «и какъ не возгордиться человѣку во бренности своей, подчиняя власти своей звукъ, свѣтъ, громъ, молнію, лучи солнечные, двигая тяжести необъятныя, досязая дальнѣйшихъ предѣловъ вселенныя, постигая и предузнавая будущее?» (стр. 322—323).

Таково въ общихъ чертахъ идейное содержаніе «Житія Ушакова», таковъ подведенный самимъ Радищевымъ приблизительный итогъ завоеваній ихъ мысли въ Лейпцигѣ.

Какъ онъ самъ указываетъ, съ идеалистическихъ высотъ, при возвращеніи въ Россію, имъ сразу пришлось погрузиться въ грязь родной дѣйствительности—и сильно разочароваться.

«Воспомяну о возвращеніи нашемъ въ Россію, — говоритъ онъ Кутузову,—воспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто безстрастный ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги,

но если кто, понимая, что̀ есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго и что не могли бы мы тогда *жертвовать и жизнію для пользы отечества*, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что *послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило.* О вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, *коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юноши! Единожды смиривъ его, нерѣдко навѣки содѣлаете калѣкою»* (стр. 315).

Но юношескій «заквасъ» слишкомъ сильно «воздымалъ» сердце Радищева, и самыя суровыя условія жизни не смогли сдѣлать его «калѣкою».

Важное для характеристики настроенія Радищева въ молодые годы и его міровоззрѣнія, «Житіе Ушакова» любопытно и въ чисто литературномъ отношеніи. Въ немъ замѣчается та же характерная для Радищева двойственность языка, которая съ особенною силою сказывается иъ «Путешествіи». Отвлеченный языкъ у него обыкновенно точенъ, ясенъ и простъ; въ повѣствовательныхъ мѣстахъ часто слышится простота живой разговорной рѣчи; лирическія изліянія и патетическія восклицанія, за рѣдкими исключеніями, отличаются изысканностью и даже нѣсколько тяжеловѣсною искусственностью—вліяніе «декламатора» Рейналя.

Серьезный разсказъ прерывается иногда шутками, игривыми замѣчаніями или лирическими отступленіями.

Вотъ два болѣе характерныхъ примѣра.

Къ Ушакову, когда еще онъ спалъ, пришла просительница. Радищевъ разсказываетъ объ этомъ визитѣ такъ (стр. 301—302):

«Беззаботливая юность не безпокоилась еще колючимъ терніемъ опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселія, какъ и бдѣніе. Ему снилося, что лежалъ въ объятіяхъ прекрасныя жены, упоенный сладострастіемъ, столь державно надъ юными чувствами властвующимъ, и среди прелестныя сея мечты

отлетѣлъ сонъ отъ очей его. Но что же представилось просіявшему его взору? Стократъ любезнѣе видѣнной имъ во снѣ зрѣлъ онъ отроковицу почти, сѣдящую подлѣ одра его, тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его и распростертымъ опахаломъ умѣряющую зной солнца, проникшаго уже лучомъ своимъ въ его спальню... О, еслибы и мое пробужденіе могло быть иногда таково же, еслибы я паки имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ! Мой другъ, жалѣй, если хочешь, о моей слабости, но се истина».

Передавая очень подробно и ярко исторію недоразумѣній и столкновеній лейпцигскихъ студентовъ съ Бокумомъ, онъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 309): «Тѣ, кои изъ насъ были постарше, и въ числѣ оныхъ первый былъ Ѳ. В. (Ушаковъ), дѣлали ему (Бокуму) весьма кроткія представленія, гораздо кротче, нежели когда-либо парижскій парламентъ дѣлывалъ французскому королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, како то бываютъ и парламентскія, а не отъ всѣхъ, то Бокумъ отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и король французскій, говоря своему народу: «въ томъ состоитъ наше удовольствіе»!

Повидимому, къ тому же приблизительно времени, какъ и «Житіе Ушакова», во всякомъ случаѣ къ періоду до 1790 года, относится «Описаніе моего владѣнія».

Для нашей цѣли достаточно отмѣтить одну его сторону—рѣзкую постановку крѣпостного вопроса.

Послѣ яркой и прочувствованной картины идиллической поэзіи земледѣльческаго труда въ деревнѣ, слѣдуетъ патетическое восклицаніе (Соч., IV, стр. 99), бросающее особый отсвѣтъ на все предыдущее: «блаженны, блаженны, еслибы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ, но—о горестное напоминовеніе!—ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую и самъ, самъ чуждъ есть, увы»!

Дальше (стр. 145—146) Радищевъ разсматриваетъ «состояніе земледѣльца въ подробности», «величайшія его отношенія и обязанности противъ господина».

«1. Сей можетъ его продать оптомъ или подробно (враздробь). Не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность (раздробленіе) можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ (можно). Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы. 2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено. 3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ — судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5. Распоряжаетъ бракомъ и спаряетъ, какъ хочетъ. Слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно. Итакъ, не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо. Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ если имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ, для удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность и проч.».

Радищевъ не дѣлаетъ окончательнаго вывода изъ всего этого, но онъ напрашивается самъ собою — изъ группировки фактовъ, за которою чувствуется горечь и негодованіе.

Разрозненныя и разбросанныя въ раннихъ произведеніяхъ Радищева, всѣ эти идеи съ особенною силою и рѣзкостью вылились въ «Путешествіи».

IV.

Въ своихъ показаніяхъ во время слѣдствія самъ Радищевъ указываетъ на то, что форму его инкриминированнаго сочиненія подсказало ему «Сантиментальное путешествіе» Стерна (въ другомъ мѣстѣ онъ ссылается также на другого сантиментальнаго путешественника Верне и на «Вертера»), а многія идеи и тонъ были навѣяны Рейналемъ и другими французскими писателями.

Этимъ признаніемъ широко пользовались и даже злоупотребляли. Въ немногочисленной вообще литературѣ о Радищевѣ вы то и дѣло наталкиваетесь, при общемъ уваженіи къ честности и искренности его мысли, на обвиненія Радищева въ излишней подражательности, непослѣдовательности, умышленномъ сгущеніи красокъ, тенденціозности, искусственномъ примѣненіи чуждыхъ идей къ русской обстановкѣ.

Во всемъ этомъ нетрудно замѣтить большое недоразумѣніе.

Форма, модная тогда на Западѣ, усвоена была Радищевымъ потому, что давала широкій просторъ мысли, чувству и воображенію писателя, сообщала внѣшнюю занимательность и разнообразіе разсказу, который иначе могъ совсѣмъ не затронуть тогдашняго малокультурнаго читателя. Она придавала конкретность идеямъ, дѣлала ихъ выпуклѣе. Эти случайно подслушанные разговоры, потерянныя и прочтенныя рукописи, дорожныя наблюденія и впечатлѣнія, схваченныя на-лету сценки мало-по-малу, незамѣтно и сами собой, сливались въ общую картину и нечувствительно подводили къ основному выводу. При всей кажущейся разбросанности и небрежности изложенія за ними чувствуется вполнѣ опредѣленный планъ.

По всей книгѣ раскиданы, въ мнимомъ безпорядкѣ, положительные взгляды автора, складывающіеся въ цѣльное и продуманное міровоззрѣніе. На основаніи ихъ искусно ведется широкая,

неумолимая и необыкновенно послѣдовательная публицистическая критика современной русской дѣйствительности, которая тоже приводитъ къ цѣльной картинѣ, вполнѣ отрицательной.

Радищевъ слишкомъ сильно понималъ и чувствовалъ всю неправду русской жизни; разумъ подсказывалъ ему всю опасность ослѣпленія власти и отягощенія общества,—«тяжести порабощенія»; онъ боялся рокового взрыва, ужасовъ террора, второй Пугачовщины, болѣе ужасной, чѣмъ первая,—и совѣсть заставила его выступить съ проповѣдью, горькою, но необходимою правдою.

Какъ вѣрный сынъ XVIII вѣка, Радищевъ глубоко вѣритъ въ силу просвѣщеннаго человѣческаго разума, который можетъ перестроить всю жизнь общества.

Тоску и уныніе вызываетъ въ немъ современная русская дѣйствительность, но всѣ бѣдствія человѣка онъ приписываетъ человѣку и тому, что онъ «взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Итакъ, слѣдовало только открыть всѣмъ глаза, показать, къ чему люди идутъ и куда должны идти, и все измѣнится. Въ вѣковой работѣ созиданія лучшей будущности и общаго блага, такимъ образомъ, могли сыграть большую роль единоличныя усилія, индивидуальный разумъ.

Разумъ можетъ устранить всѣ неправильныя понятія, мѣшающія свободному развитію природныхъ чувствъ и счастію человѣка,—очистить и нравственно поднять жизнь.

По словамъ Радищева, онъ «человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ»: «отыми завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду... Воспрянулъ я отъ унынія моего... и—веселіе неизреченное! — я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь» (предисловіе къ «Путешествію», посвященіе Кутузову).

«Стихійныя стремленія народной массы и просвѣщенное сознаніе единичныхъ личностей, возвышающіе ихъ надъ узкими личными и классовыми интересами,—таковы были въ представ-

леніи Радищева тѣ устои, на которыхъ онъ разсчитывалъ построить мостъ черезъ пропасть, лежавшую между дѣйствительностью его эпохи и его идеаломъ. Исторія въ общемъ оправдала эти разсчеты, но въ одномъ она горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти»[1]).

Его книга должна была быть, такъ сказать, энциклопедіей русской жизни, въ которой онъ собралъ все ея зло и указалъ соотвѣтствующія противоядія.

Въ своихъ религіозныхъ взглядахъ Радищевъ былъ послѣдовательнымъ деистомъ. Увлеченіе идеями Руссо и сантиментализмомъ вообще не мѣшало ему отстаивать права разума и не соглашаться подчинить его въ области познанія чувству[2]). Мистицизмъ ему не по душѣ, и онъ отзывается о немъ довольно пренебрежительно. Ростъ мистицизма въ современномъ обществѣ, по его мнѣнію, первый признакъ упадка. Въ исторіи человѣчества онъ видитъ постоянные перебои «вольномыслія» и «суевѣрія». «Дошедъ до краевъ возможности, вольномысліе возвратится вспять. Сія перемѣна въ образѣ мысли предстоитъ нашему времени. Не дошли еще дỏ послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію» («Путешествіе», стр. 95). Въ свою очередь и наши «мартинисты» подчеркивали свои принципіальныя разногласія съ Радищевымъ («Русск. Старина», 1896, XI, 325—326, 329—331, 341, 343, 347; также 1874, II, 261, 262, 271; III, 466, 467; I, 70—72: «разность принциповъ» у Радищева съ мартинистами).

Не принимаетъ онъ цѣликомъ, какъ было указано выше, и программы матеріализма. Онъ постоянно полемизируетъ съ Гель-

---

1) *В. А. Мякотинъ*, тамъ же, стр. 217.

2) Впрочемъ, безсмертіе души для него не столько убѣжденіе разума, сколько постулатъ истерзаннаго жизнью, въ особенности разлукою съ дорогими людьми сердца.

веціемъ, принимаетъ очень немногія изъ его положеній цѣликомъ; далеко не со всѣмъ согласенъ онъ и въ ученіи сенсуалистовъ.

Въ области религіознаго и философскаго мышленія и сознанія, по его мнѣнію, должна быть абсолютная свобода. Должно даже «дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ... Что запрещено, того и хочется» (стр. 297, 298).

Богъ слишкомъ высокое существо, чтобы оскорбиться такъ называемымъ «богохульствомъ». «Если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за Него истецъ?»

Въ основѣ ученія Радищева о личной морали лежитъ идея умѣреннаго удовлетворенія потребностей, точнаго установленія равновѣсія между разсудкомъ и страстями. Въ своей основѣ нравственная природа человѣка добра, и съ нею нужно согласовать все. Она сводится къ движенію страстей, «корень» которыхъ «благъ» и которыя слабѣютъ съ ослабленіемъ чувствъ и жизни въ человѣкѣ. Ихъ нужно направлять къ добрымъ цѣлямъ, сдерживать, но не подавлять. «Совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый», «чрезвычайность въ страсти есть гибель; безстрастіе есть нравственная смерть». Только «умѣренность страсти» дѣлаетъ человѣка господиномъ своей жизни.

Основою семейныхъ отношеній можетъ быть только нравственная связь, любовь, а не принужденіе. Родители не имѣютъ какихъ-либо особыхъ правъ на дѣтей, которыя въ свою очередь ничѣмъ имъ не обязаны. Кровная связь не можетъ быть основою и регуляторомъ отношеній членовъ семьи. Воспитывать должны сами родители безъ всякихъ «наемныхъ рачительницъ и наставниковъ». Принужденію нѣтъ мѣста при воспитаніи дѣтей, все въ немъ должно быть свободно, чуждо «даже вида раболѣпствованія», основано на непосредственныхъ нравственныхъ началахъ. Нужно закалять тѣло, развивать умъ безъ отягощенія памяти,

воспитывать нравственное чувство, сознаніе собственнаго достоинства и умѣренность въ страстяхъ.

Добродѣтели въ человѣкѣ могутъ быть частныя и общія. Первыя опредѣляются альтруизмомъ, и корень ихъ всегда благъ; вторыя вытекаютъ изъ «любочестія или тщеславія», что, однако, не мѣшаетъ имъ быть очень высокими и благотворными, въ особенности если онѣ основываются на человѣколюбіи. Упражненія въ частныхъ добродѣтеляхъ подготовляютъ къ добродѣтелямъ общественнымъ, которыя должны быть выше законовъ, обычаевъ и нравовъ. По отношенію къ нимъ не можетъ быть никакихъ компромиссовъ. Для соблюденія ихъ слѣдуетъ даже жертвовать жизнью. При безвыходномъ конфликтѣ закона и добродѣтели всегда остается въ рессурсѣ—смерть, самоубійство.

Законъ, какъ онъ ни худъ, есть «связь общества». Имъ нельзя поступаться ради обычая и даже въ удовлетвореніе требованія высшей власти — пока она этого закона не отмѣнитъ.

Но велѣнія совѣсти выше закона, и ими нельзя поступаться. Самоубійство есть послѣднее и крайнее средство въ неравной борьбѣ отдѣльной личности съ цѣлымъ общественнымъ и государственнымъ порядкомъ. Но раньше нужно сознать безплодность этой борьбы и опасность для нравственной свободы своей личности. Возникновеніе общества изъ договора даетъ право такой борьбы, если власть не исполняетъ своего назначенія. «Гдѣ нѣтъ пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ». Нарушеніе договора есть его расторженіе. Всѣ граждане равны въ государствѣ, государь есть только первый гражданинъ. Если власть не только не полезна, но даже вредна, должно выступать присущее каждому природное право самозащиты. И въ выполненіи своего нравственнаго долга, и въ защитѣ своего человѣческаго достоинства не должно быть никакой «робости благоразумія» и «слабости въ дѣяніяхъ».

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, положительные взгляды Радищева. Понятно, что между ними и русскою дѣйствитель-

ностью съ самаго же начала долженъ былъ обнаружиться самый рѣзкій конфликтъ.

Въ своемъ посвященіи «Путешествія» Кутузову Радищевъ писалъ: «Я взглянулъ окрестъ меня — *душа моя страданіями человѣчества уязвленна стала*. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узналъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. «Ужели,—вѣщалъ я самъ себѣ,— природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачеха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи?» Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. «Отыми завѣсу съ очей *природнаго чувствованія*—и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня *чувствительность и сострадание*; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію и — веселіе неизреченное! — я почувствовалъ, что *возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ*».

Для Радищева это «соучастіе» выразилось въ томъ, что онъ поднялъ свой голосъ противъ «чудища обла, озорна, огромна, стозѣвна и лаяй», которое раздирало его бѣдную радину — противъ закоренѣлой общественной неправды, расцвѣтшей на гниломъ болотѣ крѣпостныхъ отношеній.

Верховная власть, которая одна «въ самодержавномъ правленіи въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастной» (стр. 59), часто парализуется въ самыхъ лучшихъ своихъ начинаніяхъ раболѣпіемъ, своекорыстіемъ и ложью окружающихъ. Истина только съ трудомъ могла пробиться къ ея двору.

Радищеву снилось, что онъ — безграничный владыка какой то страны. Его окружаютъ общее раболѣпіе и лесть. Ему говорятъ о народѣ, который благоденствуетъ, о побѣдахъ, завоеваніяхъ, пышномъ расцвѣтѣ наукъ и искусствъ. Но приблизившаяся

истина сняла бѣльма, и разочарованный владыка увидѣлъ кругомъ обманъ, грабительство, произволъ и насилія. Раньше «во благодѣяніяхъ его имѣли большую долю» тѣ, которые «пріятнымъ видомъ словамъ его шли во срѣтенье», теперь онъ жадно прислушивается къ словамъ Истины (стр. 72): «ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество, которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабощеніе человѣка. *Но не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы.* Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію *гордую чернь*, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамъ отца души своей позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодѣи, затмевающіе очи твои и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающіе».

Плохо придется безъ истины правителямъ. «Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающіе, бѣльма твои (говоритъ Истина правителю) паки возродятъ, и кора, свѣтомъ не проницаемая, покрыетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ взоры твои досязать будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои не возмутятся стенаньемъ, но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обойдутъ на лесть отверзтую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда не раздеретъ благотворная шероховатость въ тебѣ нервовъ осязательности» (стр. 74). Народныя стенанія не дойдутъ тогда до его ушей.

«*Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои* (говоритъ Истина правителю), *вѣдай, что той есть твой другъ искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета: онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его, яко странника, ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ... Таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ*».

Но Радищевъ какъ разъ и признанъ былъ «общимъ возмутителемъ», и ему грозила казнь. Иронія судьбы!..

Власть можетъ держаться только на искреннемъ уваженіи подданныхъ и общемъ сознаніи ея пользы. Ни обманъ, ни насилія и преслѣдованія не смогутъ поддержать ее, если она заколеблется въ своихъ основахъ. «Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной, то не возмутится отъ пустого звука клеветы, яко же Господь симъ не тревожится хуленіемъ. Но горе ей, если въ жадности своей ломитъ правду... Если кто свирѣпствуетъ противъ печатныя строки, тотъ заставляетъ мыслить, что печатанное истинно, и мстящій таковъ, какъ о немъ напечатано» (стр. 299—301).

«До внутренности потрясенный вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и незыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бренныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любви общаго блага возникъ, то не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно, не возлюбится ли любящій искренно? Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе почило въ естествѣ» (стр. 298 — 299). Для такой власти не только не страшна, но даже желательна свобода мысли и мнѣнія: въ ней она найдетъ для себя благоразумную опору.

Подавленіе свободы и цензурныя преслѣдованія приводятъ къ рабству духа, скрытому раздраженію, тѣмъ болѣе опасному, что оно скрыто. Истина слишкомъ высока и чиста, чтобы ея можно было бояться. «Истина есть высшее для насъ божество, и еслибы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являяся не въ ней, лицо наше будетъ отъ Него отвращенно» (стр. 449).

«Въ областяхъ истины, въ царствованіи мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшеній, и не должно; не можетъ того правительство, менѣе еще цензоръ, въ клобукѣ ли

онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судія, но отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. Исправленіе можетъ только совершаться просвѣщеніемъ».

«Цензура сдѣлана нянькою разсудка, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть нянька, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отчего нерѣдко бываютъ кривыя ноги, гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ каляка[1]). Недоросль всегда будетъ Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ, безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе».

Цензура и придворная ложь закрываютъ истину отъ трона, дѣлаютъ почти невозможнымъ знаніе ея.

Царедворцы обыкновенно блюдутъ свои личные интересы, гнутся сами и сгибаютъ другихъ. За ними тянутся ряды родственниковъ и кліентовъ, раболѣпныхъ и низменныхъ, не останавливающихся ни передъ чѣмъ въ погонѣ за карьерой и наживой.

Высшая и средняя администрація представлена у Радищева нѣсколькими рельефными типами. Одного начальника не рѣшаются разбудить для спасенія нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, и онъ находитъ это вполнѣ естественнымъ; другой награждаетъ чинами и орденами за скорое доставленіе ему устрицъ изъ столицы. Вездѣ униженіе чужого человѣческаго достоинства, подкупность, лихоимство, произволъ и насилія, возведенныя въ систему. Случайно попавшіе въ тогдашніе вертепы правосудія, честные люди бѣгутъ оттуда, не имѣя возможности бороться. Дворянство вырождается, теряетъ свое государственное значеніе, и Радищевъ предлагаетъ «умалить его права». Духовенство

---

1) Старая форма—калѣка.

само коснѣетъ въ невѣжествѣ и задерживаетъ просвѣщеніе народныхъ массъ. Купечество держится тѣмъ же грубымъ невѣжествомъ и обманомъ.

Особенно часто и подробно останавливается Радищевъ на положеніи крестьянъ и крѣпостномъ правѣ. Этотъ вопросъ, видимо, у него наболѣлъ. Совершенно правильно онъ считаетъ его основнымъ и центральнымъ. Изъ отдѣльныхъ фактовъ складывается потрясающая картина безправія и мучительствъ, иногда безцѣльныхъ и безсмысленныхъ.

Тутъ и систематическое «омерзѣніе» крестьянскихъ дѣвушекъ, и переводъ всѣхъ крестьянъ на барщину съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ хозяйствъ и скуднымъ содержаніемъ отъ барина, и продажа своихъ крѣпостныхъ казеннымъ крестьянамъ въ рекруты, и издѣвательство надъ крѣпостнымъ, получившимъ образованіе, и продажа своей же крѣпостной любовницы съ прижитымъ отъ барина ребенкомъ, и насильственные браки... Ужасны самые случаи, еще ужаснѣе самая ихъ возможность и безнаказанность...

Впереди гроза крестьянскаго бунта, возможныя послѣдствія котораго ужасаютъ нашего филантропа. «Свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ тѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ждать должно, но отъ самой тяжести порабощенія» (стр. 249).

«О, еслибы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности ихъ препятствующимъ, главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ и кровію нашею обагрили главы свои! Что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ исторгнулися великіе мужи для заступленія избитаго племени, но были бы они другихъ о себѣ мыслей и правъ угнетенія лишены. Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую, я зрю сквозь цѣлое столѣтіе» (стр. 387).

Бѣдна и скудна крестьянская жизнь, страшны курныя избы

и мужицкій хлѣбъ, но всего ужаснѣе безправіе: крестьянинъ «мертвъ передъ закономъ»!

«Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ».

«Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узахъ, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ!» (стр. 414).

Такой общественный порядокъ развращаетъ господъ и калѣчитъ рабовъ. Можно только удивляться, какъ при такихъ ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ послѣдніе сумѣли сохранить честность, доброту, часто поэтическій складъ души.

Сознаніе, что и онъ живетъ крѣпостнымъ трудомъ, гложетъ Радищева. Безъ мучительнаго стыда онъ не можетъ вспомнить о томъ, что въ минуту гнѣва ударилъ крѣпостного слугу. Ему было бы легче, если бы тотъ въ свою очередь отвѣтилъ пощечиной. Отправляясь въ Сибирь, онъ проситъ родныхъ отпустить принадлежавшихъ ему дворовыхъ.

Да, это былъ человѣкъ съ больною и чуткою совѣстью, страдавшею за себя и другихъ. Бремя сознанія всего ужаса «чудища» мудрено было хранить про себя, въ секретѣ, и Радищевъ излилъ наболѣвшую душу въ своей книгѣ, сыгравшей такую роковую роль въ его жизни...

V.

Арестъ, допросы и судъ были громовымъ ударомъ для Радищева. Узнавъ, что его будетъ допрашивать Шешковскій, онъ упалъ въ обморокъ.

Больной, одинокій, страдая за своихъ дѣтей, чувствуя, не-

сомнѣнно, къ чему клонится дѣло, онъ казался «утороплённымъ» и нѣсколько разъ совсѣмъ падалъ духомъ.

Нѣкоторымъ изъ писавшихъ о Радищевѣ, «сердца хладнымъ скопцамъ», хотѣлось бы съ его стороны какого то особеннаго героизма до конца. Но вспомнимъ о Шешковскомъ, о замѣченной и принятой во вниманіе всѣми «примѣтной чувствительности» Екатерины, которая съ одной стороны играла въ безпристрастіе, а съ другой стороны отягощала положеніе Радищева и заставляла усиливать его вину. Недаромъ рѣшеніе суда и его смягченіе Екатериной заставили «содрагаться» гр. Воронцова, плакать—купцовъ на биржѣ и даже полицейскаго офицера, сообщившаго семьѣ Радищева о постигшей его участи...

Съ горечью онъ писалъ во время одного изъ допросовъ: «Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается: первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина,—и можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ»?

«Общники», конечно, были, единомышленники, но Радищевъ не могъ знать о большинствѣ изъ нихъ, и одиночество еще болѣе увеличивало горечь его положенія...

Воронцову онъ писалъ: «что можетъ разсудокъ надъ чувствованіемъ? Я по себѣ теперь вижу, что разумъ идетъ чувствованіямъ въ слѣдъ, или не что иное есть, какъ они; по системѣ Гельвеціевой, вертится онъ около одной мысли, *и все мое умствованіе, вся философія исчезаетъ, когда воспоминаю о моихъ дѣтяхъ»* («Архивъ Воронцова», т. XII, стр. 286).

Судъ надъ Радищевымъ былъ пародіей надъ правосудіемъ. Судьи старались угодить, очевидно, негодующей и очень требовательной на этотъ разъ государынѣ. Не найдя въ законахъ подходящей статьи, къ подсудимому примѣнили почти всѣ статьи о государственной измѣнѣ и смертной казни. Тутъ и то, если «кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здо-

ровье злое дѣло», и то, если «кто, хотя московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти, начнетъ рать сбирати», и не вызываемая крайнею необходимостью сдача непріятелю ввѣренныхъ крѣпостей...

Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но Екатерина помиловала его—и замѣнила смерть десятилѣтней ссылкой въ Сибирь, въ Илимскъ...

Въ Тобольскѣ онъ кому-то отвѣтилъ на вопросъ о себѣ стихами:

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду!

Радищевъ, дѣйствительно, весь вѣкъ оставался все тѣмъ же. Даже во время допроса, «голосомъ, запинающимся отъ страха», отрекаясь отъ своей книги, онъ все же не могъ отказаться отъ своихъ взглядовъ на крѣпостное право. Отправляясь въ далекую Сибирь, онъ по пути занимается научными наблюденіями и изслѣдованіями, съ глубокимъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ приглядывается къ народной жизни на сѣверѣ. Въ ссылкѣ онъ пишетъ философскій трактатъ о безсмертіи души и стихотворенія, въ которыхъ то-и-дѣло проглядываютъ прежнія идеи, и живо бьется публицистическій нервъ. Онъ лѣчитъ крестьянъ и инородцевъ, неустанно работаетъ и слѣдитъ за движеніемъ европейской мысли и родной литературы. Мелькаютъ слѣды изученія «Вертера» и «Слова о полку Игоревѣ», вырабатываются новыя формы стиха, вызвавшія сочувственное отношеніе Пушкина,—поэтическое содержаніе расширяется и осложняется народными, историческими, философскими и публицистическими элементами.

Возвращенный изъ ссылки, онъ является дѣятельнымъ членомъ коммиссіи сочиненія законовъ, горячо заступается за человѣческія права крѣпостныхъ и выступаетъ съ широкимъ проек-

томъ освободительныхъ реформъ, нѣкоторые пункты которыхъ являются pia desideria и до сихъ поръ... Въ немъ и равенство всѣхъ передъ закономъ, и полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній, уничтоженіе табели о рангахъ, публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ,—и вѣротерпимость, не говоря уже объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ... Какъ извѣстно, эта «молодость сѣдинъ» не довела Радищева до добра. Упреки гр. Завадовскаго и напоминаніе о Сибири, а также, по всей вѣроятности, и разочарованіе, вызванное колебаніями во внутренней политикѣ начала царствованія Александра I, привели къ катастрофѣ. 11-го сентября 1802 года Радищевъ отравился, потомъ пытался зарѣзаться бритвой и въ началѣ перваго часа слѣдующаго дня скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Въ его лицѣ сошелъ въ могилу лучшій человѣкъ нашего XVIII вѣка, болѣзненно чуткій, честный и искренній, самоотверженный и стойкій борецъ за свои идеалы, «добрый страдалецъ за землю русскую», писатель и гражданинъ, отличавшійся «удивительною добросовѣстностью мысли»[1]). Онъ предъявилъ къ русской жизни такія высокія требованія, которымъ она не сумѣла удовлетворить даже и теперь, спустя болѣе чѣмъ 100 лѣтъ.

Еще въ ссылкѣ онъ писалъ, что счелъ бы для себя истиннымъ благодѣяніемъ, еслибы ему позволили для изученія Сибири отлучиться изъ Илимска, и съ горечью прибавлялъ: «если дышу язвою, и взоръ мой возмущеніе разсѣеваетъ, — скитаяся по пустынямъ и дебрямъ, переходя лѣса, скалы и пропасти, кто можетъ чувствовать дѣйствіе толико злодѣйственна существа? Пускай гласъ мой не премѣнился, пускай выя не стерта и высится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубравѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля; а Тотъ, Кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, Тотъ знаетъ, чтò я, чтó быть бы могъ и чтó буду». По словамъ г. Мякотина (тамъ же, стр. 239), «вспоминая прошлое, онъ... находилъ возможнымъ за-

1) *Милюковъ*, стр. 83.

явить, что его взгляды остались тѣми же самыми, какими они были до осужденія, и выяснить смыслъ допущеннаго имъ отреченія... Онъ охотно измѣнилъ бы свои взгляды, еслибы его убѣждали «доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковые я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ; *помню, что Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: солнце коловращается»*. Яснѣе представлялось теперь Радищеву и общее значеніе тѣхъ идей, выразителемъ которыхъ онъ явился въ исторіи русскаго общества, и свою собственную судьбу онъ ставилъ въ тѣсную связь съ этимъ значеніемъ. Въ мірѣ идей,—говоритъ онъ въ своемъ философскомъ трактатѣ,—новыя мысли распространяются съ быстротою электричества. «Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. *Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе, а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается»*. Но время уготовленія отъемлетъ всѣ препоны». За личными и случайными элементами своей судьбы Радищевъ открывалъ такимъ образомъ ея общій смыслъ, и терзавшая его душу скорбь смягчалась сознаніемъ величія той истины, провозвѣстникомъ и служителемъ которой явился онъ среди современнаго ему общества».

Да, онъ «одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы», и тяжко за это поплатился. Его мысль, его чувство согрѣли чахлую и холодную «окрестность» тогдашней русской жизни. «Мощный магнитъ», онъ потянулъ къ себѣ многія «желѣзныя пылинки» изъ послѣдующихъ молодыхъ поколѣній и до сихъ поръ притягиваетъ къ себѣ вниманіе и глубокую симпатію всякаго вдумчиваго изслѣдователя историческихъ судебъ нашей общественной мысли...

Пушкинъ сказалъ: «Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ». Великій поэтъ подразумѣвалъ подъ этимъ, что благодаря распространенію въ рукописяхъ сочиненія Радищева свободно проходили мимо «чернаго медвѣдя»—тогдашней цензуры. Когда же онъ избѣжитъ цензуры окончательно?

Прошло сто лѣтъ со дня его смерти, то, что волновало его и его современниковъ, въ значительной степени отошло «во тьму вѣковъ» и во всякомъ случаѣ потеряло свою рѣзкость и остроту. Наиболѣе рискованныя мѣста его «Путешествія» (ихъ вообще очень немного) уже нѣсколько разъ перепечатывались въ спеціальныхъ и общихъ изданіяхъ.

Неужели еще долго мы будемъ дожидаться цензурнаго «отпущенія» Радищева и разрѣшенія полнаго собранія сочиненій этого незабвеннаго «врага рабства», этого лучшаго, свѣтлаго и наиболѣе благороднаго воспоминанія нашего грустнаго вообще прошлаго?

Вл. Каллашъ.

Этимологическія замѣтки[1]).

IV. Къ этимологіи русскихъ словъ: чередить, душка, коекъ, лыва, комната, сыворотка, шестъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Чередить (*чрѣдъ*; *череда*). Въ словарѣ Даля, въ гнѣздѣ подъ словомъ *черёдъ* самымъ настойчивымъ образомъ перетасованы двѣ совершенно различныхъ группы словъ, а именно: 1) *чередá*—«очередь, порядокъ» и 2) *чередúть*—«очищать». Подробнѣе, значеніе этой послѣдней группы можно выяснить на слѣдующихъ примѣрахъ. *Чередить живность*: дичь, рыбу, поросятъ (архангельск. у Даля; олонецк. у Куликовскаго; нами отмѣчено въ Вятской губ.)—«потрошить и вмѣстѣ очищать отъ перьевъ, пуха, щетины»; *чередить вино* (пермское)—«очищать»; *чередить комнаты* (псковское)—«мести»;—*одежду*: владимірское *чередúться*—«наряжаться», псковск. *чередúха*, *чередá* общ.—«опрятный одеждою, щеголиха»;—*землю*, пашню (вятское)—«приготовить къ посѣву: очистить отъ пеньковъ, вспахать, удобрить и выборонить»; срв. у Даля *пашня череднá*—«хорошо пахать, поспѣла»;—*счередить табакъ* (на Иртышѣ) «смолоть и надушить» (Потанинъ въ Этногр. Сборникѣ VI, 41).

---

1) Первыя три «замѣтки», не имѣющія ближайшаго отношенія къ слѣдующему ниже (именно: I. Къ этимологіи русск. словъ: кметь, хвать, корецъ и ага; II. Къ этимологіи русск. словъ: бука, кукишъ, стерлядь, гусь, кожа и нѣкоторыя др.; III. О личныхъ собственныхъ именахъ въ функціи нарицательныхъ въ русскомъ народномъ языкѣ), были напечатаны въ журналѣ «Филологическія Записки» (1903, II).

Изъ этой богатой группы Миклошичъ (Etym. Wtb. 32) выбралъ лишь одно *череда* «щеголиха», но очень удачно соединилъ его съ новослав. *čriditi* «очищать», *čediti* «украшать», *čeden* «чистоплотный; умный» и т. д. — Мы относимъ это славянское слово (индо-европ. **qerd*—) къ кельтскому *cerd* «искусство, ремесло», съ чѣмъ связываютъ греческ. κέρδος «выгода, прибыль» и лат. *cerdo*, *-ōnis* «ремесленникъ» (см. K. Brugmann, Grundriss d. vergleichenden Gramm. [2]I, 537; W. Prellwitz, Etym. Wtb. d. griechisch. Sprache 144).

Основнымъ значеніемъ слова нужно будетъ признать «тонкая, чистая, искусная работа». На русской почвѣ слово специализировалось для означенія работы бѣловой, окончательной, для обработки и отдѣлки уже готовыхъ предметовъ; въ приведенныхъ примѣрахъ дичь уже поймана и зарѣзана, вино сварено, одежда сшита, земля очищена изъ-подъ лѣса и т. д.— Искусная, чистая работа требуетъ отъ человѣка извѣстной тонкости ума; отсюда вполнѣ понятно развитіе значенія «умный». Кромѣ новослав. *čeden* «умный», это же значеніе и въ греческомъ: κέρδιον «умнѣе», κερδαλέος «хитрый», κερδώ «лисица». Не исключена возможность, что сюда же относится ц.-слав. *чрѣдъ* adj., что́ обычно переводятъ «твердый». Слово это встрѣчается только однажды, въ прологѣ XVI в.: впаде въ недоугъ рекъ корабленикомъ *чреди* боудите неподвижими; въ другомъ спискѣ читается: *тверди* боудите и недвижими (Востоковъ, Словарь ц.-слав. языка. 566). Очень возможно, что въ послѣднемъ случаѣ писецъ не точно передалъ смыслъ непонятнаго ему слова; контекстъ рѣчи легко допускаетъ значеніе «благоразумный», и въ такомъ случаѣ ц.-слав. *чрѣдъ* нужно отнести къ нашей группѣ. Соединять это слово съ гот. *hardus* (нѣм. hart; Миклошичъ, Et. Wtb. 33) не позволяетъ безспорное родство готскаго слова съ греч. κρατύς, καρτερός (Brugmann, Grundriss d. vergl. Gramm. [2]I, 697); думать же о славянскомъ заимствованіи изъ готскаго не позволяетъ различіе гласныхъ.

Вліяніемъ группы *чередить* мы объясняемъ звуковую форму

общеславянскаго *чередá* (ц.-слав. *чрѣда*, польск. trzoda и т. д.) «рядъ, порядокъ», а именно начальный задненебный согласный этого слова, на мѣстѣ законнаго (въ виду скр. *çárdhas* «стадо», авест. *sardđô*) спиранта. Предполагать здѣсь, вмѣстѣ съ Бругманомъ (срв. Grundriss d. vergl. Gramm. ²I, 546), заимствованіе изъ германскаго Herde «стадо» нѣтъ надобности; для славянскаго *k̑erd—«рядъ, порядокъ» представилось двѣ возможности: слиться съ другимъ *k̑erd—«середина» (ц.-слав. *срьдьце*, лит. szirdis) или же слиться съ *qerd. Эта послѣдняя возможность могла быть предпочтена въ виду большей близости въ значеніи: «порядокъ» можно разсматривать какъ цѣль всякой и, въ частности, «искусной работы».

Душка. Великорусское *дýшка* f. «часть шейки противъ глотки и пониже; самая ямочка въ горлѣ» (Даль); *дýшки* f. Plur. «мѣха, снятые съ лисьихъ или собольихъ шеекъ»; *душчáтый мѣхъ*— «снятый съ лисьихъ или собольихъ грудокъ» (Словарь русск. яз. II отд. И. А. Н. I, 1216); *бѣлодýшка* f., *бѣлодýщатый* звѣрь «у котораго дýшка, т. е. грудь, горло бѣлое» (Даль[1]), срвн. *сиводýшка*; *дýшка* f. (Сарапульское, Вятск. губ.; отмѣчено нами; ничуть не *дужка*) «ручка чайника, чайной чашки, кувшина и другой подобной посуды»; здѣсь ручка разсматривается какъ бы плечико сосуда[2]). У насъ принято (Словарь II отд. I, 1216) относить эти слова къ *дугá*, но конечно неправильно. Первоначальнымъ значеніемъ для основного **дýха* или **душь* можно предположить «плече, верхняя непосредственно выходящая изъ груди часть передней лапы животнаго». Въ ближайшемъ родствѣ съ этимъ словомъ скр. *doṣ* «предплечье, рука, нижняя часть передней ноги у животнаго», персид. *dōš* «плече», ирійск. *dọe* «рука». То есть, здѣсь мы имѣемъ

1) По *Л. Сабанѣеву* (Бесѣда 1872, VI, 89) на Уралѣ *сиводушка* или *бѣлодушка* — лисица «желтовато-сѣраго цвѣта и съ почти съ бѣлыми *грудью и брюхомъ*».

2) Вѣроятно сюда же относится прилагат. *душечный* въ олонецкомъ свадебномъ приговорѣ (Бесѣда 1872, VI, 116): «молодыя молодицы, пирожныя мастерицы, *душечны* пагубницы» (вар.: «*горшечны* пагубницы»).

то же самое слово, которое, по общепринятому мнѣнію (Миклошичъ, Et. Wtb. 52; C. Uhlenbeck, Etym. Wtb. d. altind. Spr. 131), является второю составною частью сложнаго *па́з-уха* изъ paz-duha, какая форма и отмѣчена въ новословенскомъ. И это родство какъ нельзя лучше согласуется съ предположеннымъ нами первоначальнымъ значеніемъ слова *душка*: пазуху можно опредѣлить какъ «по-за-плечье», «часть груди около плеча».

Еще къ нашему слову нужно отнести сложное *душе-грѣйка* «короткая верхняя одежда безъ рукавовъ»; она *грѣетъ* конечно не душу, а именно *ду́шку*, пазуху.

Коекъ (*кай*). Сибирское (енисейское) *коёкъ* m. «особый посохъ, костыль звѣролова, съ крючкомъ и лопаткой» (М. Кривошапкинъ, Енисейскій округъ и его жизнь II, 50, 102); пермское—«родъ весельца, лопаточки, которою опираются бѣгая на лыжахъ» (Даль, Словарь, [1]II, 742).—*Коёкъ* безспорно уменьшительная форма (срв. *пай*: *паёкъ*, *чай*: *чаёкъ*). Начальное *ко-* безъ ударенія могло легко возникнуть, въ окающихъ говорахъ, изъ древняго *ка-*. Предполагаемую исходную форму слова **кай* мы имѣемъ въ имени города (теперь село Слободскаго уѣзда, Вятской губ.) *Кай*, расположеннаго какъ разъ въ области пермской колонизаціи (городъ основанъ, вѣроятно, во времена Строгановыхъ въ Перми).

Соотвѣтствующее слово въ литовскомъ языкѣ—*kója* f. «нога», между прочимъ и «нога стула, скамьи» (Fr. Kurschat, Wtb. II, 196). Это послѣднее значеніе, въ виду русскаго слова, едва ли не нужно будетъ признать основнымъ, и тогда связь литовск. *kója* съ скр. *kā́jas* «тѣло» (А. Погодинъ въ Русск. Филологич. Вѣстникѣ XXXII, 273) нужно будетъ назвать очень сомнительною. Уленбекъ (Etym. Wtb. d. attind. Spr. 52) относитъ *kā́jas* къ скр. *cinóti cáyati* «собирать, складывать въ кучу» и въ качествѣ первоначальнаго значенія слова предполагаетъ «куча, груда, толпа».

Лыва (*Лыбедь*). Архангельск. *лы́ва* f. «наносная трава въ

морѣ, груда порослей» (Даль, Словарь ³II, 280); у костромскихъ садоводовъ *лыва* f. «удобреніе изъ перегнившихъ травъ, доставляемыхъ озеромъ» (Россія. Полное географ. описаніе нашего отечества, подъ ред. В. Семенова, II, 137); олонецк. *лыва*, *лыбкое мѣсто*—«зыбкое, топкое мѣсто въ болотѣ» (Г. Куликовскій, Словарь олон. нар. 51), чтó нужно понимать какъ «задернѣвшее, покрытое густою травою болото».

Основнымъ значеніемъ для родоначальника этихъ словъ (**lūbh*) мы признаемъ «водяная, болотная трава» и относимъ его къ германскому *laub* n. «листва» (готское *laufs*, Plur. *laubôs*, англ. *léaf*; не сюда, а къ славянск. *лопýхъ* лит. *lápas* «листъ»: Kluge, Etm. Wtb. d. deutsch. Spr. [5] 227).—Что въ русскомъ словѣ былъ звукъ *б*, говоритъ приведенное нами олонецкое *лыбкое мѣсто*, а также древнее имя русской рѣки въ Кіевѣ *Лыбедь* (собственно «травянистая, богатая водорослями»? по суффиксу срв. р. *Снѣжедь*, въ явной связи съ *снѣгъ*: «съ холодной, *снѣговой* водой»). Формы съ окончаніемъ *-ва* легко могли возникнуть путемъ контаминаціи съ близкимъ по звукамъ и отчасти по значенію («трава, при*лива*емая водой») словомъ: *лúва* (олонецкое, у Куликовскаго ib. 49), *лúва* «лужа, полой отъ дождя», причемъ это послѣднее слово (оно въ несомнѣнномъ родствѣ съ глаголомъ *лить*, срв. *лúвень* «сильный, про*ливной* дождь», г. *Лúвны*) позаимствовало, вѣроятно, отъ нашего **лыба* или **лыбь* гласный *ы*.

Родство русскаго слова съ германскимъ довольно далекое. Объ этомъ говоритъ не столько значеніе (рѣчныя водоросли, у которыхъ не видно ни корней, ни стеблей, очень естественно разсматривать какъ «листья»), сколько различныя ступени вокализаціи: въ германскомъ мы имѣемъ несомнѣнный дифтонгъ. Чередованіе *loubh: *lūbh нужно признать индоевропейскимъ.

Еще необходимо отмѣтить, что въ германскомъ *laub* «листья» обычно видятъ индоевропейскій согласный tenuis (Kluge, Etym. Wtb. [5] 227), но необходимости для такого мнѣнія нѣтъ: срв. совершенно аналогичную исторію звукового развитія въ нѣмецкомъ *lieb* «милый» изъ индоевропейскаго **léubho*. Что до предпо-

лагаемаго родства нѣм. *laub* «листья» съ скр. *lumpáti* «ломать, похищать, грабить» и слав. *лупити* «сдирать» (Uhlenbeck c., Etym. Wtb. d. altind. Spr. 263), то такое мнѣніе представляется намъ, въ виду различія значеній, невѣрнымъ.

Комната. Въ великорусскомъ *кóмната* «покой, горница» (срв. тамбов. *кóмля* id.) намъ непонятно только одно, — удареніе. И послѣдній первоисточникъ русскаго слова, средневѣковое — лат. *camināta*, и ближайшій источникъ заимствованія, нѣмецкое *Kemenáte* (ср.-верх.-нѣм. *kęmenâte*, др.-в.-нѣм. *chęminata*) имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, тогда какъ въ русскомъ языкѣ, вообще всегда очень точно сохраняющемъ удареніе заимствованныхъ словъ, оно оттянуто на начальный слогъ слова. Аналогій, которыми можно было бы объяснить эту оттяжку ударенія, мы не находимъ.

Не такъ давно академикъ Ѳ. Е. Коршъ, вмѣстѣ съ академикомъ А. А. Шахматовымъ (Извѣстія отдѣленія русск. языка и слов. И. А. Н. VII—I, 45 прим.) предложили для объясненія страннаго ударенія этого слова такую гипотезу. Великорусское слово могло примѣниться къ праславянскому **čómnuša*, заимствованному, въ свою очередь, изъ финскаго или урало-алтайскаго языка и сохранившемуся теперь въ словенскомъ *čumnata* «conclave» и сѣверн.-врус. *чóлмоша*, *шóлныша*, *шóннуша* «комната». Остроумная, при всей ея гадательности, гипотеза эта оказывается, однако, излишнею. Въ словарѣ L. Diefenbach'a E. Wülcker'a (Hoch- und Niederdeutsches Wörterbuch der mittleren und neueren Zeit. Zur Ergänzung der vorhandenen Wörterbücher... Basel. 1885) отмѣчены слѣдующія нижне-нѣмецкія (XV в.) формы интересующаго насъ слова: *kempnat*, *kemnant*, *kempnete*, *kemmet*, *kemmit, kommet* (стр. 694). Четыре послѣднія формы не оставляютъ сомнѣнія, что удареніе въ нихъ было на начальномъ слогѣ: нѣмецкое *a* могло дать *e*, только предварительно потерявъ удареніе; срв. нѣм. *Pómmern* изъ слав. *поморя́не* (лат. *Pomeránia*). Да и вообще, въ нѣмецкомъ языкѣ подобное перенесеніе ударенія

въ заимствованныхъ словахъ на начальный слогъ очень обычное явленіе (*Vogt* изъ ad-vocâtus, *jude* изъ *iudaeus*, *ἰουδαῖος* и т. п.); верх.-нѣм. *ketenâte* въ этомъ отношеніи является не правиломъ, а исключеніемъ.

Памятники подтверждаютъ наше предположеніе о заимствованіи русскаго *кóмната* изъ нижне-нѣмецкаго. Это слово начинаетъ встрѣчаться съ XV в., и сначала только въ новгородскихъ памятникахъ (Новгор. I лѣт. по сп. Археогр. Комм. XV в. s. a. 1442; Новгор. судная грам. 1471 г. въ Актахъ Арх. Эксп. I, № 92 и т. д.). А новгородцы, какъ извѣстно, имѣли сношенія съ нѣмцами, говорившими на языкѣ нижне-нѣмецкомъ.

Что в.-рус. *кóмната* ведетъ свое начало не изъ польскаго языка (какъ думали Я. Гротъ, въ Филологич. Разысканіяхъ [3]I, 485, и Миклошичъ, Etym. Wtb. 110), объ этомъ очень ясно говоритъ удареніе. Тоже удареніе говоритъ намъ, что малорусс. *кімнáта*, *кіəнáта*, напротивъ, взято именно изъ польскаго языка. И это малорусское слово, вмѣстѣ съ массою другихъ культурныхъ словъ, постепенно распространяется въ великорусскихъ говорахъ. У Даля уже отмѣчено в.-русс. *комнáтка* «покойчикъ въ боку, чуланъ». Теперь это слово, съ тѣмъ же удареніемъ, достигло уже, въ своемъ движеніи на сѣверо-востокъ, южныхъ уѣздовъ (Яранскій у.) Вятской губерніи, причемъ мѣстное произношеніе *камнáтка* не оставляетъ сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень недавнимъ заимствованіемъ изъ акающихъ (южно-великорусскихъ) говоровъ. Какъ это бываетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, и здѣсь лингвистическое заимствованіе происходило вмѣстѣ съ заимствованіемъ культурнымъ. *Камнáтка* отличается отъ стараго *чулáна* или *сéреди* (чаще: *на середѣ*) тѣмъ, что она отдѣляется отъ прочей избы не занавѣскою, а досчатою «перебóркой», забóркою, при чемъ и эта послѣдняя также носитъ иногда названіе *камнáтки* (напр. въ пѣснѣ: «я сидѣла у *камнáтки*, у крашóниинькіё...»).

Титя *и другія дѣтскія слова.* Вел.-русск. *тúтька*, *тúтя* f.

«женская грудная железа съ соскомъ; сосокъ животной самки». Прежде всего о самой формѣ слова. У Даля и у Миклошича (Etym. Wtb. 357) мы находимъ русскую форму *тúта*, чтó намъ представляется очень сомнительнымъ. Есть возможность, что Даль создалъ эту форму самъ, хотя бы съ цѣлью облагородить слово, казавшееся ему слишкомъ вульгарнымъ[1]). По крайней мѣрѣ, намъ нигдѣ и никогда подобной формы слышать не приходилось (вообще же, въ народѣ это слово очень обычно, и неделикатнымъ не считается).

Маценауэръ (Cizí slova ve slovanských řečech 347), а за нимъ и Миклошичъ (Etym. Wtb. 357) считали это слово не славянскимъ, причемъ первый указываетъ на греч. τίτθη, τιτθή «papilla», τιτθός «mamma».—Намъ подобное мнѣніе представляется простымъ недоразумѣніемъ. *Тúтя*—дѣтское слово (т. е. созданное взрослыми въ подражаніе дѣтскому лепету, для разговора съ дѣтьми. Подробнѣе см. наши «Этимолог. замѣтки» II, s. v. *бука*). Первоначальная форма его *ти-тú*,—одно изъ первыхъ словъ, которыя научается говорить ребенокъ въ современной народной великорусской семьѣ: такъ онъ проситъ материнской груди. Это *тити* понято было въ смыслѣ родительнаго падежа (*тúти хочешь?* спрашиваютъ ребенка) и отъ него былъ образованъ именительный п. *тúтя*, а отъ послѣдняго уменьшительныя: *тúтька*, *тúтечка*.

Въ *ти-ти* мы имѣемъ редупликацію «звукоподражательнаго» *ti* (подобная редупликація очень обычный пріемъ при созданіи дѣтскихъ словъ, срв. *ма-ма*, *тя-тя*, *па-па*, *ня-ня*, *дя-дя*, *ля-ля*, *ко-ко* и т. п.). Это *ti* мы встрѣчаемъ и во многихъ другихъ языкахъ, отчасти съ тѣмъ-же самымъ значеніемъ, отчасти съ другимъ. Мы уже привели греч. τίτθη, τιτθός; еще назовемъ ниж.-

---

1) Мы допускаемъ такую возможность, между прочимъ, и въ виду того что Даль находилъ возможнымъ измѣнять въ своемъ словарѣ по своему удареніе нѣкоторыхъ словъ, видимо руководясь въ этомъ собственными этимологіями. Примѣры см. въ нашемъ «Отчетѣ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губ.», въ Сборникѣ А. Н., т. 76, s. v. *опутóкъ* и *óследъ*.

нѣм. *titte* f., англ.-сакс. *tit* m., Plur. *tittas*, равнозначущіе вер.-нѣм. *zitze* f. Эта послѣдняя форма доказываетъ, что звукоподражательное происхожденіе слова уже забылось, и оно вошло въ историческій процессъ звукового развитія. То же можно предполагать и для польск. *cyc*, *cyce*; чеш. *cic*, *cec*, *cecek* и т. д., но гораздо вѣроятнѣе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ другую, тоже «звукоподражательную» тему. Рядомъ «звукоподражательное» *ti* послужило основою для дѣтскихъ словъ съ значеніемъ «отецъ». Сюда *A. Zimmermann* (цитуемъ по Anzeiger f. indogerm. Sprach-u. Altertumskunde V, 194) относитъ латинское имя *Titus* (откуда и русское *Титъ*), ѳессал. τίταξ, τίτας «король», τιτήνη «королева» и т. д.

Гласный звукъ въ одной и той же «звукоподражательной» темѣ можетъ быть различнымъ. Какъ для «*тити*» мы имѣемъ рядомъ др. в.-нѣм. *tutta*; швед. *tisse*; франц. *tette*, такъ для «отца» мы имѣемъ греч. τέττα, лат. *Titus*, русское *тятя*. Звукъ *t* здѣсь, вѣроятно, тотъ же самый, что́ и въ обще-индоевропейскомъ *отьць* (гот. *atta*, греч. ἄττα и т. д.) и, быть можетъ, въ русскомъ *тётя*, *тётка*.

Папа. И русское культурное *па́па* «отецъ», и великорусское народное *па́пка* «хлѣбъ, хлѣбушка», и в.-русск. обл. *па́пка*, *па́почка* «прыщикъ; болячка» (отмѣчено нами въ Сарапульскомъ у.), всѣ три слова имѣютъ то общее между собою, что одинаково вышли «изъ дѣтской». Дѣтское же первоначальное слово *дя́дя*; корень въ немъ одинъ съ словомъ *дѣдъ*. Въ виду отсутствія такого же дѣтскаго *дя-* въ другихъ языкахъ, нужно предполагать, что эта тема взята изъ слова *дѣдъ*.

Въ качествѣ общаго правила можно только отмѣтить, что въ дѣтскихъ словахъ преимущественно встрѣчаются *передне*язычные согласные. Въ частности, въ русскомъ языкѣ очень обыченъ въ этихъ случаяхъ губной дрожательный звукъ, особаго знака для котораго въ нашемъ алфавитѣ не имѣется. Обычно передаютъ его на письмѣ тремя буквами *тпр*. Сюда относятся дѣтскія (Вятской губ.) *тпру́ти* «молока», *тпруши* «гулять», *тпрсо́нька*

«лошадка». Тотъ же самый звукъ очень обыченъ въ русскихъ звукоподражательныхъ словахъ, употребляющихся въ качествѣ окрика по отношенію къ домашнимъ животнымъ: *тпру* (стой!), *тпру́да!* (отгоняютъ лошадь), *тпру́ча, тпру́га!* (отгоняютъ коровъ) и т. п.

Шестъ. Вл.-русск. *шестъ* m. «жердь», въ старину «тягло, дворъ, семья»; *шесто́къ* m. «припечекъ, очагъ» (Даль, Словарь [1]IV, 576). — Академикъ А. И. Соболевскій совсѣмъ отказался отъ объясненія того, почему мы говоримъ *шестъ*, а не **шёстъ*, **шостъ* (Лекціи по ист. русск. яз. [3]63). Намъ представляется, что объясненіе найти все-таки можно, а именно—исходя изъ исконнаго **сѣстъ* и предполагая здѣсь ту же своеобразную диссимиляцію спирантовъ, примѣры которой мы имѣемъ и въ русскомъ *шерсть* (при ц.-слав. *сръсть*, чеш. *srsť* и т. д.) и въ русск. *шершéнь* (при ц.-слав. *сръшень*). Эту диссимиляцію въ словѣ *шестъ* нужно отнести однако уже ко времени, когда *ѣ*, находясь непосредственно послѣ шипящей, уже не давалъ звука *а*. Быть можетъ, здѣсь сказалось діалектологическое смѣшеніе *с* и *ш* въ древнемъ псковскомъ говорѣ (это тѣмъ возможнѣе, что *шестъ*—исключительно вл.-русск. слово). — Предполагаемое **сѣстъ* мы относимъ, черезъ посредство формы **сѣдтъ* къ корню *сѣд* (**sēd*) «сидѣть» (въ говорахъ и теперь *сѣдѣть*; срв. ц.-слав. *сѣдѣти*, *сѣждѫ* и т. д.).

Основнымъ значеніемъ слова было бы въ такомъ случаѣ «мѣсто сидѣнья[1]), жилье, дворъ». Это значеніе и помѣчено у Даля какъ *старое*. Отчасти оно сохранилось и до нашихъ дней; напримѣръ въ свадебномъ терминѣ (Владимірская и Нижегородская губ.) *глядѣть у жениха шестокъ;* такъ называютъ совершаемую съ особою торжественностью церемонію осмотра матерью невѣсты *дома и хозяйства* жениха (Россія. Полное географ. описаніе нашего отечества I, 111). Да и въ извѣстной пословицѣ: *всякъ свер-*

1) Срв. вл.-русск. *сидѣть кучи, смолу* «устроить гдѣ-нибудь въ лѣсу маленькій, временный заводъ для пережиганія углей, выкурки смолы и т. п.».

чокъ знай свой шестокъ имѣется въ виду едвали именно «печной шестокъ», а гораздо скорѣе вообще «мѣсто, мѣстопребываніе, жило». — Печной шестокъ, очагъ является столь существенною принадлежностію всякаго *шеста* (жила, двора), что это развитіе или перенесеніе значенія нужно признать вполнѣ естественнымъ (срв. др.-русск. *дымъ* «дворъ, тягло»). Труднѣе обстоитъ дѣло относительно *шестъ* «жердь». Нѣкоторое сходство значеній, правда, существуетъ. Аналогичный примѣръ можно было бы указать въ русскомъ *стóйка*: «стоянка» и вмѣстѣ «подставка, подпора, столбъ» (Даль, Словарь ¹IV, 303). По Далю, *шестъ* «заключаетъ въ себѣ понятіе о стоячемъ положеніи, о тычкѣ, или о дѣйствіи имъ руками», въ чемъ мы однако сильно сомнѣваемся. По нашимъ наблюденіямъ (Вятская губ.) *шестъ* прежде всего «утвержденная на козлахъ или протянутая отъ одной стѣны зданія къ другой жердь, служащая для вѣшки сноповъ, одежды, бѣлья и т. п.», чтó по своему устройству совершенно тожественно съ «куричьею *насѣстью*» (произносится и *нашéстъ*, тоже *насѣдало*; срв. у Даля поговорку: «слыхивали мы вѣсти про *шесты да насѣсти*», гдѣ эти слова какъ бы сближаются по значенію). На судахъ *шесты* упираютъ, какъ бы тоже утверждаютъ (*засáживаютъ*) въ дно рѣки.

Настаивать на этихъ проблематическихъ сближеніяхъ значеній мы однако не будемъ. Возможно, что *шестъ* «жердь» совсѣмъ иное слово. H. Pedersen (Indogermanische Forschungen V, 76) считаетъ его тожественнымъ съ литовскимъ *sziëksztas* «Baumstamm», гдѣ онъ видитъ также позднѣйшую «ассимиляцію», а *к* считаетъ вставкою. Однако значеніе литовскаго слова плохо вяжется по значенію съ русскимъ. По Куршату (II, 426) это: 1) «лежащее на землѣ вывороченное съ корнемъ дерево» и 2) «колода, которую прежде привязывали къ ногамъ преступниковъ».

Сыворотка. Славянскіе языки имѣютъ для «serum lactis» близкія, но фонетически трудно соединяемыя слова: вл.-русск.

сыворотка «жидкій отстой при вскисаніи молока», б.-русск. *сыроводка*, м.-русск. *сироватка*, серб. *sȕrutka*, польск. *serwatka*, чеш. *syrowatka*, словацк. *srwatka* и т. д. Миклошичъ однако находитъ возможнымъ выводить всѣ эти формы отъ одной темы **сыроватъ* «käsig» (Vergleich. Gram. II, 267; Etym. Wtb. 335—6). Согласившись съ этимъ мнѣніемъ, мы должны признать вл.-рус. форму наиболѣе «испорченною». Русскія прилагательныя на *-ватый* всѣ имѣютъ удареніе на окончаніи: *бѣловáтый*, *сыровáтый* и т. д.; удареніе это сохраняется и въ произведенныхъ отъ нихъ, вообще рѣдкихъ; намъ извѣстны еще только собственныя имена существительныхъ, напр. *Иловáтка* (затонъ и село на р. Вяткѣ), с. *Песковáтка* (въ Липецкомъ у.), слобода *Мѣловáтка* (Харьк. губ.). Въ этомъ отношеніи удареніе малорусск. *сировáтка* намъ вполнѣ понятно; напротивъ, ударенія вл.-русск. и б.-русскихъ словъ очень странны. Непонятна также вл.-русская «перестановка» *-вор-* на мѣстѣ *-ров-*.

Мы объясняемъ великорусскую форму изъ *сѫ — вороть, чтó могло означать «чтó бываетъ вмѣстѣ, чтó получается при *вращеніи* = свертываніи, «ссядышѣ молока»; по ударенію срв. сýтолока, сýкровица. Мы однако ничуть не думаемъ, что великорусская форма возникла совершенно самостоятельно и не имѣетъ ничего общаго съ другими славянскими формами. Здѣсь произошла только контаминація двухъ словъ или, еще скорѣе, исконное, сдѣлавшееся непонятнымъ этимологически, слово было осмыслено какъ *сѫ—вороть, причемъ слогъ *сы*—остался.

Впрочемъ, удареніе на начальномъ слогѣ слова могло быть и первоначальнымъ. Въ пользу этого говорили бы сербскія формы *čȕdovat* «удивительный», *čȉtovȃt* «невредимый» и т. п., равно и серб. *sȕrutka*. Однако не исключена возможность, что ударенія этихъ словъ позднѣйшія. А *sȕrutka* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть законнымъ наслѣдникомъ Миклошичевой темы **сыроватъ*; здѣсь, кажется, нужно думать о примѣненіи къ *сѫ-рѫть (срв. ц.-слав. *рѫтити сѧ* «метаться, ворочаться»).

Неустойчивость лежащей въ основѣ славянскаго *сыворотка*

звуковой темы заставляетъ предполагать, что самая эта тема не чисто славянскаго происхожденія. Она могла быть, напримѣръ, переводомъ или даже прямымъ заимствованіемъ готскаго *sûra watô «Sauer Wasser, кислая вода»; но подобнаго готскаго названія для «сыворотки» нигдѣ не отмѣчено, и о немъ, а значитъ и о славянскомъ заимствованіи изъ него, можно только гадать. Съ культурно-исторической точки зрѣнія въ пользу нашего предположенія говорилъ бы признаваемый большинствомъ изслѣдователей фактъ заимствованія отъ тѣхъ же германцевъ славянскаго слова *молоко*. Нужно думать, что сравнительно *болѣе усовершенствованныя* формы молочнаго хозяйства славяне переняли отъ германцевъ, причемъ они и могли измѣнить, на германскій ладъ, свое слово для «молока» (сохранивъ вполнѣ туземныя: *молозиво*, *млѣзиво*; *млъзеник*) и позаимствовать названіе для «сыворотки».

Стри-богъ. Мы находимъ возможнымъ, «не мудрствуя лукаво», выводить это имя древнерусскаго языческаго божества изъ *сътьри-богъ, т. е. сотри́, уничтожь — Богъ, разрушающее начало. Въ противоположность тому, начало доброе, подающее— *Дажь-богъ*. Кто знакомъ съ свирѣпыми буранами южно-русскихъ степей и ихъ смертоноснымъ (срв. *смерчъ* — отъ *смертъ?*) дѣйствіемъ, тотъ согласится, что «дѣду вѣтровъ» (*вѣтры — Стрибожи внуци* Слова о Полку Игоревѣ) вполнѣ приличествуетъ такое наименованіе.

Опенокъ. Вл.-русск. *опёнокъ* m., во множ. *опя́та* «грибъ Cantharellus Cibarius».—Древнее *опѧ, род. *опѧте нужно отнести къ очень широко распространенному на славянской почвѣ корню *рѫп (*пѧ-ти*, *о-по́н-а*, *пере-по́н-ка*, вл.-русск. обл. *за́-понъ* «родъ фартука», *за́-пон-ка* и т. д.). Какъ извѣстно, *опя́та* сплошною массою облегаютъ, какъ бы «обтягиваютъ» нижнія части пней, чѣмъ и нужно объяснять ихъ названіе.—Срв. серб. *опанак* m. «чулокъ», собственно «обтягивающій ногу».

Кобецъ. Русское *кóбецъ, кóбчикъ* m. «хищная птица Falco s. Tinnunculus vespertinus» Даль, Словарь ³II, 739; срв. Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона XV³ 496), польск. *kobiec*, чеш. *kobik*, *koba* и т. д. (см. Миклошичъ, Etym. Wtb. 121). — Мы роднимъ это слав. слово съ нѣмецкимъ *Habicht* «ястребъ» (срв. вр.-нѣм. *habich*, *habech*, *hębech*, др.-вер.-нѣм. *habuch*, англ.-сакс. *heafoc*). Дальнѣйшая исторія слова не ясна. — Германскіе ученые считаютъ *Habicht* образованнымъ на спеціально германской почвѣ, причемъ одни связываютъ это слово съ нѣмецкимъ глаголомъ *heben* (готск. *hafjan*; Kluge, Etym. Wtb. 149) «поднимать», другіе—съ *haben* (готск. *haban*; Skeat, Concise Etymolog. dictionary of the engl. langu. 197, 196) «имѣть, владѣть».

Д. Зеленинъ.

3 августа 1903.
Юрьевъ.

Князь В. Ѳ. Одоевскій.

(Рѣчь въ Публичномъ соединенномъ Собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности 16 ноября 1903 года).

Сегодня Академія Наукъ исполняетъ свой обычный долгъ благодарнаго воспоминанія о людяхъ, послужившихъ развитію русской мысли и общественнаго самосознанія. Въ торжественной и по возможности всесторонней оцѣнкѣ ихъ дѣятельности сказывается не только преемственная связь представителей слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній, но и необходимость будить въ обществѣ уваженіе къ труду усопшихъ служителей его духовнаго движенія впередъ. Не даромъ Гёте сказалъ: «Wir sind nur insofern zu achten, als wir zu schatzen wissen»...

Тридцатаго іюля только что истекшаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго. Пушкинъ справедливо упрекалъ насъ въ томъ, что мы *лѣнивы* и *не любопытны*. Къ этому можно бы прибавить, что въ огромномъ числѣ случаевъ мы и *неблагодарны*. Эти наши свойства сказываются обыкновенно въ томъ, что пользуясь нравственными или матеріальными плодами порядка вещей или строя мыслей, созданнаго совокупностью усилій выдающихся людей, мы — или забываемъ ихъ имя и ихъ дѣло совершенно, — или смѣшиваемъ ихъ съ другими, или, наконецъ, удерживая въ памяти ихъ имя, связываемъ съ нимъ представленіе о той сторонѣ

ихъ дѣятельности, которая представляетъ лишь частицу и притомъ далеко не главную, ихъ полезной, часто сопряженной съ жертвами и страданіями, жизни на пользу родины.

Князь Одоевскій представляетъ собою одинъ изъ примѣровъ такого печальнаго отношенія нашего къ дѣятелямъ, которые, выражаясь словами поэта, «сѣяли разумное, доброе, вѣчное».

Если тѣсный кругъ историковъ русской словесности и еще болѣе тѣсная среда изслѣдователей движенія русской общественной мысли и относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ литературной и трудовой дѣятельности Одоевскаго[1]), то вообще среди русскихъ образованныхъ людей существуетъ самое смутное понятіе о кн. Одоевскомъ. *Одни* знаютъ его какъ автора прекрасныхъ и глубокихъ по содержанію дѣтскихъ сказокъ,—*другіе* слышали о немъ кое-что лишь какъ объ оригиналѣ и чудакѣ въ области искусства и преимущественно музыки,—*третьи* смѣшиваютъ его съ декабристомъ кн. Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ и даже цитируютъ чудные стихи Лермонтова: «Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ въ горахъ Востока и т. д.», будтобы посвященные *ему*, — и, наконецъ, *четвертые* ровно ничего о немъ не знаютъ, уже по тому одному, что они многое множество лѣтъ не встрѣчали его имени въ оффиціальномъ спискѣ чиновъ первыхъ трехъ классовъ. А между тѣмъ труды и личность этого человѣка заслуживаютъ и пристальнаго вниманія и глубокаго благодарнаго уваженія.

Трояко приковываютъ къ себѣ взоръ изслѣдователя прошлаго выдающіеся люди въ области вдумчивой и творческой мысли. Одни взлетаютъ среди сгустившихся сумерекъ, какъ шумная ракета, оставляющая на своемъ пути огненный слѣдъ и разсыпающаяся въ высотѣ, куда слѣдятъ за нею напряженные взоры зрителей, тысячами блестящихъ искръ или медленно плывущихъ свѣтящихся огней. Къ сожалѣнію, однако, этотъ празд-

---

1) Профессоръ Сумцовъ, Кубасовъ, Вѣтринскій, Пятковскій, Мизиновъ и другіе.

ничный трескъ не долговѣченъ, и скоро смѣняется легкимъ облачкомъ дыма среди еще болѣе сгустившейся тьмы. Другіе свѣтятъ ровнымъ и холоднымъ свѣтомъ электрической лампы, давая возможность на довольно большомъ разстояніи различать истинныя очертанія предметовъ. Этотъ полезный и даже необходимый свѣтъ похожъ однако на осеннее солнце, которое свѣтитъ, но не грѣетъ. Есть и такіе, которые горятъ тихимъ, ровнымъ и примирительнымъ огонькомъ лампады предъ образомъ, на которомъ изображены лучшія чаянія и требованія человѣческаго духа, свободнаго отъ низменныхъ и условныхъ узъ житейской прозы.

Такой лампадой былъ кн. Одоевскій. И на образѣ, предъ которымъ она горѣла, были начертаны — *правда, знаніе и дѣятельная любовь* къ людямъ. Вооруженный знаніемъ, всестороннимъ и оживленнымъ жадностью пытливаго ума, Одоевскій всю жизнь стремился къ правдѣ, чтобы служить ей, а ею—людямъ. Отсюда его ненависть къ житейской и научной лжи, въ чемъ бы онѣ не проявлялись; отсюда его отзывчивость къ нуждамъ и бѣдствіямъ людей и пониманіе ихъ страданій; отсюда его бѣдность и сравнительно скромное служебное положеніе, несмотря на то, что онъ носилъ древнее историческое имя, принадлежа къ старѣйшимъ изъ Рюриковичей и происходя отъ кн. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ 1286 г. въ Ордѣ и причисленнаго Церковью къ лику святыхъ. До старости онъ представлялъ собою довольно рѣдкое у насъ исключеніе и никогда не становился *человѣкомъ прошедшаго* и *человѣкомъ прошедшимъ*, не переходя на столь обычную торную дорогу, на которой за равнодушіемъ къ тому, что возбуждало когда-то негодованіе, слѣдуетъ терпимость къ нему, а за тѣмъ и примиреніе съ нимъ, иногда тайное, а иногда и явное, съ громогласнымъ отреченіемъ отъ сатаны.

Онъ самъ прекрасно охарактеризовалъ себя въ 1841 году, въ повѣсти «Эльса», въ слѣдующихъ словахъ: «Въ Москвѣ жилъ-былъ у меня дядюшка, человѣкъ немолодой, но съ умомъ, серд-

цемъ и образованностью; а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться; дядюшка не выживалъ изъ ума, потому, что не выживалъ изъ людей. Три поколѣнія прошли мимо него, и онъ понималъ языкъ каждаго. Новизна его не пугала. Постоянно слѣдя за жизнью науки, онъ привыкъ видѣть естественное развитіе этого огромнаго дерева, гдѣ безпрестанно изъ открытія являлось открытіе, изъ наблюденія—наблюденіе, изъ мысли выростала другая мысль». Вотъ почему въ рамки неблестящей по внѣшности жизни Одоевскаго было заключено богатѣйшее содержаніе.

Какъ-бы разнообразенъ и самобытенъ ни былъ талантъ писателя, къ послѣднему всетаки можно предъявить всегда рядъ требованій, лишь при наличности которыхъ онъ можетъ съ успѣхомъ исполнять свою просвѣтительную задачу. Въ произведеніяхъ его должна сквозить его личная душа, и каждое произведеніе должно быть откровеніемъ личной души автора, *заражающей*, по выраженію гр. Л. Н. Толстаго, душу общества своимъ настроеніемъ, надеждами или страданіями. Не даромъ Лермонтовъ влагаетъ въ уста холодной и пустой толпы слова: «Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?» Конечно, писатель не долженъ выдвигать постоянно на первый планъ свою личность съ ея антипатіями, вкусами и наклонностями, но душа его должна *чувствоваться* въ его произведеніяхъ. Это требованіе имѣло большое значеніе въ тѣ старые годы, когда Одоевскій выступилъ на литературное поприще, и когда всё, или почти всё сводилось къ *занимательности* разсказа, въ которомъ можно было уловить силу воображенія и искусство замысла автора, но нельзя было ощутить біенія его сердца. Оно существенно и въ настоящее время, когда въ литературу вторглось направленіе, предпочитающее форму содержанію и переносящее центръ тяжести произведенія въ неопредѣленныя, неясныя и даже уродливыя настроенія, за которыми также не слышится голоса нормально чувствующаго сердца. Это требованіе даже особенно важно нынѣ при той роли, которую присваиваетъ себѣ торжествующій *эго-*

тизмъ, убаюкивающій себя, въ отрѣшеніи отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, пестрой и звонкой игрою красокъ и звуковъ.

Затѣмъ, мысль автора должна имѣть свойство переживать форму. Послѣдняя можетъ ветшать, но пусть облеченная въ нее мысль будетъ обращена на вопросы, вѣчно волнующіе человѣчество, и потому — всегда современные. Послѣднее требованіе осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе читателей *языкъ* и *стиль* произведенія.

Наконецъ, за исключеніемъ мистическихъ и философскихъ произведеній, мысль автора тогда только живуча и ударяетъ по струнамъ души «съ невѣдомою силой» когда она не отрѣшена отъ жизни, черпаетъ изъ нея свое движущее начало и, питая ее своимъ содержаніемъ, не противорѣчитъ ея законнымъ требованіямъ. При этомъ личная дѣятельность писателя должна находиться въ соотвѣтствіи съ его словомъ, и тѣмъ доказывать, что его слово и мысль—едины и нераздѣльны.

Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ князь Одоевскій. Его образный, сильный языкъ, блещущій метафорами и здоровымъ паѳосомъ, обратилъ на себя вниманіе еще Бѣлинскаго, который подмѣтилъ въ немъ «безпокойный и страстный юморъ». Можно даже сказать, что въ языкѣ Одоевскаго гораздо болѣе слышится ораторъ, чѣмъ писатель,—чувствуется трибуна, но не спокойный кабинетъ. И это потому, что онъ старался говорить обществу, поучая его и будя его мысль, а не только занимая и развлекая его. Его душа, удрученная всѣмъ, что онъ видѣлъ тяжелаго и ложнаго въ окружающей жизни, стремилась высказаться въ выраженіяхъ, за ироніей которыхъ, подчасъ довольно мрачной, слышались наболѣвшіе звуки любящей души. Съ этой точки зрѣнія извѣстное французское выраженіе «le style c'est *l' homme*»—въ приложеніи къ нему, могло бы быть передѣлано въ «le style c'est *l' âme*».

Для примѣра достаточно привести нѣсколько словъ изъ его разсказа «Балъ», гдѣ онъ описываетъ наводненіе, прервавшее

свѣтскій праздникъ и грозящее смертью гостямъ. «Подъ веселый напѣвъ контрданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому, долголѣтнему плану; тамъ улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и, торжествующая подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія... Но послышался шумъ... Иные шепчутъ между собою... Иные быстро побѣжали изъ комнаты и трепещущіе возвратились... Со всѣхъ сторонъ раздается крикъ... «Вода! вода!», всѣ бросились къ дверямъ: но уже поздно! Вода захлестнула весь нижній этажъ. Въ другомъ концѣ залы еще играетъ музыка; тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера-сдѣланной подлости, о той, которую надобно сдѣлать завтра; тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ. Но вскорѣ всюду достигла страшная вѣсть,—музыка прервалась, всё смѣшалось... Отчего жъ поблѣднѣли всѣ эти лица? Отчего стиснулись зубы у этого ловкаго, краснорѣчиваго ритора? Отчего такъ залепеталъ языкъ у этого угрюмаго героя? Отчего такъ забѣгала эта важная дама, которой, бывало, каждый шагъ казался снисхожденіемъ къ окружающимъ? О чемъ спрашиваетъ этотъ великолѣпный мужъ, для котораго и лишній взглядъ казался оскорбленіемъ?.. Какъ, милостивые государи, такъ есть на свѣтѣ нѣчто, кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, расчетовъ? Неправда! пустое! всё пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день,—опять можно будетъ продолжать начатое, свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!»... Наводненіе дѣлаетъ свое дѣло: волны, какъ тигры разбиваютъ окна, и со всѣхъ сторонъ врываются въ залу. Гибель неизбѣжна, и автору приходится сознаться, что положеніе ужасно. «Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно, говоритъ онъ,—еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ

женщинъ! Еще минута, и честолюбивыя украшенія на груи вашей только прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ васъ на холодное дно. Гдѣ же всемощныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы?... Милостивые государи, *наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ*. Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы? Милостивые государи, вы потеряли *значеніе* сего слова. Что же остается вамъ?... Смерть, смерть, ужасная, медленная! Но ободритесь: что-жъ такое смерть? Вы люди дѣльные, благоразумные; правда, вы презрѣли голубиную чистоту, зато постигли змѣиную мудрость,—неужели то, о чемъ посреди тонкихъ, смѣтливыхъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли обмануть ее *льстивою рѣчью?* нельзя ли *подкупить* ее? наконецъ, нельзя ли ее *оклеветать?*»

Говоря въ «Русскихъ ночахъ» о картахъ, какъ объ изобрѣтеніи враждебной человѣку силы, которая стремится развить въ его душѣ дурныя чувства, отучить его думать о чемъ-нибудь серьезномъ и сравнять между собою людей, сплотивъ ихъ такъ, чтобы не могла выставиться ни одна голова и ни одно сердце, князь Одоевскій пишетъ: «За картами нельзя думать ни о чемъ кромѣ картъ, и, главное, за картами всѣ равны: и красавецъ, и уродъ, и ученый, и невѣжда, и геній, и нуль, и умный человѣкъ, и глупецъ; нѣтъ никакого различія: послѣдній глупецъ можетъ обыграть перваго философа въ мірѣ, а маленькій чиновникъ большого вельможу. Представьте себѣ наслажденіе какого-нибудь нуля, когда онъ можетъ обыграть Ньютона или Лейбница и сказать имъ: «Да вы, г. Ньютонъ, играть не умѣете; вы, г. Лейбницъ, не умѣетъ картъ въ руки взять!» Такъ рисуя безотрадную и полную наростающаго раздраженія и зависти жизнь свѣтской старой дѣвы, Одоевскій кончаетъ свой разсказъ остроумнымъ описаніемъ проникнутыхъ злобой и ненавистью сновъ старой дѣвы о ея соперникахъ, обогнавшихъ ее въ выходѣ замужъ и не находитъ, однако словъ порицанія для изуродованнаго

условіями жизни несчастнаго существа, страдающаго и причиняющаго другимъ страданія. «Что же дѣлать, — восклицаетъ онъ — если для дѣвушки въ обществѣ единственная цѣль въ жизни — выйти, замужъ! если ей съ колыбели слышатся эти слова, «когда ты будешь замужемъ!» Ее учатъ танцовать, рисовать, музыкѣ для того, чтобъ она могла выйти замужъ; ее одѣваютъ, вывозятъ въ свѣтъ, ее заставляютъ молиться Господу Богу, чтобъ только скорѣе выйти замужъ. Это предѣлъ и начало ея жизни. Это сама жизнь ея. Что же мудренаго, если для нея всякая женщина дѣлается личнымъ врагомъ, а первымъ качествомъ въ мужчинѣ — *удобоженимость?* Плачьте и проклинайте,—но не бѣдную дѣвушку!»

Вдумчивый и глубокій мыслитель сказывается *въ содержаніи* произведеній Одоевскаго. Въ нихъ чрезвычайно ярко и постоянно просвѣчиваетъ ненависть къ обычной житейской лжи и стремленіе къ борьбѣ съ нею. Самъ Одоевскій въ замѣткахъ своихъ, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ, опредѣляетъ себя, какъ борца противъ лжи и подчасъ ея жертву: «Ложь въ наукѣ, ложь въ искусствѣ и ложь въ жизни были всегда моими врагами и моими мучителями. Всюду я преслѣдовалъ ихъ и всюду они меня преслѣдовали». Его проницательному и направленному къ идеямъ высшаго порядка уму было ясно, что наиболѣе широкое проявленіе этой лжи выражается въ условности людскихъ отношеній, идущихъ въ разрѣзъ съ здравымъ разсудкомъ и съ законными требованіями сердца. Опутывая человѣка, эта условность постепенно и неотвратимо заволакиваетъ туманомъ и скрываетъ истинный *смыслъ* жизни, устраняя такимъ образомъ и заботу о *содержаніи* этой жизни, и вызывая на равнодушіе къ самымъ вопіющимъ ея противорѣчіямъ и на примиреніе съ ними.

Князь Одоевскій рано вступилъ въ общественную дѣятельность, и первые шаги пришлось ему дѣлать по окончаніи курса въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, среди условій жизни, въ которыхъ еще очень сильно сказыва-

лась «Грибоѣдовская Москва» и гдѣ литературныя занятія сводились въ значительной своей части къ ребяческимъ забавамъ «Арзамаса». Затѣмъ, надъ этимъ обществомъ пронеслась гроза, послѣдовавшая за 14 декабря 1825 г., и жизнь общества, на время взволнованная тѣми, кого смела эта гроза съ лица образованной Россіи, вошла въ колею обычнаго свѣтскаго существованія, всѣ интересы котораго сосредоточивались на настоящемъ днѣ, безъ особенной заботы о днѣ завтрашнемъ. Крѣпостное право охраняло членовъ этого общества отъ какихъ-либо заботъ не только о хлѣбѣ насущномъ, но и о трудѣ вообще; а «спасительный страхъ» за свое личное положеніе, присоединившійся къ прежнему самодовольству, развилъ особенную жажду развлеченій, какъ средства убить не только время, но и тревожные запросы души. Съ этой свѣтской жизнью (тогда не существовало общественной жизни въ нынѣшнемъ смыслѣ слова) и вступилъ въ борьбу, рисуя ея лживыя и мрачныя стороны, князь Одоевскій. Его не могъ подкупить своимъ наружнымъ блескомъ тотъ «хладный свѣтъ», который наноситъ сердцу «неотразимыя обиды», — гдѣ господствуетъ «молвы коварное гоненье», — гдѣ приходится «за каждый свѣтлый мигъ платить слезами и тоской», — гдѣ, по выраженію Шамфора, «ошибки вырѣзаются на мѣди, а заслуги начертываются на пескѣ». Отсюда сатирическое направленіе многихъ его произведеній, въ которомъ онъ объявилъ систематическую войну пошлости и ничтожности такъ называемой свѣтской жизни.

Уже въ 1824 году онъ помѣщаетъ въ Альманахѣ «Мелюзина» фантастическій апологъ подъ названіемъ «Старички, или островъ Панхаи», гдѣ описывается фантастическій островъ, населенный *старцами-младенцами*, наблюденіе надъ которыми показываетъ «свѣтъ и людей, въ немъ живущихъ, въ истинномъ ихъ видѣ». Одни старцы съ чрезвычайной важностью перекидываютъ другъ другу пестрые мячики, и игра эта называется свѣтскими разговорами. Другіе старцы окружаютъ дерево съ красивыми, но гнилыми плодами, къ которымъ каждый изъ нихъ лѣ-

зетъ изгибая спину, отталкивая однихъ и хватаясь за другихъ, рукоплеща достигшимъ доверху и немилосердно колотя упавшихъ. Подводя къ этому дереву юношей и показывая растущіе на немъ плоды, старцы-младенцы увѣряютъ, что плоды чрезвычайно вкусны и составляютъ единственную цѣль человѣческой жизни, а ее лучше всего можно достигнуть перекидываньемъ пестраго мячика. Нѣкоторые старцы-младенцы, завязавъ себѣ глаза и приказавъ за собою слѣдовать толпѣ юношей, приводятъ ихъ въ незнакомое имъ самимъ мѣсто и съ важностью указывая невидимый имъ самимъ путь, ссылаются на свою опытность, сдѣлавшую ихъ искусными въ подачѣ совѣтовъ и т. д.

Съ наибольшею силою сказалось отрицательное отношеніе Одоевскаго къ современному ему укладу окружавшей его жизни въ рядѣ его прелестныхъ и проникнутыхъ высокою мыслью сказокъ для взрослыхъ, и въ особенности въ сказкѣ «О Кивакелѣ» (1833 г.). За двадцать лѣтъ до геройской гибели защитниковъ Севастополя среди его окровавленныхъ развалинъ,—гибели, обнаружившей съ жестокою и кровавою очевидностью то, что Иванъ Аксаковъ называлъ «фасадностью» нашей жизни,—князь Одоевскій указывалъ на опасность общественнаго настроенія, находившаго себѣ нравственное удовлетвореніе въ сознаніи призрачной, какъ оказалось, военной мощи, развиваемой въ прямой ущербъ развитію духовныхъ силъ народа,—на ряду съ высокомѣрною терпимостью лишь къ самымъ слабымъ и одностороннимъ проблескамъ мысли.

Въ красивую куклу восточный мудрецъ и волшебникъ вдохнулъ живую мысль и горячее чувство, но по ироніи судьбы она становится женою господина Кивакеля, въ грубомъ, безобразномъ и неповоротливомъ тѣлѣ котораго живетъ «деревянная душа». Одухотворенная красавица-кукла жалѣетъ о несчастномъ и, «гордая искусствомъ любви и страданій», рѣшается возвысить и возродить грубое, униженное природой существо, и тѣмъ исполнить высокое предназначеніе женщины. Начинается долгая и безуспѣшная работа, въ концѣ которой Кивакель самъ выбираетъ

для себя занятіе и наслажденіе: онъ ежедневно тщательно набиваетъ и выкуриваетъ 80 трубокъ, и лошадь дѣлается его наукой, искусствомъ, поэзіей, жизнью, любовью, добродѣтелью, преступленіемъ и вѣрою. Тщетно красавица призываетъ на помощь всю силу ума, чувства и воображенія: ничто не можетъ заставить ея владыку мыслить о чемъ-либо, кромѣ стойла, въ которомъ стоятъ его любимцы. «Напротивъ,—говоритъ князь Одоевскій,—обжившись хозяиномъ въ домѣ, онъ сталъ смотрѣть на красавицу, какъ на рабу свою; горячо сердился за ея упреки; не прощалъ ей ни одной минуты самозабвенія; ревниво слѣдилъ каждый невинный порывъ ея сердца, каждую мысль ея, каждое чувство; всякое слово, не похожее на слова, имъ произносимыя, онъ называлъ нарушеніемъ законовъ божескихъ и человѣческихъ; и иногда въ свободное отъ своихъ занятій время, между трубкою и лошадью, читалъ красавицѣ увѣщанія, въ которыхъ восхвалялъ свое смиренномудріе и охуждалъ то, что онъ называлъ развращеніемъ ума ея». Но мудрецъ востока, научившій красавицу искусству страдать, не далъ ей умѣнья переносить страданья и она зачахла, измученная своею жизнью.

Хотя «difficile satyram non scribere», князь Одоевскій сознавалъ однако необходимость выразить и свои положительные идеалы, указавъ на то, въ чемъ видитъ онъ смыслъ и содержаніе жизни. Любовь къ людямъ — живая и дѣятельная — должна быть движущимъ началомъ въ жизни человѣка, не отдающагося исключительной и близорукой заботѣ о самомъ себѣ. Въ рядѣ повѣстей и отдѣльныхъ эпизодовъ своихъ «Русскихъ ночей» Одоевскій облекаетъ это нравственное требованіе въ поэтическіе образы и въ картины, нѣсколько устарѣлый языкъ которыхъ вполнѣ искупается ихъ внутреннимъ смысломъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь долженъ быть поставленъ коротенькій разсказъ «Бригадиръ». Давно уже замѣчено, что талантливымъ людямъ, съ возвышеннымъ строемъ души, вовсе не знающимъ другъ друга, живущимъ на разныхъ концахъ свѣта, раздѣленныхъ временемъ и національными особенностями,—приходятъ однако однѣ и тѣ же

мысли, воплощаемыя въ художественные образы, при чемъ разность выполненія не измѣняетъ существа сюжета. Достаточно указать въ этомъ отношеніи, напримѣръ, на «Портретъ» Гоголя и на удивительный по силѣ и сжатости разсказъ Эдгара Поэ «Овальный портретъ», гдѣ одна и та же мысль — о художникѣ, извлекающемъ вмѣстѣ съ живыми красками самую жизнь изъ того, чье изображеніе онъ пишетъ, — пришла въ голову двумъ писателямъ, конечно никогда другъ о другѣ не слыхавшимъ. То же явленіе повторилось и съ Одоевскимъ, сказка котораго «О мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ», ярко рисующая наши старые, отжившіе судебные порядки, сходится въ основномъ фантастическомъ замыслѣ съ позднѣйшею популярной новѣстью англійскаго писателя Стевенсона «Исторія доктора Джекиля и мистера Гайда».

Приглашенный на похороны «Бригадира», который всю жизнь ѣлъ, пилъ, не дѣлалъ ни добра, ни зла, не былъ никѣмъ любимъ и не любилъ никого, авторъ присутствуетъ холодно при отпѣваніи и нигдѣ не замѣчаетъ ни слезы, ни вздоха, ни слова, — но ночью мертвецъ приходитъ къ нему, щеголяетъ какимъ-то родственнымъ съ нимъ сходствомъ и съ выраженіемъ неистощимой грусти и горькаго упрека, начинаетъ вызывать передъ нимъ китайскія тѣни изъ своей прошлой жизни. Передъ читателемъ проходитъ помѣщичій домъ, гдѣ отецъ, занятый службой, картами и псовой охотой, думаетъ, что воспитываетъ своего сына, когда поитъ, одѣваетъ, бранитъ и сѣчетъ его, — гдѣ мать занята надзоромъ за нравственностью цѣлаго околотка, такъ что ей некогда присмотрѣть ни за нравственностью сына, ни за своей собственной. Она учитъ сына притворяться, лгать, быть почтительнымъ къ роднымъ и выучивать наизусть слова, которыхъ она сама не понимаетъ, — и все это, полагая, что она его воспитываетъ, когда, въ сущности, воспитываетъ грязная дворня, обучая его легко усваиваемымъ изобрѣтеніямъ невѣжества и разврата. Этому воспитанію соотвѣтствуетъ и ученіе, которое не развертываетъ, а убиваетъ способности; а затѣмъ идетъ

служба и женитьба по разсчету и такое же, по отцовскимъ завѣтамъ, воспитаніе и ученіе дѣтей. «Бригадиръ» жены своей никогда не любилъ и что такое любовь, никогда не зналъ; сначала онъ не замѣчаетъ этого, тѣмъ болѣе, что выѣзды въ свѣтъ не даютъ ни времени, ни матеріала для разговора. Съ годами, однако, совмѣстная жизнь становится тяжелѣе, отчужденіе и взаимное непониманіе все увеличиваются, но желаніе, чтобы чужіе люди хвалили и называли примѣрными супругами людей, которые терпѣть другъ друга не могутъ, мѣшаетъ имъ найти выходъ изъ этого положенія... Между тѣмъ, служба, безсмысленная по цѣли, лѣнивая и равнодушная по исполненію, идетъ впередъ и создаетъ Бригадиру видное положеніе, переплетаясь съ постоянной скукой, которую не прогоняютъ ни гранъ-пасьянсъ, ни пререканія съ женой, ни выѣзды на вечера, ни наводящая сонъ попытка читать неудобопонятныя книги, ибо *не думать* обратилось у него въ привычку. Затѣмъ наступаетъ болѣзнь и смертный, животный страхъ приближающейся кончины... И вотъ въ то время, когда Бригадиръ борется за свое пустое и жалкое существованіе, завѣса упадаетъ съ его глазъ, и передъ нимъ раскрывается «бездна любви и человѣческаго самосвѣдѣнія»,—вся жизнь его предстаетъ передъ нимъ во всей отвратительной наготѣ своей; онъ видитъ посрамленные дары Провидѣнія и всѣ минуты его существованія, затоптанныя въ безсмысліи, приличіяхъ и ничтожествѣ, сливаются въ одинъ страшный упрекъ, не открывающій во всемъ его существованіи ни одной мысли или чувства, которыя могли бы оправдать его въ собственныхъ глазахъ. На внезапно развернувшуюся въ немъ жажду любви и дѣятельности, заглушенную во время жизни, ему отвѣчаетъ духовная пустыня, и въ дѣтяхъ своихъ онъ видитъ продолженіе своего ничтожества... «Я метался,—говоритъ Бригадиръ,—рвался, произносилъ отрывистыя слова, которыми въ одинъ мигъ хотѣлъ высказать себѣ то, на что недостаточно человѣческой жизни; родные воображали, что я въ безпамятствѣ. О, какимъ языкомъ выразить мои страданія?! Я *началъ думать!*

Думать—страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безсмысленной жизни! *Я понялъ любовь!* Любовь — страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безчувственной жизни!» Невольно приходится замѣтить, какъ въ этомъ разсказѣ твердо намѣчаются тѣ мотивы, которые съ такою силою и художественной разработкой зазвучали потомъ, полъ вѣка спустя, въ «смерти Ивана Ильича» у великаго писателя земли русской — и въ разсужденіяхъ объ адѣ старца Зосимы у Достоевскаго. При этомъ нельзя не отмѣтить и того, что въ эпоху появленія «Шинели» Гоголя и князь Одоевскій отнесся съ теплой сердечностью къ участи скромныхъ канцелярскихъ тружениковъ, изобразивъ одного изъ нихъ впавшимъ, подъ вліяніемъ несправедливостей и безучастія начальства, постоянно обходящаго его по службѣ, въ тихое помѣшательство. Когда, наконецъ, за отсутствіемъ просьбъ вліятельныхъ лицъ ему рѣшаются дать повышеніе, его находятъ сидящимъ на одной изъ полокъ архива и говорящимъ про себя: «Я,—господа,—*рѣшенное дѣло*, *я*, *рѣшенное дѣло...*»

Рядомъ съ *любовью къ людямъ* въ князѣ Одоевскомъ жила живая *любовь къ знанію*. Можно сказать, что уваженіе къ человѣческому достоинству и душевной свободѣ, проповѣдь снисхожденія и дѣятельной любви къ людямъ, восторженная преданность наукѣ и стремленіе всесторонне вникнуть въ организмъ духовной и физической природы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества,— составляютъ характерную черту его произведеній. Главное мѣсто среди сочиненій его принадлежитъ, безспорно, «Русскимъ ночамъ»—философской бесѣдѣ между нѣсколькими молодыми людьми, въ которую вплетены, для иллюстраціи высказываемыхъ ими положеній, разсказы и повѣсти, отражающіе въ себѣ задушевныя мысли, надежды, симпатіи и антипатіи автора.

Понимая науку въ самомъ широкомъ смыслѣ и стремясь оградить ее отъ вторженія односторонней спеціализаціи, онъ ратовалъ противъ того явленія, которое, напримѣръ, въ медицинѣ, много лѣтъ спустя, вызвало строгое слово осужденія со стороны такого великаго ученаго, какъ Вирховъ, и такого практика, какъ

Лейденъ. Стремленіе къ чрезмѣрной спеціализаціи знаній, съ утратой сознанія общей между ними связи и гармоніи, дѣлающее изъ ученаго подобіе фабричнаго рабочаго, понимающаго только то узкое дѣло, которое ему отведено пресловутымъ раздѣленіемъ труда,—внушило Одоевскому содержаніе для «Импровизатора» и ряда другихъ разсказовъ. Боролся Одоевскій и противъ взглядовъ, которые все знаніе строютъ на одномъ близорукомъ опытѣ, безъ обобщенія его результатовъ связующими идеями высшаго порядка. Онъ зло смѣялся надъ выводами изъ случайныхъ и поспѣшныхъ опытовъ, которымъ спѣшатъ такъ часто придать характеръ неопровержимой истины. Въ «Русскихъ ночахъ» этотъ взглядъ его нашелъ себѣ между прочимъ остроумное выраженіе въ анекдотѣ о врачѣ, давшемъ умирающему отъ холеры портному, по его неотступной, внушенной болѣзненнымъ извращеніемъ вкуса, просьбѣ—кусочекъ ветчины. Больной, смерть котораго казалась неизбѣжной, однако выздоровѣлъ. Радуясь успѣху своего опыта, врачъ, «ничтоже сумняся», отмѣтилъ въ своей книжкѣ: «Лучшее средство противъ холеры—ветчина». Но когда это же самое средство было примѣнено къ заболѣвшему сапожнику, оно,—ускоривъ его уходъ къ праотцамъ,—не вызвало смущенія во врачѣ, открывшемъ, по его мнѣнію, универсальное эмпирическое средство противъ холеры и онъ записалъ въ своей книжкѣ: «Ветчина превосходное средство противъ холеры у *портныхъ*, но не у *сапожниковъ*».

Глубокая образованность, на философской подкладкѣ шеллингіанства, вынесеннаго еще изъ университета, пріучила Одоевскаго зорко слѣдить за открытіями въ наукѣ и за господствующими теоріями, съ которыми въ той или другой формѣ, онъ знакомилъ своихъ читателей. При этомъ, въ передачѣ сложныхъ и отвлеченныхъ понятій, его языкъ становился очень опредѣлителенъ и ясенъ. Во времена его молодости два имени особенно интересовали умы и создавали ряды послѣдователей. Это были—Бентамъ, ученіе котораго полагало въ основу всѣхъ человѣческихъ дѣйствій исключительно начало полезнаго, какъ цѣль и

движущую силу,—и Мальтусъ, съ его знаменитымъ закономъ о возрастаніи населенія въ геометрической прогрессіи, а произведеній природы въ ариѳметической, со всѣми вытекающими изъ этого матеріальными и нравственными послѣдствіями для несчастнаго человѣчества, имѣющаго слабость «плодиться и размножаться».

Разсказъ «Городъ безъ имени» представляетъ исторію процвѣтанія острова, населеннаго исключительно служителями *пользы*, среди которыхъ постепенно угасаютъ всѣ возвышенныя идеи и все то, что не имѣетъ практически-полезнаго выраженія въ жизни обыденной, вродѣ искусства, философіи и т. п., смѣняясь постепенно развивающимся стремленіемъ къ эксплоатаціи сначала сосѣдей, а потомъ другъ друга, покуда, наконецъ, опустошительная война не сметаетъ съ лица острова все населеніе погрязшее въ однихъ практическихъ разсчетахъ. Въ направленномъ противъ Мальтуса разсказѣ «Послѣднее самоубійство», князь Одоевскій рисуетъ то состояніе общества, которое должно-бы явить собою послѣдовательный и неотвратимый результатъ торжества знаменитаго закона англійскаго ученаго, который, проникнувъ въ сознаніе массъ, такъ печально нынѣ отражается на почти полномъ отсутствіи прироста коренного народонаселенія Франціи. «Наступило время,—говоритъ онъ,—предсказанное философами XIX вѣка: родъ человѣческій размножился; потерялась соразмѣрность между произведеніями природы и потребностями человѣчества. Медленно, но постоянно приближалось оно къ сему бѣдствію. Гонимые нищетою, жители городовъ бѣжали въ поля, поля обращались въ села, села—въ города, а города нечувствительно раздвигали свои границы. Тщетно человѣкъ употреблялъ всѣ знанія, пріобрѣтенныя трудами вѣковъ, тщетно къ ухищреніямъ искусства присоединялъ онъ ту могущественную дѣятельность, которую порождаетъ роковая необходимость: давно уже аравійскія песчаныя степи обратились въ плодоносныя пажити; давно уже льды сѣвера покрылись тукомъ земли; неимовѣрными усиліями химіи искусственная теплота живила царство вѣчнаго хлада...

Но все тщетно: протекли вѣка, и животная жизнь вытѣснила растительную, слились границы городовъ, и весь земной шаръ, отъ полюса до полюса, обратился въ одинъ обширный, заселенный городъ, въ который перенеслись вся роскошь, всѣ болѣзни, вся утонченность, весь развратъ, вся дѣятельность прежнихъ городовъ; но надъ роскошнымъ градомъ вселенной тяготѣла страшная нищета, и усовершенные способы сообщенія разносили во всѣ концы шара лишь вѣсти объ ужасныхъ явленіяхъ голода и болѣзней. Еще возвышались зданія; еще нивы въ нѣсколько ярусовъ, освѣщенныя искусственнымъ солнцемъ, орошаемыя искусственною водою, приносили обильную жатву,—но она исчезала прежде, нежели успѣвали собирать ее: на каждомъ шагу, въ каналахъ, на рѣкахъ, въ воздухѣ, вездѣ тѣснились люди; все кипѣло жизнью, но жизнь умерщвляла сама себя... Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастье и гордость человѣка. Давно уже погасъ божественный огонь искусства, давно уже и философія и религія отнесены были къ разряду алхимическихъ знаній. Съ тѣмъ вмѣстѣ разорвались всѣ узы, соединявшія людей между собой, и чѣмъ болѣе нужда тѣснила ихъ другъ къ другу, тѣмъ болѣе чувства ихъ разлучались. Каждый въ собратѣ своемъ видѣлъ врага, готоваго отнять у него послѣднее средство для бѣдственной жизни... Самоубійцы внесены были въ число героевъ, насмѣшка надъ жизнью сдѣлалась обыкновеннымъ привѣтствіемъ, любовь—преступленіемъ».

Затѣмъ слѣдуетъ яркая и сжатая, на нѣсколькихъ всего страницахъ, картина несчастій погибающаго человѣчества,—его горестныхъ сомнѣній въ возможности какого-либо вида счастья,—и постепеннаго убѣжденія въ жестокости природы. «Истребляя одно вещество другимъ, природа развиваетъ новыя произведенія, болѣе совершенныя; на смерти однихъ основываетъ существованіе многихъ другихъ, съ коварствомъ приковывая къ страданіямъ однихъ наслажденія и счастье другихъ, и распространяя ежечастно свое владычество, безпрестанно въ каждомъ новомъ существѣ создавая новый способъ страданія,—она до-

стигаетъ, наконецъ, человѣка съ его неустанной дѣятельностью». Являются глашатаи, которые раскрываютъ, наконецъ, предъ изстрадавшимся человѣчествомъ горестную тайну его существованія и убѣждаютъ его, что оно—лишь безсознательная игрушка въ рукахъ жестокой природы, преслѣдующей исключительно свои цѣли вѣчнаго продолженія жизни. И когда эта мысль проникла въ душу огромнаго большинства, является послѣдній глашатай, который проповѣдуетъ, что единственное средство борьбы съ природой, стремящейся къ *жизни*, есть *смерть*. Тогда всѣ изобрѣтенія человѣчества пускаются въ ходъ и «въ урочный торжественный часъ трескъ распадающагося земного шара потрясъ солнечную систему; разорванныя громады Альповъ и Чимборазо взлетѣли на воздухъ, раздалось нѣсколько стоновъ... еще... пепелъ возвратился на землю... все утихло... *и жизнь впервые раскаялась!..*» Этотъ разсказъ не только отражаетъ въ себѣ, въ поэтической формѣ, взгляды барона Гольбаха, изложенные въ его «Système de la nature», въ которой теоретически намѣчены идеи, впослѣдствіи блистательно практически подтвержденныя Дарвиномъ, но и представляетъ, въ подробностяхъ своего конца, сжатый синтезъ ученія Шопенгауера, съ книгой котораго «Die Welt als Wille und Vorstellung», какъ видно изъ замѣтокъ Одоевскаго, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, онъ былъ знакомъ еще въ то время, когда въ самой Германіи она лежала, обреченная на гніеніе, въ книжныхъ складахъ.

Являясь защитникомъ человѣческой личности, Одоевскій всегда на первый планъ ставилъ не поглощающія эту личность учрежденія, а ея духовныя свойства, придающія смыслъ и значеніе самой дѣятельности учрежденія. Не оглушалъ его и громъ военной славы и шумный говоръ крикливаго патріотизма, считавшійся выраженіемъ любви къ родинѣ до половины пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ эпоху, когда исторія понималась только какъ *исторія государства*, онъ говорилъ о необходимости изученія бытовыхъ и духовныхъ свойствъ народа въ ихъ послѣдовательномъ проявленіи; еще въ сороковыхъ годахъ онъ писалъ,

что безъ этого исторія обращается въ скучный романъ съ забвеніемъ о человѣкѣ, и имѣлъ смѣлость заявлять, что завоевательная война есть одно изъ величайшихъ преступленій человѣчества.

Одною изъ выдающихся сторонъ литературной дѣятельности Одоевскаго была забота о просвѣщеніи народа, въ способности и добрыя духовныя свойства котораго онъ страстно вѣрилъ, забота тѣмъ болѣе цѣнная, что она крайне рѣдко встрѣчалась въ то время и многими разсматривалась какъ неумѣстное чудачество. Долгіе годы состоялъ онъ редакторомъ «Сельскаго Обозрѣнія», издававшагося министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, выпустилъ онъ въ свѣтъ книжки «Сельскаго чтенія» въ двадцати тысячахъ экземпляровъ, подъ заглавіями: «Что крестьянинъ Наумъ твердилъ дѣтямъ по поводу картофеля», «Что такое чертежъ земли и на что это пригодно» (исторія, значеніе и способы межеванія) и т. д.; написалъ для народнаго чтенія рядъ «Грамотокъ дѣдушки Иринея»: о газѣ, желѣзныхъ дорогахъ, порохѣ, повальныхъ болѣзняхъ и о томъ, «что вокругъ человѣка и что въ немъ самомъ», и, наконецъ, издалъ «Пестрыя сказки Иринея Гомозейки», написанныя языкомъ, которымъ восхищался знатокъ русской рѣчи Даль, находившій, что нѣкоторымъ изъ придуманныхъ Одоевскимъ поговорокъ и пословицъ можетъ быть приписано чисто народное происхожденіе (напримѣръ, «Дружно не грузно, а врозь хоть брось», или «Двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ»).

До пятидесятыхъ годовъ по своимъ взглядамъ на отношеніе Россіи къ Западу Одоевскій приближался во многомъ къ славянофиламъ, хотя никогда систематически къ нимъ не примыкалъ. Эпилогъ «Русскихъ ночей» написанъ на тему о гніеніи Запада, о всеразъѣдающей лжи, охватившей со всѣхъ сторонъ западнаго европейца, о томъ, «что намъ, поставленнымъ на рубежѣ двухъ міровъ—прошедшаго и будущаго,—новымъ и свѣжимъ, непричастнымъ преступленіямъ старой Европы, предстоитъ всё ожи-

вить и впитать нашъ духъ въ исторію ума человѣческаго, какъ наше имя вписано на скрижаляхъ побѣды...» Но уже и въ это время онъ высоко ставилъ великаго Петра,—а личное знакомство съ «гнилымъ Западомъ» во время поѣздокъ за границу, начиная съ 1856 г. (въ 1859 г. онъ былъ депутатомъ Императорской Публичной библіотеки на юбилеѣ Шиллера въ Веймарѣ), заставило его измѣнить свой взглядъ на смыслъ европейской цивилизаціи. Это выразилось съ особою силою въ запискахъ и бумагахъ его, составляющихъ интереснѣйшее собраніе замѣчаній по поводу всевозможныхъ вопросовъ, отчасти напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 и 1874 гг. Не закрывая глазъ на «нашу прирожденную болѣзнь» и сходясь въ этомъ съ Кавелинымъ, Одоевскій указываетъ на ея главные признаки: «общенародную *лѣнь ума*, *непослѣдовательность* и *недостатокъ выдержки*», и негодуетъ на то наше свойство, которое онъ называетъ *«рукавоспустіемъ»*. «Идеализмъ въ народѣ,—пишетъ онъ,—является большею частью въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ и пониманіи ихъ. Просвѣщеніемъ вырабатывается достоинство человѣка вообще, полупросвѣщеніемъ—лишь національизмъ, т. е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ. Народность — великое слово, но смыслъ его, доведенный до крайности, приводитъ къ безсмысленному и рабскому подражанію прошлому; народность — одна изъ наслѣдственныхъ болѣзней, которою умираетъ народъ, если не подновитъ своей крови духовнымъ и физическимъ сближеніемъ съ другими народами...» Возражая противъ нападокъ на переворотъ Петра, Одоевскій пишетъ: «толкуютъ о какомъ-то допотопномъ славяно-татарскомъ у насъ просвѣщеніи,—такъ пусть оно при нихъ и остается, пока они не покажутъ намъ русской науки, русской живописи, русской архитектуры въ до-петровское время; а такъ какъ, по ихъ мнѣнію, вся эта допотопная *суть* хранилась лишь у крестьянъ, не испорченныхъ такъ называемыми балуй-городами, какъ, напр., Петербургъ, Москва, Ярославль и др.,— то мы можемъ легко увидѣть сущность этого допотопнаго просвѣщенія въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестья-

нинъ царапаетъ землю на его едва взбороненной нивѣ, въ его посѣвахъ кустами, въ неумѣньи содержать домашній скотъ, на который ни съ того ни съ сего находитъ чума, такъ, съ потолка, а не отъ дурного ухода, въ его курной избѣ, въ его потасовкѣ женѣ и дѣтямъ, въ особой привязанности свёкровъ къ молодымъ невѣсткамъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и, наконецъ, въ безграмотности». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ до конца вѣрилъ въ русскаго человѣка и въ его богатые задатки. «А всетаки русскій человѣкъ—первый въ Европѣ не только по способностямъ, которыя дала ему природа даромъ, но и по чувству любви, которое чуднымъ образомъ въ немъ сохранилось, несмотря на недостатокъ просвѣщенія, несмотря на превратное преподаваніе религіозныхъ началъ, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшеніе. Ужъ если русскій человѣкъ прошелъ сквозь такую передѣлку и не забылъ христіанской любви, то, стало быть, въ немъ будетъ прокъ,—но это еще впереди, а не позади».

Дѣти, которыхъ онъ самъ былъ лишенъ, составляли для Одоевскаго предметъ искренней, сознательной и, если можно такъ выразиться, осмотрительной любви. Его прелестныя сказки одинаково чужды и дѣланной чувствительности, и фальшиваго приспособленія къ дѣтскому пониманію, и слишкомъ ранняго и безжалостнаго ознакомленія дѣтей со скорбями и ужасами жизни. Значительная часть ихъ была издана отдѣльной книжкой подъ названіемъ «Сказокъ дѣдушки Иринея», и для людей, дѣтство которыхъ совпало съ сороковыми и пятидесятыми годами, «Червячокъ» и въ особенности «Городокъ въ табакеркѣ», конечно, составляютъ одно изъ самыхъ милыхъ воспоминаній юныхъ лѣтъ.

Любовь къ искусству нашла себѣ у Одоевскаго выраженіе въ служеніи музыкѣ, этому, какъ онъ говорилъ, «языку невыразимыхъ словами чувствъ». Онъ видѣлъ въ ней не простое удовольствіе и развлеченіе, и даже не одно только искусство,—она была для него одною изъ отраслей серьезныхъ знаній, требовавшей изученія ея научныхъ законовъ. Мелодія и гармоническое соче-

таніе звуковъ были въ его глазахъ не однимъ двигательнымъ возбужденіемъ душевныхъ настроеній, но и средствомъ для сохраненія яркихъ признаковъ народности и способомъ для того, что онъ называлъ «обращеніемъ душъ», разумѣя подъ этимъ развитіе въ человѣкѣ стремленія перейти отъ ощущеній повседневной житейской прозы, вызываемыхъ видимымъ и осязательнымъ, въ область невидимаго, возвышеннаго и вѣчнаго. Серьезному изученію исторіи и теоріи этого «величайшаго изъ искусствъ» онъ посвятилъ въ значительной мѣрѣ свою жизнь, написавъ по этому предмету восемь оригинальныхъ сочиненій, начавшихся въ 1833 г. «Опытомъ о музыкальномъ языкѣ». Отдавшись изученію древней музыки, онъ читалъ о ней лекціи у себя на дому; въ 1868 г. онъ издалъ «Музыкальную грамоту, или основаніе музыки для не музыкантовъ»; способствовалъ учрежденію Московской консерваторіи; открылъ ее рѣчью «Объ изученіи музыки, какъ науки»; приносилъ ей цѣнныя пожертвованія инструментами, книгами и нотами, и горячо ратовалъ за устройство перваго въ Россіи класса «исторіи церковнаго пѣнія». Смерть застала Одоевскаго за усиленными заботами объ устройствѣ въ Москвѣ съѣзда археологовъ (онъ былъ однимъ изъ учредителей Археологическаго общества, а также Императорскаго географическаго общества), во время котораго ученики консерваторіи должны были, подъ его руководствомъ, исполнять древніе русскіе церковные напѣвы... Это старинное пѣніе раздавалось на его скромныхъ похоронахъ...

Съ современными ему русскими композиторами его связывали тѣсныя узы дружбы и готовности на нравственную помощь. Его совѣтами неоднократно пользовался Глинка, когда писалъ «Жизнь за царя»; въ запискахъ Глинки есть указанія на участіе Одоевскаго въ возникновеніи арій Вани: «Ахъ, не мнѣ бѣдному»... и Сусанина: «Что теперь гадать о свадьбѣ». Успѣхъ «Жизни за царя» былъ отпразднованъ въ квартирѣ Одоевскаго 27 декабря 1836 года пѣніемъ шутливаго канона (...«веселися Русь! нашъ Глинка—ужъ не глинка, ужъ не глинка, а фарфоръ»), сочинен-

наго Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Вьельгорскимъ и положеннаго на музыку самимъ Глинкою и Одоевскимъ. Когда затѣмъ геніальное твореніе Глинки «Русланъ и Людмила», послѣ всевозможныхъ затрудненій и терзаній Глинки при его постановкѣ, было встрѣчено холоднымъ непониманіемъ публики, и разстроенный творецъ его даже не зналъ, выходить ли ему на жидкіе вызовы «автора»! и выслушалъ отъ извѣстнаго жандармскаго генерала Дуббельта совѣтъ: «Иди, иди, Михаилъ Ивановичъ,—Христосъ больше твоего страдалъ»,—Одоевскій всѣми силами старался поднять его упавшій духъ и выступилъ со статьею, разъяснявшею великую цѣнность новаго произведенія, про которое духовный композиторъ Львовъ сказалъ: «C'est un opéra manqué»—и на которое постыдное перо Булгарина въ «Сѣверной пчелѣ» изливало свое смрадное глумленіе.

Особенное значеніе придавалъ Одоевскій вокальной музыкѣ и ея строгому союзнику—органу, значенію и исторіи котораго онъ посвящаетъ много страницъ въ трогательной и изящной по простотѣ повѣсти «Себастьянъ Бахъ». Одоевскій даже изобрѣлъ самъ особый инструментъ съ двойнымъ рядомъ клавишей, названный имъ *энгармоническимъ клавесиномъ*, и по его указаніямъ былъ устроенъ особый органъ, названный имъ въ честь Баха «Себастьянономъ». Въ «Себастьянѣ Бахѣ» разсказывается, переплетенная съ интереснѣйшими разсужденіями о музыкѣ, исторія старика Христофора Баха, который 40 лѣтъ прожилъ органистомъ одной и той же церкви, 40 лѣтъ каждое воскресенье игралъ почти одинъ и тотъ же хоралъ, 40 лѣтъ—одну и ту же къ нему прелюдію, и только по большимъ праздникамъ присоединялъ къ ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ форшлагъ и два триллера, и тогда слушатели говорили между собою: «О! сегодня нашъ Бахъ разгорячился»! Въ этой же книгѣ разсказывается исторія знаменитаго сына Христофора Баха, Себастьяна, до такой степени преданнаго служенію своему высокому искусству, что всѣ явленія внѣшней жизни преломлялись въ его душѣ въ музыкальныя темы, такъ что и собственная подпись на долговомъ

документѣ «B. a. c. h», и первый крикъ своего ребенка онъ тотчасъ переложилъ въ фугу. Въ мирную и замкнутую исключительно въ музыкальный интересъ жизнь Баха съ женою, по происхожденію итальянкой, но рожденной и воспитанной въ Германіи, съ этой «итальянской темой, обработанной въ нѣмецкомъ стилѣ», внезапно вторгается разрушеніе въ лицѣ случайнаго посѣтителя, итальянскаго пѣвца не признаваемыхъ строгимъ Бахомъ, проникнутыхъ земною страстью арій и кантиленъ. Въ Магдалинѣ Бахъ внезапно просыпаются отголоски родины предковъ и неизвѣданныя ею чувства. Брошенная поигравшимъ ею итальянцемъ, измученная борьбою между долгомъ и безумною любовью, между «темой и стилемъ»,—она сгораетъ отъ внутренняго огня, открывъ мужу причину своей кончины на смертномъ одрѣ и оставивъ его одинокаго, несчастнаго и слѣпнущаго. Нѣкоторое несогласіе этой повѣсти съ дѣйствительностью съ избыткомъ искупается яркимъ изображеніемъ тихой, уравновѣшенной жизни великаго композиста и трагизма налетѣвшихъ, какъ буря, душевныхъ его страданій.

У князя Одоевскаго часто встрѣчаются глубоко-содержательныя указанія на Бетховена, завершаемыя трогательнымъ разсказомъ «Послѣдній квартетъ Бетховена», гдѣ въ горячихъ словахъ рисуется конецъ трагической жизни «Шекспира музыки», лишеннаго, вслѣдствіе глухоты, возможности руководить ограниченными исполнителями его геніальныхъ музыкальныхъ думъ и совершенно одинокаго между развратнымъ племянникомъ и надменнымъ братомъ, на визитную карточку котораго съ самодовольною надписью «Gutsbesitzer» удрученный бѣдностью великій композиторъ вынужденъ былъ отвѣтить карточкою съ надписью «Gehirnbesitzer». Страданія Бетховена подъ вліяніемъ глухоты, любовь его къ людямъ и вынужденное взаимное отчужденіе изображены съ глубокимъ пониманіемъ души художника и, какъ оказывается, вполнѣ соотвѣтствуютъ скорбнымъ звукамъ завѣщанія Бетховена, написаннаго еще въ 1802 г., за 25 лѣтъ до его смерти, и опубликованнаго чрезъ много лѣтъ послѣ нея.

И третьему требованію отъ писателя князь Одоевскій удовлетворялъ, выражаясь словами Евангелія: «мѣрою полною, утрясенною». Внутри скромныхъ *формулярныхъ рамокъ* внѣшняго «прохожденія службы» онъ умѣлъ помѣстить существованіе, посвященное лучшимъ сторонамъ духовной жизни человѣка и высшимъ потребностямъ общественнаго строя. Служа съ 1826 г., въ вѣдомствѣ иностранныхъ исповѣданій, онъ долгое время редактировалъ «Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ»; въ 1846 г. былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской публичной библіотеки, а затѣмъ директоромъ Румянцевскаго музея; съ переводомъ въ 1861 г. музея въ Москву, былъ назначенъ сенаторомъ Московскихъ департаментовъ Сената и состоялъ первоприсутствующимъ восьмого департамента, вызывая удивленіе и уваженіе своихъ сослуживцевъ крайне внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ дѣламъ, при чемъ, напримѣръ, по дѣламъ о подтопахъ принималъ на себя производство сложныхъ вычисленій и выкладокъ. За время пребыванія его въ Петербургѣ, ему принадлежалъ починъ въ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ. По его мысли основана въ Петербургѣ больница для приходящихъ, получившая впослѣдствіи наименованіе Максимиліановской. Онъ же былъ учредителемъ Елисаветинской дѣтской больницы въ Петербургѣ. Въ осуществленіи задуманныхъ имъ способовъ прійти на помощь страждущимъ и «малымъ симъ» Одоевскій всегда встрѣчалъ горячую поддержку со стороны великой княгини Елены Павловны, къ тѣсному кружку которой онъ принадлежалъ. Эта замѣчательная, до сихъ поръ у насъ не оцѣненная, женщина, явившаяся впослѣдствіи «нимфой Эгеріей» Царя-Освободителя, въ незабвенные годы начала его великодушнаго царствованія, умѣла выражать свои возвышенныя духовныя свойства не въ однихъ проявленіяхъ ума, но и въ художественныхъ наклонностяхъ. Ее особенно характеризовала та ея дѣятельность, гдѣ этотъ умъ являлся исполнителемъ велѣній пылкаго сердца, въ которомъ горѣла настоящая, живая и практическая любовь къ людямъ. Сохраняя подъ нѣжною, женственною оболочкой муже-

ственную и стойкую волю, великая княгиня умѣла себѣ ставить ясную и опредѣленную цѣль, и полюбивъ въ своихъ благородныхъ мечтахъ ея осуществленіе, знала, какъ достигать его при помощи своихъ сотрудниковъ, сердца которыхъ зажигались ея внутреннимъ огнемъ. Такимъ сотрудникомъ, по отношенію къ цѣлому ряду ея предпріятій и къ надзору за преподаваніемъ въ состоявшемъ подъ ея покровительствомъ Маріинскомъ женскомъ институтѣ, являлся князь Одоевскій. Но главная его работа и заслуга въ этомъ отношеніи состояла въ образованіи въ 1846 г. *Общества посѣщенія бѣдныхъ* въ Петербургѣ. Широкая и разумно поставленная задача этого общества, организація его дѣятельности на живыхъ, практическихъ началахъ, обширный кругъ его членовъ, привлеченныхъ княземъ Одоевскимъ,—сразу выдвинули это общество изъ ряда другихъ благотворительныхъ учрежденій и создали ему небывалую популярность среди всѣхъ слоевъ населенія столицы. Посѣщеніе бѣдныхъ, обязательное для каждаго члена общества не менѣе раза въ мѣсяцъ, три женскихъ рукодѣльни, дѣтскій «ночлегъ» и школа при немъ, общія квартиры для престарѣлыхъ женщинъ, семейныя квартиры для неимущихъ, лѣчебница для приходящихъ, дешевый магазинъ предметовъ потребленія, своевременная, разумная личная помощь деньгами и вещами—таковы средства, которыми дѣйствовало общество, помогая, въ разгаръ своей дѣятельности, не менѣе какъ 15 тыс. бѣдныхъ семействъ. Благодаря неутомимой и энергичной дѣятельности своего предсѣдателя Одоевскаго, совершенно отказавшагося на все время существованія общества отъ всякихъ литературныхъ занятій, вслѣдствіе чего съ 1844 года не было изданія полнаго собранія его сочиненій,—средства общества росли и дошли до 60 тыс. ежегоднаго дохода. Одоевскій отдавалъ все свое время и всѣ свои силы этому обществу, умѣряя кротостью и добротою всѣ неизбѣжныя и иногда очень острыя столкновенія въ распорядительныхъ собраніяхъ общества и заботясь, прежде всего, о томъ, чтобы въ его дѣятельность не закрались бюрократическая рутина и формальное отношеніе къ дѣлу.

Необычная дѣятельность общества, приходившаго въ непосредственныя сношенія съ массою бѣдныхъ, стала, однако, подъ вліяніемъ событій 1848 года, возбуждать подозрѣнія — и оно было присоединено къ Императорскому Человѣколюбивому обществу, что значительно стѣснило его дѣйствія, лишивъ ихъ свободы отъ канцелярской переписки, а отчеты общества, составлявшіеся самимъ Одоевскимъ, — необходимой и своевременной гласности, поддерживавшей интересъ и сочувствіе къ обществу. Кончина почетнаго попечителя общества, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго нанесла новый ударъ обществу, а послѣдовавшее затѣмъ воспрещеніе военнымъ участвовать въ немъ лишило его множества дѣятельныхъ членовъ. Мало-по-малу общество стало распадаться и, несмотря на усилія князя Одоевскаго спасти свое любимое дѣтище отъ гибели, должно было въ 1855 г. прекратить свои дѣйствія, обезпечивъ, по возможности, своихъ дряхлыхъ пенсіонеровъ и воспитанниковъ. Новый почетный попечитель, великій князь Константинъ Николаевичъ, желая почтить «самоотверженную дѣятельность князя Одоевскаго», вступилъ въ переписку объ исходатайствованіи ему видной награды, но вовремя узнавшій о томъ Одоевскій отклонилъ ее письмомъ, исполненнымъ достоинства, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «Я не могу избавить себя отъ мысли, что, при особой мнѣ наградѣ, въ моемъ лицѣ будетъ данъ соблазнительный примѣръ человѣка, который принялся за дѣло подъ видомъ безкорыстія и сроднаго всякому христіанину милосердія, а потомъ, тѣмъ или другимъ путемъ, все-таки достигъ награды... Быть такимъ примѣромъ противно тѣмъ правиламъ, которыхъ я держался въ теченіе всей моей жизни; дозвольте мнѣ, Ваше Императорское Высочество, вступивъ на шестой десятокъ, не измѣнять имъ»...

Отдалъ, подобно своему другу Заблоцкому-Десятовскому, Одоевскій свою долю участія и городскимъ дѣламъ, исполняя обязанности гласнаго общей думы въ С.-Петербургѣ и живо интересуясь ходомъ городского хозяйства. Когда дума, снабжая домовладѣльцевъ обывательскими грамотами, получила такую

обратно отъ одного изъ нихъ, съ надменнымъ заявленіемъ, что, происходя изъ стариннаго московскаго дворянскаго рода и «не причисляя себя къ среднему роду людей», онъ не считаетъ возможнымъ принять присланный думою документъ, Одоевскій— прямой потомокъ перваго варяжскаго князя, немедленно обратился въ думу съ письменною просьбою о выдачѣ ему обывательской грамоты.

Искренно преданный интересамъ литературы, не принадлежа ни къ какому исключительному кружку, сочувствуя и помогая всему честному и даровитому, что въ ней появлялось, Одоевскій дорожилъ званіемъ литератора и гордился имъ. Другъ Пушкина и князя Вяземскаго, онъ радушно раскрывалъ свои двери для всѣхъ товарищей по перу, брезгливо относясь лишь къ Булгарину и Сенковскому, которые его терпѣть не могли, и ставилъ свои занятія литературою выше всего, что давалось ему его знатнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. «Печать,—говорилъ онъ,—дѣло великое», и сравнивалъ ее съ оселкомъ, о который разбиваются выдуманныя репутаціи умныхъ людей. «Честная литература,—писалъ онъ,—точно брандвахта, аванпостная служба среди общественнаго коварства». Всегда стоя на стражѣ противъ всякихъ двусмысленныхъ и нечистыхъ пріемовъ, онъ предупреждалъ писателей о грозившихъ имъ съ какой-либо стороны опасностяхъ; въ тревожныя времена горячо заступался за нихъ, гдѣ только могъ, и настойчиво заботился о расширеніи круга изданій. Его хлопотамъ обязаны были своимъ разрѣшеніемъ «Отечественныя Записки». Привѣтствуя облегченіе цензурныхъ правилъ въ 1865 г. (о чемъ онъ и прежде писалъ въ составленныхъ имъ обстоятельныхъ запискахъ о цензурѣ и ея исторіи у насъ), Одоевскій настойчиво высказывался противъ взятой изъ наполеоновской Франціи системы предостереженій, и ратовалъ за отмѣну безусловнаго воспрещенія ввоза въ Россію враждебныхъ ей книгъ.

Преобразованія Александра II, обновившія русскую жизнь, встрѣтили въ Одоевскомъ восторженное сочувствіе. Онъ предла-

галъ считать въ Россіи новый годъ съ 19 февраля и всегда, въ кругу друзей, торжественно праздновалъ «великій первый день свободнаго труда», какъ онъ самъ выразился въ стихотвореніи, написанномъ послѣ чтенія манифеста объ упраздненіи крѣпостного права.

Когда въ 1865 г., въ извѣстной газетѣ «Вѣсть», была помѣщена статья, въ которой проводился, подъ предлогомъ упорядоченія нашего общественнаго устройства, проектъ дарованія дворянству такихъ особыхъ преимуществъ, которыя въ сущности были бы возстановленіемъ крѣпостного права, только въ другой формѣ, — князь Одоевскій написалъ, по свидѣтельству Пятковскаго, горячій протестъ, въ которомъ говорилъ, между прочимъ, что задача дворянства состоитъ: 1) въ приложеніи всѣхъ силъ ума и души къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостного состоянія, 2) въ принятіи добросовѣстнаго и ревностнаго участія въ дѣятельности земскихъ учрежденій и новаго судопроизводства, 3) въ непоставленіи себѣ цѣлью себялюбиваго охраненія однихъ своихъ сословныхъ интересовъ и неисканія розни съ другими сословіями передъ судомъ и закономъ, и 4) въ пользованіи высшимъ образованіемъ и большимъ достаткомъ для употребленія имѣющихся средствъ для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа. Протестъ этотъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ кругахъ Москвы ожесточенное негодованіе противъ Одоевскаго: его обвиняли въ измѣнѣ своему имени, въ предательствѣ дворянскихъ интересовъ, въ содѣйствіи прекращенію «Вѣсти». Въ заключительныхъ строкахъ письма, написаннаго по этому поводу и приводимаго Пятковскимъ, князь Одоевскій, съ негодованіемъ опровергнувъ эти обвиненія, говоритъ: «Мои убѣжденія—не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всѣми доступными для меня способами: перомъ— насколько то позволялось тогда въ печати, а равно и въ правительственныхъ сношеніяхъ, изустною рѣчью не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ оффиціальныхъ комитетахъ, — вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостни-

чества и указывалъ на гибельное вліяніе олигархіи въ Россіи; болѣе 30 лѣтъ моей публичной жизни доставили мнѣ лишь новые аргументы въ подкрѣпленіе моихъ убѣжденій. Учившись смолоду логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнить моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи... Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому не навязывалъ моихъ мнѣній, но зато выговаривалъ ихъ всегда во всеуслышаніе весьма опредѣлительно и рѣчисто; а теперь уже поздно мнѣ переучиваться. Званіе русскаго дворянина, моя долгая, честная, чернорабочая жизнь, не запятнанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами, наконецъ, если угодно, *и мое историческое имя* — не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ робкомъ безмолвіи, которое могло бы быть принято за знакъ согласія,—въ дѣлѣ, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моей судейской должности, а именно: безусловномъ равенствѣ передъ судомъ и закономъ, безъ различія званія и состояній!»

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдилъ Одоевскій за начатою въ 1866 г. тюремною реформою и за введеніемъ работъ въ мѣстахъ заключенія, еще въ «Русскихъ ночахъ» указавъ на вредную сторону исправительно-карательныхъ системъ, основанныхъ на безусловномъ уединеніи. Обновленный судъ нашелъ въ немъ горячаго защитника. «Судъ присяжныхъ,—писалъ онъ,— не тѣмъ хорошъ, что судитъ справедливѣе и независимѣе судей чиновниковъ. Очень можетъ статься, что умный чиновникъ разсудитъ дѣло толковѣе и рѣшитъ справедливѣе, нежели присяжный не юристъ... Судъ присяжныхъ важенъ тѣмъ, что наводитъ на осуществленіе идеи правосудія такихъ людей, которые и не подозрѣвали необходимости такого осуществленія; *онъ воспитываетъ совѣсть*. Всё, что есть прекраснаго и высокаго въ англійскихъ законахъ, судахъ, полиціи, правахъ,—всё это выработалось судомъ присяжныхъ, т. е. возможностью для каждаго быть когда-нибудь безконтрольнымъ судьею своего ближняго, но су-

дьею во всеуслышаніе, подъ критикою общественнаго мнѣнія. Никогда *общественная правдивость* не выработается тамъ, гдѣ судья — чиновникъ, могущій ожидать за рѣшеніе награды или наказанія отъ министерской канцеляріи».

Личная жизнь Одоевскаго представляла тѣ же привлекательныя черты, какъ и его жизнь общественная. Женатый на сестрѣ благороднаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ, графа Ланского, которая была старше его на нѣсколько лѣтъ, онъ нашелъ въ ней существо, оберегавшее его съ нѣжною заботливостью, въ которой материнская тревога соединялась съ сочувствіемъ и пониманіемъ истинной спутницы жизни. Болѣе чѣмъ скромный по средствамъ и обстановкѣ домъ Одоевскаго въ Петербургѣ отличался теплымъ и разумнымъ гостепріимствомъ, соединяя подъ своимъ кровомъ, на ряду съ представителями высшаго круга всё, что было выдающагося въ области науки, искусства и литературы. Одоевскій любилъ, подобно великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, «подвязывать крылья» начинающему дарованью и ободрять способныхъ людей при ихъ первыхъ шагахъ, столь трудныхъ при обычномъ у насъ недоброжелательствѣ и равнодушіи. Вечеромъ въ его пріемные дни вновь приглашенному приходилось проходить черезъ гостиную, гдѣ вели бесѣду подчасъ чопорные свѣтскіе знакомые княгини, но едва отворялась дверь въ кабинетъ, откуда неслись клубы табачнаго дыма и шумные голоса, какъ посѣтитель оказывался въ привѣтливомъ и внимательномъ кругу гостей князя, среди которыхъ, на ряду съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Гоголемъ, княземъ Вяземскимъ, Плетневымъ и гр. Соллогубомъ, виднѣлись оригинальныя фигуры Кольцова, Бѣлинскаго, Глинки и Рубинштейна и слышались живыя рѣчи какого-нибудь путешественника или ученаго, которымъ жадно внималъ начинающій писатель-провинціалъ или какой-нибудь еще неизвѣстный изобрѣтатель. Но самого Петербурга и въ особенности его климата «съ лимонной коркой вмѣсто солнца», какъ онъ выразился въ письмѣ къ Рубинштейну, — князь Одоевскій не любилъ. Безпечный во всемъ, что̀ касалось

его лично, онъ едва ли не послѣдній, и то случайно, узналъ о переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву и объ увольненіи себя отъ должности его директора, что̀ подало извѣстному московскому веселому сатирику Соболевскому поводъ адресовать ему слѣдующій шутливый упрекъ:

«Князь, твое отродье—Рюрикъ
Черезъ двадцать пять колѣнъ,
Князь, не то, чтобъ князь-мазурикъ
Изъ какихъ-нибудь трухменъ;
Князь—не то, чтобы князь всякій:
Русскихъ старшина князей!
Упустилъ изъ-подъ опеки
Свой Румянцевскій музей.
Ротозѣй ты, ротозѣй!»

Послѣдовавшій затѣмъ переводъ въ Москву, возвращавшій князя къ воспоминаніямъ молодости, былъ ему по душѣ. Въ дни, свободные отъ усидчивыхъ и внимательныхъ занятій новымъ для него дѣломъ и научными трудами по русской музыкѣ, у него собирались старые друзья—Погодинъ, Соболевскій, Кошелевъ, Вельтманъ и часто бывалъ Николай Милютинъ.

Человѣкъ небольшого роста, съ проницательными и добрыми глазами на блѣдномъ, продолговатомъ лицѣ, съ тихимъ голосомъ и привѣтливыми манерами, часто одѣтый въ оригинальный широкій бархатный костюмъ и черную шапочку, вооруженный старомодными очками,—Одоевскій принималъ своихъ посѣтителей въ кабинетѣ, заставленномъ музыкальными и физическими инструментами, ретортами, химическими приборами («У нашего нѣмца на все свой *струментъ* есть», говаривалъ онъ съ улыбкой) и заваленномъ книгами въ старинныхъ переплетахъ. Средства у него были очень скромныя, да и тѣми онъ дѣлился щедро съ кѣмъ только могъ.

За три года до смерти, старческою рукою, снова взялся онъ за перо, чтобы въ горячихъ строкахъ статьи «Недовольно!»,

полныхъ непоколебимой вѣры въ науку и нравственное развитіе человѣчества и широкаго взгляда на задачи поэзіи,—отвѣтить на проникнутое скорбнымъ уныніемъ «Довольно» Тургенева. Незадолго до своей смерти задумалъ онъ начать «историческое изслѣдованіе Россіи во второй половинѣ XIX вѣка», и въ то же время, смущенный слухами о грозящемъ, подъ вліяніемъ признаковъ политическаго броженія, измѣненіи коренныхъ началъ, вложенныхъ въ преобразованія Александра II, онъ рѣшился составить для Государя записку, въ которой, указывая вредное вліяніе на нравственное развитіе молодежи того, что̀ ей пришлось видѣть и слышать въ частной и общественной жизни въ дореформенное время, при господствѣ крѣпостного права и безсудія, умолялъ о сохраненіи и укрѣпленіи началъ, положенныхъ въ основу реформъ.

«Государь!—писалъ онъ,—мнѣ жить осталось недолго: я одною ногою стою въ могилѣ; я бездѣтный, послѣдній въ родѣ,—нѣтъ и не можетъ у меня быть честолюбивыхъ помышленій, кромѣ желанія служить Вамъ вѣрой и правдой, пока станетъ силы. Я могу ошибаться, но не даромъ прошли для меня 40 лѣтъ дѣятельной чернорабочей жизни и изученія Россіи. Я преданъ Вамъ не только по долгу вѣрно-подданнаго, но люблю Васъ горячо, какъ человѣка за Ваши благодѣянія Россіи». Указывая на благотворное значеніе отмѣны тѣлесныхъ наказаній и крѣпостного права, на неизбѣжные полезные результаты введенія судебной реформы и земства, онъ восклицалъ: «Исторія царя — въ законахъ его царствованія!» Это былъ его послѣдній письменный завѣтъ, ибо 27 февраля 1869 г. смерть, послѣ краткаго мозгового недуга, смежила навсегда его очи и прекратила доброе дѣло его существованія, такъ какъ по его собственному выраженію «жизнь добраго человѣка есть доброе дѣло въ жизни другихъ людей». Записка Одоевскаго была представлена Государю уже послѣ его кончины, и Александръ II написалъ на ней: «Прошу благодарить отъ меня вдову за сообщеніе письма мужа, котораго я душевно любилъ и уважалъ».

Одоевскій погребенъ на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ, и если бы его скромная могильная плита нуждалась въ эпитафіи, то ею, конечно, лучше всего могли бы послужить его собственныя слова въ замѣткахъ, хранящихся въ Публичной библіотекѣ.

Вотъ они: «Перо писателя пишетъ успѣшно только тогда, когда въ чернильницу прибавлено нѣсколько капель крови его собственнаго сердца»...

А. Ө. Кони.

Драматическіе опыты И. М. Муравьева-Апостола[1]).

(Посвящается А. Д. К.).

Комедіи Бомарше при появленіи своемъ въ русскомъ переводѣ произвели переполохъ въ лагерѣ нашихъ псевдоклассиковъ: онѣ, конечно, не понравились нашимъ Расинамъ. Но несмотря на неудовольствія, градомъ сыпавшіяся изъ лагеря послѣднихъ[2]) на автора «Евгеніи» и «Фигаро», пьесы знаменитаго французскаго комика имѣли у насъ шумный успѣхъ. Отъ XVIII вѣка до насъ дошло немало переводовъ и передѣлокъ пьесъ Бомарше, а несомнѣнное вліяніе его на нѣкоторыхъ нашихъ драматурговъ давно засвидѣтельствовано въ исторіи нашей литературы[3]). Впервые познакомила русскихъ съ Бомарше Москва; тамъ же вышелъ и русскій переводъ комедіи знаменитаго — столь сроднаго по таланту и направленію съ Бомарше — англійскаго сати-

1) Предлагаемая статья есть одна изъ главъ, составляемаго нами «Очерка жизни и дѣятельности И. М. Муравьева-Апостола». Интересующимся біографіей Муравьева-Апостола можемъ указать на краткій очеркъ жизни его, составленный Л. Н. Майковымъ и приложенный ко II тому «Сочиненій К. Н. Батюшкова» (Спб. 1885, прим., стр. 411 — 417). См. также нашу статью: «И. М. Муравьевъ-Апостолъ, авторъ Писемъ изъ Москвы въ Н.-Новгородъ». («Русская Старина» 1902, кн. 10 и 11).

2) Ср. напр., раздраженіе Сумарокова по поводу перевода «Евгеніи» Бомарше, сдѣланнаго Пушниковымъ.

3) См. подробн. у А. Н. Веселовскаго въ его книгѣ: «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», М. 1896; у А. Н. Пыпина въ его «Исторіи русской литературы», Спб. 1899, т. III и IV и др.

рика Шеридана. Въ 1791 году появился русскій переводъ, правда, съ нѣмецкаго подлинника, Шеридановой комедіи «The school of scandal», подъ названіемъ: «Школа клеветы, или вкусъ пересуждать другихъ»; имя переводчика намъ неизвѣстно [1]). Ровно черезъ десять лѣтъ, уже въ Петербургѣ, въ «Политическомъ Журналѣ» была напечатана и статья, посвященная краткому обзору жизни и дѣятельности Шеридана [2]). Видимо, что авторомъ «Школы злословія» мы заинтересовались [3]). — Но ни вышеупомянутый переводъ комедіи и ни только что отмѣченная статья имѣли большое значеніе въ дѣлѣ ознакомленія нашей публики съ безсмертной комедіей Шеридана, а иное обстоятельство. 27 февраля 1793 года на сценѣ Эрмитажнаго театра, въ присутствіи императрицы, была исполнена лучшими нашими артистами «Школа злословія» въ новомъ переводѣ, въ лучшемъ, чѣмъ первый (нами уже указанный) и, можно сказать, превосходномъ по своему времени [4]). Въ слѣдующемъ 1794 году переводъ этотъ вышелъ изъ печати; но имени переводчика на немъ обозначено

1) Вотъ полное заглавіе этого перевода: «Школа злословія или вкусъ пересуждать другихъ». Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Изъ сочиненій младшаго Шеридана, подражаніе, съ аглинскаго на нѣмецкой, а съ нѣмецкаго переводъ на русскій языкъ». М. 1791.

2) «Политическій Журналъ». 1801, ч. I, стр. 26.

3) Вообще же переводами «Школы злословія» и литературой объ ея авторѣ мы не богаты. Изъ позднѣйшихъ переводовъ комедіи можемъ указать на переводъ П. И. Вейнберга («Европ. классики въ русск. перев.»; вып. VI. Спб. 1875); А. Погожевой (Научно-популярная библіотека «Русск. Мысли» т. VI. Москва. 1898) и Вѣтринскаго (Изд. Суворина, Спб. 1900). Изъ статей критико-біографическаго характера о Шериданѣ укажемъ на статьи: Н. Талычевой «Шериданъ и его время» («Русск. Рѣчь» 1861, № 52 и 55); А. В. Дружинина (въ «Собр. сочин.», т. IV. Спб. 1865) и А. Погожевой (см. выше).

4) Въ «Архивѣ Дирекціи Императ. театровъ» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о постановкѣ этой пьесы: «31 окт. 1797 г. уплочено за купленный для россійской библіотеки экземпляръ этой пьесы 1 р. 10 коп. Монтировка по гардеробной части въ 1796 г. на 31 р. 85 к., въ 1797 г. на 81 р. 66½ к., въ 1798 г. на 3 р. 31 к. 31-го іюня 1796 г. уплочено за новую колоду картъ для этой пьесы 25 к. Исполнена 27 февр. 1793 г. въ Эрмитажномъ театрѣ; 5 февр., 17 іюля и 16 окт. 1795 г. и 22 февр. 1796 г.—въ Деревянномъ Театрѣ; 11 окт., 17 ноября 1798 г., 9 янв., 17 іюня, 22 сент. и 15 ноября 1799 г. въ Каменномъ Театрѣ» («Архивъ Дирекціи Императ. Театровъ». Вып. I. Спб. 1892, отд. III, стр. 177—178).

не было. Вотъ въ этомъ-то переводѣ, или — точнѣе сказать — передѣлкѣ, «Школа злословія» и обошла многія наши сцены и не сходила съ нихъ долгое время; въ этой пьесѣ пробовали свои силы и были прекрасны такія наши знаменитости, какъ Дмитревскій[1]), Плавильщиковъ[2]), Сосницкій[3]), Щепкинъ[4]), Сандунова[5]), Воробьева[6]) и др.

Кто же былъ авторомъ этого перевода, на долю котораго выпалъ такой успѣхъ? Вопросъ этотъ и—какъ увидимъ—вопросъ любопытный разрѣшался не разъ въ нашей литературѣ, но удовлетворительнаго отвѣта на него до сихъ поръ не дано. Разрѣшеніе его осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что на печатномъ экземплярѣ перевода имя автора отсутствуетъ, а нѣкоторые современники называютъ автора или гадательно, или сбивчиво. Молва и преданіе приписывали переводъ великому князю Александру Павловичу, но большинство (и совершенно основательно) Ивану Матвѣевичу Муравьеву-Апостолу. Наконецъ, въ 1893 г. въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» была напечатана статья: «Императоръ Александръ I — переводчикъ комедіи Шеридана «Школа злословія»[7]), гдѣ авторъ называетъ переводчикомъ именно императора Александра I-го (въ бытность его великимъ княземъ), но безъ всякихъ, какъ намъ кажется, достаточныхъ основаній. Главнымъ матеріаломъ къ такого рода предположенію у автора названной сейчасъ статьи (а ранѣе его у Я. К. Грота[8]) послужило слѣдующее письмо императрицы Екатерины

---

1) Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра». Спб. 1861, стр. 122.

2) «Записки» С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 214.

3) «Біографія И. И. Сосницкаго» (авторъ неизвѣстенъ). Спб. 1861, стр. 14—15.

4) М. С. Щепкинъ игралъ также и въ пьесѣ А. И. Писарева «Лукавинъ», представляющей стихотворную передѣлку «Школы злословія». На передѣлкѣ этой весьма замѣтно вліяніе перевода, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь. (См. «Сочин. Н. С. Тихонравова», т. III, стр. 87; прим. 20-е къ стр. 539).

5) Арапова, «Лѣтопись русскаго театра». Спб. 1861, стр. 125.

6) Тамъ же, стр. 139.

7) «Правительственный Вѣстникъ», 1893, № 20.

8) «Жизнь Г. Р. Державина» т. II. Спб. 1883, стр. 285.

II-ой къ Гримму отъ 14-го мая 1793 г.: «Mais imaginez vous,—, пишетъ между прочимъ императрица,—de quoi M. Alexandre est soupçonné: qui l'aurait cru? Un des cavaliers attachés à son éducation s'avisa, l'été passé, de traduire en russe une comédie anglaise de Scheridan intitulée l'Ecole de médisance. Elle fut jouée à l'hermitage, et on trouva la pièce très au-dessus de la traduction française, qui en été faite en France. Comme cette traduction russe pétillait d'esprit et de tournures originales, tout le monde se récriait à tout moment sur la bonté de la pièce accommodée à nos moeurs et usages.—M. Alexandre prenait une part vive aux approbations, aux exclamations de spectateurs. Moi, bonnement, je pensais que c'était son amitié pour son cavalier qui lui faisait attacher un si grand prix aux applaudissements. On donna la pièce en ville: le public s'y trompa moins que moi, et tout le monde s'avisa de dire que M. Alexandre devait avoir eu la plus grande part à cette prétendue traduction de l'anglais qu'il savait mieux l'anglais que son cavalier et qu'il avait beau se cacher, qu'on reconnaissait que les meilleurs saillies etaient de lui. Ces propos me revinrent; je les lui dis: il s'en défendit, mais en rougissant, disant qu'en ayant entendu la lecture par-ci par-là, il en avait profité pour faire quelques légers changements. Mais voyez un peu comme les maladies gagnent et ce que c'est que le mauvais exemple»! [1])

Приведя это письмо, авторъ той же статьи разсуждаетъ далѣе такъ: «Въ росписи книгъ Сопикова комедія Шеридана «Школа злословія» показана подъ № 5690, а въ росписи Смирдина—подъ № 558, и у обоихъ авторомъ названъ Ив. Муравьевъ, а годъ изданія показанъ 1794. На экземплярѣ, имѣющемся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, напечатанномъ въ 1794 г. въ типографіи Академіи Наукъ, фамилія переводчика не напечатана, а сказано только, что комедія эта «въ первый разъ пред-

1) «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. XXIII, стр. 583—584. См. также Шильдера, «Императоръ Александръ Первый». Спб. 1897, т. I, стр. 84).

ставлена на театрѣ Эрмитажа 27 февраля 1793 года». Это,— продолжаетъ авторъ,—лучшее подтвержденіе словъ императрицы Екатерины II объ участіи въ переводѣ, или, вѣрнѣе, передѣлкѣ этой комедіи на русскіе нравы ея внука; поэтому-то Муравьевъ не могъ считать себя переводчикомъ и, понятно, отказался поставить свое имя, тогда какъ на изданномъ имъ переводѣ въ 1778 году «Наставленіе знатному молодому господину или воображеніе о свѣтскомъ человѣкѣ» прямо напечатано: «перевелъ съ французскаго лейбъ-гвардіи измайловскаго полка подпрапорщикъ Ив. Муравьевъ». Кромѣ того, изъ приложеннаго къ комедіи списка дѣйствующихъ лицъ и актеровъ, исполнявшихъ роли, видно, что «Школа злословія» была обставлена лучшими силами тогдашней русской драматической труппы»...

На всѣ эти доводы съ своей стороны можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. — И роспись Сопикова, и роспись Смирдина совершенно вѣрно называютъ автора: имъ былъ именно И. М. Муравьевъ-Апостолъ, «кавалеръ» при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, впослѣдствіи небезъизвѣстный дипломатъ, затѣмъ сенаторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Муравьевъ былъ большой знатокъ и любитель литературы, особенно классической, не мало написалъ и не мало напечаталъ, причемъ въ печати его произведенія рѣдко имѣли полную подпись автора: Муравьевъ или подписывался иниціалами, или же вовсе не подписывался подъ своими произведеніями; поэтому въ данномъ случаѣ отсутствіе фамиліи переводчика пьесы отнюдь не можетъ служить «лучшимъ подтвержденіемъ» словъ императрицы Екатерины II объ авторствѣ ея внука. Неизвѣстный авторъ статьи, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, совершенно вѣрно замѣтилъ, что на юношескомъ переводѣ Муравьева «Наставленіе знатному молодому господину» и т. д. «прямо напечатано: перевелъ съ французскаго Ив. Муравьевъ», а на переводѣ «Школы злословія» фамиліи переводчика не показано. Но стоитъ только обратиться къ слѣдующему за переводомъ «Школы злословія» драматическому произведенію нашего писателя — его оригинальной пьесѣ:

«Ошибки или утро вечера мудренѣе», какъ всякія недоумѣнія по поводу вопроса, кто былъ авторомъ перевода Шеридановой пьесы, разрѣшаются. Муравьевъ посвятилъ свою комедію императрицѣ Екатеринѣ II и вотъ что читаемъ мы въ «посвященіи», предпосланномъ этой комедіи:

«Всемилостивѣйшая Государыня! Заключая въ сердцѣ моемъ восхитительное воспоминаніе, что я имѣлъ счастіе остановить на единое мгновеніе взоры и вниманіе Вашего Императорскаго Величества *переведенною мною комедіею «Школа злословія»*, воспріялъ я извинительную смѣлость испытать собственныя силы мои въ драматическомъ поприщѣ. Всемилостивѣйшее одобреніе Ваше служило мнѣ вмѣсто дарованій, и я полагалъ съ нѣкоторою вѣроятностію, что подкрѣпленъ гласомъ просвѣщеннѣйшаго судьи, я соединю въ пользу свою всѣ одобренія общества»[1])... Этого собственнаго свидѣтельства автора, кажется, достаточно для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса. Впрочемъ, идемъ далѣе. Слѣдующее замѣчаніе автора (цитированной выше статьи), касательно *богатой* обстановки пьесы «Школы злословія» въ первое ея представленіе, совершенно неосновательно: Шериданова пьеса была обставлена лучшими силами тогдашней русской драматической труппы вовсе не «благодаря только Высокому своему переводчику», а просто потому, что исполнителями на Эрмитажной сценѣ (притомъ въ присутствіи императрицы) всегда были лучшія артистическія силы. Наконецъ, обращаясь къ письму императрицы къ Гримму, опять можно возразить, что это письмо далеко еще не подтверждаетъ положительнымъ образомъ авторства великаго князя. Письмо начинается выраженіемъ подозрѣнія: «Mais imaginez-vous de quoi M. Alexandre *est soupçonné*». И все письмо императрицы, въ сущности говоря, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ намековъ и подозрѣній. Мы отнюдь не беремся утверждать, что будущій императоръ не принималъ рѣшительно никакого участія въ переводѣ этой комедіи, но что

1) «Ошибки или утро вечера мудренѣе». Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1794 (Посвященіе).

въ день представленія ея на Эрмитажной сценѣ при дворѣ всѣ знали, кто ея переводчикъ, — это фактъ несомнѣнный. Одна изъ статсъ-дамъ императрицы баронесса (впослѣдствіи княгиня) Ш. К. Ливенъ въ тотъ же день 27-го февраля 1793 года занесла въ свой дневникъ: «Il y avait messe, cour et table, et le soir la comédie russe l'Ecole de médisance, traduite par le lieuten. colon. I. M. Mouravieff»[1]).

Графъ Д. И. Хвостовъ сообщаетъ даже, что И. М. Муравьевъ-Апостолъ перевелъ «славную Шериданову комедію по волѣ императрицы»[2]).

А П. Н. Араповъ, со словъ А. В. Каратыгина, передаетъ, что будто бы императрица «при первомъ представленіи этой замѣчательной пьесы (т. е. «Школы злословія») пожаловала Муравьеву золотую табакерку»[3]).

Извѣстный театралъ С. П. Жихаревъ въ своихъ запискахъ между прочимъ сообщаетъ: «27-го октября 1801 года. Съ горя вчера ѣздилъ смотрѣть на Плавильщикова въ роли Досажаева въ «Школѣ злословія» и нынче только узналъ, что эта комедія переведена И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ»[4]).

М. А. Дмитріевъ, уже послѣ смерти Муравьева-Апостола, въ замѣткѣ, посвященной критикѣ рецензіи по поводу сочиненій М. Н. Муравьева, также удостовѣряетъ, что переводъ «Школы злословія» принадлежитъ нашему писателю[5]).

Итакъ, мы видимъ, что личное свидѣтельство Муравьева-Апостола, высказанное имъ въ посвященіи комедіи «Ошибки», и показанія современниковъ, и даже письмо императрицы[6])

---

1) Дневникъ бар. Ливенъ не изданъ. Отрывки изъ него, касающіеся И. М. Муравьева-Апостола, были переданы намъ покойнымъ академикомъ Л. Н. Майковымъ.

2) Гр. Д. И. Хвостовъ: «Стихотворенія» т. III. Спб. 1829, стр. 176 прим. 163.

3) Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра». Спб. 1861, стр. 112. Впрочемъ, это свѣдѣніе, кажется, невѣрно.

4) «Записки» С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 214.

5) «Московскія Вѣдомости» 1857, № 130, стр. 577.

6) «..... Un des cavaliers attachés à son éducation (т. е. Муравьевъ) s'avisa l'été passé de traduire en russe une comédie anglaise de Scheridan, intitulée l'Ecole de médisanse».

говорятъ болѣе въ пользу того мнѣнія, что переводчикомъ «Школы злословія» слѣдуетъ считать не великаго князя Александра Павловича, но его «кавалера». Повторяемъ: мы не въ правѣ отрицать какое бы то ни было участіе великаго князя въ этой комедіи, но полагаемъ, что если участіе это и было, то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Стоитъ только внимательнѣе приглядѣться къ пьесѣ, чтобы притти къ заключенію, что шестнадцати-лѣтнему великому князю не по силамъ былъ такой переводъ, а знаніе жизни и притомъ русской жизни было у него, во всякомъ случаѣ, не настолько значительно, чтобы онъ съумѣлъ такъ приблизить эту пьесу къ русскимъ нравамъ. Безъ сомнѣнія, имп. Екатерина была льстиво введена кѣмъ-либо въ заблужденіе касательно авторства ея любимаго «господина Александра», а заблужденіе это послужило пріятной пищей для ея писательскаго самолюбія: ей пріятно было видѣть на любимомъ внукѣ ея вліяніе, пріятно было узнать, что ея внукъ какъ бы идетъ по ея стопамъ и созрѣлъ уже настолько, чтобы быть до нѣкоторой степени «сочинителемъ». Не безъ гордости она кокетливо замѣчаетъ Гримму: «Mais voyez un peu, comme les maladies gagnent et ce que c'est que mauvais exemple»!

Итакъ, перейдемъ къ обозрѣнію пьесы въ переводѣ Муравьева-Апостола. Въ виду общеизвѣстности комедіи, передавать ея содержанія не будемъ, тѣмъ болѣе, что Шеридановская фабула вся сохранена Муравьевымъ до подробностей; сохранены всѣ явленія, кромѣ 2 — 3, исключеніе которыхъ, впрочемъ, нисколько не нарушаетъ въ переводѣ цѣльности и стройности впечатлѣнія; вставлено нѣсколько фразъ «своихъ», но все-таки не измѣняющихъ нисколько смысла той или другой сцены и не вносящихъ ничего новаго въ содержаніе пьесы. Въ большинствѣ случаевъ переводъ даже очень близокъ къ подлиннику. Но мы все же склонны назвать «переводъ» Муравьева скорѣе передѣлкой, какъ въ виду нѣкоторыхъ произвольныхъ со стороны Муравьева сокращеній и вставокъ, такъ главнымъ образомъ и потому, что авторъ старался приноровить переводи-

мую имъ пьесу къ русскимъ нравамъ. И мы должны согласиться, что это свое стремленіе Муравьевъ исполнилъ, пожалуй, съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ многіе наши современные передѣлыватели. Читатель или зритель едва ли замѣтитъ что-либо англійское въ «Школѣ злословія» Муравьева и съ внутренней и съ внѣшней стороны ея содержанія. И дѣйствующія лица—всѣ эти Досажаевы, Лукавины, Вѣтроны, Насмѣшкины, съ ихъ «злословіемъ», сплетнями, ханжествомъ, мотовствомъ, одами, париками и буклями, все это рядъ типовъ, какъ бы выхваченныхъ авторомъ изъ современной ему жизни; всѣ они такъ приближаютъ насъ къ эпохѣ Екатерины, такъ живо напоминаютъ пьесы того времени, пьесы хотя бы самой императрицы... Авторъ успѣлъ выказать въ своей передѣлкѣ и довольно тонкую наблюдательность, знаніе нравовъ и языка средняго слоя нашего общества временъ Екатерины, и мы не преминули бы дать характеристику очерченныхъ авторомъ типовъ, если бы это не было такой избитой темой. Скажемъ коротко: это — портреты людей того времени, которые такъ часто и такъ однообразно рисовались нашими драматургами конца XVIII вѣка; какого-либо оригинальнаго изображенія Муравьевъ въ этой пьесѣ не далъ, да врядъ ли это и возможно было сдѣлать въ передѣлкѣ, близкой къ переводу.—Въ заключеніе, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ Муравьевъ справлялся съ подлинникомъ, приведемъ наиболѣе характерные отрывки изъ передѣлки параллельно съ англійскимъ оригиналомъ.

Текстъ Шеридана.	Передѣлка Муравьева.
Sir Peter...... Yet I chose with caution—a girl bred wholly in the country, who never Knew luxury beyond one silk gown, nor dissipation above the annual gala of a race ball. Yet she now plays her part in all	*Досажаевъ*...... Выборъ мой былъ сдѣланъ съ осторожностью. Я взялъ за себя дворяночку деревенскую, которая другой роскоши не знала, окромя одной шолковой парочки, да въ жмурки о святкахъ. Теперь

the extravagant fopperies of fashion and the town, with as ready a grace as if she never had seen a bush or a grass-plot out of Grosvenor-Square! I am sneered at by all my acquintance, and paragraphed in the newspapers»... (Act. I, sc. II).

прошу покорно посмотрѣть! Во всѣ дурачества пустилась, и такъ по модѣ, хоть бы отъ роду изъ города не выѣзжала! Знакомые мои смѣются надо мной, въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» описываютъ меня»...

Lady Teasle.—Oh, yes! Y remember it very well, and a curious life I led. My daily occupation to inspect the dairy, superintend the poultry, make extracts from the family receipt-book, and comb my aunt Deborak's lapdog.

Досажаева.—Какъ не помнить! Утреннія упражненія мои были присмотрѣть за коровницею, за птичницею, записать расходъ въ книгу, да тетушкину собачку вымыть и расчесать.

Sir Peter.—Yes, yes, ma'am, twas so indeed.

Досажаевъ.—Куда какъ я радъ, что у васъ такъ память хороша!

Lady Teasle.—And then, you know, my evening amusements! To draw patterns for ruffles, which I had not materiais to make up; to play Pope Ioan with the curate, to read a sermon to my aunt; or to be stuck down to an old spinet to strum my fother to sleep after a foxchase» (Act. II, sc. I).

Досажаева.—По вечерамъ, бывало, пишу узоры на манжеты, которыхъ не изъ чего шить; съ приходскимъ священникомъ играю въ шашки; тетушкѣ читаю «Тысячу одну ночь»[1]); иногда брянчу, брянчу на гусляхъ такъ, что всѣхъ усыплю».

---

1) Передѣлка характерная для того времени. (См. объ увлеченіи русскаго общества восточными сказками въ нашей статьѣ объ А. П. Бенитцомъ, въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1900, № 2 и въ книгѣ И. И. Замотина: «Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ», Варшава 1903, стр. 55—58).

Crabtree.—Oh, to be sure! she has herself the oddest countenance that ever was seen; 'tis a collection of features from all the different countries of the globe.	*Клешнинъ дядя.*—Пречудное творенiе! Черты на лицѣ ея собрались со всѣхъ краевъ земли!
Sir Benjamin.—So she has, indeed-an Irish front.	*Клешн. племянникъ.* — Это правда: чувашскiй лобъ.
Crab.—Caledonian locks.	*Клешн. дядя.* — Волоса чухонскiе.
Sir Ben.—Dutch nose.	*Клешн. племян.* — Калмыцкiй носъ.
Crab.—Austrian lips.	*Клешн. дядя.* — Арапскiе губы.
Sir Ben.—Complexion of a spaniard.	*Клешн. племян.* — Цвѣтъ лица башкирскiй.
Crab.—And teeth à la Chinoise.	*Клешн. дядя.*—Зубы китайскiе.
Sir Ben.—In short, her face ressembles a table d'hôte at Spa-where no two guests are of a nation (Act. II, sc. 2).	*Клешн. племян.* — Однимъ словомъ, лице ея похоже на биржу, гдѣ рѣдко встрѣчаются два человѣка одной земли.

Другой литературный опытъ Муравьева-Апостола въ области драмы: «Ошибки, или утро вечера мудренѣе» представляетъ оригинальную комедiю въ 5-ти актахъ. Она вышла изъ печати въ 1794 году и была посвящена императрицѣ[1]); въ слѣдующемъ 1795 году 20 сентября было первое ея представленiе въ «Де-

1) Текстъ «посвященiя» см. выше. Кромѣ того пьеса была снабжена слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Гольдони, взятымъ изъ 3-ей сцены 3-го акта его «Teatro comico». Съ этимъ итальянскимъ Мольеромъ мы познакомились довольно рано: петербургская публика видѣла его пьесы и въ русскомъ и французскомъ переводахъ. Такъ въ 1789 г. была поставлена комедiя его: «Слуга двухъ господъ», въ 1796 на франц. яз. «Le bourru bienfaisant».

ревянномъ театрѣ»[1]). Вотъ ея содержаніе. Гдѣ-то въ глухой отдаленной провинціи проживаетъ въ своей деревнѣ чета Старомысловыхъ. И тотъ и другая сочетались бракомъ уже второй разъ. У Старомыслова имѣется отъ перваго брака дочь Софья, у Старомысловой сынъ, носящій фамилію (по первому мужу матери) Балобанова. Старикъ Старомысловъ — человѣкъ добрый и простодушный, любящій жить въ деревнѣ и ненавидящій городъ и его безпорядочную сутолоку; онъ врагъ всякихъ нововведеній и всей душой преданъ старинѣ и воспоминаніямъ о ней: «Я старину люблю,— говоритъ онъ,— и признаюсь въ томъ.— Люблю старинные времена и обычаи, старыхъ друзей, старинныя книги, старое вино»... Про дурное вліяніе городской жизни онъ выражается такъ: «Съѣздятъ въ городъ на недѣлю, а привезутъ домой спѣси и глупостей на цѣлый годъ... Всякая вещь хороша въ своемъ мѣстѣ: въ городѣ жить по городскому, а въ деревнѣ по деревенскому». Старомыслова не сходится во взглядахъ и вкусахъ съ своимъ мужемъ, который надоѣлъ ей своими разсказами о старинѣ, походахъ и пр.; она тяготится жизнью въ деревенской глуши по рецептамъ мужа: ей скучно.

«Вотъ графъ Высокопаровъ и въ деревнѣ живетъ весело»— говоритъ она мужу. Старомысловъ на это дѣлаетъ ей слѣдующее любопытное возраженіе, которое мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ:

«А по мнѣ такъ скучно.—Я прошлаго лѣта заѣхалъ къ нему, да и не радъ былъ жизни.—Замучилъ меня до смерти.—Таскалъ меня часа три по просѣкамъ, заваленнымъ щебнемъ, которыя онъ называлъ Аглинскимъ садомъ.—Заставлялъ меня удивляться видамъ ничуть не удивительнымъ; и выхвалялъ свой вкусъ, котораго я ни въ чемъ не примѣтилъ.—У насъ съ тобой гора слы-

1) Вотъ какія свѣдѣнія о постановкѣ этой пьесы находимъ въ «Архивѣ Дирекціи Императорскихъ Театровъ» (Вып. I. Спб. 1892, отд. III, стр. 166). «24 марта 1798 года записаны на приходъ собранные въ театрѣ 151 р. 50 коп. и невыданные сочинителю, за неявкою его. Монтировка по гардеробной части въ концѣ 1794 года. Исполнена: 20 сент. и 17 дек. 1795, 17 янв. и 1 сент. 1796; всѣ четыре раза въ Деревянномъ театрѣ».

ветъ горой, а боръ боромъ; а у него такъ то, да не то.—Навозная куча, одѣтая дерномъ, называется у него Парнассъ.—Въ лѣсу стоитъ бесѣдка,—я, право, думалъ шалашъ для тетеревей,—анъ прошу не прогнѣваться: Храмъ невинности. — Подъ окошкомъ его течетъ прекрасная рѣка,—онъ ею не доволенъ, а выкопалъ въ болотѣ нѣсколько лужъ, и разъѣзжаетъ себѣ по нимъ въ раскрашенныхъ челнахъ, которые онъ пожаловалъ въ ботики. Чтобъ смотрѣть всѣ эти чудеса, графъ таскалъ меня отъ самаго послѣ обѣда до шести часовъ вечера. Я радъ, радъ былъ, какъ доплелся до покоевъ, и самъ себѣ на умѣ: теперь отдохну.—Не тутъ то было! хозяинъ мой взялъ меня за руку, и говоритъ: дорогой сосѣдъ! что ты ни видѣлъ сегодня, все еще ничего противъ того, что увидишь, и не давъ мнѣ времени опомниться, повелъ меня въ сарай. Я думалъ, что онъ хочетъ похвастаться каретами или колясками домашняго рукодѣлья. Какое было мое удивленіе, когда вмѣсто каретъ я увидѣлъ театръ!—Офиціанты, лакеи, горничныя дѣвки сыграли намъ Семиру.—Боже мой! какъ терзали бѣднаго Сумарокова! какъ теперь вспомню, такъ больно!—Дарьюшка! у насъ съ тобой ни театровъ, ни храмовъ нѣтъ; а кто къ намъ пожалуетъ, такъ найдетъ у насъ старинное гостепріимство: горшокъ добрыхъ щей, да хозяина, который гордится тѣмъ, что русскимъ родился, да русскимъ и умретъ»[1]).

Жена не соглашается. — Не любя мужа, она не любитъ и его дочери; но предана своему сыну, хотя любовь ея къ нему напоминаетъ любовь Простаковой къ Митрофану, отъ катораго не далеко ушелъ и Степушка Балобановъ. Она противъ большого образованія, и на замѣчаніе мужа о безграмотности Степушки, отвѣчаетъ, что «Степушкѣ не съ книгами знаться, а съ добрыми людьми. Степушкѣ моему будетъ 15 тысячъ рубликовъ доходу въ годъ. Что твои науки»! Впрочемъ, она мечтаетъ впослѣдствіи «отправить его за море», ибо тамъ «онъ ужъ подлинно всему на-

1) «Ошибки», актъ I, сц. 1.

учится»[1]), на что старикъ Старомысловъ строго замѣчаетъ: «Держи его дома. Я ради чести имени россійскаго и многимъ бы запретилъ выѣзжать изъ отечества»[2]).

Кромѣ дѣтей Старомысловыхъ въ ихъ семьѣ подъ опекой Старомысловой проживаетъ ихъ дальняя родственница Паша, обладательница бриліантовъ тысячъ на 40 рублей. Вотъ эту-то Пашу и прочила Старомыслова за своего Степушку. Но тотъ «терпѣть не могъ» Паши, послѣдняя питала къ нему равное чувство. Счастливый случай освободилъ ихъ отъ узъ, которыми готовилась было соединить ихъ Старомыслова. Нѣкто Смиренинъ—старинный пріятель Старомыслова — посылаетъ къ этой четѣ своего сына, съ цѣлью, путемъ брака дѣтей, закрѣпить свою дряхлѣющую дружбу. Смиренинъ-сынъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Милоновымъ, отправляются въ путь-дорогу и скоро пріѣзжаютъ въ деревню къ Старомысловымъ. Здѣсь, послѣ многихъ смѣшныхъ приключеній и недоразумѣній объявляется наконецъ помолвка Смиренина съ Софьей и Милонова (къ удовольствію Степушки и огорченію Старомысловой) съ давнишней своей знакомой — Пашей. Весь интересъ пьесы сосредоточенъ именно на происшествіяхъ въ домѣ Старомысловыхъ за время пребыванія у нихъ будущихъ жениховъ и вся соль комедіи заключается въ цѣломъ рядѣ смѣшныхъ и подъ часъ не совсѣмъ естественныхъ qui pro quo, въ развитіи и разрѣшеніи которыхъ и проходятъ четыре акта комедіи. Такъ, во 2-мъ актѣ авторъ хочетъ развеселить зрителя рядомъ сценъ, происходящихъ въ домѣ Старомыслова, который, по винѣ Степушки, молодые люди приняли за трактиръ, а самого Старомыслова за трактирщика; затѣмъ слѣдуютъ исторія длинной любовной интриги: Смиренинъ не узнаетъ своей будущей невѣсты, успѣвшей переодѣться въ крестьянское платье, и долгое время принимаетъ ее за горничную; далѣе идетъ рядъ проказъ и издѣвательствъ Степушки надъ своею матерью

1) Ср. басню Хемницера «Метафизикъ».

2) Фраза эта была весьма кстати вставлена Муравьевымъ въ уста Старомыслова: она не могла не понравиться въ то время (1794) императрицѣ.

и т. д. Въ послѣднемъ актѣ, съ пріѣздомъ старика-Смиренина, все разомъ благополучно разрѣшается.

Конечно, въ настоящее время эта довольно нехитро сплетенная сѣть всевозможныхъ приключеній и qui pro quo, составленная по всѣмъ правиламъ «единства времени и мѣста», вся эта пьеса, скорѣе сбивающаяся на современный фарсъ, не можетъ доставить большого эстетическаго удовольствія; но по тогдашнимъ понятіямъ о смѣшномъ въ комедіи, пьеса Муравьева, полная дѣйствія и написанная при этомъ хорошимъ языкомъ, имѣла право на успѣхъ и пользовалась таковымъ. Для историка литературы она представляетъ несомнѣнный интересъ и съ внѣшней и съ внутренней стороны.

Правда, типы, нарисованные авторомъ, въ большинствѣ случаевъ намъ знакомы и по пьесамъ, предшествовавшимъ Муравьеву, но, напр., прекрасно выдержанный до конца пьесы типъ Старомыслова, на изображеніе характерныхъ чертъ котораго авторъ не прибѣгалъ къ резонерству (столь излюбленной манерѣ нашихъ старыхъ драматурговъ), заслуживаетъ вниманія.

Вполнѣ оригинальной пьесу Муравьева назвать нельзя: въ ней слишкомъ замѣтно вліяніе его славныхъ предшественниковъ, напримѣръ Фонвизина. Степушка Балобановъ — это Митрофанъ Простаковъ, родной племянникъ Тараса Скотинина. Отличается онъ отъ Митрофана лишь большей хитростью, способностью на различныя проказы, а отъ Скотинина различіемъ страстей: тотъ любилъ свиней, а этотъ собакъ и лошадей. Старомыслова — та же Простакова, съ той лишь разницей, что героиня пьесы Муравьева тяготится скучнымъ пребываніемъ въ деревнѣ, вздыхаетъ о столицѣ и подчасъ мечтаетъ о прелестяхъ столичной жизни. Прибавимъ, что въ пьесѣ Муравьева мы встрѣчаемъ даже цѣлыя сцены и фразы, близко напоминающія «Недоросля». Напр. планъ тайнаго увоза Софьи, разсужденіе о парикмахерѣ и о стоимости содержать его (ср. разсужденіе Простаковой о Вральманѣ); намѣреніе Старомысловой «пересѣчь всю деревню и праваго, и виноватаго», замѣчаніе Степана матери: «А кто виноватъ, ма-

тушка? Ты жъ сама меня избаловала» и пр. Въ сущности говоря, даже и канва пьесы—неудавшаяся попытка Старомысловой женить сына на дальней опекаемой ею родственницѣ — заимствована у Фонвизина. Впрочемъ, всѣ эти очевидныя заимствованія столько же говорятъ о громадномъ вліяніи нашего знаменитаго сатирика, сколько убѣждаютъ и въ реальной дѣйствительности и живучести типовъ, данныхъ литературой. Разстояніе между «Недорослемъ» и «Ошибками» не на столько велико (всего 12 лѣтъ), чтобы Митрофаны и госпожи Простаковы успѣли исчезнуть съ русской земли; они существовали у насъ и гораздо позже[1]), но, конечно, въ формѣ нѣсколько измѣненной, и даже отчасти затронутой общимъ прогрессивнымъ теченіемъ нашей культуры. Кромѣ сродства типовъ Степана Балобанова и Митрофана Простакова, укажемъ на такое же сродство еще двухъ типовъ, лишь намѣченныхъ Муравьевымъ, но которые подробно и довольно часто разрабатывались нашими писателями первой половины прошлаго столѣтія. Это—типъ графа Высокопарова, своего рода Манилова Екатерининскихъ временъ[2]), и дѣвушки мечтательницы, вздыхающей и проливающей слезы надъ «чувствительными романами»—прототипъ Татьяны Лариной[3]).

На этомъ мы оставляемъ пока драматическіе опыты И. М. Муравьева-Апостола. Оцѣнку его перевода Аристофановой комедіи «Облака» надѣемся дать въ общемъ обзорѣ занятій нашего писателя въ области классической литературы.

Ив. Кубасовъ.

---

1) Подробнѣе см. въ нашей книгѣ: «А. Е. Измайловъ». Спб. 1901, стр. 57—61.

2) Характеристику его, данную въ пьесѣ Старомысловымъ, см. выше.

3) Подробности изъ исторіи развитія этого типа въ нашей литературѣ см. въ брошюрѣ В. В. Сиповскаго: «Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій» (Спб. 1899) и въ его же книгѣ: «Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника» Спб. 1899).

Мученіе свв. Анастасіи Римлянки и Хрисогона по русскому списку XVI в.

Св. Анастасія Римлянка вдова, память которой празднуется въ декабрѣ, часто смѣшивалась и смѣшивается съ св. Анастасіею Римлянкою дѣвою, память которой празднуется въ октябрѣ. Въ виду этого мы затрудняемся сказать, которая изъ этихъ двухъ святыхъ чествуется церковью подъ именемъ *потвороизбавницы* [1]). Относительно св. Хрисогона мы можемъ сказать лишь то, что онъ не пользовался и не пользуется особою популярностью ни въ православной, ни въ католической церкви [2]).

Греческая литература имѣетъ нѣсколько Мученій Анастасіи [3]), но они — сколько мы ихъ знаемъ — совершенно отличны

---

1) Срв. *архіеп. Сергій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, II[2], 514.

2) Въ «Молитвѣ на дьявола», изданной съ нашимъ предисловіемъ въ 1899 году въ Спб., перечень мучениковъ на стр. 15 оканчивается именами: *Вите*, Лаврентию, *Флуриане*, *Христогоне*, *Зоиле*, Вннфантию; всѣ эти святые пострадали на западѣ; изъ нихъ Витъ и Флоріанъ неизвѣстны греческимъ святцамъ, но издавна чествуются въ Чехіи (мощи Флоріана † 304 г. нѣкоторое время почивали въ г. Линцѣ; теперь къ этому святому чехи обращаются за защитою отъ пожара); Хрисогонъ и Зоилъ—герои издаваемаго нами Мученія. Въ той же «Молитвѣ» призывается также «Анастасія потвороизбавница», вмѣстѣ съ Луціею, Каликіею, Фелицитой, Валпургой и Маргарѣтой (стр. 19).

3) Указанное болландистами греческое Мученіе св. Анастасіи («Catalogus codicum agiographorum graecorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis», стр. 117) намъ осталось неизвѣстно. Его начальныя слова также отличны отъ начальныхъ словъ издаваемаго нами текста.

отъ издаваемаго нами[1]). Въ латинской литературѣ мы также не знаемъ подходящаго текста.

Мы издаемъ Мученіе по лучшему изъ извѣстныхъ намъ списковъ—Императорской Публичной Библіотеки Q. I. 320 (=Толст. II, 364), XV—XVI вѣка, съ варіантами изъ списка Московскаго Румянцевскаго Музея, Ундол. № 230, конца XVI вѣка (=У.), и изъ Макарьевскихъ Миней (=М.)[2]). Не смотря на искаженія (особенно на л. 160 об.), текстъ Мученія сохранилъ кое-что древнее въ формахъ и синтаксисѣ; таковы — нечленныя формы: много*ми* пакостьми У., мно*зими* (т. е. мно*зьми*) муками 162, мѣстн. п. безъ предлога: Христов*ахъ* стоп*ахъ* пристаахъ 160 об. Эти остатки ручаются за древность перевода.

Переводъ сдѣланъ, по нашему мнѣнію, съ латинскаго.

За латинскій оригиналъ говоритъ прежде всего *кв* въ *Акви*лѣя У. = лат. Aquilĕja. Рядъ словъ и выраженій становится понятнымъ лишь тогда, когда мы будемъ въ нихъ видѣть буквальный переводъ съ латинскаго. Слово *господьство* 161 об. въ нашемъ текстѣ употреблено съ значеніемъ: имѣніе, какъ латинское dominium. Формѣ причастія настоящ. вр. *изиды* 161 об. придано значеніе: имѣющій выйти, т. е. значеніе латинскаго exiturus; сравни въ Мученіи св. Вита форму *дѣя* на мѣстѣ латинскаго facturus. Выраженія: *святый Божій* 162, *мози*..... *помяни* мя (въ концѣ письма) 160 об., *отпущену духу* 160 об., совпадаютъ съ обычными латинскими sanctus Dei, vale[3]) et memento mei, dimisso animo (abl. absolutus). Употребленное не кстати *во истинну* 160 всего легче объясняется какъ неудачный переводъ латинскаго союза vero (какъ въ Мученіи св. Вита). Странное *моли* 161 об., повелит. накл., безъ дополненія, въ значеніи: молися, становится понятнымъ при предположеніи въ ла-

1) Одно изъ нихъ имѣетъ сходное начало: Κατὰ τοὺς καιροὺς Διοκλητιανοῦ (*Fabricius-Harles*, Bibl. graeca, X, 193); но это—Мученіе Анастасіи *дѣвы*.

2) Списокъ Хлудова № 195, XIV в., представляетъ текстъ другого Мученія (Анастасіи и Θеодотіи).

3) Срв. въ переводѣ Бесѣдъ папы Григорія *мозы* на мѣстѣ латинскаго vale.

тинскомъ оригиналѣ precare или ora. Наконецъ, слово *аносъ*, *анасъ* 160, принятое переводчикомъ за собственное имя,— повидимому, не что иное какъ нарицательное латинское anus[1]). Въ пользу греческаго оригинала говоритъ лишь звукъ *ѵ* въ имени Пуѵлій 159 об.

Переводъ не принадлежитъ къ числу удачныхъ. Повидимому, переводчикъ не всегда понималъ свой латинскій оригиналъ; во всякомъ случаѣ въ его текстѣ есть кое-что очень странное, могущее получить объясненіе, кажется, только при помощи оригинала; таково особенно слово *вещь* въ значеніи — повидимому — лат. matrona.

А. И. Соболевскій.

---

1) Срв. окончаніе *-осъ* на мѣстѣ латинскаго -us въ *троносъ* въ переводѣ Бесѣдъ Григорія. Какъ будто, «*аносъ* етера христіана жена» передаетъ латинское *anus* quaedam christiana.

Мц҃а декабра. въ ·ка҃·[1] мч҃ніє ст҃ыꙗ анастасїа.

Въ времена диоклитїана нечт҃иваго цр҃ѧ. гоненіє бы҃ хр҃тї-
аньско[2]). бѣ҃ етеръ мȣ҃ж бж҃їи. имене҃ хрȣсогонъ. тогд҃а въ ·в҃· е
лѣто[3]). во ȣза҃ за имѧ бж҃їє посаженъ. и ѿ прогонникъ мно-
гыми[4]) пакостьми. мȣченъ и҃ ѿ бл҃анныꙗ анастасїа. дщере про-
текта. ȣдера же чт҃на мȣ҃жа. пищею оживлѧаше҃. во истиннȣ по
ȣч҃нїю ст҃го ап҃ла павла. творѧаше все до[5]) ꙗкоже ѡнъ еа пожи-
наѧше телеснаѧ. тако и она ѿ него дх҃овнаѧ сѣмена живота
вѣчнаго прїимааше· юже тако в[6]) вѣре въспѣта[7]) и равнȣ вѣр-
ны҃ створи. во истиннȣ же хȣжшии҃ одѣнїе҃ одѣꙗше[8])[9]). аще и
велика рода сȣщї. || ꙗко единакъ[10]) хв҃ъ слȣгъ въ ȣза҃[11]) держи҃ 159 об.
посѣщати не можааше. но токмо таи людїи. нищ҃а на земли
лщȣщы[12]) творѧаше. дабы богт҃ство обрѣла нб҃ное. со единою же
отроковицею темницȣ[13]) объхожааше. и по темница҃ людскимъ
стража темничныꙗ. мз҃ою наимоваше. дабы свободно темнич-
никъ посѣщати могла. входѧщи в темницȣ вс҃ѣ скорбнымъ.
елико можааше. ȣмываше ноги. помазааше главы. чесааше
власы. ѡ на долзѣ. заклепи темничнїи дръжаахȣ. тако҃ вынȣ
творѧаще[14]) и ѿ подрȣжїа не мѡгȣщи[15]) ȣтаит҃и. ȣвидѣв[16]) же
мȣ҃ж еа пȣпли. стража[17]) во храмѣ свое҃. тако҃вы[18]) стражи иже
оконца[19]) еи. звѣз҃ы единоа входа не попȣстиша[20]) вѣ || дити[21]). 160
хрȣсогон же мȣ҃ж бж҃їи. бѣ тогд҃а ȣ етера сотника его҃ гь҃ сп҃съ хс҃.
со вс҃ѣ домо҃ свои҃. хрȣсогоно҃ приплодни ·к҃· себѣ[22]). во истинн҃ȣ

1) У. въ кв҃.   2) М. на христїаны.   3) У. М. въ .є҃. лѣте.
4) У. М. многами.   5) У. М. да.   6) М. abs.   7) У. М. воспита.
8) У. одѣѧсѧ.   9) М. одѣванїемъ одѣвашесѧ.   10) У. единаче.
11) У. въ соузахъ.   12) У. М. ажущи.   13) М. темници.
14) У. творѧще, М. творѧщи.   15) У. М. могущи.   16) М. увѣдавъ.
17) У. стражь.   18) У. М. таковы.   19) У. и конца, М. и оконца.
20) М. входы не поступиша.   21) У. М. видѣти.   22) У. М. къ себѣ.

не обрѣте никогоже. егоже бы послалъ къ анастасїи. аносъ[1]) же етера хр҃тїана жена. обрѣте сѹщи ст҃ѣи анастасїи сосѣда. и печалаше хр҃тїаны во истинѹ. ꙗко м҃ти младенцемъ. творащиⷨ помощь всѣмъ. знаема бѣаше. та к доⷨ анастасїинъ вшедши. и нача быти посолъ ѿ неа. и ѡ всеⷯ исповѣдникъ г҃нь. еюже ст҃ыи хрисогонъ пресвѣтлїе всеⷯ превы. ѿ ст҃ыа же анастасїа. посланѹ прїати. сицѹ рѣчь имѹщи[2]). ст҃ыи исповѣдниче хрѹсогоне. аще и оц҃ь мои

160 об. слѹга идолескъ бѣ то м҃ти моа даѹста. ꙗже ма || изъ млада хр҃тїанѹ створи. еаже по ошествїи[3]). се есмь нѹдима[а]) приведена. мѹжѹ требещникѹ[4]). егоже б҃гѹ щедращѹ. ложа[5]) лжѹщи помощїю[6]) ѹкланаса. и хваⷯ стопаⷯ присно пристааⷯ егоже подрѹжїе мое недостоинъ сы. прелестн слѹжа. живы тщепитїа[7]). и ма ꙗко вълъхвѹ в темници горши затвори. такоже мню ꙗко иже и[8]) животъ ми телесныа ѹности. ничесоже ваще е. но точїю ѿпѹщенѹ дх҃ѹ. смр҃ти повѣнна есмь. в ненже[9]) исповѣди[10]) г҃и моего сп҃са х҃а. ч҃тна словѹ. и сего раⷣ та въпрашаю чл҃че бж҃їи. да бес престани за мене г҃а[11]) мл҃иши. азъ бо[12]) ѹмрети готова есмь нежели с҃на бж҃їа[13]) ѿврещиса. мози чл҃че бж҃їи. помни[14]) ма. по-

161 сланѹ женѹ ѿпѹщь хрѹсогонъ. мл҃твѹ || за ню со всѣми исповѣдники сотвори. и ѹтѣшна словеса написа. тѹ же на вѣрѹ[15]) оутверди. бы же тогда пѹплїю мѹжѹ еа. на совѣти седащѹ с настолники[16])[б]. нѹдимї[в]) нти на перьскѹю землю. печаленъ домовѣ възвращесѧ. ст҃їи[17]) анастасїи. тако заповѣда стражѹ[18]). да свѣта ю орече[19]) и живота. рекъ стражемъ. аще възвращиса[20]) живѹ ю обращѹ. вса вы погѹблю. тогоже того раⷣ твораше. давы богаство[21]) еа г҃ь былъ. ст҃ѹю же анастасїю. стражїе тако мѹчаⷯ.

1) У. анасъ. 2) М. имущю. 3) У. отшествїи. 4) М. требищнику.
5) У. лжа. 6) У. М. немощїю. 7) У. живыи тъщепитїа.
8) У. же и, М. иже и. 9) М. во иже. 10) У. исповѣда (надо читать: исповѣдѣ?). 11) У. abs. 12) У. уко. 13) У. божїа сына.
14) У. помани. 15) У. вѣру христову. 16) М. настолнику.
17) У. М. святѣй. 18) У. стражду. 19) У. М. отрече.
20) У. обращьса. 21) У. М. богатьству.

а) Надо читать: нудьма?
б) Надо читать: съ енастольники?
в) Надо читать: нудьми?

да воды ей не даꙗхȣ. тогⷣа она в тȣзѣ. мнѧщи кончатиⷭ[1]). на-
пи́са ко ст҃мȣ хрȣсогонȣ си словеса. исповѣдниче ст҃ыи[2]) хрȣсо-
гоне. кончина телесе моего прїиде. помѧни мѧ и м҃ли да изи-
дȣщȣ дш҃ю мою тои прїимеⷲ. || занеⷤ[а]) любве раⷣи си терплю. ꙗⷤ ѿ 161 об.
ȣности ми си вѣси[3]). к семȣ ст҃ыи хрȣсогонъ. многа и ȣтѣшна
словеса. и свершенȣ вѣрȣ ей[4]) написа пȣстїю[5]). давы давльно[6])
всѧ си за хрⷭ҇то имѧ стерпѣла[7]). приключи же сѧ авїе мȣжȣ ея на
пȣти смрть. и привезенъ быⷭ в лодїи. и вси иⷤ ю срѣтаахȣ раз-
бѣгахȣсѧ[б]). ишеⷣши[8]) же ст҃аа анастасїи избавлена. приде ко
ст҃мȣ хроусогонȣ. и всѧ емȣ ꙗже створена бѣша[9]) сказа. рос-
проданȣⷤ г҃ьствȣ ея бывшȣ. во простыа жеⷭ ризы оболькши. тем-
ничникъ посѣщааше. и ꙗкоⷤ очи своа. тако и рабы бж҃їа. елико
можааше хранѧаше. тогⷣа дїоклидїанъ на аквѣльстїи[10]) странѣ
сыи. многы хрⷭ҇тїаны избї. и написа кн҃зю рⷨиска града. всѧ хрⷭ҇тїаны
избити. единого же || хрȣсогона повели[11]) привести к себѣ. томȣⷤ 162
послѣдȣющи. анастасїа ч҃тнаѧ. и ȣгодна бг҃ȣ слȣга. во аквилѣ[12])
многыⷯ ст҃ыиⷯ бж҃їиⷯ створи слȣжбȣ. дїоклитїанъⷤ. егⷣа ст҃го хрȣсо-
гона. идолоⷨ пожрети не моⷤ принȣдити. повелѣ в мѣстѣ. еже ȣ
водъ исходныⷯ речетсѧ ȣсѣкнȣти и тѣло его на брегъ извержено
быⷭ. тогⷣа три вещи хрⷭ҇тїаннѧ[13]). с попоⷨ зоилоⷨ пришеⷣши взѧша
тѣло ст҃го хрȣсогона. и ч҃тнѣ сохраниша. емȣже во снѣ сказано
быⷭ мѣсто. идеже море главȣ его изверже. тȣ же пришеⷣ обрѣте
ю. ꙗко и в тȣ годинȣ ѿсѣкновенѣ бывши. и принесъ к телесѣ
его приложи. и саⷨ ст҃ыи зоилъ. по тридесатеⷯ дн҃ехъ бл҃жнно
прїиде[в]) к б҃ȣ. анастасїи же многи || ми и различными мȣками 162 об.
м҃на. многы преⷣ собою хрⷭ҇тїаны казньми[г]) сконми. и мȣченїеⷨ

---

1) У. скончатисѧ. 2) М. христовъ. 3) У. съвѣси. 4) М. си.
5) У. М. и поусти ю. 6) У. М. довлено. 7) У. пестрадала.
8) У. М. пришедши. 9) У. abs. 10) У. М. акъвилстѣи.
11) У. М. повелѣ. 12) У. въ Аквилѣи, М. во Акивилѣ. 13) У. Этихъ четырехъ словъ нѣтъ; М. христїаныня.

а) Надо читать: заньже (вин. ед.)?
б) Надо читать: стрѣжаахꙋ разбѣгꙋсѧ (сил. аор.)?
в) Надо читать: прѣиде?
г) М. казнимми. Надо читать: казаньими (наставленіями)?

мчны[1]) прѣстави ко хру. послѣдне есть. и ·о·[2]) мужеска полу и женьска приведе. она за руцѣ и нозѣ свѧзана суще. и по лалоку всотчена[3]) посредѣ огнѧ. гу давцу преда духъ. юже аполлѣана чтна вещь. чтнѣ погребе. и на нею црковъ створи. в неиже прославлѧетсѧ въину бъ. всемогыи. и цртвуе въ веса вѣки вѣков. аминь.

Вотъ наиболѣе интересныя словарныя данныя Мученія.

Вещь (=matrona?) 162, 162 об.
вълъхва 160 об.
въстъкнути 162 об.
вьсемогыи 162 об.
Година 162.
господьство (=имѣніе) 161 об.
Давець 162 об.
Единакъ (=одинокъ?) 159 об.
етеръ.
Живы (=вкушающіи?) 160 об.
Заклепъ темничныи 159 об.
знаемъ 160.
Изиды (=exiturus?) 161 об.
исповѣдникъ господьнь 160.
во истинну (=vero?) 160.
ишедъ (=вышедъ?) 161 об.
Казнь? (наставленье) 162 об.
князь римска града 161 об.
Лалока 162 об.
лщущы (?) 159 об.
Мози (=vale?) 160 об.
молити (=молиться?) 161 об.
мзда 159 об.
Наимовати 159 об.
настольникъ 161.
Оживлятися пищею 159.
отпущенъ духъ (= dimisso animo, abl. abs.?) 160 об.
ошествіе 160 об.
Подружіе 159 об.
пожинати (=ѣсть) 159.
помяни мя (= memento mei?) 160 об.
попъ 162 об.
посолъ 160.
прогонникъ (=гонитель) 159.
приплоднити (?) 160.
протектъ 159.

---

1) У. М. мучены.
2) У. послѣднее же. ро.; М. послѣдніи же сто и семьдесять.
3) У. костечена, М. косотченаго (надо читать: към̃стъчена?).

Новый списокъ
Слова Даніила Заточника.

Въ сборникѣ № 1315 Погодинскаго собранія Публичной Библіотеки есть между прочимъ списокъ Слова Даніила Заточника, восходящій къ изводу XII вѣка, т. е. къ спискамъ — Толстовскому, Копенгагенскому, Академическому (Кирилловскому) и Морозовскому [1]). Здѣсь однако Слово является въ значительно измѣненномъ видѣ: это—попытка обработать памятникъ личнаго и частнаго характера въ цѣляхъ обще-нравоучительныхъ, сообразно съ потребностями монастырской и церковной библіотеки [2]). Изъ Слова Даніила Заточника выкинуто почти все, что̀ указывало на частный поводъ къ его составленію; измѣнена форма личнаго обращенія автора къ князю; сдѣланы нѣкоторыя вставки общаго характера, и прибавленъ довольно большой конецъ, состоящій главнымъ образомъ изъ изреченій Менандра Мудраго о женской злобѣ [3]). Такимъ образомъ здѣсь пропущены: все вступленіе — до словъ изъ Евангелія, какъ имѣющее чисто личное значеніе; слова кн. Ярослава - Ростислава о Курскомъ

---

1) И. А. Шляпкинъ, Слово Даніила Заточника (Памятники древней письменности, LXXXI. Спб. 1889). Наиболѣе существенные варіанты по этимъ спискамъ приведены ниже, въ примѣчаніяхъ къ тексту Слова, съ тѣмъ же обозначеніемъ, какъ и въ указанномъ изданіи, т. е. съ буквами Т. К. А. М.

2) См. Н. К. Никольскій, Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ Московской Руси (XV—XVII в.). Спб. 1901.

3) Варіанты этихъ изреченій по пергаменной Пчелѣ XIV—XV в. Публичной Библіотеки (F. п. I. № 44) указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту Слова, по изданію В. Семенова: Мудрость Менандра Мудраго по русскимъ спискамъ (Памятники древней письменности, LXXXVIII).

княженіи; просьба о помилованіи, обращенная къ сыну великаго царя Владиміра; указаніе на князя адресата въ словахъ — зане огражень есмь страхомъ грозы твоеа; просьба къ князю— явить зракъ лица его; разсужденіе, съ ссылками на царя Езекію и кн. Святослава, о необходимости князю имѣть много не золота и серебра, а храбрыхъ воиновъ, а также указаніе на удобства и неудобства службы у добрыхъ и скупыхъ князей и бояръ и на неудобства имѣть дворъ по сосѣдству съ княжимъ селомъ; намекъ на осужденіе автора за кражу; указаніе на способъ пріобрѣтенія имъ словесной мудрости; разсказъ о чудесномъ доставленіи посланія князю и заключеніе посланія. Выраженія, указывающія на обращеніе Слова именно къ князю, измѣнены слѣдующимъ образомъ: вмѣсто тако и азъ (княже господине) всѣми обидимъ сказано: тако и ѹбоги всѣ обиди бывае; вм. воззри на мя господине — вори гдне богатыи; вм. азъ бо есмь, княже, яко древо при пути—ѹбогии члкъ аки древо при пу; вм. а ты княже господине оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеми — а ты ѡживля гдине богатыи мтию своею сироты и вдовицы; вм. також и ты, княже, не воздержи злата — тако и ты гдне богатыи не ѹдержи ни злата. Географическія названія озера Лачъ и Новгорода устранены такимъ образомъ: вм. кому Лаче (Лачь) озеро сказано — кому веселие; вм. кому ти есть Новгородъ—кому новые хоромы. Съ помощію этихъ измѣненій Слово дѣйствительно теряло свой личный характеръ и пріобрѣтало видъ обыкновеннаго, правда не столько церковнаго, сколько мірского, поученія о милосердіи богатыхъ людей къ бѣднымъ, о житейскомъ предпочтеніи первыхъ послѣднимъ и о женской злобѣ, такъ что являлась возможность дать ему и то общее заглавіе, какое оно носитъ въ сборникѣ: Слово ѡ мирски притча, и ѡ бытейски веще. подобно е сему житие наше. и како в не льсти[1]). Однако совершенно изгладить слѣды частнаго повода

1) Подобное заглавіе можно встрѣтить и въ другихъ памятникахъ. Такъ въ рукописи Публичной Библіотеки F. I. № 209 (собранія Толстого; см. Описа-

къ написанію Слова передѣлывателю не удалось, и они кео-гдѣ видны. Такъ, форма личнаго обращенія автора осталась въ такихъ выраженіяхъ, какъ: не во̂ри на мя гд҇ине... мнѣ пла҇ч го҇ркиі... не процвѣте часть моя го҇ркаа... мене помяни, и под. Съ другой стороны, выбросивъ названія Лачь и Новгородъ, передѣлыватель оставилъ Боголюбиво и Бѣлое озеро: кому бг҇олюбиво а мнѣ горе лютое. кому бѣлое ѡзеро а мнѣ че҇рнѣе смолы.

Сборникъ, въ которомъ Слово находится, писанъ скорописью XVII в., въ полдесть, на 382 л. На кожаномъ ярлычкѣ, приклеенномъ къ корешку переплета, онъ названъ цвѣтникомъ. Переплетъ сдѣланъ въ 1800 г., какъ показываетъ запись на внутренней сторонѣ задней доски: переп҇ и ночинена ҂ѯ҇т и года меся҇ августа. Сборникъ составляютъ выписки изъ хронографа, измарагда, патериковъ и под. Онъ раздѣленъ на зачала, которыхъ всего 158; Слово Даніила Заточника составляетъ 59-е зачало (л. 154 об.—160). Въ сборникѣ есть и другія русскія статьи, напримѣръ: посланіе владыки Василія къ владыкѣ Ѳеодору Тверскому о раѣ (л. 72), сказаніе объ образѣ І. Христа въ св. Софіи (л. 92 об.), слово о Евагріи діаконѣ и Титѣ попѣ (л. 193 об.), сказаніе о созданіи Св. Софіи Новгородской (л. 215), нѣсколько русскихъ чудесъ Николая Чудотворца (л. 279 об.), и др. Непосредственно за Словомъ Даніила слѣдуютъ примыкающія къ нему по содержанію поученія о женахъ: л. 160—Слово Іва҇на Златаустаго. о злы҇х женахъ. (Есть лутчи в̓ пустыни со звѣ҇рми жи҇ти...); л. 163—Слово ст҇аго а҇тиѡха великаго. како достои҇т блюстися злы҇х же҇н безумны҇х. (Хвалу во҇здади҇м бг҇у, яко учение҇м симъ...); л. 164 об.—Слово ива҇на златаустаго о до҇бры҇х жена҇х. (Оуслышите жены заповѣди б҇жия...). Съ листа 166 об. идетъ нѣсколько вы-

ніе, стр. 186), на л. 238 начинается Сло҇ іѡ҇н зла҇уста҇ в немже притчю сказаетъ. чимо҇ подобно е҇ житіе се҇ настоящее наше како в не҇м льстимся. (Начинается: Вся убо возлюбленіи. свѣта сего вскорѣ преминуются... Затѣмъ идетъ притча о змѣѣ, жившемъ во дворѣ дома).

писокъ изъ Пчелы: Словеса из'бран'на изо пчелы. П'чела лети' на зво, а мудры члкъ тече' на поле'ное слово... Въ этихъ выпискахъ, между прочимъ, отчасти повторяются съ буквальной точностію мѣста изъ Слова Даніила Заточника (по списку рукописи или по другимъ), а отчасти приведены, съ именемъ просто Даніила или Даніила Заточника, изрѣченія, не существующія ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ и изводовъ Слова. Вотъ эти мѣста:

л. 167 об. Сне аще хощеш' женити. то прежо спрошаися с люми тоже са и жени. аще хощеши бес печал' быти то не женися. Сне не помысли красотѣ жестеи, тая бо красота опа" павина, еще бо аки ме на языцѣ а поле го'чѣе полыни. Сну не ими злѣ женѣ вѣры, ме бо каплѣ изо ѹстъ еѧ, а после обрящё го'чее же'чи. Лѹчши есть не на обѹзданѣ конѣ ѣ'дити нежели со злою женою жити. Члче очисти ѿ прелюбωдѣиства ꙗко то есть невѣста вражия и радость бѣсо̂ская. не даи же вода исхода а женѣ лукавѣ де'зновениѧ. не падаися на доброту жескую, ни направи к неи ωчеи твои', жена красна во'(гнѣщеніе) вѣчному огню. безѹмнии' же (л. 168) прилепляюся к неи и огне згараю с нею. бежи жеские красоты непостоꙗно. ꙗко нои ѿ потопа и ꙗко лѡ ѿ содома и гомора. не бѹди прелюбодѣи да часть твоѧ с прелюбодѣи не буде. много бо бѣсѹ помощь в' жена'. жены ѹбо ради испе'ва ада праѿцъ на из рая изгна бысть. жены ради иωси' в темницу затворе бысть блуда ради. жена премѹ'раго соломона в' преступление сведе. жена ослѣпи си'наго и храбраго самсона. женою прркъ илия в' пустыню прогна бысть. жены ради іва пре'теча ѹсѣче бысть. жена иова праве'наго сме'тию кленяше. жеские красоты не пытаи но пытаи ѹма добра. жену злѹ дастъ бгъ за грѣхи члкѹ. женѣ всякои не красота злато и сребро, но ѹ' добръ и мо'чание. жена до'ра иже ѹмѣе (л. 168 об.) дѡ строити. жена прадива жи'нь дому и спасение мѹжѹ. жена лукава аки въꙗлица в' домѹ, въꙗлица лице помрачи а зла жена ве до ѹ мѹжа своего погуби. жена добра люби страдѹ і во'де'жание ѿ всякаго зла в' дому. женѹ злѹ поняти лѹ'че и'воли дѡ

погрести, нежели злу женꙋ в' до̑ привести. жена ꙋмна соста до̑ и имѣнию сп̑сение. жена зла и неистова нра в до̑ есть. жена добра в' дому аки мрави, а злая жена аки девль ꙋтла, жены добры неꙋдоб обрѣсти ея. женѣ старѣишиною в' домꙋ не быти. ѡженивыися ч̑лкъ скоро раскаѣся, женива всѣ ч̑лко ѡщая печа. в' мꙋтнои водѣ не видѣ дна, тако і в невѣсте не ꙋзрити пра̑ды. змия ꙗдо погубляе ч̑лка, а жена зла зелие потворяе мꙋжа. не являи таины женѣ ср̑ца твоего злѣ. ꙋмъ жѣскиі не тве (л. 169) дъ есть. Глаголють бо в ми̑ски прича. не ско во скотѣ коза. не рыба в рыба ракъ. не птица во птица све̑чекъ. не звѣ во звѣре ежь, ни в' муже му которы жена обладае.

л. 169. дани. Не може мꙋрости те̑пѣти въ ср̑цы безумнаго. болѣ всего ꙋчися ꙗзыкъ во̑де̑жати Ѿ велерѣчия. ꙋста не запе̑та ражаю мяте. Ѿ ꙋшию бо и ѿ языка велика пакость бывае. лꙋчши есть ногама по̑кнꙋтися и с высоты ꙋпасти, неже ѿ ꙗзыка (л. 169 об.) своего погибнути. многоглаголание много и падение. мо̑чание вещь тве̑да. тиꙋ зо горѣе ра̑боиника. ра̑боини орꙋжие погуби, а су̑ꙗ слово [1]).

л. 169 об. дани. Ѳлавѣ еси ч̑лкъ не имѣи высокоꙋмиꙗ, а ѿпа̑шꙋ ти славы не ꙋничижанся. а иже кто не може печали, то и радости не те̑пи. при радости дрꙋ, а при печали вра. аще ли кто много ꙋничижаѣся то льсте есть. богатыи егда бога̑ства лишае и ѡ плачѣся и ско̑би [2]). ꙗкоже пра̑ѿцъ ада раю лишѐ есть. богатыи ве̑дѣ знае и на чюже градѣ дрꙋги имѣе. а ꙋбо̑ і во свое градѣ мало его знаю. богатыи бо во̑глаголе і вси мо̑ча, и во̑несꙋ слово его до ѡбла. и похвалами величаю и ублажаю (л. 170) его и велику честь во̑даю ему. а ꙋбо̑ мꙋ во̑глаголе, ино вси на него кликну и запрещение веля мо̑-

1) Ни въ одномъ спискѣ Слова Даніила Заточника нѣтъ этого. См. въ Пчелѣ: Дш̑а несмысленаго спасающаго слова не приимаютъ... горьчае языкомъ поползноути, нежели ногами... Кантар̑... Ѿ оушью бо и Ѿ языка велики напасти бывають... Ѱполенїи. Многомолъвлению многопадению имать, молчанью же тверда вещь. (В. Семеновъ. Древняя русская пчела по пергаменному списку. Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов., т. LIV, № 4, стр. 360, 308, 309, 310).

2) Всѣхъ этихъ словъ нѣтъ ни въ одномъ спискѣ Слова.

чати. а иͯже ризы свѣͯлы и рѣчь иͯ четна. моͯ изъадае͞ платие, а ржа желѣзо, а печаͯ ч͞лка. никтоͯ може͞ соли до сыти ясти, тако ї в печали смыслити. всякои ч͞лкъ ѹхищряе͞ и ѹмѹͯряе͞ о чюжеи бедѣ, а о своеи никтѡͯ може͞ смыслити. ни умѹͯрити. злато искѹшаѥся огне͞ а ч͞лкъ напастьми и бедами. не пригоͯ звѣͯ беͯ главы а поͯкъ беͯ воіводы, нищь премѹ͞ръ ꙗко злато в сѹͯне каͯне валяѥся.

л. 171 об. дани͞ зато͞. Хваля͞ тя потаковницы твои при животѣ твое͞, а по смеͯти твоеи ѡни же посмѣютися[1]).

л. 154 об. Слово ѡ мирскиͯ притчаͯ, и ѡ бытеіскиͯ вещєͯ. подобно ѥͯ сему житиѥ наше. и како в не͞ лсти͞. За͞ но.

Г͞лѣть бо вͯ писанииͯ, просащему ѹ тебе дай, тоͯкѹщемѹ ѿвеͯзи, да не лише͞ будеши ц͞рьствия н͞бнаго. писано бо ѥсть, воͯвеͯзи на г͞да печа͞ свою и тоͯ тя препитае͞ вͯ вѣкъ. якоͯ ѹбогиї ч͞лкъ аки трава ростяще на застѣне[2]), на нюͯ ни с͞лнце сияе͞ ни дож͞ь иде͞. тако и ѹбогиͯ[3]), всѣͯ ѡбиди͞ бывае͞[4]), и не воͯри на мя г͞дине ꙗко воͯ на агня, но воͯри г͞дине богатыи[5]) ꙗко мати на млͯнца, и воͯри на (л. 155) птица н͞бныя, ꙗко тиͯ ни ѡрю͞ ни сѣю͞ но ѹповаю͞ на м͞лть б͞жию, тако и ѹ тебе г͞дине желаю͞ м͞лти твоѥи[6]). кому б͞голюбиво а мнѣ горе лютое. комѹ бѣлое ѡзеро а мнѣ чеͯнѣе смолы. кому веселие[7]) а мнѣ пла͞ гоͯкиіͯ. комѹ новые хоромы[8]) а ѹ мене ѹглы ѿгнили и ѿпадали, за-

---

1) Этого изрѣченія нѣтъ въ спискахъ Слова.

2) Азъ бо ѥсмь кнѧже г͞не аки трава блещена. растѧще на застѣнїи (А).

3) Тако и азъ (А.). Тако и азъ княже господине. (М.).

4) Здѣсь пропускъ: зане ѡграженъ ѥсмь страхо͞ грозы твоѥѧ. ꙗко плодомъ твердаа (А.).

5) Этого слова во всѣхъ спискахъ извода XII в. нѣтъ.

6) Тако и мы г͞не желае͞ м͞лти твоѥѧ. (А.).

7) Лїче ѡзеро. (А.).

8) Во всѣхъ спискахъ: Новгородъ.

неж не процвѣте часть моя горкая. дрꙋзиж мои ближнии тиі ѿвергошася мене. при власти мнози дрꙋзи а при печали ни єдинаго, занеж не поставих пред ними трапезы и много различных брашнъ. много бо дрꙋжася со мною погнетающе ꙋ мене рꙋкꙋ в солило, а при напасти аки врази ѡбрѣтаюсѧ[1]). ѡчима бо плачют со мною а срцемъ ополе смеютсѧ. тѣмже не ими дрꙋгꙋ вѣры, и не надѣися на брата[2]) ꙗкож бо льстива дрꙋжба. льстиваго дрꙋга. льстива дрꙋжба, аки зимнее слнце ни грѣет ни зноби тако и лстива (л. 155 об.) дрꙋжба. лꙋтши бо єсть смерть нежели продолжен живот в нищетѣ. ꙗкож бо соломан рече, не дай ми гди ни богатества ни ꙋбожства. аще ли бꙋдꙋ богат то гордость восприимꙋ и величство. аще ли бꙋдꙋ ꙋбог, то помышляю на татбꙋ и на разбои а жены на блꙗдню[3]). занеж гдне богатыи мꙋж ведѣ знают его и на чюжеи странѣ, і имѣет многия дрꙋзи ꙋ себе, а ꙋбогиі и ꙋ своих невидим[4]) ходит. богатыи возглаголет вси людие мочат, и вознесꙋт слово єго до ѡблака, а ꙋбогиі возглаголет вси на него кликнут, и рекꙋт мочи ты ꙋбогиі малоꙋмныи члче, слꙋшаи ꙋ гдина нашего богатаго правдꙋ глаголет[5]). ꙋбогиим члкъ[6]) аки древо при пути растет, мнози бо посѣкают єго и на огнь мечют, тако и ꙋбогиі[7]) всѣми ѡбидим єсть[8]). ꙗкож ѡлово гинет часто разливаємо[9]), тако и члкъ приємля многия бѣды и напасти, (л. 156) никтож может соли зобати ни в печали смыслити. всякиі бо члкь хиръ и мръ о чюжеи бедѣ а о своеи не может смыслити. ѕлато искꙋшаєся огнем а члкъ напастьми. пшеница много мꙋчима честен[10]) хлѣб

1) Пропускъ: и паки помагающе подразнити нози мои. (А.).

2) Далѣе пропускъ словъ князя Ростислава-Ярослава. Слѣдующихъ здѣсь затѣмъ словъ о дружбѣ льстиваго человѣка нѣтъ во всѣхъ спискахъ.

3) Далѣе пропускъ просьбы о помилованіи, обращенной къ сыну великаго царя Владимера.

4) ненавидим (А.); невидимо (М. Т.); не вѣде ходити (К.).

5) Этихъ словъ, обращенныхъ къ убогому, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ. Далѣе пропущено моленіе къ князю объ избавленіи автора отъ нищеты.

6) азъ бо єсмь книже (А.).

7) А азъ (А.).

8) Пропускъ: зане ограженъ єсмь страхом грозы твоєя. (А.).

9) разваряємꙋ (Т.); разваряємо (К.); разваряємꙋ (М.); разливаємо (А.).

10) Вездѣ: чистъ.

ѡвляе҃, а в печали ѡбрѣтае҃ чл҃къ ѹм сверше҃[1]). печахнѹ мѹжѹ засохнѹт кости и ѹм его смятеся[2]). аще ли кто в печали чл҃ка призри҃, хотя стѹденою водою напои҃ во ѹзноеныи де҃, не лише бѹде҃ цр҃тва нб҃наго[3]). пти҃ бо радѹеся веснѣ а мл҃днцъ матери. весна ѹкрашае҃ цвѣты землю, а ты ѡживля г҃дине богатыи мл҃тию своею сироты и вдовицы[4]). и егдам веселиши многими брашны, а мене помяни сѹх хлѣб ꙗдѹщи. или пиеши сл҃кое питие, а мене помяни теплѹ водѹ пьющи[5]). егдам лежиши на мяхких постелях по҃ соболими ѡдѣꙗлы а мене помяни по҃ едины҃ платѡ҃ лежаща (л. 156 об.) и ѕимою ѹмирающа, и каплями до҃девными ꙗко стрелами ср҃це пронизающе[6]). ни чашею моря рачерпати ни наши҃ имание҃ твоего домѹ истощити. ꙗком бо нево҃ не ѹдержи҃ воды точию едины рыбы, тако и ты г҃дне богатыи[7]) не ѹдержи ни ѕлата ни сребра, но раздаи нищи҃ и ѹбоги҃, и темни҃нымъ заключенымъ[8]). ꙗком дв҃дъ рече, сл҃ка сѹть словеса твоя паче меда ѹсто҃ мои҃. солом҃ рече, словеса добра сладостию напаяю҃ д҃шу, покрывае҃ же печал ср҃це безѹмному. мужа бо мѹдраго посылая мало ему наказываи, а безѹмнаго посылая са҃ за ни҃ не ленися ити[9]), даи бо премѹдрѹ винѹ премѹдрѣе бѹде҃[10]).

---

1) Пропускъ объ изъѣденіи молью ризъ.

2) Словъ — и ѹм его смятеся — нѣтъ въ другихъ спискахъ.

3) Вездѣ нѣсколько иной смыслъ: Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ въ знойный день. (М.).

4) Во всѣхъ спискахъ обращеніе къ князю: а ты княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеми. (М.). Далѣе пропускъ мольбы къ князю: явить зракъ лица его.

5) Пропускъ о (не)завѣтренномъ мѣстѣ.

6) Пропускъ: Да не буди, княже, рука твоя согбена на подаяніе убогимъ. (М.).

7) Вездѣ обращеніе къ князю.

8) Вездѣ просто: людемъ. Далѣе здѣсь сравнительно со всѣми списками большой пропускъ: о томъ, что истинное богатство князя заключается не въ драгоцѣнностяхъ, а въ храбрыхъ мужахъ (ссылка на царя Езекія и кн. Святослава); что хорошо служить доброму и щедрому, а не скупому князю и боярину; что лучше не имѣть двора по сосѣдству съ княжимъ, и что составитель Слова хотя и юнъ возрастомъ, но старъ смысломъ.

9) Въ спискахъ К. и А. эти слова отнесены къ мудрому мужу, а не къ безумному. Далѣе здѣсь пропускъ: Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пировнаго. Лепши слышати преніе умныхъ нежели безумныхъ наказаніе. (М.).

10) Затѣмъ пропускъ: Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердцѣ безумныхъ. (М.).

безȣмных бо ни брю ни сѣю ни в жйницȣ собираю но сами ся ражаю. како во ȣтех мѣх лити тако й безȣмнагѡ ȣчити. псо бо й свиямъ не надобе ни злата ни сребра, а безȣмномȣ драгие сло (л. 157) веса. ни мѣтва расмешити, ни безȣмна наказати. коли пожре синица орла. кол камение по водѣ восплаваю. коли ȣчне свиня на бѣлкȣ лаяти, тогда и безȣмны ȣма наȣчися[1]). девица погуби красотȣ свою блянею, а муж свое мȣжство тябою. не море топи корабли но вѣтри. не огнь твори ражение желѣзȣ но надмание меное. також бо и княз не сам впадае в дȣмт но дȣмцы вводя. з добры дȣмцею дȣмае княз высока стола, а с лихи дȣмцею дȣмати вскоре не добра здȣмати[2]). со избраным избра бȣдеши, а со строптивы развратишися[3]). глаголе бо в мирских притчах, не ско ȣ скота коза. не звѣр ȣ звѣре еж, не рыба в рыбах ракъ. не птица ȣ птиц натопыр, не мȣж в мȣжех иже кои жена обладае[4]). аще которыи мȣж зри на красотȣ жены своея, и на ея ласковая (л. 157 об.) словеса льстивая а дѣ ея не испытае, то даи ему бгъ трясцею болѣ, но посему братия рассмотрите ѕлȣ женȣ[5]). а вы мужи по законȣ водите жены своя. добрая жена венец мужȣ своемȣ[6]), а жена лютая печал мȣжȣ своемȣ. червь древо тли, а ѕлая жена до ȣ мȣжа своего теряе, лȣтчи бо есть во ȣтлои лоди плавати, нежели ѕлѣ женѣ таины повѣдати. ȣтлая лодя перты[7]) помочи, а ѕлая жена всю жизнь мȣжа своего погȣби. лȣтчи бо есть камень долоти, нежели ѕла жена ȣчити, желѣзо ȣвари а ѕлы жены не наȣчи. ѕлая бо жена ни ȣчения не слȣшае, ни црькви чти[8]), ни бга ся блюде[9]), ни

---

1) Далѣе пропускъ о полстяномъ небѣ и лутовяныхъ звѣздахъ, съ намекомъ на обвиненіе въ кражѣ.

2) и малаго стола лишенъ будетъ (Т.); и малаго лишенъ будетъ (К.); меншего лишенъ бѫдетъ (А.); и малаго стола лишенъ будетъ. (М.).

3) Этихъ словъ нѣтъ въ другихъ спискахъ.

4) Далѣе пропускъ: о злообразной женѣ, смотрящейся въ зеркало; о женитьбѣ у богатаго тестя и о злой женѣ какъ бѣсовской мытницѣ.

5) Пропущены слова жены и ссылка на ап. Павла.

6) Вездѣ прибавлено: и безпечаліе.

7) Вездѣ: порты.

8) церковника (К.); црковника (А.). Въ спискахъ Т. и М. это опущено.

9) Вездѣ: боитъ.

людеи ся стыди҇, но вся ѹкоряе҇ вся ѡ҆сѹжае҇, что лва ѕлѣе во четвероноги҃, или что змиі҆ лютѣе ѹ҆ по҆зѹщи҃ по земли, всѣ҃ тѣ҃ ѕлѣе ѕлая жена. нѣсть на зе҃ли (л. 158) боле же҃скои ѕлобы. женою и҆спе҆ва прадѣ҃ на҃ а҆да҇ из҆гна҃ бысть и҆з рая. жены ра҃ и҆оаннъ пр҃тча ѿ и҆рода ѹсече҃ бы҃[1]). жены ра҃ и҆ѡси҃[2]) в҆ темницы затворе҃ бы҃ть. женою пре҃мраго соломана в҆ прест҆ѹпление в҆веде. жена ѡ҆слепи си҆наго и҆ храбраго са҃сона. женою пр҃ркъ и҆лиа в҆ пустыню прогна҃ бысть. женою даниила пр҃рка в ро҃ вве҆рже и лвовѣ е҆му нозѣ лизахѹ. жена и҆ева праве҃наго сме҆ртию кленяше[3]). нѣѹкое҆го мужа ѹ҃мре ѕлая жена, ѡ҃ же нача дѣти продавати, людие рекли е҆му чемѹ дѣти своя прода҃. ѡ҃ же рече а҃ще бѹде҇ родил҃ в мате҆ возросту҇ и҆ ѡ҆ни мене продадѹ҇. е҆ще҃ во҆врати҃ся на предняя словеса[4]). не дай҃ г҃ди з҆ богаты҇ тягаті҃ а҆ с си҆нымъ противи҃ся. соломо҃ рече не хвали҃ся хваля҃, не надѣися на богаты҆ (л. 158 об.) на бога҃ство, ни си҆ныи на силѹ. г҃ди дай же ми[5]) самсоновѹ силѹ, храбрость а҃лез҃адровѹ, и҆ѡсифо҆ разѹ҃. м҃рость соломоню. кротость[6]) д҃вдву, и ѧ҆ ѹчнѹ з҆ богаты҇ тягатися, а҃ с си҆нымъ противи҃ся, но тако и҆ в҆семѹ пора бывае҇. и҆ умножи г҃ди вся с҆ѹпостата[7]) по҃ р҆ѹками е҆го[8]). ре҃ нѣкто ч҃лкъ, а҆ще бы кое҆го ч҃лка да не б҃гъ призря помилѹе҃. то҃ не мочи ѹбо томѹ з҆ богаты҇ тягаті҃. а҆ силны҇ противи҃ся. ѩко҃ бо и҆ ѕлѹ женѹ не наѹчи҆, а҃ богатаго е҃ва преперети. богаты҆ бо камо и҆де҇ тамо е҆го любя҇. богатаго бо кн҃зи и҆ боляра чтя҇, а҃ ѹбогово и҆ свои҆ не пом-

---

1) Этого, а также далѣе о Соломонѣ, Самсонѣ, Иліи и Іовѣ нѣтъ въ другихъ спискахъ.

2) Вездѣ прибавлено: прекрасный.

3) Пропущено сравненіе жены съ оружіемъ діавола.

4) Далѣе другіе списки заканчиваются указаніемъ автора на собираніе имъ сладости словесной отъ многихъ книгъ, а списки Т. и М. еще и на способъ доставленія посланія князю. Слѣдующихъ здѣсь далѣе словъ, до мольбы о Самсоновой силѣ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ; въ спискѣ К. нѣтъ и этой послѣдней мольбы.

5) Вездѣ: княѕю нашемѹ.

6) Въ спискѣ А.: хитрость.

7) Вездѣ: вся человѣки.

8) по҃ рѹкѹ его (Т.); под нозе его (А.); подъ рѹкѹ его (М.). Всего остальнаго въ другихъ спискахъ нѣтъ.

ня҃. ѹ҆богиї во͛глаголе҃ ӥно рекѹ҃, мо͛чи ты ѹ҆богиї чл҃че не пра҃дѹ глаголе҃, а҆ богатыи тихо рече҃ вси людие чѹю҃. тако҃ и҆ зла жена глаголе҃ а҆ки въя҆лица, въя҆лица бо лице помрачи҃, а҆ ѕла жена (л. 159) не дасть слова рещи е҆дина гл҃етъ. а҆ще бо кои людие малоѹ҆мниї хотяще женитися слабости ради своея и҆ красоты ради же҃скои. та бо красота а҆ки ме҃ на языце а҆ ѡ҆после го͛шие пелыни. и҆ ты чл҃че не моги ѻ҆ себѣ женити҃ но пре҃ спрошаися з͛ бли҃ними своими[1]). а҆ще͛ хощеши бес печали жити не жени҃[2]), не помысли красотѣ же҃стеи, та бо красота ѡ҆па҃ павина, и҆ ты чл҃че не и҆ми ѕлѣ женѣ вѣры. ме҃ бо капле҃ ѿ ѹ҆сте҃ ея а҆ после ѡ҆бращеши го͛чѣе же͛чи. лѹ͛чи бо не на ѻ҆бу͛данѣ конѣ ѣ͛дити, нежели со ѕлою женою жити. чл҃че ѻ҆чисти҃ ѿ прелюбодѣиства я҆ко то е҆сть невѣста вражиѧ и҆ радость бѣсо҃. бежи чл҃че же҃ския красоты я҆ко но͛ ѿ потопа, и҆ я҆ко ло҃ ѿ содома и҆ гомора, жена красна во͛гнѣщение вѣчному ѻ҆гню, безѹмни и҃ прилепляю҆ся к неи ѻ҆гне҃ зга-раю҃ с нею и҆ погубляю҆ся. чл҃вче не пыта͛ (л. 159 об.) же͛ския красоты, но пытаи ѹ҆ма до͛ра. женѹ ѕлу бг҃ъ да҃тъ за грѣхи чл҃ку. жена добра и҆же ѹ҆мѣе҃ до҃ стройти[3]), жена пра҃дива жи͛нь дому и҆ сп҃сение мѹжѹ[4]). жена лѹкава а҆ки въя҆лица в до͛му[5]), жена до͛ра люби҃ страдѹ и҆ во͛де͛жание ѻ҆ всякого зла в͛ дому[6]), жена го͛да и҆ величава до҃ ѹ҆ мѹжа своего разоряе҃, и҆ ра͛ свои͛ не ѹ҆де͛жае҃, рабы҃ е҆диногла҃но рекѹ҃, даи҃ бг҃ъ тои женѣ спесиво͛ сѹхотою болѣ͛ что ѡ҆на на҃ не береже҃. даи е҆и бг҃ъ то видѣти над дѣ҃ми своими что ѡ҆на на҃ сотворила[5]). жена смире҃на мѹжѹ честь, а҆ спесива жена та мѹжѹ недо͛рая слава. а҆ще ли ѹ҆ кого ѕлая жена, и҆но не ходи тои мѹ҃ к люде҃ на пла҃, ѹ҆ него и҆ у самого всегда пла҃. а҆ ѹ҆ котораго мужа добрая жена, и҆но тои мѹ҃ не хо͛ на лю҃скѹю радость (л. 160) ѹ҆ него в͛сегды дома ра͛сть.

---

1) Мудрость Менандра, 60: Женитисѧ хотѧ въпрошаи соусѣдъ, тожь сѧ жени.

2) Мен., 103: Аще хощеши бес печали жити, не жени же сѧ.

3) Мен., 45: Жена добра ѥсть, иже оумѣѥть строити до҃.

4) Мен., 48: Жена праведна жизнь домоу и спасение моу҃.

5) Мен., 49: Жена лоукава к домоу ѣки зла҃ въѧлица.

6) Мен., 50: Жена бл҃га любить страдоу и въздержание ѿ всего зла.

7) Мен., 56: Отъ рабъ вѣдома ѥсть жена зла҃ и неистова.

лѹ҇че бы коѥмѹ чл҇кѹ и҇ воли до҇ погрести, нежели злѹ жену в до҇ привести 1). жена добра соста҇ домѹ і҆ имѣнию спасение 2). жена зла и҆ неистова ӑки вѣ҇ръ в҆ дому свое҇ 3). жена добра в҆ домѹ ӑки мрави, а҆ ѕла жена ӑки девль ѹ҇ла 4). жены до҇ры неѹдо҇ ӧбрести ѥѧ 5). женива всякому чл҇ку печа҇ 6), ѡ҆женивыися чл҇къ скоро раскаѥся 7). в мѹнои водѣ не видѣти дна, тако и҆ в невѣсте не ѹ҇рити пра҇ды и҆ добра 8). змия чл҇ка ѡ҆дѹ҇ погубляе҇, а҆ жена ѕла зелие҇ по҇творяе҇ 9). не ӑвляи таины женѣ своѐи ни ѕлои ни до҇рои. ӑкоже пре҇ бо ло҇ таинѹ жнѣ своѐи повѣда҇, и ѿ было погибе ѕлѣ, ѹ҇ же҇скиі҆ не тве҇дъ е҇ть 10).

Ѳ. Покровскій.

---

1) Мен., 52: Злѹ женоу лоуче изволи к домъ погрести, нежели к до҇ привести.
2) Мен., 55: Жена бл҇гооумна съставъ домоу и҆ имѣнию сп҇сение.
3) Мен., 65: Вѣтръ сѣверъ к домоу жена лоукава.
4) Мен., 57: Жена добра к домоу ӕкі мравии, а зла҇ жена ӑкы дьявь оутла.
5) Мен., 51: Жена добры не оудобь ѡ҆брѣсти (ѥѧ).
6) Мен., 58: Женитва чл҇вко҇ всѣмъ ѡ҆бьщаа печаль.
7) Мен., 47: Ѡ҆женивыися борзо скоро раскаѥтѣ҇ послѣ.
8) Мен., 61: Въ моутнѣ водѣ не видѣти дна, а҆ в невѣстѣ не разоумѣти истины.
9) Мен., 59: Змии ѡ҆домъ погоублаеть чл҇кы, а҆ жена злооумна зелии.
10) См. выше, выписки изъ Пчелы въ этой же рукописи.

Библіографія.

Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877—1893 przez Michała Federowskiego. Tom II. Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część I. Baśnie fantastyczno-mityczne. W Krakowie. Nakładem Akademii Umiejętności. 1902, str. XXII+359.

V tomto 2. svazku[1]) velkého svého díla o folkloru běloruském vydal sběratel báchorky «fantasticko-mythické», a sice ve zvláštním seřazení, v určitých skupinách. A sice zařadil do 1. dílu bajky ze života zvířecího (str. 3—36) a to a) zvířata mezi sebou, b) zvířata a lidé, c) zvířata a duchové (obsahuje pouze 1 číslo «čert a kocour»). Mezi báchorky «fantasticko-mythické» by se bajky, čistě zvířecí látky neměly počítati. Ale nalézáme tu jiné ještě látky; neprávem, tak jmenovitě č. 35 «Ab Bździuśkù», č. 36 «Jăk dźed z bábaju buob śèjali». Díl II str. 37—125 obsahuje báchorky ze «světa fantastického» («Bytosti mythické a zvířata vlastností nadpřirozených») v oddílech 1. «zvířata mluvící» 2. zvířata mluvící a netvory mythické» (Král hadů, zlatý pták, Noh, Železný vlk, Mluvící medvěd, Drak), 3. zvířata, netvory mythické a bohatýrové. 4. Miscellanea Stromy mluvící, Píšťalka odhalující vraždu, a j: — Rozdělení jest to zcela vnější, založené na mnoze na věcích zcela mimotních, tak do oddílu «zvířata mluvící» zař a aděny mimo jiné pohádky: č. 38 všeck přání vyslovená od lenocha jménem štiky se vyplňují. č. 39 člověk nabyl od hada za to, že ho zachránil, daru rozuměti řeči zvířecí; č. 40 loupežník unesl tři sestry a jest konečně od nejmladší obelstěn — pohádka ta sem zapadla pro motiv zcela vedlejší: z hnízda vypadlo mládě, žena vynesla je na strom do hnízda zpět a havran z vděčnosti přinesl živou vodu, jíž starší její sestry oživeny; č. 49. O dívce, kterou si vzal kralevic a závistivých

---

1) O. d. I promluvil ref. v Národopisném Sborníku československém IV—V, str. 138—147, Archiv für slav. Phil. XXI, 259—261. Srv. E. Θ. Карскій Ж. М. Н. Пр. Ч. 333, str. 426 sl.

jejích dvou sestrách prodaných za kočího a za kuchaře, a o dětech kralovniných vydávajících se za zlatým ptákem; č. 61 sledy pověsti o Ilji Muromci a j. v.— Díl. III «Svět duchovní» str. 125 — 316 rozdělen na několik menších oddílů: 1. «člověk» str. 125—129 — sem zařaděny tradice č. 84, 85. «jak se lidé kdysi modlili», č. 86 kdy přestali zabíjeti starce. — 2. «bytosti v podobě lidské» t. j. personifikace různých nemocí, smrti str. 129—134.—3. «lidé-duchové» str. 134—197 o kouzelnících, čarodějnicích, zakletích, přeměnách aj.—tu nalézáme také pod č. 111. starou orientalní anekdotu vypravovanou Moliérem aj., jak pán uzdraví se říkadlem, kterémuž naučil žebráka zaříkávati nemoci, č. 121. «beránku zatřes se, ubruse prostři se, kyje z torby» jen proto patrně, že si je člověk vysloužil u čarodějníka. č. 150 o třech sestrách co slibovaly, kdy by si je vzal kralevic a jak tento se oženil s nejmladší, patrná obměna pohádky umístěné pod č. 49; sem zařaděny různé varianty látky o Amorovi a Psyche, Machandelboom aj. v.—4. «Duchy, widma bóstwa» t. j. o upírech, oběšencích, utopencích, strašidlech a hlavně o čertu str. 197—269—tu zařaděn pod č. 274 také variant látky v «učeném zloději» patrně proto, že zloděj paní prodal čertu a pak pro ni šel do pekla, motiv který sice jest vlastní řadě variantů o «učeném zloději» ale nicméně jest sekundární, aneb pod č. 292 variant rozšířené látky orientální, jak z peněz vždycky zlo jen pochází. — 5.—Bůh, svatí a kněží» str. 269—316.—tu umístěny mimo jiné také varianty legendy o incestu (o sv. Řehoři) č. 341, 342, 343. 6. Konečně pověsti místní str. 317—324 o potopených osadách, o pokladech, o pramenech zázračných a. j. Na konci dodány ještě doplňky k jednotlivým oddílům str. 325—347.

Roztřídění «fantasticko-mythických» báchorek nevyhovuje, jak viděti ani v tomto II svazku. Vůbec těžko báchorky lidové podle určitého schematu roztřiďovati. Člověk ne zcela obeznámený z celou literaturou pohádkovou snadno umístí nějaký jen variant podle nějakého vedlejšího, sekundarního motivu, podle motivu na mnoze později přidaného, do oddílu, kam vlastně ani nepatří. Nezbývá jiné třídění látek leč dle obsahu celkového, při čemž nutno obraceti zřetel na celou literaturu pohádkovou, a nikoliv pouze na danou místní, byť sebe úplnější a bohatší sbírku.

Mezi pohádkami tohoto II sv. nalézáme nezřídka takové, které dle plánu vydavatelova náležely vlastně do sv. I-ho ku při č. 277 a další o pokladech patřily do oddílu o zakletých pokladech I str. 42 sl; podání o Nědźelce č. 299, 300 patřila do případného oddílu I ho sv. str. 138 sl; č. 305 doslovně se téměř shoduje s č. 366 I-ho sv. str. 140 sl., jest

také od téhož vypravovatele zapsáno.— Vydavatel přiznává v úvodě, že mnohé číslo z II-ho sv. vlastně mělo byti vytištěno ve sv. I, omlouvá to ale v úvodě tím, že jsou to materialie později zapsané již po vytištění I-ho svazku r. 1897. Byl by se vyhnul výtkám, kdyby je byl vydal ve zvláštním doplňku ke sv. I-mu. Ostatně již při rozboru 1. svazku jsme ukázali, že byly tam vytištěny mnohé a mnohé báchorky a pohádky, které nelze považovati za materialie ku poznání bájesloví, než které mají cenu svou právě jen jako pohádky, jako části lidové literatury, jak plody vypravovatelského umění lidového.

Vydavatel podává v úvodě zajímavé, žel příliš stručné zprávy o vypravování pohádek a vypravovatelích. Důležitá jest poznámka, že se vypravovatelé rekrutují zpravidla z nejintelligentnějších příslušníků selského lidu. V domácnosti vypravují obyčejně mladé ženy, neboť sedlák bývá často za prací a výdělkem mimo dům, ale celkem náleží privilej tato nejstaršímu členu rodiny. Mimo domácí vypravovatele jsou pak na Rusi litevské také potulní, slepci a žebráci, odměňující se vypravováním pohádek za poskytnutý nocleh. Škoda, že nepoznamenáno bližších zpráv o vypravovatelích, od kterých čerpal vydavatel. Přesně zaznamenáno místo, kde která tradice zapsána, taktéž jméno vypravovatelovo, ale jméno samo jest bezvýznamné, bez bližších zpráv o jeho nositeli. Jen tolik vidíme, že vydavatel čerpal celkem stejnoměrně jak od mužských, tak od ženských, ba od posledních málem li ne více. Dle poznámek vypravovatelových celkem začínají pod vlivem novověké civilisace mizeti podání «abstraktní», kdežto podání ze života obecného, moralisující, zvláště se satirickým odstínem velice se množí. Tradic historických jest velmi málo, vzpomínky na události ne dávno, ani ne před stoletím zběhlé mizejí ku podivu záhy, druhé pokolení již jich pozbývá úplně. Báchorky pak začínají nyní podléhati vlivům již novým, mění se jedny ne jenom jak ode dávna vlivem jiných látek pohádkových, přejímáním motivů a t. d., ale někdy přenášejí se motivy také již z literatury knižní. Tu působí značně moderní prostředky kulturní, škola a čítárna a zvláště povinná služba vojenská.

Jedné stránky pohádek běloruských se vydavatel nedotekl, týká se ovšem ne tak formalní stránky pohádek, jako spíše jich jazyka, ale jest význačná pro charakteristiku kultury lidu běloruského. Polský vliv projevuje se hlavně v hojných leksikalních zvláštnostech též v zápisech východnějších krajů běloruských u Romanova, též u Šejna aj., ale nikoliv tou měrou jako v této sbírce. Výše postavené osobnosti, a též bytosti nadpřirozené mluví z pravidla více méně polsky «kruol zàvše z pol'sk'ego zanòšić» čteme na str. 87, a tak mluví král ku př.

v č. 60, 64, 66, 83. C. 349 vypravující o lakotném otci jistého kněze jest celé polské. V č. 340 mluví sv. Jan polsky, v č. 366 mluví zakletá panna polsky, v. č. 96 mluví polsky zosobněná cholera, v č. 179 mluví polsky paní, po smrti strašící pán a částečně též lokaj, v č. 64 dokonce, velký pták (gryf, noh), jemuž rek mláďata zachránil od smrti. Polská jsou také jistá ustálená říkadla v pohádkách, v č. 72 jde pastorka k dubu žádat ho, aby ji vydal šatstvo a j., i praví mu: «Dembie, dembie, złoty kłembie..», v č. 322 polským říkadlem vábí se smrt do torby.

V předmluvě dotýká se vydavatel starších sbírek běloruského folkloreu, hlavně sbírek J. Karłowicze, Wl. Weryha, M. Dmitrieva, P. V. Šejna, a nejstarší sbírky Glińského; o velké sbírce E. Romanova se vůbec nevyslovuje, pouze v připojené bibliografii vzdává jí zaslouženou chválu. Bibliografie tato zaujímá práce z let 1847 do 1894, celkem 18 čísel, a nelze říci, že by tu byla celá literatura o běloruských tradících vyčerpána.

Přiloženy jsou ještě krátké poznámky o oněch západních běloruských dialektech, kterými zapsány jsou vydané zde tradice. Vážnejší pro lingvistu jsou další úvahy p. J. R (ozwadowského), pod jehož dohledem dílo p. Federowského se v Krakovské akademii tisklo. Prof. J. R. seznámil se na místě s těmito dialekty a slibuje o nich zvláštní úvahu. Pro poznání fonetiky běloruské budou tyto úvahy vážnější, než materialie vydané p. Federowským. Nicméne mají tyto velikou cenu pro lingvistu, když ne pro fonetiku, též aspoň pro morfologii a syntax. Než tu není místo pro úvahy jazykovědné.

Obracíme se k materialiím, k báchorkám, pohádkám a pověstem vydaným v přítomném svazku. Přidáváme k jednotlivým číslům různé poznámky najmě bibliografické se zvláštním zřetelem na jiné sbírky tradic běloruských jak i sousedních kmenů a národů.

Díl. I. Svět zvířecí. Pověsti ze světa zvířecího. str. 3—36.

č. 4 str. 4 sl. Myška, žabka, liška, zajíc a j. v rukavici se usadily. Prišel medvěd, roztlačil jich chaloupku. V. Аѳанасьевъ[3]. I № 43.

č. 5 str. 5. Zajíc chtěl skočiti do vody, ale vrátil se hrd, že žába strachem před ním skočila do vody: Stará to Aesopova bájka. Viz Sumcov Заяцъ въ народной словесности. Этнограѳ. Обозр. X, str. 78 sl. Этнограѳ. Сборникъ VI (1864), odd. I, str. 132 z Tomské gub., kde jest ovce m. žáby).

č. 6 str. 5 sl. Vlk sežral kůzlátka, když byl puštěn do chaty od kůzlátek myslících podle jeho hlásku tenkého, že to matka. Pod. poč.

č. 12 str. 70, kde jest medvěd m. vlka a liška m. kozy. Viz Аѳанасьевъ[3] I № 23 Dobšinský Slov. pov. VIII, 93 sl=Grimm KHM č. 5.—Konec s rozpáranýn břichem vlkovým zapomenut.

č. 7 a 8 str. 6 sl. Kočka a kohout žijí spolu; liška obelstí a chytne kohouta. Kočka zabije lišku. Stejně Аѳанасьевъ[3], I č. 17, Шейнъ II č. 1.

č. 9 str. 8. Liška a džbánek. Srv. Národop. Sb. čsl. II, 6. Юбил. Сборникъ Миллера 174. Rad jugoslav. akad. sv. 145, str. 156 (blh-maked. verse).

č. 10 str. 8 sl. Kocour chtěl s liškou se oženiti — zastrašil zajíce, kance, vlka a medvěda. Srv. Národop. Sb. č. sl. VII, 225 k č. 74.

č. 11 str. 9 sl. Liška obelstila všecka zvířata. Srv. Národop. Sb. č. sl. VII str. 225 č. 77.

č. 13 str. 11 sl. Zvířata v lesní chatě zapudí vlka. Srv. Kolberg Chełmskie II, str. 119 sl. č. 20. Аѳанасьевъ[3] I, str. 49 č. 31. Садовниковъ č. 51. Рудченко, I č. 22. Гринченко, II, č. 181. Mater. antropol. archeol. IV, odd. 2, str. 270 č. 36; V, odd. 2, str. 38 sl. č. 14, 15, str. 12 sl. Tak řečené «cumulative stories», «randonée». Zcela pod. Шейнъ, II, str. 26, č. 16: Weryho br. str. 24, č. 5.

č. 16 str. 14. Taktéž randonée «slepička se udávila, kohoutek běží pro vodu a t. d. Pod. Романовъ, III, str. 6, č. 3. Weryho Pod. białorus. č. 1. Аѳанасьевъ[3], I, č. 34. Гринченко, I, 147 sl. č. 156. Clouston I, 300 sl.

č. 17, 18, 19 str. Pán ukradl mlýn, proň poslán kohout a t. d. Pod. Романовъ, III, str. 3 sl. č. 3. Národop. Sb. č. sl. VII, 221 k č. 25. Sem patří jiho—a západoevrop. verse Hahn II, 85 sl. 303 sl. Krauss I, č. 26. Dozon alb. 177. Шапкаревъ Сб. VIII, č. 4, 30, i orientalní René Basset Contes berbéres č. 42, srv pozn. str. 187 sl. Nouveaux contes berb. 225 sl.

č. 20 str. 18 sl. Koza odřená, «rohatá». Vypuzena na konec od kohouta ze zaječí chatky, do které utekla od hospodáře, tak Шейнъ, II, č. 14; Рудченко, I, č. 25, Мордовцевъ Малорус. Литер. Сб. str. 361 sl. jako jinde byla vypuzena od škvora, mravence, ježka a j. Karłowicz č. 76, Романовъ, III, str. 8 sl. č. 6. Grimm KHM. č. 36. Cosquin, II, č. 47. Köhler Kl. Schr. I, 423 sl.

č. 21, 22, 23, str. 19 sl. Liška oklamala vlka. Vlz sežral býka liščina. Liška se mstí: vlk chytá ocasem ryby; liška prý pojídá vlastní své «mozečky», a tak hlady nesdechne, vlk chce taktéž, rozbije si hlavu o strom. V čísle 21 liška staví se mrtvou, shazuje s vozu vyby. Pod. Шейнъ, II, č. 6 Národop. Sb. čsl. VII, str. 225, č. 73.

č. 24, 25, str. 22 sl. «Jak liška zachránila člověka před hadem»

Srv. moje poznámky k Šapkarev č. 128. Сборн. мин. XVIII, 621. Изв. отд. русск. яз. III. Матер. бѣлорусск. гов. str. 10. V č. 25 ukryje člověk vlka do pytle před myslivci pod. jako Аѳанасьевъ³, I, č. 8. Сб. Матер. Кавказ. XXVII odd. 4 str. 23, Sklarek str. 239, č. 30.

č. 27, 28, 29, str. 24 sl. Člověk ohrožovaný vlkem, ne může žíti, liška přijde mu na pomoc, vlk—kláda na vůz položen, sekerou kláda rozbita atd, liška místo kuřat dostala v pytli psy. Pod. Dowojna-Sylwestrowicz I, 127 sl. Романовъ III, str. 26, č. 18б. Аѳанасьевъ³ I, č. 7. V č. 29 oklamal člověk medvěda, který viděl, jak liška se olizuje, že prý ona sekerou se uhodila po hlavě, až mozek vyšel, a ten nyní pojídá; chtěl tedy medvěd taktéž jísti mozek svůj, neboť měl velký hlad. Pod. tedy motiv jako v č. 21.

č. 30, 31 str. 27 sl. Starý pes a vlk. Srv. Národop. Sb. III, 116 č. 33; IV—V, str. 137 č. 2. Vlk hloupý pak oklamán sviní, husami, kobylou a beranem — připojeny tyto motivy jako Етнограф. Збірн. IV, str. 167, č. 2, Rokossowska č. 33. — V č. 31 pes ušije vlku boty; pod. spojeny tyto motivy v různém ovšem pořádku Романовъ, III, str. 15 sl. č. 10; Добровольскій I, str. 653 sl. č. 2.

č. 33 str. 31. Člověk žil s medvědicí, měl s ní děti. Srv. Kolberg Pokucie IV, str. 177 č. 35. Сборникъ матер. Кавказ. XIX odd. 2, str. 1 sl. č. 1.

č. 34 str. 31 sl. Kůň silnější než lev - když kopytem udeří do kamene, srší jiskry. Pod. Schleicher Litau. M. str. 6 č. 3. Шейнъ II, str. 22 č. 12; Живая Старина, V, str. 429. Na konci závod s ježkem, jako jinde závod zajíce s ježkem Chełchowski II, 97, č. 77, aneb se šakalem Revue des trad. popul. VIII, 232 (berber.) aneb vlka a hlemýždě Bladé Gasc. III, 156.

č. 35 str. 32 sl. Ab Bździuškù. Manželům bezdětným poradil kdosi, že dostanou dítě «Kab jený ȗ adzín harščěčăk bździěli». Srv. Zbiór wiadom. XVI, odd. 2 str. 48 č. 33, Rokossowska č. 43.—Dále Paleček oře, prodán pánovi, vyzradí loupežníky, spolknut od vlka jako Rokossowska č. 43, v. Národop. Sb. č. sl. III, 117; VI, 213 č. 15; VII, 221 č. 26, Чернышевъ 89 sl.

č. 36 str. 34 sl. Bob vyrostl až do nebe, děd s babou vylezli po něm až nahoru k Bohu, Bůh jim dává nocleh, baba neodolá zápovědem božím.—Pod. Шейнъ č. 41, 42 Národop. Sb. III, 117, č. 36.

Díl II «Svět fantastický» (Bytosti mytické a zvířata vlastností nadpřirozených), str. 37—125.

č. 38 str. 37 sl. Všecka přání vyslovená od lenocha jménem štiky

vyplňují se. Srv. Národop. Sb. IV—V str. 145, č. 582; VII, 221 č. 28. Malinowski Pov. ludu pol. na Śląsku II, 116.

č. 39 str. 38 sl. Člověk, který zachránil hada, nabyl od něho daru rozuměti řeči zvířecí. Srv. Národop. Sb. II, 100; III, 122, č. 8; IV—V, str. 134 č. 18. Сборн. мин. XVIII, 622 č. 135.

č. 40 str. 39 sl. Loupežník unesl za sebou tři sestry, nejmladší oklamán. Srv. Grimm KHM č. 46. Köhler Kl. Schr. I, 129, 312 sl. Pod. Kulda III, 143 sl. š. 19; Kolberg Lud III, str. 131 sl. č. 8, 9, Ciszewski č. 70, 71. Świętek str. 395 sl. č. 39. Zbiór wiad. XVI, odd. 2 str. 41. Malinowski I, 67. Sadok Barącz 42 sl. Лѣтопись новоросс. III, 203 sl. č. 15 Худяковъ II, č. 58. Karłowicz č. 2; Nejmladší oživila sestry živou vodou, kterou přinesl jí havran. Loupežník odnáší sestry jednu po druhé ve skříních—šatstvo prý. Na konec udělá místo sebe loutku z cukru, pod. jak Ciszewski č. 70, 71, Zbiór wiad. XVI, str. 41. Tento poslední motiv nalézá se v jiné látce, srv. Gonzenbach č. 35. Artin Pacha č. 15, Národop. Sb. II, 97.

č. 41 str. 42 sl. Princezně zdají se všickni ženiši šerednými; zalíbí se jí ten, který se umyje v jisté studánce. Rek když se vodou tou postříkne, stane se sám nadmíru krásným, ba i šat jeho se změní. Studánku hlídají duchové nečistí. Reku pomáhá vlk: když vleze do jeho levého ucha, a vyleze pravým uchem, jest celý změněný—pod. jak hojně se vypravuje o koni zázračném; když na konci povídky jest závod mezi ženichem princezniným a králem, kdo přeskočí příkop, připomíná to rozšířený motiv, že princezčinu ruku dostane rek, který přeskočí príkop. Srv. Сборн. мин. XVIII, odd. 1, str. 608.

č. 42 str. 44 sl. Sestra vyhledává bratry své, kteří vytáhli do světa zanechavše ji doma; na cestě pridružila se k ní čarodějnice, a ta se vydávala pak za vlastní sestru; dívka naříká a vzpomíná matky, slunce jí odpovídá a věrný psík vše vyzrazuje. Pod. Schleicher, str. 35 č. 15.

č. 43, 44, 45 str. 48 sl. Pastorce jest nápomocen býček, přede, rozebere mák. Býček pak zabit-zlaté zrníčko nalezené v jeho střevech a srdce jeho na tři části rozdělené na různých místech zahrabáno: na jednom místě zjevil se povoz s koňmi a vozkou, na druhém šaty jako hvězdy, na třetím šaty jak měsíc, na čtvrtém zlatá jabloňka. Srv. Národop. Sb. VII, 222 č. 42. Obyčejně pozorují někdy sestry pastorčiny aneb někdo jiný krávu, zde, stejně jako u Weryha br. č. 15, obě sestry střídavě pasou býčka, ale kdežto býček pastorčiny práce vykonává, kazí a špiní práce její sestry:— K tomu připojeno dále jak i v jiných versích běloruských ku př. Weryho br. č. 15. Gliński I, 186 nová, samostatně aneb ve spojení s jinými motivy vystupující látka o

mladé paní, pronásledované závistivou macechou, závistivými sestrami aj. shozené do vody a proměněné v rybu, tak Grimm KHM č. 11. Рудченко II č. 18, Karłowicz č. 17, Dowojna Sylwestrowiz I, 43 sl. V č. 44: ve vnitřnostech krávy nalezena dvě zrníčka, zlaté a stříbrné, zasazena a z nich vyrostly dvě jabloně, na nich jablka zlatá a stříbrná a ptáci, kohouti zpívají; kohout takový vyzradil také úkryt pastorčin. Srv. Романовъ III, 289 sl. č. 59. Шейнъ II, č. 47, 49.

č. 47. Zvířata vděčná. Člověk po řadě vysvobodil z jámy první den, opici («nàłpa» asi pol. małpa) druhý medvěda a třetí krále hadů; neměl ten člověk sekeru v lese a tak mu opice všecky větve se stromů spolámala; medvěd prinesl mu džbánek medu, a přivezl mu domů dvanáct vozů plných zboží; had navezl mu «kamení diamantového».—

č. 48. str. 57. Had lezl přez kabát spícího chlapce a složil své rohy. Chlapci zdálo se, že pod ním leží poklad. Našel skutečně poklad a od té doby, co měl růžky hadí, věděl, co se na světě děje, kde poklad jest zakopán. Pod. Nowosielski I, 251.

č. 49 str. 57 sl. č. 389 str. 329 sl. Sestry tři říkají první, že si vezme kočího královského, druhá kuchaře, třetí kralevice, že by zrodila dva syny, zlatovlasého a stříbrovlaséko. Kralevic si dívku tu vzal. Pronásledována od sester závistivých. Pod. Романовъ III, 295 sl. č. 61. Аѳанасьевъ[3] II, č. 160. Dowojna Sylwestrowicz I, 189; II, 136; Chełchowski II, 30.

č. 50 str. 58 sl. Zlatá jablka krade pták — nejmladší ho chytil, vytrhl mu tři pera, pták uletěl, synové ho hledají; nejmladší ho pomocí vlka najde. Srv. Národop. Sb. IV—V, 176; VI, 222 č. 49; VII, 220 č. 18.

č. 51. str. 62 sl. «Gryf» těžce zraněný, vychován od sedláka; gryf nese sedláka ke svým dcerám pro odměnu, od nejmladší dostal skřínku; když ji otevřel proti zákazu gryfovu dříve, celé vojsko vyšlo a ptalo se ho na jeho rozkaz; nemohl jí více zavříti, až pomocí čertovou. Pod. Добровольскій I, 569 sl.; Аѳанасьевъ[3] II, 68; Гринченко II, č. 182; Етнограф. Збірник VII, 112. Сборн. матер. Кавказ. XVIII, odd. 3 str. 87 sl. XIX, odd. 2, str. 8 sl. č. 2; Шапкаревъ VIII č. 123—Čertu musel slíbiti proto, co doma zanechal. Doma našel synka i dcerku. Čert si pro ně přijde v ustanovené lhůtě. Děti dávají se na útěk pomocí koně, holoubka, vola (vlastně andělů): Konečně připlichtí se čert k dívce, když bratr její byl na honu — následuje látka o nevěrné sestře. Srv. Národop. Sb. IV—V, 143 č. 342.

č. 52 str. 65 sl. O nevěrné sestře. Zvířata usoudila sestře trest «na nejvyšší jedli postaviti dvě bečky a ji tam posaditi; jak napláče

po bratrovi bečku plnou slz, zůstane na živě, napláče li ji ale po loupežníkovi, bude utracena».

č. 54 str. 68 sl. Jiná verse látky o nevěrné sestře se zvláštním úvodem, pod. jako Романовъ III, 49 sl. č. 4, 5. Federowski I, č. 342.

č. 55 str. 69 sl. Matka zradí synka svého «člověku se železným nosem».

č. 56 str. 71 sl. Žena nevěrná právě tak posílá svého muže do dalekého světa pro různá léčiva jako nevěrná sestra neb matka; na konec když muž přišel zpět s vodou léčivou dobytou z hor-symplegad, překvapil ji s dvěma milenci, a zvířata jeho je zahubila.

č. 57 str. 74. Král dá tomu svou dceru, kdo přenocuje s medvědem. Pod. Grimm KHM. č. 114. Bladé Gasc. III, 55 sl. Kolberg Lud. XIV, 313 sl., 314 sl. Ciszewski I, č. 127. Zbiór wiad. V, odd. 3, str. 249 č. 53. Mater. antropol. archeol. IV, odd. 2, str. 237 sl. č. 10; V, odd. 2 str. 60.

č. 58 str. 75 sl. Člověk vykoupil kocoura, psa a hada od lidí mučících je; od hada dostal hodinky: ty vyplní mu každé jeho přání. Opatřil si takto koně, meč a železný oblek, i osvobodil princezku od draka. Potom nevěrnou ženou obelstěn, hodinky mu odňaty.

č. 59 str. 76 sl. Podobně. Rek dostal od otce zmije prsten divutvorný. Jak obyčejně myš lehtala královnu ocáskem po ústech: královna kýchla, olízla se—chutně; myš pak ocásek ponořila do kolomazi, opět lehtala královnu ocáskem po ústech; ta se olizovola — nechutně, začala plivati až vyplivla prstének. Zvláštní tedy variace známého motivu.

č. 60 str. 78 sl. Chudas vzdychl těžce; zjevil se mu človíček, jakýsi bradáč «Och», pomahal mu, dával mu jísti a konečně dal mu divutvornou tabatěrku. Tu jest to tedy jakási bytost blahodějná, ale obyčejně ve skazkách nemívá takový význam. Tak nazývá se jakýsi čaroděj v podzemí žijící, jenž vystupuje zhusta v úvodě látky o čarodějníkovi a jeho učedlníkovi ku př. Аѳанасьевъ II, č. 140; Federowski I, č. 352, 353; Добровольскій I, 615 č. 35 aj., ve versích bulharských, srv. moje pojednání Магьосникътъ и неговиятъ ученикъ Сборн. мин. XV, jakež i v úvodě řeckých a sicilských versí jiných látek Hahn č. 73, 110, Gonzenbach č. 15, 23. Srv. Köhler Kl. Schr. I, 557.— Divutvorná tabatěrka vyskytuje se v tradicích všech národů Federowski I, č. 353, Sv. Grundtvig 70. P. Kennedy Leg. fictions of the Irish Celts 44 Jacobs English Fairy Tales 82; Webster Basque Legends 94 sl. Vinson Folklore da pays basque 63. Fr. H. Groome Gypsy Folk Tales 210.—Na další cestě hodil rek rybku zpět do vody,

myšku zachránil před kočkou-slibují mu vděčnost. Přijde do kraje, kde král slíbil prinzezku za ženu a celé království věnem tomu, kdo by ji unesenou do zakletého místa našel a zpět přivezl. Následuje látka o ženě nevěrné.

č. 61 str. 82 sl. Rek nabyl veliké síly — 30 let neměl žádné síly, až jednou přišli tři starci, poslali ho pro víno do sklepa a dali mu je vypiti. Stejně tak obyčejně o Ilji (Muromci). Srv. Národop. Sb. III, 115 č. 17. Též dále patrny jsou sledy pověsti o předním rekovi ruského eposu, hlavně sledy z jeho boje s Solovjem rozbojníkem – na 12 ohromných dubech jest hnízdo, tu sídlí drak jednohlavý, na jeho svist nesmí dbáti, poučují reka starci, jemu že neuškodí. Zraní ho do pravého oka; drak spadne na zemi, rek přiváže ho k sedlu a pojede sním ke králi. Tam pochlubí se svou sílou velikou, přikázal draku, aby zahvízdl.

č. 62 str. 84 sl. «Kaciharòšak» osvobodil sestru od draka, který ji byl unesl. Srv. Národop. Sb. IV—V str. 142 č. 348; VII, str. 219 č. 10. Oživil bratry vodou živou, bratří ho zradili, přivázali ho k dubu. Ale rek vyvrátil dub i s kořenem a přinesl jej domů, jak podzemní silák «loket-brada».

č. 63 str. 85 sl. Matka zradí syna drakovi. Srv. nahoře č. 55. Drak šestihlavý přikován dvanácti řetězi, ale nevypravuje se výslovně, že by ho matka rekova byla osvobodila, jak např. v maloruské versi Манжура 37 sl.

č. 64 str. 87 sl. «Kòkač» «meu̯ baradý łokać, samòho paltarý p'àdzi, a batahà śèdem śàžni» unesl tři princezky. Rek se pro ně vydal, vysvobodil je z prohlubně, soudruhy zrazen, «velkým ptákem» vynesen na svět. Pod. Federowski I č. 348 srv. Národop. Sb. IV—V, 143; VI, 218 č. 9. Motiv o vaření v lese vypadl, jakož vůbec jsou motivy přehozeny.

č. 65 str. 90. Král udělal vysokou horu skleněnou, posadil tam svou dceru a prohlásil, že ji dostane, kdo tam doleze. K tomu připojena látka jiná: princezku dostane, kdo dvanáctihlavého draka zabije; král sám toho draka vypustil.

č. 66 str. 91 sl. Otcův hrob mají hlídati po tři noci tři synové, hlídá nejmladší «hloupý» místo starších. Král rozhlásil, že učiní zetěm svým toho, kdo jeho dceru rozesměje. Rek posadí se zadkem na prašivého koně a pohání ho bije ho rukou po zadní části, a tím princezku rozesměje, rychle pak zmizí. Král dá pak vystavěsti ohromně vysoký sloup, kam i ptáci ztěží doletí, vysadil tam dceru, vstrčil jí prsten na prst a rozhlásil: Kdo tak vysoko vyskočí, že princezku políbí a prsten s prstu sejme, bude jeho zetěm. Srv. Národop. Sb. VI, 221 č. 45.

č. 67 str. 93 sl. Princezka počala na přání vyslovené hlupákem;

synek po letech poznal otce. Srv. Národop. Sb. IV—V, str. 145 č. 582; VI, str. 224 č. 65; VII str. 221 č. 29. Malinowski II, 116.

č. 68 str. 94 sl. Pšenici pošlapají koně, nejmladší je chytne. Srv. Tille Literarní studie 46 sl. Národop. Sb. VI, 215 č. 63. Mimo tři koně chytil pak tam rek ještě tři panny — (labutě, holubice), připojen tu tedy ještě motiv, obyčejně samostatně vystupující. Srv. Toeppen str. 140 č. 3, Bronisch II, 68. Wisła 1894, str. 524 sl. č. 6. Sven Grundtvig II, 24. G. O. H. Cavallius 175 sl. Köhler Kl. Schr. I, 54.— Princezku dostane, kdo na «balkon» vyskočí a prstének uchopí.

č. 70, 71 str. 95, č. 391, 392 str. 333 sl. Sestry na jahodách, nejmladší zabily. Píšťalka z javoru na jejím hrobě vyrostlého vyzradila vražedlnice. V č. 70 Kralevic na tuto píšťalku zahrál, zabité pak děvče oživil: vykopanou mrtvolu přehodil za sebe, a tak ona v okamžiku byla živá. Srv. Dowojna-Sylwestrowicz II, 362.

č. 72 str. 98 sl. «Popelka»: nejmladší ze tří sester, které spolu v jednom dvoře sloužily. Pod. Kulda III, č. 28. Z hrobu radí jí matka, aby šla k dubu, ten se jí otevře a v něm najde šaty sváteční atd; ve smole jí střevíček uvízl. Sestry jí v povídce té ani hrubě neublížily, ale proto, že se jí dříve odříkaly, dal je pán železnými branami roztrhati.

č. 73 str. 100 sl. Pastorka-popelka «sviní kožíšek». Na její pláč vyšla matka z hrobu, vynesla jí překrásné šaty, zlaté střevíčky a vyvedla ještě zajíčka, na tom aby jezdila do kostela. Ostatní jak obyčejně.

č. 74 str. 102 sl. Žena má dvě dcery, přiženil se muž se svou dcerou. Děvče přálo si, oby jí otec přivezl torbičku. Jednou, když se nahnula pro vodu, spadla ji torbička do studánky. Z této ozval se pak hlas těšící ji, až bude potřebno, nechť přijde ke studánce a poví «torbičko, buď mi na pomoc». Tak dostane šaty, kočár s kočím atd. jak jinde od nebožky matky aj.

č. 75, 76, 77 str. 103 sl. Jinoch chce si svou sestru vzíti za ženu. Dívka pláče nad hrobem matčiným, slyší z hrobu hlas, co si má napřed všecko přáti, ale tím bratra leda zdržovala. Na konec prosila zemi, aby se pod ní otevřela. Srv. Národop. Sb. čslov. III, 118 č. 56. V č. 75 dívka ale nezapadla k čarodějnici, jako ve versích na tomto místě připomenutých a v č. 76, 77, než vstupuje do služby. Dále obyčejná látka o popelce jako nahoře. V č. 75 zvláštní jest motiv — že meč služebníkův když zařezal ovci, zabečel jako ovce, a potom, když přeřízl malíček dívčin, zaplakal hlasem lidským. — Srv. Bladé Gasc. II, 29 koláč postříknutý krví mluví místo děvčete, aneb Худяковъ Матеріалы 94, kde kapky krve odpovídají místo devčete, jak obyčejně slina. V č. 76 poslal bratr za ní psa—ten sežral nejdříve ovci—doma

jinoch vzal krev z jazyka jeho, hodil přes oheň a zabečelo jako ovce, potom pes znovu poslán, sežral podsvinče — krev jak podsvinče zakvičela, konečně ukousl její malíček. V č. 77 psík sežral nejdříve husu—doma měl plivnouti na oheň atd. Do č. 77 vsunut nový motiv o dívce vysvobozující neustálým čtením jisté knihy. Srv. Artin Pacha č. 3, Národop. Sb. II, 94. Pentamerone (Liebrecht) I, 6 sl. Сборн. мин. XIII, 3, str. 223 Zbiór wiadom. XVII, 2, str. 302 č. 34. Sebillot espagn. 7 sl. Am Urquell. IV, 269 (tur.) Юбил. Сб. 200 sl. č. 59 (tur.). Шапкаревъ IX, č. 166. Geldart 62.

č. 78 str. 112 sl. Sněhurka. Srv. Národop. Sb. čsl. IV—V, str. 134 č. 21; VII, 214 č. 23. Dívka byla utekla od svého otce, když ji chtěl za ženu. Otec ji pak pronásledoval, synka jejího zabil a matce zastrčil nůž. Srv. Gonzenbach č. 25. Сборн. мин. XVIII, 640 č. 284.— Ženě useknuty ruce, dítě ji na šíji uvázáno, «Kosoručka».

č. 79, 80 str. 117 sl. «Kosoručka» Srv. Аѳанасьевъ II, 158. Романовъ III, 283 sl. č. 55.

č. 81 str. 120. Macecha (jako jinde matka) vyhnala dívku a dala jí useknouti ruce (jinde ji zabiti). Pod. Karłowicz č. 4. Kosoručka přišla do zahrady královské, jablka i hrušky pojídala. Pod. Grimm KHM. č. 31. Худяковъ I, 95. Polaczek Wieś Rudawa 230. Dobšinský VI, 84. Kulda III, 263. Jones Kropf. Magyar Folk Tales 182 sl. Сборн. Кавказ. XV, 126.

č. 82 str. 121 sl. Kralevic vzal si dívku, která slíbila, že porodí dva syny s měsícem v čele, jitřenkou na šíji, jednoho s vlasem stříbrným, druhého s vlasem zlatým. Sestra chlapce zakopá, podkládá holuba, štěně. Matka vyhnána. Ovečka uchopila kvítek z hrobu, ve kterém chlapci ležali, a porodila pak beránky—chlapce. Chlapci najdou svou matku a vypravují jí všecko, pak vyhledají otce a všecko mu vyzradí.

č. 83 str. 122 sl. Zlatník udělal zlatou rybku, která plavala jakoby živá, soustružník vyrobil orla letícího, jak mile se šroubek obrátil. Na tom orle uletěl kralevic, navštěvoval princezku, unesl ji pak až domů. Pod. Худяковъ III, č. 102. Чудинскій č. 16.

Část třetí *Svět duchovní*, str. 125—316. 1) Člověk. str. 125—129.

č. 84, 85 str. 125 sl. Jak se lidé kdysi modlili. Srv. Сумцовъ Современная малорусская этнографія str. 99. Житє і Слово II, 349 č. 21. Rokossowska č. 57.

č. 86 str. 126. Kdy přestali zabíjeti starce? Srv. Národop. Sb. VII,

224 č. 61; stejně celkem jako v jiných ruských verších, viz Zs. d. V. f. Vk. 1898, 27.

2) Personifikace nemocí, smrti (str. 129—134).

č. 102 str. 132. Smrt chycena do křesla slibuje člověku, až z jadérka, které mu dává, vyroste strom, zrodí jablka a on je bude trhati; pak podruhé chycena slibuje člověku, že bude živ, jak dlouho bude chtíti.

č. 102 str. 132 sl. U chudasů kmotry Bůh a smrt. Smrt praví, že novozrozené děvče nebude dlouho živo, neboť Bůh mu určil krátký věk, ale dá se uprositi, a tak zemře děvče až u vysokém věku jak stará babička. V čísle 101 i 102 určeno jest pro každé stáří určité místo, malé děti přijdou přímo do ráje.

č. 103 str. 133 sl. Spravedliv není Bůh ani Syn boží než jen smrt. Smrt člověka učiní lékařem. Srv. Národop. Sb. IV—V, str. 144 č. 368. Гринченко Изъ устъ народа, str. 118, č. 115; Босанска Вила II, 350 sl. Revue des trad. popul. XIII, 664.

3) «Lidé-duchové», str. 134—197.

č. 104—110. «Znachor» lepší než doktor, jest dorozuměn s čerty «ti žijí u něho ve sklepě» č. 119.

č. 111 str. 139. Pán, který si dělával smíchy z chudasů, řekl kdysi žebrákovi, že ho naučí různé nemoci zaříkávati, a naučil ho říkadlu «Běhła sučka ćeraz muost, čatjèry nażè, p'áty chvost». Sám se pak roznemohl, žebrák tento zavolán. Jest to variant anekdoty velice rozšířené po všech literaturách, zpracované Molièrem i v lidu rozšířené. Srv. Moszyńska č. 24. Этнограф. Обозр. 1894 seš. 3 str. 129; 1896, seš. 2—3 str. 107.

č. 119 str. 143 sl. Čarodějník umřel: přišli čerti, vysypali jeho maso a kosti, a jeden čert do kůže jeho vlezl. Pod. Гринченко I, č. 78. Nowosielski II, 45, Аѳанасьевъ II, 329 č. 208 e. Добровольскій I, str. 117 sl. č. 52; str. 122 sl. č. 55.—Syn vidí co čerti s otcem dělají, když se díval chomoutem, jako jinde uzdou. Asbjörnson Норвежскія ск. 184. Častěji dírkou sukovou v prkně (z rakve) Bartoš Moravský Lid 143 Kolberg Lud XXI, 225; Гринченко Изъ устъ народа 148 Nowosielski II, 158; Malinowski II, 125. Černý Mythiske bytośce łužiskich Serbow 226, 337; Сборн. Кавказ. XXIX, odd. 3 str. 22; a jinými prostředky ku př. u moravských Valachů. Zs. österr. Vk II, 249.

č. 121 str. 144 sl. «Beránku zatřes se, ubruse prostři se, kyje z torby». Člověk si je vysloužil u čarodějníka.

č. 122, 123 str. 145 sl. Čarodějník a jeho učedlník. Viz moje pejednání ve Сборн. мин. XV, Národop. Sb. VII, 222 č. 35. Wisła

XIV, 270 sl. č. 329, 330. Malinowski II, 21 sl.—V č. 123 splynula s touto látkou jiná o synu, který slyšel ptáky zpívati (aneb měl sen), že otec jeho bude píti vodu, ve které si syn umyje nohy. Srv. Národop. Sb. III, 10 sl. Mitsotakis Griech. M. 71. Geldart 154. Босанска Вила XV, 127 sl.

č. 124, 125, 126, 127 str. 150 sl. Kralevic zapadl k čarodějníkovi, má vykonati úkoly nadlidské 1. v jedné skále úplně vyhotoviti 12 pokojů. 2. les poraziti a dříví složiti do sáhů, 3. náprstkem z jezera vylíti vodu, posypati dno pískem a spočítati ryby. Vykoná to pomocí dcery čarodějníkovy a uteče s ní. V č. 124. mluví místo děvčete dvanácte jí postavených stolků. Podobně v jedné pohádce jihoitalské Kaden Unter den Olivenbäumen, str. 124, prosí dívka stolek, stoličku i skříňku, aby za ni mluvily.—Na útěku přeměny v č. 124. 1. v les a ptáče, 2. v horu trním zarostlou a slavíčka, 3. v jezero s kačerem; v č. 125 1. v dub a břízu, 2. v koně s kočárem, 3. v kapličku s oltářem; v č. 127 1. v kostel a kněze, 2. v pastucha a ovci. V č. 124. zapomene rek na milenku, když ho políbí rodiče, v č. 125. když políbí novozrozeného bratříčka v kolébce. Č. 126 má úvod zcela zvláštní, a patrně pokažený, rek má tu, 1. za den vystavěti palác, 2. vykopati studeň verstu hlubokou. 3. jeti na koni—jest to čarodějník sám, a rek ho bije i zabije železnou palicí, kterou dostal od dcery čarodějníkovy. Ostatní motivy tu odpadly.

č. 133 str. 160 sl. Pacholek vyletěl za čarodějnicí na sněm čarodějnic. Byl tam poznán, utekl na sloup—čarodějnice podpalují sloup. Anděl naléhá na Boha, aby člověka zachránil a kohoutu rozkázal zakokrhati. Kohout se vzpíral až se Bůh rozkřičel «ty lumpe, hned zakokrhej, aneb já ti ukážu!» A tak byl pacholek zachráněn.

č. 143 str. 166 sl. Pastorka hozena do studně, přijde k čarodějnici— na cestě očesala hrušku, jabloň, slívu ad, rozmísila díži, upekla chléb, aj., nakrmila kocoura, zasmolila čarodějnici oči a šťastně utekla s penězi; macecha poslala tam vlastní dceru svou. Srv. Аѳанасьевъ[2], I, 97; běloruskou pohádku, kde za stejných okolností zachránila matka a odnesla žena dítě své. Srv. Federowski I, č. 266 Národop. Sb. II, 106—107; Pod. Худяковъ II, č. 53.—Za podobných okolností unesla dívka od Baby-Jagy bratříčka. Srv. Grimm KHM. č. 24 Steel & Temple Wide awake Stories 178 sl. č. 20. Jacobs More English Fairy Tales 92 sl. č. 64.

č. 147, 148, 149 str. 170 sl. Chlapec sám strčil dceru čarodějničinu do peci, ukryl se na stromě, pomocí hus se zachránil. Srv. Národop. Sb. III, 117 č. 42—Úvod č. 149 připomíná úvod Grimm KHM. č. 1. Dívka

čerpá vodu ze studánky, do vědra vleze jí had a nevyleze dříve, pokud mu neslíbí, že bude jeho.

č. 150 str. 174 sl. Kralevic naslouchal, co tři princezky si povídaly; nejmladší řekla, kdyby si ji kralevic vzal, žeby porodila dvanácte synů se sluncem na čele, s měsícem na šíji, a s hvězdičkami na bocích. Čarodějnice na královském dvoře žijící vzala děti a podhodila štěňata. Nakonec královna s posledním synkem ukryta vsazena do soudku a puštěna tak na moře. Srv. Národop. Sb. VII, 220 č. 22, 23.

č. 153 str. 177 sl. Čarodějnice proměnila děvčata v zrní, přinesla je tak domů a položila je ke svým synům. Na radu kočky zavázaly hochům hlavy a změnily místo; jak na př Kennedy The Fireside Stories of Ireland 4 sl. Obyčejně zapadnou chlapci k čarodějníkovi, vymění svá místa s jeho dcerami atd. Srv. Národop. Sb. IV—V, 150 č. 6; VI, 220 č. 237.

č. 154, 155 str. 178 sl. Čarodějnice proměnila svého nemilovaného muže ve psa; pes sloužil u pastuch, zachránil pak dítě; když se muž vrátil byl proměněn ve vrabce; potom nabyv podoby lidské u jiného čarodějníka, vrátil se a obrátil ženu v kobylu. Pod. Шейнъ II, č. 22; Добровольскій I, 139 č. 171; Садовниковъ č. 19; Гринченко II, č. 89, Чубинскій II, 411 č. 118; Chełchowski I, 28 sl. č. 3; Dobšinský VI, 78 sl.

č. 156, 157, 158 str. 181 sl. č. 400 str. 342. Rak-zakletý princ ženichem; skořápka spálena, žena ho vyhledává. Pod. Dowojna Sylwestrowicz I, 300 sl. Манжура 54 sl. Сборн. матер. Кавказ. XV odd. 2 str. 88 sl. Schmidt Griech. M. S. 83 sl. č. 9; Srv. Máchal Bohatýr. epos 56.—č. 157 má stejny úvod jako č. 149; pod. č. 158: tu se dívka shýbala pro kvítky, rak v trávě seděl a slíbil, že jí dá kvítků, když bude jeho ženou. Spálením skořápky a zmizením zakletého prince tato verse končí.

č. 159 str. 184. Kralevic zakletý v hada. Princezka vyšla do zahrady věnce vít, z kvítků vylezl had, a hrozil, že ji do smrti kousne, nevezme li si ho. Král mu dával jiné dívky. Příhod žádných pak mezi manžely nebylo.

č. 160, 161 str. 185 sl. Žába — zakletá princezka nevěstou. Srv. Národop. Sb. II, 95, 100, III, 118 č. 51. Když kůže její byla spálena, skočila same do peci a shořela.—Č. 161 má zvláštní úvod, sledy verse o soudruzích-silácích (Razwalihará, Wyrwidub) a trpaslíku—loket-bradě. Rek tohoto trpaslíka osvobodil od siláků, ten ho odkázal do zámku žáby-zakleté to královny. Když byla kůže její spálena, čekal na ni v zámku, a za rok se ona skutečně vrátila.

č. 162 str. 187 sl. Princezka osvobozena od draka, kterémuž byla obětována, pomocí koně-zakletého to kralevice. Když byl kůň sťat, objevil se kralevic.

č. 163 str. 188 sl. Žena dala pastorka zabiti, a snědla ho. Dívka bratrovy kosti sebrala a zahrabala. Z nich holub. Srv. Grimm KHM. č. 47 (Machandelboom). Holub vyprosil si od projíždějících kupců dárky různé a jimi obdaroval sestru, když smetí vyhazovala. Když pak vyšla se smetím macešina dcerka, rozbil jí hlavu kamením, stejně pak maceše. Potom přeměnil se zase v chlapce a žil se sestrou šťastně. Motivy známé ku př. z maď. verse Jones & Kropf. č. 52; Grimm KHM. č. 47 aj, jsou tu ještě více rozvedeny. Srv. Köhler Kl. Schr. I, 120.

č. 164 str. 189 sl. Kralevic hledá «bídu». Srv. Národop. Sb. VII, 213 č. 8 Ktomu připojene látka o dívce-labuti.

č. 167 str. 192 sl. Chlapec proměněn v zajíčka, když se napil ze zaječí stopy. Pán vzal si jeho sestru. Macecha pánova mladou paní utopila. Zajíček děcko nosil k řece, tam utopená matka se objevovala a děcko kojila. Srv. nahoře č. 43. Variant ku Grimm KHM. č. 11, odchylný od jiných běloruských versí. Романовъ III, 265 sl. č. 47, Karłowicz č. 17.

4. oddíl. Duchové, vidění, čert. str. 197—269.

č. 174, 175, 176, 177, 178 str. 199 sl. Upír mořil mladomanžely; srdnatý vynutil mu, jak je možno oživiti. Srv. Fedorowski I, č. 180, 193, 194.—V č. 176 nebožtík usmrtil mladého muže; člověk vynutil na něm, jak možno ho oživiti; nebožtík dal mu kousek podešve, ten ať připálí a dá onomu muži čuchnouti. V č. 177 přeměnil upír mladomanžely ve vlky. V č. 178 zabil dvě příliš hezká děvčata; spletl jim kosy a zasadil jim jehly, že stále budou spáti; až se kosy rozpletou a jehly vytáhnou, oživnou. Tu tedy převzat motiv vyskytující se především v látce o sněhurce a pod; také jinde rekovi zaražena jehlice od závistivé stařeny, aby zaspal, až se zjeví princezka a nic ho nevzbudilo; srv. Köhler Klein. Schr. I, 261. Аѳанасьевъ[3] II, 92, 99; Schott 220; Kennedy Legendary Fictions of the Irish Celts 243, Haltrich 179, Wislocki Zigeuner 46 aj.

č. 179 str. 202 sl. «O pánu, který chodil po smrti», byl uschoval své peníze. Pod. Federowski I, č. 209.

č. 182 str. 204 sl. Dívka zadržela nebožtíka, jako jinde čerta, jen tím, že chtěla na něm nové a nové dárky až do kuropění. Pod. Zbiór wiad. antropol. XVI, 2, str. 39, č. 26. Трейландъ č. 127, pod. jak jinde,

kde byla pastorka a potom vlastní dcera macešina poslána do lázní a jinam, srv. Národop. Sb. III, 113 č. 2.

č. 188 str. 207 sl. Pán ničeho se nebál, vyjel do světa hledat toho «bajůsie». Přenocuje na hrobě, mrtvolu strčí do pytle, jede pak na noc do krčmy, kde straší: padá tam strašidlo po částech. Oba nebožtíci se seperou. Pán strčí po kuropění oba nebožtíky do pytle a vystraší jimi zloděje. Doma konečně postrašen paní, která mu do postele dala ježka. Pod. Чубинскій II, 366 sl. č. 101. Grimm KHM. č. 4. Gonzenbach č. 57.

č. 196, 197 str. 211 sl. Člověk zachránil čerta před sviní, která ho chtěla zakousati, jako jinde před vlkem, Драгомановъ str. 59 č. 34 Рудченко I č. 39, 40 aneb před hromem Этнограф. Обозр. XXVIII, 167 sl. Čert dává člověku zlato, ale má si přijíti pro ně s nejvěrnějším přítelem—stejně jako u Драгомановъ str. 59 č. 34a. Рудченко I č. 40; Јован Војиновић str. 85 č. 11 nasleduje variant staré pověsti, že žena jest největším nepřítelem, a nejlepším že jest pes, srv. Köhler Kl. Schr. II, 401. Гринченко II č. 65. Clouston II, 357.—V č. 197 není onen úvod, než čert přímo přichází na člověka s touto otázkou pod. jako Драгомановъ str. 60 č. 34 b.

č. 201, 202 str. 215 sl. Čert zpřevrátil chudému sedlákovi nádobu s mlékem; odsouzen pro to od Lucipera, aby tři leta u něho sloužil. Srv. Národop. Sb. III, 115 č. 12; 119, č. 80; IV—V, 135 č. 28; 140 č. 87. V č. 202 způsobil čert, že člověk upadl do vody, když šel přes kládu v novém kožiše do kostela, a takto si kožich za těžce nastřáděný peníz koupený pošpinil, a byl stejně za to odsouzen, nebot «také čert má svědomí».

č. 210 str. 222. Chudá žena zapomněla na poli své dítě. Když se pro ně vrátila, našla je v zlatě. Sousedka pak tam úmyslně zapomněla dítě, a našla je pak na polovici roztrhané. Pod. Federowski, I č. 86, srv. Národop. Sb. IV—V, 140.

č. 211, 212 str. 222 sl. Pastorce uloženo rozebrati mák s popelem smíchaný a sice v noci na hřbitově. Pomáhají jí čerti a pak ji zvou k zábavě. Děvče je zdržuje stejně jako nahoře a v č. 182.—V č. 212 zdržuje tak dívka zavedená otcem do lesní chaty medvěda—zlého ducha a sice na radu zvířat (kohouta, kocoura a myšky), jež byla nakrmila.

č. 213 str. 225 sl. Pastorka vyhnána do služby, zapadla v lese do chaty; přivalí se tam lidská hlava, chce, aby bylo jí otevřeno, aby byla přesazena přes práh, vysazena na lavici, nakrmena atd. Děvče vše vykoná a jest bohatě odměněna. Poslala tam macecha vlastní svou dceru

atd. Srv. Шейнъ II, č. 48; Худяковъ č. 13; Рудченко II, č. 21; Етнограф. Збірник I, článek 2, str. 51 sl. č. 15.

č. 216 str. 227 sl. Čert pacholkem u sedláka, odhaluje mu nevěrnost ženinu; čert ale z vůle své přihlásil se do služby, a nebyl k tomu odsouzen pro nějaký přečin (pro snědený chléb a p.). Srv. Národop. Sb. III, 115 č. 12. Kolberg Lud. XXI, 193 sl. č. 12. Jinde jest místo čerta jiný věšteckým duchem aneb čarodějným uměním vládnoucí člověk Kolberg Pokucie IV, str. 185 sl. č. 36; Чубинскій II, str. 551 sl. č. 39; aneb dokonce docela obyčejný sluha Kolberg Pokucie IV, str. 250 č. 66. Чубинскій II, str. 652 sl. č. 116. Рудченко I, č. 61. Драгомановъ str. 162 sl. č. 51. Добровольскій I, str. 696 sl. č. 12. Етнограф. Збірник. VI, č. 700; VIII, č. 11, 36. Kolberg Lud III, str. 168 sl. č. 29, 30. Манжура str. 91 sl. Романовъ IV, 96 č. 56. Valentin Schumanns Nachtbüchlein ed. Bolte 386 Freys Gartengesellschaft ed. Bolte 277; Clouston II, 237.

č. 236 str. 238. Čert přišel v podobě ženicha, na vojně zalitého, k děvčeti, děvče sedlo si k němu na koně jako v pověsti o Lenoře.

č. 267 str. 252. Dívka vezme si jen toho, kdo by měl zelené vousy. Přijel pro ni pán-čert. Zachránila se růžencem. Srv. Dowojna Sylwestrowicz I, 426; II, 405.

č. 274 str. 255. Zloděj učený: ukradl hřebce, paní, tuto prodal čertovi, šel pro ni do pekla a vydobyl ji zpět.

č. 275 str. 256 sl. Čert vstoupil do služeb zlostné ženy, ale nemohl to vydržeti, utekl pomocí jednoho sedláka, a toho poučil, jak ho vyžene ne z nemocné (posedlé) královny ap. než z pokladu královského. Pod. Шейнъ II, č. 64.

č. 276 str. 257 sl. Čert přenesl ženu přes řeku, ale pak se ho žena nechal spustiti, až konečně čertovi pemohl sedlák; toho poučil čert, jak vyléčí posedlou princezku. Pod. Романовъ IV, str. 119 č. 62.

č. 292 str. 266. Z peněz vždycky zlo—dva našli peníze, jeden chtěl druhého otráviti, zabiti. Srv. Clouston II, 379 sl. M. Montanus Schwankbücher ed. Bolte str. 564. Dowojna Sylwestrowicz I, 52. Kolberg Lud III, 150, č. 8. Етнограф. Збірник VI, č. 691. Český Lid V, 367.

Oddíl 5. Bůh, svatí, kněží. str. 269—316.

č. 302 str. 270. Koza stvořena čertem, ale bohem oživena; čert ji chytal, vytrhl jí ocas. Pod. Романовъ IV, str. 168 č. 22. Житє і слово II, 185. Ястребовъ 71. Świętek 582. Grimm KHM. č. 148.

č. 303 str. 270 sl. Vlk prosí boha, aby mu dal jísti; bůh mu ukázal člověka. Pod. Этнограф. Обозр. VII, 85. Ястребовъ 69.

č. 304 str. 271 sl. Bůh přenocuje v svinském chlévě bohatcově a daruje za to hostiteli peněženku, ve které peněz nikdy neubývá; potom u chudé vdovy dětmi obtížené a dá krávu její sežrati vlku. Srv. Драгомановъ, Забѣлѣжки вѣрху Славянскитѣ религиозни и етически легенди Сб. мин. VII; В. Гнатюк, Легенди із Хітарського Збірника. Зап. Шевч. XVI, Clouston I, 21. Сборн. мин. XVIII odd. 1, str. 617 č. 109.

č. 305 str. 272. Bůh poslal smrt, aby odňal matku malým dětem, ale smrt dala se uprositi. Srv. Národop. Sb. IV—V, str. 144 č. 366.

č. 306 str. 272. Anděl seslán, aby vzal duši jediné dcery vdoviny. Srv. Národop. Sb. IV—V, 147; VII, 224 č. 55.

č. 307 str. 273. Žito má nyní tak krátký klas, neboť když Bůh po zemi putoval, lidé ho špatně hostili.

č. 308 str. 273 sl. Bůh vymlátil sedlákovo obilí tak, že je zapálil. Sedlák to pak stejně chtěl mlátiti a vyhořel. Srv. Добровольскій I, 307 č. 6. Dowojna Sylwestrowicz II, 286. Sklarek č. 41. Schönwerth III, 297. Archiv f. slav. Phil. VIII, 115 (z Gorice); Верхратский Знадоби для пізнаня угрорус. гов. 122.

č. 313 str. 277. Bůh se nedá oklamati; člověk slíbil, urodíli se mu pšenice, že koupí svíčku do kostela, ale potem slib nesplnil; úroda mu vyhořela. Jinde sliboval cikán bohu vše možné, nabere li si dost ovoce; pak ale nic více nechtěl slyšeti o tom, a sletí se stromu. Етнограф. Збірн. VI, č. 567, 568. Босанска Вила IV, 108, aneb chce nabrati si hodně medu. Етнограф. Збірн. VIII č. 58.

č. 316 str. 277. Pán měl peníze ukryté ve volši. Volše i s penězi odplavena vodou k chuďasovi. Pán zároveň vyhořel a musil žebrotou. Přijde k onomu chuďasovi — ten mu dá bochník, do něhož byly zapečeny peníze, ale pán bochník prodal atd. Pod. Етнограф. Збірник. VIII č. 3, 4. Сборн. матер. Кавказ. XXIV odd. 2 str. 21 sl. č. 7.

č. 317 str. 278. Mladík zabil kupce pro peníze, aby se mohl ženiti. Nad hrobem sedí, slyší hlas z hrobu volající o pomstu a odpověď boží, že potrestá zločin za sto let. Tak se i stalo. Pod. Karłowicz č. 52. Романовъ IV, 137 č. 79.

č. 319 str. 280. Pastorka sbírající v zahradě kvítky spatřila tam žebráka s dvěma chlapci (=boha s anděly) a podarovala je. Obdařili je za to, že když zapláče, perle se posypou, když se zasměje, růže se posypou, a když ruce strčí do vody, zlaté rybky poplavou. Bratr její vymaloval její obraz a vstoupil do služeb královských. Král si jeho sestru zamiloval. Macecha promění ji v kachnu, podstrčí svou vlastní dceru. Pod. Weryho br. č. 21. Gliński III, 94 sl. č. 5. Gonzenbach č. 34.

č. 320 str. 281 sl. Kovář a čert. Čert první utekl i s lavicí, druhý s kovadlem do pekla, a ani tam nemohli je odtrhnouti, Luciper také neodolal, dotekl se klády a už mu přirostla. Do pekla kováře nevpustili, do nebe hodil skulinou svou zástěru (?).

č. 321, 322 str. 283 sl. Vysloužilý voják obdaroval tři vojáky a vyžádal si za to odměnou: 1) dýmku nehasnoucí, 2) ranec všecho pojímající, 3) kyj na rozkaz bijící. — Přenocuje v zámku po tři noci a zažene pomocí svých darů zlé duchy v něm strašící. Potom přišel do krajiny, kde mor řádil, a tam chytil pomoci kyje smrt do svého rance a pustil ji teprve, když slíbila, že, kde koliv on bude, do vzdálenosti 25 mil nikoho nevezme. Srv. Gliński II, 134 sl. č. 3. Шейнъ II, str. 409 sl. Šel voják pak do ráje, ale když tam neměli ani chleba ani barščů odešel «to není ráj» — našel to v pekle a tak tam zůstal; ale ti ho poznali a utíkali před ním; vyšli na dvůr, zabubnovali a voják myslel že vojna, honem vyskočil. Srv. Köhler Aufsätze 55 sl. Романовъ III, 426 č. 27; IV, 79 č. 44. Rokossowska č. 26.—V č. 322 chce voják sv Petra, který ho nepouští do nebe, rovněž dostati do svého rance, ale marně; konečně sv Petr řekl, aby voják šel do rance, a když se tak stalo, pověsil jej sv Petr nad vraty. Když sebou voják v ranci pohne, zablýskne se a od té doby počal blesk páliti. Srv. A. N. Veselovskij. Разысканія, выпускъ V, 143 sl.

č. 323 str. 287 sl. Zakletá princezka pohřbena, každou noc požírala po člověku; potom když osvobozena byla a vdala se za svého osvoboditele, světec, rádce osvoboditelův ji rozsekal a vyčistil ji od všelijakého «hadztva», jak jinde kde z ní vyletěli drakové. Srv. Tille č. 34. Národop. Sb. VIII, 39 sl. Аѳанасьевъ II, č. 207. Шейнъ II, č. 227.

č. 324 str. 289. Bůh pozval dobrého krále k sobě, poslal proň koně; když se vrátil, bylo minulo tisíc let. Pod. Kolberg Chełmskie II, 87 sl. č. 4. Трейландъ č. 104. Andrejanoff Lett. M. 67 sl.

č. 325 str. 289. Úvod pověsti o Marku bohatém: chlapce pohozeného za krutého mrazu od bohatce našli nejenom mezi kvítky než také před hromadou zlata. Tím tato verse končí.

č. 326 str. 290 sl. Pod. jako «Marko bohatý», Počátek odchylný: vdova zahodila synka v lese, aby jí ve vdavkách nepřekážel. Lesem jel právě kupec a viděl, jak dva andělé drží zlaté palmičky a zlaté zvonečky, svítí dvě svíčky, a mezi nimi leží na peřince děťátko. Kupec byl bezdětný a odvezl si chlapečka domů. Jednou po tři dni slunce nesvítilo a po tři leta nepršelo i poslal kupec chlapce k Bohu ptát se, jaká by toho byla příčina; pod. Романовъ III, 198 sl. č. 27. Weryho

br. č. 6; posílá kupec k Bohu tázat se, proč bylo po tři dni temno. Na cestě k Bohu vidí chlapec různá muka: člověk zády svými drží vrata, jak dlouho?, žena tluče máslo marně, tlustá nahá žena za dne na slunci se peče, a v noci mučena od komárů aj. Bůh posílá pak reka ke královnám mořským, dá mu koně, jimiž může nejmladší princezku mořskou unésti a přinésti pak vše, co si ona z mořského království přeje. Krasavice, královna mořská dobytá pro krále rozhodne se pro reka po koupeli v mléce kobyly mořské. Připojen pod. jako Weryho br. č. 6 tu tedy motiv z látek jiných. Романовъ III, 239 sl. č. 39. Аѳанасьевъ č. 71 c, č. 103.

č. 327 str. 295. Hoch po smrti rodičů pozval na oběd všecky žebráky, mezi těmi byl i Bůh, poslal pak proň koně. Na cestě k Bohu různá muka: tlusté ovce na hojné pastvě ale smutné,—hříšné duše,—ovce hubené po špatné pastvě a veselé—spravedlivé duše, psi na řetězích — kněží, žáby marně drápají se na horu — čarodějnice. Když se vrátil hoch domů, vše bylo pozměněno. Pod. Mater. antrop. IV, str. 246 č. 17. Kolberg Pokucie IV, str. 202 č. 42.

č. 328 str. 296. Podobně. Na cestě pes plave po vodě — boháč hříšný, stádo ovec po zelené trávě — kněží, jiné stádo ovec na úrodné pastvě — chudasové.

č. 329 str. 297. «Trómsyn»: nazván tak dlouho očekávaný jediný syn od kmotra-boha. Tak jmenuje se obyčejně chlapec, kterého najdou a přijmou za svého tři bratří. Романовъ III, 247 č. 41. Weryho br. č. 6. Glinški IV, 50 č. 3. Чубинскій II, str 290 č. 76; str. 337 č. 86 (Kde chlapce najdou Bůh, sv. Petr a Pavel). Манжура 45. Етнограф. Збірн. VII, č. 71 (dva důstojníci našli chlapce). Bůh zanechal pro kmotřence hůlku: když chlapec za tři leta vyrostl jako mužský, rozlomil hůlku a z té vyskočil kůň. Na tom jede k Bohu, vidí na cestě různá muka, částečně tatáž jako č. 327, 328.

č. 331 str. 299. Bratří dostali od Boha za to, že ho pohostili 1) torbu, ze které se sypou peníze, jak se jí zatřese, 2) troubu svolávající vojsko, 3) košili činící reka neviditelným. První o svou torbu obelstěn od lstivé ženy, ale dostane ji zpět pomocí jablek vzbuzujících rohy.

č. 332 str. 330. Kůň jest nenasytný, protože nechtěl Matku boží přenésti přes vodu. Pod. Mater. antrop. IV, 192. Świętek 580. Český Lid V, 64, Revue des trad. popul. VII, 483 č. 67 (maď. pověst), Sklarek č. 46. Lemke II, 23 č. 44.

č. 333 str. 300. Pán touží po ženě pastuchově a posílá proto pastucha k slunci. Pastuchovi nápomocná Matka boží.

č. 334 str. 301 sl. Matka boží kmotrou. Byla's v pokoji Mařenko? Srv. Národop. Sb. III, 109 č. 19, VI, 224 č. 63; VII, 215 č. 30.

č. 335, 336, 337 str. 303. Sv Jiří pastýřem vlků. Srv. Národop. Sb. IV—V str. 146 č. 744. Этнограф. Обозр. кн. LI, str. 135. Гринченко, Изъ устъ народа str. 8, 10, 11; Nowosielski II, 140, 225 Plohl-Herdvigov I, str. 106, č. 10, 11.

339 str. 306 sl. Sv Jiří dal se oklamati. Jde k Bohu tázat se, smíli loupežník loupiti, a dá mu zástavou bič místo střemene, jak se obyčejně vypravuje. Аѳанасьевъ, Легенды č. 12. Романовъ III, 400 sl. č. 15. Рудченко II, č. 47.—

č. 370 str. 308 sl. Obraz sv. Jana bit a vykupiteli svému sv. Jan tak vděčný jako nebožtík, který byl pro dluhy bit. Pod. Добровольскій I, 547. Рудченко II, č. 12. Юбил. Сборн. Миллера 182 sl.

č. 341 str. 309 sl. Legenda o sv. Řehoř (incest): Pod. Добровольскій I, 269 sl. č. 34, 35, 36. Kolberg Pokucie IV, 208 sl. č. 45.

č 342, 343 str. 310 sl. Velký zlosyn bude spasen, když bude stále zalévati suchou hůl vodou v ústech z řeky donášenou, až jabloň rozkvete, a až když většího ještě zlosyna zabije. Pod. Аѳанасьевъ, Легенды č. 28 str. 94. Srv. Веселовскій. Разысканія гл. 10. str. 379 sl. Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ Ж. М. Н. Пр. 1885, 4. 239 str. 231 sl.

č. 344, 345, 346 str. 312 sl. «Marko bohatý».

č. 347 str. 314. Matka zradí syna loupežníkovi.

Oddíl. VI, str. 317—324 Místní pověsti.

Doplňky 327—347.

č. 387 str. 228. Hloupý hoch jel se špatným koněm na cestu, na cestě zvedl na radu koňovu pérko, potřel jím koně a z toho udělal se kůň znamenitý. Rek vstoupil do služeb královských, potřel pérkem koně královy, jest pak od staršího pacholka pomluven.

č. 390 str. 332 sl. Miĕdźwièžo Uszko — silák, doma ve službě — ve studni, shozen naň kámen aj. Šel do světa, sdružil se se dvěma siláky jinými: 1) Zapryùs zavřel vodu a nepustí ji, 2) Zapryharà — svalil na pole velkou horu, tak že se pole nemohlo sorati. Přišli spolu do chýže, ve které žil Dziädòk Haròk atd. pod. jak nahoře č. 64 a I, č. 348.

č. 393 str. 336 sl. Král slíbil království své tomu ze svých synů, který zabije kance hubícího královský sad. Nejmladšímu se to poštěstilo, byl ale za to od nejstaršího bratra zabit. Na hrobě jeho vyrostl

rákos, zněho udělal si pastýř píšťalku a ta vraha vyzradila. Stejně Weryho br. č. 3. Cosquin I, č. 26.

č. 399 str. 340 sl. Matka žárlivá na krásu dceřinu, táže se zrcadla, kdo jest krásnější, ona čili dcera její; vyžene ji do lesa. Dále sněhurka, jako nahoře č. 78.

č. 403 str. 344. Podobně jako nahoře č. 216. Sluha-čert našeptá ženě, co by měla uvařiti, aby muž a jeho pacholek oslepli, ohluchli i zemřeli. Srv. Rich Schmidt Der Textus ornatior der Çukasaptati 28. Świętek str. 420 sl. č. 48. Sadok Barącz, 30 Kolberg Pokucie IV, 188.

č. 408 str. 346. Kněz nepořádně četl mši, po smrti strašil. Pod. Krauss II č. 103. Revue des tradit. popul. X, 577, 584; XIII, 179. Bladé I, 292. Sébillot Contes pop. de la Haute Bretagne 277 sl. č. 43. Badisches Sagenbuch II Sagen Freiburgs 1899, str. 240.

J. Polívka.

Темное и спорное въ біографіи Юрія Крижанича.

(По поводу соч. Сергѣя Ал. Бѣлокурова: «Изъ духовной жизни московскаго общества XVII в.» М. 1903).

Болѣе тридцати отдѣльныхъ статей, не говоря уже о попутныхъ замѣткахъ, посвящено Юрію Крижаничу. Тѣмъ не менѣе многое остается невыясненнымъ и въ его біографіи, и относительно его многочисленныхъ и разнообразныхъ сочиненій. Главной причиной является то, что ни документы, касающіеся Крижанича, ни его сочиненія не изданы вполнѣ; многое изъ нихъ, на что есть только косвенныя указанія, еще не найдено: хранится гдѣ-нибудь подъ спудомъ въ заграничныхъ архивахъ (больше всего, конечно, въ архивѣ конгрегаціи пропаганды вѣры) или безыменно покоится въ нашихъ библіотекахъ; многое погибло безвозвратно. Отсюда понятенъ нашъ интересъ къ каждому новому факту, освѣщающему личность, дѣятельность и судьбу этого замѣчательнаго славянина XVII в.; понятна и та научная признательность, съ какой мы встрѣчаемъ многолѣтній трудъ С. А. Бѣлокурова: «Изъ духовной жизни московскаго общества XVII в.», въ которомъ Юрію Крижаничу удѣлена бо́льшая и любопытнѣйшая часть (всего съ Приложеніями около 526 страницъ).

«Моей главной цѣлью, — говоритъ г. Бѣлокуровъ въ Предисловіи, — было розысканіе свѣдѣній о Крижаничѣ, разслѣдованіе фактовъ его жизни; касательно сочиненій его я отмѣчаю только время и обстоятельства ихъ появленія и извлекаю изъ нихъ замѣтки, могущія пояснить что-либо въ его личной жизни. Такимъ образомъ настоящая работа имѣетъ въ виду изложить только внѣшнія событія жизни Крижанича и притомъ главнымъ образомъ за время пребыванія его въ Московскомъ государствѣ; но отчасти потому, что найденные мною документы касаются и періода жизни Крижанича до пріѣзда его въ Россію, отчасти для полноты біографическихъ извѣстій сюда присоединены также свѣдѣнія и объ остальныхъ періодахъ его жизни за время до пріѣзда въ Московское государство и по отъѣздѣ изъ него».

Однимъ словомъ, здѣсь мы имѣемъ полную, насколько это возможно въ настоящее время, біографію Крижанича, и этотъ трудъ будетъ уже исходнымъ для всѣхъ послѣдующихъ изслѣдователей жизни и дѣятельности Крижанича.

Отношеніе труда г. Бѣлокурова къ предшественникамъ въ этой области опредѣляется изъ «Обзора литературы объ Юріи Крижаничѣ», составляющаго I главу изслѣдованія (91—136 стр.). Библіографія, кажется, полная; для большей точности было бы, пожалуй, не лишнимъ г. Бѣлокурову лично просмотрѣть статьи Ягича (Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, XVIII), Леже (Nouvelles études slaves. Un précurseur du panslavisme du XVII siècle. А не «Le monde slave», какъ на 113 стр.), Вуича (Крижанићева Политика. Београд. 1895). Знакомство, напримѣръ, съ сочиненіемъ Вуича дало бы возможность г. Бѣлокурову передать содержаніе «Политики» лучше, чѣмъ то сдѣлано на 218 стр., по Брикнеру; точно также и списокъ книгъ, которыя были извѣстны Крижаничу, долженъ пополниться на основаніи анализа его сочиненій (ср. Бѣлокуровъ 235 стр. и Вуичъ 16—17 стр. и др.). Статьи Ягича и Леже не безъинтересно принять въ соображеніе при общей оцѣнкѣ дѣятельности Крижанича; вѣдь, какъ увидимъ ниже, г. Бѣлокуровъ не ограничивается одной передачей внѣшнихъ событій жизни Крижанича. Впрочемъ, по отношенію собственно къ біографіи Крижанича заключительный выводъ I главы соч. г. Бѣлокурова вполнѣ справедливъ: «всѣ эти статьи и замѣтки, имѣя то или другое значеніе въ свое время, нынѣ по большей части не представляютъ цѣнности для біографіи Крижанича, такъ какъ заимствуютъ свои свѣдѣнія другъ у друга. Если взвѣшивать ихъ достоинство теперь,

то послѣ статей П. А. Безсонова и М. И. Соколова, занимающихъ безспорно первое мѣсто, почти всѣ остальныя имѣютъ небольшое значеніе, исключая изъ числа ихъ тѣ, которыя содержатъ какое-либо сочиненіе Крижанича или подробно излагаютъ содержаніе его или приводятъ какіе-либо новые документы объ Юріи, какъ весьма цѣнныя статьи Кукулевича-Сакцинскаго, о. Павла Пирлинга и Евс. Ферменджина. Въ указанной выше литературѣ о Крижаничѣ мы находимъ главнымъ образомъ перечисленіе написанныхъ имъ сочиненій и краткія замѣчанія объ ихъ содержаніи; остальныя же біографическія свѣдѣнія, о событіяхъ его жизни, ограничиваются извѣстіями о пріѣздѣ его и ссылкѣ (причемъ о причинахъ послѣдняго событія авторы высказываются болѣе всего и часто расходятся въ своихъ мнѣніяхъ) и затѣмъ о возвращеніи Юрія изъ Сибири. Только эти три факта и извѣстны біографамъ и притомъ въ самомъ краткомъ видѣ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется содержаніе настоящей работы, имѣющей цѣлью восполнить существующій въ нашей литературѣ пробѣлъ — представить возможно болѣе полныя біографическія свѣдѣнія о Крижаничѣ, и главнымъ образомъ за время его пребыванія въ Московскомъ государствѣ, на основаніи новыхъ, найденныхъ мною, документовъ» (135—136 стр.).

На основаніи какихъ же документовъ восполняетъ г. Бѣлокуровъ существующій пробѣлъ въ біографіи Крижанича? Перечень ихъ мы находимъ на 291—298 стр. «Приложеній». Безусловно новыми являются, если не считать записки Крижанича къ префекту Пропаганды кардиналу Антоніо Барберини 1641 года, вкратцѣ разобранной въ 1896 году о. Павломъ Пирлингомъ, и еще нѣкоторыхъ документовъ изъ архива конгрегаціи пропаганды вѣры, извѣстныхъ ранѣе, въ другомъ, правда, спискѣ и часто съ пропусками по изданію въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku (X), Archiv für slavische Philologie (VI) и Starine (XVIII)—слѣдующіе: декреты конгрегаціи 9 сентября 1641 г., 20 января, 12 сентября 1642 г., письмо Крижаничу (секретаря конгрегаціи) изъ Рима отъ 8 октября 1642 г. (всѣ указанные документы говорятъ о повышеніи Крижанича въ священныя степени и о назначеніи ему миссіи къ валахамъ Загребской епархіи), письмо Крижанича (къ Инголи) изъ Вараждина отъ 11 апрѣля 1646 г. (съ просьбой о рекомендаціи), письмо Крижаничу (секретаря конгрегаціи?) въ Вѣну отъ 3 августа 1646 г. (о назначеніи Крижаничу миссіи въ смоленскую епископію), письмо Крижанича, изъ Мисельницы, 21 августа 1646 г. (просьба о рекомендаціи), подробное сообщеніе Крижанича Леваковичу о своей первой миссіи

въ Москву, отъ 9 апрѣля 1647 г. (исторія миссіи, всякаго рода затрудненія, собственная рекомендація, намѣренія и просьбы о сохраненіи въ тайнѣ его миссіи, о рекомендательныхъ письмахъ, о пособіи) съ приложеніемъ свидѣтельствъ города Вараждина, Греческой коллегіи въ Римѣ, Конгрегаціи изъ Греческой коллегіи и др., письмо архіеп. Андрея Золотаго-Квашнина о Крижаничѣ, изъ Варшавы, 4 іюня 1647 г. (похвальная рекомендація), повѣствованіе Крижанича о положеніи православія въ московскомъ государствѣ, нап. въ 1647 году, письмо Крижанича секретарю конгрегаціи пропаганды Фр. Инголи отъ 13 іюня 1648 г. изъ Гродно (съ просьбой о пособіи), письмо Петра Сарацина, изъ Варшавы, 2 августа 1648 г. (лестная рекомендація Крижанича), письмо его же отъ 17 ноября 1648 г. (предположеніе о выѣздѣ Крижанича въ Римъ), декретъ конгрегаціи пропаганды отъ 1 сентября 1648 г., письмо Крижаничу отъ 1 сентября 1648 г. съ объявленіемъ рѣшенія конгрегаціи (о высылкѣ въ Римъ книги: «Собраніе отъ св. отецъ вещей необходимыхъ для вѣры противъ богоненавистныхъ латинъ и прочихъ еретиковъ»), письмо Крижанича секретарю конгрегаціи Массари отъ 6 (8?) марта 1650 г. изъ Вѣны (по поводу отвѣта на вышеназванную книгу и о желаніи Крижанича прибыть въ Римъ), письмо Крижанича къ Массари 9 апрѣля 1650 г. изъ Вѣны (о томъ же), просьба Крижанича въ конгрегацію о напечатаніи его труда 1652 г., письмо Крижанича секретарю конгрегаціи отъ 10 марта 1682 г. (о постриженіи въ монахи и просьба о разрѣшеніи прибыть въ Римъ), просьба Крижанича, поданная конгрегаціи (о томъ же). Всѣ означенные документы найдены секретаремъ конгрегаціи о. Семадини и въ копіи сообщены, черезъ К. А. Губастова, г. Бѣлокурову; послѣдній же напечаталъ ихъ въ Приложеніяхъ къ своему изслѣдованію, приведя и переводъ ихъ на русскій языкъ гг. Н. В. Рождественскаго и С. С. Слуцкаго. Всѣ новые матеріалы о пребываніи Юрія Крижанича въ Московскомъ государствѣ (главнымъ образомъ за 1659, 1676 и 1677 года) найдены г. Бѣлокуровымъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и напечатаны имъ какъ въ текстѣ изслѣдованія, такъ и въ приложеніяхъ. Гдѣ мало свѣдѣній, тамъ всякій, и незначительный, фактъ пріобрѣтаетъ цѣну, — поэтому все сообщаемое г. Бѣлокуровымъ интересно, но можно было бы выдѣлить какъ болѣе существенное — «сербское письмо» Крижанича (въ копіи, подлинникъ его пока неизвѣстенъ; здѣсь разнаго рода предложенія Крижанича) и собственноручную челобитную Крижанича объ отпускѣ его изъ Московскаго

государства, съ перечисленіемъ всѣхъ своихъ службъ Московскому государству. Позволимъ себѣ замѣтить, что одно Приложеніе — именно V. О лицахъ, сосланныхъ въ Тобольскъ за 1654—1662 гг.— занимающее 37 страницъ, можно было бы совершенно исключить, какъ не дающее никакого матеріала для біографіи Юрія Крижанича.

Прослѣдимъ теперь канву для біографіи Юрія Крижанича, намѣченную, по указаннымъ выше документамъ, г. Бѣлокуровымъ и отмѣтимъ то темное и спорное, что разрѣшено изслѣдователемъ и что еще таковымъ остается какъ предметъ дальнѣйшихъ изысканій.

Относительно года рожденія Крижанича не велики разногласія: обыкновенно опредѣляли 1617 годъ; г. Бѣлокуровъ, на основаніи косвенныхъ указаній въ сочиненіяхъ самого Крижанича, предлагаетъ 1618—1619 г. (хотя на стр. 144 себѣ и противорѣчитъ, считая въ 1641 году Крижанича 24-лѣтнимъ), но мы бы остановились на 1618 году, по большинству данныхъ за этотъ именно годъ (см. стр. 138, пр. 36). Мѣсто рожденія Крижаничъ самъ опредѣляетъ: «между Купою и Вуною рѣками, въ уѣздахъ Бихща города, около Дубовца, Озлья и Рибника остроговъ» («Грамматика»). О родителяхъ Крижанича знаемъ немного: отецъ его, изъ рода Крижаничей-Неблюшскихъ, умеръ когда Юрію было 16 лѣтъ (можно ли послѣ этого говорить, какъ г. Бѣлокуровъ и другіе, что Юрій *рано* остался сиротою?); мать его была еще жива въ 1647 году; недостаточно, какъ намъ кажется, отмѣчена забота Юрія о своей бѣдной и престарѣлой матери; въ подробномъ сообщеніи Леваковичу о своей первой миссіи въ Москву Крижаничъ умоляетъ конгрегаціи послать его матери 100 скуди «angor enim pro illa in conscientia, eo quod in senectute sua ingrato genero subdita, ab eo multimode vexetur; et quando maxime spem in me fixerat, coeperamque illam sumptibus adiuvare, tunc nec salutata illa discessi et enim ob festinationem accedere non poteram. Quare timeo ne pro moerore ac fletu conficiatur». Отсюда очевидна необезпеченность семьи Крижанича и понятно, почему Юрій оказался на попеченіи загребскаго клира. Не вполнѣ выясненнымъ остается разногласіе въ показаніяхъ Крижанича о годахъ его ученія. Мы знаемъ, что Крижаничъ первоначальное образованіе получилъ въ Загребской католической духовной семинаріи, затѣмъ совершенствовался въ богословскихъ и философскихъ наукахъ въ хорватскихъ коллегіяхъ Вѣны (1638 г.) и Болоньи (1639—1640 гг.), окончательно же готовился къ роли католиче-

скаго миссіонера среди православныхъ народовъ въ коллегіи св. Аѳанасія въ Римѣ (1641 г.). Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ въ Москвѣ въ Посольскомъ приказѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, Крижаничъ называетъ своего отца «купецкимъ человѣкомъ», а про себя говоритъ, что «дядя свезъ его съ собою» въ Веницѣйскую землю и отдалъ въ г. Падуѣ въ школу учиться на 6 лѣтъ, а послѣ «питалсяде онъ по государствамъ письмомъ, науками и толмачествомъ». Кое-что (напримѣръ, о званіи) записано, можетъ быть, неточно московскими людьми, а кое-что, навѣрно, скрылъ самъ Крижаничъ, боясь произвести сразу дурное впечатлѣніе. А скрылъ онъ про свою теоретическую и практическую подготовку къ дѣятельности католическаго миссіонера сперва среди поселившихся въ Хорватіи православныхъ сербовъ, а затѣмъ — въ Московіи. Какъ представлялъ Крижаничъ себѣ миссію, видно изъ его записки, поданной въ 1641 году Префекту пропаганды Антоніо Барберини (Приложенія, 87 — 126). «Главный интересъ этой записки — говоритъ открывшій ее о. Пирлингъ—заключается въ томъ, что она содержитъ программу, которой Крижаничъ остался вѣренъ до конца своей жизни, несмотря на тяжкія испытанія. Точка опоры его была строго вѣроисповѣдной и тѣмъ опредѣлялась его остальная разнообразная дѣятельность». Подобное же заключеніе дѣлаетъ и г. Бѣлокуровъ: «записка эта представляетъ большую важность для біографіи Крижанича, объясняя всѣ его послѣдующіе шаги и дѣятельность, предначертанные этой запиской и клонившіеся къ опредѣленной цѣли— соединенію Восточной и Западной церквей. Не объ объединеніи славянъ онъ заботится, не интересы славянства у него въ душѣ, а мысль о соединеніи церквей: предъ нами одинъ изъ дѣятелей въ пользу Римской церкви» (144).

Не вдаваясь въ анализъ записки, обнаруживающей серьезное знакомство Крижанича съ предстоящимъ ему дѣломъ, отмѣтимъ лишь два мѣста изъ нея, до нѣкоторой степени измѣняющія столь опредѣленное заключеніе гг. Пирлинга и Бѣлокурова. «Я считаю, — говоритъ Крижаничъ (Приложенія, 116),—москвитянъ не за еретиковъ или схизматиковъ (такъ какъ ихъ схизма происходитъ не изъ настоящаго корня схизмы, не изъ гордыни, а невѣжества); а считаю ихъ за христіанъ, введенныхъ въ заблужденіе по простотѣ душевной. И потому я полагаю, что отправиться для собесѣдованій съ ними не значитъ еще проповѣдовать вѣру (каковое дѣло я никогда бы и не помыслилъ взять на себя), а значитъ *лишь увѣщевать ихъ къ добродѣтелямъ, къ наукамъ и искусствамъ*, по введеніи

каковыхъ было бы уже болѣе легкимъ дѣломъ *указать имъ заблужденіе и обманъ, что и составить задачу уже иныхъ (мужей)»*. Второе мѣсто еще болѣе характерно. «*Я мало озабоченъ* — продолжаетъ онъ (Приложенія, 118) — *должны ли москвитяне перейти отъ греческаго обряда къ римскому* или замѣнить употребленіе языка русскаго греческимъ или латинскимъ, такъ какъ святою церковью уже допущены эти различія обрядовъ и языковъ. Единственное, что нужно для спасенія москвитянъ, есть выясненіе имъ заблужденія грековъ и пересмотръ ихъ переводовъ (книгъ) и исправленіе таковыхъ, если въ томъ встрѣтится надобность». Ставимъ вопросъ: нельзя ли въ этихъ выдержкахъ видѣть уваженіе Крижанича къ обѣимъ церквамъ (не таково отношеніе Крижанича лишь къ протестантамъ и кальвинистамъ), заботу его о выясненіи всякаго рода заблужденій съ цѣлью сближенія церквей (чему и мы не можемъ не сочувствовать), а главное—нельзя ли его миссію назвать скорѣе просвѣтительной, чѣмъ религіозной, хотя, конечно, вообще міровоззрѣніе людей XVII вѣка было не лишено и религіознаго характера? Отъ того или другого рѣшенія этого вопроса зависитъ и освѣщеніе нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ фактовъ біографіи Крижанича. Только черезъ 5 лѣтъ послѣ этой записки Крижаничу удается сдѣлать первый шагъ по намѣченному пути и то съ огромными затрудненіями, разсказанными имъ въ сообщеніи Левановичу отъ 9 апрѣля 1647 года (Приложенія, 143 и сл.). Документы изъ архива конгрегаціи пропаганды вѣры говорятъ не только о томъ, какъ Крижаничъ учился въ коллегіи св. Аѳанасія греческому языку, потомъ уѣхалъ къ валахамъ загребской епархіи (1642), учительствовалъ въ загребской семинаріи (1643), священствовалъ въ приходѣ Недѣльцахъ (1644) и Вараждинѣ (1645), но и о постоянномъ стремленіи Крижанича къ болѣе широкой дѣятельности и о препятствіяхъ, чинившихся этому стремленію въ конгрегаціи. Почему г. Бѣлокуровъ не останавливается на вопросѣ — какъ это Крижаничу, человѣку, обладавшему такими огромными умственными и нравственными силами, не только не помогаютъ, но постоянно затрудняютъ миссію? Или изслѣдователь довольствуется предположеніемъ самого Крижанича, что прелаты нашли его намѣреніе «или вздорнымъ и неосуществимымъ, или гордымъ, или плутовскимъ, или придуманнымъ ради почестей или ради скитанія и собиранія денегъ» (Прил., 178)? Предыдущіе изслѣдователи могли обойти этотъ вопросъ, но г. Бѣлокуровъ, имѣя новые документы, долженъ былъ на немъ остановиться. Мы лично находимъ объясненіе этихъ затрудненій Крижа-

нича въ томъ, что онъ былъ «не такъ твердый латынникъ» и что его національно-религіозные идеалы были слишкомъ широки для коллегіи пропаганды вѣры. Трагизмъ положенія Крижанича состоялъ именно въ томъ, что онъ не могъ быть вполнѣ искреннимъ ни съ конгрегаціей пропаганды вѣры, ни съ московскимъ царемъ: нетерпимость ихъ была слишкомъ сильна; угождая обѣимъ сторонамъ и вмѣстѣ сохраняя частицу самостоятельности, Крижаничъ естественно не внушалъ къ себѣ довѣрія. Въ другое время и, можетъ быть, въ другой средѣ его дѣятельность не была бы такъ безплодна.

Хронологія и топографія дальнѣйшей дѣятельности Крижанича теперь хорошо установлена. Въ 1646 году Крижаничъ былъ въ Вѣнѣ, Краковѣ, Варшавѣ (интересовался здѣсь особенно «русскимъ обрядомъ», за что и получилъ упрекъ епископа смоленскаго; кромѣ того, Крижаничъ здѣсь встрѣтился съ московскимъ дипломатомъ Герасимомъ Дохтуровымъ и развилъ ему планъ своей дѣятельности въ Москвѣ, который онъ потомъ повторилъ и въ письмѣ къ царю). 1647 годъ Крижаничъ провелъ въ Смоленскѣ въ непріятныхъ пререканіяхъ съ еп. смоленскимъ и съ о. Львомъ Флегеномъ; въ концѣ этого года (съ 25 октября по 19 декабря) онъ побывалъ, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ Техановича и Паца, въ Москвѣ, видѣлся, кажется, съ патріархомъ московскимъ Іосифомъ и царемъ Алексѣемъ (объ нихъ онъ даетъ сочувственный отзывъ) и закупилъ кое-какія книги, между прочимъ, Кириллову книгу (изд. въ Москвѣ 1644), о которой потомъ не разъ упоминаетъ, подъ другимъ заглавіемъ, въ своей перепискѣ съ конгрегаціей, намѣреваясь написать на нее возраженіе. Въ 1648 г. Крижаничъ былъ снова въ Варшавѣ, на пути въ Римъ, но его задержала болѣзнь, затянувшаяся и на 1649 годъ. Въ виду заявленія Петра Сарацина изъ Варшавы отъ 17 ноября 1648 г., что «о Крижаничѣ не имѣю ничего новаго», остается подъ вопросомъ, гдѣ и какъ болѣлъ Крижаничъ 1648—1649 г.

Въ 1650 г. Крижаничъ былъ въ Константинополѣ съ посломъ «римскаго царя» (подробный маршрутъ найденъ въ Вѣнскомъ Архивѣ; см. 153 стр.) въ качествѣ его «капеллана и итальянскаго секретаря»; въ слѣдующемъ году Крижаничъ былъ въ Вѣнѣ, а отсюда отправился въ Римъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ постоянныя упоминанія о немъ до 1658 года; разъ только, въ 1657 году, онъ выѣзжалъ въ Венецію, во время пребыванія тамъ русскаго посольства; Крижаничъ интересовался этимъ посольствомъ, имѣя, можетъ быть,

въ виду вскорѣ отправиться въ Московское государство. Но, какъ и прежде, Крижаничу не торопились поручать миссіи. Онъ принималъ участіе въ занятіяхъ Иллирской конгрегаціи св. Іеронима, писалъ апологію католицизма, переводилъ на латинскій языкъ «схизматическія сочиненія»—но для конгрегаціи пропаганды вѣры всего этого было мало: ея члены видѣли въ Крижаничѣ «cervello torbido e stravagante» и отъ миссіи его не ожидали пользы. По постановленію 26 января 1658 г. рѣшено «помочь бѣдности Крижанича какой-либо стипендіей, чтобы онъ могъ здѣсь въ Римѣ докончить начатые уже труды противъ схизматиковъ».

Крижаничъ не выдержалъ и, вопреки декрету, самовольно направился въ Москву, выставивъ предлогомъ слѣдующую *простительную* цѣль (это все противъ основной тенденціи г. Бѣлокурова): «выѣхалъ я работать вамъ, великимъ государемъ, по своей наукѣ. Слышано бо у насъ было, что тогда заводилося здѣ философское ученіе, и я мыслилъ школы разредити и учити, и наукы на словинской языкъ превести, и сей же мой природный языкъ отъ многаго закаленіа очистити, освитлати и обогатити. А того мнѣ всего не было можно гдѣ инде неже зде доказати. Инде бо ни книгъ словинскихъ, ни языку своему въ народнихъ владическихъ дѣлехъ мѣста нѣтъ. И за то я хотящи въ семь язику, что добра доспѣти, по нужи есмь симо пришелъ: я бо отъ дѣтинства своего, оставивши печали о всякомъ иномъ житіа устроеніи, удался есмь всимъ сердцемъ на едино мудростно исканіе и на нашего скаженого, а правѣе згубленого язика изправляніе, свитланіе и совершаніе, и на своего и всенароднаго ума окрашаніе» (челобитная Крижанича царю Θеодору Алексѣевичу въ 1676 г. см. Бѣлокуровъ, 156—157 и 259—260. То же говоритъ Крижаничъ и въ просьбѣ, поданной конгрегаціи въ 1682 г. см. Приложенія, 279). Не усиливаетъ ли это новое свидѣтельство тѣхъ заявленій Крижанича о своихъ политико-національныхъ цѣляхъ, которыя были не разъ извлекаемы изъ его сочиненій («Политика», «о Промыслѣ» и пр.) предыдущими изслѣдователями другого, чѣмъ г. Бѣлокуровъ, взгляда на дѣятельность Крижанича?

Сочиненія самого Крижанича и документы, найденные г. Бѣлокуровымъ въ столбцѣ Московскаго Главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, позволяютъ съ достаточной точностью прослѣдить путь Крижанича на Цесарскую землю на г. Вѣну, изъ Вѣны Цесарскою и Венгерскою землею на Будинъ и затѣмъ на польскіе города—Перемышль, Львовъ, Дубну, Корецъ—и на чер-

касскіе (малороссійскіе)—Паволочь, Лѣшанку, Переяславль, Нѣжинъ (здѣсь онъ пробылъ 5 мѣсяцевъ у нѣжинскаго протопопа Максима и выказалъ себя какъ горячій сторонникъ Москвы), Путивль и, наконецъ, Москву, куда онъ прибылъ 17 сентября 1659 года. Остается пока неизвѣстнымъ, что дѣлалъ Крижаничъ во время остановокъ по дорогѣ. Несохранилась также отписка кн. Трубецкого изъ Путивля отъ 5 сентября 1659 г. «О выходцѣ сербенинѣ Юрьи Ивановѣ сынѣ Билишка» (Б. 259 стр.). А отъ нея можно было бы кое-чего ожидать для выясненія милостиваго пріема Крижанича въ Москвѣ. Послѣ обычнаго допроса въ Посольскомъ приказѣ (о характерѣ показаній говорено выше) Крижаничъ получилъ обычную дачу «на пріѣздѣ»—«сукно аглинское да таету, добрые, да сорокъ куницъ». Вскорѣ по пріѣздѣ Крижаничъ подалъ нѣсколько меморіаловъ; прежде всего—1) Pûtno opîsanie ot Levówa do Móskwi, 2) Besída ko Czirkásom wo osobi Czirkása upîsana, 3) Usmotrenie o Carskom Weliczestwu (Напечатаны въ I в. Собр. Соч. Юрія Крижанича. М. 1891 и въ русскихъ копіяхъ у г. Бѣлокурова, Приложенія 28—38 стр.). Совершенно правъ г. Бѣлокуровъ, доказывая, что эти сочиненія не переняты у Крижанича (какъ одно время думали), а поданы имъ самимъ (доказательствомъ можетъ служить собственное показаніе Крижанича. См. 259 стр.), и затѣмъ что Бесѣда ко черкасомъ и Усмотрѣніе о Царскомъ Величествѣ, по тѣсной логической связи, составляютъ одно цѣлое. Совершенно новымъ является найденный г. Бѣлокуровымъ «Списокъ съ сербского письма, каково подалъ въ Посольскомъ приказе выходецъ сербенин Юрьи Биштъ в нынешнем во 168-м году сентября въ 27 день» (173—176 стр.). Въ этомъ письмѣ Крижаничъ молитъ московскаго царя «названи быти историкомъ лѣтописцомъ», предлагаетъ «написати отвѣтъ противъ дьявольской облуде (именно противъ распространяемыхъ поляками слуховъ, будто въ Московскомъ государствѣ нѣтъ «ни единой вольности», но паче есть пущее тиранство и нанужнейшая работа и житіе в сем царстве есть горше, негли жити во египетской работе или во вавилонском служеніи или в турскем неволстве» — выраженіе, которое, замѣтимъ отъ себя, почти буквально повторяется въ Pûtno opisanie) да познаютъ черкасы тягость своего греха і впредь да не отступят, и иноплеменницы да обличат і возненавидят ложь, и домородницы укрепятся в вѣрності»; далѣе Крижаничъ предлагаетъ написать сочиненіе «О царскемъ имянованіи», въ виду того, что не всѣ московскаго царя правильно титулуютъ; онъ готовъ послужить, обладая достаточными знаніями, и въ дѣлѣ

устройства царской библіотеки, въ качествѣ переводчика полезныхъ книгъ, издателя грамматики и лексикона славянскихъ; наконецъ, онъ видитъ нужду въ изданіи славянской библіи «безъ блудковъ, чисто». Съ этими мыслями и намѣреніями Крижанича мы встрѣчаемся и въ другихъ его сочиненіяхъ (напримѣръ, въ запискѣ 1641 года): что для насъ служитъ доказательствомъ его искренности и убѣжденности. Но добиться Крижаничу въ Москвѣ ничего не удалось, такъ какъ 8 января 1661 года состоялся указъ объ его отправленіи въ Сибирь. Что было причиной ссылки, остается темнымъ до сихъ поръ; никакихъ документальныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса сейчасъ нѣтъ. Въ челобитной Крижанича 1676 г.—есть его личныя показанія: «въ 169 году былъ блаженнопамятнаго государя отца твоего указъ, чтобы всякихъ иноземцевъ холостыхъ и нововыѣзжихъ съ Москвы свести; и я въ той же списокъ былъ написанъ и по немъ въ Сибирь свезенъ. А прилучила же ся на меня и другая причина. Нѣкій бо господинъ меня объ нѣкоемъ дѣлѣ спросилъ, и когда я мыслилъ наилутче отвѣчать и изъ чистаго (вѣсть Христосъ) сердца полезну рѣчь произнести, тогда за мои грѣхи лучилося мнѣ погрѣшить и отвѣщать нѣкое глупо слово, изъ котораго слова онъ господинъ на меня сумню завзялъ; а, чаю, онъ объ моемъ прежнемъ раденью не вѣдалъ. И за то слово я въ ссылкѣ 15 лѣтъ довольно бѣдности и муки претерпѣлъ» (Б. 182—183 и 261 стр.). Г. Бѣлокуровъ не довѣряетъ этому показанію, въ виду того, что такого указа 169 года неизвѣстно и что самъ Крижаничъ въ другое время говорилъ «а за что сосланъ—того не вѣдаю». Мы же, не имѣя другихъ данныхъ, остановились бы на этомъ показаніи и приняли бы «нѣкое глупое слово» за причину ссылки. Въ подтвержденіе можно было бы привести одно мѣсто изъ «Толкованія историческихъ пророчествъ» (Собр. соч. III, 19), гдѣ Морозову и Ртищеву противопоставляется нѣкто, «јиже нас, за таково наше всему народу преславно и препотребно радинје (обличеніе луторской и кальвинской ереси), разнито томляше и изганяше: и кньиги къ тому доброму дѣлу потребны у насъ јест отнел, и къ Москве (?) послал: глупо мьнещи, великого Государя опалу на нас тим побудити».

Мѣстомъ ссылки Крижанича былъ г. Тобольскъ. Здѣсь, на царскомъ «корму», не входя ни съ кѣмъ въ близкія отношенія, Крижаничъ прожилъ 15 лѣтъ, занимаясь почти исключительно литературными работами самаго разнообразнаго характера; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ; нѣкоторыя до

сихъ поръ еще не найдены, какъ напримѣръ, соч. «о Китайскомъ торгѣ». Мы не будемъ касаться этихъ сочиненій, ибо г. Бѣлокуровъ ихъ почти только перечисляетъ, а если и характеризуетъ, то съ чужихъ словъ, но замѣтимъ, что разборъ ихъ (возможный послѣ того какъ они будутъ цѣликомъ и исправно напечатаны) дастъ не малый матеріалъ и для біографіи Крижанича, раскрывъ и кругъ его знаній, и степень его оригинальности, и широту его замысловъ. Не считаемъ возможнымъ дѣлать опредѣленныхъ выводовъ и изъ «Смертнаго разряда» (Духовное завѣщаніе) Крижанича по краткому пересказу (Бѣлокуровъ, 233), тѣмъ болѣе что г. Безсоновъ иначе резюмируетъ содержаніе этого завѣщанія: «Разобщенный со всѣми, онъ (Крижаничъ) твердитъ только объ *единеніи* славянъ — литературномъ по языку, церковномъ по вѣрѣ, политическомъ по Россіи» (Приложенія, 7).

Суровый климатъ, одиночество, упорные труды должны были изнурить Крижанича, и онъ умоляетъ отпустить его «на волю» (Litterae pro liberatione). Надъ нимъ смилостивился новый царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и онъ, вмѣстѣ съ другими ссыльными, «поѣхалъ къ Москвѣ марта въ 5 день 1676 года».

Вернувшись въ Москву, Крижаничъ уже не билъ челомъ о поверстаніи въ службу, а, перечисляя свои заслуги передъ московскимъ царемъ, просилъ отпустить его за предѣлы Московскаго государства: «и что ја глух, и немощен, и твоему величеству къ службе негоден и ненадобен» (Челобитная Крижанича отъ 9 октября 1676 года). Но его не отпускаютъ до апрѣля 1677 года. Промедливъ нѣсколько мѣсяцевъ и тѣмъ вызвавъ новые допросы, Крижаничъ выѣхалъ изъ Москвы въ октябрѣ 1677 года съ датскимъ посланникомъ Габелемъ.

Въ началѣ 1678 года Крижаничъ прибылъ въ Вильну и вступилъ здѣсь, подъ именемъ Августина, въ орденъ св. Доминика. Въ Вильнѣ онъ доканчивалъ свое сочиненіе Historia de Sibiria, не потерявшее значеніе до сихъ поръ, и отдыхалъ. Съ доминиканцами Крижаничъ не поладилъ и сталъ хлопотать объ отпускѣ его въ Римъ, но они его не пускали. Въ Варшавскомъ нунціи онъ также не встрѣтилъ поддержки: «молчи, я не могу тебя слушать: ты отлученъ» — былъ отвѣтъ нунція (Б. 286). Тогда Крижаничъ пишетъ прямо секретарю конгрегаціи пропаганды и членамъ конгрегаціи слезное моленіе о разрѣшеніи ему прибыть въ Римъ (Приложенія, 265—281). Конгрегація, декретомъ 9 мая 1682 года, дала ему это разрѣшеніе, имѣя въ виду узнать отъ него о московской миссіи; но начальство

Доминиканскаго ордена 24 іюля 1683 года какъ бы отмѣнило это постановленіе, предложивъ Крижаничу «in scriptis omnia quae vel S. Congregationi vel nobis P. U. putat esse scitu necessaria» (Б. 290 изъ «Русской Старины» 1901 № 2). Подалъ ли Крижаничъ свой отчетъ (въ чемъ не сомнѣвается г. Бѣлокуровъ) и, если подалъ, то гдѣ онъ теперь находится, неизвѣстно. Это требованіе ордена не могло уже остановить Крижанича: онъ былъ на пути въ Римъ. Но не доѣхавъ до цѣли, Крижаничъ «при осадѣ Вѣны, находясь въ польскомъ войскѣ, палъ въ сраженіи». Таково послѣднее извѣстіе о Крижаничѣ, извлеченное изъ соч. Витсена: «Noord en Oost Tartaryen» (I, 115). Польское войско прибыло въ Вѣну 1 сентября, слѣдовательно, Крижаничъ могъ умереть не ранѣе 2 сентября, когда происходило сраженіе съ турками.

Заканчиваетъ г. Бѣлокуровъ свое сочиненіе словами, въ которыхъ трудно не замѣтить осужденія «суетной и плачевной» жизни Крижанича: «Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, остававшійся вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняетъ его сердце, не славянствомъ полна его душа... Всѣ его политико-экономическія и др. сочиненія имѣли одну цѣль — пріобрѣсти бóльшее довѣріе, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать ad majorem Dei gloriam»... (292). Эта точка зрѣнія, какъ мы видѣли и выше, проведена г. Бѣлокуровымъ черезъ всю біографію Крижанича. Не будучи, по существу своему, новой, она доведена г. Бѣлокуровымъ до крайности; даже М. И. Соколовъ, къ которому наиболѣе приближается по своему взгляду г. Бѣлокуровъ, не отрицаетъ въ Крижаничѣ горячаго желанія блага славянству во главѣ съ Русью («Новооткрытое сочиненіе Крижанича о соединеніи церквей». Ж. М. Нар. Пр. 1891, № 5, стр. 54—56).

Подобнаго рода увлеченіе г. Бѣлокурова можно объяснить только тѣмъ, что онъ отдѣлялъ личность Крижанича отъ его сочиненій и отъ его эпохи. Въ оцѣнкѣ личности Крижанича нельзя, по нашему мнѣнію, безусловно опираться ни на документы конгрегаціи пропаганды вѣры, ни на случайныя выдержки изъ сочиненій самого Крижанича: мы уже видѣли, что тѣ же документы можно толковать иначе, чѣмъ г. Бѣлокуровъ, и однѣмъ выдержкамъ всегда можно противопоставить и, дѣйствительно, противопоставляются другія. Личность Крижанича нельзя отдѣлить отъ того, что онъ сдѣлалъ во благо славянства и Россіи; не его вина, если этими трудами въ свое время мало воспользовались.

«Првыј и един из моего народа појавихся некористен мудрости

искатель: и за сеј мој подвиг, въ бѣдности преживох, или паче згубих вес свој временныи живот»—писалъ Крижаничъ въ своей челобитной 1676 года—и мы вѣримъ ему, сочувствуемъ и, во всякомъ случаѣ, скорѣе жалѣемъ его, чѣмъ осуждаемъ.

А. Липовскій.

Замѣтки о Пушкинѣ.

(«И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903»).

Извѣстная книга проф. И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина» (Спб. 1903) даетъ много новаго для исторіи творчества и жизни поэта, но при всемъ своемъ значеніи въ пушкинской литературѣ трудъ пр. И. А. Шляпкина поселяетъ въ читателѣ не мало недоумѣній; спеціальная критика должна исправить всѣ неточности и ошибки, перенесеніе которыхъ изъ книги пр. И. А. Шляпкина въ труды другихъ изслѣдователей было бы крайне не желательно. Эта книга даетъ поводъ поставить нѣсколько общихъ вопросовъ по «пушкиновѣдѣнію». Съ особенной настойчивостью долженъ быть поднятъ и разрѣшенъ вопросъ о «ненаписанныхъ» стихотвореніяхъ. Другой важный вопросъ, возбуждаемый разсужденіями пр. И. А. Шляпкина, — о біографическомъ элементѣ въ стихахъ А. С. Пушкина, о правильности нашихъ утвержденій о посвященіи тому или другому лицу различныхъ стихотвореній Пушкина. На мнѣніяхъ пр. И. А. Шляпкина по этимъ двумъ вопросамъ мы останавливались въ статьяхъ «Ненаписанныя стихотворенія Пушкина» (Историческій Вѣстникъ, 1904, январь) и «Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина» (Вѣстникъ Европы, 1904, январь). Настоящія же замѣтки касаются частностей труда пр. И. А. Шляпкина. Первая изъ нихъ вызвана сомнѣніями объ окончательной редакціи отрывка «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла», а вторая содержитъ исправленія и дополненія къ комментаріямъ пр. И. А. Шляпкина на черновыя письма Пушкина и на письма къ Пушкину. Въ этихъ комментаріяхъ не мало ошибочнаго и возбуждающаго недоумѣнія.

I.

Къ отрывку «На холмахъ Грузiи лежитъ ночная мгла» (1829).

Отрывокъ «На холмахъ Грузiи лежитъ ночная мгла» написанъ Пушкинымъ во время путешествiя на Кавказъ въ 1829 году. Онъ находится въ рукописной тетради, заведенной поэтомъ во время этого путешествiя и наполненной, главнымъ образомъ, произведенiями, относящимися къ этому путешествiю. Въ этой тетради отрывокъ датированъ 15 мая и находится рядомъ со стихотворенiемъ «Калмычкѣ», имѣющимъ помѣту 22 мая 1829. Такимъ образомъ дата устанавливается точно и несомнѣнно. Г. Шляпкинъ напечаталъ этотъ отрывокъ по черновой музейной тетради и по автографу, который онъ нашелъ въ Берлинской Королевской библiотекѣ. И. А. Шляпкинъ пытается ввести нѣчто новое по поводу этого стихотворенiя: во-первыхъ, онъ подрываетъ хронологiю стихотворенiя, а во-вторыхъ, объявляетъ окончательной берлинскую редакцiю.

Мы видѣли, что извѣстная намъ дата не допускаетъ сомнѣнiй, а между тѣмъ г. Шляпкинъ вноситъ свои подозрѣнiя: передъ стихотворенiемъ онъ ставитъ «май 1829?», а заканчивая комментарiй, сообщаетъ, что оно вошло въ изданiя «съ помѣтой 15 мая 1829 года — не 1830 ли?» Всякое предположенiе должно имѣть какiя-либо, пусть даже ошибочныя основанiя для своего возникновенiя, но г. Шляпкинъ не даетъ никакого ключа къ своей догадкѣ. Мы совершенно отказываемся понять мотивы предположенiя г. Шляпкина и думаемъ, что издателю не слѣдовало бы плодить недоумѣнiй въ своемъ читателѣ. Еще одно соображенiе: въ маѣ 1830 года Пушкинъ былъ въ Петербургѣ. Отрывокъ имѣетъ, несомнѣнно, автобiографическое значенiе. Врядъ ли бы Пушкинъ, находясь въ 1830 году въ Петербургѣ, сталъ писать: «Шумитъ Арагва предо мной»? Этимъ стихотворенiемъ поэтъ запечатлѣлъ совершенно опредѣленный моментъ своей жизни.

Отрывокъ напечатанъ при жизни Пушкина въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1831 годъ. Эту редакцiю, единственную напечатанную поэтомъ при жизни и вошедшую въ наши изданiя, мы должны принимать за окончательную. Г. Шляпкинъ предлагаетъ считать окончательной берлинскую редакцiю; такое мнѣнiе, если бы оно оказалось вѣрнымъ, должно бы повести къ важнымъ измѣненiямъ въ текстѣ сочиненiй Пушкина. Издатели Пушкина обязаны были бы

вмѣсто печатаемаго нынѣ текста печатать берлинскую редакцію. Подобное заявленіе должно имѣть за собой вѣскія основанія въ особенности, потому что мы имѣемъ печатный текстъ, установленный самимъ поэтомъ. Къ сожалѣнію, въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Шляпкинъ опирается только на результаты произведеннаго имъ эстетическаго анализа стихотворенія. Эстетическій анализъ—дѣло трудное, требующее особенныхъ дарованій, художественнаго чутья въ томъ, кто къ нему приступаетъ. Нужно сознаться, что анализъ совершенно не удался г. Шляпкину и не обнаружилъ наличности художественнаго пониманія. Для того, чтобы читатель могъ въ совершенствѣ оцѣнить этотъ анализъ, приведемъ параллельно обѣ редакціи: на лѣвой сторонѣ — берлинскую, на правой — печатную:

На холмы Грузіи ночная тѣнь легла,	На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла...
Шумитъ Арагва предо мною.	Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла,	Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,	Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... мечтанья моего	Тобой, одной тобой!... Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,	Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце живо вновь и любитъ—отъ того,	И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.	Что не любить оно не можетъ.

Въ печатной редакціи вполнѣ выдержанъ основной тонъ стихотворенія. Поэтъ необыкновенно тонкими штрихами рисуетъ одинъ моментъ — печаль любви, нераздѣленной или неудавшейся. Это— особая печаль, свѣтлая и легкая; ничто не мучитъ, не развлекаетъ этого состоянія печали — унынія; и именно потому, что не мучитъ и не развлекаетъ, сердце вновь горитъ и любитъ. И вотъ что нашелъ возможнымъ написать г. Шляпкинъ: «Слова печатной редакціи: «Мнѣ грустно и легко» какъ-то не ладили со словами: «Унынья моего ничто не мучитъ, не тревожитъ». Унынье—такая вещь, которая не легко переносится. Слова «Не мучитъ, не тревожитъ» нейдутъ къ дальнѣйшимъ: «И сердце вновь горитъ». Вотъ почему намъ лично берлинская редакція кажется лучшей». Что же сказать о такомъ анализѣ? Остается только удивляться, почему г. Шляпкинъ не продолжалъ анализа и не укорилъ Пушкина въ безсмысленномъ сочетаніи двухъ противорѣчивыхъ понятій: «мнѣ грустно и легко» и «печаль моя свѣтла»? Ну, въ самомъ дѣлѣ, печаль не такая

вещь, которая бы заключала въ себѣ свѣтъ, а въ грусти нѣтъ ничего легкаго! Думаемъ, что соображенія пр. И. А. Шляпкина не доставятъ хлопотъ издателямъ Пушкина; по прежнему мы будемъ читать, какъ окончательную, нынѣшнюю печатную редакцію, а берлинская редакція помѣстится въ примѣчаніяхъ, какъ первоначальный набросокъ.

Къ кому относится это стихотвореніе? Изданія относятъ его къ женѣ поэта Н. Н. Гончаровой (см. изд. 1882, II, 412; литер. фонда II, 66). Это — одно изъ тѣхъ предположеній, которыя не имѣютъ за собой фактическихъ подтвержденій. Черновыя стихотворенія, напечатанныя г. Шляпкинымъ по рукописи Румянц. Музея № 2382 л. 107_2, позволяютъ намъ окончательно исключить возможность пріуроченія стихотворенія къ женѣ поэта [1]). За извѣстными намъ восемью строками идутъ слѣдующіе наброски (въ скобкахъ зачеркнутое).

Прошли забытые
Дни многихъ лѣтъ
Гдѣ вы (знакомыя) безцѣнныя созданья
Иные далеко, иныхъ ужъ въ мірѣ нѣтъ
(Вновь, я снова) Я твой по... я вновь тебя люблю
И безъ надеждъ и безъ желаній
(Безъ темной ревности)
Чистая моя любовь
И (тихій жаръ моихъ) пышность дѣвственныхъ мечтаній

Со мной одни воспоминанья.

Эти фразы о возрожденіи прежней любви, связанныя съ воспоминаніями о прошломъ («я твой по... я вновь тебя люблю»—), не могутъ относиться къ Н. Н. Гончаровой; въ отношеніяхъ Пушкина къ ней еще не было прошлаго. Пушкинъ былъ въ это время страстно влюбленъ въ нее; передъ отъѣздомъ на Кавказъ въ 1829 году онъ сдѣлалъ черезъ Ѳ. Толстого ей предложеніе и получилъ отказъ. Вотъ ужъ о любви своей къ Н. Н. Гончаровой поэтъ не могъ сказать, что онъ любитъ «безъ желаній»! Но къ кому же тогда можно отнести

1) Кстати, почему г. Шляпкинъ, точно воспроизводящій черновую, не привелъ даты «15 мая», которая совершенно опредѣленно дана въ «Описаніи пушкинскихъ рукописей» В. Е. Якушкина, Русс. Стар. 1884, ноябрь 371.

это стихотвореніе? Вопросъ остается открытымъ, и, по всей вѣроятности, представитъ не мало затрудненій для біографовъ. Во всякомъ случаѣ, нашъ отрицательный выводъ даетъ біографическую черточку и имѣетъ значеніе.

II.

Замѣтки къ письмамъ.

Для біографіи Пушкина весьма цѣнны напечатанныя въ 2 и 3 отдѣлахъ книги пр. И. А. Шляпкина черновыя письма Пушкина къ разнымъ лицамъ и найденныя въ его бумагахъ письма къ нему. Изслѣдователю Пушкина часто придется прибѣгать къ этимъ матеріаламъ, и поэтому намъ кажется нелишнимъ исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ комментаріи И. А. Шляпкина, и кое-гдѣ сдѣлать къ нимъ дополненія.

Во второмъ отдѣлѣ г. Шляпкинъ напечаталъ 32 черновыхъ письма къ Пушкину. Это число нужно будетъ уменьшить. Нельзя же, напримѣръ, занумеровывать такое письмо: «Милостивая Государыня Матушка Наталья Ивановна, вчера получили мы письмо Ваше и сердечно благодаримъ Васъ за»? Любопытно то, что И. А. Шляпкинъ нашелъ нужнымъ датировать и это «письмо», но еще курьезнѣе описаніе бумаги, на которой оно написано: «среди письма изображенъ котъ, а пониже два портрета-рисунка перомъ: вѣроятно *Гёте въ молодости и старости*». Необходимо видѣть приложенныя факсимиле, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить это странное и безпричинное предположеніе, что два безцѣльно набросанныхъ этюда головы являются портретами Гёте въ молодости и старости. Но это не такъ важно. Изъ числа черновыхъ писемъ нужно выбросить ту сдѣланную Пушкинымъ для своей журнальной работы выписку изъ сочиненій Вольтера, которую г. Шляпкинъ напечаталъ подъ видомъ письма къ А. О. Смирновой. Эта ошибка издателя была уже указана въ печати, и мы не будемъ подробно разъяснять ее: достаточно посовѣтовать изучающимъ книгу г. Шляпкина просто перечеркнуть «письмо» и примѣчанія къ нему издателя.

Нѣкоторыя изъ писемъ, напечатанныхъ г. Шляпкинымъ, въ черновомъ видѣ, извѣстны въ бѣловомъ видѣ. Черновики писемъ къ Д. Н. Бантышу и А. Жобару въ виду совершенной ничтожности

варіантовъ являются до нѣкоторой степени балластомъ книги. Весьма незначительный варіантъ представляетъ черновое письмо къ Ишимовой. За то нѣкоторыя черновыя письма къ Бенкендорфу представляютъ весьма любопытные варіанты. А кое-какіе черновики при отсутствіи подлинника являются очень цѣнными. На одномъ изъ нихъ слѣдуетъ остановиться, чтобы исправить нѣкоторыя ошибки комментатора.

И. А. Шляпкинъ напечаталъ написанную Пушкинымъ отъ имени Екатерины Шишковой черновую прошенія графу Уварову. Россійская Академія постановила напечатать сочиненія и переводы покойнаго ея мужа и пріятеля Пушкина Александра Ардаліоновича (а не Александровича, какъ пишетъ г. Шляпкинъ). Цензура не соглашалась на пропускъ переведеннаго имъ *Эгмонта*. Пушкинъ отъ лица Е. Шишковой проситъ разрѣшить изданіе сочиненій Шишкова — «единственнаго наслѣдства, оставленнаго имъ женѣ и семилѣтней дочери» (фраза прошенія). Издатель датируетъ эту черновую: апрѣля — августа 1834. Это невѣрно. Въ прошеніи указано, что Академія рѣшила напечатать сочиненія и переводы, но не приступила еще къ изданію. Постановленіе *состоялось въ 1833 году*, а первая вышедшая въ 1834 году книга этихъ сочиненій имѣетъ цензурное разрѣшеніе отъ 20 декабря 1833 года. Слѣдовательно прошеніе написано въ 1833 году, но въ этомъ году Пушкинъ уѣхалъ 18 августа и возвратился около 20 ноября; надо думать, что прошеніе написано до отъѣзда. Невѣрно также и указаніе издателя на то, что «о просительницѣ Шишковой Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ женѣ отъ 2 іюля 1834 года». Это письмо начинается фразой «Твоя Шишкова ошибается: я за ея Полиной не волочился». Издатель могъ бы усмотрѣть изъ черновой изданнаго имъ прошенія, что дочери Шишкова было всего 7 лѣтъ и слѣдовательно Пушкинъ не могъ за ней волочиться, а изъ сдѣланныхъ имъ же примѣчаній могъ бы видѣть, что дочь Шишкова звали Софьей, а не Полиной.

Особенную цѣнность представляетъ третій отдѣлъ книги г. Шляпкина съ письмами разныхъ лицъ къ Пушкину. Комментаріи къ нѣкоторымъ письмамъ возбуждаютъ большое недоумѣніе.

Г. Шляпкинъ напечаталъ *письмо М. Н. Волконской*, урожд. Раевской; неизвѣстному адресату княгиня, находившаяся въ Сибири, поручаетъ повторить выраженіе ея благодарности Пушкину за эпитафію ея сыну Николенькѣ (Соч., ред. Ефремова, т. II, стр. 212). Когда написана эта эпитафія? Издатель пишетъ: «Эпитафія Пушкина,

посвященная Николаю Волконскому, обыкновенно относимая къ 1827 году, относится несомнѣнно къ 1828 году; этотъ ребенокъ родился 2 или 3 января 1826 года и скончался полутора лѣтъ отъ роду, слѣдовательно въ 1828 году. Такъ выходитъ по запискамъ Волконскаго» (Sic!). Совершенно недоступный нашему пониманію разсчетъ! Даже по этому разсчету смерть мальчика приходится на 1827 годъ, а не на 1828 годъ. Кромѣ того, мы находимъ въ книгѣ С. Г. Волконской «Родъ князей Волконскихъ» (стр. 762) прямое указаніе, что кн. Ник. Серг. Волконскій родился въ 1825 и умеръ въ 1827 году. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній относить эпитафію Пушкина, написанную, надо думать, вскорѣ послѣ смерти, къ 1828 году.

Очень интересныя данныя для біографіи Пушкина, по мнѣнію и комментаріямъ издателя, представляетъ *письмо къ Пушкину какой-то одесской дамы отъ 26 декабря 1833 года.* Подпись неразборчива; г. Шляпкинъ прочелъ ее, какъ «Е. Вибельманъ». Эта дама проситъ Пушкина принять участіе въ альманахѣ, который задумало Новороссійское женское общество призрѣнія бѣдныхъ. «Лица, вліятельныя по своимъ собственнымъ средствамъ или благодаря ихъ связямъ, одобрили идею Альманаха въ пользу бѣдныхъ... Позвольте и мнѣ напомнить вамъ о нашихъ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ... и просить вашей поддержки» — пишетъ эта дама. Это письмо даетъ издателю поводъ построить чрезвычайно заманчивыя и пикантныя предположенія: онъ отказывается считать корреспондентку Пушкина за Вибельманъ и утверждаетъ, что такъ подписалась... графиня Е. К. Воронцова! Въ предисловіи къ книгѣ И. А. Шляпкинъ пишетъ: «подъ маской этого неизвѣстнаго лица чувствуется графиня Е. К. Воронцова, «заплатившая поэту обидой за жаръ души довѣрчивой и нѣжной»». Въ примѣчаніяхъ къ письму онъ далъ ученые аргументы своему предположенію: «О графинѣ упоминается и въ перепискѣ Грота съ Плетневымъ, Спб. 1896, II, стр. 650 и 697 (сравни также письмо въ Одессу къ belle et bonne princesse, напечатанное только у Анненкова, А. С. П. въ Александровскую эпоху, февр. 1814, стр. 516)... Пушкинъ называлъ Воронцову «belvetrille», не отсюда ли и анаграмма: Вибельманъ? (Р. Арх. 1882, № 2, стр. 246). Въ силу всего вышесказаннаго я считаю авторомъ письма графиню Е. К. Воронцову». Все это совершенно не убѣдительно; наоборотъ, вызываетъ большія недоумѣнія. Зачѣмъ г. Шляпкинъ упоминаетъ о письмѣ къ belle et bonne princesse? Онъ, очевидно, хотѣлъ бы адресовать его тоже графинѣ Е. К. Во-

ронцовой, но это письмо напечатано вовсе не только у Анненкова, но и въ изданіяхъ П. А. Ефремова 1882 года, и П. О. Морозова 1887 и въ описаніи рукописей Пушкина, принадлежащемъ Якушкину (Русск. Стар. 1884, іюль, стр. 13). В. Е. Якушкинъ совершенно точно опредѣлилъ, кто такая belle et bonne princesse: это — В. Ѳ. Вяземская, жена кн. П. А. Г. Шляпкинъ извлекъ изъ малодостовѣрныхъ замѣтокъ Россета указаніе на то, что Пушкинъ прозвалъ кн. Воронцову «belvetrille», потому что она въ Одессѣ однажды твердила стихи: «Не бѣлѣютъ ли вѣтрила, не плывутъ ли корабли». Комментаторъ предполагаетъ далѣе, что Вибельманъ получилась, какъ анаграмма «belvetrille». Мы совершенно отказываемся понять, какимъ образомъ изъ belvetrille можно получить анаграмму Вибельманъ! Представьте, читатель, какую трудную задачу задала графиня Воронцова Пушкину! Всѣ эти аргументы И. А. Шляпкина не выдерживаютъ никакой критики. Обращаясь къ содержанію письма, найдемъ въ немъ фразу, которую не могла же написать о самой себѣ гр. Воронцова, самое вліятельное лицо въ Одессѣ: «Лица, вліятельныя по своимъ средствамъ или благодаря ихъ связямъ, одобрили идею альманаха». Сказаннаго совершенно достаточно для опроверженія легенды И. А. Шляпкина о письмѣ неизвѣстной намъ одесской дамы: оказывается, нѣтъ ни одного основанія считать корреспонденткой гр. Воронцову, а собственно мы и не обязаны опровергать всѣ предположенія, для которыхъ предполагающій не даетъ никакой почвы [1]).

А у И. А. Шляпкина какая-то особенная любовь къ подобнымъ безпочвеннымъ предположеніямъ. Напечаталъ онъ многословное *письмо* нѣкоего любителя-мученика литературы *Никанора Иванова*, который проситъ Пушкина о денежномъ пособіи не свыше 150 рублей. Кажется, ясно, кто авторъ, разъ есть подпись, но И. А. Шляпкинъ не хочетъ почему-то считать Никанора Иванова Никаноромъ Ивановымъ. Въ бумагахъ Пушкина онъ нашелъ воззваніе о подпискѣ на сочиненія Ѳ. Я. Кафтарева. «Не Кафтаревъ ли и есть Никаноръ Ивановъ?» — предполагаетъ И. А. Шляпкинъ. Но Никаноръ Ивановъ пишетъ, что ему 20 лѣтъ (письмо отъ 1835 года — слѣд. онъ родился въ 1815 году), а Кафтаревъ въ воззваніи сооб-

1) П. А. Ефремовъ въ статьѣ «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ» (Спб. 1903) дѣлаетъ предположеніе, что письмо написано Е. Вельтманъ. Но врядъ ли подпись на письмѣ слѣдуетъ читать, какъ Вельтманъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, Вельтманъ не значится въ числѣ членовъ этого общества на 1834 годъ, какъ это видно изъ Новороссійскаго календаря.

щаетъ, что «надѣется смягчить несправедливое съ нимъ обращеніе неумолимой судьбы со дня самаго рожденія, т. е. съ 17 февраля 1803 года». Ясно, Кафтаревъ никоимъ образомъ не Никаноръ Ивановъ.

Любопытно напечатанное въ книгѣ проф. Шляпкина, *письмо Н. А. Дуровой* (Александровой), дѣвицы-кавалериста, отъ 7 іюня 1836 года. «Имя, которымъ вы назвали меня, милостивый государь Александръ Сергѣевичъ, — пишетъ Н. А. Дурова, — въ вашемъ предисловіи, не даетъ мнѣ покоя! Нетъ ли средства помочь етому горю... Вы не потерпетѣ ничего черезъ уничтоженіе техъ листовъ, гдѣ вы называетѣ меня именемъ отъ котораго я вздрагиваю, какъ только вздумаю, что 20-ть тысячь устъ его прочитаютъ и назовутъ». Что такъ обидѣло Н. А. Дурову въ предисловіи Пушкина? «Какимъ именемъ, — говоритъ г. Шляпкинъ,—назвалъ Пушкинъ Дурову, которое ей было такъ непріятно, сказать трудно». Дѣло разъясняется просто. Въ предисловіи къ «Запискамъ Н. А. Дуровой», появившемся въ «Современникѣ» (Соч., ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VI, стр. 15), находится эпиграфъ. Онъ-то, очевидно, и взволновалъ такъ Дурову. Этотъ эпиграфъ — «Modo vir, modo foemina. — Ovid.».

П. Е. Щеголевъ.

Польскія періодическія изданія по этнографіи за послѣдніе два года (1900 — 1901).

Первыми польскими учеными, которые обратили вниманіе на важность и необходимость изслѣдованія обычаевъ, нравовъ, пѣсенъ, разсказовъ и вѣрованій простого народа — были: графъ Ѳаддей Чацкій (1765—1813) и ксендзъ Гуго Коллонтай (Hugo Kołłątaj, 1750—1812). Первый изъ нихъ воспользовался извѣстными ему, въ то время еще очень скудными и недостаточными этнографическими матерьялами при составленіи извѣстнаго сочиненія *О литовскихъ и польскихъ правахъ* («O Litewskich i polskich prawach». 1800—1801), второй же, изъ заключенія своего въ Оломунцѣ, въ 1802 году написалъ къ другу своему, краковскому книгопродавцу, Яну Маю (J. Maj) письмо, въ которомъ предлагалъ заняться изданіемъ боль-

шого компедіума польской исторіи, включая въ это изданіе описаніе обычаевъ и нравовъ польскаго народа. Согласно съ этимъ предложеніемъ онъ приложилъ къ своему письму довольно обширную инструкцію для изслѣдователей народныхъ говоровъ, домашней обстановки, одежды, обычаевъ, обрядовъ, игоръ, пѣсенъ и т. под. Этого рода матерьялъ «доставитъ намъ — пишетъ Коллонтай — извѣстія о первичныхъ преданіяхъ (традиціяхъ) и сходствахъ съ древнѣйшими народами».

Копію этого письма послалъ Гуго Коллонтай Ѳ. Чацкому, который прочелъ его въ засѣданіи членовъ Варшавскаго Общества Друзей Наукъ («Warszawskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk»). Фактъ этотъ не остался безъ вліянія. Уже въ 1804 году поименованное общество занялось составленіемъ особой «депутаціи», членамъ которой поручено было въ томъ же году отправиться въ Литву и заняться тамъ собираніемъ среди простого народа матерьяла по языку, нравамъ и обычаямъ. Хотя результаты этой экспедиціи («депутаціи»), судя по дошедшимъ до насъ запискамъ, оказались весьма скудными, однако разъ начатая работа по намѣченному выше пути — продолжалась и — въ эпоху: 1801 до 1809 г. — сосредоточивалась главнымъ образомъ около поименованнаго общества. Въ тоже время и по разнымъ періодическимъ изданіямъ отъ времени до времени появлялись статьи, посвященныя описанію народныхъ обычаевъ и нравовъ съ прибавленіемъ записанныхъ на мѣстѣ пѣсенъ.

Поворотнымъ годомъ въ исторіи польской этнографіи является 1818. Въ этомъ году Адамъ Чарноцкій издалъ подъ псевдонимомъ Зоріяна Доленги Ходаковскаго извѣстное сочиненіе подъ заглавіемъ «О славянствѣ передъ христіанствомъ» (Zorjan Dołęga Chodakowski: «O słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem»; напечатано въ II томѣ изданія подъ заглавіемъ «Ćwiczenia naukowe»). Въ этомъ сочиненіи нашли себѣ полное и яркое выраженіе всѣ неясныя, неопредѣленныя стремленія прежнихъ тружениковъ въ области польской этнографіи. Къ этой новой эпохѣ принадлежатъ уже и обширныя собранія этнографическаго матерьяла, составленныя Вацлавомъ Залѣскимъ («Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego», 1833), Жеготою Паули (1838), Конопкой, Бервинскимъ, Липинскимъ, Рогеромъ, Корнеліемъ Козловскимъ (1867) и другими, а главнымъ образомъ Оскаромъ Кольбергомъ (1814 — 1890), Несторомъ польской этнографіи, котораго собраніе матерьяловъ, начатое печатаніемъ въ 1857 году, до сихъ поръ еще не доведено до конца. Пока напечатано 33 тома.

Всѣ поименованные выше труды, какъ и многіе другіе, представляющіе главнымъ образомъ сырой, необработанный матерьялъ, печатались или отдѣльными книгами — или же появлялись въ журналахъ: «Przyjaciel Ludu» (въ Лешнѣ), «Biblioteka Warszawska» и др. Спеціальныхъ изданій, посвященныхъ исключительно этнографіи, пока еще не было. Лишь съ 1877 года, Антропологическая комиссія, состоящая при естественно-математическомъ отдѣленіи Краковской Академіи Наукъ, стала издавать особую серію изданій подъ заглавіемъ: «*Zbiór wiadomości do Antropologji krajowej*». Какъ показываетъ уже само заглавіе, изданіе это посвящено было антропологіи; но тѣмъ не менѣе оно охотно и въ значительномъ количествѣ печатало на своихъ страницахъ матерьялы по этнографіи, притомъ не только польской, но и малорусской, бѣлорусской и литовской. Изданія этого появилось 18 объемистыхъ томовъ. Оно продолжаетъ появляться и теперь, но съ 1896 года подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ, а именно: «*Materjały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*». Пока вышло пять томовъ. Въ поименованныхъ академическихъ изданіяхъ печатали свои труды по этнографіи слѣдующіе изслѣдователи и собиратели: ксендзъ Вл. Сярковскій, Ст. Цишевскій, Ром. Завилинскій, Сев. Удзѣля, В. Тетмаеръ, А. Петровъ, Ст. Церха, Вл. Косинскій, А. Стопка, Ст. Уляновская, Б. Густавичъ, У. Ростафинскій, Сигизм. Глогеръ, И. Карловичъ и др.

Хотя это академическое изданіе въ значительной степени способствовало оживленію на полѣ польской этнографіи, и хотя, благодаря ему многія сборники матерьяловъ, часто большой цѣны, могли сдѣлаться общимъ достояніемъ цѣлаго ряда польскихъ и заграничныхъ этнографовъ — это изданіе не могло однако замѣнить собою посвященнаго спеціально этнографіи журнала, при посредствѣ котораго собиратели матерьяловъ и особенно изслѣдователи по этнологіи, фольклору и діалектологіи могли бы взаимно помогать себѣ въ болѣе успѣшной разработкѣ собраннаго уже матерьяла. Для этого необходимъ былъ особый органъ, въ которомъ бы печатались и мелкія замѣтки, и рецензіи на этнографическія изданія и книги, и библіографическіе списки — словомъ, органъ, который бы былъ выразителемъ движеній и стремленій въ области научнаго изслѣдованія нравовъ, обычаевъ, вѣрованій и т. д. простого народа.

Для выполненія этого чувствительнаго недостатка въ 1887 году появился въ Варшавѣ особый научный журналъ подъ заглавіемъ «*Wisła*», издаваемый въ продолженіи 12 лѣтъ подъ редакціей за-

служеннаго польскаго этнографа и фольклориста д-ра Яна Карловича[1]). Съ 1900 года издается подъ руководствомъ г. Эразма Маевскаго. Въ «*Вислѣ*» печатаются главнымъ образомъ небольшіе труды по этнографіи, фольклору, діалектологіи;—далѣе замѣтки, рецензіи.

---

1) Когда мы писали эту статью, Карловичъ былъ еще въ живыхъ. Онъ скончался 14 іюня н. ст. 1903 г. Позволю себѣ дать здѣсь краткую біографическую замѣтку и списокъ нѣкоторыхъ сочиненій покойнаго, выдающагося миѳолога, языковѣда и этнографа. Особенно велики заслуги его въ области этнографіи. Онъ справедливо считается родоначальникомъ *научной* польской этнографіи.

Иванъ Карловичъ родился 26 мая 1836 года. Гимназію кончилъ въ Вильнѣ, университетъ въ Москвѣ въ 1857 году со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Затѣмъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ; въ Брюсселѣ занимался музыкой. Въ 1865 году получилъ въ Берлинѣ степень доктора философіи, защитивъ диссертацію подъ загл. «*De Boleslai Primi bello kioviensi*» (напечатано въ 1866 г.). Съ 1868 года оставилъ поприще исторіи и занялся исключительно миѳологіей, языкознаніемъ и этнографіей. Въ 1882 г. для научныхъ занятій снова уѣхалъ въ Гейдельбергъ, Дрезденъ и Прагу чешскую. Возвратившись въ 1887 г., поселился въ Варшавѣ; здѣсь и скончался.

Изъ многочисленныхъ прекрасныхъ научныхъ изслѣдованій Карловича, обращу вниманіе лишь на нѣкоторыя, важнѣйшія. Итакъ: «*O języku litewskim*» («Rozpr. wydź. filol. Akad. Krakow.», II, 1874), «*Słoworód ludowy*» («Dwutygodnik naukowy», 1878), «*Podanie o Walterze z Tyńca*» («Ateneum», 1881), «*O imieniu Polaków i Polski*» («Pamiętn. fizjograficz.», I, 1881), «*O imionacch niektórych plemion i ziem dawnej Polski*» (тамъ же, II, 1882), «*Studja nad treścią i formą polskich pieśni ludowych*» («Prawda, 1882), «*Chata polska, studium lingwistyczno—archeologiczne*» («Pamiętn. fizjograficz.», IV, 1884), «*Mémoire sur l'influence des langues orientales sur la langue polonaise*» (Leide, 1884), «*Germanische Elemente im slavischen Mythus und Brauch*» («Arch. für Religionswissenschaften», 1900), «*Człowiek pierwotny*» (Львовъ, 1903) и много др. Принималъ также весьма дѣятельное участіе въ составленіи и редактированіи Варшавскаго словаря польскаго языка подъ загл.: «*Słownik języka polskiego, pod redakcją Iana Karłowicza, Antoniego Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego*» (съ 1898 года; вышло пока 2 тома и нѣсколько выпусковъ третьяго, до буквы О). Кромѣ того самостоятельно обработалъ и издалъ «*Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia, używanych w języku polskim*» (Краковъ, 1894—1897; два выпуска до буквы К включительно) и «*Słownik gwar polskich*» (издается иждивеніемъ Краковской Академіи Наукъ: I томъ, 1900; II, 1901; III, 1903—до буквы О включительно).

Обстоятельный библіографическій списокъ трудовъ Карловича напечаталъ А. А. Крынскій въ изданіи «Wielka Encyklopedja powszechna ilustrowana»; также отдѣльный оттискъ подъ загл. «*Ian Karłowicz (1836—1903). Zarys życia i prac.* (Варшава, 1903, стр. 27). Ср. также некрологъ А. Калины въ Львовскомъ «Людѣ» («*Lud*»), томъ IX (1903), стр. 312—319.

Лейпцигъ, 10 февр., 1904 г. *Г. Улашинъ.*

Здѣсь находимъ также цѣлый рядъ монографій синтетическаго характера. Тексты иллюстрированы рисунками строеній, одежды (часто раскрашены), предметовъ обыденной жизни; здѣсь же находимъ фотографіи типовъ, мелодіи пѣсенъ и т. под. Изъ сотрудниковъ, кромѣ редактора, назовемъ нѣкоторыхъ: Ром. Завилинскаго, Бронислава Грабовскаго, Л. и Сиг. Василевскихъ, Л. Крживицкаго, Рафала Любича, С. Недзвѣдзка, Адольфа Чернаго, Коротинскаго и др.

Болѣе обширныя собранія матерьяловъ, присылаемыя въ редакцію «*Вислы*», печатаются въ особомъ изданіи подъ заглавіемъ «*Biblioteka Wisły*».

Благодаря «*Вислѣ*» значительно увеличилось число тружениковъ въ области этнографіи; возросъ также интересъ къ этой наукѣ въ обществѣ, и стали появляться все чаще и чаще статьи, подводящія итоги и извлекающія общія выводы по отдѣльнымъ вопросамъ въ области этнологіи и фольклора на основаніи собраннаго матерьяла. Словомъ наступило замѣтное оживленіе въ этой области научнаго изслѣдованія. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, въ Львовѣ въ 1895 году, благодаря главнымъ образомъ мѣстнымъ этнографамъ, основалось этнографическое общество, которое поставило себѣ цѣлью научное изслѣдованіе польскаго народа и его сосѣдей, а также распространеніе при помощи соотвѣтствующихъ изданій собраннаго матерьяла.

Съ перваго же года поименованное общество стало издавать свой собственный органъ подъ заглавіемъ «*Lud*». Редакторомъ избранъ былъ профессоръ Львовскаго Университета д-ръ Антонъ Калина. Изданіе это уступаетъ «*Вислѣ*» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе и здѣсь находимъ цѣлый рядъ цѣнныхъ и интересныхъ трудовъ и сборниковъ матерьяловъ по этнографіи. Изъ сотрудниковъ назовемъ нѣкоторыхъ: Сев. Удзѣля, Крчекъ, Я. Витортъ, Ив. Франко, Бр. Густавичъ, Я. Свентекъ, Матусякъ, Я. Лецѣевскій, Ст. Здзярскій, Симонъ Гонэтъ, Стжелецкій и др.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію содержанія вышедшихъ въ 1900 и 1901 году поименованныхъ изданій.

Materjały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisji antropologicznej Akademji Umiejętności w Krakowie.

Tom IV. Z 4 tablicami i 28 figurami w tekście. Kraków 1900, in 8⁰, str. XI+125+285.

Tom V. Z 15 tablicami i 13 figurami w tekście. Kraków 1901, in 8⁰, str. IX+93+272.

Каждый изъ приведенныхъ выше томовъ — IV i V — состоитъ изъ двухъ частей съ особой пагинаціей страницъ: изъ части антропологическо-археологической и этнографической. Здѣсь разсмотримъ лишь часть вторую каждаго тома, т. е. этнографическую.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателя на сборникъ матерьяловъ, составленный покойнымъ профессоромъ Краковскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ языковъ Люціяномъ Малиновскимъ и напечатанный подъ заглавіемъ: «Powieści ludu polskiego na Śląsku». Матерьялъ этотъ, собранный авторомъ еще въ 1869 году до конца жизни проф. Малиновскаго, скончавшагося въ Краковѣ 15 января 1898 года, оставался неизданнымъ. Лишь послѣ его смерти по порученію Краковской Академіи Наукъ занялся приготовленіемъ его къ печати бывшій ученикъ покойнаго профессора — д-ръ Янъ Быстронь, который однако успѣлъ приготовить и напечатать лишь часть имѣвшагося матерьяла, а именно собраннаго въ княжествѣ Цѣшинскомъ (Cieszyn — Teschen): томъ IV, стр. 1—80. Болѣзнь и вскорѣ затѣмъ наступившая смерть д-ра Быстроня прекратила его дальнѣйшую работу. Изданіемъ оставшейся части матерьяла, а именно матерьяла собраннаго въ Прусской Силезіи (Śląsk Górny) занялся другой ученикъ проф. Л. Малиновскаго — Романъ Завилинскій. Эта вторая и послѣдняя часть сборника «Powieści ludu polskiego na Śląsku», обнимающая около 300 стр. печати in 8⁰, всецѣло занимаетъ вторую часть V-го тома академическихъ «Матерьяловъ».

Не смотря на утвержденіе д-ра Быстроня, что собранный проф. Малиновскимъ матерьялъ записанъ фонетически самымъ точнымъ образомъ, въ виду нѣкоторыхъ непослѣдовательностей и неточностей въ этомъ отношеніи, нельзя его назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Бо̀льшую поэтому цѣну представляетъ онъ для этнографа, чѣмъ для діалектолога.

Изъ другихъ трудовъ, напечатанныхъ въ четвертомъ томѣ, отмѣтимъ прежде всего обширный и богатый по содержанію — г. Станислава Церхи: «Přzebieczany, wieś w powiecie wielickim» (стр. 81—210), который съ собранными въ тѣхъ же Пжебѣчанахъ, деревнѣ Велицкаго уѣзда въ Галиціи и напечатанными ранѣе тѣмъ же авторомъ «Baśniami ludowemi» (*«Materjały antr.-arch. i etnogr.»* т. I, стр. 51—98) составляетъ одно цѣлое. Въ поименованномъ трудѣ г. Церха весьма точно описываетъ топографію села, приходы гмины, жилища, одежду, хозяйство, обычаи, вѣрованія, предразсудки, народную медицину, знахарство, игры дѣтей, свадьбу, похороны и т. под. Приводитъ также имена, фамиліи, названія, молитвы и пѣсни (нѣкоторыя съ нотами), разсказы, загадки, пословицы и т. под. Трудъ этотъ исполненъ вполнѣ добросовѣстно; расположеніе лишь матерьяла нѣсколько хаотично (напр. «Wróżby» на стр. 117 и 167; «Rok w przysłowiach» на стр. 118—120 и «Przysłowia» на стр. 197—204 и т. под.).

Далѣе находимъ небольшой сборникъ загадокъ, собранныхъ г. В. Працкимъ въ деревнѣ Туровъ, Радзынскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи: «Zagadki ludowe ze wsi Turowa» (стр. 211—216).

Въ непосредственномъ отношеніи къ русской этнографіи находится статья г. Маріяна Куча, состоящая изъ списка пословицъ (всѣхъ числомъ 71), собранныхъ въ окрестностяхъ Витебска, Могилева, Смоленска и Орла, и относящихся къ нѣкоторымъ мѣстностямъ Россійской Имперіи—вмѣстѣ съ ихъ объясненіями: «Przysłowia ludowe z okolic Witebska, Mohylowa, Smoleńska i Orła, dotyczące niektórych miejscowości w cesarstwie Rosyjskim» (стр. 217—225).

Довольно точно представляются записанными разсказы (въ общемъ 43) изъ окрестностей Андрыхова въ западной Галиціи г. Симономъ Гонэтомъ подъ загл.: «Opowiadania ludowe z okolic Andrychowa» (стр. 226—282). Изъ особенностей этого діалекта отмѣтимъ характерную черту утраты ринезма: носовые звуки ę, ą звучатъ какъ чистое *о*, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ съ резонансомъ носоваго гласнаго *m* (м) или *n* (н) напр.: *uozpōdź* = «rozpędź»; *piniōdze* = «pieniądze»; *mōdry* = «mądry».

Послѣдней статьей четвертаго тома Матерьяловъ является статья Леона Магѣровскаго подъ загл.: «Kalendarz puszczania krwi» (стр. 283—285). Г. Завилинскій прибавилъ къ ней объяснительную записку.

Wisła, miesięcznik gieograficzny i etnograficzny, wydawany z częściowej zapomogi kasy pomocy im. Mianowskiego.

Tom XIV. Rok 1900, z XVI tablicami czarn. i 2 kolorow. Warszawa 1900, in 8°, str. VIII+820.

Tom XV. Rok 1901 (pod redakcją Erazma Majewskiego). Z 10-ma tablicami i 43-ma ilustracjami. Warszawa 1901, in 8°, str. X+796.

Обратимъ сначала вниманіе читателя на болѣе обширныя статьи синтетическаго характера. Такъ мы находимъ въ «Вислѣ» три монографіи г. Эразма Маевскаго: «Rodzina kruków w mowie, pojęciach i praktykach ludu polskiego» (XIV, стр. 28—41 и 152—179), «Bez i Hebd» (XIV, 527—596) и «Pszczoła w pojęciach i praktykach ludu naszego» (XV, 424—435). Въ нихъ авторъ описываетъ подробно ворона и пчелу, бузину и гебдъ, съ точки зрѣнія обычаевъ, предразсудковъ, вѣрованій и т. под. простого народа въ Польшѣ. Относительно бузины и гебда (Sambucus nigra L. i Samb. ebulus L.) онъ старается доказать, что растенія эти были уже извѣстны славянамъ въ до-христіанскую эпоху, за нѣсколько столѣтій передъ Р. Х.— Г-нъ В. Налковскій описываетъ съ точки зрѣнія географіи и геологіи часть Карпатскихъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Татръ въ статьѣ подъ загл. «Sfinks tatrzański» (XIV, 631—639), д-ръ К. Бонковскій пишетъ: «O dawnych zabawach cechowych krakowskich» (XV, 285—302). Собственно статья эта посвящена лишь одной забавѣ краковскихъ цеховъ, а именно извѣстной подъ именемъ: «звѣжинецкій конёкъ», загадочное происхожденіе которой старались уже выяснить многіе изслѣдователи. Не смотря на то, что статья г. Бонковскаго проливаетъ много новаго, яркаго свѣта на этотъ весьма интересный обычай и подвигаетъ далеко впередъ его изслѣдованіе, однако все же вопросъ происхожденія «звѣжинецкаго конька» остается еще открытымъ. Дополненіемъ упомянутой выше статьи служитъ замѣтка г. М(аевскаго) подъ загл.: «Drobny przyczynek do artykułu dra K. Bąkowskiego O dawnych zabytkach cechowych» (тамъ же, стр. 748).—Далѣе находимъ статью г. П. Стерлинга: «Przyczynek do badań nad początkiem kultu silnych» (XV, 173—176).

Г-нъ В. Маковскій въ своей статьѣ подъ загл.: «Dożywocie»

(XIV, 241 — 252) старается доказать на основаніи собраннаго имъ среди польскаго населенія этнологическаго матерьяла, относящагося къ вопросу о пожизненномъ владѣніи (dożywocie), что нѣкоторыя формы послѣдняго являются переживаніемъ (przeżytkiem) первобытнаго дикаго обычая умерщвленія старцевъ, какъ неспособныхъ болѣе вслѣдствіе своей дряхлости и преклонныхъ лѣтъ къ труду.

Прекрасно исполненное изслѣдованіе г. И. Радлинскаго о юдаистическо-христіанскихъ апокрифахъ — «Apokryfy judaistyczno-chrześcijańskie» — служитъ введеніемъ въ польскую апокрифическую литературу (XV, 184 — 196; 303 — 316; 435 — 447). Статья г. Вл. Олехновича подъ загл.: «Rasy Europy i wzajemny ich stosunek dziejowy» (XV, 541—565; 683—709) обоснована главнымъ образомъ на данныхъ антропологіи.

Кромѣ того находимъ въ XV томѣ «*Вислы*» еще извлеченія изъ интересной статьи Rhamm'а: «Zur Entwickelung des Slawischen Speichers» (стр. 60—74) и переводъ лекцій С. Рейнаха «О Кельтской археологіи»; также обширный рефератъ подъ загл. «Новѣйшія направленія въ миѳологическихъ изслѣдованіяхъ» (стр. 580 — 589; 569 — 682), составленный г. Я. Карловичемъ на основаніи извѣстной подъ тѣмъ же заглавіемъ статьи чешскаго ученаго Іосифа Краля.

Наконецъ упомянемъ еще здѣсь, т. е. между статьями синтетическаго характера, о трехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ XIV томѣ «*Вислы*» и представленныхъ въ 1900 году въ качествѣ рефератовъ на III съѣздѣ польскихъ историковъ въ Краковѣ. Это статьи проф. А. Брюкнера: «Polska literatura średniowieczna», гдѣ авторъ подводитъ итоги разработкѣ памятниковъ польской средневѣковой литературы за послѣднія пятнадцать лѣтъ; далѣе, д-ра Я. Карловича: «Środkowość polszczyzny»; авторъ старается на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ изъ польскаго языка доказать, что «на польскихъ областяхъ славяне пережили послѣднюю эпоху своего общаго существованія и изъ нихъ именно вынесли языковую общность, которая въ послѣдствіи развилась въ отдѣльныя нарѣчія». Однако доводы, приводимые авторомъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ взглядовъ, съ лингвистической точки зрѣнія, не вполнѣ убѣдительны. Наконецъ — рефератъ г. Р. Завилинскаго: «O potrzebie mapy etnograficznej polskiej» (стр. 807—810).

Перейдемъ теперь къ статьямъ описательнаго характера, очень часто иллюстрированныхъ отрывками изъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ. Г-нъ І. Радзюкинасъ даетъ статью подъ загл. «Dzuki»

(XIV, 42—54). Дзуки — это литовцы, живущіе въ южной части Сувалкской губ. Авторъ описываетъ пространство ими заселенное, ихъ жилища, хозяйство, одежду и т. под., вообще даетъ довольно полную характеристику быта, физическихъ и умственныхъ ихъ чертъ. Г-на Г. Смульскаго «Z wycieczki na Mazowsze pruskie» (XIV, 113—130; 284 — 298; 385—398)—это талантливо написанная статья, рисующая предъ глазами читателя всю жизнь прусскаго Мазура, его одежду, хозяйство, домашнюю обстановку, а также и все болѣе и болѣе распространяющуюся германизацію этой части польскаго народа; г. Э. Тепнера: «Pobrzeże Liwca» (XIV, 427—437) — это этнографическая характеристика населенія мѣстечка Венгрова и деревни Ливъ въ Сѣдлецкой губ.; Вл. Матляковскаго «Z letniej wycieczki do Beniszewa» (XIV, 517 — 523) — нѣсколько впечатлѣній туриста изъ путешентвія по части Калишской губ.; г. Г. Смульскаго: «O Kaszubach nadłebiańskich (XV, 152—172, 320—339)—обзоръ изслѣдованій о кашубахъ, живущихъ около озера Леба въ Помераніи. Авторъ вкратцѣ описываетъ также кашубовъ съ этнографической точки зрѣнія; наконецъ г-жа Б. Цѣхомская, въ статьѣ «Mazury z pod Kamienia» (XV, 411—423), даетъ этнографическую характеристику Мазуровъ изъ окрестностей Камѣня (въ средней Галиціи), а г. Я. Ф. Магѣра даетъ интересный матерьялъ для народной этимологіи (объясненій автора нельзя назвать удачными) въ статьѣ: «Uwagi nad przyswojeniami w gwarach naszych» (XV, 145 — 152).

Вотъ еще нѣсколько статей описательныхъ, касающихся отдѣльныхъ, частныхъ явленій изъ жизни простого народа.

Къ этого рода статьямъ принадлежатъ напечатанныя въ XIV томѣ: г. З. Битнера: «Notaty z przeszłości» (стр. 759—767), въ которой авторъ описываетъ, находящіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бѣльскаго уѣзда, курганы и приводитъ связанныя съ ними преданія; г. Ст. Чупрыковскаго: «Biłgorajanie i sitarstwo»—о жителяхъ Билгорая и выдѣлкѣ тканей изъ конскаго волоса (стр. 61 — 63), г. С. Глогера: «Ości i chrapki rybackie» (стр. 179 — 180), г-жи С. Ковалевской: «Obchód weselny», въ которой г-жа Ковалевская описываетъ свадьбу бѣлорусскаго народа въ вилейскомъ уѣздѣ (стр. 412 — 426), г-жи С. А. Коверской: «Tabaka i tytuń u ludu wiejskiego» — вмѣстѣ съ пѣснью и преданіемъ о происхожденія табака (стр. 67—69), г. М. Куча: «Gregorjanki» — народное празднованіе дня св. Григорія, 12 марта (стр. 73 — 76), того же: «Zwyczaj zawiadamiania o zgonie» (стр. 188 — 189) и «Łupicha-Kupicha» — о корчмѣ Твардовскаго «Римъ» (стр. 298); г-жи Лиліенталь: «Zaręczyny

i wesele żydowskie» (стр. 64—67); г. Л. Г.: «Obrzędy weselne na Niżu dnieprowym» (стр. 743 — 752); г. Г. Лопацинскаго: «Rycerze przy grobie Chrystusa» (стр. 311 — 312), г. Я. Магѣры: «Kowale Sułkowiccy»—Сулковицы, деревня въ Западной Галиціи, издавна слывущая кузнечнымъ промысломъ ея жителей (стр. 703 — 712); г. Р. Очиковскаго: «Opis ubrań włościanek z księstwa Łowickiego» (стр. 618), очень интересная статья съ прибавленіемъ раскрашенныхъ объяснительныхъ рисунковъ; г. С. Удзѣли: «Zabawa w anioly i djobły» (стр. 492—498) замѣтка по поводу статьи г. Млынка описывающей туже дѣтскую игру; г. Г. Зѣлинскаго: «Zwyczaje myśliwskie w Polsce» (стр. 753 — 757); г. Яновскаго: «Rysunki z piasku przed chatą» (стр. 314—317).

Въ слѣдующемъ же, XV томѣ, находимъ очень интересную статью г. Гурки: «Skulscy ochweśnicy» (стр. 1 — 7), т. е. торговцы образами святыхъ и т. под. изъ деревни Скульскъ, Калишской губ. Въ ихъ тайномъ говорѣ (авторъ собралъ и напечаталъ интересный словарикъ) находятся слова русскія и нѣмецкія, греческія и латинскія; д-ра Рутковскаго: «Gościccy Papaje w świetle podań szlacheckich» (стр. 273 — 284), очень интересная этнографическая характеристика мелкихъ шляхтичей (szaraczki), живущихъ въ деревнѣ Госьцице, въ сѣверной части Плонскаго уѣзда. Дополненіемъ къ этой статьѣ являются статьи г. Магѣры: «Papaje a Wilamowicanie» (въ западной Галиціи; стр. 887 — 494) и г. Садковскаго: «Wieś szlachecka Gościce» (734—738); далѣе укажемъ еще на статью г. Млынка: «O figurkach z soli», которыя выдѣлываютъ работники въ Величкѣ (стр 341—342).

Нѣсколько статей посвящено исключительно вѣрованіямъ и предразсудкамъ простого народа: г-жа Лиліенталь даетъ статью подъ загл.: «Przesądy żydowskie» (XIV, 318 — 639), г. Магѣра — «Wierzenia ludowe w okolicy Sułkowiec» (тамъ же, 55 — 61), а г. С. Удзѣля — очень богатый фольклористическій матерьялъ по этому же вопросу: «Swiat nadzmysłowy ludu krakowskiego po prawym brzegu Wisły» (часть II; т. XIV, 1—12, 132—141, 253—272, 399—411, 713—723; часть I печаталась въ XII и XIII томахъ «*Вислы*»). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о программѣ, присланной англійскимъ ученымъ Томасомъ: «Kwestjonarjusz o zabobonach, przywiązanych do zwierząt» (XIV, 682—684).

Изъ историко-статистически-этнографическихъ статей отмѣтимъ обстоятельный рефератъ г. Л. Василевскаго: «Z dziejów zachodniej granicy etnograficznej słowiańskiej» (XIV, 13 — 27), основанный

на данныхъ, имѣющихся въ прекрасномъ трудѣ Стеф. Коморницкаго: «Polska na zachodzie w świetle cyfr i zdarzeń Część I: Zabory i kolonizacja niemiecka na ziemiach polskich z szczególnym uwzględnieniem W. ks. Poznańskiego do roku 1848» (Львовъ, 1894, in 8°, стр. 351). Въ этомъ трудѣ г. Коморницкій на основаніи историческихъ и статистическихъ данныхъ представилъ постепенное движеніе германизаціи западныхъ областей заселенныхъ славянами земель съ древнѣйшихъ временъ до 1848 года. Г-нъ Б. В. въ статьѣ: «Ludność polska w ziemi chełmińsko-michałowskiej» (XIV, 602—617, 725 — 740), на основаніи списка народонаселенія съ 1 декабря 1895 года, высчитываетъ польское населеніе и отмѣчаетъ занимаемыя имъ области въ хелминско-михайловской землѣ, объясняя выводы многими таблицами; далѣе отмѣтимъ г-на Лазэнги: «Powiat Brodnicki» — историко-статистическая статья съ картой (XV, 29 — 51) и г. Г. Вѣрцинскаго: «Przyczynek do osiadłości kraju naszego» (XV, 316 — 320), въ которой авторъ сопоставляетъ статистическій матерьялъ, относящійся къ осѣдлости Люблинской губ.

Наконецъ назовемъ еще статьи: г. Г. Лопацинскаго: «Dwa przysłowia starożytne» (XIV, 69—71); г. В. Налковскаго: «Kronika gieograficzna za r. 1899» (XIV, 145, 304 и 439); г-жи А. Коверской: «O drzeworytach z Płazowa», съ рисунками (XIV, 700), и о томъ же предметѣ статью г. Маевскаго (XIV, 437, 700); далѣе гг. Маевскаго и Массоніуса: «Metodyka aforystyczna» (XIV, 365) и г. Ст. Здзярскаго: «Skarby w Tatrach» (XV, 590—594) — любопытныя извлеченія изъ рукописей о способахъ добыванія кладовъ въ Татрахъ, вмѣстѣ съ молитвами и заклинаніями.

Кромѣ выше перечисленныхъ монографій, статей обобщительныхъ и описательныхъ находимъ еще въ «*Вислѣ*» довольно большое количество сырого этнографическаго матерьяла: пѣсенъ и разсказовъ, записанныхъ изъ устъ простого народа съ болѣе или менѣе точнымъ сохраненіемъ діалектическихъ чертъ отдѣльныхъ говоровъ. Изъ такихъ статей въ XIV томѣ «*Вислы*» находимъ слѣдующія: «O królewiczu, co się chciał z siostrą żenić» (стр. 185—186), «O chłopakach zaklętych w ptaki» (стр. 600—602), записанныя въ Люблинской губ., «Jej łza»—три народныя легенды о возникновеніи рѣки Илжи (въ Радомской губ.) (стр. 299—303, 355—457), «Dwa podania ukraińskie o syrenach», напечатанныя вмѣстѣ съ объяснительной запиской (стр. 597—600), далѣе «Mysz, Żmija, Komar i Jaskółka», сказка. Въ XV же томѣ находимъ «Przepowiadki» (стр. 15—16)— краткіе разсказы изъ Юзвова, Люблинской губ., «Przysłowia rabi-

nów» (стр. 53—59; 343—354), «Kilka przesądów ze wsi Turowa», Радзинскаго уѣзда (стр. 177—183), «Tworząca się legienda», изъ Казимира Нижняго (стр. 200—201), «Głaz czartowski», легенда, записанная въ дер. Вельогуры, Сандомирскаго уѣзда—«Bajka o Paluszku», записанная въ дер. Черсьлѣ, Сѣдлецкой губ., Луковскаго уѣзда (стр. 478—480), «Baśni z okolic Zamościa i Krasnego stawu» (стр. 713—722) и «Podania dotyczące nazw i miejscowości w powiecie Tomaszowskim» (стр. 730—734).

Это все разсказы и легенды въ формѣ повѣствовательной; вотъ еще нѣсколько записей стихотворныхъ, это главнымъ образомъ пѣсни. Въ XIV томѣ: «Pieśń o ojcu z trzema córkami», варіантъ народной пѣсни о «Королѣ Лирѣ», записана въ Кѣлецкой губ. (съ нотами) (стр. 186—187); «Pieśni ludowe» изъ окрестностей Кжешовицъ въ западной Галиціи (стр. 273—283); «Notatki z Komornik», заключающія «przemówienia i śpiewki weselne» и «Piosenki», записанныя въ Коморникахъ, Вѣлюньскаго уѣзда (стр. 181—184) «Pieśni śląskie», (съ мелодіей) изъ окрестностей Цѣшина (Teschen), въ Австрійской Силезіи (стр. 524—527); часть собраннаго матерьяла напечатана уже авторомъ въ «*Вислѣ*» т. VIII, стр. 312 и слѣд., продолженіе же выше отмѣченнаго матерьяла находится въ XV томѣ (стр. 473—477). «Mowa drużbów zapraszających gości na wesele na Kujawach» (стр. 627—631); «Nowa pieśń ludowa» (съ нотами) (стр. 757—758) «Piosnki ludowe z Orońska»—Ороньскъ радомскаго уѣзда (стр. 312—314), «Piosnki na okrężnym», въ Гостинскомъ уѣздѣ (стр. 72—73); «Piesń o królu Sobieskim»—изъ Бжескаго уѣзда въ Галиціи (стр. 187—188). Къ этой пѣснѣ г. С. Здзярскій прибавилъ библіографическую замѣтку, стр. 504.

Въ томѣ же XV находимъ: «Obrzędy weselne we wsi Masi», Бѣлостоцкаго уѣзда и «Pieśń dożynkowa»—тамъ-же (стр. 7—14); «Kołysanki z Ciechanowskiego», съ мелодіями (стр. 17—26); «Pieśn o Ameryce», изъ села Гумова Цѣхановскаго уѣзда (стр. 197—199) «Krakowiaki» изъ деревни Ленки Бжескаго уѣзда (стр. 202—204), «Betlejki», изъ Лидзкаго уѣзда Виленской губ. (стр. 401—411); «Pieśni ludowe z powiatu Sokólskiego», Гродненской губ. (стр. 463—473); «Opis wesela w Biedrzychowie», Опатовскаго уѣзда, Радомской губ. (стр. 566—579) и «Pieśni ludowe», изъ дер. Запніовъ Илжецкаго уѣз., Радомской губ. (стр. 739—742).

Наконецъ находимъ здѣсь еще и сербскія пѣсни Вука Караджича въ польскомъ переводѣ Изидора Коперницкаго («Pieśni Serbskie»: XIV, 321—331, 447—455, 645—650; XV, 595—613) и пе-

реводъ г. А. Фреймана отрывка изъ «Шахнамэ» поэмы персидскаго поэта Фирдуси.

Кромѣ этого каждый выпускъ—всѣхъ шесть въ годъ—заключаетъ много мелкихъ статей, замѣтокъ и программъ въ особомъ отдѣленіи озаглавленномъ: «Poszukiwania» (Розыски). Этотъ матерьялъ распредѣленъ систематически по содержанію въ соотвѣтствующихъ группахъ, съ отдѣльными заглавіями, повторяющимися въ разъ установленномъ порядкѣ въ каждомъ выпускѣ «*Вислы*». Вотъ заглавія нѣкоторыхъ группъ: «Народная медицина», «Польская этнографическая область», «Крестьянская изба», «Пословицы», «Топографическія названія», «Писанки», «Ивановъ огонь» («Sobótka»), «Шведы, Татары, Турки» (легенды о нихъ), «Дзетацизмъ» («Mazurzenie») и т. под.

Далѣе находимъ отдѣлы: «Критики и библіографіи» и «Обзоръ періодическихъ изданій», въ которыхъ довольно часто встрѣчаются очень обстоятельные разборы многихъ сочиненій и изданій, посвященныхъ главнымъ образомъ польской этнографіи и ближайшимъ ей областямъ знанія. Въ концѣ каждаго выпуска находимъ мелкія статьи, извѣстія о научныхъ предпріятіяхъ, некрологи и т. под.

Мы уже въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ отмѣтили, что многія пѣсни записаны съ мелодіями (ноты); кромѣ этого находимъ еще въ XIV томѣ значительное количество рисунковъ, плановъ и т. под. на восемнадцати таблицахъ, изъ которыхъ двѣ раскрашены (народные костюмы), а въ XV томѣ десять таблицъ и 43 рисунка въ текстѣ (по фотографическимъ снимкамъ: народные типы, постройки, домашняя обстановка и т. под.). Отмѣтимъ еще очень интересные рисунки съ объясненіями г. М. Вавженецкаго, представляющіе остатки старинныхъ деревянныхъ построекъ (XV, стр. 27, 77, 710).

Lud. Organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie pod redakcją D-ra Antoniego Kaliny z współudziałem D-ra Franciszka Kr̆eka i D-ra Jana Leciejewskiego. Tom VI. (Z tablicami i ilustracjami w tekście). We Lwowie 1900. Nakł. Towarz. Ludoznawczego, in 8°, str VIII+416.

Lud....... pod redakcją D-ra Antoniego Kaliny. Tom VII (z tablicami). We Lwowie 1901. Nakł. Tow. Ludozn., in 8°, str. IV+340.

Шестой и седьмой томы «*Люда*» за 1900 и 1901 годы соста-

вляютъ въ извѣстной степени лишь вмѣстѣ одно цѣлое. Причиною этого было то обстоятельство, что нѣкоторыя статьи и собранія матерьяловъ, которыхъ печатаніе начато въ VI томѣ, лишь въ VII, благодаря ихъ обширности — были окончены. Изъ этихъ статей назовемъ прежде всего статью г. Я. Виторта: «Filozofja pierwotna. Animizm.» (VI стр. 7, 113, 225, 321; VII, 1—29). Въ статьѣ этой авторъ представляетъ теорію анимизма, придерживаясь главныхъ основъ, указанныхъ и развитыхъ Эдуардомъ Тейлоромъ въ его извѣстномъ сочиненіи подъ загл. «Первобытная цивилизація». Трудъ г. Виторта вышелъ отдѣльной книгой и поэтому болѣе подробно о немъ распространяться здѣсь не будемъ. Отмѣтимъ только, что особую цѣну этому сочиненію придаетъ то обстоятельство, что авторъ пользовался также и матерьялами, собранными польскими этнографами какъ среди польскаго народа, такъ и среди иноземныхъ (труды: Я. Карловича, М. Федеровскаго, В. Сѣрошевскаго, С. Удзѣли, Я. Свѣнтка и др.). Вообще это одинъ изъ немногихъ въ польской фольклористической литературѣ трудовъ, старающихся извлечь общіе выводы изъ собраннаго уже матерьяла.

Далѣе находимъ статью д-ра Максимиліяна Гумпловича: «Polacy na Węgrzech» (VI, 277, 361; VII, 74, 192). Это весьма цѣнный и очень интересный этнографическо-статистическо-историческій трудъ, въ которомъ авторъ задался цѣлью высчитать по даннымъ историческимъ и этнографическимъ численность польскаго населенія въ Угріи. Большое количество интереснаго этнографическаго матерьяла приноситъ также работа г. Бронислава Густавича: «O ludzie podduklańskim w ogólności a Jwoniczanach w szczególności» (VI, 36, 126, 245, 340; VII: 43, 128, 241).

Д-ръ Ф. Крчекъ далъ три статьи подъ загл. «Przyczynki do drugiego wydania Księgi Przysłów S. Adalberga» — каждая содержитъ по сто пословицъ, прибаутокъ и поговорокъ (VI, 27; VII, 29, 205). «Księga przysłów» С. Адальберга по своему объему, плану и расположенію паремiографическаго матерьяла занимаетъ въ польской научной литературѣ выдающееся мѣсто. Уже вскорѣ послѣ появленія своего изданіе это было вполнѣ распродано и нынѣ по антикваріямъ составляетъ большую рѣдкость. Своимъ появленіемъ оно дало сильный толчекъ къ собиранію пословицъ; такъ напр. кромѣ поименованныхъ выше трехъ статей г-нъ Крчека г. Г. Гольдстейнъ издалъ три отдѣльныя брошюры: «Przyczynki do Księgi przysłów» (Варшава 1901—1902, in 8°, стр. 16, 12 и 16). Здѣсь припомнимъ еще и о каталогѣ библіотеки паремiографическаго со-

держанія г. Бернштейна въ Варшавѣ (см. нашу статью о *Польскихъ библіографическихъ изданіяхъ* въ «Извѣстіяхъ» т. VII, кн. 4, стр. 401).

Большое количество этнографическаго матерьяла находимъ въ трудѣ г. Іосифа Шнайдера: «Z kraju Hucułów» (VI, 157, 257, 351; VII: 65, 169, 259). Матерьялъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: народная медицина, народныя вѣрованія, ворожба, предразсудки, заклинанія; далѣе: разсказы, пословицы, загадки, пѣсни; словарикъ; описаніе охотничьяго промысла вмѣстѣ съ предразсудками (авторъ приводитъ три интересныя старинныя молитвы). Поименованный матерьялъ заключенъ въ V—X главахъ; начало этого труда, главы I—V, напечатаны были въ V томѣ «Люда».

Изъ числа менѣе обширныхъ статей обратимъ вниманіе на статью автора словаря кашубскаго языка г. Стефана Рамулта, а имено: «Kilka słów o słowеńcach pomorskich» (VI, 81—95), въ которой онъ опровергаетъ нѣкоторыя невѣрныя утвержденія («niektóre błędne twierdzenia»), заключающіяся въ статьѣ д-ра Надморскаго: «Słowińcy i szczątki ich języka», напечатанной въ V томѣ «Люда» (стр. 320—336). Здѣсь же г. Рамултъ защищаетъ свой трудъ «Statystyka ludności kaszubskiej» въ виду того, что въ поименованной выше статьѣ д-ръ Надморскій сомнѣвается въ достовѣрности собранныхъ имъ, среди славянскаго населенія на Поморьѣ, статистическихъ данныхъ.

Статьи: д-ра Ст. Э.-Радзиковскаго: «Styl zakopiański» (VI, 172—193) имѣетъ характеръ лишь информаціонный; г. Збигнѣва Паздры: «Proces o pereрiczką» (VI, 263 — 276)—приноситъ нѣсколько интересныхъ документовъ для исторіи колдовства.

Редакторъ журнала проф. А. Калина напечаталъ въ VI томѣ двѣ статьи. Одна передовая, подъ загл. «Pierwsze pięciolecie» (стр. 1 — 6) даетъ картину развитія львовскаго этнографическаго общества издающаго «*Lud*»; другая—«Ludoznawstwo na III zjeździe historyków polskich w Krakowie w r. 1900» (стр. 372—385)—знакомитъ читателя съ содержаніемъ и характеромъ рефератовъ, прочтенныхъ и бывшихъ предметомъ обсужденія на краковскомъ съѣздѣ.

Далѣе находимъ статьи: д-ра Вл. Семковича: «Dwa przyczynki do historji wierzeń ludowych» (стр. 385 — 391), г. Б. Кричинскаго: «Pieśni hailkowe» (стр. 161), г. Яна Магѣры: «Początki kowalstwa w Sułkowicach» (стр. 290), наконецъ г. С. Удзѣли: «Wzory haftu birałego ludu krakowskiego» (таблицы: V—VIII).

Въ VII томѣ заключаются еще слѣдующія статьи: д-ра В. Брух-

нальскаго: «Djabeł w Okszy 1649 roku» (стр. 146—150); Окша—это «genorosorum Reiorum avita et haereditaria possessio», мѣстечко, основанное праотцемъ польской поэзіи Николаемъ Реемъ въ 1554 году, бывшее долгое время, не смотря на сильную католическую реакцію, главнымъ центромъ процвѣтающаго протестантизма. Исторія объ окшанскомъ чортѣ бросаетъ очень интересные лучи на исторію польскаго протестантизма и обычаи въ Польшѣ въ XVII столѣтіи

Очень важный и животрепещущій вопросъ затронутъ г. Ст. Цишевскимъ въ статьѣ подъ загл. «O Atałykacie» (стр. 54—65, 150—168). Статья это строго научная, обоснованная на обстоятельномъ анализѣ извѣстныхъ этимологическихъ фактовъ. Терминъ «аталыкъ», какъ извѣстно, ввелъ въ соціологію М. Ковалевскій; служитъ онъ для обозначенія широко распространеннаго, до сихъ поръ еще среди народовъ Кавказа, обычая, по которому отецъ вскорѣ послѣ рожденія сына отыскиваетъ для него «аталыка» т. е. воспитателя, которому и поручаетъ своего сына на воспитаніе. Послѣдствія, истекающія изъ этого обычая, имѣютъ большое значеніе въ семейныхъ отношеніяхъ, ибо воспитанникъ часто оказывается болѣе привязаннымъ къ «аталыку», чѣмъ къ родному отцу, котораго часто очень продолжительное время совсѣмъ даже не видѣлъ. Въ своей статьѣ авторъ доказываетъ, что аталыкатъ, какъ соціальная институція, существовалъ въ Польшѣ еще въ XIII вѣкѣ. О польскомъ однако названіи мы ничего не знаемъ; намъ извѣстны лишь латинскія названія: *nutritor*, *paedagogus*. Гипотеза проф. Ѳ. Войцѣховскаго, что эти послѣднія звучали въ польскомъ яз. «piast», не выдерживаетъ, какъ это доказалъ проф. Алекс. Брюкнеръ, строгой критики. По мнѣнію г. Цишевскаго нутриторы и педагоги не были также первично, какъ это полагалъ проф. Войцѣховскій—государственными чиновниками (urzędnikami).

Далѣе находимъ статьи: г. Бр. Густавича: «Zabobony myśliwskie» (стр. 282), г. Яна Якубца: «Przyczynek do oznaczenia granicy Lachów» (256—259), г. Ю. Яворскаго: «Kumać po lembersku. Przyczynek do słownika lwowskiej gwary złodziejskiej» (276—281), г. К. Качмарчика: «Proces o czarostwo w r. 1688 i 1689» (302—322), г. Л. Млынка: «Pisanki wielkanocne w Zachodniej Galicji» (176—180), г. Сев. Удзѣли: «Cepy» (272—275)—описаніе этого земледѣльческаго орудія (цепъ); любопытенъ способъ измѣренія его отдѣльныхъ частей. Къ статьѣ приложенъ соотвѣтствующій квестіонарій. Далѣе: г-жи М. Вислоуховой: «Z ust górala zakopiańskiego» (181—192), г. М. Жмигродзкаго три статьи: «Kongres

folklorystów w Paryżu 1900 r.», «Historja pierwotnej religji» (о т. наз. «свастикѣ») и «O megalitach w Europie»; наконецъ въ томъ же томѣ находимъ обширную статью г-жи И. Піонтковской подъ загл. «Zamek sieradzki w historji i powieści ludowej» (стр. 113—128). Какимъ образомъ статья эта попала въ «Людъ»—остается загадкой, ибо какъ для этнографа такъ и для историка—она всецѣло безполезна. Матерьялъ — недостовѣрный, обработка — популярная, наивная.

Кромѣ перечисленныхъ выше статей, рефератсовъ и сборниковъ матерьяловъ находимъ еще въ VI и VII томахъ «Люда» цѣлый рядъ мелкихъ статей, замѣтокъ и справокъ, которыхъ болѣе значительное накопленіе представитъ съ теченіемъ времени весьма цѣнный матерьялъ для этнолога и фольклориста. Отдѣлъ рецензій и рубрика «Sprawy towarzystwa» дополняютъ содержаніе «Люда».

Тамбахъ въ Тюрингіи,
сентябрь 1902.

Генрихъ Улашинъ.

Нѣкоторыя опечатки.

Изъ VIII т. Извѣстія Отд. р. яз. и сл. кн. 2 и 3. Статья Пл. А. Кулаковскаго: Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ.

	Стран.	Строка		Напечатано:	Надобно:
кн. 2-я	275	снизу	4	Іакшичъ	Якшичъ.
	277	сверху	4	Леопольдомъ III	Леопольдомъ I
	288	»	2	Стефана	Софронія
	305	»	17	Головинъ	Головкинъ
кн. 3-я	196	снизу	1	задорскаго	задрскаго
	202	»	13	Розенблюма	Розенблюта.
	258	»	6	Поповичъ	Іоанновичъ.

Общее содержаніе VIII тома (1903 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и заглавные листы VI и VII томовъ (1901 и 1902 гг.).

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

тома II-го, 1897. книжка 1-я — стр. 1—279. — Цѣна *одинъ рубль.*
» 2-я — » 281—575. — Цѣна *1 руб. 50 коп.*
» 3-я — » 577—844. — Цѣна *одинъ рубль.*
» 4-я — » 845—1164. + загл. листъ ко II тому и общее оглавленіе. Цѣна *1 руб. 50 коп.*

тома III-го, 1898. книжка 1-я—стр. 314 + Приложен. с. 1—48.
» 2-я— » 315—632+Приложен. с. 49—129.
» 3-я— » 633—968+Приложен. с. 1—67 и 1—42.
» 4-я— » 969—1396+загл. листъ къ III тому и общее оглавленіе. Цѣна каждой книжки *по 1 руб. 50 коп.*

тома IV-го, 1899. книжка 1-я — стр. 373+II+Приложен. с. 17+2 фототипич. снимка.
» 2-я — » 375 — 779 + 8 автотипич. снимковъ.
» 3-я — » 781—1152+Приложен. с. 1—32.
» 4-я — » 1153—1537+Приложен. с. 33—69, и загл. листъ къ IV т. и общее оглавленіе. Цѣна каждой книжки *по 1 р. 50 к.*

тома V-го, 1900. книжка 1-я — стр. 1— 369.
» 2-я — » 371— 746+Приложен. с. 1—21.
» 3-я — » 747—1073.
» 4-я — » 1075—1431 + загл. листъ къ V т. и общее оглавленіе, а также общее оглавленіе къ I—V томамъ Извѣстій (1896—1900 гг.). *Цѣна каждой книжки по 1 руб. 50 копеекъ.*

тома VI-го, 1901. книжка 1-я — стр. 1 — 358 + 1 таблица.
» 2-я — стр. 1 — 251 + I—XVI + 1—115.
» 3-я — стр. 1 — 361 + 2 таблицы.
» 4-я — стр. 1 — 372.
Цѣна каждой книжки по 1 руб. 50 коп.

тома VII-го, 1902. книжка 1-я—стр. 1—418
» 2-я—стр. I—XI и 1—421
» 3-я—стр. 1—404
» 4-я—стр. 1—432
} *по 1 руб. 50 коп.*

тома VIII-го, 1903. книжка 1-я—стр. 1—414. + общее оглавленіе т. VI—VII.
» 2-я—стр. 1—430.
» 3-я—стр. 1—427.
Цѣна каждой книжки *1 руб. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1904 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).